

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ASSOCIATES PROGRAM

In grateful recognition
of

**John Maynard
Class of 1962**

for generous support of the
Harvard College Fund

1992-1993

The Harvard College Library

Slav 2.0.

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛІХ.

57
88

1888.

СЕНТЯВРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1888.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
Программы испытанія въ комиссіи историко-филологической . . .	1
Н. И. Карѣевъ. „Паденіе Польши“ въ исторической литературѣ (продолженіе).	1
Н. И. Некрасовъ. Къ вопросу о значеніи А. С. Пушкина въ исторіи русскаго литературнаго языка	70
В. Г. Васильевскій. Обзорѣніе трудовъ по византийской исторіи (продолженіе)	98

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

О. О. Миллеръ. Капитальный трудъ по древне-русской литературѣ.	174
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Графъ Ѳеодоръ Петровичъ Литке. <i>В. Ве-</i> <i>зобразова.</i> С.-Пб. 1888	201
О. Г. Мищенко. Складскія древности. <i>А. Лапо-Данилевскаго.</i> С.-Пб. 1887	211
Н. А. Линиченко. <i>Г. Сенишовъ.</i> Историко-критическія изслѣдованія о новгородскихъ лѣтописяхъ и о русской исторіи В. Н. Та- тищева. М. 1887	221
— Книжныя новости	226
— Наша учебная литература (разборъ 10 книгъ).	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорское Общество исторіи древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ въ 1887 году	1
— Наши учебныя заведенія: Московскій университетъ въ 1887 году	10

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. А. Фотъ. Элогіи Секста Проперція. Кн. IV.	163
И. И. Холоднякъ. Къ надписи Оциціона Варбата	221

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Князь Н. Н. Голицынъ. Вибліографическій словарь русскихъ пи- сателей (продолженіе)	33
---	----

Редакторъ Л. Майновъ.

(Вышла 4-го сентября).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛІХ.

1888.

СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 70.
1888.

~~Р. Скв. 318.10~~

PSlav 318.10

Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

Екатеринославскія вѣст. д. № 78
2818

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (23-го іюля 1888 года). Правила о капиталѣ пожертвованномъ потомственной почетною гражданкою Марією Федоровною Морозовою Императорскому Московскому техническому училищу.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ тридцать тысячъ руб., пожертвованнаго потомственной почетною гражданкою Марією Федоровною Морозовою, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, ежегодно командируется за границу одинъ изъ воспитанниковъ, православнаго исповѣданія и русскаго происхожденія, окончившихъ курсъ въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ, для практическаго приобрѣтенія техническихъ знаній, могущихъ имѣть примѣненіе на существующихъ въ Россіи фабрикахъ и заводахъ.

§ 2. Означенный капиталъ заключается въ 5⁰/₀ государственныхъ бумагахъ, составляя неотъемлемую собственность названнаго училища и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ заведенія.

§ 3. Кандидаты для командировки избираются педагогическимъ совѣтомъ Императорскаго Московскаго техническаго училища изъ лицъ, указанныхъ въ ст. 1 сихъ правилъ.

§ 4. Протоколъ педагогическаго совѣта по сему предмету сооб-

щается Маріи Ѳеодоровнѣ Морозовой или мужу ея Тимоѳею Саввичу Морозову, для утвержденія состоявшагося избранія. Послѣ смерти Морозовыхъ утвержденіе избраннаго кандидата предоставляется попечителю Московскаго учебнаго округа.

§ 5. Время и условія командировки опредѣляются педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 6. Образовавшіися по какиѣмъ-либо причинамъ сбереженія при соединяются къ капиталу для приращенія его.

2. (25-го іюля 1888 года). Положеніе о преміи имени статскаго совѣтника Данила Гавриловича Кананова, при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ за лучшее сочиненіе по армянскому языку.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Тема на сочиненіе для соисканія преміи назначается совѣтомъ спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ на слѣдующихъ основаніяхъ.

§ 2. Тема должна относиться къ изученію армянскаго языка, или литературы или мѣологии, искусства и исторіи древней Арменіи.

§ 3. Тема задается одинъ разъ черезъ пять лѣтъ, а если средства дозволяютъ, то и чаще.

§ 4. Потребная на премію сумма образуется изъ ежегодныхъ остатковъ отъ процентовъ съ пожертвованнаго статскимъ совѣтникомъ Даниломъ Гавриловичемъ Канановымъ капитала, за удовлетвореніемъ расходовъ на содержаніе стипендіата, согласно особому о томъ положенію.

§ 5. Объявленіе о темѣ должно быть напечатано по крайней мѣрѣ за два съ половиною года до срока подачи сочиненія въ наиболѣе распространенныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ русскихъ, такъ по возможности, и заграничныхъ.

§ 6. Сочиненіе можетъ быть представлено на языкахъ: армянскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ.

§ 7. Если, по прошествіи опредѣленнаго числа лѣтъ, не будетъ подано ни одного сочиненія, то совѣтъ можетъ предложить на слѣдующій срокъ двѣ темы или одну съ удвоенною премією.

§ 8. Если въ распоряженіи совѣта останутся три не розданныя преміи, то одна изъ нихъ, по усмотрѣнію совѣта, причисляется къ капиталу.

§ 9. Если изъ числа поданныхъ сочиненій два окажутся одинаковаго достоинства, то совѣтъ можетъ раздѣлить премію между ихъ авторами.

§ 10. Если же изъ числа поданныхъ сочиненій ни одно не будетъ вполне соответствовать по своему объему или глубинѣ изслѣдованія заданной темы, то совѣтъ можетъ присудить автору лучшаго изъ этихъ сочиненій половину объявленной преміи, другую же половину причислить къ преміи послѣдующаго срока или же къ капиталу.

§ 11. Совѣту предоставляется въ случаѣ необходимости послать представленныя сочиненія на разсмотрѣніе какого-либо русскаго или иностраннаго ученаго и за подобный письменный отзывъ наградить рецензента денежною выдачею, въ размѣрѣ до ста руб., которые должны быть вычтены изъ преміи на слѣдующій срокъ.

§ 12. При могущихъ представиться въ будущемъ какихъ-либо не предусмотрѣнныхъ случайностяхъ совѣту спеціальныхъ классовъ и начальству Лазаревскаго института предоставляется передать право распоряженія преміею или факультету восточныхъ языковъ при С.-Петербургскомъ университетѣ, или Россійской Академіи Наукъ съ соблюденіемъ всѣхъ вышеуказанныхъ условий.

3. (26-го іюля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени полковника Михаила Петровича Самойлова при Пермской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На собранный по добровольной подпискѣ въ средѣ жителей Пермской губерніи капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ на сумму три тысячи четыреста руб. учреждается при Пермской мужской гимназій стипендія имени умершаго полковника Михаила Петровича Самойлова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназій и составляетъ неотъемлемую ея собственность, оставаясь на вѣчное время неприкосновеннымъ.

§ 3. На проценты съ этого капитала, за удержаніемъ въ пользу казны сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, содержится въ гимназій одинъ стипендіатъ, отличающійся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами.

§ 4. Выборъ стипендіата изъ дѣтей жителей Пермской губерніи всѣхъ сословій предоставляется начальнику Пермскаго губернскаго

жандармскаго управленія и, въ случаѣ упраздненія этой должности, педагогическому совѣту названной гимназій.

§ 5. По окончаніи стипендіатомъ полного курса гимназій и при желаніи его продолжать образованіе, предоставляется педагогическому совѣту гимназій, по соглашенію съ начальникомъ Пермскаго губернскаго жандармскаго управленія, помѣстить стипендіата сего въ высшее учебное заведеніе и причитающіяся на стипендію процентныя деньги употреблять на содержаніе его въ означенномъ заведеніи, пока онъ будетъ успѣшно проходить въ немъ курсъ.

§ 6. По освобожденіи стипендіи, избирается тѣмъ же порядкомъ, какъ указано выше, новый стипендіатъ въ Пермскую гимназію.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ, если стипендія не будетъ временно замѣщена достойнымъ кандидатомъ, получаемые по капиталу проценты должны быть обращаемы въ государственныя процентныя бумаги и причисляемы къ стипендіальному фонду для увеличенія послѣдняго; къ сему же фонду причисляются и пожертвованія, если таковыя поступить по учрежденіи означенной стипендіи.

4. (28-го іюля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени дворянки Маріи Павловны Макиной при Костромской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго дворянкою Марією Павловною Макиною капитала въ двѣ тысячи руб. учреждается при Костромской мужской гимназій стипендія имени завѣщательницы.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ Костромской гимназій въ мѣстномъ казначействѣ и составляетъ неотъемлемую собственность этого учебнаго заведенія, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на вносъ платы за ученіе стипендіата, остающіяся же затѣмъ деньги выдаются ему на руки.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ Костромской гимназій изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ этого заведенія, заслуживающихъ того по своему поведенію и успѣхамъ.

§ 5. Стипендіатъ лишается стипендіи въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или, если останется въ томъ же классѣ на второй годъ по малоуспѣшности, происшедшей отъ нерадѣнія, и на мѣсто его опредѣляется другой ученикъ, болѣе достойный.

§ 6. Могущіе образоваться по случаю незамѣщенія стипендіи остатки отъ процентовъ употребляются на выдачу единовременныхъ пособій стипендіатамъ, окончившимъ успѣшно гимназическій курсъ и изъявившимъ желаніе поступить въ высшія учебныя заведенія для продолженія образованія. Размѣръ сихъ пособій зависитъ отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта той же гимназій, на выдачу же ихъ испрашивается разрѣшеніе начальства Московскаго учебнаго округа.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

5. (3-го августа 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Владиміра Питры при Ростовской на Дону мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ семь тысячъ руб., пожертвованнаго вдовою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Марією Александровною Питрою, учреждается при Ростовской на Дону гимназій одна стипендія имени Владиміра Питры.

§ 2. Изъ процентовъ съ означеннаго капитала подлежатъ удержанію въ казну суммы, слѣдующія, на основаніи закона 20-го мая 1885 года, въ сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

§ 3. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ 5% бумагахъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 4. Назначеніе стипендіата изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ пятаго класса Ростовской на Дону гимназій, православнаго вѣроисповѣданія предоставляется педагогическому совѣту названной гимназій.

§ 5. Избранный стипендіатъ, во время пребыванія въ V и VI классахъ, получаетъ въ стипендію по сто пятьдесятъ руб. въ годъ, въ VII и VIII классахъ—по двѣсти руб. ежегодно, а по поступленіи въ университетъ—по триста руб.

§ 6. Изъ могущихъ образоваться по какой-либо причинѣ остатковъ отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала производится по усмотрѣнію педагогическаго совѣта заведенію уплата за право уче-

нія въ той же гимназіи бѣднѣйшихъ учениковъ, православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія классовъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

6. (3-го августа 1888 года). Положеніе о стипендіи имени князя Владиміра Андреевича Долгорукова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ тысячу двѣсти рублей, пожертвованнаго московскимъ мѣщанскимъ обществомъ, учреждается при Московскомъ университетѣ стипендіа имени князя Владиміра Андреевича Долгорукова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ заключается въ государственныхъ 5 % бумагахъ и хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя на вѣчныя времена неприкосновенную собственность Московскаго университета.

§ 3. На проценты съ стипендіального капитала въ 1,200 руб. ежегодно производится уплата въ университетъ за право слушанія лекцій однимъ наиболѣе нуждающимся студентомъ, безъ различія факультета, изъ лицъ московскаго мѣщанскаго сословія.

§ 4. Избраніе стипендіата принадлежитъ господину московскому генералъ-губернатору, по соглашенію съ правленіемъ университета.

§ 5. Если изъ процентовъ съ капитала, за уплатою упомянутыхъ въ ст. 3 денегъ, произойдетъ остатокъ, то таковой выдается стипендіату на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій.

7. (10-го августа 1888 года). Положеніе о стипендіи имени С. М. Соловьева при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Стипендіа составляется изъ процентовъ съ капитала въ 6,400 рублей, сдѣланнаго изъ суммы, собранной посредствомъ повсемѣстной по Имперіи подписки на преміи и стипендію имени С. М. Соловьева.

Примѣчаніе. 400 руб. прибавлены къ капиталу стипендіи на покрытіе купоннаго 5 % сбора, такъ чтобы стипендіа была не меньше 300 руб., согласно § 5 „Правилъ для составленія капитала на пре-

мію и стипендію имени С. М. Соловьева^а, утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія.

§ 2. Стипендія назначается студенту историко-филологическаго факультета, получившему выпускное свидѣтельство въ Московскомъ университетѣ и изъявившему желаніе готовиться къ испытанію на степень магистра всеобщей или русской исторіи.

§ 3. Стипендія назначается историко-филологическимъ факультетомъ Императорскаго Московскаго университета, послѣ того какъ профессорами всеобщей и русской исторіи будутъ засвидѣтельствованы успѣхи ищущаго стипендіи студента въ изученіи этихъ предметовъ.

§ 4. Стипендія назначается на два года и можетъ быть продолжена еще на одинъ или на два года—по представленію профессора, которому факультетомъ поручено наблюденіе надъ занятіями стипендіата, но послѣдній обязанъ получить дипломъ 1-й степени въ испытательной комиссіи не позднѣе полутора года по окончаніи университетскаго курса, а въ противномъ случаѣ лишается стипендіи.

§ 5. Стипендія можетъ быть совмѣщаема съ другою частною или казенною стипендіею, пока не возрастетъ до 600 руб. (см. слѣдующій §).

§ 6. Проценты, оставшіеся почему-либо не израсходованными, также суммы, имѣющія поступить по дальнейшей (со дня утвержденія настоящаго положенія) подпискѣ собственно на стипендію, а равно остатки отъ премій имени С. М. Соловьева (см. § 14 положенія о преміяхъ) причисляются къ капиталу стипендіи, послѣдніе впрочемъ лишь до тѣхъ поръ, пока стипендія не возрастетъ до 600 руб.

II. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Родная рѣчь. Русская хрестоматія для двухъ низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ В. Соколовъ. М. 1888. Въ 8-ку 259 стр. Цѣна 70 коп.“—одобрить какъ пособіе для двухъ низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Краткій учебникъ ботаники. И. П. Вородина, профессора С.-Петербургскаго Лѣснаго института. Съ 257 политипажами

въ текстѣ. С.-Пб. 1888. Цѣна 1 р. 75 к.“—одобрить, какъ руководство для реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и женскихъ гимназій.

— Книгу: „Nouvelle Chrestomatie française, extraits des meilleurs écrivains en prose et en vers des trois derniers siècles, par Alfred Anspach. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 766 стр. Цѣна 2 руб.“—одобрить въ качествѣ полезнаго пособия при преподаваніи французскаго языка въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Manuel de littérature française, par E. Fondet de Montussaint. Premier volume: jusqu'au siècle de Louis XIV. М. 1886. 175 стр. Цѣна 1 р. 75 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Juvenalis saturae cum lectionum varietate, commentariis, prooemiis et indice absoluto edidit Darius Nagulewski. Vol. I, prolegomena satiras I, II, III continens. Казань. 1888. Въ 8-ку 229 стр. Цѣна 4 руб.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Основанія метрики у древнихъ грековъ и римлянъ. Я. Денисова. М. 1888. Въ 8-ку 198 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.“—рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Г. Веркгауптъ. Пособіе къ чтенію и изученію Федра. Phaedri Fabulae Aesopiae. М. 1888. Въ 8-ку 122 стр. Цѣна 60 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

— Книгу: „Геометрическія задачи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составили Д. Гика и А. Муромцевъ. Часть I. Задачи плоской геометріи (1750 задачъ). Изд. 2-е. М. 1888. Стр. 176. Цѣна 75 коп.—Часть II. Задачи геометріи въ пространствѣ (1018 задачъ). М. 1880. Стр. 152. Цѣна 75 коп.— одобрить какъ весьма полезное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также для учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Весѣды по земледѣлію. „О воздѣлываніи картофеля и корнеплодовъ: свеклы сахарной и кормовой, моркови и рѣпы или турнепса“. В. Г. Котельниковъ. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 64 стр. Цѣна 25 коп.“—рекомендовать для библіотекъ учительскихъ и ученическихъ народныхъ школъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Учебникъ географіи. Составилъ А. Я. Гердъ. Часть II. Азія. Съ 25-ю рисунками и 5-ю картами въ текстѣ. С.-Пб. 1887. Въ 8-ку 98 стр. Цѣна 50 коп.— Часть III. Австралія, Полинезія, Африка и Америка. Съ 49-ю рисунками и съ 7-ю картами въ текстѣ. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 124 стр. Цѣна 75 коп.“—допустить въ видѣ пособія при преподаваніи географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Иллюстрированная учебная географическая хрестоматія. Часть вторая. Внѣ-европейскія страны. Составилъ Воронцовъ. С.-Пб. 1887. Въ 8-ку 238 стр. Цѣна 2 руб.“ — рекомендовать для ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Сераписъ. Романъ Георга Эберса. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. редакціи журнала „Наблюдатель“. С.-Пб. 1886. Въ 8-ку 281 стр. Цѣна 1 руб.“—одобрить для приобрѣтенія въ бібліотеки старшихъ классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Дѣтскія сказки. Разказалъ В. П. Авенариусъ. Съ 65-ю рисунками. С.-Пб. 1885. Въ 8-ку 200 стр. Цѣна 1 р. 60 к.“—одобрить для ученическихъ бібліотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ.

— Книгу: „Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ второй. Географія Австраліи, Африки, Ази и Америки. Составилъ А. Воронцовъ. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 79 стр. Цѣна 50 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Составленныя В. К. Андріевичемъ книги: 1) „Историческій очеркъ Сибири. Томъ III. Періодъ отъ 1742 до 1762 года. Томскъ. 1887. Въ 8-ку 337 стр. — Томъ IV. Періодъ Екатерининскаго времени. С.-Пб. 1887. Въ 8-ку 308 стр.“ и 2) „Краткій очеркъ исторіи Забайкалья отъ древнѣйшихъ временъ до 1762 г. С.-Пб. 1887. Въ 8-ку 237 стр.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Матеріалы для статистики Болгаріи, Фракіи и Македоніи, съ приложеніемъ карты народонаселенія по вѣроясповѣданіямъ. Составилъ В. Тепловъ. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 5 руб.“ — одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу для солдатъ и народа: „О подвигахъ русскихъ моряковъ. Разказъ IV. Петропавловскій бой и Камчатская эскадра адмирала Завойко. С.-Пб. 1883. Въ 8-ку 56 стр. Цѣна 25 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Св. равноапостольный князь Владиміръ и крещеніе Руси. Составилъ В. Д. Сиповскій. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 16 стр. Цѣна 10 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Г. министр народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) возвысить съ начала текущаго 1888—1889 учебнаго года плату за ученіе въ семи гимназическихъ классахъ Кѣлецкой женской гимназій съ 30 на сорокъ руб. въ годъ съ каждой ученицы; 2) увеличить съ начала 1888—1889 учебнаго года размѣръ платы за ученіе въ Сергіевскомъ Псковскомъ реальномъ училищѣ до тридцати одного руб. въ годъ съ cadaго ученика; 3) увеличить въ Нижегородской, Калужской, Смоленской и Тульской гимназіяхъ съ начала 1888—1889 учебнаго года плату за ученіе съ 40 до сорока шести руб. въ годъ съ cadaго ученика; 4) возвысить съ наступающаго 1888—1889 учебнаго года плату за ученіе приходящихъ учениковъ С.-Петербургскаго 1-го реальнаго училища съ 50 до шестидесяти руб. въ годъ и за содержаніе своекоштныхъ пенсионеровъ съ 360 до четырехсотъ руб. въ годъ съ cadaго ученика; 5) увеличить съ начала 1888—1889 учебнаго года размѣръ платы за ученіе во всѣхъ классахъ Кіевской 3-й гимназій до пятидесяти шести руб. съ cadaго ученика; 6) уменьшить размѣръ платы за ученіе въ Вяземской гимназій до тридцати руб. и въ Рославльской прогимназій—до двадцати пяти руб. съ cadaго ученика; 7) увеличить съ начала 1888—1889 учебнаго года размѣръ платы за ученіе въ Кишиневской 1-й гимназій до шестидесяти руб. съ cadaго ученика, и 8) увеличить съ начала 1888—1889 учебнаго года размѣръ платы за ученіе въ Кіевской 1-й гимназій до шестидесяти руб. въ годъ съ cadaго ученика.

— Съ 1888—1889 учебнаго года при Брянской женской прогимназій открывается 4-й классъ.

ПРОГРАММЫ ИСПЫТАНІЯ ВЪ КОММИССИИ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ.

А. ПО ПРЕДМЕТАМЪ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМЪ.

І. По предметамъ классической филологіи.

1. Интерпретація греческихъ и римскихъ авторовъ составляетъ главное основаніе всего историко-филологическаго испытанія. Согласно съ § 2-мъ экзаменныхъ требованій, п. 5-мъ § 6-го правилъ о производствѣ испытаній и §§ 10-мъ и 15-мъ тѣхъ же правилъ, каждый испытуемый долженъ обнаружить начитанность преимущественно въ тѣхъ четырехъ авторахъ, на которыхъ онъ долженъ указать въ своемъ автобиографическомъ очеркѣ какъ на такихъ, коихъ онъ изучалъ съ особымъ вниманіемъ. Изъ этихъ четырехъ авторовъ одинъ по каждому языку долженъ быть изъ числа поэтовъ и одинъ изъ числа прозаиковъ и точно также по крайней мѣрѣ одинъ по каждому языку изъ числа читаемыхъ въ трехъ старшихъ классахъ гимназій (VI-мъ, VII-мъ и VIII-мъ).

Авторы, изъ коихъ допускается вышеозначенный выборъ, суть нижеслѣдующіе (съ обозначеніемъ курсивомъ тѣхъ изъ нихъ, которые читаются въ старшихъ классахъ гимназій):

а) Греческіе прозаики: Геродотъ, Оукидидъ, Ксенофонтъ, Платонъ, Лисій, Исей, Исократъ, Эскинъ, Демосеенъ, Полибій, Плутархъ, Арріанъ, Лукіанъ.

б) Греческіе поэты: Гомеръ, Гесіодъ, Аполлоній Родосскій, элегики, Пиндаръ, Эскилъ, Софокль, Эврипидъ, Аристофанъ, Эеокритъ.

в) Латинскіе прозаики: Цицеронъ, Квинтилианъ, Ливій, Тацитъ, Светоній, Сенека-философъ, Плиній Младшій (письма).

г) Латинскіе поэты: Плавтъ, Теренцій, Лукрецій, Горацій, Персій, Ювеналъ, Катуллъ, Тибуллъ, Проперцій, Овидій (*Metamorphoses, Fasti, Tristia, Ex Ponto*), Вергилій, Луканъ, Силій Италикъ, Стацій, Марціалъ.

При обширности или многочисленности произведеній какого-либо автора предоставляется указывать на какой-либо родъ или часть сихъ произведеній. Такъ, изъ произведеній Ксенофонта можно ограничиться Анабазисомъ, Меморабіліями, Киропедіей и Греческою исторіей (или же вмѣсто послѣдней „Экономикомъ“ и „Симпосіемъ“); изъ произведеній Платона, сверхъ діалога, избраннаго для экзамена изъ философіи, Апологіей, Критономъ и государствомъ, или же вмѣсто діалога о государствѣ слѣдующими пятью діалогами: Федръ, Федонъ, Пиръ, Протагоръ и Горгій; изъ Полибія—первыми 8-ю книгами; изъ Плутарха 10-ю параллельными біографіями; изъ Гомера Илиадою или Одиссеей; но за то Лисій, Исократъ, Исей и Эскинъ считаются какъ бы за одного автора. Изъ произведеній Цицерона можно указать или на рѣчи его, или на философскія сочиненія, или на сочиненія риторическія съ присоединеніемъ къ нимъ писемъ отъ него и къ нему, изъ Ливія на одну какую-либо декаду, изъ Тацита или на *Анналы*, или на всѣ прочія его сочиненія; Персій и Ювеналъ принимаются какъ бы за одного автора, равно какъ Катуллъ, Тибуллъ и Проперцій.

Для доказательства своей начитанности въ указанныхъ авторахъ (съ вышеозначенными ограниченіями) испытуемый долженъ, по требованію экзаменаторовъ, 1) устно представить краткое аналитическое обзорѣніе содержанія какъ цѣлаго произведенія, такъ и каждой отдѣльной части онаго, съ надлежащею его характеристикой историко-литературною, а также въ отношеніи языка и слога, и 2) обнаружить полное пониманіе любаго изъ предложенныхъ ему текстовъ посредствомъ близкаго, правильнаго и по возможности изящнаго перевода на русскій языкъ и отчетливаго объясненія со стороны грамматики (а при объясненіяхъ поэта, и со стороны метрики), древностей и мифологіи. Для болѣе точнаго опредѣленія вообще освоенности испытуемаго съ древними классическими языками какъ въ формальномъ, такъ и въ лексическомъ отношеніи, ему, по усмотрѣнію экзаменаторовъ, могутъ быть предлагаемы тексты и изъ другихъ авторовъ или сочиненій для объясненія *ex tempore*, при

чемъ, конечно, нельзя требовать той же точности и отчетливости знаний, особенно по части древностей и мнѳологій, какая предполагается при объясненіи изученныхъ прежде авторовъ для ихъ сочиненій.

Наконецъ, для вѳцпшаго опредѳленія развитости мышленія и способности испытываемаго къ самостоятельному труду въ области интерпретаціи древнихъ классическихъ авторовъ и стѳпони усвоенія имъ основаній филологической критики и экзегетики, онъ обязанъ въ своемъ автобиографическомъ очеркѳ указать, какія именно книги (или рѳчи, сочиненія, діалоги и т. д.) избранныхъ имъ четырехъ авторовъ были для него предметомъ особенно тщательнаго, всесторонняго изученія. Количество книгъ (рѳчей, сочиненій, діалоговъ и т. д.), бывшихъ предметомъ особенно тщательнаго изученія, опредѳляется: 1) относительною трудностью избраннаго автора или сочиненія; 2) обстоятельностью объясненій, которыя испытываемый обязуется дать, и 3) пособиями, существующими для толкованія каждаго текста. Такимъ образомъ, если 1) писатель очень труденъ, если 2) къ нему есть обширные и основательные комментаріи, изъ коихъ испытываемый беретъ отвѳчать, или если 3) на оборотъ, пособій къ нему мало, и объясненія, предлагаемыя испытываемымъ, выработаны болъшею частью имъ самимъ, то размѳръ текста, предъявляемаго имъ для такого болъше спеціального испытанія, можетъ быть ограниченъ для каждаго прозаика только двумя книгами (рѳчами, діалогами и т. д.), а для каждаго изъ поэтовъ даже одною книгой (одною комедіей, трагедіей и т. д.), тогда какъ, при отсутствіи вышеозначенныхъ условій, по каждому прозаику можно ограничиться не менъше какъ тремя книгами, а по каждому поэту не менъше какъ двумя. Къ труднымъ прозаическимъ произведеніямъ въ объясненіи выше смыслѳ причисляются рѳчи греческихъ ораторовъ (кромѳ Лисія и Исократы), исторія Фукидида, риторическіе и нѳкоторые философскіе трактаты: Цицерона (какъ то: *de oratore*, *de republica*, *de legibus*, *de officiis*), а также и письма Цицерона, *Анналы* и *Исторія Тацита*; къ труднымъ поэтамъ относятся Пиндаръ, Эсхиль, Аристофанъ, Плавтъ, Лукреціи и Проперціи.

Изъ этого сравнительно-небольшаго числа книгъ, рѳчей, діалоговъ, трагедій и т. д. избираются комиссіей цѳльные отрывки для письменнаго ихъ истолкованія, согласно съ § 10-мъ правилъ, на латинскомъ языкѳ (а для болъше слабыхъ и на русскомъ языкѳ), съ переводомъ сихъ мѳстъ на русскій языкъ, и съ тѳхъ же книгъ,

рѣчей и т. д. начинается и устное испытаніе, которое потомъ переходитъ къ другимъ сочиненіямъ тѣхъ же авторовъ и заканчивается, но усмотрѣнію комиссін, переводомъ и истолкованіемъ текстовъ изъ другихъ авторовъ.

При испытаніи преимущественно изъ тѣхъ книгъ, которыя были предметомъ особенно тщательнаго изученія, испытуемый долженъ показать на нѣсколькихъ примѣрахъ, что ему извѣстны основанія и приемы филологической критики и экзегетики.

Вообще же испытуемый обязанъ объяснить предлагаемые ему тексты со стороны грамматики (на сколько представится въ томъ надобность, а латинскіе и со стороны стилистики), со стороны исторіи литературы, древностей, а поэтовъ—и со стороны метрики.

По грамматикѣ твердость испытуемаго въ формахъ и синтаксическихъ оборотахъ, а для латинскаго языка и въ стилистикѣ, проявится главнѣйше по всѣмъ письменнымъ его работамъ (см. п. 5-й § 6-го и §§ 7-й, 10-й и 11-й правилъ о произв. испытаній); но основательность познаній его въ той и другой грамматикѣ не можетъ не обнаружиться и при устномъ толкованіи авторовъ, на что и обращается экзаменаторами должное вниманіе при объясненіи особенностей языка и слога толкуемаго автора. Въ частности, при объясненіи произведеній Гомера, Геродота и лирическихъ мѣстъ греческихъ трагедій, испытуемый долженъ умѣть объяснять особенности древне-греческихъ діалектовъ сравнительно съ аттическимъ.

При чтеніи текстовъ изъ поэтовъ обращается вниманіе на знаніе испытуемымъ просодіи и метрики и на точное соблюденіе имъ всѣхъ особенностей наиболѣе употребительныхъ метровъ, какъ-то: дактилическаго гексаметра и пентаметра, ямбическаго триметра, трохаическаго диметра и тетраметра, анапестическаго диметра и тетраметра, гликонеевъ и ферекратеевъ, а также и дохміевъ.

По мѣологіи, кромѣ знанія главныхъ божествъ грековъ и римлянъ и тѣхъ мѣовъ, которые встрѣчаются у читаемыхъ въ гимназіяхъ писателей, испытуемый долженъ обладать всѣми тѣми познаніями, которыя необходимы для полнаго пониманія и истолкованія избранныхъ имъ авторовъ.

По древностямъ греческимъ и римскимъ, кромѣ познаній, необходимыхъ для полнаго пониманія и правильнаго истолкованія избранныхъ авторовъ, испытуемый во всякомъ случаѣ долженъ знать древности государственныя въ объемѣ прилагаемыхъ при семъ программъ.

По исторіи греческой и римской литературы, испытуемый долженъ представить краткій очеркъ исторіи того рода или вида литературы, къ коимъ относится объясняемое имъ произведеніе, изложить вкратцѣ біографію автора и содержаніе его произведеній и указать на относящіяся къ нему наиболѣе выдающіеся труды ученыхъ, каковыя свѣдѣнія онъ во всякомъ случаѣ долженъ имѣть обо всѣхъ авторахъ, читаемыхъ въ гимназіяхъ. Объемъ требованій по исторіи греческой и римской литературы точнѣе обозначается въ прилагаемыхъ при семъ программахъ. Признается не излишнимъ замѣтить, что устное испытаніе по классической филологіи будетъ, главнѣйше, сосредоточиваться на истолкованіи греческихъ и латинскихъ текстовъ, всѣ же прочія дисциплины будутъ входить въ составъ сего испытанія въ качествѣ только вспомогательныхъ.

2. Программа испытанія изъ греческихъ государственныхъ древностей.

Греческое государство времени, изображаемаго Гомеромъ: царь, совѣтъ царя, народное собраніе. Войско; его вооруженіе и приемы военныхъ дѣйствій. Спартанское государство: спартиаты, періики, илоты; цари, совѣтъ старѣйшимъ, эфоры, народное собраніе. Войско. Общественное воспитаніе и порядки жизни гражданъ.

Аѳинская демократія: граждане, метики; рабы; приобрѣтеніе правъ гражданства. Роды и фратріи, филы и димы. Государственное управленіе: совѣтъ пятисотъ; народное собраніе; должностныя лица: способы ихъ избранія, ихъ отвѣтственность; архонты, стратиги, важнѣйшіе полицейскіе и финансовыя чиновники. Судоустройство и судопроизводство: виды судебныхъ дѣлъ; судъ присяжныхъ; ходъ судебного процесса; судъ ареопага; діэтеты и другіе судьи; наказанія. Законодательство: порядки изданія новыхъ законовъ. Финансы: главные источники государственныхъ доходовъ; литургіи; главныя статьи государственныхъ расходовъ. Войско и флотъ.

3. Программа испытанія изъ римскихъ государственныхъ древностей.

Краткій историческій очеркъ изученія римскихъ государственныхъ древностей со времени Нибура. Пособія.

Римское государственное устройство и управленіе, какъ преимущественныя отдѣлы римскихъ государственныхъ древностей.

а) Римское государственное устройство и управление въ периодъ царскій.

Свѣдѣнія о древнѣйшихъ поселеніяхъ на седмхолміи, впослѣдствіи занятомъ Римомъ. Черты быта этого населенія. Трибы родовня. Куріи. Роды. Различныя теоріи относительно происхожденія древнеримскихъ gentes. Jus gentilitium. Понятія: Cives, Quirites patricii, populus. Клиента и плебсъ. Историческій очеркъ его возникновенія и положенія въ государствѣ. Реформы Сервія Туллія. Трибы мѣстныя, классы и центуріи.

Возникновеніе и развитіе царской власти. Организация семьи, рода и общины. Объемъ власти римскаго царя. Fas и lex. Leges regiae. Власть царя религіозная, военная, законодательная и судебная. Избраніе царя. Interregnum. Creatio. Inauguratio. Auctoritas patrum. Отношеніе послѣдней къ lex curiata de imperio.

Пособники царя духовные и свѣтскіе. Коллегіи понтификовъ, авгуровъ, феціаловъ. Tribunus celerum. Praefectus urbis. Duumviri perduellionis. Quaestores parricidii.

Царская дума или советъ. Его составъ, численность и способъ пополненія. Компетенція сената царской эпохи.

Народныя собранія. Термины для собраній: concilia, contiones, comitia. Comitia calata. Comitia centuriata. Ихъ компетенція.

б) Римское государственное управление и устройство въ периодъ республиканскій.

А) Преданіе объ учрежденіи республиканской формы правленія. Отличіе ея отъ царской. Магистраты, какъ преемники царской власти. Отдѣленіе жречества отъ магистратуры. Rex sacrorum. Срочность и коллегіальность магистратуры.

Термины: potestas и imperium. Отдѣльныя права, предоставлявшіяся какъ potestas, такъ и imperium. Insignia магистратовъ.

Система магистратуры. Іерархическая градація и ея слѣдствія Intercessio. Obnuntiatio.

Условія для достиженія магистратуры. Процедура исканія и полученіе должности. Ambitus. Abdicatio.

Отвѣтственность магистратовъ.

Дѣленіе магистратовъ.

Отдѣльныя магистратуры. Постепенное ихъ возникновеніе. Secessio

plebis. X viri legibus scribundis. Tribuni militares consulari potestate.
III viri reipublicae constituendae.

Дидактика. Magister equitum.

Консулатъ.

Претура.

Цензура.

Народный трибунатъ.

Эдилство плебейское и курульное.

Квестура.

Magistratus minores. XX viri.

Magistratus extra ordinem creati.

Прислужники магистратовъ: scribes, lictores, viatores, praesones.

Accensi. Servi publici.

В) Сенатъ. Значеніе сената въ государственномъ управленіи періода республиканскаго. Составъ и численность сената. Пополненіе сената, до и послѣ lex Ovinia.

Права и обязанности сенаторовъ. Ихъ insignia.

Сенатскія засѣданія. Сенатскіе протоколы и рѣшенія.

Компетенція сената. Отношенія его къ комиціямъ и къ магистратамъ. Административная и исполнительная власть сената. Выпачательство его въ дѣла внутреннія и судебныя. Отношеніе его къ культу, финансамъ и государственному хозяйству. Участіе сената въ дѣлахъ международныхъ. Управление Италіей и провинціями. *Setum ultimum*.

В) Народныя собранія.

Comitia curiata періода республиканскаго.

Comitia centuriata. Ихъ составъ и способъ созванія. Ихъ реформа.

Подача голосовъ. Компетенція выборная, судебная, законодательная.

Comitia tributa. Ихъ развитіе изъ *concilia plebis*. Составъ и способъ созванія. Компетенція законодательная, судебная и выборная.

Г) Составъ римской гражданской общины времени республики.

Cives optimo iure. Ихъ права государственныя и частныя. *Jus conubii*. Понятія *manus* и *patria potestas*. *Jus commercii*. Правообязанности.

Сословія гражданскія. *Nobilitas* и *ius imaginum*.

Cives libertini. *Capitis deminutio*.

Peregrini. *Jus Latii*.

Servi. Отпущеніе ихъ на волю.

Д) Администрація.

Judicia publica. *Quaestiones perpetuae*. *Judicia privata*.

Финалсы. Государственные доходы и расходы. Администрация финансовъ.

Италія и провинція. *Coloniae* и *municipia*. *Lex provinciae*. Управление провинціями.

Международныя сношенія. Заключение мира и объявленіе войны.

Е) Общія понятія о римскомъ культѣ.

Ж) Общія понятія о римскомъ военномъ дѣлѣ.

в) Римское государственное управление въ періодъ Имперіи.

Общія понятія о принципатѣ. Его возникновеніе. Преемственность принципата. Его компетенція. *Tribunicia potestas* и *imperium proconsulare*. Отношенія къ сонату. Императорскій дворъ и штатъ. *Consilium*.

Praefectus praetorio. *Praefectus urbis*. *Praefectus annonae*. *Praefectus vigillum*. *Curatores*.

4. Программа испытанія по исторіи греческой литературы.

Сказанія и мифы древнихъ о родинѣ Гомера, времени и обстоятельствахъ его жизни и произведеніяхъ, ему принадлежавшихъ. Содержаніе Иліады и Одиссеи. Свойства формы этихъ поэмъ. Сущность наиболѣе извѣстныхъ гипотезъ относительно исторіи сложенія Иліады и Одиссеи. Общія понятія о дѣятельности вліятельнѣйшихъ изъ греческихъ грамматиковъ по критикѣ и толкованію Гомеровскаго текста. Важнѣйшія изданія Иліады и Одиссеи.

Сюжеты наиболѣе извѣстныхъ изъ числа такъ называемыхъ „клическихъ“ и Гесіодовскихъ эпоей.

Главныя особенности формы и преобладающія направленія въ содержаніи элегической и ямбической поэзіи; важнѣйшіе представители этихъ двухъ видовъ лирики. Извѣстнѣйшіе виды и наиболѣе выдающіеся представители молической поэзіи.

Ученіе Аристотеля о происхожденіи и первоначальныхъ свойствахъ трагедій. Эсхилъ: время его дѣятельности; сюжеты сохранившихся его трагедій.

Биографія Софокла; сюжеты сохранившихся его трагедій; важнѣйшія изданія.

Биографія Еврипида; сюжеты сохранившихся его драмъ; важнѣйшія изданія.

Свойства формы греческой трагедии.

Учение Аристотеля о происхождении комедии. Аристофанъ: время его дѣятельности; сюжеты сохранившихся его комедій. Общая характеристика особенностей содержания и формы древней аттической комедии. Главныя особенности новой аттической комедии.

Биографія Геродота; содержание, построение и изложение его исторій; важнѣйшія ея изданія.

Биографія Фукидида; содержание, построение и изложение его исторій; важнѣйшія ея изданія.

Биографія Ксенофонта; содержание „Анабасиса“, „Греческой исторіи“, „Киропедіи“ и „Воспоминаній“; свойства Ксенофоновскаго изложения; важнѣйшія изданія сочиненій Ксенофонта.

Биографія Платона; главныя свойства формы его діалоговъ; важнѣйшія изданія.

Горгій, какъ риторъ. Роды краснорѣчія. Хронологическій перечень ораторовъ декады. Важнѣйшія черты построения греческой судебной рѣчи. Биографія Лисія; значеніе его въ развитіи греческаго краснорѣчія.

Биографія Исократы; главныя свойства содержания и формы его произведеній; важнѣйшія изданія.

Биографія Демосеена; темы „Олинеикъ“, „Филиппикъ“, рѣчей: „противъ Лептина“, „противъ Мидія“, „противъ Аристократа“ и обѣихъ рѣчей противъ Эскина; главныя свойства Демосееновскаго краснорѣчія; важнѣйшія изданія его произведеній.

Извѣстнѣйшіе представители позднѣйшихъ періодовъ греческой литературы (Каллимахъ, Теокрытъ, Аполлоній Родосскій, Аратъ, Вабрій, Ноппъ, Полибій, Діодоръ Сицилійскій, Діонисій Галикарнаскій, Плутархъ, Арріанъ, Аппіанъ, Діонъ Кассій, Лукіантъ).

5. Программа испытанія по исторіи римской литературы.

Пособія при изученіи исторіи римской литературы.

1. Періодъ архангескій.

а) Поэзія. Сагмен. Сатурновъ стихъ. Гимны Саліевъ. Гимнъ Арвальскихъ братьевъ. *Sagmina convivalia. Naeniae. Elogia Versus Fescennini.*

б) Проза. Происхожденіе алфавита и введеніе нисьма въ Лаціумъ. Документы. Календарь. *Annales maximi. Leges regiae.* Законы XII таблицъ.

**II. Періодъ художественной литературы до Цицерона.
Вліяніе греческой цивилизаціи и литературы на Римъ.**

а) Поэзія. Ливій Андроникъ. Невій. Плавтъ. Енній. Пакувій. Цецилій Стацій. Теренцій. Аттій. *Fabula togata*. Аттеланы. Мимъ. Луцилій. Лукрецій. Катуллъ.

б) Проза. Анналисты. Катонъ Старшій. Ораторы. Цезарь. Саллюстій. Корнелій Непотъ. Варронъ Рочинскій.

III. Цицеронъ и его современники.

IV. Вѣкъ Августа.

а) Поэзія. Горацій. Вергилій. Тибуллъ. Проперцій. Овидій. Мавилій. Грацій. Германикъ Цезарь и Федръ.

б) Проза. Витрувій. Титъ Ливій. Помпей Трогъ.

V. Серебряная латынь.

а) Поэзія. Петроній. Персій. Луканъ. Кальпурній. Валерій Флаккъ. Силій Италикъ. Стацій. Марціалъ. Ювеналъ.

б) Проза. Веллей Патеркулъ. Сенека риторъ. Валерій Максимъ. Помпоній Мела. Курцій Руфъ. Сенека философъ. Плиній Старшій. Квинтилианъ. Фронтинъ. Тацитъ. Плиній Младшій. Светоній.

VI. Періодъ упадка.

а) Поэзія. Авзоній. Клавдіанъ. Намаціанъ. Сидоній Аполлинарись.

б) Проза. Флоръ. Фронтоъ. Гай. Авлъ Геллій. *Scriptores Historiae Augustae*. Симмахъ. Амміанъ Марцеллинъ. Вегецій. Макробій. Присціанъ. Кассіодорій. Исидоръ Севильскій.

При мѣчанію. Не излишнимъ признается обратить особенное вниманіе имѣющихъ подвергнутъ испытанію на § 4-й экзаменныхъ требованій, согласно съ которымъ по отношенію къ авторамъ, читаемымъ въ гимназіяхъ, требуется не только знакомство съ эпохой, когда они жили, съ ихъ біографіей и содержаніемъ ихъ произведеній, но и съ относящимися къ нимъ наиболее выдающимися трудами ученыхъ, лучшими изданіями и т. п.

II. Программа испытанія по исторіи греческой и римской.

а) По исторіи Греческой.

Обозрѣніе источниковъ по исторіи Греціи. Начало греческой исторіографіи и Геродотъ.

Оукидидъ и дальнѣйшее развитіе греческой исторіографіи.

Эпиграфика; значеніе надписей, какъ источника для греческой исторіи.

Обозрѣніе новѣйшихъ трудовъ по исторіи Греціи: Гротъ, Дункеръ, Курціусъ и др.

Первоначальный бытъ древней Греціи; слѣды родового быта.

Государство и общество Гомеровскихъ поэмъ.

Дорическое движеніе. Исторія Спарты. Вопросъ о законодательствѣ Ликурга.

Спарта послѣ Ликурга до Персидскихъ войнъ. Эфоратъ. Мессинскія войны.

Начальная исторія Аѳинъ до Персидскихъ войнъ. Солонъ и его реформа.

Аѳины послѣ Солона. Пизистратъ и его преемники. Реформа Клисѳена.

Греческая колонизація. Тиранны.

Персидскія войны.

Греція въ эпохуThemistocles, Aristides and Cimons. Аѳинская гегемонія.

Периклъ и его реформы.

Пелопонесская война до Сицилійской экспедиціи.

Второй періодъ Пелопонесской войны.

Эпоха Фиванскаго преобладанія.

Образованіе и распространеніе Македонскаго могущества.

Походы Александра Великаго и начало еллинизациі востока.

Еллинистическія государства и еллинистическая образованность.

Исторія Греціи отъ Александра В. до обращенія ея въ римскую провинцію.

б) По исторіи Римской.

Общая свѣдѣнія о развитіи анналистики у римлянъ. Титъ Ливій.

Свѣдѣнія о древнихъ писателяхъ (кроме Ливія), которые могутъ служить источниками для исторіи Рима.

Заслуги Нибура по исторіи Рима.

Разработка римской исторіи послѣ Нибура.

Учрежденія Рима, восходящія къ царскому періоду.

Происхожденіе патриціевъ и плебеевъ; причины и ходъ борьбы между ними.

Вліяніе борьбы плебеевъ съ патриціями на исторію и учрежденія Рима до децемвирата. Трибунатъ и трибутныя комиціи.

Децемвиратъ и законы децемвировъ.

Вліяніе борьбы плебеевъ съ патриціями на исторію и учрежденія Рима отъ децемвирата до уравненія плебеевъ съ патриціями.

Распространеніе Римскаго владычества до завоеванія Италіи.

Организація Италіи подъ Римскою властью. *Ager publicus*, колоніи, муниципіи и союзники.

Распространеніе Римскаго владычества въ Италіи до эпохи Гракховъ.

Римскія провинціи во II вѣкѣ и управленіе ими.

Вліяніе римскихъ завоеваній на римскія учрежденія. Новая аристократія; пролетаріатъ.

Вліяніе римскихъ завоеваній на вѣрованія, бытъ и нравы римлянъ.

Попытки реформъ въ Римѣ до Гракховъ. Реформы Гракховъ и результаты ихъ.

Исторія римскаго войска. Преобразованія Марія. Союзъ Марія съ демагогіей.

Положеніе италиковъ во время реакціи послѣ Гракховъ; причины ихъ неудовольствія; война союзническая и результаты ея.

Сулла, его преобразованія и судьба ихъ.

Причины паденія республиканскаго строя въ Римѣ и возникновенія единоличной власти. Роль Помпея.

Цезарь и его значеніе въ исторіи императорской власти.

Августъ и установленный имъ принципатъ.

Императоры изъ Юліева и Флавіева дома. Тиберій; оцѣнка его личности и правительственной системы съ указаніями на взглядъ Тацита. Клавдій и Неронъ, Веспасіанъ и Титъ; іудейская война.

Центральная власть и управленіе провинціями въ Римской имперіи въ цвѣтущій ея періодъ. Муниципальныя учрежденія, культъ Августа, провинціальныя сеймы, августалы.

Отношенія римскаго общества къ имперіи, оппозиція стоиковъ. Борьба съ германцами.

Траянъ; завоеваніе и колонизація Дакии. Вопросъ о непрерывности романскаго населенія на сѣверѣ Дуная. Характеристика дѣятельности Адріана и Антониновъ.

Состояніе римскаго общества со времени Антониновъ: землевладѣніе (латифундіи) и земледѣліе (мелкая культура и аренда), сословныя отношенія; право. Уравненіе племенныхъ и національныхъ отличій, общія греко-римская культура.

Нравственное состояніе греко-римскаго міра при Антонинахъ и

Северахъ. Религіозный вопросъ, распадѣніе національнаго римскаго политеизма; мистеріи, восточныя культы, синкретизмъ, религіозно-примирительныя идеи стоиковъ; мистицизмъ новопитагорейцевъ. Отношеніе язычества къ христіанству.

Римскіе императоры III-го вѣка. Признаки и причины упадка, обнаруживающагося въ половинѣ столѣтія. Реставрація при императорахъ иллирійскаго дома.

Реформы Діоклетіана и Константина, централизація и бюрократія. Принятіе христіанства.

Борьба Рима съ варварами со времени Маркоманской войны. Мирная колонизація варваровъ въ предѣлахъ имперіи. Колонаты, его происхожденіе и значеніе.

Θеодосій Великій и его преемники. Состояніе Римской имперіи въ V вѣкѣ. Администрація, подати, войско. Гуннскій погромъ и прекращеніе Западной Римской имперіи.

Сверхъ того, отъ экзаменующагося требуется специальное знакомство съ какою-либо отдѣльной эпохой греческой или римской исторіи, основанное на непосредственномъ изученіи одного изъ важнѣйшихъ источниковъ этой исторіи: Геродота, Θукидида, Ксенофонта, Плутарха, Демосеена, Тита Ливія, Тацита и т. д. Для образца предлагается программа, составленная въ предположеніи, что испытуемый избралъ эпоху, для которой главнымъ источникомъ служитъ Θукидидъ.

1) Πεντηκονταετία Θукидида. Главныя эпиграфическіе документы, относящіеся къ этому періоду. Вопросъ о Калліовомъ мирѣ.

2) Война коринтянъ съ керкирейцами. Союзъ керкирейцевъ съ аеинянами. Битва при Сивотахъ. Надпись о выдачахъ на флотъ при архонтѣ Апсевдѣ.

3) Хронологическія затрудненія разсказа Θукидида о началѣ осады Потидеи, о переговорахъ предъ Пелопоннесскою войною, о началѣ Пелопоннесской войны. Разборъ мѣстной Вилламовица-Мёллендорфа.

4) Списки дани союзныхъ съ Аеинями городовъ. Труды Рангависа, Бека, Кёлера, Кирхгофа по обработкѣ этихъ надписей. Изслѣдованія Бувольта. Сумма ежегодной дани.

5) Подробное изложеніе фактовъ первыхъ двадцати лѣтъ Пелопоннесской войны по Θукидиду.

6) Мееонейскія постановленія.

7) Надпись о процентахъ займовъ изъ запасной казны.

8) Правленіе четырехсотъ въ Аеинахъ.

III. Програма испытанія по філософiї.

Краткія свѣдѣнія о філософскихъ ученiяхъ въ Греціи до Платона и Аристотеля:

Милетская школа: Өалесъ, Анаксимандръ, Анаксименъ.

Гераклитъ Өфосскій.

Пифагоръ, пифагорейскій союзъ, ученіе о числѣ и гармонiи.

Элейская школа: Ксенофанъ, Парменидъ и Зенонъ, ихъ соотношеніе.

Эмпедоклъ.

Анаксагоръ.

Атомисты. Левкиппъ и Демокритъ.

Движеніе софистическое и первое поколѣніе софистовъ: Протагоръ; Горгія; Гипсий и Продикъ.

Сократъ. Его жизнь и ученіе. Источники свѣдѣній о немъ и характеръ ихъ.

Краткія свѣдѣнія о Сократовскихъ школахъ; мегарской (Эвклидъ), цинической (Антисѣенъ) и кирѣнской (Аристиппъ).

Платонъ. Источники биографiи, жизнь его. Сочиненія, литературная форма ихъ. Содержаніе важнѣйшихъ діалоговъ. Вопросы о подлинности, времени написанія и соотношеніе ихъ.

Дѣленіе философіи Платона. Діалектика. Объясненіе термина. Логическіе приемы ея. Ученіе объ идеяхъ въ Федръ, Пиршествѣ, Федонѣ и Тимей. Происхожденіе ученія объ идеяхъ по Аристотелю. Соотношеніе идей.

Платонова физика. Измѣнчивый міръ въ противоположность негнѣнному. Ученіе о матерiи. Созданіе міра по Тимею. Міровая душа, ея дѣятельность и тѣло (четыре элемента). Вселенная какъ живое существо.

Ученіе Платона о душѣ человѣка. Происхожденіе и переселеніе душъ (Тимей, Федръ, Федонъ). Безсмертіе ихъ (Фодръ, Менонъ, Республика, Тимей и Федонъ). Разныя стороны души.

Платонова этика. Цѣль человѣческой дѣятельности и средства ея осуществленія; добродѣтели. Цѣль и устройство государства. Два типа государства по Республикѣ и „Законамъ“.

Измѣненія въ ученiи Платона за послѣдній періодъ его жизни.

Школа Платона; древняя Академія.

Аристотель. Его жизнь и отношенія къ Платону. Сочиненія; до-

гическія: краткія свѣдѣнія объ органонѣ—о категоріяхъ, истолкованіи, двухъ аналитикахъ, топикѣ и софистическихъ доказательствахъ.—Составъ метафизики. Главныя біологическія и психологическія сочиненія. Никомахова этика, піитика, реторика.

Дѣленіе философіи Аристотеля. Ученіе о категоріяхъ, сужденіяхъ, умозаключеніяхъ, доказательствахъ: аподиктическихъ, діалектическихъ и софистическихъ.

Теоретическая часть ученія Аристотеля: метафизика. Происхожденіе и значеніе термина. Возраженія противъ Платона (1-я книга метафизики). Сущность и качество, форма и матерія, четыре рода причинъ, движеніе и первый Движитель.

Аристотелева физика. Опредѣленіе природы, четыре рода движенія, ученіе о τόκος и возраженія противъ хевόν. Ученіе о времени. Возраженія противъ атомистовъ. Двѣ міровыя области и ихъ элементы. Совершенная и несовершенная сторона вселенной.

Психологія Аристотеля. Возраженія противъ ученій Ксенократа, Емпедокла и Платона о душѣ. Понятіе о ней. Три рода одушевленія и соотвѣтствующіе каждому виды дѣятельности.

Практическая философія Аристотеля. Этика. Ученіе о благѣ, добродѣтеляхъ, и виды ихъ. Политика. Критика Аристотелемъ политическихъ идеаловъ Платона. Взглядъ на государство и типы его.

Піитика Аристотеля. Искусство и поэзія. Трагедія, ея составъ; комедія, происхожденіе ея. Пробѣлы въ піитикѣ.

Школа Аристотеля. Краткія свѣдѣнія о стоикахъ и эпикурейцахъ.

Логика. Опредѣленіе ея. Законы мышленія. Формы его. Понятія, опредѣленіе ихъ, содержаніе и объемъ, категоріи (по Аристотелю); разъясненіе содержанія понятій—опредѣленіе и его приемы; раскрытіе объема—дѣленіе. Сужденія. Опредѣленіе ихъ, виды по Аристотелю (объ истолкованіи). Умозаключенія, непосредственныя—превращеніе и противоположеніе, посредственныя — силлогизмы, фигуры и modi ихъ по аналитикѣ (1-й книгѣ 1-й анал.) Аристотели. Силлогизмы по различію сужденій-посылокъ. Индукція и додукція и главныя приемы ихъ. Четыре метода первой, анализъ и синтезъ второй.

Каждый изъ избранныхъ экзаменуемыхъ, по § 10-му экзаменныхъ требованій, діалоговъ Платона (Федръ, Феэтеть, Федонъ, Софистъ и Тимей) и трактатовъ Аристотеля (О душѣ, Никомахова Этика, Піитика, Политика, Метафизика), долженъ быть вполне извѣстенъ ему со стороны содержанія: необходимо отчетливо знать

ходъ мыслей, расчлененіе доказательствъ, важнѣйшіе трактуемыя въ сочиненіи философскіе вопросы, наиболѣе трудныя мѣста и способы ихъ разъясненія, при чемъ испытаніе начинается съ избранныхъ діалоговъ и трактатовъ и на нихъ главнѣйше сосредоточивается.

IV. Программа испытанія по исторіи искусствъ.

1) Основныя понятія, исторія науки, источники и пособія.

Различіе понятій: исторія искусствъ, археологія искусствъ, теорія искусствъ.

Сочиненія объ искусствѣ въ древней Греціи. Полемонъ. Павзанипъ. Ученые и собиратели въ Римѣ. М. Теренцій Варронъ, Плиніи, Витрувій.

Судьбы классическаго искусства въ первые вѣка христіанства; новое къ нему отношеніе, начиная съ XII вѣка; эпоха „Возрожденія“: раскопки и находки, реставраторы, антикваріи, путешественники, издатели.

Эпоха научнаго изученія классическаго искусства, начиная съ XVIII вѣка. Открытіе Геркуланума и Помпей. Ж. Л. Давидъ, Винкельманъ, Лессингъ.

Наиболѣе замѣчательныя изслѣдованія въ XIX вѣкѣ, касающіяся искусства древней Греціи и Рима и цивилизацій, предшествовавшихъ греческой (Египта, Персіи, Ассиріи и Вавилона).

2) Греческое искусство.

Начатки искусства въ Греціи. Сооруженія, приписываемыя циклопамъ и пелазгамъ. Тезауры. Раскопки въ Троѣ, Микенахъ, на островѣ Кипрѣ.

Устройство греческаго храма. Три ордена колонны: Дорическій, Ионическій и Коринтскій; составныя части колонны и ея антаблемана, пропорціи, детали.

Арханскій періодъ греческаго искусства. Древнѣйшіе памятники архитектуры и ваянія. Храмъ на островѣ Эгинѣ: Эгинскіе фронтоны. Древнѣйшая исторія живописи по Плинію.

Вѣкъ Перикла. Миронъ, Фидій, Поликлеть и ихъ школы. Памятники Лонискаго акрополи. Скопасъ, Пракситель, Лизиппъ и ихъ школы. Раскопки въ Олимпіи. Другіе архитектурныя и скульптурныя памятники той же эпохи.

Живопись времени Перикла и Александра Македонскаго. Полигнотъ, Зевксидъ и Паррасій, Апеллесъ.

Эпоха Діадоховъ. Школы Пергама и Родоса. Характеристика господствовавшаго направленія въ искусствѣ этой эпохи и памятники ея.

Историческій очеркъ художественныхъ типовъ: Зевса, Геры, Посидона, Деметры и Кори, Аполлона, Артомиды, Аонпы, Лроса, Афродиты, Гермеса, Діониса и другихъ божествъ.

Переселеніе греческихъ художниковъ въ Римъ. Ограбленіе греческихъ городовъ.

3) Римское искусство.

Древнѣйшіе памятники Этрусскаго зодчества. Киклопическія сооруженія. Сводъ и арка. Устройство Этрусскаго храма. Гробницы. Ваяніе и живопись этрусковъ. Изобиліе найденныхъ надѣлій художественно-промышленнаго характера.

Сліяніе въ римской архитектурѣ греческаго элемента съ этрусскимъ. Римскій орденъ колонны (композитъ) и тосканскій орденъ. Римскіе храмы различнаго стиля. Круглые храмы (Тиволи, Пантеонъ).

Широкое примѣненіе въ римской архитектурѣ свода, арки, полуколоннокъ и пиластровъ. Примѣры на памятникахъ.

Памятники гражданской архитектуры: форумъ, базилика, триумфальная арка, монументальная колонна, театры и ихъ устройство, амфитеатры, термы, дворцы. Частные дома и виллы. Гробницы, колумбаріи, мавзолеи.

Ваяніе римской эпохи: общая характеристика; подражанія древнимъ образцамъ; декоративное направленіе; олицетворенія отвлеченныхъ понятій, городовъ, странъ; портретное искусство; изображенія иноземныхъ культовъ и т. д.

Живопись у римлянъ: свѣдѣнія, сообщаемыя Плиніемъ и Витрувіемъ; обиліе именъ римскихъ живописцевъ; стѣнная живопись Помпей и Геркуланума; картины, найденныя при раскопкахъ. Мозаика.

Золотой вѣкъ римскаго искусства (вѣкъ Августа). Строительная дѣятельность Нерона, Тита, Траяна, Адриана. Эпоха Антониновъ и Северовъ. Упадокъ языческаго искусства съ эпохи 30 тиранновъ (260 г. по Р. Х.) и до Θεодосія Великаго.

Общая понятія о керамикѣ; живопись на вазахъ греческихъ и римскихъ.

4) Главные моменты развитія искусства въ христіанскомъ мірѣ ¹⁾).

Катакомбы, ихъ живопись и символика.

Христіанскія базилика въ Римѣ и на Востокѣ, баптистеріи.

Византійская архитектура; стиль и особенности живописи въ Византии и въ Италіи до Чимабуе.

Распространеніе византійскаго искусства: въ Армѣніи, Грузіи, Сициліи; св. Маркъ въ Венеціи; St. Front de Périgueux; вліяніе на архитектуру арабовъ, турокъ и Индіи.

Россія. Церкви Кіева и Чернигова, Новгорода и Владиміра; московскій стиль; гражданская архитектура; деревянныя постройки. Иконное письмо Кіевское, Новгородское, Московское, Суздальское, Строгоновское, Фряжское.

Романскій стиль (plein cintre) въ Италіи и Сѣверной Европѣ.

Стиль стрѣльчатый (ogival) въ Германіи, Франціи, Италіи, Испаніи, Англии; style flamboyant.

Живопись и скульптура Западной Европы въ средніе вѣка.

Эпоха „Возрожденія“ (Renaissance), италіанскій стиль архитектуры, Ватсо, Россо, эпоха французской имперіи, Шинкель и новѣйшая архитектура.

Школы живописи: Римская, Флорентинская, Венеціанская, Испанская, Французская, Англійская, Нѣмецкая, Фламандская и Голландская. Живопись въ Россіи со времени Петра Великаго.

Вліяніе вромоль Италіанскаго Возрожденія и новѣйшаго времени. Канова. Торвальдсенъ.

Вышеизложенная краткая программа опредѣляетъ объемъ знаній, требуемыхъ отъ подвергающагося испытаніямъ, которыя производятся на основаніяхъ, указанныхъ въ § 9 экзаменныхъ требованій и § 15 правилъ объ испытаніяхъ. Испытуемому предлагаются рисунки архитектурнаго памятника, скульптурнаго, или образецъ живописи, по выбору испытательной комиссіи; онъ обязанъ изложить краткій историческій очеркъ эпохи, къ которой относится памятникъ, указать его историческія судьбы, если они извѣстны, объяснить его составныя части (анализъ, экзегезъ), его особенности въ сравненіи съ другими однородными памятниками и его значеніе въ исторіи искусствъ, спеціально же по архитектурѣ — припомнить терминологію строительныхъ и декоративныхъ частей и ихъ назначеніе.

---

¹⁾ См. § 9 экзаменныхъ требованій.

В. ПРОГРАММЫ ИСПЫТАНІЯ ПО ПРЕДМЕТАМЪ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМЪ ГРУППЫ А.

І. Программа испытанія по сравнительному языковѣднію и санскритскому языку.

Раздѣленіе языковъ. Краткая характеристика главных лингвистическихъ типовъ. Обзорніе индо-европейскихъ языковъ. Общая характеристика главныхъ ихъ представителей, особенно классическихъ, старославянскаго и санскритскаго языковъ.

Фонетика и основы звуковой физиологii.

а) Дѣленіе звуковъ. Гласные, согласные, двугласные, сонанты. Дѣленіе согласныхъ. Изложеніе функций звуковъ (простыхъ и сложныхъ) въ латинскомъ, греческомъ, старославянскомъ и санскритскомъ.

б) Значеніе и существенныя видоизмѣненія гласныхъ и согласныхъ въ главныхъ индо-европейскихъ языкахъ.

Основы сравнительной морфологii индо-европейскихъ языковъ.

а) Принципы словообразованія въ индо-европейской отрасли. Суффиксы первостепенные и второстепенные. Обзорніе главныхъ индо-европейскихъ суффиксовъ и ихъ функций.

б) Сравнительное обзорніе склоненія индо-европейскихъ номинальныхъ и прономинальныхъ темъ.

в) Видоизмѣненія прилагательныхъ. Сравнительная и превосходная степень. Числительныя.

г) Краткій очеркъ системы спряженія индо-европейскихъ глаголовъ. Глагольные разряды, личныя окончанія, времена, залогы, наклоненія, виды.

При испытаніи по санскритскому языку необходимо, чтобъ экзаменующійся самъ указалъ на какой-нибудь памятникъ, напримѣръ, на одинъ изъ болѣе легкихъ и извѣстныхъ эпизодовъ Махабхараты, какъ „Савитри“ и т. п., или на нѣсколько разказовъ Хитопадесы. При переводѣ избраннаго самимъ испытуемымъ памятника ему могутъ быть предлагаемы вопросы какъ по сравнительной грамматикѣ, такъ и по слѣдующимъ отдѣламъ санскритской:

а) По фонетикѣ—сочетанія гласныхъ, согласныхъ, объ измѣненіи и (зубнаго) и с. (висарги).

б) По морфологiи: о склоненiи основъ на согласные и гласные, объ образованiи степеней сравненiя, о склоненiи числительныхъ, мѣстоименiй и мѣстоименныхъ словъ, о десяти классахъ глагольныхъ корней, о временахъ и ихъ образованiи, о производныхъ глагольныхъ основахъ, о видахъ сложныхъ словъ.

II. Программа испытанiя по славянскому языкознанiю.

По грамматикѣ церковно-славянскаго языка.

Обзоръ важнѣйшихъ церковно-славянскихъ рукописей библейскаго, богослужбнаго, патристическаго, историческаго и смѣшаннаго содержанiя; старопечатныя церковно-славянскiя книги; изданiя и описанiя этихъ рукописей и книгъ.

Научная разработка церковно-славянскаго языка со времени Добровскаго и Востокова въ направленiяхъ сравнительномъ и историческомъ; литература церковно-славянской грамматики на западѣ и въ Россiи.

Историческiя судьбы церковно-славянскаго языка: его зарожденiе, распространенiе и измѣненiя подъ влiянiемъ живыхъ говоровъ, обзоръ и характеристика изводовъ (редакцiй) церковно-славянскихъ рукописей и книгъ.

Историческiй обзоръ церковно-славянской графики и орфографiи: кириллица и глаголица; основы церковно-славянской палеографiи; правописанiе церковно-славянскихъ памятниковъ.

Система гласныхъ церковно-славянскаго языка: ихъ природа, классификацiя и чередованiя, обусловленныя близостью выговора, влiянiями диалектическими, расположенiемъ въ составѣ слоговъ и словъ, взаимодействiемъ смежныхъ звуковъ, замѣнительнымъ усиленiемъ, подъемами и грамматической аналогiей.

Система согласныхъ церковно-славянскаго языка: ихъ природа, классификацiя и чередованiя, обусловленныя близостью выговора, влiянiями диалектическими, расположенiемъ, взаимодействiемъ смежныхъ звуковъ и грамматической аналогiей.

Морфологическое строенiе церковно-славянскихъ корней; измѣненiе ихъ вокализаци; строенiе префиксовъ, суффиксовъ, флексiй; строенiе основъ и словъ; морфологическая ихъ классификацiя.

Система склоненiй церковно-славянскаго языка: классификацiя склоненiй вообще, а именныхъ, мѣстоименныхъ и сложныхъ въ част-

ности; нормы этих склонений и отступлений от них по причинамъ звуковымъ и по аналогіи формъ.

Система спряжений церковно-славянскаго языка: ихъ классификація, нормы и уклонения по причинамъ звуковымъ и по аналогіи формъ; описательныя формы спряжения. Строение частицъ. Строение сложныхъ словъ.

Синтаксисъ простаго предложенія въ церковно-славянскомъ языкѣ сравнительно съ русскимъ: предложенія однокленные, двучленные, многочленные, главные и распространительныя члены; схемы согласованія и управленія; схемы словорасположенія. Значеніе членовъ и схемъ простаго предложенія.

Синтаксисъ сложнаго предложенія въ церковно-славянскомъ языкѣ сравнительно съ русскимъ: члены, связки и эллипсы сложнаго предложенія; схемы согласованія и управленія, сочиненія и подчиненія. Значеніе этихъ членовъ и схемъ.

По славянской діалектологіи

(со включеніемъ русскихъ говоровъ).

Площадь славянскихъ нарѣчій; численность ихъ населенія; основы классификаціи по ученію Добровскаго и его продолжателей.

О важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностяхъ нарѣчій: болгарскаго, сербо-хорватскаго, хорутано-словенскаго (словинскаго), угро-словенскаго (словацкаго) и чехо-моравскаго, сербо-лужицкихъ и польскаго, сравнительно съ церковно-славянскимъ языкомъ.

О важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностяхъ великорусскихъ (съ бѣлорусскими) и малорусскихъ говоровъ.

Примѣчаніе. Отъ испытываемаго требуется, сверхъ теоретическихъ свѣдѣній по славянской діалектологіи, еще умѣнье переводить легкіе отрывки съ одного изъ западно-славянскихъ и съ одного изъ южно-славянскихъ нарѣчій по собственному выбору каждаго.

III. Программа испытанія по русскому языку и литературѣ.

а) По русскому языку.

Мѣсто, занимаемое русскимъ языкомъ среди другихъ родственныхъ ему языковъ индо-европейской отрасли. Нарѣчія русскаго языка. Отношенія между устнымъ народнымъ и книжнымъ языкомъ. (Историч.

Грамм. русскаго языка, составл. О. Буславимъ. Москва 1868—1869: §§ 2—5). Исторія русскаго книжнаго языка. Азбука. Древнѣйшіе памятники русской письменности. Источники исторической грамматики русскаго языка (ib. §§ 13—17).

Отличительныя свойства русскаго языка отъ древне-церковно-славянскаго по отношенію къ употребленію полугласныхъ звуковъ *ѣ* и *ь* и носовыхъ (ib. §§ 27—28). О полногласіи русскаго языка (ib. § 29).

О смягченіи согласныхъ звуковъ въ древне-церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ: губныхъ, зубныхъ и гортанныхъ. Объ измѣненіяхъ согласныхъ звуковъ при сочетаніи ихъ между собою въ древ. церк. сл. и русскомъ языкахъ, то-есть, о переходѣ однихъ звуковъ въ другіе, опущенія и вставки согласныхъ звуковъ (ib. §§ 35—38).

Дѣленіе словъ по ихъ образованію: слова простыя и сложныя, первообразныя и производныя. Составныя части словъ: корни, приставки, суффиксы и флексіи. Извлеченіе корня изъ слова (ib. §§ 40—42). Система глагольныхъ корней (§ 49).

Дѣленіе глаголовъ въ древнемъ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ на спряженія. Глагольныя формы, образующіяся отъ темы настоящаго времени и отъ темы неопредѣленнаго наклоненія. Глаголы, представляющіе уклоненіе отъ общихъ законовъ спряженія въ древнемъ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ (ib. §§ 85—87).

Склоненіе мѣстоименій. Система склоненій именъ существительныхъ въ русскомъ языкѣ (ib. §§ 92—94). О существительныхъ именахъ, употребляющихся въ одномъ только единственномъ числѣ и въ одномъ только множественномъ (ib. § 98). О склоненіи прилагательныхъ формъ (ib. § 99) и именъ числительныхъ (§ 105).

Объ отношеніи языка къ мысленію (ib. §§ 106—118).

Составъ предложеній: главные и второстепенные члены предложеній. Выраженія ихъ и способы соединенія въ предложеніяхъ (ib. §§ 120—125). Виды предложеній. Предложенія главное и придаточное. Грамматическія средства, употребляемыя для соединенія простыхъ предложеній въ одно сложное. Предложеніе воединое (§§ 130—133).

Выраженіе представленія и понятія въ отдѣльномъ словѣ: 1) предметъ и его эпитетъ, 2) синонимы и тропы: а) метафора (грамматическій родъ), б) метонимія, в) синекдоха. Общій выводъ о синонимахъ и тропахъ (§§ 140—156).

Согласованіе словъ въ предложенія простымъ и сложномъ: 1) согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ; 2) согласованіе опредѣлительныхъ словъ съ опредѣляемыми; 3) согласованіе приложенія.—

Управленіе словъ: 1) значеніе падежей: родительнаго, дательнаго, винительнаго, творительнаго и мѣстнаго; 2) значеніе и управленіе предлоговъ и нарѣчій предложныхъ; 3) управляющія части рѣчи: глаголь, имя существительное и прилагательное §§ 236—259).

β) По русской литературѣ.

Нижеслѣдующія подробныя указанія опредѣляютъ мѣру того знакомства съ произведеніями русской литературы и народнаго творчества, какое предполагается въ испытуемыхъ § 13-мъ экзаменныхъ требованій.

XI вѣкъ.

- а) Поученіе Луки Жидята (Истор. Хр. Бусл. ¹⁾ стл. 891—894)
- б) Слово митрополита Иларіона о законѣ Моисеомъ данигѣмъ (И. Х. В. стл. 895—901; Р. Х. В. стр. 16—20).
- в) Посланіе св. Θεодосія Печерскаго къ великому князю Изяславу о постѣ въ среду и пятокъ и о Варяжской вѣрѣ (И. Х. В. 515—519; Рус. Хр. Бусл. 20—21) ²⁾. Слово Θεодосія о тропаряхъ или противъ пьянства (И. Х. В. 691—693).

г) Сочиненія преподобнаго Нестора: житіе св. Θεодосія Печерскаго (Рус. Хр. Бусл. 49—55); Лѣтопись (И. Х. В. стл. 456—464; Рус. Хр. В. 22—49).

XII вѣкъ.

а) Проповѣди Кирилла Туровскаго): 1) изъ слова въ новую недѣлю по Пасхѣ; 2) изъ слова на вознесеніе Господне; 3) изъ слова о скоромнившемъ семъ житиѣ (И. Х. В. 355—373; 499—503; Рус. Хр. В. 80—90).

б) Хожденіе паломника игумена Даниїла въ Іерусалимъ (И. Х. В. 656—667; Рус. Хр. В. 55—72).

в) Поученіе Владиміра Мономаха (И. Х. В. 464—471; Рус. Хр. В. 72—80).

г) Слово о полку Игоревѣ (И. Х. В. 581—594; Р. Х. В. 90—110).

XIII вѣкъ.

а) Посланіе св. Симона, епископа Владимірскаго, къ киевпечер-

---

¹⁾ Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ, составленная Θ. Буслисымъ. Москва. 1861.

²⁾ Русская христоматія. Памятники древне-русской литературы и народной словесности. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Θ. Буслаевъ Изд. 2-е Москва. 1870.

скому иноку Поликарпу, а Поликарпа къ кіевопечерскому архимандриту Акиндину (И. X. В. 763—769); Патерикъ Печерскій (См. Ист. русск. словесн. Галахова ¹).

Слово или моленіе Даніила Заточника (И. X. В. 617—642; Русск. Хр. В. стр. 121—132).

XV вѣкъ.

а) Задонщина (И. X. В. 1311—1334).

б) Просвѣтитель Іосифа Санина (И. X. В. 945—950).

в) Путешествіе Аванасія Никитина въ Индію (И. X. В. 966—969).

г) Повѣсть о Дракулѣ (И. X. В. 700—707; Р. X. В. 200—206).

XVI вѣкъ.

а) Стоглавъ (И. X. В. 803—814; Р. X. В. 213—221).

б) Домострой Сильвестра (И. X. В. 817—844; Р. X. В. 225—239).

в) Посланіе царя Іоанна Васильевича Кирилло-Вѣловскаго монастыря игумену Козмѣ съ братіей (И. X. В. 849—856; Русск. X. В. 257—263).

г) Переписка князя Курбскаго съ царемъ Іоанномъ Грознымъ (И. X. В. 862—873).

д) Сказаніе князя Курбскаго (И. X. В. 857—861).

е) Четьи-Миней митрополита Макарія (И. X. В. 771—783).

XVII вѣкъ.

а) Сочиненія Симеона Полоцкаго (И. X. В. 1189—1209; Р. X. В. 315—322).

б) Сочиненія Св. Дмитрія Ростовскаго (И. X. В. 1301—1309); драма „Рождество Христова“ (Ист. Р. Сл. Порф. ²) I, стр. 536—539).

в) Повѣсть о горѣ и злосчастіи (И. X. В. 1367—1380).

Повѣсть о Володѣ Волотовичѣ (Р. X. В. 322—331).

XVIII вѣкъ.

а) Слово о побѣдѣ подъ Полтавою Стефана Яворскаго (Ист. Хр. Галахова ³), I стр. 48—51).

¹) Исторія русской словесности древней и новой. Соч. А. Галахова: Изд. 2-е. Т. I. Отд. 1-е: Древне-русская словесность. Т. 1. Отд. 2-е: Отъ Петра I до Карамзина. Т. II: Отъ Карамзина до Пушкина. С.-Пб. 1880.

²) Исторія Русской Словесности. Составилъ И. Порекрѣвъ. Часть I. Древній періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра Вел. Казань. 1870. Часть II. Новый періодъ. Отд. I отъ Петра В. до Екатерины II, Казань. 1881. Отд. II. Литер. въ царств. Екатерины II. Казань. 1884.

³) Историческая Христоматія новаго періода русской словесности. Томъ I. (отъ Петра I до Карамзина) С.-Пб. 1861. Томъ II (отъ Карамзина до Пушкина). С.-Пб. 1861. Составилъ А. Галаховъ.

б) Изъ слова въ день рожденія великаго князя Петра Петровича, Теофана Прокоповича; изъ похвальнаго слова о флотѣ російскомъ его же; изъ слова на погребеніе Петра I его же (ib. 55—62).

в) Сатиры Антиоха Кантемира: 1) на хулащихъ ученіе, 2) на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ, 3) на состояніе свѣта сего (ib.).

г) Оды Ломоносова: 1) На взятіе Хотина, 2) Утреннее размышленіе о Божіемъ величїи, 3) Вечернее размышленіе о Божіемъ величїи, 4) На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы. Похвальное слово Петру I (ib.). Грамматика Ломоносова. Разсужденіе о пользѣ церковно-славянскихъ книгъ (см. Истор. русск. словесн. Галахова).

д) Трagedіи Сумарокова—Хоревъ и Дмитрій Самозванецъ; комедіи Княжнина—Хвастунъ и Чудаки (ib.).

е) Душенька, поэма Богдановича (ib.).

ж) Комическая опера „Мельникъ“ Аблесимова (ib.). Басни Хемпцера (ib.).

з) Произведенія Екатерины II-ой: комедія „О время!“ Сказка о царевичѣ Хлорѣ. Были и небылицы (ib.).

и) Комедіи Фонъ-Визина: „Бригадиръ, Недоросль“ (ib.).

і) Ябеда, комедія Капниста (ib.).

к) Произведенія Державина: 1) Ода на знатность, 2) На смерть кн. Мещерскаго, 3) На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока, 4) Фелица, 5) Видѣніе мурзы, 6) Ода Богъ, 7) Изъ оды Водопадъ, 8) Вельможа, 9) Приглашеніе къ обѣду, 10) Памятникъ (Ист. Хр. Гал.).

Конецъ XVIII и начало XIX вѣка.

а) Произведенія Карамзина: Письма русскаго путешественника; повѣсть „Бѣдная Лиза“; Исторія государства Россійскаго (Ист. Хр. Гал. Т. II).

б) „Чужой толкъ“, сатира Дмитріева (Ист. Хр. Гал.).

в) Произведенія Крылова: „Почта духовъ“; комедія „Урокъ Дочкамъ“; басни (Ист. Хр. Гал.).

XIX вѣкъ.

а) Произведенія Жуковскаго: элегии „Сельское кладбище“, „Теонъ и Эскинъ“; баллады „Людмила“, „Свѣтлана“; изъ „Пѣвца во станѣхъ русскихъ вонновъ“; изъ „Орлеанской Дѣвы“; переводъ „Одиссеи“ (И. Х. Г. Т. II).

б) Произведенія Батюшкова: „Мои пенаты“; „Тѣнь друга“; „Умирающій Тассъ“; „Пѣвецъ въ бесѣдѣ славянороссовъ“ (И. Х. Гал.).— Гнѣдичъ: идиллія „Рыбаки“; переводъ Иліады (И. Хр. Г. II).

в) „Горе отъ ума“, комедія Грибоѣдова. (И. X. Гал.).

г) Произведенія Пушкина: 1) Лирическія — Къ портрету Жуковскаго, Наполеонъ (1821 г.), Телѣга жизни (1823 г.), Пророкъ (1825 г.), Поэтъ (1827 г.), Чернь (1828 г.), Дорожныя жалобы, Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ (1829 г.), Поэту, Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье, Осень (1830 г.), Клеветникамъ Россіи, Бородинская годовщина, Эхо (1831 г.), Туча, Пиръ Петра Великаго, Опять на родинѣ (1835 г.), Памятникъ (1836 г.). Эпическія: Русланъ и Людмила (1817—1820 г.), Цыганы (1824 г.), Полтава (1828 г.), Мѣдный всадникъ (1833 г.), Сказка „Женихъ“ (1825 г.). Романъ „Евгеній Онѣгинъ“ (1823—1831 гг.). Повѣсть „Капитанская дочка“ (1833 г.).

Драматическія: Борисъ Годуновъ (1825 г.), Скупой рыцарь (1830 г.), Моцартъ и Сальери (1830 г.), Русалка (1832 г.).

Произведенія народнаго творчества.

а) Великорусскія пѣсни изъ записокъ бакалавра Ричарда Джемса 1619—1620 гг. (И. X. Б. 1031—1037).

б) Духовные стихи: Стихъ о голубиной книгѣ, о страшномъ судѣ, прощанье души съ тѣломъ, стихъ о Егоріи храбромъ (И. X. Б. 1599—1620; Русск. Хр. Б. 331—345).

в) Былины: Волхъ Вославъевичъ, Вольга Святославичъ и Микюла Селяниновичъ, Святгоръ, Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Соловей Будиміровичъ, Дюкъ Степановичъ (Русск. Хр. Бус. 345—388).

г) Повгородскія былины: изъ пѣсни о Садкѣ (И. Хр. Б. 1482—1487); Василий Буслаевъ (Русск. Хр. Б. 388—395).

д) Историческія пѣсни: Щелканъ Дудентьевичъ, Взятіе Казанскаго царства, Гришка Разстрига, Князь Михайло Скопинъ-Шуйскій, На рожденіе Петра Великаго (Рус. Хр. Бусл. 395—407).

е) Пословицы (И. X. Б. 1455—1460).

Примѣчаніе. Знакомство съ вышеозначенными произведеніями русской литературы и народнаго творчества должно быть доказано аналитическимъ обзорѣмъ содержанія, знаніемъ особенностей языка и слога и надлежащимъ толкованіемъ каждаго изъ сихъ произведеній. Въѣстѣ съ тѣмъ оно должно соединяться съ пониманіемъ историко-литературнаго ихъ значенія; для этого чтеніе изъ хрестоматій нужно пополнять изъ исторіи русской словесности біографическими и историко-литературными данными и обзорѣями. Сверхъ того, согласно съ § 13 экзаменныхъ требованій, испытуемый долженъ доказать, что

онъ болѣе тщательнымъ образомъ изучилъ который - либо изъ главнѣйшихъ памятниковъ русской письменности со стороны языка или же какой-либо изъ главнѣйшихъ памятниковъ древней русской литературы, а также произведенія котораго-либо изъ классическихъ писателей, какъ то: Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковского, Пушкина.

γ) По теоріи словесности.

Аналитическое обзорѣніе содержанія пѣтики Аристотеля ¹⁾.

2) Аналитическое обзорѣніе содержанія „Гамбургской драматургіи“—Лессинга ²⁾.

3) Аналитическое обзорѣніе содержанія сочиненія Шиллера „О наивной и сентиментальной поэзіи“ ³⁾.

IV. Программа испытанія по исторіи западно-европейскихъ литературъ.

А. Средневѣковая литература.

Три главные фактора средневѣковой культуры и вліаніе ихъ на литературу. Литература католичества: легенда, сборники житій святыхъ, правоучительные рассказы, хроники, энциклопедіи и мистеріи.

Поэзія рыцарства. Феодално-рыцарскій эпосъ (пѣсни о Роландѣ и chansons des gestes, Нибелунги, Гудруна, нѣмецкіе эпические циклы. Беовульфъ). Рыцарская лирика (трубадуры и миннезингеры). Рыцарскій романъ (романы Бретонскаго цикла и нѣмецкій романтический эпосъ).

Литература, возникшая подъ вліаніемъ возвышенія буржуазіи (народніи на chansons des gestes, французскіе фавль, итальянская новелла. Кэнтерберійскіе рассказы Чосера и нѣмецкіе Schwänke). Романъ о Лисѣ и романъ о Розѣ. Возникновеніе свѣтской драмы (фарсы, sottiles и т. п.). Отраженіе идеаловъ среднихъ вѣковъ въ Божественной комедіи Данте.

¹⁾ Аристотель. О поэзіи. Перевелъ, язложилъ и объяснилъ В. Ордынскій. Москва, въ типогр. В. Готье, 1854.

²⁾ Лессингъ. Гамбургская Драматургія, перевелъ В. П. Разсидицъ. Изд. Солдатенкова. Москва. 1883.

³⁾ Переведено и напечатано въ Отеч. Запискахъ. Томъ LXVIII—Отд. II, и Томъ LXIX—Отд. II.

Б. Литература эпохи возрожденія.

Состояніе классическихъ знаній въ средніе вѣка. Первобытныя возрожденія наукъ въ Италиі. Гуманизмъ въ различныхъ городахъ Италиі и при дворахъ мелкихъ италянскихъ владѣтелей. Научныя заслуги италянскихъ гуманистовъ. Общая характеристика италянскаго гуманизма и сравненіе его съ гуманизмомъ нѣмецкимъ.

Очеркъ развитія нѣмецкаго гуманизма въ городахъ и университетахъ. Дѣло Рейхлина. Полемика гуманистовъ съ обскурантами. Образъ и его значеніе въ исторіи гуманизма. Отношеніе нѣмецкихъ гуманистовъ къ реформациі (Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, Бебель и др.).

Два періода въ исторіи французскаго гуманизма. Представители перваго періода (Маро, Денерье, Рабле и др.). Представители втораго періода (поэты Плеяды). Монтанъ и его *Essais*.

Вліяніе идей возрожденія на литературу Англіи (Томасъ Моръ, Соррей, Ашэмъ и др.). Разцвѣтъ англійской драмы въ концѣ XVI вѣка. Шекспиръ и современные ему драматурги.

В. Исторія новой литературы (XVII и XVIII вв.).

Борьба пуританскихъ идей въ Англіи съ традиціями эпохи возрожденія. Вліяніе пуританизма на англійскую литературу XVII в. Мильтонъ, какъ поэтъ и публицистъ. Литература эпохи Реставраціи (Ботлеръ, Драйденъ, Вичерли, Конгривъ и др.). Англійская поэзія XVIII вѣка (Попъ, Томсонъ и др.). Еженедѣльные изданія Аддисона и Стиля. Шериданъ и его комедіи. Англійскіе романисты XVIII в.

Возрожденіе французской поэзіи въ XVII вѣкѣ (Малербъ). Основаніе Французской академіи. Теорія и практика французской ложноклассической трагедіи (Борнель). Главнѣйшіе писатели эпохи Людовика XIV. Вліяніе англійскихъ идей (Вольтеръ и Монтескье). Дидро и энциклопедисты, Руссо и Бомарше.

Общій ходъ развитія нѣмецкой литературы въ XVII и XVIII вв. Вліяніе просвѣтительныхъ идей Англіи и Франціи на Германію. Борьба противъ ложноклассическаго направленія (Готшедъ и Лессингъ). Лессингъ какъ критикъ (его Гамбургская драматургія) и драматургъ. Реакція взглядамъ Лессинга (Гердеръ и поэтъ Sturm und Drang'a). Юношескія произведенія Гёте. Исторія созданія „Фауста“. Первые произведенія Шиллера. Классическій періодъ нѣмецкой лите-

ратуры. Зрѣнья произведенія Шиллера и Гёте. Возникновение романтизма.

Католическая реакція идеямъ возрожденія въ XVI вѣкѣ. Т. Тассо. Возрожденіе италіанской поэзіи въ XVII вѣкѣ. Италіанскіе драматурги XVIII в. (Метастазіо, Гольдони, Гоцци). Альфьери и его трагедіи. В. Монти.

Для спеціального изученія въ подлинникѣ рекомендуется испытующимъ на выборъ, согласно § 15-му экзаменныхъ требованій:

- 1) Одна пѣснь „Божественной комедіи“ Данте.
- 2) Сервантесъ (одна книга или одна повѣсть).
- 3) Шекспиръ (одна изъ главныхъ драмъ: Гамлетъ, Макбетъ, Отелло, Лиръ, Юлій Цезарь, Ричардъ III).
- 4) Одна изъ главныхъ трагедій Корнеля (Cid, Horace, Cinna) или Расина (Athalie, Phèdre) или одна изъ главныхъ комедій Мольера (Тартюфъ, Донъ Жуанъ, Мизантропъ).
- 5) Одна изъ главныхъ драмъ Лессинга (Натанъ, Эмилія Галлотти), Шиллера (Вильгельмъ Телль, Донъ Карлосъ, Валленштейнъ) или Гете (Гецъ, Эгмонтъ, Фаустъ).

В. ПРОГРАММЫ ИСПЫТАНІЯ ПО ПРЕДМЕТАМЪ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМЪ ГРУППЫ В.

1. Программа испытанія по всеобщей исторіи.

а) Древняя исторія востока.

Египетъ. Географическія условія и племенной составъ населенія. Взглядъ на политическую исторію Египта. Внутренній бытъ: религія, общественное устройство, научныя познанія и открытія, искусства, домашній бытъ и нравы; культурныя сношенія Египта съ другими народами древности.

Семиты. Древность халдейской культуры. Мѣстныя условія тигро-евфратской равнины. Этнографія этой страны. Исторія древняго Халдейскаго царства; исторія Ассирійскаго царства; судьба ново-Халдейскаго царства. Бытовая исторія халдеевъ и ассирійцевъ: религія, общественное устройство, образованность.

Финикіане. Естественныя выгоды финикійскаго побережья. Народъ и города финикійскіе. Торговля сношенія финикіянъ—морскія и сухопутныя колонія. Историческія заслуги финикіянъ. Прочія сто-

ровы финикийской культуры: религія, общественное устройство. Политическая судьба Финикии. Кароагенъ и его государственное устройство.

Арійцы. Расселеніе и развѣтвленіе арійскаго племени по Азін и Европѣ. Отличительныя черты арійскаго племени. Индусы. Вѣшняя исторія Индіи. Религія, общественное устройство, касты, литература, пластическія искусства; реакція противъ брамаиизма, буддизмъ.

Иранскіе народы. Природа и населеніе древняго Ирана. Древнеиранскій языкъ и религія. Вѣшняя исторія Ирана. Внутренняя организація Персидской державы. Значеніе Персидской державы во всемирной исторіи.

Отъ тѣхъ изъ экзаменующихся, которые выберутъ свою спеціальностію исторію Древняго Востока, кромѣ внутренней исторіи; составляющей преимущественное содержаніе общей программы, слѣдуетъ требовать также знанія вѣшней исторіи въ ея подробностяхъ, знакомства съ ходомъ новѣйшихъ открытій, съ исторіей разбора и чтенія іероглифовъ и клинообразныхъ надписей, знакомства съ тѣмъ, что говорятъ древніе авторы (напримѣръ: Геродотъ, Діодоръ) о древнемъ востокѣ, съ умѣньемъ объяснить, насколько ихъ свидѣтельства подтверждаются или опровергаются новѣйшими изслѣдованіями и открытыми памятниками.

(См. программы испытанія по древней греческой и римской исторіи выше въ отдѣлѣ программъ по общеобязательнымъ предметамъ).

β) Исторія среднихъ вѣковъ.

Общій взглядъ на происхожденіе романскихъ народностей: этнографическая основа, романизація, кельтскія и другія нарѣчія въ борьбѣ съ крестьянскою латынью. Единство греко-римской культуры и христіанская церковь.

Извѣстія Цезаря и Тацита о германцахъ. Внутренній строй первоначальныхъ германскихъ государствъ. Родовое начало, землевладѣніе, дружина, сословія.

Движеніе племенъ и образованіе германскихъ государствъ на римской почвѣ. Основныя черты ихъ устройства: личность права, раздѣлъ земель, религіозныя противоположности.

Характеръ англо-саксонскаго завоеванія и его послѣдствія.

Взглядъ на судьбы Италіи отъ паденія имперіи до паденія Лангобардскаго королевства.

Исторія франковъ при Меровингахъ. Значеніе франкскихъ завоеваній.

Салическая Правда, основныя черты государственнаго и общественнаго быта.

Возвышеніе Каролинговъ и союзъ ихъ съ римскою церковью. Секуляризація; дѣятельность Бонифація.

Карль Великій; объединеніе германскихъ и романскихъ элементовъ; возстановленіе имперіи. Имперское законодательство.

Распаденіе Каролингской монархіи и причины этого явленія. Норманны и мадьяры.

Феодальный порядокъ въ политическомъ и земельномъ отношеніяхъ. Происхожденіе рыцарства.

Мусульманство и образованіе мусульманскихъ государствъ.

Образованіе римскаго примата и исторія папства до Николая I. Нѣмецкія племена и герцогства.

Выдѣленіе Германіи изъ державы Каролинговъ. Возвышеніе саксонскаго дома.

Оттонъ Великій и его роль въ исторіи папства и Италіи. Значеніе императорской идеи.

Имперія и папство при преемникахъ Оттона Великаго изъ Саксонскаго и Франконскаго дома.

Развитіе монашества на западѣ. Первоначальный бенедиктинскій уставъ, кляуіицы. Новые католическіе идеалы и утвержденіе папской власти.

Борьба между Григоріемъ VII и его преемниками и Генрихомъ IV. Конкордаты между папствомъ и имперіей.

Выдѣленіе Франціи изъ состава Каролингской монархіи. Робертинскій домъ. Основаніе Норманскаго герцогства. Первые Капетинги.

Коммунальное движеніе во Франціи, его источники и послѣдствія.

Рыцарство, рыцарскіе идеалы и рыцарская поэзія во Франціи.

Развитіе королевской власти во Франціи, капетингская администрація, Филиппъ II Августъ.

Англо-саксонскій періодъ англійской исторіи. Альфредъ Великій, датское господство. Особенности англо-саксонскаго государственнаго и общественнаго развитія.

Завоеваніе Англійи норманнами и первые норманскіе короли.

Крестовые походы; ихъ значеніе и вліяніе.

Возвышеніе Гогенштауфеновъ; Фридрихъ Барбаросса; его борьба съ папствомъ и италіанскими городами.

Преемники Фридриха Барбароссы въ Германіи и Италіи.

Папство при Иннокентіи III и его преемникахъ; ихъ борьба съ Фридрихомъ II.

Альбигойскія войны во Франціи. Возвышеніе королевской власти во Франціи при Людовикѣ IX и Филиппѣ IV.

Столѣтняя война между Франціей и Англіей. Генеральныя штаты въ XIV вѣкѣ.

Утвержденіе королевской власти во Франціи при Карлѣ VII и Людовикѣ XI.

Англія при первыхъ Плантагенетахъ. Образованіе парламента. Законодательство XIII вѣка.

Англія при Эдуардахъ. Роль парламента въ XIV вѣкѣ. Крестьянскія волненія при Ричардѣ II.

Война Алой и Бѣлой Розы. Результаты средневѣковаго развитія для Англіи.

Паденіе Гогенштауфеновъ. Междуцарствіе и возвышеніе Габсбургскаго дома. Отпаденіе Швейцаріи.

Отношеніе имперіи къ папству и Италіи въ XIV и XV вѣкахъ. Возникновеніе новыхъ италіанскихъ государствъ.

Внутренняя исторія Германіи въ XIV и XV вѣкахъ: развитіе городовъ, городскихъ союзовъ и территориальныхъ властей.

γ) Новая исторія.

Періодъ гуманизма въ Италіи.

Гуманизмъ въ Германіи и его вліяніе на реформацію.

Причины реформаціи, обусловливаемыя характеромъ средневѣковаго католицизма и политикой европейскихъ государствъ.

Попытки реформировать католическую церковь посредствомъ соборовъ. Предшественники реформаціи: Вальденсы, Виклефъ, Гусситы. Лютеръ какъ реформаторъ.

Судьба реформаціи въ Германіи до Аугсбургскаго мира. Послѣдствія реформаціи для Германіи.

Цвингли и его реформа. Протестантскія секты въ Германіи и ихъ вліяніе на ходъ реформаціи.

Кальвинъ и характеръ Женевской реформаціи; вліяніе кальвинизма на другія страны.

Церковныя преобразованія въ Англіи при Тюдорахъ.

Дѣятельность и значеніе императора Карла V.

Возстановленіе католицизма и папства въ XVI вѣкѣ.

Характеръ испанской монархіи въ XVI вѣкѣ. Борьба Испаніи съ Франціей и Англійей.

Отпаденіе Нидерландовъ, роль Вильгельма Оранскаго, значеніе Голландіи.

Борьба съ парламентомъ при Яковѣ I и Карлѣ I и роль пуританства въ политическихъ смутахъ Англии.

Историческая роль Кромвеля.

Реставрація Стюартовъ, причины изгнанія Якова II и послѣдствія переворота 1688 года для англійскаго государственнаго строя.

Тридцатилѣтняя война, роль Швеціи въ этой войнѣ; значеніе Вестфальскаго мира для Германіи.

Завоевательная политика Франціи съ италіанскихъ походовъ. Религіозный вопросъ во Франціи и политика Генриха IV.

Развитіе государственнаго строя во Франціи въ XVII вѣкѣ: Ришелье, Мазарини.

Европейская политика при Людовикѣ XIV.

Культурныя идеи XVIII вѣка.

Просвѣтительный абсолютизмъ въ XVIII вѣкѣ.

Возникновеніе Прусской монархіи — съ Вестфальскаго мира до Фридриха Великаго.

Роль Фридриха Великаго въ европейской политикѣ.

Политика Англии и ея государственный строй въ XVIII вѣкѣ.

Отпаденіе американскихъ колоній и организація Соединенныхъ Штатовъ.

Политическія теоріи Монтескье, Руссо и Мабли и ихъ вліяніе на французское общество.

Старый порядокъ во Франціи при Людовикѣ XV.

Попытки реформъ при Людовикѣ XVI до созванія генеральныхъ штатовъ. Дѣятельность національнаго собранія и его законодательство.

Столкновеніе революціонной Франціи съ Европой, паденіе монархіи, конвентъ до побѣды террористовъ надъ Жирондой (31-го мая 1793). Періодъ якобинскаго террора и его послѣдствія для Франціи. Конституція 1795 года.

Время директоріи, возвышеніе Наполеона и организація Франціи при консульствѣ и имперіи.

Наполеоновскія войны и ихъ вліяніе на судьбу Европы. Вѣнскій конгрессъ.

Конституційная монархія во Франціи (1814—1848 гг.)

Исторія объединенія Італіи:

Исторія объединенія Германіи.

Сверхъ того, экзаменующійся, согласно § 16 экзаменныхъ требованій, заявляетъ о своихъ спеціальныхъ занятіяхъ въ той или другой области средней или новой исторіи, если предметомъ спеціальныхъ занятій опъ не сдѣлалъ исторію древняго востока (см. выше). Познанія, обнаруженныя въ избранномъ спеціальному отдѣлѣ, принимаются въ расчетъ при общей оцѣнкѣ историческаго образованія экзаменующагося. Программа спеціальныхъ требованій можетъ быть опредѣлена слѣдующими положеніями:

По средней исторіи:

Требуется общее знакомство съ средневѣковой историографіей, съ ея развитіемъ и характеромъ, и болѣе близкое обстоятельное изученіе одного изъ наиболѣе выдающихся средневѣковыхъ источниковъ, какъ напримѣръ: Іордана, Григорія Турскаго, Салической Правды, Памла Діакона, Эйнгарда, Ліутпранда, Дитмара, Адама Бременскаго, Гельмольда, Ламберта Герсфельдскаго, Оттона Фрейзингенскаго, Вильгельма Тирскаго, Вильгардуина, Жуавиля, Прокопія (можно ограничиться однимъ изъ его сочиненій: или Персидскою войной, или Готскою, или же *Anecdota*), Льва Діакона, Анны Комнины, Никиты Хониата и т. п. (конечно, въ связи съ новѣйшею литературою, къ нимъ относящеюся и въ связи съ исторією этой эпохи). Желательно также хотя общее знакомство съ ходомъ научной разработки средневѣковыхъ источниковъ и съ характеромъ такихъ изданій, какъ „*Monumenta Germaniae*“, Парижская и Боннская коллекція византійцевъ, Bouquet, *Recueil des historiens de la France*, и сверхъ того, не менѣе желательно, чтобъ экзаменуемому спеціалисту извѣстны были важнѣйшія мѣстна, существующія въ наукѣ по тому или другому крупному вопросу въ области средневѣковой исторіи, напримѣръ, по вопросу о внутреннемъ строѣ первоначальныхъ германскихъ государствъ и развитіи въ нихъ королевской власти, о происхожденіи и развитіи феодализма, о происхожденіи городскихъ общинъ, о характерѣ византійской исторіи, о причинахъ и иніціаторахъ крестовыхъ походовъ и т. п.

По новой исторіи.

Требуется знакомство въ общихъ чертахъ съ научною ея разработкой, напримѣръ, съ характеромъ и значеніемъ трудовъ Ранке, и съ господствующими въ новѣйшей литературѣ взглядами на вопросы болѣе или менѣе спорные, на которые до сихъ поръ существуютъ различныя точки зрѣнія, напримѣръ—о значеніи реформаціоннаго движенія въ Германіи, о Маріи Стюартъ, о Стюартахъ и англійской революціи, о Валленштейнѣ и т. п. Что же касается источниковъ новой исторіи, то достаточно, если экзаменующійся перечислитъ важнѣйшіе изъ нихъ и укажетъ на выдающіяся изданія документальныхъ памятниковъ.

II. Программа испытанія по русской исторіи.

Источники русской исторіи. Задачи исторической критики. Лѣтописи. Хронографы. Сказанія и повѣсти. Житія. Записки. Письма.

Извѣстія иностранныхъ писателей о Россіи. Акты. Памятники словесности устной и письменной. Памятники вещественные.

Обозрѣніе русской исторіографіи. Байеръ, основатель норманской школы. Герардъ Миллеръ. Василій Никитичъ Татищевъ. Административная и ученая дѣятельность его. Шлецеръ. Изученіе русскихъ лѣтописей. Князь Михаилъ Щербатовъ, какъ публицистъ и историкъ. Болтинъ, какъ критикъ Исторіи кн. Щербатова и сочиненія Леклерка: „Исторія древней и новой Россіи“. Митрополитъ Платонъ. Голицковъ.

Графъ Н. П. Румянцовъ. Калайдовичъ, Востоковъ, Ходаковскій, Френъ, Верхъ, Григоровичъ. Митрополитъ Евгеній. Аделунгъ. П. М. Карамзинъ и его „Исторія государства Россійскаго“.

Проф. Каченовскій—основатель скептической школы. Западническая школа. М. П. Погодинъ. Устряловъ. Н. А. Полевой. „Древнее русское право“, соч. Эверса.

С. М. Соловьевъ. Его теорія родоваго быта. Чичеринъ и Кавелинъ. Славянофильская школа. К. С. Аксаковъ. Позднѣйшая обработка русской исторіи и важнѣйшіе ея представители.

Природа Восточно-Европейской равнины. Климатъ ея. Колонизаціонное движеніе восточныхъ славянъ на сѣверо-востокъ, сѣверъ и юго-востокъ. Древнѣйшія извѣстія о народахъ восточной Европы. Извѣстія Геродота о Скиевъ. Готы, гунны, авары, хозары.

Быть славянъ восточныхъ. Племена. Мифология. Города и торговля. Сословія, семейныя отношенія

Финны. Турецко-татарскіе народы. Болгары и хозары. Мадьяры. Литовскія племена.

Преданіе объ основаніи Русскаго государства. Вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руся. Рюрикъ. Олегъ, движеніе его на югъ. Походы его на Византію. Договоры съ греками.

Игорь. Ольга. Принятіе ею христіанства. Святославъ Игоревичъ.

Усобицы между сыновьями Святослава. Владиміръ Святой Принятіе христіанства.

Святополкъ Окаянный. Борьба его съ Ярославомъ Новгородскимъ. Кляхненіе Ярослава.

Изяславъ. Борьба его съ братьями Святославомъ и Всеволодомъ. Князья-изгои. Всеволодъ Ярославичъ.

Святополкъ Изяславичъ. Любечскій съѣздъ. Съѣздъ въ Витичевѣ. Походъ на половцевъ. Владиміръ Мономахъ. Его Поученіе дѣтямъ.

Мстиславъ Владиміровичъ. Отношенія его къ Полоцкимъ князьямъ. Событія въ Чернигово-Сѣверскомъ княжествѣ. Ярополкъ Владиміровичъ.

Всеволодъ Ольговичъ, великій князь Киевскій. Изяславъ II Мстиславичъ. Борьба его съ Юріемъ Долгорукимъ. Ростиславъ Мстиславичъ, Юрій Долгорукій и Мстиславъ II Изяславичъ. Дальнѣйшія событія въ Киевской Руси. Причины паденія Кіева, какъ политическаго центра.

Очеркъ исторіи земли Суздальской. Юрій Долгорукій. Его борьба съ южно-русскими князьями. Андрей Боголюбскій. Борьба его съ Новгородомъ.

Усобицы въ Суздальской землѣ по смерти Андрея Боголюбскаго. Всеволодъ Большое Гнѣздо. Борьба между сыновьями Всеволода Юрьевича. Липецкая битва.

Внутреннее состояніе удѣльно-вѣчевой Руси. Различныя мѣннія объ этомъ періодѣ. Князья. Ихъ важное значеніе въ современномъ обществѣ, права и обязанности. Отношенія князя къ дружинѣ. Княжескій бытъ. Тысяцкіе, воеводы, вирники, волостели и пр. Подраздѣленіе дружины на старшую и младшую.

Торговля въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Крестьяне (смерды). Холпы. Рядовичи. Земельное дѣленіе въ удѣльно-вѣчевой періодъ: земля, княжества, волости, погосты. Внутренняя жизнь городовъ. Вѣче-Законодательство. „Русская Правда“. Церковь. Ея вліяніе на

битъ и нравы народа. Монастыри. Церковный судъ. Просвѣщеніе и литература переводная и оригинальная. Вліяніе византійской образованности.

Появленіе нѣмцевъ на западной окраинѣ Русской земли. Борьба ихъ съ Полоцкими князьями и Псковомъ. Первое появленіе татаръ на Руси. Битва на р. Калкѣ. Нашествіе Батя. Битва при р. Сити. Разореніе Кіева татарами. Вліяніе татарскаго ига на Русь.

Ярославъ Всеволодовичъ. Святославъ Всеволодовичъ. Александръ Невскій. Борьба со шведами и нѣмцами. Ярославъ Ярославичъ Тверской. Борьба Дмитрія Александровича съ Андреемъ Городецкимъ.

Юрій Даниловичъ Московскій. Борьба его съ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ. Смерть Михаила въ ордѣ. Дмитрій Грозный Очи. Александръ Михайловичъ.

Иванъ Даниловичъ Калита. Борьба его съ Александромъ Михайловичемъ. Переселеніе митрополита Петра въ Москву. Причины усиленія Москвы. Симеонъ Гордый. Столкновение его съ Ольгердомъ Литовскимъ. Іоаннъ II.

Дмитрій Донской. Борьба съ Дмитріемъ Суздальскимъ изъ-за велико-княжескаго стола. Борьба съ Тверью и Литвою. Борьба Дмитрія съ татарами. Куликовская битва. Значеніе ея. Отношенія Дмитрія къ Новгороду.

Василій I Дмитріевичъ. Присоединеніе Нижняго-Новгорода и Муромскаго удѣла. Столкновение съ Новгородомъ изъ-за Двинской области. Отношенія къ Литвѣ. Потеря Смоленска. Война изъ-за него. Отношенія Василя Дмитріевича къ ордѣ.

Василій II Васильевичъ. Борьба его съ Юріемъ Галицкимъ изъ-за Московскаго стола. Борьба съ Дмитріемъ Шемякою. Флорентійскій Соборъ.

Историческій очеркъ юго-западной Руси послѣ нашествія татаръ. Возвышеніе Литвы. Династія Гедимина. Значеніе русскаго элемента въ Литвѣ. Подчиненіе Сѣверской земли, Кіева и Подолья. Соединеніе Литвы съ Польшою и результаты этого событія для Московской Руси.

Новгородская земля. Ея границы. Очеркъ вѣдшихъ отношеній ея. Составъ населенія. Князь, вѣче, управленіе и судъ. Сословія. Торговля. Церковь. Значеніе Новгородскихъ владыкъ.

Внутреннее состояніе русскаго общества отъ половины XIII до половины XV вѣка. Главныя явленія означеннаго времени. Татарское вліяніе. Дружина. Города. Сельское народонаселеніе. Казаки. Торговля. Церковь. Состояніе нравственности народной. Просвѣщеніе.

Іоаннъ III. Причины и поводъ къ борьбѣ съ Новгородомъ. Битва на р. Шелони и ея послѣдствія. Споръ о титулахъ и второй походъ Іоанна III на Новгородъ. Присоединеніе Твери, Верейскаго удѣла, Вязской общины и власть Іоанна III въ Рязани.

Отношеніе Іоанна III къ братьямъ. Братъ Іоанна III съ Софією Палеологъ. Содѣйствіе папы этому браку. Вліяніе Софіи на внутреннюю политику. Смерть Іоанна Молодаго. Вопросъ о престолонаслѣдіи и интриги московскихъ бояръ. Вѣнчаніе Дмитрія. Бояре Патриѣвы и Ряполовскіе. Объявленіе Василія наслѣдникомъ. Подчиненіе Казани. Завоеваніе земель Пермской и Печорской. Союзъ съ Менгли-Гиреємъ и вторженіе послѣдняго въ Литву. Выступленіе Ахмата и союзъ его съ Казиміромъ IV. Встрѣча на Угрѣ. Отступленіе Ахмата и смерть его. Разрушеніе Кипчакской орды.

Борьба Іоанна III съ Литвою. Жидовская ересь. Геннадій и Іосифъ Санинъ. Казнь еретиковъ. Дипломатическія сношенія Іоанна III съ Даніей и Швеціей. Сношенія съ Западною Европою: вызовъ художниковъ и мастеровъ. Судебникъ. Кончина и завѣщаніе Іоанна III.

Василій III и его политика. Подчиненіе Пскова и Рязани. Присоединеніе Сѣверскаго княжества. Отъѣздъ Михаила Глинскаго въ Москву и война съ Польшею. Взятіе Смоленска. Пораженіе при Оршѣ. Войны съ Крымомъ и Казанью.

Іоаннъ IV. Правленіе Елены. Правленіе бояръ. Шуйскіе и Бѣльскіе. Воспитаніе Іоанна IV. Вѣнчаніе на царство. Пожаръ въ Москвѣ и удаленіе Іоанна IV въ село Воробьево. Мятежъ черни и убіеніе Глинскихъ. Сильвестръ и Адашевъ. Покореніе Казани и Астрахани. Мѣры противъ крымцевъ.

Ливонская война. Прибытіе Ченслера. Распаденіе Ливонскаго ордена. Война съ Польшею. Война со Швеціей и перемиріе у Запольскаго Яма. Поводъ къ борьбѣ Іоанна IV съ боярами. Удаленіе Сильвестра и Адашева. Опричнина. Митрополитъ Филиппъ. Разгромъ Новгорода. Смерть Іоанна IV.

Внутренняя дѣятельность Іоанна IV. Областное управленіе. Ограниченіе мѣстничества. Судебникъ. Стоглавъ. Военное устройство. Важнѣйшіе памятники литературы. Взгляды на личность и царствованіе Іоанна Грознаго.

Еоодоръ Іоанповичъ. Борисъ Годуновъ и его борьба съ Шуйскимъ. Война со Швеціей. Прикрѣпленіе крестьянъ. Учрежденіе патриаршества. Убіеніе царевича Дмитрія.

Избраніе Годунова. Сношенія его съ иностранными государствами.

Его внутренняя дѣятельность. Голодъ, моръ и разбѣи. Слухи о самозванцѣ. Народный взглядъ на Бориса. Первые успѣхи самозванца. Вопросъ о личности перваго самозванца. Участіе въ его судьбѣ іезуитовъ. Свиданіе его съ Сигизмундомъ III въ Краковѣ. Привыкъ къ Донскимъ казакамъ.

Вступленіе Лжедмитрія I въ предѣлы Московскаго государства. Битва подъ Сѣвскомъ. Смерть Бориса. Ѳеодоръ Борисовичъ. Измѣна Басманова. Гибель семейства Годунова. Ніяложеніе Іова. Лжедмитрій I въ Москвѣ. Отношеніе его къ полякамъ и заговоръ Василя Шуйскаго.

Избраніе на престолъ Василя Шуйскаго. Его характеръ. Слухъ о новомъ самозванцѣ. Перенесеніе мощей царевича Дмитрія. Восстаніе южныхъ областей въ пользу самозванца. Болотниковъ и князь Шаховской. Лжедмитрій II въ Стародубѣ. Борьба Москвы съ Тушиномъ. Осада Троицкой лавры. Перелеты. Посольство Скопина въ Новгородъ и соединеніе съ Делагарди. Освобожденіе Москвы отъ осады. Вступленіе Сигизмунда III въ московскіе предѣлы. Бѣгство II въ Калугу. Смерть Скопина. Пораженіе царскихъ Лжедмитрія войскъ при Клушинѣ Жолкѣвскимъ. Низверженіе Шуйскаго. Воярская дума и вступленіе Жолкѣвскаго въ Москву.

Отправленіе посольства въ Сигизмунду. Гонсѣвскій, Лапуновъ, кн. Трубецкой и Заруцкій. Сожженіе Москвы. Распри предводителей Ковни Гонсѣвскаго противъ Лапунова и смерть послѣдняго. Взятіе Смоленска Сигизмундомъ. Занятіе Новгорода шведами. Дѣятельность духовенства въ смутную эпоху. Граматы троицкихъ властей. Мининъ и Пожарскій. Смерть Гермогена. Битва Пожарскаго съ Ходкевичемъ. Освобожденіе Москвы.

Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Посольство въ Костромской Ипатьевскій монастырь. Преданіе объ Иванѣ Сусанинѣ. Скудость казны и обращеніе къ Строгоновымъ. Казнь Заруцкаго. Безуспѣшные переговоры съ Польшею. Война со Швеціей и Столбовскій миръ. Война съ Польшею. Деулинское перемиріе и возвращеніе Филарета. Дѣло о царской невѣстѣ.

Вторая польская война при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и причины ея. Дѣло Шенна. Движеніе Владислава на Москву и неудача его подъ Вѣлюю. Поляновскій миръ. Взятіе Азова и соборъ 1642 года. Сношенія съ Швеціей послѣ Столбовскаго договора. Королевичъ Вальдемаръ. Сношенія съ Франціей. Самозванецъ Луба. Переселенія изъ Украйны въ московскіе предѣлы.

Внутренняя дѣятельность правительства въ царствованіе Михаила Теодоровича. Земскіе соборы. Ограниченіе мѣстничества. Судопроизводство. Писцовыя книги. Иностранные промышленники. Распространеніе русскихъ владѣній въ Сибири. Патріархъ Филаретъ и его вліяніе на дѣла. Церковное управленіе. Исправленіе церковныхъ книгъ.

Состояніе Западной Руси со времени соединенія Литвы съ Польшей. Вліяніе этого событія на положеніе русскихъ областей. Устройство, данное имъ польско-литовскими королями. Города. Магдебургское право. Положеніе крестьянъ.

Иезуиты въ Литвѣ и мысль объ уніи. Братства. Причины, вставившія вѣкоторыхъ епископовъ желать уніи. Врестскій соборъ. Борьба православныхъ съ уніатами и католиками. Распространеніе просвѣщенія въ юго-западной Руси въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII в. Казаки и ихъ возстанія противъ польскаго правительства.

Алексѣй Михайловичъ. Морозовъ и Милославскіе. Матежъ черни и удаленіе Морозова. Безпорядки въ Псковѣ и Новгородѣ. Никонъ. Возстаніе Малороссійскихъ казаковъ. Богданъ Хмельницкій. Битвы при Корсунѣ и Желтыхъ водахъ. Зборовскій трактатъ. Бѣлоцерковскій миръ. Посылка Бутурлина и подданство Малороссіи.

Первая война съ Польшею при Алексѣѣ Михайловичѣ. Война со Швеціею. Кардисскій миръ. Смуты въ Малороссіи послѣ Хмельницкаго. Вторая польская война. Андрусовское перемиріе. Бунтъ Разина. Возстаніе инородцевъ. Пораженіе Разина княземъ Барятинскимъ.

Никонъ патріархъ и вліяніе его на царя. Исправленіе книгъ. Неудовольствіе между Алексѣемъ Михайловичемъ и Никономъ. Судъ надъ Никономъ и ссылка его въ Терапонтовъ монастырь. Соловецкое возмущеніе.

Событія въ Малороссіи со времени Андрусовскаго договора до конца царствованія Алексѣя Михайловича. Подготовка къ преобразованію въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Епифаній Славинецкій. Симеонъ Полоцкій. Ординъ Нащокинъ, Матвѣевъ и Ртищевъ. Соборное Уложеніе. Его источники и составъ. Значеніе Уложенія въ исторіи русскаго законодательства. Войско. Города и крестьяне.

Теодоръ Алексѣевичъ. Ссылка Матвѣева. Окончаніе Малороссійскаго вопроса. Уничтоженіе мѣстничества. Проектъ о намѣстничествахъ. Смягченіе наказаній. Переписныя книги. Заботы о благотворительныхъ учрежденіяхъ. Избраніе Петра. Интриги Милославскихъ. Возвращеніе Матвѣева. Личность царевны Софіи. Стрѣлецкій бунтъ. Двоевластіе. Правленіе Софіи. Раскольничье движеніе. Преніе о

вѣрѣ въ Грановитой палатѣ и казнѣ Никиты Пустосвята. Новое волненіе стрѣльцовъ и казнѣ Хованскаго. Крымскіе походы. Вѣчный миръ съ Польшею. Князь Василій Голицынъ и ссылка Самойловича. Воспитаніе Петра. Заговоръ Шакловитаго. Заключеніе Софіи въ Неводѣвичій монастырь.

Петръ I Великій. Походъ на Азовъ. Кораблестроеніе кумпанствами. Великое посольство. Заговоръ Цыклера. Путешествіе за границу. Стрѣлецкій бунтъ. Пораженіе стрѣльцовъ Шейнымъ и Гордономъ. Стрѣлецкій розыскъ. Постриженіе Софіи. Уничтоженіе стрѣлецкаго войска.

Великая Сѣверная война. Коалиція противъ Швеціи. Редукція. Паткуль. Пораженіе русскихъ подъ Нарвою. Походъ Карла XII въ Польшу и возведеніе на польскій престолъ Лещинскаго. Выдача и казнѣ Паткуля. Основаніе Петербурга. Бунтъ въ Астрахани. Булавинскій бунтъ.

Вступленіе Карла XII въ Украину. Сраженіе при Лѣсной. Пораженіе Левенгаупта. Измѣна Мазепы. Донось Кочубея и Искры. Взятіе Меншиковымъ Батурина и разореніе Запорожской Сѣчи. Полтавскій бой. Бѣгство Карла XII въ Турцію. Значеніе Полтавской побѣды.

Возобновленіе союза съ Даніей и Польшей. Завоеваніе Ревеля, Риги и Выборга. Присоединеніе Лифляндіи и Эстляндіи. Прутскій походъ. Сношенія съ славянами. Побѣда при Гангудѣ. Аландскій конгрессъ. Смерть Карла XII. Казнѣ Гёрца. Возобновленіе войны. Ништадскій миръ. Петръ императоръ. Персидскій походъ.

Реформы Петра Великаго. Коллегіи. Учрежденіе сената. Генераль-прокуроръ и генераль-рекетмейстеръ. Табель о рангахъ. Указъ о майоратѣ. Подушная подать. Прибыльщики и фискалы. Магистраты. Раздѣленіе Россіи на губерніи. Войско. Торговля, заводы и фабрики. Пути сообщенія. Горное дѣло. Училища. Введеніе гражданскаго шрифта. Отмѣна патріаршества, учрежденіе святѣйшаго синода. Усиленіе раскола. Характеръ и значеніе Петровскихъ реформъ. Нравы современнаго общества. Ассамблеи. Сотрудники Петра. Разводъ съ Евдокіей Лопухиной. Дѣло царевича Алексѣя. Указъ о престолонаслѣдіи.

Возведеніе на престолъ Екатерины I. Значеніе Меншикова. Верховный тайный совѣтъ. Открытіе Академіи Наукъ. Экспедиція Беринга. Курляндскій вопросъ. Петръ II. Ссылка Меншикова. Остерманъ и Долгорукіе. Комиссія о коммерціи; вексельный уставъ. Возстановленіе малороссійскаго гетманства. Вопросъ о престолонаслѣдіи.

Анна Іоанновна. Верховники. Ихъ попытки ограничить самодержавіе. Петиція дворянъ о возстановленіи самодержавія. Внутреннія распоряженія правительства. Кабинетъ министровъ. Указъ о воеводствахъ. Сочиненіе Уложенія. Уничтоженіе майората. Постановленіе о шляхетской службѣ. Кадетскій корпусъ. Пѣмецкая партія. Остерманъ, Минихъ, Ласси. Возвышеніе Бирона. Волыскій и его дѣло.

Виѣшательство Россіи въ польскія дѣла при Аннѣ Іоанновнѣ. Война съ Турціей. Взятіе Хотина. Бѣлградскій миръ. Іоаннъ VI. Регентство Бирона и его сверженіе. Анна Леопольдовна. Переворотъ въ пользу Елизаветы.

Елизавета Петровна. Война со Швеціей. Успѣхи Ласси. Абоскій миръ и его условія. Участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ. Битвы при Гроссъ-Эгерндорфѣ, Цорндорфѣ и Кунерсдорфѣ. Внутреннія распоряженія. Значеніе сената. Государственные заемные банки. Уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и мелочныхъ сборовъ. Рекрутскіе наборы. Постановленія относительно духовенства. Новая Сербія. Основаніе Московскаго университета и Академіи Художествъ.

Петръ III. Отношеніе къ Пруссіи. Постановленіе о правахъ дворянства и объ уничтоженіи тайной канцеляріи. Вступленіе на престолъ Екатерины II. Первая Турецкая война. Битвы при Ларгѣ и Кагулѣ. Чесменскій бой. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ. Чума. Мятежъ черни и умерщвленіе Амвросія. Пугачевъ. Бибииковъ и Михельсонъ. Казнь Пугачева.

Присоединеніе Крыма. Греческій проектъ. Вторая Турецкая война. Взятіе Очакова и Измаила. Ясскій миръ. Шведская война. Миръ въ Верельской долигѣ.

Диссидентскій вопросъ. Первый раздѣлъ Польши. Конституція 3-го мая 1791 г. Второй раздѣлъ Польши. Костюшко. Битва при Мацевовицахъ. Третій раздѣлъ Польши. Отношенія къ революціонной Франціи. Персидская война.

Внутренняя дѣятельность Екатерины II. Общій характеръ и наиболѣе вліятельные люди. Наказъ къ сочиненію новаго уложенія. Обращеніе къ сенату; указъ о взяточничествѣ; новые штаты; орденъ. Учрежденіе для управленія губерній. Финансы. Дворянство. Города. Сельское народонаселеніе; иностранные колонисты.

Уничтоженіе гетманства и Запорожья. Мѣры относительно духовенства. Мѣры относительно раскола. Умноженіе и сохраненіе народонаселенія. Мѣры для народнаго воспитанія. Литературная дѣятельность Екатерины. Общій характеръ литературы Екатерининскаго времени. Сумароковъ, Фонъ-Визинъ, Державинъ.

Царствованіе императора Павла Петровича. Причины войны съ Франціею. Союзъ пяти державъ противъ Франціи. Дѣйствія турецко-русской эскадры. Суворовъ. Торжество Суворова въ Италіи надъ Моро и Македональдомъ. Непріятности Суворова отъ австійскаго правительства. Дѣйствія русскихъ въ Южной Италіи. Побѣда Суворова при Нови и походъ его въ Швейцарію. Разрывъ Россіи съ Австріей и Англійей. Миръ съ Франціей и приготовленіе къ войнѣ съ Англійей. Внутренняя дѣятельность императора Павла.

Царствованіе императора Александра I. Двѣ первыя войны съ Франціей. Война Шведская. Войны Турецкая и Персидская.

Причины третьей Французской войны въ царствованіе Императора Александра I. Барклай-де-Толли и Багратионъ. Смоленскъ. Кутузовъ. Бородино. Оставленіе Москвы русскими и занятіе ея французами. Кутузовъ въ Тарутинѣ, партизаны и народная война. Выходъ французовъ изъ Москвы. Битва при Малоарославцѣ и бѣдственное отступление французовъ по смоленской дорогѣ. Переправа черезъ Березину.

Заграничная война 1813 года. Война 1814 года. Вѣнскій конгрессъ и Ватерлоо. Священный союзъ и конгрессы: Троппавскій, Лайбахскій и Веронскій; дѣла польскія, возстаніе грековъ и кончина императора Александра I. Внутренняя дѣятельность императора Александра I.

Царствованіе императора Николая Павловича. Вопросъ о престолонаслѣдїи и смута 14 декабря. Дѣла внѣшнія. Персидская война. Война Турецкая. Война съ польскими повстанцами. Слѣдствія польскаго возстанія. Уничтоженіе уни. Венгерская война. Внутренняя дѣятельность императора Николая I.

Сверхъ того, согласно съ § 17-мъ экзаменныхъ требованій, испытуемый долженъ обнаружить болѣе обстоятельное знаніе одной изъ эпохъ русской исторіи при непосредственномъ знакомствѣ съ ея главными источниками, по указанію своихъ университетскихъ преподавателей.

III. Программа испытанія по исторіи славянскихъ народовъ.

Историко-географическій очеркъ земель, которыя были заняты въ средніе вѣка славянскими племенами: прибалтійскими, полабскими, чешско-моравскими, польскими и южнославянскими. Исторія заселенія балканскаго полуострова славянами.

Славянскія письмена и земли въ эпоху римскаго владычества. Анты и венеды. Значеніе гуновъ и аварь въ исторіи славянъ. Союзъ

славянъ подѣ властію Само. Отношенія славянъ къ франкскимъ королямъ.

Быть древнихъ славянъ въ союзѣ патриархально-родовомъ (его различныя виды), племенномъ и народномъ. Исторія появленія княжеской власти у славянъ. Вѣрованія и юридическіе обычаи славянъ въ эпоху дохристіанскую.

Судьба славянъ прибалтійскихъ и полабскихъ въ общемъ очеркѣ. Отношенія ихъ къ германскимъ народамъ.

Византія и ея вліяніе на судьбу южныхъ славянъ. Образование Болгарскаго царства. Начальная исторія сербовъ, хорватовъ и словенцевъ (хорутанъ). Отношенія послѣднихъ къ западнымъ сосѣдямъ.

Дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодіа. Великоморавская держава.

Возникновеніе Польскаго государства и судьба его при Мечиславѣ I и Болеславѣ Храбромъ.

Судьба чешской народности при первыхъ Премысловичахъ до конца XII вѣка.

Исторія перваго Болгарскаго царства. Отношенія къ сосѣдямъ. Богомилство.

Сербскія области во времена великихъ жупановъ. Хорваты при короляхъ туземной династіи. Устройство, данное Стефаномъ Свѣтымъ Венгерскому государству, и вліяніе онаго на судьбу славянъ, вошедшихъ въ составъ Венгріи.

Второе и третье Болгарское царство. Общественное устройство Болгаріи въ это время.

Польша при Казимірѣ Обновителѣ, Болеславѣ Смѣломъ и Болеславѣ Кривоустомъ какъ во внѣшней, такъ и во внутренней ея жизни.

Судьба чешской народности отъ Бретислава I до смерти Оттокара II.

Сербы при первыхъ короляхъ изъ рода Немани.

Сербы при Стефанѣ Душанѣ. Общественное устройство сербскаго царства по законнику Стефана душана.

Судьба хорватскихъ земель при короляхъ династій Анжуйской и Арпадовской до перехода подѣ власть Габсбургскаго дома. Политическое и общественное устройство ихъ за это время.

Завоеваніе Болгаріи, Сербіи и Босніи туркамн. Судьба славянъ Балканскаго полуострова подѣ турецкимъ владычествомъ, исторія Дубровницкой общины и Черногоріи до конца XVIII вѣка.

Чехи по прекращеніи Премисловой династіи. Карлъ IV и Вацлавъ IV.

Польша при Казимирѣ Великомъ и его преемникахъ до первой уніи съ Литвой при Ягайлѣ.

Исторія Гусситскаго движенія въ Чехіи въ связи съ политической судьбой чешскихъ земель. Юрій Подебрадъ. Короли изъ династіи Габсбурговъ.

Судьба чешской народности отъ Бѣлогорской битвы до реформъ императора Иосифа II.

Польша отъ смерти Ягайлы до Сигизмунда I. Государственное и общественное устройство ея за это время, борьба королевской власти со свѣтскою и церковною іерархіей. Исторія развитія сеймовой жизни.

Польша при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ Августѣ. Исторія государственныхъ, церковныхъ и общественныхъ преобразованій. Судебная реформа. Унія съ Литвою.

Польша отъ прекращенія династіи Ягеллоновъ до смерти Владислава IV въ ея внѣшней и внутренней жизни.

Польша при избирательныхъ короляхъ во второй половинѣ XVII вѣка. Ея внѣшняя исторія и признаки внутренняго упадка.

Польша при короляхъ Саксонской династіи и исторія постепеннаго разстройства ея.

Раздѣлы Польши въ связи съ исторіей европейской политики того времени и съ попытками туземныхъ партій преобразовать устройство Рѣчи Посполитой.

Судьба западныхъ славянъ со времени наполеоновскихъ войнъ до образованія новой Германской имперіи въ 1871 году.

Судьба южныхъ славянъ со времени наполеоновскихъ войнъ до Берлинскаго трактата.

Краткія свѣдѣнія о важнѣйшихъ польскихъ анналистахъ: Мартинѣ Галлѣ, Кадлубкѣ, Длугошѣ и другихъ. Очеркъ польской исторіографіи: школа Нарушевича и его подражателей; школа Лелевеля и его послѣдователей; школа историко-юридическая и ея представитель М. Бобржинскій.

Краткія свѣдѣнія о важнѣйшихъ чешскихъ анналистахъ: Козьмѣ Пражскомъ, Далмицѣ и Вячеславѣ Гаекѣ. Исторіографическіе труды Франца Палацкаго и Беды Дудика. Труды по исторіи чешскаго права Герменегильда Иречка.

Историко-юридическіе памятники средневѣковой жизни у южныхъ славянъ. Историческіе труды Константина Иречка (о болгаряхъ), Леопольда Рапке и Аполлона Майкова (о сербахъ), Смичикласа (о хорватахъ).

Примѣчаніе. Сверхъ того, согласно съ § 18-мъ экзаменныхъ требованій, каждый изъ испытуемыхъ долженъ обнаружить болѣе обстоятельное знакомство съ исторіей одного изъ славянскихъ народовъ: болгарь, сербовъ, чеховъ или поляковъ, слѣдуя при такомъ болѣе специальномъ изученіи оной указаніямъ и руководству своихъ университетскихъ преподавателей.

IV. Программа испытанія по исторіи христіанской церкви.

Обозрѣніе древнѣйшихъ памятниковъ христіанской исторіи первыхъ трехъ вѣковъ: Священныя книги Новаго Завѣта; писанія мужей Апостольскихъ, христіанскихъ апологетовъ, древнихъ ересеологовъ, учителей Александрійской богословской школы и другихъ церковныхъ писателей первыхъ вѣковъ. „Апостольскія постановленія“ „Апостольскія Правила“, „Ученіе XII апостоловъ“; мученическіе акты; отскаты древней апокрифической и сектантской письменности; остатки вещественныхъ памятниковъ древней христіанской жизни (катакомбы).

Церковныя историки IV и V вѣка (Евсевій, Сократъ, Созоменъ, Θεодоритъ и др.). Византійскіе средневѣковые историки и Западные хронисты, наиболѣе имѣющіе значенія для церковной исторіи. Матеріалъ для церковной исторіи въ писаніяхъ учителей церковныхъ IV—XV вв., въ Дѣяніяхъ Соборовъ, житіяхъ святыхъ, каноническихъ сборникахъ о богослужбныхъ книгахъ и другихъ памятникахъ церковной письменности IV—XV вв.

Западная церковная историографія новыхъ временъ. Замѣчательнѣйшіе труды по церковной исторіи у католиковъ и протестантовъ XVI—XVIII вв. (Магдебургскія цензуры, Бароній, Наталісъ, Флеръ, Тилльмонъ, Арнольдъ, Мосгеймъ, Шренкъ). Замѣчательнѣйшія изданія церковныхъ памятниковъ въ XVII—XVIII вв. (изданія отцовъ церкви, Acta Sanctorum, Acta Conciliorum, Liturgiarum Collectiones и т. д.).

Новѣйшая церковная историографія XIX вѣка. Положительное и отрицательное направленіе въ протестантской церковной исторіи и наиболѣе замѣчательные представители того и другого; состояніе

церковной историографіи у католиковъ; замѣчательнѣйшія открытія и изданія церковно-историческихъ памятниковъ; болѣе значительные труды по церковной исторіи на Востокѣ.

Религиозное состояніе древняго міра и особенное положеніе въ немъ еврейскаго народа до христіанства. Состояніе древняго язычества и іудейства предъ появленіемъ христіанства. Начало христіанства. Іисусъ Христосъ — Божественный Основатель Христіанской Церкви.

Распространеніе христіанской церкви въ вѣкъ апостольскій. Проповѣдь апостоловъ, въ особенности св. Павла. Новозавѣтный канонъ и апостольское преданіе. Взаимныя отношенія между христіанами изъ іудеевъ и христіанами изъ язычниковъ въ первобытной христіанской церкви.

Внутреннее устроеніе христіанской церкви въ первое время. Учрежденіе церковной іерархіи; начало христіанскаго богослуженія. Правственная жизнь древнѣйшихъ христіанъ; вліяніе христіанства на семейныя и общественныя отношенія.

Распространеніе христіанства послѣ апостоловъ. Значительнѣйшія христіанскія церкви II и III вѣка. Средства взаимообщенія церквей: письменныя и личныя сношенія предстоятелей церковныхъ; сосредоточеніе младшихъ епископовъ около старшихъ (митрополіи). Соборы. Состояніе просвѣщенія между древнѣйшими христіанами; учителя христіанскіе первыхъ вѣковъ; главнѣйшіе предметы христіанской письменности въ тѣ времена.

Внѣшнее положеніе христіанства среди языческаго міра въ первые вѣка. Предубѣжденія противъ христіанства и гоненія на христіанъ; христіанскіе мучопики; литературная борьба язычества съ христіанствомъ: писанія язычниковъ противъ христіанства; христіанскія апологіи.

Борьба церкви съ ересями въ древнѣйшее время. Ереси первыхъ вѣковъ: іудействующія секты, гностическія, манихейство, монархіанство.

Раскольническія секты первыхъ вѣковъ христіанства: древнѣйшій Коринтскій расколъ апостольскаго времени; моптанизмъ; новаціанство. Обрядовые и дисциплинарныя споры въ древнихъ церквахъ: о празднованіи Пасхи, о крещеніи еретиковъ, о надшихъ. Раскрытіе христіанскаго богословія и церковной дисциплины въ борьбѣ съ ересями и расколами.

Торжество христіанства надъ язычествомъ въ Римской имперіи

съ IV вѣка и дальнѣйшее распространеніе христіанства за предѣлами имперіи.

Новыя отношенія между церковью и государствомъ съ IV вѣка; перемѣны во внѣшнемъ строѣ и внутреннемъ состояніи церкви. Вліяніе церкви на частный и общественный бытъ христіанскихъ народовъ. Нравственная христіанская жизнь съ IV в.; распространеніе монашества и его значеніе въ дальнѣйшей христіанской исторіи.

Религіозныя волненія въ христіанской церкви въ періодъ Вселенскихъ соборовъ. Особенныя причины, характеръ и значеніе этихъ волненій. Церковная борьба на Востокѣ въ IV вѣкѣ; арианство, полуаріанство, антиохійскій расколъ, македоніанство. 1-й 2-й и вселенскіе соборы. Замѣчательнѣйшіе учителя церкви IV вѣка.

Споры о лицѣ Іисуса Христа (христологическіе) въ V—VII вѣкахъ. Несторіанство и 3-й вселенскій соборъ. Монофизитство и 4-й вселенскій соборъ. Споры о трехъ главахъ и 5-й вселенскій соборъ. Моноелитство и 6-й вселенскій соборъ. Замѣчательнѣйшіе учителя церкви V—VII в. Новыя вѣроисповѣдныя общества, образовавшіяся на Востокѣ въ періодъ христологическихъ споровъ. Распространеніе магометанства на Востокѣ и его вліяніе на христіанскія страны.

Иконоборство, какъ послѣдняя попытка къ подрыву православія на Востокѣ. 7-й вселенскій соборъ и Константинопольскій соборъ 842 г. Торжество православія. Полнѣйшее раскрытіе началъ православнаго богословія, церковнаго богослуженія и церковнаго устройства въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Замѣчательнѣйшіе учителя церкви VIII и IX вв.

Западная церковь въ IV и V вѣкахъ. Ереси на западѣ: арианство, донатизмъ, прискилліанство, пелагіанство. Политическій переворотъ на западѣ—паденіе Римской имперіи, и его вліяніе на церковную жизнь. Распространеніе христіанства на Западѣ съ V вѣка и вліяніе церкви на образованіе новаго государственнаго и общественнаго строя въ Западной Европѣ. Возвышающееся значеніе римской церкви и ея отношенія къ другимъ церквамъ. Состояніе просвѣщенія и религіозно нравственная жизнь въ западномъ христіанствѣ послѣ паденія Римской имперіи.

Раздѣленіе церквей. Отношеніе между западными и восточными церквами до раздѣленія. Обстоятельства подготовившія раздѣленіе: догматическія, обрядовыя и церковно-административныя разности между восточными и западными церквами. Возвышеніе римскихъ папъ и ихъ притязанія на подчиненіе другихъ церквей. Споры между

папами и Константинопольскими патриархами въ IX и XI вѣкахъ. Дальнѣйшія отношенія раздѣлившисьъ церквей.

Жизнь и развитіе Западной церкви послѣ отдѣленія отъ Восточной. Замѣчательнѣйшія изъ догматическихъ, обрядовыхъ и церковно-административныхъ нововведеній, утвердившихся на Западѣ послѣ раздѣленія церквей. Средневѣковая католическая схоластика.

Вышнія судьбы Западной церкви въ средніе вѣка. Постепенное возвышеніе папства съ IX до XIV вѣка, и начало колебаній его съ XIV вѣка. Оппозиція папству на западѣ въ средніе вѣка: борьба папъ съ европейскими государями; замѣчательнѣйшія изъ средневѣковыхъ западныхъ сектъ; реформаторскіе соборы XV вѣка. Состояніе западной церкви передъ реформаціей.

Возникновеніе и распространеніе протестантства. Внутренній характеръ и отличительные пункты протестантской вѣроисповѣдной системы.

Раздѣленіе протестантства на разныя исповѣданія и секты. Лютеранство, реформатство, англиканство съ ихъ особенностями и различными въ нихъ партіями.

Замѣчательнѣйшія событія въ католицизмѣ съ XVI вѣка. Иезуиты; Тридентскій соборъ; Галликанская церковь; янсенисты. Папство въ XVIII вѣкѣ; реформы въ германскомъ католицизмѣ; потрясеніе въ католической церкви во время французской революціи. Папство при Наполеонѣ I. Папство въ новое время: италіанская революція и Италіанское королевство; паденіе свѣтской власти папъ. Провозглашеніе новыхъ догматовъ; Ватиканскій соборъ; старокатолики.

Мелкія религіозныя секты и партіи въ западномъ христіанствѣ въ XVI—XIX вѣкахъ: социніане, анабаптисты (меннониты), квакеры, піетисты, гернгутеры, методисты, масоны, сведенборгіане (спириты), ирвингіане, мормоны. Новыя философскія и политическія ученія въ ихъ отношеніяхъ къ церкви. Религіозное состояніе христіанскаго запада въ послѣднее время.

Восточное христіанство послѣ раздѣленія церквей. Греческая церковь въ предѣлахъ Византійской имперіи до паденія Константинополя. Отношенія ея къ другимъ восточнымъ церквамъ; отношенія къ государству. Состояніе просвѣщенія; замѣчательнѣйшіе писатели. Ереси и религіозные споры: павликіанство, богомилство, арсеніанскіе споры, споръ о еаворскомъ свѣтѣ. Уніонныя попытки: лійонская и флорентійская уніи.

Греческія церкви подъ магометанскимъ игомъ. Восточные патриар-

ханыт — Іерусалимскій, Антіохійскій, Александрійскій — подь властью арабовъ, крестоносцевъ, турокъ. Константинопольскій патриархатъ подь властью турокъ. Независимая Греческая церковь въ новомъ Греческомъ королевствѣ; ея образование, устройство, состояніе просвѣщенія.

Христіанство у славянъ до Кирилла и Меѳодія. Проповѣдь Кирилла и Меѳодія; славянская грамота; переводъ священныхъ книгъ. Историческія и религіозныя судьбы западнаго и южнаго славянства послѣ Кирилла и Меѳодія. Современное состояніе православія между западными и южными славянами.

Распространеніе христіанства въ Россіи; внутреннее устройство русской церкви и ея отношенія къ другимъ христіанскимъ церквамъ.

Древняя Русская церковь подь управленіемъ митрополитовъ. Важнѣйшія событія, замѣчательнѣйшіе дѣятели, значительнѣйшія особенности во внутреннемъ устройствѣ церкви и въ отношеніяхъ ея къ государству и народу въ различныя эпохи древней русской исторіи.

Патріаршія и синодальныя періоды русской церковной исторіи. Важнѣйшія событія, замѣчательнѣйшіе дѣятели, значительнѣйшія особенности во внутреннемъ устройствѣ церкви и отношеніяхъ ея къ государству и обществу въ послѣдніе вѣка.

Исторія духовнаго просвѣщенія въ Россіи. Замѣчательнѣйшіе русскіе духовные писатели—древніе и новыя.

Русское сектанство. Древнѣйшія русскія секты до XVII вѣка. Старообрядчество поповщинское и беспоповщинское. Раціоналистическое сектанство: духоборцы, молокане, штундисты. Мистическія секты: хлысты, скопцы и под. Извращенно-религіозныя и антирелигіозныя увлеченія и направленія въ высшемъ классѣ русскаго общества.

Сверхъ того, испытуемцѣ, согласно съ § 19-мъ экзаменныхъ требованій, долженъ обнаружить болѣе близкое знакомство съ одною изъ эпохъ исторіи церкви, воспользовавшись указаніями и руководствомъ университетскихъ преподавателей по этому предмету.

„ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ“ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ¹⁾.

VI.

Послѣднія времена Рѣчи Посполитой въ русской исторической литературѣ.

Русскіе историческіе труды объ эпохѣ паденія Польши совершенно также, какъ и вся наша публицистика по польскому вопросу, относятся только къ тремъ послѣднимъ десятилѣтіямъ. Въ этой главѣ мы не будемъ разсматривать ни того изданнаго въ Россіи историческаго матеріала, который имѣетъ отношеніе къ польскимъ дѣламъ въ XVIII вѣкѣ ²⁾, ни сочиненій по исторіи западной и южной Россіи, по скольку онѣ касаются польско-русскихъ отношеній ³⁾, ни наконецъ, историческихъ трудовъ, касающихся исключительно самой Польши до середины XVIII вѣка ⁴⁾; мы остановимся только на тѣхъ

¹⁾ *Продолженіе*. См. июньскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Много такого матеріала заключають въ себя изданія археографическихъ комиссій, *Ученія въ Обществѣ исторіи и древностей русскаго языка, Сборники Русскаго Историческаго Общества, Русская старина, Русский архивъ, Архивъ кн. Воронцова* и т. п., или спеціальныя изданія въ родѣ „Документовъ, объявляющихъ исторію западно-русскаго края и его отношеній къ Россіи и Польшѣ“ (1865) и т. п.

³⁾ Перечислять здѣсь всѣ такіе труды было бы слишкомъ долго. Сюда отнесемъ, кромѣ указанныхъ сочиненій прое. Коляковича, еще „Исторію возсоединенія Русей“ *Кулиша* и т. п.

⁴⁾ По польской исторіи самой по себѣ у насъ мало историческихъ трудовъ: *Трачевскій*. Польское безкоролье по прекращеніи династій Ягеллоновъ. М. 1869. *Уламецъ*. Вырожденіе Польши. С.-Пб. 1872. *Любовичъ*. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Варшава. 1883. *Жуковичъ*. Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени. С.-Пб. 1882. *Карневъ*. Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. М. 1886.

немногихъ произведеніяхъ нашей исторической литературы, которыя прямо имѣютъ предметомъ упадокъ и гибель Рѣчи Посполитой¹⁾. Сочиненія, о конхъ будетъ идти рѣчь въ этой главѣ, суть слѣдующія: 1) „Борьба за польскій престолъ“ проф. В. И. Герье, 2) „Исторія паденія Польши“ С. М. Соловьева (равно какъ послѣдніе томы его „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“), 3) „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ Н. И. Костомарова, 4) „Гродненскій сеймъ“ Д. И. Пловийскаго, и 5) „Станиславъ-Августъ Цоцитовскій и Литва въ 1794—1797 гг.“ М. О. де-Шуле. Изъ этихъ трудовъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ Костомарова, какъ самый обширный, самый богатый по содержанію и наиболѣе способный сдѣлаться книгою для чтенія въ большой публикѣ, что и доказывается тремя его изданіями въ теченіе пятнадцати лѣтъ (1870—1885). Поэтому весьма естественно, что мы остановимся преимущественно на этой книгѣ. Затѣмъ всю эпоху польскихъ раздѣловъ охватываетъ сочиненіе Соловьева, но оно уступаетъ труду Костомарова и по объему, и по содержанію своему болѣе одностороннему, такъ какъ Соловьевъ имѣетъ въ виду одну только политику и излагаетъ ее почти исключительно на основаніи одного архивнаго матеріала,—не говоритъ о томъ, наконецъ, что оно остается далеко позади труда Костомарова по изложенію. Что касается до книги проф. Герье, то въ ней изображается эпоха, предшествовавшая той, изученіе которой разсматривается въ нашемъ обзорѣ: указываемъ на книгу, какъ на одинъ изъ первыхъ у насъ трудовъ по польской

¹⁾ Не касаюсь здѣсь также болѣе спеціальныхъ сочиненій въ родѣ сочиненія А. Петрушевскаго „Генералиссимусъ князь Суворовъ“ (С.-Пб. 1884), въ которомъ есть и отдѣлы о польскихъ дѣлахъ (т. I, главы IV—V и т. II, гл. XIV—XIX). Значило бы равнымъ образомъ до-нельзя распространить обзоръ, если бы мы включили въ него и журнальныя статьи, изъ конхъ нѣкоторыя здѣсь только отмѣтимъ: *Полоискій*. Польша и Испанія. Историческая параллель въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ (*Русск. Слово* 1863, № 11—12) *Уманецъ*. Реншишъ и Станиславъ Августъ (*Древн. и новая Россія* 1875) *Макушевъ*. Россія и Польша въ XVIII в. (*Русск. Вѣстн.* 1870. № 5). *Иловайскій*. Гр. Яв. Сиверсъ (*Русск. Вѣстн.* 1865). Его же. 3-го мая 1791 г. (*Русск. Вѣстн.* 1864). Его же. Польскіе сеймики во второй половинѣ XVIII в. (*Русск. Вѣстн.* 1869). Послѣдній раздѣлъ (*Русск. Вѣстн.* 1864). *Щебальскій*. Народныя движенія въ Подоляхъ и на Волынѣ въ 1768—1789 гг. (*Русск. Вѣстн.* 1863). Его же. Русская политика и русская партія въ Польшѣ (*Русск. Вѣстн.* 1864). Иттиная перенима послѣдняго короля Польскаго (*Русск. Вѣстн.* 1875). Польша и поляки при Станиславѣ Понятовскомъ (*Вѣстн. Евр.* 1874). На канушъ раздѣла (*Вѣстн. Евр.* 1883). Три раздѣла Польши (*От. Зап.* 1863) и др.

исторіи, основанныхъ на архивныхъ источникахъ, и приводимъ изъ нея тѣ немногія мѣста, въ которыхъ авторъ говоритъ объ общихъ причинахъ упадка, въ какомъ находилась Рѣчь Посполитая за сроки дѣтъ до перваго раздѣла. Сочиненіе г. Иловайскаго, равнымъ образомъ, должно насъ занять очень мало, такъ какъ въ немъ описывается лишь эпоха втораго раздѣла, и само оно имѣетъ преимущественно фактическое содержаніе. Трудъ де-Пуле относится къ эпохѣ, слѣдовавшей за паденіемъ Польши, по въ немъ много интереснаго и для общаго вопроса по собраннымъ авторомъ фактамъ и по высказаннымъ имъ соображеніямъ. Замѣтимъ еще, что иностраннымъ и отчасти польскимъ историкамъ сдѣлалось болѣе всего извѣстнымъ не сочиненіе Костомарова, хотя за послѣднее время и на него дѣлаются ссылки: „Исторія паденія Польши“ Соловьева была переведена на нѣмецкій языкъ ¹⁾), „Гродненскій сеймъ“ г. Иловайскаго—на польскій ²⁾). Трудъ проф. Герье остался даже совсѣмъ неизвѣстнымъ польскимъ историкамъ: во первыхъ, вышелъ онъ въ свѣтъ на канунѣ событій 1863 г., когда интересы современности совершенно оттѣснили на задній планъ интересы науки, а вовторыхъ, только въ очень недавнее время польскіе историки вполнѣ сознали необходимость обращаться къ русской исторіографіи. Напримѣръ, въ 1873 году извѣстный польскій писатель Крашевскій издалъ первый томъ сочиненія о Польшѣ въ эпоху раздѣловъ (см. въ слѣдующей главѣ) и, перечисляя писателей, занимавшихся тѣмъ же періодомъ, совсѣмъ не упоминаетъ о русскихъ авторахъ. Только въ III томѣ сочиненія Крашевскаго мы встрѣтили ссылку на Костомарова. Съ послѣднимъ началъ знакомиться и Калинка, лишь дошедши до середины своего оставшагося не оконченнымъ изслѣдованія о четырехдѣтнемъ сеймѣ.

„Борьба за польскій престолъ въ 1733 году“ представляетъ собою магистерскую диссертацию, которая была защищена В. И. Герье въ Московскомъ университетѣ около двадцати-пяти лѣтъ тому назадъ ³⁾. „О междуцарствіи 1733 года“, говоритъ авторъ въ началѣ приложеній, въ коихъ помѣщены архивные документы (главнымъ образомъ донесенія камергера Ф. К. Левепвольда изъ Варшавы),— „о между-

¹⁾ *Ssolowjow. Der Fall Polens.*

²⁾ *Polwajski. Sejm grodzieński г. 1793. Poznań. 1871.*

³⁾ *В. Герье. Борьба за польскій престолъ въ 1733 году. Историческая диссертация, составленная по архивнымъ источникамъ. Москва. 1862.*

царствіи 1733 года нѣтъ ни одной монографіи, а писатели, излагавшіе общую исторію XVIII вѣка, только мимоходомъ касаются этого событія, на сколько это имъ необходимо для объясненія европейскихъ дѣлъ, ихъ интересующихъ“¹⁾. И недавно еще одному изъ польскихъ историковъ пришлось отмѣтить тотъ фактъ, что исторія Саксонскихъ королей и особенно Августа III мало до сихъ поръ разработана въ научной литературѣ²⁾, такъ что безъ сдѣланнаго выше объясненія было бы очень странно, какимъ образомъ работа профессора Герье, посвященная столь мало изслѣдованной эпохѣ, осталась неизвѣстною польскимъ историкамъ³⁾, тѣмъ болѣе, что авторъ для своей книги пользовался архивнымъ матеріаломъ. Съ той точки зрѣнія, съ какой въ этомъ очеркѣ мы разсматриваемъ отдѣльныя произведенія исторической литературы, настѣ, конечно, должно интересоваться не то, что относится спеціально къ темѣ изслѣдованія профессора Герье, а то, какой взглядъ былъ имъ высказанъ относительно причинъ паденія Польши. Указавъ въ предисловіи на то, что съ начала XVIII вѣка Россія стала играть видную роль въ международной политикѣ, авторъ замѣчаетъ, что около того же времени и въ польской исторіи произошелъ знаменательный переворотъ. „И Польша“, продолжаетъ онъ, — „также тѣснѣе сблизилась съ западными европейскими государствами и болѣе стала привлекать на себя ихъ вниманіе. Но это не привело ее къ добру. Вслѣдствіе недостатковъ своего общественнаго быта—отсутствія сильной правительственной власти, раздѣленія всего народа на два слоя, наконецъ, необузданнаго стремленія шляхтичей къ демократическому равенству, Польша не была въ состояніи поддержать свою самостоятельность и подпала подъ опеку европейскихъ дипломатовъ. Первый опытъ этыхъ дипломатовъ, произведенный въ болѣе широкихъ размѣрахъ, относится къ 1733 году. Положительно всѣ европейскія государства были на этотъ разъ заинтересованы въ польскомъ вопросѣ и принимали большее или меньшее участіе въ его рѣшеніи. Событія 1733 года были поводомъ къ общевропейской волнѣ, а самую Польшу они ослабили до того, что она потеряла свой голосъ въ совѣтѣ европейскихъ державъ. Когда

¹⁾ Нѣсколько словъ объ источникахъ, стр. III.

²⁾ *Kaz. Jarochoowski* въ рецензіи на сочиненіи *Валшевскаго* „*Polecy i Czartoguscy*“, помѣщенной въ газетѣ *Kraj (Przeглядъ literacki)*, 1887 № 31). Самъ г. Яроховскій недавно издалъ рядъ статей подъ заглавіемъ: *Z czasów saskich, spraw wewnętrznych, polityki i wojny*. Poznań. 1886.

³⁾ См., напримеръ, у *Бобржинскаго* и *Шульскаго* библиографическіе указатели.

черезъ нѣсколько лѣтъ три самыя сильныя государства Европы вооружились противъ возрастающаго могущества Пруссіи, и для Польши настало удобное время отдѣлаться отъ предприимчиваго и опаснаго сосѣда, она уже не могла подняться изъ своего безпомощнаго состоянія. Еще одинъ сильный толчекъ, еще одна операція дипломатовъ, и большой организмъ ея долженъ былъ разрушиться¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ, въ главѣ, посвященной „конвокаціонному“ сейму 1733 года, авторъ бросаетъ взглядъ на прошлое Польши сравнительно съ другими европейскими государствами. „Въ то время“, говоритъ онъ, — „когда во всей Европѣ усиливался государственный элементъ, въ Польшѣ прекратился древній царствующій домъ Пястовъ, и установился избирательный образъ правленія. Польскіе короли, обязанные своимъ возвышеніемъ произволу избирателей, уступали имъ свои верховныя права одно за другимъ. Эта уступчивость послужила не въ пользу всего народа польскаго, а только въ пользу одного сословія. Во время феодализма у всѣхъ народовъ верхній слой составляли военные люди, и этотъ господствующій слой носилъ на себѣ много признаковъ касты. Но съ возникновеніемъ государственнаго начала усиливалось значеніе низшихъ слоевъ, и касты не могли ужиться въ живомъ организмѣ государства. Въ Польшѣ вслѣдствіе извѣстныхъ политическихъ и экономическихъ условій, низшій слой не могъ пріобрѣсти никакого значенія, потому что не развивалась городская жизнь... Поэтому къ концу средневѣковой исторіи польскій народъ раздвоился совершенно какъ бы на двѣ касты: на шляхту и на прочихъ жителей, которые стояли немного выше рабовъ. Не было той власти, которая могла бы стереть слишкомъ рѣзкія отличія этихъ двухъ слоевъ, и шляхтичи стали господствовать въ Польшѣ. Чѣмъ больше вкоренялся въ нихъ духъ касты, тѣмъ ревнивѣе соблюдали они между собою полное равенство..... Польскіе демократическіе писатели, какъ, напримѣръ, Лелевель, стараются доказать, что въ Польшѣ издревле былъ силенъ демократическій элементъ. Но польская шляхта всегда руководилась болѣе духомъ касты, чѣмъ чисто демократическими идеями“²⁾. Упомянувъ далѣе о возникновеніи въ Польшѣ сейма, авторъ продолжаетъ: „Представительная система въ настоящемъ смыслѣ можетъ существовать только въ организованномъ государствѣ, гдѣ меньшинство понимаетъ необходимость уступить

¹⁾ В. Герье. Борьба за польскій престолъ. Предисловіе, стр. IV.

²⁾ Ibid., 212—213.

большинству, если оно не хочет повредить цѣлому организму. Въ кастѣ же воля каждой отдѣльной единицы имѣеть такую же цѣну, какъ воля другой единицы или нѣсколькихъ взятыхъ вмѣстѣ, поэтому тутъ не можетъ быть рѣчи объ уступкѣ. Всякая единица могла парализовать волю цѣлаго сейма. Съ уничтоженіемъ *liberum veto*, то-есть, безграничной воли отдѣльныхъ личностей, долженъ былъ бы угаснуть и духъ касты. Чѣмъ болѣе сохранившійся духъ касты становился на перекоръ новымъ требованіямъ времени, тѣмъ бесплоднѣе становились польскіе сеймы¹⁾. „Исторія всѣхъ польскихъ сеймовъ“, говоритъ онъ еще, — „очень однообразна и не всегда стоитъ вниманія, потому что рѣдко сеймы имѣли какой-нибудь результатъ“²⁾. Вотъ какъ еще формулируетъ профессоръ Герье печальное положеніе Польши въ XVIII вѣкѣ: „отсутствіе сильнаго и твердаго правительства, высокомеріе и спѣсъ въ одномъ сословіи, работѣнное смиреніе въ другомъ, всеобщее невѣжество и религіозная нетерпимость,—вотъ бѣдствія, которыя тяготѣли надъ Польшей и влекли ее къ совершенному упадку“³⁾.

Такимъ образомъ авторъ „Борьбы за польскій престолъ“ видитъ причину паденія Польши тамъ, гдѣ ее уже давно указывали, то-есть, въ ослабленіи центральной власти, въ полномъ порабощеніи шляхтою народной массы и въ кастическомъ духѣ самой шляхты. Онъ не упоминаетъ о томъ, что Рѣчь Посполитая развѣдалась религіознымъ и національнымъ антагонизмомъ,—и не упоминаетъ, быть можетъ, потому, что борьба 1733 г. была чисто политической, хотя въ книгѣ, изданной послѣ 1863 г., несомнѣнно, въ общихъ соображеніяхъ о судьбахъ Рѣчи Посполитой былъ бы отмѣченъ и русско-польскій вопросъ. Политическая точка зрѣнія автора проявляется и въ томъ, что онъ указываетъ на начало международной роли Россіи при Петрѣ Великомъ, приведшей къ вмѣшательству нашей политики въ польскія дѣла, и въ томъ, что на раздѣлы Рѣчи Посполитой онъ смотритъ, какъ на „операцию дипломатовъ“. Оно такъ и было, и только послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія профессора Герье было обращено особое вниманіе на то, что эта „операция“ совпала съ разрѣшеніемъ давнишняго спора Москвы и Рѣчи Посполитой за Русь. Въ годъ польскаго возстанія 1863 г. вышла въ свѣтъ книга С. М. Соловьева

¹⁾ Ibid., 214.

²⁾ Ibid., 218. Ср. описаніе сеймиковъ, стр. 343.

³⁾ Ibid., 351.

о паденіи Польши, и въ ней этому соображенію уже отводится важное мѣсто.

Въ своей „Исторіи паденія Польши“ ¹⁾ Соловьевъ посвящаетъ общимъ взглядамъ небольшое вступленіе, заключающее въ себѣ лишь около десяти страницъ. На первой же страницѣ рѣзко и рѣшительно выставляется на первый планъ то, что уже въ первой половинѣ XVII вѣка между Россіей и Польшею „исторія постановила роковой вопросъ, при рѣшеніи котораго одна изъ нихъ должна была окончить свое политическое бытіе“,—и вслѣдъ за этимъ дѣлается указаніе на „нестерпимыя гоненія, которыя русскій народъ въ польскихъ областяхъ терпѣлъ за свою вѣру“. „Русскіе люди“, говоритъ далѣе Соловьевъ,—„были не одни среди враговъ своей вѣры и народности, за ними стояло обширное и независимое русское, православное государство“ ²⁾. Указавъ на казацкія возстанія, имѣвшія результатомъ присоединеніе къ Московскому государству части Малороссіи, и на послѣдовавшую за этимъ въ теченіе ста лѣтъ приостановку дальнѣйшаго собиранія Русской земли, а затѣмъ очертивъ международное положеніе Россіи въ первой половинѣ XVIII вѣка ³⁾, историкъ переходитъ къ разсмотрѣнію условій, при какихъ Россія пришлось „волею-неволею свести старыя счеты съ Польшею“. Опредѣляетъ онъ эти условія слѣдующимъ образомъ: „привели дѣло къ концу 1) русское національное движеніе, совершившееся, какъ прежде, подъ религиознымъ знаменемъ; 2) завоевательныя стремленія Пруссіи; 3) преобразовательныя движенія, господствовавшія въ Европѣ съ начала вѣка до конца его“. Авторъ не останавливается на первомъ моментѣ, какъ на понятномъ самомъ по себѣ: „здѣсь“, говоритъ онъ,—„связь явленій, кажется, очень ясна; распространяться о ней не нужно“ ⁴⁾. О второмъ моментѣ онъ говоритъ словами Зибеля ⁵⁾. „Третьею причиною паденія Польши“, пишетъ далѣе Соловьевъ,—„указали мы преобразовательныя движенія XVIII вѣка... Среди преобразовательныхъ движеній, которыми ознаменовался вѣкъ, среди движеній, происходившихъ всюду около, Польша не могла оставаться спокойною, тѣмъ болѣе, что въ ней преобразованія были нужнѣе, тѣмъ гдѣ-либо: вслѣдствіе безобразно-односторонняго развитія одного

¹⁾ *Сергій Соловьевъ. Исторія паденія Польши. Москва. 1863.*

²⁾ *Ibid., 2.*

³⁾ *Ibid., 2—6.*

⁴⁾ *Ibid., 6.*

⁵⁾ *Ibid., 7—8. Приводится мѣсто изъ Geschichte der Revolutionzeit. I, 157.*

сословія, вслѣдствіе внутренняго безпорядка Польша потеряла свое политическое значеніе, ея независимость была только номинальною, болѣе вѣка она уже страдала изнурительною лихорадкой, истощившею ея силы. Естественно, что нѣкоторые поляки должны были придти къ мысли, что единственнымъ средствомъ для ихъ отечества было преобразование правительственныхъ формъ... Но что бываетъ спасительно для крѣпкихъ организмовъ, то губить слабые, и попытка преобразования только ускорила паденіе Польши¹⁾. Самое устройство Рѣчи Посполитой Соловьевъ изображаетъ такимъ образомъ: „Польша представляла собою обширное военное государство. Вооруженное сословіе, шляхта, имѣя у себя исключительно всѣ права, корчилась на счетъ земледѣльческаго, рабскаго народонаселенія; городъ не поднимался и его народонаселеніе не могло сопоставить со шляхтою другую уравновѣшивающую силу, потому что промышленность и торговля были въ рукахъ иностранцевъ, нѣмцевъ, жидовъ. Войско, слѣдовательно, было единственною силою, могшею развиваться безпрепятственно и опредѣлить въ свою пользу отношенія къ верховной власти, которая была сдержана въ самомъ началѣ польской исторіи и потомъ все никла болѣе и болѣе передъ вельможествомъ и шляхтою. Отсутствие государственныхъ и общественныхъ сдержекъ, сознаніе своей силы, исключительной полноправности и независимости условливали въ польской шляхтѣ крайнее развитіе личности, стремленіе къ необузданной свободѣ, неумѣніе сторониться съ своимъ „я“ передъ требованіями общаго блага“²⁾.

Книга Соловьева написана, какъ мы замѣтили уже, почти исключительно на основаніи дипломатической переписки, которая часто и приводится цѣликомъ въ разказѣ о событіяхъ, и самъ разказъ поэтому вращается главнымъ образомъ на дѣлахъ, бывшихъ предметомъ дипломатической переписки: внѣшняя политика и чисто прагматическая сторона внутренней исторіи составляютъ главное содержаніе книги. вмѣстѣ съ этимъ, приводя выдержки изъ дипломатической переписки, историкъ паденія Польши, такъ сказать, судить обо всемъ словами лицъ, игравшихъ роль въ событіяхъ, очень рѣдко вставляя собственныя сужденія. Сначала идетъ разказъ главнымъ образомъ о диссидентскомъ дѣлѣ. „Удивительное зрѣлище представляла въ это время Польша“, говоритъ Соловьевъ, — „народныя силы,

¹⁾ Ibid., 9.

²⁾ Ibid., 10.

казалось, пробуждались послѣ долгаго усыпленія, обнаруживалось необыкновенное единодушіе—но для чего? для того ли, чтобы установить лучшей порядокъ, освободиться отъ иностраннаго вліянія? Нѣтъ, для того, чтобы не сдѣлать ни малѣйшей уступки требованіямъ диссидентовъ, чтобы не признать никакихъ правъ за христіанами другихъ исповѣданій, кромѣ католическаго. И въ то же время все ограничивалось страдательнымъ упорствомъ, ограничивалось одними криками; никто не думалъ о средствахъ дѣятельнаго, серьезнаго сопротивленія сосѣднимъ державамъ, Россіи и Пруссіи, которыя не могли бросить диссидентскаго дѣла; фанатизмъ только гальванизировалъ мертвое тѣло, но къ жизни его не возбуждалъ.¹⁾ Таково впечатлѣніе, произведенное поведеніемъ поляковъ на автора, рѣдко дѣлящагося своими впечатлѣніями. Въ началѣ разказа о барской конфедераціи онъ точно также въ немногихъ словахъ отмѣчаетъ ея безсиліе: „Возстаніе это вовсе не было народнымъ: громкія слова вѣра и свобода! не производили впечатлѣнія на массу; трудно было подниматься за вѣру, не видя, кто и какъ угнѣсняетъ вѣру; трудно было подниматься за свободу, которою пользовалась одна шляхта, и пользовалась ею для того, чтобы составлять конфедераціи то противъ одного, то противъ другаго, приглашая на помощь чужія войска, а теперь хотѣла подпять конфедерацію для вытѣсненія этихъ войскъ, провозглашая ихъ врагами свободы“²⁾. Неблагопріятное впечатлѣніе производятъ на автора и пятнадцать лѣтъ отдыха, мира, данныя Польшѣ судьбой послѣ перваго раздѣла: указавъ вкратцѣ на то, что было сдѣлано въ эти полтора десятка лѣтъ для внутренняго улучшенія, онъ замѣчаетъ, однако, что „всѣ эти цвѣтки, показавшіеся на поверхности почвы при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не были признаками возрожденія Польши, которая неминуемо должна была поплатиться жизнью за всю свою исторію. Признаки этой наступающей расплаты“, прибавляетъ онъ,— „были явны для всякаго разумнаго и внимательнаго наблюдателя“,³⁾ и передаетъ далѣе характеристику польскаго общества, сдѣланную саксонскимъ резидентомъ Эссенемъ⁴⁾. „Преобра-

¹⁾ Ibid., 34—35. Диссидентское дѣло излагается въ трехъ первыхъ главахъ стр. 12—75.

²⁾ Ibid., 76. Эпоха барской конфедераціи до перваго раздѣла включительно разказана въ главахъ IV и V (стр. 74—149).

³⁾ Ibid., 152.

⁴⁾ Нельзя не замѣтить, что Эссенъ былъ очень пристрастный и враждебный къ полякамъ дипломатъ.

зовательная дѣятельность Станислава Августа¹⁾, говорить онъ еще,— „только слегка коснулась поверхности; пораженное неизлѣчимою болѣзнию общественное тѣло способно было только къ судорожному предсмертному движенію, когда поднялся восточный вопросъ“²⁾). Не менѣе неблагоприятнымъ образомъ отзывается онъ и о конституціи 3-го мая, за скорое паденіе коей ручался, какъ онъ выражается, „параличь государственнаго и народнаго тѣла, которое нельзя было возбудить къ жизни никакими реформами, никакими восторженными криками, портупелями и поясами“³⁾). Наконецъ, и костюшковское возстаніе идетъ въ одинъ рядъ съ другими явленіями внутренней жизни Польши, которыя, по Соловьеву, не могли спасти государство отъ гибели. Разказавъ объ энергіи, проявленной знаменитымъ польскимъ вождемъ, историкъ говоритъ далѣе: „Но все это не вело ни къ чему: придавленные крестьяне не понимали, какое у нихъ можетъ быть общее дѣло съ шляхтою... Крестьяне не поднимались, а между тѣмъ шляхта скльно встревожилась, увидавъ поведеніе генералиссимуса относительно крестьянъ, и нисколько не думала сообразоваться съ этимъ поведеніемъ. Въ то время, когда Костюшко заставлялъ крестьянъ въ рядахъ своихъ биться за ойчизну, шляхта обременяла женъ и дѣтей ихъ панъщициною и т. д.“⁴⁾). Наиболѣе сильное мѣсто всей книги—то, гдѣ Соловьевъ говоритъ о нѣмомъ засѣданіи гродненскаго сейма, рѣшившемъ второй раздѣлъ: въ этомъ мѣстѣ много правды. „Такъ“, говоритъ онъ,—„произошелъ второй раздѣлъ Польши, доказавшій прежде всего, что въ Польшѣ не было народа; народъ

¹⁾ Ibid., 154. Глава VI (стр. 149—172) только начинается описаніемъ того, что происходило въ Польшѣ послѣ перваго раздѣла, а посвящена она восточнымъ дѣламъ до присоединенія Крыма. Международной политикѣ посвящена и глава VII (стр. 172—203), гдѣ между прочимъ и мимоходомъ говорится о первыхъ шагахъ четырехлѣтняго сейма (стр. 193—196). Содержаніе главы VIII (стр. 204—222) также внѣшняя политика.

²⁾ Ibid., 246. Разказъ о дѣятельности сейма и конст. 3-го мая см. въ главѣ IX (стр. 222—262), но добрая половина ея говоритъ опять о внѣшней политикѣ.

³⁾ Ibid., 343. Содержаніе главы X (стр. 262—287)—внутреннее и внѣшнее противодѣйствіе конституціи 3-го мая, главы XI (стр. 287—315)—переговоры державъ, приведшіе ко 2 раздѣлу, и второй раздѣлъ главы XII (315—356)—костюшковское движеніе. Польскій отзывъ объ этой книгѣ Соловьева: Solowjew, najspokojniejszy i najbezstronniczszy z badaczy rossyjskich w specjalnej monografii o drugim i trzecim rozbiore wyjasnil wklanajac dyplomatycznâ i szerególnie nacisk Prus. Korzon. Wewnêtrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta. IV, 664. Ср. отзывъ у Zdanowicza-Sowińskiego. IV, 781.

молчалъ, когда шляхетскіе депутаты волновались въ Гроднѣ вслѣдствіе требованій Россіи и Пруссіи. Оказались слѣдствія того, что въ продолженіе вѣковъ народъ молчалъ, и шумѣлъ только оданъ шляхетскій сеймъ, на немъ только раздавались красивыя рѣчи. Но такое явленіе не могло быть продолжительно, и сеймъ принужденъ былъ онѣмѣть, потому что все вокругъ было нѣмо. Быть можетъ, нѣкоторые будутъ поражены этимъ нѣмымъ засѣданіемъ сейма; быть можетъ, въ нѣкоторыхъ возбудится сильное сочувствіе къ онѣмѣвшимъ депутатамъ: но развѣ ихъ не сильнѣе поражаетъ еще болѣе страшное онѣмѣніе, онѣмѣніе цѣлаго народа? развѣ они не видятъ въ онѣмѣніи депутатовъ послѣдняго сейма только необходимое слѣдствіе онѣмѣнія цѣлаго народа?“¹⁾

Изъ приведенныхъ мѣстъ, въ которыхъ высказалъ Соловьевъ свой взглядъ на внутреннія дѣла самой Польши, можно видѣть, что нашъ историкъ принадлежитъ къ числу наиболѣе пессимистически относившихся къ этимъ дѣламъ: не говоря уже о томъ, что и онъ считаетъ старопольскіе порядки невозможными, особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на его недовѣріе къ тому, что другими авторами выставляется, какъ внутреннее возрожденіе Рѣчи Посполитой послѣ перваго раздѣла. Если одни историки склонны преувеличивать значеніе этого возрожденія, то Соловьевъ именно не хочетъ видѣть ни малѣйшихъ его признаковъ. По его представленію, попытки реформъ только ускорили паденіе государства. Польша была мертвымъ тѣломъ, которое можно было гальванизировать, но котораго нельзя было оживить. Преобразовательной дѣятельности въ эпоху между первымъ раздѣломъ и четырехлѣтнимъ сеймомъ онъ не придаетъ рѣшительно ни малѣйшаго значенія, и въ этомъ отношеніи съ нимъ не согласятся не только тѣ польскіе историки, которые готовы, на оборотъ, признать за этими реформами значеніе, какого онѣ не имѣли или не могли имѣть, но и русскіе изслѣдователи, вовсе не склонные придавать возрожденію Польши въ 1773—1788 гг. особенно большіе размѣры. Конечно, Соловьевъ въ своемъ сужденіи опирался на современныя свидѣтельства, но такъ какъ въ его рукахъ находились главнымъ образомъ дипломатическіе документы, то эти свидѣтельства были нѣсколько односторонни. Иногда показанія о польскомъ обществѣ прямо внушены были враждою. Къ одному изъ приведенныхъ мѣстъ мы сочли нужнымъ сдѣлать подстрочное примѣчаніе: изобраз-

¹⁾ Соловьевъ, 312—313.

жам состояніе польскаго общества, Соловьевъ ссылается на саксонскаго дипломата Эссена, можно сказать, прославившагося своею ненавистью къ полякамъ и, напримѣръ, значительно повліявшаго на крайне враждебный по отношенію къ полякамъ тонъ одного современнаго памфлета, направленнаго противъ конституціи 3-го мая ¹⁾. Другой русскій историкъ обратилъ вниманіе на пристрастность Эссена, хотя и не оспариваетъ вѣрности его показаній. Приведши именно письмо этого дипломата, Костомаровъ говоритъ далѣе: „Нельзя не замѣтить въ этомъ письмѣ, какъ вообще въ письмахъ Эссена, того предубѣжденія, какое почти всегда и вездѣ питаетъ нѣмецъ къ славянамъ; кромѣ того, саксонскій министръ хочетъ видимо представить кругъ, въ которомъ находится, въ возможно грязномъ свѣтѣ, для того, чтобы возвысить цѣну своихъ трудовъ и безпокойствъ по занимаемой имъ должности, и тѣмъ самымъ показать, что за это онъ достоинъ особой милости и вниманія своего князя-избирателя“, то-есть, саксонскаго курфюрста ²⁾. Не входя въ подробную оцѣнку ни показаній самого Эссена вообще, ни свидѣтельствъ его, на которыя ссылается Соловьевъ, можно только замѣтить, что пользованіе одними дипломатическими документами при изображеніи внутренней исторіи Польши за этотъ періодъ всегда можетъ вызвать упрекъ въ односторонности матеріала.

Къ эпохѣ паденія Рѣчи Посполитой С. М. Соловьевъ долженъ былъ вернуться, когда въ своей большой исторіи Россіи дошелъ до царствованія Екатерины II. Здѣсь въ 26-мъ и 28-мъ томахъ ³⁾ мы находимъ нѣсколько страницъ, заключающихъ въ себѣ общія соображенія о польскихъ дѣлахъ по поводу возбужденія Екатериною диссидентскаго вопроса и по поводу перваго раздѣла Польши, и притомъ Соловьевъ развиваетъ здѣсь подробнѣе свои взгляды, мѣстами не вполне совпадающіе съ тѣмъ, что сказано было имъ въ предыдущемъ сочиненіи, хотя все это касается частныхъ. Самое важное то, что въ „Исторіи паденія Польши“ Соловьевъ право Россіи на Вѣлоруссію основываетъ на національномъ и историческомъ принципахъ, а въ „Исторіи Россіи“—на правѣ завоеванія: соображеніе, давшее по-

¹⁾ *Méhée*. Histoire de la prétendue révolution de Pologne. Paris. 1792. Съ этимъ сочиненіемъ полемизируетъ Коллонтай въ своемъ известномъ произведеніи о томъ же предметѣ.

²⁾ Последние годы Рѣчи Посполитой, I, 173.

³⁾ *С. Соловьевъ*. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томы XXVI и XXVIII. Москва. 1876 и 1878.

воду одному изъ польскихъ историковъ сдѣлать замѣчаніе о шаткости такого основанія ¹⁾).

Въ 26-мъ томѣ Соловьевъ изображаетъ вкратцѣ развитіе польскихъ политическихъ порядковъ съ тѣмъ главнымъ отличіемъ отъ аналогичнаго мѣста въ „Исторіи паденія Польши“, что шляхта представлена здѣсь не какъ военное, а какъ землевладѣльческое сословіе, хотя въ сущности она была и тѣмъ, и другимъ. Польскимъ порядкамъ онъ противопоставляетъ русскіе ²⁾. „Но“, продолжаетъ онъ,—„не эта разниа была причиною борьбы между ними; она только имѣла важное значеніе относительно исхода борьбы. Россія и Польша получили каждая свою историческую задачу, соотвѣтственно своему положенію. Польша должна была сдерживать напоръ нѣмцевъ съ запада, Россія—напоръ варварскихъ ордъ съ востока. Польша не выполнила своей задачи, отступила передъ напоромъ, отдала свои области—Силезію, Померанію—на овѣмеченіе, призвала Тевтонскихъ рыцарей для овѣмеченія Пруссіи; но отступивши на западъ она ринулась на востокъ, воспользовавшись ослабленіемъ Руси отъ погрома татарскаго: она захватила Галичъ и, посредствомъ Литвы, западныя русскія земли. Но въ это самое время Россія, окрѣпнувъ на востокѣ и управившись съ варварскими ордами, начала двигаться на западъ для естественнаго сплоченія всѣхъ русскихъ земель, всего русскаго народа въ одно государство; при этомъ движеніи въ западныхъ русскихъ областяхъ она нашла наѣздъ незваныхъ гостей, которые ополчивали русскій народъ посредствомъ католицизма. Столкновение было необходимо и столкновение страшное: Россія двигалась на западъ, Польша ей на встрѣчу на востокъ; мѣстомъ встрѣчи, мѣстомъ столкновенія была западная Россія“ ³⁾. Поляки должны были стремиться къ закрѣпленію этой области за собою посредствомъ распространенія католицизма, и этого они достигли по отношенію къ шляхтѣ, но насилія надъ народомъ должны были вызвать внимательство Россіи. Такъ возникъ диссидентскій вопросъ при Екатеринѣ. „Дѣло о защитѣ православныхъ“, говоритъ Соловьевъ,—„было, разумѣется, важнѣе всѣхъ, въ немъ была особенно заинтересована слава императрицы, ибо легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести на народъ покровительство, оказанное единовѣрцамъ, и покровительство,

¹⁾ *T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski etc. IV, zamknięcie.*

²⁾ *Соловьевъ, XXVI, 156—158.*

³⁾ *Ibid., XXVI, 158—159.*

увѣнчавшееся небывалымъ успѣхомъ. Выигрывая необыкновенно въ расположеніи собственнаго народа этимъ народнымъ подвигомъ, получая чрезъ него такъ сказать вторичное, закрѣпляющее всѣ права вѣнчаніе русскою, православною государынею, что для Екатерины было такъ важно, она не могла быть равнодушна и къ той славѣ, которую должны были протрубить вожди общественнаго мнѣнія на Западѣ, къ славѣ побѣдительницы фанатизма, нетерпимости, къ славѣ государыни, которая прекратила религиозное гоненіе, возвратила спокойствіе и гражданскія права людямъ, лишеннымъ ихъ вслѣдствіе религиозной нетерпимости народа, живущаго подъ сильнымъ вліяніемъ ненавистнаго католицизма. Далѣе слѣдовали другіе расчеты: возвращеніемъ правъ диссидентовъ вводился въ польскія правительственныя отправления элементъ, который естественно долженъ былъ находиться подъ русскимъ вліяніемъ и привязывать, особенно въ дѣлахъ вѣншей политики, Польшу къ Россіи. При существованіи такого элемента казалось безопаснымъ позволить Польшѣ выйти изъ страшнаго безнарядья и чрезъ это пріобрѣсти нѣкоторую силу. Въ Петербургѣ не могли вполне сочувствовать впушеніямъ, настаиваньямъ, приходившимъ изъ Берлина, чтобъ ни подъ какимъ видомъ не позволять Польшѣ измѣнять свою конституцію¹⁾. Пруссія въ этомъ случаѣ дѣйствовала во имя своихъ національныхъ интересовъ, но русская политика въ этомъ отношеніи отъ прусской отличалась. „Россію“, говоритъ Соловьевъ,—„можно было упрекнуть въ неизвѣстную ясно сознаванную національную политику, по крайней мѣрѣ въ отсутствіи настойчивости въ достиженіи цѣлей этой политики; можно было упрекать относительно медленности въ возстановленіи полнаго господства русской народности въ западномъ краѣ и т. п. Причинъ этого явленія можно было искать въ племенномъ и народномъ характерѣ, въ юности русскаго народа, его неразвитости, новостіи въ общенародной жизни, недостаткѣ просвѣщеннаго взгляда на свои внутреннія и вѣншія отношенія, въ привычѣхъ, сдѣлавши какое-нибудь дѣло, складывать руки, не пользоваться побѣдою. Всѣ эти объясненія въ извѣстной степени могутъ быть приняты; но не должно забывать и того обстоятельства, что Россія, войдя въ XVIII вѣкѣ въ общую жизнь европейскихъ народовъ, принесла такую обширную государственную область, которая не давала развиваться въ русскомъ народѣ нищности, желанію чужаго, наступательному движенію, а могла раз-

¹⁾ Ibid., XXVI, 160—161.

вить качества противоположныя и въ своихъ крайностяхъ весьма вредныя: такъ нежеланіе чужаго могло перейти въ невниманіе къ своему и т. д. Русскіе государственные дѣятели, разумѣется, не были чужды честолюбія, желанія усилить значеніе Россіи, но для этого они придумывали особенныя средства, идилическія въ глазахъ западныхъ политиковъ; чуждые стремленія прибрѣтать что-нибудь для себя, расширять свою государственную область, они придумывали союзы, съ чисто охранительнымъ значеніемъ, въ которыхъ сильныя государства были вмѣстѣ съ слабыми, и первые, разумѣется, принимали на себя обязанность блюсти выгоды послѣднихъ, какъ свои собственныя¹⁾). Таковъ по представленію историка былъ знаменитый сѣверный аккордъ, „приводившій въ бѣшенство Фридриха II“. Польша по этому плану должна была войти въ союзъ и усилиться устраненіемъ анархіи, но польскій фанатизмъ разстроилъ эту комбинацію. О причинахъ этого фанатизма Соловьевъ говоритъ слѣдующее: „Прошли цѣлыя вѣка борьбы, въ которой поляки, пользуясь своими государственными средствами, давили православное народонаселеніе; послѣднее питало сильную вражду къ притѣснителямъ; но вражда притѣснителей къ притѣсненнымъ бываетъ еще сильнѣе (понавижу чело-вѣка, котораго обидѣлъ); у православныхъ русскихъ отняты были права; они являлись людьми низшаго разряда; католикъ съ молокомъ матери всасывалъ къ нимъ вражду и презрѣніе; еще сильнѣе была вражда отступниковъ и потомства отступниковъ: и вотъ является требованіе, чтобъ отношенія совершенно измѣнились, чтобъ православные не только получили полную свободу и безопасность относительно отправленія своей религіи, но получили бы наравнѣ равныя права съ католиками; чело-вѣкъ, который шнче идетъ съ поникшею головою, гонимый и презрѣнный, завтра поднимаетъ голову и явится всюду, какъ полноправный гражданинъ, явится съ свѣжею памятью объ обидѣ и со средствами къ мести; но еслибы обиженный, отъ радости и забылъ объ обидѣ, то обидчикъ объ ней не забудетъ; духовные католическіе не могутъ себя представить, какъ архіерей, священникъ презрѣнной мужицкой (хлопской) вѣри, трепетавшій до сихъ поръ при видѣ католическихъ духовныхъ лицъ, получить равное съ ними положеніе. Наконецъ, еслибы кто-нибудь изъ поляковъ былъ чуждъ религіозной нетерпимости и способенъ забыть установившіяся отношенія, то онъ не хотѣлъ забыть того,

¹⁾ Ibid., XXVI, 161—162.

что республика его, двусоставная на дѣлѣ, стала, путемъ насилія одной части народа надъ другой, единою по праву, ибо представительство и власть принадлежали однимъ полякамъ-католикамъ, а теперь, если уступить требованію уравниенія правъ диссидентовъ, это единство должно рушиться. Но каковы бы ни были побужденія, знамя для всѣхъ было одно, интересъ религіозный; а что означало поднятіе этого знамени, какъ не вѣковую борьбу между двумя частями народонаселенія, искусственно, насильственно сплоченнаго. Диссидентскій вопросъ былъ поднятъ не Екатериною II, онъ былъ поднятъ исторіею, это былъ окончательный расчетъ по сдѣлкѣ Ягяйла и послѣдняя изъ его потомковъ¹⁾.

Въ концѣ 28-го тома есть нѣсколько общихъ соображеній о первомъ раздѣлѣ Польши: „Польскія событія“, говоритъ Соловьевъ, — „и тѣсно связанная съ ними турецкая война привели къ послѣдствіямъ неожиданнымъ — присоединенію Бѣлоруссіи къ Великой и Малой Россіи. Нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, чтобы кто-нибудь изъ русскихъ современниковъ смотрѣлъ неблагопріятно на это дѣло съ политической или нравственной точки зрѣнія..... Русскіе, современники присоединенія Бѣлоруссіи, были очень близки къ историческому ходу событій, необходимо ведшихъ къ этому присоединенію, обхвачены были духомъ этихъ событій, жили свѣжими преданіями о началѣ дѣла, и потому должны были ему вполне сочувствовать; они были дѣйствителями, а не праздными судьями. Только вѣкъ прошелъ съ тѣхъ поръ какъ Малороссія, отторгнувшаяся отъ Польши и готовая скорѣе поддаться султану, чѣмъ нанамъ и ксидзамъ польскимъ, обратилась къ царю Великой Россіи съ просьбою принять ее во имя единовѣрія..... Понятно, съ какимъ сочувствіемъ русскіе люди должны были встрѣтить явленія, показывавшія, что очередь для рѣшенія русскаго вопроса въ Польшѣ наступила; сочувственно должны были встрѣтить это явленіе даже и тѣ, которые заразились равнодушіемъ къ вѣрѣ отцовской, вѣрѣ русской: они желали успѣха русскому дѣлу, желая торжества вѣротерпимости надъ фанатизмомъ. Сочувствуя поднятію и твердому веденію вѣроисповѣднаго или диссидентскаго вопроса, не могли не сочувствовать его послѣдствію, присоединенію Бѣлоруссіи; никто не могъ считать этого присоединенія несправедливымъ. Поляки вооруженною рукою воспротивились рѣшенію вѣроисповѣднаго дѣла, добытому Россіею, которая поэтому

¹⁾ Ibid., XXVI, 162—163.

должна была вступить съ ними въ войну, вызвавшую другую войну, болѣе опасную и тяжелую..... Дѣло было предано рѣшенію оружія, русскіе были побѣдителями и въ Польшѣ, и въ Турціи, что имѣло тѣсную связь, а извѣстно, какъ война оканчивается для побѣдителя и побѣжденныхъ; Бѣлоруссія была приобрѣтена по праву войны; по праву побѣды. Вопросы о справедливости или несправедливости съ русской стороны и быть не могло. Екатерина не могла не радоваться приобрѣтенію Бѣлоруссіи; она не могла не понимать, что здѣсь сдѣлалось русское дѣло, что здѣсь была заслуга ея для Россіи, заслуга, которая вводила ее въ русскую исторію, въ самую суть этой исторіи, давала ей мѣсто въ знаменитомъ ряду собирателей русской земли; и нельзя не прибавить, что для нея это было очень важно къ сроку совершеннолѣтія ея сына. Но радость не могла быть полною; дѣло отзывалось горечью; здѣсь было блестящее завоеваніе, собираніе русской земли—съ одной стороны, а съ другой — раздѣлъ! Нельзя было не чувствовать горечи при мысли, что двѣ сосѣднія державы, не участвовавшія нисколько въ борьбѣ, не потерявшія ни одного изъ своихъ подданныхъ ни на Вислѣ, ни на Днѣстрѣ или Дунаѣ, даромъ взяли изъ Польши равнина съ Россією доли, и при этомъ доля короля Прусскаго была гораздо важнѣе по выгодѣ положенія, по видамъ округленія, о которомъ такъ хлопотали всѣ государи и вполне основательно; Пруссія безспорно не расширялась только, а усиливалась, приобрѣтала еще большее значеніе; французскій министръ съ насмѣшкою указывалъ на это Россіи, и насмѣшку эту надобно было стерпеть безотвѣтно. Но, кромѣ невыгоды политической, кромѣ неравенства долей, кромѣ усиленія Пруссіи, изъ-за котораго Россія не имѣла побужденій хлопотать, кромѣ того, что нарушалось равновѣсіе, во имя котораго произведенъ былъ раздѣлъ, была невыгода другого рода. Противъ присоединенія Бѣлоруссіи по праву войны не могло быть никакого нравственнаго возраженія; но вмѣсто этого явился раздѣлъ: Пруссія и Австрія захватили владѣнія Польши безъ всякаго права, то-есть по праву сильного, и Россія, вошедши съ ними въ договоры по этому предмету, тѣмъ самымъ являлась какъ будто равною въ немъ участницею и принимала отвѣтственность за него; ея безспорное право было затемнено ихъ безправіемъ, сглаживалось, исчезало въ немъ; Фридрихъ проговорился о правѣ Россіи и о своемъ и австрійскомъ безправіи, но эта проговорка надолго погреблась въ архивахъ, а между тѣмъ люди, существовавшіе слабое мѣсто, всѣми неправдами старались, да и теперь

часть ссѣх, отд. 2.

еще стараются укрѣпить его, выгородить Фридриха и приписать починъ дѣла Екаторинъ¹⁾. Далѣе Соловьевъ доказываетъ, что въ дѣлѣ перваго раздѣла Польши надъ Екатериною была одержана побѣда Фридрихомъ II, ея союзникомъ, сумѣвшимъ превратить Русскую императрицу въ орудіе для достиженія своихъ цѣлей²⁾.

Переходимъ теиерь къ тому изъ нашихъ историковъ, который болѣе другихъ занимался исторіей паденія Польши, именно къ Н. И. Костомарову. Какъ Соловьевъ занялся первоначально паденіемъ Польши въ виду событій начала шестидесятыхъ годовъ, такъ названный историкъ былъ приведенъ къ тому же предмету цѣлымъ рядомъ работъ, такъ или иначе заставлявшихъ его интересоваться судьбами Рѣчи Посполитой.

Извѣстно, что значительную часть своихъ историческихъ работъ Н. И. Костомаровъ посвятилъ изученію судебъ малорусскаго племени. Въ послѣднемъ отношеніи много труда было положено имъ въ сочиненіи „Богданъ Хмѣльницкій“, вышедшемъ въ свѣтъ въ двухъ томахъ въ 1859 г., а потомъ распространенномъ до трехъ томовъ (IX—XI т. историческихъ монографій) въ изданіи 1870 г. Другія казацкія дѣла до и послѣ Хмѣльницкаго также занимали Костомарова и вызывали его на особыя изслѣдованія, каковы „Гетманъ Выговскій“, „Руина“, „Гетманъ Мазепа“ и др. Эти дѣла были связаны съ судьбами всей Западной Россіи, находившейся подъ властью Литвы и Польши, а потому нашъ историкъ занимался и дѣлами западно-русскаго православія, и униі, и судьбою всего западно-русскаго населенія, изучалъ даже не только малорусскую поэзію, но и литовскую миеологию: униі, какъ извѣстно, и было посвящено первое по времени его сочиненіе³⁾. Все это, равно какъ и занятіе „Смутнымъ временемъ Московскаго государства“, заставляло его вникать въ исторію Польши, которой онъ и посвящалъ одно изъ самыхъ большихъ своихъ сочиненій.

„Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, сочиненіе, въ которомъ Костомаровъ разказываетъ о паденіи Польши, состоитъ изъ двухъ томовъ. Въ первомъ томѣ за обширнымъ введеніемъ, заключающимъ въ себѣ главнымъ образомъ изображеніе внутренней жизни Польши

¹⁾ Ibid., XXVIII 416—418.

²⁾ Ibid., XXVIII 419—421.

³⁾ Ср. въ предыдущей главѣ о полемикѣ Костомарова противъ польскихъ воззрѣній.

въ срединѣ XVIII вѣка и краткій обзоръ польской исторіи отъ вступленія на престолъ Станислава Попитонскаго до четырехлѣтняго сейма, въ двухъ главахъ разказывается исторія этого сейма до конца 1791 г., а во второмъ въ трехъ главахъ излагаются дальнѣйшія событія до сдачи Варшавы Суворову. Костомаровъ не только разказываетъ событія, но и описываетъ польскую жизнь того времени, нравы и обычаи шляхетскаго общества, пользуясь мемуарами, которыми польская литература, какъ мы видѣли ¹⁾, довольно богата. Эти описанія одни могли бы составить изъ себя порядочную книжку, и книжка читалась бы съ несомнѣннымъ интересомъ: указываемъ во введеніи на параграфы III и отчасти II, въ главѣ первой — на параграфъ VIII, въ главѣ второй — на значительныя части параграфовъ IV и V, въ главѣ третьей — на начало II параграфа и т. п. Вообще матеріалъ, какой былъ въ распоряженіи Костомарова, можно назвать весьма обширнымъ и разностороннимъ, о чемъ свидѣтельствуется длинный алфавитный списокъ источниковъ и пособій (около 130 названій), помѣщенный въ началѣ перваго тома, хотя съ точки зрѣнія библиографической полноты списокъ этотъ оставляетъ желать весьма многого, и хотя при манерѣ автора въ началѣ отдѣльных параграфовъ приводитъ сразу нумера источниковъ, на основаніи коихъ параграфы эти написаны, весьма затруднительно бываетъ указать, откуда заимствована имъ именно та или другая подробность. Но возвратимся къ обзору текста. Весьма подробный разказъ, пересыпанный приводимыми иногда цѣлкомъ документами и описаніями нравовъ и обычаевъ общества, Костомаровъ сопровождаетъ собственными замѣчаніями и разсужденіями, въ значительной степени облегчающими нашу задачу — передать общіе взгляды автора „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“ на причины, приведшія Польшу къ внутреннему разложенію, и на ходъ событій, результатомъ коихъ были три послѣдовательные раздѣла территоріи Рѣчи Посполитой между сосѣдними державами. Поэтому и намъ придется большею частью передавать мысли Костомарова его собственными словами.

Начнемъ съ главнаго вопроса: какъ понималъ авторъ „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“ причины общаго упадка и окончательной гибели стараго польскаго государства.

„Внутреннія условія, доведшія Польшу до разложенія“, говоритъ Костомаровъ, — „сложны и были предметомъ множества соображеній,

¹⁾ См. въ первой главѣ примѣч. къ стр. 18.

догадокъ, заключеній и выводовъ. Пытались поставить на первый планъ то одно, то другое явленіе, указывали на избирательное правленіе, на чрезмѣрную силу магнатовъ, на своеволие шляхты, на отсутствіе средняго сословія, на религіозную рознь, на упадокъ и порабощеніе земледѣльческаго класса. Намъ кажется, что эти признаки польскаго политическаго строя, при всѣхъ своихъ дурныхъ сторонахъ, не представляли еще стихій неизбѣжнаго паденія и разложенія государства. Избирательное правленіе существовало въ Германіи, и однако Германія не разложилась, и ее не завоевали другіе; и тамъ были своевольные и несогласные магнаты—князья и герцоги, да и вездѣ въ Европѣ они были; сельскій классъ не въ одной Польшѣ былъ преданъ произволу высшаго, угнетенъ и забитъ: вездѣ въ Европѣ онъ мало чѣмъ былъ въ лучшихъ условіяхъ, а иногда и ничуть не въ лучшихъ; въ Польшѣ были религіозныя волненія и преслѣдованія: и въ остальной Европѣ они проявлялись, и западная Европа представляетъ въ этомъ отношеніи болѣе раздоровъ, смуть и кровопролитій... Причины паденія Польши⁴⁾, заключаетъ онъ,—не столько въ тѣхъ дурныхъ сторонахъ, которыя были въ нравахъ націи, сколько въ отсутствіи хорошихъ. Такимъ образомъ, перебирая ея формы и явленія жизни, поражающія насъ своимъ разрушительнымъ характеромъ, мы найдемъ все то же, что было и въ другихъ странахъ, но мы не найдемъ въ Польшѣ тѣхъ здоровыхъ, противодѣйствующихъ дурному началу, которыя въ другихъ странахъ Европы давали движеніе къ улучшеніямъ въ общественномъ строѣ и къ торжеству здоровыхъ убѣжденій. Корень паденія Польши—въ той деморализаціи шляхетскаго сословія, умственной и нравственной, которая лишала силы хорошія учрежденія и увеличивала власть дурныхъ; восходя далѣе къ началу, придется сказать, что корень паденія Польши въ тѣхъ качествахъ народа, которыя такъ легко увлекли его къ деморализаціи и вообще дѣлали поляковъ неспособными къ самостоятельной государственной жизни¹⁾. Такимъ образомъ, по мнѣнію Костомарова, бѣда была не въ дурномъ государственномъ и общественномъ устройствѣ, а въ умственной и нравственной деморализаціи общества, дѣлавшей опасными дурныя стороны соціальнаго и политическаго быта, сама же деморализація эта зависѣла отъ національнаго характера. „Конечно“, говоритъ Костомаровъ далѣе,—„нѣтъ ничего труднѣе

⁴⁾ Последніе годы Рѣчи Посполитой, I, 18—20.

объяснить, отчего образовался такой или иной національный характеръ, хотя онъ и высказывается всею историческою жизнью народа. Трудность эта истекаетъ изъ того, что начала его обыкновенно восходить къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, о которыхъ не дошло до насъ свѣдѣній... Мы застаемъ историческіе народы въ тѣ періоды развитія, когда у нихъ уже опредѣлились первобытныя свойства; послѣдующія историческія судьбы даютъ намъ только возможность прослѣдить, какъ развивались они, а самое зарожденіе свойствъ отъ насъ ускользаетъ" ¹⁾. Впрочемъ, Костомаровъ не дѣлаетъ изъ національнаго характера поляковъ ихъ историческаго фатума, который при всякихъ условіяхъ привелъ бы къ паденію ихъ государство. Онъ признаетъ, что въ одномъ случаѣ Рѣчь Посполитая могла бы спастись, не смотря на природный характеръ націи: это было бы въ томъ случаѣ, если бы народное воспитаніе было иное. „Воспитаніе“, говоритъ онъ,— „всему корень. Каково воспитаніе народа, такова и его дѣятельность“ ²⁾. „Никакая реформа учреждений“, говоритъ онъ еще,— „никакія улучшенія въ правленіи, законодательствѣ, никакіе способы къ возвышенію экономическихъ силъ, никакія средства вѣншей защиты не могли ей помочь. Спасти Польшу могло только перевоспитаніе, которое бы измѣнило съ корнемъ весь народный характеръ, создало другаго поляка: прежній уже никуда не годился. Нѣтъ ничего невозможнаго для воспитанія: оно всеильно надъ человѣкомъ, и нѣтъ на землѣ народа, котораго бы оно не въ силахъ было измѣнить, передѣлать, облагородить и развить. Но чтобы въ Польшѣ принялось, усвоилось и развилось новое воспитаніе и могло создать новое польское общество, для этого нужно было много времени“ ³⁾. Признаніе самимъ Костомаровымъ всемогущества воспитанія въ корнѣ уничтожаетъ теорію національнаго характера съ перенесеніемъ на цѣлые народы пословицы: „каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку“. Съ этой точки зрѣнія, основа умственной и нравственной деморализаціи польской шляхты лежитъ не въ прирожденныхъ „качествахъ народа“, которыя „сдѣлали поляковъ неспособными къ самостоятельной государственной жизни“, а въ извѣстной системѣ воспитанія, возникшей на глазахъ исторіи.

По поводу ссылки на національный характеръ поляковъ, какъ

¹⁾ Ibid. I, 20.

²⁾ Ibid., I, 51.

³⁾ Ibid., I, 89—90.

на причину паденія Рѣчи Посполитой, намъ уже пришлось разъ высказать свое мнѣніе. „У насъ“, писали мы, — „довольно распространено мнѣніе, сваливающее всѣ бѣды польскаго народа въ прошломъ на національный характеръ поляковъ, и именно врожденный, а не принятый извѣстнымъ воспитаніемъ, которое складывается такъ или иначе подъ вліяніемъ причинъ чисто историческихъ. Такое мнѣніе нашло ходъ и въ нашей наукѣ. Такъ, напримѣръ, г. Иловайскій въ своемъ „Гродненскомъ сеймѣ“, указавши на общія причины паденія Польши, замѣчаетъ, что эти очевидныя или ближайшія явленія въ свою очередь были также слѣдствіемъ разныхъ причинъ и условий. Изъ нихъ на первый планъ онъ ставитъ именно народный характеръ, находитъ, что у поляковъ нѣтъ способности къ организаціи и инстинкта самосохраненія, и доказывая отсутствіе послѣдняго призваніемъ на свою землю нѣмецкаго ордена и пассивнымъ отношеніемъ къ чрезмѣрному размноженію еврейскаго населенія внутри своего государственнаго организма. Но измѣнялись отношенія, обстоятельства, воспитывавшія духъ представителей націи, — и вмѣсто стараго не розвалатъ, дѣлавшаго невозможною правильную организацію, являлась на оборотъ способность къ сплоченію съ строгою дисциплиною, и національное самосохраненіе дѣлалось однимъ изъ самыхъ живучихъ инстинктовъ польскаго общества. . . . . То, что считаютъ народнымъ польскимъ характеромъ, есть въ сущности характеръ одной шляхты въ извѣстную эпоху, и характеръ этотъ объясняется ея положеніемъ и ролью въ государствѣ, ея воспитаніемъ, образомъ жизни, политическими идеями, а все это — продуктъ исторіи. Самая характеристика, сдѣланная г. Иловайскимъ, списана именно съ шляхты, и нѣкоторые положительные качества польскаго національнаго характера, которые отмѣчаетъ историкъ, совершенно неприменимы къ массѣ забитаго и пассивнаго посполства. Одно то, что въ одной и той же націи могли возникнуть двѣ такія противоположности во всемъ психическомъ складѣ двухъ сословій, каковы, типическій шляхтичъ, съ одной стороны, и совершенно безцѣльный хлопь, съ другой, — вноситъ въ гипотезу національнаго характера неразрѣшимое противорѣчіе: изъ одного и того же этнографическаго матеріала исторія выработала и шляхтича съ его не розвалатъ, которое волею одного лица останавливало теченіе государственныхъ дѣлъ, и хлопа съ его *padam do póg*, то

есть, рабской покорностью передъ всѣми перипетіями судьбы¹⁾. То же разсужденіе можно было бы примѣнить и къ возвращенію Костомарова, еслибъ онъ самъ не объявилъ воспитаніе за силу, способную пересоздавать, хотя и медленно, цѣлые народы²⁾.

Сообразно съ своимъ взглядомъ на то, что „воспитаніе всему корень“, Костомаровъ обратилъ большое вниманіе на воспитаніе и нравы польскаго общества въ періодъ упадка³⁾. Страницы, посвященныя этому, читаются съ особеннымъ интересомъ, какъ потому, что тутъ во-очію видишь, „въ какое невылазное болото попала несчастная Польша“ (слова Костомарова), такъ и потому, что изображеніе очень живо: таланту автора помогали бывшіе у него подъ руками польскіе мемуары XVIII вѣка, которые ему иногда и приходилось передавать почти дословно⁴⁾. Эта сторона превосходно разработана въ „Послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“. За то—что отчасти и понятно при основной точкѣ зрѣніи Костомарова—онъ мало вникаетъ въ подробности политическаго устройства Польши, хотя по ходу изложенія ему приходится говорить и объ этомъ предметѣ.

Особо отъ другихъ историковъ, писавшихъ объ этой эпохѣ, Костомаровъ относится благодушно къ польскому политическому строю. „Польское устройство“, говоритъ онъ, — „не хуже было устройства дру-

¹⁾ Новѣйшая польская историографія, 554—555. Замѣчу, что въ книгѣ Бобринскаго есть положительныя указанія на то, подъ вліяніемъ какихъ культурно-соціальныхъ условій выработывалась типическая фигура буйнаго и недальновиднаго польскаго шляхтича, видѣвшаго свободу во всякомъ отсутствіи настоящей дисциплины и не понимавшаго истинныхъ потребностей своего государства.

²⁾ Впрочемъ, въ заключеніи Костомаровъ возвращается къ мысли, что „коренныхъ причинъ паденія Польши слѣдуетъ искать въ томъ складѣ племеннаго характера, который производитъ эти явленія или сообщаетъ имъ видъ и направленіе и котораго раннее образованіе теряется во временахъ мало доступныхъ для историческаго изслѣдованія“. II, 657. Историкъ ссылается даже на славянъ Прокопія и Маурикія. Вѣрный взглядъ на дѣло мы нашли въ русскыхъ историковъ чуть не у одного проф. Коляловича, который говоритъ, что „недостатки польскаго характера, происходятъ, быть можетъ, не столько отъ склада польской головы, сколько отъ историческаго учрежденія польской жизни шляхетства“. Читенія по исторіи западной Россіи. С.-Пб. 1884, стр. 12. Кроме того, см. ниже аналогичный взглядъ Де-Пуле.

³⁾ Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, I, 48—89, 379—407 и др.

⁴⁾ Pamiętniki *Karpińskiego*. Poznań. 1844. Pamiętniki *Kajetana Koźmiana*. Poznań. 1858. Pamiętniki *Jana Duklana Ochockiego*; Wilno. 1857. *Ks. J. Kitowicza*. Opis obyczajów i zwyczajów za panowania Augusta III. Petersburg. 1855. Замѣтимъ, что мемуары Охочкаго существуютъ въ русскомъ переводѣ.

гихъ, а выработкою свободныхъ формъ стояло выше многихъ. Понятно, что Жанъ-Жакъ Руссо, которому давали на разсмотрѣніе польское устройство, отзывался объ немъ съ похвалою, хотя и замѣтилъ его недостатки¹⁾. „Формы польской республики“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—не были безусловно дурны и во многихъ отношеніяхъ ставили Польшу по общественному развитію выше другихъ государствъ Европы, а если въ этихъ формахъ были недостатки, то, безъ сомнѣнія, недостатки эти давно бы исправились, еслибы сами поляки не поддались деморализаціи, лишавшей ихъ возможности работать надъ улучшеніемъ общества“²⁾. Костомаровъ однако не вдается въ анализъ этого устройства, этихъ формъ, ихъ недостатковъ. Онъ беретъ польскій республиканскій строй въ отвлеченіи, не отмѣчалъ той его особенности, что въ немъ не было ни законодательной, ни исполнительной власти, то-есть, не было сущности государства,—и паденіе республики объясняетъ не тѣмъ, что дезорганизованное политическое тѣло должно было разрушиться, а тѣмъ, что безъ добродѣтели и любви къ правдѣ республики разрушаются³⁾. Польская Рѣчь Посполитая съ королемъ была, какъ уже не разъ указывали историки, государствомъ безъ правительства: *de jure* верховенство принадлежало сейму, но онъ собирался рѣдко, расходился большею частью, „сорванный“ посредствомъ *liberum veto*, не имѣлъ органа, который приводилъ бы въ исполненіе его волю, если наконецъ, таковой не мѣшали проявиться въ законодательствѣ,—и не могъ создать для внѣшней обороны ни финансовъ, ни войска. Польша погибла, конечно, не вслѣдствіе своихъ республиканскихъ формъ, какъ вѣрно замѣчаетъ Костомаровъ, а именно благодаря отсутствію въ ней всякой государственной формы. Деморализація, на которую указываетъ нашъ историкъ, была въ XVIII вѣкѣ не меньшая и въ другихъ странахъ, но она не мѣшала имъ не только устоять въ между-

1) Последніе годы Р. П., I, 19.

2) *Ibid.*, II, 660.

3) „Республиканскій строй общества“, говоритъ Костомаровъ,—не можетъ быть источникомъ разрушенія. Вездѣ, гдѣ только существовали и упали республики, не самая сущность республиканскаго строя была причиною ихъ паденія, а всегда другія явленія, вредныя именно потому, что были противны духу республиканскаго правленія. Республика требуетъ для своего поддержанія добродѣтели и любви къ правдѣ; безъ этого условія республика идетъ къ разрушенію; а потому деморализованная республика, сохранивъ наружно республиканскія формы, не можетъ уже возродиться и исправиться“. II, 660—661.

народной борьбѣ за существованіе, но даже выйти изъ нея съ нѣкоторыми округленіями своей территоріи ¹⁾). Самъ Костомаровъ въ одномъ мѣстѣ по поводу характернаго „Polska pierzadem stol“ замѣчаетъ: „Мы не знаемъ, существовалъ ли другой подобный народъ, который признавалъ бы нормальнымъ состояніемъ общества безпорядокъ“ ²⁾). Самъ онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги отмѣчаетъ, какія непреодолимые препятствія къ совершенію реформъ лежали не въ чемъ иномъ, какъ въ самомъ политическомъ строѣ Рѣчи Посполитой. „*Libertum veto* парализовало въ Польшѣ движеніе къ полезнымъ перемѣнамъ“ ³⁾), а въ немъ поляки видѣли зѣвницу шляхетской вольности: „Ни за что“, кричалъ на сеймѣ 1766 года посолъ Чацкій, — „не позволю большинства (то-есть, рѣшенія дѣлъ большинствомъ); съ большинствомъ, пожалуй, допустятъ мѣщанинъ къ сейму и хлоповъ нашихъ уволить отъ подданства“. Дѣло дошло до того, что, какъ признаетъ Костомаровъ, *libertum veto* устранить было мудрено ⁴⁾), а съ нимъ шляхта не позволила бы ввести нѣкоторыхъ полезныхъ учрежденій, которыя были введены въ 1768 году Репниннымъ ⁵⁾). Противъ *libertum veto* было лѣкарство—конфедерація, въ коей дѣла рѣшались большинствомъ, но конфедерація, по изображенію самого же Костомарова, были „одною изъ самыхъ губительныхъ язвъ, заражавшихъ и умерщвлявшихъ польскую державу“ ⁶⁾). Обратимъ еще вниманіе на сдѣланный авторомъ разборъ вопроса о степени виновности тарговицкой конфедераціи въ паденіи Польши ⁷⁾): выходитъ такъ, что Рѣчь Посполитая была какъ бы въ заколдованномъ кругу, изъ котораго не было выхода или былъ бы возможенъ выходъ только въ томъ случаѣ, еслибы „Польша не имѣла вовсе сосѣдей, помѣщалась бы на какомъ-нибудь островѣ, отдѣлялась отъ дру-

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ Костомаровъ основательно оговаривается, что „было бы несправедливо вваливать на поляковъ исключительно тѣ пороки, какіе болѣе или менѣе встрѣчались вездѣ“, но у поляковъ, говоритъ онъ, „почти не видно было такъ свѣтлыхъ сторонъ, которыми при всѣхъ порокахъ своихъ высшихъ ссѣръ обладали другія націи“. *Ibid.*, I, 174.

²⁾ *Ibid.*, I, 24.

³⁾ *Ibid.*, I, 19.

⁴⁾ *Ibid.*, I, 121.

⁵⁾ *Ibid.*, I, 122.

⁶⁾ *Ibid.*, II, 107.

⁷⁾ *Ibid.*, II, 111 и слѣд.

гихъ государствъ горами и степями¹⁾). Въ концѣ концовъ однако все-таки нужно сказать, что у Костомарова нѣтъ совершенно яснаго представленія о полной невозможности всего политическаго строя Польши, бывшаго, быть можетъ, не хуже другихъ въ то время по отношенію къ народному благосостоянію, но именно не могшаго обезпечить существованіе государства среди тогдашнихъ обстоятельствъ внѣшней политики. А въ этомъ-то и весь вопросъ.

Костомаровъ разбираетъ и вопросъ о роли угнетенія массъ въ паденіи Польши. „Существованіе рабства въ государствѣ“, читаемъ мы между прочимъ,—„само по себѣ, еще не должно было погубить Польши; мы видимъ это зло и въ другихъ державахъ; дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ оно было, господствовалъ монархическій строй; мелкіе деспоты, какъ бы ни деморализировались отъ своего положенія, но будучи подчинены единой верховной силѣ,—уже чрезъ то самое составляютъ между собою единое тѣло и по неволѣ должны дѣйствовать за одно въ дѣлахъ, касающихся цѣлости государства; такимъ образомъ при внутреннихъ извахъ невѣжества, угнетенія, человѣческаго униженія, государство можетъ быть достаточно крѣпкимъ противъ внѣшнихъ ударовъ... Въ такой республикѣ, какъ Польша, гдѣ рабство успѣло глубоко испортить свободный классъ, гдѣ каждый свободный думалъ болѣе всего о себѣ самомъ и менѣе всего о нуждахъ и благосостояніи своего государства, неоткуда было начаться и благотѣльнымъ перемѣнамъ.... Первымъ шагомъ къ возрожденію Польши могло быть только истребленіе всеразвращающаго рабства; но истребить его въ республикѣ, состоящей изъ деспотовъ, привыкшихъ издавна къ сладости безусловнаго господства надъ рабами, не только трудно, но не возможно до тѣхъ поръ, пока республика будетъ оставаться республикой... Такимъ образомъ“, заключаетъ Костомаровъ разсужденіе о причинахъ паденія Польши,—„не республиканскій строй Рѣчи Посполитой, съ одной стороны, но и не рабство, существовавшее въ ней, съ другой, привели это государство къ паденію; нелогическое чудовищное сочетаніе двухъ противоположныхъ стикій оказало на нее губительное дѣйствіе“²⁾). Другими словами, Костомаровъ не видитъ причины паденія Рѣчи Посполитой въ самомъ рабствѣ: причина эта, по его мнѣнію, все въ той же деморализаціи, произведенной существованіемъ рабства. Что касается

¹⁾ Ibid., II, 116

²⁾ Ibid., II, 659—661.

до слабости Польши противъ внѣшнихъ ударовъ, то авторъ „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“ объясняетъ ее не существованіемъ рабства, а политическимъ строемъ государства. И въ вопросѣ о рабствѣ Костомаровъ выдвигаетъ на первый планъ для объясненія паденія Рѣчи Посполитой произведенную рабствомъ деморализацію. Поэтому онъ и говоритъ вообще, что Польша „пала по непреложному нравственному историческому закону“¹⁾. Коснувшись, однако, вообще вопроса о крѣпостничествѣ въ Польшѣ въ связи съ ея паденіемъ, онъ могъ бы съ неменьшимъ правомъ упомянуть о томъ, что несчастное положеніе польскихъ хлоповъ не только мѣшало имъ встать на защиту отечества, но даже прямо толкало ихъ въ число враговъ Рѣчи Посполитой. По крайней мѣрѣ, факты, приводимые самимъ же историкомъ, и соображенія, коими онъ сопровождаетъ разказъ объ этихъ фактахъ, давали ему полное право обратить особое вниманіе на эту сторону дѣла. „Громада простого сельскаго народа“, говоритъ онъ, напримѣръ, — „и значительная часть городского была равнодушна къ переворотамъ, происходившимъ съ тою страной, гдѣ чувствовалась только тягость близкаго знакомства съ воюющими арміями, — какъ съ польскою, такъ и съ русскою. Для этой громады было все равно, Польша ли останется, или Россія завоюетъ Польшу, потому что существованіе Польши не представляло для нея ничего отраднаго, и потому кто бы ни овладѣлъ Польшею, ей хуже не могло быть. Что касается до русскаго народа въ южныхъ провинціяхъ, то онъ радовался, чувствуя, что съ возможностью поступить подъ власть единогвѣрной Россіи и судьба его облегчится“²⁾. Во время войны 1792 г. въ краѣ, гдѣ она происходила, народъ оказывалъ полное сочувствіе къ русскимъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на освободителей³⁾. Мало того: „въ такомъ разложеніи, до какого достигала Польша, дѣливініи польскую державу государства были въ то же время охранителями дворянскихъ правъ и даже жизни дворянъ“⁴⁾. Народъ не могъ поддержать падающей Рѣчи Посполитой: „Воззвать простой народъ къ возстанію“, говоритъ Костомаровъ, — „было для шляхты также трудно, какъ воззвать народу. Народъ въ Рѣчи Посполитой могъ возставать только противъ своихъ владѣльцевъ“⁵⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ еще

¹⁾ Ibid., II, 656.

²⁾ Ibid., II, 103. Ср. II, 137.

³⁾ Ibid., II, 132, 144.

⁴⁾ Ibid., II, 277.

⁵⁾ Ibid., II, 431. Ср. II, 587.

подробнѣе высказываетъ свою мысль: „Для хлопозъ Рѣчь Посполитая была зданіе не только совершенно чуждое, но и вредное,—если они по невѣжеству не могли объяснить и высказать этого, то хорошо чувствовали инстинктомъ. Отстоявъ свою кровь ея существованіе, они могли бы этимъ отстоять только свою многовѣковую неволю; всѣ на столько могли имѣть сметки, чтобы понять хорошо, что они идутъ на смерть потому, что паны такъ велѣтъ, а паны подпаялись оттого, что чувтъ паденіе своихъ преимуществъ. Еслибы въ то время враждебныя Польшѣ державы осмѣлились только пообѣщать хлопамъ свободу, во всей Польшѣ вспыхнула бы народная революція не въ защиту Рѣчи Посполитой, а въ пользу иностранныхъ государствъ, хотѣвшихъ уничтожить польскую національность“¹⁾. Употребилъ онѣ эту мѣру, и „безъ сомнѣнія, съ корнемъ бы уничтожились всякія затѣи на возвращеніе Польшѣ независимости“²⁾.

Въ пользу общей идеи Костомарова о причинахъ паденія Польши, выставленной въ „Послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“, говорятъ многочисленныя факты, приводимыя въ этомъ сочиненіи, факты, свидѣтельствующіе о полной политической деморализаціи поляковъ. Мы не будемъ распространяться о странной подкупности и магнатства, и простой шляхты, и земскихъ пословъ, и дѣльных сеймиковъ,—все это очень хорошо извѣстно,—а отмѣтимъ то общее явленіе, что въ минуты опасности польская шляхта не очень-то готова была приносить жертвы на алтарь отечества. Костомаровъ упоминаетъ объ этомъ безпрестанно: „Поляки охотно согласились, чтобы у нихъ было огромное войско, но платить на его содержаніе большой охоты не оказалось“³⁾. „Чрезвычайный налогъ подъ именемъ вѣковаго патриотическаго пожертвованія не удавался; обыватели показывали доходовъ меньше, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ, и, вмѣсто десяти, платили до трехъ и даже до двухъ процентовъ... Оказывалось, что спасеніе отечества отъ грядущихъ бѣдъ, возведеніе Рѣчи Посполитой на высокую степень могущества и благосостоянія, все, о чемъ говорили сеймовые риторы, были предметы второстепеннаго значенія для

¹⁾ Ibid., II, 512: „Только страхъ сдѣлать то, что было въ духѣ французской революціи, только боязнь, чтобы велѣдъ за Польшою и въ соседнихъ государствахъ не явилось у мужиковъ желаніе освободиться отъ владѣльцевъ, останавливали русскихъ и пруссаковъ употребить эту мѣру“.

²⁾ Ibid., II, 513.

³⁾ Ibid., I, 255.

обывателей, прозябавшихъ въ своихъ имѣніяхъ среди обычныхъ пировъ и сплетень¹⁾. Такихъ мѣстъ можно еще отиѣтитъ пѣсколько въ обонихъ томахъ этого обширнаго труда²⁾. Поэтому нашъ историкъ обвиняетъ вообще польское общество въ отсутствіи патріотизма и то и дѣло указываетъ на печальный фактъ. „Во все время послѣ перваго раздѣла“, говоритъ онъ, напримѣръ,—„поляки, кричавшіе о возрожденіи отечества, не сдѣлали почти ничего для этой великой цѣли“³⁾. Даже у лучшихъ людей того времени онъ обнаруживаетъ одинъ недостатокъ, заключавшійся въ довольно оптимистическомъ отношеніи къ внутренней неурядицѣ, быть можетъ, своего рода наслѣдіе изъ той эпохи, когда полякамъ и въ голову не приходило, что ихъ Рѣчь Посполитая далека отъ идеальнаго совершенства древней римской республики, опять-таки, конечно, созданной воображеніемъ, а не такой, какая существовала въ дѣйствительности. По словамъ Костомарова, „величайшая ошибка образованныхъ людей тогдашней Польши въ дѣлѣ возрожденія своего отечества была та, что у нихъ въ мысляхъ на первомъ планѣ было не внутреннее благоустройство, не нравственное и умственное улучшение, а политическая сила государства“⁴⁾. О людяхъ новаго поколѣнія, получившихъ воспитаніе въ рыцарской школѣ, онъ говоритъ, что, пріучившись „видѣть причину печальной судьбы своей родины только во внѣшнихъ ударахъ“, они „думали спасти Польшу революціями, а революціи“, замѣчаетъ историкъ,—„могли приводить ее къ окончательной гибели, что и случилось“⁵⁾.

Исторія конституціи 3-го мая разказана довольно подробно въ „Послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“, и историкъ при случаѣ не забываетъ отиѣчать признаки той неудачи, которая ее ожидала⁶⁾. Общій его взглядъ на этотъ предметъ заключается въ слѣдующихъ словахъ: „Нѣтъ ничего легкомысленнѣе фразъ, повторявшихся нѣсколько разъ поляками, а за ними и писателями другихъ народовъ, что Польша съ конституціею 3-го мая могла бы возродиться къ иной жизни, еслибы ей не помѣшали извнѣ. Она никакъ не могла избѣжать внѣшняго вмѣшательства, когда самое это возрожденіе предъ-

¹⁾ Ibid., I, 311.

²⁾ Напримѣръ, во II томѣ см. стр. 100—101, 147, 162.

³⁾ Ibid., I, 186.

⁴⁾ Ibid., I, 188.

⁵⁾ Ibid., I, 159—160.

⁶⁾ Конецъ I т. и начало II, *passim*.

принято по внушеніямъ, подстрекательствамъ и одобренію одной державы съ тѣмъ, чтобы избавиться отъ давленія другой¹⁾). Костомаровъ сравниваетъ дѣйствія конфедерированнаго четырехлѣтняго сейма съ дѣйствіями направленною противъ конституціи 3-го мая торговой конфедерации. „Трудно“, говоритъ онъ, — „сказать, какая изъ конфедераций была законнѣе, торговичкая или та, которая произвела реформы въ Варшавѣ.... Впослѣдствіи исторія заклемила первую позоромъ, какъ главную виновницу послѣдовавшаго вслѣдъ за нею наденія Польши, но, правду сказать, она невиновнѣе въ этомъ прежней конфедерации, создавшей конституцію 3-го мая.... Нельзя ставить исключительно въ вину торговичанамъ, что они обратились къ сосѣдямъ: противники ихъ то же дѣлали.... Ничто притомъ не даетъ права утверждать, чтобы то, что вымышляли ихъ противники, было такъ превосходно на дѣлѣ, какъ на бумагѣ.... Да еслибы ихъ конституція и восторжествовала надъ оппозиціею и старымъ порядкомъ, то все-таки неизбѣжно было впослѣдствіи возстаніе крестьянъ, борьба шляхты со шляхтою и слѣдовательно внутреннее междоусобіе.... Внутренними усобицами воспользовались бы внѣшнія силы... Партія 3-го мая, не смотря на свои наружныя подвиги, отнюдь не упрочивала въ Польшѣ на будущее время порядка. Если противники этой партіи держались старой анархіи, то она сама вела къ новой.... Даже при особенно счастливомъ сочетаніи обстоятельствъ и при появленіи необыкновенныхъ дѣятелей, которые сумѣли бы опереться на массу чернаго народа, Польша могла бы скорѣе сдѣлаться деспотическимъ государствомъ, чего такъ боялись торговичане, чѣмъ свободнымъ, конституціоннымъ, какъ мечтали патріоты.... Торговичкая конфедерация, принося съ собою иноземное владычество, не дала времени усилиться ни новымъ порядкамъ, ни оппозиціи старыхъ порядковъ противъ новыхъ. Паденіе государства стало скорбію польской націи на многія поколѣнія, и такъ какъ въ свое время враги конституціи 3-го мая обращались къ иностранной силѣ, участвовавшей въ раздѣлѣ польскаго государства, поэтому съ воздыханіями о погибелі Рѣчи Посполитой соединилось уваженіе къ самой конституціи и мечты о томъ, что еслибы ее не задушили въ са-

¹⁾ Ibid., II, 115. Въ положеніи Польши послѣ конституціи 3-го мая, говоритъ онъ еще, — мы не видимъ никакихъ благоприятныхъ условій къ обновленію; напротивъ, слишкомъ выпукло и рѣзко представляется то, что должно было поманать этому развитію. II, 117.

момъ началѣ, она принесла бы великіе плоды. Безпристрастное разсмотрѣніе обстоятельствъ и условій этой эпохи вовсе не оправдываетъ такого взгляда.... Такъ или иначе, а дни Польши были сочтены и отсрочить послѣднюю агонію ея могло бы скорѣе пребываніе Польши въ томъ чухломъ состояніи, въ какомъ она находилась до переворота..... Тарговичанъ обвиняютъ совершенно справедливо за ихъ эгоистическія и честолюбивыя побужденія, но вѣдь противники большею частью также не были чужды этого.... Впослѣдствіи большая часть рьяныхъ патріотовъ легко отступилась отъ своихъ убѣжденій ради сохраненія своего достоинства и значенія и тѣмъ неоспоримо показала, что заботы о возрожденіи отечества для нея не были важнѣе и священнѣе эгоистическихъ видовъ..... Опираясь на Россію, тарговичане по своей педальновидности и легкомыслію не подозрѣвали, что послѣдствія выйдутъ не тѣ, какихъ они ожидали. Но они были совершенно правы, когда говорили, что дѣйствуютъ по волѣ шляхетской націи.... Еслибы Екатерина, восстановивъ прежній строй въ Польшѣ, оставила ее прозябать въ прежнемъ видѣ, безъ дѣлежа и присвоенія провинцій, партія тарговицкая была бы надолго самою популярною въ странѣ¹⁾).

Въ вопросу о значеніи конституціи 3-го мая Костомаровъ возвращается и въ заключеніи. Переворотъ, благодаря коему она была введена, онъ называетъ тутъ „скорѣе фокусомъ, чѣмъ дѣломъ преобразования“, а самое „прославленную въ свое время“ конституцію— несостоятельною²⁾: „Есть причина предполагать“, высказывается онъ и тутъ,— „что безъ тѣхъ печальныхъ и неизбежныхъ по ходу вещей обстоятельствъ, которые обратили въ прахъ и майскую конституцію, и вслѣдъ за тѣмъ самую Рѣчь Посполитую, Польша съ помощію этой конституціи не могла достигнуть возрожденія, и раздѣдавшіи ее противорѣчія въ общественномъ строѣ оставались бы по прежнему, ведя ее къ разрушенію“³⁾).

Въ исторіи костюшковскаго возстанія Костомаровъ слѣдитъ довольно подробно за мѣнявшимся настроеніемъ шляхты, которое въ общемъ было несочувственное, лишь только потребовались жертвы, а особенно лишь только поставленъ былъ вопросъ объ увольненіи клоповъ. „Многіе“, говоритъ историкъ,— „охотно отдавались Россіи, они

¹⁾ Ibid., 111—119.

²⁾ Ibid., II, 661.

³⁾ Ibid., II, 662.

надѣялись отъ новой власти выгодъ, а главное ихъ успокоивало то, что подъ властью Россіи у нихъ не отнимутъ власти надъ крестьянами¹⁾. Усердія къ дѣлу революціи было мало. „Вообще патріоты замѣчали, что въ столицѣ и во всей странѣ много такихъ, которые не сочувствовали революціи... Главная сила, на которую Костюшко и его соучастники полагали надежду, состояла въ народномъ возстаніи. Думали, что весь народъ встанетъ и всѣ обыватели принесутъ для спасенія отечества послѣдній грошъ. Не такъ дѣлалось, какъ думалось... Краковское воеводство было самое усердное изъ всѣхъ въ цѣлой Польшѣ, но и оно не доставило Костюшкѣ и десятой доли того, что онъ ожидалъ... Владѣльцы видѣли въ его распоряженіяхъ нарушеніе своей собственности и правъ“²⁾. „Обыватели (Сандомирскаго воеводства) смотрѣли на Костюшку, какъ на своего врага, который пришелъ обирать ихъ и еще хуже лишитъ ихъ вѣковыхъ правъ, составлявшихъ величайшую драгоценность шляхетскаго званія. Многіе поспѣшали оставить свои дома и бѣжали въ Галицію. Другіе по неволѣ должны были платить деньги и высылать мужиковъ, а сами вздыхали, проклинали свое время, сами не зная на кого взваливать вину, и молили Бога, чтобы такъ или иначе, только поскорѣе окончилось такое обратительное возстаніе“³⁾. „Достаточные владѣльцы, когда на нихъ возложили пожертвованія, съ спокойною совѣстью раскладывали ихъ на своихъ крестьянъ, хотя имѣли и капиталы“⁴⁾. „Чѣмъ энергичнѣе Костюшко и высочайшій совѣтъ хотѣли подвѣнуть впередъ возстаніе, тѣмъ больше оно теряло приверженцевъ и тѣмъ удобнѣе открывался путь русскимъ задушить повстаніе“⁵⁾. „Обыватели не видѣли успѣховъ отъ повстанья, а видѣли и чувствовали одно только собственное разореніе. Если они не хотѣли находиться подъ властью иноземныхъ государей, то все-таки идеалъ ихъ былъ не иной, какъ старая шляхетская Польша, а Костюшко сулилъ имъ

¹⁾ Ibid., II, 232. Въ другомъ мѣстѣ Костомаровъ говоритъ: „революція являла посягательство на права, которыя для нихъ были священнѣе всѣхъ правъ,—на власть надъ хлопамъ; Россія же не пугала ихъ ничѣмъ подобнымъ, а потому для нихъ, еслибы пришлось выбирать между властью той Польшы, какую хотѣлъ устроить Костюшко, и властью Россіи, то выгоднѣе было пристать къ Россіи“. II, 543.

²⁾ Ibid., II, 510—512.

³⁾ Ibid., II, 514.

⁴⁾ Ibid., II, 521. Ср. II, 590.

⁵⁾ Ibid., II, 560.

какую-то другую, имъ чуждую Польшу, съ основами, которыя нахли французскою революціею¹⁾).

Русско-польскимъ отношеніямъ отведено у Костомарова довольно много мѣста, не говоря, конечно, уже о тѣхъ страницахъ книги, гдѣ самый разказъ о „последнихъ годахъ Рѣчи Посполитой“ соприкасается съ исторіей русской политики. Сочиненіе и начинается съ параграфа объ исторической борьбѣ Руси и Польши за владѣнія²⁾. Въ краткомъ очеркѣ исторіи Польши, которое слѣдуетъ за этимъ параграфомъ, и въ другихъ мѣстахъ книги изображаются русско-польскія отношенія въ русскихъ земляхъ, бывшихъ подъ властью Рѣчи Посполитой³⁾. Дается также коротенькій очеркъ исторіи вмѣшательства русскаго государства въ пользу православныхъ подданныхъ короля Польскаго и великаго князя Литовскаго⁴⁾ и т. п. Основная мысль Костомарова сводится тутъ къ слѣдующему. Съ X вѣка обозначается соперничество и борьба русскаго и польскаго народовъ, которая послѣ объединенія обоихъ народовъ въ XIV вѣкѣ и соединенія Польша съ литовско-русскимъ княжествомъ велась за обладаніе всѣми русскими областями. „Оттого Московское государство и польско-литовская Рѣчь Посполитая безпрестанно дрались между собою, пріостанавливали на время борьбу и снова ее возобновляли, а когда совѣщались, какъ бы имъ уладиться и помириться, то ни на чемъ не могли сойтись, оттого, что, какъ тѣ, такъ и другіе хотѣли захватить себѣ какъ можно болѣе русскихъ земель“. Послѣ „вѣчнаго“ мира 1686 г., на которомъ Россія, по видимому, отказалась отъ своихъ вѣковыхъ стремленій, московская политика въ сущности не оставила завѣтныхъ цѣлей, а только измѣнила способъ ихъ достиженія: прежде прямо требовалась отдача Москвѣ „прародительскихъ“ земель, а съ Петра Великаго „Россія стала налегать вообще на всю Польшу и мало по малу ставила ее въ зависимое положеніе“, оберегая ее отъ раздѣловъ, которые уже предлагались Петру: „не для чего было Россіи дѣлиться съ нѣмцами, когда Польша шла по

¹⁾ Ibid., II, 585. Ср. въ заключеніи общій приговоръ о возстаніи Костюшки. II, 662—664. „Полякъ того времени въ крайнемъ случаѣ могъ возстановить только форму своего бывшего государства, котораго ядро уже сгнило, а возстановленная форма безъ здороваго содержанія при первомъ натискѣ противнаго вѣтра опять подверглась бы распаденію“. II, 664.

²⁾ Ibid., I, 1—18.

³⁾ Ibid., I, 33—35, 50—51, 268 и слѣд., 298 и слѣд. II, 72 и слѣд. и др.

⁴⁾ Ibid., I, 97—100.

такому пути, что рано или поздно должна была подпасть подъ власть Россіи⁴. Это не удалось, и раздѣлы состоялись, но дѣлъ старой московской политики была достигнута, хотя и неполнѣ. Говоря о первомъ раздѣлѣ Рѣчи Посполитой, историкъ, какъ мы уже упоминали, основательно замѣчаетъ: „страннымъ должно показаться, что, по видимому, въ веденіи этого дѣла забыты были тѣ притязанія на всѣ коренныя русскія земли, которыя Московское государство нѣкогда постоянно предъявляло, изъ-за которыхъ въ теченіи вѣковъ не хотѣло мириться съ поляками“¹). „Съ безпристрастнымъ сознаниемъ“, говоритъ онъ въ заключеніе,—„съ моральной точки зрѣнія обсуждая фактъ паденія Польши, съ безпристрастнымъ сознаниемъ, безъ всякаго политическаго самообольщенія скажемъ, что изъ всѣхъ территоріальныхъ приобрѣтеній, совершенихъ въ Европѣ въ XVIII в., приобрѣтеніе русскихъ провинцій отъ Польши едва ли не самое правое дѣло, по крайней мѣрѣ, относительно... Россія присоединяла къ себѣ страны, въ которыхъ большинство народонаселенія дѣйствительно этого желало“²). Въ теченіе своего разказа Костомаровъ не разъ отмѣчаетъ то, что русскій народъ въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой чаялъ избавленія своего „зъ ляцкой неволі“ отъ единовѣрной Россіи³), и конечно, русская политика принимала это въ расчетъ: Екатерина видѣла, какую службу можетъ сослужить ей „религіозная ревность единовѣрныхъ съ нами обитателей оныхъ странъ, склонность ихъ къ Россіи, надежда ихъ на ея единственную помощь освободиться отъ учиняемыхъ имъ притѣсненій“⁴). Передъ вторымъ раздѣломъ Польши Русская императрица въ своей дипломатической перепискѣ мотивировала присоединеніе новыхъ земель и градовъ тѣмъ, что они въ древности принадлежали Россіи, населены ея единоплеменниками и исповѣдуютъ единую съ нею вѣру⁵).

Касааясь вопроса о характерѣ польской политики Россіи въ XVIII вѣкѣ, Костомаровъ старается снять съ этой политики обвиненіе въ томъ, что она во что бы то ни стало мѣшала внутреннимъ реформамъ въ Польшѣ. Самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію, но историкъ вноситъ въ него нѣкоторыя ограниченія, и все его отно-

¹) Ibid., I, 144.

²) Ibid., II, 667.

³) Ibid., I, 126, 168—169, 268, 272, 526.

⁴) Ibid., I, 504.

⁵) Ibid., II, 214, 245. У насъ были приведены эти мѣста въ предыдущей главѣ.

шеніе къ дѣлу имѣло характеръ апологіи нашей политики въ Польшѣ. Россія—Костомаровъ не разъ отмѣчаетъ этотъ фактъ—сначала не показывала намѣренія во что бы то ни стало мѣшать улучшеніямъ въ Польшѣ¹⁾. „Причины очевидны“, говоритъ онъ.—„Въ видахъ русскаго правительства отнюдь не было производить смуты въ Польшѣ и держать ее въ анархическомъ состояніи, какъ поляки воображали и въ чемъ хотѣли увѣрить всю Европу. Но иное дѣло—сильное государство, а иное благоустроенная страна. Конечно, Россія не расположена была тянуть, такъ сказать, Польшу за уши и творить изъ нея сильное государство во вредъ самой себѣ; политика Россіи всегда препятствовала бы ея политическому усиленію, но Польша и безъ того никакъ не могла сама собою сдѣлаться сильнымъ государствомъ, а сдѣлаться благоустроенною страной могла только подъ иностранною верховною властью. Россія не мѣшала ни благоустройству, ни возвышенію экономическихъ силъ, ни просвѣщенію въ Польшѣ, а напротивъ, даже содѣйствовала этому. Собственно Россія остерегалась не Польши самой по себѣ, а сосѣднихъ государствъ, которыя могли воспользоваться положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ и обращать ее орудіемъ своей политики противъ Россіи. Россія не препятствовала Польшѣ получить лучшее внутреннее устройство, но только съ тѣмъ, чтобы Польша оставалась въ подчиненіи у Россіи, а не у кого-нибудь другаго“²⁾. Въ томъ мѣстѣ своего труда, гдѣ онъ говоритъ объ отношеніи Россіи къ направленному противъ нея перевороту 3-го мая 1791 г., онъ снова пишетъ: „Екатерина не показывала желаній стѣснять поляковъ и заранѣе дозволила имъ учреждать у себя пригодное для нихъ правленіе, лишь бы только составители были друзья Россіи... Исно, что Екатерина и теперь, какъ и прежде, хотѣла только удержать свое покровительство надъ Польшею, но все еще не желала собственно уничтоженія польскаго государства, а тѣмъ менѣе его раздѣла, хотя уже предвидѣла то, что неминуемо должно было случиться“³⁾. Кроме того, нашъ авторъ указываетъ и отдѣльные факты, когда внимательство Россіи упорядочивало внутреннія отношенія въ Рѣчи Посполитой. Говоря объ уничтоженіи въ Польшѣ права шляхты надъ жизнью и смертью хлопковъ и о запрещеніи наѣздовъ другъ на друга, Костомаровъ считаетъ нужнымъ прибавить: „этихъ полезныхъ

¹⁾ Ibid., I, 96, 103, 120—121, 164, 186, 238. II, 339.

²⁾ Ibid., I, 155.

³⁾ Ibid., I, 548.

учрежденій не дозволила бы ввести шляхта; только желѣзной рукѣ русскаго посланника (Рѣппина) они были обязаны своимъ введеніемъ въ законъ; впрочемъ, эта желѣзная рука нужна была и для того, чтобы новыя установленія принялись въ жизни, а не оставались на бумагѣ... Только такая внѣшняя сила, какою была для Польши Россія, замѣчаетъ онъ нѣсколько ниже,—и могла обуздать самоуправство и беспорядокъ¹⁾. По поводу установленія въ Рѣчи Посполитой „постояннаго совѣта“ онъ замѣчаетъ: „Никогда въ Польшѣ не было такой дѣятельности, клонившейся къ улучшеніямъ и благоустройству, какъ въ это время непосредственнаго давленія русской власти“²⁾. „Польша“, говоритъ онъ еще,—„только при давленіи отъ Россіи и могла сколько-нибудь устроиться, сдѣлавшись окончательно неспособною къ самобитной политической жизни. Сами поляки сознавали это, хотя изъ патріотическаго самолюбія стыдно было имъ сознаться въ этомъ. Біографъ Томаса Островскаго, авторъ въ высшей степени непріязненной къ Россіи книги, сознается однако, что въ этотъ періодъ подчиненія Польши Россіи неурядицы и анархическія затѣи уничтожались въ зародышѣ, сеймы проходили спокойно, чѣмъ прежде“³⁾. Или еще по поводу сдѣланнаго на четырехлѣтнемъ сеймѣ предложенія уничтожить войсковый департаментъ, установленный конституціею 1775 г., которая была гарантирована Россіею, нашъ историкъ приводитъ мнѣніе поляковъ о пользѣ, принесенной странѣ этимъ учрежденіемъ: „оно ввело въ ней болѣе порядка и благочинія и если не прекратило вовсе, то значительно уменьшило разбойническіе наѣзды наповѣ другъ на друга, сопровождаемые кровопролитіями и разореніями“⁴⁾.

Защитная русскую политику, Костомаровъ снимаетъ съ нея обвиненіе и въ томъ, что ей принадлежала инициатива раздѣловъ. Мы видѣли, что хлопоталъ о раздѣлѣ Польши главнымъ образомъ прусскій король. „Россія“, говоритъ Костомаровъ,—„эта мысль совсѣмъ была не кстати; Польша все болѣе и болѣе подчинялась ея власти, и русская политика могла предвидѣть, что при такомъ ходѣ обстоятельствъ вся Польша соединится съ Россіею въ одно политическое

¹⁾ Ibid., I, 123.

²⁾ Ibid., I, 152.

³⁾ Ibid., I, 154.

⁴⁾ Ibid., I, 249. Ср. подобное же замѣчаніе и о „постоянномъ совѣтѣ“, I, 259—260.

тѣло. Но это предвидѣлъ и прусскій король и для пользы своего государства рѣшился во что бы то ни стало восприспѣствовать этому¹⁾. Россія было прямо вынуждена на первый раздѣлъ угрозой коалиціи. Мѣстами однако у автора прорываются указанія на то, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ Екатерина и не думала дорожить существованіемъ Рѣчи Посполитой. „Екатерина“, говоритъ онъ, „хотѣла поставить Польшу въ вѣчную зависимость отъ Россіи, а если будетъ нужно, то и уничтожить ее“²⁾. „У поляковъ“, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — „не было ни самостоятельности, ни силы, ни государственнаго благоразумія на столько, чтобы Екатерина могла ихъ уважать, но они неспособны были предаться ей искренно и безусловно, чтобы она могла ихъ полюбить: она ихъ презирала и этимъ презрѣніемъ запечатлѣны всѣ ея дѣйствія до самаго конца“³⁾. Наконецъ, по искреннему убѣжденію Костомарова, въ той или другой формѣ, но Рѣчь Посполитая не могла избѣжать роковой необходимости утратить свою независимость, и Россія должна была завладѣть либо всѣмъ польскимъ государствомъ, либо пѣкоторою его частью. Что для Рѣчи Посполитой оставалось либо подчиненіе Россіи, либо раздѣлъ между сосѣдями, Костомаровъ повторяетъ при каждомъ удобномъ случаѣ. „Для Польши оставалось выбрать что-нибудь одно изъ двухъ: или съ самобытными признаками быть въ зависимости отъ Россіи, или подпасть раздѣлу между тремя державами. Въ началѣ 1792 г. польскіе политики воображали, что они избавились перваго и перестали бояться другаго“⁴⁾. И въ томъ, и въ другомъ они ошиблись. Польшѣ тогда оставалось только войти въ составъ другихъ государствъ, такъ какъ сама по себѣ она существовать не могла⁵⁾. Избѣгая одной участи, Рѣчь Посполитая готовила себѣ другую. „Такъ какъ Польша не могла уже двинуться сама собою, безъ опоры со стороны виѣшнихъ силъ, то патриотамъ пришлось метаться то въ ту, то въ другую сторону, просить покровительства

¹⁾ Ibid., I, 142. Замѣчанія о пагубной для Польши политикѣ Пруссіи у Костомарова очень часты: I, 170, 321 и слѣд., 422 и слѣд.

²⁾ Ibid., I, 93.

³⁾ Ibid., I, 94.

⁴⁾ Ibid., I, 550.

⁵⁾ Ср. еще слова: „Въ обществѣ человеческомъ, какъ въ природѣ пустоты не терпится; какъ скоро какой-нибудь народъ не показываетъ силы и умѣнія поддерживать и сохранять у себя государственную связь, такой народъ долженъ войти въ составъ другихъ государствъ“. Ibid., II, 115.

то у той, то у другой державы. Россія стала имъ ненавистна—это понятно: судьба склонила слабую Польшу подъ зависимость всего болѣе этой державы; естественно надо было искать защиты у другихъ державъ, которыя могли бы оборонить Польшу отъ Россіи¹⁾. Лучше всего, по мнѣнію историка, было добровольно подчиниться Россіи. „Еслибы“, разсуждаетъ Костомаровъ,—„въ Польшѣ въ то время была политическая мудрость, то она бы увидѣла въ такой ужасной для патріотическаго самолюбія гарантіи только средство удобнѣе совершить необходимыя перемѣны и привести Польшу въ такое состояніе, въ которомъ она могла бы воспитать въ себѣ условія, необходимыя для благоустройства, а слѣдовательно приблизиться къ возможности быть независимю“²⁾. Къ такой мысли онъ возвращается не разъ, когда ему приходится говорить объ отношеніяхъ между Россіей и Польшею въ эту эпоху³⁾.

Оканчивая изложеніе взглядовъ Костомарова, нельзя обойти нѣсколькихъ страницъ его „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“, на которыхъ онъ ставитъ вопросъ о паденіи Польши передъ судомъ высшей справедливости. Распространившись на ту тему, что „по причинѣ своего внутренняго разстройства Польша сдѣлалась жертвою той политики, которая освобождала кабинеты государствъ отъ необходимости слѣдовать нравственнымъ основамъ справедливости и соотножаться съ законностью“⁴⁾, онъ отказывается однако отъ обвиненія державъ, слѣдовавшихъ такой политикѣ. „Когда“, говоритъ онъ,—„государства сформировались и возросли съ помощію коварства и насилія, то и должны были тѣмъ же самымъ охранять свою безопасность и поддерживать свое значеніе. Сама Польша въ былыя времена расширилась тѣмъ же способомъ: развѣ не насиліемъ захватила она Червонную Русь? Развѣ не коварствомъ и не насиліемъ присоединила къ себѣ великое княжество Литовское?... Развѣ не обращали русскій народъ насильно въ другую вѣру, не ругались надъ его вѣковой святыней?“⁵⁾. Находя, какъ мы уже видѣли, правымъ дѣломъ присоединеніе къ Россіи русскихъ областей, онъ сожалѣетъ однако, что „Россія не поставила этой правоты своей на

¹⁾ Ibid., I, 188.

²⁾ Ibid., I, 123.

³⁾ Ibid., I, 193—195.

⁴⁾ Ibid., II, 664—666.

⁵⁾ Ibid., II, 666.

челѣ своихъ дѣйствій“, а предпочла „темный путь политики“.— „Россія пользовалась только сочувствіемъ къ себѣ русской громады въ польскихъ областяхъ на столько, на сколько оно могло быть однимъ изъ орудій, годнымъ для политики, и то не главнымъ орудіемъ. Этого мало. Россія возвратила себѣ русскія земли; и какъ страшно былъ обмануть, какъ поруганъ въ своихъ ожиданіяхъ этотъ бѣдный народъ, давній страдалецъ! Россія оставила его подъ ярмомъ тѣхъ же пановъ-ляховъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ и отъ которыхъ искалъ спасенія“¹⁾. „Рѣчь Посполитая исчезла съ географической карты, шляхетскія поколѣнія метались во всѣ стороны, отчаянными средствами пытались поднять изъ могилы и воскресить своего мертвеца, еще заживо огнившего, а между тѣмъ, для милліоновъ русскихъ хлоповъ, для той русской массы, за которую шелъ многовѣковой споръ Россіи съ Польшею, проливались потоки крови—для нихъ однихъ продолжала существовать эта Рѣчь Посполитая“²⁾.

Таковы общіе взгляды, высказанные Костомаровымъ въ „Послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“, и эти взгляды заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что нѣкоторые изъ нихъ отличаются оригинальностью. Перебирая явленія, на которыя историки указывали, какъ на причины паденія Польши, онъ приходитъ къ тому общему выводу, что причинъ этихъ нужно искать не столько въ дурныхъ сторонахъ польской жизни, сколько въ отсутствіи хорошихъ. Поэтому онъ не находитъ, чтобы устройство Рѣчи Посполитой само по себѣ было дурно,—тезисъ, стоящій въ явномъ противорѣчьи не только съ общимъ мнѣніемъ, но и съ дѣйствительными фактами, но дѣло въ томъ, что Костомаровъ не далъ себѣ труда разсмотрѣть, чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ была старопольская конституція. Самъ онъ, однако, приводитъ множество отдѣльных фактовъ и дѣлаетъ не мало частныхъ замѣчаній, идущихъ въ разрѣзъ съ его общимъ представленіемъ о польскомъ государственномъ устройствѣ. То же замѣчаніе можно сдѣлать и объ отношеніи Костомарова къ крѣпостничеству въ Польшѣ: отдѣльныя мѣста его книги наводятъ на мысль о томъ, что угнетеніе хлопа сдѣлало его равнодушнымъ къ судьбѣ государства, такъ что онъ и не защищалъ его отъ внѣшнихъ враговъ, но въ общемъ разсужденіи объ угнетеніи народной массы Костомаровъ выдвигаетъ на первый планъ не этотъ результатъ, а деморализирующее вліяніе рабства на

¹⁾ Ibid., II, 668.

²⁾ Ibid., II, 670.

господь. Главная причина паденія Польши, по Костомарову, лежитъ то именно въ общественной деморализаціи, объясняющейся тѣмъ воспитаніемъ въ широкомъ смыслѣ, какое получала шляхта, то въ національномъ характерѣ съ признаками уже врожденныхъ свойствъ націи, и такъ какъ авторъ обратилъ особое вниманіе на вліяніе культурно-соціальной среды, то весьма естественно, что второе объясненіе тѣмъ самымъ устраняется. Недостатокъ сочиненія, заключающійся въ полномъ отсутствіи анализа политическихъ и соціальныхъ отношеній въ Рѣчи Посполитой, искупается большими экскурсіями въ область исторіи нравовъ и обычаевъ: въ этой области, дѣйствительно, нужно искать явленія, содѣйствовавшія разложенію государства, къ коему вели невозможныя политическія учрежденія, и нашъ историкъ приводитъ массу фактовъ, подтверждающихъ его общую мысль, хотя недостаточно отгѣняетъ разныя эпохи въ жизни польскаго общества за тридцатилѣтнее царствованіе Станислава Августа, все-таки отличающіяся одна отъ другой довольно значительно, чего не скрываетъ и самъ историкъ. Общій выводъ Костомарова, какъ и многихъ другихъ историковъ, тотъ, что Польша должна была погибнуть, что иначе быть не могло, и все, что можетъ служить подтвержденіемъ этой мысли, выставлено у него съ достаточною убѣдительною.

Изъ русскихъ историковъ, писавшихъ о паденіи Польши, главнымъ образомъ у Костомарова мы находимъ пространныя разсужденія о тѣхъ сторонахъ историческихъ русско-польскихъ отношеній, которыя были предметомъ обсужденія нашей публицистики, и многіе взгляды автора „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“ стоятъ въ тѣсной связи съ тѣми, какіе высказывались публицистами шестидесятыхъ и слѣдующихъ годовъ, и къ нѣкоторымъ изъ этихъ взглядовъ можно примѣнить общія замѣчанія, коними мы окончили предыдущую главу. Въ оправданіи раздѣловъ Польши съ точки зрѣнія „собиранія Руси“ и въ осужденіи политики Екатерины II за ея не-народный характеръ Костомаровъ сходится съ большинствомъ русскихъ писателей, и съ этой стороны его сочиненіе гораздо болѣе проявляетъ свою русскую точку зрѣнія, нежели монографія Соловьева, которая принимаетъ въ расчетъ только собраніе Руси, но не замѣчаетъ, что возвращенный русскій народъ все-таки оставался подъ польскою властью.

Въ изложеніи Костомаровымъ русской политики въ Польшѣ въ XVIII вѣкѣ нельзя не замѣтить апологетическаго тона: если польскіе

и западно-европейскіе историки привыкли винить Россію во всемъ, что только было и случалось дурного въ Польшѣ, то Костомаровъ поступаетъ совершенно на оборотъ. По поводу „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“ проф. Кояловичъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Въ этомъ сочиненіи большое отступленіе отъ первоначальныхъ взглядовъ автора. Здѣсь прославляется русское правительство за умныя, рѣшительныя дѣйствія по отношенію къ полякамъ и явно дается сочувствіе объединительной русской политикѣ, обличать грѣхи которой авторъ считалъ какъ бы своимъ призваніемъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ“¹⁾. За то польская критика упрекаетъ Костомарова въ томъ, что онъ слишкомъ сгущаетъ краски, изображая дурныя стороны польскаго общества. „Хотя Костомаровъ“, говоритъ одинъ польскій писатель, — „въ „Послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“ сообщаетъ факты добросовѣстно (sumiennie), тѣмъ не менѣе заслуживаетъ упрека въ односторонности, такъ какъ выдвигая на первый планъ отрицательныя стороны тогдашняго нашего общества (для чего въ его распоряженіи былъ большой запасъ матеріала въ самой польской литературѣ XVIII в.), онъ недостаточно освѣщаетъ положительныя его черты. Недостатокъ источниковъ, а можетъ быть и доброй воли помѣшалъ ему въ данномъ случаѣ. За то „Костюшко“ составляющій эпилогъ этого труда, есть chef-d'oeuvre историческаго искусства и самый возвышенный образецъ краснорѣчія, вдохновеннаго благородною мыслью“²⁾.

¹⁾ Кояловичъ. Исторія русскаго самосознанія, стр. 462.

²⁾ *Zdanowicz-Sowański* IV, 783. На основаніи „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“ написана въ „Очеркахъ изъ русскои исторіи XVIII в.“ В. Н. Водовозова (С.-Пб. 1882) глава о польскихъ дѣлахъ при Екатеринѣ II (стр. 342—399), какъ это заявляетъ и самъ авторъ въ предисловіи (стр. II). Польскаго государственнаго устройства (которое онъ признаетъ „не хуже другихъ, какія въ XVII, въ началѣ XVIII вѣка находимъ въ Европѣ“, иныя однако въ виду главнымъ образомъ пацено-хлопецкія отношенія) Водовозовъ касается слегка, обращая главное вниманіе на раставіе правовъ, при которомъ даже то, „что было хорошаго въ польскомъ устройствѣ, повело лишь къ распаденію государства“ (стр. 343). Впрочемъ, онъ между прочимъ замѣчаетъ, что шляхтъ слѣдовало бы „укрѣпить расшатанную власть, сдѣлавши королевское достоинство наследственнымъ и снлаго короля независимымъ отъ сильныхъ магнатовъ“ (стр. 345). Говоря о тяжеломъ положеніи народа, авторъ отмѣчаетъ особенную тяжесть его положенія „въ восточныхъ и южныхъ частяхъ Польши, населенныхъ русскими православнаго исповѣданія“ (стр. 346). Въ заключеніи главы мы читаемъ: „Что бы ни говорили противъ способовъ, какіе употребляли подѣлвшія Польшу

Вышедшая въ свѣтъ къ 1870 году специальная монографія Д. И. Иловайскаго о „Гродненскомъ сеймѣ 1793 года“ ¹⁾, собственно говоря, обвиняетъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ изъ исторіи Рѣчи Посполитой, въ эпоху раздѣловъ, а въ основу этой монографіи легло богатое собраніе дипломатической переписки, которое хранится въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и по даннымъ котораго авторъ разрабатываетъ главнымъ образомъ подробности. Кромѣ архивнаго матеріала, г. Иловайскій пользовался и печатными источниками и пособиями, указанными въ началѣ книги ²⁾. Общія соображенія историка занимаютъ въ книгѣ часть введенія ³⁾ и одну страницу въ самомъ концѣ, представляющую „въ немногихъ словахъ тѣ выводы, къ которымъ привело автора изученіе данной эпохи“ ⁴⁾.

„Всякому, сколько-нибудь знакомому съ ходомъ польской исторіи, извѣстно“, говоритъ авторъ, — „что Польша пала жертвою своей анархіи, и что анархія эта была слѣдствіемъ крайняго ослабленія центральной власти и чудовищнаго развитія шляхетскаго сословія, въ себѣ одномъ воплотившаго все польское государство и весь польскій народъ. Но эти очевидныя или ближайшія явленія въ свою очередь были также слѣдствіемъ разныхъ причинъ и условій. Тутъ, на первомъ планѣ представляется намъ народный типъ или народный характеръ.“ ⁵⁾ Высшими качествами народа г. Иловайскій признаетъ „способность творческую или способность организаціи“, въ тѣсной связи съ коюю находится „народный инстинктъ самосохраненія“. Въ этомъ-то онъ и отказываетъ полякамъ. „Мужество и талантливость польскаго народа“ — читаемъ мы далѣе — „не подвержены никакому сомнѣнію. Но едва ли можно сказать, чтобы онъ въ достаточной степени обладалъ тою способностью и тѣмъ инстинктомъ, которыя мы сейчасъ назвали. Изъ

государства для приобрѣтенія этихъ земель (эти способы въ политикѣ всегда были одни и тѣ же, и сама Польша во время своего погущества дѣлала то же самое), Россія болѣе другихъ имѣла права на выпавшую ей долю, какъ по причинѣ възковой борьбы, страшной траты денегъ и крови, какія стоили ей прибрѣтенія ея земли, такъ и потому, что населеніе въ нихъ было по преимуществу русское, православное, враждебное полякамъ“ (стр. 398—399).

¹⁾ Д. Иловайскій. Гродненскій сеймъ 1793 года. Последній сеймъ Рѣчи Посполитой. Москва. 1870. Сочиненіе это было переведено на польскій языкъ.

²⁾ Ibid., IV—X.

³⁾ Ibid., XII—XVII.

⁴⁾ Ibid., 263—264. Эти выводы изложены въ формѣ пяти распространенныхъ тезисовъ.

⁵⁾ Ibid., стр. XII.

ряда многихъ фактовъ, подтверждающихъ нашу мысль¹⁾, продолжаетъ г. Иловайскій, — „укажемъ только на два наиболѣе выдающіеся: во-первыхъ добровольное призваніе на свою землю нѣмецкаго ордена; во-вторыхъ пассивное отношеніе къ чрезмѣрному размноженію еврейскаго населенія внутри своего организма“. ¹⁾ Роль ордена хорошо известна, но такъ какъ „участіе, которое приняли евреи въ разложеніи польскаго организма, далеко не выяснено“, то авторъ и останавливается на немъ подробнѣе. Вкратцѣ мысль разсматриваемаго историка такова. Источникъ ненависти къ евреямъ въ средніе вѣка—инстинктъ самосохраненія народовъ, предназначенныхъ къ долгой исторической жизни. Евреи—этнографическій элементъ наиболѣе трудный для усвоенія, а живучіе народы именно должны были ассимилировать чуждые элементы или ихъ устранять, если хотѣли долго жить. Другая причина ненависти къ евреямъ—„ихъ эксплуататорскій характеръ“, но нигдѣ ихъ эксплуататорскія „занятія не достигли такихъ размѣровъ и такого деморализующаго значенія, какъ въ областяхъ бывшей Рѣчи Посполитой“. Съ другой стороны, и евреи деморализировались въ Польшѣ общемою анархіей, эгоизмомъ аристократіи, продажною властей. Евреи наконецъ послужили немалою помѣхою къ развитію средняго сословія въ государствѣ и, занявъ его мѣсто, увеличили пропасть между высшими и низшими классами ²⁾. При очень бѣгломъ въ сущности указаніи на причины паденія Польши разсужденіе объ евреяхъ вышло у г. Иловайскаго слишкомъ длиннымъ и, такъ сказать, заслонило собою главный тезисъ о недостаткахъ польскаго національнаго характера. Объ этомъ мнѣніи мы говорили уже при разборѣ труда Костомарова, а потому повторяться не будемъ.

Во введеніи къ труду г. Иловайскаго можно еще отмѣтить его взглядъ на конституцію 3-го мая. Она „была послѣднею и самою значительною попыткою къ возрожденію со стороны умирающей Польши. Но въ жизни народа“, говоритъ авторъ, — „также какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка законъ своевременности дѣйствуетъ одинаково. Сильное средство не спасаетъ больного организма, когда оно приходитъ слишкомъ поздно и когда, организмъ уже не въ состояніи выдержать борьбу съ неблагоприятными условіями. Мало того, въ подобномъ случаѣ возбужденіе обыкновенно ускоряетъ конецъ“ ³⁾.

---

¹⁾ Ibid., XII—XIII.

²⁾ Ibid., XIII sq.

³⁾ Ibid., XVII.

Общіе выводы таковы: 1) Второй раздѣлъ Польши произошелъ противъ первоначальнаго желанія Екатерины, стремившейся сохранить надъ нею исключительное вліяніе. Императрица уступила настояніямъ Пруссіи, ибо поляки, не понимая своей несостоятельности посреди сосѣднихъ державъ, не хотѣли примкнуть къ Россіи для спасенія своей цѣльности и становились къ Россіи во враждебныя отношенія. 2) Давъ согласіе на второй раздѣлъ, русская дипломатія приняла на себя „неблагодарную задачу принудить Рѣчь Посполитую къ формальной уступкѣ провинцій“. Эта мѣра была неизбежна, но „ея моральное впечатлѣніе по своимъ послѣдствіямъ было невыгодно для Россіи“. 3) Оппозиціонная группа на Гродненскомъ сеймѣ при всемъ безсиліи спосемъ показала, что время послѣ перваго раздѣла не было бесплодно для возбужденія духа въ умирающей Польшѣ, хотя это возбужденіе и пришло слишкомъ поздно. 4) Союзный договоръ Россіи и Польши былъ послѣднею попыткой Екатерины спасти остатки Польши отъ новаго раздѣла и подготовить сліяніе его съ Россіей, подобное учрежденію Царства Польскаго Александромъ I. Пятый тезисъ г. Иловайскаго заключаетъ въ себѣ ту мысль, что „какъ ни тяжело иногда впечатлѣніе, производимое картиной послѣдняго польскаго сейма, мы не въ правѣ безусловно оуждаты дѣйствія нашей дипломатіи въ то время“, ибо все происходило „сообразно съ обстоятельствами и существовавшими обычаями“ и „во всемъ прежде всего имѣлись въ виду русскіе интересы“. Общій приговоръ Костомарова отличается большею искренностью, и для польскихъ раздѣловъ съ русской точки зрѣнія онъ указываетъ на оправданіе, не заслоняющееся ссылкою на существовавшіе обычай. За всѣмъ тѣмъ, въ общемъ, взглядъ автора „Гродненскаго сейма“ на все дѣло втораго раздѣла можно признать вѣрнымъ.

Переходимъ теперь къ историческому сочиненію умершаго въ 1885 г. писателя М. О. де-Пуле, печатавшаго свои статьи въ журналахъ и газетахъ весьма различныхъ направленій и между прочимъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, Русскомъ Вѣстникѣ, Руси и другихъ органахъ, въ которыхъ не могъ бы участвовать человекъ, повинный въ полонофильствѣ: замѣчаніе важное для надлежащаго пониманія взглядовъ де-Пуле, въ коихъ слышится постоянный протестъ противъ разжиганія вражды къ полякамъ ¹⁾).

¹⁾ Къ исторіи той же эпохи относятся еще слѣдующія сочиненія *де-Пуле*: „Крестьянское движеніе при имп. Павлѣ Петровичѣ и дневникъ кн. Н. В. Репнина“

Книга де-Пуле о послѣднемъ Польскомъ королѣ и о Литвѣ въ срединѣ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка ¹⁾ составила изъ двухъ работъ, изъ коихъ одна была помѣщена въ четвертой книгѣ сборника г. Бартенева „XVIII вѣкъ“, изданной въ 1869 г., а другая—въ журналѣ Заря за 1871 годъ ²⁾. Сочиненіе это было составлено по документамъ, извлеченнымъ изъ архива виленскаго генералъ-губернатора; въ этомъ архивѣ авторъ работалъ въ 1867 г., а въ 1869 г. было предпринято описаніе архива гг. Эпгелемъ и Гомолицкимъ ³⁾. На предисловіи къ сочиненію сказались впечатлѣнія виленской жизни въ шестидесятыхъ годахъ, и де-Пуле, напримѣръ, протестуетъ противъ „цѣлой школы пишущей братіи, вклады которой въ русскую литературу едва ли принесутъ ей много чести“, именно вслѣдствіе „дикихъ идей, дикихъ выходокъ“ противъ поляковъ и евреевъ, которые притомъ „не издавали (да и не могли издать) ни одинаго звука“ ⁴⁾. Съ своей точки зрѣнія де-Пуле приходится полемизировать и съ сочиненіемъ Костомарова, которое онъ ставитъ очень высоко, называя его „весьма талантливымъ произведеніемъ, капитальнымъ приобрѣтеніемъ для нашей исторической литературы“ ⁵⁾, „классическимъ трудомъ“ ⁶⁾ и т. д. „Будучи художникомъ по натурѣ“, говоритъ де-Пуле, — „Костомаровъ часто является несостоятельнымъ, какъ судья, какъ безпристрастный изслѣдователь: онъ нерѣдко увлекается предвзятой идеей, даже фразами, порожденными недавно пережитою минутою, въ родѣ полонофильства и измѣны народнымъ началамъ“ ⁷⁾. Въ одномъ мѣстѣ своего труда авторъ ставитъ весьма интересные вопросы о томъ, что нашли русскіе люди въ земляхъ, доставшихся отъ умершей Польши, и какъ отнеслись къ этому, сравнивая чужое со своимъ,— и говорить, что „отвѣтъ будетъ возможенъ лишь тогда, когда пер-

(*Русск. Архивъ 1869 г.*) и „Журналъ пребыванія е. в. короля Польскаго Станислава Августа въ Гроднѣ“ (*Чтенія съ общ. ист. и дресн. 1870*). Въ 1881 и 1882 гг. въ *Русск. Вѣстникѣ* были помѣщены его статьи объ „украинофильствѣ“.

¹⁾ *Михаилъ де-Пуле*. Станиславъ-Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литвѣ въ 1794—1797 годахъ. С.-Пб. 1871. Изданіе второе. Первымъ изданіемъ авторъ считаетъ указанныя въ слѣдующемъ примѣчаніи работы.

²⁾ Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литвѣ въ исходѣ XVIII в.— Послѣдній Польскій король Ст. Авг. Понятовскій.

³⁾ Архивъ виленскаго генералъ-губернатора.

⁴⁾ *Де-Пуле*, стр. III.

⁵⁾ *Ibid.*, стр. II.

⁶⁾ *Ibid.*, 16, примѣч.

⁷⁾ *Ibid.*, стр. II. См. отдѣльныя замѣчанія на стр. 16, 27, 118 и др.

вое сопркосновеніе польской жизни и гражданственности съ русскими будетъ изслѣдовано, но не въ одной Литвѣ (которой посвящено сочиненіе де-Пуле), но и въ Бѣлоруссіи и на Украинѣ¹⁾). Такого изслѣдованія²⁾, продолжаетъ онъ,— „еще нѣтъ въ нашей исторической литературѣ, страдающей, подобно литературѣ польской, фаталистическимъ направленіемъ. Поляки во всемъ обвиняютъ судьбу, грубую физическую силу и коварство сосѣдей; мы отъ негодности ихъ государственнаго строя, отъ растлѣнности высшихъ, вліятельнѣйшихъ классовъ польскаго общества, дѣлаемъ заключеніе о неизбѣжной смерти и всего польскаго, то-есть, опять приходимъ къ тому же предопредѣленію, которому противорѣчитъ осязательная живучесть польскаго духа и медленные успѣхи руссификаціи. Ни крики о преносходствіи польской гражданственности падъ русскою, просвѣщенія падъ варварствомъ (польская точка зрѣнія); ни глумленія падъ шляхетствомъ и саркастическое подведеніе подъ него всей жизни соперника (наше воззрѣніе)—отнюдь не научные приемы необходимые для изслѣдованія³⁾”).

Такія заявленія располагаютъ читателя въ пользу безпристрастія автора, а потому весьма интересно его общее отношеніе къ польскому вопросу, который онъ проситъ не смѣшивать съ „судьбою Польши“. Предметъ польскаго вопроса, говоритъ онъ,— „нашъ западный край, наши западныя границы, которыя поляки, считали и продолжаютъ считать своими“. „Для разбирательства спора“ онъ обращается къ указаніямъ исторіи³⁾, которыя и представляются у него въ слѣдующемъ освѣщеніи: въ XIV вѣкѣ Русская земля распадается на Россію московскую и Россію литовскую, которыя начинаютъ обособляться: въ одной дѣйствуютъ элементы изъ культурныхъ византійскій, изъ варварскихъ татарскій, въ другой—изъ варварскихъ литовскій, изъ культурныхъ польскій. Поэтому „при родствѣ, симпатіяхъ и влеченіи одной Россіи къ другой, появляются и антипатіи, отчужденія“, которыя позднѣе „даже крѣпнутъ и увеличиваются, не

¹⁾ Ibid., стр. 107.

²⁾ Ibid., стр. 108. Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ угнетеніи крестьянъ въ Польшѣ, авторъ бросаетъ мимоходомъ такое замѣчаніе: „Это никакъ не укоризненный, съ нашей стороны, фразы, не епидиологическіе попреки *быдломъ*, которому вполне соответствуютъ русскіе *скотъ* и *скотина*, имѣющіе умы! точно такое же практическое употребленіе“ (стр. 129).

³⁾ Ibid., стр. 212.

исключая, конечно, родства и сходства¹. „Сила этихъ антипатій, говоритъ де-Пуле,—,у насъ недостаточно еще измѣрена, такъ какъ въ исторіи нашихъ племенныхъ отношеній мы все еще являемся романтиками и, обвиняя во враждѣ поляковъ, забываемъ о старинной, начавшейся гораздо прежде вражды къ москалямъ, велико-руссамъ, русскихъ литовскихъ людей, мало- и бѣлоруссовъ. Силу этой вражды легко примѣтить въ смутномъ времени (въ этой гигантской борьбѣ собственно двухъ Россій или двухъ русскихъ племенъ противъ одного), въ исторіи раскола, въ тѣхъ преобразованіяхъ Петра, гдѣ русскіе литовскіе люди являются его пособниками“¹). Между тѣмъ московскій царь объявляетъ себя государемъ всея Руси, и эта мысль дѣлается достояніемъ людей Московскаго государства, какъ государственныхъ, такъ и книжныхъ, тогда какъ некнижный человѣкъ еще, пожалуй, соглашался считать Заднѣпровье и Бѣлоруссію ляхскою землею. Польша не поняла всепароднаго великорусскаго притязанія, принимая его за дипломатическое, правительственное, а своимъ стремленіемъ деспотически абсорбировать чуждыя національности только привела къ тому, что слабо съ нею связанныя части стали отпадать. „Отпаденіе Малороссіи было первымъ раздѣломъ Польши“. Въ XVIII столѣтіи „Польша не забыла, какъ старая ея соперница Москва преобразилась въ Всероссійскую имперію“²), послѣ чего, говоритъ авторъ,—,участъ Польши, не будучи пророкомъ, можно было предсказать: она могла существовать въ качествѣ небольшого третьекласснаго государства, но безъ присоединенныхъ, хотя еще и не отпавшихъ частей ея, Литвы и Бѣлоруссіи“. Польскій вопросъ явился при Петрѣ, созрѣлъ при Екатеринѣ II послѣ перваго раздѣла. „Ничего“, продолжаетъ де-Пуле,—,не могло быть искреннѣе, какъ нежеланіе Екатерины и нѣкоторыхъ ея сподвижниковъ видѣть паденіе Польши: маленькая, слабая Польша, каковою она стала въ ту эпоху по собственной своей винѣ не могла мѣшать такому могущественному государству, какъ Россія“. Онъ находитъ, что „паденіе Польши обуславливалось присоединеніемъ къ Россіи такихъ неудобно-спаяемыхъ частей, какъ элементы собственно-польскій и литовскій, связью съ которыми можно бы и повременить“, и именно поэтому, по его мнѣнію, Екатерина и не желала паденія Польши. „Внѣшнее, политическое присоединеніе этихъ частей“, замѣчаетъ онъ,—,на первыхъ порахъ не могло быть

¹) Ibid., стр. 213.

²) Ibid., 214.

соединеніемъ органическимъ, культурнымъ и социальнымъ (какъ и не сдѣлалось). Отсюда пошли наши споры съ поляками, доходившіе и доходящіе до нелѣпостей, до озлобленной ругни, до появленія польскихъ и русскихъ Духинскихъ, отрицающихъ самое бытіе русской и польской народности¹⁾. Съ тѣхъ поръ, по опредѣленію де-Пуле, „польскій вопросъ состоитъ въ процессѣ сліянія еще не спаявшихся между собою частей Россіи и въ помѣхъ этому сліянію со стороны поляковъ“. Но и другія условія сліянія, по словамъ автора, были неблагопріятныя, а главнымъ образомъ у насъ не было спаявающихся средствъ: войско—плохой факторъ гражданственности; „чиновный элементъ, по самой натурѣ своей непригодный для цивилизаторской роли, былъ тогда еще хуже военнаго“²⁾; русскіе землевладѣльцы появлялись, чтобы вскорѣ разлетаться; „русская торговля и промышленность не появлялись совсѣмъ въ краѣ; о русскомъ просвѣщеніи и литературѣ не было и слуха, потому, конечно, что они находились тогда въ пленкахъ у себя дома.... Вотъ при какихъ условіяхъ начался процессъ сліянія Литвы и Бѣлороссіи съ Россіей!“ восклицаетъ авторъ.—„Условія были самыя неблагопріятныя; эта-то неблагопріятность, недостатокъ силъ и породили такъ называемый польскій вопросъ (какъ съ Алексѣя Михайловича до Елизаветы былъ малороссійскій вопросъ); безъ этихъ затрудненій“, думаетъ де-Пуле,—„вопросъ, возникнувъ, могъ бы скорѣе разрѣшиться, не возбуждать горячихъ споровъ, не доводить до прискорбнаго озлобленія“³⁾.

Въ своей книгѣ авторъ сравнительно мало разсуждаетъ о причинахъ паденія Польши. Гораздо болѣе у него соображеній о русско-польскихъ отношеніяхъ. Остановимся сначала на его взглядѣ относительно причинъ, которыя привели Рѣчь Посполитую къ гибели. Де-Пуле находитъ, что до сихъ поръ постановка и рѣшеніе этого вопроса заключаютъ въ себѣ много невѣрнаго. „Объ этихъ причинахъ“, говоритъ онъ,—„очень много писано. Поляки въ этомъ кровномъ для нихъ дѣлѣ, не могутъ быть судьями; иностранцы, по недостаточному знакомству съ польскою исторіей вообще и съ русскою въ особенности, всегда будутъ ошибаться; намъ, русскимъ, недостаетъ нужнаго спокойствія. Поэтому, читая сочиненія, посвященныя паденію Польши, убѣждаемся, виѣсть съ нихъ авторами, что Польша

¹⁾ Ibid., 215.

²⁾ Ibid., 216.

³⁾ Ibid., 217.

дѣйствительно умираетъ, что польскій духъ, по прочтеніи послѣдней страницы, долженъ безвозвратно исчезнуть изъ міра,—между тѣмъ какъ кровавыя событія конца 90-хъ, первыхъ годовъ этого столѣтія, начала 30-хъ, конца 40-хъ и всѣмъ памятные 62-й—64-й годы убѣждаютъ въ противномъ, и даже, хотя и смутно, рисуютъ на заднемъ планѣ польскій народъ, казалось улечившійся послѣ третьяго раздѣла. Невѣрность картины (вмѣсто изслѣдованія, дѣйствительно рисуютъ лишь картины паденія Польши), происходитъ отъ того, что историки обращаютъ вниманіе или на однѣ государственныя формы, или на однѣ социальный строй; но ни государственныя формы, ни социальный распорядокъ еще не исчерпываютъ всего существа національности: образовательная культура, дающая извѣстный колоритъ умственному настроенію, гражданственность, какъ продуктъ всѣхъ силъ (государственныхъ, социальныхъ, культурныхъ и т. п.) политическаго организма, не могутъ и не должны быть обходими въ вопросѣ о жизни или смерти извѣстной національности¹⁾. Нельзя не согласиться, конечно, съ этимъ общимъ разсужденіемъ, но, къ сожалѣнію, самъ авторъ не выполняетъ задачи, имъ самимъ намѣченной, то-есть, не производитъ „изслѣдованія“, которое должно было бы замѣнить обыкновенно даваемыя въ такихъ случаяхъ „картины паденія Польши“. Винить автора за это нельзя, такъ какъ его главная тема — не столько причины, сколько послѣдствія раздѣловъ Рѣчи Посполитой. Я отищу, впрочемъ, его мнѣнія о нѣкоторыхъ явленіяхъ, на которыя обыкновенно указываютъ, когда заходитъ рѣчь о причинахъ паденія Польши. Относительно угнетенія, народной массы де-Пуле говоритъ, что всѣ статистическія данныя, находившіяся въ его распоряженіи, „свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, о высшей, сравнительно съ русскою, земледѣльческой культурѣ, за то, съ другой — представляютъ полную споціацію, такихъ размѣровъ эксплуатацію народнымъ, крестьянскимъ трудомъ, каковую мы нигдѣ не находимъ, за исключеніемъ областей бывшей польской республики, державшейся на подпорахъ тяжелѣйшаго изъ всѣхъ видовъ рабства,—абсолютной эксплуатаціи труда. Если можетъ быть доказано, что крестьянинъ Рѣчи Посполитой лично былъ болѣе свободенъ, чѣмъ крестьянинъ русскій, что отношенія его къ пану были ничѣмъ не хуже отношеній этого послѣдняго къ барину, что въ правахъ своихъ онъ былъ мягче, цивилизованнѣе русскаго, то, съ другой стороны, уже не говоря о

¹⁾ Ibid., 45—46.

громадномъ числѣ крестьянъ казенныхъ, государственныхъ, весьма слабо зависящихъ у насъ, въ прошломъ и этомъ столѣтіи (до учрежденія государственныхъ имуществъ), отъ земской полиціи и мѣстной администраціи, трудъ крѣпостнаго крестьянина въ Россіи, хотя также безправнаго, меньшимъ подвергался опекамъ, контролю, чѣмъ въ Польшѣ, меньше эксплуатировался: трудъ русскаго крѣпостнаго крестьянина былъ обязанъ своимъ сбереженіемъ какъ общинному землевладѣнію, давшему народу хотя бы и силу инерціи, неподатливости, устоя, такъ, если угодно, и худшему состоянію земледѣльческой культуры и болѣе благодарной почвѣ¹⁾... „Польскіе государственные люди“, говоритъ онъ еще,—„польское общество просто не понимали даже того состоянія экономической свободы, которой пользовались *de facto* наши крестьяне (не дворовые, конечно); по, этому имъ непонятны были и прямыя, непосредственныя отношенія нашего правительства къ крестьянамъ свободнымъ, государственнымъ“...¹⁾. „Не принадлежа къ историкамъ-разоблачителямъ“, заявляетъ еще де-Пуле,—„мы не придаемъ въ экономическихъ вопросахъ особеннаго значенія племеннымъ и исповѣднымъ отличіямъ. существовавшимъ между крестьянами и помѣщиками на Литвѣ, да этимъ отличіямъ въ ту пору, то-есть, до раздѣла Польши, еще не было надобности пускаться въ обращеніе, въ пропаганду. Большая цивилизованность польскихъ помѣщиковъ не только не облегчала экономической тягости крестьянина-хлопа; но, напротивъ, увеличивала ея бремя; русскому хлопѣ (то-есть, дворовому) легче жилось у своего барина и тѣмъ болѣе, если этотъ послѣдній, по своему умственному развитію, не много былъ его выше; нечего и говорить о крестьянахъ оброчныхъ и недворовыхъ“²⁾. Я выписалъ это мѣсто, какъ попытку сравненія между положеніемъ крестьянъ въ Россіи и въ Польшѣ: на угнетеніе народной массы въ Рѣчи Посполитой весьма часто указываютъ, какъ на одну изъ причинъ паденія послѣдней, но и въ Россіи, которой досталось отъ Польши такъ много земель, XVIII вѣкъ былъ эпохой полнаго развитія крѣпостничества, представлявшаго много аналогій съ польскою „паньщизной“, и тѣмъ не менѣе это была и эпоха, когда Россія достигаетъ высшаго могущества. Поэтому весьма важенъ вопросъ, въ какой странѣ угнетеніе народной массы доходило до большей степени, и де-Пуле дѣлаетъ попытку рѣшенія этого вопроса.

¹⁾ Ibid., 128—129.

²⁾ Ibid., 130.

Одну изъ причинъ паденія Польши видятъ еще въ религіозныхъ притѣсненіяхъ. Де-Пуле касается въ одномъ мѣстѣ своей книги и этого вопроса.

„Говоря объ этомъ предметѣ“, читаемъ мы у него,—„поляки жалуются всегда на притѣсненія и плачутъ; но какъ всѣ польскіе плачи далеко не имѣютъ историческаго оправданія, такъ и этотъ: религіозный фанатизмъ и нетерпимость, въ особенности къ православію, проходятъ черезъ польскую исторію XVII и XVIII вѣковъ, религіозный фанатизмъ создалъ унію; въ соединеніи съ романтическимъ патріотизмомъ и политическимъ донъ-кихотствомъ, онъ и до настоящей минуты составляетъ болъную сторону польскаго національнаго характера. Но тѣмъ не менѣе, вопросъ о присоединеніяхъ и обращеніяхъ представляетъ любопытное и исключительное явленіе, возможное лишь въ нашихъ отношеніяхъ съ Польшей. Всякая сдѣлка въ дѣлѣ совѣсти, религіи, есть фальшь; самая возможность подобной сдѣлки предполагаетъ въ слабѣйшей сторонѣ непрочность убѣжденій, такъ какъ въ противномъ случаѣ, при насиліи совѣсти, долженъ былъ бы явиться или расколъ, или борьба безъ конца и уступокъ: характеромъ вынужденной сдѣлки отличается и польская унія, польское соединеніе церковей римско-католической и православной, упрочившееся въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, по ненавидимое въ Украинѣ:—это съ одной стороны. Но съ другой, продолжительная практика такого соединенія ослабляла религіозную нетерпимость, сближала церкви, если не въ ихъ догматахъ, то въ обрядности, составляющей, какъ извѣстно, для простаго неграмотнаго люда, самый жизненный религіозный вопросъ. При неразвитости бѣлорусскихъ народныхъ массъ, при ихъ забитости, нищетѣ и крайней умственной ограниченности, религіозная унія, въ началѣ ограничившаяся главенствомъ папы, однимъ лишь внѣшнимъ соединеніемъ церковей, потомъ, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, благодаря католической обрядности и польскому языку, начинавшимъ распространяться, стала для поляковъ могущественнымъ средствомъ ассимиляціи: и безъ того близкое къ нимъ фізіологически русское племя теперь сближалось и сращалось еще болѣе. Но въ религіозномъ индифферентизмѣ, лежащемъ въ основѣ уніи поддерживаемомъ общеніемъ съ православными, жившими въ краѣ, уже таился источникъ будущаго ея распаденія. Если не съ образованіемъ народныхъ массъ, то съ кореннымъ измѣненіемъ въ ихъ судьбѣ, какъ это случилось по паденіи Польши, должна была не-

прѣмѣнно распасться и уніа; ибо историческая необходимость религіознаго компромисса переставала существовать. Та же судьба постигла бы унію и въ томъ случаѣ, еслибы возможно было въ Польшѣ протестантское движеніе, пѣкогда въ ней сильное, но давно задушенное іезуитами: уніаты, по всей вѣроятности, перестали бы существовать, подѣлавшись или настоящими католиками, или протестантами, какъ подѣлались, и теперь еще остаются, этими послѣдними, даже самыми строгими реформаторами, многіе изъ поляковъ, не перестававшихъ отъ этого быть и теперь самыми пламенными патриотами. Съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи и Литвы къ Россіи, давшемъ сильный толчекъ народной пнерціи, при условіи нормальнаго, свободнаго хода событій, должно было бы случиться что-нибудь одно изъ двухъ: или полный католицизмъ, или чистое православіе должны бы были смѣнить унію. По характеру совершившихся событій, не случилось ни того, ни другаго; но движеніе началось, все равно кѣмъ бы оно ни производилось, самой ли массой или индивидуальной инициативой— движеніе въ пользу православія, несомнѣнно, въ надеждѣ улучшенія быта. Обманувшись въ этой надеждѣ и не имѣя возможности уйдти въ совершенно противоположную сторону, движеніе это остановилось, то-есть, снова сталъ запутываться одинъ изъ узловъ русско-польскихъ отношеній. Не одни паны и ксендзы (паны, ксендзы, шляхта и жида стали потомъ козлами очищенія за наши неудачи въ исторіи этихъ отношеній) препятствовали уніатскому движенію: оно должно было само собою остановиться; ему, наконецъ, не могло сильно сочувствовать уніатское духовенство, болѣе свободное и обезпеченное, стоящее несравненно въ меньшей зависимости, чѣмъ наше, отъ высшей администраціи и отъ прихожанъ" ¹⁾). Приводя это мѣсто, указываемъ въ немъ на слѣдующія отличія отъ взглядовъ другихъ авторовъ на унію. Вонервыхъ, де-Пуле особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что отношеніе народной массы къ уніи въ Малороссіи и Бѣлоруссіи было далеко неодинаковое: нѣкоторые историки дѣлаютъ ту ошибку, что о чувствахъ бѣлорускаго народа судятъ по чувствамъ малороссовъ. Вотъ вторыхъ, онъ обнаруживаетъ въ уніи элементъ, на который обыкновенно не обращается. вниманія: онъ указываетъ на то, что „продолжительная практика такого соединенія ослабляла религіозную нетерпимость“, хотя и считаетъ унію самою по себѣ непрочною. Втретьихъ, важно его соображеніе о стоящемъ въ связи съ этимъ явленіемъ.

¹⁾ Ibid., 227—229.

„индифферентизмъ“: говоря объ условіяхъ, пророчившихъ уніи распаденіе, авторъ высказываетъ мнѣніе о томъ, что для уніи самой по себѣ возможенъ былъ переходъ и въ чистый католицизмъ, и въ православіе, и возвращеніе народа къ вѣрѣ отцовъ, по его словамъ, обуславливалось столько же надеждою на улучшеніе быта, которая вполне не оправдалась, сколько несочувствіемъ уніатскаго духовенства къ православію—мотивами также внѣшними по отношенію къ вѣроисповѣднымъ отличіямъ. Принимая въ соображеніе эти особенности взгляда де-Пуле, мы должны сдѣлать важныя поправки въ общемъ представленіи нашими историками диссидентскаго вопроса: если враждебная православію политика поляковъ и была одною изъ причинъ разложенія Рѣчи Посполитой, то болѣе всего она дѣйствовала по отношенію къ юго-западной Руси и менѣе всего по отношенію къ сѣверо-западному краю, гдѣ успѣхи уніи и полонизаціи были значительнѣе.

Де-Пуле касается вопроса и о польскомъ національномъ характерѣ, по скольку имъ можно объяснить паденіе государства. Его взглядъ тотъ, что характеръ этотъ — результатъ воспитанія польской націи въ мѣстныхъ политическихъ принципахъ и культурныхъ условіяхъ, а не прирожденное нѣчто. Сравнивая поляковъ съ русскими, что дѣлали и другіе историки, де-Пуле не забываетъ указать на тѣ отношенія, въ которыхъ поляки были сильнѣе насъ, но вообще въ своей характеристикѣ обоихъ народовъ авторъ выдвигаетъ на первый планъ черты различія. „Въ самомъ дѣлѣ“, говоритъ онъ,—„ничего не могло быть противоположнѣе элементовъ польскаго и русскаго, польскихъ и русскихъ учреждений, польскаго и русскаго народнаго характера. Какъ русскій народъ и народность воспитались въ суровой школѣ государства и государственныхъ началъ, которыя имъ были дороги, потому что стоили немовѣрныхъ жертвъ, доставшихъ такую цѣною, какъ приниженіе, дѣтство, сиротство личности, такъ и польскій національный характеръ образовался въ школѣ, гдѣ систематически проходило искусство разложенія государственнаго организма. Изъ подобной школы не могли выйти ни Гораціи Коклеси, ни Минини; въ ней могло развиваться и развивалось лишь чувство романтическаго, а не реальнаго патріотизма; но, тѣмъ не менѣе, личное чувство было очень сильно, хотя и болѣзненно развито. Словомъ, русскіе и поляки, при близкомъ, племенномъ родствѣ, не понимали другъ друга, какъ граждане, даже просто, какъ люди, другъ другу они должны были казаться, по

меньшей мѣрѣ, странными. Но, съ другой стороны, польская гражданственность и образованность были гораздо старше и вѣдче русской; было время, и не малое, почти цѣлое столѣтіе (съ половины XVII столѣтія), когда онѣ имѣли большой кредитъ въ Россіи; цѣлая половина русскаго народа (малоруссы и бѣлоруссы) воспиталась подъ ихъ вліяніемъ; безъ реформы Петра, безъ вводимой имъ западной, нѣмецкой культуры, польская—угрожала лечь и легла бы въ основу гражданственности Всероссійской имперіи; но и затѣмъ, послѣ Петра, въ продолженіе всего прошлаго вѣка, если не въ цѣломъ, то частностями, польская гражданственность, даже шляхетность, ничего претящаго для насъ не имѣла, какъ все-таки сила, которую одолѣть намъ было нечѣмъ, какъ духъ, не умирающій съ разложениемъ политическаго организма. Крѣпкій русскій организмъ могъ забрать въ себя, спаять съ собою обломки польскаго, но этотъ духъ продолжалъ въ нихъ жить¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ указываетъ на то, что, относясь съ пренебреженіемъ къ польской государственности, русскіе люди прошлаго столѣтія увлекались другими сторонами польскаго быта. „Съ востока Европы“, говоритъ онъ,—„со стороны Россіи, для русскихъ людей конца XVIII вѣка, для современниковъ Екатерины II, польскій государственный строй казался положительнымъ безобразіемъ, возбуждающимъ презрѣніе: инымъ и не могъ казаться хилый, болѣзненный, разлагающійся организмъ, разрушеніе котораго не представляло никакого труда; это презрѣніе, не совсѣмъ заслуженное, обращалось и на всю націю. Но къ польскому соціальному строю, къ общественнымъ, экономическимъ и т. п. отношеніямъ, русскіе люди прошлаго вѣка уже относились совершенно иначе; если они ничѣмъ не могли здѣсь восторгаться (и дѣйствительно, не восторгались), то ничего не могли и презирать, по той именно причинѣ, что не имѣли ничего лучшаго, совершеннѣйшаго у самихъ себя; по крайней мѣрѣ, въ общемъ, въ итогъ, здѣсь силы встрѣтившихся соперниковъ были равны. Но еще въ выгоднѣйшемъ отношеніи къ намъ стояли поляки своею культурою, своею гражданственностью, просвѣщеніемъ,—выгоднѣйшемъ, потому что наша новая, послѣ-петровская культура была тогда еще слишкомъ слаба, а отъ старой, московской, мы совсѣмъ отвернулись, да притомъ же эта послѣдняя доказала свою несостоятельность назадъ тому еще столѣтіе, и между прочимъ, по отно-

¹⁾ Ibid., 53—54.

шенію къ той же гражданственности польской! ¹⁾ Въ нѣкоторыхъ болѣе публицистическихъ, нежели научныхъ соображеніяхъ о русско-польскихъ отношеніяхъ нерѣдко говорится о нашей культурной миссиі по отношенію къ землямъ, отнятымъ у Рѣчи Посполитой: де-Пуле постоянно ставитъ на видъ, что у насъ тогда не могло быть этой миссиі, ибо если Россія превосходила поляковъ крѣпостью государственнаго организма, то наше передовое сословіе въ XVIII вѣкѣ раздѣляло соціальныя взгляды польскаго шляхетства и весьма легко усвоивало его культуру. Было бы, замѣтимъ мимоходомъ, весьма любопытною темой — изслѣдовать польское вліяніе на нашъ помѣщичій, дворянскій бытъ съ XVIII в. (козачьи въ прислугѣ, музыка за парадными обѣдами и т. д.).

Не навязывая нашему прошлому идей, выработанныхъ развитіемъ умственной и общественной жизни въ XIX вѣкѣ, де-Пуле и для сужденія о русской политикѣ въ XVIII столѣтіи считаетъ неудобнымъ брать мѣрку, которая могла бы быть вполне примѣняема къ настоящему времени. Русское правительство и русское общество только въ XIX вѣкѣ, да и то очень поздно, обратили должное вниманіе на народный (то-есть, національный и крестьянскій) вопросъ о земляхъ, „возвращенныхъ“ отъ Польши, но за то послѣ шестидесятихъ годовъ для насъ вся задача и была въ этихъ краяхъ сведена къ поддержкѣ русскаго и крестьянскаго элементовъ, такъ что мы и прежнюю политику Россіи стали разсматривать съ этой точки зрѣнія, то приписывая ей мотивы, аналогичныя съ нашими теперешними стремленіями, то обвиняя ее въ измѣнѣ своей настоящей задачѣ. Противъ такого неисторическаго отношенія къ дѣлу авторъ возстаетъ во многихъ мѣстахъ своей книги, стараясь выяснить истинный характеръ русской политики въ XVIII вѣкѣ и даже беря на себя защиту этой политики, не всегда возможную при общемъ направленіи внутреннихъ дѣлъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, къ коимъ и относится предметъ его сочиненія. Во всякомъ случаѣ весьма важно то, что де-Пуле на первый планъ выдвигаетъ чисто государственныя мотивы этой политики. „Русскіе люди екатерининскаго времени“, по его словамъ, — „были строгіе, восторженные государственники; все дѣлалось ими въ интересахъ чисто-государственныхъ, болѣе или менѣе внѣшнихъ; личность, личное чувство, личный починъ, не смотря на то, что для развитія всего этого не мало сдѣлано при Екатеринѣ,

¹⁾ Ibid., 107.

были положительно недостаточны для нравственныхъ завоеваній по западнымъ, крѣпко-культурнымъ окраинамъ. Но за то, съ другой стороны, фальшивое сентиментальное отношеніе къ народностямъ и вѣрованіямъ, толки о ихъ доброкачественности и негодности были недоступны русскому человѣку конца XVIII столѣтія. Идея народности вообще (этнографическій романтизмъ тѣмъ болѣе), были непонятны¹⁾. Устранивъ изъ этого мѣста полемическій тонъ, мы должны сознаться съ авторомъ, что въ русской политикѣ при Екатеринѣ II преобладала господствовавшая въ то время и на западѣ идея государства совершенно отвлеченная, то-есть, безъ вѣроисповѣдной окраски предыдущей эпохи и безъ окраски національной, какую она получила въ XIX вѣкѣ. Далѣе, де-Пуле указываетъ на то, почему русское правительство поступило въ крестьянскомъ вопросѣ, только что начавшемъ тогда возбуждаться, не такъ, какъ слѣдовало бы съ современной точки зрѣнія. „Русское правительство“, говоритъ онъ, — „вполнѣ понимало, что для спокойнаго обладанія провинціями, необходимо поднять и привлечь на свою сторону униженные и порабощенные земледѣльческіе классы; но оно, пугаясь еще въ ту пору крестьянской свободы, не имѣло силы сдѣлать это, само нуждаясь въ расположеніи привилегированныхъ сословій, на бѣду все же болѣе образованныхъ, чѣмъ таковыя же въ тогдашней Россіи, а главное съ громаднымъ вплиномъ въ краѣ. Относясь прямо и трезво къ предстоящей ему миссіи въ Польшѣ теоретическимъ образомъ, русское правительство екатерининскаго времени на практикѣ, при столкновеніи съ дѣйствительностью, должно было дѣлать многія неизбѣжныя уступки. Такъ, вступивъ въ Литву при самомъ открытіи послѣдняго возстанія, въ маѣ 1794 г., русскіе военачальники, хотя и называютъ въ своихъ прокламаціяхъ возставшихъ конституціонистовъ мятежниками и провозглашаютъ покровительство крестьянамъ, но на дѣлѣ этимъ же мятежникамъ больше довѣряютъ, чѣмъ крестьянамъ“²⁾. „Понимая необходимость нравственной и матеріальной поддержки крестьянскаго, преимущественно единогвѣрнаго съ нами, населенія и затрудненія къ этому, соединеннаго съ экономическимъ и государственнымъ строемъ тогдашней Россіи, князь Рѣпинъ и его современники, съ одной стороны, не могли романтически относиться къ этому населенію, которое отлично знали: люди екатерининскаго вѣка, какъ

¹⁾ Ibid., 118.

²⁾ Ibid., 55.

извѣстно, отличались замѣчательно реальнымъ взглядомъ на вещи, на многое смотрѣли они односторонне, государственная точка зрѣнія дѣйствительно многое отъ нихъ скрывала, напримѣръ, народность; но, съ другой стороны, они не страдали романтическимъ отношеніемъ къ этой послѣдней, не пламенѣли къ ней платонической любовью, быть можетъ, инстинктивно понимая, что платоническая любовь не помогаетъ социальнымъ недугамъ. Племенная пестрота крестьянскаго населенія въ областяхъ, принадлежавшихъ Польшѣ, амальгамировалась католицизмомъ, униєю, вліяніемъ польской гражданственности, отрицать которое даже и на нихъ не возможно. Чуждое польскому, литовское племя стягивалось съ нимъ крѣпкими узами католицизма, котораго литовцы всегда были самыми восторженными послѣдователями; бѣлоруссы, даже православные, не говоря уже о католикахъ и уніатахъ, близки къ полякамъ физиологически—по племенному родству и нарѣчіямъ. Вся эта амальгама оказалась, конечно, хрупкою, но она была, и при лучшемъ государственномъ строѣ слабо связанная части непременно могли бы сростись въ одинъ крѣпкій организмъ; но ожесточенной вражды между этими частями современники Рѣпина, не оставаясь мечтателями, не могли замѣтить: разложение политическаго организма не есть еще вражда, невозможность сродства, сліянія составляющихъ его элементовъ; это значитъ только хрупкость связи, спаивающей составныя части; вражды не было и потому еще, что сельское населеніе было истощено и обезсилено до послѣдней возможности, то-есть, было безъ средствъ, нужныхъ для борьбы¹⁾. „Народъ до такой степени сдѣлался неспособенъ къ малѣйшей инициативѣ, что призывъ Костюшки и его агентовъ, разсыпанныхъ въ Литвѣ, къ освобожденію не произвелъ на него особеннаго вліянія: сегодня онъ шелъ, вооруженный вилами и топорами, въ одну банду, завтра точно такъ же апатично и не торопясь собирался въ другую, принадлежавшую враждебной конфедерации; послѣ завтра исполнялъ точно также приказаніе русскихъ войскъ, посланныхъ для разогнанія конфедератовъ. Трудно было придумать школу болѣе гибельную для воспитанія народныхъ массъ, чѣмъ та, которую представляла польская республика: масса также политически развращалась, на нее никому нельзя было опереться, какъ на каменную гору. Повторяемъ, это очень хорошо понималъ Рѣпинъ

¹⁾ Ibid., 57—58. Отмѣчаю въ этомъ мѣстѣ указаніе на силу колонизаціи въ сѣверо-западномъ краѣ.

и всѣ его современники, менѣ насъ пропитанные всякими теоріями; въ литовскихъ крестьянахъ они не могли видѣть людей, готовыхъ братски и восторженно броситься въ ихъ объятія, они не могли не понимать, что это братское чувство (даже въ Бѣлоруссѣ) совершенно имъ чуждо, что самые раскольники, чистокровные великоруссы, сжились съ краемъ и сошлись съ людьми другихъ племенъ и вѣрованій,—по меньшей мѣрѣ до ослабленія къ намъ братскаго чувства. Люди прошлаго вѣка, воспитанные въ идеѣ строгой государственности, не могли не примѣтить такого крупнаго факта, какъ существованіе въ литовскомъ край государственности польской, культуры польской, и считали ребячествомъ отрицать ихъ, понимая въ то же самое время очепь хорошо, что москаль и ляхъ были не одни бранныя слова, не пустые звуки, а живые тицы двухъ гражданственностей, и что большую часть всего ляхскаго и московскаго можно приложить не къ однимъ чистокровнымъ полякамъ и великоруссамъ¹⁾. „Не вдаваясь въ туманную область политическихъ и социальныхъ иллюзій, русское правительство въ Литвѣ не могло не видѣть непреодолимыхъ затрудненій въ дѣлѣ реорганизаціи края, представлявшихся ему на каждомъ шагѣ,—въ городѣ, мѣстечкѣ и деревнѣ; они ни мало не уменьшились бы даже и тогда, еслибы завоеванный край былъ заселенъ, хотя на половину, русскимъ людемъ; не много уменьшились бы, еслибы населеніе его было почти поголовно русское, такъ какъ не народныя стихіи владутъ характеристической отпечатокъ на страну, а учрежденія, при которыхъ она развивается“²⁾.

Одна изъ заслугъ де-Шуле та, что онъ изслѣдовалъ состояніе края, — правда, наименѣ русскаго изъ присоединенныхъ отъ Польши, — который достался Россіи по третьему раздѣлу. Русскіе историки привыкли смотрѣть на русскія области, отошедшія отъ Рѣчи Посполитой, какъ на нѣчто однородное, хотя Малороссія не походила на Бѣлоруссію, а послѣдняя на Литву, — обстоятельство, которое необходимо принимать въ расчетъ, говоря о тяготѣніи этихъ земель къ Россіи или о невозможности болѣе тѣснаго сліанія ихъ съ Польшею: тутъ были разныя степени. Поэтому и задача русскаго правительства была, дѣйствительно, не столь легкая и простая, какою можетъ казаться, если не принимать въ расчетъ мѣстныхъ условій, если представлять себѣ дѣло такъ, что поль-

¹⁾ Ibid., 59.

²⁾ Ibid. 120.

щина была лишь внѣшнимъ налетомъ на русской жизни, котораго притомъ здѣсь имѣла тотъ же, яко бы, характеръ, какъ и въ присоединявшемъ эти земли государствѣ. Съ этой точки зрѣнія, по отношенію къ нѣкоторымъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностямъ, вопросъ рѣшался непреодолимымъ тяготѣніемъ народонаселенія въ ту или другую сторону, а внѣшнею силою. Конечно, и отношенія обонхъ государствъ къ крестьянскому вопросу, будь оно совершенно различное, играло бы роль рѣшающаго фактора, но дѣло въ томъ, что и Россія не дала крестьянамъ того, чего не давала имъ и Польша. Интересно мѣсто въ книгѣ де-Пуле, гдѣ рѣчь идетъ о переходѣ прежнихъ старостинскихъ мѣстечекъ въ Литвѣ въ русскую казну. „Вслѣдствіе такого распоряженія“, говоритъ авторъ,— „а также секвестра имѣній тѣхъ помѣщиковъ, которые не присягнули на подданство, въ рукахъ правительства очутилось множество имѣній, образовавшихъ въ эту пору особую ихъ категорію, такъ называемыхъ казенныхъ. Этими имѣніями судьба, казалось, сулила лучшую будущность; но, увы! и здѣсь слѣдовала по нашимъ пятамъ роковая ошибка. Несомнѣнно одно, что случись паденіе Польши ранѣе, до 1789 года, когда взглядъ императрицы на крѣпостное состояніе былъ иной, эти казенныя имѣнія были бы поставлены въ положеніе, занимаемое русскими государственными крестьянами; но теперь, передъ страхомъ якобинизма, русское помѣстное право стало казаться лучшимъ и надежнѣйшимъ оплотомъ въ интересѣ государственнаго устройства и благочинія; отсюда начинается раздача крѣпостныхъ душъ самою щедрою рукою, принявшая при Павлѣ, какъ извѣстно, пламенномъ поборникѣ стараго русскаго консерватизма, чудовищные размѣры, когда, по свидѣтельству современниковъ, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи уже нечего было больше дарить“... „Интересна, и поучительна“, прибавляетъ онъ однако,— „борьба этихъ двухъ экономическихъ несостоятельности, русской и польской, шедшая тогда на нашемъ западѣ, въ виду обновлявшейся Европы, провозглашавшей инныя экономическія попятія, инныя воззрѣнія на народъ и государство! Поляки и здѣсь, сравнительно съ нами проигрывали, если не въ глазахъ Европы, которая видѣла только казовый конецъ ихъ конституціи 3-го мая 1791 г. и революцію Костюшки 1793—1794 гг., то въ глазахъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, которые не замѣтили паденія Польши и все же свободнѣе вздохнули подъ русскимъ владычествомъ, даже подъ игомъ русскаго крѣпостнаго права“¹⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 131—132.

Такъ смотритъ де-Пуле на крестьянскій вопросъ, оправдывая до известной степени политику Екатерины (и специально Рѣшнина отъ Костомарова). Онъ оправдываетъ эту политику и отъ другаго упрека, именно въ томъ, что въ западномъ краѣ были восстановлены іезуитскія учрежденія. „Восстановить учебныя заведенія въ то время, конечно, значило—пустить ихъ въ ходъ съ тѣмъ же механизмомъ, при томъ же педагогическомъ и учебномъ персоналѣ (то-есть, совершенно польскомъ), иначе ничего не могло быть. Въ краѣ, гдѣ не одно уже столѣтіе существовало образованіе (закалъ его—вещь второстепенная), гдѣ дѣйствовали столь же долго польская и литература, и наука (характеръ ихъ—статья особая),—была бы химерою попытка одолѣть ихъ сразу средствами русской культуры, науки и литературы, едва нарождавшихся: кромѣ административнаго надзора, ничего иного не оставалось дѣлать на этомъ поприщѣ, ибо нельзя же было цѣлякомъ ввести въ край нашу тогдашнюю систему народныхъ училищъ, едва десять лѣтъ просуществовавшую у самихъ. Вообще, независимо отъ всякаго рода затрудненій, спѣшить съ педагогическимъ и просвѣтительнымъ дѣломъ, при нашемъ слабосиліи, не было возможности; могли быть расчеты и на космополитизмъ іезуитовъ, успѣшно дѣйствовавшихъ въ Бѣлоруссіи“¹⁾.

Послѣ всего сказаннаго о книгѣ де-Пуле и приведенныхъ изъ нея выдержекъ можно сдѣлать о ней такое общее заключеніе. На ея содержаніи несомнѣннымъ образомъ отразилась эпоха, въ которую она писалась, но общія идеи книги идутъ въ разрѣзъ съ господствовавшимъ тогда тономъ публицистики. Тенденціей послѣдней было сглаживать различія между отдѣльными частями русской народности и доводить до рѣзкой противоположности все русское и польское, тогда какъ де-Пуле, на оборотъ, старается найти несходства въ первомъ случаѣ и сходства во второмъ: въ послѣднемъ отношеніи онъ указываетъ на „замѣчательно-аналогическія черты быта“, объясняя ими многое въ тогдашней исторіи: „враждующіе соперники“, говоритъ онъ,—„имѣли общіе экономическіе интересы; крѣпостное право роднило ихъ больше, чѣмъ славянская кровь“²⁾. Поэтому де-Пуле далеко и отъ того взгляда, навѣяннаго борьбою въ 1863 г. между Россіей, освободившею у себя крестьянъ, и польскою шляхтою, будто и вѣковой споръ Россіи съ Польшею, приведшій къ паденію послѣдней,

¹⁾ Ibid., 165.

²⁾ Ibid., 55.

сводится къ борьбѣ демократическаго славянства („мужицкаго царства“), съ славянствомъ аристократическимъ („шляхетскою республикой“), — мнѣніе, доселѣ повторяющееся въ нашей печати ¹⁾. Въ XVIII вѣкѣ борьба шла между двумя государствами, и въ этой борьбѣ вопросъ релігіозный былъ для одного изъ нихъ только предлогомъ, вопросъ національный игнорировался, а соціальный и не поднимался, хотя всѣ эти вопросы существовали и ждали своего рѣшенія отъ временъ болѣе свободныхъ отъ исключительно политической точки зрѣнія. Послѣдняя въ XVIII вѣкѣ заслоняла все, и только русскіе писатели открыли, что она не была всѣмъ.

Обозрѣвъ русскія историческія сочиненія, посвященныя эпохѣ паденія Польши, мы можемъ остановиться еще на одномъ трудѣ, въ которомъ разсматриваются причины разложенія Рѣчи Посполитой, хотя содержаніе этого труда — „Два года послѣ Ягеллоновъ“ (то-есть, 1572—1574), какъ озаглавлена главная часть книги; это — сочиненіе г. Уманца подъ заглавіемъ „Врожденіе Польши“, вышедшее въ свѣтъ въ 1872 г. ²⁾. Книга эта состоитъ изъ двухъ частей — изъ большой вступительной статьи, озаглавленной: „По поводу русско-польскаго вопроса“, и исторіи перваго безкоролевья въ Польшѣ по превращеніи династіи Ягеллоновъ. Для нашего обзора представляютъ интересъ — во вступленіи отдѣлъ подъ заглавіемъ „Россія и Польша“ ³⁾, а въ самомъ текстѣ глава V, названная „Причины вырожденія Польши“ ⁴⁾. Мы приведемъ главныя мысли изъ обоихъ отдѣловъ книги.

Въ первомъ изъ нихъ авторъ разсматриваетъ прежде всего ошибки русской политики въ земляхъ, присоединенныхъ отъ Польши. „Но“, продолжаетъ онъ, — „самую большую изъ нашихъ ошибокъ составляетъ раздѣлъ Польши. Это не значитъ, чтобы уничтоженіе Польши было само по себѣ ошибкой. Ошибка заключается именно въ томъ, что это уничтоженіе совершилось путемъ раздѣла между тремя державами, а не присоединеніемъ одного государства къ другому. Соединеніе всей Польши съ Россіей было давно предначертано въ умахъ русскихъ и поляковъ XVI и XVII вѣка. Поэтому

¹⁾ См. особенно статью г. Южакова: Вопросъ гегемоніи въ концѣ XIX вѣка. (*Русская Мысль*. 1885. IV).

²⁾ *Г. М. Уманецъ. Врожденіе Польши. С.-Пб. 1872.* Продолженіемъ этой работъ служитъ статья того же автора „Русско-Литовская партія въ Польшѣ 1574—1576 гг.“ (*Журн. Мин. Народн. Просв.* 1875 г.).

³⁾ Стр. XXIV—LXII.

⁴⁾ *Ibid.*, 97—190.

ошибка русскихъ политиковъ XVIII вѣка заключается не въ томъ, что мы завладѣли Польшей (это событіе должно было совершиться раньше или позже; лучшіе люди обонхъ народовъ давно къ нему стремились), но въ томъ, что мы завладѣли только частью ягеллонскаго наслѣдства, а не цѣлою Польшей. Съ Польшей по Карпаты, Богемію и Данцигъ намъ было бы легче сойтись, чѣмъ съ ея частью. Въ первомъ случаѣ нервы національности и прежняго историческаго развитія чувствовали на себѣ несравненно менѣе раздражающаго прикосновенія непривычной руки, чѣмъ во второмъ. Невыносимое польскаго раздѣла заключается именно въ этомъ раздѣлѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если послѣ неискусной операціи польское племя заболѣло тяжкою нервною болѣзнію. Для каждаго народа, какъ бы онъ ни былъ изувѣченъ своими политическими грѣхами, идея раздѣла имѣетъ чрезвычайно много антипатичнаго. Можетъ быть, это усиливающееся страданіе не болѣе какъ оптической обманъ, не что иное какъ плачъ ребенка надъ сломанной игрушкой, но оно—въ природѣ челоуѣка. Вѣтхозавѣтные пророки не могли придумать болѣе тяжкаго наказанія за народный грѣхъ, какъ раздѣленіе государственной единицы. Положеніе Малороссіи послѣ Андрусовскаго мира, на самомъ дѣлѣ, не было хуже, чѣмъ во время казацкихъ войнъ, но она была раздѣлена и потому болѣе жаловалась на свою судьбу. Поэтому надо было или брать Польшу всю, до послѣдняго сажня славянской земли, или, до поры до времени, управлять ею чрезъ Понятовскаго и Рѣпнина. Если первое было пока не возможно безъ европейской войны, то, во второмъ случаѣ, могли повести дѣло какъ хотѣли. Ничто не заставляло насъ идти на раздѣлъ. Наши права на Польшу были основаны на единоплеменности, на старинѣ, на преданіяхъ литовско-русской шляхты. За насъ были и польскіе историки, и голосъ нашихъ лѣтописцевъ. Что имѣли мы общаго съ домогательствами Пруссіи и Австріи? У насъ было историческое право, тамъ опирались на житейскую истину—, не клади плохо“... Но мы не хотѣли дѣйствовать паступательно и не умѣли сохранить ту выжидательную политику, которая привела нѣкогда, на переکورъ нехотѣннѣю Хмѣльницкаго, измѣнѣ Выговскаго и неспособности великорусскихъ вельможъ, всю Малороссію подѣ скипетръ царя Алексѣя Михайловича. Политика императрицы Екатерины шла совершенно вѣрною славянскою стезей до самаго 1772 года. Назначая Понятовскаго Польскимъ королемъ, а Рѣпнина русскимъ уполномоченнымъ, императрица является продолжательницей еще до-петровской поли-

тики, то-есть, стремится къ соединенію всей Польши съ Россіей. Но трудно понять, почему правительство Екатерины вдругъ отбросило старый славянскій идеалъ, одинаково дорогой обоимъ народамъ, и ограничилось жалкимъ обрѣзкомъ тамъ, гдѣ надо было брать все. Непостижимо, почему оно отдало въ чужой родъ тотъ самый скипетръ, котораго добивался Іоаннъ, который почти держалъ царь Алексѣй Михайловичъ; остается навсегда непонятнымъ, почему мы отвергли идею, которую желѣли совѣтники царя Федора, нѣсколько поколѣній литовско-русской шляхты и гениальный Жолѣвскій. Видно только, что Лобковичъ и принцъ Генрихъ застаютъ Екатерину неприготовленной къ новой политикѣ, ограничивающей насъ частью вмѣсто цѣлаго. Императрица долго колебалась. При рѣшительности ея характера, эта нерѣшительность всего вѣрнѣе указываетъ на то, что въ раздѣлѣ не было никакой надобности, и что въ душѣ она ему не сочувствовала¹⁾.

Послѣ этого авторъ разсматриваетъ ошибки польской народности въ этомъ дѣлѣ. Онъ находитъ вообще, что между Польшей и концомъ XVIII вѣка существовалъ неизмѣримый духовный разладъ²⁾. Въ то время, резюмируетъ онъ свою мысль, когда Европа развивала республиканскія идеи, Польша дѣлаетъ попытку уничтожить республиканскія формы; когда философія XVIII вѣка признаетъ человѣческую равноправность, она удерживаетъ рабство; когда Вольтеръ громитъ католицизмъ, она одна потворствуетъ фанатизму своихъ ксендзовъ!³⁾ Съ этой точки зрѣнія, довольно-таки апріорной, г. Уманецъ и высказываетъ осужденіе польской политики. Конецъ этого отдѣла посвященъ доказательству того, что вся польская политика по отношенію къ русскому народу и государству была ошибочна, но здѣсь нѣтъ ничего, чего бы не говорили другіе русскіе писатели разныхъ отгѣнковъ на эту тему.

Гораздо обстоятельнѣе трактуетъ г. Уманецъ о „причинахъ вырожденія Польши“, въ главѣ, носящей такое названіе. „Исторія Польши“—такъ пачинаетъ онъ эту главу—, имѣетъ то печальное преимущество предъ исторіей другихъ народовъ, что пружины, низвергнушія польскую республику, съ рѣдкою ясностью выступаютъ наружу. Механическій составъ того политическаго орудія, которое рас-

¹⁾ Ibid., XLVIII—L.

²⁾ Ibid., LI.

³⁾ Ibid., LIV.

шало древній государственный строй и испортило древній народный характеръ, съ рѣдкою ясностью представляется глазамъ потомства. Пружинами паденія служатъ католицизмъ и шляхетская демократія. Обѣ онѣ одновременно начинаютъ дѣйствовать въ первое безкоролье по прекращеніи ягеллонской династіи. Это не значитъ, чтобы элементы упадка не существовали до этой эпохи и потомъ, мгновенно, выросли и начали свое разрушительное дѣйствіе. Мы хотимъ только сказать, что пока держались Ягеллоны, титаническая сила шляхетства и католицизма сдерживалась ихъ нравственнымъ обяніемъ. Смерть послѣдняго Ягеллона развязала имъ руки и они тотчасъ воспользовались свободой¹⁾. Вся глава представляетъ собою анализъ направленія, даннаго двумъ жизненнымъ вопросамъ польской исторіи (католическому и шляхетскому) въ первое безкоролье. Мы не станемъ слѣдить за авторомъ въ его изложеніи событій 1572—1574 гг., дѣйствительно, рѣшавшихъ судьбу Польши, такъ какъ это была эпоха первой побѣды католической реакціи въ Польшѣ²⁾ и превращенія польскаго государства въ настоящую шляхетскую республику³⁾. Отмѣтимъ только указаніе на ,тотъ путь, по которому Ягеллонская шляхта превратилась въ шляхту временъ паденія. Привилегіи деспотическаго положенія и поголовная подача головъ⁴⁾, говоритъ авторъ, —,создали изъ древняго военнаго сословія республики шляхетскую демократію, *gminowładstwo szlacheckie*, не имѣвшую ничего общаго ни съ настоящею демократіей, ни съ настоящею аристократіей, кромѣ недостатковъ, присущихъ каждой изъ этихъ формъ. Польская шляхта была похожа на демократію по своей способности увлекаться, недостатку опредѣленнаго плана и шаткости мнѣній. Въ то же время она была похожа на аристократію, по своему чрезмѣрному уваженію расы, презрѣнію къ личнымъ заслугамъ, къ народу, труду, къ инстинктамъ и желаніямъ массъ. Въ одно и то же время это была безформенная глыба, на которую болѣе или менѣе похожа всякая демократія и такая же эгоистическая, строго охраняющая свои привилегіи корпорація, какъ и всякая аристократія⁴⁾. Находя, что для Польши было весьма вредно распространеніе поли-

¹⁾ Ibid., 97.

²⁾ Ср. нашъ Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. М. 1886.

³⁾ См. нашъ Историческій очеркъ польскаго сейма. М. 1888, стр. 44 sq., 66 sq.

⁴⁾ Уманецъ, 168—169.

тическихъ правъ на всю польскую шляхту, г. Уманецъ продолжаетъ: „спѣшимъ прибавить, что вредъ былъ бы не такъ великъ, еслибы эти права были распространены на всю массу народа. Здравый смыслъ гораздо лучше сохраняется въ массѣ народа, чѣмъ въ ея аристократическихъ представителяхъ, потому что народъ, какъ общая сумма населенія, вмѣщая въ себѣ самые противоположные элементы, инстинктивно не допускаетъ односторонности и тормозитъ увлеченія. Большинство его состоитъ изъ людей занятыхъ, трудолюбивыхъ, поставленныхъ въ безпрестанныя столкновенія съ практической жизнью. Оно, можетъ быть, не пойметъ высшихъ государственныхъ интересовъ, но оно пойметъ общежитійскіе интересы. Шляхта не поняла ни того, ни другаго. Составленная изъ людей праздныхъ и возведшихъ праздность въ законъ, для которыхъ родовой гоноръ выше всѣхъ экономическихъ расчетовъ, масса шляхты, гораздо хуже массы народа была способна распорядиться и дѣйствительно хуже распорядилась своими политическими правами“¹⁾. Авторъ отмѣчаетъ еще инертность польской простонародной массы. „Въ польской исторіи“, говоритъ онъ,— „нѣтъ событій и лицъ, равныхъ нашему Минину, раскольникамъ, Ермаку, казачеству и земскимъ ополченіямъ смутнаго времени. Въ Польшѣ не было и нѣтъ великихъ „худородныхъ“ людей, которыми сильна и богата Россія. Польскій „народъ“ совершенно не виденъ въ польской исторіи. Памятники почти не говорятъ о немъ. Историческія событія—еще менѣе. Напрасно нѣкоторые польскіе историки, напримѣръ, Короновичъ, примѣняютъ это имя къ шляхетской демократіи. Суррогатъ выбранъ неудачно. Польская шляхта и польскій народъ высказываютъ совершенно различный политическій темпераментъ. Контрастъ между шляхтой и польскимъ простонародьемъ выдается тѣмъ рѣзче, что шляхта полна жизни, энергіи и политическихъ стремленій, въ то время, когда польскій народъ безмолвно проходитъ по исторической сценѣ. Вездѣ, гдѣ въ польской исторіи замѣтно вліяніе простонародья, простонародье это составляетъ обломокъ общерусскаго племени. Свое племенное народное демократическое начало онъ тщетно старается навязать чуждой этому началу шляхетской исторіи, и не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, навсегда отрывается отъ польскаго государства. Откуда же эта печальная черта польской исторіи? Откуда эта вѣковая апатія польскаго простонародья на ряду съ шумной политической дѣятельностью поль-

¹⁾ Ibid., 176.

свой шляхты? Развѣ не славянская кровь течетъ въ его жилахъ? Фактъ слишкомъ знаменателенъ, чтобы только упомянуть о немъ¹⁾. Отвѣтъ на этотъ вопросъ у автора—ссылка на разноплеменность шляхты и народа въ Польшѣ, гипотеза весьма сомнительная²⁾.

„Политическій темпераментъ польскаго простонародья“, говоритъ г. Уманецъ,—„объясняется различіемъ его происхожденія отъ шляхты. Норманскій витязь, задавившій въ доисторическую эпоху славянина-поляка, внушилъ потомкамъ послѣдняго чувство чрезмѣрной покорности и вмѣстѣ съ тѣмъ отнялъ у польской конституціи весь творческій элементъ, представляемый истинными, стремленіями и характеромъ простонародныхъ массъ“³⁾. Понимая иначе причину рѣзкаго раздѣленія польскаго общества на два класса, мы согласимся съ авторомъ относительно результата: „польскій *piegząd* созданъ именно благодаря политическому и нравственному ничтожеству польскаго простонародья“⁴⁾.

Не смотря на то, что русская публицистика и историографія вообще такимъ рѣшительнымъ образомъ ввели въ исторію паденія Польши разсмотрѣніе особаго русско-польскаго вопроса, остававшагося совершенно неизвѣстнымъ западнымъ историкамъ, и въ настоящее время возможно такое изображеніе польскихъ дѣлъ конца XVIII вѣка, въ коемъ не дается мѣста сторонѣ дѣла, наиболѣе занимавшей русскихъ писателей. Говоря это, я имѣю въ виду популярную исторію Екатерины II профессора дерптскаго университета А. Г. Брикнера, вышедшаго и по нѣмецки (въ извѣстномъ изданіи Онкена), и по русски⁵⁾, хотя автору была доступна русская литература по этому предмету. Почтеннаго профессора можно упрекнуть въ томъ, что онъ не внесъ въ свое сочиненіе, предназначенное и для нѣмцевъ, то, что въ русскомъ взглядѣ имѣетъ строго научную сторону, но въ свое оправданіе онъ могъ бы сказать, что въ краткомъ обзорѣ польскихъ раздѣловъ онъ долженъ былъ остановиться на главномъ, а таковымъ въ глазахъ современниковъ было какъ разъ не то, что такъ занимаетъ теперешнихъ русскихъ историковъ.

„Существуютъ“, говоритъ проф. Брикнеръ,—„различныя мнѣнія от-

1) Ibid., 180—181.

2) Ibid., 183 ед.

3) Ibid., 183.

4) Ibid., 190.

5) А. Брикнеръ. Исторія Екатерины II. С.-Пб. 1866.

носительно польскихъ раздѣловъ“¹⁾. Изложивъ вкратцѣ эти мнѣнія, онъ замѣчаетъ, что „нельзя обсуждать политическія событія, разсматриваемыя какъ результатъ историческаго развитія нѣсколькихъ столѣтій, съ точки зрѣнія частной нравственности“; что „въ исторіи раздѣловъ Польша нельзя ограничиться разборомъ дѣйствій державъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ“, что „нужно принять въ соображеніе и самое состояніе Польши во время катастрофы, средневѣковыя учрежденія этого государства, политической застой, невозможность обновленія, прогресса, которымъ противодействовали не только иностранныя державы, но и самое польское общество“²⁾.

Далѣе приводятся соображенія о католической политикѣ Польши, прецеденты относительно раздѣловъ государствъ и т. п., но ничего не говорится о вопросѣ національномъ. Самое возбужденіе диссидентскаго вопроса вытекало изъ желанія Екатерины знать, „какія политическія выгоды можетъ представить для Россіи защищеніе православныхъ въ Польшѣ“³⁾. Въ самомъ раннемъ проектѣ раздѣла Польши выдвигался на первый планъ вопросъ о „лучшемъ округленіи и безопасности границъ между Днѣпромъ и Двиной“⁴⁾.

И въ политикѣ Екатерины относительно Польши проф. Брикнеръ главное вниманіе обращаетъ на все, кромѣ собиранія Русской земли. „Значеніе Россіи“, говоритъ онъ, — „въ Европѣ обуславливалось въ значительной степени преобладаніемъ русскаго вліянія въ Польшѣ. Для Екатерины же успѣхи въ области внѣшней политики могли считаться удобнѣйшимъ средствомъ для упроченія за нею престола. Защищая права и интересы православныхъ въ Польшѣ, она могла пріобрѣсти нѣкоторую популярность въ Россіи. Вмѣшиваясь въ польскія дѣла, Екатерина въ глазахъ свѣта, играла роль представительницы религіозной терпимости въ борьбѣ противъ фанатизма католической церкви“⁴⁾. Рассказывая о первомъ раздѣлѣ, авторъ говоритъ: „Россія пріобрѣла именно тѣ области, на которыя указывалъ Чернышевъ, за нѣсколько лѣтъ до раздѣла, то-есть, бѣлорусскія области на Двинѣ и Днѣпрѣ, въ размѣрѣ 1775 квадратныя мили съ 1, 800, 000 жителей“. „Наставвал“, читаемъ мы нѣсколько ниже,— „на удержаніи Польши въ прежнемъ состояніи, заступаясь за

¹⁾ Ibid., III, 293.

²⁾ Ibid., III, 302.

³⁾ Ibid., III, 302.

⁴⁾ Ibid., III, 306.

польскихъ диссидентовъ, стремясь къ превращенію Польши въ зависимое отъ Россіи государство, Екатерина достигла весьма важнаго результата. Прежняя мысль императрицы о превращеніи всей Польши, такъ сказать, въ провинцію Россіи оказалась неудобосуществимой. Склопность Пруссіи къ охраненію мира, перасположеніе Австріи заставили Екатерину уступить нѣкоторую долю добычи обѣимъ этимъ державамъ. Въ сущности завоевательная политика Россіи повела къ раздѣлу Польши. Успѣхи русскихъ дипломатовъ и полководцевъ въ Польшѣ, побѣды русскаго оружія при Чесмѣ, Ларгѣ и Кагулѣ сдѣлались источникомъ несчастія, постигшаго Рѣчь Посполитую¹⁾.

По поводу перваго раздѣла авторъ замѣчаетъ еще слѣдующее: „Для Екатерины приобрѣтеніе Бѣлоруссіи имѣло весьма важное значеніе. Столѣтіемъ раньше, при подобныхъ условіяхъ, благодаря тѣсной связи между религиозными и политическими интересами, была присоединена къ Московскому государству Малороссія. Заступничество за единовѣрцевъ въ Польшѣ придавало дѣйствіямъ Екатерины значеніе національнаго подвига. Не столько въ то время, сколько впоследствии, была рѣзко осуждаема насильственность образа дѣйствій Россіи. Отвѣтственность за раздѣлъ Польши лежитъ на Екатеринѣ и на Фридрихѣ II. Соглашеніе по этому дѣлу представляло собою апогей прусско-русскаго союза“²⁾.

Въ краткой исторіи двухъ послѣднихъ раздѣловъ авторъ „Исторіи Екатерины Второй“ только въ одномъ мѣстѣ отмѣчаетъ значеніе новыхъ приобрѣтеній съ точки зрѣнія собиранія Руси. „Екатерина“, говоритъ онъ,—,спеціально занималась изученіемъ исторіи Россіи. Теперь же она въ подробной запискѣ старалась доказать, что присоединенныя къ Россіи части Польши принадлежали когда-то Россіи, и что поэтому, не взявъ ни пяди чужой земли, она не имѣла повода къ принятію титула польской королевы“. Тутъ же приведемъ слова проф. Брикнера, иллюстрирующія его взгляды. „Въ 1814 г., извѣстный государственный дѣятель, Поццо ди Борго, замѣтилъ, что главнымъ содержаніемъ новой исторіи Россіи должно считать уничтоженіе Польши; достиженіе этой цѣли, говорилъ онъ далѣе, было необходимо для сближенія Россіи съ западною Европою для усиленія ея вліянія, для удовлетворенія ея честолюбія и пр.“³⁾.

¹⁾ Ibid., III, 360.

²⁾ Ibid., III, 352.

³⁾ Ibid., III, 514. Проф. Брикнеръ возвращается къ предмету въ сочиненіи „Die Europäisierung Russlands (Gotha. 1888). Здѣсь онъ рассказываетъ исторію соби-

Насъ не удовлетворяетъ такое представленіе дѣла, но именно потому, что мы въ польскихъ раздѣлахъ видимъ нѣчто большее, чѣмъ видѣли въ нихъ современники, какъ участники, такъ и просто зрители: русскіе писатели освѣтили вопросъ о паденіи Польши съ точки зрѣнія всей исторіи двухъ главныхъ славянскихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ до послѣднихъ дней, а не съ точки зрѣнія одной международной политики XVIII вѣка. Сдѣлали мы кое-что и для лучшаго уразумѣнія послѣдней, хотя нѣмцы по этому вопросу издали гораздо больше. Что касается до внутреннихъ причинъ паденія Польши, то разумѣется, пальму первенства въ этомъ отношеніи мы должны уступить самымъ полякамъ, которые, какъ мы видѣли, занимаются вопросомъ уже болѣе ста лѣтъ. Теперь мы и перейдемъ къ новѣйшимъ польскимъ трудамъ о послѣднихъ временахъ Рѣчи Посполитой.

III. Варшавь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ранія Руси и по отношенію къ великому княжеству Литовскому, „западнорусскому государству“ (стр. 10 зр.), указывая на то, что этому содѣйствовало племенное родство разныхъ частей русской народности (стр. 15), такъ что въ данномъ случаѣ возвращалось Россіи только то, что ей принадлежало раньше (стр. 16). Однако, страннымъ образомъ онъ не распространяетъ это на пріобрѣтенія Екатерины II, говоря: *dabei kamen nun acht polnische, specifisch catholische Gebiete in die Hânde Russlands* (стр. 18).

КЪ ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНІИ А. С. ПУШКИНА ВЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института 6-го іюня 1888 года).

Милостивые государи! Вопросъ о значеніи А. С. Пушкина въ исторіи нашей литературы въ настоящее время можетъ считаться если не вполне, то въ значительной степени выясненнымъ. Начиная съ Бѣлинскаго, онъ разсматривался многими учеными и литераторами съ разныхъ точекъ зрѣнія—и съ эстетической, и съ народной, и съ религіозной, и съ историко-литературной и съ другихъ, и рѣшался каждымъ на основаніи извѣстныхъ данныхъ въ извѣстное время сообразно съ своимъ личнымъ міровоззрѣніемъ различно. Не смотря однако на это различіе взглядовъ и рѣшеній, всё въ концѣ концовъ сходилось въ одномъ общемъ положеніи, а именно, что Пушкинъ былъ великъ въ исторіи нашей литературы въ качествѣ поэта-художника, что онъ первый изъ литераторовъ плѣнилъ сердца всѣхъ грамотныхъ русскихъ людей „преlestью своихъ стиховъ“, какъ сказалъ Жуковский. Но эта чарующая прелесть стиховъ не заключается ни въ чемъ другомъ, какъ въ языкѣ; а между тѣмъ вопросъ о значеніи Пушкина въ исторіи нашего литературнаго языка остается до сихъ почти вовсе нетронутымъ: до сихъ поръ въ нашей литературѣ нѣтъ не только ни одного труда, посвященнаго спеціально языку его произведеній, но нѣтъ и ни одного такого труда, который могъ бы имѣть значеніе подготовительнаго матеріала для рѣшенія этого вопроса. Двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ почтенный академикъ Я. К. Гротъ въ своемъ изслѣдованіи „Карамзинъ въ исторіи рус-

скаго языка" (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1867 года, апрѣль, стр. 22) справедливо замѣтилъ, что „намъ недостаетъ еще обширныхъ приготовительныхъ работъ по исторіи русскаго языка вообще, недостаетъ, между прочимъ, словарей отдѣльныхъ писателей“. Это замѣчаніе не утратило и до сихъ поръ своего справедливаго значенія, а недостатокъ въ подобныхъ трудахъ особенно чувствителенъ въ примѣненіи къ языку такихъ писателей, какъ Пушкинъ. Карамзинъ въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе: въ литературѣ еще при жизни его велся жаркій споръ между сторонниками стараго и новаго направленія въ языкѣ, оставившими по себѣ не мало трудовъ, изъ которыхъ можно было сдѣлать довольно вѣрные выводы о значеніи Карамзина въ исторіи русскаго литературнаго языка. Ничего подобнаго не вызвали въ свое время произведенія Пушкина. Отрывочныя указанія современной ему критики на нѣкоторыя неправильности въ его языкѣ такъ въ сущности ничтожны, что могутъ быть оставлены безъ вниманія. Для современниковъ Пушкинъ по языку своихъ произведеній стоялъ въ ряду другихъ писателей новаго направленія, такъ-называемыхъ карамзинистовъ: тогда еще не могла быть замѣтною та великая заслуга его языку, которая теперь, при внимательномъ изученіи его произведеній, мало по малу выступаетъ наружу и все болѣе и болѣе заслоняетъ собою даже заслугу Карамзина. „Дѣятельность Карамзина“, говоритъ намъ почтенный историкъ А. Н. Пыпинъ, — дала первый намекъ на дѣйствительное значеніе литературы, какъ органа нравственной и художественной жизни общества, но настоящій переворотъ совершился съ появленіемъ Пушкина: его стихи встрѣчены были съ настоящимъ энтузіазмомъ; поэзія его не искала читателей, — напротивъ, они наперерывъ торопились прочесть каждую новую пьесу; кругъ читателей расширился вдругъ небывалымъ образомъ; въ первый разъ явилось настоящее наслажденіе поэзіей, которое сознательно или полусознательно ощущали и люди образованные, и люди едва книжные; тѣхъ и другихъ подкупила красота и легкость роднаго языка, котораго они еще не знали въ такой изящной и роскошной формѣ“ („Новыя объясненія Пушкина“. Вѣстникъ Европы 1887, ноябрь, стр. 284).

Итакъ, въ виду новости предмета и отсутствія подготовительныхъ трудовъ, я ограничусь лишь нѣкоторыми общими замѣчаніями, относящимися къ вопросу о значеніи Пушкина въ исторіи нашего литературнаго языка, основываясь преимущественно на его произведеніяхъ.

Прежде всего намъ представляется весьма важнымъ то обстоятельство, что Пушкинъ, не смотря на свое французское воспитаніе, горячо любилъ русскій языкъ. Князь П. А. Вяземскій по поводу одного неодобрительнаго замѣчанія Пушкина объ его стихѣ въ посланіи къ Жуковскому „къ кому былъ Фебъ изъ русскихъ ласковъ“ писалъ въ 1821 году слѣдующее: „Пушкина разсердилъ и огорчилъ я другимъ стихомъ изъ этого посланія, а именно тѣмъ, въ которомъ говорю, что языкъ нашъ приемами бѣденъ. Какъ хватило въ тебѣ духа, сказалъ онъ мнѣ, сдѣлать такое признаніе? Оскорбленіе русскому языку принималъ онъ за оскорбленіе, лично ему нанесенное“ (V, 5)¹⁾. Хотя Пушкинъ впоследствии самъ сдѣлалъ такое же признаніе въ своихъ замѣткахъ „Мысли на дорогѣ“ (1834 г.), сказавъ: „Думаю, что со временемъ мы обратимся къ бѣлому стиху. Приемъ въ русскомъ языкѣ слишкомъ мало. Одна вызываетъ другую. Пламень неминуемо тащить за собою камень. Изъ за чувства выглядываетъ непременно искусство. Кому не надоѣли любовь и кровь, трудной и чудной, вѣрной и лицемѣрной и пр.“ (V, 233); однако это несколько не мѣшало ему въ послѣдній годъ своей жизни въ статьѣ „О Мильтонѣ и Шатобриановомъ переводѣ „Потеряннаго Рая“ высказать слѣдующее сравненіе русскаго языка съ французскимъ: „Если уже русскій языкъ, столь гибкій и мощный въ своихъ оборотахъ и средствахъ, столь переимчивый и общежительный въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ, неспособенъ къ переводу подстрочному, къ переложенію слово въ слово, то какимъ образомъ языкъ французскій, столь осторожный въ своихъ привычкахъ, столь пристрастный къ своимъ преданіямъ, столь неурязанный къ языкамъ, даже ему единоплеменнымъ, выдержитъ таковой опытъ, особенно въ борьбѣ съ языкомъ Мильтона, сего поэта, вѣстѣ и изысканнаго и простодушнаго, и темнаго и запутаннаго, и выразительнаго и своеправнаго, и смѣлаго даже до безумія?“ (V, 365). Эта чрезвычайно мѣткая характеристика превосходства русскаго языка надъ французскимъ особенно замѣчательна въ устахъ Пушкина, который, по его же собственному признанію, владѣлъ французскимъ языкомъ свободнѣе даже, чѣмъ роднымъ русскимъ, когда ему приходилось прибѣгать къ прозѣ для выраженія мыслей отвлеченнаго содержанія. „Моп

¹⁾ Подъ римскими цифрами разумѣются томы „Сочиненій А. С. Пушкина, изданія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакцію и съ объяснительными примѣчаніями П. О. Морозова. С.-Пб. 1887, подъ арабскими—страницы.

ami", писалъ онъ Чаадаеву 6-го іюля 1831 года, — „je vous parlerai la langue de l'Europe, elle m'est plus familière, que la votre" (VII, 274). Въ 1836 г., по поводу приготовленія Академіей Наукъ третьяго изданія словаря, Пушкинъ писалъ: „Нынѣ Академія приготовляетъ третье изданіе своего словаря, коего распространеніе часть отъ часу становится необходимѣе. Прекрасный нашъ языкъ подъ перомъ писателей неученыхъ и неискусныхъ быстро влопится къ падепію. Слова искажаются, грамматика колеблется. Орфографія, сія геральдика языка, измѣняется по произволу всѣхъ и каждаго" (V, 295). Все это невольно наводитъ нашу мысль на сравненіе Пушкина съ другимъ нашимъ даровитымъ поэтомъ, К. Н. Батюшковымъ, который обыкновенно считается его учителемъ въ поэзій, по который относился къ русскому языку далеко не такъ, какъ геніальный ученикъ его. Вотъ что писалъ онъ между прочимъ къ Н. И. Гнѣдичу о русскомъ языкѣ 5-го декабря 1811 года, когда ему было уже 24 года: „Отгадайте, на что я начинаю сердиться? на что? на русскій языкъ и на нашихъ писателей, которые съ нимъ немилосердно поступаютъ. И языкъ-то по себѣ плоховать, грубенекъ, пахнетъ татарщиной. Что за м? что за ш? что за ш, шій, шій, при, три? О варвары! А писатели? Но Богъ съ ними! Извипи, что я сержусь на русскій народъ и на его нарѣчіе. Я сію минуту читалъ Аріоста, дышалъ чистымъ воздухомъ Флоренціи (это сиди въ своей-то деревнѣ, селѣ Хантоновѣ, Череповскаго уѣзда Новгородской губерніи), наслаждался музыкальными звуками авзонійскаго языка и говорилъ съ тѣми Данта, Тасса и сладостнаго Петрарки, изъ устъ котораго что слово, то блаженство" (Сочиненія К. Н. Батюшкова, изданіе П. Н. Батюшкова С.-Пб. 1886 г. III, стр. 164 — 165). Въ 1817 году, въ пору полной зрѣлости таланта, Батюшковъ, по поводу своей элегіи „Умирающій Тассъ", выражалъ въ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу свои чувства къ русскому языку слѣдующимъ образомъ: „Я смѣшенъ, по совѣсти. Не похожъ ли я на слѣпаго нищаго, который, услышавъ прекраснаго виртуозу (sic!) на арфѣ, вдругъ вздумалъ воспѣвать ему хвалу на волынкѣ, или балалайкѣ? Виртуозъ—Тассъ, арфа—языкъ Италіи его, нищій—я, а балалайка—языкъ нашъ, жестокой языкъ, что ни говори! Я радъ, что онъ попалъ въ руки Оливу: онъ ему задастъ ломку. Какъ онъ Оссіана переводитъ! и такъ, и сякъ ломаетъ, только дребезги летать"... (ibid., т. III, стр. 457). Правда, въ своихъ замѣткахъ „Мысли о литературѣ", въ томъ же 1817 году Батюшковъ писалъ: „Каждый языкъ имѣетъ свое слово-

теченіе, свою гармонію, и странно было бы русскому, или ита-
лианцу, или англичанину писать для французскаго уха, и на оборотъ.
Гармонія, мужественная гармонія не всегда прибѣгаетъ къ плавности.
Я не знаю плавнѣе этихъ стиховъ:

На свѣтлоголубомъ зенрѣ
Златая плавала луна и пр.

и оды „Соловей“ Державина. Но какая гармонія въ „Водопадѣ“ и
въ одѣ „На смерть Мещерскаго“:

Глаголь временъ, металла звонъ! и пр.“
(Ibid., т. I, стр. 236—237).

А біографъ Батюшкова, Л. Н. Майковъ, по поводу этихъ словъ го-
воритъ: „Очевидно, счастливые опыты послѣднихъ лѣтъ раскрыли
нашему поэту въ русскомъ языкѣ такія свойства и силы, такой бла-
годарный матеріалъ для созданія гармоническаго стиха, какихъ онъ
и не подозрѣвалъ прежде“ (ibid., I, стр. 236—237). Тѣмъ не менѣе
видно, что Батюшковъ не понималъ достоинствъ своего роднаго
языка: вышеприведенныя слова его о гармоніи могутъ быть удобно
примѣнены и къ щолканью бушменовъ. Очарованный благозвучіемъ
италианской рѣчи въ произведеніяхъ лучшихъ поэтовъ, онъ смо-
трѣлъ свысока на русскій языкъ и находилъ въ немъ достойнымъ
поризанія даже то, что собственно свидѣтельствовало о болѣе ши-
рокомъ объемѣ фонетическихъ средствъ его, чѣмъ тотъ, въ которомъ
вращается языкъ италянскій. Въ пониманіи средствъ своего языка
и по чувству любви къ нему Батюшковъ, не смотря на свой замѣ-
чательный поэтическій талантъ, уступалъ не только Пушкину, но и
Державину. Этотъ послѣдній, какъ извѣстно, сочинилъ даже десять пьесъ
безъ звука р единственно отъ желанія „показать, по любви къ оте-
чественному языку, его изобиліе, гибкость, легкость и вообще спо-
собность къ выраженію самыхъ нѣжнѣйшихъ чувствованій, каковыя
въ другихъ языкахъ едва ли находятъ“ (Сочиненія Г. Р. Державина.
Изданіе Импер. Акад. Наукъ. С.-Пб. 1865, т. II, стр. 126,
примѣч. 1).

Но любовь Пушкина къ родному языку не была чувствомъ слѣ-
паго пристрастія: онъ ясно понималъ, что, при господствовавшей въ
его время галломаніи и при бѣдности русской литературы сравни-
тельно съ литературами западныхъ европейскихъ народовъ, богатые
средства русскаго языка не находили соотвѣтственнаго себѣ употре-
бленія подъ перомъ русскихъ писателей въ томъ или другомъ родѣ

произведеній, и потому пребывали по нѣкоторымъ отдѣламъ еще въ грубомъ состояніи. Въ 1824 г. онъ писалъ: „Причинами, замедлившими ходъ нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1) общее употребленіе французскаго языка и пренебреженіе русскаго. Всѣ наши писатели на то жаловались, но кто же виновать, какъ не они сами? Исключая тѣхъ, которые занимаются стихами, русскій языкъ ни для кого еще не можетъ быть довольно привлекателенъ; у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ; всѣ наши знанія, всѣ наши понятія съ младенчества почерпнули мы въ книгахъ иностранныхъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Просвѣщеніе вѣка требуетъ важныхъ предметовъ для пищи умовъ, которые уже не могутъ довольствоваться блестящими игрушками, но ученость, политика, философія по русски еще не изъяснились. Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой переносѣ мы принуждены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ, и лѣньность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно уже готовы и всѣмъ извѣстны“ (V, 19). Въ альбомѣ Онѣгина читаемъ:

Сокровища роднаго слова,—
 Замѣтять важныя умы,—
 Для лентявѣ чужаго
 Пренебрегли безумно мы.
 Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
 Чужихъ варѣчій погремушки,
 А не читаемъ книгъ своихъ.
 —Да гдѣ жъ онѣ? давайте ихъ!
 Конечно: сѣверныя звуки
 Ласкаютъ мой привычный слухъ;
 Ихъ любить мой славявскій духъ;
 Ихъ музыкой сердечны муки
 Усмыслены; но дорожить
 Одними ль звуками пѣтъ? (III, 416—417).

Иногда Пушкинъ, указавъ на недостатокъ обработки русскаго языка въ какомъ-либо отношеніи, тутъ же непосредственно давалъ восхитительный образчикъ его въ своемъ собственномъ произведеніи. Припомнимъ, какъ переложилъ онъ письмо Татьяны къ Онѣгину на русскій языкъ, сказавъ:

Родной земли спасая честь,
 Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
 Письмо Татьяны перевести.
 Она по русски плохо знала,

Журналовъ нашихъ не читала
 И выражалася съ трудомъ
 На языкѣ своемъ родномъ.
 Итакъ, писала по французски...
 Что дѣлать! повторяю вновь:
 Довинѣ дамская любовь
 Не изъяснялася по русски,
 Довинѣ гордый нашъ языкъ
 Въ почтовой прозѣ не привыкъ (Ш, 292).

И что же? Этотъ мнимый переводъ письма Татьяны къ Онегину представляетъ собою идеальное словеснаго искусства, торжество русскаго языка и русской поэзіи въ выраженіи самыхъ тонкихъ и самыхъ нѣжныхъ движеній сердца.

Желая русскому языку успѣшнаго развитія въ литературѣ, Пушкинъ признавалъ необходимымъ дать ему больше свободы, то-есть, избавить его отъ ига теорій, вносящихъ въ его формы утомительное однообразіе и допустить болѣе широкое пользованіе тѣми средствами, которыя могутъ быть заимствованы какъ изъ славянской книжной, такъ и изъ живой, устной, простонародной, даже иностранной рѣчи; но при этомъ онъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы все заимствованное было сообразно съ духомъ русскаго языка, не всегда, какъ извѣстно, согласнымъ съ правилами грамматики и указывалъ на пользу изученія языка простаго народа. Все это Пушкинъ высказывалъ въ своихъ произведеніяхъ, въ письмахъ, въ статьяхъ и въ разнаго рода замѣткахъ. Такъ, въ письмѣ къ М. П. Погодину (ноябрь 1830 г.), по поводу его драмы „Марѳа Посадница или славянскія женщины“, Пушкинъ выразилъ между прочимъ мысль о необходимости дать русскому языку больше свободы: „Марѳа“ имѣетъ европейское, высокое достоинство“, писалъ онъ, — „я разберу ее какъ можно пространнѣе. Это будетъ для меня изученіе и наслажденіе. Одна бѣда — слогъ и языкъ. Вы неправилны до безконечности — и съ языкомъ поступаете, какъ Іоаннъ съ Новымъ городомъ. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его, усѣченій, сокращеній — тьма. Но знаете ли? И эта бѣда не бѣда. Языку нашему надобно воли дать болѣе. Разумѣется, сообразно съ духомъ его. И мнѣ ваша свобода болѣе по сердцу, чѣмъ чопорная наша правильность“ (VII, 246—247). Замѣчу мимоходомъ что изъ этихъ словъ между прочимъ слѣдуетъ, что Пушкинъ различалъ грамматическія ошибки, противныя духу языка, отъ ошибокъ, непротивныхъ ему. Первыхъ онъ не терпѣлъ, хотя и самъ дѣлалъ

ихъ въ прозѣ, а вторымъ даже любилъ, какъ это свидѣлствуютъ слѣдующіе его стихи изъ романа Евгений Онегинъ:

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ,
Иль при разѣздѣ на крыльцѣ
Съ семипарнствомъ въ желтой шали,
Иль съ академикомъ въ чепцѣ!
Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я русской рѣчи не люблю (III, 292).

Но далѣе. Въ письмѣ къ А. А. Вестужеву (21-го марта 1825 г.) Пушкинъ хвалитъ Ломоносова за то, что онъ указалъ на славянскую и простонародную рѣчь, какъ на источники для русскаго литературнаго языка: „Уважаю“, говоритъ онъ, — „въ немъ (въ Ломоносовѣ) великаго человѣка, но, конечно, не великаго поэта; онъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго; вотъ его главная заслуга“ (VII, 116). А что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ истиннымъ источникомъ, видно изъ статьи Пушкина того же времени „О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова“ (1825 г.), гдѣ онъ, перебравъ дѣятельность Ломоносова по разнымъ отраслямъ просвѣщенія и сказавъ, что онъ „первый... открылъ намъ истинные источники нашего поэтическаго языка“, опредѣляетъ эти послѣдніе, характеризуя слогъ Ломоносова слѣдующимъ образомъ: „Слогъ его ровный, цвѣтущій и живописный, заимлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго славянскаго языка и отъ счастливаго слиянія онаго съ языкомъ простонароднымъ“ (V, 27—28). Но за подчиненіе русскаго языка славянскому и латинскому Пушкинъ рѣзко упрекалъ Ломоносова, даже, можно сказать, съ нѣкоторымъ пристрастіемъ къ охудженію его и къ возвеличенію Карамзина въ своихъ замѣткахъ „Мысли на дорогѣ“ (1834 г.). „Однообразныя и стѣснительныя формы“, писалъ Пушкинъ, — „въ кои отливалъ онъ (Ломоносовъ) свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславянская, полулатинская, сдѣлалась было необходимою; къ счастью, Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова“. Послѣдняя мысль, въ сущности пристрастная къ Карамзину, заставила Пушкина измѣнить слѣдовавшія непосредственно за нею слова и дать имъ новую редакцію, которая, по нашему мнѣнію, отличается меньшею сирѣ-

ведливостью по отношенію къ Ломоносову, чѣмъ прежняя, оставшаяся въ черновой рукописи. Въ этой послѣдней между прочимъ прекрасно выражень взглядъ Пушкина на отношеніе русскаго языка къ славянскому; поэтому я приведу ее здѣсь вполнѣ. „Въ немѣ“ (Ломоносовѣ), говоритъ Пушкинъ, — „нѣтъ ни воображенія, ни чувства. Одн его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, утомительны и падуны. Подражанія псалмамъ и книгѣ Іова—лучше, но отличаются только хорошимъ слогомъ, и то не всегда точнымъ; ихъ поэзія принадлежитъ не Ломоносову. Его вліяніе было вредное и до сихъ поръ отзывается въ тощей нашей литературѣ. Изысканность, высокопарность, отвращеніе отъ простоты и точности—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Давно ли стали мы писать языкомъ общепонятнымъ? Убѣдились ли мы, что славянскій языкъ не есть языкъ русскій, и что мы не можемъ смѣшивать ихъ своенравно? Что если многія слова, многіе обороты счастливо могутъ быть заимствованы изъ церковныхъ книгъ въ нашу литературу, то изъ сего не слѣдуетъ, чтобы мы могли писать: да лобзаешь мя лобзаніемъ вмѣсто: цѣлуй меня ес. Конечно, и Ломоносовъ того не думалъ; онъ предпочелъ изученіе славянскаго языка, какъ необходимое средство къ основательному знанію языка русскаго“... (V, 221 — 222).

Не менѣе ясно понималъ Пушкинъ и отношеніе литературнаго языка къ простонародному. Въ статьѣ „О предисловіи г. Лемонте и пр.“ (1825 г.) Пушкинъ выразилъ между прочимъ мысль, что первоначально „простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но впоследствии они сблизились, и такова стихія, дающая намъ для сообщенія нашихъ мыслей“ (V, 27). Изъ послѣднихъ словъ видно, что Пушкинъ смотрѣлъ на литературный языкъ, какъ на сліяніе книжнаго славянскаго съ устнымъ простонароднымъ. Взглядъ этотъ заимствованъ отъ Ломоносова, но у послѣдняго онъ получилъ совершенно иное направленіе, чѣмъ у Пушкина. Извѣстно, что Ломоносовъ вслѣдствіе такого взгляда на литературный языкъ приписалъ главное значеніе для его развитія языку славянскому; Пушкинъ же, на оборотъ, признавалъ главнѣйшею стихіей литературнаго языка простонародный языкъ, какъ живое хранилище духа русскаго языка. Такъ въ „Критическихъ замѣткахъ“ (1830—1831 гг.) по поводу стиха „людская мольва и конскій топъ“, отвѣчая на вопросы критика: „такъ ли изъясняемъ мы, учившіеся по стариннымъ грамматикамъ? можно ли такъ коверкать русскій языкъ?“ Пушкинъ говоритъ: „Надъ этимъ стихомъ жестоко потомъ

посмѣялись и въ Вѣстникѣ Европы. Молвъ (рѣчь) слово коренное русское. Топъ вмѣсто топотъ (слѣдственно и хлопъ вмѣсто хлопанье) вовсе не противно духу русскаго языка, какъ и шипъ вмѣсто шипѣніе:

Онъ шипъ пустилъ по змѣнному (Древн. Русск. Стгк.).

„На ту бѣду и стихъ-то весь не мой, а взять цѣликомъ изъ русской сказки:

И вышелъ онъ за ворота градскія и услышалъ
Бонскій топъ и людскую молву.

(Бова Королевичъ).

„Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка; критики напрасно ими презираютъ“ (V, 127—128). Слова замѣчательныя въ высшей степени! Далѣе читаемъ: „Разговорный языкъ простаго народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ) достоинъ... глубочайшихъ изслѣдованій.

„Альфьери изучалъ италіанскій языкъ на Флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ“ (V, 136).

Ясно, что Пушкинъ видѣлъ въ устномъ простонародномъ языкѣ хранилище того духа или тѣхъ свойствъ русскаго языка, которыми долженъ отличаться языкъ литературный; и въ этомъ отношеніи простонародный языкъ долженъ служить постояннымъ руководителемъ послѣдняго въ его развитіи. Онъ самъ употреблялъ нѣкоторыя слова въ простонародной формѣ, напримѣръ, вѣчоръ, вчерась, убивство, отымать, сымать. Напримѣръ, въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ Ольга спрашиваетъ Ленскаго:

Зачѣмъ вѣчоръ такъ рано скрылся? (III, 346).

Въ письмѣ къ женѣ (отъ 28-го апрѣля 1834 г.) Пушкинъ выражается такъ: „Теперь вотъ тебѣ всекорнѣйшій отчетъ. Святую недѣлю провелъ я чинно дома, былъ всего вчерась (въ пятницу) у Карамзиной да у Смирновой“ (VII, 345). Тамъ же: „Слава Богу! ты пріѣхала; ты и Машка здоровы, Сашкѣ лучше, вѣроятно, онъ и со всѣмъ выздоровѣетъ. Не отъ кормилицы ли онъ боленъ? Вели ея осмотрѣть, да отыми его отъ груди, пора“ (VII, 344). Или: „На другой день Александръ Ильичъ (Вибиковъ) узнаетъ, что о вопросѣ великаго князя донесено, и что у брата его отымаютъ цолкъ“

(VI, 34, примѣч. 55-е къ III-й главѣ Ист. Пугачевск. бунта). Въ статьѣ, помѣщенной въ Современникѣ 1837 г. „о Желѣзной маскѣ“: „Дорогою невольникъ носилъ маску, коей нижняя часть была на пружинахъ, такъ что онъ могъ ѣсть, не сымая ея съ лица“ (V, 369) Въ статьѣ „О народномъ образованіи“ (1826 г.) встрѣчается выраженіе: „не позорить убивства Кесаря, превознесеннаго 2000-ми лѣтъ“ (V, 47) и др.

Наконецъ, Пушкинъ признавалъ необходимость иногда дѣлать нѣкоторыя заимствованія изъ иностранной рѣчи, но сообразно съ духомъ русскаго языка. „Множество словъ и выраженій“, говоритъ онъ,—„насилъственнымъ образомъ введенныхъ въ употребленіе, остались и укоренились въ нашемъ языкѣ, на примѣръ, трогательный отъ слова *touchant*. Хладнокровіе—это слово не только переводъ буквальный, но еще и ошибочный; настоящее выраженіе французское есть *sens froid*—хладномысліе, а не *sang froid*. Такъ и писали это слово до самаго XVIII столѣтія. *Dans son assiette ordinaire*. *Assiette* значить—положеніе, отъ слова *asseoir*, но мы перевели каламбуромъ: „не въ своей тарелкѣ“ (V, 136). Въ одномъ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому (13-го іюля 1825 г.) Пушкинъ пишетъ: „Ты хорошо сдѣлалъ, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслухъ сказать, что русскій метафизическій языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи. Дай Богъ ему когда-нибудь образоваться на подобіе французскаго (яснаго, точнаго языка прозы, то-есть, языка мыслей). Объ этомъ есть у меня строфы три въ *Опѣгипѣ*“ (VII, 136).

Но лучшимъ доказательствомъ вѣрности и плодотворности мыслей Пушкина относительно стихій, входящихъ въ составъ литературнаго языка, служатъ его же собственныя произведенія. Онъ не стѣснялся въ употребленіи формъ какъ славянскаго, такъ и простонароднаго языка: и тѣми, и другими онъ пользовался свободно; но въ каждомъ данномъ случаѣ онъ обращался къ нимъ не на удачу и не по требованію какой-либо теоріи извѣстнаго рода или вида поэтическихъ или прозаическихъ сочиненій, а по внушенію врожденнаго ему чувства красоты тѣхъ или другихъ формъ рѣчи для простаго и точнаго выраженія своей мысли. Вотъ какъ онъ говоритъ объ этомъ по поводу критики языка его поэмы „Полтава“: „Слова усы, выражать, вставай, разсвѣтасть, ого пора показались критикамъ низкими, бурлацкими выраженіями. Низкими словами я почитаю тѣ, которыя выражаютъ низкія понятія; но никогда не пожертвую искренно—

стію и точностію выраженія провинціальной чопорности, изъ боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ или т. п." (V, 133). Умѣстными и согласными съ духомъ русскаго языка употребленіемъ славянскихъ и простонародныхъ формъ рѣчи въ своемъ поэтическомъ языкѣ Пушкинъ умѣлъ вносить такое органическое отношеніе между ними, что исчезало всякое различіе ихъ между собою для читателя. Тѣ и другія формы пранимали въ языкѣ его произведеній характеръ формъ обыкновенной рѣчи. Для наглядности изъ множества приѣровъ позволю себѣ привести одно и притомъ самое извѣстное его произведеніе „Пророкъ“ (1826 г.):

Духовной жаждою томимъ,
 Въ пустынѣ мрачной я влачился,
 И шестикрылый серафимъ
 На перепутьи мнѣ явился;
 Перстами, легкими какъ сонъ,
 Монхъ зѣнитъ коснулся онъ:
 Отверзлись вѣщія зѣницы,
 Какъ у испуганной орлицы.
 Монхъ ушей коснулся онъ,
 И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
 И внялъ я ноба содраганье,
 И горній ангеловъ полетъ,
 И гадъ морскихъ подводный ходъ,
 И дольной лова прозябанье.
 И онъ къ устамъ монмъ приникъ,
 И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
 И празднословный, и лукавый,
 И жало мудрыя змѣи
 Въ уста замершія мои
 Вложилъ десницею кровавой.
 И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
 И сердце трепетное вынулъ,
 И угль, пылающій огнемъ,
 Во грудь отверстую водвинулъ.
 Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ,
 И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
 „Возстань, пророкъ, и виждь и вступи,
 Исполнишь волею моею,
 И, обходя моря и земли,
 Глаголомъ жги сердца людей!“ (II, 2—3).

Мы видимъ, что Пушкинъ употребляетъ въ этомъ произведеніи обильно славянскія выраженія, какъ-то: влачился, перстами, отверзлись, внялъ, къ устамъ, жало мудрыя (змѣи)—славян-
 часть соых, отд. 2.

ская форма родительнаго падежа, десницею, угль, отверстую, гласъ, воззвалъ, возстанъ, виждъ, внемли, глаголомъ, повторяетъ пятнадцать разъ одинъ и тотъ же союзъ и передъ началомъ 15-ти стиховъ,—и, не смотря на то, мы чувствуемъ, что все это прекрасно. Почему? Потому что всѣ указаннныя славянскія выраженія въ данномъ произведеніи умѣстны: ни одного изъ нихъ нельзя замѣнить чисто русскою формою, не нарушивъ стройности и характера цѣлаго произведенія. Въмѣсто влачился нельзя употребить ни тащился, ни волочился; слова перстами въ стихѣ „перстами легкими какъ сонъ“ нельзя замѣнить словомъ „пальцами“ и пр. И частое повтореніе союза и въ данномъ произведеніи прекрасно, потому что отъ него вѣетъ какою-то величавою стариною безыскусственнаго строенія рѣчи. Не смотря однако на все это, мы не можемъ сказать, что языкъ этого произведенія—не русскій, какъ не можемъ и исключить самаго произведенія изъ числа лучшихъ образцовъ русской поэзіи. Читая его, мы не замѣчаемъ славянизмовъ, мы чувствуемъ лишь особенный, возвышенный тонъ поэтической рѣчи, вполне соответствующій возвышенности ея содержанія, и наслаждаемся лишь благозвучіемъ и образностью выраженій.

Но вотъ и иного рода образчикъ частаго и не менѣе характернаго употребленія союза и въ сказкѣ „О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ“ (1833 г.):

„Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
 „Да всю правду доложи:
 „А ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе?“
 И ей зеркальце въ отвѣтъ:
 „Ты, конечно, спору нѣтъ;
 „Ты, царица, всѣхъ милѣе,
 „Всѣхъ румявѣй и бѣлѣе“.
 И царица хохотать,
 И плечами пожимать,
 И подмигивать глазами,
 И прищелкивать перстами,
 И вертѣться подбочась,
 Гордо въ зеркальце глядясь (III, 516).

Здѣсь союзомъ и, связывающимъ нѣсколько дѣйствій, быстро слѣдующихъ одно за другимъ, прекрасно выражается неугомонность чувства живой радости въ формѣ, вполне соответствующей духу русской пародной рѣчи: этого и въ данномъ примѣрѣ ничѣмъ другимъ замѣнить нельзя, не испортивъ рѣзвой граціи образа самодовольной

красавицы. Въ этомъ же примѣрѣ сказочнаго народнаго содержанія мы встрѣчаемъ и славянское слово перстами, употребленное своеобразно съ положеніемъ и свойствами изображаемаго дѣйствующаго лица сказки. Пушкинъ, разумѣется, не вдругъ достигъ въ своихъ произведеніяхъ такого органическаго сочетанія стихій славянской и простонародной рѣчи. Въ началѣ поэтическаго поприща онъ написалъ не мало стихотвореній, въ которыхъ языкъ пестрѣлъ ненужными славянизмами и напыщенностью выражений. Но, уплывавая, такъ сказать, дань знакомству съ прошлымъ русской литературы и поэзіи Пушкинъ въ то же время писалъ свою оригинальную романтическую поэму „Русланъ и Людмила“, которою онъ какъ бы бессознательно выражалъ слабое еще предчувствіе будущаго національнаго значенія своей поэзіи по содержанію и по формѣ. Геніальная натура его проявлялась рано, развивалась быстро и достигла своего полнаго роста на 25-мъ году его жизни, когда онъ писалъ „Бориса Годунова“ (1825 г.), произведеніе, которое, помимо своего высокаго внутренняго достоинства, представляется однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ по отношенію къ языку, отличающемуся необыкновеннымъ разнообразіемъ поэтическаго слога, соответствующимъ разнообразію положеній и характеровъ дѣйствующихъ лицъ въ трагедіи.

Но особенно важное значеніе для развитія литературнаго языка имѣло то обстоятельство, что Пушкинъ относился къ нему какъ художникъ, то-есть, какъ такой писатель, который въ силу своего врожденнаго, исключительнаго поэтическаго дара чувствовать красоту и воспроизводить прекрасное въ словѣ, ставилъ необходимымъ условіемъ для выраженія мысли художественное изящество словесной формы.

Литературный языкъ, какъ извѣстно, представляетъ двѣ главныя формы рѣчи: прозаическую и стихотворную. Пушкинъ и въ той, и въ другой оказалъ литературному языку по истинѣ великія услуги относительно изящества. Правда, были и до Пушкина такіе писатели, которые заботились объ изяществѣ рѣчи и своими произведеніями имѣли благотворное вліяніе на языкъ въ этомъ отношеніи. Припомнимъ Карамзина, Жуковскаго и Ватюшкова. Такъ, со времени литературной дѣятельности Карамзина для прозы стали обязательными качества изящной рѣчи: плавность и благозвучіе, или то, что онъ называлъ французскимъ словомъ *élégance*, которое переводилось по русски выраженіемъ „пріятность слога“; а благодаря произведеніямъ

Жуковского и Батюшкова для стиховъ стали обязательными музыкальность и пластичность. Словомъ, и до Пушкина литературный языкъ со стороны изящества формъ представляется значительно обработаннымъ другими писателями. Однако, сравнивъ языкъ произведеній Пушкина съ языкомъ произведеній вышепоименованныхъ писателей, ясно видимъ превосходство перваго надъ послѣднимъ. Вникнувъ глубже въ различіе ихъ достоинствъ, мы приходимъ къ заключенію, что изящество какъ прозаической, такъ и стихотворной рѣчи до Пушкина было въ сущности внѣшнимъ: оно касалось главнымъ образомъ звуковой стороны языка, формы литературныхъ выраженій. Пушкинъ не могъ не замѣтить этой односторонности. Онъ видѣлъ, что такъ-называемая „пріятность слога“ въ прозѣ удобно переходила подъ перомъ своихъ усердныхъ ревнителей въ изысканность, вычурность и приторность рѣчи; а музыкальность и пластичность стиховъ легко вырождалась, съ одной стороны, въ пріятное для уха приемическое пустовонство, съ другой—въ фантастическую небывальщину картинъ и образовъ. Онъ ясно понималъ, что все это есть слѣдствіе разобщенности формы отъ содержанія. Для него, какъ для художника, изящество внѣшней формы словеснаго произведенія представлялось неразрывнымъ съ внутреннимъ его содержаніемъ: одно взаимно обуславливалось другимъ, потому что только при этомъ условіи возможно изящество литературнаго языка, какъ нѣчто дѣйствительное, прочное и поставленное внѣ опасности принять ложное направленіе въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Согласно съ этимъ Пушкинъ и основалъ изящество литературнаго языка въ своихъ произведеніяхъ на такихъ его качествахъ, которыя вытекаютъ изъ самой сущности или природы главнѣйшихъ формъ рѣчи прозаической и стихотворной при условіи полнаго соотвѣтствія между внѣшнимъ выраженіемъ и внутреннимъ его содержаніемъ, и такимъ образомъ внесъ въ изящество рѣчи начало художественности.

Проза есть естественная форма рѣчи; естественно же говорить человѣкъ, когда ему есть что сказать, а говоря старается выразиться такъ, чтобы его вполнѣ поняли. Вотъ и всѣ условія естественной рѣчи. Они, какъ мы видимъ, чрезвычайно просты, но и чрезвычайно важны. На нихъ-то исключительно и основываются тѣ существенныя качества прозы, которыми обуславливается изящество литературныхъ произведеній. Такими качествами являются: для содержанія произведеній—богатство и занимательность мыслей,

для выраженія ихъ—точность и чистота или, какъ говорить Пушкинъ, опрятность языка, которую составляютъ слѣдующія качества: грамматическая правильность, логическая послѣдовательность стилистическая ровность, а также и художественная стройность то-есть, соразмѣрность частей произведенія между собою и съ цѣлымъ. Когда эти внутреннія и вѣшнія качества находятся въ тѣсной, неразрывной связи между собою, когда одни изъ нихъ взаимно обуславливаются другими, тогда изящество прозаической формы рѣчи становится художественнымъ; но въ основаніи его, какъ видимъ, лежитъ начало художественной простоты. Ея-то и училъ Пушкинъ, какъ художникъ, въ своихъ письмахъ, замѣткахъ и произведеніяхъ, писанныхъ прозою. Такъ, изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому (отъ 13-го іюля 1825 г.) мы видимъ, что Пушкинъ смотрѣлъ на прозу, какъ на языкъ мыслей. Въ черновомъ отрывкѣ его „О слогѣ“ (1822 г.) читаемъ: „Что сказать объ нашихъ писателяхъ, которые, почитая за низость изъяснять просто вещи самыя обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу дополненіями и валыми метафорами? Эти люди никогда не скажутъ друж'ба, не прибавивъ: сіе священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать рано по утру, а они пишутъ: едва первые лучи восходящаго солнца озарили восточные края лазурнаго неба. Какъ это все ново и свѣжо! Развѣ оно лучше, потому только, что длиннѣе?..“

„Точность и опрятность—вотъ первыя достоинства прозы. Она требуетъ мыслей и мыслей; блестящія выраженія ни къ чему не служатъ; стихи—дѣло другое (впрочемъ и въ нихъ не мѣшало бы нашимъ поэтамъ имѣть сумму идей гораздо позначительнѣе чѣмъ у нихъ обыкновенно; съ воспоминаніями о протекшей юности литература наша далеко не подвинется)“ (V, 15—16).

Положивъ въ основаніе изящества прозаическаго языка начало художественной простоты, Пушкинъ далъ прозѣ надлежащее направленіе для дальнѣйшаго ея развитія. Послѣ него увлекаться пріятностью слова или вѣшнейю элегантною рѣчи, какъ это было почти обязательнымъ послѣ Карамзина, стало дѣломъ непригоднымъ для всякаго даровитаго писателя. Но, будучи виновникомъ такого плодотворнаго начала для прозаической формы литературнаго языка, Пушкинъ чувствовалъ себя въ ней гораздо слабѣе, относительно правильности языка, чѣмъ въ стихотворной. Въ своихъ „Критическихкихъ замѣткахъ“ (1830—1831 гг.) онъ писалъ о себѣ слѣдую-

щее: „Вотъ уже 16-тъ лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ пять грамматическихъ ошибокъ (и справедливо); я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда управлялъ замѣченное мѣсто. Прозой пишу я гораздо неправильно, а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь“ (V, 135). И дѣйствительно, гораздо легче отыскать нѣкоторыя неправильности въ языкѣ произведеній Пушкина, написанныхъ прозою, чѣмъ въ его стихотвореніяхъ. Приведу два-три примѣра. Въ повѣсти „Арапъ Петра Великаго“ (1827 г.) читаемъ: „Въ присутствіи Ибрагима графиня слѣдовала (вм. слѣдила) за всѣми его движеніями, вслушивалась во всѣ его рѣчи“ (IV, 4). Или: „я, конечно, собою педурень (говоритъ Корсаковъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти), но случилось, однакожь, мнѣ обманывать мужей, которые были, ей-Богу, ничѣмъ не хуже моего“ (вм. меня) (IV, 26). Отмѣтимъ слѣдующій полонизмъ, употребленный Пушкинымъ въ письмѣ къ князю Н. Г. Репнину (11-го февраля 1836 г.): „съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностью есмь, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ“ (VII, 394). Два другіе подобныя же полонизма встрѣчаются въ черновыхъ его бумагахъ (IV, 108 — 399). Болѣе замѣчательны тѣ выраженія, которыхъ ошибочность въ прозаической рѣчи представляется плодомъ поэтическаго настроенія души ихъ автора. Сюда можно отнести употребленіе нѣкоторыхъ эпитетовъ въ родѣ, на примѣръ, эпитета дѣятельный къ слову ложка въ выраженіи: „звонъ тарелокъ и дѣятельныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе“ (IV, 17); или употребленіе отвлеченныхъ именъ существительныхъ вмѣсто одушевленныхъ предметовъ и лицъ, на примѣръ: „литература, ученость, философія оставляли тихій кабинетъ и являлись въ кругу большаго свѣта угождать модѣ, управляя ея мнѣніемъ“ (IV, 2). Это напоминаетъ, съ одной стороны, стихи Пушкина „Къ портрету Жуковскаго“:

Его стиховъ пѣвнательная сладость

•   Пройдетъ вѣковъ завистливую даль и пр.

съ другой — древнее употребленіе словъ „знаніе“, „рожденіе“ вмѣсто „знакомые“, „родственники“. Слово „склоненіе“ Пушкинъ употреблялъ вмѣсто „склонъ“; на примѣръ: „бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склоненію Машука“ (IV, 416), или: „я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію и сталъ опускаться по

отлогому склоненію горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи“ (IV, 430); или еще: „пробѣжавъ ущелье, вдругъ увидали мы на склоненіи противоположной горы до двухсотъ казаковъ“ и т. д. (IV, 437). Слово „сознаніе“ Пушкинъ смѣшивалъ въ употребленіи съ словомъ „признаніе“: „а если сознанія, требуемыя г. Полевымъ“, писалъ онъ,—„и заслуживаютъ какое-нибудь уваженіе, то можно ли намъ онія слушать изъ устъ поэтического старца“ (V, 65). Весьма возможно впрочемъ, что слова эти въ его время употреблялись именно такъ, какъ у Пушкина. Подобныхъ промаховъ и неправильностей языка можно указать не мало въ его прозѣ; но всѣ они совершенно ничтожны передъ тѣми высокими достоинствами, которыми отличается она вообще по языку и содержанію.

Обратимся теперь къ стихотворной формѣ литературнаго языка и посмотримъ, что сдѣлалъ Пушкинъ въ этой области.

Мы видѣли, что Пушкинъ, опредѣляя главныя качества прозы, сказалъ: „Проза требуетъ мыслей и мыслей; блестящія выраженія ни къ чему не служатъ; стихи — дѣло другое (впрочемъ и въ нихъ не мѣшало бы нашимъ поэтамъ имѣть сумму идей позначительнѣе, чѣмъ у нихъ обыкновенно и т. д.)“. Въ романѣ, характеризующа Онегина и Ленскаго, онъ выражаетъ ихъ различіе посредствомъ слѣдующихъ сравненій:

Волна и камень
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой (III, 266).

Итакъ, стихи — дѣло другое, а не то же, что проза: въ нихъ блестящія выраженія уместны; въ прозѣ нѣтъ. Постараемся, по возможности, выяснитъ это положеніе.

Проза есть, такъ сказать, словесная необходимость, стихи же — словесная роскошь. Въ стихотвореніи (1821 г.) „Къ моей чернильницѣ“ Пушкинъ называетъ стихи затѣями:

Наперсница моя!
. . . . .
Оставь, оставь порой
Привычныя затѣи
И дактиль, и хорен
Для прозы почтовой (I, 245).

Въ самомъ дѣлѣ, проза есть обыкновенная, естественная форма рѣчи; стихи — необыкновенная, искусственная. Прозою выражается умственная дѣятельность, свойственная всѣмъ людямъ;

стихами выражается только творческая дѣятельность или фантазія, врожденная лишь нѣкоторымъ людямъ. Существеннымъ содержаніемъ прозы служатъ мысли, а существеннымъ содержаніемъ стиховъ служатъ вымыслы; поэтому стихи суть по преимуществу языкъ поэзіи. Если прозаическая рѣчь, какъ языкъ мыслей, должна отличаться точностію и опрятностію выражений, какъ говоритъ Пушкинъ, то стихотворная рѣчь, какъ языкъ вымысловъ, языкъ поэзіи, должна отличаться роскошью, блескомъ словесной формы, какъ по звукамъ, такъ и по содержанію. Стихи—это языкъ, употребляемый поэтомъ въ минуты вдохновенія на пиру своего воображенія и поражающій нежданнымъ стеченіемъ звуковъ и словъ, остротою шутки и странностію созвучій. Такъ говорятъ Пушкинъ:

Подруга думы праздной,
Чернильница моя!

.....
Въ минуты вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ,
И музу призывалъ
На пиръ воображенья.

.....
И подъ вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродитъ,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То ѣдкой шутки соль,
То (тутъ же) слогъ суровый,
То странность рѣемы новой,
Неслыханной дотоле (I, 243—244).

Въ другомъ, болѣе позднемъ произведеніи Пушкина „Египетскія ночи“ (1835 г.) мы находимъ подобное же опредѣленіе стиховъ въ слѣдующихъ словахъ: „Однажды утромъ Чарскій чувствовалъ то благодатное расположеніе духа, когда мечтанія явственно рисуются передъ вами, и вы обрѣтаете живыя, неожиданныя слова для воплощенія видѣній вашихъ, когда стихи ложатся подъ перо ваше, и звучныя рѣемы бѣгутъ на встрѣчу стройной мысли“ (V, 389).

Существеннымъ признакомъ или качествомъ стиховъ, какъ языка

поэзии, отличающагося блескомъ формы и содержанія отъ прозы, служить такъ-называемая „смѣлость выраженій“. Въ бумагахъ Пушкина сохранилась одна замѣтка, относящаяся къ 1827 году, въ которой онъ говоритъ „о смѣлости выраженій“ и различаетъ въ ней двѣ степени: низшую и высшую. Такъ какъ эта замѣтка невелика, а между тѣмъ имѣетъ весьма важное значеніе для нашего вопроса, то я позволю себѣ привести ее здѣсь вполнѣ. Онъ говоритъ: „Есть различная смѣлость: Державинъ написалъ: „былъ на высотѣ... Счастіе къ тебѣ хребетъ свой съ грознымъ смѣхомъ повернуло... ты видишь; видишь, какъ мечты, сіянье вокругъ тебя заснуло. Жуковский говоритъ о Богѣ:

Онъ въ дымъ могилъ себя облекъ.

„Мы находимъ эти выраженія смѣлыми. Крыловъ говоритъ о храбрости мужикѣ:

Онъ даже хаживалъ одинъ на паука.

„Французы донинѣ еще удивляются смѣлости Расина, употребившаго слово *равé*, помость:

En voyant l'étranger d'un pied silencieux
Fouler avec respect le *равé* de ces lieux.

„И Делиль гордится тѣмъ, что онъ употребилъ слово *ваше*. Жалка словесность, повинующаяся таковой мелочной и своенравной критикѣ. Жалка участь поэтовъ (какого бы достоинства они, впрочемъ, ни были), если они принуждены славиться позабытыми побѣдами надъ предразсудками вкуса.

„Описаніе водопада:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ и пр.

есть высшая смѣлость—смѣлость воображенья, созданія, гдѣ планъ обширный объемлетъ творческою мыслию; такова смѣлость Шекспира, Данте, Милтон, Гёте въ Фаустѣ, Мольера въ Тартюфѣ, Фонъ-Визина въ Недорослѣ.

„Кальдеронъ называлъ молнію огненными языками небесъ, глаголющихъ землѣ. Мильтонъ говоритъ, что адское пламя давало только различать вѣчную тьму преисподней“ (V, 60—61).

Отсюда видно, что Пушкинъ признавалъ въ поэтическомъ языкѣ двоякую смѣлость: низшую, состоящую въ удачномъ употребленіи

словъ и, пожалуй, формъ, не принятыхъ въ обществѣ, и высшую, основанную на творческой смѣлости воображенія, состоящую въ употребленіи такихъ метафорическихъ выраженій, которыми обозначаются образы чего-либо обширнаго, великаго и пр. Произведенія Пушкина представляютъ большое богатство примѣровъ той и другой смѣлости выраженій. Къ первой, или низшей, могутъ быть отнесены всѣ случаи употребленія словъ и формъ, заимствованныхъ изъ книжной славянской и устной — простонародной рѣчи, а также и словъ, составленныхъ самимъ поэтомъ, каковы, напримѣръ: непробудимый (сонъ) (II, 17), праздномыслить (II, 116), утѣснительный (санъ) (III, 393), проворье (III, 452), увѣрчивость (=убѣдительность) (III, 577), вольподуміе (V, 38), вольномысліе (V, 40), безнравствіе (V, 45), неблагоклонствовать (V, 94), дамоподобный (V, 109), простомысліе (V, 116), цацарапствовать (V, 122), противосмысліе (V, 144); чтенъбѣсіе (VII, 118), аристократичествовать (V, 134), распечатный („я жду „Полярной Звѣзды“ въ надеждѣ видѣть тебя распечатнаго“: VII, 64), хандрливъ (VII, 242), подуруша (VII, 370) и др. Ко второй или высшей смѣлости относятся разнаго рода метафорическія выраженія. Эта послѣдняя смѣлость въ стихахъ Пушкина была замѣчена довольно рано. Еще въ 1818 году по поводу посланія его къ Жуковскому (на изданіе книжекъ „Для немногихъ“), заключавшаго въ себѣ стихъ:

Онъ (то-есть, поэтъ) духомъ тамъ, въ дыму столѣтій;

князь Вяземскій писалъ изъ Варшавы (25-го апрѣля 1818 года) къ Жуковскому слѣдующее: „Стихи чертенка-племянника чудесно хороши. Въ дыму столѣтій! Это выраженіе—городъ. Я все отдалъ бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестія! Надобно намъ посадить его въ желтый домъ: не то, этотъ бѣшенный сорванецъ насъ всѣхъ зайстъ, насъ и отцовъ нашихъ. Знаешь ли, что Державинъ испугался бы дыма столѣтій? О прочихъ и говорить нечего“ (I, 194). Подобныхъ выраженій-городовъ въ стихахъ Пушкина не мало. Къ нимъ можно отнести, напримѣръ, слѣдующія: пиръ воображенія (I, 310), пустыня міра (I, 348), морей пожаръ (II, 76), риза буръ (III, 225), дождь страстей (III, 394) и т. п. Но не въ нихъ и не въ смѣлости вообще поэтическаго языка заключается та сила и то изящество, которыя исключительно свойственны стихамъ Пушкина. Смѣлые эпитеты, метафоры, сравненія, образы встрѣчаются у

всѣхъ поэтовъ, и въ этомъ отношеніи безспорно первое мѣсто принадлежитъ Державину. У кого другаго можно найти выраженіе смѣлье, напримѣръ, его стиха:

Глощаетъ царства алчна смерть!...

или слѣдующаго изображенія Суворова:

Вихрь полунощный, летитъ богатырь!
Тѣма отъ чела, съ поспнста ныль!
Молнии отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступить на горы—горы трещать,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ,
Граду коснется—градъ унадаетъ,
Башни рукою за облакъ бросаетъ.

Но эта смѣлость, основанная на преувеличеніи, хотя поражаетъ воображеніе читателя, однако не удовлетворяетъ его эстетическаго чувства: она отзывается ложью и бьетъ всегда мимо цѣли, мимо того, что выражаетъ. Такъ, смѣлость выраженій въ стихахъ изображающихъ Суворова, рисуетъ читателю образъ какого-то сказочнаго, мифическаго богатыря, а вовсе не образъ дѣйствительнаго Суворова нашего русскаго героя; а стихъ „глощаетъ царства алчна смерть“ вмѣсто чувства ужаса способенъ своимъ гиперболизмомъ вызвать въ умѣ читателя такой вопросъ: „и неужели ни однимъ даже не поперхнется?“... Не такова смѣлость выраженій въ стихахъ Пушкина, существеннымъ признакомъ которой служитъ художественность. Она у него не переступаетъ той мѣри, которая требуется, съ одной стороны, чувствомъ красоты по отношенію къ формѣ, а съ другой—чувствомъ правды по отношенію къ содержанію того, что выражается. Такъ, напримѣръ, смѣлость выраженія въ стихѣ Пушкина, относящемся къ Петру Великому въ Полтавскомъ сраженіи:

„Онъ поле пожралъ очами“,

вполнѣ художественна, потому что она, съ одной стороны, прекрасно рисуетъ самый образъ взора Петра, невольно вызывая представление о необычайной подвижности очей его и необычайномъ блескѣ ихъ, а съ другой—вѣрно выражаетъ то состояніе души его, ту энергію его вниманія, которыя требовались величіемъ происходящаго передъ нимъ событія. Въ стихахъ, рисующихъ намъ образъ Петра, нѣтъ ни одного выраженія, которое отзывалось бы гиперболизмомъ, подобнымъ гиперболизму стиховъ Державина, рисующихъ образъ Су-

ворова; а между тѣмъ величіе Петра изображено въ нихъ, можно сказать, восхитительно-прекрасно:

Тогда-то свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенія быстры. Онъ прекрасенъ.
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводить.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахъ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ (III, 143).

Читая эти стихи, мы чувствуемъ, ощущаемъ, такъ сказать, всю правду того, что изображаетъ намъ поэтъ-художникъ: мы какъ бы видимъ передъ собою дѣйствительнаго Петра, могущественнаго, вдохновеннаго, и какъ бы собственными глазами слѣдимъ за его движеніями, быстроту и энергію которыхъ Пушкинъ выразилъ лишь краткостью предложеній. Подобною же художественностью отличаются эпитеты, метафоры и сравненія: эпитеты у него—мѣткі и содержательны, метафоры—картинны, сравненія—вѣрны, и всѣ они служатъ къ тому, чтобы выразить чувство, мысль, дѣйствіе, явленіе, предметъ, лицо, событіе въ такой формѣ, въ которой все это представляется читателю живымъ и вѣрнымъ дѣйствительности, возбуждая въ душѣ его чувство, соответствующее своему содержанію. Здѣсь не время и не мѣсто входить мнѣ въ подробный разборъ всего поэтическаго языка Пушкина; я позволю себѣ привести лишь два-три примѣра для наглядности своей мысли. Эпитетъ, напимѣръ, „блистательный“ къ слову позоръ въ слѣдующихъ стихахъ изъ оды „Наполеонъ“

И Франція, добмча славы,
Плѣненный устремля взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ (I, 252),

чрезвычайно мѣтко и необыкновенно содержательно характеризуетъ ближайшій результатъ революціоннаго движенія Франціи, поднавшей подъ власть Наполеона I.

Метафора, выражающая пробужденіе природы весной, въ слѣдующихъ стихахъ:

Улыбкой ясной природа

Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года (III, 358),

поражаетъ картинностью и граціей образа. Приведу еще одинъ примѣръ сравненія въ слѣдующемъ небольшомъ стихотвореніи:

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увяль цвѣтущій мой вѣнецъ!
Живу печальный, одинокій,
И жду: придетъ ли мой конецъ?
Такъ, позднимъ хладомъ пораженный,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ западающій листъ (II, 238).

Какъ вѣрно здѣсь образъ одинокаго листа на вѣткѣ, трепещущаго отъ поздняго осенняго вѣтра и готоваго каждый мигъ упасть съ дерева, выражаетъ чувство печальнаго одиночества поэта, пережившаго свои желанія и разлюбившаго свои мечты! — Такова художественная смѣлость выражений въ стихахъ Пушкина. Подъ его перомъ стихи впервые возвысились на ту степень изящества, на которой они являются уже на столько же естественнымъ, легкимъ и свободнымъ, на сколько реально-правдивымъ и живымъ выраженіемъ поэтической красоты и правды явленій міра внутренняго и вѣшняго. Въ нихъ чувства, мысли, лица, дѣйствія, картины природы, времена года, словомъ все, что только служатъ ихъ содержаніемъ, полно жизни, движенія, граціи и правды. Стихи Пушкина—это новый, созданный имъ языкъ самой жизни и природы въ своей изящной формѣ. Пушкинъ справедливо сказалъ о себѣ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новыя для пѣсенъ я обрѣлъ.

Правъ и Жуковскій, замѣтившій стихъ Пушкина:

Что въ мой жестокій вѣкъ возставилъ я свободу

стихомъ

Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ.

Остается отмѣтить еще одну черту поэтическаго языка Пушкина, важную въ томъ отношеніи, что она характеризуетъ взглядъ его на народность въ языкѣ, какъ поэта-художника. Черта эта со-

стоитъ въ отсутствіи у Пушкина того намѣреннаго искаженія языка, которое, по мнѣнію другихъ писателей, считается необходимымъ въ томъ случаѣ, когда выводятся въ произведеніи лица, принадлежащія иной національности, или такого класса русскаго народа, который отличается по языку особымъ говоромъ и исключительными выраженіями. Такъ, въ повѣсти „Капитанская дочка“ Пушкинъ сначала заставилъ было генерала-нѣмца говорить по русски съ нѣмецкимъ выговоромъ, но не выдержалъ и въ концѣ своей непродолжительной бесѣды съ Гриневымъ генераль нѣмецъ заговорилъ у него на правильномъ русскомъ языкѣ. Въ драмѣ „Скупой Рыцарь“ жидъ выражается у Пушкина чистымъ русскимъ языкомъ. Въ трагедіи „Борисъ Годуновъ“ французъ Маржеретъ и нѣмецъ Розенъ преимущественно говорятъ каждый на своемъ языкѣ, а не на русскомъ. Въ народныхъ сценахъ этой трагедіи и даже въ произведеніяхъ исключительно простонароднаго характера, изобилующихъ реченіями и оборотами простонароднаго языка, мы не замѣчаемъ тѣхъ особенностей, которыми обозначается исключительность говора какого-либо сословія, или лица. Ясно, что Пушкинъ всегда и вездѣ имѣлъ въ виду существенную сторону содержанія предмета и отбрасывалъ мелочи. Не въ личномъ выговорѣ словъ и не въ исключительныхъ особенностяхъ языка того или другаго класса людей онъ видѣлъ сущность дѣла, а въ нравахъ, обычаяхъ, въ складѣ и образѣ мыслей и проч. Вотъ, на примѣръ, стихи Пушкина (1833 г.), которые по содержанію своему представляютъ произведеніе вполне простонароднаго характера:

Свать, Иванъ, какъ пить мы станемъ,
 Непремѣнно ужъ помянемъ
 Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ
 Да Пахомовну потомъ.
 Мы живали съ ними дружно;
 Ужъ какъ хочешь, будь что будь —
 Этихъ надо помянуть,
 Помянуть намъ этихъ пужно:
 Помянать такъ помянать,
 Начинать такъ начинать,
 Литъ, такъ литъ, разливъ разливомъ.
 Начинай же, свать, пора!
 Трехъ Матренъ, Луку, Петра
 Мы помянемъ пивомъ,
 А Пахомовну потомъ
 Пирогамъ да виномъ,

Да еще ее помянемъ —
 Сказки связывать мы станемъ.
 Мастерница вѣдь была!
 И откуда что брала?
 А куды разумны шутки,
 Приговорки, прибаутки,
 Небылицы, былины
 Православной старини!
 Слушать, такъ душѣ отрадно;
 Кто придумалъ ихъ такъ складно?
 И не лигъ бы, и не ѣгъ,
 Все бы слушалъ, да глядѣлъ.
 Стариковъ когда-нибудь
 (Жаль, теперь намъ недосужно)
 Надо будетъ помянуть:
 Помянуть и этихъ нужно...
 Слушай свать: начну первой,
 Сказка будетъ за тобой (II, 149—150).

Какое прекрасное произведеніе! Сколько въ немъ живой правды! Какъ мастерски умѣлъ Пушкинъ сочетать грубость понятій простаго человѣка съ благородными качествами его русской души: широтою чувства и смысломъ поэзи!.. Такъ Пушкинъ охарактеризовалъ въ этомъ произведеніи нашу русскую простонародность! А какой языкъ! При многихъ, чисто-русскихъ народныхъ оборотахъ рѣчи, при чисто-русскомъ простонародномъ складѣ изложенія мыслей и чувствъ Пушкинъ не допустилъ ни одного намѣреннаго искаженія формы; онъ не замѣнилъ даже слова „непремѣнно“ обыкновенно употребительною въ просторѣчій формою „безпремѣнно“, и мѣстоименія „этихъ“ формою „евтихъ“ или „ентихъ“ и т. п. Очевидно, что всякое лишнее искаженіе русскаго языка и общихъ типическихъ формъ простонародной рѣчи было противно его чувству художника, соблюдающаго во всемъ извѣстную мѣру.

Итакъ, значеніе Пушкина въ исторіи нашего литературнаго языка также, какъ и въ исторіи литературы, опредѣляется главнымъ образомъ дѣятельностью его, какъ поэта-художника. Ею между прочимъ объясняется и несомнѣнное превосходство Пушкина надъ предшествовавшими ему дѣятелями въ исторіи языка—Ломоносовымъ и Карамзиннымъ.

Ломоносовъ дѣйствовалъ, какъ ученый. Заслуга его по отношенію къ литературному языку состояла въ томъ, что онъ вѣрно опредѣлилъ главные его источники, именно, языки: книжный славянской

и устный русскій-народный. Карамзинъ дѣйствовалъ, какъ литераторъ. Заслуга его состояла въ томъ, что онъ сблизилъ литературный языкъ съ устнымъ, разговорнымъ языкомъ образованнаго общества. Пушкинъ дѣйствовалъ, какъ поэтъ-художникъ. Заслуга его въ томъ, что онъ далъ прочное основаніе для правильнаго и успѣшнаго развитія литературнаго языка, указавъ для прозаической его формы начало художественной простоты, а для стихотворной—начало художественной смѣлости выраженій. Ломоносовъ сообщилъ литературному языку характеръ схоластическій, кабинетный; Карамзинъ придалъ ему характеръ общественный, характеръ изящной рѣчи, такъ сказать, салонный; Пушкинъ же далъ литературному языку характеръ художественно-народный, сдѣлавъ въ своихъ произведеніяхъ красоты роднаго языка доступными для каждого русскаго человѣка, способнаго чувствовать прекрасное. Такимъ образомъ онъ вывелъ литературный языкъ изъ спертой атмосферы кабинетовъ и гостиныхъ на чистый воздухъ свѣта Божія, на широкій просторъ Русской земли для любованья всему народу русскому.

Но эта великая заслуга Пушкина по отношенію къ литературному языку составляетъ лишь скромную часть той, которую онъ оказалъ вообще языку русскому. Въ произведеніяхъ Пушкина русскій языкъ впервые нашелъ достойное себя выраженіе и явился во всемъ своемъ величіи. Поэтический геній Пушкина былъ, можно сказать, другомъ генію русскаго языка. Не даромъ Пушкинъ такъ горячо любилъ русскій языкъ и такъ старательно изучалъ его и въ книгахъ, и въ живой устной рѣчи, не только въ кругу людей образованныхъ, подобно Карамзину, но и въ средѣ простаго народа, гдѣ русскій языкъ чаще поражалъ его большею чистотою и правильностью. Нашъ геніальный ученый, Ломоносовъ, въ посвященіи своей Россійской Грамматикѣ великому князю Павлу Петровичу сказалъ о русскомъ языкѣ слѣдующее: „Карлъ Пятый, Римскій императоръ, говаривалъ, что испанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями, италіанскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но если бы онъ русскіи языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми этими говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе испанскаго, живость французскаго, вѣрность нѣмецкаго, нѣжность италіанскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка“. Нашъ геніальный поэтъ, Пушкинъ, до-

казалъ справедливость этихъ словъ самимъ дѣломъ, представивъ въ своихъ произведеніяхъ выраженіе всѣхъ вышеупомянутыхъ свойствъ русскаго языка съ изумительною точностью и граціею. Въ гармоніи стиховъ Пушкина съ русскимъ языкомъ могла соперничать развѣ только сама природа. Справедливо сказалъ онъ о себѣ:

Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволга паять живой,
Иль ночью моря гулъ глухой
Иль шопоть рѣчки тихоструйной (I, 310).

Такъ Пушкинъ своею художественно-поэтической дѣятельностью заставлялъ насъ любить родное слово, прилежно изучать его и съ чувствомъ народной гордости сознать его величіе.

III. Некрасовъ.

ОБЗРѢНІЕ ТРУДОВЪ ПО ВИЗАНТІЙСКОЙ ИСТОРИИ.

Изданіе источниковъ ¹⁾).

III.

Восемнадцатое столѣтіе.

Ученый кружокъ Сен-Жерменскаго аббатства.—Мабильонъ и Монфоконъ.—Буавенъ, Бавдурн и Лекъенъ.—Изданіе Григорн.—Imperium Orientale Бавдурн.—Oriens christianus.—Общая характеристика Парижской коллекціи.—Венеціанское изданіе византійцевъ.—Оксфордское изданіе Маламъ.—Изданіе Гемесія въ Венеціи.—Изданіе De segetonіis Константина Багрянороднаго въ Лейпцигѣ Яковомъ Рейске.—Францнз Альтера.

Въ началѣ оглянемся нѣсколько назадъ. Когда говорятъ: „вѣкъ Людовика XIV“, то разумѣютъ при этомъ имена Расина и Мольера, Боссюэта и Фенелона, но часто забываютъ, что помимо блестящей плояды литературныхъ дѣятелей, прославившихъ этотъ періодъ французской исторіи, въ то же время существовало другое общество или другой кругъ писателей, собственно такъ называемыхъ ученыхъ, общество, очень отличное отъ того, которое по общему признанію считается выраженіемъ замѣчательнаго вѣка, менѣе бросающееся въ глаза, но столь же производительное и одушевленное, оставившее и въ свою очередь прочныя слѣды въ ходѣ умственнаго развитія великой націи. Дѣятельность и отчасти біографія Дюканжъ, на сколько мы съ нею познакомились, открыла намъ просвѣтъ на эту среду. Мы уже отчасти видѣли, что Дюканжъ работалъ не одинъ, что онъ находилъ себѣ сочувствіе и поддержку въ такихъ лицахъ, какъ Мабильонъ, какъ Балюзъ, бібліотекаръ Кольбера, положившій начало документальному изученію французской исторіи цѣлымъ рядомъ из-

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. сентябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1887 г.

даній актовъ различнаго рода. О-бокъ съ избранными представителями литературнаго движенія, во второй половинѣ XVII вѣка существовало многочисленное общество трудолюбивыхъ и даровитыхъ ученыхъ, связанныхъ однимъ союзомъ, находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою, разсѣянныхъ отъ одного конца Франціи до другаго, поддерживавшихъ между собою корреспонденцію, слѣдящихъ за открытіями и работами другъ друга. Центромъ этого общества во Франціи въ данный періодъ времени былъ, конечно, извѣстный монастырь въ предмѣстьи столицы, который очень охотно и часто посѣщалъ Дюканжъ въ концѣ своей жизни, знаменитое Сен-Жерменское аббатство (Saint-Germain des Prés),—въ которомъ жили и трудились такъ называемые мавриньяне, члены конгрегаціи св. Мавра, то-есть, особой ассоціаціи монастырей и монаховъ въ нѣдрахъ бенедиктинскаго ордена, возникшей въ началѣ XVII вѣка ради оживленія и поднятія строгой религіозной жизни и духовнаго просвѣщенія, и названной такъ по имени св. Мавра, одного изъ учениковъ основателя ордена, св. Бенедикта. Но къ этому центру примыкали и другія постороннія лица какъ духовныя, такъ и свѣтскія; нѣкоторыя изъ нихъ намъ уже извѣстны, какъ А. Валуа, Виго. Все-таки это былъ отдѣльный міръ, мало извѣстный для придворнаго и городского общества; члены этого кружка не особенно старались выйдти изъ полумрака, довольные тѣмъ, что находятъ себѣ надлежащую оцѣнку въ средѣ посвященныхъ, и будучи всецѣло погружены въ свои изслѣдованія. Трудясь ради своего призванія и науки, эти скромные рабочіе не искали шумной славы и безъ сожалѣнія посвящали свою жизнь задачѣ, которая даже имъ могла бы показаться неблагодарною, еслибы они не находили поддержки и одобренія въ средѣ себѣ подобныхъ, мнѣніемъ которыхъ дорожили. Открытіе и печатаніе древнихъ текстовъ, собраніе старинныхъ картій, изученіе греческихъ и латинскихъ средневѣковыхъ манускриптовъ, накопленныхъ вѣками въ библіотекахъ, однимъ словомъ изученіе прошлаго составляло задачу ихъ жизни,—это была ихъ страсть. Они собрали сокровища эрудиціи, которыми пытались послѣдующія поколѣнія и продолжаютъ питаться. До нихъ едва достигало отдаленное эхо военной славы царствованія, или даже блестящихъ триумфовъ литературныхъ и художественныхъ; не многое напоминаетъ, что это современники Тюрвенна и Конде, Норнеля и Мольера. Новѣйшій бытописатель, посвятившій этому обществу ученыхъ обширное сочиненіе, поражается отчужденностью, незначительностью связей, существующихъ между литераторами и

учеными означенной эпохи. Въ различныхъ литературныхъ произведеніяхъ этого періода, замѣчаетъ онъ, почти не встрѣчается никакого упоминанія именъ ученыхъ, и точно также на оборотъ. Мадамъ де Севинье, такъ близко знакомая съ литературнымъ движеніемъ своего времени, не называетъ ни разу въ своей корреспонденціи имени Мабилльона, и почти столь же трудно въ перепискѣ знаменитаго бенедиктинца встрѣтить упоминаніе о Расинѣ¹⁾. Нельзя сказать, чтобъ они были совершенно равнодушны къ тому, что происходило; посвящая томы Византійской коллекціи королю, они намекали въ предисловіяхъ на его побѣды, величали его миротворцемъ Европы (послѣ Рисвикскаго мира), съ нѣкоторымъ ослѣпленіемъ—въ немъ повиненъ былъ нашъ Дюканжъ—восхваляли даже отмѣну Нантскаго эдикта и насильственное обращеніе протестантовъ; но торжественныхъ одъ и льстивыхъ похвальныхъ рѣчей они почти совсѣмъ не удосуживались писать, какъ это еще позднѣе дѣлалъ Вольтеръ. Нельзя сказать также, чтобъ общество держало ихъ въ презрительномъ отдаленіи; напротивъ, всѣ они находятся въ сношеніяхъ съ самыми вліятельными лицами даннаго времени; король ихъ знаетъ и покровительствуетъ ихъ занятіямъ. Но они не ищутъ почестей и внѣшней славы. Самые ученые между ними въ то же время суть наиболѣе скромные. Таковъ былъ Мабилльонъ (1632—1707), котораго вмѣстѣ съ Дюканжемъ, справедливо называютъ основателемъ и столпомъ новой французской учености, а чрезъ нее отчасти и вообще европейской, котораго критическая проницательность въ изученіи памятниковъ прошлаго доходила, можно сказать, до гениальности: самый возвышенный, благородный и симпатичный характеръ не только въ конгрегаціи Св. Мавра, которой онъ составлялъ украшеніе, но и вообще среди христіанскаго монашества²⁾.

¹⁾ *E. de Broglie, Mabillon et la société de l'abbaye de Saint-Germain des Prés. Paris. 1888, t. 1, 73.*

²⁾ О Мабилльонѣ и его трудахъ, кромѣ біографіи, написанной его ученикомъ и сотрудникомъ, Рюмпаромъ, см. *Dom Tassin, Histoire littéraire de la congrégation de Saint-Maur, t. II, 200—270. Chavin de Malan, Les Gloires de la France, Histoire de D. Mabillon. Paris, 1843. II. Jadart, Dom Jean Mabillon. Reims. 1879:* трудъ компилятивный и довольно слабый; сверхъ того, вышеприведенное двухтомное сочиненіе Бралья, въ которомъ, впрочемъ, вниманіе обращено преимущественно на характеристику кружка и принадлежавшихъ къ нему отдѣльныхъ личностей, но очень мало дано мѣста изображенію собственно ученаго движенія, отсюда исходящаго, и оцѣнкѣ ученыхъ трудовъ, составившихъ славу кружка; авторъ желалъ написать главу изъ культурной исторіи общества, а не изъ исторіи науки.

Онъ уже прославилъ себя двумя капитальнѣйшими трудами, когда его вадумали представить королю, Людовику XIV. Скажемъ сначала два слова объ этихъ трудахъ, хотя и не касающихся прямо византійской литературы, но косвенно влиявшихъ на все ученое движеніе въ области историческаго изученія, а потомъ припомнимъ характеристичную сцену, при которой была засвидѣтельствована крайняя скромность великаго ученаго. Наиболѣе важными трудами Мабиллона среди множества другихъ были „Дѣянія святыхъ ордена св. Бенедикта“ (*Acta sanctorum ordinis S. Benedicti*), рядъ томовъ, начавшихъ появляться съ 1668 года ¹⁾. Тутъ имѣетъ громадное значеніе не одна только масса вновь изданнаго матеріала, заключающагося въ жизнеописаніяхъ принадлежавшихъ къ ордену церковныхъ, литературныхъ и ученыхъ дѣятелей западной церкви, начиная со времени св. Бенедикта въ продолженіи дальнѣйшихъ шести вѣковъ, но и цѣлый непрерывный рядъ ученѣйшихъ изслѣдованій Мабиллона о всѣхъ сторонахъ церковнаго и монашескаго средневѣковаго быта, о самыхъ равнообразныхъ вопросахъ исторической критики, хронологіи и генеалогіи—послѣдней потому, что Мабиллону приходилось останавливаться на темномъ родословіи Меровингскихъ и другихъ королей, такъ или иначе относившихся къ дѣятельности бенедиктинцевъ. Такія изслѣдованія заключаются отчасти въ предисловіяхъ Мабиллона къ издаваемымъ актамъ, отчасти въ примѣчаніяхъ. Другимъ безсмертнымъ трудомъ Мабиллона была его Дипломатика ²⁾, появившаяся въ первый разъ въ 1681 году. Выѣстъ съ появленіемъ этой книги получила свое бытіе, лучше сказать, заразъ выступила въ зрѣлой полнотѣ и всеоружіи совсѣмъ новая наука.

¹⁾ Продолженіемъ и дополненіемъ къ *Acta* служатъ *Annales Ordinis sancti Benedicti VI* vol. 1703—1739. Здѣсь имѣются въ виду не только святые, но всѣ вообще монахи, которые содѣйствовали просвѣщенію и образованію западнаго христіанства отъ V по XII столѣтіе.

²⁾ *De re diplomatica libri VI, in quibus quidquid ad veterum instrumentorum antiquitatem, materiam, scripturam et stilum; quidquid ad sigilla, monogrammata, subscriptiones ac notas chronologicas; quidquid inde ad antiquariam, historicam, forensemque disciplinam, explicatur et illustratur. Accedunt commentarius de antiquis Regum Francorum Palatiis: Veterum scripturarum varia specimina, tabulis LX comprehensa, Nova ducentorum et amplius monumentorum collectio. Opera et studio Domni Johannis Mabillon, presbyteri ac Monachi ordinis sancti Benedicti, e congregatione S. Mauri, Lutetiae Parisiorum, sumptibus viduae Ludovici Billain, 1681.* Дополненіе появилось въ 1704 г. *Librorum de re diplomatica supplementum*,—новое изданіе въ 1709 году.

Подъ дипломатикою разумѣется систематическое ученіе (*disciplina*) о документахъ и актахъ (*instrumentum, Urkunde*), о внѣшнихъ и внутреннихъ признакахъ, по которымъ можно опредѣлять подлинность и достоинство всякаго рода письменныхъ, въ опредѣленную форму облеченныхъ свидѣтельствъ о совершившихся дѣйствіяхъ праваго характера,—государственныхъ общественныхъ или частныхъ,—все одно. Въ книгѣ Мабиллона идетъ рѣчь о документахъ вообще, объ ихъ характерѣ, различныхъ ихъ родахъ и видахъ, объ ихъ древности, подлинности, поддѣлкахъ и причинахъ поддѣлокъ, о письменныхъ матеріалахъ и различныхъ видахъ письма (1 кн.); затѣмъ слѣдуетъ ученіе о стилѣ документовъ или грамотъ, о канцелярскихъ обычаяхъ при совершеніи актовъ, именно—о подписяхъ, монограммахъ, печатяхъ и т. п. съ историческимъ приложеніемъ о составѣ канцелярій во франкское время и позднѣе (кн. 2); подвергаются критикѣ правила для распознаванія подлинности и достовѣрности документовъ, выставленныя не за долго предъ тѣмъ Папebroхомъ, однимъ изъ редакторовъ Дѣяній Святыхъ (*Acta Sanctorum*), издаваемыхъ іезуитами въ Антверпенѣ,—съ разсужденіемъ о собраніяхъ хартій (*chartularia*) и копій съ нихъ (кн. 3); особая (4-я) книга посвящена историческому обзорѣнію палатъ (дворцовъ, *palatium, Pfalz*) франкскихъ королей, въ которыхъ они жили или останавливались въ разныя эпохи, и откуда датируются документы, что имѣеть, очевидно, важное значеніе для дипломатики; предпоследняя книга представляетъ образцы письма и объясненія къ нимъ съ 58 гравированными таблицами, и последняя—сборникъ дипломовъ (документовъ) числомъ болѣе 200 отъ 471 года до конца XII вѣка, какъ наглядное доказательство и разъясненіе выставленныхъ въ сочиненіи правилъ. Когда книга вышла, она была встрѣчена единодушнымъ признаніемъ; оказалось, что она далеко оставляетъ позади появившіяся до сихъ поръ слабыя попытки къ формулированію основныхъ правилъ дисциплины, давно становившейся необходимою даже въ практической жизни; іезуитъ Папebroхъ благородно признаетъ себя побѣжденнымъ, далеко превзойденнымъ. Новые ученые, болѣе авторитетные въ данной области, также горячи и единодушны въ своихъ похвалахъ; ихъ отзывы звучатъ восторженнымъ удивленіемъ. Школа хартій въ Парижѣ, *Ecole des Chartes*, основана въ настоящемъ столѣтіи (окончательная организація относится къ 1846 году) именно съ цѣлью поддержанія и увѣковѣченія „того рода эрудиціи, который съ XVII в. составлялъ одинъ изъ болѣе прекрасныхъ цвѣтковъ въ литературной исторіи

Франціи, и который едва не угасъ вслѣдствіе прерыва въ его традиціяхъ, произведенныхъ революціою". Одинъ изъ руководителей этой школы высказалъ желаніе, чтобы главную залу школы украшали бюсты Мабилльона вмѣстѣ съ Дюканжемъ. Помимо всѣхъ другихъ правъ послѣдняго, нужно припомнить, что онъ не чуждъ былъ и появленію Дипломатики. Мабилльонъ въ своемъ къ ней предисловіи прямо говоритъ объ его поощреніяхъ и совѣтахъ, придавая имъ величайшее значеніе ¹⁾. Когда послѣ изданія Дипломатики, посвященной Кольберу, предполагалось отправить Мабилльона въ ученую миссію для обследованія библиотекъ италіанскихъ, то и король Людовикъ XIV пожелалъ его видѣть. Летеллье, архіепископъ Реймскій, прелать, извѣстный своимъ высокоомѣріемъ, и Боссюэтъ, другой архіепископъ, прославившійся своимъ краснорѣчіемъ и ученостію, должны были его представить—въ Версали. Летеллье и Боссюэтъ были проникнуты взаимнымъ нерасположеніемъ, и вотъ, когда Летеллье, подводя Мабилльона къ королю, сказалъ: „Государь, я имѣю честь представить вашему величеству самаго ученаго человѣка въ вашемъ королевствѣ“, то Боссюэтъ, почувствовавъ въ этихъ словахъ затаенное остріе укола, направленного противъ его самолюбія, съ своей стороны отозвался: „О государь, архіепископъ Реймскій долженъ былъ бы прибавить: и самаго смиреннаго“. Онъ былъ правъ; но есть другой любопытный разказъ, изъ котораго видно, что и въ отношеніи этого качества Мабилльонъ и Дюканжъ соперничали между собою. Когда провинціальный ученый обращался къ Дюканжу съ просьбою о совѣтѣ въ ученомъ дѣлѣ, тотъ отсылалъ собесѣдника къ Мабилльону, какъ болѣе компетентному судѣ. Когда посѣтителъ, согласно указанію, находилъ себѣ дорогу въ бенедиктинскую колы, то его прерывали на первыхъ же словахъ и отсылали къ Дюканжу: „Повидайтесь съ Дюканжемъ, говорилъ Мабилльонъ, онъ дастъ отвѣтъ на вашу запросъ; онъ мой учитель, я самъ знаю только то, чему у него научился“.—„Но именно онъ отправилъ меня къ вамъ“, возражалъ пришедшій, и этимъ замѣчаніемъ иногда побѣждалъ скромность автора Дипломатики.

Къ тому же ученому кружку, группировавшемуся вокругъ Мабилльона въ С.-Жерменскомъ аббатствѣ, принадлежали: дом-Бернардъ-

¹⁾ Tene vero illaudatum praetermittam, eruditissime Cangl, qui hancee lucubrationem nostram, non secus ac tuam monitis et adhortationibus promoveresatagebas.

де-Монфоконъ (Montfaucon), Буавенъ, Бандури и Лекъенъ, трудившіеся въ области византійской литературы.

Монфоконъ (dom Bernard de Montfaucon, 1655—1741), одно изъ лучшихъ украшеній конгрегаціи св. Мавра, принадлежалъ къ нѣскольکو младшему поколѣнію, чѣмъ Мабилльонъ и отличался отъ него многими чертами характера. Происходя изъ старинной и знатной фамиліи въ Гаскони, онъ началъ свое жизненное поприще въ военной службѣ и совершилъ два похода подъ начальствомъ Тюренна; вслѣдствіе тяжелыхъ впечатлѣній, которыя ему пришлось при этомъ, испытать (собственная болѣзнь, смерть дяди, пораженнаго смертельною раню), и семейныхъ утратъ, онъ очень рано переимѣнилъ кирасу гренадера на монашескую сутану, но какъ будто сохранилъ вмѣстѣ съ южною живостью и нѣкоторый отпечатокъ своего первоначальнаго призванія. Онъ не былъ терпѣливъ и уступчивъ, способенъ былъ на острое слово и рѣзкую выходку, что иногда смущало его сотоварищей и заставляло Мабилльона въ шутку называть его господиномъ Роктаильдомъ (Roquetaillade) по имени одной изъ земель его фамиліи.—Хотя Монфоконъ любилъ читать Плутарха еще въ дѣтствѣ и даже подъ вліяніемъ именно этого чтенія мечталъ о военной славѣ и подвигахъ, но греческій языкъ онъ сталъ изучать только послѣ вступленія въ бенедиктинскій орденъ. Быстрые успѣхи какъ въ этомъ предметѣ, такъ и въ другихъ наукахъ, которыя онъ слушалъ въ своемъ аббатствѣ, обратили на него вниманіе одного изъ мавриніанъ Сен-Жерменскаго монастыря. Разказываютъ, что ближайшимъ поводомъ къ тому были работы молодого монаха, состоявшія въ провѣркѣ латинскаго перевода греческихъ духовныхъ писателей и переданныя имъ на разсмотрѣніе дом-Мартена (dom Claude Martin). Вызванный въ Парижъ (1687), Монфоконъ вступилъ въ ученую среду С. Жерменскаго аббатства и вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣсную дружбу съ Биго и Дюканжемъ, сдѣлался любимцемъ Мабилльона. Съ самаго начала предполагалось, что на Монфокона вмѣстѣ съ другими двумя сотрудниками будетъ возложено изданіе греческихъ отцовъ церкви, Аеанасія и Іоанна Златоуста, между тѣмъ какъ Мабилльонъ занимался въ этомъ родѣ исключительно изданіемъ латинскихъ церковныхъ учителей, Августина, св. Бернарда. Важное и великое предпріятіе, поставленное на очередь неутомимыми мавриніанами, требовало не только большаго знанія и тщательной подготовки, но и опытности отъ будущихъ участниковъ въ дѣлѣ. Дюканжъ и Биго посовѣтовали Монфокону предварительно заняться какими-

нибудь греческими произведеніями не столь обширнаго размѣра и указали нѣсколько манускриптовъ, заслуживающихъ того, чтобы быть обнародованными. Такъ появились „Греческіе аналекты“¹⁾, въ которыхъ въ первый разъ были напечатаны 1) Типикъ (уставъ), данный императрицею Ириною, женою Алексѣя Комнина (1081—1118) женскому монастырю, ею основанному, съ подробнымъ перечисленіемъ доходовъ для содержанія обители и монахинь и 2) счетныя инструкціи самого императора Алексѣя (*rationarium antiquum*, пошм) для руководства сборщикамъ податей, документъ, чрезвычайно важный для изученія византійской податной и монетной системъ и кромѣ того 3) сочиненіе Герона о мѣрахъ. Эти три пьесы, составляющія половину тома, были переведены на латинскій языкъ и приготовлены къ печати Монфокономъ. Здѣсь же напечатано было житіе св. Евенія Великаго, основателя знаменитой обители въ пустынѣ св. града (Іерусалима), написанное Кирилломъ Скиеопольскимъ, и въ греческомъ подлинникѣ до тѣхъ поръ извѣстное только въ другой редакціи и притомъ въ латинскомъ переводѣ житіе св. Стефана Новаго, первостепенный источникъ для исторіи иконоборства за первый его періодъ.—Черезъ десять лѣтъ послѣдовало появленіе твореній Аванасія Александрійскаго въ трехъ томахъ²⁾; трудъ принадлежалъ исключительно Монфокону, который вмѣстѣ съ нимъ выросъ до полной и удивительной ученой зрѣлости, успѣвъ познакомиться, сколько было нужно, съ языками еврейскимъ, сирійскимъ, коптскимъ и отчасти арабскимъ. Предисловіе, исполненное учености, въ которомъ показана недостаточность всѣхъ прежнихъ изданій, слѣдующія за тѣмъ приложенія съ жизнеописаніями св. Аванасія (одно арабское переведено было Ренодѣ, Renaudot), текстъ, установленный по спискамъ парижскимъ и ватиканскимъ,—все это сообщало чрезвычайную цѣну труду Монфокона; изданіе тогда же было названо несравненнымъ и остается досегдѣ несравненнымъ.—Ради Іоанна Златоуста признано было необходимымъ ближайшее

¹⁾ *Analecta graeca, sive varia opuscula graeca inedita. Parisiis, typis G. Martini, 1688*, in 4. Указываемыя въ текстѣ статьи были потомъ перепечатываемы: Типикъ Ирины въ греческой патрологіи *Мина* (t. 127); въ *Acta graeca* Миклошича, (t. a.); счетное руководство въ *Zachariae Ius graecorum*, t. III.

²⁾ Τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου — τὰ εὐρισχόμενα πάντα, Sancti Patris nostri Athanasii opera omnia quae supersunt. . . . . Opera et studio Monachorum Ordinis S. Benedicti, e Congreg. S. Mauri, Parisiis, sumptibus Anisson, 1698.

овнакомленіе съ рукописями и библіотеками Италіи; отправившись туда въ 1698 году, Монфоконъ провелъ три года въ Венеціи, Миланѣ, Флоренціи, Монтекассино и такъ далѣе, всего долѣе, конечно, въ Римѣ. Вездѣ его встрѣчали какъ великую знаменитость; герцогъ Тосканскій вручилъ ему во Флоренціи ключи отъ Лаврентіанской библіотеки, чтобы онъ могъ заниматься въ ней когда угодно; самъ папа оказалъ свое вниманіе и благосклонность, такъ что эти знаки всеобщаго уваженія къ иностранцу возбуждали нѣкоторое чувство ревности, если не зависти въ мѣстныхъ ученыхъ, не исключая Цаканьи (Zaccagni), префекта Ватиканской библіотеки. Сюда относятся разказъ объ испытаніи, или лучше сказать ловушкѣ, устроенной противъ Монфокона этимъ Цаканьей съ друзьями. Ему предлагали старинную греческую рукопись и съ лестными комплиментарными просили научить и наставить—опредѣливъ прежде всего вѣкъ, къ которому манускриптъ долженъ быть относимъ. Когда Монфоконъ указалъ на послѣднюю четверть десятаго вѣка (за семьсотъ лѣтъ), то ему сухо замѣтили, что онъ ошибается, такъ какъ имя императора Василія, упомянутое въ припискѣ, свидѣтельствуетъ о принадлежности рукописи еще предыдущему столѣтію: Василій Македонянинъ царствовалъ отъ 867 по 886 г. Однако Монфоконъ пожелалъ ближе всмотрѣться въ приписку, и когда оказалось, что при имени Василія прибавлено слово „ἐκ τῆς πορφύρας“ (отъ порфиры), то въ самомъ дѣлѣ получилъ возможность преподать хорошій урокъ своимъ совопросникамъ, научивъ ихъ, что эта прибавка указываетъ на Василія Порфиророднаго, рожденнаго въ пурпурѣ, а такимъ былъ только Василій II Болгаробойца (976—1025). Возможность такого анекдота, разказаннаго въ похвальной рѣчи Монфокону де-Возомъ (de Voze), доказывается въ нѣкоторой степени тѣмъ, что знаменитый Ватиканскій Менологій, драгоценнѣйшая изъ всѣхъ византійскихъ рукописей по своимъ миниатюрамъ, вслѣдствіе посвященія императору Василію долго считалась принадлежностью девятаго вѣка, и Бароній прямо разумѣлъ тутъ Василія I Македонянина; только Аллаци въпервые обратилъ вниманіе на прибавку такихъ выраженій, какъ „солнце порфиры“, „цитомецъ багряницы“, и воспользовался ими для надлежащаго указанія времени, когда былъ составленъ знаменитый менологій Василія, изданный нѣсколько позднѣе (1727 г.) кардиналомъ Альбани.—Были сдѣланы и еще другія попытки, долженствовавшія поставить въ недоумѣніе Монфокона, но всѣ онѣ повели къ одному результату, къ новому проявленію

нію его глубокаго знанія. Конечно, гораздо болѣе непріятностей могли доставить другіе противники, съ которыми Монфоконъ имѣлъ столкновенія по званію прокурора конгрегаци, какое было на него теперь возложено; это были іезуиты. Въ столкновеніи съ ними Монфоконъ обнаружилъ живость и неуступчивость своего характера; не безъ раздраженія онъ оставилъ Римъ раньше предполагавшагося срока, не смотря на отговоры друзей и почитателей, въ числѣ коихъ былъ и новый папа, Климентъ XI. По собственному объясненію Монфокона, онъ не могъ долѣе оставаться въ Италіи главнымъ образомъ вслѣдствіе легкости, съ которою тамъ извѣстные люди привыкли лгать ¹⁾. Французскій кардиналъ d'Естре (d'Estrées), встрѣтившій Монфокона въ Венеціи, совѣтовалъ ему и какъ настоятель С. Жерменскаго аббатства разрѣшалъ совершить экскурсію на востокъ для отысканія еще новыхъ греческихъ рукописей; но Монфоконъ не послѣдовалъ этому совѣту и впоследствии очень сожалѣлъ о томъ. Вся дальнѣйшая біографія Монфокона послѣ возвращенія въ Парижъ заключается въ исторіи его ученыхъ трудовъ, выходившихъ непрерывно одинъ за другимъ. Достигнувъ самаго преклоннаго возраста, онъ все таки удѣлялъ занятіямъ не менѣе восьми часовъ въ день. Пользуясь отъ природы крѣпкимъ организмомъ и благодаря правильному образу жизни, онъ послѣ пятидесяти лѣтъ никогда не былъ боленъ; самая смерть застала его среди обычныхъ занятій.— Изъ длиннаго списка его трудовъ за этотъ періодъ отмѣтимъ тѣ, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ Византіи ²⁾. 1) Новый сборникъ отцовъ и писателей греческихъ ³⁾—въ двухъ томахъ; въ первомъ томѣ содержатся нѣкоторыя сочиненія Евсевія Кесарійскаго, а во второмъ, посвященномъ аббату Вильбону,—вновь отысканныя мелкія сочиненія Аванасія Александрійскаго, а также знаменитое произведеніе египетскаго купца, совершившаго въ началѣ VI-го вѣка нѣсколько поѣздокъ въ порты Индіи, Козьмы Индо-

¹⁾ *Valery*, Correspondance de Mabillon et de Montfaucon, III, 111. Письмо къ Гаттола: lei si stupirebbe dell' ardire et della facilità di mentire di questi uomini (Giesuiti)... e questa è una delle principali ragioni, che mi hanno fatto risolvere di andar via da Roma.

²⁾ Перечисленіе трудовъ Монфокона съ краткими ихъ характеристиками—см. *Tassin*, Histoire littéraire de la congrégation de St.-Maur, 591—616.

³⁾ *Collectio nova Patrum et scriptorum Graecorum Eusebii Caesariensis, Athanasii et Cosmae Aegyptii*. Haec nunc primum ex Mss. codicibus Graecis, Italicis, Gallicanisque eruit, latine(vertit, notis et praefationibus illustravit *D. B. Montfaucon*. Parisiis, 1706.

плавателя или Индикоплова, важное не только по любопытнымъ свѣдѣніямъ объ Индіи (съ упоминаніемъ о Цейлонѣ) и о царствѣ Аксумъ въ Еѳіопіи (Абиссинія), но и по новымъ космографическимъ воззрѣніямъ, которыя здѣсь развиты вопреки Птоломею, но въ ближайшемъ приуроченіи къ разнымъ мѣстамъ священнаго писанія: однимъ словомъ рѣчь идетъ о Христіанской топографіи¹⁾, которая потомъ долго опредѣляла міросозерцаніе средневѣковаго человѣчества и между прочимъ составляла любимое чтеніе православныхъ русскихъ людей. 2) Греческая палеографія—это капитальное произведеніе цѣнится также высоко, какъ и Дипломатика Мабиллона, съ которою отчасти совпадаетъ по содержанію. Главная задача Палеографіи состоитъ въ изученіи признаковъ, по которымъ узнается принадлежность письменныхъ памятниковъ тому или другому вѣку; она имѣетъ дѣло не съ одними документами и актами, но вообще съ рукописями какого бы то ни было происхожденія и содержанія, притомъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на видоизмѣненіяхъ въ характерѣ и начертаніи буквъ, а не на техническихъ признакахъ, указывающихъ на канцелярскую скрѣпу и вообще на отношеніе къ официальнойности. Ознакомивъ читателя съ орудіями и матеріаломъ письма у грековъ, а также съ лицами, которыя занимались ремесломъ переписыванія книгъ, Монфоконъ переходитъ къ исторіи происхожденія греческаго алфавита и его развитія до IV вѣка по Р. Х., представляетъ образцы унциальнаго или уставнаго письма, господствовавшаго до девятого вѣка, а въ церковномъ обиходѣ и богослужебныхъ книгахъ державшагося до XII, затѣмъ обращается къ курсивному письму, которое онъ производитъ отъ скорописи и не отличаетъ отъ миноускульнаго (строчнаго); слѣдуютъ таблицы, посредствомъ нагляднаго сопоставленія изображающія постепенныя видоизмѣненія въ начертаніяхъ буквъ въ продолженіи означенныхъ выше періодовъ, указываются разные роды сокращеній (аббревіатуръ) и вязи (лигатуръ), а также специальныхъ знаковъ, употребляемыхъ медиками и художниками. Шестая книга прямо касается греческой дипломатики; здѣсь идетъ рѣчь о золотыхъ печатяхъ на царскихъ грамотахъ (хрисовулахъ), о серебряныхъ и восковыхъ печатяхъ, предлагаются образцы грамотъ. Седьмая и послѣдняя книга содержитъ два трактата, не принадлежащихъ самому

¹⁾ *Cosmæ Indicopleustæ Christianorum opinio de mundo, sive Topographia christiana. О славянскихъ переводахъ см. Срезневскаго, Свѣдѣнія о малозвѣстна. памяти. XI (С.-Пб. 1867). Обществомъ Древней Письменности теперь издастъ и весь переводъ по одному изъ старинныхъ списковъ.*

Монфокоу: описаніе монастырей горы Аеонской, составленное Іоанномъ Комниномъ, врачомъ молдаво-валашскимъ, переведенное Монфокономъ на латинскій языкъ, и диссертацию одного французскаго ученаго (Bocher) о первоначальномъ алфавитѣ у грековъ и римлянъ ¹⁾ О дальнѣйшихъ трудахъ въ области греческой палеографіи намъ еще придется упомянуть; теперь замѣтимъ только, что для всѣхъ безъ исключенія точкою отправленія остается безсмертное произведеніе Монфокона. На какомъ солидномъ фундаментѣ оно было построено видно изъ находящагося въ началѣ перечисленія греческихъ извѣстныхъ Монфокоу рукописей, въ различныхъ библіотекахъ Европы: количество ихъ простирается до 11,630. 3) Мы не будемъ теперь говорить о тѣхъ сочиненіяхъ Монфокона, которыя посвящены ученицѣ замѣтимъ объ италянскихъ библіотекахъ и музеяхъ (*Diarium Italicum*, 1702 г.), а также о прочихъ клигохранилищахъ, богатыхъ рукописями (*Bibliotheca Bibliothecarum Manuscriptorum nova*, 1739), но должны два слова прибавить къ сдѣланному уже ранѣе упоминанію о подробной описи Коаленовой библіотеки. Это изданіе содержитъ въ себѣ не только точное обозначеніе содержанія каждой изъ четырехсотъ рукописей бывшей библіотеки канцлера Сегье, доставшейся его правнуку, герцогу Коалену, но описаніе сопровождается множествомъ палеографическихъ снимковъ, извлеченіями изъ не изданныхъ прежде сочиненій, наконецъ сообщеніемъ дѣльныхъ трактатовъ небольшого размѣра, но важныхъ по содержанію въ количествѣ сорока двухъ номеровъ, переведенныхъ при этомъ на латинскій языкъ ²⁾). Монументальное изданіе твореній Іоанна Златоустаго, которое собственно и опредѣлило жизненное призваніе Монфокона, послѣ продолжительныхъ подготовительныхъ работъ, стало появляться съ 1718 года и заключилось въ 1738 году тринадцатымъ томомъ. Слѣдуетъ ли говорить о достоинствахъ этого изданія? Достаточно повторить краткій отзывъ Фабриція: *nova, luculenta, castigatissima et locupletissima sancti Chrysostomi editio graecolatina* Въ числѣ 7440 напечатанныхъ сочиненій Златоуста 22 слова,

¹⁾ *Palaeographia graeca, sive de ortu et progressu Litterarum graecarum, et de variis omnium saeculorum scriptiois graecae generibus: itemque de abbreviationibus et de notis variarum artium ac disciplinarum. Aditis figuris et schematibus ad fidem manuscriptorum codicum. Opera et studio D. Bernardi de Mont-faucou Sacerdotis et monachi Benedictini e. cet. Parisiis. 1708.*

²⁾ *Bibliotheca Coisliniana, olim Segueriana, sive manuscriptorum Graecorum, quae in ea continentur, accurata descriptio—et cet. Parisiis. 1705.*

а всего до 50 сочиненій, здѣсь явились въ первый разъ. При установленіи текста, Монфоконъ и его сотрудники пользовались всѣми рукописями, какія могли быть отысканы въ Италіи и Франціи, а также безчисленнымъ множествомъ переводовъ твореній Златоуста на разныхъ языкахъ. Ученныя предисловія къ отдѣльнымъ томамъ, объяснительныя введенія къ каждому отдѣльному сочиненію—составляютъ драгоценное пособіе для уразумѣнія предмета и обстоятельствъ, къ которымъ относится то или другое произведеніе Златоуста. Хорошій и ясный латинскій переводъ замѣнилъ не совсѣмъ иногда точныя перифразы прежнихъ переводчиковъ и т. д.

Буавенъ (Jean Boivin de Villeeneuve, 1663—1726), рано потерявъ отца, былъ взятъ въ Парижъ своимъ братомъ, извѣстнымъ послѣ академикомъ, который хотя и держался своеобразной и странной методы обученія, но далъ все-таки своему брату отличное образованіе. Жанъ Буавенъ отлично выдержалъ диспутъ въ коллегіи Duplessis, при чемъ защищалъ свои тезисы по латини и по гречески, и это надѣлало тогда много шума. Онъ рано прославился какъ знатокъ древнихъ классиковъ, и его приглашали въ самые избранныя дома, чтобы читать ихъ вмѣстѣ съ нимъ. Аббатъ Лувуа, который съ 1692 года вступилъ лично въ управленіе королевскою бібліотекою (см. выше), далъ ему сейчасъ же мѣсто въ этомъ учрежденіи. Въ слѣдующемъ году появилось его изданіе древнихъ математиковъ, приготовленное и не оконченное ученымъ Тевенô (Thévenot)—съ примѣчаніями къ одному сочиненію Юлія Африкана (Καστοί). Служеніе свое въ королевской бібліотекѣ, которая тогда сдѣлалась публичною, то есть, доступною для занятій приходящихъ посѣтителей, Буавенъ ознаменовалъ составленіемъ каталоговъ латинскихъ и греческихъ рукописей; ими мы пользуемся и до сихъ поръ. При самомъ вступленіи ему удалось сдѣлать открытіе, возбуждавшее большое вниманіе ученаго міра. Бібліотека съ давнихъ поръ обладала греческимъ сборникомъ сочиненій св. Ефрема XIV вѣка, который, по наружности, не представлялъ ничего замѣчательнаго, но подъ этимъ текстомъ, собственно подъ его строками, Буавенъ замѣтилъ слѣды другаго изглаженнаго уставнаго письма. Палимпсесты въ то время были чрезвычайною новостью и рѣдкостью, а находка Буавена оказалась тѣмъ болѣе замѣчательною, что изглаженный и теперь восстановленный текстъ носилъ признаки глубочайшей древности, восходящей къ V вѣку, и заключалъ въ себѣ книги Священнаго писанія Нового и отчасти Ветхаго заветъа. На ряду съ Ватиканскимъ

и позднѣе открытымъ Синайскимъ спискомъ,—этотъ кодексъ, *Codex Ephraemi Syri rescriptus*, считается понынѣ однимъ изъ главныхъ основаній для критики Св. Писанія. По отношенію къ византійской коллекціи большую заслугу Буавена составляетъ изданіе Ромейской исторіи Никифора Григоры, писателя XIV вѣка, о которомъ сейчасъ будетъ сказано ниже.

Бандури (*dom Anselme Maria Banduri*, 1670—1748) происходилъ изъ славянскаго Дубровника (Рагузы) и въ очонь молодыхъ лѣтахъ поступилъ въ Бенедиктинскій монастырь по сосѣдству на островѣ Млетѣ (Мелитѣ); онъ жилъ затѣмъ въ Неаполѣ, гдѣ конгрегация, которой онъ сталъ членомъ, имѣла свой домъ, а потомъ ему разрѣшено было отправиться во Флоренцію, гдѣ представлялось больше средствъ для занятій наукою, къ которымъ у него пробудилась наклонность. Неизвѣстно, чѣмъ онъ привлекъ на себя вниманіе великаго герцога Тосканскаго, Козьми III, послѣдняго Медичи, сохранившаго до конца традиціи своихъ предшественниковъ временъ Возрожденія, но съ самыхъ юныхъ лѣтъ Бандури пользовался особеннымъ его расположеніемъ и покровительствомъ. Впрочемъ, своимъ талантамъ и своимъ успѣхамъ Бандури обязанъ былъ также сближеніемъ съ Монфокономъ, который узналъ его во время своего италіанскаго путешествія и, говорятъ, указалъ на него герцогу для замѣненія каведри церковной исторіи въ Пизанскомъ университетѣ, вновь тогда учрежденной. Въ 1700 году, какъ мы видимъ изъ переписки С. Жерменскихъ бенедиктинцевъ, Монфокономъ рекомендуетъ Бандури начальнику Медичейской Лаврентіанской бібліотеки, Мальябекки (*Magliabecchi*), какъ своего близкаго человѣка и проситъ оказать ему содѣйствіе со-вѣтами, наставленіями, книгами ¹⁾). Послѣ ми находимъ Бандури уже въ Парижѣ въ Сепъ-Жерменскомъ аббатствѣ, куда онъ явился съ письмами своего покровителя къ Мабилльону и Монфокопу. Изъ уваженія въ великому герцогу оба общали съ величайшимъ вниманіемъ слѣдить за дальнѣйшими успѣхами славянина-монаха въ наукахъ и добрыхъ нравахъ ²⁾). Подъ руководствомъ Монфокона Бандури изучалъ въ аббатствѣ греческій языкъ, и въ томъ же (1702) году Монфокономъ писалъ гер-

¹⁾ *Valery, Correspondance de Mabillon et de Montfaucon* III, 88. *Istum D. Anselmum, mihi perfamiliarem, ut foveas consilio, doctrina, ac bibliotheca tua etiam atque etiam rogo.*

²⁾ *Ibid.*, pag. 123 (письмо Мабилльона къ великому герцогу Тосканскому), pag. 125 (письмо Монфокона отъ 24-го февраля 1702 года), pag. 128 (письмо Мабилльона), pag. 189 (письмо Монфокона).

погу, что Ансельмъ Марія дѣлаеть чудеса, что его прогрессъ въ греческомъ языкѣ столь великъ, что онъ скоро будетъ въ состояніи работать для публики, что онъ скоро начнетъ заниматься языкомъ еврейскимъ и церковными древностями, такъ какъ обладаетъ всѣми нужными для того талантами; что вообще герцогъ не могъ лучше помѣстить своихъ милостей и покровительства, какъ обративъ ихъ на лицо, подающее столь большія надежды ¹⁾. Въ слѣдующемъ 1703 году тотъ же Монфоконъ сообщалъ Мальбаекки, что домъ Ансельмъ изъ Рагузы открылъ въ Парижѣ 140 не изданныхъ писемъ Петрарки, доставившихъ большую радость литераторамъ (*aux gens de lettres*), и что онъ серьезно занятъ изученіемъ нѣкоторыхъ греческихъ отцовъ, намѣреваясь ихъ обнародовать съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями ²⁾. Вѣроятно, рѣчь идетъ о сочиненіяхъ патріарха (Константинопольскаго VIII вѣка) Цикцифора; проспектъ ихъ изданія появился въ 1706 году. Однако, Бандури отложилъ эти свои начинанія для другихъ еще болѣе обширныхъ трудовъ; въ королевской библиотекѣ онъ открылъ нѣсколько манускриптовъ, относящихся къ исторіи города Константинополя, изъ коихъ иные были до сихъ поръ никому неизвѣстны, и рѣшился посвятить себя занятіямъ византійскою археологіею. Изданіе обширнаго сборника, посвященнаго этому предмету, такъ упрочило его репутацію, что не смотря на свое иностранное происхожденіе, онъ избранъ былъ въ члены академіи надписей (1715 г.). Нападки, которымъ трудъ Бандури тотчасъ послѣ своего выхода подвергся со стороны К. Удена (*Casimir Oudin*), автора библиографическаго сочиненія о древнихъ церковныхъ писателяхъ (*Commentarius de scriptoribus ecclesiasticis a 1722*), были вызваны простымъ недоброжелательствомъ; огорченный указаніемъ его собственныхъ, прежде сдѣланныхъ промаховъ, Уденъ не далъ себѣ даже труда надлежащимъ образомъ ознакомиться съ критикуемымъ изданіемъ. Послѣ Бандури обратился къ нумизматикѣ; извѣстенъ его трудъ, содержащій въ себѣ описаніе римскихъ монетъ отъ Траяна до Константина Палеолога: *Numismata imperatorum Romanorum* (2 vol.). Мы должны будемъ обратить особенное вниманіе на то изданіе, которое посвящено византійскимъ древностямъ и носить заглавіе „*Imperium orientale*“.

Упомянемъ еще о доминиканцѣ Лекъенѣ (1661 — 1733), какъ лицѣ, участвовавшемъ въ трудахъ по византійскимъ изданіямъ. Всту-

¹⁾ *Valery, Correspondance de Mabillon et de Montfaucon, III, 133, 140.*

²⁾ *Ibid., pag. 149.*

пять двадцати лѣтъ въ орденъ, онъ сталъ изучать еврейскій языкъ, который потомъ усвоилъ въ совершенствѣ; къ этому присоединилось знаніе греческаго и арабскаго. Когда онъ сблизился съ Мабилльономъ и его кружкомъ, то взялъ на себя наданіе твореній Іоанна Дамаскина (S. Joannis Damasceni opera omnia gr. lat. Paris. 1712. 2 vol.); два тома вышли, снабженные многочисленными комментаріями въ видѣ диссертаций; третій, долженствовавшій содержать сочиненія ложно приписываемыя Дамаскину, не былъ изданъ. Только по смерти Лекьена появился въ свѣтъ и другой громадный его трудъ, посвященный христіанскому Востоку (*Oriens christianus*), составляющій подражаніе бенедиктинскому образцу „*Gallia christiana*“. Лекьену было также поручено разсмотрѣніе и приготовленіе къ печати не доконченныхъ трудовъ Комбофиза; по ожиданію, возбужденныя первыми извѣстіями о драгоцѣнныхъ матеріалахъ, имѣющихъ выйдти въ свѣтъ, но были оправданы¹⁾. — Переходимъ къ ближайшему обзрѣнію самыхъ изданій, наиболѣе для насъ важныхъ.

Буавенъ началъ свои занятія Григоріемъ по указанію и подъ руководствомъ Дюканжа; къ его увѣщаніямъ присоединилась воля аббата Лувуа (Камилла Летелле), начальника королевской бібліотеки. Буавенъ долженъ былъ перевести на латинскій языкъ шесть книгъ исторіи Григоры, вновь отысканныхъ въ Парижской бібліотекѣ и составляющихъ продолженіе того, что было ранѣе издано Вольфомъ: предполагалось, что можно будетъ оставить безъ перемѣнъ одиннадцать книгъ, обнаруженныхъ Вольфомъ, прибавить то, что нашлось въ рукописи королевской бібліотеки, и все вмѣстѣ выпустить въ свѣтъ безъ замедленія. Но вскорѣ послѣ того, какъ Буавенъ взялся за свою работу, погасъ, по его выраженію, „свѣтильникъ византійской исторіи“, то-есть, умеръ Дюканжъ, едва успѣвъ просмотрѣть одну изъ шести вновь приготовляемыхъ къ изданію книгъ. Лишившись руководителя, но восполняя недостающее усердіемъ и трудомъ, Буавенъ все-таки исполнилъ первоначальную свою

¹⁾ Монеоконъ писалъ въ 1703 году во Флоренцію (*Valery III, 150*), что Лекьенъ уже печатаетъ посмертные труды Комбофиза. Весьма любопытны свѣдѣнія о предполагавшемся содержаніи изданія. Тутъ между прочимъ должны были появиться двѣ рѣчи Пселла на патріарха Михаїла Керуларіа; въ одной онъ говоритъ о немъ съ похвалою, а въ другой осмѣиваетъ его бранью, обвиняя въ суетвѣри, идолопоклонствѣ, челоуѣкоубійствѣ и т. д. Первая теперь издана, о второй точнѣйшихъ свѣданій мы должны ожидать отъ молодого русскаго ученаго, занимающагося Пселломъ, П. В. Везобразова.

задачу, перевелъ шесть не переведенныхъ доселѣ книгъ Григоры. Война за испанское наслѣдство, столь тяжелая и разорительная для Франціи, послѣдовавшая затѣмъ смерть маркиза Летеллье, были причиною того, что всякія заботы о продолженіи византійской коллекціи, въ частности объ изданіи Григоры, на время были отложены; тѣмъ не менѣе Буавенъ не переставалъ заниматься заинтересовавшимъ его предметомъ; и вотъ, пересматривая каталоги различныхъ библиотекъ, онъ увидѣлъ, что исторія, написанная въ XIV вѣкѣ Григоромъ, была гораздо обширнѣе, чѣмъ даже рукописный ему указанный экземпляръ королевской библиотекы, не говоря о печатномъ. У Лабба онъ нашелъ свѣдѣніе объ эскуріальскомъ спискѣ, заключающемъ въ себѣ 29 книгъ; вскорѣ затѣмъ въ самой Парижской королевской библиотекѣ отыскался кодексъ, имѣвшій 28-ю и 29-ю книгу историческаго и дальнѣйшія богословскаго содержанія; затѣмъ Мабильонъ сообщилъ о ватиканскомъ спискѣ Ромейской исторіи, въ которомъ послѣдняя книга обозначалась цифрою 38. Итакъ, не шесть книгъ предстояло прибавить къ старому изданію, а почти втрое болѣе.

Послѣ заключенія мира вспомнили о прерванныхъ ученыхъ работахъ. Буавенъ приписываетъ возбужденіе прежняго участія къ изданію византійцевъ канцлеру Поншартрэну и ого родственнику королевскому библиотечарю, аббату Виньону (Vignon). Виньонъ съ горестью смотрѣлъ на то, что знаменитые луврскіе греческіе шрифты, по извѣстству не имѣвшіе себѣ ничего равнаго, остаются праздными. Связанный издавна дружескими отношеніями съ Буавеномъ, онъ тотчасъ послѣ заключенія мира предложилъ приступить къ печатанію Григоры. Первый томъ, долженствовавшій содержать въ себѣ одиннадцать книгъ, уже изданныхъ прежде Вольфомъ, со всѣмъ былъ готовъ и тотчасъ же могъ быть отправленъ въ типографію. Но не слѣдуетъ думать, чтобы Буавенъ не приложилъ къ нему своего труда; напротивъ — при помощи бывшихъ у него подъ рукою списковъ, которые тоже заключали въ себѣ эту часть Ромейской исторіи, онъ восполнилъ не малое количество пропусковъ, сдѣлалъ многое для исправленія и улучшенія текста. Латинскій переводъ Вольфа оказался не вполне удовлетворительнымъ, главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что онъ былъ слишкомъ вольнымъ; Буавенъ постарался сдѣлать его болѣе близкимъ къ подлиннику, такъ чтобы передавался не только смыслъ, но и слова писателя, хотя бы это было въ ущербъ легкости и доступности изложенія. Онъ не устранился всѣхъ тѣхъ крайностей многорѣчивой, запутанной и

темной риторики, предъ которыми отступилъ Вольфъ, не пожалавшій бороться съ затрудненіями. Сверхъ того, прибавлены были разныя облегченія для читателя: раздѣленіе книгъ на главы, указатели ихъ содержанія, хронологическія отмѣтки на поляхъ; а внизу страницъ помѣщены краткія примѣчанія съ указаніемъ разночтеній; болѣе обширныя—были отнесены къ концу втораго тома. Часть примѣчаній, приготовленная еще Дюканжемъ, передана была въ распоряженіе издателей его сыномъ.

Больше труда потребовалъ второй томъ, заключающій въ себѣ тринадцать дальнѣйшихъ книгъ Ромейской исторіи, въ которыхъ разказъ начинается 1341 годомъ и доводится до 1351. Первая половина его, впрочемъ, уже давно была готова, такъ какъ состояла изъ тѣхъ шести книгъ, которыя, первоначально были поручены Буавену для перевода. Текстъ ихъ приходилось издавать по рукописи королевской библіотеки; это была копія съ другаго экземпляра, приготовленная нѣмцемъ Ауеромъ (Христофоромъ) для французскаго епископа города Роде (Rhodez) Жоржа д'Арманьяка (d'Armagnac), нѣкогда правившаго посольство отъ короля Франциска I къ папѣ Павлу III. Для другой, большей половины (семи книгъ) оказалось необходимымъ обращаться въ Римъ, къ услугамъ Ватиканской библіотеки, потому что въ Парижѣ не нашлось списковъ, которые содержали бы въ себѣ эту срединную часть цѣлаго произведенія Григоры, то-есть, 18-ю—24-ю книги. При содѣйствіи бенедиктинца конгрегациі св. Мавра, Етьенно (Estiennot), который по своему званію представителя или прокурора ордена предъ папскою куріей проживалъ въ Римѣ, заказаны были на счетъ аббата Лувуа (маркиза Летеллье) нужныя копіи съ ватиканскаго кодекса. Переписаны были не только семь книгъ, вошедшихъ послѣ во второй томъ, но и еще двѣ, всего девять (отъ 18-й по 27-ю). Къ несчастію, переписчики оказались несвѣдущими и неопытными,—иныхъ нельзя было найти въ Римѣ; копія представляла столь много явныхъ несправностей, что требовалось новое ея сличеніе съ подлинникомъ, что и было исполнено чрезъ посредство ученыхъ аббатовъ А. Цаканьи (Zacagni) и Делмиро (Delmigo), завѣдывавшихъ Ватиканскою библіотекою. Буавенъ все-таки очень сожалѣлъ, что не имѣлъ возможности самъ пользоваться ватиканскимъ подлинникомъ: онъ не находилъ въ себѣ на столько увѣренности, чтобы ручаться за полное устраненіе всѣхъ промаховъ и ошибокъ, допущенныхъ въ плохой копіи. По его убѣжденію, второй томъ Григоры явился бы на свѣтъ въ гораздо

болѣе совершенномъ видѣ, еслибы ватиканскій списокъ былъ доступенъ лично ему самому. Происходящая изъ ватиканскаго кодекса часть втораго тома появилась безъ вариантовъ, потому что исправленія, указанная учеными пособниками на основаніи сличенія копій съ подлинникомъ, естественно пришлось внести прямо въ текстъ; только тѣ, которыя сообщены были повдѣе Тарномъ, помѣщены отдѣльно въ концѣ тома. Латинскій переводъ принадлежитъ Буавену, и отчасти Капероннѣ (Carpegonier).

Такимъ образомъ въ 1702 году явились два тома Григоры, содержащія въ себѣ двадцать четыре книги, и при этомъ было заявлено объ имѣющемъ выйдти продолженіи также въ двухъ томахъ. Третій томъ долженъ былъ содержать въ себѣ остальные книги Ромейской исторіи — носомъ чисто историческаго содержанія и шесть догматическаго. Четвертый томъ предназначался для различнаго рода дополненій, могущихъ служить къ разъясненію содержанія Ромейской исторіи; указывался цѣлый рядъ весьма любопытныхъ и важныхъ не изданныхъ текстовъ, среди которыхъ особое вниманіе обращаетъ большая греко-варварская поэма о крестовомъ походѣ (de bello sacro), то-есть, Морейская хроника. Нѣтъ сомнѣнія, что Буавенъ имѣлъ намѣреніе исполнить свое обѣщаніе; всякія матеріальныя къ тому препятствія были устранены тѣмъ, что въ 1699 году датскій ученый Ростгаардъ (Rostgaard) принесъ въ даръ аббату Лувуа, начальнику королевской бібліотеки, копию всѣхъ дальнѣйшихъ историческихъ книгъ Ромейской исторіи по ватиканскому списку, при помощи которой можно было восполнить недостающее въ парижскихъ экземплярахъ. Но по той или другой причинѣ произошла остановка: третьяго тома совсѣмъ не появлялось до настоящаго столѣтія, а значительная часть pieces, предназначенныхъ для четвертаго, была передана самимъ Буавеномъ для напечатанія его современнику Бандурн. Біографъ Буавена, Возъ (de Voze), утверждаетъ, что столь трезвому и здравомыслящему челоуѣку, какимъ былъ Буавенъ, въ концѣ концовъ опротивѣли литературные приемы византійскаго писателя, его холодная и скучная декламация, частыя повторенія и всѣ его дурно подобранныя фигуры, а съ другой стороны—онъ сообразилъ, что остающаяся часть произведенія Григоры выгодно возмѣщается сочиненіемъ Кантакузина, описывающимъ то же самое время. Такое объясненіе можетъ имѣть силу развѣ только въ отношеніи къ чисто богословскимъ и полемическимъ книгамъ, въ которыхъ Григора излагаетъ свои споры и состязанія съ папалами, но въ отношеніи къ историческимъ отдѣламъ представляется

крайне сомнительнымъ въ виду очень любовнаго отношенія Буавена къ своему предмету. Объ этомъ любовномъ отношеніи свидѣлствуютъ тѣ вводныя статьи, которыми сопровождалось изданіе первыхъ томовъ. Кромѣ обычнаго предисловія (Praefatio), мы находимъ здѣсь біографію Григоры, списокъ его сочиненій и отзывы о немъ (elogia) современниковъ и повдѣйшихъ писателей. Біографія составлена съ большимъ тщаніемъ и не есть простое механическое сопоставленіе разныхъ выписокъ, а представляетъ связанное изложеніе, основанное на глубокомъ изученіи не только произведеній Григоры, но и всей доступной современной ему литературы, при чемъ для подтвержденія высказываемаго въ текстѣ употребляются простыя общія теперѣ ссылки. Какъ въ текстѣ, такъ и въ цитатахъ, нерѣдко указываются не изданные матеріалы, преимущественно сообщенные Монфокономъ. Списокъ сочиненій Григоры составленъ также при дѣятельномъ содѣйствіи Монфокопа, сообщившаго данныя, имъ собранныя въ Ватиканской бібліотекѣ. Извѣстно, что Григора былъ одинъ изъ наиболѣе плодовитыхъ и разностороннихъ писателей XIV вѣка. Философія, богословіе, литература, естественныя науки, астрономія, все привлекало его вниманіе; нѣтъ ни одной вѣтви человѣческаго знанія, которой не касалась бы его мысль, его быстрое и ловкое перо. Длинный каталогъ Буавена, вѣроятно, все-таки не полонъ, но просматривая его, приходишь къ мысли, что тутъ есть весьма много интереснаго и важнаго особенно въ перепискѣ, только неизвѣстно, когда все это будетъ обнародовано. Въ Elogia помѣщено 27 статей, содержащихъ въ себѣ отзывы о характерѣ и мнѣніяхъ Григоры со стороны друзей и враговъ его при жизни и по смерти; кромѣ отзывовъ Кантакузина, они извлечены большею частью изъ рукописей ватиканскихъ и сообщены Монфокономъ; между прочимъ тутъ есть полезныя свѣдѣнія для исторіи споровъ о Фаворскомъ свѣтѣ. Не смотря на свою незаконченность, изданіе Ромейской исторіи Григоры принадлежитъ, несомнѣнно, къ наиболѣе цѣннымъ и достойнымъ частямъ Луврской коллекціи византійцевъ, какъ это признано позднѣйшими изслѣдователями, и даже нѣмецкимъ редакторомъ Бонискаго изданія ¹⁾. Сочиненіе Григоры, относящееся, какъ извѣстно, ко времени Палеологовъ и Кантакузина, къ періоду первыхъ турецкихъ завоеваній, къ

¹⁾ См. статью *Harizo* (V. Parisot. Notice sur le livre XXXVII de Nicephore Gregoras avec une traduction française et des notes—въ Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque nationale de France, tom. XVII. 1851).

эпохѣ критической для судьбъ Балканскаго полуострова, имѣеть чрезвычайную важность и для славянской, въ частности для сербской исторіи, такъ какъ касается времени Стефана Душана. Ромейская исторія послужила главнымъ источникомъ для извѣстнаго большого и капитальнаго русскаго труда, посвященнаго этому предмету проф. Флоринскимъ; тамъ можно найти многія указанія и на цѣнность показаній Григоры сравнительно съ автобіографическими и самооправдательными сообщеніями императора Іоанна Кантакузина ¹⁾. Драгоценный отрывокъ, относящійся къ русской исторіи, касающійся избранія въ митрополиты Алексѣя, съ упоминаніемъ объ Ольгердѣ Литовскомъ, еще не заключался въ изданіи Буавена.

Выдающееся и особенное положеніе въ Парижской коллекціи занимаетъ большой трудъ Бандури. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ однимъ какимъ-либо историческимъ произведеніемъ, посвященнымъ обзорѣнію событій извѣстной эпохи или опредѣленнаго періода, а съ цѣлымъ рядомъ болѣею частью мелкихъ статей и различныхъ компиляцій на греческомъ языкѣ, объединяемыхъ только тѣмъ общимъ представленіемъ, что всѣ они касаются устройства и управленія, быта, церковныхъ и гражданскихъ порядковъ въ имперіи, и особенно служатъ къ ознакомленію съ сохранившимися, а равно и исчезнувшими памятниками столицы византійской, другими словами съ древностями Константинополя и цѣлой имперіи за весь ея христіанскій періодъ. Стоящее во главѣ сборника заглавіе хорошо указываетъ на его содержаніе, отчасти историко-географическаго или историко-топографическаго характера, отчасти археологическаго ²⁾.

Изданіе посвящается Козимо III, великому герцогу Тосканскому,

¹⁾ Д. Т. Флоринскаго Южные славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка. С.-Петербургъ. 1882; см. особенно I, 124. Раньше пользовался Григору И. Е. Троицкій въ своемъ трудѣ: Арсеній, патріархъ Никейскій и Арсеніаты. С.-Пб. 1873.—Биографическія данныя о Григорѣ въ статьѣ г. Качановскаго „Византійскіе летописцы, какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ, въ періодъ паденія ихъ самостоятельности“ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1878 г.) заимствованы у Буавена, но изложены неудовлетворительно.

²⁾ Imperium orientale sive antiquitates Constantinopolitanae in quatuor partes distributae, quae ex variis scriptorum graecorum operibus et praesertim ineditis adornatae, Commentariis, et Geographiis, Topographiis, aliisque quam plurimis monumentorum ac nomismatum tabellis illustrantur, et ad intelligendum cum sacrae tum profanae historiae apprime conducunt. Opera et studio Domni *Anselmi Banduri* Ragusini. Presbyteri ac monachi Benedictini e congregatione Melitensi. Parisiis, MDCXXI.

покровительствомъ котораго составитель постоянно пользовался съ самаго начала своихъ ученыхъ занятій и которому обязанъ всѣми своими успѣхами; притомъ потомку тѣхъ государей, у которыхъ находили себѣ убѣжище въ бѣдственное время Восточной имперіи Палеологи, Ласкарисы, Хризолоры, Газы, Трапезунтіи, Марулли и т. д. Въ другомъ мѣстѣ (именно при второмъ томѣ) воздается благодарность кардиналу d'Estrées, аббату Сень-Жерменскому, любителю наукъ, относившемуся благосклонно къ трудамъ Бандури, затѣмъ посламъ герцога Тосканскаго во Франціи, Сальвиати и Барди, и Бернарду Монфокону, совѣты и примѣръ котораго служили наилучшимъ поощреніемъ во всѣхъ ученыхъ предпріятіяхъ автора. Въ предисловіи (Praefatio) къ первому тому объясняется поводъ, по которому Бандури обратился къ древностямъ Константинополя. Девять лѣтъ тому назадъ, занимаясь въ Парижской королевской библіотекѣ, онъ попалъ на одинъ греческій кодексъ (№ 3058, теоръ 1783), содержавшій въ себѣ *Patria* или *Origines Constantinopolitanae*, и скоро замѣтилъ, что это сочиненіе писано около 350 лѣтъ ранѣе Кодица, притомъ по совершенно другой системѣ. Освѣдомившись у хранителей (*custodes*) библіотеки, онъ узналъ, что кодексъ этотъ поступилъ въ нее нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Дюканжа и оттого остался ему неизвѣстнымъ. По совѣту знакомыхъ ученыхъ онъ рѣшился взять на себя изданіе любопытнаго творенія, къ переводу котораго приступилъ тотчасъ послѣ ознакомленія съ нимъ; ради того онъ отложилъ занятія сочиненіями патріарха Никифора, хотя уже и былъ обнаруженъ проспектъ ихъ изданія. Нашлись и другія піесы родственнаго содержанія съ вновь найденною; Бандури сначала думалъ напечатать все въ одномъ томѣ; но количество матеріала постоянно увеличивалось, и *Coignard*, королевскій типографчикъ и парижскій книгопродавецъ, взявшій на себя издержки печатанія, сталъ просить, чтобы изданіе было раздѣлено на два тома. Имѣлось въ виду помѣстить въ немъ сочиненія Константина Багрянороднаго о *Темахъ* и *De administrando imperio*, сочиненія Василія Македонянина и еще нѣкоторыя другія: то, что было изъ нихъ ранѣе обнаружено, было вновь сличено по рукописямъ и уже ранѣе предположено было къ новому изданію, но только въ другое время и въ иномъ мѣстѣ. Сверхъ того, въ королевскомъ кабинетѣ и въ собраніи извѣстнаго Фуке Бандури изучалъ византійскую нумизматику и, сверхъ ожиданія, убѣдился, что большая часть находящихся здѣсь монетъ осталось неизвѣстною для Дюканжа, такъ что онъ зналъ едва деся-

тую часть ихъ. Впрочемъ Бандури не считъ необходимымъ теперь же издавать описаніе этихъ монетъ, потому что они не составляли первостепеннаго источника для византійской исторіи, при томъ рядъ ихъ начинался ранѣ основанія Константинополя.

Первый томъ подраздѣляется на три части и содержитъ въ себѣ слѣдующія, отчасти не изданныя, отчасти прежде изданныя сочиненія.

1) Первая часть начинается сочиненіемъ Константина Багрянороднаго: „О Ѳемахъ восточныхъ и западныхъ“. Бандури имѣлъ подъ рукою прежнія изданія Бонавентуры Вулканія и Федерика Мореля, но сличилъ изданный текстъ съ кодексомъ королевской библіотеки, писаннымъ, по его замѣчанію, на бомбицинѣ, за 500 лѣтъ, то-есть, около 1200 года (разумѣется № 243, теперь 854); онъ сдѣлалъ новый латинскій переводъ сочиненія и прибавилъ комментарій, отчасти историческаго, но преимущественно географическаго содержанія, въ сущности довольно скудный, потому что въ то время еще не было яснаго сознанія о важности, задачахъ и трудностяхъ средневѣковой топографіи сравнительно съ древнею. Первый примѣръ болѣе тщательнаго изученія въ этой области принадлежитъ Тафелю ¹⁾.

За темами слѣдуетъ Си некдемъ или Путеводитель (comes peregrinatoris) Герокла, гдѣ перечисляются провинціи и города, подвластныя Восточному императору: первыхъ 64, вторыхъ 935 ²⁾.

Это сочиненіе, относящееся ко времени Юстиніана, списалъ съ рукописи Ватиканской библіотеки еще Лука Голстенъ; онъ же сличилъ копію съ тремя другими манускриптами (двумя Фарнезскими и Altempstanus), и обѣщалъ издать съ присоединеніемъ латинскаго перевода вмѣстѣ съ сочиненіемъ Константина Багрянороднаго De administrando imperio, какъ о томъ заявлено было Ф. Лаббомъ въ его извѣстномъ Apparatus. Однако обѣщаніе осталось не исполненнымъ, и по смерти Голстена приготовленный къ изданію трудъ со всѣми бумагами знаменитаго ученаго поступилъ въ Барберинскую библіотеку, гдѣ и оставался до тѣхъ поръ, пока не взялся за дѣло Эмман. Шельстратенъ (Schelstrate), ученый фламандецъ, переселившійся въ Римъ и достигшій здѣсь званія префекта Ватиканской библіотеки,

¹⁾ Constantin. Porphyrog. de Provinciis regni Byzant. Ed. Tafel. Tubingae. 1847.

²⁾ Ἱεροκλῆος γραμματικῆς Συνέκδηρος: затѣмъ въ заглавіи прибавлено указаніе на число епархій и городовъ; нужно при этомъ замѣтить, что итогъ послѣднихъ не вѣренъ: ихъ всего перечислено до 912.

одинъ изъ усердныхъ корреспондентовъ Мабилльона; онъ напечаталъ въ 1697 году изготоленный Голстономъ текстъ и переводъ во второмъ томѣ своихъ древностей (*Antiquitatis ecclesiae t. II, appendix ad opus geographicum*); при этомъ Шельстратенъ высказалъ въ предисловіи невѣрные предположенія относительно неполноты и неподлинности дошедшей до насъ редакціи Синекдема, будто бы имѣвшей во время Константина Багрянороднаго другой видъ. Бандури показавъ, что Шельстратенъ неправильно понялъ ссылку Константина („въ темахъ“). Ошибка заключалась въ томъ, что Шельстратенъ считалъ выписку изъ Герокла у Константина гораздо болѣе длинною, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ; вслѣдствіе этого онъ приписалъ Героклу то, что принадлежитъ уже самому Константину, и чего, понятно, не могло быть въ издаваемомъ имъ текстѣ. Еще ранѣе того, хотя и не вполне, сочиненіе Герокла издаваемо было при Священной географіи (*Geographia sacra*) Карломъ и S. Paulo. Послѣ Бандури Синекдемомъ Герокла занимались Весселингъ, Тафель и Партей; послѣднему принадлежитъ наилучшее изданіе ¹⁾.

2) Вторая часть заключаетъ въ себѣ прежде всего другое болѣе обширное сочиненіе Константина Багрянороднаго *De administrando imperio*, которое одинъ разъ уже было издано, но, какъ мы знаемъ, несовсѣмъ исправно Меурсіемъ. Для новаго изданія Бандури сдѣлалъ слѣдующее: онъ, во первыхъ, сличилъ напечатанный текстъ съ пергаментнымъ спискомъ королевской бібліотеки, о которомъ утверждаетъ, что онъ былъ писанъ около пятьсотъ лѣтъ назадъ и отличается высокимъ достоинствомъ (*optimae potae*); на основаніи этого сличенія онъ исправилъ множество невѣрныхъ чтеній, *innumerales mendas*, которыми изобиловало изданіе Меурсія, возстановилъ испорченныя и неполныя мѣста, которыхъ тоже было тамъ не мало, а главы 23-ю и 24-ю объ Иберіи или Испаніи, оставленныя Меурсіемъ безъ перевода, какъ крайне испорченныя и непонятныя, исправилъ такъ, что полученъ былъ удовлетворительный смыслъ и сдѣлался возможнымъ переводъ: да и вообще переводъ былъ пересмотрѣнъ и, гдѣ нужно, исправленъ. Наконецъ, Бандури прибавилъ объяснительныя примѣчанія, которыя, впрочемъ, помѣщены во второмъ томѣ. Объ установленномъ у Бандури текстѣ столь важнаго для славянской и

¹⁾ Hiercolis Synedemus et notitiae graecae episcopatum. Ex recognitione G. Partkey. Berolini. 1866. Редакція Весселинга и его обширные комментаріи перепечатаны при Боннскомъ изданіи сочиненій Константина Багрянороднаго.

русской исторіи источника, какимъ служитъ сочиненіе Константина De administrando imperio, мы можемъ сказать только то, что дѣйствительно парижская рукопись, по которой оно было во второй разъ издано (№ 2661, теперь 2009), принадлежа XII столѣтію (такъ и по новѣйшему опредѣленію Кобета), несравненно превосходить древностью и авторитетностью Палатинскій списокъ Антонія Эпарха, которымъ пользовался Моурсий (Vatic. Palat. № 126), и что редакція, установленная Бандуриемъ, остается неизмѣнною до нашего времени. Зная, однако, условія, при которыхъ трудился Бандури, то-есть, отсутствіе строгихъ и научныхъ занятій палеографіей, и все-таки подчиненное отношеніе къ прежнему изданію, которое было положено въ основу не смотря на ого признаніе недостатки, мы никакъ не можемъ быть увѣрены, что всѣ собственныя имена, которыя здѣсь встрѣчаются, начиная съ названія Кіева (Sambatas) и кончая печенѣжскими племенами, прочитаны были совершенно правильно. По крайней мѣрѣ одинъ извѣстный намъ случай небольшой провѣрки, сдѣланной знаменитымъ голландскимъ филологомъ Кобетомъ и касавшейся того мѣста, гдѣ говорится о днѣпровскихъ порогахъ, привелъ къ такому результату, который дѣлаетъ желательнымъ новый и полный пересмотръ текста по рукописи парижской ¹⁾.

Затѣмъ слѣдуютъ діакона Агапита „Увѣщательныя главы къ императору Юстиніану“ ²⁾, сочиненіе, много разъ издававшееся (прежня изданія перечислены у Бандури: первое было сдѣлано Іоакимомъ Камераріемъ, послѣднее Бернардомъ Дамке изъ Гамбурга въ 1633 г.), и очень цѣнимо самимъ Бандури: онъ находитъ, что какъ сочиненіе Агапита, такъ и нижеслѣдующій трудъ Василія Македонянина, чрезвычайно важны по содержанію и даже по изложенію; стиль перваго произведенія аттической, какъ у Исократы и Григорія Назіанзина, которымъ и Агапитъ и Василій всего болѣе подражали. Похвалы, конечно, весьма преувеличенныя; равнымъ образомъ тре-

¹⁾ См. *Mnemotyne*, Bibliotheca philologica batava, Nova series IV, p. 378—382. Вмѣсто *Στρούβουον* — названіе седьмого порога — Кобетъ прочиталъ *Στρούβουον*; этимъ разночтеніемъ воспользовался Томксенъ въ сочиненіи „The relation between Ancient Russia and Scandinavia“ (Oxford, 1877). Д. И. Иловайскій, полагая, что новое чтеніе только напрасно колеблетъ придуманное имъ русское объясненіе имени седьмого порога, относитъ въ своихъ „Разысканіяхъ“ къ поправкѣ Кобета съ неудовольствіемъ и насмѣшкою, но совершенно напрасно.

²⁾ *Ἐκθεσις κερφαίων παρανετιχῶν σχεδιασθείσα παρὰ Ἀγαπίτου διακόνου τῆς μεγάλης ἐκκλησίας* и т. д.

буетъ повѣрки и другое мнѣніе Бандури, будто третьимъ источникомъ для Агапита и Василия послужило известное сказаніе о Варламѣ и Іоасафѣ: еслибы оно оказалось вѣрнымъ, то дало бы хорошій ключъ къ рѣшенію спорнаго вопроса о времени появленія греческой редакціи этого первоначально буддійскаго произведенія. Бандури настаиваетъ на томъ, что даже употребленіе акростиха и другихъ подобныхъ приемовъ, отличающихъ издаваемые имъ поучительныя главы, не есть что-либо новое, но что оно встрѣчается уже у древнихъ (приводятся примѣры). Текстъ Агапита былъ вновь сличенъ по двумъ рукописямъ королевской бібліотеки; сверхъ готоваго латинскаго перевода, прибавлены краткія примѣчанія.

Василія императора Греческаго увѣщательныя главы къ его сыну Льву¹⁾. И эта небольшая піеса была уже издаваема Федерикомъ Морелемъ и Бернардомъ Дамке. Бандури сдѣлалъ поправки въ текстъ на основаніи сличенія двухъ кодексовъ, а также улучшилъ латинскій переводъ.

Θεοφιλάκτα Болгарскаго „Царское воспитаніе“, *Institutio regia*²⁾: издано было разъ по медичейскому списку Поссиномъ, по видѣ луврской коллекціи; текстъ и латинскій переводъ оставлены безъ перемѣтъ, прибавлены только небольшія примѣчанія.

3) Третья часть перваго тома посвящена собственно древностямъ Константинополя и въ свою очередь раздѣляется на восемь книгъ, изъ коихъ каждая имѣетъ комментарий во второмъ томѣ.

При занятіяхъ относящимися сюда памятниками Бандури имѣлъ предшественниковъ въ лицѣ П. Жюля, Меурсія (его комментарий къ сочиненію Кодина о зданіяхъ), Ламбека и особенно Дюканжа, котораго онъ называетъ отцомъ византійской исторіи. Не соперничать съ послѣднимъ думалъ Бандури, хотя все-таки допускалъ и у него возможность ошибокъ, такъ какъ никакое человѣческое дѣло не можетъ быть совершеннымъ, но избралъ себѣ другой путь и другой методъ изученія. Дюканжъ составлялъ систематическое обозрѣніе на основаніи наличныхъ источниковъ, преимущественно изданныхъ, Бандури поставилъ себѣ задачей собраніе матеріаловъ и новое ихъ изданіе въ цѣльномъ видѣ, имѣлъ въ виду преимущественно не изданное доселѣ. Первые четыре книги

¹⁾ Βασιλείου τοῦ Ρωμαίων βασιλέως κεφάλαια παρανετικά ζς (66) πρὸς τὸν αὐτοῦ υἱὸν Λέοντα.

²⁾ Τὸ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Θεοφιλάκτου ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας παιδεία βασιλική πρὸς κορφυρογέννητον Κωνσταντῖνον.

отдѣла константинопольской древности всѣ заимствованы изъ сборника королевской библиотѣки, поступившей въ нее, какъ сказано выше, по смерти Дюканжа. Онъ содержитъ въ себѣ *Patria seu Origines Constantinopolitanas*, съ небольшимъ ямбическимъ стихотвореніемъ впереди, обращеннымъ къ императору Алексѣю Комнину, которому авторъ посвящаетъ свой трудъ, затѣмъ каталогъ римскихъ императоровъ отъ Юлія Кесаря до Михаила Палеолога, перечисленіе императорскихъ гробницъ въ храмѣ Апостоловъ и въ различныхъ столичныхъ монастыряхъ, сокращеніе (*compendium*) ветхозавѣтной исторіи—безъ конца, списокъ чиновъ Константинопольскаго двора, писанный новою рукою, списокъ патріарховъ въ стихахъ той же руки—съ изображеніемъ патріарха Іосифа, современника Флорентійскому собору, что даетъ основаніе и составленіе его относить къ первой половинѣ XIV вѣка; приложены и другія изображенія, очень грубо исполненныя (Мануила и Іоанна Палеологовъ, Константина и Елены, Іоанна Крестителя: послѣдній на переплетѣ); всѣ они воспроизведены на одной таблицѣ при второмъ томѣ изданія. Имя автора древностей (*Патрія*) не извѣстно, но изъ посвяжительнаго стихотворенія видно, что онъ жилъ въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка, при Алексѣѣ Комнинѣ, и по своему званію былъ монахъ, такъ какъ съ особеннымъ усердіемъ выставляетъ на видъ щедрость императора къ вноческому чину. Итакъ, онъ жилъ на 350 лѣтъ ранѣе Кодина; этотъ послѣдній у него много заимствовалъ. Порядокъ у него другой, чѣмъ у Кодина; Кодинъ перечисляетъ зданія Константинополя, не наблюдая никакой системы; напротивъ, Анонимъ раздѣляетъ городъ на три стороны или части: первая—начиная отъ дворца Халки и отъ Мидія до Золотыхъ воротъ, вторая—отъ Тциканистерія, церкви Одигитріи и Манганъ до Влахерны, третья—отъ храма Сергія и Вакха, дворца Софіановъ до западныхъ стѣнъ Большихъ воротъ (въ подлинникѣ здѣсь нѣкоторая неясность, разъясняемая Г. С. Деступисомъ въ ниже названной статьѣ); каждая часть описывается въ отдѣльной книгѣ, или главѣ; въ третьей, кромѣ того, говорится о дворцахъ и монастыряхъ подгородныхъ и по ту сторону Золотаго рога (въ Перѣ); въ четвертой особой книгѣ, Анонимъ сообщаетъ о построеніи Софійскаго храма. Къ изданію этого вновь открытаго памятника, составляющаго наиболѣе цѣнную часть всего отдѣла, Бандури относился съ величайшимъ вниманіемъ. Онъ привлекъ къ сравненію и въ пособіе для установленія его текста еще иные, до сихъ поръ мало изученные, сборники, подробно описанные во вто-

ромъ томѣ, впрочемъ, отмѣченныя и Буавеномъ въ составленномъ имъ каталогѣ; это были Colbertinus, № 3607 (теперь 1788) и другой королевскій Regius № 3058^a (теперь 1782), содержащіе въ себѣ Пάτρια въ особыхъ редакціяхъ.

О той редакціи, которая заключается въ послѣднемъ, Буавенъ полагалъ, что она принадлежитъ автору, жившему въ началѣ XI вѣка, такъ какъ построеніе храма св. Софїи здѣсь полагается за 458 лѣтъ назадъ. Но Вандури (II, 454) не соглашается съ этимъ опредѣленіемъ; по его мнѣнію, только данное мѣсто съ упоминаніемъ о св. Софїи, какъ это часто бываетъ у компиляторовъ, выписано буквально изъ другаго автора, дѣйствительно принадлежавшаго началу XI столѣтія; въ прочихъ мѣстахъ текстъ представляетъ явное тожество съ обычнымъ текстомъ Кодина, хотя вообще полнаго сходства нѣтъ ни съ Коудиномъ, ни съ вновь найденнымъ Анонимомъ. Переписанъ этотъ сборникъ рукою нѣкоего Пасхазія около 1320 года. Кольбертинскій кодексъ содержитъ въ себѣ описаніе Константинополя и св. Софїи, но не въ полномъ видѣ, такъ какъ многихъ листовъ недостаетъ, другіе перемѣшаны перештатникомъ, перепутавшимъ порядокъ. Джканжъ, который пользовался сборникомъ въ своемъ Христіанскомъ Константинополѣ, этого безпорядка не замѣтилъ, потому часто не различаетъ двухъ отдѣловъ или даже двухъ особыхъ сочиненій. Онъ далѣе догадывался, что сочинитель жилъ при Константинѣ Дукѣ (во второй половинѣ XI столѣтія), но онъ ошибался, ибо, по замѣчанію Вандури, не читалъ подъ рядъ всего сочиненія; иначе онъ долженъ былъ бы обратить вниманіе на то мѣсто, гдѣ говорится о расширеніи и реставраціи Софїйскаго храма при Андроникѣ Комнинѣ Палеологѣ; да и рукопись, носящая признаки авторскаго автографа, принадлежитъ XIII вѣку. То мѣсто, въ которомъ упомянуто о Константиинѣ Дукѣ, представляетъ заимствованіе изъ Анонима, открытаго Вандуриемъ. Вообще разобратъ въ различныхъ редакціяхъ подобнаго рода компиляцій, имѣющихъ обыкновенно большое распространеніе, бываетъ весьма трудно. Самъ Анонимъ Вандурія представляетъ компиляцію изъ разныхъ источниковъ, Гесихія Милетскаго, Христофора, сына Паниска, который упоминается у Свиды, хроникъ Александрійской или Пасхальной, Теофана, Кедрина и т. д. Вандури чрезвычайно много сдѣлалъ для разъясненія критическихъ вопросовъ, касающихся даннаго рода произведеній, но еще и до сихъ поръ тутъ не все ясно; открываются вновь очень важныя и древнія редакціи, остающіяся пока не издан-

ными ¹⁾. О значеніи комментарія, который присоединенъ Бандуриемъ къ его Анониму во второмъ томѣ изданія, для изученія топографіи Константинополя—рѣчь будетъ ниже.

Какъ сказано, четыре книги Анонима считаются у Бандури за четыре книги его третьей части (pag. 1—80). Пятую книгу составляетъ другая безымянная компиляція такого же содержанія, заключающая въ себѣ извлеченія изъ Евсевія, Сократа, Марцелла Анагноста, Папія, Θεодора Анагноста и другихъ, и обозначаемая въ заглавіи такъ: Παρστάσις σύντομοι χρονικά, De antiquitatibus Costantinopolitanis enarrationes chronographicae inserti auctoris. Это произведеніе уже не новое: оно было издано Ламбеціемъ при Кюдинѣ и повторено Комбефизомъ въ Manirulus. Бандури приготовилъ новый переводъ, такъ какъ переводъ Комбефиза оказывался неудовлетворительнымъ, и присоединилъ свои примѣчанія.

Шестая книга содержитъ въ себѣ нѣсколько піесъ: а) Приписываемая Никитѣ Хоніату повѣсть о статуяхъ константинопольскихъ, разрушенныхъ латинами послѣ взятія Цареграда въ 1204 году ²⁾. Эта любопытная для исторіи искусства статья отыскана была въ сборникѣ Болдеевой бібліотеки въ Оксфордѣ, содержащемъ въ себѣ другія несомнѣнные произведенія Никиты, Thesaurus orthodoxae fidei и двѣ книги исторіи; извѣстный въ свое время еллинистъ Грабе, начавшій свою ученую карьеру въ Германіи, но переселившійся въ Англію и сдѣлавшійся профессоромъ въ Оксфордѣ, прислалъ копію повѣсти Буавелу, который и намѣревался напечатать ее при четвертомъ томѣ Григоры, но теперь уступилъ честь изданія Бандури. Послѣдній замѣчаетъ, что, по указанію Ламбеція (онъ издалъ ранѣе небольшой отрывокъ изъ статьи въ своихъ примѣчаніяхъ къ Кюдину), піеса находится также въ одномъ изъ сборниковъ Ватиканской бібліотеки. Послѣ она была издаваема нѣсколько разъ, считаясь все-таки произведеніемъ историка Никиты, но, какъ разъяснено русскими учеными, безъ надлежащаго вниманія къ нѣкоторымъ возбуждающимъ сомнѣніе признакамъ позднѣйшаго происхожденія ³⁾. б) Описаніе дворца Авгу-

¹⁾ Проф. В. К. Ериштедтъ имѣетъ въ своихъ рукахъ сдѣланныя имъ самимъ извлеченія изъ ватиканской рукописи, гдѣ отрывки о древностяхъ вставлены въ житіе св. Константина Равноапостольнаго.

²⁾ Narratio Nicetae Choniatae de statu C—tanis, quas latine capta urbe confractas in monetam conflaverunt.

³⁾ Θ. Η. Успенскою, Византіійскій писатель Никита Хоніатъ изъ Хонъ (С.-Пб. 1874), стр. 140 и сл. Впрочемъ сомнѣнія высказаны были еще ранѣе

стеона Георгія Пахимера (Γεωργίου τοῦ Παχίμερη Ἐκφρασις τοῦ Αἰγυπτιακοῦ), небольшое сочиненіе (въ три страницы) было уже напечатано Буавеномъ въ примѣчаніяхъ къ Григорѣ, но только по гречески; Бандури присоединилъ латинскій переводъ и примѣчанія. с) Патріарха Фотія Описание церкви св. Богородицы новой, построенной царемъ Василиемъ Македоняниномъ¹⁾. Это есть рѣчь, произнесенная патріархомъ Фотіемъ при освященіи новой церкви, что, по замѣчанію Бандури, произошло въ четырнадцатый годъ правленія Василія, прежде чѣмъ снѣгъ его Левъ подвергся обвиненію въ злоумышленномъ стремленіи къ низложенію отца, а не послѣ того, какъ онъ былъ оправданъ и освобожденъ; Комбефизъ, издавшій піесу въ *Manripulus*, думая такъ, ошибался. d) Каталогъ и описаніе императорскихъ гробницъ въ церкви св. Апостоловъ (περὶ τῶν τάφων τῶν βασιλέων, *De sepulcris Imperatorum*) содержитъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, которыхъ не встрѣчается въ другихъ источникахъ; напимѣръ, отсюда мы узнаемъ, что дочь императора Льва Мудраго отъ Теофана, первой супруги, называлась Евдокією. e) Замѣтки о древностяхъ Константинополя (*Excerpta de antiquitatibus Constantinopolitanis*), то-есть, о статуяхъ, изображеніяхъ, а также о различныхъ церквяхъ, извлеченныя изъ одной рукописи королевской библіотеки, съ присоединеніемъ статей однороднаго содержанія, изданныхъ Ламбеціемъ при Кодицѣ. Этимъ кончается шестая книга третьей части.

Седьмая книга содержитъ въ себѣ различныя эпиграммы и стихотворенія какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ поэтовъ (*Epigrammata veterum poetarum, poemata, inscriptiones*) на важнѣйшіе памятники (monumenta) города, а также и относящіяся къ самому городу въ его совокупности, прежде всего изъ Антологіи, съ переводомъ ихъ на латинскій языкъ; переводъ принадлежитъ большей частью прежнимъ ученымъ, двѣ піесы переведены самимъ Бандури; новѣйшія эпиграммы до сихъ поръ издавались только на греческомъ языкѣ и были разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ, а теперь собраны и переведены.

Восьмая книга содержитъ въ себѣ разнаго рода каталоги—изданные и доселѣ не изданные—Константинопольскихъ патріарховъ, списки подчиненныхъ имъ епископій, а также каталоги Восточныхъ импера-

---

русскимъ переводчикомъ исторія Никиты (часть II, стр. 426), какъ это и замѣчено въ дисертациѣ О. И. Успенскаго; въ томъ и другомъ случаѣ—слишкомъ рѣшительно.

¹⁾ Φωτίου πατριάρχου Κ—πόλεως ἑκφρασις τοῦ ἐν τοῖς βασιλείοις νέας ἐκκλησίας.

торовъ, *Catalogi patriarcharum, catalogi episcopatum* и т. д. Бандуріємъ напечатаны слѣдующіе каталоги: 1) Каталогъ Никифора Каллиста, здѣсь впервые появившійся, заимствованъ изъ греческаго сборника очень обветшалаго и труднаго для чтенія (оглавленіе статей, въ немъ находящихся, помѣщено во второмъ томѣ, въ примѣчаніяхъ); списокъ патриарховъ здѣсь кончается Іоанномъ, иначе Козьмою, поставленнымъ въ 1294 и низведеннымъ въ 1304 году; продолженіе списка до Георгія (Геннадія), перваго патриарха послѣ взятія Константинополя, и затѣмъ далѣе находится уже во второмъ томѣ въ соответствующемъ мѣстѣ примѣчаній. 3) Каталогъ Леуноклавія, изданный въ *Ius graecoromanum*. 4) Каталогъ патриарховъ Матвѣя Цигалы, заимствованный изъ рѣдкаго греческаго изданія (*Nova variarum historiarum Synopsis*), отличный во многомъ отъ другихъ и болѣе подробный со времени взятія Константинополя турками, что было при патриархѣ Исаѣ, тогда убитомъ, и затѣмъ отъ Георгія Схоларія до Кирилла Лукариса и до Неофита, поставленнаго на его мѣсто въ 1636 году. 4) Каталогъ Филиппа Кипрскаго, протонотарія, составленный на основаніи различныхъ хроникъ, отличающійся тѣмъ, что становится болѣе подробнымъ послѣ взятія Константинополя и сообщаетъ при наименованіи патриарховъ турецкаго періода краткую характеристику каждого съ указаніемъ данныхъ относительно ихъ судьбы, ихъ заслугъ и ихъ трудовъ; онъ кончается Парееніемъ, заступившимъ мѣсто Кирилла Лукариса въ 1639 году. Лукарисъ нѣсколько разъ былъ низведенъ и снова возведенъ на патриаршій престолъ. 6) Списокъ епархій, подчиненныхъ Константинопольскому патриарху, приписываемый императору Андронику Палеологу, уже изданный прежде Гоаромъ. 7) Списокъ митрополій и подчиненныхъ каждой епископскихъ кафедръ съ указаніемъ, какія существуютъ до нынѣ и какія исчезли, принадлежащій вышепозванному Филиппу Кипрскому. 8) Два каталога императоровъ—первый изъ Леуноклавія, второй Матвѣя Цигалы, доведенный до султана Ахмета или до 1634 года. Наиболѣе важное значеніе въ этомъ отдѣлѣ имѣютъ списки патриарховъ, такъ какъ при опредѣленіи ихъ времени, часто необходимо для пониманія событій, весьма нерѣдко исследователь церковной или даже гражданской исторіи встрѣчаетъ непреодолимныя затрудненія. Особенно велики затрудненія становятся съ наступленіемъ турецкаго времени, когда, между тѣмъ, народная жизнь главнѣйшимъ образомъ связывается съ церковными интересами, и когда патриархи остаются признанными представителями и вождями православнаго населенія.

Множество ошибокъ происходитъ отъ того, что различные новыя писатели и даже составители каталоговъ часто смѣшиваютъ порядокъ, принимая нѣсколько одноименныхъ іерарховъ, занимавшихъ престолъ на незначительномъ другъ отъ друга разстояніи, за одно лицо, и на оборотъ — дѣлая изъ одного многихъ, когда патриархъ низведенный разъ съ престола снова былъ возвращаемъ, а это въ турецкое время съ однимъ и тѣмъ же лицомъ случалось иногда по нѣскольку разъ (съ Кирилломъ Лукарисомъ—пять разъ). Все это Вандури по возможности старался разъяснить и исправить, на основаніи собранныхъ и напечатанныхъ имъ матеріаловъ, въ примѣчаніяхъ во второмъ томѣ. Тамъ, между прочимъ, показано, въ какой степени бываютъ часто ошибочны, именно въ послѣдней своей части, каталоги Цигали и Филиппа Кипрскаго. Тамъ же перепечатанъ каталогъ, заимствованный у Лабба (въ Arragatus), и продолженъ съ Іосифа до Георгія Схоларія на основаніи болѣе точныхъ показаній Георгія Франдзи, историка тогда еще, не изданнаго въ подлинникѣ. Особую цѣну самъ Вандури придавалъ документу, полученному имъ въ самый послѣдній моментъ, когда онъ уже печаталъ послѣдніе листы комментарія къ своимъ каталогамъ; это былъ каталогъ или лучше Синописисъ, обзоръ (Σύνοψις) патриарховъ, служащій продолженіемъ къ другимъ напечатаннымъ и отчасти исправляющій ихъ въ концѣ. Синописисъ выписанъ былъ изъ кодекса патриаршей церкви въ Константинополѣ и доставленъ былъ Вандурию знаменитымъ и ученымъ аббатомъ Евсевіемъ Ренодо (Renaudotius); онъ заключаетъ въ себѣ рядъ патриарховъ съ 1594 по 1702 годъ (см. t. II, pag. 1000—1003), то-есть шель, далѣе, чѣмъ подобныя списки у Крузія въ Turcograecia и у Дороси Мономасійскаго въ его хронографіи. Стихотворный каталогъ Евфремія, о которомъ рѣчь будетъ ниже, остался для Вандури извѣстнымъ только по выпискамъ Алляція. Въ новѣйшее время изученіемъ такого рода документовъ занимались греческій ученый Маеа, нѣмецкій изслѣдователь Фишеръ и извѣстный константинопольскій собиратель, издатель и многосторонній изслѣдователь, г. Геденъ, получившій между прочимъ и изъ Россіи, отъ профессора И. Е. Тронцкаго, два рукописныхъ не изданныхъ каталога ¹⁾. Что ка-

¹⁾ Μαθῆται, Ἱστορικ. κατὰλ. Fischer, De patriarcharum Constantinopolitanorum catalogis et de chronologia octo primorum patriarcharum. Accedunt ejusmodi catalogi duo adhuc non editi. Leipzig, 1884. Продолженіе въ Commentationes Philologicae Ienenses, t. III. М. Γεδεών, Πατριαρχικοὶ Πίνακες. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1886—1887.

сается списковъ эпархій, то наиболѣе полное и критическое изданіе ихъ теперь мы имѣемъ въ книгѣ Партея, вмѣстѣ съ Синекдемомъ Герокла (см. выше).

Наконецъ, въ видѣ особаго приложенія въ концѣ перепечатаны сочиненія П. Жила о Босфорѣ Эракійскомъ и топографіи Константинополя съ нѣкоторыми улучшеніями текста и, сверхъ того, краткое описаніе города Константинополя (*Urbis Constantinopolitanae descriptio*), каковымъ онъ былъ во время Аркадія и Гонорія: эта статья уже была напечатана Панциролемъ при *Notitia utriusque imperii* и обыкновенно издается при этомъ памятникѣ ¹⁾. Примѣчанія Панцироля, не имѣющія большой важности, помѣщены тутъ же въ концѣ перваго тома.

Пужно воздать надлежащую похвалу и указателю, которымъ заключается томъ, потому что онъ составленъ съ такою тщательностію и полнотою, каковыхъ не было видно въ предыдущихъ изданіяхъ византійцевъ.

Второй томъ, предназначенный для объяснительныхъ примѣчаній къ изданнымъ въ первомъ томѣ источникамъ, не уступаетъ первому своимъ объемомъ, даже превосходитъ его и, кромѣ обыкновенныхъ разъясненій къ тексту заключаетъ въ себѣ множество новыхъ оригинальныхъ статей, отчасти имѣющихъ документальное значеніе. Важное значеніе имѣютъ также разнаго рода иллюстраціи, состоящія въ планахъ и рисункахъ.

Томъ открывается географическими картами и планами, которые занимаютъ семь листовъ: первый листъ представляетъ планъ Константинополя, раздѣленнаго на четырнадцать регионовъ (при Константиинѣ Великомъ), какъ его начерталъ Дюканжъ на основаніи древняго источника, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, такъ какъ Бандури представилъ видъ города съ окрестностями эракійской стороны по картѣ географа de Combes, хранившейся въ архивѣ мор-

¹⁾ Изданіе Seck'a было у насъ выше указано. Что касается до сочиненія Жила, то прибавимъ здѣсь слѣдующее: сочиненіе Діонисія Византійскаго, изъ котораго онъ приводитъ извлеченія и которое долго считалось потеряннымъ, наконецъ было отыскано хотя не въ полномъ видѣ между рукописями, приобретенными Парижской національной бібліотекою отъ грека Миноды Мины, и было издано Вешеромъ въ 1874 году. *Dionysii Byzantii, de Bosphori navigatione quae supersunt*—ed. *Carolus Wescher*. Paris. 1874. Ср. *Miller, Journal des Savants* 1874, pag. 200 etc. *Müller, Zum 'Ανάπλου; Βοσπόρου des Dionysios von Byzanz. Philologus*, В. XXVII (1877), 65—88.

скаго управленія. Вторая карта изображаетъ самый городъ — по Анониму (Бандурія), то-есть, раздѣленный на три части, при чемъ въ отдѣльныхъ регионахъ размѣщены названія мѣстъ и зданій, встречающихся въ означенномъ источникѣ. О недостаткахъ этого плана рѣчь будетъ ниже. Третья карта представляетъ Анаплъ (то-есть, ближайшія къ столицѣ части) Босфора Фракійскаго, начертанный Сансономъ по Жилію, который слѣдовалъ Діонисію Византійскому. Но такъ какъ этотъ планъ, по свидѣтельству знающихъ и ученыхъ людей, бывавшихъ въ Константинополѣ (между прочимъ Галланда), оказывался не вполне точнымъ, то Бандури приложилъ еще другой планъ той же самой мѣстности, составленной Комбомъ, и это будетъ — четвертый. Пятая карта заключаетъ въ себѣ опять планъ самаго Константинополя, заимствованный изъ сочиненія Бондельмонти (*Liber de insulis Archipelagi*), написаннаго въ 1422 году и уже издавнаго Дюканжемъ. Хотя этотъ планъ начертанъ, очевидно, грубымъ образомъ и не точно, все-таки онъ сообщаетъ полезныя топографическія указанія за время немногимъ предшествующее турецкому завоеванію, и потому Бандури счелъ полезнымъ вторичное его изданіе. Шестой планъ представляетъ городъ въ современномъ видѣ, то-есть, для эпохи Людовика XIV, и принадлежитъ Grelot. Седьмая таблица содержитъ видъ Геллеспонта и Пропонтиды.

Сейчасъ указанныя иллюстраціи имѣютъ прямое отношеніе, очевидно, не къ первой, а къ третьей части перваго тома, и главнымъ образомъ къ Анониму, изданіе котораго Бандури справедливо считалъ своимъ главнымъ вкладомъ по части топографіи Константинополя. Поэтому и комментаріи къ этому памятнику занимаютъ первое мѣсто во второмъ томѣ. Здѣсь главною своею задачею Бандури считалъ подтвержденіе и разъясненіе показаній Анонима подходящими мѣстами другихъ византійскихъ писателей, наданныхъ и не изданныхъ, а затѣмъ исправленіе ошибочныхъ представленій Ламбедія и самого Дюканжа, произшедшихъ отъ незнакомства съ вновь открытымъ памятникомъ. Нужно при этомъ сказать, что Бандури оказалъ дѣлу большія услуги хорошею критикою текстовъ, указаніемъ взаимнаго отношенія между Анонимомъ и Кодиномъ, а равно и другими сродными компиляторами, что онъ обнаружилъ при этомъ широкое знакомство съ византійскими и латинскими средневѣковыми текстами. Но все-таки, удачно указывая ошибки Дюканжа (напримѣръ, относительно Зевгми), Бандури и самъ не избѣжалъ довольно важныхъ промаховъ. И онъ въ свою очередь не могъ располагать чрезвычайно

важнымъ и для многихъ вопросовъ первостепеннымъ источникомъ, именно сочиненіемъ Константина Багрянороднаго о придворномъ чинѣ (*De ceremoniis*), которое было обнародовано гораздо позже по единственной рукописи, находившейся въ Италіи и въ Франціи. Впослѣдствіи Рейске, издатель означеннаго сочиненія Константина, съ такою же легкостью могъ указать заблужденія Бандури, какъ онъ самъ поправлялъ Дюканжа. Если, кромѣ того, Бандури слишкомъ преувеличивалъ значеніе своего Анонима и слишкомъ держался буквального пониманія его словъ, то и это дѣло естественное и обычное. Такъ или иначе, довольно пристально взглянуть на планъ Константинополя согласно съ Анонимомъ и сравнить его съ настоящимъ положеніемъ вещей или съ новыми планами, чтобы замѣтить большія несообразности; напримѣръ, Золотыя ворота помѣщены здѣсь въ пять разъ дальше отъ Мраморнаго моря (къ сѣверу), чѣмъ какъ они могли быть въ дѣйствительности, а соответственно съ этимъ и Студійскій монастырь откинуть слишкомъ далеко отъ моря ¹⁾. Все это основано на буквальномъ пониманіи словъ Анонима, что у Золотыхъ воротъ оканчивается средняя полоса города. Выстъ съ Г. С. Дестунисомъ пожелаемъ, чтобы кто-нибудь изъ мѣстныхъ археологовъ вновь подвергнулъ научному и систематическому разбору сочиненіе Анонима Бандуриова, чего до сихъ поръ не было сдѣлано.

Филологическія объясненія и по срединѣ часто дополняются наглядными иллюстраціями археологическаго содержанія. Отмѣчаемъ болѣе важныя: по поводу сказаній объ основаніи Константинополя приложены семь таблицъ со снимками монетъ города Византіи, какъ изъ періода ея самостоятельнаго существованія, такъ и временъ Римской имперіи.

Нѣсколько ниже (pag. 459) встрѣчаемъ изображеніе мѣдныхъ монетъ Константина Великаго, выбитыхъ въ годъ обновленія (*εὐχαινα*) Константинополя. По поводу упоминанія о патриціяхъ предлагается изображеніе Компьенскаго диптиха, пожертвованнаго Карломъ Лысымъ, и еще другаго подобнаго изъ церкви близъ Лиможа: важны они потому, что находящіяся въ нихъ фигуры даютъ наглядное представленіе присвоенныхъ означенному сану облаченій. Чрезвычайно интересны и важны рисунки барельефовъ Аркадіевой колонны въ Константинополѣ (къ стр. 502), отъ которой въ настоящее время остается только обезображенный огнемъ пьедесталъ—близъ Авреть-базара—вы-

¹⁾ Г. С. Дестуниса, *Топографія древняго Константинополя: Журн. Мин. Нар. Просв.* 1882 г., январь, стр. 26.

сотомъ около трехъ саженъ, съ камерой и началомъ лѣстницы внутри. Нѣкогда это была великолѣпная колонна въ 147 футовъ вышины, по которой снизу и до верху шли барельефы спиралью, представлявшіе триумфальную процессію императора. Еслибы памятникъ сохранился вполне, то онъ имѣлъ бы громаднѣйшій историческій интересъ. Теперь мы должны знакомиться съ нимъ только по рисункамъ, помѣщеннымъ у Вандури. О происхожденіи этихъ восемнадцати гравюръ, занимающихъ столько же листовъ, Вандури сообщаетъ въ предисловіи къ первой части (pag. XIII) слѣдующее: Въ Константиноплѣ были двѣ такого рода колонны съ барельефными изображеніями, обыкновенно называемыя *historiatae*. Мы должны вмѣстѣ съ нимъ считать доказаннымъ, что дошедшіе до насъ снимки относятся къ той, которая была воздвигнута Аркадіемъ, ибо другая, Θεοδοσία (Θεοδοσία II), по свидѣтельству Гиллія (Жилія), была разрушена Баязетомъ, такъ какъ находилась вблизи устраниваемыхъ имъ новыхъ бань, — Аркадіева же была описана Жилемъ, который даже измѣрялъ ее. Итакъ не Θεοδοσία, какъ другіе думаютъ, а Аркадіева колонна изображается на приложенныхъ къ комментарию гравюрахъ. Гравюры эти сдѣланы съ рисунковъ венеціанскаго живописца Джентиле Беллини (Gentile Bellini), который, какъ извѣстно, приглашенъ былъ въ Константинополь Магометомъ Вторымъ, провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ и, пользуясь расположеніемъ страшнаго завоевателя, могъ безопасно дѣлать всякіе снимки. Однако, сдѣланные Беллини на 18 листахъ рисунки представляли не всю колонну, потому что отъ ветхости, отъ землетрясеній, отъ пожаровъ она все-таки сильно пострадала, и есть въ ней мѣста, гдѣ барельефы пропали. Восемнадцать лѣтъ ранѣе изданія *Imperium orientale* ученый іезуитъ Менетріе (Claudius Franciscus Menestrier) издалъ рисунки Беллини въ гравюрахъ съ своими объясненіями. Такъ какъ—заключаетъ Вандури—колонна Аркадія занимаетъ первое мѣсто среди памятниковъ Константинополя, то мы и рѣшились воспроизвести самымъ точнымъ образомъ ея изображенія, по самому подлиннику Беллини (*exemplar a G. Bellino delineatum*), который хранится въ академіи живописи, приложивъ къ каждой гравюрѣ краткія объясненія фигуръ. Объясненія эти, какъ показываетъ проф. Н. П. Кондаковъ, могутъ быть, несомнѣнно удачны и правильны, и это извинительно, потому что Вандури еще не располагалъ текстами Константина Багрянороднаго о церемоніальныхъ, шествіяхъ и встрѣчахъ императоровъ, которые съ такимъ знаніемъ дѣла и остроуміемъ привлекаетъ.

въ видѣ точки отправленія нашъ ученый археологъ. Все-таки въ общемъ Бандури вѣрно понималъ дѣло и видѣлъ въ барельефахъ изображеніе триумфа съ его различными моментами: процессія войска, триумфальный въездъ императора, процессія плѣнныхъ. За подробностями мы отсылаемъ къ книгѣ проф. Кондакова, который излагаетъ съ своей точки зрѣнія содержаніе барельефовъ, не касаясь, къ сожалѣнію, наиболее интересной ихъ стороны, то-есть, изображенія варваровъ, ихъ костюмовъ, идоловъ и т. д., чего не требовала задача его сочиненія ¹⁾.

Не лишены интереса рисунки (къ стр. 631—632), заимствованные изъ Парижской рукописи IX вѣка, изображающіе поставленіе св. Григорія Назіанзивска въ опископы Константинополя, побѣду Константина надъ Максентіемъ и обрѣтеніе св. креста Еленю; далѣе (стр. 664) планъ ипподрома ранѣе вятія города турками изъ древней топографіи, уже изданный прежде Панвиніемъ и несо-всѣмъ согласный съ описаніемъ Жюля; изображеніе обелиска Феодосіева (къ стр. 666) съ барельефами, которые и воспроизводятся; треножника Аполлонова, то-есть, знаменитой Змѣиной колонны, значеніе которой оцѣнили только въ настоящемъ столѣтіи, мраморной колонны императора Маркіана и такъ называемой Порфирной колонны.

Помимо живописныхъ иллюстрацій, комментарій къ Анониму изобилуетъ не изданными важными текстами, прилагаемыми къ стати по случаю упоминанія извѣстныхъ памятниковъ, лицъ или событій. По поводу упоминанія объ еврейской синагогѣ въ Цареградѣ (стр. 614)

¹⁾ См. Н. П. Кондакова, Византійскія церкви и памятники Константинополя (въ Трудахъ VI Археологическаго съезда). Одесса. 1886, стр. 147—155. Замѣтимъ еще, что сомнѣнія о происхожденіи рисунковъ Бандури отъ извѣстныхъ очерковъ „будто бы“ Джентиле Беллини, вскользь выражаемыхъ въ примѣчаніи на стр. 148, и теперь нельзя считать окончательно устраненными. Бандури говоритъ, что онъ не повторилъ Менетріе, а обратился къ подлиннику, который находился въ академіи художествъ; но изъ любознательной книги: L. Thuaux, Gentile Bellini et sultan Mahommed II. Paris. 1888, мы видимъ (pag. 42), что оригинальныхъ рисунковъ тамъ нѣтъ, а есть только копія, по своему происхожденію относящаяся къ концу XVI или началу XVII вѣка; другая такая копія, тоже XVI вѣка, находится въ Луврѣ. Однако, Туанъ считаетъ вѣроятнымъ, что по-мимо знаменитыхъ портретовъ Магомета II, которые у него вновь воспроизводятся, Беллини дѣйствительно могъ заниматься приготовленіемъ рисунковъ съ древнихъ памятниковъ Константинополя, и притомъ именно для Лаврентія Великолѣннаго. О пребываніи Беллини въ Константинополѣ по вызову страшнаго завоевателя книга сообщаетъ новыя свѣдѣнія.

приведены три посланія патріарха Аванасія, который требовалъ отъ императора Андроника II Старшаго ея закрытія и вмѣстѣ съ тѣмъ изгнанія жидовъ изъ города. Далѣе находимъ (стр. 646) исторію перенесенія мощей первомученика Стефана въ Константинополь при царѣ Константинѣ съ описаніемъ кодекса Сентъ-Жерменскаго монастыря, гдѣ она читается (отсюда видно, что въ кодексѣ, представляющемъ миною за Августъ, находится и сказаніе объ освобожденіи Константинополя отъ нашествія аваръ и персовъ при царѣ Иракліѣ, гораздо послѣ напечатанное кардиналомъ Анджело Май по Ватиканскому списку); не изданный трактатъ объ ипподромѣ (стр. 662); не изданное житіе св. Далматія (стр. 694) въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ, а также посланія къ этому святому отъ отцовъ Ефесскаго вселенскаго собора и отъ Кирилла Александрійскаго, посланіе Далматія къ собору, слова Кирилла и Мемнона: все это по поводу упоминанія о монастырѣ Далматія въ Константинополѣ.

Комментарій къ четвертой послѣдней книгѣ Анонима потребовалъ приложенія пяти плановъ, представляющихъ внѣшній видъ и внутренность храма св. Софій: рисунки принадлежатъ художнику Грело.

Комментаріи къ дальнѣйшимъ отдѣламъ третьей части могли быть не столь подробными, потому что при сходствѣ содержанія, во всей части достаточно было отсылать читателя къ комментаріямъ на Анонима. Съ своей стороны мы должны здѣсь отмѣтить свѣдѣнія объ Іовѣ, сочиненіи, приписываемомъ Византійской императрицѣ XI вѣка, Евдокии, въ то время еще не изданномъ: Бандури (стр. 819—829) сообщаетъ его оглавленіе. Послѣднія страницы (871—872) комментарія къ седьмой книгѣ содержатъ въ себѣ объясненія къ пророчеству о послѣднихъ судьбахъ Константинополя, о *ἔσθλὸν γένος*; здѣсь упоминается о не изданномъ трудѣ Льва Алліція (*Varia antiqua*). Комментаріи къ восьмой книгѣ, заключающей въ себѣ каталоги, также весьма богаты содержаніемъ и не изданными матеріалами. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить подробное оглавленіе парижскаго сборника, изъ котораго заимствованъ каталогъ Никифора Каллиста (pag. 875—886), затѣмъ довольно обширное изслѣдованіе объ именахъ первыхъ Константинопольскихъ епископовъ, которыя Бандури считаетъ подложными вплоть до Митрофана, современника Константина Великаго. По поводу патріарха Козьмы Аттика Бандури приводитъ актъ соборнаго при немъ дѣянія (pag. 916), заимствуя оное у Алліція (*De perpet. consens.*); отсюда же заимствованъ отрывокъ изъ Ефре-

мія, представляющій рядъ патріарховъ, жившихъ въ Никее послѣ взятія Цареграда латинами (pag. 928). На стр. 936 находимъ изображение засѣданія втораго вселенскаго собора изъ рукописи IX вѣка. Въ примѣчаніи, касающемся патріарха Іоанна Векка, приведено направленное противъ этого, склонявшагося къ уніи, іерарха изложеніе вѣры Григорія Кипрскаго (ἐκθεσις τοῦ τόμου τῆς πίστεως κατὰ τοῦ Βέκκου) а также и другія его произведенія, сюда относящіяся (что занимаетъ страницы 942—961: безъ латинскаго перевода). Въ примѣчаніи, посвященномъ слѣдующему патріарху, Аванасію, находимъ прежде всего полный списокъ его сочиненій и писемъ, которыя Бандури предполагалъ издать и для этой цѣли перевелъ было на латинскій языкъ (pag. 961). Мы уже отмѣтили три посланія патріарха Аванасія относительно еврейской синагоги, напечатанныя выше; теперь нужно обратить вниманіе на три письма, относящіяся къ двукратному отреченію Аванасія отъ престола, на его обличительное слово противъ нѣкоего Іоанна Дрима и т. д. (pag. 962—987). По поводу патріарха Нифонта напечатаны два новыхъ дальнѣйшихъ посланія Аванасія, гдѣ о немъ идетъ рѣчь, но уже безъ латинскаго перевода; по поводу Іосифа, присутствовавшаго на Флорентійскомъ соборѣ, приложено его портретъ, заимствованный изъ рукописи королевской бібліотеки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другія изображенія, въ ней находящіяся: Константина и Елены, Іоанна и Мануила Палеологовъ, Іоанна Крестителя, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ документовъ изъ Алляція (pag. 984—990). О синопсисѣ Ренодо мы уже упомянули выше.

Далѣе (pag. 1007—1017) слѣдуетъ особая статья, относящаяся къ топографіи Константинополя: *De celebrioribus urbis C P. monumentis, quae — hodie supersunt*. Она посвящена важнѣйшимъ памятникамъ, воздвигнутымъ уже султанами и находившимся на лицо: мечетямъ, банямъ, которыхъ Бандури насчитываетъ до пятидесяти, страннопримнымъ домамъ; тутъ воспроизводятся рисунки Грело съ его же объяснительнымъ французскимъ текстомъ (виды мечетей Сулеймана и султанши Валиде, сераля).

Слѣдуютъ наконецъ примѣчанія къ сочиненіямъ Константина Багрянороднаго *О оемахъ* и *De administrando imperio*. Предпослана первому сочиненію географическая карта, представляющая восточную имперію съ раздѣленіемъ на темы послѣ Ираклія, и второму—карта Восточной имперіи и странъ сопредѣльныхъ во время Константина Багрянороднаго. Онѣ составлены были де-Лилемъ (*Guilolmus de L'Isle*),

членомъ королевской академіи наукъ. Замѣчанія на еѣмъ довольно краткія; приведены между прочимъ латинскія надписи, относящіяся къ *legio fulminatrix*, и греческій списокъ городовъ, измѣнившихъ свое названіе. Въ комментаріяхъ на сочиненіе „Объ управленіи имперіей“ особенное вниманіе обращается на Далмацію, родину Бандури; нѣкоторыя спеціальныя, относящіяся къ ней, статьи представлялись излишнею роскошью послѣдующимъ издателямъ и въ боннской коллекціи опущены; таковы выписки изъ Мавро Урбина о Млѣтѣ (*Meleta*), островѣ, принадлежавшемъ республикѣ Дубровницкой (*Raguzę*), изъ Спона—(*Spon*), о Сплѣтѣ и Задрѣ, такова редація (на итальянскомъ языкѣ) патриція дубровницкаго Гондолы о состояніи религіи въ странахъ подвластныхъ турецкому владычеству: этотъ любопытный документъ Бандури нашелъ въ Римѣ въ библиотекѣ коллегіи *de propaganda fide* и самъ списалъ (въ документѣ упоминается осада Каменца Подольскаго турками); таковы выписки изъ Туберона и Мавроурбина о происхожденіи Дубровника и списокъ рагузинскихъ кораблей, посланныхъ республикою на помощь королю Испанскому съ 1584 по 1654 г. (pag. 71 — 76). По отношенію къ русской исторіи значительный интересъ представляетъ извѣстное греческое сказаніе объ обращеніи русскихъ въ христіанство и о крещеніи Владиміра, найденное въ кодексѣ Кольбертинскомъ, гдѣ оно не имѣетъ начала. Замѣтимъ, что одинъ молодой русскій ученый г. Регель отыскалъ другой полный списокъ сказанія въ библиотекѣ острова Патмоса и намѣренъ издать его въ скоромъ времени. Такъ какъ въ этомъ сказаніи идетъ рѣчь объ изобрѣтеніи славянскаго письма, то Бандури приложилъ въ своемъ изданіи таблицы различныхъ славянскихъ алфавитовъ—кирилловскаго и глаголическаго, изъ коихъ послѣдній онъ называетъ іеронимовымъ.

Къ изданію Бандури въ извѣстномъ отношеніи примыкаетъ трудъ, вышедшій отдѣльно и собственно не принадлежащій къ парижской византійской коллекціи доминиканца Лекъена (*Le Quien, Michel*), болѣе подробнымъ образомъ развивающій отдѣлъ историко-статистическихъ свѣдѣній объ энархіяхъ и о высшей церковной іерархіи, впрочемъ уже не одной только Константинопольской патріархіи, а и остальныхъ православныхъ. Мы разумѣемъ „Православный Востокъ“ содержащій въ себѣ описаніе четырехъ патріархатовъ: Константинопольскаго, Александрійскаго, Антиохійскаго и Іерусалимскаго ¹⁾. Не имѣя въ

¹⁾ *Oriens christianus in quatuor patriarchatus digestus*. Paris. 1740. 3 vol. съ картами Давиля (*D'Anville*).

виду сообщенія новыхъ источниковъ и вообще изданія матеріаловъ, а скорѣе желая дать справочное пособіе при ихъ изученіи, составитель подробно говоритъ о каждомъ изъ патріархатовъ отдѣльно: сообщаетъ о возникновеніи и каноническомъ учрежденіи патріархата, о границахъ его въ различныя времена, перечисляетъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣхъ патріарховъ даннаго патріархата отъ древнѣйшихъ временъ до XVII столѣтія, затѣмъ переходитъ къ епархіямъ, подчиненнымъ тому или другому патріарху, сообщаетъ географическія свѣдѣнія о каждой епархіи и городѣ, въ которомъ находилась епископская кафедра, и приводитъ списокъ всѣхъ іерарховъ означенной епархіи въ хронологическомъ порядкѣ съ краткими о нихъ свѣдѣніями, насколько имена ихъ и данныя ихъ біографіи могли быть отысканы въ наличныхъ тогда источникахъ всякаго рода. О Константинопольскомъ патріархатѣ говорится въ первомъ томѣ и отчасти во второмъ (Восточный Иллирикъ), который главнымъ образомъ посвященъ Александрійскому и Антиохійскому патріархату и церквамъ халдейской и яковитской; объ Іерусалимскомъ патріархатѣ рѣчь идетъ въ третьемъ томѣ, и тамъ же о маронитахъ и униатской іерархіи¹⁾. До сихъ поръ трудъ Лекьена служитъ необходимымъ справочнымъ пособіемъ при занятіяхъ византійскою исторіей или византійскою литературою, но уже давно сообщаемые въ немъ списки епископовъ и митрополитовъ перестали быть въ такой степени полными, въ какой они могутъ быть по состоянію нашихъ источниковъ, ибо абсолютно полными они никогда не могутъ быть. Для нѣкоторыхъ отдѣловъ источники автора съ самаго начала были довольно скудны, и никто изъ русскихъ ученыхъ теперь не станетъ къ нему обращаться для свѣдѣній о западно-русскихъ униатскихъ митрополитахъ, хотя еще при изданіи Актовъ Западной Россіи Лекьенъ считался авторитетомъ, къ которому можно было отсылать въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ. Для славянскихъ церквей болгарской и сербской, а также для румынской, повѣрка и

¹⁾ Tom. I. Tres magnas compectens Dioeceses Ponti, Asiae et Thraciae Patriarchatus Constantinopolitano subiectas.

Tom. II. In quo Illyricum orientale ad patriarchatum Constantinopolitanum pertinens Patriarchatus Alexandrinus et Antiochenus, magnaеque Chaldaeorum et Jacobitarum dioeceses exponuntur.

Tom. III. Ecclesiam Maronitarum, patriarchatum Hierosolymitanum et quot fuerunt ritus latini tam patriarchae quam inferiores praesules in quatuor patriarchatibus et in Oriente universo complectens.

многія дополненія находятся въ извѣстномъ трудѣ проф. Е. Е. Голубинскаго „Браткій очеркъ православныхъ церквей болгарской, сербской и молдо-влахійской (Москва. 1871) ¹⁾. Но и для всѣхъ другихъ отдѣловъ, не исключая собственно византійскаго, въ изданныхъ послѣ довольно многочисленныхъ документахъ — соборныхъ дѣяніяхъ, синодальныхъ опредѣленіяхъ, перепискѣ духовныхъ лицъ—заключается цѣлая масса новыхъ именъ и новыхъ свѣдѣній, не вошедшихъ въ собраніе Лекьена ²⁾. Нечего говорить о томъ, какъ иногда важно для изслѣдователя имѣть подъ рукою точные и полные по возможности списки въ родѣ Лекьеновыхъ; припомнимъ, что, напримѣръ, въ кирилло-мееодіевскомъ вопросѣ знаменитая Солунская легенда никогда не получила бы такого значенія и не была бы такимъ соблазномъ для русскихъ изслѣдователей, еслибы съ самаго начала было ясно, что даже въ пампованіи современнаго Солунскаго митрополита въ ней допущена ошибка.

Двумя томами Восточной имперіи Ансельма Бандури собственно была закончена Луврская или Парижская коллекція византійскихъ историковъ. Многое оставалось не изданнымъ даже изъ того, что уже было приведено въ извѣстность, что даже было приготовляемо для печати. Цѣлое, только что начавшееся, столѣтіе пройдетъ, прежде чѣмъ во Франціи вновь обратятся къ прерванному и не законченному дѣлу, прежде чѣмъ найдутся ученые, способные и готовые возобновить почтенную традицію Дюканжа, Комбефиза и Буавена. Причина тому прежде всего заключалась, конечно, въ томъ, что только что начавшееся столѣтіе было восемнадцатое столѣтіе. Если прежде успѣхи французской эрудиціи оставались въ тѣни вслѣдствіе того, что на первомъ планѣ стояло блистательное развитіе изящной литературы, то теперь появились еще болѣе могучіе и всепоглощающіе умственныя интересы. Гордый и самонадѣянный вѣкъ просвѣщенія и рационализма вообще не чувствовалъ большой нужды въ изученіи темнаго и презираемаго прошедшаго, а все византійское казалось такимъ вдвойнѣ. Правда, бенедиктинцы конгрегаціи св. Мавра, труженики болѣе симпатичныя, чѣмъ іезуиты, которымъ они въ области ученыхъ византійскихъ занятій наследовали гораздо раньше закрытія

¹⁾ Въ свою очередь тоже теперь нуждающемся въ дополненіяхъ.

²⁾ Можно указать на списокъ Аенскихъ епископовъ и митрополитовъ, для котораго нашлись важныя данныя въ древнихъ христіанскихъ надгробныхъ надписяхъ Паресона, обращеннаго въ храмъ Богородицы: см. архимандр. Ажтоскина О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аеннахъ (С.-Пб. 1874).

иезуитскаго ордена, продолжали трудиться вплоть до начала революціи, оставаясь вѣрными своимъ завѣтамъ и памяти д'Ашерн и Мабилльона, но почти все вниманіе ихъ поглощено было такими громадными предпріятіями, какъ изданіе источниковъ для національной французской исторіи, то-есть, исполненіе плана, которымъ нѣкогда былъ занятъ умъ Кольбера, и о которомъ подавалъ свое мнѣніе Дюканжъ, осуществленіе котораго самъ Мабилльонъ считалъ превосходящимъ его силы. Въ 1738 году появился первый томъ извѣстнаго собранія „Recueil des Historiens des Gaules et de la France“, подъ редакціей Дом-Буке (Dom Bouquet), а въ 1786 — двѣнадцатый и тринадцатый, относящіеся къ временамъ Людовиковъ VI и VII и обнародованные двумя преемниками Буке, маврильянами Дом-Клеманомъ и Бриалемъ. Два бенедиктинца конгрегаціи св. Мавра (dom Vaissette и De Vic) взяли на свои плечи тоже не легкій трудъ составленія документальной исторіи Лангедока (Histoire générale de Languedoc: первый томъ вышелъ въ 1730 году, пятый — въ 1745 году). Нужно дальѣ упомянуть такія изданія, какъ Gallia christiana, начатое Дом-Сент-Мартомъ (de Sainte Marthe), L'art de verifier les dates (новое изданіе 1770 года), Nouveau traité de diplomatique (Dom Toussain и D. Tassin), долженствовавшій служить дополненіемъ и замѣною на латинскомъ языкѣ написанному знаменитому произведенію Мабилльона. Итакъ, приостановка византійской коллекціи довольно понятна и естественна. Обращаясь къ тому, что было сдѣлано, мы должны повторить, что французскіе ученые юристы (Фабро, Валуа и Дюканжъ), доминиканцы и бенедиктинцы, при помощи королевскихъ грековъ, какъ назывались луврскіе прифты, своею „Византійною“ воздвигли прочный памятникъ французской науки, что они заложили вѣковой фундаментъ, на которомъ и до сихъ поръ основываются всѣ работы въ данной области. Именно то, что зданіе долго оставалось въ томъ самомъ видѣ, какъ оно было возведено въ XVII вѣкѣ, доказываетъ и его прочность, и громадную трудность подобнаго рода предпріятій. Коллекція была, конечно, не безъ недостатковъ, и мы уже отмѣчали, что не всѣ отдѣльные ея томы отличались одинаковымъ достоинствомъ даже и въ своемъ родѣ. Общій и главный недостатокъ происходилъ, отчасти, отъ несовершенства приемовъ тогдашней филологической критики, а еще болѣе отъ непреодолимыхъ затрудненій, иногда полной невозможности имѣть подъ рукою всѣ необходимые или даже просто лучшіе списки того или другаго произведенія. Не смотря на ученныя сношенія и связи съ Римомъ и Вати-

канскою бібліотекою (преимущественно при посредствѣ Голстона), все-таки часто приходилось довольствоваться тѣмъ, что представляла Парижская королевская бібліотека. Путешествія были затруднительны, подлинныя рукописи ни въ какомъ случаѣ не высылались, уже одинъ доступъ къ нимъ считался знакомъ великой милости и благодареніемъ, такъ что издателямъ естественно приходилось полагаться на коллегіи, сдѣланныя другими, иногда не вполнѣ надежными лицами. Гораздо легче и удобнѣе сличать напечатанное, что можно имѣть въ какомъ угодно количествѣ экземпляровъ, съ различными рукописными редакціями и кодексами, чѣмъ одну рукопись съ другою, если даже онѣ находятся въ одномъ книгохранилищѣ. Именно наиболѣе опытные сотрудники парижской Византинны прилагали варианты только въ концѣ своего изданія, не воспользовавшись ими надлежащимъ образомъ для установленія болѣе совершеннаго или просто болѣе исправнаго текста, даже въ томъ случаѣ, когда превосходство извѣстныхъ манускриптовъ, изъ которыхъ варианты почерпались, было очевидно, заранѣе извѣстно; а въ большей части случаевъ текстъ издавался по одному какому-либо случайному, болѣе сподручному списку, а уже затѣмъ производилось сравненіе съ другими манускриптами, и тогда только обнаруживалось взаимное между ними отношеніе. Издатели не столько были филологи, сколько богословы и юристы, наконецъ историки, и потому интересовались не столько языкомъ, сколько предметомъ сочиненій. Согласно съ этимъ достоинства коллекцій заключаются не столько въ удовлетвореніи критическимъ требованіямъ, сколько экзегетическимъ. Издатели прежде всего заботились о пониманіи содержанія, объ уясненіи фактовъ и предметовъ, объ установленіи хронологіи тѣхъ событій, о которыхъ идетъ рѣчь у издаваемого автора; первостепенное значеніе придавалось латинскому переводу, а затѣмъ объяснительнымъ примѣчаніямъ; исправленіе текста отступало на задній планъ. Даже Комбефизъ и Буавенъ, которыхъ нужно считать наиболѣе дѣльными и способными издателями, ограничивали свою задачу устраненіемъ однихъ вопіющихъ недостатковъ, болѣе полное и систематическое установленіе текста, по видимому, представляя будущему времени. Однако, отъ нихъ все-таки многому могли бы поучиться и позднѣйшіе работники въ данной области, потому что они ставили исправленіе текста, сколько это считали нужнымъ, въ зависимость не отъ однихъ только рукописей оригинала, но привлекали къ дѣлу и тѣхъ вторичныхъ позднѣйшихъ компиляторовъ, которые выписывали буквально текстъ своихъ преемниковъ.

Въ экзегетикѣ византійскихъ писателей, въ раскрытіи ихъ содержанія французскіе издатели оказали заслуги громадна, можно сказать, безпримѣрныя; никто до сихъ поръ не покушался замѣнить ихъ комментаріи къ отдѣльнымъ византійскимъ произведеніямъ, равно какъ не замѣнимыми остаются и общія вспомогагельныя пособія, составленныя Дюканжомъ. Легко представить себѣ, сколько трудностей и всякаго рода препонъ мы встрѣчали бы при чтеніи любого византійца XI или XII вѣка, еслибы путь не былъ расчищенъ французами; мы осуждены были бы ощупью и не вдругъ добираться до самаго первоначальнаго пониманія географической и племенной номенклатуры писателя, чтобы узнать, кого онъ разумѣетъ подъ скинами и персами, сарматами и саракинами, кельтами и тавроскионами, но говоря уже о явно искаженныхъ новогреческихъ формахъ въ передачѣ собственныхъ именъ отдѣльныхъ историческихъ личностей изъ рода франковъ. Если насъ теперь не особенно останавливаютъ и не повергаютъ въ окончательное уніиіе названія многочисленныхъ византійскихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ, разнаго рода логоетовъ и доместиковъ, предъ которыми знакомство съ аттической прозой оставляетъ насъ совершенно безпомощными, то опять-таки потому, что при любомъ изданіи мы найдемъ небольшой объяснительный словарь, удовлетворяющій первому простѣйшему запросу. Можно было бы долго продолжать перечисленіе такихъ устранимыхъ камней преткновенія. Замѣтимъ только, что въ виду такихъ заслугъ легко можно простить встрѣчающіяся по мѣстамъ подочоты и промахи. Пользя бываетъ требовать полнаго и всесторонняго знанія тамъ, гдѣ дѣло изученія только начинается и гдѣ въ первый разъ раскрываются источники знанія. Не по своей винѣ самъ Дюканжъ не успѣлъ ознакомиться съ сочиненіемъ Константина Багрянороднаго о придворномъ чинѣ, которое во многомъ дополнило бы и отчасти исправило его представленія какъ о топографіи Константинополя, такъ и о многихъ другихъ спеціальныхъ явленіяхъ византійскаго быта. Отчасти вслѣдствіе незнакомства съ Морейскою хроникою, а еще болѣе вслѣдствіе совершенно темныхъ и недостаточныхъ представленій о славянствѣ, о его роли въ судьбахъ Балканскаго полуострова, и объ его современномъ положеніи, переводчики не узнавали славянъ тамъ, гдѣ они прямо выводятся на сцену. „Славянскихъ Древностей“ Шафарика вѣдь еще не появлялось, о теоріи Фальмерайера не было и слуху. Благодаря тому и возможенъ былъ такой переводъ, что вмѣсто обращенія Пелопоннеса въ славянскую

страну говорилось въ латинскомъ текстѣ о порабощеніи полуострова; вмѣсто непріятнаго греку славянскаго лица являлось какое-то другое, сморщенное. Слова Константина Багрянороднаго (въ оемахъ): ἐσθλαβώθη πᾶσα ἡ χώρα въ латинскомъ переводѣ будто бы значать: ceterum in servitutum redacta fuit universa regio, и γαρασοειδῆς ὄψυς ἐσθλαβωμένη, насмѣшливое и бранное прозваніе, данное природнымъ греческимъ остроумцемъ уроженцу Пелопоннеса, будто бы значило „victa facies in servitutum redacta“. Ничего нѣтъ удивительнаго, что и болгарскіе боіи, боляре, βολιάδες, могли быть приняты за военныя метательныя машины, потому что для уразумѣнія слова служило пока только его видимое этимологическое сродство съ греческимъ глаголомъ βάλλω. Подобныя вещи въ свое время были простительны, онѣ перестали быть такими только въ настоящемъ столѣтіи. Но развѣ ихъ больше не встрѣчается?

Вскорѣ послѣ того, какъ заключилась серія парижской коллекціи византійцевъ, почувствовалась потребность новаго ихъ изданія. Этой потребности должна была удовлетворить предприятая въ 1722 году книгопродавцемъ Явариноу въ Венеціи перепечатка парижскаго собранія, все-таки съ посвященіемъ королю Испанскому Филиппу V, внуку Людовика XIV ¹⁾. Почти ничего хорошаго о венеціанскомъ изданіи не приходится сказать, кромѣ развѣ того, что здѣсь въ первый разъ появилось сочиненіе Генесія, о которомъ рѣчь будетъ ниже, и что здѣсь подверглось пересмотру и нѣкоторому дополненію совершенно второстепенное добавленіе парижской коллекціи, извѣстное подъ именемъ Восточной хроники Петра Рахеби, составленное Авраамомъ Екхеленскимъ (см. выше). Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ и прежде всего въ отношеніи къ изяществу внѣшности, красотѣ и четкости шрифта это будетъ шагъ назадъ. Самое худшее то, что текстъ вслѣдствіе плохой корректуры страдаетъ большими неисправностями, иногда совсѣмъ почти не годенъ, какъ въ изданіи Малалы. Венеціанскимъ изданіемъ можно пользоваться только по необходимости, когда нельзя имѣть подъ руками лучшаго, то-есть, ни парижскаго, ни боннскаго. Кто имъ пользуется все-таки долженъ оговариваться и, кромѣ того, означать число страницъ парижскаго изданія, которое повторяется на поляхъ какъ въ венеціанскомъ, такъ и въ боннскомъ.

¹⁾ Byzantinae historiae scriptores in unum corpus redacti et cet. gr. et lat. 23 (иногда 27 или 37) tomi—Venetiis. Iavarina. 1722—1733.

Переходимъ къ обзорѣннѣмъ отдѣльныхъ изданій, вышедшихъ независимо отъ луврской коллекціи и внѣ Франціи, въ Англіи и Германіи. Здѣсь мы должны обратиться нѣсколько назадъ и начать съ хроники, которая появилась нѣсколько ранѣе означеннаго въ заглавіи періода, именно въ концѣ XVII столѣтія. Разумѣемъ хронографію Іоанна Малалы (Joannis Malalae chronographia).

Собраніе греческихъ рукописей Оксфордскаго университета (Bodleiana), приобрѣтенныхъ въ Италіи изъ бібліотеки Бароччи, содержитъ въ себѣ единственную извѣстную рукопись хроники Іоанна Малалы. Ученые изслѣдователи XVII столѣтія при своихъ ревностныхъ занятіяхъ древнею хронологіею не могли оставить безъ вниманія этого мало привлекательнаго писателя; въ правленіе Карла I имъ занимались одинъ въ слѣдъ за другимъ двое изъ оксфордскихъ ученыхъ, — Грегори (John Gregory † 1646) опредѣлили имя автора хроники; хотя рукопись не имѣла ни заглавія, ни начала, ни конца, но онъ убѣдился и показалъ, что именно изъ этой хроники приводятся цитаты въ другихъ византійскихъ произведеніяхъ, называющихъ цитуемаго автора Іоанномъ Малаломъ. Е. Чайлмидъ (Edm. Chilmead), знатокъ музыки и ученый математикъ, перевелъ хронику на латинскій языкъ и присоединилъ свои примѣчанія, но онъ не успѣлъ издать ея, такъ какъ при визитаціи, назначенной парламентомъ въ 1648 году, онъ за свои роялистическія убѣжденія былъ удаленъ изъ коллегіи Христовой церкви (Christ Church College) и умеръ въ 1653 году, прежде чѣмъ представилась возможность вновь обратиться къ прежнимъ занятіямъ. По прошествіи почти сорока лѣтъ кураторы издательскаго университетскаго фонда, завѣщаннаго архіепископомъ Кентерборійскимъ Шельдономъ (при Карлѣ II), рѣшили издать текстъ хроники, обработанный Чайлмидомъ. Оставаясь еще въ рукописи, хроника сдѣлалась довольно извѣстною по ссылкамъ на нее англійскихъ ученыхъ Сельдена, Ушера, Пирсона, Ллойда, Гѣмфри Годи (Humphrey Hody), тьюторъ въ одной изъ университетскихъ коллегій (Wadham college), извѣстный своими близкими отношеніями и дружбою со знаменитымъ филологомъ Бентли, вмѣстѣ съ коимъ онъ былъ тогда назначенъ капелланомъ при епископѣ Ворчестерскомъ, принялъ на себя обязанность написать введеніе. Онъ былъ хорошии ученый и справился со своею задачею удовлетворительнымъ образомъ; по крайней мѣрѣ тогда и долго послѣ казалось, что онъ прекрасно разрѣшилъ всѣ вопросы объ авторѣ хроники и о времени ея написанія. Высшій надзоръ за изданіемъ порученъ былъ Джону

Миллю (Mill), ректору St.-Edmund Hall'a, который оставил прочный памятник своей учености своимъ позднѣйшимъ изданіемъ Новаго Завѣта. Однажды, во время прогулки вмѣстѣ съ Бентли, у нихъ зашла рѣчь о хроникѣ Малалы, и Бентли, тогда еще не успѣвшій прославиться—его разсужденіе о письмахъ Фалариды, столь извѣстное въ исторіи филологіи, еще не появлялось въ свѣтъ,—но обладавшій уже, не смотря на свою молодость (ему было 22 года), глубокою филологическою ученостью, выразилъ желаніе познакомиться съ книгою прежде ея обнаруженія. Милль согласился, съ условіемъ, что Бентли сообщить письменно замѣчанія, какія ему представляются при чтеніи. Бентли получилъ корректурные листы текста хроники, но такъ какъ вслѣдъ затѣмъ долженъ былъ оставить Лондонъ и отправиться къ своему епископу, то замедлилъ исполненіемъ обѣщанія, и только вслѣдствіе напоминаній и настоятельныхъ требованій Милля сообщилъ наконецъ свои замѣчанія къ Малалѣ въ формѣ письма Миллю. Въ іюнѣ 1691 года явилась хроника съ введеніемъ (Prolegomena) Годія, съ переводомъ Чайлмида на латинскій языкъ, съ примѣчаніями ихъ обоихъ и съ письмомъ Бентли въ видѣ приложенія. Хотя въ исторіи просвѣщенія и науки гораздо болѣе общій и высокій интересъ имѣетъ то, что принадлежитъ перу гениальнаго критика-филолога, однако для нашей византійской точки зрѣнія на первомъ мѣстѣ должно стоять не письмо Бентли, а Prolegomena Годія и примѣчанія Чайлмида. О послѣднихъ нужно сказать, что они отличаютъ довольно большую начитанность въ греческой литературѣ, не исключая тѣхъ византійскихъ авторовъ, которые уже были изданы во Франціи (Проконій, Кедринъ), но они не представляютъ особеннаго значенія, состоятъ болѣею частью въ указаніи параллельныхъ мѣстъ; дополненія, которыя понадобились, сдѣланы Годіемъ; онъ же вновь пересмотрѣлъ кодексъ и сдѣлалъ много поправокъ въ чтеніяхъ Чайлмида. Чтобы имѣть начало, недостающее въ оригиналѣ, заимствовано нѣсколько страницъ изъ другой византійской хроники, которую издатель считалъ хроникою Амартола. Всего важнѣе Prolegomena, которыя надолго опредѣлили взглядъ на значеніе хроники Малалы, и такъ какъ если не своимъ историческимъ содержаніемъ, то по крайней мѣрѣ своими отношеніями къ славянской литературѣ, эта хроника имѣетъ для русскихъ ученыхъ большую цѣнность, то мы и должны остановиться на мнѣніяхъ о ней перваго издателя.

Своимъ Prolegomena Годя предпослалъ еще краткое предувѣдомленіе, гдѣ разсуждаетъ объ имени автора хроники, которое ока-

зывается сирійскимъ словомъ, означающимъ ритора или софиста, и по гречески передается *Μαλάλας* или *Μαλέλας*; но, по мнѣнію Годія, лучше удерживать сирійскую форму Мала́ла, признавая это слово несклоняемымъ. Бенгли противъ такого словоупотребленія, однако, возставалъ. Первый вопросъ, подлежащій разрѣшенію въ предисловіи, состоялъ, конечно, въ томъ, кто былъ и когда писалъ Іоаннъ Мала́ла, называемый иногда по мѣсту своего происхожденія Антиохійскимъ. Съ начала доказывается обширно и подробно, что Іоанна Мала́лу не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Іоанномъ, постоянно именуемымъ Антиохійскимъ, такъ какъ и писатели ихъ отличаютъ; хотя и первый родомъ былъ также изъ Антиохіи, какъ видно изъ содержанія его хроники, а также изъ свидѣтельства Іоанна Дамаскина, однако ему обыкновенно не придается такое прозваніе, а у Константина Багрянороднаго въ его Извлеченіяхъ поставлены рядомъ, какъ два различные писателя Іоаннъ Мала́ла и Іоаннъ Антиохійскій. Не нужно смѣшивать Мала́лу и съ тѣмъ хронографомъ Іоанномъ, который упомянутъ въ церковной исторіи Евагрія и былъ его современникомъ, слѣдовательно, жилъ во время Юстиніана. Фоссъ и Ф. Лаббъ называли этого послѣдняго писателя Антиохійскимъ ошибочно, потому что упоминаемый Евагріемъ историкъ происходилъ не изъ Антиохіи, а былъ Іоаннъ Епифанійскій, какъ вѣрно указалъ Валовій въ примѣчаніяхъ къ Евагрію. Далѣе исправляется ошибочное мнѣніе тѣхъ, которые считали Мала́лу епископомъ Антиохійскимъ—на основаніи ссылки въ третьемъ словѣ противъ иконоборцевъ, принадлежащемъ (будто бы) Іоанну Дамаскину: *Ἰωάννου Ἀντιοχείας τοῦ καὶ Μαλάλα*. Такая формула не всегда указываетъ на епископство въ данномъ городѣ, но нерѣдко употребляется просто для обозначенія принадлежности къ гражданамъ или жителямъ названнаго города. Притомъ въ спискахъ Антиохійскихъ патріарховъ въ промежутокъ времени между Анастасіемъ Синаитомъ, который писалъ въ концѣ VI вѣка, и XI столѣтіемъ не встрѣчается никакихъ Іоанновъ; при этомъ цитуются каталоги патріарха Никифора и Евтихія Александрійскаго. Устраняются, сверхъ того, явно неудачныя предположенія Комбефиза, который готовъ былъ отождествлять Мала́лу съ Іоанномъ Діакриномомъ и другимъ Іоанномъ-Пресвитеромъ, между тѣмъ какъ оба они писали ранѣе Анастасія, предшественника Юстиніана, о царствованіи котораго уже повѣствуется въ хроникѣ Мала́лы. Переходя къ вопросу, кто же былъ и когда жилъ нашъ Іоаннъ Мала́ла, Г'оди указываетъ на мнѣніе Чайлмида и Ллойда о современности Мала́лы съ царствованіемъ

Юстиніана, но сейчас же оговаривается, что никакъ нельзя съ увѣренностью утверждать, будто онъ кончилъ писать въ 38-мъ или 37-мъ году правленія этого государя; если хроника и кончается въ самомъ дѣлѣ этими годами, то нужно знать, что единственный дошедшій до насъ экземпляръ (Bagocitanus) Водлеевой бібліотеки—неполный, съ утраченными въ концѣ листами. Во всякомъ случаѣ Іоаннъ Малала писалъ ранѣе 900 года, ибо его сочиненіе приводится въ Извлеченіяхъ Константина Багрянороднаго. Но едва ли онъ былъ современникомъ Юстиніану и сомнительно, чтобы онъ трудился вскорѣ послѣ его смерти. Противъ этого говоритъ, на примѣръ, то, что по поводу событія, относящагося къ началу царствованія Юстиніана, къ 528 году, Малала ссылается на документы городского антиохійскаго архива, а не на какія-либо сообщенія очевидцевъ и современниковъ. Рѣчь идетъ о переименованіи Антиохіи въ Сеуполь, и вотъ съ какимъ замѣчаніемъ: въ хартіяхъ, содержащихъ въ себѣ акты города, было найдено, что жители сочувственно приняли переименованіе и заявили о своей радости громкими восклицаніями. Болѣе позднее время автора доказывается и тѣмъ, что въ изложеніи царствованія Юстиніана, хотя и довольно подробно, часто допускаются ошибки, а иногда обнаруживается несомнѣнная путаница. Годи приводитъ много тому примѣровъ, обличая промахи на основаніи Провопія, на основаніи новеллъ и надписанія приводимыхъ въ Кодексѣ узаконеній. Далѣе, и это будетъ уже третій пунктъ, Малала иногда проходитъ молчаніемъ важныя и близко касающіяся его родины событія, относящіяся ко времени Юстиніана, на примѣръ, взятіе Антиохіи Сассанидскимъ царемъ Хозроемъ Нуширваномъ (въ 542 году). Правда, что въ латинскомъ переводѣ хроники Малалы, сдѣланномъ Чайлмидомъ, встрѣчаются мѣста, какъ бы указывающія на современность автора событіямъ времени Юстиніана, но Годи доказываетъ, что эти мѣста внушаютъ такое представленіе только по неточности или неправильности перевода.

Аргументы, приводимые ученымъ XVII столѣтія въ доказательство того положенія, что Малала писалъ позднѣе Юстиніана, не лишены, конечно, смысла, даже и теперь сохраняютъ нѣкоторый вѣсъ, но, кромѣ перваго, они ослабляются тѣмъ соображеніемъ, что, какъ теперь яснѣе раскрылось, трудъ Малалы въ Оксфордскомъ списокѣ сохранился не въ подлинномъ видѣ, а въ передѣлкѣ, что помимо пропавшихъ листовъ въ концѣ, въ немъ есть пропуски и по срединѣ. Отчасти приводило къ догадкѣ о пропускахъ и сравненіе греческаго

подлинника со славянскимъ переводомъ, когда онъ сдѣлался извѣстнымъ—впрочемъ первоначально только русскимъ ученымъ; но болѣе важныя открытія, какъ видно будетъ ниже, относятся къ самому новому времени. Пропуски и ошибки могутъ принадлежать не первоначальному оригиналу, а переработкѣ или сокращенію.

Совсѣмъ неудачны были дальнѣйшія разсужденія Годія. Онъ старается доказать, что Малала, мало того, что не былъ современникомъ Юстиніана, но и принадлежалъ къ гораздо позднѣйшей эпохѣ, что онъ жилъ не ранѣе VIII вѣка, скорѣе даже въ IX вѣкѣ, такъ какъ-де ссылается на хронографа Климента, а этотъ Климентъ будто бы жилъ не ранѣе императора Константина Погоната († 685). На чемъ основано послѣднее предположеніе? Въ хронологическихъ замѣткахъ о Константинопольскихъ древностяхъ (*Enagatationes chronologicae*), тогда извѣстныхъ по изданію Ламбеція, сказано, что извѣстнаго рода статуи Климентъ считалъ произведеніемъ Констанція, сына Константина (см. *Vanduri, Imperium orientale I, 102*). Обыкновенно разумѣютъ здѣсь Константина Великаго и его сына императора Констанція, и конечно, справедливо. На основаніи нѣкоторыхъ ухищренныхъ соображеній, Годи полагаетъ, что подъ Константиномъ слѣдуетъ разумѣть Константина Погоната. Рядомъ съ Климентомъ у Малалы приводится нѣсколько разъ имя Теофила: сего Теофила Годи вздумалъ отождествлять съ какимъ-то маронитомъ этого имени, уроженцемъ Едессы, упомянутымъ у Абульфараджа, и написавшимъ какое-то сочиненіе на сирійскомъ языкѣ около 785 года. Годію, вѣроятно, было не извѣстно существованіе другаго Теофила, составителя Пасхальнаго цикла около 380 года, находяимаго въ рукописяхъ вслѣдъ за *Fasti Idatiani*¹⁾; по характеру цитатъ нужно предполагать именно такое произведеніе, но, конечно, оно будетъ гораздо болѣе раннимъ. Тимоеей, именуемый у Малалы въ товариществѣ съ Климентомъ и Теофиломъ, упомянутъ въ Фастахъ Идація подъ 390 годомъ²⁾. На этихъ самыхъ Климента, Теофила и Тимоеея ссылается Гезихій въ отрывкѣ, который сохраненъ для насъ Анастасіемъ Синаитомъ и представляетъ большое сходство съ текстомъ Малалы. Если Гезихія цитовалъ Анастасій Синаитъ, то значитъ, Гезихій жилъ и писалъ не позже Маврикія, при которомъ жилъ

¹⁾ *Holder-Egger, Untersuchungen über einige annalistische Quellen zur Geschichte des fünften und sechsten Jahrhunderts, Neues Archiv II, 70, 71, 84.*

²⁾ *Ibid., II, 70. Cp. Socrat. eccles. histor. IV, 27; V, 12.*

послѣдній. Проностакающее отсюда возраженіе противъ его соображеній о времени Теофила и Климента Годи старается устранить тѣмъ замѣчаніемъ, что имѣющійся въ виду фрагментъ Гезихія находится не въ самомъ текстѣ Анастасія, а въ приложеніи, гдѣ будто бы есть вставки; онъ готовъ доказывать, что Гезихій тоже былъ писатель гораздо болѣе поздній, чѣмъ думаютъ. IX приблизительно вѣка, такъ что тотъ отрывокъ, гдѣ идетъ рѣчь о Теофилѣ и Климентѣ, онъ могъ заимствовать у Малалы, своего современника. Все это весьма произвольно ¹⁾.

Самый характеръ сочиненія, по мнѣнію Годи, свидѣтельствуетъ о принадлежности его къ очень позднему вѣку, къ чисто византійскому періоду. Нашъ авторъ до такой степени лишенъ прямого смысла и чуждъ здраваго человѣческаго сужденія, до такой степени пусть и мелоченъ, такъ дорожитъ всякимъ вздоромъ, что къ нему вопли идутъ слова Скалигора, сказаннаго о другомъ хронистѣ Кедринѣ: *quisquiliarum stabulum*, куча сору. Такъ не могъ писать современникъ Юстиніана, современникъ Прокопія и Агаѳія, писателей, еще сохранявшихъ лучшія преданія классическаго искусства; такой писатель достоинъ развѣ только IX вѣка, одного изъ наиболѣе темныхъ и печальныхъ въ исторіи. Самый слогъ и языкъ носятъ печать варварства, чужды всякаго изящества, еще не утраченнаго въ вѣкѣ Юстиніана. Эти замѣчанія Годи не лишены основательности, хотя противъ нихъ высказался уже Рейске, филологъ XVIII вѣка (издатель *De sermone* Константина Вагрянороднаго, см. ниже): Годию не слѣдовало забывать, что онъ имѣетъ дѣло не съ урожденнымъ грекомъ, а жалкимъ сирійцемъ, *homo Syrus*; а съ другой стороны, развѣ въ IX вѣкѣ въ Сиріи преобладалъ не арабскій языкъ, а сирійскій, и развѣ тогда могли еще даваться прозванія на сирійскомъ языкѣ? Годию слѣдовало бы сравнить по языку своего Малалу съ Иоанномъ Антиохійскимъ, но онъ этого не сдѣлалъ; новѣйшій изслѣдователь вопроса пришелъ такимъ путемъ къ весьма важнымъ выводамъ, отчасти въ такомъ же направленіи, какъ въ *Prolegomena* Годи ²⁾.

¹⁾ Къ удивленію нашему, и Гельцеръ въ превосходномъ своемъ изслѣдованіи объ Африканѣ склоняется къ мнѣнію, что Гезихій, по его представленію жившій ранѣе Юстиніана и Мавркія, заимствовалъ данное мѣсто у Малалы. *Gelszer, Sextus Julius Africanus* (Leipzig, 1880) II, 132.

²⁾ Не ясно, къ какому времени Годи относитъ Иоанна Антиохійскаго. Онъ приводитъ одно мѣсто изъ Тецтеева (*Chiliad*. II, v. 30—31), гдѣ упоминаетъ

Затѣмъ Годи старается отклонить возможные и предусматриваемыя имъ возраженія противъ своего тезиса о принадлежности Малалы IX вѣку. Противъ этого можетъ говорить: 1) подробность и хронологическая обстоятельность въ повѣствованіи о времени Юстиніана и приуроченій отдѣльныхъ событій не только къ годамъ, но къ мѣсяцамъ и днямъ; 2) то обстоятельство, что Малала не называетъ Юстиніана Старшимъ или Великимъ (что именно первоначально и означало только старшинство предъ позднѣйшимъ соименникомъ), какъ обязанъ былъ бы сдѣлать, еслибы имѣлъ въ виду еще позднѣйшее правленіе Юстиніана Ринотмета (VII вѣка); 3) то, что на Малалу ссылается Іоаннъ Дамаскинъ въ третьей книгѣ своего сочиненія о поклоненіи иконамъ, а извѣстно, что Дамаскинъ принадлежитъ къ VIII вѣку, никакъ не къ девятому, и никопецъ, 4) то, что въ Пасхальной хроникѣ, составленной въ VII столѣтіи, во время Ираклія, уже встрѣчаются явныя заимствованія изъ Малалы. Противъ этого Годи замѣчаетъ: 1) подробность и обстоятельность Малалы въ описаніи царствованія Юстиніана объясняется не тѣмъ, что онъ былъ современникомъ сего государя, а только тѣмъ, что пользовался современными и хорошими источниками; 2) если онъ не называетъ Юстиніана I Старшимъ или Великимъ, то это чисто случайное явленіе, не имѣющее значенія—въ виду того, что и Юстина I, предшественника Юстиніанова, онъ не называетъ Старшимъ или Великимъ, хотя, конечно, дожилъ до времени второго Юстина, непосредственнаго преемника Юстиніанова; 3) принадлежность третьей книги объ иконахъ Іоанну Дамаскину сомнительна, ибо есть много другихъ произведеній, ложно подписываемыхъ именемъ Дамаскина.

Если первые два отвѣта на предполагаемыя возраженія можно признать правильными, то третій, сейчасъ приведенный, не состоятеленъ. Третья книга Дамаскина совсѣмъ не отличается по содержанію отъ предыдущей второй; но еслибы даже она и не принадлежала Іоанну Дамаскину, то отъ этого никакой пользы Годию нельзя было,

---

Іоаннъ изъ Антиохіи послѣ Діодора и хронографа Георгія, и готовъ принять въ очень точномъ смыслѣ выраженія византийскаго стихоплета (ὁστέρως), изъ котораго выходятъ, что Іоаннъ Антиохійскій жилъ послѣ Георгія — Синкелла, думаетъ Годи, то-есть, опять въ IX вѣкѣ; но на этомъ соображеніи не останавливается, такъ какъ оно важно только для тѣхъ, кто полагаетъ, что у Теццеса подъ Іоанномъ изъ Антиохіи разумѣется Малала, а самъ Годи этого не думаетъ и потому ограничивается только тѣмъ, что рекомендуетъ аргументъ на всякій случай своимъ читателямъ, не вопіивъ во всемъ съ нимъ согласнымъ.

по настоящему, извлечь для своихъ цѣлей, потому что, какъ послѣ указалъ Деккенъ (1, 306, а за нимъ Диндорфъ), обѣ книги—вторая и третья—написаны во всякомъ случаѣ при Львѣ Исаврѣ, послѣ изложенія патріарха Германá, но прежде чѣмъ противъ царя произнесено было на востокѣ рѣшительное осужденіе. 4) О Пасхальной хроникѣ Годій разсуждаетъ такъ, что вѣдь и въ ней замѣчаются различныя составныя части, и есть въ ней позднѣйшія большія вставки, слѣдовательно, и то, что есть въ ней общаго съ Малалою, могло быть вставлено позднѣе; притомъ нужно припомнить, что и самъ Малала списывалъ у другихъ, какъ это видно изъ несообразностей въ изложеніи, хотя и подробномъ, царствованія Юстиніана; Пасхальная хроника могла случайно напасть на тѣ же источники, которыми пользовался и Малала, если ей еще рано было заимствоваться прямо у Малалы. Нѣкоторую благовидность такому явно неправдоподобному предположенію придаетъ то наблюденіе, сдѣланное Годіемъ и доказывающее его проникательность и внимательность изученія, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ общаго съ Малалою содержанія Пасхальная хроника отличается, при буквальной сходствѣ выраженій, все-таки большею полнотою разказа и большею его послѣдовательностью. Но и это наблюденіе не послужитъ въ пользу тезиса, защищаемаго Годіемъ, какъ скоро мы допустимъ, что авторъ Пасхальной имѣлъ въ своихъ рукахъ лучшую, болѣе полную и болѣе первоначальную редакцію Малалы, чѣмъ та, которую намъ сохранилъ списокъ Бодлеевой библіотеки.

Вопросъ о Малалѣ вступилъ въ новую стадію послѣ появленія (въ 1872 г.) статьи Моммсена „Объ отрывкахъ Іоанна Антиохійскаго и Іоанна Малалы“¹⁾, въ которой сообщены были въ болѣе полномъ видѣ отчасти уже приведенные въ извѣстность (Müller, *Fragm. Historie. graec. t. V*) фрагменты обоихъ, вновь найденные въ Мадридскомъ кодексѣ. Мадридскій кодексъ содержитъ въ себѣ очень рѣдкій въ рукописяхъ отдѣлъ (титულъ) Извлеченій Константина Багрянороднаго изъ предшествовавшихъ писателей, именно отдѣлъ о заговорахъ (*περί ἐπιβουλῶν*), и вотъ—нѣкоторые случаи, могущіе подойти подъ категорію заговоровъ и относящіеся ко времени Юстиніана, заимствованы здѣсь изъ Малалы. Непосредственно выше читаются отрывки изъ Іоанна Антиохійскаго—безъ особаго указанія, гдѣ кон-

¹⁾ *Th. Mommsen, Bruchstücke des Johannes von Antiochia und des Johannes Malalas: Hermes VI (1872), 323—383.*

чаются одни и начинаются другіе, ибо въ рукописи въ промежуткѣ оставлено только пустое мѣсто, а предполагаемаго заглавія, для слѣдующаго за Іоанномъ Антиохійскимъ писателя нѣтъ. Есть только заглавіе въ началѣ отрывковъ Іоанна Антиохійскаго, указывающее имя этого писателя, и есть замѣчаніе въ концѣ отрывковъ изъ другаго писателя, указывающее, что здѣсь конецъ исторіи Іоанна по прозванію Малалы о заговорѣ (τέλος — — περί ἀκίβολλῆς). Другими словами: нѣтъ замѣтки о томъ, что въ данномъ пунктѣ кончилась исторія Іоанна Антиохійскаго, и нѣтъ другой замѣтки тутъ же, что начались выписки изъ Малалы; тѣмъ не менѣе, кромѣ оставленнаго чистаго мѣста въ промежуткѣ, о раздѣльности частей свидѣтельствуется и хронологическій поворотъ назадъ въ статьяхъ, слѣдующихъ за пробѣломъ и оканчивающихся означенною замѣткою объ окончаніи исторіи Малалы. Это обстоятельство не лишено значенія, и потому мы его отмѣтили. Но главнымъ образомъ нужно обратить вниманіе на слѣдующее: фрагменты Іоанна Антиохійскаго, давно известнаго и отличнаго отъ Малалы хронографа, къ сожалѣнію, совсѣмъ не дошедшаго до насъ въ самостоятельномъ, отдѣльномъ видѣ, простираются въ Мадритскомъ кодексѣ далѣе времени Юстиніана и Юстина II; тутъ оказываются три статьи, относящіяся къ императору Маврикію и двѣ къ императору Фокѣ. Отчего же извлеченія изъ Малалы, первоначально параллельныя, не идутъ столь далеко? Очевидно, потому, что Малала не разказывалъ о томъ, о чемъ разказывалъ Іоаннъ Антиохійскій. Вѣдь компиляторы, работавшіе для Константина Вагрянороднаго, не стѣснялись повторять одно и то же по содержанію, напротивъ съ особенною охотою сообщали различныя, даже совершенно близкія, версіи одного и того же разказа у различныхъ писателей; есть много событій изъ предыдущаго времени, о которыхъ намъ самыя Извлеченія даютъ возможность знать и по Іоанну Антиохійскому, и по Малалѣ. Поэтому, казалось, съ полнымъ правомъ Моммсенъ указывалъ на то, что мадритскіе отрывки независимо отъ оксфордской рукописи (не имѣющей, какъ мы знаемъ, конца) даютъ возможность отвѣчать на оба вопроса, и притомъ вполне достоверно: и чѣмъ кончилъ свою исторію Малала, и когда онъ жилъ. Хотя отрывки идутъ нѣсколько далѣе въ предѣлахъ царствованія Юстиніана, чѣмъ нашъ оксфордскій текстъ, но только на нѣсколько лѣтъ, и очень вѣроятно, что пробѣлъ въ концѣ кодекса восполняется ими почти вполне. А что авторъ ихъ жилъ скорѣе послѣ Юстиніана, всего скорѣе при Юстинѣ II, это стано-

вится еще болѣе, чѣмъ прежде, очевиднымъ изъ самаго характера фрагментовъ. Именно: Моммсенъ указалъ на то еще болѣе важное обстоятельство, что Константиновы извлеченія изъ Малалы особенно въ концѣ, то-есть, въ восемнадцатой книгѣ его исторіи, представляютъ текстъ во многомъ отличный отъ оксфордскаго, и притомъ не то чтобы болѣе сжатый, а напротивъ болѣе полный и подробный, и несравненно болѣе исправный, чѣмъ текстъ прежде напечатанный Годіемъ. Въ этомъ видѣ извѣстія Малалы становятся несравненно болѣе цѣнными, носятъ на себѣ всѣ признаки современности и во всякомъ случаѣ являются самостоятельными, такъ какъ инья изъ нихъ ни у кого другаго изъ болѣе раннихъ писателей не встрѣчаются. Что же касается отношенія къ позднѣйшимъ хроникамъ, то при сравненіи мадритскихъ отрывковъ съ соответствующими мѣстами Теофана, который несомнѣнно пользовался Малалой, на первый взглядъ представлялось, что отрывки содержатъ въ себѣ именно ту редакцію или тотъ текстъ, какой былъ подъ руками у Теофана, потому что сходство между вновь отысканными фрагментами и Теофаномъ несравненно больше, чѣмъ сходство между оксфордскимъ текстомъ Малалы и Теофаномъ. Послѣдовалъ рядъ статей, въ которыхъ указанія Моммсена получили дальнѣйшее развитіе. Одинъ изъ ученыхъ подвергъ точному изслѣдованію оксфордскій (Барочіанскій) кодексъ и убѣдился, что находящіяся въ немъ пробѣлы—такіе есть не только въ концѣ, но и въ срединѣ,—произошли просто отъ выпаденія листовъ въ разныхъ мѣстахъ, и что въ самомъ концѣ утрачено, судя по внѣшнимъ признакамъ, очень не много, такъ что и по матеріальнымъ даннымъ разказъ не могъ выходить изъ предѣловъ времени Юстиніана ¹⁾. Другой ученый продолжалъ сравненіе Теофана съ Малалой по отрывкамъ и старался наглядно доказать ближайшее сходство именно между ними и текстомъ Теофана, откуда и заключалъ, что Теофанъ пользовался болѣе полною редакціей Малалы, чѣмъ изданная по оксфордскому списку, что послѣдній представлялъ уже переработку и сокращеніе первоначальной редакціи; сверхъ того, этотъ ученый считалъ возможнымъ прослѣдить, до какого именно пункта достигаетъ у Теофана пользованіе Малалой, чтобы этимъ путемъ въ то же время рѣшить вопросъ о пунктѣ, на которомъ оканчивалось сочиненіе Малалы, и результатъ оказывался совпадающимъ съ тѣмъ, что думали

---

¹⁾ К. Joh. Neumann, Der Umfang der Chronik des Malalas in der Oxforder Handschrift: *Hermes* XV, 351.

прежде и что вновь высказалъ Моммсенъ ¹⁾. Третій нѣмецкій изслѣдователь наконецъ вывелъ на сцену давно извѣстный русскимъ ученымъ старославянскій переводъ Маламы, о которомъ прежде предполагалось; что онъ можетъ содѣйствовать къ восполненію недостающаго въ подлинникѣ начала и къ исправленію недостатковъ Оксфордскаго изданія ²⁾. Больше точныя свѣдѣнія о положеніи дѣла въ русской наукѣ и нѣкоторыя важныя указанія для дальнѣйшей разработки вопроса сообщены были по этому поводу И. В. Ягичемъ ³⁾. На основаніи этой

¹⁾ *L. Jeep. Die Lücken in der Chronik des Malalas; Rheinisches Museum für Philologie XXXVI (1881), pag. 351—361.*

²⁾ *Herrn. Haupt, Ueber die altslavische Uebersetzung des Joh. Malalas: Hermes XV, 230—275.*

³⁾ *Jagić, Zum altslavischen Malalas: ibid., 335—237*: Цѣльнаго славянскаго перевода Маламы, который сдѣланъ былъ пресвитеромъ Григоріемъ при болгарскомъ князѣ Симеонѣ, до насъ не дошло, в сохранился только его отрывки болѣе или менѣе значительныя въ разныхъ сборникахъ. Первый, кто обратилъ на нихъ вниманіе и сдѣлалъ у насъ извѣстнымъ имя Маламы, былъ кн. Оболенскій. Въ своемъ введеніи къ изданному имъ лѣтописцу Переслава Суздальскаго (*Временникъ* Московскаго Общества исторіи и древностей IX, 1851 г.) онъ описываетъ сборникъ XV вѣка (Московского главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ), содержащій въ себѣ, кромѣ лѣтописи, и значительныя извлеченія изъ хроникъ Маламы, доходящія здѣсь до времени Веспасіана, то-есть, только до десятой книги подлинника. Въ статьѣ князя Оболенскаго приводятся многіе отрывки, сопоставляемые съ греческимъ оксфордскимъ подлинникомъ. Тотъ же самый сборникъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ описывается у *И. П. Срезневскаго* въ *Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малозвѣстныхъ памятникахъ, LXXXIV (Записки Императорской Академіи Наукъ 1879 г., томъ XXIV, приложение)*. Въ сочиненіи *А. Н. Попова*, *Обзоръ хронографовъ русской редакціи* (Москва. 1866) содержатся указанія на мѣста, вошедшія изъ Маламы въ первый *Еллинскій лѣтописецъ*, и тоже приведены нѣкоторыя статьи. Затѣмъ о Маламѣ говорится въ „Исслѣдованіяхъ и замѣткахъ“ князя М. А. Оболенскаго (С.-Петербургъ. 1875 г.), стр. 144, и здѣсь еще разъ приведены нѣкоторыя выписки стр. 302, 303, 328, 329. Последнія изъ нихъ относятся къ позднѣйшему времени, къ царствованію Юстиніана, и заимствованы изъ *Ближнскаго лѣтописца* (по синодальной рукописи). Князь Оболенскій замѣтилъ, что въ славянскомъ переводѣ встрѣчаются нѣкоторыя мелкія отличія отъ греческаго текста по Оксфордской рукописи, болѣе сближающія славянскій текстъ съ изложеніемъ Θεοφάνη (имена гунскихъ князей, пропущенныя въ изданіи Годія, находятся въ славянскомъ и у Θεοφάνη). Наконецъ, въ „Описаніи рукописей Виленской публичной бібліотеки“ *Добржанскаго* (Вильна, 1882) описывается (стр. 246—254) хронографъ, принадлежавшій прежде Супрасельскому монастырю и очевидно родственныи по содержанию съ первою частію сборника Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, то-есть, содержащій въ себѣ извлеченія

статьи можно пока сказать только то, что славянской переводъ отстываетъ на второй планъ въ виду вновь открытыхъ подлинныхъ отрывковъ, и что, помимо начала онъ не представляетъ важныхъ данныхъ и совершенно ясныхъ указаній по поводу возбужденныхъ вопросовъ, то-есть, какъ по вопросу о первоначальномъ текстѣ, такъ и по вопросу объ объемѣ сочиненія Малалы. Кажется, что тѣ его части, которыя вошли въ составъ Еллинскаго хронографа, гораздо ближе къ оксфордскому тексту, чѣмъ къ тексту Извлеченій Багрянороднаго, хотя есть легкія отличія и отъ перваго. Что же касается важнѣйшаго московскаго списка, представляющаго переводъ Малалы времени Волгарскаго царя Симеона, то къ сожалѣнію, онъ заключаетъ въ себѣ только начальныя части хроники, гдѣ не представляется возможности сравненія съ текстомъ фрагментовъ. Впрочемъ, на указанныхъ изслѣдованіяхъ дѣло не остановилось. Мы еще должны отмѣтить замѣчательную статью ученаго грека (въ Одессѣ), г. Сотиріадиса объ Іоаннѣ Антиохійскомъ¹⁾. Для вопроса о Малалѣ всего болѣе имѣетъ значеніе критическое разсмотрѣніе тѣхъ отрывковъ мадритской рукописи, которые приписаны Іоанну Антиохійскому и простираются за предѣлы царствованія Юстиніана. Вопреки Моммсену, Сотиріадисъ полагаетъ, что они никакъ не могутъ принадлежать Іоанну Антиохійскому, а напротивъ, должны быть отнесены на счетъ Малалы, такъ что вновь пріобрѣтенная, казалось, твердая почва опять колеблется. Малалѣ должны принадлежать и тѣ вышеупомянутые фрагменты о царяхъ Маврикіѣ и Фокѣ, что снова отбрасываетъ насъ если не въ IX столѣтіе, какъ хотѣлъ Годій, то по крайней мѣрѣ въ VII, въ эпоху Ираклія. На чемъ же основаны такія заключенія? Внимательно изучивъ отрывки Іоанна Антиохійскаго, несомнѣнно и безспорно ему принадлежанцію, Сотиріадисъ показываетъ убѣдительно и наглядно, что стиль и языкъ этихъ статей совершенно другой, чѣмъ въ статьяхъ о Юстинѣ II, о Маврикіѣ и Фокѣ. Іоаннъ Антиохійскій является писателемъ, не лишеннымъ вкуса, не чуждымъ классическаго образованія; онъ всегда соблюдаетъ требованія чистоты и правильности языка, держится съ успѣхомъ традицій аттической прозы. Если сравнить несомнѣнно ему принадлежанція статьи съ таковыми же статьями Малалы, особенно

въ Малалы. Отрывокъ о *Созіа*, составляющій славянскую дополнительную статью и здѣсь приведенный, былъ уже напечатанъ княземъ Оболенскимъ въ предисловіи къ Переяславле-Суздальскому летописцу.

¹⁾ *Georgios Sotiriadis. Zur kritik des Johannes von Antiochia. Leipzig, 1887.*

однороднаго содержанія, то окажется весьма рѣзкая разница въ изложеніи; въ самомъ дѣлѣ можно сказать, что тутъ цѣлая пропасть: вмѣсто чистоты и благородства выраженія являются безпомощная грубость и варварство. Но именно такая же совершенно грубость и варварство отличаютъ и отрывки о Маврикіѣ и Фокѣ, найденныя въ мадритскомъ спискѣ и стоящіе въ немъ подъ рубрикою Іоанна Антиохійскаго. Однимъ словомъ, Сотиріадисъ полагаетъ, что тутъ произошла какая-нибудь путаница, какал-нибудь случайная перестановка, вслѣдствіе которой перемѣшаны статьи двухъ писателей, и часть того, что принадлежало Малалѣ, отнесена въ долю Іоанна Антиохійскаго. Съ своей стороны мы должны признаться, что выводы и соображенія ученаго одесскаго грека, не смотря на многія блестящія стороны изслѣдованія, не во всемъ кажутся намъ рѣшительными и вполне убѣдительными. Что отрывки о Юстинѣ, Маврикіѣ и Фокѣ, судя по литературнымъ признакамъ, не могутъ принадлежать Іоанну Антиохійскому, съ этимъ приходится согласиться, но что они принадлежатъ именно Малалѣ, это еще сомнительно. Могло быть и такъ, что Іоаннъ Антиохійскій имѣлъ своего особаго продолжателя, который уже не умѣлъ такъ хорошо писать, какъ онъ самъ, и который, конечно, жилъ позже. Очень обыкновенное дѣло, что продолженіе, особенно если это незначительная по относительному объему прибавка, при повдѣйшемъ пользованіи не отличается отъ основной части цѣлаго произведенія. Возможно даже и другое, обратное предположеніе, что именно Іоаннъ Антиохійскій былъ продолжателемъ, оканчивавшимъ хроніку и сообщившимъ ей имя, и что лучше написанная часть сочиненія представляетъ плагиатъ у невѣстнаго намъ, болѣе ранняго и болѣе образованнаго автора. Еслибы какимъ-нибудь другимъ путемъ было доказано съ полною очевидностью, что Малала жилъ не ранѣе времени Ираклія, то конечно, не зачѣмъ было бы искать другаго Іоанна, тоже жившаго при Иракліѣ и писавшаго предполагаемое продолженіе. Но развѣ это сдѣлано? Г. Сотиріадисъ, правда, для подкрѣпленія своихъ соображеній, основанныхъ на изученіи языка и стиля, обращается къ старому аргументу Годія—о невозможности, чтобы уроженецъ Антиохіи и современникъ царствованія Юстиніана говорилъ о событіи, касающемся этого города и этого времени, на основаніи архивныхъ данныхъ. Но сила этого аргумента ослаблена теперь тѣмъ, что самый текстъ Малалы по оксфордскому списку представляется сомнительнымъ относительно своей совершенной подлинности; можетъ быть, повдѣйшій редакторъ

нѣсколько переиначилъ выраженія первоначальнаго автора. Что же касается догадки, что эпитоматоръ Малалы жилъ послѣ 687 года, послѣ распространенія болгаръ по Балканскому полуострову, послѣ занятія ими не только Мезіи, но и долины Аксія и Гебра (Вардара и Марицы), то эта догадка, сама по себѣ правдоподобная, основана въ диссертациі на весьма непрочномъ фундаментѣ ¹⁾. Окончательный выводъ изъ всего вышесказаннаго тотъ, что оксфордское изданіе Малалы, повторенное безъ измѣненій и въ боннскомъ, въ настоящее время не удовлетворяетъ нашимъ требованіямъ, что для рѣшенія всѣхъ вопросовъ критическихъ, а также для доставленія историкамъ возможности пользоваться этимъ источникомъ, болѣе важнымъ, чѣмъ предполагалось,—прежде всего необходимо новое изданіе, въ которомъ были бы сведены всѣ существующіе въ рукописяхъ фрагменты, а также приняты въ расчетъ извлеченія или заимствованія позднѣйшихъ авторовъ, и равнымъ образомъ славянскій переводъ и славянскія компиляціи ²⁾.

Посланіе Бентли, которымъ сопровождалось изданіе Годія, не касалось собственно Малалы, какъ источника для византійской исторіи, но преимущественно оцѣнивало тѣ свѣдѣнія, какія имъ сообщаются относительно классической литературы: въ этомъ отношеніи нашъ писатель оказался весьма жалкимъ и неумѣльнымъ компиляторомъ. Именно письмо Бентли утвердило за нимъ его печальную репутацію. Хотя эта сторона и не входитъ прямымъ образомъ въ кругъ нашего разсмотрѣнія, мы все-таки считаемъ не лишнимъ познакомить съ со-

¹⁾ Въ настоящемъ текстѣ Малалы (р. 122) встрѣчается сопоставленіе болгаръ съ *миридонянами*; г. Сотирідисъ полагаетъ, что въ основѣ отождествленія лежитъ географическое тождество мѣстожительства болгаръ и прежнихъ владѣній Ахиллеса, сына Пелеева—въ Тессаліи: но онъ ошибается; Левъ Діаконъ зналъ о пребываніи Ахиллеса съ его *миридонянами* гдѣ-то на берегахъ Чернаго моря и ссылался при этомъ на авторитетъ Арріана—вѣроятно интерполированнаго. Атталатъ (pag. 37) тоже зналъ *миридонянь* гдѣ-то на сѣверѣ отъ Дуная.

²⁾ Кромѣ вышеупомянутыхъ статей, слѣдуетъ указать: *Gelzer, S. Iulius Africanus* (Leipzig. 1885), гдѣ во второмъ томѣ посвящена глава ветхозавѣтной хронологіи Малалы (pag. 129—138) и статью *Фрика* въ юбилейномъ сборникѣ Курциуса: *Frick, Zu Malalas. Historisch. und philolog. Aufsätze Ernst Curtius gewidmet* (1884). Въ Страсбургскомъ юбилейномъ изданіи 1888 года: *Festschrift zur Feier des 350 jährigen Bestehens des protestantischen Gymnasiums (zu Straßburg)*, II Theil, появилась статья: *M. Erdmann, Adversaria critica in Malalae chronographiam*, но мы пока знаемъ о ней только по объявленіямъ въ нѣмецкихъ журналахъ.

держаніемъ знаменитаго произведенія, положившаго основаніе ученой славы англійскаго филолога ¹⁾). Бентли замѣчаетъ, что вопросы о личности автора и времени, когда онъ жилъ, не входятъ въ его область, и онъ предоставляетъ ихъ Годію, а самъ прямо переходитъ къ тексту хроники. Малала смотрѣлъ на греческую міеологию какъ на дѣйствительную исторію дѣйствительныхъ событій и включалъ ея указанія въ свой разказъ, сплетая ихъ съ другими путями аттическаго преданія. Перечисливъ рядъ баснословныхъ царей Аттики, Малала продолжаетъ: „вскорѣ затѣмъ былъ Гедеоиъ судьбою въ Израилѣ и жилъ знаменитый поэтъ Орфей изъ Тиракіи“, а вслѣдъ затѣмъ цитуетъ изъ мистической теологіи Орфея, между прочимъ, одно предложеніе, которое, хотя и состоитъ изъ обыкновенныхъ словъ, но совершенно непонятно. Бентли останавливается на этомъ предложеніи и показываетъ, что въ сильно испорченныхъ словахъ греческаго текста скрываются имена трехъ мистическихъ боговъ позднѣйшей орфической системы, символизирующихъ свѣтъ, свѣтъ и жизнь (Μῆτιν, Φάνητα, Ἠριεπαῖον). Онъ доказываетъ эту сколько остроумную, столько же вѣрную эмендацію ссылкой на одно мѣсто Дамасція, послѣдняго замѣчательнаго неоплатоника (въ началѣ VI вѣка), который написалъ сочиненіе „Вопросы и отвѣты о первыхъ началахъ“, гдѣ онъ давалъ очеркъ мистическихъ ученій: такъ какъ изъ этого сочиненія еще ничего не было издано, то Бентли цитуетъ его по рукописи Оксфордскаго университета. Далѣе онъ разсматриваетъ рядъ подложныхъ (сивиллинскихъ) изреченій оракуловъ, которыя Малала передаетъ κοινῶ διαλέκτῃ—въ общедоступной прозѣ, и показываетъ, что приведенныя сирійцемъ совершенно сходны съ найденными имъ, Бентли, въ Оксфордской библіотекѣ „Изреченіями и богоученіями еллинскихъ философовъ“ (χρηστοὶ καὶ θεολογίαι). Послѣ того Бентли обращается къ тѣмъ мѣстамъ хроники, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія объ аттическихъ драматургахъ; онъ доказываетъ неподлинность одного фрагмента, приписываемаго Софоклу, въ которомъ говорится о единствѣ божества и неправильномъ его почитаніи у грековъ; перебираетъ всѣ случаи, гдѣ Малала упоминаетъ о Еврипидѣ, подтверждаетъ, либо поправляетъ, сообщаемыя византійцемъ заглавія многихъ потерянныхъ пьесъ Еврипида, исправляетъ по пути многія мѣста изъ поэта, которыя ему приходится приводить. Полнота обширнаго и глубина чрезвычайно много-

¹⁾ Ср. *Iebb*, Richard Bentley. London. 1882 (одинъ изъ томовъ собранія: English men of letters).

сторонняго знанія характеризуютъ какъ все письмо, такъ особенно этотъ отдѣлъ: слѣдующій примѣръ покажетъ это наглядно. Малала говоритъ: „Еврипидъ написалъ драму Пазифаѣ“. Бентли (pag. 685, Vopp.) замѣчаетъ: „я говорю не на вѣтеръ, когда утверждаю, что никто изъ древнихъ не упоминаетъ „Пазифаѣ“ Еврипида“. Комикъ Алкеѣ дѣйствительно сочинилъ пѣсу съ этимъ наименованіемъ, и она была представлена въ одинъ день съ Плутосомъ Аристофана. Затѣмъ справедливо, прибавляетъ Бентли,—что исторія Пазифаѣ въ самомъ дѣлѣ была трактована въ одной изъ потерянныхъ трагедій Еврипида „Критянки“, что доказывается ссылкой на схолиаста къ Аристофановымъ „Лягушкамъ“. Однако и самъ схолиастъ требуетъ поправки, когда онъ говоритъ, будто Еропа (Аегоре) встрѣчается въ Критянахъ Еврипида; онъ смѣшалъ Критянокъ съ другою потерянною трагедіей Еврипида „Критянки“; въ одной рѣчь шла объ исторіи Икара и Пазифаѣ, въ другой—объ Атреѣ, Оіестѣ и Еропѣ. Порфирій цитуетъ въ своей книгѣ О воздержаніи девять стиховъ изъ одной Еврипидовой трагедіи, обращенныхъ отъ лица хора къ Миносу; эти испорченные стихи исправлялъ и переводилъ Гуго Гроціи въ своихъ извлеченіяхъ (Excerpta) изъ греческихъ трагиковъ и комиковъ, считая ихъ заимствованными изъ „Критянокъ“: Бентли (мимоходомъ поправляя одного грамматика) доказываетъ, что они могутъ вести свое происхожденіе только изъ „Критянокъ“, затѣмъ переходитъ къ латинскимъ стихамъ Гроціи и развѣру ихъ и показываетъ, что всѣ безъ исключенія филологи, начиная Гроціемъ и не исключая самого Скалигера, не имѣли надлежащаго точнаго понятія о законахъ латинскаго анапеста, хотя и часто пользовались этимъ развѣромъ, при семъ случаѣ Бентли впервые устанавливаетъ нѣкоторые законы латинскаго стихосложенія.. Еще разъ Бентли возвращается къ фрагменту „Критянокъ“ у Порфирія, съ которымъ не умѣлъ справиться Гроціи, и въ свою очередь восстанавливаетъ надлежащее чтеніе въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ несомнѣнною вѣрностью, въ другихъ слишкомъ поспѣшно. Но онъ еще не попочилъ со стихами: кипарисъ въ нихъ представляется какъ туземное на Критѣ растеніе, и это служитъ поводомъ къ тому, что Бентли приводитъ изъ Плинія, Теофраста, Солина мѣста, сюда относящіяся и требующія объясненія. Малала упоминаетъ о потерянной Еврипидовомъ „Мелеагрѣ“; Бентли, приведя другое мѣсто изъ этой пѣсны, сохраненное Гезихіемъ, пользуется представившимся случаемъ, чтобы подробно указать причины порчи текста, многихъ искаженныхъ чтеній, встрѣчающихся въ лексиконѣ Гезихія, и это есть одна изъ болѣе

значительныхъ частей письма. Часто приходится Бентли исправлять собственные имена, испорченныя Малалю. Хронистъ называетъ, какъ первыхъ драматурговъ, Ѳемиса, Миноса, Авлея; Бентли показываетъ, что онъ имѣлъ въ виду Ѳесписа, Иона Хюсскаго и Эскила и т. д. Письмо заканчивается нѣсколькими замѣчаніями о написаніи имени Малелы или Малалы.

Есть небольшое сочиненіе одного стариннаго автора, занимавшагося критико-библіографическими трудами по церковной исторіи, подъ такимъ заглавіемъ: „О несчастной долѣ византійскаго писателя Генесія относительно изданія его труда“ ¹⁾. Этотъ Генесій есть довольно важный источникъ для исторіи Византіи въ IX вѣкѣ, и писалъ онъ по внушенію императора Константина Багрянороднаго. Сочиненіе его сохранилось въ единственной рукописи, которая издавна находится въ Лейпцигѣ; она писана на пергаментѣ и должна быть считаема очемъ древнею. Еще въ XVII вѣкѣ обратилъ вниманіе на хронику Генесія Андрей Бове (1626—1674 гг.), профессоръ исторіи въ Іенскомъ университетѣ; выпуская въ свѣтъ свое разсужденіе о свидѣтельствѣ еврейскаго писателя Іосифа Флавія о Христѣ, онъ явилъ намѣреніе издать эту хронику ²⁾.

Изъ нерешки Бове съ современною филологическою знаменитостію, Рейпезомъ, извѣстнымъ своими эпитафическими трудами, мы видимъ, что Бове очень усердно и очень долго носился съ этимъ планомъ, и все оказывались какія-нибудь препятствія ³⁾. То онъ боялся, чтобы его не предупредили во Франціи и справлялся черезъ Ламбека извѣстенъ ли такой писатель издателямъ Луврской коллекціи; то являлись опасенія со стороны Бельгіи ⁴⁾. Но вотъ Бове увѣрился, что другаго экземпляра нигдѣ не оказывается; что даже въ Италіи не слыхали о Генесіѣ; напротивъ, изъ Парижа, отъ Ф. Лабба и Дю-При, которые чрезвычайно заинтересовались хроникой по сооб-

¹⁾ *Oudin*, De adversa Fortuna Iosepho Genesisio, historiae Byzantinae scriptori, quoad operis editionem—въ *Commentar. de scriptorib. ecclesiasticis*, II, 435. Повторено въ изданіи *Histoire critique de la Republique des lettres*, t. XV, № 5.

²⁾ *Diatriba de testimonio Flavii Iosephi*. Бове больше извѣстенъ своими трудами по государственнымъ наукамъ: см. о немъ *Wegeler*, *Geschichte Deutsch. Historiogr.*, p. 535. *Bursian*, *Gesch. der classisch. Philolog.*, p. 335.

³⁾ *Thomae Reinesii et I. Andr. Vesii virorum celeberrimorum epistolae mutuae. Luci dat Schmidius*. Ienae. 1700. (Есть въ Императорской Публичной Библіотекѣ).

⁴⁾ *Pag. 17. De Genesisio non est quod metuum, ne praeveniar ab editore alio et cet.* *Ср. pag. 104.* Оба письма писаны въ 1653 году.

ценнымъ туда выдержкамъ, получено было предложеніе включить открытаго автора въ Парижское собраніе. Чего бы лучше? Но Воze почему-то находилъ, что нельзя довѣрять французамъ, тѣмъ болѣе что свой нѣмецкій книгопродавецъ предлагалъ нужное содѣйствіе. Съ другой стороны, если книга выйдетъ въ Германію, то это не понравится французамъ, и тогда издателю придется испытать ихъ недоброжелательство ¹⁾. Рейнезъ, съ которымъ Воze совѣтовался въ столь затруднительномъ своемъ положеніи, не понималъ, чего онъ страшится со стороны галловъ. Если бояться всякаго малѣйшаго порицанія, то совсѣмъ не слѣдуетъ братья за какое-либо литературное дѣло и нужно отказаться отъ всякихъ стремленій къ славѣ. Если французы вздумаютъ перепечатать изданіе, то конечно, они не скроютъ имени перваго издателя; они навѣрное не откажутъ и въ своихъ похвалахъ, если трудъ будетъ того достоинъ, если Воze хорошо справится съ дѣломъ... Рейнезъ говорилъ даже о заслугахъ предъ потомствомъ и совѣтовалъ не покидать дѣла, послѣ того какъ столько разъ даваемы были обѣщанія ²⁾. Послѣ нѣкотораго промежутка времени у Воze опять возникли мучительныя сомнѣнія: какой-то пріятель сообщилъ ему, что въ Римѣ отыскался другой экземпляръ Генесія, что копія съ него снята Голстеномъ и отправлена въ Парижъ. Если такъ, то слѣдуетъ совсѣмъ отказаться отъ предпріятія; Воze собирався писать Лаббу, чтобы получить точныя свѣдѣнія ³⁾. Когда, по истеченіи еще нѣкотораго срока, Рейнезъ, кажется не безъ ироніи, спрашивалъ, чтѣ дѣлается съ Генесіемъ, то Воze отвѣчалъ, что его все продолжаетъ смущать молва о римской копіи, посланной въ Парижъ Голстеномъ, и отъ того онъ не могъ заниматься съ надлежащимъ усердіемъ приготовленіемъ своего изданія ⁴⁾. Такъ на этомъ все и остановилось: какъ римская копія, такъ и проекты Воze, оказались праздною мечтою.

По смерти Воze (въ 1674 г.), его копія съ лейпцигскаго подлинника съ краткими примѣчаніями Рейнезія поступила, согласно завѣщанію бывшаго профессора, вмѣстѣ со всѣми его книгами въ бібліотеку Іенскаго университета. Преемникъ Воze по кафедрѣ, Георгъ Шубартъ тоже собирався издавать Генесія, но не исполнилъ своего обѣ-

¹⁾ Pag. 164 (anno 1654).

²⁾ Pag. 167.

³⁾ Pag. 170.

⁴⁾ Pagg. 177, 179 (anno 1654).

щанія; то же самое повторилось съ Кюстеромъ, издателемъ Свиды и Аристофана, очень извѣстнымъ и знающимъ филологомъ, помощникомъ Фабриція въ изданіи его „Библіотеки“. Потомъ много хлопоталъ объ изданіи Генесія Готфридъ Вагнеръ, пасторъ въ Лейпцигѣ, но преждевременная смерть его помѣшала осуществленію возбужденныхъ ожиданій. Еще встрѣчается одно имя, съ которымъ были соединены тщетныя надежды: Готфр. Олеарій (Olearius, собств. Oehlschläger, 1672—1715 гг.): къ нему именно обращался Уденъ (Oudin) съ своими увѣщаніями, припоминая печальную судьбу, которая до сихъ поръ преслѣдовала Генесія. Наконецъ взялся за дѣло Стефанъ Берглеръ (Bergler), главный помощникъ Фабриція при составленіи *Bibliotheca graeca*, одинъ изъ лучшихъ въ свое время знатоковъ греческаго языка и литературы, но человѣкъ безпорядочнаго поведенія, склонный къ пьянству и отъ того постоянно находившійся въ стѣсненномъ положеніи: не смотря на свои таланты и познанія, онъ часто вынужденъ бывалъ зарабатывать себѣ средства къ жизни корректурною работою у книгопродавцевъ; переселялся изъ Лейпцига въ Амстердамъ, въ Гамбургъ къ Фабрицію и снова возвращался въ Лейпцигъ; его работи надъ Геродотомъ и Аристофаномъ, отличавшіяся большими достоинствами, не могли быть изданы имъ самимъ и попали въ другія руки. Нѣчто подобное произошло и съ Генесіемъ. Берглеръ отыскалъ подлинную лейпцигскую рукопись, приготовилъ переводъ греческаго текста на латинскій языкъ, присоединилъ небольшое количество примѣчаній, впрочемъ—довольно торопливыхъ и поверхностныхъ; изданіе не было имъ выпущено въ свѣтъ. Самъ Берглеръ переселился въ Бухарестъ, въ качествѣ секретаря и учителя при дѣтяхъ господаря Валахій, Маврокордато, откуда еще присылалъ сообщенія о рукописяхъ библіотеки этого мецената, но послѣ его смерти (въ 1730 г.) удалился въ Константинополь, и тамъ совсѣмъ исчезъ: былъ слухъ, что онъ даже потурчился, то-есть, принялъ магометанство ¹⁾. Работа Берглера надъ Генесіемъ, однако, не пропала: его бумаги достались I. Бурхардту Менке (Joh. Burkhard Mencke, 1674—1732 гг.), профессору исторіи въ Лейпцигѣ, извѣстному издателю *Acta eruditorum* ²⁾. Менке отъ своего имени предложилъ готовый трудъ Берглера издателямъ венеціанской коллекціи византійцевъ, въ числѣ конхъ находился книгопродавецъ Паскуале (Pasquale). Менке

¹⁾ О Берглерѣ см. *Bursian*, *Gesch. der Philologie*, p. 364.

²⁾ О Менке: *Wegele*, pag. 567. *Bursian*, p. 356—364.

объявлялъ приложить обширное предисловіе, біографію Генесія, точное описаніе оригинальной рукописи; однако ничего этого не было сдѣлано. Хотя послѣ Вурхарда Менке въ бумагахъ остался готовый замѣтки, по которымъ его сынъ составилъ какіе-то комментаріи, но вслѣдствіе своей беззаботности и невнимательности венеціанскіе издатели не приняли мѣръ для того, чтобы воспользоваться ими. Въ рукахъ Паскуале была только работа Берглера, то-есть, греческій текстъ съ латинскимъ переводомъ и краткими примѣчаніями, и въ этомъ видѣ изданъ былъ Генесій, безъ всякаго упоминанія о Берглерѣ, притомъ изданъ весьма небрежно даже въ типографскомъ отношеніи такъ что текстъ изобилуеoval опечатками. Къ изданію приложены были примѣчанія Бозе и Рейневія. Такимъ образомъ безъ малѣйшей выгоды для дѣла, а напротивъ съ большимъ для него ущербомъ Генесій, котораго желали издать еще Лаббъ съ товарищами, дождался вмѣсто парижской коллекціи венеціанской; происшедшій отсюда вредъ и до сихъ поръ остается не исправленнымъ.

Первостепенное по своему значенію для изученія самой характеристичной стороны византійскаго быта сочиненіе „О придворномъ чинѣ“ или какъ оно называется по латыни О церемоніяхъ (De sermone), приписываемое императору Константину Багрянородному, дошло до насъ, подобно хроникѣ Генесія, въ единственномъ спискѣ, и этотъ списокъ скрывался отъ взоровъ ученыхъ людей до восемнадцатаго столѣтія: издатели французской коллекціи византійцевъ, а въ числѣ ихъ и самъ Дюканжъ, не имѣли никакого понятія о существованіи такого сочиненія. Какую богатую жатву могъ бы онъ иначе собрать здѣсь для своего греческаго Глоссарія и сколько средневѣковыхъ греческихъ выраженій и терминовъ нашли бы здѣсь себѣ болѣе отчетливое и полное объясненіе! Сколь драгоценны были бы для топографіи Константинополя многочисленныя указанія на положеніе и взаимное отношеніе различныхъ церквей и дворцовъ съ ихъ отдѣленіями, содержащіяся въ описаніяхъ многообразныхъ императорскихъ процессій и выходовъ! Въ первыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія оказалось, что книгою, которая заключаетъ въ себѣ столь великую драгоценность, владѣеть нѣкто Копрадъ Уффенбахъ, членъ городского сената въ Франкфуртѣ на Майнѣ; онъ сообщилъ о кодексѣ свѣдѣнія Альберту Фабрицію, который и помѣстилъ таковыя въ первомъ изданіи его знаменитаго бібліографическаго труда „Bibliotheca graeca“ (vol. VI, 622—640, по изданію 1705—1714 гг.). Отсюда можно было узнать, что кодексъ писанъ на пергаментѣ хо-

рошимъ и древнимъ почеркомъ приблизительно XI-го столѣтія, что онъ отлично сохранился за исключеніемъ одной утраченной тетради (quaternio) и нѣсколькихъ отдѣльныхъ потерянныхъ листовъ, что утрата послѣдовала раньше, чѣмъ кодексъ получилъ свой переплетъ. Но какъ достался кодексъ Уффенбаху, это осталось необъясненнымъ; самъ владѣлецъ не въ состояніи былъ что-нибудь сказать на этотъ счетъ... Суди по тому, что переплетъ украшенъ соединенными гербами Угорскаго и Чешскаго королевствъ, ученые впоследствии догадывались, что драгоценный кодексъ нѣкогда входилъ въ составъ бібліотеки короля Матвѣя Корвина. Такъ или иначе, вслѣдъ за первыми извѣстіями о существованіи неизвѣстнаго доселѣ творенія гессенскій профессоръ г. Май (Majus) заявилъ, что онъ съ согласія владѣльца рукописи намѣренъ издать его въ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ, который онъ уже и окончилъ. Что стало съ этимъ переводомъ, не извѣстно. Отъ Уффенбаха кодексъ поступилъ въ бібліотеку города Лейпцига, гдѣ хранится и понынѣ. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго нѣмецкаго историка и публициста, профессора естественнаго и международнаго права, Маскова (Mascow), который завѣдывалъ означенною бібліотекою; онъ впустилъ одному молодому ученому Лейху, часто посѣщавшему бібліотеку, мысль взяться за изданіе любопытнаго текста; такъ какъ переводъ Мая куда-то пропалъ, то Лейхъ прежде всего обязанъ былъ приняться за передоженіе греческаго текста на латинскій языкъ. Обладая хорошими способностями и надлежащею подготовкою, Лейхъ въ 1743 году принялся за трудъ, и уже въ этомъ году издалъ въ второй части сочиненія сороковую главу въ видѣ приложенія при своемъ изслѣдованіи „О диптихахъ у древнихъ“¹⁾, такъ какъ глава эта имѣла отношеніе къ предмету диссертациі: патриціанское обличеніе, въ ней описываемое, тутъ же приравнивается къ древнему консульскому, а это послѣднее часто встрѣчается на такъ называемыхъ консульскихъ диптихахъ, на тѣхъ особаго разряда украшенныхъ портретами складняхъ, которые консулы раздавали и дарили при вступленіи въ должность. За тѣмъ, черезъ два года въ видѣ предварительнаго образца Лейхъ издалъ листъ, содержащій начало сорокъ-второй главы той же второй книги подлинника—съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями: тутъ идетъ рѣчь

¹⁾ Diatriba de diptychis veterum et de dipticho eminentissimi Quirini (Leipzig. 1738. (См. *Bursian*, *Gesch. der Philolog.* p. 410.

о гробахъ императорскихъ и погребальныхъ урнахъ. Между тѣмъ началось и шло впередъ печатаніе перваго тома изданія, но когда оно достигло до 217-й страницы, Лейхъ умеръ (въ маѣ 1750 г.). Впрочемъ нужно сказать, что Лейхъ велъ свое дѣло не особенно хорошо; онъ слишкомъ полагался на копію, сдѣланную другимъ лицомъ (Драудомъ), и печатая съ нея, почти совсѣмъ не справлялся съ подлинною рукописью; поэтому онъ надѣлалъ не мало ошибокъ. Для продолженія дѣла, по указанію Маскова, избранъ былъ Яковъ Рейске (Reiske, 1716—1774), и это былъ наиболѣе къ тому подходящий человѣкъ. По своему отличному знанію латинскаго языка и особенно греческаго онъ стоялъ на ряду съ первѣйшими еллинистами того времени, голландцами, Гемстерхузіемъ и Валькперомъ; но, сверхъ того, онъ былъ также замѣчательнымъ ориенталистомъ. Еще будучи студентомъ Лейпцигскаго университета, мало посѣдая лекціи, но чрезвычайно ревностно, хотя безъ порядка и плана, предаваясь научнымъ занятіямъ, Рейске попалъ на мысль объ изученіи арабскаго языка и литературы. Видя, что въ Лейпцигѣ онъ не можетъ достигнуть въ этомъ желаемыхъ успѣховъ, онъ отправился въ Голландію, не смотря на отсутствіе достаточныхъ средствъ къ жизни, чтобы пользоваться рукописями Лейденской бібліотеки и слушать лекціи знаменитаго ориенталиста Шультенса. На чужбинѣ Рейске снискивалъ себѣ пропитаніе корректурными трудами, уроками греческаго и латинскаго языковъ, работами для другихъ ученыхъ; онъ успѣлъ въ арабскомъ на столько, что скоро оставилъ позади себя Шультенса и нашелъ еще возможность заниматься медициною, какъ средствомъ для приобрѣтенія средствъ къ жизни (Brodstudium); онъ получилъ степень доктора. Послѣ возвращенія въ Германію (1746 г.) Рейске цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ бѣдствовалъ, жилъ въ крайней нуждѣ, работалъ на другихъ по заказу за самое скудное вознагражденіе, и даже когда сдѣлался профессоромъ арабскаго языка въ Лейпцигскомъ университетѣ, то получалъ не болѣе ста талеровъ въ годъ: только впоследствии онъ достигъ сноснаго положенія, какъ ректоръ Nikolaischule, но тогда онъ уже прославилъ свое имя цѣлымъ рядомъ первостепенныхъ трудовъ въ области древней филологіи, значенія которыхъ, впрочемъ, долго не хотѣли признавать цеховые присяжные филологи, соперники и завистники рѣзкаго на языкъ и самостоятельнаго ихъ собрата ¹⁾). Именно въ періодъ крайней нужды

¹⁾ О жизни и трудахъ Рейске, котораго Моммсенъ называетъ *несравненнымъ*, можно почерпнуть свѣдѣнія изъ его собственной автобіографіи, изданной

(въ 1750 г.), Масковъ обратился къ Рейске съ предложеніемъ продолжать трудъ Лейба. Пересмотрѣвъ то, что было приготовлено, Рейске счелъ необходимымъ еще разъ сличить копию, сдѣланную для печати, съ подлинною рукописью и на основаніи этого сличенія исправилъ наиболѣе вопіющія ошибки предшественника; ему пришлось возстановлять цѣлыя строки, цѣлыя періоды, обезображенные пропусками словъ и предложеній, одинаково оканчивающихся въ подлинномъ текстѣ (*оросотѣлота*); поправки такого рода, относящіяся уже къ отпечатаннымъ листамъ, указаны были точнымъ образомъ въ комментаріяхъ; дальнѣйшій текстъ, приготовленный къ печати самимъ Рейске, отличается несравненно большею исправностью, хотя онъ все-таки не уничтожилъ всѣхъ погрѣшностей, всѣхъ необычайныхъ и странныхъ чтеній, какими первоначальный списокъ былъ наполненъ. Если, по приговору Нибура, реченія Рейске не можетъ быть признана во всѣхъ отношеніяхъ совершенною, то безусловной похвалы заслуживаютъ его комментаріи, въ которыхъ онъ съ величайшимъ успѣхомъ разъясняетъ самыя темныя стороны чужого и совершенно своеобразнаго быта, удачно толкуетъ слова, совсѣмъ недоступныя пониманію обыкновенныхъ филологовъ; знаніе арабскаго языка въ этомъ случаѣ весьма пригодило Рейске и сослужило тѣмъ большую службу, что въ самомъ византійскомъ придворномъ церемоніалѣ оказывались восточныя вліянія. Лессингъ, который былъ въ числѣ немногихъ современниковъ, умѣвшихъ опѣнить высокіе таланты и большія заслуги Рейске, вопреки записнымъ специалистамъ классикамъ, провозгласилъ его трудъ „удивительнымъ и достойнымъ стать наравнѣ съ самыми славными произведеніями въ своемъ родѣ“.

Изданіе явилось въ двухъ томахъ подъ такимъ заглавіемъ: „Constantini Porphyrogeniti, imperatoris Constantinopolitani, Libri duo de cerimoniis aulae Byzantinae, prodeunt nunc primum graece cum latina interpretatione et commentarii. Curarunt Io. Henricus Leichius et I. Iacobus Reiskius. Первый томъ, содержащій въ себѣ первую книгу или первую часть сочиненія, изданъ былъ въ 1751 г., а второй въ 1754 году.

Въ первомъ томѣ, кромѣ предисловія, написаннаго Рейске, находилась еще біографія Константина Багрянороднаго, составленная

послѣ его смерти его женою и сотрудницею въ изданіи классиковъ: S. Jacob Reiskens von ihm selbst aufgesetzte Lebensbeschreibung. Leipzig. 1783. Ср. *Bursian*, *Gesch. der class. Philolog.*, 407—416.

Лейхомъ и уже обнародованная въ отдѣльномъ видѣ за пять лѣтъ предъ тѣмъ (конечно, на латинскомъ языкѣ). Прежде чѣмъ перейдемъ къ предисловію Рейске, замѣтимъ, что въ самомъ текстѣ подлинника, благодаря особымъ видамъ Лейха, была сдѣлана перестановка противъ рукописи. Кодексъ начинается двумя особыми статьями съ отдѣльными заглавіями, въ которыхъ содержатся, во первыхъ, описаніе порядковъ, какіе соблюдались въ случаѣ личнаго участія императора въ военномъ походѣ еще во времена Константина Великаго, и во вторыхъ, наставленія императора Константина Вагрянороднаго относительно военнаго дѣла, обращенія къ его сыну Роману и касающіяся опять того случая, когда самъ государь принимаетъ предводительство надъ войскомъ. Лейхъ объ эти начальныя статьи пропустилъ и началъ печатаніе съ 21-го листа рукописи; дѣло въ томъ, что онъ занимался военными греческими и византійскими авторами—тактиками и стратегиками, и собирався издать все въ одной коллекціи, въ которую должны были войти и эти главы Константина Вагрянороднаго. Понятно, что Рейске долженъ былъ включить опущенное въ первый же томъ; онъ такъ и сдѣлалъ, помѣстивъ въ концѣ его объ главы въ видѣ приложеній (appendix). Въ всякой пухды этотъ порядокъ сохраненъ и въ болонскомъ изданіи (t. I, pagg. 444—445 и 455—508).

Предисловіе Рейске заслуживаетъ полнаго вниманія. Прежде всего онъ старается въ краткихъ чертахъ обозначить содержаніе и высокій интересъ издаваемого сочиненія. Не только въ этомъ вѣкѣ, говоритъ Рейске,—но и вообще едва ли когда появлялось сочиненіе, столь много дающее для познанія римской и византійской исторіи. При этомъ, какъ филологъ, Рейске все-таки настаиваетъ на томъ, что оно имѣетъ отношеніе и къ классической древности. Византійскій дворъ во многихъ отношеніяхъ представлялъ тѣнь или блѣдную копію императорскаго римскаго. Съ другой стороны, можно утверждать, что нѣтъ такой стороны государственнаго или церковнаго быта, которой бы сочиненіе не касалось. Если кто занимается церковною исторіей, то отсюда онъ можетъ узнать, каково было состояніе греческой церкви въ десятомъ вѣкѣ, какой существовалъ способъ избранія патріарховъ, какія формы соблюдались въ сношеніяхъ патріарховъ съ царями, какое было церковное устройство, и какіе церковныя обряды, какъ торжествовались праздники, и какія когда совершались процессіи и т. д. Если кого больше интересуеетъ гражданская исторія, то онъ найдетъ для себя обильный запасъ почи-

тельныхъ свѣдѣній. Избраніе императоровъ, брачныя пиры, обряды при крещеніи царскихъ дѣтей, при назначеніи подданныхъ на высшія государственныя должности, при возведеніи въ тотъ или другой санъ, царскіе выходы и приемы, выѣзды въ подгородныя дворцы, на сборъ винограда, на уборку хлѣба, все это здѣсь тщательно описано; здѣсь мы видимъ, какъ цари держатъ рѣчь къ подданнымъ въ силенціяхъ, какое участіе принимаютъ въ конскихъ ристалищахъ и въ играхъ цирка, какъ они выслушиваютъ привѣтствія и требованія партій, обозначаемыхъ разными цвѣтами, какъ раздаютъ награды побѣдителямъ, какъ слѣдятъ за плясками, смотрятъ на готскія игры, празднуютъ брумаліи, даютъ торжественныя пиры, какъ отправляются въ военный походъ, что дѣлаютъ въ лагерѣ, какъ возвращаются въ триумфѣ, раздаютъ жалованье военнымъ людямъ, какъ снаряжаютъ флотъ и морскія экспедиціи, принимаютъ иностранныхъ пословъ, отправляютъ своихъ, видимъ весь этотъ блескъ и пышность, сквозь которые иногда просвѣчиваетъ бѣдность и убожество, провожаемъ наконецъ императора въ погребальной церемоніи. Подъ руководствомъ этой книги мы можемъ обозрѣть самыя гробницы императоровъ, взглянуть на ихъ саркофаги съ подлинными на нихъ надписями и встрѣтимъ здѣсь такія имена, какихъ напрасно стали бы искать въ Византійскихъ фамиліяхъ Дюканжа. Съ нею мы можемъ проникнуть въ императорскую сокровищницу, гдѣ хранятся регалии, царскія украшенія и одежды, осмотрѣть самыя ящики (аркас) съ царскимъ гардеробомъ. Лучше чѣмъ изъ какого-либо другаго источника, отсюда можно узнать составъ и іерархію чиповъ придворныхъ, военныхъ, гражданскихъ, познакомиться съ различнаго рода гвардейскими отрядами, держащими караулъ въ длинныхъ переходахъ и портикахъ дворца, составляющими охрану императора и т. д. Описаніе всего этого относится главнымъ образомъ къ десятому вѣку, къ періоду Македонской династіи, и если тогдашній придворный бытъ во многомъ удался отъ обычаевъ времени Θεодосія и Константина, то все-таки онъ гораздо больше сохраняетъ слѣдовъ римской древности, чѣмъ послѣдующая эпоха Комниновъ и Палеологовъ, извѣстная намъ по описаніямъ Кюдина и въ свою очередь представляющая большія отличія отъ того, что находимъ въ сочиненіи, приписываемомъ Константину Багрянородному.

Особенную цѣну Рейске придавалъ тому обстоятельству, что, можетъ быть, въ издаваемомъ имъ произведеніи заключается еще новый остатокъ изъ драгоценныхъ, но утраченныхъ для насъ сборниковъ,

составленныхъ по приказанію Константина Багрянороднаго и содержащихъ въ себѣ извлеченія изъ древнихъ писателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ отрывокъ изъ упоминаемаго только Свидомъ творенія Петра Патриція, современника Юстиніану I. Рейске имѣетъ при этомъ въ виду рядъ статей въ первой книгѣ (отъ главы 91-й по 97-ю), гдѣ съ большою подробностью описывается провозглашеніе и восшествіе на престолъ императоровъ Льва I (456—475), Анастасія (491—518), Юстина I и Юстиніана. Онъ полагаетъ, что эти драгоценныя главы, проливающія новый свѣтъ на соответствующія давнія событія, входили въ составъ перваго потеряннаго для насъ отдѣла (titulus) въ коллекціи Константиновскихъ Извлеченій (Collectanea, Excerpta), именно отдѣла, носившаго заглавіе: о провозглашеніи императоровъ, περί βασιλέων ἀναγορεύσεως. Во всякомъ случаѣ Рейске не сомнѣвается, что эти подробныя и очевидно весьма точныя реляціи заимствованы изъ оцель древняго и своевременнаго фактамъ источника, имя котораго стоитъ выше впереди 84-й главы: ἐκ τῶν μαγίστρον Πέτρον, изъ сочиненія магистра Петра, а объ этомъ Петрѣ есть свѣдѣнія у Прокпія Кесарійскаго и Кассиодора, а также у Свиды; послѣдній сообщаетъ намъ и заглавіе его большого труда: о гражданскомъ устройствѣ, περί πολιτικῆς καταστάσεως ¹⁾. Въ другомъ отдѣлѣ (титулѣ) извлеченій Багрянороднаго, именно въ отдѣлѣ о посольствахъ (de legationibus, περί πρεσβειῶν) тоже встрѣчаются разказы, заимствованные у Петра, но они доходятъ тамъ только до времени Юліана отступника. Такимъ образомъ Рейске думаетъ, что такъ или иначе—посредственно или непосредственно—все заключающееся въ означенныхъ главахъ сочиненія De sermionibus (87-я—96-я включительно), между прочимъ извѣстія о готско-испанскомъ посольствѣ къ Юстиніану, о присылкѣ Западнымъ императоромъ Аненміемъ своего портрета Льву I, Восточному императору, все это заимствовано изъ Петра Патриція. Понятно, что такой значительный отрывокъ потеряннаго сочиненія времени Юстиніана кажется Рейске нѣкоторою жемчужиною, украшающею первый томъ изданія. Во второмъ томѣ, который здѣсь въ предисловіи обѣщается, подобное же, хотя не совѣмъ по степени равное значеніе должно принадлежать книгѣ Филоея, императорскаго прото-спасаарія и атриклипа, составляющей обширную 52-ю главу второй

¹⁾ Ср. теперь *Mai, Scriptorum veter. Nova collectio, t. II. De fragmentis Petri ut videtur Magistri officiorum περί πολιτικῆς ἐπιστήμης. Wacschka, Ueber das von Reiske vermuthete Fragment der Excerpte Constantins περί ἀναγορεύσεως Progr. Dessau. 1878.*

книги подлинника и второго тома в издании Рейске. Сочинение Филлоея посвящено преимущественно описанию церемониала, соблюдаемаго при царскомъ столѣ въ опредѣленные дни пиршествъ. Оно драгоцѣнно также и тѣмъ, что сообщаетъ по этому поводу полный списокъ военныхъ, придворныхъ и гражданскихъ чиновъ и ранговъ, въ известной очереди и опредѣленномъ порядкѣ приглашаемыхъ къ столу. Оно писано; при императорѣ Львѣ Мудромъ, отцѣ Константина.

Затѣмъ Рейске указываетъ, что въ той и другой книгѣ, въ томъ и другомъ томѣ изданія находится множество мѣстъ, на основаніи которыхъ могли бы быть восполнены пробѣлы въ византійскихъ историкахъ; сюда, конечно, слѣдуетъ отнести и 96-ю главу первой части, гдѣ говорится о восшествіи на престолъ Никифора Фоки, событіи, повидѣйшемъ въ отношеніи ко времени Константина Вагрянороднаго (разказъ объ этомъ прибавленъ къ предполагаемымъ извлеченіямъ изъ Петра Патриція); сюда относятся данныя о сношеніяхъ византійскихъ съ сарацинами - мусульманами, особенно интересныя для ориенталистовъ, разказъ о приѣмѣ Ольги Русской и т. д., Рейске вспоминаетъ Дюканжа, говоритъ о дополненіяхъ, какія можно будетъ сдѣлать въ его Фамиліяхъ на основаніи издаваемаго сочиненія, указываетъ поправки, которыя дѣлаются очевидно необходимыми въ Христіанскомъ Константинополѣ относительно, напримѣръ, положенія дворца Магнаури, указываетъ на противорѣчіе мнѣнія Бандури о положеніи Золотыхъ воротъ совершенно яснымъ указаніемъ новаго источника.

Разсуждая затѣмъ о заглавіи сочиненія, Рейске указываетъ, что данное при печатномъ изданіи заглавіе—*De cerimoniis aulae Byzantinae* — оставлено по примѣру Майя и Фабриція; на самомъ же рукописномъ экземплярѣ, на кожаной его обложкѣ, значится другое надписаніе — *De regalibus institutionibus*, а впереди самаго текста длинно и съ титулованіемъ изложенное сообщеніе, что это есть нѣкоторый сводъ (синтагма) христілюбиваго царя Константина и трудъ по истинѣ достойный царскаго усердія, то-есть, помѣщается такое надписаніе, которое не могло быть никакъ сдѣлано самимъ авторомъ и которое совсѣмъ не указываетъ содержанія труда ¹⁾). Нужно при этомъ

¹⁾ Приводимъ заглавіе въ латинскомъ переводѣ какъ оно значится въ боннскомъ изданіи: [*De cerimoniis aulae byzantinae*] *Constantini Christum amantis et in eodem Christo aeterno rege imperatoris filii Leonis sapientissimi et perpetua memoria celebrandi imperatoris Syntagma et imperatoria industria vere dignum opus.*

прибавить, что теперешнее греческое заглавіе: ἔκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως (описание царскаго чина), правда, заимствовано изъ введенія, написаннаго самимъ составителемъ книги, но вынесено на верхъ заглавія только редакторомъ позднѣйшаго боннскаго изданія, Нибуромъ ¹⁾. Кто былъ дѣйствительнымъ авторомъ сочиненія, составленнаго, какъ заявляется въ предисловіи къ нему, на основаніи древнихъ источниковъ, устнаго преданія и собственныхъ наблюденій, то и этотъ вопросъ былъ обсуждаемъ Рейске, такъ какъ уже онъ не считалъ возможнымъ остановиться на показаніи чьей-то позднѣйшей и посторонней надписи, что это есть сводъ царя Константина, сына Льва, оказывающійся достойнымъ царскаго прилежанія. Въ сводѣ находится не мало такихъ мѣстъ, которыя этому противорѣчатъ и указываютъ на болѣе позднее время. Такъ въ главѣ, посвященной перечисленію императорскихъ гробницъ (42-я второй книги) отмѣчена гробница самого Константина Вагрянороднаго, а также и его внука Василія II Болгаробойцы, скончавшагося 65 годами позднѣе дѣда. Въ концѣ первой книги есть глава, уже помянутая, описывающая провозглашеніе императора Никифора Фоки, что случилось черезъ четыре года по смерти Константина, въ 963 году. На основаніи такихъ данныхъ возможно двоякое рѣшеніе возникающаго вопроса. Либо нужно считать авторомъ сочиненія другаго, младшаго Константина, сына Романа и внука Константина VII (сына Льва Мудраго), того, который по смерти своего брата Василія (Болгаробойцы) одинъ правилъ имперіей отъ 1025 по 1028 годъ; либо слѣдуетъ предположить существованіе интерполяцій въ произведеніи, первоначальнымъ авторомъ котораго былъ Константинъ VII, сынъ Льва. Рейске склоняется въ пользу втораго рѣшенія дилеммы. Новѣйшіе исследователи (см. Rambaud, *L'empire grec au X-me siècle*, Constantin Porphyrogénète, Paris. 1870, p. 131) указываютъ еще большее количество мѣстъ и главъ, не могущихъ принадлежать Константину VII, чѣмъ отмѣчено у Рейске, но въ концѣ концовъ все-

¹⁾ По русски это греческое заглавіе можно переводить такъ: „Изложеніе царскаго чина“. Другіе называютъ сочиненіе *Обрядникомъ Византійскаго двора*, придерживаясь общепринятаго латинскаго обозначенія. Такъ въ книгѣ: „Исследования и замѣтки князя М. А. Оболенскаго по русскимъ и славянскимъ древностямъ“ (С.-Петербургъ, 1875) приводятся: „Отрывки изъ *Обрядника Византійскаго двора Константина Порфирогенита*“. Отрывки эти слѣдующіе: 1) что должно наблюдать при коронаціи императора, 2) что должно соблюдать при коронаціи Августы, 3) что должно соблюдать при избраніи кесаря, 4) что должно наблюдать при провоздѣствіи въ патриціи, стр. 436—450.

такимъ признаютъ, что основа принадлежитъ Константину Багрянородному, сыну Льва Мудраго. Прежде всего ему принадлежитъ то, что теперь помѣщается въ концѣ первой книги сочиненія въ видѣ приложенія (appendix), затѣмъ первыя 83 главы первой книги; да и во второй части болѣе безпорядочной и, очевидно, редактированной въ концѣ X вѣка, есть фрагменты, переносящіе насъ въ царствованіе Константина VII. Вся компиляція въ совокупности есть дѣло того редактора, который занимался обработкою второй книги.

Въ предисловіи ко второму тому Рейске еще разъ обращается къ калитологію (καλιτολογία) Филовея, то-есть, къ изложенію послѣдовательности и порядка, въ какихъ различные сановники и чины вызывались къ представленію предъ императоромъ при обычныхъ раздачахъ царскаго жалованья и подарковъ въ извѣстные опредѣленные дни, и въ какихъ должны быть размѣщаемы за столомъ при царскихъ обѣдахъ; сочиненіе тѣмъ болѣе авторитетное, что оно составлено специалистомъ дѣла, архитриклиномъ или гофмаршаломъ при дворѣ царей Льва и Александра, содержитъ въ себѣ полное перечисленіе всѣхъ тогдашнихъ военныхъ и гражданскихъ должностей и ранговъ (оно составляетъ 52-ю главу второй части). Равнымъ образомъ отмѣчаются другія, болѣе интересныя статьи—изложеніе обрядовъ и обычаевъ при приѣмѣ пословъ съ указаніемъ формулъ обращенія къ иностраннымъ государямъ, соблюдаемымъ въ византійской дипломатикѣ, отчетъ о снаряженіи критской и лангобардской экспедицій и т. д.

О своемъ переводѣ Рейске говорить, что онъ усердно старался сколько возможно содѣйствовать устраненію темноты, которая, съ одной стороны, обуславливается содержаніемъ оригинала, а съ другой—самымъ стилемъ автора соответствующимъ вѣку, когда онъ жилъ; эпитеты, какими издатель, великій знатокъ и цѣнитель классической прозы, ея изящества и простоты, характеризуетъ писателя, которымъ онъ съ такою преданностью занимался, не включаютъ въ себѣ ничего лестнаго или даже снисходительнаго: *dicione satis horrida utitur*. Примѣчаніями своего предшественника Рейске воспользовался, не измѣняя ихъ существенно, но размѣщая ихъ по надлежащимъ мѣстамъ, и включая, гдѣ нужно, въ составъ собственнаго комментарія.

О высокомъ достоинствѣ комментаріевъ Рейске мы уже говорили. Для молодыхъ начинающихъ ученыхъ, желающихъ посвятить часть своихъ трудовъ серьезнымъ занятіямъ византійскою исторіей и запастись надлежащимъ пониманіемъ совершенно особенной терминологіи, служащей для обозначенія всевозможныхъ сторонъ византійскаго быта,

нельзя рекомендовать лучшей точки отправленія для этихъ занятій, какъ внимательное чтеніе избранныхъ отдѣловъ изъ книгъ О царскомъ чинѣ съ толкованіями Рейске. Кто пропустилъ къ тому случаю и время, кто и потомъ не заглядываетъ въ нихъ чаще, тотъ осужденъ дѣлать совершенно неожиданныя для себя промахи, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ не спасаетъ и справка съ Глоссаріемъ Дюканжа: величайшій, но совершенно извинительный недостатокъ Глоссарія именно въ томъ и состоитъ, что онъ появился раньше комментарія Рейске и раньше, чѣмъ сдѣлалось извѣстно о самомъ существованіи сочиненія *De serimoniis*. Мы могли бы привести весьма поучительные примѣры подразумѣваемыхъ промаховъ изъ своего личнаго опыта, а также изъ наблюденій надъ другими, самыми почтенными и заслуженными специалистами, но здѣсь тому не мѣсто ¹⁾. Въ заключеніе нужно прибавить для свѣдѣнія, что самъ Рейске успѣлъ издать только комментаріи, относящіеся къ первой книгѣ сочиненія или къ первому тому его изданія. Комментаріи ко второй книгѣ должны были появиться отдѣльно въ видѣ третьяго тома, но для этого тома уже не нашлось издателя; прежній отказался, ибо онъ не хотѣлъ подвергать себя дальнѣйшему имущественному разоренію, *rei familiaris jacturam augeri volebat*, но выражонію Нибура. Бумаги Рейске послѣ его смерти были куплены датскимъ историкомъ Сумомъ (Suhm), а отъ него поступили въ Копенгагенскую бібліотеку: послѣ они были оттуда доставлены въ Германію изъ уваженія къ ходатайству Нибура, когда этотъ знаменитый историкъ поднималъ вопросъ о новомъ изданіи сочиненія *De serimoniis* со всѣми комментаріями незабвеннаго Рейске. Такое намѣреніе осуществилось въ 1829 году.

В. Васильевскій.

¹⁾ Кромѣ вышеуказаннаго общаго сочиненія о Константинѣ Багрянородномъ *Алфреда Рамбо*, а также русскаго нѣсколько устарѣлаго труда, сочиненія харьковскаго профессора *Зерника* „Жизнь и литературные труды Константина Багрянороднаго“ (Харьковъ, 1858; мы знаемъ только первый выпускъ, посвященный біографіи Константина; втораго, въ которомъ приходилось бы специально заниматься его сочиненіями, не появилось) и соответствующаго не столь обширнаго, какъ французское, нѣмецкаго изслѣдованіе Гарша: *F. Hirsch, Kaiser Constantin VII Porphyrogenetos* (Berlin, 1873), для ознакомленія съ содержаніемъ книгъ о царскомъ чинѣ (*De serimoniis*) можно указать: *Waeschke, Studien zu den Ceremonien des Konstantinos Porphyrogenetos* (Begrüßungsschrift zu d. 37 Philologen Versammlung). Zerbst. 1885. и небольшую статью авенскаго профессора *Каллини*, *περὶ τοῦ τυπικοῦ τῆς βυζαντινῆς αὐλῆς* (О придворномъ византійскомъ уставѣ: *Καλλύβα, Μελέται καὶ λόγοι. Εν Ἀθήναις*, 1882). Извлеченія изъ „Церемоній“ встрѣчаются наконецъ въ сочиненіи Краузе о византійскомъ бытѣ (*Krause, Die Byzantiner*), о которомъ еще придется упомянуть во второй части нашего обозрѣнія.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Капитальный трудъ по древней русской литературѣ.

Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Бывшей дружинной Руси. Исследование *Е. В. Барсова*. Томы I и II. Москва. 1837.

Трудъ *Е. В. Барсова*, прежде всего, большой трудъ, и авторъ, вынося его на плечахъ, утеръ не мало поту (выражаюсь языкомъ „Слова“ объ его герояхъ). Затѣмъ, это—трудъ, отъ котораго не архивною пылью пахнетъ, а жизнью вѣетъ, трудъ, полный любви къ дѣлу, одушевленія, невольно переходящаго и къ читателю.

„Главная наша задача“, говоритъ авторъ, —, направляется къ тому, чтобы возстановить историческое и художественное значеніе памятника, которое въ нашей школѣ едва не совсѣмъ поглощается филологическими и грамматическими топкостями. Пользуясь знакомствомъ съ древнерусскою письменностью и народнымъ пѣснотворчествомъ, мы старались воспользоваться этимъ матеріаломъ для своей задачи такъ, чтобы наша книга была сколько не бесполезна для ученаго филолога, столько же доступна для всякаго любознательнаго человѣка“ (стр. X). Задача эта, по нашему мнѣнію, счастливо рѣшена авторомъ. Большое спасибо ему, какъ и *И. А. Вахрамѣеву*, „который“, какъ свидѣтельствуетъ авторъ въ концѣ своего предисловія, —, нашелъ нужнымъ и возможнымъ увеличить число отдѣльных оттисковъ книги“ (стр. XI).

Это, конечно, не должно намъ мѣшать кое въ чемъ и не соглашаться съ авторомъ. Такъ, уже въ самомъ его введеніи, касающемся „общаго содержанія, идеи и формы „Слова“, мы не можемъ признать

достаточно точными слова: „Чѣмъ яснѣе было государственное сознание автора „Слова“, тѣмъ болѣе возмущается душа его бѣдствіями, вытекающими изъ этой удѣльной розни и княжескихъ усобицъ“; и дальѣе: „Сила и одушевление Святославовой рѣчи... указываютъ, какъ сильно сознавалась имъ потребность въ государственномъ объединеніи разрозненныхъ областей Кіевской Руси... Стоя на высотѣ этого государственнаго идеала земли Русской, авторъ и самъ чувствуетъ себя свободнымъ отъ вѣшнихъ стѣсненій, стоитъ выше князей, раздастъ имъ похвалы и порицанія и при томъ какъ властный носитель исторической истины и правды“ (стр. XIV—XV). Тутъ и то, да не то. Тутъ, сколько мы понимаемъ, неумѣстенъ терминъ: государственный. У автора „Слова“ несомнѣнно было сознание духовнаго единства, то-есть, согласія, дружнаго образа дѣйствій отдѣльныхъ частей, у него былъ въ этомъ смыслѣ идеалъ единой, то-есть, не расходящейся врозь, земли, но собственно о государственномъ ея объединеніи едва ли могла быть у него мысль; она стала зарождаться лишь позже, и съ нею съ самаго начала стали связываться условія, вовсе еще не замѣтныя въ „Словѣ“.

Въ критическомъ очеркѣ литературы „Слова“ (которому предшествуетъ его библиографія) мы отмѣтимъ руководящую мысль, что разработка „Слова“ идетъ по пятамъ развитія западной историко-литературной работы. Открытіе его послѣдовало въ эпоху всеобщаго увлеченія на Западѣ Оссіаномъ, и „Слово“ тотчасъ же стало изучаться какъ сродное ему произведение... На западѣ явилась миеологическая теорія братьевъ Гриммовъ, и у насъ началось изученіе древне-русскихъ памятниковъ въ томъ же направленіи... Вотъ наконецъ явилась на западѣ теорія Веффеля, и скоро не замедлила также найдти свое примѣненіе къ разработкѣ „Слова“... Не смотря на указанный недостатокъ, обусловленный подражательнымъ направленіемъ русской историко-литературной работы, литературою „Слова“, благодаря западнымъ научнымъ методамъ, сдѣланы поразительные успѣхи: памятники достаточно освѣщенъ уже не только съ вѣшней, но и съ внутренней его стороны“ (стр. 102—103). Да и пора же ему, замѣтимъ мы на это, быть наконецъ освѣщеннымъ—послѣ всего того, что продѣлывали надъ нимъ и чему скорбный листъ представляетъ „Критическій очеркъ литературы „Слова“. Вѣдь и въ самомъ даже концѣ этого скорбнаго листа значатся тѣ упражненія надъ нимъ, которыя авторъ относитъ къ области повѣйшаго скептицизма (того, который заподозриваетъ не древность происхожденія, а цѣльность и

стройность памятника, будто бы обезображенного перестановками и вносными замѣтками).

Подводя итоги тѣмъ мнѣніямъ, которыя были у насъ высказываемы относительно языка памятника, авторъ говоритъ: „Мы съ своей стороны никакъ не можемъ согласиться ни съ мнѣніемъ, будто „Слово“ нъ своемъ языкѣ представляетъ смѣсь разныхъ славянскихъ нарѣчій, какъ утверждалъ Вельманъ, ни съ мыслью, будто оно написано на томъ областномъ южно-русскомъ нарѣчій, изъ котораго развился впоследствии языкъ малороссійскій. Нѣтъ, оно написано на томъ южно-русскомъ языкѣ, который не представлялъ характера областного, и изъ котораго развился не только языкъ малороссійскій, но и великороссійскій. Въ сѣверной Россіи въ живомъ народномъ языкѣ можно встрѣтить всѣ тѣ слова пѣсни Игоревой, которыя дониндѣ отыскивали только на югѣ; значить, было время, когда они были достояніемъ не только областного южно-русскаго нарѣчія, но и общаго языка славяно-русскаго“ (стр. 121—122). Приводя въ другомъ мѣстѣ возраженія на это г. Житецкаго, авторъ доказываетъ свою мысль такимъ образомъ: „Языкъ Киевской дружинной Руси, изъ среды коей вышло „Слово“, отнюдь не былъ какимъ-нибудь народнымъ нарѣчіемъ, но онъ былъ уже языкомъ образованнаго класса, языкомъ уже, такъ-сказать, культивированнымъ, литературнымъ. Древнія связи Киева съ Новгородомъ, частые переходы князей съ ихъ дружинами съ сѣвера на югъ, и съ юга на сѣверъ, самые взгляды дружинниковъ на сѣверную и южную Русь, какъ единую землю Русскую, а съ другой стороны взгляды ихъ на народъ Киевскій, какъ на черныхъ людей, и на сѣверный, какъ мужиковъ „залѣшанъ“, даютъ основаніе думать, что и самый языкъ ихъ не былъ нарѣчіемъ того или другаго народа, но возвышался надъ ихъ діалектическими особенностями и былъ языкомъ дружинно-болярскимъ, развившимся изъ историческихъ, политическихъ и культурныхъ взаимодействій“ (стр. 211—212). Полагаемъ, что это правдоподобно.

Много и долго говоритъ авторъ о времени рукописи, убѣдительно доказывая, что она относится не къ XIV (какъ думали сначала), а къ XVI в., и что существенная и главная часть Пушкинскаго сборника, заключающая въ себѣ Хронографъ, даже къ несравненно позднему времени („Слово“, вмѣстѣ съ другими статьями, было, по мнѣнію автора, прилетело къ хронографу). Въ опредѣленіи времени рукописи автору очень помогли найденныя имъ черновыя бумаги Малиновскаго. Сличеніе ихъ съ выписками Карамзина, первопечатнымъ

текстомъ и архивнымъ или Екатерининскимъ спискомъ (найденнымъ Пекарскимъ) дало ему возможность добраться до палеографическихъ особенностей утраченной Пушкинской рукописи, имѣющихъ тутъ рѣшающее значеніе. Тѣмъ же путемъ дошелъ авторъ и до объясненія нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ „Слова“ (что составляетъ содержаніе уже одной изъ главъ 2-го тома).

Едва ли можно признать увѣнчавшимися полнымъ успѣхомъ старанія автора отыскать въ „Словѣ“ размѣръ, а равно и подобнаго же рода поиски его въ языкъ Кіевской лѣтописи (стр. 170—172; 331—332). За то, сколько мы понимаемъ, имъ окончательно доказано существованіе въ нашей древней литературѣ особаго эпического языка, сказывавшагося и въ ея переводныхъ произведеніяхъ. Въ языкѣ этомъ авторъ видитъ отраженіе цѣлой „школы Кіевской дружинной Руси“, связь съ которою нашего „Слова“ является у него предметомъ особой главы. Онъ останавливается тутъ на повѣсти Іосифа Флавія о разореніи Іерусалима, списки которой не были извѣстны у южныхъ славянъ до конца XVI в. Онъ приводитъ свидѣтельство о томъ, уцѣлѣвшее въ спискѣ этой повѣсти Хилаитарскаго монастыря, относящемся къ 1585 г. Тутъ прямо говорится, что повѣсть взята „отъ русскаго извода“, „принесена бысть отъ русскыя земли“, что принесему ея и нѣсколько ознакомившемуся съ русскимъ языкомъ, удалось „разумѣти многіе русскіе рѣчи въ сіе книзѣ“. Авторъ вообще возстаеъ противъ мнѣнія, „будто наши переводные памятники непремѣнно или болгарскаго, или сербскаго происхожденія“ (стр. 214—215). Разбирая нашу повѣсть о разореніи Іерусалима сравнительно съ греческимъ текстомъ, онъ приходитъ къ заключенію, что „переводъ весьма мало отвѣчаетъ буквѣ и синтаксису греческаго текста, чѣмъ отличаются древне-болгарскіе переводы, и въ своемъ повѣствованіи воплощаетъ строго лѣтописный стиль“ (стр. 227). Въ частности онъ находитъ, что „въ разсматриваемомъ переводѣ мы встрѣчаемъ техническія выраженія, относящіяся къ воинскимъ строеніямъ и укрѣпленіямъ, къ дружиннымъ доспѣхамъ и вооруженію, къ дружинному быту и укладу—тѣ же самыя, какія читаются и въ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописяхъ“, при чемъ „нѣкоторыя изъ нихъ не вполне отвѣчаютъ значенію тѣхъ греческихъ словъ, на которыя они наложены“ (стр. 223). Авторъ замѣчаетъ наконецъ, что „въ переводѣ есть мѣста, которыхъ нѣтъ въ греческомъ текстѣ и которыя до того сходны съ лѣтописными, что какъ будто внесены сюда прямо изъ

лѣтописи" (стр. 241); что, нѣкоторыя понятія въ подлинникѣ выражены положительно, въ переводѣ же облечены въ выраженія образныя, тоже тождественныя съ лѣтописными" (стр. 242); что „естъ наконецъ въ переводѣ и такія художественныя мѣста, для которыхъ уже нѣтъ никакого основанія въ греческомъ текстѣ и которыя являются здѣсь какъ вставки, для большей важности и ясности мысли" (стр. 246). „Поразительное сходство перевода съ Кіевскою лѣтописью" наводитъ автора на мысль, что „въ Кіевской дружинной Руси XII в. были „мужи хитры книгамъ и ученю", существовала уже развитая, прочно установившаяся, литературно-повѣствовательная школа" (стр. 255). Отпечатокъ этой школы авторъ справедливо находитъ и въ извѣстной у насъ въ старину передѣлкѣ византійской повѣсти о Дигенисѣ Акритѣ, которую Всев. Оед. Миллеръ выводилъ изъ Болгаріи и сблизжалъ со „Словомъ о Полку Игоревѣ". — „Извѣстный Русскій списокъ этой повѣсти", говоритъ г. Барсовъ, — „представляетъ такого рода передѣлку, въ которой исключены всѣ романическія сцены, любовныя похождения, свиданія и объясненія, и въ которой господствуетъ лишь понятіе геройства и храбрости, то-есть, то понятіе, которое было главнымъ возбудителемъ и двигателемъ въ укладѣ и жизни Кіевской дружинной Руси" (стр. 312). Доказывая съ другой стороны, что повѣсть эта явилась у насъ уже послѣ „Слова о Полку Игоревѣ", авторъ и находитъ понятнымъ, что она должна была отвѣчать литературнымъ приемамъ, установившимся въ литературной дружинной школѣ, а никакъ не на оборотъ"; что „не передѣлка византійской поэмы должна была повліять на „Слово", а напротивъ стиль „Слова" вліять на передѣлку этой повѣсти" (стр. 320).

Далѣе авторъ приводитъ тѣ слова В. О. Миллера, которыми онъ уже умѣрялъ и ограничивалъ свое мнѣніе, что „какое-то византійское произведеніе въ славянской одеждѣ входило въ кругъ начитанности русскаго литератора и подъ вліяніемъ знакомства съ нимъ и другими произведеніями того же рода, у него сложилась своя манера повѣствовать". На это Е. В. Барсовъ отвѣчаетъ: „Все, къ чему ведутъ разобранныя аналогіи, это только къ наблюденію, какъ стиль „Слова" и лѣтописей и вообще литературно-повѣствовательной дружинной школы отражался на русскихъ передѣлкахъ нѣкоторыхъ византійскихъ произведеній" (стр. 396). Нашъ авторъ впрочемъ признаетъ съ другой стороны и то, что „Слово" отражаетъ въ себѣ книжную стихію и воздѣйствіе общей тогдашней литературы, замѣчая, что еще Срезневскій „указывалъ на связь „Слова" съ древними подобными

Славянскими повѣстями". Да и самъ авторъ, видя въ повѣсти о разореніи Іерусалима приемы нашей дружинной литературы, признаетъ, съ другой стороны, и вліяніе этой переводной повѣсти на „Слово о Полку Игоревѣ". Такого рода взаимодѣйствіе сказывалось постоянно.

Относясь къ литературно-повѣствовательной школѣ Кіевской дружинной Руси, „Слово", по выраженію нашего автора, „даетъ замѣтить, когда повѣсть (історія) получила общеобязательное и неотрашимое значеніе въ Русской литературѣ. Связывая", продолжаетъ онъ,— „событія своего времени, эпоху Святослава и Игоря, съ эпохой предшествующею—Олега и Ярослава, авторъ „Слова" указываетъ грань, съ которой начинается потребность строго-историческаго изложенія событій. „Начнемъ повѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря". Тамъ, за старымъ Владиміромъ—слѣдуетъ уже Баянъ съ его замышленіями, сквозь призму котораго онъ излагаетъ все предыдущее прошлое" (стр. 274). Подъ „старымъ Владиміромъ" подразумѣваетъ онъ, по мнѣнію г. Барсова, Владиміра Мономаха, ко временамъ котораго не разъ и возвращается въ своемъ „Словѣ". Такимъ образомъ упраздняется то предположеніе въ „Словѣ" пропуска, которое связывалось съ пониманіемъ подъ именемъ стараго Владиміра не кого иного, какъ Владиміра Святаго. Г. Барсовъ прямо полагаетъ, что авторъ Слова не знаетъ ничего, предшествующаго Ярославу, что для него, какъ и для Баяна, то были уже „Трояновы вѣка", гдѣ властвуютъ стихійные боги" (стр. 302). Только въ восклицаніи пѣвца: „того стараго Владиміра нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ" г. Барсовъ, по видимому, готовъ видѣть намекъ на Владиміра Святаго (стр. 403). Современникомъ Мономаха является Выдубицкій игуменъ Сильвестръ, поднесъ котораго значится въ концѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ", и который въ „Сказаніи о нашествіи Едигея" названъ „не украшая пишущимъ". Обращая вниманіе на эти слова, г. Барсовъ замѣчаетъ, что такимъ образомъ „время Владиміра Мономаха отмѣчается эпохой, когда является лѣтословъ „не украшая пишущій"... „Очевидно", говоритъ онъ нѣсколько далѣе,— „здѣсь сказывается намекъ, что до Владиміра Мономаха были писатели, словеси украшающіе, каковыми, по словамъ Кирилла Туровскаго, были пѣснотворцы. „Слово о Полку Игоревѣ"—само по себѣ, какъ поэтическое произведеніе, относится къ типу этихъ украшающихъ словесъ" (стр. 229—300). Да, но самъ авторъ „Слова" какъ оно видно и изъ собственнаго изложенія г. Барсова, стремился уже къ тому, чтобы писать, не украшая,—стремился, но не выдерж-

валъ до конца, оставаясь подъ неотразимымъ вліяніемъ Баяновыхъ замышленій. Относительно этихъ послѣднихъ г. Барсовъ говоритъ: „Если народныя пѣсни суть произведенія непосредственныя и безъискусственныя, то пѣснотворчество Баяново, судя по выраженіямъ „Слова“, характеризуется замышленіемъ, обдуманностью плана и расположеніемъ частей, идеальностью группировки историческихъ дробныхъ фактовъ“ (стр. 307). Намъ кажется, что авторъ видитъ уже слишкомъ много въ этомъ замышленіи, тогда какъ въ „Словѣ“ едва ли указывается и на обдуманность плана и расположенія частей у Баяна, если понимать замышленіе, не мудрствуя лукаво, а такъ, какъ понималъ его авторъ Слова, то оно указываетъ только на свободный полетъ воображенія, не стѣсняющагося тѣмъ, чтобы только передавать историческую дѣйствительность. Замышленіе—это творческій вымыселъ, противопологаемый былинамъ сего времени, какъ вѣрной передачѣ современной дѣйствительности. Авторъ Слова стремится къ этой послѣдней, подобно Сильвестру Выдубицкому (если вѣрить вышеприведенному свидѣтельству о немъ), хочетъ быть, выражаясь по теперешнему, реалистомъ, но постоянно сбивается неизбѣжнымъ образомъ на старый и вѣчно живущій въ человѣческой душѣ балшовскій идеализмъ. Потому-то „Слово“ въ одной главѣ и называется у нашего автора—историческою повѣстью, а въ другой—пѣснью, подобной Баяновой (и то, и другое—совершенно вѣрно).

Какъ историческая повѣсть „Слово“, по мѣткому замѣчанію нашего автора, „глубокими корнями связано съ исторіею Черниговскаго княжества“..., которое видимо выдвигалось въ исторіи нашей образованности: ему принадлежитъ знаменитый „Изборникъ“ Святослава, тщательно наполнявшаго книгами свои клѣти и являвшагося передъ своими боярами, аки новый Птоломей; изъ Черниговской же области былъ Даниилъ Паломникъ. „Напрасно полагаютъ“, говоритъ Е. В. Барсовъ,—„будто черниговскій столъ, не думая объ общемъ благѣ, лишь наводилъ только враговъ на Русскую землю; такіа подозрѣнія распустили о немъ приверженцы дома Мономаха. Изъ „Слова“ видно, что понятіе о „Русской землѣ“ въ Черниговѣ было развито не менѣе, чѣмъ въ Кіевѣ. Не даромъ же и Даниилъ Паломникъ—черниговецъ—въ томъ же вѣкѣ, въ Іерусалимѣ, у гроба Господня, поставилъ лампаду и свѣчу „за Русскую землю“ и вписалъ въ синодикъ имена разныхъ князей приднѣпровской Руси (стр. 276).

Намъ думается впрочемъ, что приверженцы дома Мономахова

имѣли свои основанія для того, чтобы распустить такія недобрія подозрѣнія о князьяхъ Черниговскихъ (хотя подчасъ бывали и сами повинны въ томъ же). Если же мысль „о Русской землѣ“ съ особою силою сказалась въ литературныхъ произведеніяхъ Черниговской области, то именно въ видѣ идеальнаго отпора грубой дѣйствительности. Вѣдь и позже Софоній Рязанецъ, котораго, по многимъ основаніямъ, самъ же г. Барсовъ признаетъ авторомъ краткой поэмы о Мамаевомъ побоищѣ, является въ ней общерусскимъ патриотомъ — не смотря на отщепенство рязанскаго князя, или, вѣрнѣе сказать, только болѣе подстрекаемый такимъ отщепенствомъ.

Г. Барсовъ указываетъ на то, что „носителемъ и средоточіемъ идеи единства Русской земли авторъ дѣлаетъ Кіевскаго князя, старца Святослава III — изъ дома Ольговичей, князей Черниговскихъ. Онъ влагаетъ въ уста его воззваніе ко всѣмъ областнымъ князьямъ южной и сѣверной Руси, заклиная ихъ вступить за обиду сего времени, за землю Русскую, за рапы Игоревы — и самое это воззваніе называетъ золотымъ словомъ, смѣшаннымъ со слезами“ (стр. 377). Но вѣдь если бы мы и признали окончательно доказаннымъ, что воззваніе это только вложено въ уста Святославу, а не принадлежитъ непосредственно самому автору, — все же въ этомъ дѣйствительно золотомъ словѣ мы должны признать не мало баянова замышленія. Авторъ въ такомъ случаѣ, воздержавшись отъ особенной идеализаціи Игоря, сильно идеализировалъ старика Святослава — имѣя, конечно, на это и своего рода основанія въ самой дѣйствительности.

Привѣгая опять къ сопоставленію „Слова“ съ лѣтописью, г. Барсовъ замѣчаетъ, что тутъ и тамъ „князь и дружина являются передъ нами въ такихъ же очертаніяхъ, въ какихъ рисуются германскіе князья и ихъ дружины по сказанію Тацита“ (стр. 278). Если такъ, то это объясняется норманскою стихіей въ нашихъ князьяхъ, которую вполнѣ признавалъ, при всемъ своемъ патриотизмѣ, Погодинъ, признавалъ потому, что этой стихіи не вытравить изъ нашихъ лѣтописей, хотя ея и не признаютъ нѣкоторые другіе — ради невѣрно понимаемаго патриотизма. Но намъ кажется, что авторъ въ такомъ случаѣ нѣсколько идеализируетъ взаимныя отношенія князя и дружины, говоря: „дружина въ самоотверженныхъ подвигахъ ищетъ ему чести, и ея пожива связана съ походами и побѣдами князя. Князья соперничаютъ между собою въ волостяхъ и доходахъ ради своей дружины, дружинники же разныхъ князей соперничаютъ въ

доблести и чести ради славы своихъ князей" (стр. 279). Мы, признаться, можемъ видѣть только удалъ, храбрость, но не можемъ видѣть самоотверженныхъ подвиговъ тамъ, гдѣ есть личное соперничество и пожива. Такъ смотрѣли на дѣло и наши древніе лѣтописцы. „Не въ мантияхъ только иноческаго смиренія“, говоритъ г. Барсовъ, — „не съ молитвою только на устахъ за свои согрѣшенія рисуютъ намъ лѣтописи князей Кіевской Руси, какъ воображаютъ нѣкоторые изслѣдователи, но и въ образахъ славныхъ героевъ и полководцевъ“ (стр. 280). Да, но лѣтописцы сочувствуютъ этимъ гороямъ, они благословляютъ ихъ съ высоты своего христіанскаго взгляда только въ томъ случаѣ, если князья являются „оберегателями Русской земли“, то-есть, не дружинниками только, но и земцами, „добрыми страдалцами за Русскую землю“. Тутъ Тацитовы германцы уже не при чемъ. Слово страдалецъ, примѣняемое лѣтописью къ Владимиру Мономаху, находится въ несомнѣнной связи со страдою. И въ переводѣ повѣсти Іосифа Флавія, по замѣчанію г. Барсова, землешцы называются страдолюбцами, а земледѣліе страданіемъ (онъ составляетъ съ этимъ выраженіе жителей Архангельской губерніи уѣхали страдать = уѣхали гари дѣлать или сѣно косить)¹⁾. Это уже не дружинныя, а крестьянскія словеса. Они сказываются и въ „Словѣ“ — въ видѣ, на примѣръ, поэтическаго выраженія: „ратаи снопы стелятъ, молотятъ цѣпами, вѣютъ“. Нашъ авторъ и обратилъ на это вниманіе, говоря: „Эти черты сельскаго народнаго быта, послужившія автору образами для кровавой битвы, служатъ для насъ указаніемъ, какъ глубоко корни „Слова“ тянутся къ русской народности и до какой степени картины его живы и наглядны: онѣ какъ будто сейчасъ схвачены съ самыхъ обычныхъ явленій сельской народнои жизни, которыя и теперь совершаются на нашихъ глазахъ“ (стр. 293). Авторъ сумѣлъ въ томъ же смыслѣ выдвинуть и одну черту въ Святославовомъ снѣ. „Онъ видѣлъ, между прочимъ“, говоритъ г. Барсовъ, — „что доски на крышѣ безъ князя“ въ его теремѣ златоверхомъ. Видно, что княжій его теремъ походилъ на настоящую крестьянскую избу, надъ крышей коей донинѣ можно видѣть этотъ жолобъ, этотъ верхній гнетень, которымъ связываются тесны крыши и который донинѣ называется „княземъ“ (стр. 285).

Но это — по части Баянова замышленія, то-есть, поэзии, поэтическаго воспроизведенія жизни. Съ другой же стороны, лѣтопись передала

¹⁾ Стр. 247.

намъ живьемъ и споръ дружины съ Владиміромъ Мономахомъ изъ-за похода на половцевъ. Дружина находить, что весенній походъ помѣшаетъ крестьянской работѣ, а Мономахъ указываетъ на то, что если не пойдти на половцевъ, то они придутъ сами и пашня будетъ не въ пашню. Съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія, и князь, и дружина одинаково думаютъ тутъ не о чести и славѣ съ добычей, а объ оборонѣ пахаря. Тутъ опять будутъ не при чемъ Тацитовы германцы. Тутъ опять дружинно-норманскую точку зрѣнія превозмогла своя домашняя земская, благословляемая и христіанскимъ настроеніемъ лѣтописцевъ. Эти послѣдніе дѣйствительно умѣли—еще разъ согласимся съ г. Барсовымъ—выставлять князей Кіевской Руси „въ образахъ славныхъ героевъ и полководцевъ“, но они не восторгались ихъ бранными подвигами только какъ таковыми, что отчасти водится за самимъ Е. В. Барсовымъ, слишкомъ уже палсгающимъ, по нашему мнѣнію, на „рыцарскую“ сторону „Слова“, „эхо которой прозвучало, по его выраженію, даже въ позднѣйшей повѣсти объ Азовскомъ взятіи“ (стр. 455). Повѣсть эта—уже казацкая, казаки же (по крайней мѣрѣ украинскіе) дѣйствительно величали себя лыцарями. А все-таки даже для казаковъ война была болѣе средствомъ обороны, чѣмъ сама себѣ цѣлю. Но заунывному тону малороссійскихъ думъ замѣтно, что казакванье тутъ остается „дѣломъ неохотнымъ“, какъ богатырство для Добрыни Никитича. „Мы, русскіе, не рыцари; мы—самъ народъ, мы—pebs“, не даромъ сказалъ И. С. Аксаковъ. Это подчасъ забываетъ нашъ авторъ.

Возвращаясь къ „Слову“, какъ къ пѣсни, подобной Баяновой, приведемъ слова Е. В. Барсова, что „если Баянъ хотѣлъ кому пѣсни творить изъ кпизей своего времени, то уносился фантазіей къ временамъ отдаленнымъ и художественно сочеталъ въ своей пѣснѣ свое время съ временами древними. Слѣдуя той же формѣ, и авторъ Слова написалъ свое произведеніе... Баянова эпоха есть для него время старое... Эпоха же пѣвца Игорева есть эпоха нынѣшняя.. Свитіе этихъ двухъ эпохъ, подобное Баяновскому, проходитъ черезъ все „Слово“ отъ начала до конца“ (стр. 301—302). Въ этомъ г. Барсовъ замѣчаетъ вполне справедливо основной характеръ „Слова“, и этимъ главнымъ образомъ и опровергается у него тотъ „новѣйшій скептицизмъ“, который, заподозрѣвая цѣльность и стройность „Слова“, всячески мудритъ надъ нимъ, чтобы внести порядокъ въ воображаемый хаосъ.

„На счетъ Баяна“, говоритъ нашъ авторъ,—„должна быть отпесенна

наибольшая часть выражений, которые относятся къ крамоу́ Олега, къ рати давняго Всеволода, Владиміра Мономаха и Борнса Вячеславича, то-есть, къ бою на Нѣжатиной нивѣ, свитому въ „Словѣ“ съ послѣднимъ отчаяннымъ и роковымъ боемъ Игоря. Особенно по баяновски очерченъ образъ крамоульного Всеслава, который является здѣсь въ родѣ былиннаго Вольты Всеславьевича. Можно предполагать, и, кажется, безошибочно, судя по тому увлеченію, съ какими авторъ „Слова“ отнесется къ Баяну, что и при изображеніяхъ своего времени онъ пользовался выраженіями и оборотами Баяновыхъ фв-сень“ (стр. 306—307).

Самое „воззваніе къ Баяну за поэтическимъ вдохновеніемъ“, по мнѣнію г. Барсова, „едва ли не является въ „Словѣ“ какъ подражаніе тому же Баяну, который могъ подобнымъ образомъ обращаться къ иному пѣвцу русской древности или же къ самому Велесу; не даромъ же Баянъ называется при этомъ „внукомъ Велеса“.

Нашему автору представляется тутъ поводъ подробно разобрать гипотезу В. О. Миллера о византійско-болгарскомъ вліаніи на „Слово“. Въ силу этой гипотезы, какъ извѣстно, и Баянъ, и небесный его вдохновитель Велесъ—только перешли къ намъ литературнымъ путемъ, перепла и вся мифологія „Слова“, относящаяся по той же теоріи къ области риторическихъ украшеній. Коснувшись, конечно, этой теоріи уже въ своемъ критическомъ обзорѣ литературы „Слова“, авторъ разбираетъ ее тутъ по ниточкѣ, доказывая полнѣйшее несходство нашего вѣщаго Баяна съ болгарскимъ чародѣемъ этого имени, вмѣстѣ же съ тѣмъ отыскивая какъ Вояна, такъ и Велеса, а затѣмъ и Дажь-бога, Хорса, Стрибога во множествѣ русскихъ мѣстныхъ названій и въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ, туземность которыхъ тутъ же и доказывается. Замѣтимъ, что выраженіе „Слова“ про князя Всеслава, что онъ „перерыскивалъ Хорса“, подаетъ г. Барсову поводъ къ такому остроумному толкованію: „Хорсъ въ глазахъ дружинника не просто ходитъ по орбитѣ... онъ именно „рыщетъ“—съ образомъ его связано не представленіе, главнымъ образомъ, его согрѣвающей и животворящей силы ¹⁾, а лишь представленіе необыкновенной быстроты его движенія, его богатырскаго бѣга, съ которымъ сравнивается бѣгъ Всеслава. Съ другой стороны Вселавъ, рыскающій ночью, въ виду ученія древнихъ, что Хорсъ сквозь иракъ ничего не видитъ, пробѣгающій путь его „до куръ“, вѣстникомъ

¹⁾ Какъ солнечнаго божества.

его появления, даетъ намъ понимать, что съ богатырскимъ образомъ Хорса, рыщущаго по небесному кругу, въ дружинной кievской средѣ связывалось представленіе дозиранія человѣческихъ дѣлъ, очей Божіихъ, отъ которыхъ скрывался волшебный Всеславъ... Такимъ образомъ, если въ пародномъ представленіи Хорса преобладаетъ его космогоническій характеръ, то въ образованной дружинной средѣ по преимуществу выступало на видъ его нравственное значеніе; тамъ онъ болѣе существо, животворящее природу, здѣсь онъ великій богатырь, рыщущій по небесному кругу и дозирающій дѣла человѣческія... Такъ дружинный бытъ отпечатывается на самыхъ понятіяхъ о богахъ!" (стр. 365).

Намъ за то не совсѣмъ понятно толкованіе г. Барсовымъ особенности дружиннаго значенія другаго мифическаго представителя того же солнечнаго начала, Велеса. Сказавъ о томъ, что для народа Велесъ былъ „покровителемъ сельскаго хозяйства, обладателемъ „тяги земной“, источающей всѣ блага земныя, онъ затѣмъ поясняетъ, что въ иномъ нѣсколько свѣтѣ должно было выступить это божество въ сознаніи дружинно-княжеской среды Кіевской Руси. По особенному укладу быта, для дружинниковъ, какъ оберегателей-пастуховъ земли Русской ¹⁾, это божество сказывалось тѣмъ своимъ качествомъ, которое держалось лишь въ пастушескомъ быту земледѣльческаго хозяйства. Велесъ для нихъ являлся не столько покровителемъ чуждаго имъ земледѣльческаго быта (не совсѣмъ однако же чуждаго, замѣтимъ мы отъ себя, если вспомнить кое-что, приведенное выше), сколько подателемъ вдохновенія, очарованія, источникомъ вѣщей силы пѣсни и лиры, воспѣвавшимъ землю русскую, геройскія доблести ея оберегателей, ихъ славу и честь" (стр. 361). Почему же такимъ подателемъ вдохновенія Велесъ не могъ бы быть и въ своемъ качествѣ земледѣльческаго божества? Вдохновеніе вѣдь нужно не только для дружинныхъ, но и для простонародныхъ пѣвцовъ. Вся загадка тутъ въ томъ, какимъ образомъ солнечное божество вообще становится божествомъ поэзіи? (въ мифологіи разныхъ народовъ ²⁾). Но вѣдь это-то и остается у г. Барсова неразгаданнымъ.

Съ Дажьбогомъ, какъ извѣстно, связывается въ „Словѣ“ его загадочный внукъ со своими сѣдами, дѣва Обида и земля Троянова (въ дру-

¹⁾ То-есть, князей въ гомеровскомъ смыслѣ *κοιρανισται*.

²⁾ А не только въ греческой, такъ что тутъ нѣтъ надобности предполагать видѣтъ съ В. Ф. Миллеромъ книжное заимствованіе.

гихъ мѣстахъ „Слова“ вѣка и тропы трояновы). Все это В. О. Миллеръ выводилъ опять-таки изъ Византіи черезъ Болгарію, а Е. В. Барсовымъ все это возвращается по принадлежности—накъ, нашему собственному творчеству. „Образъ Дажь-божьяго внука“, говоритъ онъ,—на столько знаменательнъ, что нельзя считать его однозначущимъ съ именемъ князя и видѣть здѣсь простую риторическую метонимию. Скорѣе всего этотъ образъ заставляеть предположить, что въ Кіевской Руси дѣйствительно было какое-нибудь поэтическое преданіе о происхожденіи княжескаго рода отъ боговъ... Во всякомъ случаѣ образъ князя, какъ божьяго внука, скорѣе могъ родиться въ собственной душѣ автора „Слова“, какъ дружинника, чѣмъ быть подысканъ въ какой-нибудь болгарской книжкѣ“ (стр. 368). „Какъ внукъ Дажь-божій“, продолжаетъ г. Барсовъ,—князь обладалъ избыткомъ всякаго имущества (въ смыслѣ имущества у него толкуется жизнь); какъ внукъ Дажь-божій испытывалъ онъ доблестныя успѣхи съ своей воинской силой. Но вотъ жизнь его гибнетъ (при Олегѣ Гориславичѣ), и обида встала въ силахъ Игоря, не сдерживающаго своей юности... Таковы, заключаетъ г. Барсовъ, черты, связанныя въ „Словѣ“ съ именемъ Дажьбога въ дружино-Кіевской средѣ; онъ считался если не праотцемъ князей, то покровителемъ ихъ богатства и наживы и доблестныхъ успѣховъ ихъ воинской силы“ (стр. 369).

Что касается Дѣвы-Обиды, то, отличая ее по существеннымъ ея признакамъ отъ болгарскихъ дивъ и самодивъ, нашъ авторъ такимъ образомъ толкуеть ея образъ, украшенный лебедиными крыльями: „Красная дѣвица, лебедь бѣлая, является олицетвореніемъ нравственнаго припиченія и пагубы. Чтобы понять художественное значеніе этого образа, нужно только взглянуть на него съ точки зрѣнія эпической поэзіи, а никакъ не современнаго художества. Злая сила, олицетворяемая эпосомъ, часто, какъ бы для обмана людей, носятъ обольстительный ликъ, и чѣмъ губительнѣе ихъ дѣйствія, тѣмъ скорѣе принимаютъ на себя обаятельныя виды. Поэтому-то даже такая страшная и омерзительная сила, какъ смерть, въ народной поэзіи нерѣдко олицетворяется также въ образѣ красной дѣвушки“ (стр. 372). Но нашимъ авторомъ толкуеть также и внутреннее значеніе Дѣвы-Обиды: „подобно тому какъ въ классической поэзіи выступаетъ богиня Ерисъ, богиня вражды и распрей, которую Зевсъ посылалъ для возбужденія усобицы между людьми,—и въ нашемъ драгоцѣнномъ „Словѣ“ на полѣ брани, гдѣ рѣшается рокъ крамольнаго похода Игоря, выступаетъ Дѣва—Обида, разжигательница человѣческихъ

страстей и браней и, спустившись на гранитныя скалы великаго Траяна, лебедьими крыльями плещеть на снѣгъ морѣ. Опа—эта Дѣва—пробудила въ князьяхъ усобицы и брани“ (стр. 387).

Всего менѣе удовлетворяютъ насъ у г. Барсова объясненія Трояна и всего Троянова. Тутъ и послѣ его книги остается еще пожива для ученія о заимствованіяхъ, хотя и оно не разъясняетъ загадки. Указавъ на то, что и это имя существуетъ у насъ въ названіяхъ различныхъ мѣстъ, что даже въ русскихъ историческихъ актахъ не мало является и лицъ съ именемъ Трояна, и напомнивъ гаданія о Троянѣ „Слова“ различныхъ изслѣдователей, г. Барсовъ говоритъ: „Гораздо ближе къ истинѣ, по нашимъ соображеніямъ, мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые въ Троянѣ „Слова“ видятъ древнее божество славянъ. Представителемъ этого мнѣнія въ литературѣ „Слова“ является О. И. Буслаевъ... Въ послѣднее время однимъ изъ нашихъ почтенныхъ историковъ, И. Е. Забѣлинымъ, высказаны весьма оригинальныя соображенія о характерѣ и бытовомъ значеніи этого божества. Въ немъ видятъ онъ верховнаго „представителя трехбратняго рода“, отъ котораго собственно и расплодилось русское славянство. Мнѣ о Троянѣ рожденъ именно народнымъ представленіемъ цѣлости и полноты рода въ трехъ сыновьяхъ и служитъ корнемъ развитія прочнаго народнаго быта. Мнѣніе это далеко не столь фантастично (?), чтобы на него не стоило обращать вниманія, какъ выразился о томъ В. О. Миллеръ (стр. 379—380). Если оно и не фантастично, то оно крайне туманно, скажемъ мы отъ себя. „Допуская“, заключаетъ г. Барсовъ,—, что въ патріархальную эпоху Троянъ былъ представителемъ славянскаго рода, мы полагаемъ, что съ развитіемъ славянскаго племени и выступленіемъ его на историческое поприще, онъ сталъ національнымъ покровителемъ, поборникомъ славянства, божествомъ его героической славы... По видимому, въ Баяновскомъ пѣснотворчествѣ этотъ мионическій властелинъ славянства, полубогъ былъ такимъ средоточнымъ лицомъ, какимъ является князь Владимиръ въ былинахъ кievскаго цикла. Къ его имени прикрѣплялись цѣлыя вѣка славянской исторіи“ (стр. 383—384). Если свести итоги всему сказанному у г. Барсова, то это будутъ вѣка мионическіе. Вотъ и все, что представляется намъ тутъ яснымъ и правдоподобнымъ.

Вообще же, повторяемъ, возраженія Е. В. Барсова на гипотезу В. О. Миллера въ главѣ, озаглавленной „Слово“, какъ пѣснь подобная Баяновой“, кажутся намъ весьма вѣскими, и мы сожалѣемъ, что

своею, теперь уже давнишнею, статьею объ этой гипотезѣ¹⁾, вызвали у г. Барсова нѣсколько негодующее замѣчаніе: „Даже Ор. Θ. Миллеръ, не признающій научнаго значенія въ методѣ и приѣмахъ гипотезы, соображенія ея о богахъ находятъ многозначительными, будто бы поколебавшими значеніе „Слова“, какъ источника русской миеологии“ (стр. 350).

Но мы никакъ не можемъ признать заслуженнымъ тотъ упрекъ, который дѣлается намъ Е. В. Барсовымъ въ главѣ: „Слово“ въ его отношеніи къ словамъ богатырскимъ“, или, лучше сказать, мы считаемъ тутъ невѣрно понятымъ основной смыслъ нашего труда „объ Ильѣ Муромцѣ и богатырствѣ Киевскомъ“.

Указывая на два мнѣнія относительно чудеснаго въ былинахъ, то, по которому оно является лишь „прирасою историческаго факта“, и то, по которому самый „фактъ этотъ—только форма выраженія космогоническаго мѣта“, авторъ говоритъ: „представителемъ перваго мнѣнія является Л. Н. Майковъ; за мнѣемъ же въ былинѣ выступили Θ. И. Буслаевъ и О. Θ. Миллеръ“ (стр. 392).

Предоставляя Θ. И. Буслаеву самому говорить за себя, а съ своей стороны спрашиваю всякаго не предубѣжденнаго читателя: неужели я въ моей книгѣ вижу въ былинѣ только одни мѣта? Самъ г. Барсовъ тутъ же и утверждаетъ, что я, вмѣстѣ съ г. Буслаевымъ, вижу въ былинахъ героическій эпосъ, тогда какъ г. Майковъ видитъ въ нихъ эпосъ историческій. Это совершенно вѣрно, но развѣ героическій эпосъ—все равно, что мѣтаическій? Въ основѣ перваго предполагается второй, вотъ и все; а затѣмъ героическій эпосъ имѣетъ свои историческія приуроченія, и вотъ со стороны этихъ послѣднихъ и разсматривалъ наши былинны Л. Н. Майковъ, вовсе не касаясь ихъ мѣтаическаго строя. Я напротивъ коснулся его слишкомъ пространно,—въ этомъ моя ошибка; но главное для меня—бытовое значеніе героическихъ личностей, широкая историческая подкладка и нравственный идеалъ первенствующаго между ними—Ильи Муромца, похождения котораго связаны мною въ цѣлую эпическую жизнь, жизнь уже не бога-громовника, а стоятеля и оберегателя родной земли. Но этотъ стоятель и оберегатель понятъ мною такъ, что я бы не сопоставилъ его съ тѣми дружинными героями, которые „ищутъ себѣ чести, а князю славы“. Хотя г. Барсовъ и утверждаетъ, будто бы „въ былинахъ богатыри движутся тѣмъ же

¹⁾ См. *Ж. Мин. Нар. Просв.* 1877 г., сентябрь.

правственнымъ мотивомъ" (стр. 407), несомнѣннымъ остается, что по крайней мѣрѣ наибольшій нашей богатырской дружины (совсѣмъ не похожей на служилою княжескую) руководится мотивами, несравненно болѣе правственными. Напрасно г. Барсовъ указываетъ на то, что Илья Муромецъ, отпуская татарскихъ царевичей изъ-подъ Чернигова ¹⁾ заказываетъ имъ подавать всюду вѣсть,

Что святая Русь не пуста стоитъ,
Много въ ней славныхъ, могучихъ богатырей.

Въ этихъ словахъ нѣтъ стремленія къ славѣ. Илья не велитъ имъ разносить молву о немъ, Ильѣ, онъ имѣетъ въ виду только вообще острастку, что есть кому защищать землю Русскую. Точно также Илья никогда не стремится и собственно къ воинской чести. О поживѣ и говорить нечего: онъ постоянно отъ нея отказывается. Мотивъ, которымъ дѣйствуетъ на Илью разобидѣвшій его князь, выраженъ, кажется, ясно въ словахъ:

Не ради меня, князя Владимира
Не ради церкви и монастырей,
А ради бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей.

Кто руководится такимъ мотивомъ, тотъ совершаетъ дѣйствительно самоотверженные подвиги. Такихъ подвиговъ не водится за служилою дружиною княжескою, съ которою г. Барсовъ напрасно смѣшиваетъ земскую дружину былины съ ея идеальнымъ наибольшимъ (стр. 401—402).

Какъ дружина былины не одного и того же покроя со служилою дружиною лѣтописей и „Слова о полку Игоревѣ“, такъ и былинный Владимір Солнышко стольно-Кіевскій мало похожъ на князей лѣтописныхъ и дружинно-пѣсенныхъ. Потому-то для насъ и странно, если Е. В. Барсову представляется страннымъ, что И. Е. Забѣлинъ находитъ противорѣчіе въ понятіи „былиннаго князя князю историческому“; „князь—по исторіи“, говорятъ онъ,—„долженъ быть предводителемъ войска, долженъ быть самъ героемъ, самъ начинать и оканчивать бой“ (стр. 404), (чего за Владиміромъ былины не водится). Желая во что бы ни стало вывести тутъ параллель, г. Барсовъ увѣряетъ: „Былинному образу князя Владимира въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“ соответствуетъ Святославъ Кіевскій, стоявшій внѣ войны, когда достаточно было увидѣть безпокойный сонъ, чтобы собрать бонуръ, потолковать съ ними объ его значеніи; точно также соотвѣт-

¹⁾ У него ошибочно сказано: „разбойниковъ-станичниковъ“.

ствуешь въ „Словѣ“ былинному княжескому пированію замѣчаніе, невольно вырвавшееся изъ устъ бояръ предъ Святославомъ: „а мы, дружина жадни веселія“ (стр. 405). Но вѣдь въ былинахъ князь-бояре только какіе-то „слуги безъ рѣчей“, сравнительно съ дѣятельною ролью сильно-могучихъ богатырей; что же касается князя Святослава въ „Словѣ“, то развѣ онъ всегда „стоялъ внѣ войны“, подобно эпическому Владиміру?—Тотъ же позывъ во чтѣ бы то ни стало провести параллель между „Словомъ“ и богатырскимъ эпосомъ сказался и въ другомъ замѣчаніи г. Барсова: „если уже въ „Словѣ“ рѣзко разграничивается боярство отъ „пахара“, или, какъ въ лѣтописяхъ, отъ смерда, то еще осязательнѣе сказывается это въ былинѣ:

Князь Владиміръ говоритъ Ильѣ:

Во глазахъ, мужикъ, ты насмѣхался,

Во глазахъ, мужикъ, ты надрыгаешься.

Но дѣло въ томъ, что если въ богатырскомъ эпосѣ, при различныхъ въ немъ напластованіяхъ, есть и своего рода разногласія, то это не мѣшаетъ въ немъ тому, что наибольшимъ богатырской дружины все же остается Ильа Муромецъ крестьянскій сынъ, и что Владиміру въ рѣшительную минуту приходится бить челомъ до сырой земли этому самому крестьянскому сыну. А г. Барсовъ еще утверждаетъ, будто „богатырь Микула Селяниновичъ—представитель крестьянства—и тотъ, по былинѣ, очень невыгодно трактуетъ мужика“ (стр. 411). Тутъ нашъ авторъ повторяетъ ошибку покойнаго Н. И. Костомарова. Микула „дурно трактуетъ“ мужиковъ за то, что они, проживая въ городѣ, требуютъ съ него за его соль „грошей подорожныхъ“; онъ видитъ въ этомъ вѣчто совсѣмъ не подходящее къ его мужицкимъ понятіямъ, а потому и не можетъ признать тутъ заправскихъ мужиковъ (слово мужикъ тутъ только *façon de parler*).

Все это вышло такъ оттого, что г. Барсова нѣсколько попутала рыцарская идея. Онъ опять-таки позабылъ, что мы вовсе не рыцари, и что нора бы намъ предоставить эту честь нашимъ остзейскимъ баронамъ, у которыхъ и по сію пору имѣется *Ritterstand* съ *Ritterhaus'*омъ.

При всемъ томъ, мы вполне готовы признать связь между историческою поэзіею „Слова о полку Игоревѣ“ и богатырскимъ эпосомъ. Связь эта заключается въ общихъ поэтическихъ оборотахъ и эпическихъ образахъ (на чтѣ указано было еще Н. С. Тихонравовымъ). Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ встрѣчаются даже, какъ совершенно

вѣрно замѣчаетъ нашъ авторъ, слѣды оборотничества и стихійныхъ превращеній, которыя такъ часто являются въ былинахъ. „Всеславъ князь, скакавшій лютымъ звѣремъ, почью висѣвшій на мѣлѣ, а утромъ бронами разбивающій Новгородскія врата—по всей справедливости можетъ быть сопоставленъ съ вѣщимъ Вольгой или съ Волкомъ Всеславичемъ, котораго вѣщяя натура такъ прекрасно изображена въ былинѣ“ (стр. 425). Вѣрно, по нашему мнѣнію и то, что „Соловей-разбойникъ, поганное Идолице и лютая змѣя разныхъ видовъ въ былинѣ означаютъ поганую степь, и, стало быть, вполне отвѣчаютъ Диву и Тмуротаканскому болвану, которые въ „Словѣ“ являются представителями степи“ (стр. 423), (въ своемъ мѣстѣ авторъ доказываетъ туземное происхожденіе „Дива“,—тамъ же, гдѣ говорится у него вообще о мифологіи „Слова“). Нельзя, наконецъ, не признать и той основной связи между „Словомъ“ и богатырскимъ эпосомъ, которая сводится у г. Варсова къ тому, что и тутъ и тамъ видимъ мы „борьбу Русской земли со степью“ (стр. 398 и слѣд.).

Не мало поспоривъ съ Е. В. Варсовымъ изъ-за его 6-й главы („Слово“ въ его отношеніи къ словамъ богатырскимъ), мы за то совершенно согласны съ главою 7-ю („Слово“ въ его отношеніи къ позднѣйшимъ повѣстямъ“). Превосходно доказываетъ тутъ авторъ, что „языкъ „Слова о полку Игоревѣ“ еще живеть въ устахъ и подѣ перомъ повѣствователей о дѣяніяхъ князей и героевъ сѣверной Руси“—онъ разумѣетъ тутъ повѣствованія о нашествіи Батюга, повѣсть о Александрѣ Ярославичѣ Невскомъ, житія князей Доманта Псковскаго и Михаила Ярославича Тверскаго, повѣсть о Московскомъ взятіи отъ царя Тохтамыша. И прежде уже обращалось вниманіе на сходство „Слова о Полку Игоревѣ“ съ различными сказаніями о Мамаевомъ побойщѣ (особенно съ „Задонщинами“); сходство это объясняли и тѣмъ, что общіе эпическіе обороты (попадающіеся нерѣдко и въ лѣтописяхъ) сказались въ „Словѣ“ и въ „Задонщинахъ“, помимо какого-либо заимствованія. Нашъ авторъ убѣдительно доказываетъ, что тутъ не только сходство, но и прямая связь, заключающаяся въ томъ, что авторы „Задонщинъ“ прямо подражали „Слову“—часто самымъ неумѣльнымъ образомъ. „Само собою понятное“, заключаетъ онъ,—„что если такъ, то „Задонщины“ не много могутъ дать намъ для уясненія темныхъ и непонятныхъ мѣстъ „Слова“. Во всякомъ случаѣ важно уже то, что въ этихъ буквальныхъ, часто неосмысленныхъ выдержкахъ изъ „Слова“, приведенныхъ въ „Задонщинахъ“, открываются для насъ неотразимыя доказательства того, что тѣ, или другія

неисправныя выраженія и обороты дошедшаго до насъ текста, были уже въ спискахъ Слова XV—XVI вв., и потому изслѣдователи и переводчики „Слова“ должны относиться къ этимъ мѣстамъ съ особенною осторожностью, а отнюдь не должны выкидывать ихъ изъ текста“ (стр. 446).

Авторъ указываетъ еще на нѣкоторые обороты, сходные со „Словомъ“, даже въ повѣствованіи о Куликовской битвѣ, вошедшемъ въ такую „официальную лѣтопись“, какъ степенная книга. Заканчиваетъ же онъ свою 7-ую главу указаніемъ подобныхъ же оборотовъ въ такомъ позднемъ произведеніи, какъ Сказаніе объ осадномъ Азовскомъ сядѣніи... Такимъ образомъ г. Барсовымъ указано тотъ яркій слѣдъ, который остается отъ „Слова о Полку Игоревѣ“ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ нашей литературы. Этимъ устраняется его одиночество, а вмѣстѣ и подтверждается его подлинность.

Второй томъ труда г. Барсова заключаетъ въ себѣ всего три главы. Онѣ за то объемисты. Первая посвящена „Слову“ въ его цѣломъ и частяхъ. Въ ней указывается стройная связность произведенія съ точки зрѣнія свитія въ немъ настоящаго съ прошлымъ. Многое тутъ является своднымъ повтореніемъ того, о чемъ упоминается уже въ разныхъ мѣстахъ 1-го тома. Отдѣльныя части „Слова“ передаются въ занимающей насъ главѣ въ переводѣ на современный языкъ, принадлежащемъ самому г. Барсову. Не все въ этомъ переводѣ удачно. Такъ можно было бы не передавать слово замышленіе словомъ фантазія. „Что ми шумить, что ми шумить“, могло бы быть передано буквально (какъ оно у Жуковского и Пушкина), а г. Барсовъ переводитъ:

Чу! что-то шумить,
Что-то звенить...

Такимъ образомъ исчезаетъ характерное мѣстоименіе личное, столь соотвѣтственное лирическому характеру „Слова“. Между тѣмъ г. Барсовъ вполне признаетъ въ немъ такой характеръ, говоря, напрямѣръ, что „ликуя побѣду (одержанную въ началѣ надъ половцами), авторъ одушевляется духомъ, одушевлявшимъ его героевъ, которыхъ врагъ не смѣлъ беспокоить“ въ послѣдовавшую затѣмъ ночь (II, стр. 20); или же утверждая про характеристику буй-тура Всеволода, что „авторъ самъ какъ бы соучаствуетъ въ его богатырствѣ, переживаетъ его, волнуется при думахъ о немъ“ (стр. 23).

Г. Барсовъ находитъ въ „Словѣ“ послѣдовательно проводимую мысль о томъ, что выше „суда Божія“ не будешь (стр. 59). „Но судомъ Бо-

жизнѣ совершающаеся“, говоритъ онъ,—„только судомъ Божиимъ разрѣшается. Не сила и оружіе, но лишь плачь, или точнѣе молитва Ярославни устроитъ „спасеніе Игоря и радованіе Русской земли“ (стр. 64). Вѣрнѣе было бы сказать вмѣсто молитвы—заговоръ. Нашъ авторъ употребляетъ это слово на слѣдующей же страницѣ, однако же ставя рядомъ съ нимъ и выраженіе: заклинательная молитва. Тутъ у г. Барсова такое же смѣшеніе понятій, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ знатоковъ старины, напримѣръ, у покойнаго Мельникова. Молитва не можетъ быть заклинательною, потому что сущность ея просительная—въ силу ея религіознаго характера. Въ настоящемъ заговорѣ еще нѣтъ религіознаго начала, потому что онъ еще основанъ на грубой увѣренности въ томъ, что можно силою слова и чаръ принудительнымъ образомъ подѣйствовать на ту силу, къ которой обращаются. Если въ словахъ Ярославни есть и просительные обороты, то это отъ того, что при сказывающемся въ нихъ двоевѣрїи (соотвѣтствующемъ двоевѣрїю самого пѣвца), въ нихъ есть и христіанское наслоеніе. Счастливое возвращеніе Игоря, являющееся слѣдствіемъ заговора Ярославни, подѣйствовавшаго на солнце, на вѣтеръ и на воду, заключается хвалою Игорю, которая, по замѣчанію г. Барсова, въ свою очередь согласована съ построеніемъ цѣлаго. „Авторъ не разъ обращался въ своемъ пѣснопѣніи“, говоритъ онъ,—„ко временамъ старымъ и не разъ вспоминалъ князей старыхъ, прославляя ихъ сравнительно съ нынѣшними, такъ что его пѣснь была хвалебною прежде всего по отношенію къ князьямъ старымъ. Заключительное пѣніе славы онъ также считаетъ долгомъ предложить сначала въ честь князей старыхъ, а потомъ и молодыхъ“ (стр. 78).

Отъ главы, въ которой доказывается художественное единство „Слова“, авторъ самымъ логическимъ образомъ переходитъ къ особой главѣ о „новѣйшемъ скептицизмѣ по отношенію къ „Слову“, такъ какъ скептицизмъ этотъ вѣдь и заключался въ непризнаніи такого единства, вызывавшемъ различнаго рода мудрствованія надъ его составомъ. Авторъ подробно разсматриваетъ тутъ эти мудрствованія, зависѣвшія отъ того, что въ Пушкинскомъ текстѣ усматривали „перестановку разныхъ мѣстъ, зависѣвшую отъ сбитости листовъ въ древнихъ спискахъ то переписчиками, то переилетчиками“ (стр. 84). Особенно долго останавливаясь надъ домыслами г. Потебни, сводящимися, по мнѣнію г. Барсова, къ тому, чтобы воображаемую перестановку исправить посредствомъ настоящей перестановки по собственному усмотрѣнію, нашъ авторъ переходитъ затѣмъ къ г. Прозорову

скому. Сущность его работы надъ „Словомъ“ онъ передаетъ такимъ образомъ: „Та часть „Слова“, которая почерпнута изъ „старыхъ словесъ“, будучи разобрана (вѣрнѣе бы сказать—разнесена) по разнымъ мѣстамъ сочиненія, показала г. Прозоровскому чѣмъ-то совсѣмъ постороннимъ, а между тѣмъ по духу наложенія видно, что она принадлежитъ къ составу „Слова“. Поэтому онъ „постарался привести его въ надлежащій порядокъ“, то-есть, всѣ мѣста, относящіяся къ старой Баяновской эпохѣ, соединилъ во-едино и поставилъ въ самомъ началѣ передъ повѣствованіемъ о походѣ Игоря. Находя, что подобнымъ образомъ составленная 1-я часть „Слова“ не будетъ казаться уже чѣмъ-то въ отношеніи къ нему постороннимъ, онъ разрушилъ тѣмъ основную форму произведенія, указанную самимъ авторомъ, именно—свитіе словесъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ то требовалось его творческою мыслью, проходящее весь памятникъ отъ начала до конца“ (стр. 103). Оказалось, однако же, невозможнымъ выдержать этотъ приемъ во всемъ. Самъ г. Прозоровскій, по замѣчанію Е. В. Барсова, „старое сказаніе о Ростиславѣ не могъ оторвать отъ бесѣды Игоря съ Донцомъ и долженъ былъ оставить тамъ, гдѣ стоитъ оно въ Пушкинскомъ текстѣ; съ другой стороны подысканныхъ имъ Черниговскихъ князей XII в. Ярослава и Владиміра Давыдовича, современниковъ Игоря, вынужденъ былъ приставить къ сказанію о Всеславѣ, то-есть, къ эпохѣ XI в. Это всего лучше доказываетъ, что планъ Слова „совсѣмъ не тотъ, какой придалъ ему г. Прозоровскій“ (стр. 110). Чтò касается гаданій г. Андріевского, то Е. В. Барсовъ ограничился весьма остроумно перепечаткою его полнаго „исправленнаго“ текста „Слова“, спрашивая только въ заключеніе: „Читая подобный текстъ, можно ли подумать, что имѣешь дѣло съ тѣмъ высоко поэтическимъ и художественнымъ твореніемъ, которое называется „Словомъ о Полку Игоревѣ?“ (стр. 119).

Третья и послѣдняя глава 2-го тома посвящена „палеографической критикѣ текста“. Глава эта одна изъ самыхъ капитальныхъ, ибо заключаетъ въ себѣ оригинальныя объясненія при помощи палеографическихъ приемовъ извѣстныхъ темныхъ мѣстъ памятника, и служитъ такимъ образомъ оправданіемъ для многихъ особенностей того перевода текста, который разнесенъ по кускамъ въ предшествующей главѣ.

Въ началѣ главы авторъ опредѣляетъ различные критическіе приемы для восстановленія текста памятника. Это, во-первыхъ, приемъ исторической. „Если предполагаемое и предлагаемое чтеніе, говоритъ

авторъ, „противорѣчить историческому факту, то, въ силу этого самаго противорѣчія оно принято быть не можетъ“. Въ вторыхъ, возможна критика филологическая. „Какъ скоро догадка предлагаетъ формы такого чтенія, кои противорѣчатъ этимологіи древне-русскаго языка или же не оправдываются филологическими законами, то она также принята быть не можетъ“. Далѣе—критика эстетическая. „Если предлагаемое исправленіе отзывается явно натяжкой и вноситъ въ текстъ бьющій въ глаза разладъ съ стоящими рядомъ художественными образцами и очертаніями, то подобное исправленіе принято быть не можетъ“. Если первые два вида критики, по замѣчанію г. Барсова, имѣли свое значеніе въ литературѣ „Слова“, то третій видъ критики всего менѣе въ ней примѣнялся. Авторъ воспользовался этимъ приемомъ, какъ и другими, еще въ предыдущей главѣ;— въ той же, которую мы теперь разбираемъ, онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на критикѣ палеографической, которую считаетъ „главнымъ руководящимъ началомъ на этомъ пути“. „Зная эпоху Пушкинской рукописи“, говоритъ онъ (припомнимъ, что онъ относитъ ее къ XVI в.),— „мы смѣло можемъ сравнивать ее съ типомъ рукописей той же эпохи и дѣлать соответствующія аналогіи ошибокъ и чрезъ то доискиваться подлиннаго чтенія. Сравнительная палеографія далеко еще не получила того значенія въ литературѣ „Слова“, какое принадлежитъ именно ей одной при уясненіи темныхъ и восстановленіи неисправныхъ мѣстъ „Слова“ (стр. 121—122). Въ этомъ отношеніи, кажется намъ, за г. Барсовымъ должна быть признана несомнѣнная заслуга. Многое выяснено и исправлено имъ въ текстѣ памятника, на основаніи палеографическихъ соображеній, на нашъ взглядъ весьма удачно. Но онъ при этомъ даетъ читателю полную возможность провѣрить его предположенія предположеніями его предшественниковъ, тутъ же имъ и выписываемыми. Такой сводъ всевозможныхъ прежнихъ толкованій цѣненъ уже и самъ по себѣ, избавляя отъ затруднительнаго рытья въ цѣломъ множествѣ книгъ. На повѣрку выходитъ, что предшественники Е. В. Барсова иной разъ угадывали (и вносили въ свой переводъ) то, что онъ теперь положительно доказываетъ, восстанавливая чтеніе (такъ что переводъ можетъ быть не только близкимъ по смыслу, но и прямо буквальнымъ).

„Едва ли не главною причиною множества ошибокъ“, говоритъ нашъ авторъ, — „служила мода грамотѣевъ замѣнять гласныя о и е ¹⁾“

¹⁾ Частью и я.

глухими ѣ и ѡ, стремившихся къ восстановленію древне-русскаго правописанія, тѣмъ болѣе, что эта замѣна происходила и тамъ, гдѣ того не терпитъ русская рѣчь" (стр. 125). Вотъ образчики поправокъ, дѣлаемыхъ, г. Барсовымъ, въ связи съ этою усмотрѣнною имъ модой грамотѣвъ.

Помнашеть бо речъ первыхъ временъ усобицѣ =

Помнашеть бо, рече, первыхъ временъ усобицѣ (стр. 132—133).

Свивая славы оба полы сего времени =

Свивая славою оба полы сего времени.

Послѣднее на основаніи вотъ какихъ подробныхъ соображеній, основанныхъ на черновыхъ бумагахъ Малиновскаго: „Выписывая это мѣсто, въ словѣ оба онъ начерталъ двойное о: свивая ооба полы... Первое о въ начертаніи ооба есть остатокъ разложенной буквы предыдущаго слова — въ которомъ это о въ соединеніи съ послѣдней чертою образовало ю. Имѣя въ виду школу писцовъ грамотѣвъ XVI в., можно смѣло предполагать, что въ Пушкинскомъ спискѣ, относившемся къ этой же эпохѣ и тому же типу, выраженіе это имѣло слѣдующее написаніе: свивая славъю оба полы. Первые издатели, не подозрѣвая, чтобы въ словѣ славъю—ъ стояло вмѣсто о, естественно затруднились чтеніемъ этого слова. Очень могло быть, что въ ю средняя черта, соединявшая обѣ части (1—0), была такъ слаба и мало замѣтна, что подала поводъ къ невѣрному чтенію. Разлагая букву ю на двѣ части, первые издатели вторую половину, именно о, отнесли къ дальнѣйшему слову оба, въ коемъ такимъ образомъ о явилось двойнымъ — ооба; оставшаяся затѣмъ половина отъ ю—1, въ соединеніи съ предыдущимъ ѣ, необходимо образовала и. Такимъ образомъ естественно явилось чтеніе: славы ооба, какъ у Малиновскаго, вмѣсто славъю оба, то-есть, стр. 153—154, славою оба.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо.. Не былонъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету =

Дремлетъ и т. д. не было оно обидѣ порождено и т. д.

„До насъ“, толкуеть г. Барсовъ, — „дошли ясныя слѣды колебанія первыхъ издателей при разбирани и пониманіи этого слова. Если въ московской (печатной) копіи мы видимъ „не былопъ“, то въ петербургской (Пушкинской) читаемъ въ формѣ „не было нъ“. Не зная, куда дѣвать это нъ, издатели рѣшили напечатать слитно, какъ стояло въ подлинникѣ. Еслибы они выкинули это нъ, то

скрыли бы для насъ навсегда одинъ изъ важныхъ палеографическихъ слѣдовъ подлинника". Далѣе говорится, что выраженіе не былонъ объясняется тою же вышеупомянутою модою грамотѣвъ XVI в. „Конечно, зъ явилось здѣсь вмѣсто о, точно такъ же какъ вмѣсто рече писецъ XVI в. написалъ речъ... Точно такой же примѣръ мы можемъ видѣть въ „Хожденіи Пимена митрополита втретіе въ Царьградъ: „отъ главу и ногу все желѣзонъ—вм. все желѣзно" (стр. 177).

Ярославннѣ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемъ, рано кичеть =

Ярославнмъ ми гласъ слышитъ: зегзицею незнаемому рано кичеть.

„Достоинно особеннаго замѣчанія", поясняетъ нашъ авторъ, — „что въ петербургской копіи Мусинъ-Пушкинъ начерталъ окончаніе этого слова, въ формѣ: „Ярославнмъ"... Это приводитъ насъ къ предположенію, что въ рукописи здѣсь стояло именно Ярославнмъ.— Мы сдѣдовало отдѣлать и читать какъ самостоятельное слово: мь вм. ми (въ Галицкой глѣ. „а большая мь надежа на тобѣ" — слова Мстислава своему брату). При такомъ чтеніи оборотъ здѣсь будетъ тотъ же, что и выше: „что ми шумить, что ми звенить, далечя рано предъ зорями". Далѣе едва ли здѣсь не стояло: глѣ с слышитъ. Встрѣча трехъ с легко вела къ выпаденію одного изъ нихъ и появленію вмѣсто глѣ с — просто гласъ. Неисправность эта могла быть уже въ самой рукописи.... Трудно думать, чтобъ незнаемъ относилось къ слову гласъ.... Въ древнихъ и исправныхъ спискахъ, какъ эпитетъ къ зегзицею, оно должно было бы имѣть слѣдующую форму: незнаемъю или же, въ силу смѣшенія глухихъ зъ и ъ, могло быть начертано незнаемью.... Имѣя въ виду, какъ писцы XV и XVI вв. затруднялись при встрѣчѣ съ глухими, замѣшавшимися гласными, естественно: допустить, что они читали раздѣльно: „незнаемъ ю" и, находя это послѣднее ю противнымъ смыслу, принимали его за описку и не дописывали" (стр. 272).

Многія другія поправки г. Барсова основываются на томъ, что первые издатели невнимательно относились къ тѣмъ подстрочнымъ знакамъ, какими въ рукописи замѣнялись буквы, смѣшивали сходные по начертанію знаки ¹⁾, читали слитно то, что надо читать раз-

¹⁾ Иногда же такое смѣшеніе происходило уже у древнихъ писцовъ.

дѣльно, принимали вышедшее изъ употребленія существительное за глаголъ и т. п. Вотъ образчики:

Ночь стонуци ему гровою птиць убуди свистъ звѣринъ въ ставби=

Ночь стонуци и т. д. свистъ звѣринъ въ стаи зби.

„Въ рукописяхъ XVI и даже второй половины XV в.“, поясняетъ г. Барсовъ,— „въ замѣнъ буквы и весьма часто ставились надъ строкою двѣ черточки, вкось лежащія... Такого рода знакъ стоялъ и въ спискѣ „Лѣтописнаго сказанія“ о походѣ Игоря, скопированномъ рукою Малиновскаго... Такой же надстрочный знакъ стоялъ (мы бы прибавили вѣроятно) и въ Пушкинскомъ текстѣ надъ выраженіемъ въ ставби, то-есть, было начертано: въста^а зби. Ошибка первыхъ издателей именно въ томъ и состоитъ, что они, не обративъ вниманія на этотъ знакъ, прочитали это, слитно написанное, цѣлое выраженіе за одно слово и такимъ образомъ оставили насъ при таинственномъ въ ставби“ (стр. 159). А надъ нимъ таки поломали себѣ головы комментаторы!

Спала князю умъ похоти

И жалость ему знаменіе заступи=

Спала князю умъ похони, и т. д.

При уясненіи этого мѣста, толкуетъ г. Барсовъ, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду синтаксисъ „Слова“.. „Жалость—подлежащее втораго предложенія, стоящее на первомъ мѣстѣ, указываетъ, что на томъ же мѣстѣ должно стоять подлежащее и въ первомъ предложеніи: спала князю умъ похоти... Спала значитъ собственно расналеніе, въ нравственномъ же смыслѣ: запальчивость, раздраженіе, геройское рвеніе... Въ Новгородской лѣтописи слово это встрѣчается въ формѣ: спалка: „всполгся князь Иванъ Васильевичъ на сына своего князя Василя, да на жену свою княгиню Софью, да въ той спалкѣ велѣлъ казнить дѣтей боярскихъ“... Что касается глагола похоти, то здѣсь на нашъ взглядъ тотъ же самый недосмотръ, который происходилъ въ XVI в. у писцовъ отъ смѣшенія ті съ пи, то-есть, похоти явилось здѣсь вмѣсто похони. Впрочемъ ошибка эта такъ проста и естественна, что она могла быть допущена самими издателями Пушкинскаго текста... Издатели Пушкинскаго текста тѣмъ легче прочли похоті вмѣсто похони, что, принявъ спала за глаголъ, ожидали здѣсь видѣть существительное. Хопить въ живомъ употребленія на всей русской землѣ значитъ схва-

титъ, овладѣть (см. словарь академическій, Даля и Носовича)⁴ (стр. 148).

Уже бо бѣды его насеть птицъ;

Подобію влѣци грозу въсрожать по яругамъ=

Уже бо бѣды его насеть птицъ по дубію,

Влѣци грозу въсрожать по яругамъ.

Еще въ 1868 г., напоминаетъ нашъ авторъ, О. Е. Корпъ въ своей рецензіи на изданіе „Слова“ Н. С. Тихонравовымъ, предложилъ читать здѣсь не подобію, а по дубію, но это была пока лишь счастливая догадка, не имѣвшая для себя очевиднаго основанія. Въ своемъ докладѣ (на археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ) мы заявили, что въ Пушкинскомъ текстѣ употреблялся укъ (Ѹ).. что въ памятникахъ XV и XVI вв. этотъ укъ часто писался особеннымъ образомъ: именно верхняя надписная ижица (ѵ) не сливалась съ начертаніемъ о, но на столько отъ него отдѣлялась, что при поспѣшной перепискѣ легко могла остаться не замѣченной, и такимъ образомъ въ рукописи вмѣсто Ѹ могло удержаться только о, и вмѣсто подобію могло явиться подобію. (Замѣчательно, что передача оу черезъ о встрѣчается даже въ такомъ древнѣйшемъ памятникѣ, какъ Маріинское евангеліе, гдѣ при отсутствіи Ѹ замѣна оу—о палеографически являются болѣе трудною, такъ какъ приходится пропускать цѣлую букву у)⁴. Что касается слово птицъ, то г. Барсовъ замѣчаетъ, что оно „именно въ этой формѣ... встрѣчается и въ другихъ древне-русскихъ письменныхъ памятникахъ. Управление глагола пасти здѣсь совершенно правильно при винит. мн. ч. бѣды“ (стр. 164—165) ¹).

Кликну Карна и Жля поскочи, смагу мычючи въ пламенѣ розѣ =

Кликну Карина и Желя поскочи, и т. д.

„По всей вѣроятности“, поясняетъ г. Барсовъ,—,карна было написано въ формѣ карна, то-есть, карина. Точно также не вѣрно воспроизведено и слово Жля; по всей вѣроятности оно было начертано въ видѣ жля, или жля; слѣдовало читать желя. „Карина“ здѣсь—вытница, обрядница мертвыхъ, а „Желя“—жалница, вѣстница мертвыхъ; въ ихъ образахъ обрисовано ликованіе смерти надъ павшимъ игоревымъ войскомъ; та и другая являются здѣсь какъ спутницы

¹) Особныя соображенія въ пользу чтенія *подубію* можно найти у нашего автора также въ т. I, стр. 444 и слѣд.

Дѣвы обиды ¹⁾.... Смага по употребленію въ памятникахъ Кіевской Руси означаетъ золу, пепелъ погребальный²⁾. На основаніи всего этого г. Барсовъ и переводитъ:

Воскликнула Карина

И Жюля поскакала по русской землѣ,

Разнося погребальный пепелъ въ пылающемъ рогѣ (стр. 206—207).

Но еслибы мы захотѣли указать всѣ болѣе или менѣе удачныя догадки-поправки автора, то намъ пришлось бы выписать большую часть главы. Между тѣмъ статья наша и безъ того уже велика. Мы не можемъ однако же не сознаться, что нѣкоторые изъ поправокъ г. Барсова представляются намъ еще далекими отъ того, чтобы окончательно разгадать тѣ загадки, надъ которыми выбивались изъ силъ всѣ прежніе изслѣдователи. Таковы его поправки наиболѣе трудныхъ мѣстъ Слова. Не приводимъ образцовъ, потому что тутъ онъ вдается въ очень сложныя и мудренныя соображенія. Ограничимся указаніемъ на тѣ мѣста, съ которыми не удалось, по нашему мнѣнію, вполне совладать и Е. В. Барсову.

Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе и на канину зелену палолому пестла. Съ тоя же каяли Святонлъкъ повелѣя отца своего между Угорьскими иноходци ко Святѣй Софіи къ Кіеву.

Всю ночь съ вечера босуви врани възграаху у Пльньска на болони бѣша дѣбрь Кисаню, и не сошла къ сиему морю.

Утрѣ же возни стрякусы отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу.

Нѣ рози нося имъ хоботы пашуть.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца старого времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко та головѣ кромѣ плечю.

Но вѣдь это такія мѣста, съ которыми едва ли и впредь удастся кому-нибудь окончательно совладать, — развѣ сдѣланы будутъ новыя открытія, то-есть, нежданно-негаданно найдется наконецъ какой-нибудь неизвѣстный списокъ „Слова о полку Игоревѣ“.

Впрочемъ нѣкоторые изъ догадокъ г. Барсова, можетъ быть, будутъ окончательно подтверждены тѣмъ, что дастъ онъ намъ въ

¹⁾ Особныя подробности объ этомъ можно найти и въ главѣ первой (стр. 34 и слѣд.).

своей лексикологіи. Ссылки на нее попадаютъ у него въ разныхъ мѣстахъ и возбуждаютъ неудовлетворяемое пока любопытство. Пожелаемъ себѣ поскорѣе дожидаться этой лексикологіи.

Трудъ г. Барсова и въ его теперешнемъ еще не законченномъ видѣ—трудъ по истинѣ богатырскій. Такой трудъ послѣдовалъ у нашего автора послѣ множества другихъ трудовъ, какъ въ видѣ изданія памятниконъ народной словесности и литературы, такъ и въ видѣ монографій многообразнаго содержанія и объема. Уже все предшествующее было очень внушительно по совокупности. Последній же трудъ г. Барсова окончательно даетъ ему, по нашему крайнему разумѣнію, несомнѣнное право на особое вниманіе всѣхъ друзей науки.

Фр. Шиллеръ.

Графъ Оѣдоръ Петровичъ Литке. *В. Безобразова*, дѣйствительнаго члена Императорской Академіи Наукъ. I. 1797—1832. С.-Пб. 1888.

„Цѣль этой записки“, говоритъ графъ Литке въ концѣ своей автобіографіи, доведенной имъ до 1832 г.,—„передать моимъ дѣтямъ свѣдѣнія, какія есть, о прошедшемъ нашего семейства и представить очеркъ первой половины моей жизни, изъ котораго они могутъ увидѣть, какъ круглая сирота, въ первые годы своей юности почти заброшенный, безъ всякой протекціи, можетъ, съ помощью Божіей, собственными трудами пробить себѣ дорогу въ жизни и оставить своимъ потомкамъ доброе, не запятнанное имъ“. Дѣйствительно, едва ли есть много книгъ, которыя имѣли бы такое высокое педагогическое значеніе, какъ та, которая лежитъ передъ нами, особенно же въ такомъ обществѣ, какъ наше, которое бѣдно энергіей, въ которомъ даже люди, получившіе систематическое образованіе, часто не знаютъ, какъ его примѣнить и теряются при первой жизненной неудачѣ. Кто изъ насъ въ послѣднее время не слышалъ и не читалъ разныхъ примѣровъ нетерпѣнія, неумѣнья приладиться къ обстоятельствамъ, примѣровъ, трагическій исходъ которыхъ какъ будто пересталъ казаться чѣмъ-то исключительнымъ? Да, пора нашимъ родителямъ и педагогамъ понять, что ихъ обязанность внушать молодому поколѣнію ту мысль, что жизнь есть исполненіе долга, что если старый афоризмъ: „каждый—кузнецъ своей судьбы“ и имѣетъ несчастныя исключенія, то въ большей части случаевъ онъ совершенно основателенъ и многое достигается выдержкою характера, тер-

пѣніемъ. Безъ этого основнаго начала никакое образованіе, классическое ли, реальное ли, не пойдетъ въ прокъ: выучить чему-либо можно гораздо легче, чѣмъ внушить нравственное сознаніе, развитъ самостоятельность; только при этихъ условіяхъ и возможно преуспѣяніе общества. Правы были славянофилы и Достоевскій, которые выше всего ставили нравственное развитіе. Теоретическая проповѣдь нравственности—дѣло хорошее, но она слаба безъ данныхъ примѣровъ, безъ образцовъ. Вотъ почему чтеніе жизнеописаній людей, представляющихъ примѣръ твердаго характера, употребленнаго на свое внутреннее развитіе,—самое лучшее чтеніе для молодыхъ людей. Чтеніе Плутарха было наиболѣе плодотворнымъ чтеніемъ, развивая сознаніе гражданскаго долга; по герою Плутарха люди другаго міра, жившіе въ другихъ условіяхъ. Для многихъ можетъ казаться изображеніе ихъ преувеличеннымъ; можно даже сказать: хорошо имъ было въ ихъ маленькихъ городкахъ, при другихъ условіяхъ и т. п. Вотъ почему современные примѣры людей съ сильною волею, съ упорствомъ въ трудѣ и самоусовершенствованіи должны сильнѣе дѣйствовать. Конечно, такіе люди не кидаются въ глаза, герои дня—герои легкой наживы—стоятъ у всѣхъ на глазахъ, и для людей нравственно слабыхъ являются примѣромъ для подражанія. Слѣдовательно, воспитатели должны отыскивать благородные примѣры и ставить ихъ передъ глазами своихъ питомцевъ. Къ числу героевъ долга, отличающихся твердостью характера, принадлежитъ графъ Ѳ. П. Литке. Книга, которую мы только-что прочли, является для многихъ совершенною новостью: имя графа Литке пользовалось при жизни большою извѣстностью, многіе видѣли его самого, знали его, какъ ученаго и неустрашимаго путешественника, какъ савонника, съ честью занимавшаго высшій мѣста, но чего стоило ему и добиться той недостижимой для многихъ степени образованія и пробить себѣ путь въ свѣтъ—это знали немногіе, и въ этомъ заключается главный интересъ его автобіографіи, съ которою и познакомимъ читателя, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ.

Дѣдъ графа Литке (далѣе его свѣдѣнія о своемъ родѣ не простираются) былъ выѣзжій изъ Германіи магистръ Литке. Онъ служилъ въ Петербургѣ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а потомъ былъ пасторомъ въ Москвѣ. Замѣчательный для своего времени ученый, онъ отличался неуживчивостью характера и повсюду имѣлъ непріятности. Отецъ графа воспитался подъ вліяніемъ своего отца, служилъ сначала въ военной службѣ, послѣ арендовалъ имѣніе своего

начальника кн. Н. В. Рѣпина, основалъ тамъ заводъ и потерпѣлъ убытокъ; потомъ снова служилъ и скончался членомъ коммерцъ-коллегіи и инспекторомъ таможи. Авторъ зналъ его мало и только изъ сохранившихся обрывковъ его бумагъ узналъ, что онъ былъ масонъ. Это былъ, очевидно, умный, предприимчивый человѣкъ; связи его съ такими людьми, какъ кн. Рѣпинъ и Трошинскій, много говорятъ въ его пользу; вообще онъ былъ человѣкъ благосклонный, что видно изъ его отношеній, наприѣръ, къ Еремію Волковитинову, впоследствии митрополиту Евгенію, а тогда молодому священнику, и др., но характеромъ онъ едва ли обладалъ. Матери своей графъ Литке не помнилъ: его рожденіе было причиною ея смерти (1797 г.); отецъ же скоро снова женился и вполнѣ подчинился молодой женѣ. „Она была весьма хороша собою“, говоритъ авторъ,—„но кромѣ этого, не имѣла ни одного качества, которое давало бы ей право быть подругою такого человѣка, какъ мой отецъ. Ума весьма ограниченнаго, образованія никакого, даже и вѣшняго, общественнаго, характера тяжелаго, двуличнаго,—она не имѣла даже и той простой сердечной доброты, которою прикрываются многіе недостатки; да и нравственностію она была не Лукреція“ (стр. 26). „Года два по кончинѣ отца“—читаемъ мы дальше—„мачиха моя вышла замужъ за Завалишина, бывшаго лѣтъ сорокъ директоромъ ассигнаціоннаго банка; онъ сторницею выместилъ на ней все претерпѣнное отъ нея отцомъ моимъ“. Бабушка графа, мать его матери, жившая съ зятемъ во время его вдовства, послѣ новаго его брака переселилась къ своему сыну, Ф. И. Энгелю, и взяла къ себѣ внука. Характеристика этого Ангеля чрезвычайно живо очерчена авторомъ и хотя лично ему не за что было благодарить дядю, очеркъ вышелъ достаточно безпристрастенъ. Хвала его умъ и образованіе, авторъ замѣчаетъ въ немъ недостатокъ характера, отсутствіе религіозныхъ убѣжденій и излишнее пристрастіе къ женщинамъ. Изображая карьеру дяди, который окончилъ жизнь членомъ государственнаго совѣта и предсѣдателемъ департамента польскихъ дѣлъ, авторъ сообщаетъ любопытныя подробности, особенно о томъ времени, когда Ангель былъ докладчикомъ по иноподаннымъ дѣламъ у императора Павла. „Докладчики“, говоритъ онъ,—„пріѣзжали обыкновенно за четверть часа до назначеннаго времени; это говорили на лихорадку. Впоследствии разказывалъ мнѣ князь Голицынъ (А. Н.) о моемъ дядѣ, объяснявшемъ ему эту лихорадку. У императора Павла I на концѣ косы былъ волосокъ, который въ спокойномъ состояніи его духа держался

прямо, а когда начинала въ немъ бродить желчь, то закручивался. Въ такія минуты государь поминутно бралъ въ руки косу и разсматривалъ роковой волосокъ* (стр. 28). Въ одну изъ такихъ минутъ Павелъ сильно бранилъ Энгеля. „Кутайсовъ, тутъ же бывший, трепалъ государя по плечу, приговаривая: „Ну, ничего, ничего, ужъ мы его, мы его“. Отъ дяди графъ Литке семи лѣтъ отъ роду (въ 1804 г.) поступилъ въ пансіонъ Мейера, гдѣ съ нимъ учился А. А. Черовскій, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Погорѣльскаго (о немъ см. Кіевскую Старину 1888 г.). Въ школѣ пробилъ авторъ 4½ года и не вынесъ изъ нея пріятнаго впечатлѣнія: начальство смотрѣло только за внѣшнимъ порядкомъ, ученіе состояло въ механическомъ затверживаніи уроковъ. По праздникамъ мальчикъ ходилъ къ отцу, но ласки не видалъ: онъ полагаетъ, что отецъ не ласкалъ по принципу. Черезъ два мѣсяца послѣ отца умерла и бабушка, и мальчикъ остался на попеченіи дяди своего Энгеля. „Дядя взялъ меня къ себѣ“, говоритъ графъ Литке,—„но какъ берутъ съ улицы мальчика, чтобы не дать ему умереть съ голоду. Онъ не обращалъ на меня никакого вниманія, какъ развѣ для того только, чтобы меня побранить или выдрать за уши. Я оставался безъ всякаго надзора, безъ руководства, не имѣлъ ни одного учителя,—и все это съ 11 до 15 лѣтъ! Потерю такихъ 4 лѣтъ я никогда уже послѣ не могъ вознаграждать никакими трудами“ (стр. 40). Авторъ читалъ все, что ему попадалось подъ руку, и такимъ образомъ, въ значительной степени положилъ основу своему образованію. Большой умъ и выдающіяся способности способствовали тому, чтобы на немъ не вопліи оправдалось его же замѣчаніе: „Такая автодидактическая работа рѣдко приводитъ къ какому-нибудь полному результату. Не имѣя прочнаго основанія въ предварительномъ серьезномъ ученіи, умъ кидается на все и не доводитъ ничего до конца; огромный капиталъ времени и умственныхъ силъ затрачивается непроизводительно“ (стр. 41). Вообще это, конечно, справедливо, но для нѣкоторыхъ натуръ недостатокъ подготовки вознаграждается развитіемъ самостоятельности и обществомъ, въ которомъ человекъ живетъ. Къ счастью, для графа Литке въ числѣ пріятелей, посѣщавшихъ его дядю, были такіе люди, какъ Оленинъ, Крыловъ, директоръ лицей Энгельгардтъ и др.; онъ слушалъ ихъ разговоры и учился. Дядя далъ ему занятія въ своей канцеляріи, гдѣ онъ переписывалъ бумаги, между прочимъ, нѣмецкія и французскія; здѣсь онъ познакомился съ формами дѣлопроизводства. Здѣсь же онъ нашелъ порядочную бібліотеку и читалъ много. Но

вымъ счастьемъ для Литке было то, что въ домѣ дяди поселились два молодые родственника ихъ, Панкратьевы, которые учились, а онъ, по собственному его выраженію, „на нихъ глядя тоже“. У нихъ оказалось много разнообразныхъ книгъ; авторъ нашъ бросился ихъ читать, а кое-что даже и переводить. „При малѣйшемъ указаніи“, говоритъ онъ,— „эта умственная работа могла бы принести совсѣмъ иные плоды. Теперь же образовался въ головѣ только хаосъ отрывочныхъ понятій безъ всякой связи, но даже и это пригодилось мнѣ впоследствии“ (стр. 57). Въ то же время старшая сестра его вышла за капитана-лейтенанта Сульменова. Это событіе имѣло важное вліяніе въ жизни Литке. Молодые жили сначала въ Кронштадтѣ, а потомъ въ Петербургѣ. Юноша бывалъ у нихъ и тутъ, и тамъ, особенно часто въ Петербургѣ; въ ихъ домѣ онъ впервые встрѣтилъ ласку и пріятъ, которыхъ до тѣхъ поръ былъ лишень.

Въ ихъ обществѣ онъ наслушался разказовъ моряковъ, посмотрѣлъ на корабли, и зародилась въ немъ любовь къ морю, а желаніе видѣть дальніе края пробудилась при чтеніи путешествій: читая путешествіе Беренца, онъ вскочивъ въ восторгѣ закричалъ: „Боже мой! удастся ли мнѣ когда-нибудь побывать тамъ же?“. „Не воображалъ я тогда“, прибавляетъ Литке,— „что мнѣ дѣйствительно было написано на роду идти по слѣдамъ Беренца“ (стр. 62). Въ 1812 г. Сульменова назначили въ Свеаборгъ; сюда онъ взялъ и брата своей жены. Юноша въ первый разъ совершилъ поѣздку моремъ далѣе Кронштадта, и притомъ на военномъ суднѣ. Здѣсь въ Свеаборгѣ нашли ему учителя математики, и рѣшено было приготовить его къ экзамену на поступленіе въ морскую службу. Экзаменъ ему былъ сдѣланъ самый поверхностный и на основаніи высочайшей резолюціи: „прослужить ему гардемаринномъ одну кампанію и по окончаніи оной объявить мичманскій чинъ“, онъ и былъ принятъ на службу. Назначенъ онъ былъ въ отрядъ, который шелъ къ Ригѣ, а оттуда къ Данцигу. Подъ Данцигомъ онъ попалъ подъ огонь: „Большой трусости я не чувствовалъ, да сказать правду и опасности большой не было. Ядры перелетали черезъ головы или рикошетировали вблизи, не нанося вреда“ (стр. 73). Зиму 1813—1814 г. онъ провелъ въ Петербургѣ и не оставался здѣсь празднымъ: много читалъ, бралъ уроки астрономіи и переводилъ курсъ морской артиллеріи. Въ ту же зиму онъ подтверждался. Любопытно, какъ слабъ былъ тогда религиозный интересъ у этого впоследствии столь глубоко вѣрующаго человѣка: онъ кое-какъ приготовился изъ катехизиса, отвѣчалъ по собственному

сознанію плохо, но былъ приобщенъ. „Тогда“, говоритъ онъ, — „мнѣ все это казалось очень естественно и въ порядкѣ, и въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, я долженъ былъ опущенное наверстывать впоследствии, посредствомъ самовоспитанія и саморазмышленія“ (стр. 76). Въ эту зиму онъ посѣщалъ домъ Олениныхъ, но сожалѣть, что по своей застѣчивости бывалъ у нихъ не часто; за то часто бывалъ въ театрѣ. Онъ и самъ любилъ играть на любительскихъ спектакляхъ. Между тѣмъ кампанія кончилась; нашъ авторъ возвратился къ своему отряду, стоявшему у прусскаго берега. Вмѣстѣ съ отрядомъ прибылъ онъ въ Свеаборгъ, гдѣ встрѣтилъ радушный приемъ въ домѣ адмирала Бодиско. Отпущенный въ Петербургъ, онъ прожилъ тамъ до февраля 1815 г., ревностно занимаясь математикой и астрономіей. Службой въ Свеаборгѣ вообще занимались мало. „Какимъ образомъ я заслужилъ“, говоритъ гр. Литке, — „репутацию отличнаго офицера, я рѣшительно самъ не понимаю; но такъ было. Зембулатовъ (капитанъ брига „Молнія“) такимъ рекомендовалъ меня главному командиру. Это произошло отъ того, можетъ быть, что я все-таки немного больше другихъ старался заниматься дѣломъ“ (стр. 23). Мѣсто умершаго Бодиско занялъ адмиралъ Гейденъ, который, также какъ и его предшественникъ, отнесся ласково и участливо къ молодому мичману. Приятно проводя время въ семействѣ адмирала, онъ не переставалъ учиться и читать. Новымъ побужденіемъ его къ занятіямъ служило назначеніе въ кругосвѣтную экспедицію, снаряжаемую подъ начальствомъ знаменитаго В. М. Головнина. Юноша, готовясь къ этой экспедиціи, перечелъ всѣ путешествія, какія нашелъ въ Свеаборгѣ. Эта экспедиція, совершенная въ 1817—1819 годахъ на „Камчаткѣ“, имѣла рѣшающее вліяніе и на характеръ, и на образованіе гр. Литке. Здѣсь онъ сблизился съ знаменитымъ впоследствии Врангелемъ, съ которымъ до смерти его сохранилъ дружескую связь; онъ вынесъ изъ путешествія много новыхъ впечатлѣній; но всего важнѣе было вліяніе Головнина. Вотъ что графъ самъ говоритъ объ этомъ путешествіи: „Въ началѣ похода я не имѣлъ никакого понятія о службѣ; воротился же настоящимъ морякомъ, но морякомъ школы Головнина, который въ этомъ, какъ и во всемъ, былъ своеобразенъ. Его система была думать только о существѣ дѣлъ, не обращая никакого вниманія на наружность. Мнѣ памятенъ отвѣтъ его Муравьеву (старшій лейтенантъ), вооружавшему „Камчатку“ и, вѣроятно, спрашивавшему что-нибудь о рангоутѣ: „Помните, что объ насъ будутъ судить не по бочкамъ и другимъ пустякамъ, а по тому, что мы на другомъ концѣ

свѣта сдѣлаемъ хорошаго или дурнаго“. Шегольства у насъ никакого не было, ни въ вооруженіи, ни въ работахъ, но люди знали отлично свое дѣло, всѣ марсовне были въ то же время и рулевыми, идѣвшая черезъ склянку, и всѣ воротились домой здоровѣе, чѣмъ пошли. „О мытьѣ палубы, такъ чтобы она послѣ лоснилась какъ лучшій паркетъ, мы и понятія не имѣли; а покажется грязною, велѣтъ выскоблить. Я думаю, что наша „Камчатка“ представляла въ этомъ отношеніи странный контрастъ, не только съ позднѣйшими Николаевскими судами, но даже съ современниками своими. Послѣ того, что я сказалъ о характерѣ нашего капитана, излишне упоминать, что на „Камчаткѣ“ соблюдалась строгая дисциплина. Капитанъ первый показывалъ примѣръ строгаго исполненія своихъ обязанностей. Ни малѣйшаго послабленія ни себѣ, ни другимъ. Въ морѣ онъ никогда не раздѣвался. Мнѣ случалось даже на якорѣ, приходя рано утромъ за приказаніями, находить его спящимъ въ креслѣ, въ полномъ одѣяніи, это не составляло для него никакого лишенія. Товарищи по службѣ прозвали его пруссакомъ, потому что онъ былъ всегда одѣтъ строго по формѣ“ (стр. 94—95).

Возвратясь въ Петербургъ, Литке, произведенный уже въ лейтенанты, назначенъ былъ въ Архангельскъ. Здѣсь онъ скоро получилъ, по рекомендаціи Головинна, порученіе, положившее начало его славы: то была экспедиція въ Ледовитый океанъ, начавшаяся въ 1821 г. и совершенная въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Самъ авторъ скромно отзываясь о плодахъ этой экспедиціи; по гораздо справедливѣе къ ней издатель, посвятившій ей обширное примѣчаніе (стр. 103—107) ¹⁾. Вотъ что говоритъ издатель: „Можно сказать, что это четырехлѣтнее путешествіе гр. Литке было первымъ научнымъ изслѣдованіемъ всего этого пространства, не только Новой Земли, но и ближайшихъ къ ней водъ и сѣверныхъ береговъ Европейской Россіи, пространства, столь важнаго для Россіи, какъ въ государственномъ, такъ и въ промышленномъ отношеніяхъ. Это путешествіе было первымъ началомъ всѣхъ дальнѣйшихъ географическихъ и гидрографическихъ изысканій на этомъ пространствѣ, то-есть, въ европейской части Ледо-

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что примѣчанія В. П. Безобразова вообще чрезвычайно интересны. Для составленія ихъ онъ много потрудился, пользовался и бумагами гр. Литке, и своими семейными воспоминаніями, и разказами разныхъ лицъ, и архивными документами. Въ примѣрѣ такихъ примѣчаній укажемъ на малоизвѣстную неудачную попытку въ царствованіе Александра I сдѣлать высадку въ Малую Азію (стр. 29—30).

витаго океана, и въ томъ числѣ замѣчательныхъ работъ Рейнеке, которыми мы прямо обязаны графу Литке. Онъ вызвалъ эти работы; нѣкоторыя инструкціи, данныя Рейнеке относительно порученныхъ ему наблюдений, собственноручно написаны графомъ Фодоромъ Петровичемъ (черныякъ ихъ мы нашли въ его бумагахъ)". Путешествіе гр. Литке, когда оно появилось по русски, было переведено на нѣмецкій языкъ (въ 1835 г.) и обратило на себя вниманіе европейскихъ ученыхъ. Въ 1825 г. Литке былъ въ Петербургѣ; въ его автобиографіи мы находили нѣсколько живыхъ очерковъ 14-го декабря. Въ 1826 г. гр. Литке представился случай снова проявить свою дѣятельность: онъ назначенъ былъ начальникомъ кругосвѣтной экспедиціи, продолжавшейся до 1829 г. Объ этомъ путешествіи, тоже изданномъ и переведенномъ на французскій языкъ, вотъ что говоритъ В. П. Безобразовъ: „Если уже первое самостоятельное путешествіе графа Ф. П. на Новую Землю, въ самомъ юномъ возрастѣ, было ведено имъ и обработано научнымъ образомъ, то умудренный практическимъ опытомъ, обогативъ себя, посредствомъ непрерывнаго чтенія и изученія, не только спеціальнымъ знаніемъ по всѣмъ математическимъ, физическимъ и морскимъ наукамъ, но и самыми разнообразными энциклопедическими свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія (даже историческимъ и политическимъ) и находясь послѣ своихъ ново-земельскихъ экспедицій въ сношеніяхъ и перепискѣ съ европейскими учеными, онъ придалъ, въ высшей степени, научный характеръ своему кругосвѣтному плаванію 1826—1829 гг.“ (прим. на стр. 118).

Когда экспедиція возвратилась въ Кронштадтъ, корабль посѣтилъ императоръ Николай Павловичъ. Вотъ что пишетъ объ этомъ графъ Литке: „Незабвенно для меня первое впечатлѣніе, произведенное на меня наружностью государя въ первую минуту. Вмѣсто худого, блѣднаго, почти желтаго лица съ суровымъ выраженіемъ, оставшагося у меня въ памяти, вижу лицо свѣтлое, полное, бѣлое, съ прелестными, пронизательными глазами, привѣтливое, но вмѣстѣ и импонирующее (*s'était à se mettre à genoux*). Не воображалъ я въ ту минуту, что она была только первая въ теченіе тѣхъ (послѣдующихъ) 25 лѣтъ, въ которыя мнѣ суждено было изучать этого человѣка“ (стр. 117). Въ эту зиму, занятый приготовленіемъ къ печати своего путешествія, гр. Литке познакомился съ Гумбольдтомъ, который говорилъ о немъ государю. Издатель дѣлаетъ вѣроятное предположеніе, что Гумбольдтъ указалъ на Литке, какъ человѣка, способнаго занять постъ воспитателя великаго князя Копстатіана Николаевича. Въ 1830 г. Литке назначенъ былъ началь-

никогда учебной эскадры, отправленной въ Атлантическій океанъ. Зайдя къ берегамъ Исландіи, эскадра направилась къ Франціи, гдѣ тогда произошла июльская революція. Здѣсь едва уладили дѣло съ требованіями французовъ, чтобы салютовать трехцвѣтному флагу, то-есть, признали бы правительство, еще не признанное государемъ. Влагоразуміе префекта, согласившагося пріѣхать на эскадру и получить салютъ, много помогло выпутаться изъ затрудненія. Государь, посѣтивъ эскадру по возвращеніи, былъ недоволенъ тѣмъ, что медленно отдають паруса, и ушелъ не поблагодаривъ. Но, какъ основательно замѣчаетъ издатель, неудовольствіе не было сильно, ибо гр. Литке скоро назначенъ былъ воспитателемъ великаго князя. Свиданіе это описано было въ записной книжкѣ гр. Литке, которую читалъ В. П. Безобразовъ, и которой не оказалось въ бумагахъ оставшихся послѣ кончины графа. Подтверженіемъ этого служить и то обстоятельство, что Литке вмѣстѣ съ Тенгоборскимъ поручено было отправиться въ Данцигъ по дѣлу о снабженіи припасами русскихъ войскъ въ Польшѣ. Порученіе это онъ окончилъ благополучно и хотя канцеляріи варшавскія всячески задерживали его, но государь остался доволенъ. Думая назначить Литке воспитателемъ великаго князя, государь счелъ нужнымъ посмотрѣть его ближе и потому онъ назначенъ былъ сопровождать великихъ князей въ Добборанъ. Этотъ искусь былъ выдержанъ удачно, и Литке былъ назначенъ. Здѣсь оканчивается его интересная автобіографія.

Издатель предпослалъ запискамъ гр. Литке любопытное введеніе, которое начинается краткимъ очеркомъ его жизни; затѣмъ слѣдуетъ обзоръніе его архива. Въ этомъ архивѣ хранится обширная переписка гр. Литке; многія его черновыя бумаги и, что всего драгоцѣннѣе, его дневникъ: 19 переплетенныхъ томовъ, изъ которыхъ первые девять, заключающіе въ себѣ его путешествіе съ Головиннымъ, нынѣ мало интересны; остальные же десять, заключающіе въ себѣ главнымъ образомъ время его пребыванія при великомъ князѣ, къ сожалѣнію, не съ начала (они обнимають время отъ 1835 по 1881) представляютъ, судя по словамъ издателя, много важнѣйшаго матеріала. „Всѣ происходившіе“—говоритъ онъ—, „ежедневно съ графомъ Ѡ. П. разговоры, въ особенности объясненія и бесѣды съ нимъ Николая Павловича, часто продолжительныя, каждое слово государя, записаны въ точности, большею частью буквально. Государь Николай Павловичъ относился къ графу Ѡ. П. съ величайшимъ уваженіемъ, любовью и безусловнымъ довѣріемъ и часто высказывалъ ему самыя сокрови-

часть сослѣх, отд. 2.

ныя свои чувства и мысли, въ особенности по своимъ семейнымъ дѣламъ, а также весьма нерѣдко и по государственнымъ. Почти по поводу каждого событія въ государственной жизни, каждого крупнаго правительственнаго распоряженія, каждого выдающагося происшествія и случая въ придворной и городской жизни, графъ Ѳ. П. сообщаетъ свои личныя наблюденія, какъ самовидецъ, или разказы и толки самихъ участниковъ этихъ фактовъ и близкихъ свидѣтелей; при этомъ онъ сообщаетъ свои собственныя размышленія и свой судъ, всегда безпристрастный, хотя большею частью строгій. Гр. Литке записываетъ по поводу всякаго факта, съ необыкновенною откровенностью, часто съ большею рѣзкостью все то, что „онъ про себя думаетъ“ (какъ онъ самъ выражается“) (стр. XXXIX). Изъ этихъ словъ видно, какимъ богатымъ матеріаломъ явятся эти записки, когда историкъ получитъ къ нимъ доступъ. Нѣкоторыя позднѣйшія событія тоже внесены въ записки, которыя оканчиваются засѣданіемъ государственнаго совѣта 28-го января 1861 г. по освобожденію крестьянъ, въ присутствіи государя Александра Николаевича.

Сохранилась еще записная книга гр. Литке, въ которую, по свидѣтельству издателя, онъ записывалъ въ разное время самыя разнообразныя вещи: разные слышанныя имъ разказы, особенныя случаи своей жизни, извлеченія изъ чужихъ литературныхъ произведеній, курьезы и т. п. (стр. XXXII).

Введеніе заключается удачною общою характеристикою гр. Литке.

Въ концѣ книги мы находимъ любопытныя прибавленія: рѣчи О. В. Струве и Ѳ. Ѳ. Веселаго объ ученыхъ заслугахъ графа Литке, замѣчанія гр. Литке на сочиненіе гр. Д. А. Милютина о войнѣ 1799 г. Издатель обратился къ знаменитому нашему тактику Г. А. Лееру, прося сказать свое мнѣніе о замѣчаніяхъ; генералъ Лееръ вполне согласился съ ними. Послѣднимъ приложеніемъ являются конспекты чтеній гр. Литке о морской жизни. Чтенія эти относятся къ разнымъ годамъ. Графъ читалъ въ академическомъ кружкѣ и потому читалъ по французски, ибо этимъ языкомъ владѣлъ лучше, чѣмъ нѣмецкимъ; а постояннымъ его языкомъ былъ русскій. Жаль, что эти интересныя чтенія сохранились въ такомъ отрывочномъ видѣ. При книгѣ три портрета графа Литке въ разныхъ возрастахъ. По вѣрному замѣчанію издателя, фототипія эти вышли неудачно.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Скисская древности. Исследование А. Лаппо-Данилевскаго. С.-Пб. 1887.

Прежде всего въ трудѣ г. Лаппо-Данилевскаго нельзя не признать первой систематической попытки—воспользоваться известными доселѣ результатами раскопокъ для всесторонняго возстановленія скинской старины, той древней поры въ судьбахъ нашего юга, которая предшествовала заселенію его безспорно славянскими племенами, и о которой въ литературахъ древнихъ народовъ сохранились свидѣтельства отрывочныя, нерѣдко противорѣчивыя и во всякомъ случаѣ для разрѣшенія подобной задачи весьма недостаточныя. Къ тому же настоящее исследование обличаетъ въ авторѣ большую начитанность, близкое знакомство съ довольно обширною литературой предмета, русскою и иностранною; благодаря этому читатель „Скискихъ древностей“ самъ получаетъ возможность близко подойти къ массѣ разпороднаго археологическаго матеріала, издавнаго болѣею частью въ мало распространенныхъ специальныхъ журналахъ и въ дорогихъ ученыхъ сборникахъ. Наконецъ, работа исполнена добросовѣстно, какъ о томъ свидѣлствуютъ обстоятельность и, говоря вообще, точность библиографическихъ указаній¹⁾. Къ чести автора нужно добавить, что онъ не претендуетъ на непогрѣшимость въ своихъ выводахъ. Заключительныя строки труда гласятъ такъ: „Вполнѣ сознаемъ, что исследование это многое оставляетъ неяснымъ, многое можетъ быть и неправильно рѣшеннымъ. Но тому извиненіемъ, по крайней мѣрѣ отчасти, могутъ служить съ одной стороны тѣ затрудненія, которыя встрѣчаются тутъ такъ часто на пути, съ другой — молодость и неопытность пера, писавшаго эти строки“.

Молодостью-неопытностью автора (а не пера) слѣдуетъ объяснять, какъ частные недостатки исследования, такъ и неудачу, какою, по нашему мнѣнію, постигла попытку его разрѣшить одну изъ труднѣйшихъ и сложнѣйшихъ проблемъ въ начальной исторіи юга Россіи. Литературная неопытность автора даетъ себя чувствовать прежде всего въ языкѣ исследования. Приведенное выше мѣсто представляетъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ того, какъ не легко было автору справиться съ литературнымъ выраженіемъ своихъ мыслей. Немного выше (стр. 187) мы находимъ, на примѣръ, такую фразу: „Эта религія ставитъ ихъ близко къ цивилизованнымъ народамъ и еще разъ показываетъ, что они (скины) хотя и находились еще въ

¹⁾ Польскія цитаты въ корректурномъ отношеніи весьма неудовлетворительны.

варварскомъ періодѣ духовнаго развитія, однако, прошли уже наибольшую изъ его частей". Этотъ недостатокъ въ изложеніи доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того, что читателю трудно догадаться, что именно хотѣлъ сказать авторъ. На стр. 172, прим., 1, г. Лаппо-Данилевскій передаетъ въ невозможной формѣ мнѣніе извѣстнаго изслѣдователя Садовскаго: „Г. Садовскій говоритъ, что за исключеніемъ часто находимыхъ на сѣверѣ предметовъ и тѣхъ, которые находятъ въ могилахъ южной Россіи, и которые происходятъ изъ чуждскихъ могилъ, а также исключая припонтійскія древности въ Крыму и греческія въ собственной Греціи и земляхъ съ нею смежныхъ вдоль по Понту до самой средней Украины, въ остальной Европѣ почти (?) нѣтъ издѣлій изъ бронзы, которыя уже раньше не были изготовлены въ Италіи“ (?). Мы провѣрили цитату по сочиненію Садовскаго (*Die Handelsstrassen der Griechen und Römer durch das Flussgebiet der Oder, Weichsel, des Dniepr und Niemen an die Gestade des Baltischen Meeres*. 1877, стр. 107) и убѣдились, что отвѣтственность за темноту выраженія падаетъ вполне на русскаго автора.

Но это меньшее изъ золъ, которыми страдаетъ работа г. Лаппо-Данилевскаго. Небольшимъ еще зломъ считаемъ мы и то, что Тацитъ, писатель I вѣка по Р. Х., занесенъ на стр. 9 въ ряды средневѣковыхъ писателей и поставленъ въ одну линію съ Юрнандомъ и Прокопіемъ, какъ свидѣтель о славянахъ въ западной Скиѣи. На стр. 177 Дмитра древнихъ еллиновъ приравнивается къ финикійской Астартѣ, къ ассирійской Милиттѣ и пр., тогда какъ божествамъ этмъ въ культѣ еллиновъ соотвѣтствовала Афродита. На стр. 165 лядяне, ассирійцы, иберы перечисляются какъ народы намъ современныя на-ряду съ татарами, армянами и нѣкоторыми дикими племенами и т. п.

Все это однако частные недостатки, и не въ нихъ кроются причины, по которымъ попытка автора не можетъ считаться удавшеюся. Обширность задачи, взятой на себя молодымъ изслѣдователемъ, вмѣстѣ съ крайнею сравнительно скудостью средствъ для научнаго разрѣшенія ея, съ отсутствіемъ спеціальныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ, во множествѣ входящимъ въ эту общую задачу,—такова, по нашему мнѣнію, коренная причина неудачи автора.

Г. Лаппо-Данилевскій, какъ читатель можетъ видѣть изъ оглавленія его труда, пытается дать подобіе руководства по скинскимъ древностямъ, обнимающаго вопросъ о скиахъ и Скиѣи во всей его цѣлости. Поэтому сюда входятъ географическія, этнографическія,

историческія данныя о скиоахъ и занимаемыхъ ими земляхъ, о торговлѣ древне-скиоскихъ племенъ. Двѣ слѣдующія главы (стр. 33—149) посвящены быту скиоовъ: занятіямъ ихъ, пищѣ, жилищу, одеждѣ, вооруженію, утвари, обычаямъ, семейнымъ и общественнымъ отношеніямъ. Гл. 4-я: умственное и религіозно-нравственное развитіе древне-скиоскихъ племенъ (какъ будто есть и ново-скиои!), именно: культурное развитіе скиоовъ во внѣшнихъ проявленіяхъ быта, письменность, искусства и знанія. Въ приложеніяхъ даны карта Геродотовой Скиоіи въ переводѣ на современную карту и вѣдомость о ширинѣ или окружности и вышины главнѣйшихъ древне-скиоскихъ могилъ. Авторъ занятъ, главнымъ образомъ, бытомъ скиоовъ, а также степени умственного и нравственного развитія ихъ, а потому всѣмъ другимъ вопросамъ онъ отводитъ въ своемъ трудѣ лишь нѣсколько страницъ, довольствуясь догматическимъ повтореніемъ мнѣній того или другаго изъ своихъ предшественниковъ. Немного дольше останавливается авторъ на вопросѣ о народности скиоовъ, при чемъ, по видимому, слѣдуетъ положенію, все болѣе устанавливавшемуся въ наукѣ, о разноплеменности восточныхъ или кочевыхъ скиоовъ и западныхъ, землевладѣльческихъ; въ послѣдней главѣ, посвященной возстановленію общаго облика скиоа, онъ многократно возвращается къ этому вопросу, трактуемому собственно въ первой главѣ и отчасти въ третьей (стр. 139 сл.). Въ западныхъ скиоахъ, территория которыхъ на востокѣ ограничивалась Днѣпромъ (древн. Борисоеномъ), авторъ готовъ усматривать предковъ славянъ (стр. 9); „скиои восточныя“, продолжаетъ онъ,—также принадлежали, можетъ быть, къ арійской расѣ. Связь ихъ съ ирапцами довольно сильна, хотя пока трудно еще сказать, къ какой вѣтви арійскихъ народовъ они дѣйствительно принадлежали“ (стр. 11). Въ отмѣчаемыхъ Гиппократомъ чертахъ монгольскаго типа онъ склоненъ видѣть слѣды ранняго вліянія финновъ или монголовъ на восточныхъ скиоовъ.

Однако читатель „Скиоскихъ древностей“ напрасно старался бы найдти въ сообщаемомъ авторомъ матеріалѣ какія-либо доказательства въ пользу дѣленія, проходящаго черезъ весь трудъ, между скиоами восточными и западными. Всѣ усилія автора въ этомъ направленіи сводятся къ голословнымъ увѣреніямъ или къ слишкомъ смѣлымъ догадкамъ. Такъ, на стр. 160 авторъ собирается подвести итоги сказанному раньше о вооруженіи и утвари преимущественно восточныхъ скиоовъ, „такъ какъ“, поясняетъ самъ авторъ—„о западныхъ мы имѣемъ слишкомъ мало свѣдѣній“. Немного выше (стр. 158) по поводу

скиѣскихъ жилищъ мы читаемъ: „Западные скиѣи и тутъ отличаются отъ восточныхъ. У нихъ по всей вѣроятности были постоянныя постройки, о которыхъ мы впрочемъ не имѣемъ понятія по недостатку данныхъ. Городовъ у нихъ не существовало, какъ и у древнихъ славянъ“. На стр. 50 авторомъ заподозривается вѣрность письменныхъ свидѣтельствъ о городахъ въ западной Скиѣи на томъ основаніи, что въ пользу этихъ свидѣтельствъ нѣтъ пока археологическихъ данныхъ. А слѣды городища у Аксютинской могилы? Но при чемъ тутъ древніе славяне, а не любой како-либо народъ, не имѣвшій городовъ на извѣстной ступени гражданственности? И при чемъ тутъ отличіе западныхъ скиѣовъ отъ восточныхъ, если у автора не имѣется свѣдѣній объ этомъ отличіи? Совершенно въ томъ же родѣ говоритъ авторъ по поводу пищи западныхъ скиѣовъ: „Пища скиѣовъ западныхъ была, по всей вѣроятности, разнообразнѣе, ибо кромѣ пищи, добываемой скотоводствомъ и охотой, они имѣли возможность питаться растительной пищей и медомъ, что знаемъ и о славянахъ“ (стр. 157). Опять почему-то славяне сопоставляются съ западными скиѣами, о пищѣ которыхъ авторъ не знаетъ ничего. Та же двойственность отличаетъ и замѣчанія автора объ одеждѣ западныхъ скиѣовъ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ категорически принимается та самая разница между двумя вѣтвями скиѣовъ, которая въ другихъ мѣстахъ изслѣдованія оказывается искомымъ неизвѣстнымъ. „Въ виду того различія, которое существуетъ между правами, занятіями, утварью послѣднихъ (восточныхъ скиѣовъ) и обитателей западной Скиѣи“ и пр. (стр. 57); а немного ниже авторъ говоритъ, что „скиѣи западные могли одѣваться между прочимъ въ холстяныя одежды, вѣроятно весьма грубой работы, на томъ основаніи, что у нихъ существовала, какъ мы имѣли случай замѣтить раньше, обработка льна“. Но объ „обработкѣ“ льна авторъ вовсе не говорилъ (см. стр. 41). Подобно этому авторъ въ одномъ мѣстѣ отказывается „по недостатку данныхъ“ рѣшить вопросъ о существованіи у скиѣовъ частной недвижимой собственности (стр. 146), а въ другомъ совершенно категорически выражается такъ: „частная поземельная собственность (у скиѣовъ) отсутствовала подобно тому, какъ это было у германцевъ или славянъ“ (стр. 167), да и не только у германцевъ или славянъ. Вообще читатель могъ замѣтить, что сближеніе скиѣовъ съ славянами или германцами дѣлается слишкомъ поспѣшно, поверхностно, а подобныя сближенія рѣшительно ничего не доказываютъ и не опровергаютъ. Образчикомъ такого ненаучнаго сближенія можетъ служить слѣдующъ-

ище замѣчаніе автора о томъ, что древнихъ скивоовъ „ми“ застали еще въ первомъ періодѣ желѣзнаго вѣка. То же слѣдуетъ сказать и о ближайшихъ ихъ сосѣдяхъ въ Европѣ, славянахъ и германцахъ. Греки времени Иліады тоже больше знали бронзу, чѣмъ желѣзо“ (стр. 161). Но что же отсюда слѣдуетъ и къ чему понадобилось столь насильственное сопоставленіе скивоовъ, славянъ, германцевъ и грековъ „Иліады“? Для того, чтобы ориентироваться въ столь туманной области, какъ сѣдая скинская старина, обязательны прежде всего крайняя осмотрительность и осторожность, каждый послѣдующій шагъ долженъ быть подготовленъ старательною расчисткою почвы и установленіемъ предѣловъ, въ какихъ при наличномъ состояніи знаній и количествѣ матеріала возможно удовлетворительное разрѣшеніе того или другаго отдѣльнаго вопроса. Нагроможденіемъ однихъ догадокъ на другія къ тому же безъ общей опредѣленной, по мѣрѣ возможности твердо обоснованной гипотезы, наука не обогащается; напротивъ, подобное нагроможденіе только затрудняетъ дальнѣйшую работу. Къ сожалѣнію, въ трудѣ г. Лаппо-Данилевскаго недостаточно соблюдены существенныя условія успѣшности подобныхъ изысканій. Однимъ изъ такихъ условій необходимо считать возможно-болѣе тщательное критическое обоснованіе положеній, служащихъ отправными пунктами и базисомъ во всемъ изложеніи предмета.

Такъ, географія и топографія Скиоіи излагаются авторомъ слишкомъ кратко и притомъ догматически, при чемъ можно замѣчать наибольшую близость его къ опредѣленіямъ г. Забѣлина. А между тѣмъ приложенная въ концѣ книги карта „Геродотовой Скиоіи“ представляетъ нѣкоторыя аномаліи. У Геродота скионы-земледѣльцы (Σκ. γεωργοί) помѣщаются на лѣвомъ берегу Днѣпра выше Гилеи (IV, 18); у автора—Гилея не обозначена на картѣ, но скионы-земледѣльцы поселены на правомъ берегу рѣки, какъ и у Бруна; только Брунъ вслѣдъ за Надеждинымъ распространяетъ и Гилею на обѣ стороны Днѣпра. Въ Геродотовой Скиоіи царскіе скионы отдѣлены на западъ отъ скивоовъ-кочевниковъ р. Герромъ (IV, 56), а на востокъ отъ савроматовъ Меотидою (IV, 57). Въ своемъ перечисленіи скинскихъ племенъ авторъ называетъ царскихъ скивоовъ „последнимъ племенемъ скинскимъ“ (стр. 7), что не мѣшаетъ ему однако помѣщать этихъ самыхъ скивоовъ на картѣ въ бассейнѣ Днѣпра, по обѣимъ сторонамъ рѣки. Правда, въ текстѣ мимоходомъ брошено замѣчаніе, что „позднѣе они, вѣроятно, заняли и западное побережье Днѣпра“ (ibid.). Но, во первыхъ, это—„позднѣе“, а восторыхъ, только—„вѣ-

роятно". Между тѣмъ область царскихъ скивоовъ требовала возможно болѣе точнаго опредѣленія, такъ какъ археологія имѣетъ дѣло преимущественно съ этими скивами, съ могилами скинскихъ царей и скинской знати. Да и вообще для автора обязательно было опредѣлить районъ такъ-называемыхъ скинскихъ кургановъ, тѣмъ болѣе, что археологическія данныя этихъ кургановъ онъ сближаетъ нерѣдко съ находками въ такихъ мѣстахъ Россіи и средней Европы, которыя нѣкоимъ образомъ не могутъ входить въ понятіе Геродотовой Скиніи. Самый терминъ „скинскія древности“ нуждается въ объясненіи: принимается ли онъ авторомъ, въ смыслѣ этнографическомъ въ примѣненіи къ извѣстному народу или группѣ народностей, или же въ смыслѣ собственно археологическомъ, какъ условный терминъ, съ которымъ соединяется только представленіе о суммѣ признаковъ кургановъ и содержащихся въ нихъ предметовъ, безъ яснаго отношенія ко времени и народности. Что самъ авторъ чувствовалъ необходимость подобнаго разъясненія, видно изъ того, напримѣръ, что, говоря о скинскихъ могилахъ юго-западной Россіи, онъ употребляетъ терминъ „такъ-называемый скинскій періодъ“ (стр. 139). На стр. 120 въ примѣчаніи онъ же говоритъ: „Хотя мы и называемъ этотъ рядъ могилъ и послѣдующій древне-скинскими, но не знаемъ опредѣленно времени ихъ происхожденія. Признаки каменнаго вѣка въ нѣкоторыхъ могилахъ—еще не доказательство ихъ не скинскаго происхожденія и на оборотъ“. Какъ же примирить съ этимъ собственныя завѣренія автора о томъ, что скины находились въ концѣ варварскаго періода (стр. 187), или что скивоовъ мы застаемъ въ первомъ періодѣ желѣзнаго вѣка, и что въ этомъ отношеніи сходны съ ними гомеровскіе греки (стр. 161). Второй типъ древне-скинскихъ могилъ извѣстенъ автору только въ единственномъ представителѣ, въ Каменной могилѣ, при чемъ авторъ выражаетъ свое сомнѣніе въ правильности такого наименованія ея знакомъ вопроса (стр. 121). Западные могилы такъ-называемаго скинскаго періода самъ онъ отличаетъ отъ восточно-скинскихъ, хотя тѣ и другія приурочиваетъ къ одной и той же эпохѣ. Если одиѣ изъ этихъ могилъ—только „такъ-называемыя“ скинскія, а другія—собственно скинскія, то очевидно и значеніе археологическихъ данныхъ, доставляемыхъ двумя разрядами могилъ, не одинаково. Тѣмъ не менѣе авторъ, обозрѣвъ нѣсколько кургановъ въ бассейнѣ Вислы, а также Роси и Россавы, заключаетъ: „Вотъ и все, что извѣстно о погребальныхъ обрядахъ западно-скинскихъ племенъ. Какъ ни малочисленны и неудовлетворительны эти

свѣдѣнія, все же они обнаруживаютъ сильное различіе между погребальными обрядами племенъ западно- и восточно-скиескихъ“ (стр. 144). Но самая-то принадлежность этихъ обрядовъ и свидѣтельствующихъ о нихъ могилъ западнымъ скиеамъ остается несколько не доказанною не для читателя только, но, по видимому, и для автора. Съ другой стороны, въ восточно-скиескихъ курганахъ авторъ различаетъ четыре типа, которые и приурочиваетъ къ четыремъ классамъ скиескаго населенія: бѣднякамъ, людямъ зажиточнымъ, племеннымъ царькамъ или монархамъ, и царямъ. Основанія такой классификаціи не объясняются авторомъ; онъ ничего не говоритъ о томъ, что заставляеть его объединить разнородные курганы съ различнымъ содержаниемъ, начиная отъ признаковъ каменнаго вѣка и кончая желѣзомъ, общимъ именемъ скиескихъ, о томъ, что, по его мнѣнію, остается неизмѣннымъ во всѣхъ четырехъ типахъ при различіи остальныхъ признаковъ. Мало того, въ первомъ типѣ могилъ почти безъ всякаго содержимаго, „съ признаками каменнаго вѣка“, самимъ авторомъ усматриваются многія различія, превращающія всю эту группу въ нѣчто неопредѣленное, трудно уловимое. Второй типъ представленъ одною только могилою, Каменной. Почему же единственная могила принимается за типъ, къ тому же могила по словамъ автора болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ первый разрядъ? (стр. 121). Но было ли бы правильнѣе считать эти могилы принадлежащими предшественникамъ скиеовъ? Авторъ вообще какъ бы игнорируетъ до-скиескую эпоху южной Россіи¹⁾. Потомъ (стр. 125 сл.) онъ напрасно входитъ въ рассмотрѣніе вопроса о связи каменныхъ бабъ съ скиескими могилами и замѣчаетъ, что „археологическія данныя скорѣе свидѣлствуютъ въ пользу существованія“ таковой связи. Послѣ работъ графа Уварова и Кельсиева и въ виду распространенія каменныхъ бабъ далеко за предѣлы Скиеи вопросъ этотъ разрѣшается въ археологій въ безповоротно отрицательномъ смыслѣ. Между тѣмъ присутствіе бабъ авторъ считаетъ однимъ изъ характерныхъ отличій восточно-скиескихъ кургановъ отъ западно-скиескихъ (стр. 121). Вопросъ о томъ,

¹⁾ Сравни. *Забѣлинь*, Исторія русск. жизни, I, стр. 615 сл. О могилахъ, возводимыхъ нашимъ авторомъ въ первый разрядъ скиескихъ, И. Е. Забѣлинь говоритъ: „Бѣдность погребенія, указывая на бѣдность и на незначительность погребеннаго лица, вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ обозначать глубокую древность могилы. Таковы, по нашему мнѣнію, всѣ могилы, отличающіяся своею величиною, но не содержація въ себѣ ни малѣйшихъ признаковъ какого-либо богатства“.

какія могилы въ южной Россіи считать характеристическими для Геродотовыхъ скиеовъ, не подвинуть ближе къ разрѣшенію въ изслѣдованіи г. Лаппо-Данилевскаго; въ толкованіи памятниковъ Геродотовско-скиеской старины авторъ нашъ по сравненію, напримѣръ, съ „Древнею Скиеіей въ своихъ могилахъ“ г. Забѣлина, представляетъ скорѣе шагъ назадъ, чѣмъ впередъ. Вѣрныя успѣхи въ этой области и теперь, и вѣроятно, долго еще достижимы будутъ поды условіемъ возможно большаго дифференцированія предметовъ и точнаго анализа ихъ, а не безразличнаго смѣшенія и поверхностныхъ обобщеній.

Выразительнѣйшимъ примѣромъ того, къ чему приводятъ въ области археологій, науки, по преимуществу документальной, смѣшеніе разнородныхъ понятій и предвзятость положеній, могутъ служить тѣ страницы у нашего автора, которыя посвящены характеристикѣ западно-скиескихъ обрядовъ погребенія по курганнымъ раскопкамъ (стр. 137—144)¹⁾. Автору, разумѣется, извѣстно присутствіе скиескихъ могилъ и къ западу отъ Днѣпра, ничѣмъ существеннымъ не отличающихся отъ такихъ же памятниковъ восточной Скиеи; напрасно только онъ черезъ-чуръ сокращаетъ число ихъ до одного-двухъ примѣровъ, при чемъ называетъ лишь Перепятиху, и потому считаетъ этотъ видъ погребенія случайнымъ для западной Скиеи, занесеннымъ какъ-нибудь съ другаго берега Днѣпра. Но дѣло въ томъ, что проф. Антоновичъ, на котораго не разъ ссылается нашъ авторъ, и котораго менѣе всего можно упрекать въ скороспѣлости выводовъ, устанавливаетъ для юго-западнаго края типъ скиескаго погребенія на основаніи раскопокъ сѣверянскихъ кургановъ. Новый матеріалъ по тому же предмету содержатъ въ себѣ образцово составленные дневники пятилѣтнихъ раскопокъ гр. А. А. Бобринскаго у мѣстечка Смѣлы (Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы. С.-Пб. 1887). Но не эти курганы нужны автору на правой сторонѣ Днѣпра; вѣдь западные скиеи должны были оставить по себѣ памятники въ курганахъ, отличныхъ отъ восточно-скиескихъ, и авторъ ищетъ ихъ повсюду, нисколько не стѣсняясь ни скудостью смѣдлній о произведенныхъ раскопкахъ, ни присутствіемъ серебра въ нѣкоторыхъ могилахъ, совершенно не свойственнаго скиескимъ курганамъ и составляющаго принадлежность такъ-называемыхъ славянскихъ могилъ, ни географи-

¹⁾ На стр. 137 читатель можетъ подумать, будто нашъ извѣстный историкъ и археологъ В. Б. Антоновичъ помѣщаетъ всѣ разрытые до сихъ поръ курганы въ юго-западномъ край въ предѣлы западной Скиеи Геродота; ничего подобнаго у г. Антоновича нѣтъ.

ческими предѣлами Скиѳи, ни, наконецъ, разногласіемъ съ предшественниками-археологами. Такъ, обряды погребенія и сожженія онъ считаетъ одинаково скиѳскими. Кремневья орудія, принадлежащія, конечно, каменному вѣку, найденныя въ могилахъ по берегамъ рр. Вислы и Рассавы, авторъ приписываетъ также скиѳамъ. „Тутъ (въ могилахъ на правомъ берегу Вислы) „большая часть орудій сдѣлана изъ кремня, а бронза является лишь въ видѣ одной бронзовой фибулы, то-есть, въ видѣ украшенія, что заставляетъ предполагать, что могила эта принадлежитъ еще къ первому періоду бронзового вѣка“ (стр. 140). Кремневья орудія—принадлежность каменнаго вѣка, а бронзовая фибула — результатъ заимствованія. При чемъ же здѣсь бронзовый вѣкъ и западные скиѳы? Присутствіе въ могилахъ монеты Траяна и Адріана также не останавливаетъ автора; на стр. 139—140 перечисляются курганы въ разныхъ мѣстахъ, и къ однимъ и тѣмъ же именамъ (Яблоновка, Аксиутищцы) приурочиваются какъ погребеніе, такъ и сожженіе, а на стр. 144 о тѣхъ же могилахъ говорится: „по недостатку данныхъ нѣтъ возможности опредѣлить, къ какому времени онѣ принадлежатъ“. На стр. 143 говорится о курганѣ, въ которомъ, между прочимъ, найдена серебряная бляха, а на стр. 142—144 отсутствіе серебра характеризуетъ скиѳскіе курганы и т. д. И вотъ такого-то рода матеріалъ и такая классификація приводятъ автора къ заключенію, что между погребальными обрядами племенъ западно- и восточно-скиѳскихъ существовало сильное различіе (стр. 144).

Теперь спрашивается: на сколько читатель „Скиѳскихъ древностей“ можетъ полагаться на картину быта скиѳовъ, нарисованную авторомъ, который такъ мало позаботился о разграниченіи между достовѣрнымъ, съ одной стороны, гадательнымъ, сомнительнымъ или даже совсѣмъ невѣдомымъ—съ другой? Послѣ сказаннаго выше мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на критикѣ бытовой части изслѣдованія (стр. 33 сл.), и укажемъ только на два-три примѣра для того, чтобы читатель самъ видѣлъ невозможность научнаго восстановленія скиѳской старины, если оно не основывается на предварительной тщательной обработкѣ изыскающагося матеріала. Границею между восточными и западными скиѳами авторъ называетъ р. Днѣпръ; между тѣмъ на стр. 43 свидѣтельства о земледѣліи въ западной Скиѳи извлекаются между прочимъ изъ Юхновскаго городища въ Черниговской губерніи и вообще изъ малорусскихъ кургановъ, даже изъ могилы близъ Новочеркасска. Рыболовство у скиѳовъ доказывается мно-

жествомъ обломковъ раковинъ, найденныхъ въ курганѣ при устьѣ Россавы. „На Вислѣ ловля рыбы могла производиться сѣтями“ (стр. 43). Но, вѣдь, Висла не входила въ предѣлы Скиѳіи, и скиѳское происхожденіе разрытыхъ по Вислѣ кургановъ ничѣмъ не доказывается и у автора. Могила около Роси свидѣтельствуютъ для автора, что западные скиѳы „имѣли и домашнюю птицу, которую употребляли въ пищу“ (стр. 45), а на стр. 142, 143 самъ авторъ сознается въ крайней скудости свѣдѣній объ этомъ курганѣ. Ссылка на Самоквасова мало прибавляетъ, потому что и въ его рефератѣ мы не находимъ необходимыхъ подробностей ни о содержимомъ кургана, ни о самой раскопкѣ (Проток. засѣданій московск. общ. исторіи и древн. 1876 г.). Какъ мы видѣли выше, принадлежность Каменной могилы скиѳамъ остается сомнительною для самого автора; между тѣмъ на стр. 37 она стоитъ рядомъ съ курганами несомнѣнно скиѳскими. Борисовскій курганъ Минской губерніи привлекается авторомъ для подтвержденія того, что скиѳы растирали хлѣбныя зерна между двумя камнями, и т. д.

Въ заключеніе мы обязаны напомнить читателю, что наименованіе кургановъ „скиѳскими“ остается до сихъ поръ терминомъ условнымъ въ археологіи, подъ которымъ разумѣются памятники различныхъ племенъ съ нѣкоторыми общими признаками культуры, и И. Е. Забѣлинъ, давшій блестящій очеркъ быта скиѳовъ по раскопкамъ нѣсколькихъ „царскихъ“ могилъ, съ полнымъ основаніемъ говоритъ: „Мы не имѣемъ, однакожь, основаній заключать, что всѣ эти безчисленные курганы насыпаны однимъ какимъ-либо племенемъ, напримѣръ, скиѳскимъ. Здѣсь проходило, останавливалось и жило много различныхъ племенъ и народовъ, которые, безъ сомнѣнія, также, какъ и скиѳы, оставляли по себѣ память въ могильныхъ насыпяхъ. Можетъ быть, ниня изъ этихъ насыпей помнятъ не одно тысячелѣтіе даже до нашей эры“ (Ист. русск. жизни, I, 613). Что касается въ частности „толстыхъ“ могилъ, то конструкція внутреннихъ частей ихъ и находимые въ нихъ предметы согласуются во многомъ съ описаніемъ Геродота, хотя полнаго тождества между древнимъ описаніемъ и этими курганами установить нельзя. Такъ, не подтвержденнымъ остается обычай скиѳовъ, столь картинно описываемый Геродотомъ (IV, 72) и состоявшій въ томъ, что на могилахъ скиѳскихъ царей, по прошествіи года послѣ погребенія покойника, убивалось множество лошадей на деревянныхъ станкахъ и пятьдесятъ вьюшей сажались на колья. Потомъ, нельзя забывать и того, что, по словамъ

„отца исторіи“, нѣкоторые изъ пограничныхъ со скинами народовъ вели образъ жизни совершенно скинскій и обычай имѣли скинскіе; поэтому и они могли оставить по себѣ курганы весьма сходные со скинскими. Все это побуждаетъ новыхъ изслѣдователей дѣлать выводы о „скинскихъ“ находкахъ съ крайнею осторожностью: многіе обычай, записанные Геродотомъ какъ скинскіе, могли принадлежать и другимъ кочевникамъ.

Однако, да не подумаетъ читатель, что книга г. Лаппо-Данилевскаго не содержитъ въ себѣ ничего, кромѣ ошибочныхъ заключеній. Она даетъ первую попытку собрать во-едино добытые до сихъ поръ результаты археологическихъ изысканій въ южной Руси, и тамъ, гдѣ авторъ не мудрствуя лукаво, описываетъ предметы „скинскихъ“ кургановъ, его эту дѣль весьма поучителенъ. Но автору необходимо было вооружиться болѣе строгою и послѣдовательною критикою, какъ въ разборкѣ матеріала, такъ и въ оцѣнѣ трудовъ своихъ предшественниковъ. Ссылки на этихъ послѣднихъ не могутъ имѣть вадѣ одинаковаго авторитета, и не слѣдуетъ смѣшивать немногіе строго научные труды по южно-русской и общей археологій съ сообщеніями дилетантовъ, мало подготовленныхъ къ подобнымъ изслѣдованіямъ.

● Минценко.

И. Сениговъ. Историко-критическія изслѣдованія о новгородскихъ лѣтописяхъ и о російской исторіи В. Н. Татищева. Москва. 1887.

Сочиненіе г. Сенигова состоитъ собственно изъ двухъ частей, совершенно другъ отъ друга независимыхъ: изслѣдованія о Новгородскихъ лѣтописяхъ (гдѣ разсматриваются вопросы о первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода, о спискахъ первой Новгородской лѣтописи, объ источникахъ Новгородскаго лѣтописнаго свода и о времени составленія Новгородскаго лѣтописнаго свода) и разсмотрѣнія Російской исторіи В. Н. Татищева, какъ источника для русской исторіи. Мы не станемъ касаться здѣсь 1-й части труда г. Сенигова, такъ какъ отдѣльныя части этого изслѣдованія печатались раньше въ Журн. Мин. Нар. Пр. и уже обсуждаемы были критикою. Изслѣдованіе же о Татищевѣ представляетъ новую работу автора. Потому-то и поговоримъ только объ этомъ послѣднемъ сочиненіи г. Сенигова. Исторія Татищева имѣла странную участь. Извѣстно, что сводъ Татищева заключаетъ въ себѣ много такихъ извѣстій, какія не сохранились въ извѣстныхъ намъ лѣтописяхъ.

Вмѣсто того, чтобъ отнестись съ благодарностью къ труженнику, сохранившему намъ массу извѣстій, которыя безъ его свода погибли бы для насъ безвозвратно, наши историки набросились на Татищева и стали его обвинять во всевозможныхъ преступленіяхъ противъ науки и истины: обманахъ, подтасовкахъ, передержкахъ, тенденціозныхъ вымыслахъ и пр. Татищевъ явился въ этихъ обвиненіяхъ какимъ-то Мефистофелемъ, вздумавшимъ поглумиться надъ своими потомками. Онъ вымышляетъ отдѣльные факты и цѣлыя лѣтописи, ловко вставляетъ остроумныя сатиры и памфлеты въ свое изложеніе, и пр. Рѣшеніе якобы поставленной имъ загадки—гдѣ въ его словахъ правда, и гдѣ ложь, тѣмъ труднѣе, что многіе изъ бывшихъ у него подъ рукою матеріаловъ погибли для насъ безслѣдно, и не возможно часто сказать, списываетъ ли авторъ источникъ, или сочиняетъ это отъ себя.

Подобнаго отрицательнаго мнѣнія въ отношеніи исторіи Татищева держались даже такіе ученые, какъ Шлецеръ, Карамзинъ и въ недавнее время проф. Голубинскій. Въ послѣднее время впрочемъ большинство нашихъ ученыхъ стало болѣе довѣрчиво относиться къ извѣстіямъ Татищева и пользоваться ими въ своихъ изслѣдованіяхъ, хотя и не безъ оговорокъ: такъ-молъ говоритъ Татищевъ, а я тутъ не при чемъ. Печать проклятія, слѣдовательно, все еще таготѣетъ надъ тридцатилѣтнимъ трудомъ историка XVIII вѣка. Спрашивается: въ чемъ же состоитъ задача науки въ отношеніи къ Татищеву, и при какихъ условіяхъ мы будемъ въ состояніи обращаться къ его исторіи по крайней мѣрѣ съ тѣми требованіями, какія мы предъявляемъ къ позднѣйшимъ лѣтописнымъ сборникамъ въ родѣ Никоповской или Воскресепской лѣтописей?

Правильный путь для рѣшенія этого вопроса будетъ состоять въ слѣдующемъ: 1) необходимо путемъ изученія способа передачи Татищевымъ извѣстій сохранившихся источниковъ опредѣлить его отношенія къ источникамъ, манеру передачи лѣтописныхъ данныхъ, степень переработки сырого матеріала, 2) выдѣлить изъ его изложенія всѣ тѣ извѣстія, которыя сохранились только у него и подвергнуть ихъ тщательной исторической критикѣ. Ознакомившись со способами передачи Татищевымъ данныхъ разныхъ источниковъ, мы до извѣстной степени въ состояніи будемъ возстановить остовъ того извѣстія, которое сообщаетъ Татищевъ.

Мы сами имѣли уже нѣсколько разъ случай высказать наше мнѣніе относительно способа отношенія Татищева къ его источникамъ

(въ статьѣ „Краледв. рукопись и Иоакимовская лѣтопись“ — Журн. Мин. Нар. Пр. 1883, X, и въ 1-й главѣ сочиненія: „Взаимныя отношенія Руси и Польши“). Изучая исторію Татищева, мы пришли къ заключенію, что этотъ почтенный труженикъ только сводилъ извѣстія доступныхъ ему лѣтописей (и именно только русскихъ), не вводя въ текстъ никакихъ поясненій, дополненій и т. д., все это помѣстивъ въ примѣчаніяхъ. Сводя лѣтописныя данныя, Татищевъ лишь нѣсколько подновлялъ древній языкъ, прибавлялъ иногда нѣсколько словъ для большей гладкости изложенія, но никогда не искажалъ намѣренно текста лѣтописей. Если изрѣдка встрѣчаются отступленія отъ извѣстныхъ намъ лѣтописныхъ подробностей, то источникъ ихъ въ большинствѣ случаевъ скрывается или въ неудачномъ чтеніи лѣтописнаго текста, или въ несправности бывшаго у Татищева списка (а быть можетъ, кое-гдѣ и несправности списка, по которому изданъ трудъ Татищева).

Исслѣдованіе г. Сенигова въ значительной степени состоитъ лишь въ распространеніи и доказательствѣ массою выписокъ и цитатъ высказанныхъ нами мыслей. Употребивъ массу труда на сличеніе извѣстій Татищева съ данными лѣтописи, г. Сениговъ не прибавляетъ ни одной новой черты къ высказаннымъ нами общимъ положеніямъ, а только, такъ-сказать, расчленяетъ ихъ. Такъ мы сказали, что Татищевъ только подновлялъ нѣсколько лѣтописный языкъ (о чемъ онъ впрочемъ и самъ открыто заявляетъ), желая сдѣлать его болѣе понятнымъ и удобочитаемымъ. Г. Сениговъ самымъ подробнымъ образомъ изучаетъ, въ чемъ именно состояло это подновленіе, рассматриваетъ всѣ измѣненія этимологическія, синтаксическія, стилистическія, при чемъ оказывается, что Татищевъ дѣлалъ такое измѣненіе (напримѣръ, е вм. ѣ), а другой разъ другое (ѣ вмѣсто е). Далѣе изъ нашихъ словъ, что Татищевъ, не искажая намѣренно лѣтописнаго текста, иногда только, такъ сказать, раскрывалъ скобки въ извѣстіяхъ источниковъ, обозначая, напримѣръ, годъ рожденія какого-либо князя, когда были извѣстны годъ его смерти и число лѣтъ жизни, и т. д., — г. Сениговъ строитъ цѣлую систему нефактическихъ дополненій Татищева противъ извѣстій источниковъ: обозначеніе подлежащаго подразумѣваемаго, сказуемаго подразумѣваемаго, опредѣленій, дополненій и пр. и для всего этого приводитъ массу примѣровъ.

Такимъ образомъ эта часть труда г. Сенигова не даетъ рѣшительно ничего новаго; она содержитъ въ себѣ только болѣе подробное, уто-

нительно подробное доказательство высказанныхъ раньше мыслей. Его „расчлененія“ общихъ положеній рѣшительно никакой цѣны не имѣютъ и никому пользы не принесутъ, ибо все же не избавятъ изслѣдователя отъ труда сличенія извѣстій Татищева съ извѣстіемъ лѣтописи, а тогда само собою будетъ ясно, какія слова измѣнилъ въ лѣтописи Татищевъ.

Самой же важной части своей задачи—сравненія извѣстій Татищева съ извѣстіями другихъ источниковъ, выдѣленія данныхъ, сохранившихся только у Татищева, и критической ихъ разработки—г. Сениговъ вовсе не сдѣлалъ, хотя страннымъ образомъ обѣщалъ это категорически въ предисловіи. Г. Сениговъ могъ бы взять за образецъ работы относительно достовѣрности извѣстнаго источника трудъ г. Семковича о Длугошѣ (см. нашъ отчетъ объ этой книгѣ въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1887, № 12). Г. Семковичъ, мастерски очертивъ личность Длугоша, охарактеризовавъ его ученые приемы, общую степень достовѣрности его данныхъ и пр., разбираетъ затѣмъ каждое извѣстіе Длугоша, сравнивая его со всѣми извѣстными намъ источниками, отдѣляя собственно Длугошевскій плюсъ къ даннымъ намъ извѣстнымъ и критически оцѣнивая этотъ плюсъ. Вотъ это дѣйствительно работа не только полезная, но просто безцѣнная, ибо она въ громадной степени облегчаетъ каждому ученому пользованіе Длугошемъ. Г. же Сениговъ писалъ, какъ будто, не для ученыхъ, чувствующихъ настоящую потребность обращаться къ исторіи Татищева—сравнивать въ каждомъ данномъ случаѣ его извѣстія съ извѣстіями, другихъ источниковъ и критически ихъ провѣрять, а только лично для себя. По нашему мнѣнію, авторъ совершалъ работу въ значительной мѣрѣ безцѣльную, сдѣлавъ совершенно неэкономную затрату времени и труда, ибо нисколько не облегчилъ пользованіе Татищевымъ. Авторъ просто влюбился въ букву; для него, по видимому—самый процессъ сравненія отдѣльныхъ словъ въ родѣ перечисленія мѣстъ, гдѣ Татищевъ ставитъ е вмѣсто лѣтописнаго ѣ, составляетъ наслажденіе. Авторъ за деревьями не увидѣлъ лѣса и позабылъ о своей прямой задачѣ. Сожалѣемъ объ этомъ, ибо авторъ, очевидно, способенъ много работать, если только освободится отъ буквѣидства.

Произведенная по иному, болѣе рациональному методу, работа дала бы и тѣ же результаты—оправданіе добросовѣстности Татищева въ передачѣ лѣтописнаго матеріала и въ то же время облегчила бы пользованіе Татищевскимъ матеріаломъ.

Скажутъ пожалуй, что недостаточно высказать какую-нибудь

мысль, нужно и доказать. Правильно. Но если какой-нибудь фактъ совершенно ясно доказывается однимъ легкимъ способомъ доказательствъ, къ чему подыскивать еще рядъ новыхъ и притомъ болѣе трудныхъ доказательствъ? Можетъ быть, это имѣетъ значеніе въ математикѣ, но не въ историческихъ наукахъ, гдѣ притомъ такъ много пробѣловъ. Безконечныя варіаціи на одну и ту же тему являются здѣсь ненужною научною роскошью и свидѣтельствуютъ объ отсутствіи вкуса къ научному пониманію вопроса. Произведенная по способу г. Семковича работа надъ Татищевымъ заслужила бы полную благодарность со стороны всѣхъ русскихъ историковъ. Теперь же мы можемъ только сказать, что авторъ *oleum et laborem perdidit*; результаты его работы, къ сожалѣнію, не соотвѣтствуютъ затраченному на нее значительному труду.

III. Личныя замечанія.

Книжныя новости.

Опытъ Исторіи С.-Петербургской биржи въ связи съ исторіей С.-Петербургскаго, какъ торговаго порта. Г. А. Немирова. С.-Пб. 1888 г. Вып. I: Петербургъ до его основанія. Очеркъ исторіи рѣки Невы и мѣстности нижшняго Петербурга до 1073 года.—Предпринимавъ составленіе исторіи петербургской биржи, секретарь петербургскаго биржеваго комитета г. Немировъ задумалъ столь же почтенный, какъ и практически полезный трудъ, притомъ трудъ громаднй, если припомнить ту массу цифръ, относящихся до различныхъ предметовъ привозной и отпускнуой торговли Петербургскаго порта, которую необходимо просмотрѣть, и провѣрить за множество десятковъ лѣтъ, чтобы составить обстоятельную картину торговаго движенія здѣшняго порта,—если, кромѣ того, припомнить, какое множество узаконеній, относящихся до Петербургскаго порта и биржи, было издано одновременно. Независимо отъ этого матеріала, г. Немировъ работалъ въ архивахъ бывшей коммерцъ-коллегіи, петербургской почтовой таможни и городской думы. Все это даетъ основаніе предполагать, что предпринятый Немировымъ трудъ будетъ очень любопытенъ и, очевидно, весьма обширенъ. Принятая авторомъ система изданія изслѣдованія отдѣльными выпусками, и притомъ не въ хронологическомъ порядкѣ, но по возможности такъ, „чтобы нѣсколько смежныхъ выпусковъ составляли нѣчто цѣлое“, заставляетъ воздержаться отъ подробнаго разбора книгъ появившагося выпуска, тѣмъ болѣе, что онъ представляетъ собою, какъ говоритъ авторъ, только вступленіе къ хроникѣ 1703 года. Конечно, отъ усмотрѣнія автора зависитъ издавать свое сочиненіе въ цѣломъ видѣ или отдѣльными выпусками, но и въ семъ послѣднемъ случаѣ всего естественнѣе было бы издавать его съ начала, а не съ середины, какъ дѣлаетъ г. Неми-

ровъ. По составленному и опубликованному имъ плану все сочиненіе раздѣляется на нѣсколько частей, при чемъ первая будетъ посвящена вступительнымъ очеркамъ, въ которыхъ будетъ говорить о побережьи Балтійскаго моря въ древнѣйшій періодъ торговыхъ сношеній, о балтійско-индійскомъ пути въ періодъ арабской торговли, о Великомъ Новгородѣ какъ предметникѣ Петербургскаго порта, о торговлѣ восточнаго побережья Балтійскаго моря послѣ паденія самостоятельности Великаго Новгорода и т. д. Этотъ выпускъ первый еще долженъ выйдти со временемъ, между тѣмъ какъ въ нынѣ появившемся, которымъ, какъ можно предполагать, начинается уже 2-я часть сочиненія („Петербургская биржа при Петрѣ Великомъ“), дѣлается общій выводъ о значеніи Новгорода для торговой исторіи Петербургскаго порта (стр. 3—6) и краткій монографическій очеркъ исторіи собственно той мѣстности, гдѣ въ 1703 г. основанъ Петербургъ, то-есть, устье или дельта Невы. При этомъ говорится, правда, и о плавающихъ ледяныхъ горахъ, и о вѣковомъ поднятїи суши, и о продолжительности ледниковаго періода, и о времени поднятїя бѣломорско-балтійскаго перешейка, и объ образованїи бѣломорско-балтійскаго пролива, и о размѣрахъ Бѣлаго моря въ IX вѣкѣ, и о рудокопствѣ въ Петергофскомъ уѣздѣ въ XV вѣкѣ и т. д. Выпускъ заканчивается зарожденіемъ будто бы Петербурга въ 1497—1499 гг. на Невѣ, на устьѣ Охты, въ видѣ селъца въ 12 дворовъ. Въ слѣдующихъ выпускахъ предполагается прослѣдить весь ростъ этого зародыша, показать, какъ изъ нѣсколькихъ бѣдныхъ деревушекъ развилось новое промышленное поселеніе, новый торговый городокъ, будущій главный портъ Россійской имперіи (стр. 56). Все это бесспорно свидѣтельствуеетъ о начитанности автора, его трудолюбіи и добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, при такомъ порядкѣ изложенія, объемъ сочиненія увеличивается далеко за предѣлы не только необходимаго, но даже и желательнаго. Мы не можемъ себѣ представить даже какой-либо непосредственной связи петербургской биржи съ балтійско-индійскимъ путемъ въ періодъ арабской торговли, а тѣмъ болѣе съ ледниковымъ періодомъ и т. п., и полагаемъ бы, что при обилїи матеріаловъ, непосредственно относящихся къ публичному предмету изслѣдованія, крайне неудобно загромождать сочиненіе разсмотрѣніемъ другихъ, хотя бы и очень любопытныхъ, вопросовъ. По нашему мнѣнію, опытъ исторіи петербургской биржи долженъ начинаться со дня ея основанія, а исторіи Петербурга, какъ торговаго порта,—съ момента его учрежденія. Едва ли кто придастъ значеніе завѣреніямъ автора, что не Петръ Великій задумалъ основать Петербургъ, что идея этого города родилась задолго до Петра и не принадлежитъ вообще никакой отдѣльной личности. Г. Неміровъ утверждаетъ, что торговля петербургскаго порта есть только продолженіе торговли новгородской (стр. 4). Вѣрнѣе, конечно, извѣстно, что главнымъ занятіемъ Новгорода была торговля, что онъ имѣлъ торговныя сношенія съ Готландомъ, а потомъ и съ Ганзю. Но о дѣятельности нѣмецкихъ купцовъ въ Россіи въ эти времена вотъ какъ отзывается Розенхампфъ въ своемъ изслѣдованіи „Der deutsche Hof zu Nowgorod“: „Въ продолженіе трехъ столѣтїй Ганза сосредоточивала въ своихъ рукахъ всю внѣшнюю торговлю сѣверной Россіи. Если спросить, какую пользу или вредъ принесла она странѣ, то нельзя не признать, что благодаря ей Новгородъ и Псковъ лишены были самостоятельной торговли съ за-

падомъ. Россія въ удовлетвореніи своихъ потребностей впала въ полную зависимость и предана была произволу и безпощадному эгоизму нѣмецкихъ купцовъ* (*Розенкампфъ*, стр. 128; *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская Исторія, I, стр. 350). Чѣмъ же однако доказываетъ г. Немировъ, что торговля Петербурга есть продолженіе этой славной, по его мнѣнію, торговли повгородской? Въроятно, доказательства эти будутъ помѣщены въ слѣдующихъ выпускахъ, въ нихъ же вышедшемъ ихъ нѣтъ. Вотъ неудобство издавать большое изслѣдованіе выпусками. Мы позволили себѣ обратить вниманіе на эти недостатки труда г. Немирова не съ тѣмъ, конечно, чтобъ умалить достоинство его предпріятія. Напротивъ того, мы не только желаемъ полного успѣха этому труду, но и желаемъ также, чтобъ онъ былъ доведенъ до конца, притомъ именно въ тѣхъ предѣлахъ, которыми непосредственно ограничивается его задача.

Для любительской книжной старины. Библиографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ, поэмъ и пр. въ особенности изъ первой половины XVIII вѣка. *А. Н. Лымина*. Изданіе Общества любителей россійской словесности. М. 1888.—Извѣстно, что въ числѣ звеньевъ, связывающихъ нашу словесность XVIII столѣтія съ до-петровскою стариною, находится значительно развинувшаяся въ то время повѣствовательная литература. Произведенія ея, принадлежащія XVII вѣку, болѣе или менѣе изслѣдованы, и въ числѣ относящихся сюда работъ видное мѣсто занимаетъ трудъ г. Пыпина, вышедшій около тридцати лѣтъ назадъ. Но повѣствовательная литература XVIII вѣка, также болѣею частью рукописная, особенно въ первой половинѣ этого вѣка, и почти вся переводная (какъ и повѣсти XVII в.), еще ожидаетъ своего изслѣдованія, которое несомнѣнно можетъ дать любопытные выводы. Но прежде всего нужно собрать необходимый матеріалъ, то-есть, привести въ извѣстность все количество повѣстей, оригинальныхъ и переводныхъ, существовавшихъ въ XVIII вѣкѣ. Этого-то трудъ и исполнилъ г. Пыпинъ на основаніи каталоговъ нашихъ рукописныхъ собраній, какъ казенныхъ, такъ и общественныхъ и частныхъ. Количество всѣхъ перечисленныхъ произведеній простирается до 200. По каждому г. Пыпинъ приводитъ заглавіе и начальныя строки и указываетъ мѣсто храненія каждой рукописи; для многихъ переводныхъ повѣстей указанъ иностранннй подлинникъ, для появившихъ въ печать—печатныя изданія. Такимъ образомъ о каждомъ памятникѣ сообщены всѣ первоначальныя свѣдѣнія, которыя могутъ служить пособіемъ для дальнѣйшихъ изысканій. Очевидно, списокъ г. Пыпина есть трудъ весьма полезный; къ библиографической тщательности своихъ работъ онъ уже давно приучалъ читателей; ту же тщательность находимъ мы и въ этомъ спискѣ.

Библиографическій списокъ литературныхъ трудовъ Киевскаго митрополита Евгения Болховитинова. *Е. Шмурло*. Вып. I. С.-Пб. 1888.—Весьма полезное дополненіе къ сочиненію г. Шмурло, о которомъ сообщено въ „Книжныхъ Новостяхъ“ предшествующей книжки Ж. М. II. Nr.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, Т. XII, вып. I. М. 1888.—Содержаніе: 1) *А. К. Живневскій*. Описаніе Тверскаго музея. Нумизматическій отдѣлъ, съ рисунками. 2) *М. А. Веневитиновъ*. Старинное изображеніе обряда смотринъ въ городѣ Горолицѣ (съ таблицей); 3) *П. О.*

Бурачковъ. Объясненіе къ археологической картѣ Новороссійскихъ губерній и Крыма (съ картою); 4) *Н. А. Шеварца*. Къ вопросу объ истолкованіи одного недавняго античнаго бюста изъ собранія графа А. С. Уварова (съ таблицей); сверхъ того, протоколы Общества за 1886 и 1887 гг., съ изложеніемъ 17 рефератовъ разныхъ лицъ.

Четверток путешествіе по центральной Азій. Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-Поръ по бассейну Тарима. *Н. М. Пржевальскаю*. Съ 3 картами, 29 фототипіями и 5 литтипажами. С.-Пб. 1888.—Новый трудъ нашего знаменитаго путешественника, изданный Русскимъ Географическимъ Обществомъ и представляющій столько же интереса, какъ и прежнія его сочиненія. Журналъ надѣется со временемъ познакомиться съ нимъ читателей подробнѣе.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Латинская грамматика, въ объемѣ гимназическаго курса. Составилъ А. О. Поспишила. Выпускъ II, курсъ V—VIII классовъ. Киевъ. 1888. Ц. 70 к.

Вторымъ выпускомъ латинской грамматики г. Поспишила, заключающимъ въ себѣ курсъ V—VIII классовъ, учебникъ этотъ заканчивается. И второй выпускъ его, подобно первому, с ставленъ добросовѣстно, съ знаніемъ дѣла и со стараніемъ примѣняется къ потребностямъ и нуждамъ русскаго учащагося юношества. Авторъ принялъ при его составленіи во вниманіе не только важнѣйшія пособія иностранныхъ литературъ (нѣмецкой, французской, чешской), но и пособія для изученія грамматики русскаго и церковно-славянскаго языковъ, вслѣдствіе чего у него въ обиліи встрѣчаются указанія на особенности этихъ послѣднихъ, а этого обыкновенно въ учебникахъ латинскаго синтаксиса не оказывается. По объему своему грамматика г. Поспишила занимаетъ середину между краткими учебниками, въ родѣ учебника г. Фаминскаго, и пространными, къ которымъ принадлежатъ книги гг. Шульца, Ходобан и Виноградона, при чемъ, однако, въ довольно значительномъ числѣ параграфовъ учебникъ г. Поспишила приближается къ послѣднимъ, занося и объясняя такія явленія языка, которыя встрѣчаются преимущественно въ рѣчи поэтической. За это особенно укорять автора нельзя, въ виду того, что разсматриваемый выпускъ его учебника предназначается для тѣхъ классовъ, въ которыхъ учащіяся уже приступаютъ къ чтенію поэтовъ. Грамматическій матеріалъ расположенъ авторомъ съ достаточною наглядностью и въ большинствѣ случаевъ сгруппированъ надлежащимъ образомъ. Изложенъ онъ довольно своеобразно, и изложеніе это со-

---

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученыхъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

ставляетъ слабую сторону труда г. Поспишила. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что многія правила и явленія языка изложены туманно и отвлеченно, такъ что иногда приходится долго вдумываться въ то, что хочетъ сказать авторъ, и нерѣдко уяснять себѣ сказанное при помощи приведенныхъ примѣровъ. Такъ, на стр. 179 читаемъ: „атттрибутивное причастіе обозначаетъ данное дѣйствіе какъ признакъ того предмета, съ именемъ котораго оно согласуется“; на стр. 188: „Повѣствовательнымъ предложеніемъ называется то, въ которомъ для лица говорящаго всѣ члены предложенія извѣстны и отношеніе между ними для него опредѣлительно“; на стр. 204: „Простое предложеніе можетъ очень далеко распространяться въ области согласуемыхъ и дополнительныхъ формъ сочетанія словъ, не переходя за предѣлы единства выражаемаго въ немъ сужденія“ и др. Въ связи съ только что указаннымъ стоитъ и другой недостатокъ изложенія, состоящій въ чрезмѣрномъ обиліи иностранныхъ терминовъ, безъ нужды затемняющихъ то, что хочетъ сказать авторъ; напримѣръ, на стр. 169: „предикативное имя при инфинитивѣ — подлежащемъ ставится въ винительномъ падежѣ“; на стр. 219: „однако, и здѣсь бываетъ правильное модальное согласованіе, если предполагается полное временное согласованіе при независимой формѣ выраженія“; на стр. 294: „Хотя грамматическое дѣленіе человѣческой рѣчи на предложенія, фразы, слова соответствуетъ риемическимъ категоріямъ періода, кола, такта, и грамматическое удареніе соответствуетъ риемическому икту, однако“ — и т. д.

Собственно грамматика оканчивается на стр. 246; со стр. 247 идетъ краткое изложеніе стилистики, далеко не излишнее въ старшихъ классахъ; особенно одобрительно, что на стр. 285 авторъ представилъ краткое перечисленіе и опредѣленіе троповъ и фигуръ; на стр. 293 и слѣд. изложены главныя основанія латинской метрики.

Книга напечатана исправно и по цѣнѣ доступна.

Σοφοκλέους Φιλοκτήτης. Филоклетъ. Трагедія Софокла, съ русскими примѣчаніями, схемою метровъ и введеніемъ профессора С.-Пб. Историко-филологическаго института. А. Д. Вейсмана. С.-Пб. 1888. Въ 8-му стр. 77. Цѣна 80 коп.

По образцу и на основаніи появляющихся для школьнаго употребленія въ Берлинѣ Вейдмановскихъ, а въ Лейпцигѣ Тейбнеровскихъ изданій классическихъ авторовъ, г. Вейсманъ присовокупилъ къ прежнимъ своимъ изданіямъ Эврипидова „Ипполита“ и Софокловыхъ

„Антигоны“ и „Аякса“, еще трагедию Софокла „Филоклетъ“, чѣмъ онъ оказалъ немаловажную услугу отечественнымъ гимназиямъ, такъ какъ „Филоклетъ“ принадлежитъ къ числу тѣхъ древнихъ драмъ, которыя, по формѣ и по содержанию, наиболѣе пригодны для чтенія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Какъ и прежнія, вновь вышедшее изданіе г. Вейсмана состоитъ изъ введенія, греческаго текста, изъ объяснительныхъ примѣчаній, помѣщенныхъ на каждой страницѣ подъ текстомъ, изъ таблицъ размѣровъ и критическихъ примѣчаній въ видѣ приложения. Введеніе, излагая въ краткомъ очеркѣ мнѣ о Филоклетѣ и содержаніе самой трагедіи, вполне соответствуетъ своему назначенію—разъяснить основаніе, строй и цѣль разбираемаго драматическаго произведенія. Въ текстѣ не оказывается никакихъ существенныхъ отступленій отъ общепринятой рецензій. Примѣчанія, по своему поучительному содержанию, не могутъ не содѣйствовать полному пониманію текста; что же касается до ихъ количества и редакціи, то мы находимъ, что комментаторъ, сравнительно съ нѣмецкими изданіями, отнюдь не въ пользу дѣла, упустилъ изъ виду много мѣстъ, требовавшихъ объясненія по эстетическимъ или филологическимъ вопросамъ, какъ, на примѣръ, стихи 52, 62, 141, 163, 196, 201, 215, 261, 295, 300, 315, 325, 338, 343, 357, 361, 418, 429, 439, 477, 529, 753 и т. д. За то есть мѣста, которыя въ крайнемъ случаѣ вовсе не нуждаются въ объясненіи, какъ, на примѣръ, ст. 188 $\mu\omicron\upsilon\nu\omicron\varsigma$ $\acute{\alpha}\kappa'\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega\nu$, заботливость о которомъ тѣмъ болѣе поражаетъ, что слѣдующій вскорѣ за нимъ ст. 196 $\omicron\upsilon\kappa$ $\acute{\epsilon}\sigma\theta'$ $\acute{\omega}\varsigma$ $\omicron\upsilon$ $\theta\epsilon\acute{\omega}\nu$ $\tau\omicron\upsilon$ $\mu\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\tau\eta$ || $\tau\omicron\upsilon$ $\mu\grave{\eta}$ $\pi\rho\acute{o}\tau\epsilon\rho\nu$ $\tau\omicron\upsilon\theta\acute{\epsilon}$ $\acute{\epsilon}\pi\iota$ $\tau\rho\iota\acute{\alpha}$ || $\tau\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$ $\tau\acute{\alpha}$ $\theta\epsilon\acute{\omega}\nu$ $\acute{\alpha}\mu\acute{\alpha}\chi\eta\tau\alpha$ $\beta\acute{\epsilon}\lambda\eta$ х. т. л. остались безъ объясненія, между тѣмъ какъ являющіеся при одномъ имени $\mu\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\tau\eta$ два родительные падежа разнаго свойства: $\theta\epsilon\acute{\omega}\nu$ $\tau\omicron\upsilon$ и $\tau\omicron\upsilon$ $\mu\grave{\eta}$ $\pi\rho\acute{o}\tau\epsilon\rho\nu$ — $\tau\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$ могутъ затруднить учащагося. Относительно редакціи примѣчаній мы ожидали бы меньше категоричности формы, особенно въ примѣчаніяхъ полемическаго характера. Не будемъ говорить о томъ, что критическій разборъ вариантовъ и конъектуръ вообще не долженъ имѣть мѣста въ школьныхъ изданіяхъ, а тѣмъ менѣе еще ученая полемика, какъ, на примѣръ, по поводу ст. 532. Схема размѣровъ составлена совершенно цѣлесообразна и имѣетъ еще то достоинство, что стопы и системы для облегченія учащихся помечены обычными терминами. Наконецъ, въ критическомъ приложеніи, содержащемъ въ себѣ сопоставленіе разныхъ вариантовъ и исправлений испорченнаго текста, находятся и нѣкоторыя конъектуры самого составителя книги, которыя мы позволимъ себѣ дополнить замѣткою,

что поправка къ ст. 533 проσχόουτε вм. проσχόουτε уже давно сдѣлана Т. Бергомъ, читавшимъ на основаніи cod. I. проσχόουτες ἐστίν. (см. F. W. Schneidewin. Σοφοκλέους Φιλοκτήτης. 1855. Anhang. ad v. 533).

Вообще разбираемое изданіе г. Вейсмана представляетъ собою трудъ, на который мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе преподавателей-филологовъ, имѣющихъ намѣреніе съ учениками восьмого класса читать Софоклова „Филоктета“, тѣмъ болѣе, что прекрасное изданіе Филоктета, вышедшее въ С.-Петербургѣ въ 1837 году (подъ заглавіемъ Sophoclis tragoedia Philoctes ad optimarum editonum fidem recensuit brevi annotatione tam grammatica, quam exegetica explanavit atque cum indice copioso in usum patriae juventutis Graecarum litterarum studiosae edidit Dr. Carolus G. Kühlstaedt, lit. gr. in Gymn. Petropolit. sec. praeseptor), въ крайнему сожалѣнію, уже сдѣлалось библиографическою рѣдкостью.

Биографія греческихъ и римскихъ классиковъ. Составилъ В. Крыжановскій 1868. Ц. 1 р. 25 к.

Цѣль труда г. Крыжановскаго — служить пособіемъ воспитанникамъ классическихъ гимназій при чтеніи греческихъ и латинскихъ писателей. „Какъ во время классныхъ занятій“, говоритъ авторъ въ предисловіи, — „такъ особенно во время испытаній въ концѣ учебнаго года, когда каждая минута дорога, такая книга (то-есть, подобная разсматриваемой) имѣетъ весьма важное значеніе, потому что избавляетъ отъ необходимости собирать нужныя свѣдѣнія по разнымъ болѣе или менѣе обширнымъ сочиненіямъ о древней литературѣ, а слѣдовательно, и отъ неразлучной съ этими поисками потери времени“. Позволяемъ себѣ усумниться въ вѣрности высказаннаго авторомъ и думаемъ, что самостоятельное приготовленіе по специальнымъ пособіямъ, хотя бы и сопряженное съ большою затратою времени, будетъ для воспитанника старшихъ классовъ несравненно полезнѣе, чѣмъ справка въ книжкѣ, подобной разбираемой. Прежде всего, она не есть трудъ самостоятельный, но представляетъ собою компиляцію, составленную притомъ не по первоисточникамъ, а по пособіямъ, иногда сомнительнаго научнаго достоинства, въ родѣ „Краткаго очерка исторіи греческой литературы“ Маркова-Виноградскаго. Результатомъ этого является неровность изложенія, несоотвѣтствіе между отдѣлами и не малочисленныя неточности и даже ошибки. Уже въ первыхъ строкахъ книги читатель встрѣчается съ изложеніемъ мало понятнымъ: „Начало греческой культуры“ — читаемъ мы на стр. 1 — „от-

носится къ тому мионическому періоду, въ которомъ теряются воспоминанія всѣхъ народовъ. Совершенно естественнымъ является это обстоятельство, если мы примемъ во вниманіе природную даровитость и дѣятельный характеръ грековъ. Понятно также и то, что дѣла начинающейся цивилизаціи нашли весьма скоро поэтическій отзывъ въ восторженныхъ словахъ талантливыхъ людей". На стр. 43 читаемъ: „Значеніе этой поэмы (Теогоніи) состоитъ въ томъ, что авторъ ея пытается прояснить теогоническія и космогоническія преданія орфическаго періода и дать мѣологіи художественную организацію. Вообще, поэма эта—высоко лирической гимнъ во славу рожденія музъ". На стр. 62: „Недостатокъ художественности въ своемъ произведеніи онъ (Эврипидъ) старается загладить философскими тонкостями и остроуміемъ" и т. д. Несоотвѣтствіе между отдѣлами, происходящее изъ указаннаго выше приема составленія разбираемой книжки, сказывается, напримѣръ, въ томъ, что авторъ считаетъ нужнымъ на 30 страницахъ передавать, и притомъ весьма неудачно, содержаніе всѣхъ пѣсней Илиады и Одиссеи, тогда какъ о Пиндарѣ говоритъ только на 14 строкахъ, Эсхилу посвящено всего 2½ страницы. Велико число неточностей и ошибокъ, находящихся въ книгѣ. Вотъ нѣсколько образчиковъ: на стр. 44 говорится, что языкъ Гезіода—легкое іоническое нарѣчіе; на стр. 47 городъ Платеи является въ формѣ женскаго рода: Платея; на стр. 51 слова: *χρόκτω τῆδε τάφφ* невѣрно переведены черезъ: „здѣсь иочиваетъ"; на стр. 64 говорится, будто у Эврипида вмѣсто лирики почти во всѣхъ драмахъ является судебное краснорѣчіе; на стр. 63 читаемъ, будто въ трагедіи Эсхила „Орестъ" драматическое искусство упижено до цѣлей и стремленій обиденной жизни; на стр. 81 терминъ *Hispania ulterior* невѣрно переводится черезъ „задняя Испанія"; на стр. 99 говорится, будто Тацитъ въ 79 году былъ квесторомъ и сенаторомъ, а при Домиціанѣ квесторомъ (значить, во второй разъ); на стр. 101 читаемъ: „сжатимъ, доблестнымъ, дышащимъ проіею стилемъ Тацитъ описалъ... событія..."; на стр. 103 Кассіодорій невѣрно названъ Кассіодоромъ; на стр. 105 говорится, что Фульвія, супруга Антонія, находившагося тогда въ Египтѣ, и извѣстный Маній затѣяли войну съ Октавіаномъ. Желательно было бы ближайшее ознакомленіе читателя съ этимъ „извѣстнымъ" Маніемъ, который большинству не извѣстенъ; на стр. 115 должности триумвира (слѣдовало бы опредѣлить, какого именно), центумвира и децемвира невѣрно называются почетными; на той же страницѣ упоминаніе о томъ, будто, по мнѣнію нѣкоторыхъ, поводомъ къ ссылкѣ Овидія было то, что онъ не-

чаянно засталъ внучку императора, Юлію, въ объятіяхъ раба, и немѣстно, и невѣрно; на стр. 117 утверждается, будто *Arg amandi*, *Remedia amoris* и *Medicamina faciei* Овидія принадлежать къ области драматической поэзіи; тамъ же про первое изъ этихъ произведеній говорится, будто въ немъ Овидій обнаруживаетъ „умъ безконечно сатирической, счастливый талантъ охорашивать предметы, сами по себѣ незначительные“; на стр. 118 утверждается, будто *Heroides* Овидія по содержанію, изложенію и стиху принадлежать къ самымъ законченнымъ его произведеніямъ; на стр. 121 говорится, что отношенія Горация къ Августу были чрезвычайно тонкія; на стр. 122 содержаніе I-ой книги Горациевыхъ одъ характеризуется слѣдующими словами: „I-я книга содержитъ въ себѣ 38 одъ, въ которыхъ Гораций большею частью обращается къ друзьямъ, съ цѣлію подѣлиться съ ними своими впечатлѣніями, радостями и горемъ, а также, чтобы похвалить прекрасныя стороны одного и упрекнуть другаго за его дурныя наклонности. Кромѣ того, онъ часто обращается къ Меценату и Августу, восхваляя доблесть обоихъ“; на стр. 137 говорится, будто Цицеронъ названъ былъ при вступленіи въ высшія государственныя должности *homo novus*, и тутъ же читатель, который пожелалъ бы узнать, что такое курульная должность, отсылается къ Древней исторіи г. Иловайскаго, стр. 139. Перломъ всего является свѣдѣніе на стр. 186 о томъ, что Ювеналъ родился въ царствованіе императора Клавдіана.

Книжка кишитъ опечатками, изъ которыхъ многія нарушаютъ смыслъ; напримѣръ, на стр. 62 Эсхилъ вмѣсто Эврипидъ; на стр. 67 миеографы вмѣсто логографы; на стр. 73 вслѣдствіе опечатки выходитъ, что Ксенофонтъ принималъ участіе въ походѣ противъ персовъ, будучи 139 лѣтъ отъ роду; на стр. 116 готы вмѣсто геты, и т. д.

Къ книгѣ приложено нѣсколько картинокъ, исполненныхъ весьма неудачно.

Учебникъ вообще географіи. *А. Воронцоваго*. Курсъ первый. Общій обзоръ земнаго шара и карты Россійской имперіи. Третье исправленное изданіе. С.-Пб. 1887. Стр. 78 въ 8-ку. Цѣна 50 коп.

Иллюстрированная учебная географическая хрестоматія. *А. Воронцоваго*. Въ трехъ частяхъ. Часть первая: Общій обзоръ земнаго шара. С.-Пб. 1886. Стр. 135 въ 8-ку. Цѣна 1 р. 25 коп.

Настоящее 3-е изданіе первого курса Учебника Всеобщей Географіи г. Воронцоваго значительно улучшено сравнительно со 2-мъ из-

даніемъ; нѣстами произведены сокращенія, но все-таки въ учебникѣ остается не мало матеріала, который, при прохожденіи курса, долженъ быть исключенъ, какъ это дѣлается въ другихъ подобныхъ учебникахъ. Нѣкоторые мелкіе недосмотры удержались и въ нынѣшнемъ изданіи. Такъ, на примѣръ:

Стр. 21. Нордкапъ, по прежнему, остается мысомъ сѣверной Европы, хотя на стѣнной картѣ, изданной для 1-го класса гимназій тѣмъ же авторомъ, обозначенъ мысъ Нордкинъ.

Стр. 26. Въ Африкѣ Климанджаро стоитъ въ числѣ горъ, а не въ числѣ вершинъ восточно-африканскихъ горъ.

Стр. 27. На чертежѣ, изображающемъ сравнительную высоту горъ, помѣщенъ вулканъ Аконкагуа, но, вопервыхъ, въ текстѣ книжки его нѣтъ, и вовторыхъ, онъ не представляетъ собою самую высокую вершину Андовъ, каковою, какъ извѣстно, служитъ Сорато, которая и показана въ текстѣ. На томъ же рисункѣ опечатка, именно: вмѣсто Мертвое море, напечатано „Мертовое море“.

Стр. 35. Въ книгѣ—р. „Янтце-Кіангъ“, а на поименованной стѣнной картѣ— „Янгъ-тсе-кінгъ“; въ книгѣ—озеро Лопъ-Норъ, а на картѣ—Лобъ-Норъ.

Стр. 65. Марокко, Персія и Сандвичевы острова названы „имперіями“. Въ нѣмецкихъ и французскихъ географическихъ сочиненіяхъ и учебникахъ Марокко иногда называется „имперіей“, но мы нигдѣ не встрѣчали, чтобъ этотъ титулъ давался Персіи и Сандвичевымъ островамъ. Негусъ, по эіопски, значить „царь“, но въ учебникѣ—Абиссиніи не дано никакого титула.

Въ настоящемъ изданіи учебникъ имѣетъ много достоинствъ, какія не встрѣчаются въ другихъ одобренныхъ учебникахъ.

Вторая книга (Географическая хрестоматія) г. Воронежскаго состоитъ изъ 49 составленныхъ самимъ авторомъ статей. Начинается она описаніемъ воздушнаго путешествія Глешера и затѣмъ слѣдуютъ описанія наиболѣе выдающихся и поразительныхъ явленій и предметовъ изъ физической природы. Такъ, на примѣръ: „День подъ экваторомъ на берегу Южной Америки“; „Пассатные вѣтры и муссоны“; „Смерчъ“; „Степной буранъ“; „Миражъ и Брокенское видѣніе“; „Слѣженіе моря“; „Изверженіе Везувія въ 1869 г.“; „Лиссабонское землетрясеніе“; „Гейзеръ“; „Ніагарскій водопадъ“; „Хлѣбные злаки“; „Бананъ“; „Сахарный тростникъ“; „Кофейное дерево“; „Великаны животнаго міра“; „Орангъ-утангъ острова Борнео“, и т. д.; нѣсколько статей этнографическихъ, какъ на примѣръ: „Бродячіе народы сѣвера. Самоѣды“; „Степняки-скотоводы. Киргизы“; „Русскій крестьянинъ—

земледѣлецъ“, и т. д.; нѣсколько статей промысловыхъ, бытовыхъ, напримѣръ: „Каменоломни“; „Желѣзные рудники въ Даннеморѣ“; „Разнообразіе питательныхъ средствъ человѣка“ и т. д. Въ концѣ книги приложены біографіи Колумба, Васко-де-Гама и Магеллана.

Всѣ статьи кратки и, по свойству фактовъ, по изложенію вполне приурочены къ дѣтскому пониманію. Иллюстраціей текста служатъ 67 довольно ясно и красиво выполненныхъ рисунковъ, въ числѣ коихъ находится три портрета и карты земли по Гомеру, Геродоту и Эратосѣену. По поводу названій на картахъ надо замѣтить только, что авторъ безразлично употребляетъ буквы *е* и *ф*.

Бухгалтерія для розничной торговли, новый способъ самообученія, съ приложеніемъ разъясненныхъ постановленій закона о доказательной силѣ книгъ для розничныхъ и мелочныхъ торговцевъ въ судахъ. Составилъ и издалъ *А. Н. Баженовъ*. Москва. 1887 (VI + 128 стр.).

Розничная торговля есть та отрасль торгово-промышленной дѣятельности, въ которой продавецъ находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ потребителемъ, продавая предметы своего торга малыми партіями. Обычаи и нравы этого рода предпріятій совершенно другіе, нежели въ оптовой торговлѣ, и въ особенности—во внѣшней. Последняя боится мелочей и имѣетъ дѣло съ людьми, привыкшими къ торговлѣ. Розничная торговля, напротивъ того, занимается множествомъ небольшихъ операцій и сталкивается часто съ людьми, совершенно чуждыми торгу, людьми, которые относительно покупки имѣютъ различныя позрѣнія, вкусы, причудливыя требованія и невозможныя желанія.

При внимательномъ разсмотрѣніи вопроса видно, что главная дѣятельность оптоваго торговца состоитъ въ затратѣ необходимыхъ капиталовъ для перевозки произведеній изъ мѣстъ, гдѣ они были произведены, въ мѣста, гдѣ они могутъ найти себѣ потребителей. Главныя занятія розничнаго торговца заключаются въ сношеніяхъ съ покупателями и въ заключеніи продажныхъ сдѣлокъ. Хорошо купить есть дѣло для него относительно второстепенное; главное же для него — хорошо и много продать. Изъ этого очевидно, что основной капиталъ розничнаго торговца значительное сравнительно со всѣмъ капиталомъ, которымъ онъ располагаетъ, нежели основной капиталъ оптоваго торговца. Первому нужно помѣщеніе, называемое лавкой или магазиномъ, просторное, чистое, хорошо убранный, въ которомъ товары не только не были бы разбросаны, но напротивъ того, подобраны и разложены, чтобы привлечь покупателей. Одно такое по-

ищенье вызывает большія издержки, требуя для ухода за товарами много лицъ, потому что иначе товары могутъ быть расхищены или просто потерять свою цѣнность отъ дѣйствія времени, какъ, напри- мѣръ, матерія, которая вышла изъ моды, мебель, орудія, въ кото- рыхъ болѣе не нуждаются потребители, съѣстные припасы, подвер- женные порчѣ, и т. д. Торговецъ розничный не можетъ, подобно оптовому, прибѣгать къ продажѣ съ аукціона, и потому его товары не имѣютъ ходячей цѣнности. Такимъ образомъ очевидно, что общіе расходы розничника относительно велики, и на большую часть его капитала можно смотрѣть, какъ на основной. Имѣя дѣла, относи- тельно довольно ограниченныя, розничникъ бываетъ вынужденъ, для покрытія общихъ расходовъ, требовать за свои услуги гораздо боль- шихъ процентовъ, чѣмъ оптовой торговецъ и, кромѣ того, въ опе- раціяхъ своихъ встрѣчаетъ еще препятствія другого рода. Его по- купатели весьма часто незнакомы съ произведеніемъ, которое они хотятъ купить, не знаютъ ни цѣнъ его на фабрикѣ или въ оптовой продажѣ, ни различныхъ свойствъ его, воображая между тѣмъ, что знакомы съ произведеніемъ, стараюсь получить его, какъ можно де- шевле, даже ниже той цѣны, во что оно обходится.

Ужъ изъ одного этого краткаго указанія особенностей розничной торговли можно прійти къ заключенію, что бухгалтерія вообще и счетоводство въ частности, въ своемъ примѣненіи къ розничному торгу, должны, не смотря на неизмѣнность своихъ основныхъ поло- женій, отличаться отъ бухгалтеріи, приспособленной къ банковому, оптовому, комиссіонному и всякому иному торгу. Въ Россіи роз- ничные торговцы, будучи не подготовлены къ бухгалтерскому знанію, затрудняются вести свое дѣло съ правильною и ясною отчетностью и, стѣсняясь расходами, не приглашаютъ на помощь себя специали- стовъ, знающихъ счетоводство, находя въ большинствѣ случаевъ болѣе выгоднымъ имѣть у себя лишняго продавца-прикащика, нежели бух- галтера.

Хотя въ законахъ и поименованы книги, которые долженъ вести каждый торговецъ, а для розничныхъ и мелочныхъ торговцевъ, кромѣ того, указаны даже самыя формы книгъ, тѣмъ не менѣе лицу, не- знакомому съ бухгалтеріей, довольно трудно завести книги по однимъ лишь указаніямъ закона, безъ особаго поясненія, а о ве- деніи этихъ книгъ безъ надлежащей теоретической подготовки не можетъ быть, конечно, и рѣчи.

По мнѣнію г. Баженова, главный недостатокъ существующихъ руководствъ по бухгалтеріи заключается въ отсутствіи надлежащаго

теоретическаго освѣщенія. Соглашаясь вполнѣ съ этимъ мнѣніемъ, нельзя, однако, не замѣтить, что и г. Баженовъ не избѣгъ въ своемъ учебникѣ этого общаго многимъ другимъ учебникамъ недостатка, а попытка его пролить на бухгалтерію какой-то особый свѣтъ и „выработать новый, очень легкій способъ обученія бухгалтеріи, основанный на разработкѣ теоріи (?) бухгалтерскихъ счетовъ“, оказалась совершенно безуспѣшною и неисполнимою. Въ книгѣ г. Баженова нѣтъ ни особенной теоріи, ни какого-либо новаго способа. Кромѣ краткаго изложенія началъ бухгалтеріи, и притомъ примѣнительно къ одному частному и наименѣе сложному случаю, въ ней нѣтъ ничего, и составитель названнаго учебника неосновательно полагаетъ, что тотъ, кто съ успѣхомъ усвоитъ теоретическую часть его руководства и попрактикуется на примѣрахъ, не затруднится ни въ какомъ бухгалтерскомъ дѣлѣ. Для самообученія означенное руководство совершенно непригодно. Достаточно взглянуть на теоретическую часть руководства г. Баженова (стр. 1—32), чтобы убѣдиться, что при усвоенныхъ имъ планѣ, способѣ и манерѣ изложенія, изученіе предмета по означенному руководству, даже подъ руководствомъ преподавателя, совершенно не возможно; не возможно потому, что составитель, вмѣсто того, чтобы, слѣдя шагъ за шагомъ за предпріятіемъ, хотя бы по взятому имъ частному случаю—представить читателю классификацію и номенклатуру счетовъ (Conti), сразу берется за поясненіе такихъ пріемовъ, терминовъ и бухгалтерскихъ тонкостей, которые во многихъ случаяхъ не имѣютъ никакого отношенія къ предмету, о коомъ ояъ трактуетъ. Составитель упустилъ изъ виду, что всякая отрасль промышленности, а равно отдѣлы одного и того же предпріятія, имѣютъ свои бухгалтеріи, которыя, сливаясь въ одно цѣлое, составляютъ общую и главную бухгалтерію. Отъ разнообразія предметовъ и самой цѣли, не всегда одинаковой, возникаютъ многія, какъ бы частныя бухгалтеріи, какъ напримѣръ, сельскохозяйственная, фабричная, банковая, заводская и пр. Каждая изъ именованныхъ бухгалтерій имѣетъ свою теорію, свои правила, систему и терминологию. Съ этимъ теоретически согласенъ и г. Баженовъ, приступившій къ своему труду, очевидно, съ полнымъ сознаніемъ въ справедливости и основательности сейчасъ сказаннаго. Провести же означенные тезисы въ своемъ учебникѣ онъ оказался безсильнымъ и справился съ своею совѣсьмъ не трудною задачею не сумѣлъ, загромоздивъ свою книжку совершенно ненужнымъ балластомъ, какъ „приложеніе разъясненіи постановленій закона о доказательной силѣ книгъ для розничныхъ и мелочныхъ торгов-

цевъ въ судахъ⁴; какъ будто такое приложение имѣть или можетъ имѣть какое-нибудь отношеніе къ учебнику бухгалтеріи.

Такимъ образомъ, книга г. Баженова оказывается не подходящею ни для самообученія, ни для преподаванія и можетъ имѣть кое-какое значеніе лишь для преподавателей-специалистовъ, поставленныхъ въ необходимость знать библиографію и литературу своего предмета.

Л. Поповъ. Плавгадія. М. 1882. Въ 8-ку 207 стр. съ чертежами. Цѣна 1 р.

Означенная книга составлена, какъ значится на заглавномъ листѣ, по программѣ мореходныхъ классовъ преподавателемъ Сумскаго мореходнаго класса Л. Поповымъ и издана на средства Императорскаго общества для содѣйствія русскому торговому мореходству.

Книга г. Попова заключаетъ въ себѣ всѣ необходимыя по этому предмету для моряка свѣдѣнія, и хотя изложена она удобопонятнымъ для учениковъ слогомъ, но редактирована чрезвычайно небрежно. Встрѣчается весьма много ошибокъ, и притомъ не только орфографическихъ, но и такихъ, которыя затрудняютъ пониманіе чертежей и бесполезно отнимаютъ у читателя время для ихъ усвоенія. Напримѣръ, на стр. 3 говорится о точкахъ, означенныхъ буквами *N* и *S'* заглавными, а на чертежѣ 1-мъ, тѣ же точки означены чрезъ *n* и *s* прописными. Въ текстѣ на стр. 66 и 67 ссылаются на линіи *n'* *s'* (черт. 27 и 30), а на чертежахъ линій съ такимъ обозначеніемъ не существуетъ. На рисункѣ 34-мъ (стр. 69) положеніе корабля въ центрѣ чертежа показано невѣрно, и читатель, незнакомый еще съ изучаемымъ имъ дѣломъ, можетъ быть тѣмъ введенъ въ заблужденіе. На стр. 73 ссылки на чертежи 37 и 38 не вѣрны. На чертежѣ 44 стоитъ буква *D* латинская, а въ текстѣ, служащемъ объясненіемъ къ этому чертежу, она вездѣ замѣнена тою же буквою русскаго алфавита. На стр. 133 въ нѣкоторыхъ формулахъ дуга *kg* (черт. 59) напечатана чрезъ *K* большое, а въ другихъ та же дуга *kg*—чрезъ *k* малое. Всѣ эти и иные, имъ подобныя, упущенія не говорятъ въ пользу разсматриваемой книги.

Встрѣчаются у г. Попова и неточности въ выраженіяхъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 1 сказано, что земная поверхность вынукла, или шарообразна; на стр. 3 говорится, что счетъ долготъ отъ перваго меридіана ведется вправо и влѣво, а счетъ широтъ отъ экватора кверху и книзу. На стр. 5 указывается на то, что при бросаніи лота дѣлаютъ имъ круговые размахи, а въ какомъ направленіи — не сказано. На стр. 9 говорится о скорости судна въ $\frac{1}{2}$ минуты, вмѣсто того, чтобы сказать о разстояніи, проходимомъ суд-

номъ въ это время. На стр. 62 вмѣсто слова правя употреблено слово идя, что даетъ ложное понятіе о сути дѣла; кромѣ того, на той же страницѣ чертежъ 24 сдѣланъ невѣрно. Вездѣ употребляющійся въ навигаціи глаголь нисходитъ замѣненъ глаголомъ нисходитъ. Въ этомъ же родѣ встрѣчаются и другіе примѣры недостатка точности.

Наконецъ, въ книгѣ г. Попова нѣкоторымъ явленіямъ приписаны причины, совсѣмъ такихъ явленій не вызывающія; предложены чертежи, съ дѣйствительностью не согласные, и приведены объясненія, положительно ошибочныя. Напримѣръ, на страницѣ 27 говорится, что сила, производящая склоненіе компаса, есть магнитная сила земли, тогда какъ извѣстно, что склоненіе стрѣлки происходитъ отъ несовпаденія полюсовъ земли—географическаго съ магнитнымъ и что компасъ, расположенный на меридіанѣ, проходящемъ чрезъ оба эти полюса, не смотря на присутствіе магнитной силы земли, склоненія не имѣетъ. На страницѣ 70 переменна въ девиаціи компаса съ переменною курса корабля объясняется измѣненіемъ при этомъ разстоянія между компасомъ и желѣзомъ, его возмущающимъ, между тѣмъ какъ эта переменна происходитъ совсѣмъ не отъ того, а отъ измѣненія угла между направленіемъ стрѣлки и направленіемъ равнодѣйствующей магнитныхъ силъ различныхъ частей корабельнаго желѣза. На страницѣ 72 девиація и склоненіе компаса названы силами, на самомъ же дѣлѣ это суть углы. На страницѣ 4 показанная на чертежѣ 3-мъ развязка лотлина не вѣрна; въ изложеніи теоріи меркаторскихъ картъ, на страницѣ 39, встрѣчается неправильное объясненіе, могущее учащагося совсѣмъ сбить съ толку.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что г. Поповъ, не стѣсняясь, мѣстами безъ всякаго измѣненія, буквально, а мѣстами переставляя лишь отдѣльныя слова, заимствовалъ чуть не цѣлыя страницы изъ сочиненія, издавнаго по тому же предмету г. Зыбнымъ въ 1876 году подъ заглавіемъ „Руководство къ кораблевожденію. Часть I. Навигаціи, изданіе 2-е“, не говоря о чертежахъ, которые всѣ, за исключеніемъ немногихъ, перепечатаны изъ того же изданія.

Популярное руководство къ изученію перспективы и теоріи тѣней по курсу рисованія д'Андріе, съ 95 рисунками и чертежами въ текстѣ. 130 страницъ. Цѣна 1 руб. 50 коп., изданіе В. С. и Н. Д. С.-Пб. 1887.

Означенное руководство представляетъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ маловажныхъ пропусковъ, болѣе или менѣе точный переводъ 5-й и до 10-й главъ сочиненія д'Андріе „Cours rationnel du dessin“,

въ которомъ кратко, но ясно и наглядно изложены главнѣйшія правила линейной перспективы и теоріи тѣней, а также указаны способы для несложныхъ перспективныхъ построений.

Все руководство подраздѣляется на шесть главъ, изъ которыхъ первыя четыре главы посвящены теоріи перспективы, а остальныя двѣ—ученію о свѣтѣ и тѣни.

Изъ теоріи перспективы сообщены основные законы, на которыхъ основываются всѣ перспективные построения. Сперва они объясняются нагляднымъ образомъ и формулируются въ восьми основныхъ правилахъ или положеніяхъ, а затѣмъ эти правила провѣряются посредствомъ геометрическихъ построений и примѣняются къ рѣшенію различныхъ несложныхъ задачъ; такъ, напримѣръ, для опредѣленія точекъ въ перспективѣ на различномъ разстояніи отъ картинной плоскости, для дѣленія данной линіи въ перспективѣ на равныя и на пропорціональныя части, для опредѣленія перспективаго масштаба, для приведенія геометрическихъ фигуръ и тѣлъ, а также различныхъ предметовъ, арокъ, сводовъ и т. под. въ перспективу. Затѣмъ дѣлаются, на основаніи объясненныхъ правилъ и рѣшенныхъ задачъ, общіе выводы, которые выражены въ трехъ основныхъ положеніяхъ, и въ заключеніе курса перспективы, дается еще нѣсколько указаний относительно приведенія предметовъ въ перспективу вообще и для упрощенія перспективныхъ построений.

Въ остальной части руководства, въ послѣднихъ двухъ главахъ, сообщаются основные понятія о свѣтѣ и тѣни, о тѣняхъ при искусственномъ и при солнечномъ освѣщеніи и рассматриваются тѣни, отбрасываемыя на горизонтальныя, вертикальныя и наклонныя плоскости при трехъ различныхъ положеніяхъ солнца относительно картинной плоскости и, наконецъ, говорится о причинахъ, обуславливающихъ разность силы свѣта и тѣни, о рефлексахъ, отраженіяхъ и вскользь упоминается о воздушной перспективѣ.

Благодаря наглядному, ясному изложенію, рассматриваемое „Руководство перспективы“ можетъ быть съ пользою прочитано лицами, еще не изучившими теорію перспективы, и притомъ, для предварительнаго только ознакомленія съ основными законами перспективы и для уясненія себѣ перспективныхъ видовъмѣненій предметовъ, а также для нагляднаго ознакомленія съ главными законами освѣщенія.

Что же касается вопроса о практической пригодности и достаточности рассматриваемаго руководства для разрѣшенія разнообразныхъ задачъ по части перспективныхъ построений, какія безпрестанно встрѣчаются при примѣненіи перспективаго черченія на практикѣ,

то „Руководство“ это не достаточно полно для того, чтобы могло удовлетворить читателя и въ этомъ отношеніи. Въ особенноти это слѣдуетъ сказать о послѣдней части „Руководства“, трактующей о теоріи тѣней, рефлексахъ и отраженіяхъ.

Замѣчаемые въ текстѣ недостатки, вообще говоря, не существенные, относятся болѣе къ неточному переводу нѣкоторыхъ техническихъ выраженій, нежели смысла и изложенія существа дѣла. Такъ, на примѣръ, *ligne des naissances de voute* было бы вѣрнѣе перевести техническимъ терминомъ „пята свода“, болѣе употребительнымъ, чѣмъ „линія началъ свода“, какъ сказано на стр. 79. Точно также *plate-bande* вѣрнѣе перевести „горизонтальная перемычка“ или „горизонтальный сводъ“, чѣмъ „гладкій поясъ“, какъ сказано на той же стр. 79. Раздѣленіе арокъ на пологія и крутыя не совсѣмъ точно; это опредѣленіе могло бы быть вообще пропущено въ руководствѣ перспективы, какъ не относящееся къ существу трактуемаго предмета; кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что слова „крутая“ и „стрѣльчатая“ вовсе не синонимы: стрѣльчатая арка можетъ быть и весьма пологая (стр. 79). Излишне также въ руководствѣ перспективы приведенное на стр. 80 объясненіе о непрочности горизонтальныхъ перемычекъ („плоскихъ сводовъ“) и о способѣ ихъ упроченія посредствомъ „железныхъ прутьевъ“, что относится къ строительному искусству, а никакъ не къ теоріи перспективы.

На чертежахъ 64 и 6b представленъ не такъ-называемый крестовый сводъ, какъ сказано въ „Руководствѣ“, а простой цилиндрической сводъ съ распалубкою. Изображеніе круга въ шестиугольникѣ на черт. 40 слѣдовало бы выбросить, такъ какъ приведеніе окружности въ перспективу объясняется только впоследствии, на 53 стр. „Руководства“. На чертежѣ 59 точку *n* можно было бы найти проще и короче, проведеніемъ линіи изъ точки *N* въ центральную точку до пересѣченія ея съ діагональю *ac*. Также можно было бы слова (на стр. 59): „Вершину эту соединить прямыми съ двумя диаметрально противоположными точками окружности, въ перспективѣ наиболѣе удаленными отъ центра“ выразить проще: Вершину эту соединить съ перспективнымъ кругомъ—касательными. Не вѣрно высказанное на 121 стр. мнѣніе, что на сферическихъ тѣлахъ нельзя найти двухъ точекъ, одинаково освѣщенныхъ. Что собственная тѣнь сферическаго тѣла свѣтлѣе отбрасываемой имъ на другой предметъ тѣни, нельзя усмотрѣть ни изъ черт. 82, ни изъ черт. 90 „Руководства“. Вообще не слѣдовало бы приводить въ подтвержденіе законовъ освѣщенія такого рода рисунки, которые, смотря по степени умѣнія

исполнителей, могут передавать эффекты освѣщенія съ болѣе или менѣе сильными неточностями и невѣрностями, а въ особенности безполезно приводить въ подтвержденіе такіе, плохо исполненные, какъ упомянутые выше рисунки 82 и 90.

Про чертежи и рисунки, помѣщенные въ „Руководствѣ“, къ сожаленію, нельзя сказать ничего похвального: они отличаются небрежностью, грубостью и неясностью и, кромѣ того, иногда изображены на нихъ буквы, не соотвѣтственныя тексту; такъ, напримѣръ, на чертежѣ 45 букву О нужно бы замѣнить буквою С. Небрежное исполненіе рисунковъ въ особенности замѣчается на перспективныхъ видахъ, помѣщенныхъ въ текстѣ, и они, вѣроятно, будутъ мало полезны для читателя. Навѣрное это можно предположить относительно послѣдняго, 95-го рисунка, гдѣ изображенъ „Переходъ въ бродъ“,—извѣстная картина Клода Лоррена, а не Пуссона, какъ ошибочно сказано и во французскомъ оригиналѣ „Руководства“, и въ русскомъ переводѣ. Изъ этой плохой гравюры едва ли возможно усмотрѣть эффекты воздушной перспективы, для объясненія которой она помѣщена въ текстѣ.

Курсъ кройки, примѣрки и шитья дамскихъ нарядовъ, съ 620 рисунками въ текстѣ, изданіе редакціи журнала „Вѣстникъ Моды“. Стр. 140. С.-Пб. 1886.

Курсъ кройки, примѣрки и шитья дѣтскихъ нарядовъ, съ 381 рисункомъ въ текстѣ, изданіе редакціи журнала „Вѣстникъ Моды“. Стр. 100. С.-Пб. 1887.

Эти двѣ книги, представляющія сгруппированныя въ одно цѣлое статьи о кройкѣ, примѣркѣ и шитьѣ, дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ, появившіяся въ журналѣ Вѣстникъ Моды, уже по одному тому, что содержатъ чрезвычайно большое число рисунковъ, поясняющихъ текстъ, слѣдуетъ разсматривать какъ книги, весьма полезныя въ женскихъ рукодѣльныхъ школахъ при обученіи кройкѣ и шитью платья. Если принять во вниманіе, что и текстъ въ этихъ книгахъ составленъ внимательно, лицами, очевидно хорошо знакомыми съ предметомъ, излагаемымъ въ книгахъ, то достоинство и польза послѣднихъ отъ этого значительно повышается. Нельзя однако же не замѣтить, что въ первой книгѣ не обращено должнаго вниманія на порядокъ отдѣловъ и обозначеніе его помѣтками: послѣ отдѣла II на стр. 41, слѣдуетъ также отдѣлъ II на стр. 49, а затѣмъ отдѣлъ IV на стр. 58, отдѣлъ VIII на стр. 72; отдѣловъ III, V, VI и VII не имѣется. Такой недостатокъ въ первой книгѣ, относящійся исключительно къ ея вѣшней сторонѣ, нисколько не нарушаетъ правильнаго порядка

въ самомъ изложеніи передаваемого матеріала и очевидно обусловливается желаніемъ редакціи поскорѣе издать полезную для женскаго пола книгу, изъ которой многія руководѣльницы, а равно и дѣвочки, начинающія обучаться ремесленному труду, могутъ почерпнуть нужныя знанія.

Въ первой книгѣ, въ отдѣлѣ I, излагаются приемы сниманія мѣрки, объясняется, какъ по этимъ мѣркамъ можно отыскать въ приложеніяхъ выкроекъ къ журналу Вѣстникъ Моды такую выкройку, которая годилась бы какъ образецъ для изготовленія выкройки требуемаго костюма или какой-либо отдѣльной части костюма; далѣе указывается, какъ чертить выкройки, ихъ исправлять соотвѣтственно особенностямъ сложенія лицъ, съ которыхъ сняты мѣрки, при чемъ объясняется значеніе вспомогательной сѣтки для вычерчиванія выкройки. Въ отдѣлѣ II описывается столъ, орудія и матеріалы для кройки и указываются приемы кройки предметовъ женскаго костюма, говорится о сметкѣ и примѣркѣ лифа, шитьѣ лифа, юбки, мантеле, пальто и т. п. Въ отдѣлѣ VI разъясняются разные швы и указывается ихъ назначеніе и закрѣпленія, говорится о навачиваніи подкладки, объясняется выметка петель, пришивка петель съ крючками, застежекъ, пуговиць. Въ отдѣлѣ VIII объясняются различнаго рода отдѣлки и приготовленіе бѣе, волановъ, руло, плиссе, рюша, зубцовъ и фестоновъ, говорится объ отдѣлкѣ тесьмою, суташемъ, шнуркомъ, волановъ, бѣе и т. п. Въ отдѣлѣ IX указывается отдѣлка и драпировка платьевъ, то-есть, юбокъ, рукавовъ, воротниковъ, корсажей, блузъ и другихъ предметовъ женскаго костюма.

При описаніи каждаго предмета, о которомъ говорится въ книгѣ, приложены рисунки, отчетливо поясняющіе слова текста, вообще весьма правильнаго и яснаго въ изложеніи.

Въ другой книгѣ тотъ же самый матеріалъ излагается въ томъ же порядкѣ, будучи распределенъ на восемь отдѣловъ, при чемъ помѣтки этихъ отдѣловъ или главъ слѣдуютъ въ естественномъ порядкѣ чиселъ. Особенностью въ этой книгѣ представляется помѣщенная въ V отдѣлѣ, на стр. 60, таблица съ показаніемъ числа метровъ ткани, потребныхъ для подкладки, и верхней матеріи въ костюмахъ дѣвочекъ и мальчиковъ различныхъ возрастовъ. Такое указаніе, понятно, будетъ весьма полезно для мастериць, начинающихъ обучаться кройкѣ и шитью дѣтскихъ нарядовъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ВЪ 1887 ГОДУ.

Составъ должностныхъ лицъ по Обществу оставался въ 1887 г. тотъ же, что въ предшествующемъ: должность предсѣдателя занималъ И. Е. Забѣлинъ, секретаря—Е. В. Барсовъ, казначея — Г. Ѳ. Карповъ, бібліотекаря — Ю. Д. Филимоновъ и актуарія — А. Н. Зерцаловъ. За истеченіемъ выборнаго срока вновь избраны на слѣдующее трехлѣтіе Г. Ѳ. Карповъ казначеемъ и Е. В. Барсовъ секретаремъ. И. Е. Забѣлинъ двукратно изъявлялъ намѣреніе сложить съ себя званіе предсѣдателя, но долженъ былъ уступить единодушному желанію Общества, которое просило его продолжать свое служеніе.

Вновь избраны въ дѣйствительные члены Н. П. Кондаковъ, Н. Ѳ. Дубровинъ, Е. О. Калужняцкій, Р. Ѳ. Брандтъ, Д. В. Цвѣтаевъ, Д. Ѳ. Масловскій, Г. Ѳ. Штендманъ, В. Ѳ. Миллеръ, Ѳ. Е. Коршъ, А. А. Шахматовъ, В. А. Уляницкій, П. Н. Милюковъ, С. А. Бѣлокуровъ, А. А. Тятвъ и И. П. Барсуковъ, и въ члены соревнователи— А. С. Гацисскій, В. Н. Щенкинъ и И. А. Шляковъ.

Въ теченіе минувшаго года состоялось восемь засѣданій, изъ коихъ одно было годичное (торжественное). Кромѣ обсуждения текущихъ дѣлъ, въ засѣданіяхъ сдѣланы были ученые сообщенія членами Н. А. Поповымъ, Е. В. Барсовымъ, А. Н. Зерцаловымъ и А. А. Востоковымъ.

Н. А. Поповъ прочелъ сообщеніе о приказѣ купецкихъ дѣлъ, существовавшемъ въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Матеріаломъ для сего сообщенія послужили хранящіеся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, въ дѣлахъ Московскаго стола разряднаго приказа, списки подъячихъ всѣхъ приказовъ съ помѣстными и денежными имъ окладами, обнимающіе время съ 1669 по 1690 годъ. Указавъ на значеніе этихъ списковъ для исторіи московскихъ приказовъ вообще, референтъ обратилъ вниманіе на то, что въ означенныхъ спискахъ на ряду съ главными приказами, которые всегда упоминались и въ оглавленіяхъ предшествующихъ списковъ, въ послѣднихъ значатся еще второстепенные, зависѣвшіе отъ этихъ главныхъ, причѣмъ у тѣхъ и другихъ были общіе пристава и сторожа, но подъячіе разные. Въ такомъ подчиненномъ отношеніи къ Сибирскому приказу значится въ спискахъ и приказъ купецкихъ дѣлъ. Онъ упоминается за время съ 1669 по 1678 годъ; списокъ за 1679 — 1687 не сохранилось, а въ списокъ 1690 года вмѣсто него при Сибирскомъ же приказѣ упоминается скорняжная палата съ однимъ подъячимъ. Затѣмъ референтъ привелъ указанія, встрѣчающіяся въ изданныхъ актахъ и подтверждающія существованіе скорняковъ при Сибирскомъ приказѣ, присоединивъ къ сему, что при томъ же приказѣ въ самомъ концѣ XVII вѣка упоминается еще раздѣльная палата. Основываясь на извѣстномъ сочиненіи Котошихина (гл. VII, ст. 7), референтъ нашелъ возможнымъ высказать предположеніе, что подъ тремя помянутыми наименованіями оказывается одно и то же учрежденіе, состоявшее при Сибирскомъ приказѣ для приѣма, оцѣнки, храненія, покупки, продажи и раздачи мягкой рухляди, поступавшей преимущественно чрезъ собираніе ясака въ сибирскихъ областяхъ и умножавшейся посредствомъ купли. Во главѣ этого учрежденія стоялъ гость, товарищами его были цѣловальники изъ торговыхъ людей, а письменная часть находилась въ рукахъ подъячихъ, имена которыхъ съ ихъ окладами и сохранились въ спискахъ. Далѣе Н. А. Поповъ привелъ нѣсколько извѣстій о китайскихъ и другихъ торгахъ купчинъ, вѣдѣвшихъ „для купецкаго великаго государя дѣла“, и упомянулъ, что одновременно съ приказомъ купецкихъ дѣлъ существовала при дворцовыхъ приказахъ купецкая палата, также занимавшаяся покупкой и продажей товаровъ на царя; въ кругъ этихъ товаровъ входили золото, серебро и вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ; эта палата была восстановлена Петромъ Великимъ, но специально для денежнаго дѣла, въ зависи-

мости отъ монетныхъ дворовъ, почему и называлась иногда эфимочною палатою, а съ учрежденіемъ монетной конторы, ея члены, купчины, стали поставлять въ контору съ подряду старое золото и серебро въ дѣлѣ и монетахъ. По выслушаніи сего сообщенія, дѣйствительный членъ В. Е. Румянцевъ обратилъ вниманіе на то, что о купечкой палатѣ, завѣдывавшей царскою торговлею, то-есть, покупавшей и продававшей собственно царскіе товары, имѣются извѣстія, относящіяся и къ болѣе раннему времени, именно — къ 1631 — 1642 годамъ, въ расходныхъ книгахъ печатнаго приказа.

А. А. Востоковъ сдѣлалъ сообщеніе о десятияхъ. Десятины суть списки служилыхъ людей низшаго разряда (городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ), въ коихъ указаны ихъ помѣстныя и денежныя оклады. Всѣхъ десятией въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи сохранилось 309 книгъ, за время съ 1577 по 1682 годъ. Для своего сообщенія г. Востоковъ воспользовался лишь тѣми десятиями, которыя относятся ко времени съ 1577 по 1608 г., и на основаніи ихъ представилъ очеркъ происхожденія служилаго сословія, его правъ и обязанностей, порядокъ надѣленія помѣстными и денежными окладами, порядокъ вступленія въ службу, прохожденія ея и прекращенія и въ заключеніе указалъ на значеніе десятией для исторіи служилаго сословія.

Е. В. Бароовъ сообщилъ о таможенной печати XVII вѣка. Печать эта представляетъ желѣзное круглое клеймо въ діаметрѣ $4\frac{1}{2}$ вершка. Что клеймо это имѣло государственное значеніе, видно изъ того, что на немъ изображенъ большой государственный гербъ, съ правой стороны держава, а съ лѣвой—скипетръ. На практическое его примѣненіе указываетъ желѣзная рукоятка, съ отверстіемъ, въ которое вставлялось древко. На время, къ которому относится этотъ памятникъ, по видимому, указываетъ самый гербъ; надъ государственнымъ орломъ начертаны не одна, а три царскія короны, что можетъ указывать на эпоху царскаго троевластія въ Россіи, когда правила Софья съ двумя царевичами. По мнѣнію референта, печать эта имѣла значеніе таможеннаго клейма, которыми, какъ извѣстно, клеймились на многочисленныхъ таможенныхъ суда, возы, товары. На то же назначеніе указываетъ, по видимому, и то, что внутри государственнаго герба, значится какой-то гербъ мѣстный, областный.

По разсмотрѣніи этой печати нѣкоторые изъ членовъ нашли возможнымъ считать эту печать клеймомъ казенныхъ лѣсовъ, другіе же—клеймомъ межевыхъ знаковъ и относить къ Петербургской эпохѣ. Но референтъ остался при своемъ убѣжденіи, что внутренний

гербъ этого клейма далеко не вполне отвѣчаетъ эмблемѣ Петербургскаго герба.

А. Н. Зерцаловъ прочелъ сообщеніе: „Новыя данныя о земскомъ соборѣ 1648—1649 гг.“. Данныя эти относятся къ составу этого собора, къ подготовительнымъ его работамъ, къ самымъ засѣданіямъ и наконецъ къ разнымъ изданіямъ самаго „Уложенія“.

Ученый органъ Общества Чтенія издавался въ минувшемъ году по прежней программѣ. Въ составъ изданныхъ книгъ вошли:

I. Матеріалы историческіе.

1. Разговоръ Татищева о пользѣ наукъ и училищъ, съ предисловіемъ и указателями Н. А. Попова. Изученіе этого памятника привело автора къ слѣдующимъ выводамъ: 1) „Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ“ хотя и былъ первоначально написанъ въ 1773 году, но обработка его текста продолжалась Татищевымъ и послѣ; 2) во всѣхъ извѣстныхъ нынѣ рукописяхъ текстъ „Разговора“ въ большей части своей сохранилъ тотъ видъ, какой данъ былъ ему авторомъ при первоначальной редакціи; 3) пространнѣе и краткіе тексты отвѣтовъ на вопросы 13-й, 14-й и 26-й одинаково принадлежать самому автору, и нѣтъ рѣшительныхъ основаній приписывать составленіе котораго-либо изъ нихъ постороннему лицу; 4) отвѣты на вопросы 45-й, 57-й и 67-й и нѣкоторыя изъ мелкихъ вставокъ въ другихъ вопросахъ носятъ признаки позднѣйшаго написанія Татищевымъ; 5) рукопись, являющаяся прототипомъ для остальныхъ московскихъ рукописей и писанная при жизни Татищева, также носитъ на себѣ слѣды позднѣйшихъ вставокъ, принадлежащихъ, самому автору; 6) рукопись Императорской Публичной Библиотеки важна не только вслѣдствіе занесенія въ нее отвѣтовъ 45-го, 57-го и 67-го, имѣющихъ ясныя признаки позднѣйшаго происхожденія, но и потому еще, что въ ней есть 12 послѣднихъ вопросовъ, въ отвѣтахъ на которые наложены: свѣдѣнія объ извѣстнѣйшихъ законодателяхъ въ древнія времена, о движеніи законодательства въ Россіи и необходимости для шляхетства изучать законы и предлагаемый Татищевымъ планъ преобразования существовавшихъ въ Россіи училищъ и учрежденія нѣкоторыхъ новыхъ. Изложенныя тутъ свѣдѣнія о русскихъ законахъ вполне согласны съ мнѣніями, высказанными Татищевымъ о томъ же предметѣ въ другихъ уже извѣстныхъ въ печати его сочиненіяхъ; но планъ преобразования училищъ, представляя дальнѣйшее развитіе отвѣтовъ на вопросы 68-й и 80-й, имѣющіеся и

въ прототипной рукописи, знакомить насъ съ такими мѣстами Тащцева, которыя въ другихъ его сочиненіяхъ не были развиты такъ подробно. Наконецъ, только въ рукописи Императорской Публичной Библіотеки имѣются сполна всѣ указанія на тѣ мѣста въ книгахъ Священнаго Писанія, изъ коихъ взяты тексты въ самомъ „Разговорѣ“, между тѣмъ какъ въ другихъ рукописяхъ такихъ указаній не болѣе двухъ или трехъ.

2. Русско-австрійскій союзъ. 1759 годъ. Документы, собранные Д. Ѳ. Масловскимъ. Документы эти слѣдующіе: 1) донесенія генерала по квартирмейстерской части Шпрингера къ императрицѣ Елисаветѣ, доставленныя имъ въ С.-Петербургъ изъ главной квартиры австрійской арміи, при которой Шпрингеръ (съ 1757 г.) состоялъ русскимъ военнымъ агентомъ; въ его описаніи не только находится въ сжатомъ видѣ фактическая часть всѣхъ маршей и контръ-маршей австрійской арміи для совмѣстныхъ дѣйствій съ русскою, но и изложены причины того или другаго направленія операций австрійской арміи, часто по показаніямъ фельдмаршала графа Дауна Шпрингеру; во многихъ случаяхъ, онъ сообщаетъ то, что слышалъ прямо отъ самого Дауна, а что онъ обязывалъ его передать графу П. С. Салтыкову; 2) рескрипты императрицы Елисаветы къ генералу Фермору за собственноручною подписью государыни, и Шпрингеру, гдѣ изложена воля императрицы относительно направленія операций въ 1759 г., то-есть, главные директивы, которыми обязательно должны были руководствоваться главнокомандующій русскою арміею и русскій военный агентъ при австрійской главной квартирѣ; 3) донесенія Салтыкова императрицѣ Елисаветѣ, къ коимъ приложены переписка Салтыкова съ Дауномъ и Лаудомъ въ современныхъ тому переводахъ; 4) нѣкоторыя изъ постановленій военныхъ совѣтовъ при русской арміи; 5) рядъ мѣтій старшихъ генераловъ русской арміи по вопросу о совмѣстномъ занятіи квартиръ зимою 1759 и 1760 гг.; 6) дислокаціи русской и австрійской арміи въ началѣ и концѣ 1759 г., представляющія возможность точнѣе опредѣлить положенія обѣихъ сторонъ передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій и въ концѣ 1759 г. Въ обстоятельномъ предисловіи къ этимъ документамъ авторъ объясняетъ ихъ значеніе и приходитъ къ выводу, что при бывшихъ обстоятельствахъ капитальная заслуга Салтыкова заключается въ замѣчательномъ сочетаніи рѣшительности съ осторожностью, при чемъ послѣдняя имѣетъ преобладающее

значение. Австрійцы, конечно, были бы рады стать въ Берлинѣ на костяхъ русской арміи, но могъ ли Салтыковъ допустить совершенное разстройство вѣреннаго ему войска, могъ ли наконецъ онъ добровольно согласиться до низведенія русской арміи на степень вспомогательнаго австрійскаго корпуса?

3) Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV—XVI вв., съ предисловіемъ В. А. Уляницкаго. Вопросъ объ этихъ отношеніяхъ оставался до настоящаго времени довольно темнымъ. Отчасти объясняется это, конечно, недостаткомъ положительнаго документальнаго матеріала. Такъ, относительно сношеній съ Молдавіей хотя бы Іоанна III мы находимъ лишь весьма отрывочныя свѣдѣнія въ Воскресенской лѣтописи и затѣмъ въ сохранившихся до настоящаго времени въ Московскомъ главномъ архивѣ книгахъ, посольскихъ и статейныхъ спискахъ по сношеніямъ съ Польшею и Крымомъ; существовавшія же нѣкогда „Книги волоскія съ лѣта 6990 (1482) по 7013 (1505)“ не уцѣлѣли. И объ отношеніяхъ Молдавіи и Валахіи къ Польшѣ и Литвѣ сохранились также лишь отрывочныя и не безусловно достовѣрныя свѣдѣнія у старинныхъ польскихъ, венгерскихъ и румынскихъ лѣтописцевъ и историковъ. Что же касается подлинныхъ и несомнѣнныхъ документовъ, разъясняющихъ эти отношенія въ XIV—XV вѣкахъ, то они до настоящаго времени изданы не были. Въ извѣстномъ „Codex diplomaticus Regni Poloniae et M. Ducatus Lithuaniae“ Догеля (Вильна, 1758—1764), составленномъ изъ документовъ, хранящихся въ государственномъ архивѣ королевства Польскаго, помѣщены, между прочимъ, нѣкоторые акты, касающіеся сношеній Польши съ Молдавіей, Валахіей и Бессарабіей, но только писанные на латинскомъ языкѣ. Изданные г. Уляницкимъ акты извлечены изъ польской метрики, хранящейся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; подлинники ихъ писаны на пергаментѣ, на западно-русскомъ нарѣчій, древнѣйшія—уставомъ, а позднѣйшія (съ XV вѣка) полууставомъ. Кромѣ грамотъ, писанныхъ на славянскомъ языкѣ, г. Уляницкимъ изданы и нѣкоторыя грамоты, писанныя на латинскомъ языкѣ, но не вошедшія въ сборникъ Догеля. Кромѣ документовъ, относящихся собственно до исторіи Молдавіи и Валахіи, при чтеніи книгъ посольскихъ метрики коронной г. Уляницкому попадались не лишніе интереса свѣдѣнія объ отношеніяхъ Польши къ Россіи и о внутреннемъ положеніи Польши, поясняющія политику

польскую относительно Россіи; хотя этого рода свѣдѣнія въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ почти никакой связи съ отношеніями Польско-Литовскаго и Московскаго государствъ къ Молдавіи и Валахіи, тѣмъ не менѣе содержащіе ихъ документы включены въ настоящій сборникъ въ виду ихъ интереса для русской исторіи.

4) Хроника бѣлорусскаго города Могилева. Переводъ съ польскаго Гортинскаго. Съ предисловіемъ архимандрита Сергія.

5) Посольство дьяка Ѳедота Елчина и священника Павла Захарьева въ Дадіанскую землю 1639 — 1640 годовъ, съ предисловіемъ С. А. Бѣлокурова.

6) Реляціи временно-главнокомандовавшаго русскою арміею генералъ-поручика Фролова-Вагрѣва, 1759 г., съ предисловіемъ Д. Ѳ. Матовскаго.

II. Матеріалы историко-литературные.

1) Переписка протоіерея Михаила Діева съ И. М. Снегиревымъ, съ біографическимъ очеркомъ Діева А. А. Титова.

2) Переписка М. А. Максимовича съ О. М. Водянскимъ, съ біографическимъ очеркомъ Максимовича. Его же.

3) Переписка П. А. Лавровскаго съ О. М. Водянскимъ—съ предисловіемъ его же.

4) Письма Вячеслава Ганки къ профессору Московскаго университета О. М. Водянскому.

5) Второе хожденіе Трифона Коробейникова, съ предисловіемъ С. О. Долгова.

6) Записка о Травникѣ Троцкаго воеводы Станислава Гажтовта, съ предисловіемъ д-ра Зубова. Памятникъ этотъ принадлежитъ Успенскому женскому монастырю въ слободѣ Александровѣ (Влад. губ.), куда онъ пожертвованъ въ 1729 г. Алексѣемъ Тимоѣевичемъ Лихачевымъ, по ходатайству тогдашняго строителя монастыря Іоны Маслова. Въ началѣ его помѣщено „Писаніе философское къ пану Станиславу и ко всѣмъ людямъ“. Памятникъ этотъ, переведенный на русскій языкъ въ 1588 г., имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи лѣчебной славяно-русской литературы.

7) „Книга глаголемая описаніе о російскихъ святыхъ, гдѣ и въ которомъ градѣ или области или монастырѣ и пустыни поживе и чудеса сотвори всякаго чина святыхъ“, съ предисловіемъ графа М. В. Толстаго. Рукопись эта составлена неизвѣстнымъ труженникомъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. Списки ея разошлись

по разнымъ мѣстамъ и время отъ времени дополнялись разными лицами въ болѣе или менѣе подробномъ видѣ. Всѣ они представляются въ видѣ каталоговъ прославленныхъ церковью и мѣстными святыми, съ краткимъ указаніемъ мѣстности и времени жизни, но безъ всякихъ біографическихъ свѣдѣній. Пользуясь списками Московской духовной академіи, Императорской Публичной Библиотеки и рукописью, принадлежащею П. И. Саввантову, графъ Толстой первую изъ нихъ положилъ въ основаніе своего труда, выставляя подъ каждымъ номеромъ краткія свѣдѣнія о той личности, которая подъ нимъ значится.

III. Исслѣдованія:

Въ теченіе 1887 г. окончены печатаніемъ „Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства“ Д. И. Багалъя и 2-й томъ изслѣдованія о Словѣ о полку Игоревѣ Е. В. Барсова, съ дополненіями къ бібліографіи его, академика А. Э. Вычкова.

Кромѣ того, напечатаны слѣдующіе труды:

1) Грамоты малорусскаго князя Юрія II и вкладная записка князя Холмскаго XIV в.—А. В. Лоцигинова. Въ результатъ изслѣдованія вкладной записи 1376 г. обнаруживается, что сынъ Мстислава Даниловича князя Владимірскаго Данилъ не могъ княжить въ Холмѣ, и что князь Юрій Даниловичъ, сдѣлавшій эту вкладную записку, не кто иной, какъ наслѣдственный владѣлецъ крупнаго участка въ Холмской землѣ. Княземъ же Холмскимъ величалъ онъ себя по мѣстному происхожденію, то-есть, по той же самой причинѣ, по которой иныя князья прозывались Островскими, Вишневецкими и т. п., и по которой члены одного, близкаго къ княжескому, рода назывались Холмскими. Можетъ быть, онъ былъ братомъ Михаила и Дмитрія Даниловичей князей Волынскихъ, погибшихъ въ битвѣ при р. Ворсклѣ 1399 г.

2) Офиціальныя и частныя редакціи древнѣйшей разрядной книги—П. Н. Милюкова. Это небольшое, но строго научное изслѣдованіе представляетъ въ своихъ выводахъ процессъ редактированія въ XVI в. разрядныхъ книгъ первой половины этого вѣка. По соображеніямъ автора, для мѣстическихъ споровъ еще въ первой половинѣ вѣка составлялись частными лицами списки фамильныхъ назначеній; во второй половинѣ вѣка они были дополнены лѣтописными извѣстіями, но къ послѣдней четверти были вытѣснены списками офиціальнаго текста разрядовъ, составленнаго въ 1556 г., за 80 лѣтъ назадъ. Но офиціальныя списки имѣя преимущество автентичности

не имѣлъ столь же драгоцѣннаго для служилой аристократіи достоинства—матеріальной полноты, по причинѣ ли недостатковъ веденія разрядныхъ записей, или по причинѣ утраты нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вслѣдствіе этого онъ въ свою очередь былъ почти вытѣсненъ изъ употребленія списками, компилировавшими оба предыдущіе типа Компилациі съ теченіемъ времени становятся все сложнѣе, потому что каждая слѣдующая старается принять въ текстъ возможно болѣе вариантовъ изъ разныхъ фамилныхъ разрядовъ.

3) Гребенцы, соч. Вентковскаго. Эта статья рѣшаетъ вопросы: откуда пришли Гребенскіе казаки, когда и гдѣ поселились за Терекъ, съ какого времени начали служить Русскимъ царямъ.

4) „Историко-критическія изслѣдованія о Новгородскихъ лѣтописяхъ и о Россійской исторіи В. Н. Татищева“—Юсіфа Сенигова.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1887 ГОДУ.

Къ концу 1887 года Московскій университетъ имѣлъ слѣдующее число преподавателей: профессоръ богословія 1, ординарныхъ профессоровъ: на историко-филологическомъ факультетѣ—13, на физико-математическомъ—11, на юридическомъ—7, на медицинскомъ—13, итого 44, экстра-ординарныхъ:—на историко-филологическомъ факультетѣ 5, на физико-математическомъ—6, на юридическомъ—5, на медицинскомъ—15 (въ томъ числѣ 3 сверхштатныхъ, не получающихъ содержанія), итого 31; прозекторовъ 5, астрономъ-наблюдатель 1, лекторовъ 4. По приглашенію университета состояли въ качествѣ стороннихъ преподавателей шесть лицъ, изъ нимъ четверо—для практическихъ упражненій въ древнихъ языкахъ, 5-й—для преподаванія еврейскаго и ассирійскаго языковъ и 6-й—арабскаго языка. Сверхъ того, для желающихъ изъ студентовъ послѣ двухъ часовъ пополудни преподавались двумя лицами антропология и испанскій языкъ. Приватъ-доцентовъ было 63, именно: на историко-филологическомъ факультетѣ 14, на физико-математическомъ—19, на юридическомъ—7, на медицинскомъ—23. Такимъ образомъ, общее число преподавателей къ концу 1887 года, считая какъ штатныхъ и сверхштатныхъ профессоровъ и преподавателей, такъ равно стороннихъ преподавателей и доцентовъ, было 154.

Къ 1-му января 1888 года въ университетѣ состояло: студентовъ 3.259, стороннихъ слушателей 76 и аптекарскихъ помощниковъ, посвящавшихъ въ качествѣ стороннихъ слушателей лекціи предметовъ, входящихъ въ составъ провизорскаго экзамена, 332. Число студентовъ сравнительно съ предыдущимъ годомъ увеличилось на 77. Въ

теченіе 1887 года вышло изъ университета 684 студента, въ томъ числѣ до окончанія курса 176 и по окончаніи полнаго курса и сдачѣ экзамена 508. Въ теченіе года принято въ число студентовъ 855 лицъ изъ слѣдующихъ учебныхъ заведеній: правительственныхъ гимназій 760, лицей Цесаревича Николая съ аттестатами зрѣлости 7, другихъ среднихъ учебныхъ заведеній 21, другихъ университетовъ 47, высшихъ учебныхъ заведеній 3, бывшихъ студентовъ Московскаго университета 17. По факультетамъ студенты распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 292, на физико-математическомъ—650 (по отдѣленію математическихъ наукъ 399, по отдѣленію естественныхъ наукъ 251), на юридическомъ факультетѣ 1.099, на медицинскомъ—1.218. Въ теченіе года выдано было стипендій на сумму 117.023 руб.; въ первомъ полугодіи эта сумма была распредѣлена между 444 студентами, во второмъ—между 409; размѣръ стипендій простирался отъ 50 до 500 руб. въ годъ. Освобождено было отъ платы за право слушанія лекцій: въ первомъ полугодіи изъ числа 3.182 студентовъ—618, во второмъ полугодіи изъ числа 3.398—523 студента. Единновременныхъ пособій выдано было: въ первомъ полугодіи—365 студентамъ на сумму 8.245 руб., во второмъ полугодіи—285 студентамъ на 6.141 руб.; размѣръ пособій простирался отъ 4 до 50 руб. Независимо отъ сего: а) Московскою купеческою управою выдано въ пособіе студентамъ изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Куманинымъ, 1.030 руб., б) изъ процентовъ съ капитала имени Митрино внесено за слушаніе лекцій: въ первомъ полугодіи—за 11 студентовъ 273 руб., а во второмъ—за 5 студентовъ 150 руб., в) Общество для пособія недостаточнымъ студентамъ внесло за слушаніе 205 студентами 4,113 руб.; изъ числа этихъ 205 студентовъ 12—историко-филологическаго факультета, 56—физико-математическаго, 62—юридическаго и 75—медицинскаго. Тѣмъ же обществомъ выдано въ пособіе 14 студентамъ 318 руб. Кроме того, заплачено за обѣды, выдаваемые недостаточнымъ студентамъ, въ теченіе первыхъ десяти мѣсяцевъ, всего за 1.963 человекъ 7.812 руб., да выдано на бесплатныя обѣды въ ноябрѣ и декабрѣ 191 билетъ. Ссудъ подъ стипендіи выдано въ теченіе года на 384 руб.

Занятія въ университетскихъ семинаріяхъ въ 1887 году производились въ слѣдующемъ видѣ. На историко-филологическомъ факультетѣ эти занятія были замѣнены практическими упражненіями по древнимъ языкамъ, которыя производились подъ руководствомъ пяти

профессоровъ, трехъ привать-доцентовъ и четырехъ стороннихъ преподавателей. На юридическомъ факультетѣ семинаріи были: по статистикѣ—а) о статистикѣ населенія Россіи, и б) объ источникахъ русской хозяйственной статистики; по исторіи русскаго права—чтеніе и объясненія Академическаго и Троицкаго списковъ Русской Правды. На физико-математическомъ факультетѣ семинаріи и практическія занятія со студентами велись, согласно указаніямъ министерства народнаго просвѣщенія, на астрономической обсерваторіи, въ лабораторіяхъ и другихъ учебновспомогательныхъ учрежденіяхъ факультета. На медицинскомъ факультетѣ студенты ежедневно были заняты на многочисленныхъ лекціяхъ, которыя для нѣкоторыхъ студентовъ продолжаются отъ 8 час. утра до 8 час. вечера. Сверхъ того, они занимались практически и въ часы, свободные отъ лекцій, показанныхъ въ росписаніи. Учащіеся упражнялись въ химической и фармацевтической лабораторіяхъ и занимались въ ботаническомъ саду. Въ анатомическомъ театрѣ студенты разсѣкали трупы съ цѣлю изученія нормальной, хирургической и патологической анатоміи и судебной медицины, здѣсь же упражнялись въ производствѣ операций на трупахъ и изучали практически общую патологию. Въ кабинетахъ физиологическомъ и гистологическомъ, въ анатоми-патологическомъ театрѣ студенты занимались практическимъ изученіемъ физиологіи и гистологіи, нормальной и патологической анатоміи. Въ клиникахъ они писали исторіи болѣзней, на основаніи собственнаго изслѣдованія больныхъ и, въ случаѣ нужды, сами производили термометрическія, химическія и микроскопическія опредѣленія. Профессору судебной медицины студенты представляли протоколы судебно-медицинскихъ изслѣдованій.

На соисканіе наградъ медалями факультетами предложены были слѣдующія темы: историко-филологическимъ факультетомъ— „Византійское общество и греческая церковь въ эпоху Комниновъ“, „Литературная исторія типа Донъ-Жуана“ и „Значеніе комментарія Сервія Гопората въ Энеидѣ Виргилія—для богослужбныхъ римскихъ древностей“; физико-математическимъ— „Изслѣдованіе обращенія большого пятна на Юпитерѣ за все время его существованія, съ вычисленіемъ при этомъ всѣхъ московскихъ наблюденій и съ обращеніемъ вниманія на измѣненіе величины пятна“ и „Сводъ свѣдѣній по организаціи и біологіи гилепофіонъ“; юридическимъ— „О бумажныхъ деньгахъ“, медицинскимъ— „Чай какъ матеріалъ для полученія кофеина; морфологическія, химическія особенности различныхъ сортовъ

чая; фальсификація его у насъ и въ западной Европѣ⁴. За представленныя на эти темы сочиненія награждены медалями: золотыми—два окончившіе въ 1887 году курсъ и 4 студента V и VII семестровъ; серебрянными—1 окончившій курсъ и 5 студентовъ тѣхъ же семестровъ, а два студента III и VII семестровъ удостоены почетнаго отзыва. По факультетамъ награжденные распределяются такъ: историко-филологическаго—8, физико-математическаго—2, юридическаго—3, медицинскаго—1. Сверхъ того, четыремъ лицамъ, за представленныя ими сочиненія, присуждены преміи, учрежденныя частными лицами.

На основаніи дѣйствующаго устава университетовъ и съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, приобрѣвшій почетную извѣстность своими научными трудами въ области греческихъ древностей, эпиграфики, исторіи греческой литературы, особенно византийской, греческій ученый Анастасій Пападопулосъ-Керамевсъ возведенъ въ степень доктора греческаго языка, словесности и древностей, безъ испытанія на степень магистра и безъ представленія диссертациі. Университетскимъ совѣтомъ, на основаніи устава, утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора: Виноградовъ—всеобщей исторіи, Багалъѣй—русской исторіи, Любавинъ—химіи, Алексѣевъ—государственнаго права и 11 лѣкарей—медицины; б) въ степени магистра: Лавровъ—славянскихъ нарѣчій, Фогель—римской словесности, Покровскій—чистой математики, Палладинъ—ботаники, Каблуковъ—химіи и Львовъ—зоологій; в) въ степени кандидата—178 (на историко-филологическомъ факультетѣ—38, на физико-математическомъ—52, на юридическомъ—88); г) званія дѣйствительнаго студента—99 (историко-филологическаго факультета—15, физико-математическаго—28, юридическаго—56); д) въ степеняхъ и званіяхъ по медицинскому факультету: лѣкаря—231, инспектора врачебной управы—1, акушера, какъ члена врачебной управы,—4, провизора—83, аптекарскаго помощника—156, дантиста—3 и повивальной бабки—165. Изъ студентовъ лица Цесаревича Николая удостоены: степени кандидата—6, званія дѣйствительнаго студента—1. Свидѣтельства на званіе учителя гимназій получили 6 лицъ.

Для приготовленія къ профессорскому званію командировано за границу 4 лица. Съ тою же цѣлью оставлено при университетѣ 35 кандидатовъ, изъ нихъ 15 получали стипендіи изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, 1—изъ благотворительныхъ суммъ,

остальные 19 стипендіями не пользовались. Собственно въ 1887 году командировано за границу—3, оставлено при университетѣ—16, продолжень срокъ пребыванія при университетѣ на одинъ годъ—6-ти. Остальные при университетѣ готовятъ по слѣдующимъ кафедрамъ: ботаники, исторіи русской литературы, классической филологіи, гражданскаго и торговаго права, римскаго права, уголовного права, чистой математики, финансоваго права, русской исторіи, всеобщей исторіи, сравнительнаго языковѣденія и санскритскаго языка, механики. Изъ нихъ 8—на счетъ казны, остальные—безъ содержанія.

Денежныя средства Московскаго университета въ 1887 году были слѣдующія: 1) штатныя суммы. По смѣтамъ и дополнительнымъ кредитамъ отпущено было: на содержаніе личнаго состава 293,946 руб. 50 коп., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы—215,044 руб. 10 коп., на стипендіи и пособія студентамъ 50,740 р., на содержаніе славянскихъ стипендіатовъ—3,180 руб., на пособіе Обществу естествоиспытателей—2,500 руб., на содержаніе кандидатовъ, оставленныхъ при университетѣ, а также стипендіатовъ Варшавскаго учебнаго округа—10,256 руб., итого 575,666 руб. 60 коп.; б) благотворительныя капиталы составляли 1.201,257 руб.; в) суммы сбора за слушаніе лекцій со студентовъ состояли къ 1-му января 1887 года 96.268 руб. 24¹/₄ коп., въ теченіе 1887 года поступило 59,981 р., въ тотъ же срокъ израсходовано 62,276 руб. 41 коп. затѣмъ къ началу 1888 года оставалось 93,972 руб. 83¹/₄ коп. Главнѣйшіе расходы изъ суммы сбора слѣдующіе: на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій 20,498 руб., на хозяйственныя и разныя непредвидѣнныя расходы 19,179 р., на жалованье и плату сверхштатнаго положенія 14,354 р., на изданіе Ученыхъ Записокъ университета 2,717 руб.

Состояніе клиникъ Московскаго университета и движеніе больныхъ въ нихъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: Въ терапевтическомъ отдѣленіи факультетской клиники, имѣющемъ 30 кроватей для обоого пола больныхъ, въ теченіе 1887 года состояло 107 больныхъ, изъ нихъ выздоровѣло или получило облегченіе 89, умерло 4, осталось къ концу года 14; больныхъ, приходившихъ за совѣтами, было 2,301. Въ хирургическомъ отдѣленіи факультетской клиники (50 кроватей): въ теченіе года больныхъ было 207, изъ нихъ выздоровѣло 158, умерло 7, къ 1888 году осталось 42, приходило за совѣтами 2,984; операций было сдѣлано: большихъ 147, малыхъ 312; при этомъ отдѣленіи находится вивсекціонный ин-

ститутъ съ отдѣльнымъ помѣщеніемъ для животныхъ. Въ пропедевтическомъ отдѣленіи той же клиники (16 кроватей): больныхъ пользовалось 71, изъ нихъ выздоровѣло 16, получило облегченіе 36, умерло 5, осталось на излѣченіи 14, приходило за совѣтами 3,000. Въ вѣдѣніи отдѣленія находится химическая лабораторія, въ которой студенты упражнялись въ химическихъ, микроскопическихъ и бактериологическихъ изслѣдованіяхъ. Въ спеціальной факультетской клиникѣ болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ, имѣющей только мужское отдѣленіе съ 11 кроватями: отъ 1886 г. осталось 7 больныхъ, въ теченіе года вновь поступило 60, изъ нихъ выздоровѣло 54, умерло 3, къ концу 1887 года состояло 10; амбулаторно пользовалось 1,034; операций произведено: большихъ 41, малыхъ—881. Въ акушерскую клинику, имѣющую 34 кровати, въ теченіе года поступило 806 беременныхъ женщинъ, изъ которыхъ 794 разрѣшились отъ бремени, а 12 выписались, не разрѣшившись; правильныхъ родовъ было 715, а въ 79 случаяхъ роды представляли уклоненія, вызвавшія производство операций; дѣтей родилось 789: мальчиковъ 415, дѣвочекъ 374; въ послѣродовомъ состояніи отъ предыдущаго года осталось 13, а къ слѣдующему—17; беременныхъ, приходившихъ за совѣтомъ, было 181; клиника носѣщалась: съ половины января по 1-е мая студентами 8-го полугодія, а съ начала сентября по 1-е декабря—студентами 7-го полугодія. Въ поликлиникѣ женскихъ болѣзней приходившихъ за совѣтами больныхъ было 256, изъ нихъ на уступленныхъ профессоромъ Захарьинимъ четырехъ кроватяхъ лежало 39 больныхъ, которымъ сдѣланы были разныя операции; занимались въ поликлиникѣ студенты 8 и 9 семестровъ. Въ дѣтскомъ отдѣленіи факультетской клиники (11 кроватей) въ теченіе года больныхъ состояло 64; изъ нихъ выздоровѣло или получило облегченіе 49, умерло 5, осталось къ 1888 году 10; больныхъ, приходившихъ за совѣтами, было 864. Въ хирургической госпитальной клиникѣ (83 кровати): въ теченіе года больныхъ пользовалось 494, изъ нихъ вышло 413, умерло 7 (одинъ изъ нихъ въ день поступленія), оставалось на излѣченіи 64; приходившихъ за совѣтомъ было 10,015; операций произведено: большихъ 120, малыхъ 600. Въ терапевтической госпитальной: больныхъ пользовалось 860, изъ нихъ вышло 645, умерло 149 (2 въ день поступленія, 22 чахоткою), оставалось къ 1-му января 1888 года 66, явившихся за совѣтомъ было 15,911, операций произведено 60. Въ нервномъ отдѣленіи госпитальной клиники: больныхъ было

132, изъ нихъ вышло 103, умерло 8; оставалось на излѣченіи 21, приходило за совѣтомъ 1,388, операций произведено 15. Въ сифилитическомъ отдѣленіи той же клиники (30 кроватей): больныхъ на излѣченіи было 145, изъ нихъ вышло 120, оставалось къ 1888 г. 25, приходившихъ за совѣтомъ 1,534, операций произведено 18. Въ Московской главной больницѣ, служащей университету своимъ клиническимъ матеріаломъ, число явившихся за совѣтомъ больныхъ было 9,968; всѣхъ посѣщеній въ амбулаторіи сдѣлано 24,610; стационарными больными, въ сложности, было проведено 26,444 дня. Общая цифра приходящихъ больныхъ нѣсколько понизилась сравнительно съ предыдущими годами, что имѣетъ объясненіе въ введеніи платы за посѣщенія, опредѣленной больничнымъ совѣтомъ. Операций произведено было 1,664. Въ хирургическомъ отдѣленіи госпитальной клиники при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, находящемся въ завѣдываніи одного изъ профессоровъ университета, больныхъ пользовалось 706, изъ которыхъ вышло 660, умерло 6, оставалось на излѣченіи 40, являлось за совѣтами до 4,000; операций произведено: большихъ 120, малыхъ 200. Въ началѣ ноября открыта психіатрическая клиника съ 50 кроватями, пріемъ больныхъ въ эту клинику начался 7-го числа того же мѣсяца.

При Московскомъ университетѣ существуетъ восемь ученыхъ обществъ. Составъ и дѣятельность этихъ учреждений въ 1887 году представляются въ слѣдующемъ видѣ:

1. Общество испытателей природы. Общество имѣло 521 члена, изъ числа которыхъ почетныхъ—55, дѣйствительныхъ членовъ—436 и корреспондентовъ—31. Дирекцію Общества составляли: президентъ, вице-президентъ, два секретаря, два члена совѣта, бібліотекаръ, три хранителя предметовъ, сотрудникъ редакціи, казначей и помощникъ бібліотекаря. Общество имѣло 8 очередныхъ и одно годичное засѣданіе, въ которыхъ, кромѣ текущихъ дѣлъ, были представлены слѣдующія научныя сообщенія: В. Н. Бензенгромъ—„О жизни и трудахъ Вушэ-де-Перта“ и „О карликахъ“, Н. А. Иванцовымъ—„Объ анатоміи Scaphirhynchus“, Л. Ф. Огневнымъ—„О развитіи жировой ткани“, Д. Н. Анучинимъ—„Объ остаткахъ пещернаго медвѣдя на Кавказѣ“ и „С. А. Усовъ, какъ профессоръ 60-хъ годовъ“; В. Н. Львовымъ—„О строеніи хорды и ея оболочекъ у рыбъ“, К. Э. Линдеманомъ—„О трипсахъ хлѣбныхъ злаковъ“, В. П. Зыковымъ—„О географическомъ распространеніи наземныхъ и прѣсноводныхъ слизняковъ въ Европейской Россіи“, М. А. Мензбиромъ—„О фаунѣ среднеазиат-

ской изменности и прилежащих странъ" и „О С. А. Усовѣ и его дѣятельности какъ преподавателя и ученаго“, В. Д. Соколовымъ— „О трудахъ VII археологическаго съѣзда въ Ярославѣ“, В. И. Палладинымъ— „О зависимости роста растений отъ дыханія“, Н. Е. Цабелемъ— „Объ учебныхъ гербаріяхъ“, В. Д. Мѣшаевымъ— „О нѣкоторыхъ механическихъ приспособленіяхъ у растений“ и „Объ искусственныхъ вулканахъ Гохштеттера“, В. А. Тихомировымъ — „О морфологическихъ и физиологическихъ особенностяхъ сѣмени растения *Straphantus Combe*“, А. П. Павловымъ — „О рѣкахъ восточной Россіи во время ледниковаго періода“, „О происхожденіи Самарской луки“, „О коллекціи горныхъ породъ и рудъ, присланныхъ г. Назаровымъ изъ Киргизской степи“ и „Объ азюлитѣ, унавшемъ въ Оханскѣ въ августѣ 1887 года“; М. В. Павловымъ — „О палеонтологической исторіи копытныхъ въ Америкѣ и Европѣ“, Ѳ. А. Бредихинымъ— „О солпечномъ затмѣніи, ожидаемомъ въ августѣ 1887 года“, „Объ изслѣдованіи фигуры земли въ предѣлахъ Россіи при помощи маятника“ и „О большой кометѣ 1886 года“, А. А. Бѣлопольскимъ — „О вращеніи солнца какъ причинѣ образованія и движенія пятенъ“, М. Залуговскимъ— „Объ изобрѣтенномъ имъ гигроскопѣ для медицинскихъ цѣлей“, В. К. Млодзѣевскимъ — „О нѣкоторыхъ случаяхъ изгибанія поверхностей“, Я. И. Вейнбергомъ — „Объ увеличивающейся опасности отъ ударовъ молніи и о причинахъ этого явленія“, Е. Д. Кислаковскимъ — „О калориметрическомъ способѣ опредѣленія желѣза въ минеральныхъ водахъ“ и „Объ Эссентукахъ и ихъ щелочныхъ минеральныхъ водахъ“.—Общество продолжало издавать Записки. Въ теченіе года выпущено два номера за 1886 и три номера за 1887 годъ, въ которыхъ напечатаны 14 изслѣдованій по зоологіи, 5 изслѣдованій по ботаникѣ, 2—по геологіи и палеонтологіи, 3 — по химіи и минералогіи, 2—по астрономіи, 3—по метеорологіи. Общество состояло въ сношеніяхъ и правильно обмѣнивалось изданіями съ 633 учрежденіями, изъ которыхъ въ Европѣ 512 (въ Россіи 97), въ Америкѣ 85, въ Африкѣ 8, въ Азій 16, въ Австраліи 10, въ Полинезій 2. Въ обмѣнъ на свои изданія Общество получило 1,353 тома книгъ, между которыми находится много драгоценныхъ изданій всѣхъ странъ свѣта. Денежныя средства Общества состояли изъ суммы, ежегодно отпускаемой правительствомъ, въ размѣрѣ 4,857 руб., и членскихъ взносов, которыхъ поступило 258 руб. На средства Общества принято было по-
 частъ солихъ, отд. 4.

собіе одному члену его, совершившему поѣздку въ Орловскую губернію для изученія флоры ея.

2. Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Общество состоитъ изъ отдѣловъ антропологіи и этнографіи, отдѣленій физическихъ наукъ и зоологіи и комиссіи физико-химической. Администрацію Общества составляютъ: президентъ, вице-президентъ, секретарь, шесть членовъ совѣта и казначей. Отдѣлы и отдѣленія имѣютъ особыхъ президентовъ или предсѣдателей, товарищей ихъ и секретарей. Составъ членовъ Общества сравнительно съ 1886 годомъ увеличился 11-ю почетными, 7-ю непрѣмыми и 18-ю дѣйствительными членами.—Общество имѣло семь засѣданій, изъ которыхъ одно годовичное, а остальные—совмѣстныя съ отдѣлами и отдѣленіями. Отдѣлы и отдѣленія, среди которыхъ распространѣлась спеціальная научная дѣятельность Общества имѣли, вмѣстѣ съ состоящими при нихъ комиссіями, 50 засѣданій, на которыхъ были прочтены 143 реферата и доклада. Общее количество засѣданій Общества, отдѣловъ и отдѣленій было 57, общее число прочтенныхъ рефератовъ—167.—Въ теченіе года Общество, его отдѣлы и отдѣленія издали 21 выпускъ своихъ трудовъ, въ которыхъ напечатаны 22 статьи. — Общество обмѣнивалось своими изданіями съ 339 учрежденіями и частными лицами; изъ этого числа приходится 113 обществъ и учрежденій въ Россіи, 84—за границей, 186 частныхъ лицъ въ Россіи и 56—за границей. Къ числу учрежденій, вновь заявившихъ желаніе вступить въ обмѣнъ изданіями, принадлежатъ: Географическое общество въ Парижѣ, университетъ въ Токио въ Япоіи, Общество новаго южнаго Уэльса въ Австраліи и общество имени Педро Рыбейро, въ Оporto въ Португаліи. — Общество разослало 2,895 выпусковъ, въ свою очередь библіотека его получила 568 книгъ, журналовъ, брошюръ и листковъ. Изъ этого числа особенно драгоцѣненъ даръ Упсальскаго университета, заключающій въ себѣ всѣ изданія этого знаменитаго учрежденія, начиная съ прошлаго столѣтія и кончая изданіями послѣднихъ лѣтъ. Общество производило чрезъ особыя экспедиціи изслѣдованія Московской губерніи, Тульской, Земли войска Донскаго, Киргизскаго края, Сѣвернаго Кавказа и Закавказья, Оренбургскаго края, губерній Пермской, Вятской, Архангельской, Таврической, Херсонской, Бессарабской, Сѣдлецкой, Гродненской и Прибалтійскаго края. Независимо отъ сего, экспедиціи Общества простирали свою дѣятельность и за предѣлами Россіи, именно на берегахъ Архипелага, въ Нѣмецкомъ и Балтій-

скомъ моряхъ и въ Атлантическомъ океанѣ, а президентъ Общества, А. П. Богдановъ предпринималъ поѣздку для осмотра выдающихся западныхъ европейскихъ музеевъ, лабораторій, зоологическихъ садовъ и институтовъ.—Общество принимало участіе въ бывшей въ Екатеринбургѣ сибирско-уральской научно-промышленной выставкѣ, выразившееся, сверхъ посланки двухъ представителей, въ разрѣшеніи устроившему выставку, Уральскому обществу любителей естествознанія воспользоваться правомъ присужденія за выставленныя научныя коллекціи двухъ золотыхъ, четырехъ большихъ и четырехъ малыхъ серебряныхъ и восьми бронзовыхъ медалей Общества.

3. Общество исторіи и древностей російскихъ. Свѣдѣнія о дѣятельности его въ 1887 году сообщено выше особою статьей.

4. Общество любителей російской словесности. Составъ должностныхъ лицъ слѣдующій: предсѣдатель, временный предсѣдатель, секретарь, временный секретарь, казначей. Въ 1887 году Общество имѣло 15 засѣданій: одно годовое, три очередныхъ, семь экстренныхъ и четыре публичныхъ, изъ которыхъ одно торжественное, посвященное чествованію памяти А. С. Пушкина, по случаю пятидесятилѣтія со дня его кончины. Въ этомъ засѣданіи были прочтаны слѣдующія статьи: Л. И. Поливановымъ — „Многосторонній интересъ научныхъ изслѣдованій о Пушкинѣ“, В. Е. Якушкинымъ — „Очеркъ исторіи пушкинскаго текста съ 1814 по 1887 годъ“, В. О. Ключевскимъ — „Евгеній Онѣгинъ и его предки“, Н. С. Тихонравовымъ — „Пушкинъ и Гоголь“. Затѣмъ прочитано было не напечатанное до тѣхъ поръ сочиненіе Пушкина: „Мнѣ васъ не жаль, года моей весны“. Въ обыкновенныхъ публичныхъ засѣданіяхъ читались новыя произведенія семерыхъ членовъ Общества. Къ 1-му февраля выпущено было предпринятое Обществомъ въ 1886 г. общедоступное изданіе сочиненій Пушкина: „Евгеній Онѣгинъ“, „Борисъ Годуновъ“ и „Полтава“; кромѣ того, Общество выпустило вторымъ изданіемъ „Альбомъ Пушкинской выставки 1880 года“. Высочайше разрѣшенный сборъ пожертвованій на сооруженіе въ Москвѣ памятника Н. В. Гоголю производился Обществомъ съ большаимъ, сравнительно съ 1886 годомъ, успѣхомъ. Въ теченіе 1887 года въ капиталъ на сооруженіе памятника поступило процентовъ 717 руб. 23 коп., и пожертвованій 5,760 руб. 83 коп., всего 6,478 руб. 6 к., то-есть, болѣе предшествующаго года на 3,345 руб. 17 коп.; весь же собранный по 1-е декабря 1887 года на памятникъ капиталъ составляетъ 21,896 руб.

5. Математическое Общество. Бюро его составляютъ президентъ, вице-президентъ, секретарь и библіотекаръ. Членовъ Общества было 56. Въ теченіе года Общество имѣло 8 засѣданій, въ которыхъ сдѣлано было 17 сообщеній по математикѣ, физикѣ и механикѣ 8-ю членами. Въ 1887 году Общество издало 2-й и 3-й выпуски XIII тома Математическаго Сборника въ объемѣ около 30 печатныхъ листовъ. Въ этихъ выпускахъ напечатаны изслѣдованія 12-ти членовъ. Общество пользовалось пособіемъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, отпускаемымъ ежегодно въ размѣрѣ 1000 руб.

6. Физико-математическое Общество. Администрацію Общества составляютъ: предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, секретарь, товарищъ секретаря, казначей и библіотекаръ. Къ концу 1887 года Общество имѣло членовъ: почетныхъ 18, дѣйствительныхъ 86, корреспондентовъ 56. Въ теченіе года происходило 9 засѣданій, въ которыхъ дѣйствительные члены сдѣлали слѣдующія сообщенія: Г. А. Захарьинъ—„Lues сердца съ клинической стороны“, А. Х. Репманъ—„Электромоторъ съ элементомъ новаго типа“, „Электрическія ванны, ихъ значеніе и устройство“, „Способы опредѣленія сопротивленія тѣлъ, введенныхъ въ цѣпь электрическаго тока“, „Сухіе элементы Гаснера, Вульфа, и Швабе“, „По поводу книги Левандовскаго, „Электротерапія“ и „Амперометръ и вольтметръ“, Л. З. Мороховецъ—„Соотношеніе бѣлковъ животнаго организма“, Г. Н. Дурдуфи—„Ковалинъ, какъ ядъ, дѣйствующій на центры симпатической нервной системы“ и „Опыты Филене съ перерѣзкой *congroris restiformis* у кролика“; С. С. Холмогоровъ—„Случай *amelus'a*, безрукаго и безногаго“ и „Результаты вскрытія *amelus'a*“; А. А. Муратовъ—„Къ симптоматологіи уретральныхъ кампей у женщинъ“; Л. С. Миноръ—„Способъ изслѣдованія зернистыхъ шаровъ при дегенераціи центральной нервной системы“, „Къ патологической анатоміи Шеупстоковскаго дыханія“ и „Нѣсколько случаевъ наследственной синдактиліи въ одномъ семействѣ“; Д. Н. Зерновъ—„Рѣдкій случай индонямфіеніи Роландовой борозды и центральныхъ извилинъ мозга“ и „Замѣчанія по поводу операціи синдактилій“; Н. Ѳ. Гатманъ—демонстрировалъ больного съ врожденной косорукостью. Протоколы засѣданій и сообщенія Общества, печатались подъ именемъ „Труды физико-химическаго Общества, учрежденнаго при Московскомъ университетѣ въ 1804 году“ и выходили отдѣльными нумерами въ одинъ и болѣе печатный листъ.

7. Психологическое Общество. Бюро Общества составляли: пред-

сѣдатель, товарищъ сѣдателя, временный товарищъ сѣдателя, секретарь, временный секретарь, казначей. Кромѣ членовъ-учредителей, Общество имѣло въ своемъ составѣ 82 дѣйствительныхъ члена. Въ теченіе года Общество имѣло шесть закрытыхъ и одно открытое засѣданія, въ которыхъ члены доложили слѣдующіе рефераты: Н. Я. Гротъ—„О свободѣ воли“, графъ Л. Н. Толстой—„О понятіи жизни“, П. Е. Астафьевъ—„О внутреннемъ опытѣ въ его значеніи для психологіи и для общаго философскаго міросозерцанія“; С. С. Корсаковъ—„О нѣкоторыхъ формахъ расстройства памяти“; В. Р. Вудке—„О пространственномъ сознаніи зрительныхъ ощущеній“; А. А. Токарскій—„О гипнотизмѣ и внушеніи“.

8. Юридическое Общество. Администрацію Общества составляли: сѣдатель, два товарища сѣдателя, секретарь, два товарища секретаря, казначей и бібліотекаръ. Общество имѣло 23 почетныхъ и 302 дѣйствительныхъ члена. Въ теченіе года были доложены и обсуждены слѣдующіе рефераты: Г. А. Джапшіевымъ—„Вопросы адвокатской дисциплины“ и „Къ совершенполѣтію новаго суда“; И. В. Маларевскимъ—„Исправительное воспитаніе порочныхъ и отстающихъ дѣтей“; В. П. Окороковымъ—„Движеніе въ Западной Европѣ противъ общественнаго разврата и вліяніе этого движенія на законодательство“; А. А. Исаевымъ—„Какъ измѣрить тягость налоговъ“; графомъ Л. А. Камаровскимъ—„Объ учрежденіи между народами литературнаго союза“; В. Н. Бензенгромъ—„Антропологическій методъ въ примѣненіи къ изслѣдованію преступности“. Кромѣ того, Общество посвятило одно засѣданіе обсужденію вопроса „О правѣ собственности на усадебную крестьянскую осѣдность“ и три засѣданія—обсужденію выработаннаго г. Обинскимъ проекта защиты дѣтей—жертвъ преступной эксплуатаціи. Независимо отъ этого, Общество продолжало разсмотрѣніе особенной части проекта уложенія о наказаніяхъ, сообщенной Обществу министерствомъ юстиціи по Высочайшему повелѣнію.—Въ статистическомъ отдѣленіи Общества, имѣющемъ отдѣльное бюро, доложены слѣдующіе рефераты: И. А. Вернеромъ—„Итоги статистическихъ изслѣдованій Курской губерніи“, А. И. Чупровымъ—„О способахъ изученія крестьянскихъ арендъ при земско-статистическихъ изслѣдованіяхъ“ и „Первый съѣздъ международнаго статистическаго института въ Римѣ“, А. И. Розовымъ—„Статистика Волжскаго судоходства“, И. Н. Миклашевскимъ—„Крестьянское хозяйство въ Малороссіи“, М. П. Федоровымъ—„О международной хлѣбной торговлѣ въ 1886 г.“, Н. И.

Свѣтловаровымъ—,Военно-статистическое описаніе Московскаго военнаго округа“, М. С. Овсянниковымъ—,О средствахъ губерній Московскаго военнаго округа по довольствію войскъ“, Г. А. Позняковымъ—,О ссудной кассѣ гор. Парижа“, В. Н. Григорьевымъ—,Опытъ нормированія квартирныхъ оцѣнокъ въ „Москвѣ“, И. И. Янжуломъ—,Статистика фабричнаго труда въ Московской губ. и Цар. Польскомъ“.

- Свѣта, что медля идетъ, нынѣ ты путь сократи.
 Первая ночь настаетъ; для первой обѣщанной ночи
 Первое ложе, Луна, долѣе ты озаряй.
15. Надо поставить сперва договоръ и скрѣпить по закону,
 Чтобы написанъ уставъ былъ мнѣ для новой любви.
 Пусть самъ Амуръ утвердить условье своею печатью:
 Станетъ въ свидѣтели пусть звѣздной богини весь хоръ.
 Сколько потрачу часовъ въ разговорахъ, покуда Венера
20. Сладостное для борьбы намъ всеоружье вручать.
 Ибо гдѣ ложе еще уговоромъ не связано прочнымъ,
 Мстительныхъ тамъ и боговъ ночи безъ сна не найдутъ.
 Узн, что похоть крѣпить, сама она вновь расторгаетъ.
 Съ первыхъ пускай мы примѣтъ вѣрность на вѣкъ сохранимъ.
25. Пусть же, кто уговоръ къ алтарю принесенный нарушитъ,
 И священный союзъ можетъ инымъ осквернить,
 Всѣ, какія въ любви бывають, печали познаетъ,
 И для сказокъ смѣшныхъ выставитъ самъ же свой ликъ.
 Пусть и на слезы его не раскроются милой окошки,
30. Вѣчно пусть любить, плодовъ вѣчно лишенный любви.

XXI.

Еъ Цинтіи.

- Въ долгій я путь собираюсь въ учениа ѣхать Аонины,
 Чтобъ отъ тяжелой любви длинной дорогой отстать.
 Все возрастаетъ тоска въ лицезрѣніи дѣвы всечасномъ.
 Пищу большую себѣ въ этомъ находить любовь.
5. Все уже я испыталъ, чѣмъ было бѣ прогнать ее можно;
 Но отовсюду меня этотъ преслѣдуетъ богъ.
 То допустить она меня разъ, отвергая такъ часто;
 То и придетъ, но заснетъ съ краю укутавшись вся.
 Тутъ спасенье одно: какъ Цинтія съ глазъ, съ перемѣной
10. Мѣста, настоль далеко выйдетъ любовь изъ души.
 Ну-те же, други, скорѣй сдвигайте корабль на пучину
 И, какъ жребій велитъ, парно садитесь грести;
 Приподымите наверхъ вы мачты парусъ счастливый;
 Вѣтръ благосклонный къ пловцамъ влажный готовить ужь путь.
15. Римскія башни, и вы, друзья дорогие, прощайте!
 И, какой ты ни будь, все же, о дѣва, прощай!

- Вотъ по волнамъ Адріатики какъ новичекъ я поѣду
 И волнозвучныхъ боговъ вынужденъ буду молить—
 Тутъ съ Іонійской волны, какъ парусъ усталый въ Лехей
20. Спустить проворный корабль на безмятежныхъ водахъ:
 Что остается труда, выносите вы, боги, прилежно
 Тамъ, гдѣ землю хранить Истмъ отъ обоихъ морей.
 А какъ въ пристапъ меня берега Пирея воспримуть,
 Я дланнорукимъ путемъ стану Тезея всходить.
25. Тамъ или умъ очищать я на поприщѣ стану Платона,
 Или въ садахъ, гдѣ мудрецъ ты, Эпикуръ, поучалъ.
 Или примусь изучать языкъ, Демосеена оружие,
 И сочиненій твоихъ соль ты, изящный Менандръ.
 Вѣрно картины письмомъ своимъ мой взоръ очаруютъ,
30. Либо изъ кости, или мѣди созданія рукъ.
 Иль промежутки годовъ, или даль разстоянья чрезъ бездну
 Станутъ въ безмолвной тиши раны мои заживлять.
 Коль умереть суждено, не отъ жалкой любви я погибну,
 И предстанеть ко мнѣ съ честію смертный мой день.

XXII.

Къ Туллу.

- Тулль, привлекаетъ тебя столь долгіе годы холодный
 Кивикъ, гдѣ Истмъ окруженъ весь Пропонтіею волной,
 И Дидимъ съ изящнымъ коровы священпой Цибелы,
 Путь, по которому гналъ Дись, похититель, коней.
5. Если приятны тебѣ города Атаманты Геллы,
 И стремленье ко мнѣ, Тулль, не волнуешь тебя;
 Хоть бы все небо держащаго ты увидалъ и Атланта,
 Ликъ и Форкиды, что былъ срубленъ Персея рукой,
 И Геріона хлѣва, и отъ схватки Иракла съ Антеемъ
10. Слѣдъ удѣлѣвшій въ пыли, и Гесперидъ хороводъ,
 Хоть со своимъ гребцомъ въ Колхійскій ты Фазисъ забрался,
 Самъ все тотъ же избравъ путь Целіонской кормы,
 Коимъ въ первой проплыла между скалъ за голубкой Аргосской,
 Видъ воспріявъ корабля, только недавно сосна;
15. Или бѣ Ортигію ты увидалъ бы и берегъ Каистра,
 Или гдѣ волны себѣ семь пролагаютъ путей:
 Всѣ чудеса уступить должны передъ Римской землею.

- Все здѣсь природа дала, что только гдѣ-либо есть.
Здѣсь удобнѣй земля для оружія, чѣмъ для зловредства.
20. Славѣ исторіей ты, Римъ, не составишь стыда.
Ибо на сколько мечемъ, на столько же мы милосердемъ
Сильны: побѣдную длань намъ укропцаетъ оно.
Анѣи тутъ льется въ Тибуръ, Клитумнъ изъ Умбрійскихъ отроговъ,
И проведенный навѣкъ Марціа чистый потокъ.
25. И Албанское озеро рядомъ съ волнами Лѣснаго,
Съ влагой цѣлебной, гдѣ конь Поллука нѣвогда пилъ.
Змѣи рогатыя тутъ не ползутъ на чешуйчатыхъ брюхахъ.
Чудищъ невиданныхъ злыхъ нѣтъ въ Италійскихъ волнахъ,
Изъ-за матери тутъ не гремитъ Андромеда цѣпями,
30. Ты отъ Авзонскихъ трапезъ съ ужасомъ, Фебъ, не бѣжишь.
И никому головы зоочнымъ огнемъ не спалило,
Какъ погибель сама сыну устроила мать.
Травли Пентея въ лѣсу не производятъ Вакханки,
Ходу Данаевъ судамъ мать подставная не дастъ.
35. Не загибала роговъ соперницѣ также Юнона,
И не портила ей видомъ коровьимъ лица;

* *

- Тутъ деревьевъ не гнетъ и Синнисъ, нѣтъ утесовъ враждебныхъ
Грекамъ, себѣ на бѣду согнутыхъ нѣтъ и стволонъ.
- Здѣсь твоя родина, Тульъ, здѣсь дивное видомъ жилище;
40. Здѣсь ты за славный свой родъ почестей долженъ искать.
Здѣсь краснорѣчье найдешь ты гражданъ, надежды на внуковъ,
И предстоящей тебѣ вѣрной супруги любовь.

XXIII.

Потеряныя таблички.

- Значить, пропали мои рѣчистыя эти таблички,
Много, что вписано въ нихъ, вмѣстѣ пропало добра!
Употребленье давно у меня ихъ въ рукахъ затаскало,
Такъ что вѣрили имъ и безъ печати моей.
5. И безъ меня укрощать онѣ гнѣвную дѣву умѣли
И красно безъ меня слово замолвить порой.
Не придавала цѣны золотая имъ даже оправа.
Вукъ простѣйшій у нихъ грязнымъ былъ воскомъ покрытъ,
Но, какія ни есть, мнѣ онѣ постоянно служили,

10. И хорошій всегда вывести умѣли успѣхъ.
 На табличкахъ была, быть можетъ, такая повѣстка:
 „Я сердита, что ты не былъ, лѣнивицъ, вчера.
 Можетъ, какая-нибудь тебѣ показалась прекраснѣй?
 Можетъ быть, взводишь вины ты на меня безъ пути?“
15. Или говорилось: „придешь сегодня, попразднуемъ вмѣстѣ:
 Гостепрѣимство на всю ночь приготовить Амуръ.“
 И все то, что, стремясь, неглупая дѣва находить,
 Какъ, болтливо шутя, станеть часы проводить.
 О я несчастный! на нихъ расчетъ свой скряга напишетъ
20. И подложить къ своимъ грубымъ всеневнимъ счетамъ.
 Кто мнѣ ихъ возвратитъ, золотую получить награду.
 Кто же захочетъ хранить дерево вмѣсто добра?
 Мальчикъ, ступай и скорѣй на любой это выставъ колоннѣ!—
 На Эсквилинѣ живеть твой, напиши, господинъ.

XXIV.

О гордынѣ Цинтіи.

- Женщина, жива твоя на красу такая надежда,
 Ты на моихъ же глазахъ стала отиѣнно горда.
 Цинтія, наша любовь тавихъ тебѣ хвалъ расточала,
 Стыдно теперь, что тебя такъ превознесъ я въ стихахъ.
5. Сборною часто тебя и различной красой восхвалялъ я,
 Чтобы, и чѣмъ не была, стала въ глазахъ ты любви.
 Сколько я разъ цвѣтъ лица равнялъ съ румяной Авророй,
 Хоть у тебя бѣлизна вся отъ искусства была.
 Въ томъ, чего отъ меня и друзья отклонить не сумѣли,
10. Ни Фессалійской нельзя бѣ моремъ колдунѣ отменить,
 Ни желѣзомъ къ тому, ни огнемъ я не вынужденъ, даже
 Въ морѣ Эгейскомъ носясь, выскажу правду одну.
 Я, захваченъ въ котлѣ, горѣлъ у Венеры жестокой;
 Связаны были назадъ за спину руки мои.
15. Вотъ, вѣнками увить, корабль мой порта коснулся,
 Я Сырты миновалъ, якорь мой брошенъ теперь.
 Вотъ наконецъ я вдохнулъ отъ истома могучихъ волненій,
 Раны во здравье мои стали теперь подживать.
 Здравый Смыслъ, коли ты божество, я къ тебѣ прибѣгаю,
20. Всѣ же мольбы расточалъ я предъ Зевесомъ глухимъ.

XXV.

Бъ Цинтія.

- Общій я смѣхъ возбуждалъ за столами готовой трапезы,
И обо мнѣ, кто хотѣлъ, могъ какъ угодно болтать.
Пять въ состояньи былъ лѣтъ тебѣ прослужить я усердно;
Ноготь кусая не разъ, вѣрность мою помянешь.
5. Слезы не тронуть меня;—извѣдалъ я это искусство:
Ты, измышляя обманъ, Цинтія, плачешь всегда.
Плавать буду и я, но слезы осилить обида.
Ты же идти не даешь добрымъ порядкомъ яму.
Такъ ужъ прощайте, пороги, въ слезахъ отъ моихъ заклинаній,
10. И раздраженной рукой все жъ не разбитая дверь.
Но да падеть на тебя съ непримѣтными годами старость,
И морщина къ твоей мрачно красѣ подойдетъ.
Будешь стараться тогда рвать съ корнемъ бѣгьющій волосъ,
Хоть о морщинахъ тебѣ зеркало будетъ кричать.
15. Испытаешь и ты, отвергнута, ту же гордыню,
И на поступки свои, ставши старухой, ропщи!
Эту злосчастную скорбь тебѣ моя пѣснь возвѣстила;
Ты научись трепетать передъ исходомъ красы.
-

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ КНИГѢ III-й.

Элегія I.

Чувствуя самъ силу своего вдохновенія и мастерства въ элегической формѣ, Проперцій предвидитъ безсмертіе своего имени. Воздерживаемся отъ повторенія похвалъ, воздаваемыхъ этой элегіи толкователями, вполнѣ увѣренные, что читатель самъ съ наслажденіемъ прослѣдитъ и изыщущую глѣбку всего стихотворенія, и полновѣрность мыслей, высказанныхъ въ отдѣльныхъ двуступиціяхъ.

2. Проперцій представляетъ себѣ рошу, посвященную ибніямъ элегическихкихъ поэтовъ Филета и Каллимаха: Филета съ острова Коса, прославившагося во время Филиппа и Александра и бывшаго наставникомъ Птоломея Флადельфа, и Каллимаха, александрійскаго писателя III вѣка, не пренебрегавшаго элегіями, не взирая на свои ученыя труды.

3. Не взирая на то, что еще за 50 лѣтъ передъ тѣмъ Катулль черпалъ непосредственно изъ греческихъ поэтическихъ источниковъ, каждому римскому поэту казалось, что онъ дѣлаетъ это первый.

4. Слово *orgia* мы рѣшились перевести словомъ обрядъ; но такъ какъ *orgia* включаетъ въ себѣ понятіе и вакхическаго задора, то намъ кажется, съ одинаковымъ правомъ можно, хотя бы умственно, вмѣсто обрядъ поставить слово задоръ, что представило бы слѣдующій смыслъ: Привести прирожденный поэтическій задоръ италійскій къ строгому порядку греческаго хора.

7. Держать подъ оружіемъ Феба—заставлять Феба пѣть войну.

10. Бактры—главный городъ Бактріаны на востожѣ отъ Каспійскаго моря, считавшіяся крайнею границей земли.

19. Пегазиды.—По имени баснословнаго коня Пегаса, выбившаго на Геліконѣ копытомъ вдохновительный ключъ Иппокрены, владычицы этого ключа, Музы названы Пегазидами. Поэтъ проситъ музъ, чтобы онѣ украсили его мягкими вѣнками изъ плюща, какъ элегическаго поэта, а не тяжелыми лавровыми, приличными поэту эпическому.

25. Кто бы о башняхъ—троянскихъ.

26. Эмоніи мужъ—еракійскій Ахиллесъ, сражавшійся съ рѣкою Ксаномъ (Скамандромъ), Илиада, 21, 210.

27. Зевесъ родился близъ критской Иды, между какъ здѣсь [фригійскою рѣкою обозначена Ида троянская. Но такое смѣшеніе преданій сомнѣнныхъ горъ нерѣдко встрѣчается у поэтовъ.

29. Деифобъ и Еленъ—сыновья Пріама; Полидамантъ—сынъ Антисора; безъ брони они обозначены восьмиными потому, что Еленъ славенъ былъ какъ прорицатель, Полидамантъ своею мудростью, а Деифобъ погибъ безоружнымъ, такъ какъ Елена, избравшая его по смерти Париса суицидомъ, въ ночь вторженія грековъ въ Трою, отобрала и спрятала все его оружіе, Виргил. Энеид. VI, 523.—Герои эти, хотя и безъ брони, то-есть, безъ воинскихъ подвиговъ, прославлены.

21. Иліонъ—имя троянской столицы; Троя—название страны, хотя поэты часто ставят его вмѣсто Иліона.

22. Богъ съ Эты—Геркулесъ, какъ извѣстно, два раза забралъ Троя; въ первый разъ лично, когда Лаомедонтъ отказалъ ему въ общивныхъ коняхъ, а во второй, съ помощью стрѣлъ, переданныхъ имъ Филокету, безъ которыхъ Троя не могла быть взята.

23. Богъ Ликіи—такъ названъ Аполлонъ по малоазійскому городу Патаръ въ Ликіи, знаменитому по своему храму в оракулу Аполлона.

Элегія II.

2. Цитеронъ—гора въ Беотіи близъ Фивъ, откуда подъ звуки лиры Амфіона камни привлекались и становились въ свое мѣсто въ Фивскихъ стѣнахъ (см. I, 9, 10).

3. О Полифемѣ, влюбленномъ въ морскую нимфу Галатею, см. подл. Теокрит. VI, 6, а о влюбленныхъ пѣсняхъ его Овид. Превр. XIII, 755.

4. Изъ окрестностей лаконскаго города Тенара добывался знаменитый зеленый мраморъ.

11. Островъ феаковъ, нынѣшній Корфу, славился своими великолѣпными садами (см. Одисс. VII, 112).

12. Марція влага. По свидѣтельству Плинія (Натур. ист. XXXI, 3, 24), вода Марція, первая на всемъ свѣтѣ по свѣжести и пользѣ для здоровья, считается въ Римѣ даромъ боговъ. Истекала изъ горъ пелигновъ (нынѣшнихъ Абрुцъ), она протекаетъ черезъ область марзонъ и Фуцинское озеро, направляясь къ Риму; затѣмъ низвергается въ ущелье и, показавшись снова въ Тибуртинскомъ округѣ, проведена на двѣ мили въ Римъ по акведукамъ. Первый провелъ ее въ Римъ Анкъ Марцій, затѣмъ преторъ Квинтъ Марцій въ 721 году отъ осн. Р. или 33 г. до Р. Хр. Маркъ Агриппа, будучи эдиломъ, возстановилъ водопроводъ.

13. Храмъ Юпитера Олимпійскаго въ Элидѣ, раззолоченный, украшенный звѣздами и созвѣздіями.

14. Мавзолъ—царь карійскій, которому супруга его Артемизія соорудила великолѣпный памятникъ подъ именемъ Мавзолея.

Элегія III.

2. Беллерофонта конемъ: см. II, 30, 3.

3. Альба-Лонга—родина албанскихъ, а затѣмъ и римскихъ царей.

4. Поэтъ восхваляетъ Эннія, перваго эпическаго римскаго поэта, воспѣваша героическимъ стихомъ войны римскаго народа.

5. Здѣсь говорится о кораблѣ, на которомъ Павелъ Эмилиій Македонскій, одержавъ побѣду надъ Персеемъ, царемъ македонскимъ, ввозилъ ввѣрхъ по Тибру царскіе трофеи при стеченіи народа на берегахъ, какъ о томъ говорятъ Ливій XLV, 36.

18. Сравненіе заимствованное отъ небольшой колесницы.

20. По городу Тегей въ Аркадіи; аркадскій Панъ—богъ пастуховъ и охотниковъ—названъ тегейскимъ и считается изобрѣтателемъ свирѣли, составленной изъ семи неравныхъ тростинокъ.

28. Горгонскій ключъ—Иппокрена, добытая Пегасомъ, рожденнымъ изъ крови одной изъ Горгонъ—Медузы.

29. Марій, сокрушившій страшныхъ тевтоновъ, откинувъ всякіе другіе военные знаки, ввелъ римскихъ орловъ.

30. Облитый кровью свевовъ, обозначаетъ бѣгство и поражение Ариовиста. Цез. Гал. война. I, 53; свевы—германское племя.

31. Тотъ источникъ вдохновенія, изъ котораго черпалъ свои элегии Филетъ, названъ здѣсь филетейскою водою.

Элегія IV.

Элегія эта писана почти въ одно и то же время какъ и II, 10.

5. Для желающихъ читать сега мы переводимъ: области, хоть и пооднѣ. Серовъ—отдаленнаго азіатскаго народа; подъ связки авзонскія—римскія, ликторскія.

9. Красса бѣду: см. II, 10, 14.

11. Веста принадлежала къ числу боговъ пенатовъ, перенесенныхъ Энеемъ изъ Трои въ Италію.

17. Описываются предметы триумфа, копья восточныхъ конниковъ, замѣчательныхъ для римлянъ тѣмъ, что они въ брюхахъ, которыхъ римляне не носили, и тутъ же подъ оружіемъ плѣнные предводители.

19. Потомукъ изъ рода Юліевъ, отъ Тула, внука Анхиза и сына Энея и Веспери, къ коому былъ усмннненіемъ соприсчисленъ Августъ.

Элегія V.

Эта элегія, по видимому, написана въ 730 г. отъ о. Р., когда Августъ готовился къ арабскому походу и оттуда на иудовъ и паревъ (ср. II, 10, 14); на это указываютъ слова стих. 12: и къ враждѣ новую вяжемъ вражду.

5. Кампанія выставлена здѣсь, какъ представительница плодородной земли.

9. Корипоъ славился своими мѣдными рудами и изыществомъ бронзовыхъ вещей.

13. Не унесешь... ты (вообще человекъ). Ахеронъ—одна изъ четырехъ адскихъ рѣкъ.

16. Нумидійскій царь—Югурта, взятый въ плѣнъ Маріемъ.

17. Богачъ Крезъ не лучше тамъ дулихійскаго нищаго Ира (Одисс. XVIII).

23. Перребскій—ессаійскій. Перребы были ессаійскій народъ, бѣжавшій отъ ланитовъ въ Этолію въ сосѣдство Пинда, почему и самый Пиндъ прозванъ перребскимъ.

31. Во время солнечнаго затменія.

35. Боотъ: см. II, 33, 24.

36. Плескъ хорондовъ: см. I, 8, 10.

40. Тизифона—сурія.

41. Преслѣдуютъ ли фурін Алмеона (см. I, 15, 15). Аркадскій царь Фпней, ослѣпившій дѣтей своихъ по просьбѣ второй жены своей, самъ былъ ослѣвленъ богами и къ нему были приставлены гаршіи, вырывавшія у

него изъ рукъ нищу и гадившія на оную, такъ что онъ постоянно оставался голоднымъ. Аргонавты Цетъ и Калай прогнали гарпій на Строфадскіе острова (Ов. Превр. VII, 3); по другому преданію, Фивей терпѣлъ это наказаніе въ аду; послѣдняго держится Проперцій.

43. Скала—камень Сизифа; колесо—Иксіона и жажда—Тантала.

Элегія VI.

3. Яrho госпожи, то-есть, ты будешь вынужденъ на волю.

11. Смысль: видѣлъ ли ты ея постель въ небреженіи, или же щеголевато покрытою покрываломъ, и при этомъ зеркало, говорящее про заботу о наружности?

14. Ларчикъ съ благовоини, а по другимъ, съ писемными принадлежностями, замкнутый, потому что она давно уже не пишетъ любовныхъ писемъ.

26. Водить, кружася, волчокъ: см. II, 38, 35).

27. Rana gubeta—жаба, живущая по терновникамъ, считалась ядовитою и употреблялась колдунями для заговоровъ и заклинаній.

28. Филина перья принадлежали тоже къ таинственнымъ предметамъ колдовства, см. Овид. Превр. VII, 269.

29. Шерстяными повязками обружали одръ умершаго, и шерсть употреблялась и при волхвованіяхъ.

Элегія VII.

Проперцій облакнваетъ кораблекрушеніе и гибель своего молодого друга Пота, предпринявшаго морской путь.

5. Къ Фаресскому порту: см. II, 1, 30.

12. Море Карпатское: см. II, 5, 11.

13. Оритин похищенной: см. I, 20, 31.

21. Смысль четырехъ слѣдующихъ стиховъ такой: плавающій въ волнахъ Пэтъ приводитъ подобный же образъ плавающего любимца Агамемнона, отрока Аргинна. Аргиннъ, преслѣдуемый Агамемнономъ, бросился въ беотійскую рѣку Цефизъ и утонулъ. Горюя о потери любимца, Агамемнонъ упустилъ благоприятный попутный вѣтеръ и, чтобы исправить свое уищеніе, вынужденъ былъ принести дочь свою Ифигенію въ жертву Діанѣ. По другому преданію, Діана подмѣнила во время жертвоприношенія Ифигенію ланью, а дѣву перенесла въ Тавриду жрицей къ своему святилищу.

22. Этотъ стихъ переведенъ по Мюллеру.

29. Цитръ — благовоинное дерево.

30. Орикъ — городъ въ сѣверной части Эппра на берегу Іонійскаго моря, въ окрестностяхъ коего росло терпентиновое черное дерево.

30. Цѣльными, въ оригиналѣ longas— длинными; древніе думали, что у клятвopеступныхъ члены сокрушались, и Пэтъ хотеть сказать, что не съ сокрушенными, а напротивъ съ цѣльными руками челоvѣка безукоризненнаго онъ пускался въ плаваніе.

31. Къ скаламъ альціонъ,—гдѣ гибздается альціоны, см. I, 13, 2.

Элегія VIII.

30. Тиндаріда — Елена.

Элегія IX.

1. Меценатъ, не взирая на свою близость къ Августу, богатство и происхожденіе изъ этрусскаго рода Цильпіевъ, изъ коего нѣкогда являлись лумоны, вожди, называвшіеся у римлянъ царями, довольствовался званіемъ всадника и велъ скромную жизнь.

2. Лизиппъ — знаменитый ваятель временъ Александра Македонскаго.

10. Каламидъ — извѣстный въ древности изумительными изваяніями коней.

11. Подъ картиной Венеры подразумѣвается Венера *ἀναδορμένη*, изображенная возникающею изъ моря. Картина эта стяжала наибольшую славу Апеллесу.

12. Парразія, говоря современнымъ языкомъ, былъ знаменитымъ живописцемъ жанра.

13. Ментора формы, производившія большіе бронзовые сосуды и треножники, охватывали большій кругъ событій, тогда какъ тонкій серебряникъ Мисъ вынужденъ былъ съ тѣмъ большимъ изыщствомъ завивать акантозъ на скромномъ пути, то-есть, въ тѣсныхъ предѣлахъ своей задачи, украшая имъ края бокаловъ.

14. Статуя Зевеса Олимпійскаго въ Элидѣ работы Фидія считалась однимъ изъ семи чудесъ свѣта.

15. Паросскій мраморъ знаменитъ своимъ блескомъ; Горак. Од. I, 19, 5.

23. Выставлятъ сѣкиры — окруживъ себя ликторами.

24. Воинственныхъ медовъ — пареяпъ.

21. Проперцій сравниваетъ Мецената съ великимъ Камилломъ, который за освобожденіе Рима отъ галловъ названъ былъ вторымъ Ромуломъ и остался высокимъ представителемъ древнихъ правовъ по ихъ строгости, воздержности и умѣренности.

27. Не оплачу—въ трагедіи судьбы Фивъ.

28. Скейскихъ вратъ — троянскихъ, въ которыя ввели деревяннаго коня. Пергамъ, построенный руками Аполлона.

11. Дорійскій пѣвецъ—Филеть, родомъ изъ Коса, острова Эгейскаго моря, принадлежавшаго къ дорійской Каріи.

12. Цей—извѣстное имя гиганта, тогда какъ имя гиганта Оромедонта нигдѣ, за исключеніемъ настоящаго мѣста, не встрѣчается. Съ Флегрейскихъ вершинъ: см. I, 20, 9, 49.

21. Слѣдомъ триумфальныхъ колесницъ, идущихъ съ востока и запада.

21. Въ бѣгствѣ лукавомъ пареяпъ, см. II, 10, 14.

25. Пелузій—городъ на восточномъ рукавѣ Нила, указываетъ здѣсь на пораженіе Антонія и покореніе Египта.

Элегія X.

8. Любы самой: см. II, 20, 7.
 9. Уста альціоновъ: см. I, 17, 2.
 10. Итса мать: см. II, 20, 5.
 11. При счастливыхъ птицахъ—при счастливыхъ предсказаніяхъ.
 22. Оливскъ: см. II, 13, 30. Изъ шафрана приготовлялось благовонное масло, весьма любимое древними.

Элегія XI.

9. Медя.
 10. Изъ посѣянныхъ зубовъ дракона.
 12. Эвонскій предѣлъ въ Іолкѣ. Эвона, отца Язона.
 13. Пептезилея—царица амазонокъ, прибывшая на помощь троянцамъ противъ грековъ. Меотійская: см. II, 3, 11.
 17. Омфала—царица лидійская, заставившая влюбленнаго въ нее Геркулеса прасть.
 18. Гигейское озеро, по свидѣтельству Плинія, въ Лидіи.
 26. Главою Вактрианы.
 28. Всеяныиъ лукавствами—здѣсь намекается на измѣнническое убійство Помпея (стих. 35).
 25. Три триумфа Помпея. Первый по взятіи Сициліи и покореніи Африки, затѣмъ по полученіи въ управленіе Испаніи, наконецъ, по очищеніи моря отъ пиратовъ послѣ побѣды надъ Митридатомъ; песокъ здѣсь вмѣсто берега, на которомъ, вслѣдствіе коварства Птолемея, убитъ былъ бѣжавшій изъ подъ Фарсала Помпей, лишившійся такимъ образомъ обаянія всѣхъ своихъ триумфовъ.
 27. На Флегрейскихъ поляхъ (см. II, 20, 9), подразумѣвается поля Фарсала въ Фессаліи, и конечно, тебѣ обращается къ Помпею.
 28. Тестю—Цезарю, коего дочь Юлія была замужемъ за Помпеемъ.
 29. Крови Филипповой: сама Клеопатра происходила изъ рода Филиппа и Александра. Курцій IX, 8, 22, считаетъ Птолемея Лага сыномъ Филиппа Македонскаго.
 31. Анубисъ—сынъ Озириса, египетское божество съ собачьею головою.
 33. Систриъ—мѣдная дощечка съ ручкой и привѣшанными къ ней подвижными палочками, вызывавшими звонъ самой дощечки. Систриъ употреблялся при богослуженіи Индѣ.
 35. Мервостный пологъ, холщевой шатеръ Клеопатры для защиты отъ нильскихъ комаровъ. Проперцій влагааетъ Клеопатрѣ намѣреніе поставить этотъ шатеръ на Тарпейскій камень, то-есть, въ Капитолій.
 38. Аспиды—были священными змѣями Инды.
 55. Съ такимъ гражданномъ—Августомъ.
 56. И вождя.—Автонія.
 59. Сципіоновъ флотъ упоминается здѣсь за быстроту, съ которою большое войско было перевезено изъ Сициліи въ Африку. Камилла: см. III, 9, 31.

90. По окончанія войны Помпей съ Митридатомъ покорилъ Восточныя земли, куда бѣжалъ разбитый Митридатъ.

91. Сифаксъ — царь нумидійскій, побѣжденный Сципіономъ Африканскимъ.

92. Пирръ — царь эпирскій, вызванный тарентинцами противъ римлянъ и разбитый Куріемъ Дентатомъ.

93. Благородный юноша Курцій, когда среди форума раскрылась бездна, которая, по словамъ авгуровъ, могла быть закрыта только, если бросить въ нее самое для римлянъ драгоценное, въ полномъ вооруженіи бросился въ нее на конѣ, и бездна закрылась.

94. Оба Деція — отецъ и сынъ бросились, спасая отечество, на коня враговъ; первый въ латинскую, а второй въ галльскую войну.

95. Гораций Коклесь защищалъ деревянный мостъ отъ напора этрусковъ, пока римское войско его не разобрало.

96. У Валерія Корвина, вызваннаго когда-то галломъ на единоборство, во время боя воронъ усѣлся на шлемъ, отчего и самъ Валерій Мессала получилъ прозваніе Корвина.

97. Аполлонъ названъ левкадскимъ, потому что у него былъ храмъ на эпирскомъ мысу у Левкады, гдѣ Августъ разбилъ Антонія и Клеопатру.

Элегія XII.

9. Та — Гала.

12. Или желѣзный сѣдокъ, — парейанскій.

17. И лотосъ, и приворотный травъ, — здѣсь намекается на страну лотофатовъ, гдѣ товарищи Улисса, вкусивъ лотоса, не желали возвращаться въ отчизну.

29. Рѣчь идетъ о тѣхъ быкахъ Геліоса, которыхъ съѣли спутники Одиссея и которыхъ мясо (Одис. XII, 395), уже снятое съ вертеловъ, издавало ревъ.

31. Эя — городъ въ Колхидѣ, почему рожденная въ немъ Цирцея названа зейскою дѣвой.

34. Приблизившись ко взморью Сиренъ (Одис. XII, 173). Одиссей заглгнулъ воскомъ уши своихъ прѣлцовъ.

Элегія XIII.

5. Плиній XI, 36, рассказываетъ, что индѣйскіе муравьи достаютъ изъ подземныхъ пещеръ золото, и что ростомъ они съ египетскихъ волковъ.

6. Эрициной именовалась Венера по знаменитому своему храму на сицилійской горѣ Эрикѣ.

8. Киннамонъ — корица.

10. Икарія дочь — Пенелона.

18. Косы раскинувъ — мы перевели по Беренсу, у котораго *ichogum furis*, тогда какъ у Квинела *ichogum positis* — волосы срѣзавъ.

24. Ни съ Эвадой: см. I, 15, 21.

27. Городъ Цидонъ или Цидонія на островѣ Критѣ славился отборными яблоками, которые оттуда привезены были въ Италію.

30. Идейскій пастухъ — Парисъ.

55. Полидоръ — меньшой сынъ Пріама, былъ отправленъ вмѣстѣ съ огромнымъ количествомъ предназначеннаго ему въ наслѣдство золота къ другу Пріама, еракійскому царю Полиместору, на воспитаніе, но, услыжавъ о гибели Трои; Полиместоръ зарѣзалъ своего питомца.

56. Мэнадъ своей—своей изступленной Кассандрѣ.

Элегія XIV.

6. trochus—большой мѣдный кругъ на подобіе колеса, на которомъ расположены были желѣзные кольца, издававшія при круженіи волчка звонъ.

9. Нарученъ надѣвался бойцами для придачи кулаку большей твердости и вѣса; кромѣ ремней, въ него прибавлялись и куски свинца.

16. Термодонтъ—рѣка въ Понтѣ, близъ которой жили амазонки.

17. Эвротъ—спартанская рѣка.

Элегія XV.

6. Не на подарокъ склоняюсь—укоризна сребролюбію Цинтія.

13. Антіона—дочь Никтея, царя беотійскаго, была соблазнена Юпитеромъ, принявшимъ видъ царя сикіонскаго Эпопея. Чувствуя себя беременною, Антіона бѣжала къ самому Эпопею, который благосклонно принялъ ее. Никтей, считая Эпопея настоящимъ соблазнителемъ, пошелъ на него войною, но умеръ отъ раны, поручивъ брату своему еванскому царю Ликсу за себя отомстить. Ликсъ убилъ Эпопея, увезъ свою племянницу Антіону, бросилъ дѣтей (Цета и Амфіона отъ Юпитера), которыхъ она родила дорогой, и передалъ несчастную ихъ мать женѣ своей Диркѣ въ рабство. Но Проперцій держался того сказанія, по которому Ликсъ женился на Антіонѣ и, раздраженный ея связью съ Эпопеемъ, отдалъ ее въ рабство второй женѣ своей Диркѣ, которая, узнавъ, что Ликсъ по старой памяти не забываетъ Антіоны, сталъ ее терзать.

19. Иль никогда ты Зевесъ — эту жалобу поэтъ прямо влагаетъ въ уста Антіонѣ.

27. Азопъ—рѣка въ Беотіи, протекающая у Фивъ.

36. Поэтъ обращается къ пастуху, воспитателю Цета и Амфіона, которому невѣстна была тайна ихъ рожденія.

41. Цетъ—пастухъ, и потому его пастбище въ крови, тогда какъ поэтъ Амфіонъ воспѣваетъ торжественный пеанъ на горѣ Арацитѣ, стоящей на границѣ Беотіи и Аттики.

Элегія XVI.

3. Тибуръ: см. II, 32, 5.

4. И Авіена: см. I, 20, 8.

12. Свиронъ—извѣстный разбойникъ, занимавшій дорогу, ведущую по Истму въ Аттику, грабившій путешиковъ и бросавшій тѣла ихъ въ море; онъ былъ убитъ Тезеемъ.

Элегія XVII.

7. Что не безъ опыта ты въ дѣлахъ любви, такъ какъ самъ влюбленъ быть въ Ариадну, которая взѣхала на небо въ твоей колесницѣ.

10. Рогоносный. Рогъ, какъ эмблема могущества и силы, составляли въ древности принадлежность многихъ божествъ.

21. Молніи Зевеса, отъ которыхъ погибла между прочимъ Семела, были кованы циклопами, живущими на Эгнѣ.

22. Нивы ...хороводъ — сатировъ, сивеновъ. Низа—городъ и гора въ Индіи, гдѣ въ пещерахъ нимфы воспитали Вакха, который и самъ поэтому именуется Низеемъ.

23. Ликургъ — царь эдонцевъ во Фракіи, согласно Иліад. VI, 130, ослѣпленный за вражду къ Вакху, но по другимъ преданіямъ, кои онъ слѣдовалъ и Пронерціи, за уничтоженіе виноградной лозы, приведенный Вакхомъ въ наступленіе, въ которомъ убилъ своего сына и, думая, что рубить лозу, обрубилъ себѣ ноги.

24. Пентей—эвванскій царь, непочтившій Вакха, былъ растерзанъ обезумѣвшею матерью Агавой и ея сестрами Иноной и Автоной. Овид. Превр. III, 515, поэтому сказано: три восторгались толпою.

25. Разказъ о тирренскихъ пловцахъ, увезшихъ спящаго Вакха и направившихъ корабль не къ Наксосу, какъ онъ просилъ, но затѣмъ превращенныхъ въ тюленей.

26. Эивы названы дирцейскими по имени ручья Дирки на юго-западѣ беотійскихъ Эивъ, носящаго имя превращенной въ него Дирки, см. III, 15, 13.

27. Подлѣ Цибелы великая, такъ какъ торжества возбуждающей матери боговъ, Цибелы, часто сблизались съ вакхическими.

28. Не на скромныхъ котурнахъ — стихами не низменнаго строя (ср. II, 34, 41).

Элегія XVIII.

Поэтъ оплакиваетъ преждевременную смерть Марцелла, сына сестры Августа Октавии, жениха единственной его дочери Юліи, умершаго на 20-мъ году въ Байскихъ купаньяхъ въ 731 году отъ осн. Р. Смерть эта была причиною великаго плача Августа и всего народа, такъ какъ прекрасный юноша этотъ возбуждалъ самую блестящую надежду и считался наследникомъ Августа.

3. Мизенъ, какъ разказываетъ Виргилій, Энеид., VI, 162—212, былъ сперва трубачемъ Гектора, а затѣмъ Энея, и былъ похороненъ спутниками послѣдняго съ почестями на берегу Бай.

4. И Геркулеса трудомъ созданный путь—подразумѣвается насыпь, отдѣлявшая Лукринское озеро отъ моря, построенная Геркулесомъ (см. I, 11, 2).

6. Богъ Эвванскій—самъ Геркулесъ, котораго въ покоренныхъ имъ городахъ (Геркуланумъ) встрѣчали звономъ кимваловъ.

12. Марцеллъ въ званіи эдила покрылъ театры и форумъ широкими занавѣсами отъ солнца.

23. Цербера.

24. Харона.

27. Нирей—царь ваксосскій до того превосходилъ красотою всѣхъ бывшихъ подъ Троею грековъ, что имя его въ этомъ смыслѣ вошло въ поговорку.

28. Пактоль: см. II, 26, 23.

29. Когда за любовь къ Хризендѣ и непочтеніе отца ея Хриза (Илиад. I, 8), жреца Феба, послѣдній наслалъ моровую язву на ахейцевъ.

30. Къ мальчику Аргинну.

33. Здѣсь говорится о Клавдіи Марцеллѣ, овладѣвшемъ въ 212 году до Р. Хр. послѣ трехлѣтней осады Сиракузами и покорившемъ затѣмъ всю Сицилію.

34. Прямо къ звѣздамъ. Народъ былъ убѣжденъ, что яркая комета, появившаяся во время игръ, устроенныхъ Августомъ въ честь Юлія Цезаря, была душа Цезаря, перешедшая на небо.

Элегія XIX.

7. Сырты: см. II, 9, 33.

8. Малей—мысъ лакоискій, опасный для мореплаванія.

11. Прини́ромъ служить Паизфая, супруга критскаго Миноса, вытерпѣвшая гордость быка, къ которому пылала страстью.

12. Надѣла рога—той еловой телки, обтянутой шкурою; которую, согласно ея желанію, устроилъ художникъ Дедалъ.

13. Та Салмониды: см. I, 13, 21.

14. Влажнаго бога—Нептуна.

16. Мурра, которая, преслѣдуемая отцемъ, открывшимъ преступную связь, въ которую она вовлекла его обманомъ, спасаясь въ Аравію, превратилась въ благовоиное дерево того же имени.

17. Медея, озлобленная, какъ покинутая мать дѣтей обожаемаго мужа Язона, утолила эту злобу убійствомъ этихъ дѣтей.

18. Клитемистра, убившая вмѣстѣ съ любовникомъ своимъ Эгистомъ, вернувшись изъ-подъ Трои, супруга своего Агамемнона, наплекла позову этимъ дѣйствіемъ на весь Пелопоннсовъ домъ.

21. Сцилла — дочь Ниса, царя мегарскаго, влюбилась въ критскаго Миноса, осаждавшаго городъ ея отца. Зная, что вся сила отца ея заключается въ красномъ волосѣ на головѣ его, она ночью срѣзала его и, въ видѣ приданаго, принесла въ лагерь Миноса, передавая такимъ образомъ въ его власть и городъ, и самого отца. Но справедливый вождь отвергнулъ ея любовь и, овладѣвъ городомъ, отплылъ въ отчизну. Влюбленная Сцилла бросилась вплавъ, повисла на его корабль; но затѣмъ превращена была въ птицу.

Элегія XX.

Эта элегія, безъ сомнѣнія, должна быть отнесена къ тѣмъ, которыя написаны повтомъ ранѣе всѣхъ, даже первой книги. Она предлагаетъ Цинтію покинутой своимъ возлюбленнымъ, который, по видимому, отправился въ Аф-

рику съ торговыми цѣлями, новый прочный союзъ любви, основанный на взаимной вѣрности.

8. Дѣва ученаго—подразумѣвается Гостій, восставшій истрійскую войну, произведение, написанное, какъ видно изъ отрывковъ, стихами.

18. Звѣздной богини, сопровождаемой хороводомъ звѣздъ.

Элегія XXI.

19. Лехей—портъ и мисъ въ Коринескомъ заливѣ. Смысль: Когда моремъ достигну Лехей, то пройду вдоль Истма остальной путь пѣшкомъ.

22. Стихъ этотъ указываетъ, что Проперцій приходится снова сѣсть на корабль, чтобы прибыть въ аенскую гавань Пирея.

24. Я длиннорукимъ путемъ—указывается на длинныя стѣны, выстроенныя Эмистокломъ для соединенія Пирея съ Аеннами, которыя какъ бы двумя длинными руками ограждаютъ путь къ своему порту. Путь этотъ названъ тезевымъ потому, что Тезей очистилъ его отъ разбойниковъ (см. тутъ же сл. 16, 12).

28. Соль сочиненій комическаго аенскаго поэта Мевандра такъ славилась у древнихъ, что они говорили, будто бы сочиненія эти рождены и пропитаны тѣмъ же моремъ, изъ котораго вышла Венера.

Элегія XXII.

2. Кизикъ—городъ въ Мизіи у Пропонтиды, на островѣ, соединенномъ съ берегомъ двумя мостами. Городъ этотъ великолѣпнѣе и численностью населенія спорилъ съ первыми азиатскими городами. Поэтъ называетъ Кизикъ холоднымъ по причинѣ дующихъ съ моря вѣтровъ. Подъ Истмомъ здѣсь подразумевается проливъ, конемъ Кизикъ отдѣляется отъ твердой земли.

3. Городъ по имени сосѣдней горы Диндима называется и Диндимомъ. Тамъ въ часовнѣ матеря боговъ, Цибелы, находилось мраморное изваяніе коровы, въ знакъ жертвоприношеній великой богини.

4. Путь; здѣсь говорится о преданіи, по которому Дісъ (Плутонъ), похитивъ въ Сициліи Прозерпину, гналъ коней до Диндима, гдѣ разверзшаяся земля его поглотила.

5. Города Атамантиды Геллы суть города Геллеспонта, получившаго имя отъ Геллы, дочери Атаманта.

7. Атлантъ—гора въ Мавританіи, поднимающаяся превыше облаковъ и потому поддерживающая небо.

8. Дісъ и Форкяды—поэтическое указаніе на острова Горгады, гдѣ обитали Горгоны, и Персей у Медузы, дочери Форка, срубилъ ликъ, то-есть, голову.

9. Геріона хлѣва—подразумѣвается островъ Эритія у испанскаго берега, ближайшаго къ Океану, между Гадесомъ и твердою землею, гдѣ, по преданію, царствовалъ Геріонъ, у котораго Геркулесъ похитилъ воловъ и увелъ въ Италію (сличъ IV, 9, 2 и 17). Гигантъ Антей, воюго столица Ирасса была въ Либіи (Африкѣ); по опредѣленію нѣкоторыхъ, въ Биренеѣ, недалеко

отъ Нила. Онъ заставлялъ гостей бороться съ нимъ и, прикасаясь къ матери своей, землѣ, почерпалъ новыя силы, но былъ приподнятъ на воздухъ и задушенъ Геркулесомъ.

10. Гесперида хороводъ—подразумѣвается та область, гдѣ они жили и водили хороводы.

11. Хотя бы ты лично повторилъ путь Аргонавтовъ въ Колхиду (см. I, 20, 18); со своимъ гребцомъ—со своими спутниками.

12. Пелтонской кормы—кормы, срубленной изъ лѣсу, выросшаго на ессалийской горѣ Пелюти, подразумѣвается корабль Арго.

13. Между скалъ за голубкой Аргосской: см. II, 26, 39.

14. Подразумѣвается Нилъ.

15. Аній или Аниена падаетъ со скалъ въ Тибуръ (Тиволи). Клитуми: см. II, 19, 25.

16. Потокъ Марція: см. III, 2, 12.

17. Визъ Албанскаго озера находилось другое у Арицинской рощи, посвященной Діанѣ (см. II, 32, 10), почему поэтъ называетъ его лѣснымъ.

18. Поэтъ переходитъ къ исчисленію золь, встрѣчающихся въ другихъ странахъ и не существующихъ въ Италіи. Змѣя регатія: ядовитые гады, вьющіеся на головахъ фурій.

19. Андромеда: см. I, 3, 1.

20. Тіестъ—сынъ Пелопса, обезчестилъ жену брата своего Атрея; поэтому Атрей, зарѣзавъ сына Тіеста, накормилъ его этимъ блюдомъ.

21. Указаніе на судьбу Мелеагра, который, поразивъ на Калидонской охотѣ вепря, почтительно передалъ впервые раннѣйшей его Аталантѣ шкуру и клыки и, когда братья матери его Алтея отняли у Аталанты эти трофеи Мелеагръ ихъ убилъ; за это Алтея, получившая при рожденіи Мелеагра отъ Паросъ кусокъ дерева, съ горѣніемъ коего связана была жизнь Мелеагра, бросила это дерево въ огонь, отчего Мелеагръ заочно сгорѣлъ.

22. Травли Пентея: см. тутъ же сл. 17, 24.

23. Ходу Данаевъ: см. тутъ же сл. 7, 24.

24. Не загибала роговъ: см. I, 3, 20.

25. Синисъ—знаменитый разбойникъ, жившій на Истмѣ, нагнувъ двѣ сосны, привязывалъ къ ихъ макушкамъ путниковъ, которыхъ выпущенныя изъ рукъ деревья разрывали на части. Тезей подвергъ его той же казни, почему поэтъ говоритъ: себя на бѣду согнутыхъ. Словами: вѣтъ утесовъ враждебныхъ грекамъ намечается на утесы Окирона, съ которыхъ этотъ разбойникъ сбрасывалъ въ море умерщвленныхъ имъ путниковъ (см. выше сл. 16, 12).

Элегія XXIII.

1. Старья затасканныя таблички были до того извѣстны Цинтіи, что не нужно было на нихъ ни подписи, ни печати поэта, для того, чтобы знать, кто писалъ письмо.

2. Поэтъ заставляетъ своего слугу выставить на любой колоннѣ объявленіе, что заплатитъ золотомъ нашедшему его старья таблички; при этомъ

напоминаетъ, чтобы слуга не забылъ горы и квартала Эсквиллина, адреса Проперція.

Элегія XXIV.

11. На желѣзомъ къ тому, здѣсь указывается на пытки желѣзомъ и огнемъ и на опасность кораблекрушенія, какъ на побудительныя средства призывать что-либо и противъ воли; другими словами: я безъ всякихъ вѣстныхъ побужденій признаю то, отчего прежде не могло отклонить меня ни друзья, ни изгнать волшебницы.

Элегія XXV.

Написана эта элегія въ одно время съ 24-ю и того же содержанія.

8. Метафора, взятая отъ парной запряжки, требующей одинаковой тяги арма. У древнихъ поэтовъ этотъ образъ весьма часто примѣняется къ общей подчиненности двухъ любящихъ.

11. Многіе неправильно понимаютъ *celatis annis* въ смыслѣ: затаенными годами, то-есть, скрываемыми тобою отъ постороннихъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

О городѣ Римѣ.

Этотъ на сколько ты, гость, тутъ Римъ озираешь обширный,
 До Энея все былъ только холмомъ да травой.
 Тамъ, гдѣ палаты теперь возвышаются Феба Морскаго,
 Только Эвандровъ одинъ скотъ чужеземца лежалъ.

5. Глинянымъ тутъ божествамъ золотые возвысились храмы
 И не стыдились ничуть хижинъ безъ всякихъ прикрасъ.
 И Тарпейскій отецъ гремѣлъ со скалы обнаженной,
 И для нашихъ коровъ все чужеземцемъ былъ Тибръ.
 Тамъ, гдѣ висился домъ на ступенькахъ у Рема когда-то,
10. Былъ для братьевъ большимъ царствомъ единый очагъ.
 Въ Куріи, гдѣ въ наши дни блистаетъ пурпуръ сената,
 Въ шкурахъ сидѣли отцы, сельскіе нравы храня.
 На совѣщанье рожокъ созывалъ старинный Квиритовъ;
 Сотня одна на лугу часто бывалъ ихъ сенать.
15. Не нависали, клубясь, надъ открытымъ театромъ завѣсы,
 И на подмосткахъ шафрацъ въ дни торжества не дышалъ.
 Въ мысляхъ никто не держалъ боговъ искать иноземныхъ,
 Какъ предъ святыней родной съ чувствомъ дрожала толпа.
 Сѣномъ зажженнымъ они годовщину справляли Палилій
20. Ту, что, коня окарнавъ, стали теперь очищать.
 Вѣдная Веста была довольна вѣнчанымъ осленкомъ.
 Слудные лики боговъ еле коровы везли,
 И перекрестки стѣсненные жирной свиньей осыщались,
 И пастухъ подъ свирѣль жертвовалъ печень овцы.
25. Пахарь, въ шкурахъ одѣтъ, махалъ жгутомъ волосатымъ,
 Вотъ и понинѣ блюдетъ Фабій Луперкъ тотъ обрядъ.
 Грознымъ оружіемъ еще не блисталъ неиспытанный воинъ,

- А обожженнымъ коломъ битвы велель нагншемъ.
 Въ волчьей шапкѣ впервой Лукмонъ устлаваль ставки.
30. Большою частью добро Тація было въ овцахъ.
 Вотъ откуда всѣ Тиціи, Рамны, Луцеры сельчане:
 Ромуль оттуда коней бѣлыхъ четверку повель.
 Меньше при тѣсныхъ стѣнахъ подгородными были Бовиллы,
 Тамъ, гдѣ такъ пусто теперь, въ Габіяхъ были толпы.
35. Альба могуча была, отъ свињи бѣлоснѣжной зачавшись,
 А по пути до Фиденъ долго бывало идти.
 Ничего не сберегъ, вѣрмѣ имени, Римскій питомецъ.
 Стыдно кормилицы намъ рода—волчицы своей.
 Счастливо, Троя, сюда ты направила бѣглихъ пенатовъ.
40. О, что за вѣщей веденъ птицей Дарданскій корабль.
 Было примѣтой благой уже то, что ему вредоносенъ
 Не былъ, когда разверзалъ брюхо еловое копъ;
 Какъ дрожащій отецъ на шеѣ у сына повиснулъ,
 И опасался огонь плечи честныя палить.
45. Прибыль тутъ Деціевъ духъ и Брутовы съ ними сѣжиры,
 И Венера сама Цезарю мечъ подала,
 Воскресающей Трои неся доспѣхи побѣды:
 Къ счастью, Іуль, и боговъ вашихъ земля приняла.
 Если треножникъ вѣщаль Авернской Сивиллы дрожащей,
50. Что Авентинскій намъ Ремъ кровью искупить поля;
 Или Пергамской пророчицы внятое слово такъ повдно
 Предъ долголѣтнимъ челою правду Приаму рекло:
 „Оборотите коня, дана: съ плохой вы побѣдой.
 Жить Иліюу; и Зепсъ пенлу оружіе дастъ“.
55. О кормилица лучшая нашего Марса, волчица,
 Что за стѣны выросли отъ твоего молока.
 Эти стѣны воспѣтъ усерднымъ стихомъ я стремлюся.
 Горе мнѣ, что у меня звукъ ничтоженъ въ устахъ.
 Но какъ ни былъ бы малъ изъ груди бѣгущій источникъ,
60. Всѣмъ, чѣмъ только могу, будетъ отчизнѣ служить.
 Эяній пусть рѣчи свои волючимъ вѣнкомъ украшаетъ,
 Мнѣ же ты листьевъ плюща, Вакхъ, своего передай,
 Чтобы надменно горда изъ-за книгъ моихъ Умбрія стала,
 Умбрія, гдѣ родился римскій ея Калимахъ.

66. Пусть, кто, глядя изъ долинь, встающіа видитъ твердыни,
По дарованьямъ моимъ цѣну стѣнамъ придаетъ.
Римъ, ты внимли, тебѣ пѣснь восстаетъ; дайте, граждане, добрыхъ
Пожеланій, запой птица началу привѣтъ.
Дни и торжествъ воспую съ первобытными мѣсть именами,
70. Къ этимъ-то цѣлямъ пускай въ пѣнѣ несется мой конь.
Вымолвлю, Троя, падешь, и, Римъ, ты, Трояпскій, воскреснешь,
И по морямъ и землѣ много могилъ воспую.
Что необдуманно пѣть столь важное рвешься, Проперціи?
Ахъ, нелегко выпрядать нить изъ кудели такой.
37. Музамъ поешь вопреки, вопреки самому Аполлону,¹
Лиру ты нудишь къ словамъ, только себѣ же къ стыду.
Вѣрное я говорю по вѣрнымъ ученымъ; иль вѣщій
Я не умѣю вращать мѣднаго шара въ звѣздахъ.
Горь Вавилонскій меня породилъ, рожденъ отъ Архиты,
80. Горь, и отъ прадеда нашъ Конона домъ начался.
Боги свидѣтся мнѣ, что никакъ не унижилъ я кровныхъ,
И въ сродненяхъ моихъ правда превыше всего.
Нынѣ боговъ продають, за золото жечь и Юпитеръ,
И на косомъ колесѣ знаки вращаясь не разъ.
85. Я жь говорилъ, какъ дѣтей провожала Аррія въ поле,
(Вооружала она ихъ, хотъ и богъ воспрещалъ),
Что имъ копій своихъ не принести къ отцовскимъ пенатамъ.
Ныпѣ вотъ правду мою два подтверждаютъ холма.
Вотъ и Луперкъ, прикрывая коня уязвленного морду,
90. Плохо себя защитилъ, вмѣстѣ унавши съ копемъ.
Галлъ же, когда охранялъ порученное въ лагерѣ знамя,
Тутъ и палъ предъ своимъ окровавленнымъ орломъ.
Вѣдныя юноши, двѣ могилы для матери алчной.
Такъ-то, хотъ жалко мнѣ ихъ, все предсказанье сбылось.
95. Я же, какъ муки родовъ у Цинары все длила Луцина,
И замедлилася такъ тяжесть во чревѣ ея,
Молвилъ: могучій обѣтъ Юнонѣ вы изреките;
И родила; и своимъ книгамъ я пальму стяжалъ:
Этого самъ и Зевесъ не вѣщаетъ въ пещерѣ Либійской,
100. Или та жила, въ какой воля боговъ говоритъ;
Или кто въ силахъ понять движеніе крыльевъ вороны;

- Даже не скажетъ мертвецъ, вызванъ волшебной водой.
 Надо смотрѣть въ небесахъ на путь и стезю безъ обмана
 Между звѣздъ, и въ пяти поясахъ правду узнать.
105. Къ счастью Зевесовыхъ звѣздъ сіянье и хищнаго Марса,
 Какъ и Сатурна звѣзда, столь роковая для всѣхъ.
 Рыбы чего насулятъ и Льва непреклоннаго знаки
 И чего Козерогъ гордый у западныхъ водъ.
 Важнымъ примѣромъ Калхасъ, ибо онъ отъ утесовъ Авлиды
110. Добрыхъ суда отвязалъ, что пріютились тамъ.
 Также и дочери онъ Агамемнона жегъ
 Въ шею вонзилъ, и Атридъ подналъ въ крови паруса.
 Но не вернулись межъ тѣмъ данав; ты, падшая Троя,
 Слезы уйми и взгляни ты на Эвбейскій заливъ.
115. Навплий изъ мести въ ночи предъ ними огни воздвигаетъ,
 И подъ добычей твоей плаваютъ греки, томясь.
 Ты похитай, Оимедъ побѣдитель, пророчицу выбравъ,
 Хоть и Минерва ее ризою увести не даетъ.
 Бросимъ исторію мы; къ твоимъ я звѣздамъ обращаюсь,
120. Только спокойно начни слушать о новыхъ слезахъ.
 Умбрій ты породилъ отъ весьма почетныхъ неватовъ.
 Я не ошибся? Иль твой край я родной угадалъ?
 Гдѣ въ долину срой Меванія въ капляхъ росистыхъ
 И Умбрійскаго въ зной озера воды теплы,
125. И на вершинѣ высотъ встающихъ возносятся стѣны,
 Стѣны; что пѣсней твоей стали извѣстнѣй тснерь;
 Кости отцовскія ты собиралъ, когда бы по вѣку
 Рано собирать ихъ, и самъ Ларомъ былъ скуднымъ стѣсненъ.
 Ибо, какъ много воловъ твою подымали запашку,
130. Все достоянье и трудъ злая вѣха отняла.
 Какъ съ неопытной шеи ты ладонку снялъ золотую
 И предъ богами родной вольную тогу надѣлъ,
 Милость тебѣ Аполлонъ внушилъ изъ собственныхъ пѣсенъ
 И на рынокъ гремѣтъ грубомъ въ рѣчахъ воспретилъ.
135. Ладъ же элегии ты, дѣло хитрое, вотъ тебѣ служба;
 Пусть, подражая тебѣ, прочая пишетъ толпа.
 Службу Венерѣ снесешь въ ея ты любовныхъ доспѣхахъ,
 И полевнымъ врагомъ мальчикамъ будешь ея.
 Пальмы побѣдныя всѣ, ты сколько бы ихъ ни сготовилъ

140. Долгимъ трудомъ, у тебя дѣва исхитить одна.
 Какъ бы удачно крѣпка ты ни трясъ, что засѣлъ въ подбородкѣ,
 Все ни къ чему, а концомъ все онъ прихватить тебѣ.
 Будешь видѣть и ночь, и день по ея приказанью,
 Капля также изъ глазъ, коль не велить, не падеть.
145. Тысячи стражей тебѣ и печать не поможетъ у двери,
 Если пошла на обманъ, щелки довольно съ нея.
 Вотъ теперь хоть бы твой корабль боролся съ волнами,
 Иль на оружіе ты шель безоружнымъ врагомъ,
 Иль, содрагаясь, земля широкую часть разверзала,
150. Восьминогаго ты грознаго Рака страшись.

II.

Вертуниъ.

- Что двинься въ одномъ моемъ тѣлѣ столь многимъ ты формамъ?
 Признаки родины ты въ богѣ Вертуниѣ признай.
 Самъ я тускъ, и отъ тусковъ испелъ, и не жаль мнѣ нисколько,
 Что отъ Волсинскихъ бѣжалъ я среди войнъ очаговъ,
5. Радъ здѣсь толгѣ, не ищю я храма изъ кости слоновой;
 Мнѣ на Римскій одинъ форумъ довольно глядѣть.
 Нѣкогда тутъ Тиберинъ свой путь пролагалъ, и толкують,
 Веселье слышался звукъ, бьющихъ по мелкой водѣ.
 Но когда уступилъ своимъ онъ на столько питомцамъ,
10. Я Вертумною зовусь отъ повернувшей рѣки.
 Иль что, какъ вертится годъ, я первый и плодъ предвкушаю,
 Думаютъ, что посвященъ долженъ Вертуниу онъ быть.
 Первые лишь у меня виноградные грозды пестрѣютъ
 И наливать молочкомъ волосъ колосевъ пойдетъ.
15. Сладкія вишни ты тутъ и осеннія сливы увидишь,
 И шелковица начнетъ въ жаркое время краснѣть.
 Здѣсь прививальщикъ вѣнокъ плодоносный кладетъ по образу,
 Ежели груша ему яблокъ насильно даетъ.
 Лживые толки, вы вредъ! Другой есть указчикъ прозванья:
20. Вѣрите, когда про себя станетъ самъ богъ говорить.
 Благопріятна моя природа для всѣхъ превращеній.
 Ты куда хочешь верти, буду прекрасенъ во всемъ.
 Въ Косскія ткани одѣнь: я дѣвою стану любезной;
 Кто же, будь тога на мнѣ, мужа бѣ во мнѣ не призналъ?

25. Дай мнѣ жосу, увей мнѣ лобъ перекрученнымъ сѣномъ,
Ты поклянешься, что я самъ эту траву косилъ.
Я и въ оружьи бывалъ и, помню, меня въ немъ хвалили;
Съ полной кошицею былъ я настоящимъ жнецомъ.
Трезвый отъ ссоръ я бѣгу; но только вѣнокъ я надѣну,
30. Ты закричишь, что вино мнѣ прилило къ головѣ.
Голову митрой укрась, я стану похожъ на Іакха;
Стану на Феба похожъ, ежели плектръ мнѣ вручишь.
Сѣти неся, я ловець; когда же беру камышину,
Я богъ Фавнъ и иду прямо пернатыхъ ловить.
85. Видь возницы Вертумнъ принимаетъ, и даже такого,
Что перепоситъ себя ловко съ коня на коня.
Коль подойдетъ, стапу рыбу ловить этой тростью, иль статно
Въ длинной туникѣ пойду всюду разнощикомъ я.
Я могу пастухомъ склоняться надъ посохомъ, или
40. Въ самой даже пыли розы нести въ кузовахъ.
Что жъ мнѣ еще прибавлять, чѣмъ больше всего я забочусь,
Чтобы садовыхъ даровъ милыхъ держать мнѣ въ рукахъ.
Синій слегка огурецъ, и брюхомъ распушая тыква,
И капуста, свита лыкомъ, меня выдають,
45. Да и въ лугахъ нѣтъ цвѣтка, чтобы надѣтнй, красиво,
Онъ на лбу у меня первымъ изъ всѣхъ не увялъ.
И за то, что одинъ я во всякіе виды вертѣлся,
Имя, согласно дѣламъ, далъ мнѣ родимый языкъ.
Самъ ты, Римъ, присудилъ мнѣ возданіе тускамъ,
50. Вотъ и понынь одна улица Тусской слыветъ.
Тою порою, какъ пришелъ Ликомедій съ союзной дружиной
И сабинскую всю Тація силу разбилъ,
Видѣлъ я, какъ ихъ строй колебался, и конья ронялись,
И какъ постыдно враги къ бѣгству казали свой тылъ.
55. Свѣтель мощный боговъ, даруй, чтобъ у ногъ моихъ вѣчно
Римская въ тогахъ своихъ здѣсь приходила толпа.
Шесть осталось стиховъ; тебя, что бѣжишь по повѣсткѣ,
Не задержу: моего бѣга тутъ самый предѣлъ.
Былъ я кленовый чурбанъ, поспѣшно отесанъ до Нумы,
60. И въ пріятномъ мнѣ былъ городъ бѣдный я богъ.
Но тебѣ-то, Мамурій, статуи мѣдной чеканщикъ,
Пусть у осковъ земля рукъ мастерскихъ не гнететь,

Что сумѣлъ ты меня отлить столь способнымъ на дѣло.
Вещь-то одна, не одна вещь такой похвала.

III.

Письмо Аретузы къ Ликотѣ.

- Шлетъ вотъ это письмо своему Аретуза Ликотѣ,
Если такъ часто вдали можешь быть названъ монимъ.
Если при чтеньи тебѣ мѣстами что будетъ неясно,
То затертое все слезы размыли мон.
5. Иль, если буква тебя собьетъ невѣрной чертою,
Будетъ моею-то руки ужъ замирающій знакъ.
То на востокѣ тебя опять увидѣли Бактры,
То неприязненный Невръ, бронью одѣвшій коня,
Гети съ холодной зимой, въ расписанной бриггѣ колесницѣ,
10. И у восточныхъ морей Индѣ, омрачившій свой цвѣтъ.
Это ль супружнй союзъ и мнѣ обреченныя ночи,
Какъ, незнакома ни съ чѣмъ, пылкому я предалась?
Факель, что шель впереди моихъ проводовъ, какъ предсказанье,
Отъ костра зажигалъ мрачное пламя свое.
15. Окроплена я была изъ Стигійскаго озера; клали
Мнѣ повязку не такъ; замужъ безъ бога я шла.
Ахъ, бесполезно висать на дверяхъ всѣхъ мон приношенья,
Вотъ ужъ четвертый тебѣ лагерный тку я хитонъ.
Горе тому, кто срубилъ въ частоколъ неповинное древо.
20. И изъ хрипчивыхъ костей грустную сдѣлалъ трубу.
Хуже онъ Окпа того, что канать все крутитъ согнувшись,
И вовѣкъ только онъ кормить твой голодь, осель.
Панцирь-то нѣжныхъ твоихъ не жжетъ ли плечь, разкажи мнѣ,
Не потираетъ ли рукъ мягкихъ и тяжесть копья?
25. Лучше пусть это вредить, чѣмъ дѣва бѣзъ какою зубами,
Знаками, скорбными мнѣ, шею пятнала твою.
Ты, говорятъ, похудѣлъ въ лицѣ, но я бы желала,
Чтобъ отъ стремленья ко мнѣ блѣдность явилась твоя.
Я же, какъ вечеръ мнѣ тѣ горькія ночи приводитъ,
30. Стану дослѣхи твои, гдѣ ни лежать, цѣловать.
Тутъ я ропщу, что покровъ не по всей разостланъ постели,
И что, глашатые дня, птицы еще не поютъ.

- Въ зимнія ночи тебѣ я въ лагерь готовлю работу,
Тирской шерсти набравъ лучшей себѣ на челнокъ,
35. И узнаю, гдѣ Араксъ, все не взятый еще, протекаетъ,
Сколько пароянскій и конь миль пробѣжитъ безъ воды,
И стремлюсь изучить таблицу съ рисунками свѣта,
И какія мѣста мудрый назначилъ тамъ богъ,
Гдѣ цѣпенѣтъ земля отъ стужи, гдѣ съ жару пылится,
40. Вѣтеръ какой паруса прямо въ Италию мчить.
Только подсядетъ сестра да кормилица, блѣдная съ горя,
Божится, что отъ поры зимней задержка тутъ вся.
Ты, Ипполита, счастливица! грудь одѣвала нагую
Въ папцырь, и голову ты нѣжную прятала въ шлемъ.
45. О, когда бы открытъ и римскимъ былъ женщинамъ лагерь,
Я бы въ походахъ твоихъ вѣрной поклажей была.
Не задержали бъ меня и Скиѣскія горы, какъ стужей
Африкъ отецъ превратилъ воды глубокия въ ледъ.
Всюду любовь велика, въ супругѣ жъ заявленной больше:
50. Тутъ раздуваетъ, чтобъ жилъ, факель Венера сама,
Что мнѣ въ томъ, что блеститъ пунійскимъ пурпуръ отливомъ
И на рукахъ у меня камни чистѣйшей воды?
Глухо кругомъ все молчитъ: привычная развѣ въ Календы
Ларовъ запертыхъ едва вскроетъ служанка одна.
55. Главки, собачки моей, мнѣ стонущій голосъ пріятель,
Мѣсто въ постели твое только она заняла.
Въ храмы цвѣтовъ я несу, одѣваю распутья вѣтвями,
И можжевельникъ трещитъ, сложенъ на древній очагъ.
Если усѣвннійся смѣхъ простопетъ на кровлѣ сосѣдней,
60. Или лампада, свѣта скудно, спросила вина,
Это весеннихъ ягнать въ тотъ день предвѣщаетъ убійство,
И, подсучившись, ждуть новой поживы попы.
Славу ты такъ не цѣни, умоляю взобратъ на Вактры,
Иль у душистыхъ вождей ткани льняныя отнять,
65. Какъ замечутъ пращи свинцовыми глыбами всюду,
И съ обращенныхъ коней лукъ загудитъ хитрецовъ.
Но (пустъ такъ покоришь ты Пароянскаго царства питомцевъ,
И со древкомъ пойдешь слѣдомъ побѣдныхъ коней),
Какъ перушино обѣтъ моего сохрани ты мнѣ ложа.
70. Лишь съ уговоромъ такимъ ждать бы желала тебя.

Какъ оружье во храмъ понесу къ Капенскимъ воротамъ,
То подишу: Дѣвы даръ, въ радость, что мужъ уцѣлѣлъ.

IV.

Тарпея.

- Рощу Тарпей мнѣ пѣть и холмъ Тарпей позорный,
И врагомъ занятой древняго Зевса пороги.
Въ рощѣ счастливой была плещемъ приукрыта пещера,
Много шумѣло деревъ въ плескъ самородныхъ ключей;
5. Домъ Сильвана въ тѣни, куда овецъ завывала
Къ пойлу въ полуденный яной голосомъ сладкимъ свирѣль.
Тацій этотъ-то ключъ кленовымъ обещъ частоколомъ,
И, наваливши земли, вѣрши свой лагерь вознесъ,
Чѣмъ въ ту пору былъ Римъ, какъ трубачъ куреть по сосѣдству
10. Звучомъ могъ сотрясать долгимъ Зевеса скалу?
Тамъ, гдѣ нынѣ странамъ побѣжденнымъ даются законы,
Римскій нашъ форумъ могли копы сабинцевъ занять?
Горы служили стѣной, гдѣ курія нынѣ въ оградѣ;
Тамъ изъ ключа напоялъ врагъ боеваго копя,
15. Черпала тутъ изъ ключа для богини Тарпей, и темя
Обременяла ея урна изъ глины простой.
Знать, не довольно одной было смерти для дѣвы преступной,
Что обмануть твой огонь, Веста, рѣшиться могла?
Тутъ увидала она, какъ Тацій, готовясь средь поля,
20. Гривы златистой поверхъ пестрымъ оруьемъ махалъ.
Дивны и ликъ ей царя, и царскіе эти доспѣхи,
И при забвеньи ея выпала урна изъ рукъ.
Часто напрасно она винила Луну за предвѣстья
И собиралась за то въ рѣчкѣ смочить волоса.
25. Часто сребристыхъ лилей несла она нимфамъ любезнымъ,
Чтобъ не вредилося лице Тація римскимъ копьемъ.
Какъ восходила въ туманъ Капитолія съ первымъ лишь дымомъ,
То, еженикой подравъ руки, являлась назадъ,
И, сидя на своей скалѣ, Тарпея стояла
30. О мученьяхъ, что ей близкій Зевесъ не прощалъ.
„Лагерные вы огни и Тація ратная ставка
И на глаза все мои дивный сабинскій уборъ,

- О, когда бы въ плѣну я сидѣла у вашихъ пенатовъ,
Только бѣ въ плѣну моего Тація видѣть лице.
35. Римскія горы и къ нимъ прилегающій Римъ, да и Веста,
Что предѣ позоромъ моимъ станеть стыдиться, прощай,
Конь тотъ въ лагерь мою любовь да снесеть, тотъ же самѣй,
Коему Тацію лишь самъ гриву направо владеть.
Диво ль, что Сцилла щадить отцовскихъ волосъ не хотѣла?
40. Что обратилось во псовъ чистое чресло ея?
Дивно ли, что преданье рога у чудовища брата,
Какъ, собираяся, нить вскрыла извивы пути?
Что за великій позоръ я дѣвамъ Авзонскимъ готовлю,
Грѣшница, избрана блюсть дѣвственнѣйшій этотъ очагъ!
45. Если кого удивить угасшій огонь предѣ Палладой,
Пусть онъ простить: Вѣдь алтарь залили слезы мои.
Завтра, какъ носится слухъ, по всему стануть городу биться;
Ты же хребетъ забирай выси нагорной въ росѣ.
Скользокъ весь путь и лукавъ: потому что обманчиво вѣчно
50. На протажениі всемъ воды онъ молча таитъ.
О, когда бѣ заговоръ я знала магической музы!
Быль бы, красавецъ, тебѣ въ помощь подобный изметъ.
Шитая тога къ лицу лишь тебѣ; не тому, кто безъ чести,
Матери грубымъ сосцемъ дикой волчицы вскормленъ;
35. Гостьей, царицею ли въ твоихъ рождать мнѣ чертогахъ,
Преданный Римъ не плохимъ выйдетъ приданнымъ тебѣ.
Если жь не такъ, чтобъ не быть похищеннымъ сабинкамъ безъ мести,
Также похитъ и меня; мѣрой за мѣру воздай.
Я могу разлучить ряды воюющихъ: жены,
60. Вы подѣ навидкой моей свой закрѣпляютъ союзъ.
Ты, Гименей, прозвучи; трубачъ, не труби ты свирѣпо,
Вѣрьте, что ложе мое ваши доспѣхи смиритъ.
Уже четвертый рожокъ появленіе дня возвѣщаетъ,
Самыя звѣзды склонясь падаютъ ужъ въ океанъ,
65. Буду стараться уснуть: О тебѣ бы желала я грезить,
Лишь благосклонной явись тѣпью моимъ ты глазамъ".
Проговорила и сну предала невѣрному руки,
Не сознавая, что вновь лишь на терзанья легла.
Ибо Троилской золи охрана надежная Веста
70. Множить вину и къ костямъ факелы клонить у ней.

- Та какъ стримонеа летить, что около струй Термодонта,
Изорвавши покровъ, съ грудью раскрытой слѣшнеть.
Праздникъ въ городѣ былъ, Палилинъ названъ у предковъ,
Этотъ самый и день первымъ для стѣнъ начался.
75. Пиръ годовой пастуковъ, и въ городѣ самомъ игрища;
Какъ сластями въ края сельскія блюда полны;
И черезъ порознь лежащія кучи зажженнаго сѣна
Грязныя ноги свои пьяная мечеть толпа.
Ромулъ стражѣ велѣлъ для отдыха всей разойдтися
80. И, прервавши трубу, лагерю смолкнуть совсѣмъ.
Это-то время избравъ, Тарпея врага отыскала.
И, заключа договоръ, стала въ немъ частью самой;
Трудеиъ былъ на гору всходъ, ее и покинули въ праздникъ.
Везъ замедленья разить мечъ ея громкихъ собакъ;
85. Все приглашало ко сну, но только единый Юпитеръ
Постановилъ не дремать надъ наказаньемъ своимъ.
Вратъ охрану предавъ и лежащую также отчизну,
Просить она, чтобы самъ свадьбы назначилъ онъ день.
Только Тацій (и врагъ не воздалъ преступленью почета):
90. „Замужъ иди, ей сказать, въ царское ложе вступи“.
Вымолвилъ и завалилъ ее провожатыхъ оруженъ,
Вотъ и свадебный даръ, дѣва, тебѣ подѣломъ.
Огъ Тарпея вождя и гора получила прозванье.
Въ этомъ неправой судьбы вся и награда, о стражѣ!

V.

Своднѣ.

- Терномъ земля окружи твою, о сводни, могилу,
И, что не любо тебѣ, тѣнь да возжаждетъ твоя;
Не пребываютъ въ золѣ пусть маны, и мстительный Церберъ
Лаемъ голоднымъ страшить гнусныя кости твои.
5. Ты, что къ любви преклонить Ипполита упрянца смогла бы,
Наивреднѣйшая ты птица для ложа любви.
И Пенелопу могла бы ты вынудить, вѣсти о мужѣ
Презри, съ нахальнымъ затѣмъ въ бракъ Антиноемъ вступишь.
Только она захоти, и магнитъ не потянетъ желѣза.
10. Даже и птица своимъ мячхой станетъ птенцамъ.
Только къ имѣ она соберетъ Коллинскія травы,

- И у стоячей воды быстрый откроется стокъ.
 Смѣть она колдовствомъ и лунѣ отдавать приказанья,
 И по хребту своему волкомъ казаться ночнымъ.
15. Чтобы внимательныхъ ей мужей ослѣплять ухитриться,
 Ногтемъ поровамъ она очи безвинныхъ дереть.
 И о крови моей у сына она тоже справлялась,
 И отъ жеребыхъ кобылъ мнѣ гиппомановъ лила.
 Дѣло словами она украшала, какъ лаского вѣтся,
20. И каменистый свой путь сгладить стремится ручей;
 Но если ты, Дороксанія, золото любишь востока,
 Или улитокъ, что такъ въ Тирскихъ кичатся волнахъ,
 Иль тебѣ нравится ткань Эврифильская Косской Минервы,
 И отъ Атталовыхъ ложь срѣзанный старый узоръ,
25. Иль что Оявы тебѣ пальмоносныя шлютъ на продажу,
 Иль изъ фарфора бокаль, выжженъ въ парейской печи,
 Вѣрность отринь, прогони ты боговъ, и да здравствуетъ жи-
 вость,
- И стыдливости ты вредной законъ сокруши.
 И привирать, что есть мужъ, тоже выгодно; пользуйся этимъ:
30. Только отсрочена ночь, пуще вернется любовь.
 Если полезный тебѣ его гнѣвъ волоса и всклочочеть,
 Тутъ-то, какъ миръ покупать станетъ, его и прижми.
 Даже когда покупныхъ общаешь ты радость объятій,
 То насажи, что пришли чистой Изиды тѣ дни.
35. Пусть Юла ввернетъ объ апрѣлѣ тебѣ, а Амикла
 Трубить, что къ Идамъ какъ разъ мал рожденье твое.
 Вотъ онъ молящій сидитъ, а ты на креслѣ, что хочешь,
 То и пиши; если онъ этимъ испуганъ, онъ твой.
 Вѣчно на шеѣ храни укушеній недавніе знаки,
40. Пусть слѣдами онъ ихъ битвы взаимной сочтеть.
 Не подражай ты стыду навязчивой слишкомъ Меду,
 Презрѣнной быть ей пришлось, первой дерзнувшей молить.
 А Тансъ скорѣй дорогой щегольскаго Менандра,
 Какъ надуваетъ лихихъ гетовъ играя блудницъ.
45. Къ праву мужчины подладь: Боль пѣсенки онъ распѣваетъ,
 Не отставай, и туда жъ голосомъ пьянымъ запой.
 Пусть привратникъ не спитъ для дающихъ; а голь постучится
 Пусть непрерывно глухой спитъ надъ задвижкой онъ.
 Также пусть воинъ тебѣ не претять, для любви не рожденны

50. И морякъ, коль песеть дельги въ мозольной рукѣ;
Или же тѣ, чей титулъ висѣлъ на варварской шеѣ,
Какъ намѣленнымъ пришлось имъ среди рынка скакать.
Только на злато смотри, не на руку, принесшую злато.
Что же, прослушавъ стихи, кромѣ ты словъ унесешь?
55. Что за польза, о жизньъ, въ волосахъ красовато уборныхъ,
Или же складки носить тонкія косскихъ одеждъ?
Кто стиховъ подарить, но не дастъ тебѣ косской одежды,
Лира того для тебя будь безъ искусства нѣма.
Кровь куда свѣжа и лѣтамъ неизвѣстны морщины,
60. Пользуйся, чтобы лица завтрашній день не измалъ.
Видѣла я, какъ цвѣли благовоннаго Пестума розы,
А завтра ихъ всѣ Ноть оналилъ и свалилъ.
Этимъ, какъ душу мучила подруги моей Акантида,
То черезъ кожу у пей кости всѣ можно бы счесть.
65. Но съ ожерельемъ прими, о царица Венера, голубку,
Что я зарѣзалъ какъ дань передъ твоимъ алтаремъ.
Видѣлъ я, какъ поднялась въ морщинистомъ горлѣ перхота,
Какъ промежъ рѣдкихъ зубовъ съ кровью бѣжала слюна,
Какъ она духъ свой гнилой испускала на отчей рогожкѣ,
70. Холодъ подъ крышей стоялъ съ мералымъ ея очагомъ,
Смертнымъ убранствомъ волосъ ея рѣдкихъ лежала повязка
Краденая, и чепецъ, что излежался въ пыли.
Тутъ же и та, на бѣду мнѣ, чуткая слишкомъ собака,
Какъ приходилось тайкомъ пальцемъ засовъ отпирать.
75. Своднѣй могилою будь съ отбитымъ горломъ амфора,
Ты нагнетай-ка ее, дикой смоковницы кустъ.
Всякъ, кто любить, видай на холмъ ей грубыхъ каменьевъ,
Да прибавляйте еще къ камнямъ ругательныхъ словъ.

VI.

Объ Акціумской морской битвѣ.

- Жертву приносить пѣвецъ, уста соблюдайте молчанье,
И предъ моимъ алтаремъ телка пускай упадетъ.
Съ филетейскимъ плющемъ вѣнки пусть римскіе спорять,
И Киренейской воды урна пускай подаетъ.
5. Нѣжнаго косту вы мнѣ и ладона почестъ вручите,
Трижды обвинивши алтарь, кругъ шерстяной обойди.

- Влагой кропите меня и флейта изъ кости слоновой
И мигдонская кадъ новый алтарь освяти.
- Прочь отсюда обманъ: Пусть вредное вѣтеръ увоситъ,
10. Новый путь для пѣвца лавръ цѣломудрый смягчить.
Муза, будемъ мы пѣть Палатинскаго храмъ Аполлона:
Вотъ, Калліона, предметъ, ласки достойный твоей.
Имя Цезаря мы воспоемъ; когда воспѣваемъ
Цезаря, то, я молю, самъ ты, Зевесъ, обожди.
15. Есть у Феба притонъ, въ Атаманскій вбѣгающій берегъ,
Гдѣ воспріемлетъ заливъ гулъ Іонійской воды.
Іулійскихъ судовъ то море Актійскаѣ память,
Для общаній пловцовъ не обязательный путь.
Силы тутъ міра сошлись; сосновая стала громада
20. Въ морѣ; не равный удѣлъ птицы сулили гребцамъ.
Тамъ и флотъ былъ другой, проклятый Теввромъ Квиринномъ,
И копье, ко стыду, поднято женской рукой.
Здѣсь флотъ Августа, вздувъ подъ охраной Зевеса вѣтрила,
И значки побѣждать свичные родинѣ въ честь.
25. Строн Нерей наконецъ изогнулъ двойною дугою,
И отъ оружія блескъ брошенъ дрожить на водѣ.
Фебъ тутъ, повинувъ Делось, что сталъ по его повелѣнью,
(Ибо подвиженъ сперва злобу терпѣлъ онъ вѣтровъ)
Надъ кормою у Августа сталъ и пламенемъ новымъ
30. Засвѣтилъ, размахнувъ три раза факеломъ въ боги.
Не появился онъ тутъ, волоса распустивши по шеѣ,
Съ кроткою лирой своей изъ черепахи не пѣлъ.
Но какимъ пригрозилъ Пелопиду онъ Агамемнону
И заставилъ огнемъ лагерь Дорійскій бѣжать;
35. Или какимъ онъ разсѣкъ Пиѳона, что, въ кольца свиваясь,
Проползалъ и внушалъ лирамъ незлобивымъ страхъ.
Тутъ онъ молвилъ: „О ты, изъ Альбы блюститель вселенной,
Августъ, славнѣйшій еще предковъ Троянскихъ своихъ:
На морѣ ты побѣждай, земля ужъ твоя, тебѣ лукъ мой
40. Служить, и все, что теперъ плечи мои таготить.
Родины страхъ разрѣши, которая нынѣ, каратель,
Всѣхъ возлагаетъ мольбы на корабль у тебя.
Ежели ихъ не спасешь, то стѣпы воздвигнувшій Ромулъ
Птицъ палатинскихъ полеть не по добру увидалъ.

45. О, что за дерзость у веслы! Постыдно Латинскому морю
 Флаги царицы терпят тамъ, гдѣ начальствуешь ты.
 Ты не страшись, что ихъ флотъ окрыляется сотнями весель,
 Противъ желанья лишь онъ моря по немъ и скользнуть.
 Хоть на носсахъ кораблей и центавры, грозящіе камнемъ,
50. Дерево пустое и страхъ въ нихъ живописный найдешь.
 Въ воинѣ силу крушить и возносить его убѣжденье:
 Въ дѣлѣ неправомъ изъ рукъ стыдъ выбиваетъ доспѣхъ.
 Время пришло: напусти корабли; я, время избравшій,
 Съ лавромъ въ рукѣ поведу Юлиевы корабли“.
55. Рекъ, и на лукъ онъ всего истощаетъ бремя колчана,
 Вслѣдъ за лукомъ сейчасъ Цезаря было копье.
 Римъ побѣдилъ, какъ Фебъ предсказалъ, а жепѣ наказанье.
 Сломанный скипетръ ея мчитъ Ионійской волной.
 А съ Идалійской звѣзды отецъ изумляется Цезарь,
 „Богъ я, онъ молвить, и вотъ кровь оправдалась моя“.
60. Слѣдомъ Тритонъ затрубилъ, за нимъ и богини морскія
 Всѣ рукоплещутъ вокругъ освобожденныхъ значковъ.
 Та на проворной ладѣ бѣжитъ, злополучная, къ Нилу,
 Съ тѣмъ лишь чтобъ умереть ей не въ назначенный день.
65. Бога судили не то. Какъ женщинѣ выйдти триумфомъ
 На пути, гдѣ еще прежде Югурту вели!
 Памятникъ тутъ приобрѣлъ себѣ Фебъ Актіійскій тѣмъ самымъ,
 Что одною стрѣлой десять разилъ кораблей.
 Битвы довольно я пѣлъ, Аполлонъ уже требуетъ цитру,
70. Снявши доспѣхи свои, въ хоръ побѣдитель спѣшивъ.
 Нипѣ отрадные пусть пиры наступаютъ и пѣсни,
 Нѣжныя розы пускай свѣсятся съ шеи моей.
 Пусть польется вино, что въ тискахъ выжималось фалернскихъ,
 Трижды пусть намъ волоса цвѣтъ килікійскій ульетъ.
75. Муза пускай раздражитъ восторгъ у пьяныхъ поэтовъ,
 Вакхъ, ты приносишь плоды Фебу всегда своему.
 Пусть тотъ славить, какъ мы покорили болотныхъ сигамбровъ,
 Тотъ Цефея Мерой смугляна царства поетъ,
 Этотъ разкажетъ, какъ парѣ, хотъ поздно, къ союзу склонился,
80. Рема отдай онъ значки, скоро онъ выдастъ свои.
 Или, коль Августъ еще падитъ колчаны востока,
 То для своихъ сыновей тѣ онъ трофей хранить.

Радуйся, Крассъ, если что ты въ пескахъ своихъ чувствуешь
темныхъ,

Черезъ Евфратъ къ твоему можно идти намъ холму.

85. Такъ я за чашей всю ночь проведу и за пѣсней, доколѣ
Мнѣ на вино мое день яркіе кинетъ лучи.

VII.

О Цинтіи.

Маны однако же есть, не все прекращается смертью,

И, побѣдивши костеръ, блѣдная тѣнь возстаетъ.

Ибо къ постели моей я склоненную Цинтію видѣлъ,

Ту, что зарыли въ копцѣ шумной дороги на дпяхъ.

5. Какъ волновался мой сонъ за погребеніемъ милой,
И о холодномъ своемъ царствѣ я ложа скорбѣлъ.
Волосы были у ней, какъ ее уносили, все тѣ же;
Тѣ же глаза, подгорѣлъ край у одежды ея.
И обычный бериллъ на пальцѣ былъ пламенемъ тронуть,
10. Да отъ Летейской струи цвѣтъ потеряли уста.
И, какъ живая, она испустила слова; у нея же
Хрустнули пальцы притомъ, какъ у ослабленныхъ рукъ.
„О измѣнникъ, какихъ и не можетъ для дѣвы быть хуже,
Или ужъ сонъ надъ тобой могъ эту власть получить,
15. Или успѣлъ ты забыть продѣлки безсонной Субуры,
Да и въ окошкѣ моемъ рядъ походовъ ночныхъ?
Сколько и разъ въ пемъ, къ тебѣ спустивши веревку, висѣла,
Поперемѣпно рукой къ шеѣ твоей нисходя!
Часто на улицѣ мы отдавались Венерѣ и, сблизивъ
20. Груды, дорогу не разъ мы нагрѣвали плащемъ.
О этотъ тайный союзъ! слова его, полныя ложью,
Не допустивъ до боговъ, тотчасъ же Ноть разносилъ.
Но никого не нашлось, чтобъ закрыть мнѣ глаза передъ смертью;
Еслибъ позвалъ ты, одинъ я испросила бы день.
25. Подлѣ меня не трещалъ на тростинѣ прорѣзанной сторожъ,
Жесткій лежалъ у меня подъ головою кирпичъ.
Кто же и видѣлъ тебя, какъ меня хоронили, поникшимъ?
Или что черную ты тогу слезами согрѣлъ?
Если лѣнился идти ты еще за ворота, велѣлъ бы
30. Хоть и дотуда идти тише одру моему.

- Неблагодарный, зачѣмъ подѣ костеръ самъ вѣтровъ не звалъ ты?
 Нарда зачѣмъ не слышать въ пламени было моему?
 Тяжко ль то было тебѣ? Ничего бы не стоило кинуть
 Гиацинтовъ, или кружку разбить надъ костромъ.
35. Надо Лигдама палить, для раба пусть калится желѣзо.
 (Я поняла, что вино блѣдное злобы пила).
 Хитрая Нома пускай сокровенныя штучки откинетъ,
 Та, что недавно для всѣхъ выставялась въ продажныя ночи,
40. Платье съ каймой золотой нынѣ влачить по землѣ;
 И неподильный урокъ выдаетъ въ неравныхъ корзинахъ
 Той, что болтливо мое лишь поманула лице.
 И Петалу за то, что вѣнки мнѣ спесла на могилу,
 Гнусной колодки теперь тяжесть старуху гнететь.
45. Также и Лалагу бьютъ, за кручспую косу повѣсивъ,
 Только за то, что молить именемъ смѣла моимъ.
 Изображенъе мое золотое ты далъ ей расплавить,
 Чтобы приданымъ съ костра ей моего получить.
 Но не стану я мстить, хотя ты и стоишь, Проперцій:
50. Длилося царство мое въ свиткахъ довольно твоихъ.
 Я предъ тобою клянусь неотмѣнною пѣснею Парокъ,
 Пусть мнѣ такъ мягко звучитъ голосъ трехглаваго пса,
 Вѣрной тебѣ я была. Если лгу, то змѣя на могилѣ
 Пусть шипитъ у меня и надъ костями лежитъ.
55. Ибо двойной есть предѣлъ, указуемый гнусной рѣкою,
 Въ разныя стороны вся ѣдетъ на веслахъ толпа.
 Тутъ Клитемнестра плыветъ любодѣйка, а тутъ у критянки
 Страшный изъ дерева ликъ лживой коровы плыветъ.
 Вотъ на вѣичанной ладѣ плыветъ туда часть и другая,
60. Гдѣ вѣтерокъ шевелитъ розъ елисейскихъ листки,
 Гдѣ благозвучіе струнъ и округлыхъ литавровъ Цибелы,
 И лидійскій звучитъ плектръ хоровода въ чалмахъ,
 Гдѣ Андромеда и съ ней Гипермнестра въ замужствѣ вѣжн-
 вомъ,
- Славныя жепы свои повѣсти передаютъ.
65. Плачется та, что у ней изъ-за матери руки отъ дѣви
 Сини, и холода скалъ не за что знать было имъ.
 О дерзновенья великомъ сестеръ говорить Гипермнестра,
 Что на подобное зло духу не стало у ней;
 Такъ потоками слезъ исцѣляемъ мы горькое въ жизни.

70. Не раскрываю вины многихъ твоихъ я измѣнъ.
Нынѣ жь прошу я тебя, если будешь случайно растроганъ,
Если Дориды травой ты не сполна увлеченъ:
Чтобъ не нуждалася въ чемъ Парфенія няня въ дрожащихъ
Лѣтахъ; доступна была и не корыстна съ тобой.
75. Пусть дорогая моя Латриса, по службѣ ей вмя,
Зеркала не подаетъ новой уже госпожѣ.
Да и всѣ тѣ стихи, что во имя мое написалъ ты,
Ты мнѣ сожги. Перестань мнѣ воздавать похвалы.
Плющъ съ могилы гони, который, развѣсивши кисти,
80. Нѣжныя кости мои вяжетъ сплетеньемъ усовъ.
Гдѣ къ плодоноснымъ полямъ свергается Аніо въ пѣнѣ,
И пожелтѣть не дасть кости слоновой Иракль,
Тамъ на колоннѣ ты мнѣ начерти достойную надпись,
Но коротко, чтобъ мелькомъ вѣдущій могъ прочесть:
85. „Въ лонѣ Тибурской земли золотая тутъ Цинтія скрыта:
Прибыло славы твоимъ, о Аніенъ, берегамъ“.
Не презирай ты и сновъ, что изъ вратъ честныхъ излетаютъ,
Благочестивые сны эти имѣютъ свой вѣсъ.
Ночью мы носимся. Ночь выпускаетъ плѣнныя тѣни,
90. Самый и Церберъ тогда бродить, покинувши цѣпь.
Къ свѣту законы велятъ къ водамъ возвращаться Летейскимъ;
Мы и плывемъ, а гребець всѣхъ провозимыхъ сочтеть.
Нынѣ ты будь для другихъ, но скоро къ одной мнѣ вернешься.
Будешь со мной, и смѣшавъ кости съ костями прильну“.
95. Только враждуя со мной, довела до конца она ропоть,
Ужъ отъ объятій моихъ скрылася легкая тѣнь.

VIII

О Цинтіи.

- Слушай, что подняло въ эту ночь весь влажный Эсквилій,
Какъ побѣжала толпа ближняя къ новымъ полямъ.
Престарѣлый драконъ охраняетъ издревле Ланувій
Тамъ, гдѣ и часу терпѣть въ зрѣлищѣ рѣдкомъ нельзя,
5. Гдѣ обрывается спускъ таинственный темною пастью,
Гдѣ проходятъ (такихъ, дѣва, всѣхъ бойся путей)
Змѣю голодному дань, когда годичную пищу
Требуетъ онъ и шипя гѣветъ изъ нѣдра земли.
Спущены жертву принесть подобную дѣвы блѣднѣютъ,

10. Нѣжныя руки свои вѣривши пасти змѣи.
Тѣ, что дѣва ему протянула, хватаетъ онъ яства,
А на дѣвичьихъ рукахъ даже корзинки дрожать.
Если невинны онѣ, то обнимутъ родителей снова,
И земледѣльцы кричатъ,—годъ урожайный идетъ.
15. Цнѣтія на маштачкахъ подстриженныхъ тутъ подватила,
Ради Юноны, не то ради Венеры скорѣй.
Аппія путь, разкажи, какой триумфъ ты увидѣлъ,
Какъ колеса ея мчались по камнямъ твоимъ.
Какъ въ харчевнѣ глухой загудѣла гнусная ссора,
20. Хоть безъ меня, но никакъ славѣ моеѣ не къ добру.
Зрѣлицемъ стала она на переднемъ сидѣннѣ надъ дышлою,
И дерзнувъ направлять бѣгъ по зазорнымъ мѣстамъ,
Уже о серской мочу я двуколѣ съ подципаннымъ мотомъ,
И о запястьяхъ поверхъ шеи молосскихъ собакъ.
25. Хоть и придется ему изъ-за мерзостной пищи продаться,
Какъ одолѣетъ къ стыду щеки бритьемъ борода.
Если ужъ столько обидъ причинилоя нашему ложу,
Въ лагерь вступить я иной вздумалъ, мѣняя постель.
Тутъ Филлида живетъ вблизи Апентинской Діаны,
30. Въ трезвой въ ней мало отрадъ, выпьетъ—и все въ ней краса.
Тейя, другая краса, живетъ возлѣ роуцн Тарпейской,
Но когда подопьетъ, — мало ужъ ей одного.
Ихъ-то вотъ пригласить, чтобы ночь скоротать, я рѣшился,
И въ неизвѣстныя мнѣ тайны пуститься любви.
35. Было въ укромной тѣни для троихъ единое ложе.
Спросишь ты, какъ мы легли? — Я находился межъ двухъ.
Былъ при чашахъ Лигдамъ, со стеклянною лѣтней посудой,
И изъ Метимна вино съ греческой пѣной своеѣ.
Съ Нила былъ флейщикъ притомъ, съ гремушками также
Филлида,
40. И разбросать безъ искусствъ чудныхъ достаточно розъ.
Также и карликъ, въ своихъ короткихъ сросшійся членахъ,
Крошки рученки швырялъ, дуя въ просверленный букъ.
Но не горѣли свѣтло съ подливаемымъ масломъ лампы,
Навзничъ и крыша стола къ ножкамъ свалилась своимъ.
45. Мнѣ жъ, какъ Венеры искалъ я, кости кидая на счастье,
Прыгали все на бѣду только собаки однѣ.
Цѣли глухому онѣ и грудь предъ слѣпымъ обнажали.

- У Ланувійскихъ воротъ былъ я всецѣло увъ!
 Какъ внезапно врюки зазвучали хрипливо на стойкахъ,
 50. И изъ передней въ дому легкой слышался шумъ.
 Безъ замедленія дверь раскинула Цинтія настезь,
 Не разукрасивъ волосъ, но и въ сердцахъ хороша.
 Кубокъ тотчасъ упалъ у меня изъ ослабнувшихъ пальцевъ,
 И поблѣднѣли уста, уже касаясь вина.
55. Взорами блещетъ она и, какъ женщина сможетъ, бушуетъ,
 Зрѣлище вышло вполне, городъ, что взять на проломъ.
 Гнѣвомъ пылая, огни въ лицо она мечетъ Филлидѣ,
 Тебя въ испугѣ кричитъ ближнимъ сосѣдямъ: воды!
 Вынось паружу огней смущаетъ сонныхъ Квиритовъ,
 60. И по улицамъ всѣмъ голосъ безумный звучитъ.
 Тѣхъ съ волосами въ клокахъ, въ развязанныхъ вовсе туникахъ
 Первый приеѣмлетъ трактиръ на омраченномъ пути.
 Цинтія, срывомъ гордаясь, возвращается, рада побѣдѣ,
 И злорадной рукой мнѣ поражаетъ лицо;
65. Мѣтку на шеѣ кладетъ и кровавитъ меня укушеньемъ,
 Бьетъ особливо она по виноватымъ глазамъ.
 Но какъ ужъ руки она утомила моимъ истязаньемъ,
 Вытащенъ былъ и Лигдамъ, что пританялся лѣвѣй
 Спинки кровати; и сталъ умолять моимъ геніемъ слезно.
70. Нечего дѣлать, Лигдамъ, былъ я въ плѣну, какъ и ты.
 Но воздѣяніемъ рукъ наконецъ-то добился я мира,
 Какъ допустила едва тронуть колѣна она
 И сказала: „коль ты проступку желаешь прощенья,
 Слушай, какой уговоръ будетъ изъ закопѣ моемъ.“
75. Ты ни въ Помпейской тѣни гулять разрядившись не долженъ,
 Ни, какъ посыплютъ пескомъ форумъ, манащій по немъ.
 Шею назадъ обращать на верхъ берегися театра,
 Иль чтобъ лектика тебя стала открытая ждать.
 Прежде всего же Лигдама, виновника всей этой свары,
 80. Надо продать; на ногахъ цѣпь онъ двойную влачи*.
 Ею указанъ законъ, я сказалъ: „покорюся закону“.
 И разсмѣялась она, данною властью гордаясь.
 Тутъ она каждое мѣсто, что тронули пришлныя дѣвы,
 Все окуривши, порогъ чистой омыва водой,
 85. И приказала мнѣ смѣнить всѣ покровы, и трижды

Самой моей головы сѣрнымъ коснулась огнемъ.
И затѣмъ, какъ ужъ всё одѣяла смѣнила постели
И кровать, — на одномъ ложѣ вступили мы въ бой.

IX.

О Геркулесѣ и смерти Кака.

Амфитріоніадъ въ то время, какъ стадо коровье
Онъ изъ стойлъ уводилъ, о Эритіа, твоихъ,
Къ скотообильнымъ пришелъ всепобѣднымъ холмамъ Палатин-
скимъ,

- И утомленныхъ быковъ, самъ утомленный, пустилъ,
5. Гдѣ у Велабра своя застоялась рѣка, и, раскинувъ
Парусъ, катился пловець чрезъ городскія струи.
Но не остались они у хозяина живаго Кака
Цѣлыми: Зевса своимъ онъ осквернилъ воровствомъ.
Влижнымъ сосѣдомъ былъ Какъ, похититель изъ страшной
пещеры,
10. Тотъ, что своими тремя ртами огонь испускалъ.
Онъ, чтобъ не ясны слѣды оказались видимой кражи,
Оборота, за хвосты скотъ весь въ пещеры втянулъ,
Только отъ бога не скрывъ; разгласила про вора скотина;
И у вора врата грозныя гнѣвъ сокрушилъ.
15. Пальъ подъ менальскимъ сукомъ, всё три головы проломившимъ,
Какъ, и за этимъ Алкидъ молвилъ: „Ступайте, быки,
Геркулеса быки, вы палицы подвигъ послѣдній,
Дважды стяжанье мос, дважды добыча, быки.
Долгимъ мычаніемъ тутъ освятите воловье вы поле.
20. Пастбищу вашему быть форумомъ Римскимъ въ чести“.
Молвилъ, и небо ему сухое замучила жажда,
И никакихъ ему водъ не предлагасть земля.
Не вдалекѣ услышалъ онъ смѣхъ дѣвиць заключенныхъ;
Роца кидала, кружкомъ сблизаясь, древесную тѣнь,
25. Женской богини мѣста отъемныя, ключъ подъ запретомъ;
И никому изъ мужчинъ даромъ не вскрытый пріютъ.
Прикрывали повязки пурпурныя тайну порога,
Въ храминѣ ветхой горѣлъ благоуханный огонь.
И жилью украшалъ вѣтвями огромными тополь
30. И распѣвающихъ птицъ прятала мощная тѣнь.

- Вотъ сюда прибѣжалъ съ бородою онъ, пылью покрытой,
И предъ дверями вскричалъ навкѣи богу слова:
„Вась умоляю, играющихъ въ этой священной пещерѣ,
Мужу усталому свой вскройте радушно пріютъ.
35. Жажда ключа, я брожу, а вокругъ говорливые токи;
Даже пригоршней черпнуть буду доволенъ воды.
Вы не слыхали ль о томъ, кто міръ на хребтѣ своемъ поднялъ?
Это вотъ я: спасена молитъ Алкида земля.
Кто о дѣлахъ не слыхалъ Геркулесовой палицы мощной
40. И о стрѣлахъ, что всегда мѣтки на грозныхъ звѣрей?
Какъ и стигійская тьма предъ однимъ изъ людей освѣтилась?
Къ вамъ я: усталому мнѣ еле открылся пріютъ.
Еслибы жертву самой приносили вы гнѣвной Юпонѣ,
Не отказала бъ въ своей мачиха даже водѣ.
45. Если какою мое лицо и львиная шкура
И волоса, сожжены солнцемъ либійскимъ, страшать,
Тотъ же самый служа въ сидонскомъ работалъ я платѣ
И лидійскимъ урокъ веретеномъ выпрядалъ.
Грудь шершавую мнѣ охватывалъ мягкій подгрудникъ,
50. Даже при жесткихъ рукахъ ловкой служанкой былъ я⁴.
Такъ Алкидъ говорилъ, и на это почтенная жрица,
Въ красной повязкѣ своей сверхъ бѣлоснѣжныхъ волосъ:
„Побереги ты глаза, о странникъ, уйди изъ опасной
Рощи; скорѣй уходи, цѣль отъ порога бѣги.
55. Строгъ тутъ закопъ для мужчинъ и опаснымъ грозить нака-
заниемъ,
Въ хижинѣ той въ сторопѣ мстительный здѣшній алтарь.
Вѣнцій Тирезій цѣной дорогою увидѣлъ Палладу
Въ часъ, какъ, Горгону сложивъ, мощная мылась въ водѣ.
Боги тебѣ да пошлютъ колодцевъ другихъ, тутъ источникъ
60. Тайно бѣжить въ сторонѣ, только доступный для дѣвъ⁴.
Старика молвила такъ; но стойки потрясъ онъ плечами,
И не смогла уже дверь жажды сердитой сдержать.
Только исчерпавъ потокъ, побѣдилъ онъ палящую жажду,
Еле уста осушивъ, издалъ онъ строгій законъ: ;
65. „Вотъ этотъ уголъ земли меня, свой влачащаго жребій,
Принялъ: усталому мнѣ еле открылся пріютъ.
Сей высочайшій алтарь, освященный найденнымъ стадомъ,

- Вотъ отъ этихъ, онъ рекъ, рукъ величайшимъ явась,
 Пусть не будетъ открытъ никогда молящимся дѣвамъ,
 70. Чтобъ не отмщенной совсѣмъ жадѣ Иракла не быть*.
 Здравствуй, священный отецъ, что прощенъ раздраженной
 Юноной.
- Ты, о святой, помоги мнѣ въ пѣснопѣнны моемъ.
 Такъ какъ онъ мѣръ освятилъ, своими очистивъ руками,
 Богомъ Санкомъ его Тація Куры сочли.

X.

Юпитеръ Феретрій.

- Нинѣ Зевеса Феретрія мысля раскрыть я пачало,
 И три оружія съ трехъ снятыя тоже вождей.
 Путь избираю крутой, во слава даруетъ мнѣ силы,
 Мало отрады стяжать съ выси отлогой вѣнецъ.
5. Самъ, о Ромуль, примѣръ подаешь ты пальмы подобной,
 И воротился во всемъ вооруженъ врага,
 Какъ Акрона Цѣнинскаго, бравшаго силой ворота,
 Ты, побѣдитель, копьемъ съ падшаго сбросилъ коня.
 Геркулесовъ Акронъ, предводитель Цѣнинскаго замка,
10. Былъ когда-то, о Римъ, страхомъ предѣловъ твоихъ.
 Онъ, дерзнувшій желать оружія съ плечъ у Квирина,
 Отдалъ свое, но смочивъ собственной кровью своей.
 Какъ онъ вдвигаетъ копье, его передъ башнями видить
 Ромуль, и внятой мольбой предупреждаетъ его:
15. Жертвою нинѣ Акронъ да падеть предъ тобою, Юпитеръ,
 Онъ обѣщался, и тотъ жертвой Юпитеру палъ.
 Такъ-то столицы отецъ и доблести свыкса съ побѣдой,
 Онъ, что подъ небомъ умѣлъ лагерь холодъ сносить.
 Также какъ всадникъ уздой владѣлъ онъ искусно и плугомъ.
20. Волчій и племя у него живой косматой торчалъ.
 Щитъ цвѣтной у него не блисталъ, украшенъ пиропомъ,
 Въ перевязъ мягкую шла кожа убитыхъ быковъ.
 Косецъ появился затѣмъ, сразивши Вейста Толумна,
 Хоть и великій былъ трудъ Вейи успѣть покорить.
25. Тутъ не звучала еще война черезъ Тибръ, и послѣднимъ
 Взять былъ Номентъ и полей Коры клочекъ небольшой.
 Древнія Вейи и вы были царствомъ въ оное время,

- Стулъ золотой и у васъ тоже на рынкѣ стоялъ.
 Нынѣ рожокъ пастуха лѣнливо средь стѣнъ раздается,
 30. И на вашихъ костяхъ зрѣютъ хлѣба по полямъ.
 Какъ-то на башнѣ воротъ стоялъ предводитель вейетовъ,
 И увѣренъ въ своемъ городѣ сталъ говорить.
 Но покуда таранъ рогами билъ мѣдными въ стѣну
 И наведенный снарядъ крышей былъ длинной прикрытъ,
 35. Лучше, вымолвилъ Коссъ, сойдтиса храброму въ полѣ.
 Тотчасъ же оба они стали на ровной землѣ.
 Боги латинскимъ войскамъ помогли: и шея Толумна
 Срубленная облила кровію римскихъ коней.
 Клавдій враговъ отразилъ черезъ Эриданъ перешедшихъ
 40. И бельгійскій забралъ щитъ Вирдумара вождя,
 Рослаго, что выводилъ свой родъ отъ самаго Рейна,
 И несравненно кидаль пики съ колесъ на бѣгу.
 Вотъ у него, какъ въ строю въ полосатыхъ овъ брюкахъ сражался,
 Съ шеи отрубленной въ мигъ спала зубчатая цѣпь.
 45. Нынѣ добычи всѣ три въ храмѣ; съ того ль онъ Феретрій,
 Что, при ударѣ мечемъ, вождь поражаетъ вождя;
 Иль потому, что сюда на плечахъ приносили добычу,
 Зевса Феретрія здѣсь гордый зовется алтарь.

XI.

Корнелія къ Павлу.

- Павлъ, перестань отягчать слезами мою ты могилу,
 Вскрыть никакою мольбой черныхъ дверей не дано.
 Разъ какъ только вступилъ погребенный въ подземное царство,
 Неумолимая сталъ всѣ запираеть пути.
 5. Пусть мольбы твои богъ и услышитъ во мрачномъ чертогѣ,
 Все-таки слезы твои выпьетъ тотъ берегъ глухой.
 Трогають вышнихъ мольбы; но приметъ лишь деньги паромщикъ,
 Тѣни съ костровъ за собой блѣдная дверь заключить.
 Такъ-то печальные трубы звучали, какъ голову снизу
 10. Миѣ, поджигая, съ одра факель враждебный совлѣкъ.
 Чѣмъ миѣ тутъ помогло супружество съ Павломъ, чѣмъ предковъ
 Колесницы? Или славы залогои моей?
 Были ли Парки ко миѣ, Корнеліи, менѣе злобны?
 Вотъ же я то, что пятью пальцами можно поднять.

15. Клятва ночи, и вы, озера съ теченьемъ лѣнивымъ,
 Вся и волна, что кругомъ ноги объемлетъ мон,
 Хоть преждевременно я вступила сюда невиновна,
 Тѣни моей да воздасть судъ благосклонный отецъ.
 Если жь близъ урны судьей Эакъ тутъ какой возсѣдаетъ,
20. Жребій сперва получа, кости пусть судить мон.
 Пусть возсѣдаетъ и братъ къ миносскому креслу поближе,
 И со вниманьемъ большимъ хоръ предстоитъ Эменидъ.
 Грузъ свой оставь ты, Сизифъ; уймись колесо Иксиона;
 Влаги обманчивой пусть Танталъ успѣетъ схватить.
25. Пусть сегодня Церберъ ни на чьи не кидается тѣни,
 И съ не гремящимъ замкомъ цѣпь распростерта лежитъ.
 Буду сама за себя говорить: коль солгу, въ наказанье
 Скорбная урна сестеръ пусть мнѣ плеча тяготить.
 Ежели слава кого украшала трофеями предковъ,
30. Нумантійскихъ дѣдовъ Африка мнѣ назоветъ.
 Имъ подстать и еще толпа материнскихъ Либоновъ,
 И поддержанъ своимъ каждый отличіемъ домъ.
 Тутъ какъ претекста уже уступила факеламъ брачнымъ,
 И ужъ повязкой иной волосъ былъ влажный увить:
35. Павлъ, я съ ложемъ твоимъ сочеталась, чтобъ такъ лишь раз-
 статься.
 Пусть этотъ камень гласитъ: мужъ у меня былъ одинъ.
 Прахомъ предковъ клянусь, предъ которыми ты, Римъ, прекло-
 няйся,
 Африка, павъ къ ихъ ногамъ, съ бритой лежитъ головой;
 Тѣмъ, кто Персея, на видъ подражавшаго предку Ахиллу,
40. И Ахилломъ своимъ чванпый ихъ домъ сокрушилъ,
 Что не смягчала никакъ для себя я закона цензуры,
 И ни единымъ пятномъ ларь не стыдила у насъ.
 Не повредила такимъ Корнелія пышнымъ трофеямъ,
 Нѣтъ, и въ великой семьѣ я образцовой была.
45. Жизнь не мѣнялась моя: вся она до конца безупречна,
 Прожили въ славѣ добра между двухъ факеловъ мы.
 Мнѣ природа дала по крови прямые законы:
 Чтобъ изъ-за страха судьи лучшей я быть не могла.
 Какъ бы строго меня ни судили таблички изъ урны,
50. Хуже не стать ни одной, что просидѣла со мной.

- Ни тебѣ, что смогла канатомъ снять съ мѣста Цибебу,
 Клавдія, рѣдая ты жрица богини въ зубцахъ;
 Ни тебѣ, для кого, какъ Веста огонь свой спросила,
 Бѣлое вдругъ полотно вновь оживило очагъ.
55. Милой твоей головы, я Скрибонія мать, не срамила.
 Что жь ты желала бь во мнѣ кромѣ судьбы измѣнить?
 Материнскими я и согражданъ слезами хвалима,
 Цезаря вздохи моимъ лучшей защитой костямъ.
 Онъ вопіеть, что была его дочери кровной достойна
60. Жизнью сестра; и при всѣхъ слезы у бога текли.
 Все же почетную я себѣ заслужила одежду,
 Не изъ бесплоднаго я дома изъята судьбой.
 Ты, мой Ленидъ, и ты, Павль, моя и по смерти отрада,
 Даже смежились мои очи на вашей груди.
65. Дважды видѣла я на курульномъ креслѣ и брата;
 Только онъ консуломъ сталъ, тутъ умчало сестру.
 Дочь, ты была рождена образцомъ цензуры отцовской,
 Мнѣ подражая, держись мужа на вѣкъ одного.
 Поддержите свой родъ потомствомъ; отвязывать рада
70. И челнокъ, чтобы золь не умножала судьба.
 Женскаго высшая въ томъ состоитъ награда триумфа,
 Если свободно молва хвалить потухшій костеръ.
 Нынѣ тебѣ, какъ залогъ я общій, дѣтей поручаю.
 Эта забота о нихъ дышетъ и въ пеплѣ моемъ.
75. Матери долгъ исполний ты, отецъ; всю мнѣ дорогую
 Эту толпу выносить шеѣ придется твоей.
 Плачущихъ станешь ли ихъ цѣловать, поцѣлуй и за мать,
 Сталъ отнынѣ весь домъ бременемъ нынѣ твоимъ.
 Если сгрустнется тебѣ, когда ихъ при этомъ не будетъ,
80. Только войдутъ, обмани, щеки отерши, цѣлуй.
 Будетъ съ тебя и ночей, чтобъ, Павль, обо мнѣ сокрушаться
 Чтобъ въ сновидѣніихъ ты часто мой ликъ признавалъ.
 И когда говорить ты начнешь съ моимъ призракомъ тайно,
 Какъ бы отвѣтовъ моихъ каждому слову ты жди.
85. Если однако же дверь перемѣнить напротивъ постелю,
 И на ложе мое мачиха робко придетъ,
 Дѣти, спосите тогда и хвалите бракъ вы отцовскій,
 Вашей плѣнись добротой, руку она вамъ подастъ,
 И не хвалите вы мать чрезмѣрно; сравненная съ первой,

90. Приметь въ обиду себѣ вольное слово она.
Если жь останется онъ, мой лишь тѣнь вспоминая,
И на столько еще прахъ мой онъ будетъ цѣнить,
То научитесь сейчасъ облегчать грядущую старость,
Чтобъ ко вдовцу у заботъ не было вовсе путей.
95. Что у меня отнято, пусть къ вашимъ прибавится годамъ,
Изъ-за дѣтей моихъ пусть Павлъ будетъ старости радъ.
Пусть хорошо ему жить; какъ мать, я утраты не знала.
Вся ватага пошла слѣдомъ моихъ похоронъ.
Я защитила себя! Въ слезахъ вы, свидѣтели, встаньте,
100. Какъ благодарна за жизнь плату земля воздаетъ!
Нравы и въ небо введутъ: пусть буду я стоить заслугой,
Чтобы вознесся мой духъ къ предкамъ своимъ въ торжествѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ КНИГѢ IV-Й.

Въ нашемъ переводѣ стихи сохраняютъ въ большинствѣ случаевъ свои прежнія мѣста по Квинтилию, а выставленная на поляхъ нумерація указываетъ на новую расстановку по Палею.

Элегія I.

Проперцій, желавшій въ 4-й книгѣ (прибавленной, по видимому, кѣмъ-либо изъ друзей покойнаго поэта къ тремъ первымъ книгамъ элегій; см. II, 13, 25) обратиться главнымъ образомъ въ героическихъ пѣсняхъ къ предметамъ важнымъ (см. эл. 2, 3 и 10), позднѣе отвергъ это намѣреніе, что и посвящаетъ въ этой первой элегій 4-й книги.

1. Гоість—пріѣзжій астрологъ.

2. Храмы Аполлона (см. II, 31), построенный въ память Актіумской морской побѣды надъ Антоніемъ и Клеопатрой, на что указываетъ эпитетъ морскаго.

3. Эвандровъ. Эвандръ—внукъ царя аркадскаго Палланта, вслѣдствіе домашнихъ распрій бѣжавшій изъ отечества, прибылъ въ Италію за 60 лѣтъ до паденія Трои при латинскомъ царѣ Фавнѣ. Въ имени Палатинскаго холма еще звучитъ имя дѣда его Палланта.

4. Тарпейскій отецъ—Юпитеръ Капитолійскій, со скалы обнаженной—съ неукрашеннаго еще Капитолія.

5. Домикъ Ромула, крытый соломою, который римляне охраняли и поддѣрживали.

6. 10. Шафранъ (см. кн. III, 10, 22)—здѣсь надо подразумѣвать растворъ шафрана въ водѣ, взбрызгиваемый въ театрахъ скрутыми дудками сверху и разсыпавшійся оттуда въ видѣ освѣжительной и благоуханной росы на зрителей.

7. Праздникъ Палилій сирывался въ честь пастушеской богини Палесы ежегодно 21-го апрѣля въ день основанія Рима, при чемъ въ древности пастухи осващали и очищали скотину, перегоная ее черезъ зажженное сѣно, черезъ которое прыгали и сами. Это очищеніе Рима сохранилось и во времена Проперція, но производилось посредствомъ жертвоприношенія лошади. Если читать *siguo equo*, то надо перевести: „Ту, что скрутивши копыта“. Но читая съ Беренсомъ: *sigto*, мы переводимъ: Коня окарнавъ, то-есть, обрѣзавъ ему хвостъ и гриву.

8. Въ память того, что, пробудивъ Весту своимъ крикомъ, онъ спасъ ее отъ преслѣдованія Пріана, осленокъ увѣшивался корзинками съ хлѣбомъ.

9. Пахарь въ шкурахъ одѣтъ—указываетъ на праздникъ Луверкалій въ честь Папы, во время котораго бѣгали луверки наги, прикрывшись козлиною шкурой, съ бичемъ, свиткомъ изъ той же не выдѣланной шкуры и потому волосатымъ, которымъ, пробѣгая, они стегали встрѣчныхъ, преимущественно

жественно женщину, которая по тогдашнимъ понятіямъ при этомъ нецѣлялась отъ безплодія.

20. Лунерковъ было два общества: Фабіово и Квинтилиово, въ честь первыхъ своихъ предсѣдателей во времена Ромула.

21. Лукмонъ—то же, что Лукумонъ (см. прим. къ III, 9, 1); по соображенію времени подразумѣвается тотъ этрусскій Лукумонъ, который съ своимъ лагеремъ пришелъ на помощь Ромулу противъ сабинявъ въ безыскусственной волчьей шапкѣ вмѣсто шлема.

22. Главное богатство сабинскаго царя Тита Тація состояло въ овцахъ.

23. Вотъ откуда—трибы Ромула Тиціи по имени Тита Тація, Рамны по имени Ромула и Лудеры отъ имени Лукумона.

24. Введеніе бѣлой четверки для триумфа одни писатели приписываютъ Тарквинію Древнему, другіе—Камиллу, почтавшемуся за избавленіе Рима отъ галловъ вторымъ Ромуломъ, и наконецъ, самому Ромулу. Очевидно, Проперцій держался послѣдняго преданія.

25. Вовиллы—небольшой городокъ на Аппіевой дорогѣ. При тогдашнемъ небольшомъ объемѣ Гима городокъ этотъ былъ менѣе подгороднымъ, то-есть, отстоялъ далѣе отъ Рима.

26. Габин—латинскій городъ между Римомъ и Пренестой, нынѣ не существующій, былъ многолюднымъ городомъ.

27. Альба-Лонга—городъ въ Лациумѣ, построенный Асканіемъ и разрушенный Туломъ Гостилиемъ. Преданіе о бѣлой свиньѣ, приводимое Вергиліемъ, Энеид. III, 389, повторяется многими писателями.

28. Фиденны—городъ въ Лациумѣ.

29. Ничего изъ первобытной простоты, римскій питомецъ—римскій гражданинъ.

30. О, что за вѣщей веденъ птицей—подразумѣвается счастливая, то-есть, какимъ счастливымъ знаменіемъ напутствованъ троянскій корабль, увозившій Энея.

31. Счастливымъ предназначеніемъ для Энея было уже то, что словный конь не причинилъ ему вреда.

32. Анхизъ на синиѣ у Энея, котораго самый огонь падалъ за его благочестіе.

33. У Авернскаго озера близъ Кумъ въ пещерѣ проживала вѣщая свинья куманская, дрожащая отъ старости (см. II, 2, 16).

34. Ремъ названъ авентинскимъ, потому что на этой горѣ ждалъ предсказаній объ основаніи Рима.

35. Кассандры, въ справедливости пророчествъ которой убѣдились такъ поздно.

36. Коня—деревяннаго уведите назадъ въ лагерь.

37. Эпій (см. III, 3, 6) здѣсь поставленъ вмѣсто всякаго другаго эника, которому подобаетъ украшаться колючимъ лавровымъ вѣнкомъ, тогда какъ Проперцій въ качествѣ алегика проситъ у Вакха его плюща.

38. То-есть, Проперцій, подражавшій Каллимаху.

39. Несется мой конь—сравненіе, заимствованное отъ цирка или конницы.

78. Смысль: говорю тебѣ по наукѣ; или я, какъ астрологъ, не умѣю поворачивать мѣднаго небеснаго глобуса, такъ чтобы можно было по звѣздамъ составить твой гороскопъ.

79. Вавилонскимъ названъ Горъ не по отечеству, а по профессіи, такъ какъ астрология пришла въ Римъ оттуда.

80. Кононъ—знаменитый математикъ и астрологъ (Катуллъ, 66, 7).

81. За золото современные астрологи заставляютъ лгать всѣ созвѣздія; подъ космич. колесомъ подразумѣвается кругъ зодіака, и знаки его многократно повертываются для насильственнаго предсказанія.

105. Созвѣздія Юпитера и Венеры считались счастливыми, а другія печальными и роковыми, какъ созвѣздіе Сатурна. См. Ювен. VI, 570.

106. Восхождение и захождение козерога вызывало бури въ западномъ океанѣ. Горач. Од. II, 17, 20.

85. Аррія—римская матрона, коей нашъ астрологъ предсказалъ, что дѣти ея не вернутся съ похода; что это сбылось, видно изъ 94-го стиха.

89. Луперкъ—одинъ изъ сыновей Аррія, равно какъ (ст. 91-й) Галлъ, другой сынъ.

95. Цинара—здѣсь вымышленное имя.

99. Пещера и храмъ Юпитера Аммона въ Либіи здѣсь вмѣсто любого оракула.

100. Жилка во внутренностяхъ жертвы, показывающая волю боговъ.

103. Стезь безъ обманѣ Между звѣздъ—путь зодіака.

109. Калхасъ, знаменитый прорицатель у грековъ въ троянскомъ походѣ, служитъ примѣромъ ошибочности гадацій; ибо, хотя онъ своими предсказаніями и далъ возможность грекамъ выйти изъ Авлиды, принеся въ жертву дочь Агамемнона, Ифигенію,—тѣмъ не менѣе греки не вернулись благополучно на родину, такъ какъ погибли на обратномъ пути близъ Эвбеи.

115. Навплий—сынъ его и Климены, Паламедъ, участвовавшій въ троянскомъ походѣ, навлекъ на себя непримиримую злобу Одиссея тѣмъ, что когда Одиссей, избѣгая похода, прикинулся сумасшедшимъ, Паламедъ, испытывая его, положилъ передъ его плугомъ малолѣтнаго Телемаха, и Одиссей выдалъ себя тѣмъ, что приподнял плугъ. За это Одиссей, зарывши въ ставкѣ Паламеда золото, обвинилъ его въ подкупѣ и предательствѣ изъ-за денегъ, за что греки подвергли его смертной казни. Навплий, отправившись въ лагерь грековъ, напрасно искалъ тамъ правосудія и, при возвращеніи флота, зажегъ на Эвбейскомъ берегу фальшивые маяки и тѣмъ погубилъ флотъ.

117. Ты похищай, Онгидъ. Онгидъ сынъ Аякса, оторвавшій во время штурма Тронъ жрицу Кассандру отъ алтаря Минервы.

123. Здѣсь изображается родной поэтъ Испеллъ по сосѣдству съ умбрійскимъ же городомъ Меваніей (нынѣшняя Бевагна).

124. Умбрійское озеро Клитумпъ (см. II, 19, 25).

125. И предъ богами родной (матери) вступилъ въ совершеннolѣтіе.

141. Образъ заимствованъ у рыбы, понавшей на удочку.

147. По мнѣнію астрологовъ, ракъ былъ эмблемой скупости и алчности. Проперцій тонко намекаетъ здѣсь на непріязненную ему алчность Цинтіи.

Элегія II.

Вертумнъ, котораго поэтъ выводитъ говорящимъ, объясняетъ, почему онъ называется Вертумномъ, когда и кѣмъ онъ привезенъ въ Римъ и почему поставленъ въ Этрусскомъ кварталѣ. Незнаніе происхожденія всего этого повело къ предположеніямъ, перешедшимъ въ послѣдствіи въ преданія. Изображенія различныхъ предметовъ были видны на отлитой статуѣ (кажется, коса и плектръ были въ правой рукѣ, а различные плоды въ лѣвой; ящики и корзины за спиной, а остальные описанные предметы, быть можетъ, были обозначены на одеждѣ). Проперцій, отвергая живыя толкованія стороннихъ, утверждаетъ, судя по самымъ изображеніямъ, что богъ потому называется Вертумномъ, что можетъ, вертясь по всѣмъ направленіямъ, принимать всякіе лаки, и потому почитать его должны не одни земледѣльцы, но всѣ, которые желаютъ счастливо доводить свои дѣла до конца; онъ считаетъ Вертумна символомъ природной ловкости поворачивать всѣ дѣла къ доброму исходу.

4. Волсиніи—городъ въ Этруріи; среди войнъ—указываетъ на время, о которомъ говорится ниже, въ стихѣ 51, когда Вертумнъ переселился въ Римъ.

5. Радъ здѣсь толкѣ; статуя Вертумна стояла въ Тускомъ кварталѣ, составлявшемъ часть Велабра. Велабрь былъ долиною между Капитоліемъ, Палатиномъ и Авентиномъ.

6а. Митрой—см. III, 17, 30.

6б. Садовники перевязываютъ лыкомъ капустныя растенія, чтобы придать имъ большую крѣпость и бѣлизну.

6в. Ликомедій—царь острова Скира.

6г. Свѣтатель мощный боговъ—Юпитерь.

6д. Что бѣжишь по повѣсткѣ,—къ суду того, за котораго ты поручился, и слѣдовательно, медлить не можешь. Здѣсь—какъ примѣръ всякаго вообще торопачагося человѣка.

6е. Моего бѣга...предѣлъ—я кончилъ свой разказъ.

6ж. Литейщикъ Мамурій Ветурій, служившій во времена Нумы Помпилія и приготовлявшій также священныя мѣдныя щиты (см. Овид. Фасты III, 389), отлитъ статую Вертумна, почему послѣдній желаетъ ему безмятежно спать въ землѣ осковъ въ Кампаніи, гдѣ онъ былъ похороненъ.

Элегія III.

Аретуза описываетъ супругу своему Ликотѣ, находящемуся въ походѣ, печаль своего одиночества, тоску, вѣрность, прилежаніе къ работѣ и молитвы, приносимыя о его возвращеніи. Подъ именемъ Аретузы нѣкоторые толкователи несправедливо разумѣютъ Элію Галлу, а подъ Ликотой—Постума, о которыхъ см. III, 12.

7. Бактры—главный городъ Бактріаны, стоитъ здѣсь вмѣсто всего Парявскаго царства.

8. Невръ имъ перевели Neuricus.

9. Геты и скионы—отдаленнѣйшія племена даковъ; въ описанной бриттъ колесницѣ—см. II, 1, 76.

14. Отъ костра—погребальнаго.

16. Богъ—Гименей.

17. На дверяхъ всѣхъ (храмовъ).

19. Въ частоколъ неповинное древо: это для военныхъ палисадовъ первый сталъ рубить колья, которые римскіе солдаты носили съ собою въ походъ.

20. Въ древнѣйшее время военныя трубы дѣлались изъ рога или изъ костей и только впоследствии замѣнены были мѣдными.

21. Окнѣ—аллегорическая фигура въ картинѣ живописца Сократа, чело-вѣкъ, вьющій веревку изъ ситника, которую ослица вслѣдъ затѣмъ съѣдаетъ; обратившійся въ пословицу символъ напрасно предпринятаго труда, который не достигаетъ конца.

23. Подъ Ипполитой надо подразумѣвать париду амазонокъ, на кото-рой женился Тезей.

24. Подъ душистыми вожжами разумѣются цари востока, у которыхъ произрастаютъ благовонія.

26. Говорится о парянахъ, стрѣляющихъ назадъ.

27. Плиній, VII, 28, говорятъ, что такое древо коня безъ законечника давалось въ награду отменно храбрымъ.

71. Къ Капенскимъ воротамъ: подразумѣвается—во храмъ Марса, стоящій за Капенскими воротами, куда она дала обѣтъ отнести оружіе мужа по его возвращеніи.

Элегія IV.

3. Счастливая роща своими плодами.

5. Домъ Сильвана—въ смыслѣ мѣстопребыванія лѣснаго бога.

9. Курн—главный городъ сабинанъ.

20. Гривы златистой на шлемѣ.

23. За предвѣстья брака съ Таціемъ, котораго она выдала во свѣтъ и потому совершила омовенія изъ надеждъ разрушить чары.

29. Пусть меня увозитъ къ себѣ Тацій на конѣ, за которымъ ходятъ самъ.

30. Поэтъ сравниваетъ предательство Тарпей съ предательствомъ Сциллы, дочери Ниса, которая, срѣзавши красныя волосы отца (см. III, 19, 21), предала послѣдняго Миносу. Эту Сциллу нашъ поэтъ смѣшиваетъ съ другою Сциллою, дочерью Форка, въ которую влюбился Главкъ, тщетно нравившійся Цирцеѣ, почему Цирцея отравила водоемъ, въ которомъ обычно купалась Сцилла съ тѣмъ, чтобы нижняя часть тѣла ея уродливо обросла лающими собаками.

31. Дивно ли, что преданы... Ариадна, сестра Минотавра по матери Пасифан (см. III, 19, 11), вручила Тезею нить въ лабиринтъ.

32. Что за великій позоръ (воскликаетъ Тарпей)... дѣвамъ авзонскимъ (италійскимъ)—я весталка.

35. Предъ Палладой—ученое выраженіе мѣсто: „передъ Вестой“. Въ храмѣ Весты хранилось изваяніе небесной Паллады, палладіумъ.

51. Магической Музы (см. II, 28, 35).

52. Не Ромулу.

55. Мы перевели по Лукіану Мюллеру, тогда какъ по Верену слѣдуетъ перевести: „ровней явиться дозволю въ твоихъ чертогахъ царницей“.

63. Уже четвертый рожокъ. Ночь раздѣлялась на четыре ночные караула, обозначаемые каждый разъ звуками рожка.

69. Ибо троянской воли—поэтически вмѣсто огня. Цѣломудрая Веста.

70. Множить вину—разжигая несвойственную положенію жрицы страсть.

71. Стримонъ—рѣка во Фракіи, на родинѣ амазонокъ. О Термодонтѣ: см. III, 14, 16.

73. Палилій—см. IV, 1, 19.

74. Превращ. Овид. 14, 774:

на праздникъ Палилій закладку

Начали стѣнъ городскихъ...

81. Пятами своихъ сабиняницъ.

82. Неправой судьбы. Эти два стиха, очевидно, относятся не къ Тарпей, а къ ея отцу, которому выпалъ жребій несправедливый: будучи стражемъ, сообщитъ горѣ, въ слухъ предательства дочери, свое имя.

Элегія V.

5. Импольтъ—цѣломудренный сынъ Тезея, напрасно соблазняемъ махиою Федрою.

6. Птица—здѣсь встрѣча, предвѣщаніе, какое представляли благоприятныя и неблагоприятныя птицы.

8. Антиопа нахальнѣйшаго изъ жениховъ болѣе всѣхъ ненавидѣла Пенелопа, и онъ первый былъ пораженъ стрѣлою Улисса.

11. Коллинскія ворота, обращенныя на сѣверъ между холмами Квириналиомъ и Виминаломъ. Земля за ними считалась неблагоприятною; на ней росли зловредныя травы, и въ ней заживо хоронились нецѣломудренныя весталки. Тамъ же колдуны копали ямки для своихъ ночныхъ заклинаній.

13. Горац. Эпод. 17, 77:

и напѣвами

Съ неба луну сомлекать вѣковѣчную.

17. И о крови моей, крови здѣсь жизни, то-есть, долголѣтія, такъ какъ сытъ, подобно воронѣ, птица, употреблавшаяся при колдовствѣ.

18. Гиппоманы: Хотя гиппоманы (буквально: конская ярость) были, по мнѣнію древнихъ, кускомъ мяса на головѣ новорожденного жеребенка, скусываемымъ тотчасъ же матерью и имѣющимъ силу привораживать сердца, но нашъ поэтъ видимо придержался перваго значенія слова.

21. Съ этими словами старуха обращается къ неизвѣстной намъ Дорксаніи.

23. Улитокъ—пурпурныхъ, которыми окрашивались тирскія ткани.

23. Эврифилъская—косская ткань по имени косскаго царя Эврифила.

сына Геркулеса. Минерва здѣсь вмѣсто самой работы, которой она покровительствуетъ.

24. Узорные обрѣзки занавѣсей Атталова ложа высоко цѣнились не только по красотѣ узора, но и по древности своей.

25. Египетскія Фивы выставили на продажу преимущественно хрустальныя вазы, говоритъ Марціалъ, 12, 75.

26. Его—любownika.

27. Дни служенія Изидѣ, въ которые женщины удалялись отъ мужчинъ.

28. Пусть Гола—одна изъ подругъ, укажетъ на апрѣль, какъ на время твоего рожденія, вызывая этимъ подарки, а другая, Амикола, съ тою же цѣлю неотступно твердитъ о маѣ.

29. Навязчивой слинкомъ Меден: см. выше II, 84, 8.

30. Тансѣ... дорогой—дорого себя продающей.

31. Гетн—еракійскій народъ, но здѣсь говорится о слугахъ въ комедіи Менандра.

32. Подъ титуломъ надо подразумѣвать дощечку, висѣвшую на варварской (иноземной) шеѣ продажныхъ рабовъ съ описаніемъ всѣхъ ихъ качествъ и способностей.

33. Для обозначенія ихъ продажности такимъ рабамъ бѣвали гипсомъ или мѣломъ поги, и чтобы показать ихъ силу и прыть, продавцы заставляли ихъ прыгать и бѣгать по рынку.

34. Акантида—нми сводни.

Элегія VI.

Августъ, приписывая Фебу, побѣду, одержанную надъ Антоніемъ и Клеопатрой, возобновилъ по этой причинѣ древній храмъ Аполлона въ Акціумѣ и выстроилъ на Палатинѣ храмъ Аполлону Акційскому; также установилъ черезъ пять лѣтъ повторившіяся акційскія игры. Въ честь такихъ игръ въ 738 году отъ осн. Р. Проперцій написалъ эту элегію.

3. Уста, соблюдайте молчанье—обычное обращеніе къ предстоящимъ предъ алтаремъ, чтобы неумѣстное слово не смутило жертвоприношенія.

3. Римскую пѣснь воспою, достойную пѣсенъ Филета и Калимаха. Приносящіе жертву были въ вѣнкахъ.

4. Калимахъ былъ родомъ изъ Кирены, и Проперцій ожидаетъ, чтобы киренская вода также вдохновила его, какъ и Калимаха.

5. Кость—индійское растеніе, особенно благовонное.

6. Шерстяною повязкою трижды обвивали алтарь.

7. Мысль: пусть удалится отсюда могущіе повредить жертвоприношенію.

10. Новый путь—героической пѣсн; лавръ цѣломудрый—по происхожденію отъ цѣломудрой Дафны.

15. Атаманскій—эпирскій или акціумскій.

17. Іулійскихъ судовъ—по имени Энеева сына Іула, отъ котораго происходилъ родъ Юліевъ, gens Iulia, къ которому былъ сопрячленъ Августъ.

18. Не обязательный путь послѣ того, какъ Августъ расчистилъ

портъ отъ опасныхъ скалъ, такъ что пловцы не были вынуждены опасностью давать объѣты.

21. Квириномъ (Ромуломъ) здѣсь названъ Антоній.

22. Поднято женской рукой—Клеопатрой.

23. Беременная Аполлономъ и Діаной, Латона по злобѣ Юноны не находила себѣ на землѣ пристанища, чтобы разрѣшиться, пока не появился небывалый до того островъ Делось. Здѣсь представлено, что Делось былъ до того времени пловучимъ островомъ и сталъ неподвижнымъ лишь по волѣ Аполлона.

24. Внуку Пелопса.

25. Изъ Альбы—происходящій отъ Альбанскихъ царей.

26. А съ италійской звѣзды—эпитетъ италійскій отъ Италія, рощи и города на Кипрѣ, посвященныхъ Венерѣ, отъ которой Юлій Цезарь производилъ свой родъ.

27. Какъ женщинѣ—презрительно въ сравненіи съ такимъ храбрымъ борцемъ, какъ Югурта.

28. Цвѣтъ киликійскій—шафранъ или приготовляемое изъ него благовопіе.

29. Пусть тотъ. Здѣсь Проперцій распредѣляетъ между вдохновенными виномъ поэтами предметы славословія Августу. Сигамбры—сильное германское племя въ нынѣшней Вестфаліи.

30. Мероя—эеіонскій островъ на Нилѣ съ городомъ того же имени. Цефея—по имени эеіонскаго царя Цефея, отца Андромеды (см. Овид. Превращ. IV, 669).

31. О возвращеніи парейанами римскихъ значковъ см. II, 10, 14.

32. Рема значки—римскіе. Теперь онъ вынужденъ возвратитъ чужія знамена, но вскорости будетъ вынужденъ выдать свои и окончательно покориться.

Элегія VII.

1. Въ концѣ Тибуртской дороги, умирающей въ шумящій Авіенъ.

11. Смыслъ: или, только что потерявъ меня, ты не томишься болѣе безсонницей.

12. Субурры—одной изъ главныхъ римскихъ улицъ, въ которой, какъ видно, проживала Цинтія.

13. Смыслъ: еслибъ ты находился близъ меня, умирающей, и позвалъ меня къ жизни, я выпросила бы лишній день у марокъ.

14. Темное мѣсто; придерживаемся объясненія, по которому надъ тѣломъ умершаго въ продолженіе семи дней до сожженія или погребенія, изъ опасенія похоронить живаго, сидѣлъ сторожъ, по временамъ трещащій на тростниковоу дудкѣ или тростниковоу трещеткой.

15. Кружку—съ виномъ, по обряду.

16. Появивъ за гробомъ, что она пила вино злобы, которое она обзываетъ блѣднымъ, потому что оно заставляетъ блѣднѣть своимъ смертоноснымъ ядомъ, Цинтія требуетъ пытки раба Лигдама раскаленнымъ желѣзомъ.

37. Служанка Нома была сообщницей Лигдама при составлении отравы. Вместо общепринятого здесь *saliva*—слюна, мы приняли *salinae*—остроумные выходы, шуточки.

44. Преданная Цинтин старуха Петала сидитъ въ колодезѣ, которую надѣвали на ноги провинившимся рабамъ.

45. Сходной участи подвергается и служанка Лалага.

47. Изображеніе мос—золотой медаліонъ.

55. Стиксомъ.

56. Толпа—тѣней.

57. Клитемнестра: см. III, 19, 19; Критянка—Пазифая: см. II, 32, 57 и III, 19, 12.

62. Самъ взвѣженный Вахъ и его хоры были въ женскихъ митрахъ, чепцахъ, чалмахъ.

63. Андромеда: см. I, 3, 1; Гипермнестра: см. II, 1, 67.

75. Дорида—имя колдуньи, съ которою совѣщалась Нома (см. ст. 37). Дорида обычное имя служанокъ и наперстницъ (см. Ювенала сат. III, 94).

82. Древніе полагали, что въ Тибурѣ (Тиволи) отъ особенности воздуха, проникнутаго странными испареніями изъ самаго Апіо, слоповая кость не желѣла. Тиволи было посвящено Геркулесу (см. II, 32, 5).

Элегія VIII.

1. Эсквилій или Эсквиливъ, на которомъ жилъ самъ Проперцій (см. III, 23, 23), здѣсь вмѣсто своихъ жителей. Влажнымъ оупъ называется по изобилію воды.

2. Въ новымъ полямъ. Въ то время, какъ Меценатъ, уже уничтоживъ тамъ общественное погребеніе бѣдныхъ, придалъ жилой и обработанный видъ окрестностямъ Эсквиліна (см. Горат. Сат. I, 8, 14).

3. Ланувій былъ городъ въ Ладіумѣ, между Ариціей и Велитрами, славный поклоненіемъ Юнонѣ покровительницѣ. Геніевъ мѣстъ, городовъ и пещеръ древніе представляли въ видѣ змѣй. Въ Ланувіи было ихъ много, отчего произошла сказка о ланувійскомъ драконѣ.

4. Здѣсь говорится о таинственной годичной церемоніи кормленія дракона.

5. Въ эту таинственную трещину спускались непорочныя дѣвы, неся дракону пищу. Благополучный исходъ кормленія предвѣщаль хорошій урожай.

17. Аппія путь, рассказы: см. II, 32, 6.

37. Этого Лигдама (см. ниже 79), пособника ночныхъ пиршествъ, не должно смѣшивать съ Лигдамомъ, знакомымъ по III, 6 и IV, 7, рабомъ Цинтин, подозреваемымъ ею (IV, 7, 35) въ отравленіи своей госпожи.

38. Вино изъ лессбоскаго города Ментима, то же, что лессбосское.

39. Египетскіе мальчики—флейтчики, приглашались услаждать пирующихъ игрою на флейтѣ и прибаутками. Туда же приглашались и танцовщицы съ погремушками и забавные карлики, нгравшіе тоже на флейтѣ изъ буковаго дерева.

45. При игрѣ въ кости счастливые нумера назывались Венерой, а несчастные назывались собаками.

57. Огни—лампады, какъ мы и переводимъ по Квинелю, но у Мюллера и Веренса вмѣсто ignes стоитъ ungues, почему мы переводимъ: гнѣвомъ пылая, въ лицо она ногти впускаетъ Филлидѣ.

59. Обратившіяся въ бѣгство дѣвы, чтобы не споткаться въ потьмахъ, захватили съ собою лампы, и на крикъ ихъ съ огнями уже сбѣжались сосѣдніе слуги. Внезапное появленіе огня на улицѣ смущаетъ сосѣдей.

75. Ты ни въ помпейской тѣни. Знаменитый портикъ Помпея былъ мѣстомъ прогулки блестящаго Рима.

76. На форумѣ посыпалось пескомъ мѣсто для гладиаторскихъ игръ.

77. Смысль: Не смѣй въ театрѣ засматриваться на сидящихъ на верху женщинъ и не допускай опускать передъ тобою лектику (носили), изъ которыхъ женщина, пріоткрывъ занавѣску, можетъ вступить съ тобою въ переговоры.

86. Обра считалась очистительнымъ средствомъ.

Элегія IX.

1. Амфитріоніадъ имя Геркулеса по мнимоу отцу своему Амфитріону, царю еввскому, тогда какъ въ сущности Геркулесъ—сынъ Зевеса, принявшаго видъ Амфитріона.

2. Эритія: см. III, 22, 9.

5. Гдѣ у Велабра: см. IV, 2, 5. Въ упоминаемое время Тибръ заливалъ долину Велабра, и по ней ходили мелкія суда, пока отводными каналами не была спущена вода.

12. Только отъ [бога не скрывъ—отъ мѣстнаго бога, гостепріимца Юпитера.

14. Гнѣвъ подразумѣвается Геркулеса.

15. Подъ менальскимъ сукомъ вмѣсто палицы, выломленной на аркадской горѣ Менаѣ.

19. Воловье въ поле, на мѣстѣ котораго установился потомъ извѣстный въ Римѣ коровій или воловій рынокъ: forum boarium.

25. Женской богини—доброй богини.

47. Сидонскія платья—въ смыслъ: пурпурныя.

48. И индійскимъ урокъ веретеномъ, у Омфалы, царицы индійской.

57. Прорикатель Тирезій, увидавшій купавшуюся Палладу, былъ ею за это ослѣпленъ.

58. Горгону сложивъ—уценое выраженіе вмѣсто: сложивъ оружіе съ изображеніемъ Горгоны.

71. Здравствуй, священный отецъ: съ этими словами поэтъ, приступающій къ своимъ эпическимъ стихотвореніямъ, обращается къ Геркулесу, прося его помощи.

74. Санкъ—древнее сабинское божество. Куръ—главный сабинскій городъ, въ которомъ нѣкогда царствовалъ Тацій. Сами сабиняне признали въ Геркулесѣ волощеніе своего Санка.

Элегія X.

Настоящая элегія объясняет происхождение имени небольшого, но славнаго храма Юпитера Феретрія на восточномъ склонѣ Капитолійскаго холма.

3. И три оружія... Здѣсь рѣчь идетъ о доспѣхахъ, снятыхъ римскимъ военачальникомъ съ чужаго военачальника (*spolia opima*), которые приносились въ храмъ Юпитера Феретрія. Это трижды случилось въ теченіе римской исторіи.

5. Въ первый разъ это случилось, когда самъ Ромулъ въ единоборствѣ сразилъ потомка Геркулесова Аврона, владѣнку Ценины, въ Сабинской области. Онъ же считается основателемъ сабинской столицы Куръ, въ которыхъ былъ первымъ царемъ.

11. Квиринъ—Ромулъ.

23. О томъ, что Корнелій Коссъ снялъ вооруженіе съ царя вейентовъ Толумна и помѣстилъ оное въ храмъ Юпитера Феретрія, повѣствуетъ Ливій (IV, 20). Нибуръ относитъ это событіе ко второй войнѣ съ вейентами (Римск. истор., II, стр. 519).

26. Два небольшія латинскіе городка Номентъ и Кора были уже въ древнѣйшія времена завоеваны римлянами. Пророчески имена Номенты и Коры приводятся уже у Виргилія (Эн. VI, ст. 773—775). Такимъ образомъ они относятся къ древнѣйшимъ мѣстностямъ Италіи.

28. Стулъ золотой, то-есть, тронъ, съ котораго царь произносилъ судъ.

29. Консулъ М. Клавдій Марцеллъ (см. III, 18).

33. Въ началѣ VI вѣка отъ осн. Р., встрѣтивъ галльскія племена вторгнувшіяся черезъ Альпы въ Италію и овладѣвшія на берегахъ рѣки По этрусскими землями, разбилъ полководца ихъ Вирдумара.

43. Съ колесъ на бѣду. Мы читаемъ у Вервенса *vestis* вмѣсто *tectis*,

43. Галлы, какъ и вообще сѣверные варвары, носили брюки. Галлы же, кромѣ того, на шеѣ—цѣпи, какъ украшеніе.

Элегія XI.

Корнелія, дочь консулара Н. Корнелія Цициона и Скрибоніи, второй супруги Августа, была въ 738 отъ осн. Р. похищена смертью у супруга своего, бывшаго консула и цензора Л. Эмилиа Павла Лепида. Несравненное стихотвореніе это, представляющее рѣчь Корнелии, произносимую передъ судейскимъ кресломъ подземнаго царства, отчасти съ обращеніемъ къ подземнымъ судьямъ и окружающимъ ихъ свидѣтелямъ, отчасти къ покинутому супругу и осиротѣвшимъ дѣтямъ, но справедливости называется „царицею элегій“, ибо ни одно изъ всѣхъ, дошедшихъ до насъ древнихъ стихотвореній этого рода, не выставляетъ женской добродѣтели и душевнаго благородства съ такою возвышенностью и такъ трогательно, какъ эта элегія, которую нельзя читать безъ душевнаго волненія.

5. Вогъ.—Плутопъ.

7. Паромцикъ—Харонъ.

8. Блѣдная дверь, вмѣсто смертная. Блѣдно-желтый цвѣтъ мертвеца.

10. Надо подразумѣвать, что деревянный одрѣ, принесшій тѣло, поставленъ на костеръ, и факель, поджигая его, заставляетъ вмѣстѣ поклатиться и голову покойницы.

11. Прахъ мой легко поднять одною рукою.

12. Клятва ночи—подземнаго царства, ненавистна для живыхъ.

13. Отецъ, самъ Плутонъ.

21. Минось, равно какъ и Эакъ—имена подземныхъ судей, а подъ словомъ братъ разумѣется Радамантъ, братъ Миноса, тоже подземный судья.

22. Сизифъ, вскапывающій камень на гору, долженъ, подобно другимъ адскимъ страдальцамъ, прервать свои мученія на время самозащиты Корнелии.

23. Урна сестеръ—Данаидъ.

24. Сципионъ Африканскій Младшій, разрушитель Нуманци, города въ Испаніи, былъ въ числѣ предковъ Корнелии.

25. Прозваніе Либововъ было дополнительнымъ въ одномъ изъ славнѣйшихъ и почетнѣйшихъ въ Римѣ родовъ Скрибоніевъ, отъ котораго Корнелия происходила по матери.

26. Римскія дѣвы знатнаго рода до дня бракосочетанія носили такъ-называемую претексту, платье, окаймленное пурпуромъ.

27. Повязкой иной, то-есть, брачною вмѣсто дѣвственной.

28. Чтобъ такъ лишь, то-есть, не иначе какъ разлученная смертью.

29. Между трофеями предковъ Корнелии находилась и побѣжденная Африка, олицетворенная въ образѣ женщины съ обритыми волосами и въ оковахъ, какъ это можно еще поднесъ видѣть на древнихъ монетахъ и каменныхъ барельефахъ.

30. Персей, послѣдній царь македонскій, производившій свой родъ отъ Ахилла, старался видомъ отваги подражать своему предку, но побѣжденный Л. Эмилиемъ Павломъ, пагъ послѣднимъ представителемъ всего царскаго дома, гордившагося происхожденіемъ отъ Ахилла. Вотъ эти-то Л. Эмилиемъ Павломъ и вляется Корнелии, которая въ родствѣ не только съ нимъ по мужу своему, но и съ самимъ Сципиономъ Африканскимъ Старшимъ, у котораго супруга была изъ рода Эмилиевъ, говоря, что, будучи замужемъ за цензоромъ, она поведеніемъ своимъ не давала повода къ смягченію законовъ цензуры нравовъ.

31. Между двухъ факеловъ, брачнымъ и смертнымъ.

32. Весталка Клавдія Квинта, дочь Аппія Клавдія Слѣпаго, навлекла на себя подозрѣніе въ нарушеніи законовъ непорочности и должна была въ чествѣ жрицы Весты быть подвергнута смертной казни (сл. IV, 4, 17). Она доказала свою невинность тѣмъ, что корабль, на которомъ во вторую пуническую войну была привезена статуя Цибелы изъ Фригіи, и который никакими усиліями не могъ быть стронуть съ мѣста противъ теченія Гибра, смогла одна стронуть и благополучно привести въ Римъ за привязаннымъ къ нему ея носъ.

33. Рѣдкая ты жрица богини въ зубахъ. Такъ рѣшились мы перевести слова *turritae deae*, собственно—башенной богини, то-есть, въ вѣвкѣ изъ башенныхъ зубцевъ.

53. И п тебѣ (подразумѣвается: хуже не стать). Весталка Эмилія, родственница Корнеліи, допустила, что огонь Весты потухъ. Она бросила свое покрывало на священный алтарь, и пламя снова вспыхнуло.

54. Его дочери кровной—Юліи.

55. Толкователи говорятъ о почетной одеждѣ, выдававшейся плодовицѣмъ женщинамъ.

56. Лепидъ и Павлъ—сыновья Корнеліи кромѣ дочери, помимаемой въ ст. 67.

57. Украшенное рѣзбой изъ слоновой кости курульное кресло было принадлежностью трехъ высшихъ государственныхъ сановниковъ: консула, претора и эдила.

70. Я охотно вступаю въ челнъ Харона, отправляясь на тотъ свѣтъ, чтобъ избавиться отъ новыхъ несчастій въ жизни, о которыхъ Корнеліа говоритъ вскользь, не желая упрекать Августа въ расторженіи брака съ матерью Корнеліи Скрибоніей.

85. Брачная постель стояла въ атриумѣ противъ двери. Перемѣнить постель значить вступить въ новый бракъ.

99. Присутствующіе на судѣ вставали при произнесеніи приговора.

100. Земля похвальнымъ отзывомъ награждаетъ благочестивую жизнь и сопоставлена съ небомъ, представляющимъ дальнѣйшую награду.

А. Фостъ.

КЪ НАДПИСИ СЦИПІОНА БАРБАТА.

Однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ антиковъ, украшающихъ Ватиканскій музей, безспорно признается прекрасно сохранившійся саркофагъ Люція Корнелія Сципіона Барбата, помѣщенный въ такъ называемомъ *Atrio quadrato* при входѣ въ *Museo Chiaramonti*. Научная важность высѣченнаго на гробницѣ елогія давно оцѣнена въ надлежащей мѣрѣ, и распространяться о ней нѣтъ необходимости. Обращаемъ только вниманіе читателей на одно явленіе въ послѣднемъ стихѣ надписи, остающееся доселѣ, сколько намъ извѣстно, еще не отмѣченнымъ, а потому и не получившимъ должной оцѣнки въ ряду данныхъ для исторіи латинскаго алфавита.

Отмѣтимъ прежде всего, что гробница освѣщается довольно невыгодно: свѣтъ, падающій на нее изъ окна въ противоположной стѣнѣ, въ значительной степени уменьшается помѣщеннымъ посреди комнаты громаднымъ торсомъ Иракла, и надпись читается наилучшимъ образомъ лишь тогда, когда при ясной погодѣ свѣтъ упадетъ на нее справа, черезъ дверь, соединяющую *Atrio quadrato* съ соседнимъ *Atrio rotondo*, то-есть, подъ угломъ около 45° . Далѣе, самая надпись, какъ и всѣ почти надписи музея, при своемъ помѣщеніи сюда вновь наведена киноварью и довольно густо; не замѣченные однако миниаторами буквы остались не покрашенными, а потому на первый взглядъ и не замѣтными: въ *Galleria Lapidaria* тому прихвѣровъ всякій внимательный найдетъ не одинъ.

SAMNIO · CEPIT — SVBIGIT · OMNE · VOVCANAM · OPSIDESQVE ·
ABDOVCIT

по видимому стоитъ на камнѣ. Но пусть посѣтитель благоволитъ воспользоваться яснымъ днемъ и при вышеописанномъ освѣщеніи сар-

кофага станетъ нѣсколько лѣвѣе передъ нимъ, упираясь правымъ плечомъ въ помянутой торсъ Иракла, чтобъ отраженный камнемъ лучъ свѣта падалъ въ глаза подъ тѣмъ же угломъ, — и онъ ясно увидитъ, что на казонѣ высѣчено не *ABDOVCIT*, а *ABDOVCSIT*. Неоднократнымъ и тщательнымъ разсмотрѣніемъ поверхности камня въ этомъ мѣстѣ мы лично убѣдились въ слѣдующемъ: рѣзчикъ въ началѣ написалъ дѣйствительно *ABDOVCIT*, но найдя, что сдѣлалъ ошибку, добавилъ *S* между *C* и *I*, вырѣзавъ его однако нѣсколько меньшаго размѣра противу сосѣднихъ литеръ и не столь глубоко, очевидно, во избѣжаніе выкрошенія хрупкаго ререгипо отъ взаимно близкихъ углубленій. Поэтому *S*, вывѣтрившееся болѣе сосѣднихъ буквъ и не наведенное вновь краскою, на первый взглядъ почти не замѣтно; но, повторяемъ, тщательный осмотръ надписи долженъ убѣдить всякаго наблюдателя въ его присутствіи. Неправъ былъ Ричль (*Die ält. Scipioneninschr. Opusc. IV p. 223 **) въ своихъ словахъ: „weder *SVBICIT* noch bloss *LOVCANA* noch *ABDOVCSIT* hat der Stein, oder hat er (in Bezug auf das letzte) jemals gehabt“.

Написание *abdoucsit*-*abdouxit*, *abduxit*—высокой важности: оно подтверждаетъ стоявшее доселѣ подъ сомнѣніемъ или категорически отрицавшееся новою наукой показаніе древнихъ римскихъ грамматиковъ о томъ, что до введенія начертанія *X* звукъ этотъ изображался черезъ *CS*, напримѣръ: *Diomed. I K. p. 422, 30: x duplex est, ante quam inventam g et s vel c et s veteres scriptitabant*; мѣста собраны въ *Seelmann, Ausspr. d. Latein p. 346*; ср. *Corssen, Ausspr. I¹ p. 6 sqq.*; *Mommsen—Rhein. Mus. vol. 15 p. 464 sq. Stolz, Lat. Gr. p. 137; Seelmann, op. cit. p. 352.*

И. Холодильникъ.

1809 — 1812, 8°; изд. 2-е. С.-Пб. 1812; изд. 3-е, болѣе полное, подъ заглавіемъ: Собраніе стихотвореній. С.-Пб. 1819 — 1821, 8°. Посвящено императрицѣ Маріи Теодоровнѣ; въ это изданіе не вошли однако всѣ стихотворенія, помѣщенные въ „Неопытной Музѣ“.

Рец. 1-го изданія—въ Цѣтникѣ Веняцкаго 1809 г., № 7; 3-го изданія а) Русск. Инвалидъ 1819 г., № 216; б) Сынъ Отечества 1820 г., ч. 61.

8) О Счастьи, дидактическое стихотвореніе изъ 4-хъ пѣсенъ. С.-Пб. 1810, 8°; посвящено Е. И. В. Марьѣ Теодоровнѣ. 9) Сельскіе вечера. С.-Пб. 1811, 8°; посвящено брату, Петру Петровичу Бунину. 10) Спасеніе Оивъ, героическая повѣсть. С.-Пб. 1811, 8°. Съ посвященіемъ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. 11) Стихи на смерть капитана гвардейской артиллеріи Ростислава Ивановича Захарова, въ Сынѣ Отечества 1813 г., № 12. 12) Спасеніе несчастнаго семейства, въ Сынѣ Отечества 1813 г., № 2 (были отписки); перепечатано въ Русск. Архивѣ 1876 г., № 7, стр. 317—319. Выписки помѣщены въ статьѣ: Примѣры честности усердія слугъ русскихъ, въ Вѣстникѣ Европы 1812 г., ч. 65, № 19. 13) Гавриилу Романовичу Державину, стихотвореніе, въ Сынѣ Отечества 1814 г., ч. 13. 14) При встрѣчѣ весны, стихотвореніе, въ сборникѣ: Муза новѣйшихъ рос. стихотворцевъ. М. 1814. 15) Молитва Лиданы, *ibid.* 16) Пѣснь Александру Великому, побѣдителю Наполеона и возстановителю царствъ. С.-Пб. 1816, 4°. 17) Агарь въ пустыни, соч. г-жи Жанлисъ, переводъ съ французскаго, въ Сынѣ Отечества 1817 г., ч. 40, за подписью а—а—а. 18) Молитва. С.-Пб. 1820, 4°; на послѣдней страницѣ: „Въ день рожденія государя императора“. 19) Нравственныя и философическія бесѣды г. Влера, переводъ съ англ. М. 1829, 8° (большая часть труда осталась въ рукописи).

Рец. а) Моск. Вѣдомости 1829 г., № 34; б) Сѣверная Пчела 1829 г., № 93; в) Дамскій Журналъ 1830 г., ч. 29, № 10.

20) Послѣдніе стихи, въ Дамскомъ Журналѣ 1830 г., ч. 32, стр. 88. 21) Письма къ Дмитрію Максимовичу Бунину, 1827 г., въ Дамск. Журналѣ 1831 г., № 1. 22) Стансы на болѣзнь Д. А. Л. (одыгной?) и на выздоровленіе Д. А. Л., 6 венум. стр., безъ года и мѣста печати, 82° (видѣно мною, въ концѣ 50-хъ годовъ, въ бібліотекѣ С. Д. Полторацкаго).

На болѣзнь:

Что пасмурна погода,
Хотя теперь весна?
Знать сътуетъ природа,
Что Дашенька больна, и пр.

На выздоровленіе:

...Изчезли мраки, громъ,
Свѣтла природа снова,
Вся въ радости о томъ,
Что Дашенька здорова.
Что сталъ такъ веселъ зракъ
Эрота дорогаго?
Свершится скоро бракъ,
Коль Дашенька здорова.

О ней: а) Биографія и завѣщаніе Буниной, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., № 51 и 52, и 1831 г., № 9; б) о присутствіи ея на литературномъ вечерѣ у Шнишкова: Аксаковъ, Семейная Хроника. М. 1856, стр. 479; в) отзывы о ея стихотвореніяхъ—тамъ же; г) Гречъ. Опытъ краткой исторіи русск. литературы С.-Пб. 1822; д) О родствѣ ея съ Милоновымъ, въ Соч. Державина, изд. Грота, 2, 297; е) Посланія къ ней Милонова, въ Цвѣтникѣ, Веницаго 1810 г., № 11, и ж) въ Соревнователѣ 1822 г., ч. 17 (они находятся въ сочиненіяхъ М. А. Милонова. С.-Пб. 1849, и въ Сатирахъ и другихъ мелкихъ стихотвореніяхъ Милонова. С.-Пб. 1819; см. статью Лонгинова, въ Р. Архивѣ 1864 г., стр. 1121); з) объ отъѣздѣ ея въ Англію, князя Шаликова, въ Росс. Музеумѣ 1815 г., № 9; и) „На отъѣздѣ ея въ Англію“, стих. Степанова, въ Сынѣ Отечества 1815 г., № 32; і) стихи ей Пучковой — „Любезной путешественницѣ А. П. Буниной, предъ отъѣздомъ ея въ Англію“, *ibid.*, № 33; к) Соревнователь 1823 г., ч. 21, стр. 102; л) стихи ей И. И. Дмитріева — „На случай полученія вышитаго по канвѣ генія“, въ Вѣстникѣ Европы 1806 г., ч. 22, № 18, и въ Стихотвореніяхъ Дмитріева. С.-Пб. 1814, ч. 2, стр. 71; м) объ отношеніяхъ ея къ нему же, въ изданіи Державина, Грота, т. 6, стр. 147 и 192; н) эпитафия на эти отношенія Батюшкова. Сочиненія К. П. Батюшкова, т. I, С.-Пб. 1887; о) къ ея биографіи — Сочиненія Державина, т. II, стр. 375; п) стихи ей Державина, тамъ же, т. 3, стр. 436; р) въ 1-мъ изданіи Сочиненій Державина, съ объяснительными примѣчаніями И. К. Грота, предполагается возможнымъ, что ей посвящена піеса „Къ Полигимніи, 3, 233, но во 2-мъ изданіи признано, что она посвящена Р. С. Стурдза (въ замужествѣ гр. Эдлингъ); см. выше о Вѣлшовой, и ниже—о княгинѣ З. А. Волконской; с) о ея пьесѣ—Майская прогулка болящей, похвальный отзывъ Кюхельбекера, въ Сынѣ Отечества 1825 г., ч. 103, стр. 71 — 72; т) биографія ея (П. Корсакова) въ Энциклопед. Лексиконѣ, Плюшара. С.-Пб. 1836, т. 7, стр. 356 — 358, гдѣ говорится о вниманіи, которымъ пользовалась Бунина отъ Царской фамиліи; у) Настояльній Словарь Толя, ч. 1, стр. 356 (гдѣ годъ ея кончиномъ ошибочно означенъ—1817); ф) Дополненіе къ нему, Волевса. С.-Пб. 1875, стр. 137; х) Хмыровъ: „Русскія писательницы прошлаго времени“, въ журналѣ Разсвѣтъ 1861 г., № 11; и) Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I. С.-Пб. 1869, т. 3, стр. 69; ч) упоминается какъ о замѣчательной женщинѣ въ Кабинетѣ Аспазіи 1815 г.; ш) въ письмахъ Батюшкова, Сочиненія, т. III. С.-Пб. 1886; щ) его же піеса, направленная, между прочимъ, и на нее: Видѣніе на берегахъ Леты; њ) Мордовцевъ: Русскія женщины новаго времени (Женщины

девятнадцатаго вѣка). С.-Пб. 1874; и) о ея семействѣ — Р. Архивъ 1869 г., стр. 118—119; ъ) сестра ея Марья Петровна Бунина, въ замужествѣ Семенова, была бабкою писательницы нашего времени, Натальи Петровны Гротъ (см. это имя); з) портретъ ея въ собраніи портретовъ (масляными красками, весьма похожій), М. П. Погодина; э) некрологъ ея, въ Сѣв. Пчелѣ 1829 г., декабрь; ю) эпитафія графа Хвостова, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 29, № 4, стр. 59; я) о высочайшемъ ей пособіи въ 1817 г.—Русск. Архивъ 1877 г., № 6, стр. 215; е) упоминается въ книгѣ В. С. Иконникова: графъ Н. С. Мордвиновъ. С.-Пб. 1873, стр. 86; аа) Руссовъ, стр. 8 — 9; бб) Словарь Снегирева; вв) Соч. Вѣлинскаго, т. 7; гг) Геннади, Словарь 1, 116; дд) въ рец. Barrière'a на соч. кн. Эмм. Мих. Голицына: La Finlande, въ Journal des Débats 1853 г., 3 sept.; ее) Очерки и рассказы ея племянника, Эразма Стогова, въ Р. Старинѣ 1878 г., № 11, стр. 522; жж) письмо Нелединскаго, въ Русск. Архивѣ 1873 г., 2, 2201, зз) Р. Старина 1879 г., т. XXIV, стр. 49—55.

Буренина, С.—Рассказы для дѣтей. С.-Пб. 1873, 8°.

Рец. а) Библіотека дешевая и общедоступная 1873 г., № 4 (въ статьѣ „Дѣтская литература въ новыхъ рукахъ“); б) Дѣло 1873 г., № 12 (въ статьѣ: „Дѣтская литература“); в) Дѣтскій Садъ 1873 г., № 6—7; г) Педагогическій Листокъ при Дѣтскомъ Читеніи 1873 г., № 1; д) С.-Пб. Вѣдомости 1873 г., № 95; е) Семья и Школа 1873 г., № 4—5.

Бурнашова, Екатерина Павловна, родилась 2-го января 1819 г., дочь ст. совѣтника Павла Степановича, воспитанница нѣмецкаго Петропавловскаго училища, классная дама Смольнаго монастыря (1851—1857), а затѣмъ Николаевскаго сиротскаго института.—1) Путешествіе въ Корсику, на островъ Эльбу и въ Сардинію, г. Валери, пер. съ франц. С.-Пб. 1846, 2 части, 12°.

Рец. а) Отеч. Записки 1846 г., т. 49, № 11; б) Библиот. для Читенія 1846 г., т. 79; в) Современникъ 1846 г., т. 44.

2) Въмѣстѣ съ сестрою своею, Марьею Павловной, перевела сочиненіе Гросгейнриха: Елисавета Кульманъ и ея стихотворенія, въ Библиотекѣ для Читенія 1849 г. томы 94, 95 и 96, и отдѣльно: С.-Пб. 1849, 8°.

Рец. а) Отеч. Записки 1850 г., № 1, отд. 6, стр. 38—50; б) Москвитиннѣ 1850 г., № 16, кн. 1, стр. 122—125; в) Сѣверная Пчела 1850 г., № 2.

3) Переписка Смолянки, въ Звѣздочкѣ 1853 г., № 7; 4) Стихотворенія Елисаветы Кульманъ, три статьи, въ Лучахъ 1853 г., № 3, 4 и 6; 5) Нѣсколько словъ о русскомъ языкѣ, *ibid.* 1853 г., № 9; 6) Ив. Ив. Вецкій, *ibid.* 1854 г., № 2; 7) Мудреная статья, *ibid.* 1854 г., № 5; 8) Подруга, повѣсть, *ibid.* 1854 г., № 6—8; 9) Трудно — не могу, *ibid.* 1854 г., № 2; 10) Сестра-наставница, *ibid.* 1855 г., № 1; 11) Моя старая нянюшка, *ibid.* 1855 г., № 3; 12) Красавица, рассказъ, *ibid.* 1855 г., № 12; 13) Сигизмундъ Рюстигъ, бременскій

штурманъ. Новый Робинзонъ, сочиненіе капитана Марріата, переводъ съ англійскаго. С.-Пб. 1856, вошло въ составъ Библіотеки для дѣтей, изд. В. Генкеля (С.-Пб. 1856, т. 1—4).

Рец. Толмъ въ книгѣ: „Наша дѣтская литература“. С.-Пб. 1862.

14) Сонъ маленькой Вари, рассказъ, *ibid.* 1856 г., № 1; 15) Гостицы, рассказъ, *ibid.* 1856 г., № 8; 16) Анекдоты о Петрѣ Великомъ, *ibid.* 1856 г., № 1; 17) На словахъ и на дѣлѣ, *ibid.* 1856 г., № 8; 18) Что такое книга? *ibid.* 1857 г., № 4; 19) Труба-дѣвочка, *ibid.* 1857 г., № 11; 20) Мы сами женщины виноваты (отвѣтъ на статью г-жи Дестунисъ: „Чему мы женщины учились“, въ Журн. для воспитанія 1859 г., № 8), въ Журн. для воспитанія 1859 г., № 11; 21) Переписка ученицы съ наставниками. Статьи для переводовъ на французскій и нѣмецкій языки, съ приложеніемъ словаря. С.-Пб. 1861, 12°.

Рец. а) Учитель 1864 г., № 13—14 (статья Е. Кемница).

22) Два слова о женской эманципациі (по поводу статьи М. Л. Михайлова: Женщины въ университетѣ, въ Современникѣ 1861 г., № 4), въ Сѣверной Пчелѣ 1861 г., № 145; 23) Замѣчанія относительно вреда отъ ранняго обученія иностраннымъ языкамъ, въ журналѣ Учитель 1862 г., № 13 и 14; 24) За границю и у насъ, статьи въ Сѣверной Пчелѣ 1863 г., №№ 223, 248, 288 и 337; 25) Возраженіе на статью: Прошу прочесть, въ Сѣв. Пчелѣ 1863 г., № 269; 26) романсъ: Звонокъ, музыка Югансона; изд. Битнера (1858 г.).

Бурнашова, Марья Павловна, дочь статск. совѣтника Павла Степановича. — Выѣстѣ съ сестрою своею Екатериною Павловною (см. выше), перевела съ нѣмецкаго сочиненіе Гросгейриха: Елисавета Кульнапъ и ея стихотворенія

Бурнашова, Софья Петровна, писала подъ псевдонимомъ: „Дѣвица Эсбе“ (то-есть, С. Б.). — 1) Недѣля у бабушки на дачѣ С.-Пб. 1839, 12°.

Рец. а) Библіот. для Чтенія 1839 г., т. 33.

2) Собраніе назидательныхъ и полезныхъ для юношества повѣстей герцогини Абрантесъ, переводъ съ французскаго. С.-Пб., 2 ч., 1839, 8°.

Рец. а) Отеч. Записки 1839 г., т. 2, отд. 7, стр. 85.

3) Въ 1858 году, начала издавать, выѣстѣ съ другими русскими дамами, и редактировала журналъ Часъ досуга, петербургское ежемѣсячное изданіе, для русскаго юношества обоюго пола. Въ 1866 году,

программа его была измѣнена и цѣна уменьшена, но это не спасло журналъ отъ паденія: на 2-мъ № 1863 г. онъ прекратился.

Отзывъ о немъ, въ книгѣ Толя: „Наша дѣтская литература“, стр. 281 и слѣд.

4) Живые цвѣты. С.-Пб. 1859, 8°; 5) Драматическій букетъ. С.-Пб. 1859, 12°. Въ 1860 году, та же книга явилась подъ заглавіемъ: Новое собраніе театральныхъ піесъ для дѣтскаго театра.

Отзывъ Толя въ книгѣ: „Наша дѣтская литература“, (гдѣ указывается, что помѣщенная тутъ піеса „Деревянная нога“ писана Дельвигомъ, а не издательницею).

6) Рукодѣлья—забавы. Альбомъ всевозможныхъ пріятныхъ и увеселительныхъ дамскихъ работъ, служащихъ къ украшенію письменнаго и туалетнаго столика, кабинета, будуара и гостиной. С.-Пб. 1869, 4°; 7) Калейдоскопъ. Дѣтская иллюстрація, еженедѣльное изданіе для русскихъ дѣтей средняго возраста; началъ выходить съ 1860 года, по 50 нумеровъ въ годъ. Въ 1862 году, выходилъ подъ названіемъ: Живописный Дѣтскій Сборникъ и Калейдоскопъ, въ 8°. 8) Наставленіею томъ, какъ мыть, чистить и вообще содержать бѣлье и другіе предметы женскаго гардероба и туалета. С.-Пб. 1859; 8°, съ 16-ю рисунками въ текстѣ; подписано псевдонимомъ Глафиры Михайловны Щигровской.

Рец. Отеч. Записки 1859 г., т. 122, стр. 52—54.

Бурноволокна, Марья.—Иронда, въ Новостяхъ русск. литературы 1820 г., ч. 2, стр. 323.

Буташевская, С.—Дневникъ дѣвочки, съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Изданіе Н. А. Серно-Соловьевича. С.-Пб. 1862.

Рец. а) Отеч. Записки 1862 г., № 12; б) Книжн. Вѣстникъ 1862 г., № 23; в) Учитель 1863 г., № 17 (ст. Е. Кеммца).

Бутенева, О. Н.—1) Семь братьевъ и сестра, соч. Луизы Олькотъ, переводъ съ англійскаго, подъ ред. М. Цебриковой. С.-Пб. 1876.

Изд. 2-е. С.-Пб. 1887, 8°; 2) Юность розы, Луизы Олькотъ (продолженіе повѣсти „Семь братьевъ и сестра“), переводъ съ англ. С.-Пб. 1878, 8°.

Рец. Нов. Время 1878 г., апрѣль, № 759.

3) Подъ сиренями, соч. Л. Олькотъ. Пер. съ англ. С.-Пб. 1880, 8°; 4) Маленькіе мужчины, соч. Л. Олькотъ. Пер. съ англ. С.-Пб. 1883, 8°.

Буткевичъ, Анна Алексѣевна, сестра Н. А. Некрасова, +1882 г., въ Петербургѣ.—1) Въ объявленіи Марко-Вовчка о новомъ иллюстрированномъ изданіи на 1871 г. обѣщавъ переводъ ея Путешествія

пѣ Аравіи, Пальгрева; 2) Знаменитый докторъ Максъ, Эрмана-Шатриана, пер. съ французскаго, въ Переводахъ лучшихъ иностр. писателей 1871 г., мартъ; 3) издала посмертное собраніе стихотвореній своего брата (С.-Пб. 1879, 4 тома и 1882, одинъ томъ; 4) Некрасовъ русскимъ дѣтямъ. Иллюстрированное изданіе. С.-Пб. 1881, 4°. О ней: Отеч. Записки 1882 г., кн. IV, отд. II, стр. 301—302.

Бутлеръ, Евгенія.—Азбука. Уроки чтенія и постепеннаго развитія мышленія. С.-Пб. 1864, 8°.

Бухарина, Вѣра.—Петръ и Василій, рассказъ для крестьянскихъ дѣтей. С.-Пб. 1867, 16°. Посвящено Стрекаловской школѣ.

Ред. Мѣрск. Слово 1871 г., № 1.

Бывшая воспитанница. — Женскія взятки, въ газетѣ День 1864 г., № 39.

Быдарина, А. — Петрушка Рудометовъ. Очерки горнозаводской жизни, въ Отеч. Запискахъ 1878 г., № 12.

Быкова, М.—Первые рассказы изъ естественной исторіи. С.-Пб. 1877, 12°.

Бычкова, Анна Юрьевна (род. 25-го іюля 1842 † 3-го февраля 1880 г.), рожд. княжна Ромодановская-Лодыженская, супруга Теодора Аванасьевича Бычкова, герцога Висконти.—„Занималась изслѣдованіями по классической археологіи. Ея сочиненія хранятся въ рукописяхъ“ (Θ. А. Бычковъ. Родословная рода князей и дворянъ Бычковыхъ-Ростовскихъ. С.-Пб. 1880, стр. 57).

Бычкова, Екатерина Аванасьевна (р. 3-го ноября 1856 г.), дочь д. т. с. Аванасія Теодоровича Бычкова. — Кіевская святиня. С.-Пб. 1882. 8°.

Бѣдарева, Александра, дѣвица.—Стихотворенія. Кіевъ. 1846, 16°. Посвящены графинѣ Екатеринѣ Осиповнѣ Меллиной, съ эпитграфомъ княгини З. А. Волконской (помѣщались отчасти въ Маякѣ 1844 г., т. 16).

Ред. въ Отеч. Запискахъ 1846 г., т. 58, отд. 6.

Бѣлавина, С. — Письмо къ издателямъ, въ журналѣ Утренній Свѣтъ 1780 г., ч. 8, стр. 288.

Бѣлова, Анна.—1) Ершовъ (авторъ сказки Конекъ-Горбунокъ) и его жизнь. Для дѣтей старшаго возраста. С.-Пб. 1874.

Ред. а) Педагогич. Листокъ при Дѣтск. Чтен. 1874 г., № 2, стр. 152; б) С.-Пб. Вѣдомости 1874 г., № 125.

2) Одна изъ грустныхъ исторій, повѣсть. С.-Пб. 1872, 8°.

Бѣлозерская, Надежда Александровна, рожден. Генъ, съ 1856 г.

супруга д. с. с. Василя Михайловича, издателя журнала Основа, сестра З. А. Генз (см. это имя), род. 29-го марта 1838 г., въ усадьбѣ Софievкѣ, Новгородской губ., Бѣлозерскаго уѣзда. Воспитаніе получила домашнее. Въ 1868 году выдержала экзаменъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ на званіе домашней учительницы. 1) Переводъ съ англійскаго: „Записки о Московіи XVI вѣка, сэра Джерома Горсея“. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. И. Костомарова, въ Библ. для Чтенія 1865 г., № 4—6. Переводъ не оконченъ; 2) Мощено золотомъ, романъ. Перев. съ англ. (Отеч. Записки 1870 г., июль—декабрь. До 97-й страницы переводъ принадлежитъ М. А. Марковичъ; 1871 г., апрѣль); 3) Кіевъ и его святиня въ половинѣ XVII вѣка. Изъ путешествія Антиохійскаго патриарха Макарія, описаннаго его архидіакономъ Павломъ. Переводъ съ англ. (Кіевскія епарх. вѣдомости 1872 и 1873 гг. и отдѣльно); 4) Семь язвъ Лондона, Гринвуда, перев. съ англ. (Иллюстриров. Журналь 1872 г., № 5. Переводъ не оконченъ); 5) Рабочія біографіи, С. Смайльса, помѣщено въ изданіи: Переводы иностранныхъ писателей (1871 г., № 2, стр. 53 — 66 и № 3, стр. 67 — 108), подъ заглавіемъ: Біографіи промышленныхъ дѣятелей, Самуила Смайльса. Издано отдѣльно. С.-Пб. 1872 8°; 6) Исторія человѣческой культуры, Ф. Кольба, переводъ съ нѣмецкаго, въ Переводахъ лучшихъ иностр. писателей 1871 г., № 2 и 3, и отдѣльно, С.-Пб. 1872, 8°; 7) Древнее право, его связь съ древней исторіей общества и его отношеніе къ новѣйшимъ идеямъ, Г. С. Мэна, переводъ съ англ. С.-Пб. 1873, 8°.

Рец. а) Дѣло 1873 г., № 7, стр. 1—10; б) Судебн. Вѣстникъ 1873 г., № 79.

8) Картины изъ исторіи римскихъ нравовъ, отъ Августа до послѣдняго изъ Антониновъ. Необходимое пособіе при изученіи римскихъ классиковъ, Л. Фридендера; пер. съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1873, 8°.

Рец. Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія 1873 г., № 6, стр. 363—370.

9) Картины изъ русской исторіи отъ начала Руси до нашихъ временъ. Текстъ Н. А. Бѣлозерской, просмотрѣнный Н. Костомаровымъ; изд. Арнольда и Вармунда, выпускъ 1. С.-Пб. 1875, 2 листа текста и 2 картины; 10) Памятникъ протекшихъ временъ, А. Т. Болотова. М. 1875. Рецензія (Древн. и Новая Россія 1875 г., т. I, съ подписью: Б. Гнв.); 11) Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники, А. Г. Брикнера. М. 1874. Рецензія (ibid., т. II, съ тою же подписью); 12) Н. И. Новиковъ, А. И. Нежеленова. С.-Пб. 1875. Рецензія (ibid., т. III, съ тою же подписью); 13) Истор. разска-ніе о русск. повременныхъ изданіяхъ. А. Н. Неустроева, С.-Пб.,

1874. Рецензія (*ibid.*, 1876 г. т. I, съ тою же подписью); 14) Книга о кievскихъ богатыряхъ, В. П. Авенаріуса. С.-Пб. 1876. Рецензія (*ibid.*, съ тою же подписью); 15) Наши чудодѣи. С.-Пб. 1875. Рецензія (*ibid.*, т. III, съ тою же подписью); 16) Записки юго-западнаго отдѣла И. Р. Географ. Общества, т. II. Кіевъ. 1875. (*ibid.*, съ тою же подписью); 17) Искусство какъ предметъ науки, Джемса Селли (Знаніе 1876 г., т. I, безъ подписи); 18) Стародубье. Записки Т. А. Верховскаго. Казань. 1874. Рецензія (Древн. и Новая Россія. 1877 г., т. I, съ подписью: В. Гив.); 19) Хроника недавней старины. С.-Пб. 1876. Рецензія. (*ibid.*, т. II, съ тою же подписью); 20) Россія сто лѣтъ назадъ. Путешествіе англійскаго историка Кокса въ 1778 году. Перев. съ англ. (Р. Стар. 1877 г., т. XVIII, XIX); 21) въ 1878 году редактировала журналъ: Воспитаніе и обученіе (Указат. по дѣл. печати 1878 г., № 9, стр. 266); 22) Императрица Елизавета Петровна въ 1760—1761 гг., ст. Арнольда Шефера; переводъ съ нѣмецкаго, въ Русск. Старинѣ 1880 г., № 8; 23) Рецензія на книгу: *Un homme d'autrefois. Souvenirs recueillis par son arrière-petits-fils le marquis Costa de Beauregard*, 3 ed. Paris. 1879. (Истор. Вѣстн. 1880 г., т. I); 24) Дневникъ маркизы Вестминстеръ (*ibid.*, т. II, съ подписью Н. В.); 25) Новый всемірный потопъ, истор. романъ Ю. Роденберга. Пер. съ нѣм. (Приложеніе къ Истор. Вѣстнику 1880 г., т. I и II); 26) Люциферъ, романъ изъ временъ Наполеона I, К. Френцеля. Пер. съ нѣм. (*ibid.*, т. II и III); 27) Графиня Шатобрианъ, истор. романъ Г. Лаубе. Пер. съ нѣм. (*ibid.*, 1881 г., т. IV и V); 28) Въ золотомъ вѣкѣ, истор. романъ, К. Френцеля. Пер. съ нѣм. (*ibid.*, т. V и VI); 29) Исторія основанія Петербурга (Живописная Россія 1881 г., т. I, ч. 2); 30) Собраніе неизданныхъ рисунковъ-акварелей профессора живописи Ф. Г. Солнцева (Русск. Старина 1881 г., т. XXXI); 31); Естественная исторія племенъ и народовъ, Фр. Гельвальда, 2 тома. Изд. А. С. Суворина. С.-Пб. 1881 — 1885; 32) Очерки изъ исторіи Россіи (Родникъ 1882 г., т. I, №№ 1, 3, 4); 33) Варооломеевская ночь. Истор. хроника царствованія французскаго короля Карла IX, П. Мериме. Пер. съ франц. (Приложеніе къ Истор. Вѣстнику 1882 г., т. IX и X); 34) Сиракузы, статья Блюмнера. Пер. съ нѣм. (Истор. Вѣстникъ 1882 г., т. X); 35) Царское вѣнчаніе въ Россіи, истор. очеркъ (Русск. Мысль 1883 г., кн. IV и V); 36) Кромвель, истор. романъ, Ю. Роденберга. Пер. съ нѣм. (Прилож. къ Истор. Вѣстнику 1883 г., т. XI—XIV); 37) Саванарола, культурно-историческій очеркъ изъ временъ воз-

рожденія во Флоренціи и Римѣ, Адольфа Глазера. Пер. съ нѣм. (Прилож. къ Истор. Вѣстнику 1884 г., т. XV—XVIII); 38) Записки Ванъ Галена. Пер. съ англ. (Истор. Вѣстникъ 1884 г., т. XVI); 39) Дневникъ Ѳ. И. Дозе (Истор. Вѣстникъ 1884 г., т. XVIII, безъ подписи); 40) Нѣсколько биографій въ изданіи А. С. Суворина: „Историческая портретная галлерей“; 41) Государство Лунда (Истор. Вѣстникъ 1886 г., т. XXIII, съ подписью Н. А. В.); 42) Донской казакъ въ Лондонѣ *ibid.*, т. XXVI); 43) Андроникъ Комненъ. Разсказъ изъ византійской исторіи, Г. Перваноглу. Пер. съ нѣм. (Прилож. къ Истор. Вѣстнику 1886 г., т. XXV и XXVI); 44) Библиографическій Листокъ. Замятки о новыхъ книгахъ (о 5-ти сочиненіяхъ)—въ Русск. Старинѣ 1886 г., т. XLIX, безъ подписи; 45) Отзывы о различныхъ книгахъ, на оберткахъ Русск. Старини 1886 г., №№ 2, 3, 4, 6, 7, 8; 46) Н. И. Костомаровъ въ 1857—1875 гг. Воспоминанія (Русск. Старина 1886 г., т. XLIX и L); 47) Д. Е. Гнусинъ, печныхъ дѣлъ мастеръ, очеркъ (*ibid.*, т. LI); 48) И. П. Келеръ, профессоръ живописи (*ibid.*, т. LI); 49) Биографіи Т. Н. Грановскаго и В. И. Назимова (Русскіе дѣятели, въ портретахъ. Изд. Русск. Старини. Второе собраніе. С.-Пб. 1886); 50) Карнавалъ короля Иеронима, истор. романъ Г. Кенига. Пер. съ нѣм. (Прилож. къ Истор. Вѣстнику 1887 г., т. XXVII—XXX); 51) Отзывы о различныхъ книгахъ, на оберткахъ Русск. Старини 1887 г., №№ 1, 2, 3, 5, 7, 8; 52) Марія Ивановна Гоголь, биографическій очеркъ (Русск. Старина 1887 г., т. LIII); см. ст. Н. А. Трахимовскаго: М. И. Гоголь. По поводу статьи Н. А. Вѣлосерской—въ Р. Старинѣ 1888 г., № 7. 53) Ѳ. Г. Солнцевъ, профессоръ археологической живописи. Биограф. очеркъ (Р. Старина 1887 г., т. LIV); 54) Россія въ шестидесятихъ годахъ прошлаго вѣка. По книгѣ сэра Джорджа Макартнея: „Описаніе Россіи“ (*ibid.*, т. LV); 55) Н. В. Гоголь. Служба его въ Патриотическомъ институтѣ, 1831—1835 гг. (*ibid.*, т. LVI); 56) В. Т. Нарѣжнѣй. Историко-биографическое изслѣдованіе (Р. Старина. 1888 г., № 5 и слѣд.).

Бѣлышова, дѣвица, воспитанница Екатерининскаго института (подписывалась—В.).—1) Къ фантазіи, стихотвореніе, въ Сынѣ Отечества, ч. 12, № 9.

Отзывъ И. П. Быстрова, въ Сѣверной Пчелѣ 1847 г., № 136.

2) На смерть подруги, А. Н. Кр—й, стихотвореніе, тамъ же (изъ выносокъ видно, что оба стихотворенія писаны въ бытность еще въ институтѣ); 3) Совѣтъ юной подругѣ, стихотвореніе, въ Сынѣ Отечества 1817 г., ч. 39.

а) Бѣлишова извѣстна вниманіемъ къ ея таланту, оказаннымъ ей Державиннымъ, который написалъ ей осьмистишіе: „Сочинительницѣ стихотвореній: Къ фантазій и На смерть подруги“, въ Сынѣ Отечества 1814 г., ч. 12, № 10 (Сочин. Держ., изд. Грога, т. 3, стр. 192); б) Я. К. Гротъ предполагалъ, что стихотвореніе Державина къ „Полигимніи“ (1816 г.) могло тоже относиться къ ней (*ibid.*, 3, 233), но позднѣе подтвердилось, что оно относилось къ Р. Ск. Стурдза (въ замужествѣ графинѣ Эделингъ).

Бѣльская, А. — Очерки институтской жизни. благо времени (изъ воспоминаній старой институтки), въ журналѣ Заря 1870 г., августъ.

Бѣльская, Елена. — Казаматовка, повѣсть, въ Русск. Рѣчи 1861 г., № 76—82.

Бѣльская, М. — Холеніусъ: Темы и планы для сочиненій, пер. съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1873, 8°; изд. 2-е. С.-Пб. 1874, 12°; изд. 3-е. М. 1886, 8°.

Бѣльева, Анна, въ замужествѣ Михайлова. — 1) Удовольствіе съ пользою, часть I. Повѣсти нравственныя для дѣтей, начинающихъ читать; часть II. Повѣсти, анекдоты и нравственный календарь; часть III. Подарокъ моимъ племянницамъ (надана подъ фамиліею Михайловой) Машѣ и Колѣ; книжечка для малыхъ дѣтей, начинающихъ понимать, что дѣлается вокругъ; составлена одною изъ наставницъ. С.-Пб. 1856—1858.

Рец. въ Отеч. Запискахъ 1857 г., № 8.

2) Золотая книжка для юноши. Повѣсти для дѣтей старшаго возраста, отъ 10 до 13 лѣтъ. С.-Пб. 1856; изд. 2-е. С.-Пб. 1880, 8°.

Рец. а) Книжки. Вѣстникъ 1861 г. № 23; б) въ книгѣ Толля: Наша дѣтская литература. С.-Пб. 1862.

3) *Etrennes à Marie, ouvrage destiné aux petits enfants, qui apprennent à lire.* S.-Pbourg. 1857, 8°.

Рец. Толль: Наша дѣтская литература.

4) Вторая книжечка Маши, повѣсти для дѣтей, начинающихъ читать порядочно, съ раскрашенными картинками. С.-Пб. 1856; изд. 2-е С.-Пб. 1882, 8°.

Рец. Ф. Толля въ книгѣ: Наша дѣтская литература.

5) Подарокъ Машѣ, книжечка для маленькихъ дѣтей, для первоначальнаго чтенія. С.-Пб. 1856, 8°. Два изданія. С.-Пб. 1873, 8°. То же, на русск. и нѣмецк. языкахъ. С.-Пб. 1863; 2-е изд., испр. С.-Пб. 1875.

Рец. Журн. для воспитанія 1857 г., № 8, стр. 191—195.

6) Сотрудница педагогическаго журнала. Воспитаніе и обученіе въ 1877 г.

Бюстримова, А.—Желѣзная маска, или отецъ и сынъ, испанская повѣсть; переводъ съ французскаго. М. 1870, 32°.

В—я, Е—а.—Пустыня, соч. Юлія де-Сенъ-Феликсъ, пер. съ французскаго. Одесса. 1862, 8°.

В—я, Олимпиада.—Торжественный для всей Россіи праздникъ по случаю священнаго коронованія Е. И. В. государя императора Александра Николаевича, Самодержца Всероссийскаго. М. 1856.

В., А.—Подпись А. Волковой подъ многими произведеніями (см. это имя).

В., А. В.—Письмо въ Совѣтъ Харьковскаго Общества Благотворительности, въ Украинскомъ Вѣстникѣ 1817 г., ч. 1, стр. 351—352.

В—а, Марья А. — 1) Яна, повѣсть, въ Москвитинѣ 1854 г., т. V и VI, №№ 19 и 24. Посвящено Пацовой; 2) Тѣми же буквами подписана повѣсть: „Старый другъ лучше новыхъ двухъ“, *ibid.* №№ 20, 21, 22. Посвящено Ц—ву.

В., В.—Русская книжка для первоначальнаго чтенія. С.-Пб. 1861. Рец. въ книгѣ Толя: Наша дѣтская литература.

В**, Надежда; см. Вол.—Надежда.

В**, Н.—Письмо къ издателямъ, въ Пріятн. и полезн. препровожд. времени 1794 г., ч. 1, стр. 296.

В., Ѳ. (вмѣстѣ съ Н. Ланге). Замѣчаніе на отвѣтъ профессора Селина, въ Кіевскомъ Телеграфѣ 1859 г., № 24.

—ва.—Няня, въ 12 выпускѣ: „Наши, списанные съ натуры Русскими“. С.-Пб. 1842 г.—Бѣлинскій (VI, 643—465) называетъ автора даровитою писательницею и въ концѣ рецензіи говоритъ: „Для спасенія чести современной русской литературы, одно только средство—просить дамъ, чтобы онѣ побольше писали по русски“...

В—а. — Отголосокъ на жалобу женщины, въ Современникѣ 1858 г., № 2 (самая „Жалоба“, въ Современникѣ 1857 г., № 5).

В—а, Л. Е.—Первый блинъ комомъ. Изъ записокъ земской акушерки, въ Словѣ 1878 г., іюль и августъ.

Вадбольская, нягня NN; писала подъ псевдонимомъ Криницкій (псевдонимъ указанъ въ Циркулярахъ Харьковскаго учебнаго округа 1864 г., № 16).—1) Узкій путь, романъ, въ Русск. Вѣстникѣ 1858 г., т. XVI и XVII, и отдѣльно: М. 1858, 2 части.

Рец. а) Отеч. Записки 1859 г., т. 124, стр. 43; б) Моск. Обзорніе 1859 г., № 1, отд. 3 стр. 23.

2) Деревенскія преданія, въ Русск. Газетѣ 1859 г., №№ 12, 13, 15, 17 и 35 и въ Московск. Вѣстникѣ 1859 г., № 50 и 1860 г.,

№ 33; 3) вмѣстѣ съ Славутинскимъ ею изданы: Очерки изъ исторіи и народныхъ сказавій (по Грубе). М. 1861 — 1862, 3 тома; изд. 10-е. М. 1887, 8°.

Рец. а) Сынъ Отечества 1859 г., стр. 273; б) С.-Пб. Вѣдомости 1859 г., № 127 и 1862 г., № 197; в) Моск. Вѣдомости 1861 г., № 230; г) Сѣверная Пчела 1861 г., № 177; д) Воспитаніе 1861 г., № 9; е) Книжн. Вѣстникъ 1862 г., № 16.

4) Пустоцвѣтъ, повѣсть. М. 1864, 8°.

Варламова, Раида.—1) Семейный магазинъ современныхъ усовершенствованій къ распространенію между всѣми классами людей изящнаго вкуса, порядка и удобствъ въ домашней и общественной жизни, тысячи тѣхъ незначительныхъ и значительныхъ матеріальныхъ предметовъ, которые благоприятствуютъ удобствамъ и мирному, невозмущаемому наслажденію домашнею жизнью, сообразно потребностямъ каждаго человѣка. М. 1856, 4 части.

Рец. Отечеств. Записки 1856 г., № 8.

2) Ласточки — думки; 12 легонькихъ повѣстей для маленькихъ дѣтей, съ 12-ю картинами. М. 1860, 12°; изд. 2-е. М. 1865.

Васильева. — Подарокъ хозяйкамъ. Приходо-расходная книга и росписаніе обѣдовъ на круглый годъ. С.-Пб. 1875, ф°.

Васильева, Александра.—1) Увядшая роза, переводный отрывокъ, въ Дамск. Журналѣ 1823 г., № 28; 2) Таковъ-то нынѣ свѣтъ, стихотвореніе, *ibid.* 1830, ч. 29, № 4.

Васильева, М.—Леля, комедія въ 4-хъ д. Оренбургъ. 1875, 8°.

Васильева, Н.—Любовь прощаетъ все, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, переводъ съ нѣмецкаго; разрѣшено въ 1873 г. для сцены, съ исключеніями (Указат., по дѣл. печати 1873 г., стр. 365).

Васильевская, Е. — псевдонимъ Е. Д. Безобразовой.

Васильмова, Вѣра.—1) Бездольные, повѣсть, изд. журнала Грамотѣй. М. 1876, 8°; 2) Лучи, книга для класснаго чтенія и упражненій при изученіи русскаго языка въ городскихъ, приходскихъ и сельскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ (въ сотрудничествѣ съ Н. Полкановымъ). Казань. 1877, 8°.

Васильовичева, Наталья.—1) Экспромтъ (изъ Байрона), въ Галатѣ 1839 г., ч. III; 2) Забѣтка, въ Литературной Газетѣ 1840 г., № 18; 3) Переводы изъ Ж. Поля Рихтера, въ Молодигѣ 1843 г. (Вѣлинскій, VII, 280).

Васильовичъ, Л. — По поводу статьи „Къ вопросу о высшихъ образовательныхъ женскихъ курсахъ“, въ журналѣ Женское Образованіе 1877 г., № 10.

Нѣсколько словъ о статьѣ г-жи Васильковичъ, *ibid.* 1878 г., февраль.

Васильчинова, княгиня, Татьяна Васильевна, рожденная Пашкова, статсъ-дама, супруга князя Иллариона Васильевича (род. 1776 † 21-го февраля 1847 г.). — 1) Отчетъ княгини Т. В. Васильчиковой и графини Н. Д. Протасовой о полученіи и отправленіи книгъ, вещей и денежныхъ суммъ на Востокъ. С.-Пб. 1859, 8°. Такихъ отчетовъ было нѣсколько, и они представляютъ любопытныя свѣдѣнія о состояніи христіанъ и Славянъ въ Турціи; 2) Дополненіе къ отчету княгини Т. В. Васильчиковой и графини Протасовой. С.-Пб. 1859, 8°.

Ватренова, Милка. — Небольшая картинка изъ большой рамы; разказъ изъ нынѣшняго возстанія въ южной Босніи, въ Гражданнѣ 1877 г., № 1.

Вахновская, С. — подпись Е. А. Лодыженской (см. это имя).

Вахрушова, Вѣра. — 1) Руководство для сельскихъ учителей и учительницъ. С.-Пб. 1864, 8°; изд. 2-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1865, 8°; изд. 3-е, дополнен. С.-Пб. 1875, 8°; изд. 4-е. С.-Пб. 1876, 8°. 2) Мама, мама! Сдѣлай меня хорошимъ человѣкомъ. Лѣтнія бесѣды для умственнаго развитія. Выпускъ I. С.-Пб. 1882, 8°.

Рец. а) Книжн. Вѣстникъ 1864 г., № 20; б) Руководство для сельскихъ пастырей 1869 г., т. II, стр. 352—362.

В—ая (Владимірская Е. П.?). — 1) Памяти Н. А. Некрасова, стихотвореніе, въ Петерб. Листкѣ 1877 г. № 253; перепечатано въ книгѣ А. Голубева: „Н. А. Некрасовъ“. С.-Пб. 1878, стр. 129; 2) И. С. Тургеневу, стихоть, въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1879 г., № 76.

В—ва, Т. — Письмо къ издателю (въ защиту Дамскаго Журнала отъ нападеній Вѣстника Европы), въ Сынѣ Отечества 1823 г., ч. 85.

Вейдемейеръ, Татьяна Васильовна, рожд. княжна Херксулидзеа, супруга д. с. с. Влад. Ив. Вейдемейера (В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій, т. I. С.-Пб. 1886, стр. 172). Принадлежала къ кружку литераторовъ 1820-хъ годовъ, хотя не знаемъ—писала ли она, и что именно?

Упоминается подъ именемъ Темиры въ „Домѣ сумасшедшихъ“, Воейкова. См. также „Мое знакомство съ Воейковымъ въ 1830 году“, В. П. Бурнашова (Р. Вѣстникъ 1871 г., № 11, стр. 201—202).

Великанова, А. И. — Проблески счастья, драма въ 5 д. Разрѣшена въ августѣ 1874 г. къ постановкѣ на сцену, съ исключеніями (Указ. по д. печати 1874 г., стр. 235).

Вельтманъ, Елена Ивановна, рожд. Кубе († 1-го марта 1868 г.), супруга Александра Ѳомича Вельмана (р. 1800 † 1870). Писала иногда подъ псевдонимомъ Кубе, а иногда безъ подписи. — 1) Маркиза

Лундзи, повѣсть, въ Москвитянинѣ, 1840-хъ годовъ. 2) О воспитаніи женщины въ общественныхъ училищахъ. М. 1848, 12°. 3) Лидія. Разсказъ изъ жизни музыкальнаго учителя, во 2-хъ частяхъ. М. 1848. 8°. 4) Алкивиадъ своей семьи, повѣсть, въ Москвитянинѣ 1849 г., т. VI. 5) Азбука и чтеніе для перваго возраста, 2 части. М. 1862, 16°. 6) Викторъ, повѣсть. М. 1853, 16° (прежде напечатана въ Москвитянинѣ 1853 г., т. 1).

Рец. а) Сѣвери. Пчела 1853 г., № 140; б) Отеч. Записки 1853 г., т. 88, отд. 5, стр. 49, и т. 89, отд. 5, стр. 16; в) Современникъ 1853 г., т. 42, отд. 4.

7) Увѣдомленіе о дѣтскомъ домашнемъ обученіи, въ газетѣ День 1862 г., № 12. 8) О русскихъ нянюшкахъ, *ibid.* № 41. 9) Приключенія королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксеніи Годуновой. Историческій романъ, въ 5-ти частяхъ. С.-Пб. 1867, 8°. Отрывки помѣщались первоначально въ Раутѣ, Н. В. Сушкова, 1851 г., въ газетѣ День 1863 г., № 43 и въ Сборникѣ въ память Смирдина, т. III; наконецъ, весь романъ помѣщенъ былъ въ Отечеств. Запискахъ 1867 года. 10) Святѣи и достопамятности Московскаго Кремля. М. 1873, 12°.

а) О ней: Некрологъ, въ Московск. Вѣдомостяхъ 1868 г., № 48; б) въ газетѣ Русскій 1868 г., № 11, М. Погодина; в) Геннади, въ Русск. Архивѣ, 1870 г., № 11, с. 2017. г) некрологъ, въ Крестномъ календарѣ, Гатцука, 1868 г.; д) Молва 1757 г., № 181; е) Дополненіе къ Наст. Слов. Толля, выпускъ 1. С.-Пб. 1875, стр. 164; ж) некрологъ, въ Иллюстрир. Газетѣ 1868 г., № 11; з) Геннади, Словарь, 1, 140; и) стихотвореніе ей А. А. Григорьева, въ Москвитянинѣ 1849 г., т. I, смѣсь, стр. 19; перепеч. въ газетѣ Русскій 1868 г. стр. 254.

Вельяминова-Зернова, Анисья Ѳедоровна. См. Кологривова.

Вельяшева-Волицева, Анна Ивановна, дочь генералъ-маіора артиллеріи и писателя Ивана Андреевича; сестра писателя Дмитрія Ивановича.—1) О графѣ Оксфордскомъ и о миладіи Гербин, аглинская повѣсть, сочинена г-жею Гомецъ, пер. съ фр. С.-Пб. 1764, 8°. 2) Тысяча и одинъ часъ, сказки перуанскія, пер. съ фр. М. 1766—1767, 12°. 3) Исторія Бранденбургская, съ тремя разсужденіями о нравахъ, обычаяхъ и успѣхахъ человѣческаго разума, о суевѣріи, законѣ, о причинахъ установленія или уничтоженія законовъ, короля Прусскаго Фридриха II; пер. съ фр. М. 1770, 8°. 4) Писала стихотворенія, (о которыхъ упоминаетъ Новиковъ въ своемъ Словарѣ).

О ней: а) въ Опытѣ историч. словаря русск. писателей, Новикова; б) Joh. Bernouilli's, Reisen etc. Leipzig. 1780, 5-ter Band, S. 124 (упоминается въ числѣ 9 русскихъ писательницъ); в) Толль, Настольный Словарь, т. 1; г,

Энциклоп. Лексиконъ, Плюшара, т. 9; д) Словарь свѣтскихъ писателей, м. Евгения; е) Д. Мордовцевъ. Женщины второй половины XVIII в. С.-Пб. 1874) стр. 165; ж) Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 29, стр. 34—35; з) Геннади, Словарь, 1, 141; и) Руссовъ, стр. 9—10.

Вельяшева-Волинцова, Пелагея Ивановна.—1) Французы въ Лондонѣ, комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Буасси. М. 1782, 16°. Посвящена статсъ-дамѣ, Аннѣ Родіоновнѣ Чернышевой. 2) Англійская сирота, драма въ 3 д. М. 1787, 8°.

а) Араповъ. Лѣтоп. русск. театра, С.-Пб. 1861, стр. 130; б) Макаровъ, въ Дамск. Журн. 1830 г., ч. 29, № 10, стр. 149; в) Геннади, Словарь, 1, 141; г) Вилевичъ, въ Моск. Городск. Листвѣ 1847 г.; д) Руссовъ, стр. 10.

Веневитинова, Аполлиарія Михайловна, р. 15-го октября 1818 г., ум. 4-го сентября 1884 г., рожд. графиня Віельгорская, дочь оберъ-шенка графа Михаила Юрьевича (1787—1856 гг.) и княжны Луизы Карловны Биренъ-Курляндской (1791 † 1853), за оберъ-шенкомъ Алексѣемъ Владиміровичемъ Веневитиновымъ.—Какъ согласовать обязанности вѣры съ обязанностями жизни общественной, въ Странникѣ, 1860 г. апрѣль.

Письма къ ней Жуковскаго (1849 г.), въ Русск. Архивѣ 1877 г., № 6. Некрологъ ея въ Р. Архивѣ 1884 г., кн. III, стр. 239—240.

Веревкина, Татьяна.—1) Исторія дуры, въ Дамск. Журналѣ 1831 г., № 22. 2) Награда добродѣтели, ib. 1831 г., № 36. 3) Мери, пер. съ англ., ib. 1831 г., № 45—46. 4) Эльфрида или зеркало, ibid. 1831 г., № 1 и 2. 5) Анета или голова певѣсты, ib. 1833 г., № 4. 6) Молитва Маріи, пер. съ англ., въ Дамск. Журналѣ 1833 г., ч. 42, № 18 и 20. 7) Письмо въ отвѣтъ на разборъ Дамскаго Журнала, помѣщенный въ Вѣстникѣ Европы, въ Сынѣ Отечества 1823 г., ч. 83.

Веритетина, Вѣра. 1) Пивной пектаръ, въ журналѣ Русская Хозяйка 1861 г., № 11. 2) Постоянная сотрудница этого журнала.

Верилусъ, Луиза.—Поучительные рассказы для маленькихъ дѣтей. С.-Пб. 1857, 12°.

Вернадская, Марья Николаевна (род. 27-го дек. 1831 г., въ С.-Пб., ум. 12-го октября 1860 г., въ Гейдельбергѣ и скоронена на Митрофаньевскомъ кладбищѣ), дочь Николая Петровича Шигаева и Елизаветы Петровны, рожд. Уваровой, съ 30-го апрѣля 1850 г. супруга профессора политической экономіи И. В. Вернадскаго; первая изъ русскихъ женщинъ, писавшихъ по политической экономіи. — 1) Понятія Гепкинса о народномъ хозяйствѣ, соч. г-жи Дженъ Марсетъ, пер. съ англ. В... М. 1856.

Рец. а) Землед. Газета 1858 г., № 87; б) Труды Имп. Вольн. Экон. Общества 1856 г., т. II, отд. 3; в) Современникъ 1856 г., № 7; г) Отечест. Записки 1861 г., № 9. См. Геннади: Списокъ русск. авономн. книгъ. С.-Пб. 1874.

2) Опытъ популярнаго изложенія основныхъ началъ политической экономіи. С.-Пб. 1861, 8°. 3) Собраніе сочиненій покойной Маріи Николаевны Вернадской. С.-Пб. 1862, 8°.

Рец. а) Биржев. Вѣдомости 1862 г., № 41; б) Книжн. Вѣстникъ 1862 г., стр. 87.

4) Начала финансовъ, соч. I. Гарнье, перев. съ франц. С.-Пб. 1863; 8°. Посмертное изданіе. 5) Сдѣлала большую часть русскаго перевода сочиненія Тенгоборскаго: О производительныхъ силахъ Россіи. С.-Пб. 1854—58, 8°. 6) Основала, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, журналъ Экономическій Указатель въ 1857 году (съ 1859 г.—Указатель Политическо-Экономическій), съ прибавленіемъ: „Экономистъ“. 7) Жизнь въ пустынь, соч. г-жи Мартино (Экономич. Указатель №№ 20—45). 8) Передѣлка изъ Лемари: „Все приобрѣтается трудомъ“, (ibid., № 61—90). 9) Женскій Трудъ (ibid., № 60; подписано М. В.). 10) О дѣтскомъ воспитаніи (ibid., № 65 и 68). 11) Аристократическій трудъ (ibid., № 89). 12) О первоначальномъ обученіи (ibid., № 107). 13) Общественное значеніе экономическихъ законовъ (ibid., № 117). 14) Назначеніе женщины (ibid., № 132). 15) Писала для дѣтей, по указанію Ф. Толля, въ его книгѣ: Наша дѣтская литература. С.-Пб. 1862, стр. 288. 16) Опытъ популярнаго изложенія началъ политической экономіи (посмертное сочиненіе). С.-Пб. 1861. 17) Голодь въ Багдадѣ (Эконом. Указатель 1857 г., № 1). 18) Бальное платье (ibid., № 14). 19) Старина (ibid., № 76). 20) Отрывокъ изъ жизни Робинзона (ibid., № 77). 21) Родительское попеченіе (ibid., № 78). 22) Еще о женскомъ трудѣ (ibid., № 92). 23) Пикникъ (ibid., № 102). 24) Домашнее хозяйство (ibid., № 105). 25) Дворовые люди (ibid., № 106). 26) Свобода мѣны (ibid., № 123). 27) Раздѣленіе труда и спеціальное воспитаніе (ibid., № 136). 28) Свобода выбора труда (ibid., № 145). 29) Что такое подати? (ibid., № 156). 30) Политическая экономія, какъ начало нравственнаго воспитанія (ibid., № 157). 31) Раздѣленіе труда въ дѣль воспитанія (ibid., № 164). 32) Библиографическія замѣтки и рецензіи въ томъ же журналѣ. 33) Иллюстрація политической экономіи, соч. миссъ Мартино (осталось въ рукописи, вслѣдствіе цензурныхъ пренятствій).

О ней: а) Некрологъ, въ академич. Мѣсяцесловѣ 1862 года; б) Русск. Архивъ 1864 г., стр. 1071; в) Указатель Полит. Экономическій 1860 г., № 44,

стр. 200, статья ея сунруга; г) Книжки. Вѣстникъ 1860 г. № 19—20, стр. 237; д) Толль, Настольн. Словарь, 1,447; е) Иллюстрація 1860 г., № 146, стр. 331; ж) некрологъ, въ Оберточи. Листкѣ 1860 г., № 46, з) М. Н. Верпадская, ст. П. Выкова, въ Древней и Новой Россіи 1877 г., № 7, съ портретомъ; и) Геннади. Словарь, 1, 148.

Вернеръ, Анна Дмитріевна, рожд. Ульянова, род. 7-го января 1813 г., воспитанница нѣмецкаго Петропавловскаго училища главная воспитательница малолѣтняго отдѣленія Николаевскаго сиротскаго института. Писала обыкновенно подъ псевдонимомъ Августы Вороновой, или подъ буквою А. (см. Книжн. Вѣстникъ 1862 г., № 20, стр. 379).—1) Сотрудница нѣмецко-русскаго и русско-нѣмецкаго карманнаго словаря ея брата Ульянова. С.-Пб. 1841—1843; 2) Царское Село, повѣсть, въ журналѣ Малкѣ 1840-хъ годовъ; 3) Бабушка - разскащица, повѣсти для дѣтей. С.-Пб. 1843, 16°; 4) Русская азбука. С.-Пб. 1845, 12°; 5) Разсказъ о прошломъ, въ Москвитянинѣ 1846 г.; 6) Верта Гогенбушъ, повѣсть, тамъ же; 7) Дѣятельная сотрудница дѣтскихъ журналовъ: Звѣздочка и Лучи, издававшихся А. О. Ишимовою.

Въ Звѣздочкѣ есть также статьи, подписанныя буквами А. В., но принадлежащія Андрею Степановичу Воронову.

8) Дѣтскіе портреты, съ 6 раскрашенными картинками. С.-Пб. 1855, 12°.

Рец. С.-Пб. Вѣдомости 1855 г., № 277.

9) Первый шагъ, чтеніе для молодыхъ дѣвицъ. С.-Пб. 1858, 8°.

Рец. а) въ Лучахъ 1858 г., № 2; б) Толля, въ книгѣ: Наша дѣтская литература; в) Московск. Обзорніе 1859 г., № 1, отд. 3; г) Журн. для воспитанія 1858 г., № 4.

10) Народная азбука. С.-Пб. 1863, 16°.

Вернеръ, Варвара. Переводныя статьи въ дѣтскомъ журналѣ Звѣздочка, издававшемся А. О. Ишимовою.

Вер***ная (Вердеревская?), Александра. Дѣтское чтеніе, разсказы. С.-Пб. 1855, 16°.

Рец. Ф. Толля, въ книгѣ: Наша дѣтская литература.

Верховская, Марья (10-ти лѣтъ). Содержательницѣ благороднаго пансіона въ Харьковѣ, Е. Ф. фонъ-Биряхъ, отъ ея воспитанницъ, стихотвореніе, въ Дамск. Журналѣ 1829 г., ч. 25, № 3.

Верцеллюсъ, Анна. Колумбъ, переводъ изъ Робертсона, въ Сынѣ Отечества 1835 г., т. 169, 170.

Веселовская, Надежда. Мысли по поводу открытія женскихъ гимназій, Русск. Рѣчь 1861 г., № 41—42.

Викторова, Марья Александровна, воспитанница Маринскаго

Ермоловскаго училища, въ Москвѣ (выпуска 1861 года), рожденная княжна Макулова (дочь князя Александра Алексѣевича), родилась 15-го января 1844 г., † 2-го октября 1863 г.; супруга палеографа А. Е. Викторова. — 1) Патерикъ (Кіево-Печерскій) по древнимъ рукописямъ; переложеніе на современный русскій языкъ. Кіевъ. 1870.

Рец. Филолог. Записки 1870 г., вып. 6 (И. Ю. Некрасова).

2) Стихотворенія (въ рукописи); 3) Записки (отрывокъ въ предисловіи къ книгѣ „Патерикъ“ и проч.); 4) О Пушкинѣ и его сочиненіяхъ; 5) Взглядъ на древне-русскую литературу; 6) Записки о собственномъ дѣтствѣ; 7) О правилахъ русскаго свѣтскаго приличія XVII вѣка; 8) Повѣсть (безъ заглавія), съ эпиграфомъ:

Мечты, мечты... На радость ли сбываются вы...

9) Составители Кіево-Печерскаго Патерика и поздвѣшная его судьба. Воронежъ. 1871, 8°.

Рец. а) Русск. Старина 1872 г., № 9; б) Филолог. Записки 1871 г., № 4.—О ней см. Геннади, Словарь, 1, 152.

Викторова, Н. (псевдонимъ?). — 1) Неожиданное знакомство, въ Сынѣ Отечества. 1858 г., № 52; 2) Ниночка, *ibid.*, 1859 г., № 47; 3) Книжкин, *ibid.*

Викторова, О.—Издала: Последнія пѣсни, стихотворенія Н. А. Некрасова. С.-Пб. 1878, 8°.

Вимулина, Наталья. — Рекрутскій наборъ, переводъ съ французскаго. М. 1884, 16°.

Вилламова-Ланская; см. Ланская-Вилламова.

Виноградова, Анна. — 1) Два гверильяса, испанская повѣсть (на 2-хъ страничкахъ), переводъ съ французскаго, въ Дамск. Журналѣ 1829 г., ч. 25, № 5; 2) Эдмонъ и Флоренсія, переводъ съ французскаго, въ Дамск. Журналѣ 1829 г., ч. 25, № 9.

Виноградова, Елена.—Звѣзда (сонъ), стихотв., въ Дамск. Журналѣ 1828 г., кн. 3.

Винтербергъ, Александра.—По указанію Руссова (стр. 10), участвовала въ составленіи „Исторіи Бессарабской области“, при чемъ словаріи при ней, всё будто „ея трудомъ“ (были въ 1826 г. еще въ рукописи). Книжки этой намъ не случилось видѣть.

Витювская, Елизавета (13-ти лѣтъ). — Содержательницѣ благороднаго пансіона въ Харьковѣ, Е. Ф. фонъ-Бирихъ, отъ ея воспитанницъ; стихотвореніе (23-го ноября 1827 г.), въ Дамск. Журналѣ 1829 г., ч. 25, № 3.

Вишлинская, Екатерина. — Превращеніе маленькой Луциліи въ

разные виды, приятный и полезный подарок дѣтямъ на новый 1825 годъ, съ картинками. Перев. съ французск. М. 1825, 16°.

Владимірова, А.—Кухня, какъ путь эмансаціи жещины. Вильна. 1877, 8°.

Рец.—Указат. по дѣл. печати 1877 г., № 16—17.

Владимірова, А. К. — 1) Безъ вины виноватые. С.-Пб. 1869, 8°, разказъ въ 2-хъ главахъ (помѣщалось прежде въ изданіи: Записки для Чтенія 1867—68 гг.).

Рец. а) Вѣстн. Европы 1869 г., № 3; б) Донъ 1869 г., №№ 57—59, 61—62, 64—66, статья подъ заглавіемъ: Кровный вопросъ; в) Дѣло 1869 г., № 4, статья подъ заглавіемъ: Кто лучше?

2) Косморама всеобщей исторіи; составлена по таблицамъ проф. Пеллетье. С.-Пб. 1871. Откр. лнстѣ.

Рец. а) С.-Пб. Вѣдомости 1872 г., № 78.

3) Сказки, преданія и легенды, съ 30-ю рисунками и 12-ю картинками, подъ редакціей Владиміровой. С.-Пб. 1874, 8°.

Рец. а) Дѣло 1873 г., № 12 (въ статьѣ „Дѣтская литература“); б) Голосъ 1874 г., № 35; в) Семья и Школа 1873 г., № 10, кн. 2.

4) Исторія кусочка хлѣба, составлено по книгѣ Масе. С.-Пб. 1874, 16°; 5) Сказки и повѣсти для дѣтей отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ. С.-Пб. 1880, 8°; 6) Новая русская азбука, съ картинками. С.-Пб. 1880, 8°; 7) Книжка для малытокъ. С.-Пб. 1881, 8°.

Владимірова, Ю.—1) Эстетическія натуры. Этюды въ 4-хъ картинахъ. С.-Пб. 1872, 8°; 2) Съ больной головы на здоровую, драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ, разрѣшенная въ 1873 г. безусловно къ постановкѣ на сценѣ (Указат. по дѣл. печати 1873 г., стр. 209). С.-Пб. 1873, 8°; 3) Корреспонденціи изъ Журжи, въ Голосѣ 1877—1878 гг.

Водовозова, Елизавета Николаевна, р. 1843 г., воспитанница Смольнаго монастыря, супруга покойнаго педагога Василя Ивановича Водовозова.—1) „Журналъ Дѣтскій Садъ“, статья въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1867 г., № 345 и 1870 г., № 324; 2) Рецензія на статью М. Ѳ. Ростовской, въ Учителѣ 1869 г., № 8; 3) По поводу журнала для дѣтей: „Семейные Вечера“, въ Учителѣ 1869 г., № 13; 4) Изъ русской жизни и природы, разказы для дѣтей. С.-Пб. 1871 — 1872; изд. 2-е, исправленное и дополненное, съ 10-ю рисунками художника Шанова. С.-Пб. 1875, 8°; изд. 3-е. С.-Пб. 1878, 8°; изд. 4-е. С.-Пб. 1880, 8°; изд. 5-е. С.-Пб. 1885, 8°.

Рец. а) Гражданинъ 1875 г., № 2, стр. 37; б) Дѣтскій Садъ 1872 г., № 1; в) Педагогич. Листокъ 1875 г., № 1; г) Огеч. Записки 1871 г., № 12; д) Русск.

Старина 1872 г., № 1; е) С.-Пб. Вѣдомости 1871 г., № 316; ж) Сіяніе 1872 г., № 1 и 3; з) Педагогическій Листокъ при Дѣтскомъ Читеніи 1872 г., № 4.

5) Одноголосныя дѣтскія пѣсни и подвижныя игры, съ русскими народными мелодіями, музыка А. И. Рубца. С.-Пб. 1871; изд. 2-е. С.-Пб. 1876 8°. Какъ приложение къ книгѣ „Умственное развитіе дѣтей“; изд. 3-е. С.-Пб. 1878, 8°; изд. 4-е. С.-Пб. 1882, 8°.

Рец. Сіяніе 1872 г., № 1.

6) Умственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста; книга для воспитателей. С.-Пб. 1871, 8°; изд. 2-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1873, 8°; изд. 3-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1875, 4°; изд. 4-е. С.-Пб. 1878, 8°.

Рец. а) Голось 1873 г., № 190; б) Дѣтскій Садъ 1872 г., № 1; в) Педагогическій Листокъ при Дѣтск. Читеніи 1872 г., № 2 и 1873 г., № 3; г) Руководство для сельскихъ пастырей 1874 г., № 19; д) Народная Школа 1872 г., № 2; е) Недѣля 1871 г., № 20; ж) Дѣло 1871 г., № 11; з) Отеч. Записки 1871 г., № 12; и) Русск. Старина 1872 г., № 1; i) С.-Пб. Вѣдомости 1872 г., № 21.

7) Жизнь европейскихъ народовъ. Географическіе рассказы, три тома. С.-Пб. 1875—1883; 2-е изд., исправл. и дополн., т. I и II. С.-Пб. 1877—1881; 3-е изд., т. I. С.-Пб. 1881, 8°.

Рец. а) Вѣсти. Европ. 1875 г., № 1; б) С.-Пб. Вѣдомости 1874 г., № 353; в) Русск. Старина 1875 г., № 1; г) Гражданинъ 1875 г., № 2; д) Голось 1875 г., № 5; е) Биржев. Вѣдомости 1875 г., № 1; ж) Педагогич. Листокъ 1875 г.; з) Дѣло 1875 г., № 3; и) Указатель по дѣл. печати 1878 г., № 2; i) Вѣсти. Европ. 1878 г., № 2; к) Сѣверн. Вѣстникъ 1878 г., № 12; л) Голось 1878 г., № 8.

8) Дѣтскіе рассказы и стихотворенія. С.-Пб. 1875; изд. 2-е, исправл. и дополн. С.-Пб. 1875, 8°; 9) Сотрудница Дѣтскаго Читенія и Народной Школы (Мѣдника). Первая изъ русскихъ женщинъ-авторовъ, читавшая публичныя лекціи въ 1870 г., въ залѣ клуба художниковъ, объ упражненіяхъ и играхъ, по системѣ Фребеля; 10) На отдыхъ. Иллюстрированныя рассказы для маленькихъ дѣтей. С.-Пб. 1880, 4°.

Воейкова, А. Опытъ о вкусѣ въ произведеніяхъ природы и художествъ, или разсужденіе о причинахъ удовольствій, которыя возбуждаютъ въ насъ произведенія разума и изящнаго художества, изъ соч. г. Монтескьё. С.-Пб. 1805, 8°. Съ посвященіемъ отцу.

а) Толль, Настольный словарь, т. I, стр. 504; б) Генпади, Словарь, 1, 164.

Воейкова, Александра Александровна, дочь писателя Александра Θεодоровича (род. 1-го ноября 1779 г., † 16-го іюня 1839 г.) и супруги его, Александры Андреевны, рожд. Протасовой († 1829 г.) фрейлина двора ея императорскаго высочества великой княгини Маріи Николаевны.

О ея литературныхъ занятіяхъ говоритъ Вигель въ письмѣ къ Жуковскому, называя ее „Арзамаскою“ (Русск. Архивъ 1870 г., № 8.)

Воейнова, Александра Андреевна, рожд. Протасова, † 1829 г., въ Ливорно; дочь тульского губернскаго предводителя дворянства Андрея Ивановича Протасова и Екатерины Аполасьевны, рожден. Бушиной (р. 1771 † 1848 г.), единокровной сестры В. А. Жуковскаго; въ замужствѣ съ 1815 г. за Александромъ Ѳеодоровичемъ Воейковымъ.

Участвовала въ литературной дѣятельности своего мужа (1820 г.).

О ней: а) Колбасинъ. Литературные дѣятели прежняго времени. С.-Пб. 1859, стр. 271; б) воспомѣта Жуковскимъ (Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869, стр. 200), подъ именемъ „Свѣтланы“; в) въ Воспоминаніяхъ В. П. Бурнашева. М. 1873; г) письмо къ ней Жуковскаго, въ Русск. Архивѣ 1875 г., т. 3; д) Геннади, Словарь, I, 164; е) посланія къ ней: „Свѣтланѣ“, И. И. Козлова, въ Сынѣ Отечества 1821 г., № 44, Сочиненія его I, 291; II, 53; ж) Жуковскаго, Москвитиницъ 1853 г., № 12, отд. IV; з) Языкова, I, 30; II, 27, 46.

Воейнова, Екатерина Ивановна, рожд. графини Толстай (дочь гр. Ивана Петровича и NN Хрущовой), супруга дѣйств. статск. сов. Николая Александровича Воейкова.—Луцилія или арендарка маленькаго домика, нравоучительная сказочка, переведена съ французскаго. М. 1781, 16°. Посвящено ея превосходительству Шарлоттѣ Ивановнѣ Михельсоповой.

О пей: а) Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 29, № 10; ч. 30, № 21; б) Настольный Словарь, Толія, т. I в) Геннади, Словарь, I, 164; г) кн. И. М. Долгорукій. Капище моего сердца. М. 1874, стр. 149.

Войнова (вмѣстѣ съ Алабовою).—Перевела съ нѣмецкаго: Михель, исторія Нѣмца нашего времени, Юганна Шерра. М. 1873, 8°.

Вол— (Волкова?) Надежда. — 1) Лото въ клубѣ, въ Отеч. Запискахъ 1848 г., ч. 59, смѣсь; 2) Прелестная маска, повѣсть, въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1849 г., №№ 13, 14, 17, 18; 3) Маленькія ласки, комедія въ 1-мъ дѣйствіи, въ Драматическомъ Сборникѣ на 1858 г., т. 2 и отдѣльно; 4) Богатая невѣста, въ Библ. для дачъ, пароходовъ и жел. дорогъ, изд. Смирдина-сына. С.-Пб. 1855, т. 34, (первоначально было въ Современникѣ 1853 г., смѣсь, т. 39).

Рец. Пятеонъ 1853 г., № 6.

5) Семейство Аштонъ, *ibid.*, т. 58; 6) Книгина, *ibid.*, т. 59; 7) Ольга, повѣсть, *ibid.*, т. 8 (посвящено М. А. Т—вой).

Волкештейнъ, Александра Александровна, супруга Александра Николаевича. — Съ 10-го ноября 1877 г. приняла на себя изданіе журналовъ Моды и рукодѣлія и Спеціальный журналъ для дамскаго и мужскаго бѣлья, издававшихся супругомъ ея (Указат. по дѣл. печати 1877 г., № 22—24).

Волкова, Агриппина Александровна, супруга класснаго художника.— Издавала журналъ *Маляръ*, съ 1-го февраля 1873 года, перешедшій къ ней по наслѣдству отъ мужа (Указ. по дѣл. печати 1876 г., стр. 175).

Съ 1880 года *Маляръ* превратился въ *Шута*.

Волкова, Анна Алексѣевна, дѣвица, родилась въ С.-Пб. 1781 г., † тамъ же, 25-го мая 1834 г., дочь ст. сов. Алексѣя Стенановича Волкова; съ 1817 г., почетный членъ Бесѣды любителей русскаго слова.— 1) Весна, стихотвореніе, въ *Новыхъ Ежемѣсяч. Сочиненіяхъ* (подписано: Дѣв. А. В.), 1794 г., ч. ХCV, стр. 3; 2) *Природа*, стихи, *ibid.*, ч. ХCVI, стр. 6, подписано: Д. А. А. В—а; 3) *Лѣтнее утро въ деревнѣ*, *ibid.*, ч. ХCVIII, стр. 10; 4) *Размышленія челоуѣка о существованіи своей души*, *Виланда*; переложено на стихи, *ibid.*, 1796 г., ч. СХVI, стр. 3; 5) *Гимнъ дружбѣ*, стихотвор., *ibid.*, ч. СХVIII, стр. 26; 6) *Ода на день тезоименитства Е. И. В. вел. кн. Михаила Павловича*. С.-Пб. 1800, 4°; 7) *Стихотворенія*. С.-Пб. 1807, 8°; изд. А. С. Шишкова, съ его же предисловіемъ; 8) *Стихотвореніе* (по поводу гибели морскихъ офицеровъ, Хвостова и Давыдова), въ *Русск. Вѣстникѣ* 1809 г., декабрь; 9) *Ода Ел. Н. В. государиннѣ императрицѣ Маріи Осодоровнѣ, на всерадостный день рожденія пресвѣтлѣйшаго внука Ел. Павла-Александра, принца Гольштейнъ-Ольденбургскаго*. С.-Пб. 1810, 4°; 10) *Стихи древнему столичному городу Москвѣ, на случай пребыванія въ оной государя императора Александра Перваго*, въ декабрь 1809 г. С.-Пб. 1810, 4°; 11) *На отъѣздъ государственнаго секретаря А. С. Шишкова*. Апрѣля 13-го дня 1812 года. С.-Пб. 1812, 8°; 12) *Ода Е. И. В. Александру Первому, Самодержцу Всероссійскому на одержанную побѣду надъ Французами подъ Краснымъ г. фельдмаршаломъ, княземъ Голешицевымъ-Кутузовымъ-Смоленскимъ, 1812 г.; всеподданнѣйше приносить А. В. С.-Пб. 1813, 4°; въ экземплярѣ Имп. Публ. Б—ки, собственноручная надпись Волковой: „Его высококоролію, Александру Александровичу Саблукову, отъ сочинительницы“; 13) *Стихи графу Витгенштейну на одержанную имъ надъ Французами побѣду, въ Сынѣ Отечества 1812 г., № 4; 14) Чувствованія Россіянки, возбужденныя побѣдами російскихъ войскъ надъ бѣгущими врагами отечества, въ Сынѣ Отечества 1812 г., ч. 2; 15) Путешествіе за границу, стихотвореніе, въ Сынѣ Отечества 1816 г., ч. 30; № 20, 16) Его высокопревосходительству Александру Семеновичу Шишкову, министру народнаго просвѣщенія, стихотвореніе, въ Сынѣ Отечества 1824 г., ч. 14, № 23; 17) *Стихи по случаю наводненія, бывшаго въ 1824 г., ноября 7-го, въ***

дннѣ Отчества 1824 г., № 52; 18) Утренняя бесѣда слѣпого старца въ свою дочерью. С.-Пб. 1824, 8°; 19) Нѣсколько стихотвореній въ стѣнахъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова; 20) Писала басни, которыя не были изданы.

О ней: а) Отзывъ Шишкова, въ Дамск. Журналѣ 1827 г., № 9; б) свѣдѣнїя В. И. Козлова, *ibid.*, 1830 г., № 23; в) кн. Шалковъ, о ея стихотворенїяхъ, *ibid.*, 1827 г., ч. 20, стр. 1 — 9; г) Богдановичъ. Исторїя царст. имп. Александра I. С.-Пб. 1869, ч. 3, стр. 61; д) Гротъ, изд. Державина, т. 3, стр. 32; е) Энциклоп. Лексиконъ, Плюшара, т. 11, ж) *Dupré de S-t Maur.* *Anthologie russe.* Paris, 1823, 4°, стр. XXV; з) ея портретъ, масляными красками, въ бѣломъ платьѣ, въ собранїи портретовъ русскихъ авторовъ покойнаго М. П. Погодина; и) Мордовцевъ. Русскія женщины второй половины XVIII вѣка. С.-Пб. 1874; і) Толль, Настольный Словарь, т. 1; к) Геннади, Словарь, 1, 167; л) Иконниковъ. П. С. Мордвиновъ. С.-Пб. 1873, стр. 86; м) Руссовъ, стр. 10 — 11; н) Вѣлискій, VII, 157; о) Записки А. С. Шишкова. Берлинъ. 1870. Здѣсь же напечатано и письмо ея къ Шишкову, отъ 11-го мая 1827 г.

Волкова, Анна. Объ изомерныхъ сѣрно-толуоловыхъ кислотахъ. (Извл. изъ Журн. Русск. Химическ. Общества, №№ 5 и 6). С.-Пб. 1870, 8°.

Волкова, Ирина Павловна, рожденная Дебиль, супруга бывшаго цензора, д. с. с. Егора Егоровича Волкова.—1) Съ нами Богъ, стихотвореніе, въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1854 г., № 46; 2) Она поетъ (посвящено О. И. Эбелингъ), въ рукописи; 3) „Когда среди толпы веселой и безпечной“, стихотвореніе, въ Отечеств. Запискахъ 1855 г., т. 101; 4) Солнце, стихотвореніе, тамъ же; 5) Безнадежность, стихотвореніе, въ Русск. Словѣ 1861 г., № 7.

Волконская, княжна Анна Михайловна, сестра фельдмаршала князя Петра Михайловича (р. 1776 г., ум. 1852 г.), фрейлина императрицы Марїи Феодоровны, въ замужествѣ за генералъ-лейтенантомъ Александромъ Ивановичемъ Грессеромъ¹⁾.—Вмѣстѣ съ

¹⁾ У Макарова (Дамск. Журналъ 1830 г., ч. 29, N. 18, стр. 197, она показана супругою О. Г. Карина; ошибка эта исправлена графомъ Д. И. Хвостовымъ въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 30, N. 21, с. 120—121, такъ какъ О. Г. Каринъ имѣлъ женатъ на княгинѣ Аннѣ Михайловнѣ Голицыной, дочери шута Ледавого дома, отъ 4-го его брака, съ Хвостовою.

сестрою своею, княжною Екатериною Михайловною (см. это имя), перевела: Разсужденіе о разныхъ предметахъ наукъ и искусствъ. С.-Пб. 1792, 2 ч., 8°, безъ означенїя типографїи. Посвящено: Ихъ Императорскимъ Высочайшимъ родителямъ, князю М. П. (Михаилу Петровичу) и княгинѣ Е. П. (Елизаветѣ Петровнѣ, рожд. кн. Макуловой, 1796 г.) Волконскимъ.

О нихъ: а) свѣдѣнія въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 29, № 13, (отзывъ фонъ-Визина); б) дополненіе графа Хвостова, *ibid.*, 1830 г., ч. 30, № 21; в) М. Н. Лонгиновъ, дополненіе къ моему „Словарю русск. писательницъ“, въ Русск. Архивѣ 1865 г., с. 1511; г) Толль, Настольный Словарь, ч. 1; д) Мордовцевъ. Русскія женщины второй половины XVIII вѣка. С.-Пб. 1874; е) три разсказа о нихъ, Толмчовой, въ Русск. Архивѣ 1877 г., № 5.

Волконская, княгиня Екатерина Алексѣевна, рожденная Мельгунова, † 1853 г., супруга генераль-лейтенанта кн. Дмитрія Петровича (дяди фельдмаршала, князя Петра Михайловича † 1812 г., въ Разани, — „Рѣчь о вліяніи женщинъ на изящныя искусства“, читанная на одной изъ литературныхъ бесѣдъ Воейкова; см. Вѣстн. Европы 1810 г., № 4.

Въ концѣ прошлаго столѣтія образовала въ Разани нѣчто въ родѣ литературнаго общества (см. Галахова, Исторія Русск. Словосности. С.-пб. 1868, т. 2, стр. 131).

Волконская, княжна Екатерина Михайловна, сестра фельдмаршала князя Петра Михайловича (р. 1776 г. † 1852 г.), фрейлина императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ замужествѣ за генераль-адъютантомъ Сергѣемъ Алексѣевичемъ Кожинымъ († 1807 г.); она родилась 1775 г., ум. 1-го ноября 1834 г. Запималась переводами, виѣстѣ съ сестрою своею, княжною Анною Михайловною Волконскою (см. это имя).

О ней: Дамск. Журналъ 1830 г., ч. 30, № 13 и 21.

Волконская, княжна, Екатерина Петровна (тетка фельдмаршала князя Петра Михайловича?).—По свидѣтельству Руссова (Библиографическій каталогъ русскихъ писательницъ. С.-Пб. 1826, стр. 11), перенела съ французскаго „Томасъ Джонъ или найденышъ“, пьесу, которую играли въ первый разъ на домашнемъ театрѣ отца ея, въ Москвѣ, „собственными его пѣвцами и пѣвицами“ (1820—1830 гг.).

О домѣ отца ихъ говорить С. П. Жихаревъ въ „Дневникѣ студента“.

Волконская, княгиня, Зинаида Александровна, рожд. княжна Бѣлосельская, род. 1792 † въ февралѣ 1862 г., въ Римѣ, католичкою; дочь (отъ 1-го брака) писателя, оберъ-шенка князя Александра Михайловича (род. 1752 г. † 1809 г. въ С.-Пб.) и княгини Варвары Яковлевны, рожденной Татищевой (род. 27-го марта 1864 г. † 25-го ноября 1792 г., въ Туринѣ), супруга князя Никиты Григорьевича Волконскаго († 1844 г.); „La Corinne du Nord“.—1) „Quatres nouvelles. Moscou. 1819, 12°; печатано въ маломъ количествѣ экземпляровъ; о нихъ статья Saint-Julien, въ Revue Encyclopédique, 1824 г. juin, т. 22, pg. 709—710. 2) Tableau slave du V-me siècle. Paris,

1820, 8°; 2-е изд. Paris, 1824, 12°; 3-е изд. Moscou. 1826, 12°. Русскій переводъ князя П. И. Шаликова, въ Дамск. Журналѣ 1825 г., ч. IX, затѣмъ отдѣльно: М. 1825 и М. 1826. Русскій переводъ „Славянской картины“ былъ поводомъ къ оживленной полемикѣ въ журналахъ и къ нападкамъ на кв. П. И. Шаликова, который, будучи жаркимъ поклонникомъ таланта княгини, помѣстилъ въ своемъ Дамскомъ Журналѣ, по ошибкѣ, весьма неблагоклонный отзывъ объ этой книгѣ (см. Сѣверн. Пчела 1825 г. № 29; Дамск. Журналъ 1825 г., № 9; Сынъ Отечества 1825 г., № 9, стр. 117 — 134; Моск. Телеграфъ 1825 г., № 7, стр. 255, и 1826 г., ч. X, отд. 1, стр. 82—85). Польская передѣлка: *Ładowid i Miliada, czyli poczatek Kijowa. Obraz Slowian piątego wieku.* Warszawa, 1826. 3) *Giovanna d'Arco, dramma per musica, ridotto di Schiller dalla pr. Zanide Wolkonsky, russa, prima sua produzione italiana.* Roma, 1821, 8°, (стихи). 4) Александру I-му, стихотвореніе. М. 1826. 8°. Перепечатано: а) Дамск. Журналъ 1826 г., № 25; б) въ книгѣ Эртеля (Oertel): *Taganrog ou les derniers jours d'Alexandre I, W.* 1834; в) Моск. Телеграфъ 1826 г., ч. 7, № 1. 5) Четырехстишіе на кончину императрицы Елизаветы Алексѣевны, въ Моск. Телеграфѣ 1826 г., ч. IX. 6) Разказы о кончинѣ императора Александра I-го, на французск. языкѣ (1826 г.); русскій переводъ напечатанъ въ Русской Старинѣ 1878, № 1. 7) Кантата въ память императора Александра Павловича, съ приложеніемъ портрета ея, съ подлинника К. Брюлова (писаннаго въ 1830 г., въ Римѣ), лит. Мошарскій, рис. Разумихинъ. 8) Добродушіе, статья, въ Моск. Вѣстникѣ 1827 г., ч. 5, № 20, вызвавшая замѣчаніе въ Дамск. Журналѣ 1827 г., ч. 20. 9) *Sainte Catherine de Sienne, extrait du Journal de la princesse Z. W. en Italie, въ Bulletin du Nord (de De-Laveau).* М. 1828 г., septembre, pg. 61—64 (переводъ статьи изъ Московскаго Вѣстника 1827 г., т. 6. 10) Портретъ, прозаическая статья, въ Денникѣ, альманахѣ Максимовича. М. 1830. 11) Сновидѣніе, прозаическая статья (Галатея 1829 г., ч. V, стр. 21 — 31). 12) Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ (*ibid.*, ч. VII, стр. 88 — 90). 13) Отрывки изъ путевыхъ записокъ. Веймаръ. Баварія. Тироль. (Сѣверн. Цвѣты на 1830 г., стр. 216—227). 14) Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ (по Италіи), Моск. Вѣстникъ 1830 г., ч. 1. 15) Отрывки изъ путевыхъ записокъ (Сѣверн. Цвѣты, на 1831 г., стр. 120—124). 16) Проектъ эстетическаго музея при Московскомъ университетѣ (Телескопъ 1831 г., ч. III, стр. 385—399).

17) Надгробная пѣснь Славянскаго гуслара, стих. (С. Цвѣты на 1832 г., стр. 86 — 87). 18) Моей звѣздѣ, стих. (ibid., стр. 167 — 168). 19) Князю П. А. Вяземскому, на смерть его дочери, стих. (Римъ, 1835 г.) — въ Моск. Наблюдателѣ 1835 г., ч. 2. Перепечатано въ Р. Архивѣ 1867 г. 20) Сыну и другу. Четыре ангела, стихотвореніе въ Моск. Наблюдателѣ 1836 г., ч. 8. 21) Отрывокъ изъ сказанія объ Ольгѣ (ibid., ч. XIII и IX); 22) Пѣснь Невская (писана въ 1837 году, въ Римѣ, по поводу пожара Зимняго дворца), въ Русск. Архивѣ 1872 г., ст. 1979. 23) Къ морю, стихотвореніе, въ Литерат. Прибавл. къ Русск. Инвалиду 1838 г., № 37, стр. 728. 24) Посланіе И. И. Козлову, въ Утренней Зарѣ, 1839 г. 25) Sur la musique, стихотв., въ Москвитинѣ 1842 г., № 3 (перепечатано у Геннади: Les écrivains français, pg. 70); г-жа Сталь, не зная автора, прочитавъ піесу два и три раза, воскликнула: „Делиль!“ 26) Письмо къ М-ле Cochelet, въ Mémoires de M-le Cochelet. Paris. 1838, t. 3. 27) Собраніе ея сочиненій, изданное сыномъ ея, княземъ Александромъ Никитичемъ Волконскимъ, бывшимъ посланникомъ въ Мадридѣ (род. въ авг. 1811 г. † 2-го апр. 1878 г., въ Римѣ): Сочиненія княгини З. А. Волконской, урожденной княжны Бѣлосельской. Парижъ и Карлсруэ. 1865 (Oeuvres choisies de la princesse Zénéide Wolkonsky, née p-esse Belosselsky. Paris et Carlsruhe. 1865, 8°); съ ея гравированнымъ портретомъ. Въ продажу не поступало. Объ этой книгѣ см. отзывъ П. И. Бартевева, въ Русск. Архивѣ 1867 г., № 2. 28) Другу-страдальцу (И. И. Козлову), стихотвореніе, въ Р. Архивѣ 1886 г., кн. I, стр. 197.

О ней: а) Пушкинъ посвятилъ ей „Цыганъ“ и б) стихотвореніе: „Среди разсѣянной Москвы“ (Моск. Вѣстникъ 1827 г., т. 3, № 9, стр. 113, а въ изданіи 1859 г., ч. 1, стр. 364); в) посланіе кн. Шаликова, въ Дамск. Журналѣ 1827 г., ч. 17, стр. 77; г) стихи ей Баратынскаго: „Изъ царства вѣста и зимы“, на отъѣздъ ея изъ Москвы, въ 1829 г. (Стих. Баратынскаго, изд. 1834 г., стр. 137, и въ Подснѣжанкѣ 1829 г., стр. 151); д) ей написалъ стихи И. В. Кирѣевскій (см. въ собраніи его сочиненій); е) стихи ей И. И. Козлова, въ альманахѣ „Звѣздочка“ 1826 г.; его же, отвѣтъ на ея посланіе, въ Утренней Зарѣ 1839 г., стр. 194 (см. Русск. Архивъ 1869 г., стр. 058, ст. Семейскаго); перепечатаны въ Собраніи его стихотвореній. С.-Пб. 1833, ч. 2, стр. 106—108 ж) Записки Шишкова, стр. 105; з) стихи Н. Ф. Павлова: На отъѣздъ въ Италію, въ Моск. Телеграфѣ 1829 г., № 2, стр. 177; и) статья о пей и о Tableau Slave, въ Gazette de France 1824 г., mai, № 159, переведена въ Сынѣ Отечества 1824 г., ч. 95, стр. 117; i) писала музыку въ словахъ Жуковскаго: „Тоска по миломъ“ (см. въ Р. Архивѣ 1864 г., стр. 1134); к) Русск. Инвалидъ 1866 г., № 289; л) о ея католицизмѣ, въ Правосл. Обзорѣнн 1866 г., № 7, стр. 307 — 315; м) въ газетѣ Drapeau Blanc 1824 г., № 150, du 30 mai, нѣкто А. Martain-

ville восклицаетъ: Si Madame de... n'est pas... française, elle mérite de l'être (!!!)... La France l'adopte, etc..... и Отзывъ русской современницы (Дневникъ русской путешественницы за границею, въ Сынѣ Отечества и Сѣверѣ. Архивъ 1831 г., ч. 139, стр. 35): „Видѣть картину, водопадъ, обломки, барельефы,—любопытно; видѣть генія—есть счастье, выше ниспосланное; но въ некоторымъ лишь дано судьбою оцѣнить это счастье. И видѣла молькомъ княгиню Зинаиду Волконскую и считаю это за величайшую благосклонность судьбы“; о) *Dupré de S-t Maur. Anthologie russe. Paris. 1823, 4°, с. XXIX*; и) шесть писемъ къ ней имп. Александра I, въ Сборн. Русск. Истор. Общества, т. 3 (тутъ и отзывъ о ея драматическомъ талантѣ *M-lle Mars*); р) *Portrait de madame la princesse Zénéide Wolkonsky. Moscou 1826*; с) Узнанная М. 1826, 12° (переводъ *Portrait, etc.*) см. у Геннади: Русскія книжн. рѣдкости, стр. 95—96; т) въ 1825 г., была избрана почетн. членомъ Моск. Общ. Истор. и Др. Россійскихъ, за сочиненіе „Славянская картина“; см. письмо ея къ предсѣдателю Общества, А. А. Писареву, отъ 10-го ноября 1825 г. (Записки и Труды Общества, ч. III, 160) у) біографическія о ней свѣдѣнія, въ Р. Старинѣ 1873 г., № 1; ф) Русск. Архивъ 1865 г., № 9; х) Д. Мордощевъ. Русскія женщины XIX вѣка; ц) Настольный Словарь, Толля, ч. 1, Дополненіе 1, стр. 190; ч) княгиня З. А. Волконская (одна изъ русскихъ католичекъ), въ Кіевлянинѣ 1866 г., № 97; ш) Р. Архивъ 1867 г., № 2, с. 311—313 и 671—672 (поправка къ предъидущей статьѣ); щ) Ивановскій. И. М. Снегиревъ. С.-Пб. 1871; ъ) о ея католицизмѣ, перепечатапо изъ Правосл. Обзоръ въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1866 г., № 215; ы) Геннади, Словарь, 1, 168—169; њ) Вечеръ у княгини Волконской, сообщилъ А. Венсентиниовъ, въ Р. Старинѣ 1875 г., № 4; э) въ статьѣ В. Ильина: Воспоминанія о князѣ А. П. Волконскомъ (си сынѣ), въ Р. Архивѣ 1878 г., № 9; ю) Руссовъ, стр. 11—12; аа) *Ghennady Les écrivains franco-russes, pg. 79—80*; бб) Полное собр. сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. IX.

Воронина, В.—Попутчица,⁴ очеркъ, въ Отеч. Запискахъ 1868 г., т. 3, № 6.

Воронова, Августа,—обыкновенная подпись А. Д. Вернеръ (см. это имя).

Воронова, Елизавета Петровна, супруга коллежскаго регистратора, † въ Москвѣ 27-го февраля 1881 г.—1) Кто она? рассказъ, въ Современникѣ 1852 г., т. 33, смѣсь. 2) Рассказы. С.-Пб. 1860, 8°; 2-е изд. М. 1863, 8°. 3) Романъ моей матери. С.-Пб. 1865, 8°. 4) Невѣстка короля, романъ. Пер. съ нѣмец. С.-Пб. 1868, 8°. 5) Канунъ новаго года. Сказка изъ шотландскихъ преданій. М. 1873, 12°. 6) Черезъ Березину! романъ, пер. съ франц. С.-Пб. 1870, 8°. 7) Воспоминанія и замѣтки Наполеона III въ Вильгельмсге; пер. съ фр., С.-Пб. 1872, 8°. Съ 1876 г. по октябрь 1877 г. издавала въ Москвѣ ежемѣсячный Журналъ иностранныхъ переводныхъ романовъ, проданный ею Е. К. Гудвиловичъ. 8) Въ 1877—1881 гг. из-

давала въ Москвѣ ежемѣсячный сборникъ переводныхъ романовъ подъ заглавіемъ „Изумрудъ“. 9) Оригинальные рассказы и очерки Собственное изданіе. М. 1877, 8°.

Некрологъ ея въ „Обзорѣ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, Д. Д. Языкова. Вып. I. С.-Пб. 1886.

Воронова, Эмилія, р. Нельсонъ. — 1) Сотрудница Звѣздочки 1850-хъ годовъ. 2) Жизнь полковника Гардинера, пер. съ англ. С.-Пб. 1861, 8°. 3) Тайна банкира, романъ Э. Бреддонъ, пер. съ англ., М. 1867, съ подписью: Нельсонъ.

Вороновская, Е.—Священный долгъ, пер. съ нѣмецк., въ Лучахъ 1858 г. № 7.

Воскобойникова, Любовь Николаевна, род. 1842 г., преподавательница Кронштадтской женской гимназіи, † 1874 г.—Руководство по географіи для женскихъ гимназій.

Ея некрологъ въ статьѣ Геннади, въ Русск. Архивѣ. 1877 № 5, с. 80.

Воскресенская, С. И.—Показана сотрудницею Живописнаго Общества въ 1878 и 1879 гг.; см. объявленіе въ Голосѣ 1878 г., № 292, стр. 8.

Востонова, Е.—1) Убійство въ улицѣ Мира, драма въ 5 д., Адольфа Бюло. Пер. съ франц. Изд. Мозера. С.-Пб. 1873, 4°. 2) Обыкновенная исторія, драма въ 5 д., пер. съ фр., дозволенная къ представленію на сценѣ безусловно (Указ. по дѣл. печати 1873 г., стр. 171).

В—ръ, Е. А., рожд. Ушакова.—Распространеніе Евангелія на татарскомъ языкѣ между муллами; изъ писемъ симбирской помѣщицы, въ Страникѣ 1867 г., № 3.

Въ „Указателѣ духовнаго учено-литературнаго журнала Страникѣ, за первое десятилѣтіе его изданія (1860—1869)“, (приложеномъ къ октябрьской книжкѣ за 1870 г.), на стр. 123 и 152, показано: „В—ръ, Е. А., р. Ушакова, а на стр. 144 — „Ушакова, рожд. В—ръ, Е. А.“. Какое показаніе вѣрите? Придерживаемся перваго, какъ упомянуто дважды.

В—чи—ва (Васильковичева?) дѣвица, воспитанница Харьковскаго института общественной благотворительности. Чувства благодарности дѣвицы В—чи—вой, стихотв., въ Украинск. Вѣстникѣ 1816 г., ч. 2, стр. 217—219.

В—я, М. С—ва. Чувства любящаго сердца (статья), въ Приати. и полезн. прѣпр. времени 1797 г., ч. 13, стр. 186.

Г. княжна, Екатерина; см. Голицына, княжна Екатерина Михайловна.

Г. княжна, Елена; см. Голицына, княжна Елена Михайловна.

Г.—Иза, подпись И. Л. Гринбергъ, въ замужствѣ Ласкосъ (см. это имя).

Г., Лидія.—Взглядъ Вольтера на Восточную церковь въ сравненіи ея съ Римскою и о гоненіяхъ за вѣру въ Польшѣ (опытъ историко-критическій), переводъ съ французскаго, въ Вѣстникѣ Юго-Зап. и Зап. Россіи 1864, № 12, іюнь.

Г. Н.—подпись Н. П. Гротъ; см. это имя.

Г. Е. Н.—Письмо ея въ 141 № Гласнаго Суда 1867 г., по поводу избранія ея старшиною одного клуба.

По поводу этого выбора, см. въ Гласномъ Судѣ 1867 г., № 140: Цѣломудріе С.-Пб. Вѣдомостей.

Г. О., подпись О. И. Гербель; см. это имя.

Г. княжна, Т.; см. Голицына, княжна Татьяна Михайловна.

Г—а, А.—Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки знаменитой Шехеразады, переведенныя съ персидскаго Голландомъ. Переводъ съ французскаго, т. 1 и 2. М. 1866, 8°.

Гаврилова, Елена, пансіонерка Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ.—Дань памяти императрицы Маріи. Слово графа С. С. Уварова, переводъ съ французскаго. С.-Пб. 1866, 8°.

Г—а, Л.; см. Гарелипа, Любовь.

Г—а, М—а (Гладкова, Марья?).—Маркизь Мопу, переводъ изъ „Journal des Débats“, въ Дамск. Журналѣ 1827 г., ч. 20.

Гагина, Настасья Михайловна, рожд. Кармалина.—Сентъ-Елена и Монрозъ, или воздушныя приключенія, истинная повѣсть, переводъ съ французскаго, 2 ч. М. 1806, 24°.

О ней: Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 32.

Гадзяцкая, Н., начальница Острожскаго женскаго училища графини Блудовой.—Игра въ школу. Русская грамматика для дѣтскаго чтенія. С.-Пб. 1872, 8°.

О ней — въ „Отчетахъ“ по Острожскому братству, гр. А. Д. Блудовой (см. это имя).

Ганъ, Елена Андреевна, рожд. Оадѣва, дочь тайнаго совѣтника Андрея Михайловича Оадѣва и Елены Павловны, рожд. княжны Долгоруковой; родилась въ 1814 г., скончалась 24-го іюня 1842 г. Писала подъ псевдонимомъ Зецеида Р—вой.—1) Идеаль, повѣсть, въ Библиот. для Чтенія 1837 г., т. 21, отд. 1; 2) Утбала, *ibid.* 1838 г., т. 26, отд. 1. Нѣмецкій переводъ W. Wolfsohn'a, въ его *Russland's Novellendichter* 1848, Leipzig, 1 Theil.

Рец. Библиот. для Чтенія 1841 г., т. 50, отд. 6.

3) Джелалединъ, — тамъ же, 1838 г., т. 30, отд. 1.—Польскій

переводъ: *Dzellaledin, powieść tatarska, z rossyjskiego przełożona, przez Maur. Wołyńskiego. Wilno, 1840, 8°*; нѣмецкій — въ книгѣ *Wolfsohn'a*; 4) Медальонъ, записки одной больной на теплыхъ водахъ, *ibid.* 1839 г., т. 34, отд. 2; 5) Судь свѣта, *ibid.* 1840 г., т. 38; 6) Молитва, разговоръ души съ гениемъ, въ альманахѣ Утренняя Заря на 1841 годъ; 7) Теофанія Аббиаджіо, въ Библ. для Чтенія 1841 г., т. 49.

Рец. а) Библ. для Чтенія 1841 г., т. 50, отд. 6, въ которой авторъ ставится выше Жоржъ-Санда; б) Отеч. Записки 1842 г., т. 2, № 1, критика, стр. 47—48.

8) Напрасный даръ, въ Отеч. Запискахъ 1842 г., ч. 1 (ч. 2-я, неоконченная, вышла, послѣ смерти автора, въ собраніи ея сочиненій); 9) Любонька, романъ, въ Отеч. Запискахъ 1842, т. 25; 10) Ложа въ одесской оперѣ, въ альманахѣ Дагерротинъ, 1842 г.; 11) Сочиненія З. Р—вой. С.-Пб. 1843, 4 тома, 12°.

Рец. а) Библиот. для Чтенія, т. 60, отд. 6; б) Литерат. Газета 1843 г., № 48; в) Москвитинъ 1844 г., ч. 2, № 4; г) Отеч. Записки 1843 г., т. 30, № 10, и т. 31, № 11, (статьи Бѣлинскаго; въ его Сочиненіяхъ см. т. VI и VII); д) Сѣверн. Пчела 1843 г., № 227; е) С.-Пб. Вѣдомости 1843 г., № 230.

12) *Eine Schwester, russisches Familien-Gemälde, 2 vol. Dresden und Leipzig. 1848, 8°.*

а) О ней: Некрологъ, въ Отеч. Запискахъ 1842 г., № 9; б) Толль, Настольный Словарь, 1, 584; в) замѣчанія Е. А. Ладыженской на „Воспоминанія Е. А. Хвостовой“, въ Русск. Вѣстникѣ 1872 г., № 2, стр. 638; г) некрологъ, въ Сѣверной Пчелѣ 1843 г., № 177; д) воспоминанія о ней К. Лагоренко, въ Одесск. Вѣстникѣ 1844 г., № 10; е) очеркъ ея жизни въ *Novellen-Dichter Russland'a, W. Wolfsohn'a. Leipzig. 1848, 1, 3—36*; ж) А. В. Старчевскій. Романъ одной забытой романистки, въ Истор. Вѣстникѣ 1836 г., т. XXV, стр. 203—234; 509—531; з) по поводу статьи г. Старчевскаго см. письма въ редакцію Истор. Вѣстника Н. А. Фадѣевой, В. П. Желиховской и Е. Н. Ахматовой (Истор. Вѣстникъ 1886 г., т. XXVI, стр. 456—464; и) Е. О. Некрасова. Е. А. Ганъ (Русск. Старина 1886 г., т. LI, стр. 335—354; 553—574; i) Поправки къ послѣдней статьѣ см. въ замѣткѣ Н. А. Фадѣевой (Русск. Старина 1886 г., т. LII, стр. 749—751; к) В. П. Желиховская. Е. А. Ганъ, писательница-романистка въ 1835—1842 (Русск. Старина 1887 г., т. LIII, стр. 733—766; л) По поводу послѣдней статьи см. замѣтку г. Бакуниной объ А. М. Верещагиной (*ibid.*, № 8, стр. 430).

Гарднеръ, Райса, рожд. Коренева (см. это имя).

Гарелина, Любовь Васильевна, рожд. Соболева; родилась въ Ярославлѣ. Пишетъ подъ псевдонимомъ „Надежда Либина“ и „Несказева“. — 1) Сочиненія Л. Г—ной. Сцены. I. Сиротинка охъ! а за сиротинкой Богъ. II. Тогда и цѣну мы узнаемъ, когда на вѣки

потеряемъ. III. Игра судьбы. Владиміръ. 1868, 8°. 2) Стихотворенія Надежды Либиной. М. 1870.

Рец. Въ газетѣ Дѣятельность 1870, сентябрь, №№ 178—180.

3) Сочиненія Л. Г. часть I. Драматическія сочиненія. М. 1870, 8°.

Рец. а) Дѣятельность 1870 г., №№ 188, 190, 196 и 200; б) Разсвѣтъ 1870 г., № 39.

4) Масляница и постъ въ провинціи. М. 1870, съ подписью „Несказанна“).

Га—рини, Н.—подпись Гаспарини, Надежды Валеріановны (см это имя).

Гаррасъ, Елизавета, гувернантка въ Томскѣ. — Варенька, или записки о Западной Сибири—въ Звѣздочкѣ Ишимовой.

Гаспарини, Надежда Валеріановна. — 1) Фіорин, очеркъ изъ сѣверо-италианской жизни (съ предисловіемъ Н. С. Тургенева), въ Сѣверн. Вѣстникѣ 1877 г., №№ 38 и 39.

Рец. Голосъ 1877 г., № 140.

2) Праздникъ въ Піэмонтѣ, въ Сѣверн. Вѣстникѣ 1877 г., № 90.

Г—ва, Екатерина Семеновна.—1) Мазь для заживленія ранъ у деревьевъ, въ журналѣ Русская Хозяйка 1861 г., № 11. 2) Очищеніе лампъ, *ibid.* 3) Желудочный эликсиръ — *ibid.* 4) Сбереженіе малосоленной икры, *ibid.* 5) Домашнія лекарства отъ кашля, *ibid.* 6) Правила для варки спаржи, *ibid.* 7) Постоянная сотрудница журнала Русская Хозяйка.

Г—ва, К. Θ. — Съ еврейскаго: „Вѣтъ запахъ кинамона“ стихи, въ Отеч. Запискахъ 1856 г., № 8.

Г—ва, К. — Дневникъ женщины, въ Женскомъ Вѣстникѣ 1867 г., № 6 (въ примѣчаніи къ дневнику сказано, что по смерти его автора, дневникъ издала Л. Печасва).

Гвоздиковъ, Лидіа.—1) Въ 1868 и 1869 году издавала ежемѣсячный дѣтскій журналъ Росинки. 2) Въ 1870 году издавала педагогическій журналъ для дѣтей Крошка, 12 книжекъ въ годъ.

Гедеонова, Жозефина Карловна, вдова инженеръ-полковника. Издавала съ 1869 года дамскій журналъ Ваза съ преміями (приняла изданіе отъ Е. Ф. Сафоновой). Въ февралѣ мѣсяцъ 1873 года изданіе перешло къ тит. совѣтн. Станиславу Акрейцу (Указат. по дѣл. печ. 1873, стр. 112).

Гельфрейхъ, Ольга Всеволодовна. — Въ 1869 и 1870 гг. издавала газету Петербургскій Листокъ (редакторомъ былъ А. Суионовъ); выходилъ 4 раза въ недѣлю.

Генъ, Зенеида Александровна, сестра Н. А. Вѣлозерской (см. это имя), род. въ 1841 г., замужемъ за Николаемъ Осиповичемъ Кульжинскимъ. — Питомцы грушеваго дерева, фонъ Брюсселя, переводъ въ изданіи: Переводы лучшихъ иностранныхъ писателей 1871 г., № 2, стр. 47—96 и № 3, стр. 97—116 и отдѣльно: С.-Пб. 1871.

Гербель, Ольга Ивановна, рожд. Соколова (род. 1840 † 23-го ноября 1883 г.), супруга П. В. Гербеля. (Сообщено П. Н. Петровымъ).—Вернеръ или наслѣдство, трагедія въ 5 д., Байрона (Байронъ въ переводахъ русскихъ поэтовъ, т. IV).

Гернеръ, Анна. — 1) Двѣ доли, повѣсть, въ Библиот. для Чтенія 1851 г., № 4. 2) Вѣтка фуксіи, *ibid.*, № 9.

Гильевская. — Сѣдой полосъ, переводная комедія, представленная въ 1853 году (А. И. Вольфъ. Хроника Петербургскихъ театровъ, ч. II. С.-Пб. 1877).

Гладная, А. Н. — Отрывокъ изъ дѣлъ сороковыхъ годовъ. Рассказъ объ арестѣ ея въ г. Константиноградѣ въ теченіи 20 сутокъ, и тюремномъ заключеніи въ г. Новомосковскѣ — 122 сутокъ. С.-Пб. 1877.

Гладкова, Екатерина. — Занятія въ пріятныя часы. С.-Пб. 1822, 12°. Посвящено Е. И. В. всемилостивѣйшей государынѣ императрицѣ Маріи Ѣеодоровнѣ.

О ней: Геннади, Словарь, 1, 218.

Гладкова, Марья. — Пятнадцатидневное путешествіе, пятнадцатилѣтнею писанное, въ угожденіе родителей, и посвященное пятнадцатилѣтнему другу, 1810 года, августа мѣсяца. С.-Пб. 1810, 24°. Посвящено фрейлинѣ графинѣ Маріи Дмитріевнѣ Солтыковой.

О ней: а) Руссовъ, стр. 12; б) Геннади: Словарь 1, 218.

Гладышева, М. А. — Показатель псевдонимовъ. Списокъ современныхъ русскихъ писателей, носящихъ псевдонимы (посвящается гг. библиографамъ). Составилъ П. Библиографъ. Изд. М. А. Гладышевой. Казань. 1868, 80.

Глинка, Александра Григорьевна, дочь Григорія Андреевича (1776 † 1818) и Юстины Карловны, рожд. Кюхельбекеръ (1784 † 1871) племянница декабриста В. К. Кюхельбекера. — Забѣтки о Кюхельбекерѣ, въ Русск. Старинѣ 1870 г., т. I, стр. 605—606.

Глинка, Авдотья Павловна, супруга писателя Ѣеодора Николаевича Глинка (род. 1788 † 1880), дочь попечителя Московскаго университета и сенатора, П. Ив. Голенищева-Кутузова (род. 1-го

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

4-го СЕНТЯБРЯ вышла и разслана подписчикамъ IX-я книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Записки Павла Васильевича Чичагова, адмирала и перваго морскаго министра. Гл. XIII. Сообщ. Л. М. Чичаговъ.—II. Повѣсть о самомъ себѣ. Посмертныя записки и дневникъ академ. и проф. Александра Васильевича Пикитенко.—III. Архимандритъ Іакинѣмъ Емчуринъ въ далекихъ воспоминаніяхъ его внучки. (Окончаніе). Сообщ. П. С. Моллеръ.—IV. Русскіе въ Румыніи и на Дунаѣ въ 1853 и 1854 гг. Исслѣдов. А. П. Петрова.—V. Записки Николая Нимифоровича Мурзаевича. 1806—1883 гг.—VI. Александръ Николаевичъ Стровъ въ 1857—1871 гг. Воспоминанія о немъ и его письма. (Оконч.). Сообщ. К. И. Званцовъ.—VII. Сергій Ивановичъ Зарудный. Матеріалы къ его биографіи. Сообщ. Г. А. Джаншиевъ.—VIII. Самаркандъ въ 1868 г. Изъ воспоминаній художника В. В. Ворещагина.—IX. Историческіе матеріалы и замѣтки: Истор. архивъ кн. Ѳ. А. Куракина.—Изъ архива с. Падеждино-Куракино.—Къ путевымъ очеркамъ по Россіи.—П. П. Каратыгинъ.—А. Ѳ. Ядринцева.—А. М. Петровъ.—Баронесса Ѳ. О. Радець.—X. Библиографическій списокъ.

Приложеніе: Портретъ Сергія Ивановича Заруднаго, гравир. художникъ П. И. Матюшинъ.

Открыта подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1889 г.

Двадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛИНГА, на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора. Въ Москвѣ подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: А. Л. Васильева (Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова), П. П. Карбаеникова (Моховая, д. Коха) и П. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова. Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжн. магазинѣ А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.).

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъячская, д. № 7.

Продается у г. Цинзерлинга новая книга: «Альбомъ М. И. Семевского, книга автобіографическихъ замѣтокъ 850 современныхъ дѣятелей». Цѣна ДВА руб. съ доставкой. Доходъ отъ этой книги въ пользу бѣдныхъ учащихся въ С.-Пб. городскихъ училищахъ.

Изд.-ред. Мих. Ив. Семевскій.

НОВАЯ КНИГА:
„УРОКИ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ“.

(Примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій).

Сост. А. РАДОНЕЖСКІЙ. Цѣна 75 к.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Въ первомъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ 60-ю рисунками.

СОСТАВИЛЪ

А. РАДОНЕЖСКІЙ.

ИЗДАНИЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святейшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ гимназій.

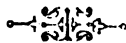
„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками; составилъ А. РАДОНЕЖСКІЙ. Изданіе третье 1888 г. Одобрено Ученымъ Комитетомъ М. П. Просвѣщенія для класснаго и внѣкласснаго чтенія, Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ.

Цѣна 50 коп.

„Церковно-Славянская азбука и первая книга для чтенія на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ“. Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключатъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогичи и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛІХ.

1888.

ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1888.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія 15

О. Н. Успенскій. Наблюденія по сельско-хозяйственной исторіи
Византіи 229

Н. А. Астафьевъ. Опытъ исторіи Вибліи въ Россіи въ связи съ
просвѣщеніемъ и правами (*продолженіе*). 249

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. И. Соболевскій. Докторъ Францискъ Скорина, его переводы,
печатныя изданія и языкъ. П. В. Владимірова. С.-Пб. 1888. 321

В. О. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и
племенъ Кавказа. В. VI. Тифлисъ. 1888. 332

С. Н. Бранловскій. *Мочульскій, В.* Историко-литературный анализъ
стиха о Голубиной книгѣ. Варшава. 1887 344

Д. И. Вагалъй. *А. Лазаревскій.* Описаніе старой Малороссіи. К. 1888. 356

С. А. Вершадскій. Къ вопросу о сеймикахъ въ Юго-Западной Россіи. 369

И. А. Ляничко. *Boleslawski.* Solidy Bolesława z parizem śla-
wianskim. Кіевъ. 1887 403

— Книжныя новости 406

М. Л. Стефановичъ. Берлинская конференція 1873 года и дѣя-
тельность главнаго нѣмецкаго педагогическаго общества
по женскому школьному образованію съ 1872 по 1886 годъ. 17

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорская Публичная Библіотека въ 1885 году . . 23

— Къ вопросу объ алфавитѣ для литовско-жмудскихъ книгъ. 32

— Наши учебныя заведенія: С.-Петербургскій университетъ
въ 1887 году 57

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Л. Ю. Шредеръ. Пнеагоръ и индійцы. 1

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Князь Н. Н. Голицынъ. Библиографическій словарь русскихъ пи-
сателей (*продолженіе*) 65

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 4-го октября).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛІХ.

1888.

ОКТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

**Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1888.**

Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

Екатерининскій пер., д. № 78.
2048.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (16-го іюля 1888 года). О принятіи капитала, пожертвованнаго вдовою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Надеждою Мошиною.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 16-й день іюля 1888 г., Высочайше соизволилъ: 1) на принятіе въ распоряженіе Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ пожертвованнаго вдовою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мошина, Надеждою Константиновною Мошиною капитала въ восемь тысячъ руб., заключающагося въ восьми свидѣтельствахъ государственной комиссіи погашенія долговъ на государственную желѣзнодорожную непрерывно-доходную 5% ренту и 2) на учрежденіе при названномъ обществѣ преміи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мошина, выдаваемой ежегодно изъ процентовъ съ его капитала за лучшія сочиненія по физикѣ и химіи, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвержденія правилъ объ означенной преміи.

2. (16-го іюля 1888 года). О подчиненіи женскихъ училищъ Дерптскаго учебнаго округа, имѣющихъ не менѣе 4-хъ классовъ, непосредственному вѣдѣнію попечителя округа.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, 16-го іюля 1888 г., Высочайше повелѣтъ

сочзволить: подчинить женскія учебныя заведенія Дерптскаго учебнаго округа. вмѣющія не менѣе 4-хъ классовъ непосредственному вѣдѣнію попечителя учебнаго округа.

II. ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Нашему тайному совѣтнику ординарному академику Императорской Академіи Наукъ и заслуженному профессору Федору Буслаеву.

Въ настоящее время исполнилось пятьдесятъ лѣтъ вашей полезной и плодотворной службы Отечеству и наукъ. Многочисленные труды ваши по изслѣдованію законовъ родного слова и въ обширной области нашей древней письменности и народнаго искусства, въ которой вамъ нерѣдко приходилось прокладывать первые пути, снискали вамъ въ Россіи и за предѣлами ея почетную навѣстность. Какъ въ званіи преподавателя гимназій и Александровскаго корпуса, такъ и на профессорской кафедрѣ старѣйшаго нашего университета, вы неизмѣнно оставались вѣрными возвышенному идеалу паставника, который не только сообщаетъ знанія юношеству, но и укореняетъ въ немъ любовь къ родицѣ, уваженіе къ завѣтамъ ея исторіи, вѣрность и преданность Престолу. Качества эти обратили на васъ вниманіе Моего Родителя, и вы были приглашены преподавать исторію отечественной словесности въ Божѣ почивающему Брату Моему, Цесаревичу Николаю Александровичу, всегда сохранявшему о васъ признательное воспоминаніе. И нынѣ, въ званіи академика, вы продолжаете обогащать науку новыми взглядами и данными, способствующими изученію родного языка. Все вами совершенное на пользу юношества, науки и просвѣщенія даетъ вамъ право на особое Наше благоволеніе, въ ознаменованіе коего пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашего Вѣлаго Орла, коего знаки, при семъ препровождаю, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны.

На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

„Александръ“.

С. Ильинское, 21-го августа 1888 года.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Нижелюменованныя лица вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія Всемилостивѣйше пожалованы 22-го августа 1888 года знакомъ отличія безпорочной службы: за I-X лѣтъ—вице-президентъ и ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Вуняковскій; за XI лѣтъ: тайные совѣтники: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ китайскаго и маньчжурскаго языка Васильевъ и директоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института и членъ учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ Кедровъ; дѣйствительные статскіе совѣтники: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ учебнаго комитета сего министерства Дмитріевъ, директоръ С.-Петербургской второй гимназій Смирновъ и бібліотекаръ Императорскаго Казанскаго университета Готвальдъ; статскіе совѣтники: директоръ Томской гимназій и училищъ Томской губерніи Удовиченко, преподаватель черченія и начертательной геометріи въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ Макаровъ и учитель рисованія Харьковскаго реальнаго училища Безперчій и старшій учитель и начальникъ Екатеринштадскаго, Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, русскаго центрального училища, коллежскій ассессоръ Шпрунгъ.

IV. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

13-го августа 1888 г.: Назначены: директоръ Императорской публичной бібліотеки, ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ и членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія дѣйствительный тайный совѣтникъ Бычковъ—членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ имъ должностяхъ (Выс. пов. 19-го іюля 1888 года); предводитель дворянства Малоархангельскаго уѣзда, Орловской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вельяминовъ-Зерновъ — понечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, съ увольненіемъ отъ настоящей должности (Выс. пов. 30-го іюля 1888 года).

Утвержденъ на три года, титулярный совѣтникъ Эрдели—почетнымъ попечителемъ Елисаветградскаго реального училища.

Уволены въ отпускъ: попечитель Московскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ графъ Капнистъ—на шесть недѣль, въ Крымъ, по болѣзни; членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, предсѣдатель ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Георгіевскій—на три мѣсяца, во внутреннія губерніи Россіи и за границу, по болѣзни; членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительный тайный совѣтникъ Корниловъ—на четыре мѣсяца въ Россіи и за границу, по болѣзни; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Виленкипъ—на одиннадцать мѣсяцевъ, за границу съ ученою цѣлю.

Уволенъ, согласно прошенію, почетный попечитель Бердянской мужской гимназіи Ольшанскій—отъ сей должности.

V. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

8. (24-го августа 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Людвигъ Эммануиловича Нобеля при Бакинскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. управляющимъ министерства народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ шесть тысячъ триста пятьдесятъ руб., пожертвованнаго товариществомъ нефтяного производства братьевъ Нобель и заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа, учреждаются пять стипендій имени Людвигъ Эммануиловича Нобеля при Бакинскомъ реальномъ училищѣ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго училища и составляетъ неотъемлемую собственность заведенія, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на плату за право ученія 5-ти экстерновъ.

§ 4. Пользованіе сими стипендіями предоставляется исключительно сыновьямъ служащихъ въ товариществѣ нефтяного производства братьевъ Нобель, по выбору правленія, а въ случаѣ ликвидаціи дѣлъ

товарищества,—по выбору педагогическаго совѣта Бакинскаго реальнаго училища.

§ 5. Могущій образоваться по случаю временнаго незамѣщенія по какимъ-либо причинамъ означенныхъ стипендій остатокъ со стипендіальнаго капитала обращается въ государственныя процентныя или гарантированныя правительствомъ бумаги, для постепеннаго образованія новыхъ капиталовъ, достаточныхъ, каждый въ отдѣльности, для новыхъ стипендій имени Л. Э. Нобеля въ томъ же училищѣ. Къ этимъ новымъ стипендіямъ должно быть примѣняемо настоящее положеніе.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

9. (25-го августа 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Людвигъ Эммануиловича Нобеля при С.-Петербургскомъ 1-мъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ восемь тысячъ пятьсотъ руб., пожертвованнаго товариществомъ нефтянаго производства братьевъ Нобель и заключающагося въ облигаціяхъ втораго восточнаго займа учреждается при С.-Петербургскомъ 1-мъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени Людвигъ Эммануиловича Нобеля.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго училища и составляетъ неотъемлемую собственность заведенія, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на плату за ученіе стипендіата, а остальная сумма выдается ему на содержаніе.

§ 4. Пользованіе этою стипендіей предоставляется исключительно сыновьямъ служащихъ въ упомянутомъ товариществѣ, по выбору правленія, а въ случаѣ ликвидаціи дѣлъ товарищества—по выбору педагогическаго совѣта реальнаго училища.

§ 5. Могущій образоваться по случаю временнаго незамѣщенія стипендіи по какимъ-либо причинамъ остатокъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала обращается въ государственныя процентныя или гарантированныя правительствомъ бумаги, съ цѣлью образованія новаго капитала въ 8500 руб., для второй стипендіи имени

Людвигу Эммануиловичу Нобеля при томъ же училищѣ. Затѣмъ къ этой стипендіи должно быть примѣняемо настоящее положеніе.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

10. (14-го сентября 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени „Ивана и Варвары Погонать“ при Таганрогской Маріинской женской гимназіи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года при Таганрогской Маріинской женской гимназіи учреждаются двѣ стипендіи имени „Ивана и Варвары Погонать“, на счетъ процентовъ съ капитала въ десять тысячъ сто рублей, завѣщанныхъ вдовою маіора Варварою Андреевною Погонать.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% вкладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельного банка, составляетъ неотъемлемую собственность Таганрогской Маріинской женской гимназіи, и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи и не можетъ быть обращаемъ ни на какія другія нужды гимназіи.

§ 3. Стипендіи, въ размѣрѣ 252 р. 50 к. каждая, за вычетомъ изъ этой суммы установленнаго государственнаго налога, составляются изъ ежегодныхъ процентовъ съ означеннаго капитала.

§ 4. Согласно волѣ завѣщательницы, право выбора стипендіатокъ принадлежитъ попечительному совѣту Таганрогской Маріинской женской гимназіи, при чемъ выборъ производится исключительно изъ дѣтей бѣдныхъ дворянъ и чиновниковъ Екатеринославской губерніи и лишь въ случаѣ недостатка въ сихъ послѣднихъ—изъ дѣтей другихъ сословій. Такъ какъ духовное завѣщаніе вдовы маіора Варвары Андреевны Погонать написано въ 1884 году, когда въ составъ Екатеринославской губерніи входили Таганрогское градоначальство и Ростовскій уѣздъ, присоединенные въ началѣ 1888 года къ области Войска Донскаго, то права на стипендіи имени „Ивана и Варвары Погонать“ не лишаются тѣ ученицы Таганрогской Маріинской женской гимназіи, родители которыхъ состоятъ дворянами или чиновниками бывшаго градоначальства Таганрогскаго или Ростовскаго уѣзда.

§ 5. Правомъ на полученіе стипендіи пользуются тѣ изъ ученицъ, удовлетворяющихъ требованіямъ § 4, которыя оказываютъ достаточные успѣхи въ наукахъ при хорошемъ поведеніи.

§ 6. Выдача стипендіи производится пополугодно — въ маѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, по 60 руб. въ каждый срокъ, для взноса платы за право ученія, приобрѣтенія учебныхъ пособій и для удовлетворенія другихъ нуждъ; остальные же деньги хранятся въ сберегательной кассѣ на текущемъ счету и выдаются только по окончаніи курса или по выходѣ изъ числа стипендіатокъ. Въ случаѣ крайней нужды стипендіатки, ей можетъ быть выдана изъ сбереженій извѣстная сумма по усмотрѣнію попечительскаго совѣта.

§ 7. Выдача стипендіи прекращается въ слѣдующихъ случаяхъ: а) по окончаніи стипендіатками курса наукъ въ Таганрогской женской гимназій или же въ случаѣ выбитія ихъ изъ этой гимназій и б) въ случаѣ малоуспѣшности въ наукахъ или неодобрительнаго поведенія. Если же малоуспѣшность стипендіатокъ произойдетъ отъ болѣзни, или если стипендіатки по той же причинѣ не будутъ удостоены перевода въ слѣдующій классъ, то отъ усмотрѣнія попечительскаго совѣта гимназій зависить дальнѣйшее производство имъ стипендій.

§ 8. Могушіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ съ капитала причисляются къ основному капиталу.

Примѣчаніе. Въ случаѣ смерти стипендіатки, удержанія изъ ея стипендіи деньги (§ 6) выдаются ея родителямъ или заступающимъ ихъ мѣсто, а буде таковыхъ не окажется, причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

11. (16-го сентября 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Тверскаго губернатора тайнаго совѣтника Леонасіа Николаевича Сомова, при Тверской Маріинской женской гимназій.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года при Тверской Маріинской женской гимназій учреждается одна стипендія имени тайнаго совѣтника А. Н. Сомова, на счетъ процентовъ съ капитала въ шестьсотъ руб., пожертвованнаго имъ съ этою цѣлью къ памяти двадцатишестилѣтія служенія его въ должности Тверскаго губернатора.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ шести государственныхъ 5% билетахъ V выпуска за № 26,342, 46,973, 52,502, 52,503 52,504 и 116,392, по сто руб. каждый, остается навсегда не-

прикосновеннымъ и хранится въ Тверскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ означенной гимназіи.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ той части, которая, по закону 20-го мая 1885 года, подлежитъ обращенію въ казну, употребляются на уплату за право ученія стипендіатки, а могуціе образоваться остатки причисляются къ капиталу.

§ 4. Право назначенія стипендіатки, согласно волѣ жертвователя, принадлежитъ Тверской городской думѣ, при чемъ стипендіаткачл могутъ быть лишь дѣти горожанъ г. Твери.

§ 5. Стипендіатка, оказывающая при хорошемъ поведеніи удовлетворительные успѣхи въ наукахъ, сохраняетъ за собою право пользованія вышеозначенною стипендіею до окончанія полного курса ученія въ Тверской Маріинской женской гимназіи или до выхода изъ оной по какимъ-либо другимъ причинамъ. За малоуспѣшность же въ наукахъ, происходящую отъ нерадѣнія, или за неодобрительное поведеніе стипендіатка, по опредѣленію педагогическаго или попечительнаго совѣта гимназіи, можетъ быть лишена права пользованія стипендіею и ранѣе окончанія курса ученія или выхода изъ заведенія.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

12. (17-го сентября 1888 года). Положеніе о стипендіи имени императрицы Екатерины II при Тульской мужской гимназіи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго дворяниномъ Тульской губерніи, палатнымъ совѣтникомъ Николаемъ Дмитріевичемъ Селезевымъ, капитала въ пять тысячъ триста руб., учреждается при Тульской мужской гимназіи одна стипендія имени императрицы Екатерины II въ память столѣтняго юбилея пожалованія ея грамоты российскому дворянству.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5⁰/₁₀₀ билетахъ государственнаго банка, хранится въ Тульскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназіи, составляя неотъемлемую собственность учебнаго заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на содержаніе пансіонера въ помѣнутой гимназіи.

§ 4. Въ стипендіаты имени императрицы Екатерины II могутъ быть опредѣляемы только дѣти бѣднѣйшихъ потомственныхъ дворянъ Тульской губерніи.

§ 5. Назначеніе стипендіата предоставляется Николаю Дмитриевичу Селезневу, а по смерти его—Тульскому губернскому предводителю дворянства.

§ 6. Остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, по усмотрѣнію Тульского губернскаго предводителя дворянства, могутъ выдаваться въ пособіе стипендіату, окончившему полный курсъ въ гимназій или быть присоединяемы къ основному стипендіальному капиталу.

§ 7. Избранный стипендіатъ сохраняетъ право на стипендію во все время своего обученія въ гимназій и можетъ потерять это право только въ случаѣ, если по нерадѣнію, неспособности, малоуспѣшности въ наукахъ или дурному поведенію будетъ признанъ учебнымъ начальствомъ заслуживающимъ лишенія стипендіи.

§ 8. Пользованіе этою стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

13. (21-го сентября 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Валентина Валентиновича Гловачевскаго.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго разными лицами въ общество для оказанія пособія учащимся въ Восточной Сибири капитала 1040 р. 41 к., по обращенію онаго въ государственныя процентныя бумаги, учреждаются въ Иркутскихъ городскихъ училищахъ, Императора Александра III и городскомъ 5-и классномъ, стипендіи имени бывшаго предсѣдателя общества, нынѣ умершаго В. В. Гловачевскаго.

§ 2. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, поступленію въ казну, употребляются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатовъ и на выдачу имъ учебныхъ пособій.

§ 3. Стипендіи, въ размѣрѣ пятнадцати руб. каждая, назначаются распорядительнымъ комитетомъ общества для оказанія пособій учащимся въ Восточной Сибири бѣднѣйшимъ ученикамъ названныхъ городскихъ училищъ, преимущественно дѣтямъ постояльцевъ жителей г. Иркутска.

§ 4. Сумма, назначенная на стипендію, высылается распорядительнымъ комитетомъ къ учителямъ, инспекторамъ подлежащихъ городскихъ училищъ по полугодіямъ впередъ, въ февралѣ и сентябрѣ каждаго года.

§ 5. Стипендіаты пользуются стипендіями до окончанія курса ученія или выхода изъ училища по какимъ-либо причинамъ; но малоуспѣшности или неодобрительному поведенію они могутъ быть лишены стипендій по опредѣленію педагогическихъ совѣтовъ училищъ.

§ 6. Могуція поступить новыя пожертвованія въ этотъ капиталъ, а также остатки отъ получаемыхъ процентовъ, причисляются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія впоследствии числа стипендій или размѣра ихъ, по усмотрѣнію распорядительнаго комитета.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

14. (23-го сентября 1888 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ, учебныхъ округовъ по вопросу о невычетѣ 10% въ пользу инвалиднаго капитала изъ спеціальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія.

Совѣтъ государственнаго контроля, въ засѣданіи 23-го сентября 1883 г., слушалъ представленіе канцеляріи государственнаго контроля по отзывамъ Александровскаго комитета о равныхъ 1882 г. №№ 22287 и 3247, по вопросу о невычетѣ 10% въ пользу инвалидовъ изъ спеціальныхъ средствъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

Разсмотрѣвъ, въ засѣданіи 7-го сентября 1879 г., представленіе Екатеринославской контрольной палаты о пачетѣ 778 руб., не удержанныхъ въ инвалидный капиталъ при выдачѣ въ 1876 году пособій чинамъ учебныхъ заведеній изъ спеціальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія, совѣтъ государственнаго контроля нашель, что указанное палатою приложеніе къ ст. 18 счета. устава министерства народнаго просвѣщенія содержитъ въ себѣ правило, основанное на Высочайше утвержденномъ постановленіи комитета министровъ 27-го марта 1823 г., по буквальному смыслу котораго денежныя награжденія, выдаваемые изъ спеціальныхъ средствъ, изъяты отъ вычета на инвалидовъ именно потому, что „сборъ сей есть частный“. Изъ этого слѣдуетъ, что выдаваемые изъ этого сбора вознагражденія служащимъ въ учрежденіяхъ министерства народнаго просвѣщенія лицамъ не подлежатъ вычету. Признавая поэтому

опредѣленіе палаты о начетѣ лишеннымъ основанія, совѣтъ положилъ: означенный начетъ сложить.

Александровскій комитетъ о раненыхъ въ отрывахъ государственному контролю, отъ 18-го февраля и 18-го ноября 1892 г., заявилъ, что, по его мнѣнію, постановленіе комитета министровъ 27-го марта 1823 года не можетъ служить для общаго руководства въ виду позднѣйшаго дѣйствующаго закона по тому же предмету, именно 101 ст. прилож. къ ст. 18 счетн. устава министерства народнаго просвѣщенія, по которой не подлежатъ 10% вычету только денежныя награжденія, выдаваемыя въ видѣ дополненія къ жалованью учителямъ казенныхъ учебныхъ заведеній изъ сбора съ учениковъ за ученіе, а не изъ всѣхъ вообще спеціальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія.

Разсмотрѣвъ вновь по предложенію государственнаго контролера возбужденный Александровскимъ комитетомъ о раненыхъ вопросъ, совѣтъ государственнаго контроля нашелъ, что по буквальному смыслу Высочайше утвержденнаго постановленія комитета министровъ 27-го марта 1823 года изъятіе отъ вычета 10% установлено не въ видахъ предоставленія льготы учителямъ, получающимъ вознагражденіе на счетъ сбора съ учениковъ, а по тому соображенію, что этотъ сборъ есть частный, не подлежащій вычету. Затѣмъ другимъ Высочайше утвержденнымъ постановленіемъ комитета министровъ 14-го ноября 1869 г., по вопросу о невычетѣ 10% при одновременныхъ денежныхъ выдачахъ лицамъ, служащимъ по части еврейскаго образованія, изъ сборовъ, предназначенныхъ на образованіе евреевъ, вновь разъяснено, что въ уставѣ о служ. по опредѣл. правител. указаны тѣ суммы, изъ коихъ производятся вычеты 10% въ пользу инвалидовъ, и именно: суммы государственнаго казначейства и кабинета Его Императорскаго Величества, при чемъ если и сдѣлано указаніе на общественный городской сборъ, то съ оговоркою, что это касается лишь нѣкоторыхъ видовъ сего сбора и при условіи, когда выдачи не замѣняютъ получаемаго чиновниками содержанія, по нигдѣ не упомянуто, чтобы 10% въ пользу инвалидовъ вычету подвергались денежныя пособія и награды, производимыя изъ разныхъ частныхъ сборовъ, какъ-то: сословныхъ и другихъ общественныхъ, расходующихся на собственныя нужды подлежащихъ тѣмъ сборамъ общества.

Въ виду столь категорическаго разъясненія, нельзя не признать, что, не смотря на редакцію п. 8 ст. 101 приложения къ ст. 18 счетн. уст. министерства народнаго просвѣщенія, по дѣйствующему законо-

дательству изъятыми отъ вычета 10%, должны считаться не только выдачи, производимыя учителямъ изъ сбора съ учениковъ, но и всѣ вообще выдачи такого рода изъ специальныхъ средствъ учебныхъ заведеній, и что поэтому въ постановленіи совѣта государственнаго контроля 7-го сентября 1879 года не усматривается несогласія съ 101 ст. прил. къ ст. 18 счетн. уст. министерства народнаго просвѣщенія.

По этимъ основаніямъ совѣтъ государственнаго контроля положилъ: о настоящемъ заключеніи сообщить Александровскому комитету о раненыхъ въ отвѣтъ на отзывы его за № 22287, 3247, присовокупивъ, что впредь до измѣненія въ законодательномъ порядкѣ 702 ст. уст. служ. правит. въ смыслѣ производства вычетовъ изъ сословныхъ и специальныхъ средствъ, совѣтъ государственнаго контроля не можетъ допустить утвержденія начетовъ за неудержаніе 10% въ пользу инвалидовъ изъ вышеозначенныхъ выдѣлъ.

Сообщая о вышеизложенномъ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше превосходительство поставить въ извѣстность начальниковъ подвѣдомственныхъ Вамъ учебныхъ заведеній, что, на основаніи приведеннаго выше разъясненія совѣта государственнаго контроля, единовременныя выдачи изъ специальныхъ средствъ учебныхъ заведеній не подлежатъ вычету 10% въ пользу инвалидовъ.

VI. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

21-го августа 1888 года. Утверждены: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Стояновъ, Св. Владимира—дѣйствительный статскій совѣтникъ Хандриковъ и Дерптскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-Эттингенъ—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, первый—съ 30-го апрѣля, второй—съ 18-го іюня и послѣдній—съ 25-го іюня 1888 г.; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Софѣтовъ—деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, съ 1-го іюля 1888 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Ярошъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ энциклопедіи и исторіи философіи права, съ 28-го мая 1888 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Казан-

скаго университета, докторъ сравнительнаго языкованія Овсянниковъ-Буликовскій — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета по кафедрѣ сравнительнаго языкованія, съ 1-го іюля 1888 г.; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго — статскій совѣтникъ Тихомандрицкій и Варшавскаго — статскій совѣтникъ Варсовъ — ординарными профессорами сихъ университетовъ по занимаемымъ ими кафедрамъ, первый — чистой математики и послѣдній — русской исторіи, — оба съ 1-го іюля 1888 г.; привать-доценты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — Гезехусъ и Дерптскаго — Залѣвскій — ординарными профессорами Императорскаго Томскаго университета по кафедрамъ: первый — физики и послѣдній — химіи, съ 1-го іюля 1888 г.; привать-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ физики Боргманъ — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ физики, съ 1-го іюня 1888 г.; привать-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Богородицкій — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по кафедрѣ сравнительнаго языкованія, съ 1-го іюля 1888 г.; Императорскаго Казанскаго университета: привать-доцентъ, докторъ Коржинскій; прозекторы: доктора: Маліевъ и Догель и лаборантъ, докторъ Зайцевъ — экстраординарными профессорами Императорскаго Томскаго университета по кафедрамъ: Коржинскій — ботаники, Маліевъ — анатоміи, Догель — гистологіи и Зайцевъ — минералогіи, — всѣ съ 1-го іюля 1888 г.; магистръ фармаціи Леманъ — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Томскаго университета по кафедрѣ фармаціи и фармакогнозіи, съ 16-го іюля 1888 г.; магистръ греческой словесности Новосадскій — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ греческой словесности, съ 1-го августа 1888 года; протоіерей Іоаннъ Образцовъ — законоучителемъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, съ 1 августа 1888 г., съ увольненіемъ отъ должности законоучителя гимназіи при семъ институтѣ; учитель гимназіи доктора Видемана, въ С.-Петербургѣ, коллежскій совѣтникъ Адвокатовъ — наставникомъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, съ 15-го іюня 1888 г., съ оставленіемъ на службѣ при означенной гимназіи; директоръ Енисейской прогимназіи, статскій совѣтникъ Витошинскій — директоромъ Красноярской гимназіи, съ 23-го іюня 1888 г.; директоръ Павлоградской прогимназіи, статскій совѣтникъ

Коропачинскій—директоромъ Бердянской гимназій, съ 26-го іюня 1888 г.; исполняющій обязанности инспектора Самарской гимназій, преподаватель сей гимназій, статскій совѣтникъ Котовщиковъ—директоромъ Астраханской гимназій, съ 7-го іюля 1888 г.; директоръ Самарской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Нурминскій—директоромъ Вятской гимназій, съ 31-го іюля 1888 г.; директоръ Нижне-Чирской прогимназій, статскій совѣтникъ Норовъ—директоромъ Усть-Медвѣдицкой гимназій, съ 17-го августа 1888 г.; инспекторъ Петергофской Императора Александра II прогимназій, коллежскій совѣтникъ Давиденковъ—директоромъ Нарвской гимназій, съ 1-го августа 1888 г.; директоръ Бердянской гимназій, статскій совѣтникъ Сягъ—директоромъ Павлоградской прогимназій, съ 26-го іюня 1888 г.; преподаватель С.-Петербургской второй гимназій, статскій совѣтникъ Фалѣевъ—директоромъ Енисейской прогимназій, съ 6-го іюля 1888 г.; въ званіи камеръ-юнкера, титулярный совѣтникъ графъ Вобринскій—вновь почетнымъ попечителемъ Черкасской прогимназій, на три года, съ 15-го іюля 1888 г.; преподаватель училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ, коллежскій ассессоръ Шванебахъ—директоромъ реального училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла въ Одессѣ, съ 1-го августа 1888 г.; директоръ Байрамческой учительской семинаріи, коллежскій секретарь Сиѣсаревъ—директоромъ Θεодосійскаго учительскаго института, съ 1-го августа 1888 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Туркестанскаго края, коллежскій совѣтникъ Мироніевъ директоромъ Туркестанской учительской семинаріи, съ 1-го іюня 1888 г.; исправляющій должность директора Свислочской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ Малевичъ—въ сей должности, съ 8-го іюля 1888 г.; учитель Ташкентской мужской гимназій, коллежскій совѣтникъ Смирновъ—инспекторомъ народныхъ училищъ Туркестанскаго края, съ 1-го іюня 1888 г.; учитель Кіевскаго реального училища, надворный совѣтникъ Дудка Степовичъ—инспекторомъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волинской, съ 20-го іюля 1888 г.; лифляндскій ландратъ фонъ-Гранзеге Розенекъ—предсѣдателемъ училищной коллегіи гимназій Императора Александра II въ м. Биркенруэ, Лифляндской губерніи, съ 3-го августа 1888 года.

Назначены: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, коллежскій совѣтникъ Тальбергъ—орди-

нарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ уголовного права и уголовного судопроизводства, съ 15-го іюня 1888 года; приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Шилтовъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ частной патологіи и терапіи, съ 1-го іюля 1888 года; приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета Оедоровичъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ политической экономіи и статистики, съ 14-го августа 1888 года; приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ зоологіи Рейнгардъ—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Томскаго университета по кафедрѣ зоологіи, съ 15-го августа 1888 года; коллежскій ассессоръ Сусловъ—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владиміра по кафедрѣ механики, съ 16-го іюля 1888 года; исполняющій обязанности инспектора Гродненской гимназіи, учитель сей гимназіи, статскій совѣтникъ Васильевъ—исправляющимъ должность директора Слуцкой гимназіи, съ 17-го іюля 1888 года; инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, коллежскій совѣтникъ Малицовскій исправляющимъ должность директора Преславской учительской семинаріи, съ 1-го іюля 1888 года.

Перемѣщены: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета по кафедрѣ частной патологіи и терапіи, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ Оболенскій—тѣмъ же званіемъ на кафедре терапевтической факультетской клиники, съ 1-го іюля 1888 года; ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ Соболевскій ординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ русскаго языка и словесности, съ 1-го іюля 1888 г.; директоръ Усть-Медвѣдицкой гимназіи, статскій совѣтникъ Знаменскій—директоромъ Харьковской первой гимназіи, съ 24-го іюня 1888 года; директоръ Александровской гимназіи смоленскаго земства въ городѣ Вязьмѣ, статскій совѣтникъ Виссъ и директоръ Серпуховской прогимназіи, статскій совѣтникъ Заболотскій—директорами гимназій: первый Коломенской и послѣдній—Александровской смоленскаго земства въ городѣ Вязьмѣ,—оба съ 1-го іюля 1888 года; директоръ Слуцкой гимназіи, статскій совѣтникъ Смородскій—директоромъ Гродненской гимназіи, съ 17-го іюля 1888 года; дирек-

торъ Коломенской гимназіи, статскій совѣтникъ Буслаевъ—директоромъ Серпуховской прогимназіи, съ 1-го іюля 1888 г.; директоръ Скопинскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Зегеръ—директоромъ Муромскаго реальнаго училища, съ 11-го августа 1888 года; директоръ Муромскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Граціанскій—директоромъ Скопинскаго реальнаго училища, съ 11-го августа 1888 года.

Переведены: помощникъ столоначальника департамента торговли и мануфактуръ, коллежскій ассессоръ Оттъ—на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленнымъ къ оному, съ 17-го іюня 1888 года; чиновникъ сверхъ штата въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, коллежскій секретарь Ершовъ—на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, съ опредѣленіемъ дѣлопроизводителемъ VIII класса, съ 4-го августа 1888 г.

Опредѣлены: директоръ училищъ Енисейской губерніи, статскій совѣтникъ Еленевъ—инспекторомъ студентовъ Императорскаго Томскаго университета, съ 1-го іюля 1888 года; изъ отставныхъ: дѣйствительные статскіе совѣтники: Кладо и Ленцъ—вновь на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленными къ оному, первый—съ 30-го іюня 1888 г. и второй—съ откомандированіемъ въ распоряженіе попечителя Одесскаго учебнаго округа, съ 9-го августа 1888 г.; окончившій курсъ въ Императорскомъ с.-петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Василій Силинъ—на службу по министерству народнаго просвѣщенія причисленнымъ къ оному, съ 9-го августа 1888 года.

Оставлены на службѣ: по 1-е іюля 1889 года: директоръ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи, статскій совѣтникъ Дружининъ; на два года: директоръ народныхъ училищъ Саратовской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пановъ, съ 13-го іюня 1888 г.; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Хандриковъ, съ 18-го іюня 1888 г., и директоръ Херсонской прогимназіи, статскій совѣтникъ Супруненко, съ 1-го іюля 1888 г.; на три года: директоръ Одесскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соколовъ и директоръ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи, статскій совѣтникъ Малевинскій, съ 1-го іюля 1888 г.; директоръ Самарской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соколовъ и директоръ Камышинскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Позняковъ, съ

10-го августа 1888 г.; на четыре года: директоръ народныхъ училищъ Пермской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шишонко, съ 5-го апрѣля 1888 г.; на пять лѣтъ: директоры реальныхъ училищъ: Тюменскаго Александровскаго, статскій совѣтникъ Слобцовъ, съ 30-го апрѣля 1888 г., и Кубанскаго Александровскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дивари, съ 18-го іюля 1888 г.; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ринекъ, съ 23-го іюня 1888 г.; Дерптскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-Эттингенъ, съ 25-го іюня 1888 г.; Московскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Столѣтовъ, съ 4-го августа 1888 г. С.-Петербургскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Владиславлевъ, съ 11-го августа 1888 г.

Оставлены на службѣ: по выслугѣ 30-ти лѣтъ по учебной части: Императорскаго Харьковскаго университета: заслуженный ординарный профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Масловскій, съ 18-го іюля 1888 г., и ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ Лебедевъ, съ 25-го мая 1888 г.; по выслугѣ 35-ти лѣтъ по учебной части, заслуженный ординарный профессоръ, Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Бекетовъ, съ 10-го августа 1888 г.

Командированы въ Россію: членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Саввантовъ—на два мѣсяца въ Москву; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ Вагнеръ и лаборантъ сего университета, титулярный совѣтникъ Лавровъ—на два мѣсяца и пять дней, въ Люблинскую, Радомскую и Кѣлецкую губерніи; хранитель минералогическаго кабинета Императорскаго Казанскаго университета Зайцевъ—на три мѣсяца, на Уралъ; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Цагарели—на три съ половиною мѣсяца, съ ученою цѣлью на Кавказъ.

Продолженъ срокъ отпуска за границу: учителю Уманской прогимназіи Абри—на двадцать дней.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россію—на двѣ недѣли: директоръ Виленской дирекціи народныхъ училищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ставровичъ; по 1-е сентября 1888 года: директоръ Псковской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Красовъ; на двадцать восемь дней: заслуженный ординарный профес-

соръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Голстунскій; на одинъ мѣсяць: помощникъ журналиста департамента народнаго просвѣщенія; коллежскій регистраторъ Янковскій и исправляющій должность помощника дѣлопроизводителя департамента, не имѣющій чина баронъ Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ; на мѣсяць и четырнадцать дней: директоръ народныхъ училищъ Тамбовской губерніи, статскій совѣтникъ Ильченко; на два мѣсяца: окружной инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Бѣлецкій; дѣлопроизводители департамента народнаго просвѣщенія: V класса, дѣйствительный статскій совѣтникъ Оношковичъ-Яцyna и коллежскій совѣтникъ Толмачевъ, VI класса—статскій совѣтникъ Оношковичъ-Яцyna и VIII класса—коллежскій секретарь Вильевъ; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Лампси и директоръ народныхъ училищъ Курской губерніи, статскій совѣтникъ Котляровъ; на 28 дней сверхъ лѣтнихъ ваканцій 1888 года: директоръ Изюмскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Грицай; на два мѣсяца и 22 дня: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кулинъ; на четыре мѣсяца: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Котельниковъ; и б) за границу: по 28-е августа 1888 года: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Гиршманъ; съ 20-го августа по 15-е сентября 1888 года: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Ковалевскій; на мѣсяць и 20 дней: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Эрисманъ; на два мѣсяца: вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Эзовъ; на 20 дней сверхъ лѣтнихъ ваканцій 1888 г.: учитель Радомской гимназій, коллежскій ассессоръ Верцинскій; на 28 дней сверхъ лѣтнихъ ваканцій 1888 года; ученый хранитель минералогическаго музея Императорской Академіи Наукъ коллежскій совѣтникъ Гебель.

Отчисленъ отъ министерства народнаго просвѣщенія причисленный къ сему министерству и откомандированный для занятій въ Императорскую публичную бібліотеку, не имѣющій чина баронъ Николай Дризень, съ освобожденіемъ отъ занятій по упомянутой бібліотекѣ, съ 5-го іюля 1888 года, по случаю причисленія его къ департаменту таможенныхъ сборовъ министерства финансовъ.

Уволены: согласно прошеніямъ: лифляндскій ланддратъ баронъ Тизенгаузенъ—отъ должности предсѣдателя училищной коллегіи гимназій Императора Александра II въ мѣстечкѣ Биркенрузъ, Лифляндской губерніи, съ 3-го августа 1888 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Глазенапъ—отъ должности декана физико-математическаго факультета сего университета, съ 1-го іюля 1888 года; директоръ Астраханской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рубцовъ—отъ сей должности, съ 7-го іюля 1888 года; отъ службы: а) за выслугою срока: директоръ Θεодосійскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ленцъ, съ 1-го августа 1888 г.; и б) согласно прошеніямъ: директоръ Преславской учительской семинаріи Левицкій, съ 1-го августа 1888 года; директоръ Рижской губернской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Крапгальсъ, съ 15-го іюля 1888 г.; наставникъ-руководитель гимназій при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ и преподаватель въ семъ институтѣ, статскій совѣтникъ Мусселиусъ, съ 1-го августа 1888 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Леваковскій, съ 8-го августа 1888 года, съ дозволеніемъ посылать въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: предсѣдателю Лепельскаго, Витебской губерніи, по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, отставному штабсъ-ротмистру Савяцкому и непремѣннымъ членамъ сего присутствія: статскому совѣтнику Черныявскому и губернскому секретарю Поцову — за усердіе ихъ къ дѣлу народнаго образованія; директору горнаго института, тайному совѣтнику Воронцову — за пожертвованіе въ пользу Гатчинскаго городского училища коллекціи минераловъ; Симбирскому вице-губернатору, статскому совѣтнику Беру — за пожертвованіе въ пользу Пензенской 1-й гимназій; почетному попечителю Курскаго реальнаго училища графу Клейнмихелю — за пожертвованіе для сего училища учебныхъ пособій; почетному блюстителю Николаевскаго, въ посадѣ Вольшія Соли, Востромской губерніи, двухкласснаго приходскаго училища и ремесленной при немъ К. А. Попова школы, потомственному почетному гражданину Попову — за весьма значительныя пожертвованія въ пользу названной ремесленной школы; попечителю Введенскаго училища, Ростовскаго уѣзда,

Ярославской губерніи, мѣстному помѣщику Хомутову — за устройство училищнаго дома и хозяйственныя расходы по училищу; попечителю Шепелевскаго училища, Мологскаго уѣзда, капитанъ-лейтенанту Максимовичу — за содержаніе училища всецѣло на свои средства; попечителю Николо-Овсцовскаго училища, Угличскаго уѣзда, с.-петербургскому купцу Шалину — за устройство дома для училища и пожертвованія для сего заведенія; попечителю Звенячевскаго училища, Угличскаго уѣзда, с.-петербургскому купцу Монахову — за устройство дома для училища и другіе расходы по сему заведенію; попечителю Рыбинскаго 1-го женскаго училища, рыбнскому купцу Тюменеву — за покупку на собственные средства дома для училища; попечительницѣ Пиколо-Кормскаго училища, Рыбинскаго уѣзда, Стриженовой — за значительныя вспомошествованія двумъ училищамъ; учредительницѣ Березовскаго училища, Рыбинскаго уѣзда, женѣ полковника Медвѣдовской — за постройку училищнаго дома и содержаніе училища на свои средства; попечительницѣ Ковымо-Демьянскаго училища, Мологскаго уѣзда, дочери статскаго совѣтника Соковниной — за устройство училищнаго дома и снабженіе училища учебными и классными принадлежностями; почетной блюстительницѣ Маринскаго однокласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Мологскаго уѣзда, княгинѣ Курякиной — за пожертвованіе для училища дома; попечительницѣ Шипкинскаго училища, Мышкинскаго уѣзда, женѣ генераль-маіора Тучковой — за полное содержаніе сего училища на свой счетъ.

Исключены изъ списковъ умершіе: попечитель Кіевскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Голубцовъ; чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тихомандрицкій и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Смоленскій.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

— Брошюру: „И. А. Чаплыгинъ. О разведеніи хмѣля по проволочной системѣ (въ Курской губ.). Работа представленная на конкурсъ

1887 г. Изданіе редакція журнала „Русскій начальный учитель“ С.-Пб. 1888. Цѣна 8 коп. Въ 8-ку 20 стр.“—допустить для библиотекъ внѣшнихъ народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— „Учебный атласъ древней исторіи. Составилъ Н. Поддубный. С.-Пб. 1888. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи былъ тщательно пересмотрѣнъ и исправленъ текстъ географической номенклатуры.

— Книгу: „Избранное чтеніе для юношества. Русскія народныя былины. Тексты, объяснительныя статьи и примѣчанія. Составилъ Левъ Поливановъ (для всѣхъ возрастовъ). Съ тремя оригинальными фото-гравюрами и многими политипажамъ въ двѣ краски. М. 1888. Въ 4-ку 194 стр. Цѣна въ тиснеп. золотомъ переплетѣ 2 руб. 50 коп.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для выдачи въ награду, а также рекомендовать ее для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки.

— Книгу: „Э. Вахофъ. Сборникъ статей для перевода съ греческаго на русскій и съ русскаго на греческій. Курсъ III и IV классовъ гимназій. Переводъ съ пѣмецкаго Н. Счастливцева. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 238 стр. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

— Книгу: „Библиотека греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. VIII. Кебетъ. Картина. Перевелъ съ греческаго В. Алексѣевъ. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 24 стр. Цѣна 20 коп.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ, среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

— Составленныя Э. Э. Пуцковичемъ: Книгу „Жизнь Господа Иисуса Христа, Спасителя міра. Изд. 2-ое. Съ 82 картинами и 112 мелкими рисунками. С.-Пб. 1886 г. Цѣна 90 коп.“ и 13 брошюръ: 1) „Сотвореніе міра и Всемирный потопъ. Съ 10 рис. Цѣна 8 коп.“; 2) „Праотцы-патріархи: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ. Съ 10 рис. Цѣна

12 коп.;" 3) „Іосифъ Прекрасный. Съ 10 рис. Цѣна 10 коп.;" 4) „Пророкъ Моисей. Съ 10 рис. Цѣна 10 коп.;" 5) „Самсонъ Сильный. Съ 4 рис. Цѣна 8 коп.;" 6) „Соломонъ Мудрый. Съ 3 рис. Цѣна 8 коп.;" 7) „Іудинь. Съ 3 рис. Цѣна 8 коп.;" 8) „Руѡь. Съ 2 рис. Цѣна 6 коп.;" 9) „Іовъ Многострадальный. Съ 2 рис. Цѣна 8 коп.;" 10) „Іисусъ Навинь. Съ 3 рис. Цѣна 8 коп.;" 11) „Товитъ. Съ 1 рис. Цѣна 7 коп.;" 12) „Есѡирь. Съ 2 рис. Цѣна 8 коп." и 13) „Святые пророки: Іилія, Елисей, Іона. Съ 6 рис. Цѣна 12 коп."—одобрить для ученическихъ бібліотекъ народныхъ училищъ.

— Издаанныя учрежденною по Высочайшему повеленію министромъ народнаго просвѣщенія комиссіею народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ книги: 1) „Владиміръ Мономахъ, великій князь Кіевскій, и его завѣщаніе. И. П. Хрущова. Изд. 3-е. Цѣна 10 коп.;" 2) „Нашествіе татаръ и князь Михаилъ Тверской. Изд. 2-е. Цѣна 8 коп.;" 3) „Святый благоверный великій князь Александръ Невскій. И. П. Хрущова. Изд. 2-е. Цѣна 10 коп.;" 4) „Покореніе царства Казанскаго. В. Лапина. Изд. 2-е. Цѣна 5 коп.;" 5) „Разказы о севастопольцахъ. А. И. Супонева. Изд. 4-е." 6) А. В. Кольцовъ и его пѣсни. Изд. 4-е. Цѣна 5 коп.;" 7) Отшельникъ. Стихотвореніе Б. Алмазова. (Алексій, человекъ Божій). Цѣна 5 коп.;" 8) „Русскія владѣнія въ средней Азіи. Ю. Колдогризова. Два чтенія. Цѣна 15 коп.;" 9) „Ураль. Его природа, обитатели и промышленность, А. Н. Овсянникова. Цѣна 15 коп.;" 10) „О каменномъ углѣ. П. П. Животовскаго. Цѣна 5 коп.;" 11) „Бесѣда о флотѣ Д. Шяшмарева. Изд. 2-е. Цѣна 20 коп.;" 12) „Купецъ Иголкинъ и его подвигъ. Изд. 3-е. Цѣна 5 коп." и 13) „Мореходъ Пикитинъ. Изд. 2-е. Цѣна 5 коп."—одобрить для публичныхъ народныхъ чтеній и ученическихъ бібліотекъ народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Г. министр народнаго просвѣщенія разрѣшилъ 1) увеличить размѣръ платы за ученіе во всѣхъ классахъ Витебской гимназіи, съ начала 1888—1889 учебнаго года, съ 40 до пятидесяти руб., въ годъ съ каждаго ученика, и 2) увеличить съ начала предстоящаго 1888—1889 учебнаго года размѣръ платы за ученіе въ Пермскомъ Алексіевскомъ реальномъ училищѣ до сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Въ г. Карачевѣ, 8-го сего августа открыто двухклассное городское училище.

— По донесеніямъ попечителей учебныхъ округовъ, открыты слѣдующія училища: двухклассное начальное въ с. Дулевѣ, Покровскаго уѣзда, Владимірской губ., при 94 учащихся, и одноклассное въ дер. Крахиловѣ, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губ., при 31 учащемся.

О П Е Ч А Т К И.

Въ сентябрьской книгѣ Журн. Мин. Нар. Просв., въ „Программахъ для испытанія въ комиссіи историко-филологической“ должны быть сдѣланы слѣдующія поправки:

	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
Стр. 43 строка 2 снизу:	письмена	клена
Стр. 44 строка 7 снизу:	душана	Душана
Тамъ же строка 1 снизу:	Дубровницой	Дубровницкой

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ дополненіе къ напечатанной въ іюльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія сего года рекомендаціи для среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ институтовъ „Планетарія С. Я. Померанца“: „Космографическіе часы“, симъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что „Планетарій можетъ быть приобрѣтенъ у его изобрѣтателя С. Я. Померанца, часовыхъ дѣлъ мастера въ г. Житомирѣ, Волинской губерніи. Цѣна планетарія 150 р.; но при значительномъ требованіи экземпляровъ меньшаго размѣра цѣна можетъ быть уменьшена до 75 р., за кажды й.

НАБЛЮДЕНІЯ ПО СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ВЪ ВИЗАНТІИ.

Основные приемы измѣренія земли въ Византіи.

Возвращаясь вновь къ изученію специальныхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ землевладѣнію въ Византіи, мы считаемъ умѣстнымъ предпослать здѣсь нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Можно бы подумать, что тема, развитію которой редакція Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія уже въ теченіи десяти лѣтъ благосклонно даетъ мѣсто на страницахъ своего органа, должна быть значительно исчерпана. Въ самомъ дѣлѣ, матеріалы для этой темы не особенно обширны, изученіе ихъ не можетъ требовать десятковъ лѣтъ: ужь не виноваты ли сами изслѣдователи, что поднятые ими вопросы не переходятъ въ область порѣшенныхъ и продолжаютъ нуждаться въ новыхъ дополненіяхъ и разъясненіяхъ!

Не слѣдуетъ забывать одного существеннаго условія, при которомъ возможна и правильная постановка и правильное и научное рѣшеніе важныхъ вопросовъ науки; это условіе—критика. Послѣдняя предполагаетъ провѣрку и обсужденіе вопроса съ новыхъ сторонъ, уравниваетъ крайности и возможные увлеченія, вообще имѣетъ важное значеніе въ развитіи научныхъ вопросовъ. Гдѣ нѣтъ научной критики, тамъ весьма замедляется поступательное движеніе въ работѣ специальныхъ вопросовъ.

Отнюдь не имѣемъ въ виду облекать непроницаемостью и недоступностью тему о византійскомъ землевладѣніи, напротивъ желали бы привлечь къ ней вниманіе тѣхъ, кого интересуетъ русское древнее землевладѣніе, русская земельная мѣра, цѣнности, вѣсъ и тому подобное. Вопросъ о византійскомъ землевладѣніи прежде всего от-
часть сохл, отд. 2.

носятся къ числу загадочныхъ въ исторіи общеевропейской культуры. Научное значеніе постановки подобныхъ вопросовъ усматривается изъ того, что они даютъ ключъ къ пониманію цѣлаго ряда культурныхъ фактовъ въ общественной жизни, проливая свѣтъ на главныя теченія въ исторіи народовъ. Новѣйшая историческая наука выдвигаетъ съ особенною настойчивостью значеніе хозяйственного, то-есть, земельного элемента въ соціальной и политической жизни народовъ и обращается съ особенною пытливостью къ изученію такихъ фактовъ, которые прежде оставались безъ вниманія историками. Наука, можетъ быть, не обогатится и не потеряетъ отъ того, опредѣлимъ ли мы съ точностью, сколько было саженой въ модіи и сколько модіевъ въ зевгарѣ, или какой земельный надѣлъ считался въ Византіи нормальнымъ крестьянскимъ надѣломъ; по несомнѣнно, наука много проигрываетъ отъ того, если она не въ состояніи сказать, какая разница была въ хозяйственной системѣ на востокѣ и западѣ, и не объясняются ли разности общественнаго и политическаго устройства запада и востока различіями въ организаціи землевладѣнія. А если такъ, то конечно и такой вопросъ какъ модіи и зевгаръ приобретаетъ первостепенную важность.

Установить правильное и не подлежащее спорамъ возрѣніе на византійскую земельную мѣру, вѣсъ и монету значитъ опредѣлить по крайней мѣрѣ въ этой области сумму вліяній, воспринятыхъ нами отъ Византіи. Положительное или отрицательное рѣшеніе вопроса объ оригинальности русской земельной системы и сельскохозяйственного обихода въ древнее время неминуемо зависитъ отъ предварительнаго сравнительно-историческаго изученія особенностей земельных мѣръ византійской и русской. Вотъ почему мы вновь обращаемся къ темъ о византійскомъ землевладѣніи, ограничивая на сей разъ свою задачу разрѣшеніемъ вопроса: какіе элементарные приемы употреблялись въ Византіи при измѣреніи земли вообще и по преимуществу при обмежеваніи пахотныхъ полей.

Въ опубликованныхъ доселѣ матеріалахъ, то-есть, въ актахъ землевладѣнія и отрывкахъ писцовыхъ книгъ недостаетъ точныхъ схемъ и формулъ, которыя прямо приводили бы къ безспорнымъ заключеніямъ о земельныхъ терминахъ. Въ видѣ попытки мы считали возможнымъ предложить нѣкоторыя объясненія этимъ терминамъ, опираясь на косвенныя доказательства ¹⁾). Продолжая затѣмъ изслѣдова-

¹⁾ Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи, *Журналъ Министерства Н-ро а наго Просвѣщенія*, часть ССХІ, отд. 2, стр. 26—32, 47—50.

нія въ той же области, мы напали на цѣлый рядъ новыхъ источниковъ, которые съ одной стороны могутъ служить провѣркой для предыдущихъ историческихъ построеній, съ другой же—основаніемъ къ постановкѣ новыхъ вопросовъ въ области земельного хозяйства Византіи и зависѣвшихъ отъ нея въ культурномъ отношеніи странъ.

Оказывается прежде всего, что въ составъ источниковъ для занимающаго насъ вопроса должна быть введена вся византійская литература, посвященная геометріи и геодезіи. Во всѣхъ почти большихъ европейскихъ собраніяхъ рукописей можно встрѣчать, среди греческихъ сборниковъ, множество статей, носящихъ имя автора, а чаще анонимныхъ, которыя трактуютъ или вообще о геометріи и геодезіи, или объ употребительнѣйшихъ мѣрахъ измѣренія земли. Эти сборники до сихъ поръ обращали на себя вниманіе лишь съ точки зрѣнія исторіи математики въ средніе вѣка. Довольно обширная математическая литература, посвященная изслѣдованіямъ о времени жизни и трудахъ знаменитаго Александрійскаго геометра Ирона и его византійскихъ продолжателей или компиляторовъ съ одной стороны проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на исторію геометріи въ Византіи, съ другой же—обозначаетъ основныя теченія, которымъ слѣдовалъ въ своемъ развитіи этотъ отдѣлъ знаній ¹⁾. Весьма можетъ быть, что съ точки зрѣнія математическихъ знаковъ, геометрическихъ теоремъ и способовъ обозначенія дробей византійская наука не пошла далѣе своихъ александрійскихъ образцовъ. Очень любопытно въ этомъ отношеніи наблюденіе, сдѣланное Таннери ²⁾ что византійцы до XIV вѣка удержали египетскую систему изображенія дробей, и что эта система господствуетъ въ сочиненіи послѣдняго изъ византійскихъ геометровъ (Иоанна Педіасима), посвященъ на себя слѣды сильнаго вліянія трудовъ Ирона. Историкъ византійской культуры, въ разсужденіи списковъ и передѣлокъ сочиненій Ирона въ областяхъ Византійской имперіи, предлежатъ нѣсколько иныя задачи чѣмъ математику.

Слѣдуетъ замѣтить, что, помимо изданныхъ геометровъ Ирона

¹⁾ Укажемъ для примѣра, *Martin*, Recherches sur la vie et les ouvrages de Héron d'Alexandrie et sur tous les ouvrages mathématiques qui ont été attribués à un auteur nommé Héron. Paris. 1854; *Hultsch*, Heronis Alexandrini Geometricorum et stereometricorum reliquiae. Berlin. 1864; его же, *Metrologicorum scriptorum reliquiae*. Leipzig. 1864. Цѣлый рядъ статей объ Иронѣ находимъ въ *Bulletin des sciences mathématiques*, начиная съ 1882 года.

²⁾ *Tannery* въ *Bulletin des sciences mathém.* t. VIII (1884), p. 344.

Александрійскаго и Іоанна Педіасима ¹⁾, византійская литература этого рода представляетъ еще нѣсколько не опубликованныхъ геометрическихъ сочиненій, принадлежащихъ Исааку Аргиру, Георгію геометру; кромѣ того, извѣстны и еще писатели, напримѣръ, Іоаннъ Геометръ, не даромъ конечно носившіе прозвание геометровъ. Общее представленіе о гораздо болѣе значительномъ кругѣ распространенія занятій геометрией въ Византіи даетъ непосредственное знакомство съ греческими рукописями въ европейскихъ библіотекахъ. Мы встрѣтили множество анонимныхъ статей, трактующихъ или вообще о геометріи и геодезін, или въ частности объ употребительнѣйшихъ мѣрахъ. Какъ земледѣльческая страна, основавшая на крестьянскомъ землевладѣніи и помѣстной системѣ свою администрацію и военное устройство, Византія не могла пренебрегать интересами сельскаго хозяйства и ради правильнаго распредѣленія податей. Вотъ почему, независимо отъ школьныхъ руководствъ по геометріи и геодезін, мы встрѣчаемъ въ византійскихъ рукописяхъ многочисленныя практическія наставленія по геометріи и по сельскому хозяйству. Эти послѣднія имѣютъ тѣмъ большій интересъ для изучающаго византійское землевладѣніе, что представляютъ собою случаи, имѣвшіе мѣсто въ частныхъ хозяйствахъ, и обнимаютъ такія явленія сельской жизни которыя не могли найдти мѣста въ ученыхъ трактатахъ.

Небольшія анонимныя статьи, касающіяся земельного хозяйства, встрѣчаются или въ сборникахъ, носящихъ имя названныхъ выше популярныхъ землемѣровъ, или въ руководствахъ по судебной практикѣ, или наконецъ въ рукописяхъ юридическаго содержания. По большей части онѣ находятся въ началѣ или въ концѣ рукописи и представляютъ форму замѣтки или записи владѣльца рукописи. Въ однихъ обозначенъ годовой расчетъ доходовъ съ хозяйства, или дана схема размежеванія крестьянскихъ участковъ, въ другихъ предложены практическіе приемы измѣренія земель и мелкихъ участковъ, или приведены разные землемѣрные термины съ показаніемъ ихъ реальной величины. Попадаютъ также небольшія статьи, трактующія вопросы сельскаго хозяйства въ видѣ задачъ: если съ таково-то участка при такихъ-то условіяхъ получается такой-то доходъ, то какъ измѣнится сумма доходности участка при такихъ-то измѣнившихся

¹⁾ Изданіе Ирона указано выше. Что касается Педіасима, онъ напечатанъ въ брошюрѣ, которую трудно въ настоящее время купить. Die Geometrie des Pediasimus. Programm zur öffentlichen Preise-vertheilung an der Studien-Anstalt Ansbach am VIII August 1866 von Dr. G. Friedlein.

условіяхъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ подобныхъ замѣткахъ и записяхъ бьетъ живая струя бытовыхъ сельско-хозяйственныхъ отношеній, и что почерпаемая въ нихъ даннныя въ видѣ примѣрныхъ расчетовъ и формулъ имѣли прямую связь съ дѣйствительностью. Ясно, что эти частныя записи должны занять то же мѣсто между источниками для изученія византійскаго землевладѣнія, какое принадлежитъ официальнымъ актамъ. Иначе и быть не можетъ, ибо связь между тѣми и другими весьма тѣсная: акты объясняются замѣтками, и на оборотъ.

Анонимныя записи имѣютъ еще ту особенность, что представляютъ собою голыя ариѳметическія или геометрическія формулы; какъ извѣстно, этимъ качествомъ не отличаются доселѣ изданные матеріалы по исторіи византійскаго землевладѣнія. Бытовое значеніе и практическая важность этихъ формулъ усматривается изъ того, что стоитъ только сопоставить ихъ съ актомъ, который самъ по себѣ оставался невразумительнымъ и потому допускающимъ различныя толкованія, какъ тотъ же самый темный текстъ акта получаетъ ясный смыслъ и не подлежащее спору значеніе.

Итакъ, источники для изученія землевладѣнія въ Византіи значительно умножаются. Къ актамъ и писцовымъ книгамъ должны быть причислены сочиненія, посвященныя геометріи и геодезіи и анонимныя статьи о сельскомъ хозяйствѣ. Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о сочиненіяхъ Ирона и Педіасима, такъ какъ этихъ писателей знаютъ только занимавшіеся исторіей математики. Имя Ирона было популярнѣйшимъ въ Византіи. Большинство сочиненій византійскихъ писателей по геометріи, геодезіи, о метрахъ, о вѣсѣ и т. п. приписываютъ къ Ирону какъ къ образцу и носятъ въ заглавіи его имя (по Ирону, изъ Ирона). Весьма вѣроятно, что были и въ Византіи математики, носившіе имя знаменитаго александрійскаго математика. Но любопытнѣй для насъ то, что въ разныхъ редакціяхъ сочиненій Ирона пока даются вставки и приписки, обличающія византійскую эпоху и византійскія отношенія. Такова прибавка въ *cod. Palat.* 367 f. 94 о сдѣланной царемъ Михаиломъ надбавкѣ земли крестьянамъ. Черты византійскаго времени и сельскохозяйственнаго обихода византійскихъ областей сказываются также въ многочисленныхъ примѣрахъ и задачахъ ариѳметическихъ и геометрическихъ. Подобныя вставки, объясненія и толкованія, привлеченныя въ сочиненіе Ирона переписчиками и компиляторами, даютъ этому писателю право стать въ рядъ источниковъ для изученія византійскаго землевладѣ-

нія. Не говорю уже о томъ, что у Ирона изслѣдователь находитъ тѣ же землемѣрные термины, что и въ актахъ Византійской эпохи; такимъ образомъ у Ирона можно находить объясненіе тѣхъ загадокъ, которыя задаютъ византійскіе памятники.—Геометрія Іоанна Педіасима, писателя XIV вѣка, по праву должна занимать важное мѣсто между источниками. Въ этомъ сочиненіи мы имѣемъ типъ византійскаго труда по геометріи (такъ какъ произведенія другихъ геометровъ еще не изданы), къ которому весьма полезно обращаться за справками и разъясненіями. ¹⁾ Сочиненіе Педіасима часто переписывалось и сохранилось во множествѣ списковъ ²⁾.

Важная научная цѣнность новыхъ матеріаловъ позволитъ намъ пролить больше свѣта на систему византійскаго землевладѣнія, чѣмъ это было возможно ранѣе. Читатель можетъ посѣтовать, что мы приводимъ тексты въ переводѣ, а не въ оригиналѣ. Это объясняется требованиями журнальной статьи: опасаясь большихъ размѣровъ греческаго текста, мы предпочли напечатать его въ другомъ мѣстѣ.

Измѣреніе пахатной земли.

Единицей измѣренія пахатной земли служилъ опредѣленной величины шесть или веревка (*ὁ κάλαμος, τὸ στυνίον*), величина которой соотвѣтствуетъ нашей сажени, у византійцевъ носившей названіе оргія (*ὄργια*). Такъ какъ оргія есть господствующая въ Византіи единица земельной мѣры, входящая притомъ въ образованіе всѣхъ другихъ землемѣрныхъ терминовъ, то важно обозначить въ точности ея длину. Къ счастью, у насъ есть два рода данныхъ для выясненія свойствъ оргіи. Въ сельскомъ быту мѣра оргіи опредѣлялась слѣдующимъ образомъ: человекъ средняго роста подниметъ вверхъ правую руку и то мѣсто, до котораго достанутъ концы его пальцевъ, укажетъ мѣру истинной оргіи. Ясно, что это тотъ самый приемъ, который употребителенъ въ нашемъ быту для обозначенія сажени. Другой способъ опредѣленія оргіи состоялъ въ такомъ приемѣ: сред-

¹⁾ Изданіе Ирона ар. *Hultsch, Heronis Alexandrini reliquiae* можетъ быть названо образцовымъ. Въ концѣ книги (всего 333 страницы) подробный указатель словъ и терминовъ. Недостаетъ развѣ выясненія вопроса о тѣхъ наслоеніяхъ, которыя вошли въ сочиненіе Ирона въ Византіи.

²⁾ Парижскій кодексъ (*Bibl. Regiae 2407*) *Τοῦ σοφιστῆτος χαρτοφύλακος Βουλγαρίας: κῆρ Ἰωάννου τοῦ Πεδιασίμου σύνοψις περὶ μετρήσεως καὶ μερισμοῦ γῆς, ἣτις καλεῖται κληρουχική.*

ниго роста человекъ, взявъ веревку или пруть, защемиль одинъ конецъ между пальцами ноги, другой же подниметь на плечо себѣ и потомъ спустить назадъ до бедра, такъ получится совсѣмъ вѣрная оргія. Это, конечно, не геометрической приѣмъ для опредѣленія величины орги, и хотя заимствованъ нами изъ сочиненія Ирона, но не принадлежитъ ученому геометру ¹⁾. Если въ сельскомъ обиходѣ орги соответствуетъ нашей сажени, то мы имѣемъ полное основаніе употребить это послѣднее выраженіе на мѣсто орги.

Ученые геометры, опредѣляя величину византійской сажени, отъправляются изъ того общаго положенія, что въ основаніи всѣхъ единицъ мѣры лежить наглядное представленіе величины того или другаго члена человеческого тѣла: палець (δάκτυλος), два пальца (ὁ χόνδρος), четыре пальца (ὁ καλαστός), пядень или величина между вытянутыми большимъ пальцемъ и мизинцемъ (ἡ σπυδαίη), наконецъ стопа, локоть и проч. Для насъ въ особенности важно опредѣлить отношеніе спиеамы къ византійской сажени, такъ какъ геометрическая сажень составляется изъ спиеамъ. Эта послѣдняя мѣра есть величина между вытянутыми большимъ пальцемъ и мизинцемъ, какъ показываютъ описанія древнихъ писателей ²⁾. Проще говоря, если спиеама не совпадаетъ съ нашей нынѣшней четвертью, то находится въ близкомъ съ нею родствѣ и во всякомъ случаѣ тождественна съ пядью или пядеью, которая опредѣляется какъ величина разстоянія между большимъ пальцемъ и мизинцемъ, если ихъ вытянуть. Такимъ образомъ, византійская сажень раздѣляется на спиеамы или пяди. Но въ дальнѣйшемъ мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми отступленіями отъ русской системы земельныхъ мѣръ, для выясненія которыхъ слѣдуетъ сосредоточить вниманіе на нижеслѣдующихъ подробностяхъ.

Въ Византіи употреблялась особая единица измѣренія для виноградныхъ плантацій. ³⁾ При измѣреніи виноградниковъ употребляемый шестъ или сажень въ полтора раза больше, чѣмъ та же мѣра для измѣренія пахотныхъ полей. Такимъ образомъ, обыкновенная византійская сажень, называемая также геометрическимъ шестомъ,

¹⁾ Парижская Націон. Библиотека cod. 2013 f. 112; ср. у Ирона, изд. *Hultsch*, S. 74, Anmerk.

²⁾ Желаящій можетъ заимствовать свѣдѣнія по этому вопросу въ сочиненіи *Hultsch*, *Griechische und römische Metrologie*. Berlin. 1862, S. 29—34.

³⁾ Равнина не ограничивалась единицей мѣры, но простиралась и на счетъ. Такъ, количество пахотной земли считалось въ модіяхъ, а площадь виноградника выражалась хіліадами или количествомъ лозъ.

имѣла $9\frac{1}{4}$ сажень или пядей, а для измѣренія виноградныхъ плантацій употребляемая сажень заключала въ себѣ отъ 14 до 16 сажень. Что здѣсь не можетъ быть рѣчи о различныхъ величинахъ, представляемыхъ самой саженой, доказывается тѣмъ, что въ томъ и другомъ случаѣ даны входящія въ образованіе сажени единицы мѣры. Сажень пахотная заключаетъ 28 палестовъ или гронеовъ (палестъ—ширина четырехъ пальцевъ), виноградниковая отъ 42 до 48. Но далѣе, самая пахотная сажень измѣнялась въ своей величинѣ: обыкновенная или малая была въ $9\frac{1}{4}$ пядей, большая или царская въ 11 пядей. Мы безъ большой натяжки могли бы даже прямо сажени передать выраженіемъ четверть, оргію словомъ сажень, еслибы наши свѣдѣнія о древней русской мѣрѣ были вполне точны. Известно, что пядь употребительная 3-хъ-аршинная сажень появилась на Руси не раньше 16 вѣка, до того времени употреблялась меньшая сажень или 2-хъ аршинная, что доказывается тмутараканской надписью, или въ $2\frac{1}{2}$ аршина, послѣдняя и нынѣ еще не вышла изъ употребленія подъ именемъ маховой или косой сажени. Любопытно, что косая сажень и описывается такъ же, какъ оргія въ нашемъ памятникѣ, то-есть, какъ разстояніе отъ подошвы лѣвой ноги до конца поднятой вверхъ правой руки. Если при сравненіи византійской останавливаться на древней 2 аршинной или маховой и косой сажени, то она должна заключать въ себѣ не 12 четвертей, а 8 или 10, и слѣдовательно 27 палестовъ или 9 сажень будутъ отвѣчать малой русской сажени. Увеличеніе византійской сажени послѣдовало съ надбавкой вершка къ обыкновенной мѣрѣ въ пользу крестьянъ, а затѣмъ съ распространеніемъ 11 четвертной сажени на мѣсто 9 четвертной въ актахъ надѣленія крестьянъ казенною землей. Такимъ же измѣненіямъ, хотя и по другимъ мотивамъ, подвергалась и русская сажень. Но во всякомъ случаѣ передача сажени и оргіи русскими терминами четверть и сажень не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій.

Большая или царская сажень имѣла въ Византіи болѣе широкое распространеніе, чѣмъ малая или обыкновенная, и что въ особенности важно: употребленіе ея стоитъ въ связи съ организаціей крестьянскаго хозяйства.

Изучающему положеніе сельскаго населенія въ Византіи не можетъ не броситься въ глаза особенная заботливость, съ которою правительство оберегало мелкую поземельную собственность,—имѣемъ въ виду суровыя по отношенію къ крупнымъ землевладѣльцамъ по-

веллы царей X и начала XI вѣка. Не можетъ быть сомнѣнія, что благодаря энергичнымъ мѣрамъ византійскихъ царей, мелкому свободному землевладѣнію суждено было въ Византіи выдержать съ успѣхомъ борьбу съ капиталомъ и крупнымъ землевладѣніемъ. Новые матеріалы открываютъ въ этомъ отношеніи совсѣмъ неожиданные факты, о которыхъ нельзя было догадываться. Крестьянская земля измѣрялась не тою мѣрой, что помѣщичья. При надѣленіи крестьянъ землей, равно при обложеніи крестьянской земли государственнымъ налогомъ, по закону должна была употребляться большая сажень; при продажахъ же этой земли на сторону вступала въ силу малая сажень. Упомянутое объ этомъ любопытномъ обычаѣ находится у писателя XIV вѣка, извѣстнаго уже намъ геометра I. Педіасима¹⁾, который сопровождаетъ свое извѣстіе слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Это дѣлается для оказанія помощи бѣднымъ, такъ какъ продавецъ уже потому, что онъ продаетъ—бѣднѣе покупающаго хотя на дѣлѣ это не всегда бываетъ; съ другой же стороны по сравненію съ цѣлымъ государствомъ, и тѣ, которые получаютъ малые участки по описямъ, гораздо бѣднѣе цѣлой громады. Итакъ, когда ихъ надѣляютъ землей, справедливо мѣрять большою саженью, а когда совершается продажа этой земли, то малую“. Но это замѣчаніе о господствовавшей въ Византійской практикѣ измѣренія крестьянскихъ земель опирается не на временный обычай, а на законодательство. По нѣкоторымъ, не совсѣмъ яснымъ, указаніямъ можно догадываться, что привилегія на прирѣзку земли получена была крестьянами въ Византіи еще въ IX вѣкѣ.

Изъ предыдущаго видно, что царская сажень можетъ быть сближаема съ русской саженью изъ 12 четвертей. Этимъ пока можно удовлетвориться въ разсужденіи оргіи и входящихъ въ ея образованіе меньшихъ единицъ мѣры. Сажень представляетъ собою, однако, очень неудобную мѣру при обмежеваніи большихъ пространствъ. Въ земельныхъ актахъ очень рѣдко встрѣчается эта мѣра. Дѣло въ томъ, что сама сажень—оргія входила въ образованіе другой мѣры, называемой сокаремъ. Сокаръ (σωκάριον)—это не что иное какъ веревка опредѣленной мѣры (σχοινίον). Въ земельныхъ актахъ безразлично употребляются оба выраженія и притомъ безъ дальнѣйшихъ объясненій, очевидно, потому, что мѣра сокаря была общезвѣстна. Сокаръ былъ или въ десять, или въ двѣнадцать сажень. Разница

¹⁾ *Friedlein, Die Geometrie des Pediasimus, S. 12.*

величины сокаря частью зависѣла отъ качества измѣряемой земли, частью отъ цѣлей измѣренія, а частью отъ гражданскаго характера владѣльца участка. Что касается качества земли, то прежде всего пахотныя земли различаются отъ пустошей, залежей и порослей. Первые измѣряются десятисаженнымъ, послѣднія двѣнадцатисаженимъ сокаремъ. Такимъ образомъ, на примѣръ, участокъ пахотной земли въ десять сокарей будетъ заключать въ себѣ 100 квадратныхъ сажень, а если это будутъ залежи, то на десять сокарей пойдетъ 120 квадр. сажень. Считалось далѣе правиломъ употреблять десятисаженныи сокаръ при измѣреніи небольшихъ участковъ ровной и хорошей земли, и двѣнадцатисажении при измѣреніи значительныхъ плоскостей—помѣстій и селеній, измѣряемыхъ въ окружности, ибо подразумевалось, что въ послѣднемъ случаѣ могутъ встрѣтиться овраги, ручьи и кустарники, которые нельзя считать удобными для воздѣлыванія. Что касается, наконецъ, гражданскаго положенія владѣльца участка, то въ этомъ отношеніи на большой сокаръ, называемый также царскимъ, имѣли привилегію крестьяне при надѣленіи ихъ землей и при обложеніи податями. Общее право измѣренія крестьянской земли большою мѣрой основывалось на пожалованіи крестьянамъ надбавки въ вершокъ на каждую сажень.

Сохранилось подробное описаніе способа приготовленія упомянутыхъ земельныхъ мѣръ и обычаевъ, наблюдаемыхъ при измѣреніи земли. Если хочешь сдѣлать примѣрную сажень изъ тростника или изъ дерева, то отмѣть сначала на немъ величину большого пальца, поставивъ его прямо,—это будетъ антихаръ (вершокъ царя Михаила); затѣмъ откладывая послѣдовательно кисти рукъ твоихъ безъ большого пальца, наблюдая, чтобы суставы приходились одинъ противъ другаго и образовали прямую линію; когда отложишь 27 кистей, то есть, палестовъ, получишь настоящую сажень. Посредствомъ этой сажени легко приготовить сокаръ. Но знай, что веревка, изъ которой долженъ быть приготовленъ десяти—или двѣнадцатисажении сокаръ, не можетъ быть волосяная, ибо таковая не даетъ вѣрной мѣры. Если она немного намокнетъ, будучи употреблена во время росы, то начнетъ крутиться и окоротаеть на одну сажень; когда же высохнетъ и будетъ вытянута, то удлиннится свыше мѣры, такъ что десятисаженная веревка обратится въ одиннадцатисажениую. Поэтому слѣдуетъ готовить веревку изъ пеньки и дѣлать ее толстую и крѣпкую.

Слѣдуетъ также приготовить шесть или колъ и на одинъ конецъ

его насадить широкій желѣзный сошникъ, чтобы онъ рѣзалъ и бороздилъ землю при отбѣриваніи каждаго сокаря; другой же коль долженъ быть заготовленъ съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, чтобы его втыкать и укрѣплять на обозначенномъ каждымъ сокаремъ мѣстѣ. Оба шеста или кола снабжаются крѣпкими желѣзными кольцами, къ которымъ прикрѣпляются концы сокаря и причечатываются оловянной печатью. Каждая сажень на сокарѣ для вѣрности обозначается привѣской толстаго краснаго шарика. Ради безопасности и примѣрная сажень изъ дерева или тростника должна быть съ обѣихъ концовъ отбѣчена оловянной печатью, дабы тѣмъ устранить всякое коварство со стороны крестьянъ. Ибо хотя сокаръ прикрѣпляется къ толстымъ шестамъ, но они все же могутъ наклониться въ ту сторону, куда его тянуть, такъ что каждый сокаръ можетъ черезъ это получить надбавку на пять или даже болѣе падей. А если сажень и сокаръ не снабжены печатью, то крестьяне каждую минуту выражаютъ подозрѣніе, что сажень коротка или что сокаръ не двѣнадцати, — а девятисаженный и часто осматриваютъ его, и оказись сокаръ случайно хоть на полспинеаы короче подлежащей мѣры — крестьяне отказываются продолжать разверстку и объявляютъ не состоявшимся произведенное измѣреніе ¹⁾). Вышеизложеннымъ не исчерпывается процедура измѣренія земли. Сажень и сокаръ мѣряютъ въ одномъ направленіи, между тѣмъ въ результатѣ должно получиться измѣреніе поверхности.

Переводъ саженой и сокарей на модіи.

Въ большинствѣ случаевъ дошедшіе до насъ земельные акты обозначаютъ площади участковъ прямо въ модіяхъ, не упоминая о саженяхъ или сокаряхъ. Что модій есть мѣра поверхностей и предъполагаетъ измѣреніе въ длину и ширину, въ этомъ нельзя было сомнѣваться и на основаніи тѣхъ скудныхъ данныхъ, какія доселѣ были въ нашемъ распоряженіи. Но уже положительно недостаточны были прежніе матеріалы для того, чтобы опредѣлить реальную величину модія и отношеніе его къ вышеуказаннымъ единицамъ мѣры.

Вопросъ о модіѣ очень обстоятельно разрѣшается византійскими геометрами. У Педіасима ²⁾) мы встрѣчаемъ слѣдующую теорему: гео-

¹⁾ Визская дворцовая библіотека, Jurid. graec. X f. 85 verso.

²⁾ *Friedlein*, S. 11.

метрической модій имѣеть 40 литръ, а въ литрѣ 5 сажень—оргій. За основаніе при этомъ берется количество жита потребнаго на обмененіе известной площади пахотной земли ¹⁾. Литръ жита засѣваетъ пять квадратныхъ сажень, десять литръ—50 квадр. сажень, слѣдовательно 40 литръ засѣютъ 200 квадр. сажень. Такимъ образомъ, геометрическая площадь модія должна равняться 200 кв. сажень, —на этомъ основываются всѣ подробности системы византійскихъ модіевъ. Единственное отступленіе имѣеть мѣсто только въ томъ случаѣ, если обычай требуетъ двѣнадцатисаженнаго сокаря, тогда площадь модія будетъ 280 квадратныхъ сажень. Общимъ правиломъ было—небольшіе участки ровной земли измѣрять малымъ, а большія прострапства или цѣлыя помѣстья большимъ сокаремъ. Практически устранилась однако необходимость примѣненія двухъ сокарей большаго и малаго системой вычета изъ общей суммы 10%. Такимъ образомъ, когда законъ и обычай требовалъ большаго сокаря, а между тѣмъ измѣреніе производилось малымъ или десятисаженнымъ, то изъ общей суммы слѣдовало только вычесть десятую часть, то-есть, не считать одинъ сокарь изъ каждаго десяти, что называлось ἀποδραχτισμός ²⁾.

Византійскіе землемѣры приняли за единицу измѣренія плоскостей модій, то-есть, такой прямоугольникъ, одна сторона котораго равна 20, другая 10 сажень. Отличіе отъ русской системы измѣренія плоскостей заключается только въ томъ, что у насъ прямоугольникъ (десятина) взятъ больше: одна сторона 60, другая 40 сажень. Иначе говоря, византійскій модій въ 12 разъ меньше русской десятины. Въ практикѣ модій представляетъ больше сравнительно съ десятиной удобствъ. Съ какою бы неправильною фигурой ни приходилось имѣть дѣло византійскому землемѣру, онъ легко могъ достигнуть довольно приближительной точности измѣренія, откладывая постепенно два сокаря въ одну сторону и одинъ въ другую; этихъ удобствъ не имѣеть за собою въ практической жизни наша десятина.

При переложеніи линейныхъ мѣръ въ модіи наблюдаются два случая: переложеніе на модіи веревокъ и саженей, иначе говоря,

¹⁾ Него, S. 48 ὁ σπόριμος μόδιος ἔχει λίτρας τεσσαράκοντα · μία δὲ ἐκάστη λίτρα σκείρει γῆν ὀργυίων πέντε.

²⁾ Въ Актахъ русскаго на св. Афонѣ монастыря. Киевъ. 1873, стр. 204, встрѣчается съ процедурой подобнаго измѣренія.

сокарей и оргій. Въ первомъ случаѣ слѣдуетъ перемножать между собою стороны и сумму раздѣлить на два, частное покажетъ количество модіевъ ¹⁾, — таково правило научной геометріи. Практическіе приемы заключаются въ слѣдующемъ. Сосчитавъ число отложенныхъ сокарей, слѣдуетъ прежде всего изъ общей суммы выбросить десятую часть, то-есть, отсчитать изъ каждыхъ десяти сокарей одинъ — въ счетъ каменистыхъ мѣстъ, пересохшихъ ручьевъ и вообще неудобныхъ къ культурѣ частей участка, затѣмъ остатокъ раздѣлить на 4 (тетраγώνισον), или отбросивъ половину сокарей, остальную раздѣлить на два, получится длина и ширина. Помноживъ ширину на длину и раздѣливъ произведеніе на два, будемъ имѣть модіи.

Указанное правило подтверждается у геометровъ многочисленными примѣрами. Пусть, напримѣръ, будетъ данъ четырехугольникъ, котораго стороны имѣютъ по 6 сокарей. Найдти площадь четырехугольника. Помноживъ 6 на 6 получаемъ 36—это будетъ площадь. Половина 36 составитъ модіи, то-есть, означенный четырехугольникъ равняется 18 модіямъ.

Переводъ саженой на модіи состоитъ въ слѣдующемъ. Сумму всѣхъ саженой окружности измѣряемаго участка раздѣлить на 2, одну изъ половинокъ опять раздѣлить на 2 — получится длина и ширина. Помножить длину на ширину и произведеніе раздѣлить на 200. У геометра Ирона это правило изложено короче: при измѣреніи сажеными, перемноженныя стороны, раздѣленныя на 200, составляютъ модіи ²⁾. Возьмемъ такой примѣръ. Данъ четырехугольникъ, котораго каждая сторона равна 12 сокарямъ и 6 оргіямъ, найдти его площадь. Разложивъ сокари въ оргіи, получаешь 126 оргій—саженъ на каждую сторону. Помноженныя стороны одна на другую даютъ 15,876,—это будетъ площадь четырехугольника въ квадратныхъ саженяхъ. Чтобы выразить это количество сажень въ модіяхъ, слѣдуетъ 15,876 раздѣлить на 200. Въ частномъ получаемъ $79\frac{76}{200}$, то-есть, 79 модіевъ, 15 литръ и 1 сажень.

Между земельными актами, представляющими измѣреніе земли

¹⁾ *Hultsch*, S. 50 ἐπί δὲ τοῦ μέτρου τῶν σχοινίων ποιεῖ οὕτως· τὴν μίαν τῶν πλευρῶν ἐφ' ἑαυτήν, ὧν τὸ ἥμισυ καὶ ἔστιν ὁ μοδιασμός.

²⁾ *Hultsch*, *Неро*, S. 53 ἐν παντί γὰρ μέτρον εἰ μὲν μετὰ σχοινίων γίνεται ἡ μέτρσις τὰ τοῦ πολυπλασιασμοῦ σχοινία ἡμισυαζόμενα δηλοῦσι τὸν μοδιασμόν, εἰ δὲ μετὰ ὀργυῶν, αἱ τοῦ πολυπλασιασμοῦ ὀργυαὶ ὑπεξαιρούμεναι ἐπὶ τῶν διακοσίων ἀποτελοῦσι τὸν μοδιασμόν.

сокарями, самымъ полнымъ долженъ быть названъ тотъ, который изданъ въ Актахъ русскаго на св. Афонѣ монастыря (стр. 203—207). Онъ весьма любопытенъ и потому, что знакомить съ самою техникой измѣренія. Задача землемѣра заключалась въ томъ, чтобы опредѣлить квадратную мѣру дѣлаго помѣстья. Онъ разрѣшаетъ ее согласно требованіямъ византійской практики: вымѣриваетъ кругомъ пограничную черту помѣстья и отиѣчаетъ число отложенныхъ сокарей при каждомъ поворотѣ пограничной черты. При нѣкоторой внимательности къ тексту можно представить себѣ и самую фигуру измѣряемаго участка. Это не будетъ правильная геометрическая фигура съ равными сторонами. Но практика выработала уже техническіе приемы и по отношенію къ такимъ участкамъ. Сумма всѣхъ сокарей по окружности получилась 413. Чтобы изобразить 413 сокарей въ модіяхъ, требовалось найти длину и ширину; для этого просто брали $\frac{1}{4}$, какъ сторону четырехугольника и помножали ее саму на себя. Но въ нашемъ случаѣ процедура ведется не со всею суммой 413, а съ уменьшенной на $\frac{1}{10}$ (ἀποδεχαισμὸς), то-есть, приблизительно съ 372. Еслибы производить правильныя вычисления, то сумма модіевъ получилась бы $4,324\frac{1}{2}$, но въ нашемъ документѣ она выражается въ $4,039\frac{1}{2}$. Признать ли этотъ итогъ ошибкой писца или отнести его къ излишней снисходительности землемѣра, не рѣшаемся сказать утвердительно. Иарѣдка встрѣчаемъ въ актахъ употребленіе особенной единицы измѣренія пахотныхъ полей. Такъ, въ одномъ актѣ у Миклошича ¹⁾ земля измѣряется не обычными сокарями или оргіями, а локтями (ὁ πῆχυς), которые также переводятся на модіи. Въ данномъ случаѣ землемѣръ имѣлъ дѣло съ треугольникомъ, одна сторона котораго была въ 110 локтей, другая въ 62, третья въ 100. По измѣреніи сторонъ треугольника, сумму полученныхъ локтей (272) онъ переводитъ на модіи и получаетъ площадь въ 23 модіи ²⁾. Чтобы понять эту систему измѣренія, необходимо сдѣлать объясненіе относительно локтя. Еслибы подъ локтемъ (πῆχυς) разумѣть здѣсь обыкновенную пелячину въ 2 синеамы или пяди, то вообще мы имѣли бы въ данномъ случаѣ дѣло съ единицей мѣры весьма незначительною и потому необычною при измѣреніи значительныхъ участковъ, — именно

¹⁾ Miklosich und Müller, Acta et diplomata graeca, IV, 161, 162.

²⁾ Ἐπὶ ἀπλότῃσι διαμετρήσει καταλογισθῆ τὸ χωράφιον εἰς ποσότητα μοδίων εἰκοσι καὶ τριῶν.

съ мѣрой въ полъ-аршина. Намъ слѣдовало бы, разложивъ 272 локтя на спиеамы, перевести эти послѣднія въ оргіи и указаннымъ выше способомъ перевести ихъ на модіи. Но тогда мы получили бы очень незначительную величину, между тѣмъ какъ въ актѣ показано, что 272 локтя составляютъ 23 модіа. Очевидно, землемѣрный локоть имѣетъ другое значеніе и не равенъ двумъ спиеамамъ ¹⁾. Въ сборникѣ актовъ Миклошича находимъ еще другой случай измѣренія земли локтями, при чемъ дается болѣе точное обозначеніе величины этой мѣры. Такъ, между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ сказано, что землемѣрный локоть приписывается въ 34 гронеа ²⁾, а такъ какъ гронеа есть то же, что палестъ, то-есть, представляетъ собою ширину четырехъ пальцевъ, то отсюда получаемъ основаніе установить точное значеніе землемѣрнаго локтя.

Припомнимъ, что обыкновенная сажень заключала въ себѣ 28 палестовъ или гронеовъ, или $9\frac{1}{4}$ пядей, большая же или царская, употреблявшаяся при измѣреніяхъ крестьянской земли, равнялась 11 пяденямъ, то-есть, 33 палестамъ или гронеамъ. Такимъ образомъ, имѣемъ полное основаніе вывести, что измѣреніе локтями въ сущности сводится къ измѣренію саженими или сокарями съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ первомъ случаѣ не нужно было прибѣгать къ скидкѣ $\frac{1}{10}$ доли, которая всегда возбуждала пререканія между крестьянами и землемѣромъ. Землемѣрный локоть соответствуетъ большой царской сажени. Это соображеніе оправдывается выкладкой, посредствомъ которой землемѣръ долженъ былъ придти къ выводу, что треугольникъ, стороны котораго равны 272 локтямъ, составляетъ площадь въ 23 модіа. Именно съ числомъ 272 онъ произвелъ ту самую операцію, которая рекомендуется въ руководствахъ по геометріи при переводѣ саженей въ модіи; раздѣлилъ эту сумму на 4 и, принявъ частное 68 какъ одну изъ сторонъ, помножилъ ширину на длину и произведеніе раздѣлилъ на 200, при чемъ получалось число 23, то-есть, количество модіевъ. На основаніи этого мы можемъ вычислить, что площадь въ 40 модіевъ, указанная въ одномъ актѣ Миклошича безъ обозначенія измѣримости сторонъ, состоитъ изъ такого участка, сумма сторонъ котораго составляетъ около 350 царскихъ саженей или локтей.

¹⁾ Эта величина локтя дана у Ирона, S. 48: δ πήχος ὁ λιθικός ἔχει σπιθαμὰς β', ἢ πάλαιστὰς ε'.

²⁾ Acta IV, 169: καὶ διὰ πήχεος μετρηθὲν τριακοντατεσσαράρων ὀβσης γρον θῶν.

Понятно, что въ практическомъ отношеніи переводъ оргій и сокарей въ модіи сопряженъ былъ съ значительными затрудненіями. Здѣсь весьма легко было допустить ошибку въ вычисленіи, вслѣдствіе которой выгоды одной стороны могли значительно пострадать. При обозначеніи модіевъ землемѣръ могъ всего удобнѣй допустить несправедливость, такъ какъ тутъ не всякій крестьянинъ могъ его провѣрить. Между тѣмъ согласно количеству модіевъ облагалась земля податями и оцѣнивалось благосостояніе крестьянскаго хозяйства. Въ письмахъ Теофилакта Болгарскаго находимъ прекрасное, сюда относящееся, мѣсто, гдѣ выражается жалоба на неправильное переложеніе веревокъ въ модіи ¹⁾: „При межеваніи земли переписчикъ употребляетъ незаконный сокаръ и при переложеніи сокарей въ модіи позволяетъ себѣ грубѣйшія ошибки: ибо гдѣ ему знать законы геометріи?“ Въ письмахъ Михаила Акомната указывается на зависимость податной системы отъ количества модіевъ ²⁾. Онъ высказываетъ слѣдующую просьбу въ письмѣ къ логовету Дмитрію Торнику: „Если захочешь нѣсколько уврачевать наши язвы, да будетъ опредѣлено, чтобы переписчикъ, измѣривающій мелкіе участки, считалъ бы на номисму столько же модіевъ, сколько полагается въ сосѣднихъ мѣстахъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ дошедшихъ до насъ землемѣрныхъ памятникахъ цифровыя данныя не всегда должны быть принимаемы на вѣру, ибо вольныя и невольныя искаженія числовыхъ итоговъ должны встрѣчаться часто.

Измѣреніе виноградныхъ плантацій.

Хотя виноградныя плантаціи иногда измѣрялись по той же системѣ, что и пахотныя поля, но чаще въ приложеніи къ нимъ имѣемъ дѣло съ особыми приѣмами измѣренія. Анонимный сельскій хозяинъ дѣлаетъ на этотъ счетъ такое замѣчаніе: сокаремъ и оргіей можно измѣрить пахотную землю и виноградники, если относительно послѣднихъ не держаться обычая измѣренія ше-

¹⁾ *Migne, Patrologiae Cursus completus series graeca*, t. 126, p. 452: ἐκὶ δὲ τῆ παραδόσει τῆς γῆς σχοινίου μέτρον κολοβοῖ, καὶ ἔτι περὶ τὴν τοῦ μοδισμοῦ συν-ἀριθμοῖσιν ἀμαθίστατα πράττει· ποῦ γὰρ αὐτῷ γεωμετρίας λόγους εἶδεναι;

²⁾ Λαμπροῦ, Μιχαὴλ τοῦ Ἀχομινάτου τὰ σωζόμενα, II, p. 66: διορισθῆτω κά-ταλογίζεσθαι τὸν ἀναγραφά τὸν γεωμετρούμενον γῆδια τοσοῦτων μοδίων τῷ νομισματι ὅσων καὶ ταῖς ἀγχιθουρούσαις χώραις ἡμῖν κατελογίσθησαν.

стомъ (τὸ καλάμιον) и системы хиліадъ. Итакъ, для виноградниковъ существовала система мѣры шестью и хиліадами. Припомнимъ, что мы встрѣчались съ шестомъ и при изложеніи обыкновенныхъ линейныхъ мѣръ, гдѣ шесть обыкновенно совпадаетъ съ саженью. Но здѣсь онъ имѣетъ другую величину. На сколько можно судить по немногочисленнымъ примѣрамъ, величина каламія, какъ спеціальной мѣры для виноградниковъ, колебалась между 14 и 18 пяденямъ (спинами), то-есть, шесть для измѣренія виноградниковъ вообще въ полтора раза больше обыкновенной сажени. Что касается разностей величины каламія, это объясняется мѣстными условіями—и, всего вѣроятнѣй,—сравнительною густотой посадки виноградныхъ лозъ.

Относительно практическихъ приемовъ измѣренія виноградниковъ мы нашли слѣдующія правила.

1) Слѣдуетъ ¹⁾ вимѣрить данное мѣсто съ двухъ сторонъ: основанія и противоположащей стороны. Еслибы стороны оказались не равны между собою, то нужно ихъ принять за равныя, считая обѣ стороны за одну. Точно также поступить и съ боками. Пусть будетъ основаніе въ 6 каламіевъ, противоположащая 7, одна сторона 16, другая 17 каламіевъ. Соединимъ первыя двѣ стороны, получаемъ 13; сумма другихъ двухъ сторонъ $33\frac{1}{2}$. Къ тому и другому числу присоединяемъ половину того же числа: $13+7=20$ ²⁾; $33\frac{1}{2}+17=50$. Полученныя числа перемножаются между собою: $20 \times 50 = 1000$. Указанная плантація составляетъ одну хиліаду. Изъ приведеннаго примѣра трудно понять, однако, какими законами руководятся землемѣръ, и что обозначаетъ его хиліада. Къ счастью, мы имѣемъ другой примѣръ.

2) Основаніе ³⁾ имѣетъ 26 каламіевъ, двѣ стороны 43. Половину оставь, а другую удержи: половина 26—13, половина 43— $21\frac{1}{2}$. Помножишь каждое число на 3, получимъ 39 и $64\frac{1}{2}$. Когда затѣмъ перемножить эти числа между собою, то произведеніе ихъ покажетъ тебѣ количество лозъ виноградника. Данный въ задачѣ виноградникъ заключаетъ въ себѣ $2515\frac{1}{2}$ лозъ, то-есть, двѣ съ половиной хиліады и $15\frac{1}{2}$ лозъ.

¹⁾ Визская библиотека Jurid. graec. 1 fol. 346.

²⁾ περί γὰρ τὸ ἦμισυ τοῦ ἐνὸς οὐκ ἔστι πολλή ζήτησις, замѣчаетъ анонимный землемеръ.

³⁾ Cod. Palat. graecus 367, fol. 96.

3) Измѣряется ¹⁾ виноградная земля такъ. Если двѣ стороны измѣются по 10 каламовъ, а другія двѣ—длина или ширина—по 25 каламовъ, то принимается длина въ 50 каламовъ, а ширина въ 20 и считается такъ: $20 \times 50 = 1000$.

Хотя въ трехъ приведенныхъ случаяхъ употреблены, по видимому различные приемы счета, но при нѣкоторой внимательности можно подвести первый и второй случай къ одной системѣ. Цѣль измѣренія виноградной плантаціи не въ томъ состоитъ, чтобы опредѣлить ея поверхность, а чтобы узнать до извѣстной точности количество виноградныхъ лозъ. Было, по видимому, обычнымъ правиломъ сажать кустъ на разстояніи полусаженіи одинъ отъ другаго. Такимъ образомъ, задача измѣренія виноградника сводилась къ помноженію суммы каламьевъ на 3. Возьмемъ, для примѣра, небольшой виноградникъ, основаніе котораго пусть будетъ 5 кал., противоположная сторона тоже 5, боковыя стороны по 10. Геометрически можно изобразить эту площадь изрѣзанною небольшими квадратами, каждый въ 1 квадр. каламій, всего будетъ 50 квадратовъ (пять въ основаніи и 10 съ боковыхъ сторонъ), на каждомъ квадратномъ каламіи посажено 9 кустовъ. Слѣдовательно, на нашей площади будетъ всего 450 кустовъ. Геометрическое же рѣшеніе будетъ состоять въ слѣдующемъ: взять половину основанія и противоположащей (5) и половину сторонъ (10), помножить то и другое число на 3 (15 и 30), полученные произведенія перемножить, что и дастъ 450.

Теперь посмотримъ на рѣшеніе задачи № 1. Мы не можемъ объяснить себѣ, почему землемѣръ совѣтуетъ къ суммамъ сторонъ присоединить половину того же числа (къ 13—7, къ 33—17), хотя результатъ вышелъ у него тотъ же самый, что получится при умноженіи половинъ сложенныхъ между собою сторонъ на 3 и новаго перемноженія произведеній. Въ примѣрѣ № 1 основаніе и противоположащая 13 каламьевъ, стороны $33\frac{1}{2}$. Половина 13 помноженная на 3 даетъ съ приближительною точностью 20, точно также и половина $33\frac{1}{2}$ помноженная на 3 даетъ 50 ²⁾. Перемножая между собою послѣднія числа, получаемъ ту же хиліаду, къ которой пришелъ землемѣръ въ первомъ примѣрѣ. Второй примѣръ не требуетъ объясненій, потому что задача въ немъ сдѣлана по системѣ умноженія сторонъ на три.

¹⁾ Cod. Graecus Palat. 8 f. 222.

²⁾ Выше мы видѣли, что землемѣръ за дробными числами не гоняется.

Что же сказать о третьемъ примѣрѣ? Въ этой задачѣ рѣшеніе предлагается, по видимому, совершенно по другому способу, чѣмъ въ рассмотрѣнныхъ случаяхъ. Но весьма легко уяснить себѣ особенность въ рѣшеніи и этой задачи тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь предполагается иная система рассадки виноградныхъ лозъ. Именно, вмѣсто 9 кустовъ здѣсь на каждомъ квадратномъ каламѣ посажено только 4. Въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ данную въ задачѣ площадь раздѣленною на квадраты въ 1 каламій: всего будетъ 10 квадратовъ въ основаніи и 25 по сторонамъ, то-есть, 250. Если на каждомъ каламій посажено 4 куста, то на всей площади будетъ 1000. Отсюда выводимъ, что геометрическое правило для рѣшенія подобныхъ задачъ будетъ состоять въ слѣдующемъ: взять половину основанія и противолежащей и половину сторонъ (то-есть, въ данномъ случаѣ 10 и 25), помножить то и другое число на 2, затѣмъ снова перемножить между собою произведенія. Согласно изложенному способу рѣшена занимающая насъ задача. Такимъ образомъ, когда въ актахъ встрѣчаемъ обозначеніе хиліадами виноградныхъ плантацій, должны понимать это въ смыслѣ количества виноградныхъ кустовъ на участкѣ. Но по данному количеству хиліадъ нельзя еще заключать къ площади виноградной плантаціи, такъ какъ на одной и той же по измѣренію площади можно было посадить больше и меньше виноградныхъ кустовъ.

Качественность и цѣнность земли.

Легко догадываться, что въ быту земледѣльческаго населенія каковымъ представляются византійцы, вопросъ о качествахъ земли игралъ важную роль. Но до сихъ поръ мы лишены были возможности подвести подъ опредѣленные формулы различные роды земли, вслѣдствіе чего и заключенія о величинѣ крестьянскаго надѣла, равно какъ о платежной силѣ крестьянскаго тягла, по необходимости лишены были твердой почвы. Имѣемъ въ виду статью въ Журналѣ Мин. Народнаго Просвѣщенія (іюль, 1885, стр. 47—48 и др.), гдѣ мы дѣлали попытку опредѣлить норму цѣнности земли на основаніи купчихъ актовъ и арендной платы. Высказанныя тамъ соображенія находятъ себѣ оправданіе въ точныхъ формулахъ, приводимыхъ ниже.

Прежде всего остановимся на одномъ официальномъ актѣ, который не обращалъ на себя вниманія ивслѣдователей. Въ много-

численныхъ кодексахъ юридическаго содержанія, послѣ Эклоги, новеллъ Романа Лакапина, Константина Порфиророднаго, Никифора и др. обыкновенно приводятся двѣ статьи, принадлежащія магистру Космѣ и трактующія о паризахъ. И мѣсто, занимаемое опредѣленіями (ψήφοι) магистра Космы въ кодексахъ рядомъ съ новеллами, и высокое положеніе этого государственнаго чловѣка при дворѣ Константина Порфиророднаго ¹⁾ заставляютъ насъ видѣть въ опредѣленіяхъ его важный официальный документъ. Второе опредѣленіе состоитъ въ слѣдующемъ. Если данное мѣсто находится въ одной волости и записано въ писцовой книгѣ подъ одну податную статью и участки находятся къ общинномъ владѣніи, а тридцати лѣтъ не прошло еще со времени передѣла ²⁾, то опять всѣ члены общины должны сдать въ общество свои участки, уничтожить межевые знаки и приступить къ передѣлу земли между всѣми участниками. Каждый по жеребью получить равный участокъ пахотной земли, которая не только измѣряется согласно качеству ея, но и распределяется между совладѣльцами по сравнительной оцѣнкѣ качественности ³⁾. Весьма любопытно, что передѣлъ земли между членами сельскихъ общинъ правильно наступалъ въ тридцатилѣтніе періоды, но магистръ Косма

¹⁾ *Zacharias*, III. S. 242. Νομοθεσία κατὰ Ρωμανοῦ βασιλέως τοῦ γέροντος, συνεθεῖσα κατὰ Κοσμᾶ μαγίστρον, Constantini, De Ceremoniis, 594, мѣсто, свидѣтельствующее, что магистръ Косма былъ одинъ изъ первыхъ наредворцовъ.

²⁾ Εἰκέρ ἐστὶ τοῦ τόκου μία ὑποταγή καὶ εἰς τελεσμός καὶ αἱ μερίδες ἀνακεκοῦνται, οὐκω δὲ διήλλα τριακονταετία ἀφ' οὐπερ γέγονε μερισμός... Что касается выражений μία ὑποταγή καὶ εἰς τελεσμός (cod. Palat. 249 f. 219 v. συνετελεσμός), то относительно толкованія ихъ не можетъ возникнуть сомнѣній, хотя бы въ виду параллельнаго мѣста у *Zacharias* III, 238: ὁμοτελεῖς δὲ φαιεν πάντας τοὺς ὑπὸ τὸν αὐτὸν ὑποταγμένον ἀναγραφόμενος. Гораздо труднѣе слѣдующія слова, въ которыхъ заключаетсѣ и главный смыслъ опредѣленія магистра Космы, — αἱ μερίδες ἀνακεκοῦνται. Если мы не ошибаемся, опредѣленіемъ предусматривается случай, когда сельская община можетъ приступить къ передѣлу земли, не дожидаясь истеченія 30-лѣтняго періода, когда такой передѣлъ требовался господствующимъ обычаемъ. Всего ближе къ тексту былъ бы переводъ „и участки находятся въ общинномъ владѣніи“, но тогда зачѣмъ же уничтожать межевые знаки и приступить къ передѣлу, которымъ однако не нарушается общинное землевладѣніе? — Слѣдовало бы читать въ этомъ выраженіи такого смысла: „когда участки не равны“ или „когда требуется выдѣлить участки новымъ членамъ“.

³⁾ Καὶ γίνηται μερισμός πρὸς ἕκαστον αὐτῶν, ἀποκληρῶν ἰσότητα γῆς τοῦ ἀγροῦ (cod. Palat. 13 f. 296: ἀπὸ κλήρων ἰσότητος τῆς γῆς τοῦ ἀγροῦ) οὐ μόνον κατὰ ποσότητα μερισόμενης, ἀλλὰ καὶ κατὰ σύγκρισιν ποιότητος διανεμομένης.

находить возможнымъ дѣлать отступленіе отъ этого обычая въ случаѣ надобности. Но въ чемъ заключалась преждевременная законность новаго передѣла, на это въ опредѣленіи магистра Космы не найдемъ отвѣта, если будемъ буквально переводить слова *αἱ μερίδες ἀνακχοίονται*. Необходимо предполагать, что передѣлы вызывались экономическими потребностями самой сельской общины; народженіемъ новыхъ членовъ въ одномъ хозяйствѣ, ослабленіемъ рабочихъ силъ въ другомъ, прибытіемъ въ общину членовъ со стороны и т. п. Не менѣе важно другое заключеніе, вытекающее изъ этого опредѣленія: крестьянскіе передѣлы земли сопровождались жеребьеваньемъ и оцѣнкой качества земли. Множество детальныхъ фактовъ относительно этого послѣдняго обстоятельства, несомнѣнно имѣвшаго громадное значеніе въ быту крестьянскаго сословія, находимъ въ неофіціальнымъ замѣткахъ и хозяйственныхъ расчетахъ, къ счастью сохранившихся въ нѣкоторыхъ рукописяхъ.

Величина крестьянскихъ надѣловъ зависѣла отъ качества земли, которая была трехъ родовъ и имѣла тройную цѣнность:

1) Мягкая пахотная земля или черноземъ, называемая также медомлечной (*ἡμελίγαλος γῆ*), она цѣнится каждый модій по перперу.

2) Супесчаная и ровная, иначе воздѣлываемая земля (*ἐρυσμένη*), цѣнится и продается два модія за перперъ.

3) Поросшая кустарникомъ, не воздѣлываемая, каменистая (*ἡ χερσία* или *χερσί*) и удобная только для пастбища, цѣнится 1 перперъ за 3 модія.

Было бы трудно, конечно, придавать безусловное значеніе этимъ цифрамъ. По всей вѣроятности, цѣнность земли колебалась въ разное время и вообще не была одинакова въ разныхъ мѣстностяхъ. Но указанная геометрическая пропорція качества къ цѣнности соблюдалась, по видимому, всегда: земля 1 качества вдвое дороже земли 2 качества и земля 3 качества вдвое дешевле земли 2 качества.

Въ тѣсной связи съ качествомъ земли находится организація крестьянскаго надѣла, какъ экономической и податной единицы.

Организація крестьянскаго надѣла. Зевгарать или зевгарь.

Вопросъ о зевгарѣ не разъ обсуждался въ Журн. Мин. Нар. Просв. Поэтому, считаемъ достаточнымъ только напомнить, что центръ тяжести въ этомъ вопросѣ сосредоточивается на слѣдующемъ положеніи: представляетъ ли зевгарь реальную или только идеаль-

ную величину, то-есть, можно ли по данному числу зевгарей заключить о количествѣ модіевъ, и на оборотъ. До сихъ поръ всѣ заключенія по этому вопросу опирались на трехъ актахъ, представляющихъ вообще значительныя неясности въ важнѣйшихъ своихъ частяхъ, именно въ итогахъ. Межевое дѣло объ отводѣ земли монастырю Русику ¹⁾ представляетъ сомнѣнія относительно цифры 748. Этой суммы модіевъ нельзя получить вслѣдствіе сложения данныхъ въ актѣ величинъ. Сложеніе приводитъ, напротивъ, къ суммѣ модіевъ $830\frac{1}{2}$. Если допустить обычный вычетъ десятаго модія, то получимъ въ итогѣ 748, цифру показанную въ актѣ. Но и съ этою величиной мы не имѣемъ права считаться какъ съ безспорнымъ итогомъ, потому что въ актѣ рядомъ стоятъ два итога: „виѣстѣ 616. а всего 748 модіевъ“. Единственное—и думаемъ—вѣрное средство объяснить эту странность заключается въ предположеніи, что первая цифра показываетъ сумму модіевъ земли одного качества, а недостающая до 748 сумма, то-есть, 132 модія должны представлять землю иного качества. Затѣмъ, хотя мы и знаемъ, что 748 модіевъ въ нашемъ актѣ должны составлять три зевгаря, но въ виду неодинаковаго качества земли едва ли имѣемъ основаніе принимать кругомъ въ каждомъ зевгарѣ $249\frac{1}{2}$ модіевъ. Если ужъ искать точнаго отчета модіевъ въ зевгарѣ, то правильнѣй было бы дѣлать на 3 не число полученное послѣ скидки $\frac{1}{10}$ доли, а сумму всѣхъ модіевъ, то-есть, $850\frac{1}{2}$, при чемъ на зевгаръ приходилось бы около 277 модіевъ.

Не менѣе представляетъ затрудненій и другой актъ, и тоже въ счетѣ модіевъ ²⁾. Выше мы указали, что находимые въ этомъ актѣ 413 сокарей, будучи переведены на модіи, даютъ не $4039\frac{1}{2}$, какъ изображено въ актѣ, а гораздо больше $4324\frac{1}{2}$. Ясно однако, что если мы примемъ и большую сумму, то раздѣливъ ее на 30 зевгарей, каковымъ должна соответствовать указанная сумма модіевъ, все же получимъ въ частномъ почти вдвое меньшую сумму модіевъ на зевгаръ, чѣмъ какая выводится въ первомъ актѣ.

Уже этого достаточно, чтобы не разсматривать зевгаръ какъ реальную земельную величину, могущую представлять собою разъ на всегда узаконенное количество модіевъ. Къ подобному заключенію частью привелъ насъ одинъ земельный актъ, изданный академикомъ

¹⁾ Акты русскаго св. на Аеоиѣ монастыря, стр. 191.

²⁾ Акты русскаго на св. Аеоиѣ монастыря, стр. 203.

Миклошичемъ ¹⁾. Въ противоположность къ вышеприведеннымъ, въ послѣднемъ нѣтъ указанія на модіи, но въ немъ встрѣчаемъ замѣчанія о способѣ отвода земли. Нужно было записать за Лемвійскій монастырь шесть зевгарей казенной земли. Въ протоколѣ сказано по этому случаю, что такая-то земля оцѣнена свѣдущими людьми въ шесть зевгарей. Не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь идетъ рѣчь объ оцѣнкѣ качественности и производительности земли, и что въ связи съ этимъ обстоятельствомъ нужно разсматривать найденныя выше весьма несогласныя между собою суммы модіевъ, образующія зевгарь.

Весьма интересныя данныя о зевгарѣ находимъ въ Cod. graecus Palat. 367. Недавно появился 1 томъ каталога греческихъ рукописей Ватиканской бібліотеки, содержащій въ себѣ описаніе Палатинскихъ рукописей ²⁾. Къ сожалѣнію, каталогъ совсѣмъ не упоминаетъ о статьяхъ, которыя занимаются зевгаремъ и которыя находятся на 98 и 164 листахъ рукописи № 367. Между тѣмъ, какъ сейчасъ будетъ видно, на указанныхъ листахъ содержатся единственныя въ своемъ родѣ матеріалы для выводовъ о зевгарѣ.

Оказывается, что въ зевгарѣ условно считалось 40 модіевъ земли. Говоримъ условно, ибо практически никогда зевгарь не представлялъ собою земельного надѣла въ 40 модіевъ. Практически зевгаремъ назывался такой земельный крестьянскій надѣлъ, который оцѣнивался по соображенію качества земли въ 60 перперовъ. Въ организаціи зевгаря количество модіевъ находится, такимъ образомъ, въ прямой зависимости отъ качества почвы, то-есть, тѣмъ больше модіевъ записывается на зевгарь, чѣмъ ниже по качеству земли. Мы указывали выше на общее положеніе, что земля перваго качества оцѣнивалась въ 1 перперъ модій, земля втораго качества 1 перперъ за 2 модія, третьяго качества 1 перперъ за 3 модія. При организаціи крестьянскаго надѣла эти отношенія мѣры къ цѣнности нѣсколько измѣняются и притомъ, какъ кажется, въ интересѣ крестьянскаго сословія. Весьма можетъ быть, что при этомъ византійское правительство руководилось тѣми же гуманными идеями, которыя внушили ему узаконить большую и малую сажень, первую для крестьянскихъ земель, вторую для помѣщичьихъ. Во всякомъ

¹⁾ Miklosich, Acta et diplomata graeca IV, 146.

²⁾ Codices Manuscripti Palatini Graeci Vaticani, descripti Praeside Cardinali Pitra, recensuit et digessit Henricus Stevenson Senior. Romae. 1885.

случаѣ въ классификаціи крестьянскаго надѣла, какъ хозяйственной и податной единицы стоимостью въ 60 перперовъ земля оцѣнивалась гораздо ниже, чѣмъ можно ожидать въ виду указанной общей формулы. Именно, при оцѣнкѣ крестьянскаго надѣла земля перваго качества шла въ количествѣ $1\frac{3}{4}$ модія на перперъ, земля втораго качества $3\frac{1}{2}$ модія на перперъ, наконецъ, третьяго качества 7 модіевъ на перперъ.

Для удобства представимъ въ таблицѣ отношенія модіевъ къ перперамъ:

Перперы.	М о д і и.		
	1 кач.	2 кач.	3 ^е кач.
1	$1\frac{3}{4}$	$3\frac{1}{2}$	7
2	$3\frac{1}{2}$	7	14
3	$5\frac{1}{4}$	$10\frac{1}{2}$	21
4	7	14	28
5	$8\frac{3}{4}$	$17\frac{1}{2}$	35
6	$10\frac{1}{2}$	21	42
7	$12\frac{1}{4}$	$24\frac{1}{2}$	49
8	14	28	56
9	$15\frac{3}{4}$	$31\frac{1}{2}$	63
10	$17\frac{1}{2}$	35	70
11	$19\frac{1}{4}$	$38\frac{1}{2}$	77
12	21	42	84
13	$22\frac{3}{4}$	$45\frac{1}{2}$	91
14	$24\frac{1}{2}$	49	98
15	$26\frac{1}{4}$	$52\frac{1}{2}$	105
16	28	56	112
17	$29\frac{3}{4}$	$59\frac{1}{2}$	119
18	$31\frac{1}{2}$	63	126
19	$33\frac{1}{4}$	$66\frac{1}{2}$	133
20	35	70	140
25	$43\frac{3}{4}$	$87\frac{1}{2}$	175
30	$52\frac{1}{2}$	105	210
35	$61\frac{1}{4}$	$122\frac{1}{2}$	245
40	70	140	280
50	$87\frac{1}{2}$	175	350
60	105	210	420

Приведенная таблица наглядно убѣждаетъ, что если зевгаръ квалифцировался какъ податная и хозяйственная единица стоимостью въ 60 перперовъ, то дѣйствительное количество модіевъ въ зевгарѣ должно было колебаться, судя по качеству почвы, между 105 и 420. На практикѣ, конечно, никогда не могло случиться, чтобы отходящая

въ надѣлѣ крестьянамъ земля была вся или лучшаго, или средняго, или же худшаго качества, оттого необходимо допустить крайнее разнообразіе количества модіевъ въ зевгарѣ. Примемъ за нормальную величину 40 модіевъ и посмотримъ на ея отношеніе къ зевгару. Сорокъ модіевъ земли лучшаго качества квалифицируется какъ цѣнность въ 23 перпера (собственно $22\frac{6}{7}$), слѣдовательно для образованія зевгара къ участку въ 40 модіевъ нужно прибавить еще почти 65 модіевъ земли перваго качества, или почти 130, если это будетъ земля средняго качества, или почти 260 изъ земли худшаго качества. Въ такомъ случаѣ нашъ зевгаръ будетъ заключать въ себѣ или 105 или 170, или же наконецъ 300 модіевъ. Понятно, что въ дѣйствительной жизни чаще случалось такъ, что въ крестьянской участокъ входила земля разныхъ качествъ, видоизмѣняя до безконечности общую сумму модіевъ.

Въ томъ же Палатинскомъ кодексѣ (f. 164) есть небольшая статья, составляющая какъ бы продолженіе того, что уже изложено нами выше.

Она представляетъ хозяйственный расчетъ, составленный неизвѣстнымъ помѣщикомъ, по небольшому имуществу въ $11\frac{1}{2}$ зевгарей. По всей вѣроятности, помѣстье взято примѣрное. Но это не умаляетъ въ нашихъ глазахъ значенія расчета, ибо показанныя въ немъ величины должны согласоваться съ дѣйствительностью, а равно упоминаемая въ немъ статья сельскаго хозяйства и оцѣнка ихъ стоимости и доходности должны имѣть соотношеніе съ дѣйствительнымъ строемъ помѣщичьяго хозяйства. Что въ особенности возвышаетъ цѣну приводимаго ниже отрывка, это схема организаціи сельскаго хозяйства; въ немъ указаны не просто крестьянскіе зевгари, но съ количествомъ земельного надѣла на каждый и съ оцѣнкой земли. Вотъ этотъ отрывокъ.

Переписавъ зевгаратовъ, вондатовъ и пѣшихъ, сложи число ихъ. Опиши и всю землю, сколько модіевъ въ мѣстечкѣ и затѣмъ надѣли зевгаръ 40 модіями, вондаты 30, а пѣшихъ 20 модіями и считай зевгараты въ 60 перперовъ, вондаты въ 40 и пѣшій въ 20, а остальную землю считай по вышеобъясненному ¹⁾. Представимъ это въ примѣрѣ. Дано помѣстье, имѣющее $11\frac{1}{2}$ зевгарей и земли 1497 модіевъ, то-есть, пахотной 1367 и пастбищной 130 модіевъ.

¹⁾ Καθὼς ἀναθεὶν δεδωλόχαται—выраженіе, не имѣющее здѣсь примѣненія, ибо выше ничего не было сказано, если не относить это выраженіе къ л. 98 рукописи.

Далѣ слѣдуетъ таблица, которую мы передаемъ со всею точностью.

ὑπὲρ ζευγαρίων 11½ καὶ γῆς μοδίων 470	ὑπὲρ τῆς λοιπῆς γῆς τῶν 897 μοδίων	ὑπὲρ τῆς στερεᾶς χερσαίας γῆς τῶν 130 μοδίων
ὑπέρπορα 700	ὑπέρπορα 256 κοκκία 6	ὑπέρπορα 18 κοκκία 13
ὑπέρπορα 974 ³ / ₄ ἄφες δεκατιμῶν τὸ ληφθὲν ὑπέρπορα 877.		

Нельзя съ увѣренностью сказать, вся ли таблица сохранилась. Въ рукописи она приходится на самомъ концѣ страницы, такъ что слова τὸ ληφθὲν и проч. помѣщены на боковой сторонѣ, а послѣ ἄφες δεκατιμῶν по нижнему обрѣзу страницы можно видѣть нѣсколько словъ, хотя прочесть ихъ нельзя.

Таблицу можно объяснять слѣдующимъ образомъ. 11½ зевгарей слѣдуетъ понимать въ смыслѣ 11 зевгаратовъ и 1 вондата. Вспомнимъ, что зевгаръ условно имѣетъ 40 модіевъ пахотной земли, вондаты же 30. Такимъ образомъ на 11 зевгаратовъ и 1 вондаты приходится земли 470 модіевъ, то-есть, цифра, показанная въ таблицѣ. Далѣ, зевгаръ квалифицировался какъ хозяйственная и податная единица стоимостью въ 60 перперовъ, вондаты же оцѣнивался въ 40 перперовъ. Такимъ образомъ, цифра 700 обозначаетъ экономическую стоимость 11 зевгаратовъ и 1 вондата:

$$11 \text{ зевгарей} \times 60 = 660 \text{ перперовъ.}$$

$$\frac{1}{2} \text{ зевгара} = 40 \text{ перперовъ, всего 700.}$$

Далѣ въ таблицѣ слѣдуетъ расчетъ по отношенію къ землѣ, оставшейся, за вычетомъ 470 модіевъ. Это пахотная земля и притомъ средняго качества; здѣсь опредѣляется ея мѣсовая цѣнность по формулѣ 3½ модія на 1 перперъ. Въ самомъ дѣлѣ, 897 раздѣленныя на 3½ дадутъ въ частномъ 256¹/₄, то-есть, сумму перперовъ, находимую въ таблицѣ. Замѣтимъ, что перперъ имѣетъ 24 коккія и что слѣдовательно ¹/₄ перпера соотвѣтствуетъ 6 коккіямъ. Такимъ образомъ, въ этой части таблицы имѣемъ только оцѣнку стоимости земли. Наконецъ, статья о пастбищной землѣ представляетъ оцѣнку стоимости ея по формулѣ 7 модіевъ на 1 перперъ: 130 : 7 = 18⁴/₇. Приведенная въ таблицѣ сумма 18 перперовъ и 13 коккіевъ вполне соотвѣтствуетъ частному отъ дѣленія 130 на 7. Всѣ сложеныя суммы

дають итогъ $974\frac{3}{4}$ перперовъ ¹⁾, который, однако, принимается за выразителя нормальной стоимости помѣстья не весь, а послѣ скидки $\frac{1}{10}$ доли. Итакъ, стоимость означеннаго помѣстья въ $11\frac{1}{2}$ зевгарей при 1497 модіяхъ пахотной земли выражается въ суммѣ 877 перперовъ.

Хотя приведенная таблица не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній относительно пониманія ея отдѣльныхъ частей, хотя въ ней не слѣдуетъ искать больше того, что она желаетъ представить, то-есть, примѣрной оцѣнки примѣрнаго помѣстья, но въ цѣломъ своемъ составѣ она даетъ нѣсколько иное представленіе о зевгарѣ, чѣмъ другіе источники, или по крайней мѣрѣ можетъ подать поводъ къ возраженіямъ на наши предыдущія заключенія о зевгарѣ. Прежде всего, здѣсь не только утверждается, что зевгаръ есть крестьянскій надѣлъ въ 40 модіевъ, но что еще любопытнѣе—только эти 40 модіевъ оцѣниваются въ сумму 60 перперовъ, то-есть, по видимому устраняются изъ организациі зевгара всѣ различія, зависящія отъ качествъ почвы и отъ оцѣнки земли.

Само собою разумѣется, было бы слишкомъ поспѣшнымъ заключеніемъ считать сообщаемыя въ приведенномъ примѣрномъ хозяйственномъ расчетѣ данныя рѣшающими вопросъ о зевгарѣ. Какъ сейчасъ было заключено, зевгаръ или полный крестьянскій надѣлъ зажиточнаго домохозяина, за которымъ числилось бы только 40 модіевъ пахотной земли—есть явленіе безпримѣрное, не имѣющее для себя оправданія въ источникахъ по византійскому землевладѣнію. Не говоримъ уже о томъ, что вообще зевгаръ представляется по памятникамъ надѣломъ отъ 100 до 300 модіевъ и болѣе и что въ крестьянскомъ хозяйствѣ, кромѣ усадьбы, обыкновенно упоминается еще запасъ общинной земли, самая оцѣнка усадьбы въ 40 модіевъ представляется здѣсь непоимѣрной и стоять въ противорѣчіи съ обыкновенными цѣнами на землю. Словомъ, въ нашей таблицѣ остается нѣчто не выясненное, безъ чего она много теряетъ въ своемъ значеніи.

Нужно обратить вниманіе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ помѣщичьимъ сельско-хозяйственнымъ расчетомъ, идущимъ отъ времени господства пропіарской или помѣстной системы. Этотъ расчетъ и представляетъ такимъ образомъ картину положенія крестьянъ на помѣщичьей землѣ. Ясно, что помѣщичья власть должна была наложить руку на крестьянскія вольности и ограничить право захвата

¹⁾ Три-четверти перпера получились изъ $13 + 6$ кокиевъ.

вольныхъ и пустопорожныхъ земель. Интересъ помѣщика заключался въ томъ, чтобы имѣть по возможности больше крестьянъ на пожалованной ему землѣ и заставить ихъ лучше обрабатывать небольшіе участки. Общинныя крестьянскія земли урѣзывались съ тѣмъ, чтобы выдѣлить изъ нихъ новыя крестьянскія стасы и поселить пришлыхъ вольныхъ людей. Таковъ былъ процессъ округленія хозяйственнаго зевгаря, доведеннаго до 40 модіевъ.

Весьма любопытно, что въ то время, какъ помѣщичья власть такъ ограничила крестьянскій надѣлъ, государство продолжало надѣлать земли по старому обычаю, считая на зевгарь втрое или вчетверо больше модіевъ. Акты надѣленія государственной землей имѣются отъ XIII и XIV вѣковъ, и въ нихъ мы находимъ проведеннымъ тотъ принципъ, что на зевгарь налагается тѣмъ больше земли, чѣмъ она хуже по качеству, притомъ земля высшаго качества оцѣнивается $1\frac{3}{4}$ модія на перперъ, средняго $3\frac{1}{2}$ модія и худшаго 7 модіевъ на перперъ, между тѣмъ какъ на помѣщичьей землѣ модій оцѣнивается въ $1\frac{1}{2}$ перпера! Что мы встрѣчаемъ здѣсь указанія на дѣйствительныя жизненныя отношенія, какія узаконялись въ Византіи съ распространеніемъ пропіарской системы, доказательство находимъ въ Хиладарскомъ практикѣ. При первоначальномъ знакомствѣ съ этимъ памятникомъ мы не умѣли оцѣнить того бросающагося въ глаза обстоятельства, что 18 церковныхъ зевгарей въ селѣ Градцѣ имѣютъ пахотной земли 1335 кобловъ, между тѣмъ какъ 19 пропіарскихъ зевгарей въ томъ же селѣ владѣютъ только 825 коблами. Эта странная неравномѣрность объясняется теперь, благодаря новымъ матеріаламъ, тѣмъ, что помѣщики села Градца ограничили зависимые отъ нихъ зевгаратные надѣлы самыми меньшими участками земли. Если примемъ во вниманіе, что за 19 зевгарями считается всего 825 кобловъ земли, то легко придетъ къ заключенію, что помѣщики села Градца считали тоже на зевгарь немногимъ больше 40 модіевъ или кобловъ.

Въ занимающей насъ таблицѣ, кромѣ зевгаратной земли, оцѣненной вопреки обычаю, идетъ еще счетъ земли средняго и худшаго качества. Какъ смотрѣть на эти послѣдніе участки? Еслибы не было въ таблицѣ оцѣнки 470 модіевъ въ 700 перперовъ, то все предидущее разсужденіе наше было бы излишне, ибо на самомъ дѣлѣ всего въ помѣстьи земли насчитывается 1497 модіевъ. Разъ допустивъ, что $11\frac{1}{2}$ зевгарей имѣютъ право обрабатывать всю эту землю, то-есть, что вся эта земля составляетъ принадлежность $11\frac{1}{2}$ зевгарей, мы имѣли бы

130 модіевъ на каждый зевгарь, то-есть, такую величину, которая вполне соответствуетъ идеѣ дѣйствительнаго зевгаря. Помѣщикъ, надѣлившій свое примѣрное помѣстье разными качествами земли, записавшій 470 модіевъ подъ зевгарныя хозяйства и оставившій затѣмъ 897 модіевъ земли средняго и 130 модіевъ земли худшаго качества, очевидно, распланировалъ свое хозяйство по типу реальныхъ помѣщичьихъ усадебъ, въ которыхъ крестьяне владѣли, кромя по дворныхъ участковъ, еще правомъ участія въ общинной землѣ и въ выгонахъ. На казенныхъ и церковныхъ земляхъ этотъ типъ крестьянскаго владѣнія сохраняется до турецкаго завоеванія, на помѣщичьихъ же постепенно измѣняется въ ущербъ крестьянъ, которые теряютъ право распоряженія общинными землями, поступающими въ экономію помѣщиковъ.

Обложеніе земли податями.

О податной системѣ въ Византіи вообще дошли очень скудныя свѣдѣнія. Хиландарскій практикъ въ этомъ отношеніи составляетъ единственный памятникъ, по которому возможно составить нѣкоторую идею о податной системѣ Византійскаго государства. Здѣсь мы не предполагаемъ входить въ подробности, а желаемъ отмѣтить только одну сторону этой системы, очень опредѣленно выраженную въ Палатинской рукописи (f. 99). Это небольшая замѣтка, заключающаяся въ слѣдующемъ. Казенныя подати съ земли взимаются по такой системѣ: съ земли перваго качества 1 перперъ на 48 модіевъ; съ земли втораго качества 1 перперъ на 100 модіевъ; съ чернозема 1 перперъ на 40 модіевъ; съ 30 маслинъ 1 перперъ. Если справедлива приведенная формула, то она должна получить большую важность въ изученіи экономическаго строя Византіи. Можемъ съ полной увѣренностью сказать, что эта формула дѣйствительно выражаетъ господствующую систему обложенія земли податями. Она находитъ себѣ подтвержденіе и прекрасно комментируетъ слѣдующія цифровыя данныя Хиландарской писцовой книги ¹⁾: за землю Муньзенскую 1800 кобловъ 36 перперовъ, за мѣсто Лужько 2000 кобловъ 40 перперовъ, въ Крушицахъ земли 800 кобловъ 16 перперовъ. Какъ эти, такъ и многія другія данныя въ Хиландарской писцовой книгѣ, касающіяся обложенія пахотной земли, объясняются общимъ положе-

¹⁾ Матеріалы для исторіи землевладѣнія, стр. 21, строки 336, 345, 354 и др.

вѣемъ, что государство брало 1 перперъ съ 30 кобловъ. Эта формула позволяетъ намъ исправить одну цифру въ Хиландарскомъ практикѣ, относящуюся къ селу Градцу: нужно читать не восемь сотъ хиладъ а восемь хиладъ ¹⁾).

Принимая въ соображеніе, что арендная плата за землю стояла гораздо выше, именно достигала 1 перпера за 12 модіевъ или 5 съ участка въ 60 модіевъ ²⁾, мы должны заключить, что государство вообще облагало пахотную землю очень низкой податью.

Помѣщичья земля и зависимый крестьянинъ.

Нѣсколько любопытныхъ данныхъ для этого вопроса заимствуемъ не изъ документовъ, но изъ сборника арифметическихъ задачъ ³⁾. Нѣтъ нужды объяснять, что это не есть безспорно вѣрный матеріалъ, но несомнѣнно, онъ носитъ на себѣ черты реальныхъ экономическихъ отношеній и потому заслуживаетъ вниманія.

Данъ участокъ, съ котораго помѣщикъ беретъ въ свою пользу $\frac{1}{3}$ часть, на этомъ участкѣ высѣвается 6 модіевъ; на другомъ участкѣ сѣютъ 8 модіевъ, съ него въ пользу помѣщика идетъ $\frac{1}{4}$; на третьемъ участкѣ высѣвается 10 модіевъ, въ пользу помѣщика идетъ $\frac{1}{5}$. На всѣхъ участкахъ получено урожая 100 модіевъ. Какая доля парика и господина? Рѣшается задача такъ. На трехъ поляхъ насыяно 24 модія, возьми $\frac{1}{3}$ изъ 6, то-есть, 2, $\frac{1}{4}$ изъ 8, то-есть, 2 $\frac{1}{5}$ изъ 10, то-есть, 2, всего будетъ 6. Теперь помножь 6 на такое число, чтобы произведеніе было равно числу 100 : это будетъ $16\frac{2}{3}$. $6 \times 16 + 6 \times \frac{2}{3} = 100$. Возьми $\frac{1}{3}$ изъ 100 или $33\frac{1}{3}$. Затѣмъ помножь 8 на $16\frac{2}{3}$, будетъ $133\frac{1}{3}$, возьми $\frac{1}{4}$ часть, получится $33\frac{1}{12}$. Точно также помножь 10 на $16\frac{2}{3}$, будетъ $166\frac{2}{3}$, возьми $\frac{1}{5}$, получится 33.

Господинъ беретъ съ париковъ своихъ $4\frac{1}{2}$ модія съ каждаго 8 модіевъ. На долю господина пришлось 60 модіевъ, сколько получить парикъ? Узнай сначала разность между 8 и $3\frac{1}{2}$, разность будетъ $4\frac{1}{2}$. Помножь $4\frac{1}{2}$ на 60 и произведеніе раздѣли на $3\frac{1}{2}$. Произведеніе изъ $4\frac{1}{2}$ на 60 будетъ 270, эта сумма раздѣленная на $3\frac{1}{2}$ даетъ $77\frac{1}{7}$. Это и будетъ доля парика.

Если же господинъ беретъ съ парика $3\frac{1}{2}$ съ 8 модіевъ и если

¹⁾ Тамъ же, стр. 20, 328.

²⁾ Miklosich, Acta III, 238; IV. 85.

³⁾ Cod. gr. Palat. 367 f. 69: Μέθοδοι σὺν Θεῶν λογαριαοὶ ὡς ἐν ἐπιτόμῳ κάποιω ἀρίθμητοι τοῖς νοουμένωις προσέχουσι αὐτοὺς νέοις.

парикъ получилъ 60 модіевъ, какая будетъ доля господина? Разность 8 и $3\frac{1}{2}$ есть $4\frac{1}{2}$. Помножь $3\frac{1}{2}$ на 60, будетъ 210, раздѣли это число на $4\frac{1}{2}$, получится $46\frac{2}{3}$. Это и будетъ часть господина.

Формула росписки въ уплатѣ акростиха.

Всего акростиха съ области (такой-то) перперовъ (столько-то). Изъ нихъ внесено такимъ-то и такимъ-то столько-то въ мѣсяцъ (такомъ-то), остается еще такая-то сумма. Сборъ произведенъ былъ по царскому приказу. Если что пропущено по забвенію и не внесено въ доходныя статьи общины, то по разслѣдованіи взыщется съ плательщика (такого-то), владѣльца сей росписки, сборщикъ же не подлежитъ за это отвѣтственности. Ради безопасности и удостовѣренія истины я даю настоящую росписку, чтобы ни я, ни по смерти мои наслѣдники не подвергались суду и убыткамъ. Дана же сія росписка въ присутствіи секретарей г. Николая и г. Константина и славнѣйшаго вассала господина нашего короля (такого-то), въ присутствіи присяжныхъ такой-то области и всѣхъ іереевъ, мѣсяца и индикта (такого-то). Подобную росписку слѣдуетъ давать послѣ произведенія сборовъ въ каждой области и передавать ее каждому плательщику. Должна быть приложена подпись секретарей и вассаловъ и другихъ, для достовѣрности.

Формула пожалованія населенною землей военнаго ¹.

Передача париковъ дукой области. Текущаго мѣсяца и индикта и года, по силѣ божественнаго и царскаго и покланяемаго предписанія, полученнаго нами отъ свѣтлѣйшаго или славнѣйшаго господина (такого-то)—и дагѣ слово въ слово до словъ опредѣлили ²). Вслѣдствіе сего царскаго приказа, полученнаго нами отъ такого-то дуки или стратопедарха, мы передаемъ такому-то зевгарей (число) въ мѣстечкѣ такомъ-то, изъ проніи такого-то,—слѣдуетъ перечисленіе париковъ: имя, имя отца, жена, дѣти и домочадцы... зевгарей два (или столько-то), не воздѣланной земли (*ἀργά*) столько, овецъ, свиней (столько-то), зевгари, вондаты, немущіе... недостаетъ же зевгарей столько-то. Остальное будетъ записано за него, когда отыщется. Мѣсяца и индикта. Подпись архонта.

Θ. Успенскій.

¹) Cod. gr. Vaticanus 867, f. 35.

²) Ὁμοίως κατὰ ῥῆμα διατίτων ζήται· καταστρωθήναι τὸ πρόβατον.

ОПЫТЪ ИСТОРИИ БИБЛИИ ВЪ РОССІИ ВЪ СВЯЗИ СЪ ПРОСВѢЩЕНІЕМЪ И ПРАВАМИ.

III.

Вѣкъ Петра Великаго.

(XVIII ст.).

1. Царствованіе Петра Великаго.

Западная цивилизація и отношеніе къ ней Петра, характеристика великаго преобразователя. Состояніе образованія въ Москвѣ и кievскіе ученые. Обширный планъ народнаго образованія, задуманный Петромъ, цѣль его и результаты: цифирныя и епархіальныя школы; учебныя заведенія въ Москвѣ и Петербургѣ общеобразовательныя и спеціальныя (школа фонъ Вреха въ Тобольскѣ); отправка молодыхъ людей за границу и собственное путешествіе Петра; переводы иностранныхъ сочиненій; гражданскій шрифтъ, печатаніе книгъ, личное участіе Петра; значеніе реформъ Петра въ дѣлѣ народнаго образованія. Его заботы о религіозномъ просвѣщеніи народа: намѣреніе издать книги Св. Писанія на русскомъ языкѣ; труды настора Глюка; поощреніе проповѣди церковной, изданіе книжекъ „Первое ученіе отрокомъ“ и „Христовы о блаженствахъ проповѣди толкованіе“—для разсвѣтленія невѣжества и суевѣрія; примѣры того и другаго; изданіе книгъ Св. Писанія, описаніе важнѣйшихъ изданій. Новый Заветъ съ истолкованіемъ архим. Кононовича; исправленіе славянской Библии.

Съ восемнадцатымъ столѣтіемъ наступаетъ новая эпоха для отечества нашего: Московское царство превращается въ Россійскую имперію. Начинаятся частыя сношенія съ западною Европой и, подъ вліяніемъ ея цивилизаціи, совершаются всестороннія внутреннія реформы. Начало имъ полагаетъ Петръ Великій. По неисповѣдимымъ путямъ Провидѣнія, русскій народъ, сдѣлавшій было въ началѣ подъ

¹⁾ *Продолженіе.* См. августовскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1888 г.

животворнымъ вліяніемъ христіанскаго ученія, такіе быстрые успѣхи въ своемъ духовномъ развитіи, внезапно и надолго остановленъ былъ въ этомъ животворномъ движеніи страшнымъ монгольскимъ нашествіемъ съ его гнетущими вѣковыми послѣдствіями. Между тѣмъ народы Запада, не задерживаемые въ своемъ развитіи, постепенно сдѣлали большіе успѣхи въ образованности. Познакомясь черезъ иноземцевъ съ цивилизаціей Запада еще въ юности своей и, исполняясь энтузіазма къ ней, Петръ задумалъ привить плоды ея къ своему народу. Съ желѣзною волею, съ пылкою энергіей и съ неслышанною дѣятельностью, этотъ необыкновенный человекъ приводилъ свой планъ въ исполненіе, почти одинъ безъ помощниковъ, вопреки цѣлаго народа, не понимавшаго его и оскорбляемаго въ своихъ завѣтныхъ вѣрованіяхъ, предразсудкахъ, понятіяхъ, обычаяхъ, привычкахъ—крупными мѣрами преобразователя.

Народное образованіе у насъ пахотилось тогда въ рукахъ духовенства и, за немногими исключеніями, стояло на весьма низкомъ уровнѣ. Приводимъ отзывъ современника, и притомъ по общественному положенію своему, лица свѣдущаго въ этомъ дѣлѣ. Воспитатель царевича Алексѣя Петровича, баронъ Гюйсенъ, говора о томъ, что сдѣлано Петромъ для просвѣщенія русскаго народа, замѣчаетъ по этому поводу: „Прежде, если русскій священникъ умѣлъ встать прочесть одну главу изъ Вибліи или отрывокъ изъ проповѣди, то считался уже за ученаго человѣка, и кто умѣлъ читать и писать, отъ того не требовали дальнѣйшаго ученія“¹⁾. Отзывъ ученаго иноземца, въ общемъ, не противорѣчилъ дѣйствительности, какъ мы увидимъ.

Московскіе учителя XVI столѣтія относились даже недовѣрчиво къ просвѣщенію, опасаясь ереси или упомѣнательства. „Не читайте книгъ многихъ“, говорили они, указывая на тѣхъ,—„кто ума изступилъ: и онъ сица во книгахъ зашолся, и онъ сица въ ересь впалъ“. Рѣчи эти собственными ушами слышалъ князь Курбскій въ бытность свою въ Москвѣ²⁾. Подобное замѣчаетъ и вышеупомянутый Гюйсенъ: „Само духовенство, которое было обязано просвѣщать другихъ, какъ будто совѣстилось открывать путь распространявшейся учености,

¹⁾ См. *Пекарскаго*, Наука и литература въ Россіи при Петра Великаго. 1862. I, 135, 136.

²⁾ *Пекарскій*, I, 4.

и довольствовалось тѣмъ, что учило читать и писать,—и это въ Москвѣ считалось высокою степенью утеной премудрости¹⁾.

Въ рукописной прописи 1643 года (хранящейся въ Руманцовскомъ музеѣ) мы читаемъ: „Братіе, не высокоумдрствуйте, но въ смиреніи пребывайте, по сему же и прочая разумѣйте. Аще кто ти речеть: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономъ (?) не читахъ, ни съ мудрымъ философы не бывахъ,—учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ“. Приведа это мѣсто, Пекарскій замѣчаетъ, что въ этихъ словахъ, столь по видимому смиренчыхъ, слышится презрѣніе къ наукѣ²⁾,—съ чѣмъ приходится согласиться.

Только въ Кіевской академіи наука была въ почетѣ. Здѣсь необходимость обороны православія въ борьбѣ противъ ученыхъ іезуитовъ заставила цѣнить пользу просвѣщенія. И потому Петръ въ своихъ стремленіяхъ къ распространенію просвѣщенія естественно искалъ себѣ пособниковъ въ средѣ кіевскихъ ученыхъ, приближая ихъ къ себѣ³⁾. Народное образованіе задумано было Петромъ по обширному плану; въ него входили: народныя училища съ обязательнымъ ученіемъ, среднія учебныя заведенія, спеціальныя школы, академія наукъ съ гимназическимъ и университетскимъ курсами при ней, вызовъ ученыхъ иностранцевъ, посылка способныхъ молодыхъ людей за границу для изученія европейскихъ наукъ, искусствъ, ремеслъ и промысловъ, собственное двукратное путешествіе за границу съ тою же цѣлью, переводъ и печатаніе множества иностранныхъ сочиненій разнаго содержанія, печатаніе также оригинальныхъ произведеній педагогическихъ и богословскихъ, а равно и изданіе Св. Писанія, по частямъ и въ цѣломъ составѣ его, съ комментаріями и другими пособиями къ чтенію его. Съ энергіей и личною неуспшною дѣятельностью старался Петръ осуществить свой планъ народнаго образованія, чтобы разомъ поставить русскій народъ на одинъ уровеньъ съ Западною Европою въ этомъ отношеніи.

Результаты далеко не соответствовали однако усиліямъ великаго преобразователя.

Въ 1714 году велѣно было учредить во всѣхъ губерціяхъ цифирь-

1) Пекарскій, I, 135.

2) *Иб.*, I, 3.

3) Между ними въ дающуюся роль игралъ известный Феофанъ Прокоповичъ.

ныя школы для обученія дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ всѣхъ сословіи (кроме дворянъ)—арифметикѣ и начальной геометріи. Ученіе было бесплатное и обязательное; съ этою цѣлью не прошедшимъ курса такой школы запрещено было жениться. Но не было учителей: на каждую губерцію могли быть посланы только по два учителя, всѣхъ же 47, изъ коихъ 18 возвратились назадъ, за неимѣніемъ учениковъ. Постепенно освобождены были отъ обязательства посѣщать школы сначала дѣти дворянъ, затѣмъ купцовъ, а наконецъ (съ учрежденіемъ синода и предполагавшихся семинарій и духовныхъ училищъ)—и дѣти духовенства. Завѣдывавшій цифирными школами Скорняковъ-Писаревъ часто жаловался сенату, что онѣ пусты, и просилъ о понужденіи родителей отдавать въ нихъ своихъ дѣтей. Понужденія дѣлались неоднократно, по безуспѣшно. Съ 1714 по 1722 годъ въ школахъ этихъ перебивало всего 1389 учениковъ, а окончило курсъ лишь 93 ¹⁾.

Въ Духовномъ регламентѣ, изданномъ въ 1721 году, епископамъ поставлено было въ обязанность заводить при архіерейскихъ домахъ школы. Въ 1722 году было объяснено, что „за скудостью довольныхъ учителей“, обученіе въ этихъ епархіальныхъ школахъ должно состоять изъ преподаванія буквара, сочиненнаго Прокопоницемъ („Первое ученіе отрокомъ“) и славянской грамматики, изданной въ Москвѣ Поликарповымъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ школъ учили еще Псалтырю, часослову, пѣнію, въ иныхъ также—риторикѣ, пиитикѣ, толкованію евангельскихъ блаженствъ, арифметикѣ и наконецъ (въ немногихъ) латинскому и греческому языкамъ. Изъ представленныхъ синодомъ, вслѣдствіе запроса Верховнаго тайнаго совѣта отъ 14-го іюля 1727 года, свѣдѣній видно, что всѣхъ епархіальныхъ школъ въ имперіи открыто было лишь 45 ²⁾, и въ нихъ находилось всего 4230 учениковъ. Иные ученики, какъ этихъ, такъ и цифирныхъ школъ, „бѣжали, другіе же отстали отъ ученія, за невзятіемъ науки и за скорбію“ ³⁾. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ открыто было пять школъ съ курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній,

¹⁾ См. Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII ст. гр. Д. А. Толстаго. С.-Пб. 1883, стр. 2—3. Наука и литерат. при Петрѣ, соч. Пекарскаго, I, 126

²⁾ Всѣхъ епархій считалось тогда 25, изъ нихъ открыты были школы лишь въ 21 епархіи, въ 4 же вовсе не было школъ „за неимѣніемъ средствъ или учителей“.

³⁾ Пекарскій, I, 108—109.

но, просуществовавъ недолго, опѣ закрылись, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда ¹⁾.

Основаніемъ Академіи Наукъ Петръ хотѣлъ достигнуть разомъ трехъ цѣлей, именно: учредить собственно „академію“ для изученія наукъ, при ней „университетъ“, гдѣ преподавателями были бы сами академики, и „гимназію“ для приготовленія къ слушанію университетскихъ лекцій или къ учительскому званію, „ибо,“ какъ сказано въ указѣ (28-го января 1724 г.) объ учрежденіи академіи, „прямыхъ школъ, гимназій и семинаріевъ нѣтъ“. Открыта была эта академія уже по смерти Петра, его преемницею Екатериною I (въ 1726 г.). Практическія цѣли ея—высшее образование юношества и приготовленіе учителей—не были достигнуты: и университетъ, и гимназія существовали болѣе по имени только, поддерживая жалкое свое существованіе лишь искусственными мѣрами ²⁾. Болѣе успѣха имѣли, по видимому, спеціальныя училища, какъ навигацкая школа, морская академія, математическая и хирургическая школы ³⁾. Основанныя въ Москвѣ и Петербургѣ и приготовляя для флота и арміи людей специально знающихъ свое дѣло, онѣ находились, конечно, подъ ближайшимъ надзоромъ Петра: ему нужны были, прежде всего, школы практическія, такія, изъ которыхъ бы, какъ говорилъ онъ патриарху Адриану,—„во всякія потребности люди происходили, въ церковную службу и гражданскую, воинствовать, знать строеніе и докторское врачевское искусство“ ⁴⁾.

Говоря о школахъ времени Петра, нельзя не упомянутьъ объ

¹⁾ См. Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII ст. гр. Толстаю, стр. 1. Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ, соч. Пекарскаю, I, 127—131.

²⁾ Наглядно показываютъ это цифры. Первые студенты выпущены были изъ за границы; затѣмъ въ 1740 г. было 8 студентовъ въ университетѣ, въ 1742 г.—12, въ 1752 г.—20, въ 1753 г.—18, въ 1758 г.—16, въ 1765 г.—9, въ 1783 г.—2, въ 1796 г.—3 студента. Справедливо замѣтилъ извѣстный Болтинъ: „захотѣли сдѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣка; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на песокъ, не сдѣлавъ прежде надежнаго ему основанія“.—Не многимъ лучше было и въ гимназіи. Въ ней числилось въ 1726 г.—112 учениковъ, въ 1727 г. 58, въ 1728 г.—26, въ 1729 г.—74, въ 1730 г.—14, въ 1736 г.—28, въ 1737 г.—19, въ 1760 г.—37, въ 1761 г.—46, въ 1765 г.—30, въ 1766 г.—88 учениковъ. См. Гр. Д. А. Толстаю, Академическій университетъ въ XVIII ст. и Академическая гимназія въ XVIII ст. С.-Пб. 1885.

³⁾ См. гр. Толстаю, Взглядъ на учебн. часть, стр. 6—12, 21. Галахова—Ист. Русск. Словесности. 1880, т. I, отд. 2, стр. 2—3; Пекарскій, I, 122, 132.

⁴⁾ Соловьева, Исторія Россіи съ древн. временъ, т. XV, стр. 98, 99.

одной школѣ, возникшей по частной инициативѣ, какъ представляющей столь же отпадное, какъ и единственное въ своемъ родѣ явленіе этого времени у насъ. Мы разумѣемъ школу, основанную въ Тобольскѣ плѣннымъ шведскимъ офицеромъ нѣмецкой національности, фонъ Врехомъ, послѣдователемъ Шпенера и Франке, извѣстныхъ германскихъ теологовъ-піетистовъ.

Живое религиозное чувство, воодушевлявшее германскихъ протестантовъ въ XVI в., въ слѣдующемъ столѣтїи, подъ вліяніемъ ожесточенной полемики между лютеранами и реформатами изъ-за правовѣрія, смѣнилось сухимъ догматизмомъ. Это породило въ обществѣ религиозный индифферентизмъ, и отъ вопросовъ религиозныхъ умы стали теперь обращаться къ философїи, которая, начавшись сомнѣніемъ, постепенно отдѣлилась отъ откровенной религіи, замѣнивъ вѣру знаніемъ, на основанїи рациональныхъ доводовъ.

Реакціей противъ такого направленїя въ обществѣ является дѣятельность двухъ вышеупомянутыхъ богослововъ, Филиппа Шпенера (†1705 г.) и Августа Франке (†1727 г.). Для возбужденїя теплаго христіанскаго чувства въ своихъ прихожанахъ, Шпенеръ послѣдовательно устраивалъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ Дрезденѣ, Берлинѣ, свои „collegia pietatis“ ¹⁾ (собранїя для религиозныхъ бесѣдъ). Его послѣдователь Франке, справедливо видя въ словѣ Божіемъ живой источникъ вѣры и нравственности, открылъ въ 1681 г. въ Лейпцигѣ свои знаменитыя лекціи о Библии (collegia philobiblica), простое ученіе коей ему дороже было теологическихъ тонкостей, и продолжалъ ихъ, съ величайшимъ успѣхомъ въ Эрфуртѣ и Галле, гдѣ окончательно и утвердился, посвятивъ себя преимущественно дѣламъ христіанскаго милосердія, а именно—попеченїю о бѣдныхъ и христіанскому воспитанїю дѣтей. Не имѣя для того собственныхъ средствъ, на одни лишь пожертвованїя, отовсюду къ нему стекавшїяся, онъ устроилъ нѣсколько бесплатныхъ школъ, сиротскїй домъ, бесплатный столъ для бѣдныхъ школьниковъ и студентовъ в „педагогіумъ“, школу для дѣтей достаточныхъ родителей. Всѣ эти благотворительныя учрежденїя Франке въ свое время пользовались громкою извѣстностью. Въ годъ его кончины въ его бесплатныхъ школахъ обучалось 2125 дѣтей 136 учителями (большею частью тоже безвозмездно); въ сиротскомъ домѣ содержалось 430 сиротъ, а

¹⁾ Откуда и произошло названїе „піетисты“, данное послѣдователямъ Шпенера.

нѣскольکو сотъ школьниковъ и 255 бѣдныхъ студентовъ имѣли безплатный столъ; въ его „Paedagogium“ находилось 152 воспитанника ¹⁾).

Вышеупомянутый плѣнный шведскій офицеръ фонъ-Врехъ, основатель Тобольской школы, былъ послѣдователемъ Шпенера и Франке и, вѣроятно, однимъ изъ учениковъ послѣдняго, судя по библейскому характеру занятій въ основанной имъ школѣ. По пути въ Сибирь, въ Москвѣ, фонъ-Врехъ нашелъ въ тамошнихъ кѣмцахъ жаркихъ послѣдователей Шпенера и Франке. Когда его московскіе друзья узнали, что онъ по прибытіи въ Тобольскъ основалъ школу для дѣтей своихъ единовѣрцевъ, то тотчасъ же начали посылать къ нему денежные пособія. До самого Франке дошелъ о томъ слухъ въ Галле, и онъ поспѣшилъ надѣлать школу разными книгами духовнаго содержания; не разъ доставлялъ онъ фонъ-Вреху и деньги. Въ 1714 году въ его тобольской школѣ было 12 учениковъ и 3 наставника; потомъ съ каждымъ годомъ число учащихся и учащихъ возрастало, такъ что въ 1720 г., въ годъ закрытія ея (вѣроятно, со смертію или возвращеніемъ изъ плѣна основателя ея), въ ней было 139 учениковъ и учителей. Замѣчательно, что и русскіе (правда, очень немногіе) отдавали дѣтей своихъ въ школу фонъ-Вреха, и даже изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, оказывая ему не рачъ и пособіе, паравпѣ съ московскими и заграничными кѣмцами. Объ этомъ сохранилось собственное свидѣтельство основателя школ... Фонъ-Врехъ завелъ въ своей школѣ распорядки и слѣдовалъ тому методу образованія, какіе были введены проф. Франке въ Галле: чтеніе Библии, пѣніе псалмовъ, произнесенію молитвъ были главными предметами преподаванія; даже въ краткіе промежутки для отдыха учителя обязывались занимать дѣтей бесѣдами о поучительныхъ предметахъ. Вообще же по уставу, ученики не имѣли права говорить съ своими наставниками о чемъ-либо другомъ, кромѣ божественнаго ²⁾.

¹⁾ См. Aug. Herm. Francke. Ein Lebensbild, von G. Kramer. 1890. Педагогическія учрежденія Франке процвѣтаютъ и понынѣ. Въ глубинѣ обширнаго двора, окруженнаго воздвигнутыми имъ зданіями, возвышается мраморное изображение этого великаго евангелиста-христианина и, предъ нимъ, двухъ дѣтей, которыхъ онъ, возложивъ на нихъ руки, благословляетъ. На pedestаль памятника краткая, но знаменательная надпись „Er vertraute Gott“ (онъ уповалъ на Бога). Прииѣръ Франке нашелъ себя, въ нашемъ столѣтіи достойнаго подражателя въ лицѣ извѣстнаго Георга Мюллера, основавшаго, также лишь на добровольныя пожертвованія, свои громадныя сиротскіе дома въ Bristol. См. Leben und Wirken von Georg Müller in Bristol.

²⁾ *Пекарскій* I, 133—134. См. статью: Шведская школа въ Тобольскѣ, въ

Виблейская школа посреди сѣговъ Сибири,—какое интересное явленіе! И посмотрите, какую притягательную силу она оказывала вокругъ себя! Безъ всякихъ понудительныхъ мѣръ число наставниковъ и учениковъ ея быстро возросло: въ теченіе семи лѣтъ оно умножилось въдесятеро; не смотря на тогдашнюю антипатію къ иностранцамъ, русскіе родители даже изъ отдаленныхъ мѣстъ присылаютъ своихъ дѣтей и свои пожертванія въ излюбленную ими школу. Не проявилась ли здѣсь исконная любовь русскаго народа къ слову Божію, напоминающая намъ благодатныя времена XI и XII столѣтій? Иначе какъ объяснить это изъ ряду вонъ выходящее явленіе?

Въ 1697 году отправлена была за границу, а именно въ Голландію, Испанію и Англію, первая партія молодыхъ людей (50 человекъ для изученія кораблестроенія и мореходства ¹⁾). Вслѣдъ за ними отправился инкогнито и самъ Петръ въ Голландію, славную тогда своимъ мореплаваніемъ, промышленностью и ученостью, чтобы непосредственно ознакомиться съ западно-европейскою цивилизаціей, о которой онъ столько слышался въ Москвѣ отъ иностранцевъ, въ особенности отъ голландцевъ, которыхъ любилъ, научась отъ нихъ и языку ихъ. Пожираемый любознательностью, онъ все хочетъ знать, все видѣть, все основательно изучить. Всякій новый предметъ здѣсь немедленно овладѣваетъ всѣмъ его вниманіемъ: анатомическій кабинетъ, астрономическая обсерваторія, искусство рисованія, корабельная верфь, фабрики, магазины, лѣсопильня, маслобойня, устройство корабля, внутреннее расположеніе и устройство дома зажиточнаго голландца, водокачальная мельница, понтонъ, на которомъ его переправляли черезъ рѣку, все возбуждало его любопытство и дѣлалось предметомъ подробнаго осмотра и изученія. Позже, покидая Голландію, онъ нагрузилъ два корабля моделями разныхъ мельницъ, ткацкихъ станками и т. п., посадилъ на нихъ 640 искусныхъ ремесленниковъ, мастеровъ, особенно плотниковъ, нанявъ ихъ для отправки въ Россію. Кораблестроеніе и управленіе судномъ онъ хотѣлъ изучать практически. И вотъ повелителя обширнѣйшей монархіи можно было видѣть въ костюмѣ простаго рабочаго, съ топоромъ въ рукѣ

царствованіе Петра Великаго (въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1857, июль). Изъ книги *фонъ-Вреха: Wahrhafte und umständliche Historie von den schwedischen Gefangenen in Rußland und Sibirien. Sorau. 1725.*

¹⁾ *Пекарскій*, I, 146—141.

работающимъ на верфи, требуя, чтобъ его не отличали отъ прочихъ рабочихъ и называли здѣсь не иначе какъ заандамскимъ плотникомъ. Нѣсколько человекъ несутъ тяжелое бревно. Мастеръ, обращаясь къ Петру, кричитъ: „Заандамскій плотникъ, что ты не поможешь этимъ людямъ?“ И Петръ тотчасъ подставляетъ плечо свое подъ бревно. Купивъ себѣ въ Заандамѣ буеръ, онъ собственными руками сдѣлалъ для него новую мачту и удивлялъ старыхъ голландскихъ моряковъ безстрашіемъ и искусствомъ, съ какимъ управлялъ своимъ маленькимъ судномъ въ бурную погоду. Съ изумительною энергіей и самоотверженіемъ трудился здѣсь будущій преобразователь Россіи въ скромной, принятой имъ на себя роли, заставляя и другихъ трудиться, чтобы въ возможно короткое время усвоить плоды европейской цивилизаціи и познакомить съ ними затѣмъ народъ свой¹⁾.

За первую партіей молодыхъ дворянъ, послѣдовали другія—въ Голландію, Венецію, Испанію, Францію для изученія военнаго искусства и морскаго дѣла, а также всякихъ ремеслъ и фабричнаго производства. Результаты однакоже далеко не соответствовали и здѣсь личнымъ заботамъ и усиліямъ царя по повости дѣла, силѣ старыхъ привычекъ, по совершенной неподготовкѣ юношей, отправляемыхъ въ науку за границу и притомъ неволею, и по беззаботности лицъ, коимъ поручалось попеченіе объ этихъ „птеницахъ Петра“, и которые нерѣдко оставляли ихъ безъ средствъ для продолженія ученія.

Одною изъ мѣръ Петра къ распространенію просвѣщенія было изданіе илюстрапныхъ сочиненій, по разнымъ предметамъ, въ переводѣ на русскій языкъ. Для этого дѣла, по распоряженію царя, спеціально приготовлялись переводчики, которые были свѣдущи не только въ языкахъ, но и въ тѣхъ наукахъ и искусствахъ, по предмету которыхъ имъ давались сочиненія для перевода, при чемъ Петръ самъ приказывалъ переводить и печатать ту или другую книгу. Такъ переведено было много книгъ по исторіи, географіи, физикѣ, механикѣ, архитектурѣ, по военному искусству, законовѣдѣнію, изящной литературѣ, сельскому хозяйству.

До 1708 книги эти печатались въ Московскои типографіи славянскимъ шрифтомъ. Въ 1707 году прибыли изъ Голландіи три ти-

¹⁾ См. *Anecdotes historiques sur Pierre le Grand et sur ses voyages en Hollande etc.* par *J. Schellema*, traduit du hollandais par, *Muilman*. 1842, p. 81—164, 1:5.

пографіица, въ коихъ одинъ, словолитчикъ Антонъ Демей, привезъ съ собою „новоизобрѣтенныя русскія литеры“, составленныя по образцу латинскихъ буквъ, какъ болѣе красивыхъ, чѣмъ славянскія, при чемъ всѣ титлы, а равно и нѣкоторыя буквы (Ѵ, Ѷ, ѷ) были отброшены. Просмотрѣвъ я мѣстами самъ поправивъ этотъ русскій шрифтъ, Петръ указомъ 1-го января 1705 г. повелѣлъ напечатать новымъ шрифтомъ Геометрію; затѣмъ стали печататься этимъ „гражданскимъ“ шрифтомъ и другія изданія, для чего въ Москвѣ учреждена была и „гражданская типографія“. Подобная же типографія „съ новыми литерами“ основана была въ 1711 году и въ юномъ Петербургѣ. Славянскимъ шрифтомъ продолжали печатать теперь лишь Св. Писаніе и вообще книги религіознаго содержанія въ старой Московской типографіи и въ основанной, въ 1720 г., типографіи при Александровской лаврѣ, а также въ юго-западной Россіи, въ типографіяхъ Кіевской, Слуцкой, Могилевской, Черниговской¹⁾. Завѣдываніе переводами и изданіемъ ихъ поручено было графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, но Петръ самъ во все входилъ: печать, шрифтъ, самый переплетъ книгъ, все было предметомъ личныхъ заботъ этого необыкновеннаго человѣка, потому что все дѣлалось по его лишь инициативѣ. Всего было сдѣлано около 600 изданій разныхъ книгъ, какъ переводныхъ, такъ и оригинальных²⁾.

Но читателей было мало: изданныя съ такими заботами и трудами книги не находили себѣ сбыта и, какъ непужныя, предавались уничтоженію. Такъ, въ 1752 г. накопившіяся во множествѣ, въ копторѣ Московской синодальной типографіи, книги петровскихъ изданій признано необходимымъ или продавать на бумажныя фабрики, или употреблять на обертку вновь выходящихъ книгъ. Это повторилось въ 1769 и 1779 годахъ.

Народное образованіе не можетъ быть дѣломъ одного царствованія даже и такихъ людей, какъ Петръ Великій или Карлъ Великій. Какъ великій Франскій государь тщетно старался возстановить въ своемъ государствѣ павшую древне-римскую образованность, такъ и нашъ великій преобразователь напрасно употреблялъ энергическія усилія, чтобы моментально усвоить своему народу плоды западно-

¹⁾ Нѣкоторыя изданія, по заказу Петра, печатались и въ Голландіи (см. *Пекарскій*, I, 1.—*Филаретъ*, Исторія Р. церкви, IV, 41).

²⁾ Последнія были преимущественно книги Св. Писанія или толкованія на нихъ; о нихъ мы скажемъ ниже.

европейской цивилизаціи. Но оба они посѣляли сѣмена, взшедшія и принесшія плоды въ послѣдующихъ поколѣніяхъ.

Мѣры Петра къ распространенію просвѣщенія въ народѣ открываютъ собою новую эру въ исторіи нашего образованія: до Петра оно носило у насъ существенно духовный характеръ, имѣя главными источниками своимъ Священное Писаніе, и какъ пособіе къ уразумѣнію его, творенія свв. отцовъ; въ старину грамотѣ учились прежде всего для того, чтобы научиться читать Священное Писаніе, какъ можно судить по заглавію дошедшей до насъ отъ того времени первоначальной для чтенія книжкѣ: „Начальное ученіе чловѣкомъ, хотящимъ учиться книгъ Божественнаго Писанія“. Съ Петра вносится въ образованіе иное и свѣтскій элементъ, вызываемый потребностями государственной и общественной жизни; постепенно усиливается, онъ беретъ перевѣсъ надъ духовнымъ элементомъ и дѣлается наконецъ главнымъ двигателемъ просвѣщенія, въ духѣ времени. Нельзя однакоже сказать, чтобы Петръ былъ равнодушенъ къ религіозному образованію народа. Съ орлиного взора преобразователя ничто не ускользало. Одинъ иноземецъ, бывшій въ Петербургѣ въ 1710—1711 годахъ, сообщая разные слухи, ходившіе по городу о намѣреніяхъ государя, прибавляетъ: „Говорить также, что его величество хочетъ, чтобы въ русскихъ церквахъ вмѣсто одного теперешняго чтенія и пѣнія молитвъ, постоянно проповѣдывалось, по примѣру другихъ христіанскихъ народовъ, слово Божіе на природномъ языкѣ, и чтобы Священное Писаніе, распространенное только въ славянскомъ переводѣ, и то весьма посредственнымъ, было переведено на общенародный русскій языкъ и стало понятнѣе всѣмъ людямъ простолюдину“¹⁾.

Слухи эти были не безосновательны. Въ теченіе столѣтій разговорный русскій языкъ, естественно развиваясь, далеко отошелъ отъ языка Кирилло-Меѳодіевской Библии. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно сравнить корреспонденцію времени Петра съ языкомъ славянской Библии. Различіе между русскимъ и славянскимъ языкомъ постепенно стало такъ значительно, что еще въ XVII столѣтіи въ братскихъ школахъ юго-западной Россіи сочли, какъ мы видали, необходимымъ ввести въ преподаваніе оба языка — славянскій и русскій. Переложеніе древняго славянскаго текста Библии на со-

¹⁾ См. Описание Санктпетербурга и Кроншота въ 1710—11 г., (переведено съ нем. с. вѣн. изд. П. Г. въ 1713 г. въ Лейпцигѣ).

временный русскій языкъ, какъ потребность времени, давно уже, по видимому, занимало мысли Петра. Въ первую же свою заграничную поѣздку (1697 г.), видя у всѣхъ западныхъ народовъ Библію на ихъ національныхъ языкахъ, онъ могъ пожелать и своему народу дать Слово Божіе на родномъ, всѣмъ равно понятномъ языкѣ. Въ этой мысли онъ могъ быть утверждёнъ и тѣмъ, что онъ слышалъ о филологическихъ трудахъ въ Маріенбургѣ (въ Лифляндіи) извѣстнаго пастора Глюка, изъ дома котораго вышла вторая супруга Петра, Екатерина. Глюкъ былъ родомъ изъ Саксоніи; въ Лифляндію онъ прибылъ въ 1673 г. для проповѣдыванія слова Божія. Прежде всего онъ занялся изученіемъ латышскаго языка, а также и русскаго, бывшаго въ употребленіи въ восточной Лифляндіи, гдѣ и находился Маріенбургъ, и гдѣ жило много русскихъ, особенно раскольниковъ. Изучивъ достаточно оба языка, онъ сталъ составлять учебники на русскомъ языкѣ и переводить Библію съ славянскаго языка на русскій. Въ запискѣ, поданной имъ шведскому Лифляндскому генераль-губернатору, графу Дальбергу 10-го мая 1699 г., Глюкъ, описывая свои заботы о переводѣ Библии для латышей на ихъ языкъ, переходитъ къ разказу о занятіяхъ своихъ русскимъ языкомъ: „Извѣстно, какая Библія въ Московскомъ царствѣ, а именно славянская, отъ которой общепотребительный русскій языкъ („*vulguscula russica*“) до того отличается, что русскій простолюдинъ ни одного рѣченія ея не въ состояніи порядочно понять. Я принялъ это къ сердцу, и, при помощи Божіей, нашелъ случай изучить этотъ языкъ.. Я не оставался празднымъ, но, съ упованіемъ на милость Божію изготавилъ уже на русскомъ языкѣ школьныя книги и содержу въ домѣ у себя, хотя съ немалымъ издивеніемъ, русскаго пожилаго священника ¹⁾, который служилъ мнѣ помощникомъ при переводѣ славянской Библии на простой русскій языкъ, и твердо уповаю, что Господь Богъ благословить, къ славіи Своей и спасенію людей, и сіи труды, по примѣру подъятыхъ на пользу латышей, и къ сему поощряютъ меня письмами и изъ Германіи и изъ Москвы, особливо Головицъ, царскій посланникъ“. Въ послѣдовавшей затѣмъ войнѣ со шведами, при осадѣ и взятіи Маріенбурга (въ 1703 г.) русскій переводъ Библии погибъ, самъ же Глюкъ съ семействомъ отправленъ былъ въ Москву. Петръ Великій, и прежде еще слышавъ о трудахъ и занятіяхъ Глюка, поручилъ ему

¹⁾ По одному извѣстію, это былъ ученый монахъ изъ Пичуговскаго монастыря, лежавшаго недалеко отъ ливонской границы.

въ томъ же 1703 г. основать гимназію въ Москвѣ и снова заняться переводомъ Новаго Завѣта на русскій языкъ ¹⁾, что тотъ и исполнилъ, приготовивъ также на русскомъ языкѣ молитвенникъ и русскую грамматику, но уже въ 1705 г. Глюкъ скончался; судьба оставленныхъ имъ переводовъ не извѣстна ²⁾.)

Вопреки утвердившемуся въ московскомъ обществѣ странному предубѣжденію противъ проповѣди, Петръ поощрялъ ее. Такъ онъ покровительствовалъ знаменитѣйшему проповѣднику того времени св. Дмитрію Ростовскому, послѣдовательно оглашавшему своими вдохновенными проповѣдями храмы Чернигова, Слуцка, Батурна, Москвы и Ростова ³⁾; другаго проповѣдника, извѣстнаго Теофана Прокоповича, онъ вызвалъ въ Петербургъ (1716 г.) собственно для проповѣди ⁴⁾ и приблизилъ его къ себѣ.

Петръ энергически заботился о разсвѣщеніи невѣжества и неразлучнаго спутника его, суевѣрія въ народѣ. Нагляднымъ памятникомъ тому служить составленная, по его порученію, Теофаномъ Прокоповичемъ книжка „Первое ученіе отрокомъ“. Она издана была въ 1720 г. вмѣстѣ съ букваремъ и заключала въ себѣ толкованіе десяти заповѣдей, молитвы Господней, Символа вѣры и девяти блаженствъ; написана была эта книжка не „славенскимъ высокимъ діалектомъ“, не для всѣхъ вразумительнымъ, но „просторѣчьемъ“; такъ и говорится въ предисловіи къ ней. Съ букваремъ соединена была она, очевидно, для большаго распространенія ея. Книжка эта долженствовала служить руководствомъ къ христіанскому воспитанію дѣтей, въ чемъ была настоятельная нужда. Въ предисловіи авторъ жалуется на „скудность“ воспитанія въ Россіи того времени, ограничивавшагося однимъ почти чтеніемъ и письмомъ, да заучиваніемъ наизусть нѣкоторыхъ псалмовъ и молитвъ. „Мнози“, говоритъ онъ, — „и благосовѣстни у насъ и богобожціи челоувѣци, не вѣдая силы закона Божія, многихъ своихъ грѣховъ не вѣдаютъ, и въ безстрашіи пребываютъ... Ини мнози, которіи въ такой тѣи и грубости пребываютъ, что ниже когда слышали о законѣ Божіи. Все Богопочтеніе полагаютъ во внѣшнихъ обрядахъ и тѣлесныхъ обученіяхъ, ниже помышляюще о самомъ основательномъ (на-

¹⁾ Для переводовъ Петръ охотно бралъ и иностранцевъ-спеціалистовъ, хорошо изучившихъ русскій языкъ. См. *Пекарскаго*, I, 243.

²⁾ *Пекарскій*, I, 126—131.

³⁾ *Филаретъ*, И. Р. Ц., IV, 113—114.

⁴⁾ *Филаретъ*, Обз. р. дух. явт., II, § 2.

чальною) благочестіи, еже есть вѣровати въ Спасителя Бога, и со страхомъ и любовію законъ его хранити... Въ чемъ убо есть доброе отроковъ воспитаніе? вопрошаетъ о семъ и отвѣтствуетъ святыи царь Давидъ: „въ чесомъ исправить юный путь свой?—Внегда сохранити словеса Твоя“ (Псал. 118,9). Искати подобаетъ отъ священныхъ писаній, яко отъ словесъ Божіихъ, что есть воля Божія, что намъ творити, и тое должны есмы отрокомъ сказывати, и прилежно водружати въ память ихъ, аще хоцемъ дати имъ доброе воспитаніе“.

Букварь Ѡ. Прокоповича съ его приложеніями нашель себѣ еще болѣе обширное примѣненіе. Петръ указомъ повелѣлъ во время поста, вмѣсто другихъ книгъ (Ефрема Сирина и др.), читать въ церквахъ готовящимся къ исповѣди и св. причастію толкованіе заповѣдей Божіихъ, приложенное къ букварю; а синодъ постановилъ (1722 г.), чтобы каждый священникъ, діаконъ и причетникъ имѣли у себя этотъ букварь, „и прилежно по сему зановѣди Божіи съ толкованіемъ и прочее въ твердую память принимали“. Отъ этого было такое огромное требованіе на букварь, что въ одной Александро-Невской типографіи съ 1720 по 1725 г. сдѣлано было 12 изданій его.

Помѣщенная въ букварѣ статья „Толкованіе блаженствъ евангельскихъ“ затѣмъ (1722 г.) напечатана была и отдѣльно подъ заглавіемъ: „Христовы о блаженствахъ проповѣди толкованіе“. Поводомъ къ тому было проявленіе изувѣрства въ средѣ раскольниковъ преимущественно вслѣдствіе чрезвѣрныхъ гоненій и распространившагося вмѣстѣ съ тѣмъ между ними убѣжденіи въ близости конца міра. Нѣкоторые дѣлали себѣ гробы, одѣвались въ саваны и ложились въ могилу въ ожиданіи скорого конца міру. Другіе взводили на себя небывалыя преступленія или нарочно совершали ихъ, чтобы только сподобиться вытерпѣть казнь или пытку, или наконецъ, самовольно сожигались цѣлыми семействами, даже обществами ¹⁾). Въ своемъ ослѣпленіи, они искали самовольнаго мученичества, даже путемъ преступленія, думая тѣмъ заслужить себѣ спасеніе. Для разсвѣнія этихъ-то печальныхъ заблужденій суевѣрія и

¹⁾ По оенціальному донесенію, въ 1722 г. въ Тобольской епархіи въ трехъ пустыняхъ сами сожглись обитатели ихъ, а въ одной деревнѣ на р. Ишимѣ жители, собравшись въ храмъ, „самовольно сгорѣли, а колико неизвѣстно“; въ 1723 г. въ Устюжской епархіи въ дер. Нестеровой сожглись 25 человекъ мужскаго и женскаго пола; въ 1724 г. въ Тобольской епархіи, въ Тюменскомъ уѣздѣ за р. Пышмою, „въ пустынь на сожженіе и съ малыми младенцы собралось было 190 человекъ, а изъ нихъ разбѣжалось 45, а достальныя 145 сгорѣли“.

издана была книжка „о блаженствахъ евангельскихъ“. Въ указѣ (1722 г.) по этому поводу, сказавъ о тѣхъ, которые между прочимъ сами выдумываютъ или и дѣйствительно совершаютъ преступныя дѣянія, чтобы потомъ заслужить мученіе, прибавлено: „не спасе бо не покаяннагося разбойника страданіе, ниже ему подобныхъ спасти можетъ; но извою пострадавшаго за пась Богочеловѣка исцѣдекомъ и честною кровію, яко агнца непорочна и пречиста, Христа избавихомся“. Заѣмъ рекомендуется изданное отъ св. синода наставленіе о блаженствахъ евангельскихъ. По прочтеніи книги „о блаженствахъ“, Петръ Великій писалъ изъ Астрахани: „Книгу о блаженствахъ я всю челъ, которая zelo изрядна и прямой путь христіанскій. Только надлежитъ предисловіе сдѣлать, въ которомъ разныя наши толкованіи несправны, ханжевскіи всѣ выяснитъ, дабы читающій перво свой порокъ узналъ, и потомъ пользу прямую и истинную“¹⁾.

Съ другой стороны, благочиніе въ церквахъ во время богослуженія также было предметомъ заботливости Петра. Такъ однимъ изъ указовъ его повелѣвалось, чтобы въ церквахъ во время службы „никакихъ разговоровъ и хожденій для прикладыванія къ мощамъ и иконамъ не было“, и съ нарушителей брали штрафъ въ церковную казну²⁾.

Изданіе книгъ Св. Писанія на церковно-славянскомъ языкѣ (преимущественно Четвероевангелія, Новаго Завѣта и Псалтиря) производилось между тѣмъ довольно дѣятельно; онѣ печатались въ Москвѣ, частью же въ Кіевѣ, Львовѣ, Могилевѣ, Черниговѣ и Петербургѣ. Всѣхъ вообще изданій этихъ, при Петрѣ Великомъ, сдѣлано

¹⁾ Изъ сохранившейся (въ кабинетскихъ дѣлахъ) собственноручной записки Петра Великаго мы видимъ, что именно желалъ онъ помѣстять въ предисловіи къ „блаженствамъ“. Въ ней сказано: „Впередѣ напечатать: „Понеже многіе пути спасенія не вѣдаютъ и званіе свое ни во что ставятъ, но еще и суетъ сего міра, а не точію Божию опредѣленію приписуютъ, что и пословица есть, кто пострижется, говорятъ: работалъ земному царю, а нынѣ пошелъ работать небесному. Къ тому же ханжи толкуютъ разна: иные, смели не покинешь міра и не будешь чернецъ—нѣсть спасенія; иные: надобно по все дни всю службу церковную слушать или по двѣ или по три обѣды на день. Иные, когда кому въ путь ѣхать, напередъ, въ голоса два или три и богѣе, выговариваютъ церковную службу, или многіе поклоны и правила, остави врученное имъ дѣло или домоправленіе, дѣлаютъ, полагая въ томъ спасеніе“ (см. *Лексиконъ*, II, 548—553. *Филаретъ*, Общ. русск. дух. лит. II, § 2). Первое ученіе отрокомъ. Новое изданіе. С.-Пб. 1859.

²⁾ *Соловьевъ*. Ист. Россіи, т. XXI, стр. 185.

было 48 ¹⁾, изъ коихъ болѣе половины (25) снабжены были разными пособіями къ чтенію Св. Писанія: предисловіями, отрывками отцовъ церкви о Словѣ Божіемъ, житіями апостоловъ и евангелистовъ, обозначеніемъ содержанія каждой главы; къ инымъ изданіямъ прилагалось истолкованіе къ тексту и ч указаніе чтеній утреннихъ, великопостныхъ ²⁾. Были также изданія малаго формата удобныя, чтобы всегда носить ихъ при себѣ ³⁾. Укажемъ на болѣе замѣчательныя изъ этихъ изданій Св. Писанія, въ хронологическомъ порядкѣ появленія ихъ.

1. Евангеліе во всѣ дни чтимое по зачаламъ, съ толкованіемъ св. блаж. Теофилакта, архіеп. Болгарскаго. in f°. Москва. 1698. Въ предисловіи разказано, что книга эта составлена св. Теофилактомъ и переведена на славянскій языкъ въ Болгаріи, „гдѣ хотя и пишутъ по славянски, однако въ нарѣчіяхъ русскомъ и болгарскомъ есть многія разности“.

2. Псалтирь in f°. Москва. 1698, съ „оглавленіемъ возсѣдова тья сьятыхъ книги сєа“ и слѣдующими приложеніями: а) Символь вѣры св. Аванасія, патриарха Александрійскаго, б) Изложеніе о вѣрѣ Анастасія, патриарха Антиохійскаго, с) Изложеніе о вѣрѣ св. Михайла, д) Отрывы о псалмахъ Василия Великаго, Августина и Теодорита.

3. Евангеліе толковое, всендневное, in f°. 1698. Москва.

4. Новый Завѣтъ, in 8°. 1703. Кіевъ, съ оглавленіемъ и предисловіемъ Теофилакта Болгарскаго къ Евангелію отъ Маттея, съ „сказаніемъ главамъ евангельскимъ, утреннимъ апостоламъ и евангеліямъ, и со сказаніемъ дѣяній апостольскихъ“. Въ предисловіи къ читателю объяснено, что Новый Завѣтъ „въ сей малой книгѣ типомъ изобразити потихомъся: да ты, благочестивый читателю, сію малую книгу, безъ всякаго отягощенія при себѣ, тако на пути, яко и по всякомъ мѣстѣ достойномъ носящи... удобнѣе оной возможши употреблять“.

5. Псалтирь in 24°. 1703. Кіевъ. Въ предисловіи сказано, что

¹⁾ Въ томъ числѣ—4 по именному повелѣнію императора.

²⁾ Подобныя пособія къ чтенію Св. Писанія встрѣчаемъ мы еще и въ рукописныхъ экземплярахъ его у нашихъ предковъ (см. Описаніе слав. рукописей Моск. Синод. бібліотеки Горскаго и Невоструева, т. I, въ предисловіи).

³⁾ Сдѣланы были, кромѣ того, два изданія Учительнаго Евангелія (то-есть, поученій на евангельскіе тексты), и напечатаны „Всѣмъ Іоанна Златоуста на Дѣянія Апостольскія“ и „Толкованіе на Апокалипсисъ св. Андрея архіепископа Кесарійскаго.“

„эта Псалтирь обновлена типографскимъ художествомъ въ малой сей мѣрѣ ко удобному храненію, усердію, чтенію и утѣшенію возрасту младенческому“.

6. Псалтирь in 8°. 1704. Москва. Съ оглавленіемъ, символомъ Аванасія Александрійскаго и изложеніемъ о вѣрѣ Максима Грека.

7. Евангеліе Иисуса Христа in ф°. 1711. Москва. Съ приложеніемъ къ каждому изъ четырехъ Евангелій: предисловія, содержанія главъ и житія евангелиста. Предисловія и житія евангелистовъ заимствованы изъ твореній отцовъ церкви.

8. Новый Завѣтъ, си есть Евангеліе или благовѣствованіе Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Благословеніемъ Преосв. Архіепа Черниговскаго Антонія Стаховскаго. Тицаіемъ же всесчастнаго архимандрита Гормана Кононовича. in 4°. 1717. Печатанъ въ Черниговѣ, въ типографіи Троицко-Ильинскаго монастыря. Съ предисловіемъ, краткимъ перечнемъ содержанія каждаго Евангелія и съ толкованіями на Евангелія, Посланія и Апокалипсисъ. По поводу приложенныхъ толкованій въ предисловіи говорится: „Вѣстимо буди, яко сей трудъ нашъ, въ изданіи типографскомъ сея книги божественныя подъятый, ничто же ново привнесе или приложи къ словесемъ евангельскимъ и апостольскимъ: аще и приложишася на краѣхъ въ книгѣ сей нѣкая словеса изъяснительная—се бо нѣсть приложенія къ разуму или противно разуму словесъ божественнаго Писанія, но сокровеннѣйшихъ въ таинствѣхъ и неудобовразумительныхъ словесъ изъясненіе... Что убо нашему малоумію въ книгѣ сей „Понаго Завѣта“ видяшеся быти исвятно, прикровенно и неудобовразумительно, о семъ мы поискахомъ въ книгахъ церковныхъ учителей и богодухновенныхъ Св. Писанія изъяснителей, и еже видѣхомъ намъ, и прочіимъ чтунцимъ, полезное, разуму же словесъ евангельскихъ и апостольскихъ непротивное... въ подкрѣпленіе немощнаго человѣческаго разума и памяти положихомъ“. Далѣе объяснено, что дѣянія и чудеса Спасителя и апостоловъ не требуютъ подобныхъ объясненій, по изреченія ихъ, въ особенности же апостола Павла „суть прикровенна, неудобовразумительна, якова суть: „Падій на камень сей сокрушится, а на нь же падеть сотреть и“ (Мѡ. 21, 44) и паки: „Всякъ огнемъ осолится, и всяка жертва солію осолится“ (Марк. 9, 49); и паки: „Огнь прійдохъ воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгорѣся (Лук. 12, 49). Сія и симъ подобная требуютъ толкованія“. Въ ученіи Христовомъ „притчи и прочія, яко прикровенны и не ясны требуютъ (также) толкованія, еже трегубо отъ святыхъ учителей

бываетъ: первое—аллегорически, когда слова Св. Писанія, кромѣ письменнаго, историческаго разума, знаменуютъ нѣчто духовнѣе, таинственнѣе, вѣрѣ святой или воинствующей Христовой Церкви прилично. Аще сія слова апостольскія: „Авраамъ два сына имѣ, — единого отъ рабы, другаго отъ свободнаго“, кромѣ письменнаго историческаго разума, знаменуютъ два народа, во Христа вѣровавшіе: іудейскій отъ рода Авраама, иже бѣ въ работѣ Закона Моисеова, и христіанскій отъ явнѣе, иже есть въ свободѣ благодати Христовой. Второе—аналогически бываетъ Св. Писанія толкованіе, сн есть, когда слова Писанія божественнаго, кромѣ письменнаго разума, аже самимъ дѣломъ бѣху, или случаются, знаменуютъ нѣчто прилично славіи небеснѣй и жизни вѣчной въ торжествующей пренебеснѣй церкви. Третье—тропологически, когда слова Писанія Св., кромѣ разума письменнаго, изображаютъ въ себѣ нравовъ чловѣческихъ доброе обученіе, добродѣтельному житію прилично. Все сія виды толкованія, аще гдѣ обращеши въ сей книгѣ, благочестивый читателю, не поразумѣи, яко отъ своего сн малоумія сія произнесохомъ, но отъ разума богомудрыхъ учителей и искусныхъ Писанія божественнаго истолкователей.

9. Книга Евангеліе, напечатана языкомъ російскимъ (собственно церковно-славянскимъ), повелѣніемъ Царскаго Величества. in f°. 1717. С.-Петербургъ. На слѣдующемъ листѣ заглавіе по голландски: Het nieuw Testament, eerste deel (то-есть, Новый Заветъ, первая часть). Напечатана въ два столбца, на одномъ голландскій, на другомъ славянскій текстъ. Впереди каждой главы, какъ голландскаго, такъ и славянскаго текста, кратко изложено содержаніе ея. Вотъ для примѣра содержаніе 2-й главы Евангелія отъ Матсея: „Волхвы, начатокъ языковъ, рождашагося царя іудеевъ ищутъ, 9: и звѣздою предводящею обрѣтаютъ, 11: и поклоняются ему, дары приносяще, 8: Иродово коварство, 16: и дѣтоубіеніе, 13: Іосифово со отрочатемъ и Марією бѣжаніе во Египетъ, 19: и возвращеніе въ землю Израилеву, 22: и отшествіе въ предѣлы Галилейскіе. Въ 1719 г., подобнымъ же образомъ напечатана была и вторая часть Новаго Завета ¹⁾. Это изданіе должно было составлять лишь послѣднюю (пятую) часть всей славянско-голландской Библии, голландскій текстъ которой, по заказу Петра, отпечатанъ былъ (въ 1716—1721 гг.) на пре-

¹⁾ Подъ заглавіемъ: „Книга Дѣяній и Посланій Св. Апостоловъ“, но Дѣянія помѣщены въ первой части.

красной александрійской бумагѣ въ Амстердамѣ, и въ 1721 г. доставленъ въ Петербургъ, гдѣ, на бѣлыхъ половинахъ листовъ, долженъ былъ быть отпечатанъ славянскій текстъ. „Симъ великолѣпнымъ изданіемъ всей Библии на россійскомъ и голландскомъ языкахъ“, говоритъ извѣстный Штелинь ¹⁾,— „хотѣлъ сей монархъ (Петръ Великій) доставить своимъ подданнымъ двойную выгоду, а именно: сдѣлать чтеніе Св. Писанія въ столь прекрасномъ и великомъ изданіи имъ пріятнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, подать случай привыкнуть къ голландскому его любимому языку, ибо онъ часто говаривалъ: „голландскій языкъ потребенъ намъ на морѣ, а нѣмецкій на сухомъ пути“. По поводу этого изданія Штелинь замѣчаетъ, что Петръ Великій, имѣя къ Св. Писанію величайшее уваженіе, часто говаривалъ, что „Библия есть такая книга, которая превосходитъ всѣхъ книгъ, и въ ней все содержится, что только касается до должности человѣческой къ Богу и своему ближнему“. Кромѣ изданія въ листъ, Петръ намѣревался сдѣлать другое еще изданіе голландско-русской Библии—въ четвертую долю листа, въ великомъ количествѣ экземпляровъ, чтобы за малую цѣну продавать народу. Оба эти предпріятія однако не состоялись. Привезенный изъ Амстердама голландскій текстъ Библии переданъ былъ, для разсмотрѣнія, въ св. синодъ; здѣсь, при слѣченіи текстовъ, оказалась значительная разница голландскаго текста противъ славянскаго и дѣло остановилось. Между тѣмъ походъ въ Персію, а по возвращеніи изъ похода другія дѣла отвлекли вниманіе Петра отъ этого предпріятія; затѣмъ послѣдовала его преждевременная кончина, и такимъ образомъ его мысль объ изданіи голландско-славянской Библии не осуществилась ²⁾.

10. Псалтирь, in 4°. 1721. Львовъ. Съ приложеніемъ: предисловія и „каталога псалмовъ по различному веществу удобнѣйшаго ради разумѣнія псалмовъ“ ³⁾.

Между тѣмъ исправленіе славянскаго текста Библии продолжалось. Указомъ Петра Великаго 14-го ноября 1712 года повелѣно было „архи-

¹⁾ См. Подлинныя анекдоты о Петрѣ Великомъ, *Штелиня*, пер. съ нѣм. Москва, 1786, стр. 410.

²⁾ Привезенные изъ Амстердама экземпляры Библии, сложенные въ сырцовъ мѣсть, сгнили такъ, что не осталось ни одного цѣлаго экземпляра; уцѣлѣвшіе листы проданы были какъ макулатура. Сохранились немногіе лишь экземпляры, въ началѣ розданные Петромъ.

³⁾ *Пекарскій*, II, 9—615.

мандриту Московскаго Законоспасскаго монастыря Теофилактъ Лопатинскому и учителю еллино-греческихъ школъ іеромонаху Софронію Лихуду съ помощниками бывшее до сего времени въ употребленіи первопечатное Московское изданіе Библіи 1663 года сличивъ съ греческимъ текстомъ „Семидесяти“ исправить для вторичнаго печатнаго изданія“¹⁾. Въ 1713 году приступлено было къ дѣлу, а въ 1724 году Библія была исправлена и приготовлена къ печати, но послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ кончина Петра приостановила изданіе, отложенное теперь на неопредѣленное время²⁾.

2. Время послѣ Петра Великаго.

Продолженіе библейскихъ трудовъ: исправленіе славянской Библіи Теофилактомъ Лопатинскимъ; Сяифоніи на Новый Завѣтъ и псалмы. Путешественникъ Григоровичъ-Варскій. Недостатокъ въ Библіи; Елизаветинская Библія: указъ императрицы Елизаветы синоду 1744 года и его повтореніе; труды Блонинскаго и Ляшевскаго по исправленію Библіи, два новые указа синоду 1750 года объ ускореніи изданія Библіи; Библія изданія 1751 года; ея характеристика; ея вліяніе на богослововъ: появленіе многочисленныхъ толкованій на Св. Писаніе, возбужденіе миссіонерскаго духа (прот. Григорій Слѣпцевъ, инокъ Ювеналій); причины слабости вліянія Библіи на народъ. Недостатокъ общеобразовательныхъ школъ. Умноженіе духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній при императорѣ Александрѣ I.

Неутомимый Теофилактъ Лопатинскій, возведенный въ 1723 году въ санъ архіепископа Тверскаго, продолжалъ и по смерти Петра трудиться надъ исправленіемъ славянской Библіи, повѣряя ее не по одному греческому, но и по еврейскому тексту. Его трудами славянская Библія въ 1735 году снова приготовлена была къ печати, при чемъ предполагалось издать ее съ означеніемъ поправокъ на поляхъ книги и съ показаніемъ содержанія каждой главы. Но гоненіе, воздвигнутое Вирономъ на Теофилакта³⁾ еще съ 1732 года и не пре-

¹⁾ См. Описаніе славянскихъ рукописей Московской синодальной бібліотеки соест. Горскимъ и Невоструевымъ. 1855, отд. I, стр. 165.

²⁾ *Филаретъ*, И. Р. Ц., IV, 41; его же *Общ. русск. дух. лит.*, I, §§ 238 и 259.

³⁾ Говеніе это воздвигнуто было, къ сожалѣнію, по прошеніямъ известнаго архіепископа Новгородскаго Феофана Прокоповича, съ которымъ Теофилактъ велъ богословскую полемику. Феофанъ былъ человѣкъ великаго ума и обширнаго образованія. „Христіанство хорошо было известно уму его, онъ зналъ его отчетливо и полно; но оно не было господствующимъ началомъ жизни его“... „Въ смерт-

крацавшееся до самой кончины святителя († 1741 г.), приостановило издание исправленной Библии ¹⁾. Выполненіе этого важнаго дѣла предоставлено было царствованію дочери Петра императрицѣ Елисаветѣ. А между тѣмъ интересъ къ Св. Писанію, разъ возбужденный, не угасалъ и вызывалъ трудн, имѣвшіе цѣлью облегчить изученіе его. Въ царствованіе Петра Великаго, какъ мы видѣли, дѣлались изданія Новаго Заветѣ и Псалтиря съ пояснительными предисловіями, указаніемъ содержанія каждой главы, комментаріями и другими пособіями для лучшаго уразумѣнія текста. Недоставало одного только весьма важнаго пособія къ изученію Новозавѣтныхъ книгъ, такъ-называемой Симфоніи. Всѣ слова, встрѣчающіяся въ текстѣ, располагаются въ алфавитномъ порядкѣ, и подъ каждымъ словомъ указываются всѣ изреченія, гдѣ оно встрѣчается: такова Симфонія или „Согласіе“. Она служитъ для двойной цѣли: 1) для быстрого отысканія въ текстѣ требуемаго изреченія—по одному, двумъ словамъ, сохранившимся у насъ въ памяти, и 2) если слово—многозначительное, то Симфонія, указывая на всѣ реченія, гдѣ оно встрѣчается, помогаетъ намъ понимать его полный всесторонній смыслъ, устраниая тѣмъ одностороннее, то-есть, ошибочное пониманіе. Такія Симфоніи издавна были въ употребленіи на западѣ,—у насъ ихъ не было; но этотъ недостатокъ наконецъ пополненъ. Іоаннъ Ильинскій, воспитанникъ Московской духовной академіи, а съ 1725 г.—переводчикъ при Санктпетербургской Академіи Наукъ, издалъ въ 1733 г. „Симфонію на Четверо-Евангеліе и Дѣянія“, посвященную императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ ²⁾. Ему же должно приписать и составленіе „Симфоніи на псалмы“, изданной ученикомъ его княземъ Антиохоиъ Каптемиромъ въ 1727 году.

ныхъ мукахъ († 1736 г.), готовясь предстать предъ судъ Вошій, говорилъ онъ вслухъ: „Главо! Главо! разума упившись, куда ея приклонишь?“ (*Филаретъ*, Общ. русск. дух. лит., II, § 2).

¹⁾ *Филаретъ*, И. Р. Ц., VI, 41; его же Общ. русск. дух. лит., II, § 15.

²⁾ Въ предисловіи, обращаясь къ читателю, составитель Симфоніи объясняетъ значеніе ея въ слѣдующихъ:

Нужда есть Священное Писаніе знати,
 Яко то вѣчнаго живота есть мати.
 Но внутреннихъ нашихъ чувствъ немощь есть тогда,
 Яко вчера и прже прочтокомъ елика,
 Днесъ мало помнимъ или въ конецъ забываемъ;
 Хотяще же обрѣсти, гдѣ что есть, не знаемъ.
 Едина Симфонія въ семъ намъ пособіи:
 По главамъ бо и стихамъ всяку рѣчь являетъ.

Андрей Богдановъ, сынъ япнца, обучавшійся въ Санктпетербургской Академіи Наукъ, гдѣ былъ потомъ помощникомъ бібліотекаря, дополняя трудъ Ильинскаго, составилъ „Симфонію на посланія апостоловъ и апокалипсисъ“, изданную въ 1736 г. Онъ началъ было также составлять симфонію и на всю Библию, но трудъ этотъ, къ сожалѣнію, остался не оконченнымъ ¹⁾.

Между тѣмъ въ Вибліи чувствовался все болъшій и болъшій недостатокъ. Со времени перепечатанія, въ Москвѣ, Острожской Вибліи въ 1663 г., новаго и исправленнаго изданія ея, вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ, не было дѣлаемо въ теченіе почти цѣлаго столѣтія. Библия сдѣлалась книгою крайне рѣдкою. Еще св. Дмитрій Ростовскій († 1709 г.) писалъ къ извѣстному Стефану Яворскому: „Въ нашей малороссійской странѣ (тогда наиболѣе образованной) трудно найдти Библию славянскую“ ²⁾. Съ теченіемъ времени недостатокъ въ Вибліи дѣлался, конечно, еще ощутительнѣе. Мы видѣли, какъ подъ конецъ царствованія великаго преобразователя Россіи, по его распоряженію, совсѣмъ уже была приготовлена къ изданію исправленная Виблія, но, за смертью его, дѣло это не состоялось.

Императрица Елисавета Петровна, старавшаяся возстановить и довершать дѣла великаго родителя своего, какъ его священное завѣщаніе, пожелала привести въ исполненіе и дѣло изданія исправленной Вибліи, остановленное внезапною кончиною Петра. Съ ревностью приступила она къ этому великому дѣлу вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ. Въ февралѣ 1744 г. послѣдовалъ въ синодъ указъ императрицы: „Понеже дѣло исправленія Вибліи къ печатанію оной вновь, давно уже зачатое, и понинѣ не совершено, а пужда въ томъ церковная и народная велика: того для симъ нашимъ указомъ повелѣваемъ, дабы св. синодъ всѣ члены, въ сію святую чотырдесятницу, въ исправленіи оной Вибліи къ напечатанію оной вновь, трудились, отъ полученія сего нашего указа, каждый день поутру и пополудни кромѣ недѣльныхъ дней, чтобъ ежели возможно, оное исправленіе окончить къ празднику св. Пасхи... Къ сему же дѣлу повелѣваемъ употребить и, кромѣ членовъ синодальныхъ, духовнаго чина людей ученыхъ“. Къ празднику Пасхи исправленіе Вибліи не

¹⁾ Рукопись эта хранится въ бібліотекѣ С.-Пб. дух. академіи. См. *Филаретъ*, Общ. русск. дух. лит., II, §§ 7 и 29.

²⁾ *Филаретъ*. Общ. р. дух. лит., I, § 250.

было окончено; въ юлѣ старшій членъ синода Амвросій Новгородскій просилъ уволить его отъ исправленія Библии, по болѣзни. 8-го ноября того же (1744) года послѣдовалъ новый указъ: Библию, исправленную Феофилактомъ Лопатинскимъ, непременно издать въ этомъ году, для народнаго употребленія; если же члены св. синода это исправленіе считаютъ въ чемъ-нибудь недостаточнымъ.. то представили бы письменно свои мнѣнія ¹⁾).

Синодъ призналъ необходимымъ продолжать исправленіе Библии, и поручилъ теперь это дѣло двумъ ученымъ монахамъ, вызваннымъ изъ Кіева, Иларіону Григоровичу и Іакову Блонницкому (1745 г.). Дѣло затянулось. Потрудясь около двухъ лѣтъ, архимандритъ Иларіонъ, въ началѣ 1747 года просилъ отъ этого труда его уполити, по болѣзни и недостаточному знанію имъ греческаго языка. Блонницкій, отличный знатокъ греческаго языка, одинъ продолжалъ пересмотръ Библии до 1748 года, когда онъ отбылъ въ Вѣггородъ. Дѣло исправленія Библии перешло теперь въ руки сотрудника его съ 1747 года, Варлаама Лящевскаго, учителя богословія, греческаго и еврейскаго языковъ при Кіевской академіи. Блонницкій и Лящевскій, были учениками знаменитаго филолога Симона Тодорскаго ²⁾. Съ усердіемъ и знаніемъ дѣла трудился Лящевскій надъ пересмотромъ Библии, повѣряя всѣ прежніе труды. Но императрицѣ показалось долго ждать: она нетерпѣливо хотѣла видѣть поскорѣ Библию въ печати и торошила дѣломъ. 1-го марта 1750 г. послѣдовалъ новый указъ синоду: печатать безъ всякаго отлагательства. 10-го юля

¹⁾ Въ то же время синодъ получилъ повелѣніе, чтобы проповѣдники, назначаемые въ придворную церковь, говорили проповѣди наизусть, а не по тетради.

²⁾ См. *Соловьева*, Ист. Россіи, т. XXI, стр. 319, т. XXII, с. 30, 31, т. XXIII с. 35. *Филаретъ*, Ист. Русск. Церкви, V, 40 — 43; его же *Объ р. дух. лит.*, II, § 38, 55, 59. Симонъ Тодорскій былъ основателемъ еврейской енологіи въ Россіи. По окончаніи курса наукъ въ Кіевѣ (въ 1727 г.), онъ провелъ за границею десять лѣтъ въ изученіи визегетики, догматики, въ особенности же языковъ греческаго, еврейскаго, халдейскаго, сирскаго и арабскаго (подъ руководствомъ известнаго Михаэлиса), столь нужныхъ для уразумѣнія Св. Писанія. Тѣмъ онъ, между прочимъ, перевелъ съ нѣмецкаго сочиненія Іоанна Ариды „Объ истинномъ христіанствѣ“. Возвратясь, въ 1738 г., въ Кіевъ, онъ открылъ здѣсь классы греческаго и впервые еврейскаго языковъ. Блонницкій и Лящевскій были его лучшими учениками,—они оставили замѣчательные труды по греческой грамматикѣ и лексикографіи (см. *Филаретъ*, И. Р. Ц., V, 43, 44; его же *Объ р. дух. лит.*, II, §§ 55, 59).

началось печатаніе. 8-го сентября—новое требованіе, чтобы синодъ подалъ вѣдомость, въ какомъ положеніи находится печатаніе Вибліи? Наконецъ въ 1751 г. появилась въ печати столь долго ожидаемая исправленная Виблія, такъ-называемая Елисаветинская ¹⁾. По повелѣнію императрицы, она напечатана была въ двухъ изданіяхъ разнаго формата—въ листъ и въ большую осьмушку, въ трехъ книгахъ, коимъ цѣна назначена была относительно умѣренная (5 руб.), для большаго распространенія Вибліи въ народѣ. Такъ дочь Петра осуществила наконецъ завѣтную мысль своего великаго отца.

Лящевскій, которому принадлежитъ честь окончательнаго приготовленія къ печати этого изданія, въ предисловіи къ нему, говоритъ, что первоначальный переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ, совершенный трудами свв. Кирилла и Меодіа, утраченъ, и что тѣ, которымъ поручено было исправленіе Вибліи, главнымъ образомъ заботились о вѣрности перевода греческому тексту: „то едино въ дѣлѣ исправленія сего священной Вибліи попеченіе имѣхомъ, еже согласно во всемъ греческому 70-ти переводу намъ славянскій переводъ издати“. Число всѣхъ поправокъ, сдѣланныхъ въ Вибліи 1663 года (перепечатанной съ Острожской Вибліи), было весьма велико,—онѣ составили бы книгу не менѣе самой Вибліи. Важнѣйшія поправки, принятія въ это изданіе, принадлежатъ блаж. Теофилакту. Книги Товита и Іудиеи, переведенныя въ Острожской Вибліи съ латинской Вульгаты, теперь переведены были вновь съ греческаго текста; третья книга Ездры, которой нѣтъ на греческомъ языкѣ, исправлена по Вульгатѣ. Такимъ образомъ существенный характеръ новой исправленной Вибліи—близость ея къ греческому тексту ²⁾. Елисаветинская Виблія, безъ всякихъ почти перемѣнъ, и дониндѣ осталась у насъ въ церковномъ и частномъ употребленіи.

Появленіе давно ожидаемаго изданія исправленной Вибліи произвело движеніе въ средѣ русскихъ богослововъ, большею частью учениковъ Блонницкаго и Лящевскаго, бывшихъ наставниками въ Московской духовной академіи, и вызвало рядъ трудовъ по истолкованію Вибліи ³⁾.

¹⁾ См. *Соловьева* XXIII, 36. *Филаретъ*, И. Р. Ц., V, 41.

²⁾ См. *Филаретъ*, И. Р. Ц., V, 41, 42.

³⁾ Теофилактъ Горскій написалъ толкованіе на все св. Писаніе (оставшееся въ рукописи). Апологъ Вайбаковъ издалъ (1785—87 г.) читанныя имъ толкованія на Посланія къ евреямъ, елиппійцамъ, колоссянамъ, на 1-е посланіе к

Возбужденъ былъ и духъ миссіонерскій. Такъ, въ исходѣ XVIII вѣка въ сѣверо-восточномъ углу Сибири протоіерей Григорій Слѣпцовъ, борясь съ множествомъ препятствій и опасностей, проповѣдывалъ Евангеліе дикарямъ-чаучкамъ, а десять монаховъ Балаамскаго монастыря, отправясь на пезадолго передъ тѣмъ открытыя (1759 г.) Алеутскіе острова, просвѣщали Евангеліемъ язычниковъ-островитянъ при чемъ одинъ изъ благовѣстниковъ, инокъ Ювеналій, запечатлѣлъ свою проповѣдь мученическою кончиною ¹⁾.

На народъ изданная теперь Библия не могла имѣть замѣтнаго вліянія по малодоступности ея славянскаго языка и по малому числу грамотныхъ вслѣдствіе крайняго недостатка въ народныхъ школахъ. Съ Петра и до пачала XIX столѣтія основывались лишь школы спеціальныя для удовлетворенія потребностей государственной службы, преимущественно военной, какъ различныя кадетскіе корпуса ²⁾ или учрежденія для высшаго образованія, какъ Московскій университетъ съ гим-

---

корничанамъ, на 1-е посланіе къ солунянамъ, на посланіе къ галатамъ. Гавріилъ Петровъ (извѣстный впоследствии митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій) издалъ (1794) толкованія на Соборныя посланія (Апостоловъ, Іакова, Петра, Іоанна и Іуды); написалъ также объясненіе бесѣды о блаженствахъ и нѣсколькихъ псалмовъ (оставшіяся въ рукописи). Меводій Смирновъ напечаталъ истолкованіе посланія къ римлянамъ, имѣвшее три изданія (1794, 1799 и 1815 гг.). Ириней Клементьевскій издалъ толкованія на посланія къ римлянамъ (1787 г.), къ евреямъ (1787 г.), на 12 меньшихъ пророковъ, въ 6 ч. (изд. 1804 и 1809 гг.), на Давида (1816 г.), на псалмы (изд. 1791, 1807 и 1814 гг.). Прот. Сидоровскій напечаталъ изъясненіе на воскресныя и праздничныя Евангелія, имѣвшее три изданія (1784, 1804 и 1805 гг.). Ириней Фіалковскій издалъ толкованіе на посланіе къ римлянамъ (1806 г.), на посланіе къ галатамъ (1807 г.); толкованіе на остальные 16 посланій осталось въ рукописи. Дальше: іерономахъ Θεоктиста объясненіе соборнаго посланія апостола Іакова (1806 г.), Сергія Краснопѣвкина краткое изъясненіе посл. къ римлянамъ (1801 г.), Анастасія Братановскаго толкованіе на Евангеліе Іоанна (въ ркп.), Симона Лагова толкованіе на Новый Заветъ (въ ркп.), Андрея Прокоповича мысли при чтеніи посланій ап. Павла къ солунянамъ (1819 г.), къ галатамъ (1820 г.), къ колоссянамъ (1820 г.), къ ессаянамъ (1821 г.), Амвросія митр. Новгородскаго „Руководства къ чтенію Св. Писанія“. См. *Филарета*, И. Р. Ц., V, 44. 45; его же *Объ. р. дух. лит.*, II° §§ 74, 109, 111, 154, 160, 171.

¹⁾ *Филаретъ*, И. Р. Ц., V, 29—33.

²⁾ Сухопутный (1731 г.), Морской (1752 г.), Пажескій (1759 г.), Артиллерійско-Инженарный (1762 г.). Въ 1732 г. учреждены были гарнизонныя школы при полкахъ для обученія солдатскихъ дѣтей, причислявшихся тоже къ военному сословію. Съ этими школами саялись, въ 1740 г., цимѣрныя школы Петра.

назіей при немъ (1755 г.) и Смольный институтъ для дѣвиць (1764 г.)¹⁾. Духовное сословіе паходилось въ лучшемъ положеніи: оно имѣло теперь болѣе средствъ къ образованію, нежели въ патріаршіи періодъ, и средства эти съ теченіемъ времени возрастали, благодаря заботливости пастырей церковныхъ. Такъ въ 1764 г. было 26 учебныхъ духовныхъ заведеній съ 6,000 учениковъ; къ 1784 году число учащихся возросло до 12,000; къ 1808 году было уже 4 академіи духовныхъ, 36 семинарій и 15 малыхъ училищъ. Методъ ученія и кругъ наукъ въ семинаріяхъ и академіяхъ заимствованъ былъ изъ Кіева, или точнѣе, изъ польскихъ училищъ: такъ на первомъ планѣ былъ латинскій языкъ; всѣ предметы въ старшихъ классахъ преподавались на латинскомъ языкѣ. Въ 1808 г., по волѣ императора Александра I, много заботившагося объ образованіи духовенства и вообще о духовномъ просвѣщеніи народа, особо составленною комиссіею духовныя учебныя заведенія были преобразованы: въ семинаріяхъ, между прочимъ, введена была герменевтика (правила для истолкованія Св. Писанія) и преподаваніе греческаго языка наравнѣ съ латинскимъ. Къ концу царствованія Александра I число духовныхъ училищъ возросло уже до 344, а число учащихся — до 46,000, такъ что и въ селахъ уже много было священниковъ, получившихъ полное семинарское образованіе, тогда какъ при Екатеринѣ II еще бывали неученые священники и въ городахъ²⁾.

Въ первые же годы царствованія Александра и свѣтскія учебныя заведенія получили быстрое развитіе. Въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскимъ явились народныя школы, уѣздныя училища, гимназіи (въ губернскихъ городахъ), открыты два новые университета—въ Харьковѣ и Казани, педагогическій институтъ для образованія преподавателей, нѣсколько лицеевъ; такъ что въ 1804 г. числилось уже 494 свѣтскихъ учебныхъ заведеній съ 33,484 учащимися; а въ слѣдующемъ году число этихъ учебныхъ заведеній возросло до 688. Позже положено было завести школы и при полкахъ³⁾.

¹⁾ См. Взглядъ на учебн. часть въ Россіи въ XVIII ст. гр. Д. А. Толстаго, стр. 13—62.

²⁾ *Силвертъ*, И. Р. Ц., V, 33—40.

³⁾ См. *Листовскаго*, Біографія гр. П. В. Завадовскаго въ *Г. Архивъ* 1883 г., № 3, стр. 152; *Paterson*, Book for every Land, p. 370.

IV.

Наше время.

1. Россійское Библейское Общество.

Причина появленія библейскихъ обществъ и другихъ подобныхъ учрежденій въ Европѣ съ конца XVIII вѣка.—Происхожденіе Британскаго библейскаго общества, его идея и быстрые успѣхи.—Библейскій агентъ Патерсонъ въ Петербургѣ, и начало Россійскаго библейскаго общества; развитіе дѣятельности его и отзывы о ней іерарховъ.—Общій интересъ къ дѣлу Общества.—Сношенія съ иностранними библейскими обществами.—Десятилѣтній юбилей.—Постепенный упадокъ и закрытіе Россійскаго библейскаго общества.

Россійское библейское общество возникло у насъ при императорѣ Александрѣ, по иниціативѣ Великобританскаго библейскаго общества, родоначальника всѣхъ подобныхъ обществъ въ Европѣ и Америкѣ.

Появленіе библейскихъ обществъ, въ связи съ сходными по цѣли обществами миссіонерскими, трактатными и воспитаніемъ народа въ религіозномъ духѣ (Ланкастерскія школы) было реакціей противъ революціоннаго духа съ его рѣшительнымъ антихристіанскимъ характеромъ, такъ сильно взволновавшаго Францію въ концѣ XVIII вѣка и распространившагося отсюда по всей Европѣ.

Замѣчательно происхожденіе Великобританскаго библейскаго общества. Въ концѣ XVIII столѣтія въ Англіи, какъ и вездѣ въ Европѣ, невѣрію, подъ влияніемъ тогдашней философіи, пустило глубокіе корни во всѣхъ слояхъ общества. Людей, дорожившихъ Библией и пользовавшихся ею, было мало. Въ достаточныхъ семействахъ Англіи и Шотландіи, по старому обычаю, имѣлась еще Библия, но она лежала въ пыли, безъ употребленія. Вѣдникамъ же эта „книга жизни“ была мало доступна уже и по своей дороговизнѣ. Осенью 1802 г. молодой, ревностный проповѣдникъ маленькаго городка Бала въ горнстомѣ Уэльсѣ, по имени Чарльзъ, посѣщая однажды своихъ прихожанъ, встрѣчаетъ на улицѣ бѣдную дѣвочку его прихода, которая — какъ онъ замѣчалъ еще прежде — съ большимъ вниманіемъ слушала его въ церкви и въ воскресной школѣ. Чарльзъ спросилъ ее: можетъ ли она ему сказать текстъ послѣдней его проповѣди? Дѣвочка замялась, потупивъ глаза. Наконецъ, заплакавъ, отвѣчала: „Ахъ,

погода была такая худая, что я не могла достать Библии, чтобъ еще разъ прочесть и выучить текстъ!" И затѣмъ объяснила, что въ городѣ ни у родителей ея, ни у родныхъ и знакомыхъ нѣтъ Библии, и что она каждую недѣлю ходитъ къ родственникамъ своимъ, живущимъ на разстояніи двухъ часовъ пути, и у нихъ прочитываетъ ту главу Библии, изъ коей заимствованъ былъ текстъ проповѣди, и заучиваетъ его. Разказъ этотъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на Чарльза. Мысль, во что бы то ни стало, доставить своимъ прихожанамъ, да и всему Уэльсу, Библию, въ которой былъ такой недостатокъ, не давала ему покоя. Не смотря на суровое время года, онъ немедленно отправляется въ Лондонъ, предполагая обратиться въ „общество споспѣшествованія христіанскому познанію“, основанному въ 1698 г. и сдѣлавшему, между прочимъ, въ разное время четыре изданія уэльской Библии. Въ Лондонѣ Чарльзъ встрѣтился съ пріятелемъ своимъ Тарномъ, который ввелъ его въ только что учрежденное „общество религіозныхъ трактатовъ“. Здѣсь, въ засѣданіи 7-го декабря 1802 г. Чарльзъ, яркими красками изобразилъ крайній недостатокъ въ Библіяхъ въ Уэльсѣ. Его воодушевленная рѣчь произвела глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ. Тутъ же предложено было основать общество для распространенія Библии въ Уэльсѣ. „Почему только для Уэльса“, воскликнулъ при этомъ баптистскій проповѣдникъ Юъ (Hughes),— „почему не для всей страны, почему не для всего міра?“ Такъ впервые высказана была мысль, изъ которой возникло „Британское и иностранное библейское общество“. Всѣ присутствующіе съ живостью ухватились за эту свѣтлую мысль и тутъ же поручили Юу составить публичное воззваніе, съ приглашеніемъ принять участіе въ обществѣ, которое поставило бы себѣ единственною цѣлью распространеніе Слова Божія въ цѣломъ мірѣ. 1803 годъ прошелъ въ подготовительныхъ работахъ, а 7-го марта 1804 г. состоялось первое засѣданіе, на которое собралось около 600 человекъ, принадлежавшихъ частью къ епископальной церкви, частью къ диссидентскимъ церквямъ разныхъ наименованій (баптисты, квакеры, методисты, лютеране). Такъ положено было начало Британскому и иностранному Библейскому обществу (British and foreign Bible society) съ единственною цѣлью повсемѣтнаго распространенія Библии, и только Библии.

Великая идея лежала въ дальнѣйшемъ развитіи этого предпріятія—учениковъ Христа, раздѣленныхъ на множество отдѣльныхъ обществъ, большихъ и малыхъ, не только чуждыхъ, но перѣдко и враждеб-

ныхъ другъ другу, не нарушая ихъ религіозныхъ и церковныхъ особенностей ¹⁾, братски соединить вокругъ Слова Божія, равно для всѣхъ драгоцѣннаго, какъ заключающаго въ себѣ обѣтованіе вѣчной жизни.

Обильныя пожертвованія стали стекаться во вновь учрежденное общество, и дѣятельность его приняла быстрое развитіе. Уже въ первые восемь лѣтъ существованія Британскаго и иностраннаго библейскаго общества издано было 500.000 экземпляровъ Библии, или частей ея, на 50 разныхъ нарѣчіяхъ, и съ тѣхъ поръ дѣятельность его не переставала прогрессивно возрастать ²⁾.

Общество разсылало всюду агентовъ своихъ для возбужденія интереса къ библейскому дѣлу и для содѣйствія къ учрежденію въ разныхъ странахъ подобныхъ же библейскихъ обществъ. Одинъ изъ его агентовъ, Джонъ Патерсонъ, посѣтивъ Данію, Швецію, Норвегію, Финляндію, прибылъ въ началѣ августа 1812 г. въ Петербургъ, ближайшимъ образомъ для напечатанія финской Библии, а затѣмъ, еслибы открылась къ тому возможность, для учрежденія библейскаго общества и въ Россіи, собственно для ино-вѣрцевъ. Время для того, по видимому, было неблагопріятное. Полчища Наполеона перешли границу и подвигались уже къ Москвѣ. Всюду дѣлались приготовленія къ грозной войнѣ; о ней только и говорили. Было не до проектовъ о библейскихъ обществахъ, и Патерсонъ хотѣлъ уже было уѣхать въ Стокгольмъ, чтобы тамъ выждать теченія событій, въ надеждѣ имѣть возможность возвратиться въ Россію при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но когда все уже было готово къ отъѣзду, внезапная болѣзнь жены задержала его въ Петербургѣ. Чтобы не оставаться празднымъ, Патерсонъ рѣшился воспользоваться этимъ невольнымъ продленіемъ своего пребыванія въ Петербургѣ, чтобы попытаться сдѣлать что-нибудь для осуществленія своего предпріятія. Онъ началъ съ того, что написалъ „воззваніе“ (address), въ коемъ изложены были цѣль и дѣятельность Британскаго библейскаго общества, указывалось на

¹⁾ Съ этою именно цѣлю Британское Библейское общество издавало Библию безъ всякихъ объясненій и примѣчаній, чтобы не затрогивать вѣроисповѣданійъ различій.

²⁾ По 82-му годовому отчету Обществомъ, съ его многочисленными отдѣленіями и вспомогательными комитетами, распространено къ 31-му марта 1886 г., во всѣхъ частяхъ свѣта, 108.320.869 экземпляровъ Библии и частей ея, на 255 разныхъ языкахъ. Переводы и изданія исполнены были свѣмимъ обществомъ.

пользу учрежденія подобнаго общества въ Россіи и приглашались сочувствующіе этому дѣлу принять въ немъ участіе. Свой „адресъ“ Патерсонъ отдалъ перевести на нѣмецкій языкъ. Переводъ былъ очень плохъ, но потомъ его исправили. Этотъ-то „адресъ“ и послужилъ поводомъ къ основанію Россійскаго библейскаго общества. Сдѣлано было нѣсколько копій съ адреса, „но я не зналъ, кому ихъ раздать“, прибавляетъ Патерсонъ. Между тѣмъ случай свелъ его съ сенаторомъ К. И. Габлицомъ. Просвѣщенный Габлицъ представилъ Патерсона графу В. П. Кочубею, бывшему министру внутреннихъ дѣлъ, принявшему живѣйшее участіе въ его дѣлѣ: „Это именно и нужно для Россіи!“ воскликнулъ онъ. Экземпляръ „адреса“ попалъ также въ руки правителя канцеляріи тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ О. П. Ководавлева, В. М. Попова, который перевелъ его на русскій языкъ, показалъ своему министру и вообще весьма много содѣйствовалъ къ учрежденію библейскаго общества, коего онъ и сдѣлался первымъ секретаремъ.

Графъ Кочубей посоветовалъ Патерсону самому просить императора Александра о своемъ дѣлѣ, чрезъ посредство князя А. Н. Голицына, главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, выразивъ при этомъ сожалѣніе, что предполагалось распространять Св. Писаніе лишь между иновѣрцами. „Почему же и не между православными?“ замѣтилъ онъ. Но Патерсонъ полагалъ, что, ограничивъ свою задачу, онъ тѣмъ легче достигнетъ своей цѣли.

Князь Голицынъ также сочувственно отнесся къ предпріятію Патерсона и, 6-го декабря 1812 года, доложилъ императору его ходатайство объ учрежденіи въ Россіи библейскаго общества для иновѣрцевъ. Начертавъ на прошеніи „быть по сему“, императоръ Александръ замѣтилъ князю, что теперь переводится Новый Заветъ на калмыцкій языкъ, и что ему прискорбно думать, что, „въ то время какъ калмыки получаютъ Св. Писаніе на своемъ языкѣ, ничего еще не сдѣлано въ этомъ отношеніи для русскихъ“. „Но“, прибавилъ императоръ, — „посмотримъ, какъ это дѣло пойдетъ; если оно хорошо примется, то можно будетъ включить въ кругъ дѣйствій общества распространеніе Св. Писанія и для русскихъ“.

Указъ этотъ былъ подписанъ въ тотъ самый день, когда остатки „великой“ французской арміи перешли обратно русскую границу. Императоръ вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ въ армію. На канунѣ одно изъ приближенныхъ лицъ обратило вниманіе императора на 90-й псаломъ. Онъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на Александра. Въ тотъ же

день въ храмѣ императоръ вторично услышалъ знаменательныя слова 90-го псалма изъ устъ проповѣдника, взявшаго этотъ псаломъ текстомъ для напутственнаго слова. Вообще, въ это трудное время борьбы съ Наполеономъ Александръ I искалъ и находилъ утѣшеніе въ Св. Писаніи, содѣлавшемся отнынѣ его неразлучнымъ спутникомъ и питавшемъ въ благочестивомъ государѣ упованіе на помощь Божію. Какъ извѣстно, холодъ пришелъ на помощь русской арміи. Морозы были такъ велики, что, по свидѣтельству современника (Патерсона), въ окрестностяхъ Петербургъ ртуть замерзала и вороны сотнями падали мертвыми отъ мороза. „Великая“ армія Наполеона, не приготовленная къ зимнему походу, отступая, покрыла трупами замершихъ весь путь отъ Москвы до Березины.

11-го января 1813 г. назначено было первое собраніе С.-Петербургскаго библейскаго общества въ домѣ кн. Голицына. Въ 11 часовъ, въ обширныхъ палатахъ князя собралось около сорока приглашенныхъ значительныхъ лицъ, между коими были министры, сенаторы, члены св. синода, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій Амвросій, архіепископъ Литовскій Серафимъ (впослѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій), ректоръ С.-Петербургской духовной академіи, архимандритъ Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ Московскій), митрополитъ римско-католической церкви въ Россіи Сестренцевичъ-Богущъ. По прочтеніи В. М. Поповымъ записки о цѣли общества и императорскаго указа о его учрежденіи, общество объявлено было открытымъ и немедленно приступлено къ избранію членовъ распорядительнаго комитета. Избрани были: президентомъ общества — князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, секретарями — В. М. Поповъ и А. И. Тургеневъ. Въ составъ комитета вошли также шесть вице-президентовъ (между ними гр. Кочубей, министръ народнаго просвѣщенія гр. Разумовскій и министръ внутреннихъ дѣлъ Ководавлевъ) и десять директоровъ. По окончаніи выборовъ, во время завтрака, въ общемъ, свободномъ разговорѣ многими высказывалось сожалѣніе, что общество основывалось лишь для однихъ иповѣрцевъ; въ этомъ смыслѣ выражались и духовныя лица. Престарѣлый митрополитъ Амвросій, приближаясь къ Патерсону, бывшему тутъ же, сказалъ: „Вы могли думать, что прибыли въ Россію въ весьма неблагоприятное время, но увѣряю васъ, что вы прибыли какъ разъ въ время. У насъ есть поговорка: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится. Ну, громъ грянулъ надъ Россіей, онъ смягчилъ сердца

всѣхъ, заставилъ насъ одуматься, и вы теперь пожинаете плодъ этого смутнаго времени⁴.

Въ первомъ засѣданіи комитета состоялись, между прочимъ, слѣдующія постановленія: 1) печатать Библии на иностранныхъ языкахъ на счетъ Общества; 2) покупать славянскія Библии отъ синода; 3) продавать эти книги какъ можно дешевле¹⁾, даже ниже того, во что они обошлись бы комитету, и раздавать даромъ тѣмъ, кто не былъ бы въ состояніи купить ихъ. Комитетъ публично заявилъ о намѣреніи своемъ снабдить экземпляромъ Библии cadaго по возможности или, по крайней мѣрѣ, каждую семью. Тутъ же открыта была и подписка на дѣло Общества, давшая 5.740 р. единовременнаго и 4.800 руб. ежегоднаго взноса²⁾. По донесеніи президента кн. Голицына императору Александру объ открытіи дѣйствій Обществу, государь назначилъ Обществу единовременно 25.000 р. и ежегодно 10.000 руб.

Съ цѣлью сдѣлать общезвѣстнымъ открытіе Библейскаго общества и возбудить интересъ къ его дѣлу, комитетъ издалъ, въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, брошюру о библейскихъ обществахъ вообще и объ открытіи такового въ Петербургѣ. Затѣмъ онъ обратился къ начальникамъ губерній, къ главнѣйшимъ духовнымъ особамъ и вообще къ значительнѣйшимъ лицамъ въ имперіи съ объясненіемъ цѣли Общества и съ приглашеніемъ содѣйствовать трудамъ его своимъ участіемъ. Цѣль учрежденія возбудила такое сочувствіе въ публикѣ, что въ первомъ же (1818) году своего существованія Общество могло открыть шесть отдѣленій³⁾ и собрать свыше 160.000 руб. пожертвованій; книгъ продано было до 850 экземпля-

¹⁾ Нужно сказать, что славянская Библия, издававшаяся тогда въ Москвѣ и Киевѣ, въ 4—5 томахъ, продавалась по 30 руб. за экземпляръ, такъ что въ годъ расходилось ей не болѣе 400 экземпляровъ. Но подъ вліяніемъ интереса, возбужденнаго учрежденіемъ Библейскаго общества, нѣсколько сотъ экземпляровъ этой Библии, выписанные Обществомъ изъ Москвы и изъ Кіева, проданы были въ Петербургѣ въ нѣсколько дней. Высокая цѣна Библии охотно уплачивалась не имѣвшіе же достаточно денегъ, говоритъ Патерсонъ,—оставляли свои паспорта въ обезпеченіе уплаты.

²⁾ Нѣкоторые изъ членовъ внесли по 1000 р. единовременно и ежегодно, другіе—по 500, по 300 р. Кроме того, Патерсонъ внесъ 500 фунтовъ стерлинговъ, пожертвованные Британскимъ библейскимъ обществомъ.

³⁾ Дерптское, Курляндское, Рижское, Московское, Ревельское и Ярославское.

ровъ, разослано и роздано до 440 экземпляровъ ¹⁾. Въ слѣдующемъ 1814 году въ составъ распорядительнаго комитета вошло нѣсколько первостепенныхъ русскихъ іерарховъ ²⁾, большая часть коихъ оставалась въ немъ до конца; открыто было еще четыре отдѣленія. С.-Петербургское общество, по Высочайшему повелѣнію (4-го сентября 1814 г.), стало топоръ именоваться „Россійскимъ Библейскимъ Обществомъ“; отдѣленіямъ же его повелѣно называться по имени городовъ, гдѣ они учреждались. Издана была новая брошюра: „О цѣли Россійскаго Библейскаго Общества и средствахъ къ достиженію оной“, и распространена въ количествѣ 35 тысячъ экземпляровъ. Съ этого времени Общество стало развиваться еще быстрѣе. Мѣстныя власти и вліятельныя лица начинаютъ считать обязанностью записываться въ члены Общества, пользующагося Высочайшею санкціею.

Иностранныя Библіи доселѣ покупались за границею; теперь распорядительный комитетъ самъ сталъ издавать ихъ, убѣдась, что такимъ образомъ можетъ имѣть ихъ дешевле. По соглашенію съ синодомъ приступлено было также къ печатанію удешевленнаго (стереотипнаго) изданія славянской Библіи. Позже предпринимались переводы и изданія Священнаго Писанія для разныхъ инородцевъ (короловъ, киргизовъ, чувашей и др.), но имѣвшихъ еще его на родномъ языкѣ.

Завѣдываніе всѣми этими изданіями всецѣло лежало на неутомимомъ Патерсонѣ ³⁾, между тѣмъ какъ сотрудники его, два другіе агента Британскаго библейскаго общества, Пинкертонъ и Гендерсонъ, совершали путешествія по Россіи съ цѣлью возбужденія интереса къ библейскому дѣлу ⁴⁾. Другіе англійскіе агенты усердно дѣйствовали въ другихъ мѣстахъ имперіи. Такъ, Фразеръ вмѣстѣ съ другими членами шотландской миссіи на Кавказѣ приготовлялъ переводы Еван-

¹⁾ См. *The book for every land*, by *J. Paterson*. 1858, p. 150—197. Исторія императора Александра I, *Бойдановича* т. V, 195—199. Россійск. библ. общество *Пшнина* въ *Вѣстникъ Европы*, 1868, августъ, 643—667.

²⁾ Серапіонъ, митрополитъ Кіевскій; Амвросій, митрополитъ С.-Петербургскій; Серафимъ, архіепископъ Тверской (вслѣдствіи митрополитъ Петербургскій), архимандритъ Филаретъ (будущій митрополитъ Московскій), католическій митрополитъ Сестренцевичъ-Богущъ, Армянскій архіепископъ Иоачимъ и другіе.

³⁾ „Постоянныя труды въ управленіи снмъ дѣломъ г. Патерсона суть *преимие всякаго воздаянія* со стороны челоѣковъ“, сказано въ отчетѣ Общества за 1818 г. (см. *Пшнина*, стр. 687).

⁴⁾ *Biblical researches and travels in Russia*, by *Henderson*. 1826. *Russia, or miscellaneous observations, during travels etc.* by *Pinkerton*. 1883.

гелія отъ Матеея на киргизскій языкъ и переводъ книгъ Ветхаго Заѣта на татарскій языкъ. Въ Охотскѣ англичанинъ Гордонъ снабдилъ каждый домъ славянскою Вибліей и отправилъ запасъ Виблій въ Камчатку. Другіе англичане „трудились неослабно“ среди бурять въ Восточной Сибири.

Въ 1814 году, когда Александръ I посѣтилъ Лондонъ, ему представлялась депутація Британскаго библейскаго общества, въ рядахъ коей былъ знаменитый филантропъ Вильберфорсъ, положившій начало уничтоженію торга неграми. Императоръ очень милостиво принялъ депутацію, сказалъ, что считаетъ Библейское общество самымъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ и что онъ далъ уже свое согласіе на открытіе такого общества въ Россіи, „гдѣ оно нужнѣе, чѣмъ гдѣ-либо“, и по множеству языческихъ народовъ, которые надобно обратить въ христіанство. По возвращеніи изъ-за границы, въ концѣ 1815 года, императору представлены были изданія Священнаго Писанія на разныхъ языкахъ, сдѣланныя Обществомъ, его отчеты за 1813 и 1814 годы и статьи о цѣли и успѣхахъ Россійскаго библейскаго общества. Государь, выразивъ президенту Общества, князю Голицыну свое удовольствіе о трудахъ и успѣхахъ Общества, вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ ему предложить св. синоду „доставить и россіянамъ способъ читать Слово Божіе на природномъ своемъ россійскомъ языкѣ, яко вразумительнѣйшемъ для нихъ славянскаго нарѣчія, на коемъ книги Священнаго Писанія у насъ издаются“.

Сообщая св. синоду, 28-го февраля 1816 года, эту волю государя, кн. Голицынъ, въ качествѣ оберъ-прокурора св. синода, указалъ при этомъ, что „я въ церкви Греческой патріаршею грамотою одобрено народу чтеніе Священнаго Писанія Новаго Заѣта на повѣйшемъ греческомъ нарѣчій, вмѣсто древняго“, прибавивъ, что, „переложеніе священнаго текста на русскій языкъ можетъ быть издано для желающихъ отъ Россійскаго библейскаго общества, вмѣстѣ съ древнимъ славянскимъ текстомъ, подобно какъ издано уже съ дозволенія св. синода, посланіе къ Римлянамъ на славянскомъ и россійскомъ нарѣчій совокупно“. Предложеніе это было принято синодомъ. Находя, съ своей стороны, полезнымъ переложеніе Священнаго Писанія съ древняго славянскаго на русское нарѣчіе, для чтенія людямъ всякаго званія, синодъ опредѣлилъ: поручить комиссіи духовныхъ училищъ избрать въ Петербургской духовной академіи лицъ, способныхъ къ сему важному труду; самое же изданіе русскаго текста, вмѣстѣ

съ древнимъ славянскимъ, предоставить Россійскому Библейскому Обществу.

Дѣло перевода Священнаго Писанія на русскій языкъ комиссія духовныхъ училищъ поручила ректору С.-Петербургской духовной академіи архимандриту Филарету, съ прочими членами академіи, вмѣстѣ съ соблюденіемъ начертанныхъ на этотъ предметъ правилъ

Въ 1818 году напечатано было первое изданіе славяно-рускаго Четвероевангелія и немедленно же приступлено было ко второму изданію его. Первое и второе изданіе выпущены въ 10 тысячахъ экземпляровъ каждое. Въ слѣдующемъ 1819 году славяно-русское Четвероевангеліе вышло уже третьимъ изданіемъ, съ присоединеніемъ къ нему Дѣяній Апостольскихъ и предисловія, предварительно прочитаннаго и одобреннаго государемъ ¹⁾.

Предисловіе начинается такъ: „Словомъ Божиимъ все сотворено, и все сотворенное держится силою слова Божія. Для человѣка слово Божіе есть негнѣнное сѣмя, отъ котораго онъ возраждается изъ естественной въ благодатную жизнь; есть хлѣбъ, которымъ онъ духовно живетъ, и вода, которою утоляетъ духовную жажду; есть свѣтильникъ сіяющій въ темномъ мѣстѣ, пока прійдетъ разсвѣтъ и заря взойдетъ въ сердцѣ, и есть самый дневной свѣтъ, то-есть, живое и блаженное познаніе Бога и чудесъ Его во времени и въ вѣчности. Безъ слова Божія человѣкъ мраченъ, гладенъ, жаждущъ и мертвъ духовно“. Далѣе говорится, что слово Божіе открыто было сначала для еврейскаго народа, и что потому-то всѣ книги Ветхаго Завѣта написаны были первоначально по еврейски; но „когда, по предвѣденію и предопредѣленію Божію, настало время раздѣлить сокровище слова Божія и между прочими народами,—тогда еще до пришествія въ міръ Іисуса Христа святая книги еврейскія переведены были на греческій языкъ; а послѣ священныя книги Новаго Завѣта явились уже не на еврейскомъ, но на греческомъ языкѣ, такъ какъ болѣе прочихъ въ тѣ времена повсюду извѣстномъ, и поэтому болѣе способномъ къ распространенію слова Божія во всѣхъ народахъ. Сему указанію послѣдовали далѣе пастыри и учителя христіанской церкви, и слово Божіе переводами священныхъ книгъ съ давнихъ временъ осватило многіе языки, въ числѣ ихъ и отечественный нашъ славянскій. Но между тѣмъ какъ языкъ въ книгахъ неизмѣнно храниться можетъ

¹⁾ Чистовичъ, I, 36—45; Пыпинъ, въ авг. кн. *Вѣстн. Евр.* 1868 года, стр. 655—692.

многіе вѣки, языкъ въ устахъ народа въ одномъ вѣкѣ измѣняется много, и написанное за нѣсколько столѣтій на нашемъ отечественномъ языкѣ нынѣ намъ уже мало понятно безъ особеннаго изученія сего языка въ древнемъ его состояніи. Изъ сего открывается для безпрепятственнаго употребленія и распространенія Слова Божія необходимость не только переводить Священное Писаніе на отечественный языкъ, но и на семъ самомъ языкѣ отъ времени до времени возобновлять переводъ сообразно съ состояніемъ сего языка, въ его народномъ употребленіи. Необходимость сію давно уже видѣли предки наши, когда при перепискѣ славянскихъ священныхъ книгъ, нерѣдко замѣняли выпедшія изъ употребленія слова другими употребительнѣйшими, а иногда притомъ и сходственнѣйшими съ подлинникомъ... Нынѣ находящееся теперь въ употребленіи русское нарѣчіе столько уже удалилось отъ славянскаго, употребленнаго въ древнемъ переводѣ Священнаго Писанія, что дабы облегчить народу разумѣніе онаго уже недостаточна была бы переѣвна нѣсколькихъ древнихъ неупотребительныхъ словъ на новыя употребительныя, но требуется возобновленіе всего перевода сообразно съ настоящимъ состояніемъ русскаго нарѣчія. На сію потребность, прозорливо усмотрѣнную, дѣятельно указалъ благочестивѣйшій Государь Императоръ въ высочайшемъ повелѣніи своемъ объявленномъ святѣйшему синоду въ 23-й день февраля 1816 г... По сей христіюбивой волѣ благочестивѣйшаго монарха и по благословенію святѣйшаго синода и согласно съ требованіемъ обстоятельствъ и давно уже изъявленнымъ желаніемъ многихъ любителей Слова Божія, предпринять переводъ священныхъ книгъ на руссійское нарѣчіе"... Предисловіе это подписали: Михаилъ, митрополитъ Новгородскій и Санктъ-Петербургскій, Серафимъ, митрополитъ Московскій и Коломенскій и Филаретъ, архіепископъ Тверской и Кашинскій ¹⁾, 1819 г. марта 30-го дня.

Переводъ Священнаго Писанія на русскій языкъ, очевидно, соотвѣтствовалъ потребности народнои, какъ можно судить изъ того, что въ теченіе одного лишь 1818 года разошлось два изданія Четвероевангелія, а равно и изъ сочувственныхъ отзывовъ десяти іерарховъ русской церкви, приведенныхъ въ 6-мъ отчетѣ Русскаго библейскаго общества. „Сколь ни сближенъ славянскій языкъ съ руссійскимъ въ церковныхъ книгахъ нашихъ“, писалъ Анатолій, архіепископъ Мин-

¹⁾ Бывшій ректоръ С.-Петербургской духовной академіи и впоследствии митрополитъ Московскій.

скій,— „но многое для многихъ оставалось непонятнымъ даже и въ Евангеліи по непривычкѣ къ славянскимъ изреченіямъ: и отъ того святая истина не могла дѣйствовать на сердца читателей въ полной своей силѣ. Нынѣ и сіе препятствіе разрушено. Да кажется, языкъ живой и приличнѣе слову жизни. Слыша сіе слово на языкѣ нашемъ, тѣмъ паче можемъ увѣриться, что Богъ говоритъ къ намъ“.

Гендерсонъ разказываетъ, что во время путешествія своего по Россіи, когда онъ представилъ Евгенію (Казанцеву), епископу Курскому, экземпляръ вышедшихъ въ 1819 г. Евангелій, Апостольскихъ Дѣяній и десяти посланій на русскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ, то радость его была такъ велика, что онъ не могъ удержаться и, призвавъ на этотъ трудъ Божіе благословеніе, торжественно объявилъ, что ослибы только ему удалось держать въ рукахъ полный переводъ Св. Писанія на родномъ языкѣ, какъ нѣкогда Симеонъ держалъ въ рукахъ благословенный предметъ его свидѣтельства, то онъ, подобно ему, сказалъ бы: „Нынѣ отпушаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ, ибо видѣли очи мои спасеніе Твое“. „Уже тридцать лѣтъ“, прибавилъ онъ,— „онъ усердно молился, чтобы сдѣланъ былъ такой переводъ, такъ какъ въ древнемъ славянскомъ переводѣ есть много мѣстъ совершенно непонятныхъ“. Изданіе Слова Божія на родномъ языкѣ онъ уподоблялъ „восходящей зарѣ, предшествующей тому славному и свѣтлому дню, когда божественное слово будутъ читать всѣ и разумѣть и простія дѣти, къ коимъ преимущественно направлены глаголы живота вѣчнаго, но для коихъ доселѣ сои священныи источникъ закрытъ былъ древностью языка ¹⁾).

Въ 1821 г. окончить былъ русскій переводъ всѣхъ книгъ Новаго Завѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ (съ 1820 г.) приступлено было къ переводу книгъ Ветхаго Завѣта, при чемъ для ускоренія дѣла, трудъ этотъ раздѣленъ былъ между тремя духовными академіями (С.-Петербургскою, Московскою и Кіевскою). Переводчики, взявъ за основаніе еврейскій подлинникъ, пользовались пособіемъ греческаго текста, а также переводовъ нѣмецкаго и французскаго. Главнымъ дѣятелемъ здѣсь былъ архіепископъ Филаретъ, а за нимъ священникъ Г. П. Павскій. Прежде всего переведена и издана была книга псалмовъ (въ 1822 г.) и, съ соизволенія государя, напечатана на одномъ русскомъ языкѣ, безъ славянскаго текста. Переводъ сдѣланъ съ еврейскаго подлин-

¹⁾ Пимичъ, въ *Вѣстн. Евр.* ноябр. 1868, стр. 235, 236. Чистовичъ, стр. 45—48.

ника самимъ архіепископомъ Филаретомъ, и снабженъ предисловіемъ, имъ же составленнымъ, въ коемъ, въ объясненіе разности, мѣстами съ славянскимъ текстомъ, удостовѣрялась приводимыми примѣрами вѣрность русскаго перевода съ подлинникомъ. Предисловіе, одобренное государемъ, подписано было митрополитами С.-Петербургскимъ и Московскимъ и архіепископомъ Ярославскимъ. По поводу перевода Псалтири на совромениый русскій языкъ, Филаретъ писалъ къ князю Голицыну: „Благодареніе Богу, со дна на день страннѣе отверзающему дверь Своего слова для народа, не могущаго входить въ сіе святилище чрезъ узкіе и запутанные ходы ученаго нысканія“.

Въ томъ же 1822 г. отпечатанъ былъ впервые и полный Новый Завѣтъ въ русскомъ переводѣ (вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ). „Появленіе сихъ священныхъ книгъ“ (Новаго Завѣта и Псалтиря на русскомъ языкѣ), писалъ изъ Москвы Филаретъ, 7-го мая 1822 г.,— „произвело здѣсь между людьми всякаго званія особенную радость. Требования на оныя душеспасительныя книги столь много, что въ три дня по отпечатаніи Новаго Завѣта продано до 350 экземпляровъ и Псалтири 300 экземпляровъ“. Въ 1823 г. печаталось уже 12-е изданіе русскаго Псалтиря, этой любимой книги русскаго народа: въ теченіе двухъ лѣтъ разошлось его такимъ образомъ около 100.000 экземпляровъ, и около 50,000 экземпляровъ славяно-русскаго Новаго Завѣта. Въ томъ же 1823 г. приступлено было къ изданію Новаго Завѣта на одномъ русскомъ языкѣ, съ пояснительнымъ предисловіемъ, составленнымъ Филаретомъ и подписаннымъ, какъ имъ самимъ, такъ равно митрополитомъ С.-Петербургскимъ Серафимомъ и архіепископомъ Творскимъ Іоною.

Кромѣ Псалтиря, успѣли въ 1825 году перевести на русскій языкъ и отпечатать еще восемь книгъ Ветхаго Завѣта, а именно пять книгъ Моисеевыхъ, книгу Іисуса Навина, книгу Судей Израилевыхъ и книгу Руубъ: онѣ должны были составить первый изъ предполагаемыхъ пяти томовъ русской Библии.

Императоръ Александръ I продолжалъ относиться къ библейскому дѣлу съ возрастающимъ интересомъ. „Я не могу присутствовать въ высшихъ собраніяхъ“, сказалъ однажды императоръ предсѣдателю Общества, кн. Голицыну, — „но прошу васъ докладывать мнѣ о всемъ, что происходитъ въ Обществѣ замѣчательнаго. Съ сожалѣніемъ вижу“, прибавилъ императоръ, — „что, не взирая на всѣ ваши старанія, вы все-таки не въ состояніи удовлетворить всѣхъ требованій на

Св. Писаніе. Если у васъ недостаетъ денегъ или людей, скажите мнѣ, и вы ихъ получите¹⁾. Независимо отъ назначенныхъ Библейскому обществу ежегодно 10.000 р., Императоръ подарилъ ему, въ 1816 г., каменный домъ въ Петербургѣ²⁾ и всемилостивѣйше пожертвовалъ, кромѣ того, 15.000 р. на его передѣлку. Въ слѣдующемъ году и московскій комитетъ Общества получилъ въ даръ обширный каменный домъ.

По повелѣнію государя приобрѣтено было отъ Общества потребное количество Нового Завѣта (на 25.000 р.) для арміи, и сдѣлано распоряженіе по духовному вѣдомству о снабженіи книгами Св. Писанія всѣхъ монастырей, церквей и священнослужителей. вмѣстѣ съ тѣмъ въ училищахъ введено было ежедневное чтеніе Св. Писанія, какъ непремѣнное правило; а главнымъ правленіемъ училищъ изданы были для употребленія въ гражданскихъ училищахъ составленныя архіепископомъ Филаретомъ: „Чтенія изъ четырехъ Евангелистовъ и изъ книги Дѣяній Апостольскихъ“ и „Чтенія изъ историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта“³⁾.

Въ 1820 году главный комитетъ Общества издалъ „Воззваніе“, въ коемъ заключалось преимущественно приглашеніе къ чтенію Библіи, и напечаталъ его въ 80.000 экземпляровъ. Съ распространеніемъ свѣдѣній о Библейскомъ обществѣ, интересъ къ дѣлу его все возрасталъ, проникая и до низшихъ слоевъ народа. Освѣдомлялись „объ успѣхѣхъ переложенія Библіи на русскій языкъ“, настойчиво требовали священныя книги, появлявшіяся новыя изданія ихъ разбирали на расхватъ⁴⁾, и требованіе на Св. Писаніе съ каждымъ годомъ возрастало, такъ что Общество, какъ мы видѣли, не въ состояніи было своевременно удовлетворять ому. вмѣстѣ съ тѣмъ и донесенныя пожертвованія отъ лицъ разнаго званія текли обильно въ кассу Об-

¹⁾ *Paterson*, p. 267.

²⁾ На Екатерининскомъ каналѣ, близъ Лѣтняго сада. По закрытіи Русскаго Библейскаго Общества домъ вѣнотъ обращенъ подъ типографію 2-го отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи.

³⁾ *Чистовичъ* I, 48—64. *Лыпинъ*, стр. 681—693.

⁴⁾ О продажѣ русскаго перевода Нового Завѣта отчетъ за 1819 г. говоритъ: „Отпечатанные по нимъ тремя изданіями 30.000 экземпляровъ сего перевода подобны были только одному лучу, блеснушему по всему пространству земли, обитаемому русскими племенемъ. Но истрѣ разсылаи сихъ книгъ, желаніе имѣть оныя тѣмъ паче возрастаетъ: отосюду требуютъ ихъ многими сотнями и тысячами“. *Лыпинъ*, стр. 690, 692. *Чистовичъ* I, 49.

шества ¹⁾, давая ему средства вести дѣло свое въ широкихъ размѣрахъ. Дѣло это было насущною потребностью времени. Оно давало оружіе— живое слово Божіе—противъ глетворныхъ идей рационализма, весьма распространенныхъ тогда и въ нашемъ образованномъ обществѣ; оно будило въ народѣ долго бывшій въ усыпленіи библейскій духъ праотцевъ. Раздавались и голоса въ этомъ смыслѣ. Костромской епископъ Сергій, открывая мѣстное отдѣленіе Библейскаго общества, 14-го марта 1817 года, слѣдующими воодушевленными словами изображалъ предъ слушателями своими великое значеніе Слова Божія въ жизни человѣка и цѣлаго народа: „Слово Божіе есть небесное ученіе, откровенное на землѣ человѣкамъ въ Вѣхомъ Забѣтѣ чрезъ пророковъ, а въ Новомъ чрезъ апостоловъ, по внушенію и вліянію Святаго Духа, дабы люди, грѣшники, истинно познали Бога Отца, и „Его же послалъ есть въ міръ, Іисуса Христа“, и чрезъ то достигли своего спасенія. Оно божественно по своему началу, ибо происходитъ отъ Бога; свято по содержанію, ибо содержитъ святѣйшія таинства вѣры и высочайшія правила жизни; спасительно по концу, ибо ведетъ прямыми стезями къ вѣчной блаженной жизни. Оно есть тотъ небесный источникъ воды живыя, „отъ него же пійя не вжадется во вѣки“. Въ немъ содержитсяъ высочайшее ученіе о твореніи міра и человѣковъ, о паденіи прародителей чрезъ древняго змія, о искупленіи падшихъ чрезъ Сына Божія и спасеніи ихъ чрезъ вѣру. Богъ даровалъ намъ оное, яко безцѣнное сокровище и яко залогъ своей безпредѣльной любви и милосердія къ роду человѣческому. Оно есть свѣтъ сидящимъ во тмѣ, указаніе пути преходящимъ по стропотнымъ стезямъ жизни сея; истина—обманывающимся ложными призраками міра, животь (жизнь), избавляющій отъ смерти вѣчной. Оно есть гласъ Господа Вседержителя, изреченный во всеуслышаніе всей вселенной, гласъ, призывающій бѣдныхъ грѣшниковъ ко спасенію. „Придите ко мнѣ, глаголетъ Спаситель міра, вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы“. „Нѣсть иного имени подъ небосомъ, даннаго въ человѣцѣхъ; о немъ же подобаетъ спастися“, кромѣ имени Іисуса Христа. Такъ! Одно Слово Божіе могло показать намъ тѣ таинственныя отно-

¹⁾ Въ числѣ пожертвованій упоминаются деньги, присланные 400 крестьянами изъ одной деревни Воронежской губерніи, 500 р. золота опущенные неизвестнымъ въ кружку Общества, единственный рубль бѣдной женщины, пожертвованный ею по прочтеніи „Воззванія“, складчины воспитанниковъ, семинарій и духовныхъ училищъ. *Цыпинъ*, стр. 678, 692.

шенія и связи, которыя существуютъ между Божествомъ и человѣчествомъ: оно, съ одной стороны, открыло намъ всю бездну, въ которую мы низверглись паденіемъ праотцевъ, съ другой—показало предвѣчный и святѣйшій планъ Божій о нашемъ искупленіи. Оно открыло высочайшія и человѣческимъ умомъ непостижимыя тайнства, предписало спасительныя заповѣди, преподало божественныя правила вѣры и добродѣтелей. По сему-то апостолъ говоритъ: „Священная Писанія могутъ умудрити во спасеніе, вѣрую, яже во Христѣ Иисусѣ. Всяко бо Писаніе богодухновенно и полезно есть къ наученію, къ обличенію, ко исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ, да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ“. Послѣ сего можно ли сомнѣваться, чтобы распространеніе сего неоцѣнннаго сокровища между человѣками не было полезно? Опытъ показываетъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ болѣе читается Слово Божіе, люди дѣлаются честнѣе, справедливѣе и преклоннѣе къ добру; страсти направляются къ лучшимъ дѣламъ, пороки не столь сильно дѣйствуютъ, роскошь приводится въ предѣлы умѣренности, обманъ и коварство къ презрѣнію, гордость смиряется, а особливо зависть и злоба, сіи фурія, съ такою яростію терзающія человѣковъ, сильно упадаютъ. Ибо читающіе или слушающіе Слово Божіе на каждой страницѣ находятъ спасительныя правила жизни и поразительныя примѣры благочестія, преклоняющіе къ подражанію. Кромѣ того, Слово Божіе имѣетъ въ себѣ сокровенную силу, дѣйствующую чудеснымъ образомъ на исправленіе человѣческаго сѣрдца. Порфиросный пророкъ, оцущая сію истину, въ восторгѣ вопіялъ: „Законъ Господень непороченъ, обращаая души; свидѣтельство Господне вѣрно, умудряющее младенцы; оправданіи Господни права веселящая сѣрдце; заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщая очи“. Какое было бы блаженство на земли, какая мирная и безмятежная жизнь, еслибы чтеніе Слова Божія повсемѣстно распространилось!.. Ежели бы дружескія бесѣды, вмѣсто порицанія и злословія ближнихъ, украсились чтеніемъ и размышленіемъ Слова Божія! Но, къ сожалѣнію, мы видимъ совсѣмъ противное: книги Слова Божія, глаголы живота вѣчнаго, остаются какъ бы въ совершенномъ забвеніи а величайшій въ оныхъ недостатокъ поставляетъ иногда и самыхъ усердныхъ христіанъ въ невозможность пользоваться симъ неоцѣненнымъ сокровищемъ. Весьма рѣдкіе имѣютъ и читаютъ Библію. Въ книгохранилищахъ самыхъ просвѣщенныхъ людей, вы найдете Вольтера, Руссо, д'Аламбертъ и другихъ многихъ враговъ христіан-

ства и развратителей нравственности, а Библия; въ которой содержится и временное и вѣчное наше блаженство, встрѣтится вамъ весьма рѣдко. Что же сказать о низшемъ классѣ народа, который или по бѣдности, или по другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ совсѣмъ уже не имѣетъ способоу стяжать сіе сокровище? Онъ остается въ самомъ жалкомъ невѣжествѣ и заблужденіи. И не естественно ли тому заблуждать, кто не имѣетъ указателя истиннаго пути? Есть примѣры, что цѣлыя народы по причинѣ оскуднѣнія книгъ Св. Писанія впадали въ идолопоклонство. Не отъ того ли и у насъ умножились, до такой степени, расколы и разные суевѣрные толки?.. Ежели бы книги Слова Божія повсюду были распространены въ достаточномъ числѣ, то безъ сомнѣнія онѣ разсѣяли бы сію тьму заблужденій: ибо тьма при появленіи свѣта всегда исчезаетъ“¹⁾.

Подобнымъ образомъ высказывались и другіе архипастыри, при открытіи отдѣленій Библейскаго общества въ ихъ епархіяхъ. Раздавались сочувственныя библейскому дѣлу голоса и изъ среды мірянъ. Тверской губернаторъ Н. С. Всеволожскій, открывая, 1-го января 1818 года, мѣстное отдѣленіе Библейскаго общества, обратился къ собравшимся съ рѣчью, начинавшеюся такъ: „Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ“ (Псал. 18, 5). Такъ древле порфиросносный пророкъ предсказывалъ о посланникахъ Божіихъ, о святыхъ апостолахъ. Такъ и нынѣ сказать можно, что посѣянное ими сѣмя ученія Христова и въ наше время не престаётъ обильнѣйшую приносить жатву. Всѣмъ уже извѣстно, что въ обѣихъ столицахъ отечества нашего открыты Библейскія общества, а въ прочихъ почти всѣхъ губерніяхъ отдѣленія оныхъ. Повсюду читаютъ Библию, повсюду изучаются въ законѣ Божіемъ. Всѣ вообще, богатый и убогій, и даже самыя узники, въ темницахъ содержащіеся, нынѣ насыщаются ученіемъ Спасителя нашего!... Будемъ притомъ всѣ увѣрены“, заканчиваетъ онъ свою рѣчь, — „что цѣль учрежденія здѣсь отдѣленія Библейскаго общества клонится единственно къ душевной пользѣ собратій нашихъ, челоуѣковъ, и къ прославленію имени Искупителя, „пришедшаго въ міръ выскати и спасти погнѣбающихъ грѣшниковъ“²⁾.

Комитетъ Россійскаго Библейскаго Общества велѣ дѣятельную

¹⁾ См. пятый отчетъ комитета Россійскаго Библейскаго Общества, за 1817 г. Привавленіе, стр. 16—19.

²⁾ Тамъ же стр. 123—125.

переписку не только съ его отдѣленіями, но и съ иностранными библейскими обществами: взаимно дѣлились радостными извѣстіями, подкрѣпляя другъ друга къ ревностному служенію библейскому дѣлу. Такъ секретарь Британскаго библейскаго общества, въ письмѣ отъ 4-го іюля 1817 г. описывая поѣздку свою по Англии для возбужденія и поддержанія интереса къ библейскому дѣлу, сообщаетъ услышанный имъ, при открытіи Гарвичскаго библейскаго общества, разказъ одного флотскаго офицера: „Двадцать два года“, говорилъ онъ, — „служу я моему королю и отечеству. Я былъ въ Египтѣ, въ Даниі, въ Испаніи, въ Португаліи, на островѣ Мадерѣ и во многихъ другихъ странахъ и изъ собственнаго опыта засвидѣтельствовать могу, сколь много добра сдѣлала Библия въ разныхъ странахъ свѣта. Одному изъ собственннхъ моихъ подчиненныхъ, котораго никакія наказанія не могли исправить, далъ я наконецъ читать Библию, и онъ совсѣмъ перемѣнился. При штурмѣ одного укрѣпленія былъ я раненъ, и тогда запывшись прилежно чтеніемъ сей священной книги, получилъ я отъ того такое подкрѣпленіе, утѣшеніе и надежду, что никакой языкъ человѣческій того описать не въ состояніи“. Въ другихъ письмахъ изъ того же источника и того же года сообщается что „печтается одно изданіе Новаго Завѣта за другимъ на китайскомъ языкѣ“, что „Св. Писаніе издано уже болѣе нежели на 20 остъ-индскихъ языкахъ“, что „около 500 идолопоклонниковъ въ г. Дели единодушно рѣшились отвергнуть обряды и нечѣности язычества и принять Богочестіе, Библией научаемое, единственно потому, что они читали нѣкоторыя части Св. Писанія, данныя имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ однимъ миссіонеромъ“. Съ радостью сообщается далѣе, что „многіе изъ католическаго духовенства въ Германіи, Швейцаріи и даже во Франціи и Италіи усердно желаютъ всеобщаго распространенія чтенія Священнаго Писанія“, что „въ Неаполѣ издается нынѣ, съ дозволенія правительства, 5.000 экземпляровъ италіанскаго Новаго Завѣта“, что въ Германіи римско-католическій священникъ Леандръ фанъ-Эссъ (извѣстный переводчикъ Библии) въ немногіе мѣсяцы распространилъ не менѣе 40.000 экземпляровъ Св. Писанія. Приводится выписка изъ письма извѣстнаго католическаго священника Госнера, изъ Мюнхена: „Не возможно описать, какое благословеніе, какая радость изливается повсюду отъ Новаго Завѣта. Опій оказывается вчера, днесъ и во вѣки точнымъ Словомъ Божиимъ. Я скажу одинъ примѣръ. Одна служанка читала порѣдку ховяину слосму, доброму пожилому мѣща-

нину, Новый Заветъ. Человѣкъ сей, не слыхавшій дотолѣ ничего подобнаго, былъ столько тѣмъ тронуть и размягченъ, что не захотѣлъ болѣе ничего слушать, кромѣ Слова Божія, и ему не могли уже ничѣмъ такъ услужить, какъ чтеніемъ Новаго Завета; когда же читали оный, то слезы катились по его щекамъ "... Онъ умеръ, радуясь, что сподобился подобно Симеону, „въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ увидѣть и услышать слова Бога и Спасителя“.

Описывая годовое собраніе (въ 1817 г.) Британскаго библейскаго общества, секретарь его приводитъ произнесенныя при этомъ рѣчи и, между прочимъ, рѣчь одного изъ королевскихъ министровъ, лорда Гаровби, друга великаго Питта: „Къ стыду моему“, сказалъ онъ, — „признаться я долженъ и повиниться въ томъ, что ранѣе не обратилъ надлежащее вниманіе на Великобританское и другія иностранныя Библейскія Общества и не посвятилъ онымъ зависящаго отъ меня вспоможенія. По истинѣ я самъ съ трудомъ могу себя изъяснить тому причину. Тогда только вмѣнилъ я себя въ обязанность короче познакомиться съ духомъ, основными правилами и дѣятельностью сего общества, когда нѣкоторые явно пачали противъ оныхъ возставать. Это побудило меня къ прочтенію всѣхъ книгъ, писанныхъ какъ въ пользу, такъ и противу оныхъ обществъ, и слѣдствіемъ точнѣйшихъ о семъ предметѣ изслѣдованійбыло то, что я нашелъ оныя не токмо не безполезными, но напротивъ весьма благодѣтельными, какъ для святой церкви, такъ и для cadaго государства вообще“. „Никакія слова“, прибавляетъ корреспондентъ, — „не въ состояніи выразить того впечатлѣнія, какое произвела сая рѣчь, съ величайшимъ спокойствіемъ и убѣжденіемъ, а притомъ весьма сильно и съ чувствомъ произнесенная“. Другой ораторъ, адмиралъ Сомарецъ „объявилъ, что онъ въ продолженіе многолѣтней своей на морѣ службн опытомъ дозналъ, что тѣ изъ матросовъ, которые прилежнѣе прочихъ читаютъ Библию и согласнѣе съ совѣстію оной слѣдуютъ, не токмо суть самые добпорядочные и послушные, но, въ часы опасности, самые неустрашимѣйшіе и храбрые люди“¹⁾.

Съ исходомъ 1822 года исполнилось десятилѣтіе существованія Россійскаго Библейскаго Общества. Изъ обзора дѣятельности Общества съ учрежденія его по 1823 г. напечатаннаго въ „Извѣстіяхъ о Библейскихъ Обществахъ“ (замѣнившихъ годовые отчеты), видно, что

¹⁾ См. 5-й год. отчетъ ком. Россійскаго Библейскаго Общества въ приложеніяхъ, стр. 51—56, 138—144.

въ теченіе этого времени открыто было 57 отдѣленій Общества и 282 сотоварищества, всего 289 сотрудническихъ комитетовъ; получено денежныхъ суммъ (частью пожертвованій, частью за проданныя св. книги) 3.421.938 р.; израсходовано 3.339.637 р.; напечатано св. книгъ 655.486 экземпляровъ ¹⁾ на 26 различныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ; приобрѣтено покупкою или получено въ даръ 49.346 экземпляровъ на 15 языкахъ, всего заготовлено 704.831 экземпляръ Св. Писанія (на 2.695.221 р.) ²⁾ на 41 языкѣ, въ томъ числѣ впервые сдѣланные Россійскимъ Библейскимъ Обществомъ переводы на 12 слѣдующихъ языковъ: русскій, калмыцкій, корельскій, монголо-бурятскій, мордовскій, самогитскій, турецкій (армянскими буквами), татарскій, татаро-турецкій, татарско-оренбургскій, черемисскій и чувашскій. Кромѣ того, приготовлялось къ печати Евангеліе отъ Маттея на зырянскомъ нарѣчій въ новомъ переводѣ, вышедшее въ слѣдующемъ 1823 году, и переводилось Евангеліе на вотяцкое, самоѣдское, киргизское, остяцкое, вогульское и монголо-бурятское нарѣчія.

Св. Писаніе переводилось на языки многочисленныхъ инородцевъ, язычниковъ и магометанъ, съ цѣлю этимъ путемъ обратить ихъ въ христіанство. И это дѣло, по видимому, возбуждало между ними живой интересъ. Такъ сибирскіе буряты, познакомившись съ близкимъ для нихъ по языку калмыцкимъ переводомъ Евангелія отъ Маттея, стали сначала переписывать его своими буквами, а затѣмъ, сдѣлавъ складчину въ 11.480 р., послали двухъ своихъ зайсановъ въ Петербургъ, чтобы тамъ, подъ руководствомъ члена Библейскаго общества Шмита, переводившаго другія Евангелія на калмыцкій языкъ, перевести все Четвероэвангеліе на ихъ монголо-бурятскій языкъ. „Они производятъ сію“, говоритъ отчетъ (1818 г.),— „съ такимъ понятіемъ и смысломъ, что возбуждаютъ удивленіе... Сіи буряты признали, что „рѣчи Іисусовы чрезвычайно хороши“... Притомъ извѣстно, что князи и ламы ихъ поручили имъ достать наивозможно подробнѣйшее свѣдѣніе о духѣ и разумѣ Евангелія“. Въ томъ же году касимовскіе татары, собравъ податкою 110 р., просили мѣстное отдѣленіе доставить имъ на эту сумму книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта на татарскомъ языкѣ. Вообще же расходи-

¹⁾ Въ томъ числѣ въ Петербургѣ напечатано 513.486 экземпляровъ, въ Москвѣ 62,000 экземпляровъ.

²⁾ Изъ этого количества распространено было около 400 т. экземпляровъ и въ томъ числѣ роздано бездѣшежно около 30 т. экземпляровъ.

лось Св. Писанія на татарскомъ языкѣ до 3.000 экземпляровъ въ годъ. Шотландскій миссіонеръ Фраверъ писалъ (въ 1817 г.) изъ Оренбурга: „Калмыки весьма охотно читаютъ полученныя Евангелія (на калмыцкомъ языкѣ) и съ большимъ усердіемъ спрашиваютъ, когда можно надѣяться получить имъ и полный Новый Загѣтъ“. Въ 1819 году Курмишское сотоварищество (въ Симбирской губерніи) сообщало, что „добрые чуваши, въ языческомъ суевѣрїи утопавшіе и не слыхавшіе доселѣ слова Закона Божія, начинаютъ внимать оправданію и судьбамъ Божиимъ на собственномъ своемъ языкѣ ¹⁾, и многіе изъ нихъ пожелали обучать дѣтей своихъ грамотѣ“. Сотоварищество положило выстроить на собственный счетъ школу въ одномъ изъ чувашскихъ селеній.

Кмѣствъ съ распространеніемъ Св. Писанія, по примѣру и при содѣйствіи Британскаго библейскаго общества заводились также школы для бѣдныхъ воскресныя и такъ-называемыя „ланкастерскія“ ²⁾, въ евангельскомъ духѣ, и евангелическія миссіи среди инородцевъ, въ разныхъ частяхъ имперіи: близъ Сарепты, на Кавказѣ, въ Оренбургѣ ³⁾, въ Восточной Сибири.

Тогдашній С.-Петербургскій митрополитъ Михаилъ, состоявшій вице-президентомъ Библейскаго общества, своими проповѣдями, которія онъ говорилъ при каждомъ служеніи привлекалъ массы народа. По его предложенію св. синодомъ приняты были мѣры къ усиленію церковнаго проповѣдничества. Вызывались и изъ-за границы извѣстные проповѣдники, какъ Линдль, Госнеръ, вокругъ которыхъ собиралось также множество слушателей. Библейскими же дѣятелями,

¹⁾ На чувашскій языкъ переведенъ былъ весь Новый Загѣтъ и напечатанъ русскими буквами.

²⁾ Основанная въ Петербургѣ ланкастерская школа процвѣтала еще въ пятидесятихъ годахъ. Въ ней обучалось до 200 мальчиковъ и дѣвочекъ подъ руководствомъ учительницы съ двумя помощницами. Каждая сямья составляла особую группу. Школа помѣщалась въ Новомъ персулѣ (у Свяга моста) въ особомъ для того приспособленномъ домѣ; она удержалась и понынѣ, хотя и не въ прежнихъ уже размѣрахъ.

³⁾ На Кавказской линіи, въ м. Киррасѣ, первоначально основана была шотландская миссіонерская колонія для обращенія инородцевъ. Позже (1816 г.) она перенесла свою дѣятельность въ Оренбургъ, гдѣ шотландскіе миссіонеры занялись издаваніемъ Св. Писанія на татарскомъ (собственно для киргизовъ) языкѣ; мѣсто же ихъ на Кавказѣ, именно въ Шемахѣ, заняли базельскіе миссіонеры, извѣстные гр. Заремба и Дитрихъ.

учреждены были: общество попечительное о тюрьмахъ и инвалидныхъ капиталъ ¹⁾.

Юбилейный 1822 годъ заключалъ собою постепенное возрастаніе дѣятельности Россійскаго Библейскаго Общества. Но съ слѣдующаго года дѣятельность его начинаетъ постепенно упадать. Приходъ денегъ не уменьшался, но книгъ распространялось уже несравненно менѣе. Въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ открыто лишь одно новое отдѣленіе (58-е) Общества (въ Оренбургѣ). Изданы были оконченные переводы Евангелія отъ Матвея на зырянскій и ново-болгарскій ²⁾ языки; приготовлялись къ изданію оконченные переводы Евангелій отъ Матвея и отъ Марка на вотяцкій языкъ и всего Новаго Завѣта на осетинскій языкъ; приготовлялся также переводъ Новаго Завѣта на киргизскій языкъ. Сдѣлано было новое изданіе русскаго Псалтиря, напечатаннаго прекраснымъ крупнымъ шрифтомъ, для читателей со слабымъ зрѣніемъ. Продолжался переводъ на русскій языкъ Пятикнижія Моисеева. Въ 1824 году окончено было компактное изданіе Новаго Завѣта на одномъ русскомъ языкѣ, in-12° (въ количествѣ 20,000 экз.) и поступили въ петербургскій комитетъ нѣкоторыя части Св. Писанія на русскомъ языкѣ выпуклыми буквами для слѣпыхъ ³⁾.

Въ этомъ же (1824) году кн. Голицынъ уволенъ былъ отъ званія президента Россійскаго Библейскаго Общества, которое, просуществовавъ еще, номинально, около двухъ лѣтъ, окончательно было закрыто въ 1826 году ⁴⁾.

¹⁾ Первое — *Венникомъ*, а второй *Поміанъ-Пезаровіусомъ*.

²⁾ Переводъ Евангелія на ново-болгарскій языкъ былъ сдѣланъ по просьбѣ экзарха Кишиневскаго Гавріила, который писалъ въ петербургскій комитетъ, что единоувѣрный нашъ народъ, болгаре „не понимаютъ Св. Писанія на славянскомъ языкѣ“.

³⁾ Это изданіе приготовила одна дѣвица Анна Иманлова, которая вмучилась этому печатанію въ Петербургскомъ институтѣ слѣпыхъ.

⁴⁾ См. *Дмиина* стр. 676—712. 5-й год. отчетъ Библейскаго Общества, стр. 109, и прибавл. стр. 84. Исторія перевода Библии на русск. языкъ *Чистовича* I, 49—85. *Paterzon*, p. 366. Съ 1823 г. изданіе годовыхъ отчетовъ преобразуется; съ января 1824 г. оно замѣняется періодическимъ изданіемъ „Извѣстія о Библейскихъ Обществахъ“.

Приверженцы и противники библейскихъ обществъ.—Великія средства Россійскаго Библейскаго Общества и сложныя причины его быстраго паденія.— Результаты его 13-ти-лѣтней дѣятельности.

Распространеніе Библіи въ народѣ, какъ на западѣ, такъ и у насъ, находя, съ одной стороны, восторженныхъ почитателей и самоотверженныхъ дѣятелей, съ другой—встрѣчало непримиримыхъ противниковъ и порицателей. Оппозиція шла изъ двухъ противоположныхъ лагерей. Одни—поклонники рационализма,—съ пренебреженіемъ и насмѣшкой относились къ Библіи, какъ къ книгѣ устарѣлой, не соотвѣтствующей болѣе вѣку „просвѣщенія и философіи“; иные изъ нихъ могли даже смотрѣть на Библію, какъ на книгу, питающую обскурантизмъ; впрочемъ, съ этой стороны оппозиція была лишь пассивная. Другіе,— и отъ нихъ шла главная и дѣятельная оппозиція—были ревностные приверженцы церкви, въ той ея формѣ, какъ она установилась вѣками, съ ея обычаями и преданіями. Всякое отступленіе отъ установившагося порядка казалось имъ новшествомъ, колебавшимъ всю церковную систему, временемъ освященную. Такъ папа Пій VII, поступая въ духѣ католической церкви, запрещающей мірянамъ пользоваться Библіею не иначе какъ лишь съ разрѣшенія духовника, издалъ около 1820 года противъ библейскихъ обществъ буллу, въ которой называлъ ихъ „ненавистнѣйшимъ изобрѣтеніемъ, которое надобно всячески истреблять“. Между тѣмъ библейское дѣло находило себѣ ревностныхъ приверженцевъ въ средѣ самого католическаго духовенства; таковы были извѣстные католическіе священники этого времени: Боосъ, Линдль, Госнеръ, фанъ-Эссъ. Последний сдѣлалъ новый, весьма цѣнный переводъ Библіи съ еврейскаго подлинника на нѣмецкій языкъ и издалъ собраніе отзывовъ отцовъ церкви о Священномъ Писаніи, показывавшихъ, что они не запрещали, а напротивъ поощряли чтеніе Библіи ¹⁾. Въ Россійскомъ Библейскомъ Обществѣ однимъ изъ вице-президентовъ его былъ митрополитъ римско-католической церкви въ Россіи, извѣстный филантропъ Сестренцевичъ-Богущъ и оставался имъ до конца. Подъ его главнымъ надзоромъ производилось печатаніе польскаго Поваго Завѣта, и съ его же разрѣшенія отданъ былъ въ печать рукописный

¹⁾ *Leander van Ess*, Auszüge aus den heil. Vätern über das nothwendige und nützliche Bibellesen. 2-te Aufl. 1816.

переводъ Новаго Завѣта на литовско-жмудскій языкъ, представленный ему, въ 1814 году, католическимъ епископомъ Самогитскимъ кн. Іосифомъ Гедройцемъ. Въ 1821 году наконецъ отпечатана была и полная польская Библия ¹⁾, не смотря на запрещеніе этого изданія папою Піемъ VII еще въ 1816 году, когда стали выходить первыя книги ея,—запрещеніе, повторенное папою Львомъ XII (въ 1824 г.) и послѣдующими папами.

Въ самой Англійи даже явились противники библейскаго дѣла изъ среды господствующей (епископальной) церкви, хотя между дѣятелями Библейскаго Общества были представители также и этой такъ-называемой „высокой“ церкви (High church). Они говорили, что Библия заключаетъ въ себѣ многое, что простой читатель не всегда можетъ правильно понять, „что нельзя перевести Библии на всѣ существующіе языки, что для грубыхъ племенъ, которымъ Общество хочетъ дать прямо Библию, нужнѣе не книга, а наставникъ, тѣмъ болѣе, что грубые языки невѣжественныхъ племенъ еще должны быть значительно обработаны, чтобы переводъ Библии былъ возможенъ“ ²⁾. Защитники библейскаго дѣла отвѣчали на это, что наставники, бо въ сомнѣнія, необходимы; но объ учителяхъ для народа должно заботиться государство, о миссіонерахъ—церковь, а частное общество, каково Библейское, будетъ заботиться только о томъ, чтобы учителя и миссіонеры имѣли главнѣйшее воспитательное средство, которое и есть Библия ³⁾.

И Россійское Библейское Общество имѣло противниковъ съ самаго почти начала его дѣятельности. Такъ, на годовомъ собраніи 15-го іюня 1816 г. президентъ его въ рѣчи своей счелъ нужнымъ сказать: „Горестно мыслить, что есть еще люди, которымъ простота сего дѣла непонятна, и которые посему, не мысля о спасительномъ употребленіи Св. Писанія, промышляютъ возможныя его злоупотребленія и, не желая примѣчать всѣмъ открытаго дѣйствования Библейскаго общества, ищутъ сокрытыхъ цѣлей, которыхъ оно, по существу своего

¹⁾ Первая Библия въ переводѣ на польскій языкъ издана въ 1564 году кн. Радзивилломъ. Новыхъ изданій съ тѣхъ поръ не дѣлалось, такъ что она стала библиографическою рѣдкостью.

²⁾ Англійскимъ богословамъ, по видимому, были неизвѣстны какъ фактъ перевода Библии Кирилломъ и Меодіемъ на языкъ народа, не имѣвшего даже собственной грамоты, такъ равно и тѣ благословенныя плоды, какіе переводъ этотъ принесъ въ наше отечествіе, конечно, при содѣйствіи проповѣди и школы.

³⁾ *Письма въ Вѣстк. Евр.* 1868 г., авг., стр. 651—697.

устроенія, имѣть не можетъ". Этого же предмета, но болѣе обстоятельно, коснулся и Московскій викарій епископъ Аванасій въ годовомъ собраніи Московскаго отдѣленія (въ началѣ 1823 г.) Указавъ на успѣхи Россійскаго Библейскаго Общества, онъ говорилъ: „Привсемъ томъ, вѣроятно, есть еще люди, которые, не примѣчая дивныхъ дѣлъ Божіихъ, совершающихся на лицѣ всея земли во дни наши, недоумѣваютъ и о дѣлѣ повсемѣстнаго распространенія священныхъ книгъ, опасаются, чтобы Библия, сію побосною сокровище, порождая въ народныя руки, не потеряла существенной цѣны своей; чтобы содержащееся въ ней, а особенно въ Ветхомъ Заветѣ, многое для многихъ невразумительное и съ нынѣшними нравами не согласное, не послужило соблазномъ для неопытныхъ... Опасеніе благонамѣренное,—по крайней мѣрѣ, мы охотно вѣримъ, что оно благонамѣренно,—впрочемъ едва ли не чрезъ мѣру боязливое. Не удивительно, если при чтеніи Св. Писанія могутъ иногда соблазняться тѣ, которыхъ воображеніе уже нечисто и сердце готово послѣдовать мечтаніямъ такового воображенія, или тѣ, которые читаютъ оное для одного любопытства или по другимъ еще менѣе извинительнымъ побужденіямъ... Но тотъ, кто будетъ приступать къ чтенію Библии съ чистымъ сердцемъ, тотъ найдетъ въ ней наставленіе для себя, а непонятное или кажущееся страннымъ отложить до тѣхъ поръ, пока вразумится самъ или получить вразумленіе отъ знающихъ". Наконецъ ораторъ указывалъ, что вообще не довольно распространять Библию или имѣть ее, что она не принесетъ пользы, если имѣющіе будутъ употреблять ее „нечистыми руками и неискреннимъ сердцемъ“, но что „Слово Божіе для читающихъ и учающихся въ ономъ со смиреніемъ духа, въ чистотѣ и простотѣ сердца, есть неисчерпаемый источникъ всякія истины, надежный вождь въ таинственныхъ путяхъ благодати, небесный свѣтъ, просвѣщающій тьму души нашея, божественная сила, укрѣпляющая слабую вѣру нашу, непреложный путь, ведущій къ настоящему и грядущему блаженству“¹⁾.

Противники Библейскаго общества были глухи ко всѣмъ подобнымъ доводамъ въ пользу народнаго употребленія Библии, и вражда ихъ противъ Библейскаго общества не утихала, но еще возрастала, вызываемая нѣкоторыми неблагоприятными дѣйствіями князя Голицына и его друзей. Къ святому дѣлу примѣшались человѣческія слабости и заблужденія, повредившія дѣлу и давшія оружіе въ руки противниковъ его.

¹⁾ Тамъ же, стр. 672—706.
часть ССЛІХ, отд. 2.

Едва ли можно встрѣтить въ исторіи другой примѣръ благотворительнаго общества, такъ благопріятно обставленнаго съ самаго начала, съ такими средствами и свободою дѣйствія, какъ Россійское Библейское Общество. Во главѣ его стояло ближайшее къ государю лицо, другъ его юности, принимавшій въ дѣлѣ Общества живѣйшее участіе и оказывавшій ему могущественное содѣйствіе по званію начальника двухъ вѣдомствъ (духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія), тѣхъ именно, вѣдѣнію коихъ подлежала дѣятельность Общества. Самъ императоръ живо интересовался успѣхами Общества, оказывалъ ему щедрое пособіе и свое высокое покровительство. Всѣ власти духовныя и свѣтскія, по приглашенію именитаго президента Общества, вступали въ члены его, приглашая съ своей стороны, къ тому же подвѣдомственныхъ имъ лицъ. Общество разрасталось съ быстротою, изумлявшею иновѣрныхъ дѣятелей библейскихъ, и обильныя пожертвованія широкими потоками текли въ кассу его. И однакоже, едва отпраздновавъ свое первое дѣсятилѣтіе, Общество стало клониться къ упадку и черезъ четыре года было закрыто.

Много сложилось обстоятельствъ, вызвавшихъ прекращеніе дѣятельности Общества, имѣвшего, по видимому, всѣ задатки для славнаго и долговѣчнаго существованія. Иновѣрное происхожденіе Общества, большая доля участія въ дѣлѣ его англійскихъ агентовъ,—уже это одно возбуждало недовѣріе въ иныхъ умахъ. Соблазномъ было и то, что Библія переводилась и издавалась не св. синодомъ, а свѣтскимъ обществомъ, гдѣ лютеране и католики, квакеры и масоны засѣдали рядомъ съ православными іерархами и священнослужителями. Но особенно возмущало строго-православныхъ изданіе, подъ покровительствомъ кн. Голицына, книжockъ мистическаго содержанія. Религіозно-мистическая литература возникла на западѣ, какъ реакція, съ одной стороны, противъ вышней (лицемѣрной) набожности послѣднихъ годовъ царствованія Людовика XIV, вліявшей и на всю западную Европу, съ другой—противъ рационализма и невѣрія, распространенныхъ „философами“ XVIII вѣка. Таковы были сочиненія Сен-Мартена, г-жи Гюбонъ, Дютца, Юнга Штиллинга, Эккартсгаузена и др. Вышней церкви они противопоставляли „внутреннюю“, невѣрію—мистическую вѣру. Книги эти переводились теперь на русскій языкъ ¹⁾. Къ нимъ надобно присоединить еще журналъ Сіонскій

¹⁾ Они перечислены и отчасти разобраны въ Исторіи русскаго перевода Библии, *Чистовича*, I, 129—148.

Вѣстникъ, издававшійся однимъ изъ директоровъ Общества Лабзинъ. Въ этихъ изданіяхъ, весьма неравнаго впрочемъ достоинства, рядомъ съ мыслями возвышенными и назидательными встрѣчались мысли новыя, смѣлыя, мечтательныя, казавшіяся опасными для православія. А какъ книжки эти переводились и издавались лицами, принадлежавшими къ Библейскому обществу, подъ покровительствомъ президента его, то дѣло это поставлено было въ вину Библейскому обществу, давъ мысль заподозрѣть въ немъ тайное намѣреніе подорвать древнее православіе. Надобно еще сказать, что кн. Голицынъ всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами содѣйствовалъ свободному печатанію и возможно большому распространенію этихъ изданій. Такъ, по его распоряженію, книги эти, вопреки правилу, рассматривались и разрѣшались къ печати не духовною, а свѣтскою цензурою, а затѣмъ въ большомъ количествѣ разсылались по учебнымъ заведеніямъ духовнаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщенія. На оборотъ, сочиненія, заключавшія въ себѣ возраженія противъ вышеозначенныхъ изданій и порицаніе ихъ, цензурою не пропускались, и когда одно изъ такихъ сочиненій ¹⁾, написанное, правда, въ очень рѣзкомъ тонѣ, было цензоромъ (архим. Иннокентіемъ) пропущено, то цензоръ былъ удаленъ, а книга запрещена. Подобныя дѣйствія министра производили, конечно, раздраженіе въ противной партіи; съ другой стороны, не допуская критики своихъ воззрѣній и дѣйствій, кн. Голицынъ и друзья его тѣмъ самымъ лишали себя своевременныхъ и полезныхъ предостереженій, которыя могли бы предохранить ихъ отъ естественныхъ увлеченій и неизбежныхъ ошибокъ односторонняго воззрѣнія. Такъ въ „правилахъ общества“ сказано было, что Общество распространяетъ Св. Писаніе „безъ всякихъ на оное примѣчаній и поясненій“ ²⁾. Правило это слѣпо заимствовано было изъ устава „Британскаго и иностраннаго Библейскаго общества“. Но тамъ оно было умѣстно: Общество, раскинувшее свою дѣятельность на весь міръ, нуждавшееся поэтому въ содѣйствіи христіанъ всѣхъ вѣроисповѣданій для привлеченія ихъ къ участию въ этомъ дѣлѣ, естественно должно было устранить то, что могло препятствовать вступленію въ Общество, а именно толкованіе на Св. Писаніе, которое всегда могло возбудить конфессіональные споры и по-

¹⁾ *Евставій Станевичи* Беседа на гробъ младенца о безсмертіи души.

²⁾ *Вѣстникъ Европы*, 1868, авг., стр. 660. *Чистовичъ*, Ист. перевода Вибліи, I, 74.

вести къ раздѣленію. Но Россійское Библейское Общество, имѣвшее главнымъ предметомъ своимъ Россію, не нуждалось въ подобномъ правилѣ. Мы знаемъ, что наши предки постоянно пользовались Св. Писаніемъ вмѣстѣ съ толкованіемъ на него, и мы видѣли, какіе благіе плоды принесло это у насъ въ первыя времена по введеніи христіанства. Да трудно и отрицать пользу изъясненія Св. Писанія.

Британское библейское общество хотѣло соединить подъ знаменемъ Евангелія всѣхъ христіанъ, не нарушая ихъ конфессіональныхъ различій. Наши библейскіе дѣятели, въ своемъ увлеченіи, пошли далѣе: „Небесный союзъ вѣры и любви“, говорилось въ отчетѣ Россійскаго Библейскаго Общества за 1818 г.,—„учрежденный посредствомъ библейскихъ обществъ, въ великомъ христіанскомъ семействѣ, открываютъ прекрасную зарю брачнаго дня христіанъ, и то время, когда будетъ единъ Пастырь и едино стадо, то-есть, когда будетъ одна божественная христіанская религія во всѣхъ, различнаго образованія, христіанскихъ исповѣданіяхъ¹⁾. И наша церковь ежедневно молится „о Святыхъ Божіихъ Церквѣхъ и соединеніи всѣхъ“. Соодинонію всѣхъ христіанъ въ единой истинной церкви есть желанію всѣхъ благочестивыхъ душъ; но если разумѣть подъ этимъ сліянію всѣхъ христіанскихъ церквей, большихъ и малыхъ, въ одну видимую церковь, съ изглаженіемъ конфессіональныхъ различій, то это—мечта, несбыточная въ настоящемъ мірѣ и осуществимая лишь въ мірѣ будущемъ. А между тѣмъ мечта эта колебала существующую церковь, вызывая преувеличенныя опасенія и вражду противъ Библейскаго общества.

Въ вину президенту Библейскаго общества ставили и то, что въ подчиненныхъ ему двухъ вѣдомствахъ онъ выдвигалъ впередъ лишь членовъ Библейскаго общества, давая имъ вліятельныя мѣста. Кн. Голицынъ дѣлалъ это съ цѣлью сообщить народному просвѣщенію рѣшительный христіанскій характеръ; подобное исключительное покровительство „благочестивымъ“, иногда въ ущербъ самому дѣлу, могло породить (и дѣйствительно порождало) лицемѣровъ, подлаживавшихся подъ религіозныя воззрѣнія министра, чтобы подъ его покровительствомъ достигнуть собственныхъ честолюбивыхъ цѣлей²⁾. Крутыя мѣры противъ свободы мысли приписались въ особенности ли-

¹⁾ Ист. перевода Библии, I, 75.

²⁾ Нѣкоторые изъ нихъ потомъ, когда вліяніе кн. Голицына было поколеблено и положеніе его сдѣлалось шаткимъ, перешли на сторону противниковъ Библейскаго общества, и стали въ первые ряды ихъ.

цами названной категоріи. Это вызывало негодованіе въ большинствѣ образованнаго сословія, проникнутаго вольномысліемъ XVIII вѣка и переносившаго свои антипатіи и на все Библейское общество, изъ среды коего являлись подобныя дѣятели.

Подъ покровительствомъ кн. Голицына возникли также разныя религіозныя общества съ мистическимъ характеромъ, между прочимъ очень извѣстныя въ свое время собранія у г-жи Татариновой (въ Петербургѣ), припавшія постепенно очень странное направленіе. На этихъ собраніяхъ нерѣдко бывалъ и президентъ Библейскаго общества. Въ жару борьбы библейскіе дѣятели приписывали оппозицію имъ ихъ противниковъ своимъ исключительно вліянію „царства тьмы“ и „врага челоувѣковъ“, а другихъ обвиняли въ „распространеніи понятій разрушительныхъ для общественнаго порядка и благосостоянія“. Раздраженные противники платили имъ тою же монетой и, не отдѣляя сущности библейскаго дѣла отъ привнесенныхъ въ него нездоровыхъ элементовъ, ввели на извѣстныхъ библейскихъ дѣятелей, а затѣмъ и на все Библейское общество, самыя жестокія обвиненія. Они—„истинные враги всякаго положительнаго порядка“, „друзья мрака“, они „присвоиваютъ себѣ самыя священныя имена, чтобы захватить власть и подкопать существующій порядокъ въ самомъ основаніи“¹⁾; революціонеры подѣ личиною благочестія, они замышляютъ „низверженіе вѣры и революцію“. Впрочемъ и враги Библейскаго общества не были безусловно противъ распространенія Библии въ народѣ, хотя это и казалось имъ дѣломъ необычнымъ; не были они безусловно и противъ перевода Библии на русскій языкъ, хотя симпатіи ихъ были къ славянской рѣчи, которая казалась имъ сильнѣе, соответственнѣе предмету и по времени ближе къ подлиннику, только требовали въ этомъ дѣлѣ „благоразумной осторожности“, чтобы нѣкоторые невѣжды не сочли это „новымъ развратомъ вѣры“. „Но это такая невыгода“, прибавлялъ неизвѣстный авторъ „Замѣчаній на ввѣдъ чтенія Библии въ Россіи“, — „которой еще по истеченіи нѣсколькихъ вѣковъ избѣгнуть не возможно, и которую однако время и необходимость заставятъ когда-нибудь не уважить. За то, съ другой стороны, обширность пользы, имѣющей пріостечь для вѣхъ неученыхъ, но здравомыслящихъ христіанъ, совершенно вознаградила бы сіе зло“²⁾.

¹⁾ Чистовичъ. Исторія перевода Библии, I, 77.

²⁾ Чистовичъ. Исторія перевода Библии, I, 70—72.

Пока довѣріе императора къ кн. Голицыну и къ библейскому дѣлу было непоколебимо, всѣ подобныя жалобы и обвиненія оставались имъ безъ вниманія. Но въ началѣ двадцатыхъ годовъ въ мысляхъ императора Александра I произошла перемѣна. Въ 1820 году вспыхнули военныя революціи въ Испаніи, Неаполѣ, Пьемонтѣ, Португаліи, подготовленныя тайными политическими обществами; революціонная партія дѣятельна была и въ Германіи. По поводу этихъ событій государи Австріи, Пруссіи, Россіи собирались послѣдовательно на конгрессы въ Тропау, Лайбахѣ и Веронѣ. Преніями руководилъ извѣстный австрійскій министръ князь Меттернихъ; опасаясь за цѣлость разноплеменной Австрійской имперіи при всякомъ революціонномъ движеніи, которое могло бы возникнуть въ ея предѣлахъ, по примѣру италіанскихъ и пиренейскихъ государствъ, онъ зорко слѣдилъ за либеральною партіей въ Германіи и подозрительно смотрѣлъ на всякія „общества“, въ томъ числѣ и на библейскія. Онъ убѣдилъ себя и старался убѣдить другихъ, что все это—общества революціонеровъ, которые прикрываются лишь благовидными названіями. Во время Лайбахскаго конгресса (1821 года), императоръ Александръ не разъ по долгу бесѣдовалъ съ Меттернихомъ наединѣ ¹⁾. Бесѣды эти заронили въ душу его сомнѣніе ²⁾ относительно государственной пользы Библейскаго общества и вообще народнаго образованія; сомнѣніе это должно было охладить симпатіи императора къ Библейскому обществу и, по видимому, поколебало даже нѣсколько довѣріе его и къ кн. Голицыну, руководившему какъ библейскимъ дѣломъ, такъ и народнымъ просвѣщеніемъ. Враги Библейскаго общества въ Россіи, съ своей стороны, распространяли противъ него слухъ, особенно къ сродѣ правительственныхъ лицъ, что между членами этого Общества и италіанскими карбонаріями, германскими буршеншафтами и англійскими радикалами существуетъ тѣсная связь. Этотъ слухъ поддерживали, по видимому, и будущіе декабристы, чтобы отклонить вниманіе правительства отъ своихъ собственныхъ замысловъ ³⁾.

Тяготясь бременемъ правленія съ самаго начала, потрясенный всѣмъ испытаннымъ имъ съ 1812 года, нравственно усталый, болѣз-

¹⁾ *Paterson*, p. 364.

²⁾ По видимому, императоръ Александръ по природѣ своей или въ силу обетельствъ, расположенъ былъ къ недовѣрію, (ср. записки *Де-Самена въ Русской Старинѣ* 1883 года).

³⁾ См. *Henderson*, *Bibl. Researches*, p. 133. *Pinkerton*, *Russia*, p. 388.

ненный, императоръ Александръ, въ послѣдніе годы своей жизни, уклонялся отъ дѣлъ правленія, передавъ ихъ въ руки гр. Аракчеева, къ преданности котораго питалъ безусловное довѣріе ¹⁾). Этимъ до-
вѣріемъ гр. Аракчеевъ хотѣлъ пользоваться безраздѣльно. Помѣхою къ тому былъ кн. Голицынъ, ближайшее къ императору лицо, какъ другъ его юности: Аракчеевъ желалъ князя свергнуть съ занимаемаго имъ высокаго поста; того же желали и противники Библейскаго общества, въ числѣ которыхъ былъ и одинъ изъ его вице-президентовъ, Серафимъ, митрополитъ С.-Петербургскій. Противъ соединенныхъ усилій враговъ своихъ кн. Голицынъ не могъ устоять. Не лишая князя своей дружбы, императоръ посовѣтовалъ ему, въ виду сильной противъ него оппозиціи, отказаться отъ президентства въ Библейскомъ обществѣ и отъ званія министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія ²⁾). На мѣсто кн. Голицына президентомъ Библейскаго общества назначенъ былъ самъ митрополитъ Серафимъ, министерство духовныхъ дѣлъ было закрыто: духовныя дѣла иностранныхъ исповѣданій оставлены за министерствомъ народнаго просвѣщенія, а дѣла по православному исповѣданію отошли къ синодальному оберъ-прокурору, при чемъ доклады св. синода должны были представляться чрезъ гр. Аракчеева.

Всѣ эти перемѣны произошли въ маѣ 1824 г. Пока живъ былъ Александръ I, Россійское Библейское Общество продолжало еще существовать, хотя въ томъ же еще 1824 году митрополитъ Серафимъ дѣлалъ представленіе императору о закрытіи его, признавая, что „въ сокритомъ направленіи всѣхъ дѣйствій“ его заключается „нарушеніе самихъ священныхъ обязанностей покорности церкви и преданности государю“. Но дѣятельность Общества была парализована. Комитетъ его созывался рѣдко; „Извѣстія“, замѣнившія отчеты Общества, прекратились; учрежденныя библейскими дѣятелями евангелическія миссіи закрывались одна за другою ³⁾). Русскій переводъ Вибліи остановился ⁴⁾). Библейское общество видимо клони-

¹⁾ *Paterson*, 392, 396.

²⁾ Ранѣе еще кн. Голицынъ принужденъ былъ оставить президентство въ Обществѣ попечительномъ о тюрьмахъ.

³⁾ *Paterson*, p. 385.

⁴⁾ 8-го іюня 1824 г. митрополитъ Серафимъ предложилъ комитету Россійскаго Библейскаго Общества о Высочайшемъ соизволеніи, чтобы „отпечатанныя пять книгъ Моисеевыхъ въ переводѣ на рускомъ языкѣ особо отъ прочихъ книгъ не издавать, но продолжать изданіе перевода книгъ ветхозавѣтныхъ такъ,

лось къ упадку. вмѣстѣ съ тѣмъ и интересъ публики къ дѣлу Библейскаго общества сталъ ослабѣвать.

19-го ноября 1825 года не стало императора Александра. Императоръ Николай I, вступая на престолъ, возобновилъ въ пользу Библейскаго общества ежегодное пожертвованіе, которое онъ привыкъ дѣлать еще великимъ княземъ. Но вслѣдствіе совокупнаго представленія митрополитовъ Серафима и Евгенія ¹⁾, 12-го апрѣля 1826 года, состоялся именной указъ на имя митрополита Серафима, коимъ ему, какъ президенту Общества, повелѣвалось пріостановиться во всѣхъ его дѣйствіяхъ и привести въ извѣстность наличное имущество Общества, при чемъ „книги Священнаго Писанія, отъ Общества уже напечатанныя, дозволялось продолжать продавать желающимъ по установленнымъ на нихъ цѣнамъ“. По полученіи этого указа, митрополитъ Серафимъ прекратилъ дѣйствія всѣхъ отдѣленій и сотовариществъ Общества, остановилъ печатавшіяся тогда различныя изданія Св. Писанія и не выпустилъ въ продажу изданія, уже совершенно готовые,—между ними и первыя восемь книгъ Ветхаго Завѣта на русскомъ языкѣ, отпечатанныя въ количествѣ 10.000 экземпляровъ. 15-го іюля послѣдовалъ второй именной указъ на имя митрополита Серафима, въ коемъ сказано: „Разсмотрѣвъ представленное отъ васъ свѣдѣніе о нынѣшнемъ наличномъ имуществѣ Россійскаго Библейскаго Общества въ денежныхъ капиталахъ, въ домахъ, въ книгахъ и прочемъ, простирающемся по оцѣнкѣ до 2-хъ милліоновъ рублей, и желая облегчить личное ваше попеченіе о немъ, повелѣваю вѣдѣніе и распоряженіе симъ имуществомъ и вообще всѣмъ тѣмъ, что касалось до Россійскаго Библейскаго Общества, возложить на святѣйшій синодъ въ томъ точно видѣ и порядкѣ, въ которомъ всѣ духовныя дѣла принадлежать его вѣдѣнію и распоряженію, на основаніи общихъ узаконеній“. При этомъ не доконченные переводы Св. Писанія повелѣно было окончить ²⁾.

чтобы оныя вмѣстѣ съ Новымъ Завѣтомъ составили пять томовъ, по примѣру московскаго синодальнаго изданія Библии славянскою; поему первый томъ Библии и на русскомъ языкѣ окончить книгою Руевъ. Въ 1825 г. 7-го ноября объявлено вновь Высочайшее повелѣніе, „чтобы оконченный печатаніемъ первый томъ Библии въ переводѣ на русскій языкъ не приводить въ употребленіе впредь до разрѣшенія“ (Чистосицъ, I, 59).

¹⁾ Митрополитъ Евгенийъ вызванъ былъ изъ Кіева императоромъ Александромъ въ 1824 г. по просьбѣ митрополита Серафима, въ помощь ему.

²⁾ Чистосицъ, I, 126—128.

По поводу іюльскаго указа 1826 года, прекратившаго существованіе Россійскаго Библейскаго Общества, извѣстный намъ Патерсонъ, такъ близко стоявшій къ библейскому дѣлу, замѣчаетъ: „По видимому, митрополитъ, не удовольствовавшись временнымъ приостановленіемъ дѣятвій Общества, представилъ императору, что по преклонности его лѣтъ, для него обременительно быть предсѣдателемъ и синода, и Библейскаго общества, и что если послѣднее подчинить первому, то дѣло распространенія Св. Писанія будетъ продолжаться по прежнему, но съ меньшимъ безпокойствомъ для него и дешевле обойдется странѣ. Императоръ соизволилъ на эту просьбу, но повелѣлъ, чтобы продажа книжныхъ запасовъ продолжалась по прежнему. Я убѣжденъ“, прибавляетъ Патерсонъ, — „что императоръ ожидалъ, что дѣло, въ извѣстномъ размѣрѣ, будетъ идти по прямому и что у него и мысли не было прекратить распространеніе Св. Писанія между милліонами своихъ подданныхъ ¹⁾. Въ настоящемъ случаѣ имъ руководила лишь та мысль, что каждое дѣло должно быть передано въ соответствующее вѣдомство и, слѣдовательно, библейское дѣло—въ вѣдѣніе синода“ ²⁾.

Окончивъ свое дѣло въ Россіи, Патерсонъ пожелалъ теперь возвратиться въ Англію. Милостиво отпуская его, императоръ даровалъ ему 6.000 руб. пожизненной пенсін, съ правомъ жить, гдѣ захочетъ, но „съ условіемъ возвратиться въ Россію, если услуги его опять понадобятся“ ³⁾.

¹⁾ Извѣстно, что самъ императоръ Николай I былъ усерднымъ читателемъ Новаго Завета, такъ что перецѣлъ экземпляра (изданія Россійскаго Библейскаго Общества), которымъ онъ пользовался, дважды былъ обновленъ.

²⁾ *Paterson. The book for every land*, p. 409. „Россійское Библейское Общество“, говоритъ г. Чистовичъ (Исторія перевода Библии, I, 150), — „съ самаго начала своего очень тѣсно прикинуло къ власти и оициальной администраціи, и затѣмъ лишилось собственнаго почина въ дѣлахъ, и естественно должно было подвергаться тѣмъ колебаніямъ, какимъ поддавали лица, стоявшія во главѣ его управленія. Въ Обществѣ все зависѣло отъ этихъ лицъ, а они, вошедши въ него съ оициальнымъ характеромъ, обратили его изъ учрежденія общественнаго въ правительственное. Вся дѣятвія и вся распоряженія Общества авторитаризовались властію. Ставши въ такое положеніе, Общество не могло долге существовать въ этомъ видѣ, но должно было или преобразоваться въ особое правительственное учрежденіе, или слиться съ какимъ-либо изъ существующихъ учрежденій. Но въ томъ и другомъ случаѣ Общество уничтожалось“.

³⁾ Тамъ же, стр. 411. Желающіе познакомиться съ подробностями паденія Россійскаго Библейскаго Общества найдутъ ихъ въ статьѣ г. *Липина* „Россій-

Пять лѣтъ спустя по закрытіи Россійскаго Библейскаго Общества, стараніями министра народнаго просвѣщенія князя К. А. Ливена, одного изъ бывшихъ вице-президентовъ Россійскаго Библейскаго Общества, возникло Библейское общество исключительно для протестантовъ ¹⁾. Оно удостоилось Высочайшаго утвержденія ^{2-го}/_{14-го} марта 1813 года подъ именемъ „Евангельскаго Библейскаго Общества“ ²⁾, которое существуетъ и понынѣ, представляя собою какъ бы обломокъ великаго Россійскаго Библейскаго Общества.

Вотъ результаты 13-ти-лѣтней дѣятельности Россійскаго Библейскаго Общества:

а) Открыто 290 содружескихъ комитетовъ во всѣхъ частяхъ имперіи.

б) Переведено и издано Св. Писаніе на 14-ти новыхъ языкахъ, а именно: 1) Новый Завѣтъ и первыя 8 книгъ Ветхаго Завѣта (Пятикнижіе Моисеево, книга Иисуса Навина, книга Судей Израилевыхъ и книга Руфь) на русскомъ языкѣ; 2) Новый Завѣтъ на сербскомъ языкѣ; 3) Ветхій Завѣтъ на татарскомъ языкѣ; 4) Библия на татарско-турецкомъ нарѣчій; 5) Библия на татарско-оренбургскомъ нарѣчій; 6) Новый Завѣтъ на турецкомъ языкѣ, армянскими буквами; 7) Новый Завѣтъ на чувашскомъ языкѣ; 8) Новый Завѣтъ на мордовскомъ языкѣ; 9) Новый Завѣтъ на черемисскомъ языкѣ; 10) Евангеліе отъ Маттея на корельскомъ языкѣ; 11) Евангеліе отъ Маттея на зырянскомъ языкѣ; 12) Евангеліе отъ Маттея на ново-болгарскомъ языкѣ; 13) Новый Завѣтъ на калмыцкомъ языкѣ; 14) Новый Завѣтъ на монголо-бурятскомъ нарѣчій. Кромѣ того, окончены были переводомъ, но не напечатаны слѣдующія книги Св. Писанія: 1) Новый Завѣтъ на овройскомъ языкѣ; 2) Евангеліе отъ Маттея и Марка на вотяцкомъ языкѣ; 3) Евангеліе отъ Маттея на пермяцкомъ языкѣ; 4) Евангеліе отъ Маттея и Марка на вогуло-кондипскомъ нарѣчій; 5) Евангеліе отъ Маттея на остяцкомъ языкѣ; 6) Первая глава Евангелія отъ Іоанна на самоѣдскомъ языкѣ; 7) Четвероевангеліе на осетинскомъ языкѣ; 8) Библия на турецкомъ языкѣ.

ское Библейское Общество“, помѣщенной въ *Вѣстникъ Европы* за 1868 г., въ сочиненіи г. *Устевича* „Исторія перевода Библии на русскій языкъ“. 1873, т. 1-й, и въ любопытныхъ мемуарахъ современника, *Патерсона*—, *The book for every land, by Paterson. London. 1858.*

¹⁾ Приемлительно къ первоначальной мысли Патерсона.

²⁾ См. *Chirkerton, Russia*, p. 391.

с) Въ 12-ти-лѣтній періодъ дѣятельности Общества (1813 — 1824 г.) напечатано 876.106 экземпляровъ Библии и частей ея на 26-ти различныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ ¹⁾, въ томъ числѣ 118.000 Библий и 140.000 Новыхъ Заветовъ—на славянскомъ языкѣ, 117.000 Новыхъ Заветовъ на славянскомъ и русскомъ языкахъ вмѣстѣ, 145.000 Псалтирей и 10.000 экземпляровъ первыхъ восьми книгъ Ветхаго Завета ²⁾—на русскомъ языкѣ. Въ 1824 г. съ Высочайшаго соизволенія напечатано было 20.000 экземпляровъ Новаго Завета на одномъ русскомъ языкѣ. Кромѣ того, стараніями неутомимаго Патерсона, завѣдывавшаго библейскою типографіей, въ ожиданіи близкаго закрытія Общества, заготовлено было еще около 20.000 экземпляровъ разныхъ изданій Св. Писанія. Такимъ образомъ, всего вышло со станковъ типографіи Россійскаго Библейскаго Общества около 1.000,000 экземпляровъ священныхъ книгъ, на 26-ти различныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ имперіи. Количество собственно распространенныхъ книгъ ко времени закрытія Россійскаго Библейскаго Общества въ точности опредѣлить нельзя. Въ этомъ не согласны даже и тѣ два лица, которыя ближе другихъ стояли къ библейскому дѣлу: такъ Пинкертонъ опредѣляетъ это количество въ 500.000 экземпляровъ а Патерсонъ въ 7—800.000 экземпляровъ ³⁾. Книгъ на славянскомъ и русскомъ языкахъ разошлось, можно полагать, около $\frac{2}{3}$ всего этого количества,—судя по процентному отношенію изданныхъ книгъ, то есть, около 40.000 экземпляровъ.

Эти сотни тысячъ экземпляровъ Св. Писанія, разбѣянные въ народѣ, какіе принесли плоды? Вопросъ этотъ предлагался, по видимому, и современниками, недовѣрчиво относившимися къ дѣятельности Библейскаго общества. На него отвѣтилъ архіепископъ Филаретъ, въ годовомъ собраніи Московскаго отдѣленія, 23-го марта 1824 г.: „Вопервыхъ“, сказалъ знаменитый іерархъ Русской церкви,—„суще-

¹⁾ А именно, на славянскомъ, русскомъ, армянскомъ, древне-греческомъ, ново-греческомъ, вѣмецкомъ, польскомъ, французскомъ, молдаванскомъ, финскомъ, ветономъ, грузинскомъ, латышскомъ, персидскомъ, ивудскомъ, турецкомъ (армянскими буквами), татарскомъ, черемисскомъ, чувашскомъ, мордовскомъ, калмыцкомъ, монгольскомъ, сербскомъ, ветономъ ревальскаго нарѣчія и ветономъ дерптскаго нарѣчія.

²⁾ Эти 10.000 первыхъ 8-ми книгъ Ветхаго Завета на русскомъ языкѣ, какъ мы видѣли, не были выпущены въ продажу, и о судьбѣ ихъ ничего не известно. Позже они появились въ изданіи Британскаго Библейскаго Общества.

³⁾ См. *Pinkerton, Russia*, p. 381—383. *Paterson, The book of every land*, p. 409, 410.

ственный плодъ, приносимый Библейскимъ обществомъ, долженъ, конечно, рождаться въ сердцахъ; впрочемъ самое желаніе читать Библию, распространяющееся все сильнѣе, могло бы служить нѣкоторымъ указаніемъ успѣха.. Вотъ онихъ... кто посѣялъ сѣмя весной, можетъ только осенью ожидать плода, а посадившій дерево ждетъ много лѣтъ, сѣющій слово Божіе сѣетъ для вѣчности, и не поздно будетъ, если всходъ посѣяннаго окажется только во второмъ родѣ¹⁾).

Этими словами мы можемъ заключить разказъ о дѣятельности Россійскаго Библейскаго Общества. Должно признать, что библейское дѣло временъ императора Александра было чужеземное растеніе, пересаженное на своеобразную русскую почву и искусственно возвращаемое; поэтому-то оно и не пустило глубокихъ корней и было сломлено первою бурю. Тѣмъ не менѣе посомнѣнно,—дѣло это принесло многіе добрые плоды: оно разсѣяло много призраковъ, породившихъ „философію“ XVIII вѣка и не мало содѣйствовало пробужденію христіанскаго духа въ болѣе образованныхъ слояхъ нашего общества.

И. Астафьевъ.

---

¹⁾ У Пискина въ *Вѣстн. Евр.*, авг., стр. 708.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Исслѣдованіе *И. В. Владимірова*. С.-Пб. 1888.

Великолѣпное изданіе Общества древней письменности, заглавіе котораго значитъ выше, замѣчательно и своею вѣдностью, и содержаніемъ. Наша младшая столица можетъ съ полнымъ основаніемъ гордиться имъ, такъ какъ едва ли гдѣ въ другомъ городѣ Россіи удастся, съ одной стороны, найти такое богатство и изящество шрифта и сдѣлать, посредствомъ фотоцинкографіи, такіе отличные снимки, съ другой—писать исслѣдованіе на основаніи самыхъ древнихъ и рѣдкихъ печатныхъ изданій, русскихъ, польскихъ, чешскихъ и вообще западно-европейскихъ. Несомнѣнно, одинъ Петербургъ, въ лицѣ Императорской Публичной Библиотеки, совмѣщаетъ въ себѣ одновременно и полную Библію Скорины, и чешскую Библію 1506 года, и цѣлый рядъ другихъ, иногда рѣдчайшихъ инкунабулъ.

Главный выводъ автора: Скорина много пользовался чешскимъ переводомъ Библии по изданію 1506 года—не отличается полною новизною. Чехизмы въ Библии Скорины уже не разъ обращали на себя вниманіе ученыхъ, интересовавшихся имъ, между прочимъ, мы какъ-то при случаѣ привели нѣсколько ихъ. Пользованіе Скорины чешскимъ переводомъ Библии уже давно было указано профессоромъ Первольфомъ, который при этомъ заявилъ предположеніе что Скорина „переводилъ прямо съ чешскаго текста вульгаты, именно по венеціанскому изданію 1506 года“ (Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка. С.-Пб. 1874, стр. 253—255)¹⁾. Но

---

¹⁾ Г. Владиміровъ въ своемъ обзорѣ литературы о Скоринѣ не упоминаетъ о трудѣ г. Первольфа, равно какъ и объ одной статьѣ, посвященной

г. Владимировъ, разсмотрѣвъ всѣ изданія Скорины и сличивъ ихъ съ чешскимъ переводомъ, утвердилъ свой выводъ на неизблемомъ основаніи, при чемъ опредѣлилъ размѣры пользованія Скорины чешскимъ и славянскимъ текстами и до нѣкоторой степени освѣтилъ личность этого нѣсколько загадочнаго дѣятеля. Благодаря г. Владимирову, мы теперь знаемъ, что Скорина, трудясь надъ изготовленіемъ своего перевода, не справлялся ни съ еврейскимъ, ни съ греческимъ оригиналомъ, ни даже съ латинскою вульгатою, а пользовался, кромѣ славянскаго, только чешскимъ текстомъ въ печатномъ, вѣроятно, очень распространенномъ въ его время въ Чехіи и Польшѣ изданіи 1506 года; что онъ относился къ этому источнику съ полнымъ довѣріемъ, то исправляя на основаніи его славянскій текстъ, то ограничиваясь простымъ буквальнымъ переводомъ его; что онъ, печатавъ свои труды, не имѣлъ никакихъ заднихъ задачъ, въ родѣ пропаганды католичества или протестантства, и по видимому, жилъ и умеръ православнымъ; что, наконецъ, его изданія были для своего времени замѣчательными, образцовыми произведеніями типографскаго искусства.

Этого мало. Кромѣ разрѣшенія нѣсколькихъ наиболее важныхъ вопросовъ относительно трудовъ и личности Скорины, г. Владимировъ далъ намъ цѣлый рядъ самыхъ интересныхъ указаній и разъясненій относительно другихъ произведеній, близкихъ по времени къ изданіямъ Скорины и находящихся съ ними въ той или другой связи. Мы узнали отъ него, напримѣръ, о томъ, что текстъ Пересопницкаго Евангелія 1556—1561 гг. находится въ несомнѣнной зависимости отъ чешскаго перевода Евангелія; что одно изъ самыхъ рѣдкихъ и мало-извѣстныхъ старопечатныхъ изданій, такъ-называемое Евангеліе Тяпинскаго (около 1570 года), въ своемъ русскомъ переводѣ евангелскаго текста почти тождественно съ Пересопницкимъ Евангеліемъ ¹⁾; что переводъ Пѣсни пѣсней, изданный по рукописи

спеціально Скоринѣ: „Отношеніе перевода Скорины къ вульгатѣ и древне-славянскому тексту“ (*Изскія въ Общ. любителей духовн. просв.*, 1877 г., ноябрь, стр. 642—653). Въ ней сличены первыя 10 главъ книги Бытія въ изданіи Скорины съ латинскою вульгатою и славянскимъ переводомъ и сдѣланы выводы о текстѣ Скорины вообще, такого рода: переводъ Скорины исполненъ съ вульгаты не всегда вѣрно и точно; Скорина вносилъ въ переводъ слова и цѣлыя мѣста изъ славянскаго перевода; онъ имѣлъ въ виду не новый переводъ, а исправленіе стараго устарѣвшаго; онъ работалъ очень поспѣшно.

¹⁾ Евангеліе Тяпинскаго, безъ конца, состоитъ изъ славянскаго текста и изъ русскаго перевода. Последний обыкновенно (у Ундольскаго, Каратаева, у архип. Іосифа въ статьѣ его: „Малорусскій переводъ Евангелія“, *Духовная Бе-*

Московской синодальной библиотеки въ Основѣ 1861 года подъ именемъ малорусскаго, есть самостоятельный, не зависящій отъ Скоринчиа переводъ съ чешскаго ¹⁾; что русскій переводъ книгъ Іова, Руѳи, Пѣсни пѣсней, Екклесіаста, Плача Іереміи, Даниила и Есѣири, находящійся въ одномъ изъ сборниковъ Виленской публичной библиотеки XVI вѣка и признанный г. Добрянскимъ за списокъ съ печатныхъ книгъ Скорины, представляетъ собою нѣчто почти единственное въ своемъ родѣ—переводъ съ еврейскаго!

Отдавая должное трудолюбію и остроумію г. Владимірова и считая его трудъ лучшимъ изъ трудовъ по нашей старой литературѣ за послѣдніе годы, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не указать въ немъ кое-какихъ недостатковъ и не разойдтись съ авторомъ во взглядѣ на нѣкоторыя частности.

Судьбы южно-русской и западно-русской литературы въ періодъ польско-литовскаго владычества до конца XVI вѣка еще мало изслѣдованы, и мы крайне бѣдны свѣдѣніями о распространеніи грамотности и образованности и о количествѣ письменныхъ памятниковъ въ юго-западной Руси этого времени. Въ виду этого г. Владимірову, ради большей яркости и правильности освѣщенія дѣятельности Скорины, было необходимо привести въ извѣстность то, что сохранилось до нашего времени отъ письменности предшествовавшей и современной Скоринѣ эпохи. Говоря это, мы не хотимъ сказать, что онъ долженъ былъ пересмотрѣть всѣ рукописи XIV—XVI вѣковъ, находящіяся въ нашихъ библиотекахъ, и выдѣлить изъ нихъ рукописи южно- и западно-русскаго происхожденія: это трудъ слишкомъ большой и тяжелый; мы желаемъ заявить, что ему слѣдовало пересмотрѣть внимательно нашу ученую литературу. Составленный имъ списокъ рукописей XIV—XVI вѣковъ южно- и западно-русскаго происхожденія крайне не полонъ, и въ немъ, при бѣгломъ просмотрѣ, мы не нашли указаній на Евангеліе 1411 года, писанное въ Кіевѣ (Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, № LXV; Соболевскій, „Новый трудъ г. Стасова“, въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ

съда 1861 г., №№ 12—13) называется малорусскимъ, но онъ не заключаетъ въ себя малоруссизмовъ и написанъ на довольно чистомъ бѣлорусскомъ языкѣ, чѣмъ только и отличается отъ богатаго малорусскимъ элементомъ Пересопницкаго Евангелія.

¹⁾ Этотъ переводъ, извѣстный только въ одномъ спискѣ, въ сборникѣ XVII вѣка уніатскаго происхожденія, написанъ не на малорусскомъ, а на бѣлорусскомъ языкѣ.

1887 г. № 5), на Евангеліе 1411 года, писанное „въ богоспасаемѣмъ мѣстѣ Каменцѣ Стромилонѣ“, то-есть, въ Каменцѣ, въ Галиціи (Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1886 г., № 3, стр. 188), на Псалтырь толковую 1472 года, писанную „при державѣ великаго короля Казимира... у Володимири“ (Амфилохій, Псалтырь), на Златоструй 1474 года, писанный въ Кіевѣ (Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, № XXI), на Евангеліе 1539 года, писанное для князя Юрія Слудкаго въ монастырѣ св. Николая на Морочи (Стровецъ, Библиотека Моск. Общества исторіи и древностей русск., № 27), на Псалтырь толковую 1560 года, которая „долонася... на Столцемберку“ (въ предмѣстіи Данцига; Амфилохій, Псалтырь), на Пчелу, переведенную въ Дерманскомъ монастырѣ въ 1599 году, вѣроятно, свещеникомъ Даміаномъ (Филаретъ, Обзоръ русской дух. литературы, стр. 172), на бѣлорусскій сборникъ Познанской Библиотеки конца XV вѣка, описанный сперва Бодянскимъ, а потомъ, недавно, г. Брюкнеромъ (*Archiv für slavische Philologie*, т. IX), на бѣлорусскій сборникъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ XV—XVI вв. (Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, № LXXXIV). Равнымъ образомъ, въ цѣляхъ болѣе правильной оцѣнки трудовъ Скорины, г. Владимирову было бы нужно основательно ознакомиться съ особенностями языка возможно большаго количества южно- и западно-русскихъ рукописей XIV—XVI вѣковъ, а не ограничиваться нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями о литературномъ языкѣ до-скорининской и скорининской эпохи.

Недостаточность знакомства съ южно- и западно-русскою письменностью XIV—XVI вѣковъ привела г. Владимирова къ такому взгляду на характеръ и значеніе дѣятельности Скорины, который намъ кажется неправильнымъ. Именно, г. Владимировъ высказалъ мнѣніе о тѣсной связи трудовъ Скорины съ переводами Священнаго Писанія на народный языкъ, появившимися въ юго-западной Руси въ XVI вѣкѣ, и приписалъ ему стремленіе ввести въ церковную письменность живой языкъ. По словамъ автора, издавая въ свѣтъ свои труды, Скорина имѣлъ въ виду дать православнымъ юго-западной Руси полную Библию на языкѣ понятномъ для „простыхъ“ людей.—Мы должны начать издаലെка.

Изъ извѣстныхъ намъ южно- и западно-русскихъ рукописей XIV—XVI вѣковъ нѣкоторыя—списки богослужебныхъ и отеческихъ книгъ—представляютъ собою копии съ средне-болгарскихъ или, точнѣе, молдавскихъ оригиналовъ, въ которыхъ было смѣшеніе юсовъ большаго

и малаго, былъ употребленъ з вмѣсто з и на оборотъ, стоялъ ѣ вмѣсто я и т. п. Переписчики этихъ рукописей, вслѣдствіе малаго знакомства съ славянскимъ языкомъ русской редакціи, не сумѣли разобраться въ массѣ чуждыхъ русской рѣчи особенностей и дали въ своихъ трудахъ болѣе или менѣе неудобопонятныя для русскихъ тексты. Таковы, между прочимъ, оба Евангелія 1411 года, таково также Евангеліе 1604 года, принадлежащее Е. В. Барсову и описанное вкратцѣ владѣльцемъ (Чтенія 1884 г., № 2); послѣднее показываетъ, что списки съ средне-болгарскихъ оригиналовъ продолжали дѣлаться даже въ началѣ XVII вѣка, когда уже были распространены въ юго-западной Руси печатныя Евангелія на славянскомъ языкѣ русской редакціи. Другія извѣстныя намъ рукописи замѣчательны стремленіемъ переписчиковъ сдѣлать яснымъ для читателей славянскій текстъ своихъ оригиналовъ посредствомъ замѣны славянскихъ формъ и словъ мѣстными русскими. Такова западно-русская Четвь 1489 года, невѣрно отнесенная авторомъ (стр. 18) къ 1397 году. Третьи рукописи, заключающія въ себѣ произведенія оригинальными или переведенными съ польскаго и чешскаго, въ своемъ языкѣ болѣе или менѣе свободны отъ славянскаго элемента и въ той или другой степени приближаются къ произведеніямъ львовскихъ и кievскихъ ученыхъ самаго конца XVI и половины XVII вѣка, въ родѣ Іоанникія Галатовскаго. Таковъ Повнанскій сборникъ конца XV вѣка. Всѣ эти рукописи, взятыя вмѣстѣ, показываютъ, что въ юго-западной Руси XIV—XVI вѣковъ знакомство съ славянскимъ языкомъ было крайне слабо; что людей, которые могли бы владѣть имъ сколько-нибудь удовлетворительно и писать на немъ хотя бы такъ, какъ писали сѣверно-русскіе агіографы XVI вѣка, не существовало; что наконецъ въ пониманіи старыхъ текстовъ встрѣчались постоянныя затрудненія. О томъ же говорятъ намъ свидѣтельства современниковъ. Курбскій, привыкшій въ Москвѣ къ славянскому языку и самъ мастерски владѣвшій имъ, находясь въ изгнаніи, скорбитъ объ отсутствіи въ юго-западной Руси людей, знакомыхъ съ славянскимъ языкомъ: можно найти, пишетъ онъ другому московскому бѣглецу, старцу Артемію, —человѣка знающаго греческій или латинскій языкъ, но онъ не будетъ знать языка славянскаго. Знаменитый князь Острожскій, получивъ отъ Курбскаго славянскій переводъ словъ Златоуста, находитъ необходимымъ, „для лучшаго пониманія“, перевести его вновь по польски. Современникъ Курбскаго и Острожскаго, іезуитъ Скарга, нападая на православныхъ юго-за-

падной Руси, свидѣтельствуешь, что они не понимаютъ славянскаго текста своихъ церковныхъ книгъ и, чтобы понять, берутся за польскіе переводы. Впрочемъ, слабое знакомство съ славянскимъ языкомъ въ юго-западной Руси не мѣшало цѣнить его высоко и стремиться къ его употребленію. Оставляя въ сторонѣ Курбскаго и его труды, не распространяясь о Іоаннѣ Вишенскомъ и его посланіяхъ, мы можемъ указать на издателей напечатаннаго въ Несвижѣ въ 1562 году Литеранскаго Катихизиса, которые въ посвященіи своего труда рекомендуютъ своимъ вельможнымъ патронамъ, чтобы они „не только въ чужоземскихъ языцѣхъ кохали, але бы тежъ... и того здавна славнаго языка словенскаго розмилovati и онимъ ся бавити рачили“. При этомъ издатели Катихизиса, писавшіе по русски съ небольшою примѣсью славянскаго элемента, называютъ языкъ своего произведенія славянскимъ: „туть, говорятъ они, въ тыхъ малыхъ новое кузни книгахъ, онимъ славнымъ, здавна далеко росширеннымъ словенскимъ языкомъ суть накоротцѣ пописаны права“. Очевидно, они считали самую слабую славянскую окраску языка въ своемъ изданіи достаточною для того, чтобы назвать этотъ языкъ славянскимъ.

Обращаемся къ Скоринѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что первую причину выпуска имъ въ свѣтъ своихъ трудовъ были въ однихъ случаяхъ—малочисленность, въ другихъ—полное отсутствіе въ юго-западной Руси списковъ книгъ Священнаго Писанія. Наши бібліотеки изобилуютъ рукописными Евангеліями XIV—XVI вв., но между ними, среди массы списковъ сѣверно-русскаго происхожденія, можно отиѣтитъ лишь нѣсколько уземляровъ южно- и западно-русскихъ; равнымъ образомъ въ нихъ много списковъ Псалтыря того же времени, но и между ними списки южно- и западно-русскіе на перечесть. Что до библейскихъ книгъ ветхаго завѣта, то они были чрезвычайно рѣдки даже въ сравнительно богатой книгари Москвитинской Руси, и извѣстно, что Геннадій совсѣмъ не могъ найти нѣкоторыхъ изъ нихъ въ старыхъ переводахъ. Само собою разумѣется, юго-западная Русь не могла имѣть списковъ полной Библии ветхаго завѣта и, за незначительными исключениями (списки Моисеева Пятикнижія и пророковъ встрѣчались, хотя и чрезвычайно рѣдко¹⁾), была знакома съ ними по паремей-

¹⁾ Даже во второй половинѣ XVI вѣка, до появленія Острожской Библии, списки книгъ ветхаго завѣта были очень мало распространены въ юго-западной Руси. Въ богатой бібліотекѣ Супрасльскаго монастыря въ 1557 году имѣлись только Бытіе, Іисусъ Навинъ, Царства, Пророчества, можетъ быть, списки съ Скорининыхъ изданій, да „Десятоглавъ“—сборникъ, содержавшій въ себѣ Про-

нику. При малочисленности однихъ книгъ Священнаго Писанія и полнымъ отсутствіемъ другихъ, Скорина не могъ думать о популяризаціи Библіи посредствомъ перевода ея съ славянскаго языка на живой русскій. Онъ могъ стремиться только къ тому, чтобы сдѣлать доступнымъ или извѣстнымъ библейскій текстъ, чтобы распространить книги Священнаго Писанія. Вслѣдствіе того онъ почти не измѣнялъ тѣ книги Священнаго Писанія, которыя оказались у него подъ руками на славянскомъ языкѣ, и напечаталъ ихъ цѣликомъ по славянски; это Псалтырь и Апостолъ. По той же причинѣ онъ только подправилъ по чешскому тексту отрывки изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, изъ числа тѣхъ, которыя находятся въ славянскомъ паремейникѣ (первыя 10 главъ книги Бытія, начало книги Іона, пѣснь Анны въ первой книгѣ Царствъ, пѣснь трехъ отроковъ и др.)¹⁾. Иначе говоря, Скорина перевелъ съ чешскаго только то, чего онъ не зналъ въ старомъ славянскомъ переводѣ, и то, что считалъ дурно переведеннымъ или искаженнымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ далекъ отъ мысли писать и издавать на народномъ, живомъ языкѣ. Онъ постоянно называлъ языкъ своихъ изданій русскимъ, но едва ли не по той одной причинѣ, что для него слова русскій и славянскій были однозначащи. По крайней мѣрѣ, онъ включилъ въ число книгъ, „выложенныхъ“ имъ на русскій языкъ, свои славянскія изданія, Псалтырь и Апостолъ, а въ предисловіи къ Псалтыри въ „Малой подорожной книжицѣ“

рочества, Притчи Соломона, Екклесіастъ, Премудрость Соломона, Пѣснь пѣсней и Іисуса Сирахова и списанный, несомнѣнно, съ рукописей сѣверно-русскаго происхожденія. Въ менѣе богатой библиотекѣ Кіевского Печерскаго монастыря (*Голубевъ*, Петръ Могила, приложение № 2) въ 1554 году не было ни одной ветхозавѣтной книги.

¹⁾ Г. Владимировъ полагаетъ, что Скорина имѣлъ въ старомъ славянскомъ переводѣ всѣ книги ветхого завета, кромѣ Премудрости Соломона, Іудеи, Есепри и Пѣсни пѣсней (стр. 49, 163). Наши собственныя наблюденія надъ текстомъ Скорины и данными, собранными авторомъ, приводятъ насъ къ заключенію, что Скорина не имѣлъ въ своемъ распоряженіи никакихъ славянскихъ ветхозавѣтныхъ текстовъ, кромѣ Псалтыри и паремейника. Такъ, онъ не зналъ цѣлаго славянскаго перевода Екклесіаста, и сходство одного мѣста его перевода этой книги съ соответствующимъ мѣстомъ Геннадіевой Вибліи (при несходствѣ съ чешскимъ текстомъ), указанное г. Владимировымъ (стр. 160), объясняется тѣмъ, что Екклесіастъ былъ извѣстенъ у насъ подъ именемъ Сборника (отрывки изъ него, выѣтъ съ отрывками изъ Притчъ Соломона и Премудрости Іисуса Сирахова, наряду встрѣчаются въ сборникахъ). Что касается Премудрости Соломона, то паремія изъ нея были подъ руками Скорины, какъ видно изъ сличенія одной изъ нихъ съ текстомъ Скорины у г. Владимірова на стр. 163—164.

употребилъ выраженіе: повелелъ есмя псалтырю тиснути рускими словами а словенскимъ языкомъ" ¹⁾). Во всякомъ случаѣ онъ не особенно старался сдѣлать свой переводъ вполне понятнымъ для „простыхъ“ людей, написавъ его на живомъ языкѣ. Помимо многочисленныхъ чехизмовъ, которые, конечно, не могли способствовать удобопонятности его текста для русскихъ читателей XVI вѣка, множество формъ аориста, имперфекта, очень часто неправильныхъ, всевозможныхъ славянскихъ формъ и словъ, находящееся въ его переводѣ, показываетъ, что онъ имѣлъ въ виду издать Библию на славянскомъ языкѣ и что онъ сдѣлалъ для этого все то немногое, что могъ. При крайней слабости знанія славянскаго языка въ юго-западной Руси его времени, при необходимости работать вдали отъ людей сколько-нибудь свѣдущихъ въ этомъ языкѣ, для человека въ родѣ Скорины едва ли возможно было овладѣть славянскимъ языкомъ лучше, чѣмъ овладѣлъ онъ. Такимъ образомъ Скорина для юго-западной Руси сдѣлалъ отчасти то, что сдѣлали для Москвы первые московскіе печатники, то-есть, напечаталъ двѣ церковныя книги въ старомъ славянскомъ переводѣ съ исправленіями, съ другой-то, что было выполнено по приказанію Геннадія его новгородскими переводчиками; то-есть, Скорина перевелъ тѣ книги, которыя въ цѣломъ видѣ уже не были извѣстны въ юго-западной Руси его времени въ старомъ славянскомъ переводѣ, и притомъ перевелъ на языкъ, казавшійся ему похожимъ на славянской.

Неправильность общаго взгляда г. Владимірова на характеръ дѣятельности Скорины привела его къ одному ошибочному частному выводу. Онъ полагаетъ, что Скорина „выложилъ“ на русскій языкъ всѣ книги ветхаго и новаго завіта (стр. 234), и что къ числу его трудовъ, почему-то оставшихся не напечатанными, принадлежатъ и Евангеліе. По его мнѣнію, Скорининъ евангелійскій текстъ дошелъ до насъ въ южно-русскомъ Пересопницкомъ Евангеліи 1556—1561 гг. и въ западно-русскомъ печатномъ Евангеліи Тапинскаго около 1570 года. Дѣйствительно, текстъ Евангелія, легшій въ основаніе этихъ двухъ памятниковъ, по своей зависимости отъ чешскаго текста 1506 года, представляетъ значительное сходство съ ветхозавѣтными книгами Скорины; но не возможно думать, чтобъ онъ могъ принадлежать

¹⁾ Предисловіе къ Псалтыри 1517 г., вопреки г. Владимірову (стр. 247), не противопоставляетъ русскихъ словъ славянскимъ: сравни. сказанное имъ на стр. 96—97.

Скоринѣ. Трудно сомнѣваться, что Скорина, еслибы вздумалъ напечатать или приготовить къ печати Евангеліе, поступилъ бы съ нимъ также, какъ съ Псалтырью и Апостоломъ, то-есть, ограничился бы немногими поправками его по чешскому тексту, оставивъ неприкосновеннымъ старый славянскій переводъ. Сверхъ того, текстъ обоехъ Евангелій, Пересопницкаго и Тяпницкаго, по всей вѣроятности близкій къ прототипу, по языку не похожъ на переводы Скорины: онъ написанъ на сравнительно чистомъ русскомъ языкѣ (въ Пересопницкомъ текстѣ съ малоруссизмами), безъ аористовъ, имперфектовъ и т. п. славянскихъ формъ, которыми изобилуетъ языкъ Скорины. Въ виду этого мы не считаемъ возможнымъ видѣть въ русскомъ переводѣ Евангелія трудовъ Скорины; это—дѣло рукъ одного изъ тѣхъ переводчиковъ, которые начали дѣйствовать въ юго-западной Руси приблизительно съ половины XVI вѣка, когда здѣсь усилилась протестантская и соцініанская пропаганда, и когда стали появляться печатные польскіе переводы Библии, и которые работали, кажется, независимо другъ отъ друга. По крайней мѣрѣ, переводъ Евангелія, о которомъ мы говоримъ, переводъ Пѣсни пѣсней, упомянутый выше, переводъ Евангелія Валентина Негалевскаго, исполненный въ 1581 году въ мѣстечкѣ Хорошовѣ (Волинской губерніи), наконецъ переводъ разныхъ библейскихъ книгъ, отличный отъ Скориница, выдержки изъ котораго приводятся Захаріей Копыстенскимъ въ его Палинодіи (Завитневичъ. Палинодія Захаріи Копыстенскаго. Варшава. 1883, стр. 324—326) ¹⁾, отличаются другъ отъ друга и по языку, и по оригиналамъ: напримѣръ, переводъ Негалевскаго (хранящійся въ библиотекѣ Кіевского Михайловскаго монастыря) сдѣланъ съ польскаго перевода соцініанина Чеховича и представляетъ не переводъ въ собственномъ смыслѣ, а списокъ польскаго текста русскими буквами. Здѣсь уместно замѣтить, что нѣтъ ни малѣйшей надобности придавать какое-либо значеніе послѣсловію Пересопницкаго Евангелія, гдѣ говорится о переводѣ евангельскаго текста „съ языка болгарскаго на мову русскую“. Названіе болгарскій, данное переписчикомъ славянскому тексту, употреблено имъ, конечно, не потому, что онъ привыкъ къ нѣкоторымъ особенностямъ средне-

¹⁾ Не этимъ ли переводомъ иногда пользовались издатели Лютеранскаго Катихизиса 1562 года? У Копыстенскаго есть выдержки и изъ перевода Евангелія. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности сравнить ихъ съ текстомъ Пересопницкаго Евангелія или Евангелія Тяпницкаго.

болгарскаго правописанія, но также и не изъ хвастовства, какъ готовъ думать г. Владимировъ (стр. 235): это названіе въ примѣненіи къ языку нашихъ церковныхъ книгъ было, по видимому, въ большомъ ходу въ Литвѣ и Польшѣ XVI вѣка, и его употребляли, между прочимъ, Лука Гурницкій и кардиналъ Говій (Первольфъ, Славянская взаимность, стр. 81, 92).

Кромѣ этого вывода, съ общимъ взглядомъ г. Владимирова на характеръ дѣятельности Скорины находится въ связи странное замѣчаніе автора о вліяніи Скорины на южно- и западно-русскія печатныя изданія послѣдующаго времени. Г. Владимировъ нашелъ, что въ послѣднихъ отразилось „соединеніе основнаго московскаго, великорусскаго направленія съ собственнымъ направленіемъ западно-русской литературы, получившимъ опредѣленное выраженіе въ дѣятельности Скорины“ (стр. 208). При этомъ онъ указалъ на три Псалтири, одну заблудовскую и двѣ виленскія, и на Острожскую Библию, въ которыхъ повторяются кое-какія чтенія книгъ Скорины. Мы вполне согласны, что эти изданія свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ уваженіи или, по крайней мѣрѣ, вниманіи къ трудамъ Скорины во второй половинѣ XVI вѣка, но мы не видимъ у нихъ издателей ничего похожего на стремленія Скорины, какъ ихъ понимаетъ авторъ: они отнюдь не старались популяризовать библейскіе тексты посредствомъ введенія въ нихъ тѣмъ или другимъ путемъ народнаго языка; они только желали выпустить въ свѣтъ возможно болѣе исправные, исправленные тексты, и потому не стѣснялись пользоваться, въ числѣ другихъ источниковъ, и Скориною ¹⁾.

Г. Владимировъ не остановился на вопросѣ о вліяніи на текстъ Скориной Библии стараго польскаго перевода Библии. Хотя во времена Скорины печатныхъ изданій польской Библии еще не существовало, тѣмъ не менѣе эта Библия была, вѣроятно, до извѣстной сте-

---

¹⁾ Книги Скорины не считались еретическими или искаженными, и нѣкоторое время, до распространенія московскими бѣглецами-печатниками болѣе авторитетныхъ славянскихъ текстовъ великорусской редакціи, или пользовались въ юго-западной Руси наравнѣ съ старыми славянскими списками. Такъ, напримеръ, издатель Лютеранскаго Катихизиса 1562 года, приводя цитаты изъ Евангелія въ обыкновенномъ славянскомъ текстѣ, пользовались ветхимъ завиткомъ, между прочимъ, въ переводѣ Скорины. Сравни въ Катихизисѣ, л. 48 об.: „Моисей бо пишетъ, яко самъ Богъ велѣлъ чловека каменіемъ убити, аже только грѣши въ день суботный абраамъ“, а у Скорины: „знаша чловека, збирающаго трѣски въ день суботный“.

пени распространена въ рукописяхъ, какъ въ польскомъ, такъ, конечно, и въ ополячивавшемся русскомъ обществѣ. У насъ подъ руками старопольскій текстъ, такъ называемая Библия королевы Софьи, или Библия Парошпатацкая (Biblia królowej Zofii, żony Jagiełły, z kodeksu Szaroszpańskiego, wydana przez Małeckiego. We Lwowie. 1871), и хотя, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни одного изданія Скорины, мы не въ состояніи сдѣлать сколько-нибудь подробнаго сличенія этого текста съ Скорининымъ, тѣмъ не менѣе находимъ возможность указать нѣсколько мелочей: польск. uczyniła sobie wieniki 4 = Скорина, Бытіе: надѣлали собѣ вениковъ 12 об.; wziął chleba a lagwicę wody 24 = взялъ хлѣбъ и лагвицу воды 37; to gdyż był Abraham usłyszał, odważył jemu to srebro 27 = сие вегда услышалъ Авраамъ, отважилъ сребро 40; plew a siano jest dosyć u nas 28 = плевъ и сена много есть у насъ 42; plew a siano jím dal 28 = далъ имъ плевъ и сена 42. Само собою разумѣется, указанныя совпаденія текстовъ польскаго и Скоринина могутъ быть объяснены тѣмъ явѣстнымъ обстоятельствомъ, что оба текста имѣли своимъ источникомъ чешскій текстъ, но быть можетъ, сличеніе Скоринина текста съ польскимъ и чешскимъ (по Библии 1506 года, намъ неизвѣстной и пока недоступной) удостовѣритъ заимствованія Скорины изъ польской Библии. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы названный вопросъ получилъ себѣ то или другое разрѣшеніе.

Мы не будемъ останавливаться на мелочахъ и скажемъ только нѣсколько словъ о краковскихъ изданіяхъ Швайпольта Фіоля. Г. Владимировъ находитъ необходимымъ относить книги Фіоля къ памятникамъ южно-русскимъ (стр. 26), при чемъ основывается исключительно на руссизмахъ въ Часословіи 1491 года (изъ которыхъ многіе — обычное явленіе въ несомнѣнно молдавскихъ текстахъ и печатныхъ книгахъ). Мы согласны признать, что краковскія изданія имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ юго-западной Руси, въ виду того, что надъ ними работали въ типографіи Фіоля русскіе наборщики и корректоры, и что въ нихъ послѣсловія (или такъ-называемыя выходные лѣтописи) напечатаны на чистомъ русскомъ языкѣ, а въ текстѣ есть русская примѣсь, въ однихъ больше, въ другихъ (въ Триоди) меньше. Но это не мѣшаетъ изданіямъ Фіоля быть по тексту средне-болгарскими, или молдавскими, и не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что въ основаніи ихъ легли молдавскіе списки. Не имѣя основаній думать, чтобы Фіоль могъ предпринять печата-

ніе славянскихъ книгъ по собственной инициативѣ, и полагая, что онъ взялся за него вслѣдствіе чьего-либо заказа, мы считаемъ позволительнымъ догадываться, что этотъ заказъ былъ сдѣланъ ему отъ одного изъ молдавскихъ господарей или бояръ. По крайней мѣрѣ, тотчасъ за изданіями Фіодя съ текстами молдавской редакціи, послѣдовали несомнѣнно молдавскія изданія: Евангеліе Бѣгнера въ Брашова, конца XV или начала XVI вѣка (Каратаевъ, № 10), Октовъ воеводы Іоанна Влады 1510 г. (*ibidem*, № 11), Евангеліе воеводы Іоанна Бесараба 1512 г. (*ib.* № 12) и др., а въ ближайшихъ къ Кракову мѣстахъ южной Руси книгопечатаніе получило начало только съ прибытіемъ туда москвича Ивана Ѳедорова.

А. Соболевскій.

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ОПИСАНІЯ МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА. Выпускъ VI. Тифлисъ. 1888.

Слѣдя съ постояннымъ интересомъ за этимъ капитальнымъ изданіемъ управленія Кавказскаго учебнаго округа, мы не разъ имѣли случай указывать на то, что до сихъ норъ каждый новый выпускъ представлялъ замѣтное улучшеніе и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. Новый, разсматриваемый нами выпускъ, не уступая своимъ предшественникамъ ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи, превосходитъ ихъ особою чертою: именно разнообразіемъ матеріаловъ. Кромѣ статей статистическо-этнографическаго характера, мы находимъ въ немъ изслѣдованія и матеріалы по зоологической географіи, археологіи и лингвистикѣ. Таковы статьи: А. Никольскаго— „Городъ Гори въ орнитологическомъ отношеніи“, В. Долбежева— „Объ орнаментахъ и формахъ бронзы, находимыхъ въ доисторическомъ кладбищѣ, близъ селенія Уолла-Кобанъ, Терской области“, А. Іоакимова— „Нѣсколько словъ о нарѣчій трапезондскихъ грековъ съ образцами ихъ пѣсенъ“, и друг.

Не имѣя возможности въ небольшой замѣткѣ коснуться всѣхъ 14 статей новаго выпуска, мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ, привлечшихъ наше вниманіе тѣми или другими изъ сообщаемыхъ ими фактовъ.

Отмѣтимъ, что въ первомъ отдѣлѣ „Сборника“ особенно поспятили Кубанской области: здѣсь мы находимъ обстоятельное описаніе четырехъ ея станицъ: Отрадной (Д. Иванова), Расшеватской (К. Живило), Кубанской (В. Кобеляцкаго) и Бесленевской

(П. Блинюкова). Всѣ эти ставицы, какъ извѣстно, основаны сравнительно недавно: старѣйшая изъ нихъ, Расшеватская, ведетъ свое начало съ 1801 года, три же прочія существуютъ на свѣтѣ менѣе трехъ десятилѣтій ¹⁾, и потому изученіе ихъ экономическаго состоянія и вообще внутренняго быта представляетъ значительный интересъ для исторіи русской колонизаціи. Предлагая подробные отвѣты по всѣмъ рубрикамъ программы, авторы названныхъ статей останавливаются, иногда довольно пространнымъ, на обрядахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ и особенно пѣсняхъ. Последнія находятся въ связи съ разными моментами „свадьбы“ и представляютъ лишь варианты къ многочисленнымъ уже обнаруженнымъ великорусскимъ свадебнымъ пѣснямъ. Но это нисколько не лишаетъ ихъ особаго интереса, свидѣтельствуя о замѣчательной устойчивости великорусскихъ свадебныхъ мотивовъ. Любопытно наблюдать, какъ великорусская женщина, уже родившаяся, воспитанная и вышедшая замужъ на Кавказѣ, среди величественной горной природы, свѣтлыхъ хребтовъ, быстрыхъ потоковъ и тѣсныхъ ущелій, повторяетъ традиціонно старыя пѣсни, сложившіяся за тысячи верстъ отъ Кавказа на плоскости, пѣсни въ которыхъ упоминаются и „князя бояре, цѣловальники“, и „высоки терема“, и лебедушка“, отлетающая отъ стада лебединого къ стаду гусиному, и другія подобныя черты стародавнихъ свадебныхъ пѣсенъ... Для изслѣдователей русскаго сектанства представляетъ интересъ глава „религіозное движеніе“ въ статьѣ г. Живило о Расшеватской станицѣ. Въ началѣ 50-хъ годовъ здѣсь стала развиваться хлыстовщина подѣ влияніемъ пропаганды изъ села Тамбовскаго Ставропольской губерніи. Въ послѣдніе годы секта дѣлаетъ громадныя успѣхи: собранія хлыстовъ изъ 50—70 человекъ въ одномъ домѣ не рѣдки, и всѣхъ хлыстовъ въ станицѣ считается уже около 100 человекъ. Причина распространенія сектанства здѣсь та же, что и во многихъ другихъ мѣстахъ Россіи. „Присматриваясь къ жизни хлыстовъ“, говоритъ авторъ (стр. 66),— „и ихъ умственному настроенію, я пришелъ къ тому выводу, что народъ, желая познать Бога и получить спасеніе, внимательно вслушивался въ Св. Писаніе, обращался съ вопросами къ священнику; но, не получая желанныхъ отвѣтовъ и видя своего пастыря постоянно занятаго требами и житейскими заботами, мало по малу углубился въ самого себя; тутъ каж-

¹⁾ Отрядная основана въ 1858 г., Бесленеевская въ 1861 г. Самурская въ 1863 г.

дый по своему невѣжеству, сталъ убѣждаться, что искать истину нужно самому, ибо помощи взять не откуда. Такъ зародилось броженіе умовъ, а съ нимъ явились и вожаки, интересующіеся, главнымъ образомъ, даровымъ трудомъ и приношеніями паствы".

При просмотрѣ многихъ статей, посвященныхъ всестороннему описанію той или другой мѣстности, нерѣдко приходится наталкиваться на рубрику: „минеральныя богатства“. Сколько ни появлялось до сихъ поръ описаній природныхъ богатствъ Кавказа, они далеко еще не исчерпаны даже поверхностнымъ описаніемъ, не говоря уже о томъ, что разработка ихъ находится въ самомъ примитивномъ состояніи. Такъ, изъ статьи г. Кобеляцкаго мы узнаемъ, напримѣръ, что близъ станицы Самурской, кромѣ залежей охры, алебастра, есть серебряная руда и даже ртуть, называемая туземцами „живою водою“. И все это, конечно, не разрабатывается и ожидаетъ будущихъ изслѣдователей. „Что эта серебряная руда содержитъ очень много серебра, можно видѣть изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ то время, когда на Кавказѣ шла война съ горцами, англичане разрабатывали упомянутый рудникъ: они взяли у черкесовъ въ аренду землю и обязались платить имъ аренду кременными ружьями, пашками и не допускать русскія войска къ берегамъ Чернаго моря (sic). Этотъ договоръ былъ заключенъ ими съ Магометъ-Аминомъ, вождемъ черкесовъ западнаго Кавказа. Чтобы не подвергнуться ограбленію со стороны черкесовъ, жадныхъ до серебра, англичане распустили слухъ, будто бы они хотятъ добывать здѣсь желѣзо, особенно пригодное для подковъ англійской кавалеріи, и устроили заводъ съ такими предосторожностями, что ни одному черкесу не удалось побывать на немъ и видѣть работу.... Въ 1857 году, когда русскія войска слѣлали усиленный натискъ въ горы, англичане изъ не вывѣщеннаго еще серебра надѣлали подобіе подковъ и поспѣшили удалиться съ Кавказа, оставивъ всѣ постройки завода, которыя просуществовали до 1876 года. Въ 1879 году въ ст. Самурскую пріѣхалъ полякъ со своимъ инженеромъ-французомъ. Узнавъ о существованіи руды близъ станицы, они отправились съ проводникомъ-казакомъ къ руднику, прибили тамъ къ дереву свои карточки и возвратились въ станицу съ обѣщаніемъ вскорѣ заняться разработкой дорогъ и добываніемъ руды: при этомъ они сильно выругали англичанъ: они побывали въ бывшемъ заводѣ англичанъ, видѣли выброшенную, уже обработанную руду и нашли, что англичане добывали серебро самымъ хищническимъ способомъ, такъ какъ выброшенная земля содержала еще

много серебра. Изъ станицы Самурской полякъ и инженеръ-французъ поѣхали въ Екатеринодаръ представиться тогдашнему начальнику области г. Кармалину, но больше не возвращались въ Самурскую. Видѣвшіе ихъ потомъ въ Майкопѣ говорятъ, будто начальникъ области сказалъ имъ, что онъ намѣренъ самъ разрабатывать этотъ рудникъ⁴ (стр. 108). Однако уже прошло девять лѣтъ съ тѣхъ поръ, и вопросъ о разработкѣ, по видимому, канулъ въ Лету.

Оставляя въ сторонѣ двѣ описательныя статьи, посвященныя двумъ селамъ Елизаветпольской губерніи (селу Сарову Н. Григорьева и селу Гадрѣуту И. Давидбекова), переходимъ ко II-му отдѣлу разсматриваемаго выпуска.

Онъ открывается интересною статьей А. Иоакимова, редактированою профессоромъ Г. С. Дестунисомъ, подъ заглавіемъ „Нѣсколько словъ о нарѣчій трапезондскихъ грековъ, съ образцами ихъ нѣсепъ“⁴. По лингвистическому изученію этого греческаго нарѣчія, въ русской литературѣ до сихъ поръ ничего не сдѣлано, а между тѣмъ, по словамъ автора, нарѣчіе европейскихъ грековъ, такъ долго считавшееся чисто эллинистическимъ, сравнительно съ трапезондскимъ, оказалось гораздо болѣе уклонившимся отъ древне-греческаго. Такимъ образомъ живущіе у насъ на Кавказѣ греки, выходя изъ Трапезонды, говорятъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, по гречески чище, чѣмъ жители Элады (стр. 2). Авторъ разсматриваетъ фонетику и морфологию трапезондскаго нарѣчія, дѣлаетъ нѣкоторыя синтаксическія замѣчанія и приводитъ въ текстѣ и въ русскомъ переводѣ девять греческихъ пѣсень, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ отголоски историческихъ событій (напримѣръ, прекрасный плачъ о паденіи Византіи). Нужно пожелать, чтобы работа Иоакимова попала въ руки нашимъ эллинистамъ.

Въ V-мъ выпускѣ „Сборника“ было напечатано сказаніе о кабардинскомъ богатырѣ Адемирканѣ. Въ новомъ выпускѣ г. Лопатинскій сообщаетъ рядъ другихъ сказаній о томъ же національномъ кабардинскомъ героѣ, записанныхъ имъ со словъ кабардинца Талиба Канежева. Эти сказанія представляютъ какія-то глухія воспоминанія объ отдаленныхъ временахъ, о столкновеніи кабардинцевъ съ крымскими татарами и послѣдовавшемъ затѣмъ переселеніи всего народа или части его отъ береговъ Чернаго моря на сѣверо-кавказскую плоскость. Конечно, народная фантазія наложила на историческія событія свою печать. Такъ, ребенокъ Адемирканъ, подобно Моисею, Ромулу и Рему, брошенъ въ воду, носится по волнамъ моря

и вылавливается купающеюся кабардинскою княгиней, взявшею его затѣмъ на воспитаніе. Прійдя въ возрастъ, онъ переплываетъ Черное море на своемъ чудесномъ конѣ, при помощи котораго онъ вообще совершаетъ всякіе подвиги. Можетъ быть, въ послѣдствіи, когда будутъ собраны и изучены другія кабардинскія сказанія, историческіе отголоски несомнѣнно въ нихъ содержащіеся станутъ яснѣе и прольютъ нѣкоторый свѣтъ на прошлое этихъ „рыцарей Кавказа“, наложившихъ въ значительной степени свою печать на сосѣднія народности.

Въ заслугу слѣдующей, археологической, статьѣ г. Долбежева— „Объ орнаментахъ и формахъ бронзы, находимыхъ въ доисторическомъ кладбищѣ близъ селенія Уола-Кобанъ, Терской области“— слѣдуетъ поставить уже то, что она не потеряла нѣкотораго интереса даже послѣ появленія капитальнаго труда французскаго ученаго Шантра по археологій Кавказа ¹⁾. Г. Долбежевъ основательно изучилъ нинѣ знаменитый въ археологическомъ мірѣ Кобанскій могильникъ, которымъ занимались такіе ученые, какъ Ю. Д. Филимоновъ, графъ А. С. Уваровъ, В. Б. Антоновичъ, проф. Вирховъ и г. Шантръ. По словамъ автора, онъ въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ лично производилъ много разъ раскопки въ предѣлахъ этого доисторическаго кладбища, помогалъ въ раскопкахъ Вирхову и сообщаетъ наблюденія, сдѣланныя имъ на основаніи изученія болѣе чѣмъ 500 могилъ, вскрытыхъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ могильника (стр. 55). Понятно, что такія наблюденія имѣютъ за собою нѣкоторую основательность. Авторъ различаетъ верхніе этажи могилъ отъ нижнихъ такъ: въ двухъ верхнихъ этажахъ замѣченъ, по его наблюденіямъ, хотя слабо, у череповъ типъ плоскоголовый съ уширеніемъ назадъ, между тѣмъ какъ въ самыхъ нижнихъ, и поэтому древнѣйшихъ этажахъ, встрѣчается исключительно типъ длинноголовой расы; далѣе костяки нижнихъ двухъ этажей лежатъ на правомъ боку, съ руками, согнутыми къ лицу, лицомъ къ сѣверу, съ подогнутыми слегка голеними; въ верхнихъ этажахъ положеніе костяковъ иное; въ нижнихъ этажахъ встрѣчаются въ изобиліи бронзовыя издѣлія,—въ верхнихъ бронза попадаетъ рѣже и встрѣчаются остатки желѣзныхъ орудій и т. д. Авторъ подробно характеризуетъ типическіе бронзовые предметы Кобанскаго могильника (топоры, лонатообразныя большія булавки и друг.), рассматриваетъ ихъ ор-

¹⁾ Recherches anthropologiques dans le Caucase. 1886—1887. 4 Voll.

наментку и приводитъ, въ доказательство мѣстнаго происхожденія этихъ надѣлій, найденныя имъ и г. Кануковымъ глиняныя формы для отливки кинжала, топорика, длинной мужской булавки и друг.“ (стр. 67). Нельзя не замѣтить, что заключенія автора вообще отличаются осторожностью, которая далеко не всегда встрѣчается въ статьяхъ по доисторической археологii. Такъ, даже найденныя имъ глиняныя формы для надѣлій не вполне убѣждаютъ его въ мѣстномъ изготовленii бронзы: „Основываться на этихъ немногихъ находкахъ“, говоритъ онъ, — „трудно, и нужно предоставить будущимъ открытиямъ рѣшенiе вопроса, была фабрикацiя бронзы мѣстная, или онѣ доставлялись откуда-нибудь, или же то и другое вмѣстѣ“. Намъ кажется, однако, что съ этою осторожностью въ выводахъ не совсѣмъ гармонируетъ другое заключенiе автора, что „нельзя не признать за древнимъ Кобанскимъ народомъ оригинальнаго, самобытнаго существованiя, свободнаго отъ влiенiя какой-либо культуры извнѣ“ (стр. 68). Впервые, самъ авторъ ниже оставляетъ возможность для предположенiя, что бронзы могли быть доставляемы откуда-нибудь со стороны, а вторыхъ, если въ настоящее время нельзя указать точно какого-нибудь культурнаго влiенiя, отразившагося на кобанскихъ бронзовыхъ надѣльяхъ (хотя и есть попытки въ этомъ направленiи), то гдѣ ничего невозможнаго въ томъ, что какiя-нибудь новыя находки въ сосѣднихъ странахъ обнаружатъ связь кобанской культуры съ какою-нибудь другою.

За статьей г. Долбежева слѣдуетъ небольшой сборникъ народныхъ сказокъ закавказскихъ татаръ, составленный г. Захаровымъ. Сказки разнообразны по содержанию и представляютъ много мотивовъ общихъ со сказками русскими и другими европейскими. По особеннаго вниманiя заслуживаетъ сказка № 2 „Отъ судьбы не уйдешь“, которую мы считаемъ не лишнимъ передать въ нѣсколькихъ словахъ въ виду того, что она представляетъ любопытную параллель къ одной русской побывальщинѣ. Молодой царевичъ заблудился въ лѣсу на охотѣ, провелъ тамъ ночь и утромъ набрелъ на домикъ, въ которомъ увидѣлъ дряхлаго старика, читавшаго большую книгу и что-то по временамъ записывавшаго въ ней тростниковымъ перомъ. Царевичъ спросилъ у него объясненiя его занатiя. Тотъ долго отказывался и наконецъ сказалъ, что записываетъ въ книгу судьбу каждаго человека. „Въ такомъ случаѣ“ попросилъ царевичъ, — „потрудись узнать въ твоей книгѣ, что определено мнѣ судьбою“. Старикъ посмотрѣлъ въ книгу и объявилъ, что судьба предназначила царевичу жениться

на дочери бѣднаго пастуха, которая давно страдает неизлѣчимою болѣзнью. Царевичъ разсердился на старика, ушелъ изъ его хижины и побрелъ, куда глаза глядятъ. Идя ночью на свѣтъ огонька, онъ пришелъ къ хижинѣ одного бѣдняка, который предложилъ ему у себя почевать. „Если не побрезгуешь твоя милость“, сказалъ онъ, — „то я помѣщу тебя въ моей хижинѣ; тамъ спать только моя больная дочь“. „Больная дочь?“ спросилъ царевичъ, — „а кто же ты самъ?“ „Я бѣдный пастухъ, твой покорный рабъ, мой милостивый ага“. Царевичъ тотчасъ догадался, что больная дѣвушка—предназначенная ему невѣста, и рѣшился ее погубить. Онъ легъ почевать въ комнатѣ больной, а пастухъ съ женою спали на дворѣ. Ночью царевичъ, убѣдившись что хозяйка спитъ глубокимъ сномъ, подошелъ къ спящей дѣвушкѣ и ударилъ ее кивжаломъ въ животъ. Она громко вскрикнула и замолкла. Думая, что она мертва, царевичъ положилъ около нея мѣшокъ съ червонцами, вышелъ тихонько изъ хижины и исчезъ въ темнотѣ. По уходѣ царевича, когда утромъ отецъ и мать вошли въ хижину, то увидѣли дочь свою совсѣмъ здоровой. Оказалось, что ударъ кивжаломъ исцѣлилъ ее, такъ какъ она страдала водянкой. Обрадованные родители вмѣстѣ съ дочерью переселились въ городъ, гдѣ купили себѣ домъ на деньги, оставленные царевичемъ. Дочь ихъ стала замѣчательною красавицей. Однажды царевичъ увидѣлъ ее у крыльца дома, влюбился въ нее и сталъ умолять отца своего дозволить на ней жениться. Царь изъ любви къ сыну соглашается исполнить его просьбу. Однажды молодая царевна съ матерью и сестрами своего мужа пошли въ баню. Онѣ замѣтили у нея глубокой шрамъ и сказали царевичу. Онъ распросилъ жену и убѣдился, что жена его именно та дѣвушка, которую онъ покушался убить.

Приведенная сказка какъ въ цѣломъ, такъ и во многихъ деталяхъ, близко напоминаетъ побывальщину о женитбѣ богатыря. Святогора, записанную Рыбниковымъ (I, стр. 40—41). Желая узнать свою судьбу, Святогоръ, по совѣту Микулы, ѣдетъ къ „Сивернымъ“ горамъ и пріѣзжаетъ къ кузницѣ, гдѣ кузнецъ куетъ два тонкихъ волоса. „Говоритъ богатырь таковы слова: А что ты куешь, кузнецъ? Отвѣчаетъ кузнецъ: я кую судьбину, кому на комъ жениться.—А мнѣ на комъ жениться?—Твоя невѣста въ царствѣ Поморскомъ, въ престольномъ во городѣ, тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ. Стоитъ богатырь, пораздумался: дай-ка я поѣду въ тое царство Поморское и убью тую невѣсту. Пріѣхалъ онъ къ царству Поморскому, ко тому ко городу ко престольному, пріѣзжалъ къ домишечку убогому, вхо-

дѣтъ въ избу: никого нѣтъ дома, одна только дѣвка лежитъ во гноищѣ; тѣло у ней—точно еловая кора.—Вынулъ Святогорь-богатырь пятьсотъ рублей и положилъ на столѣ, и взялъ свой острый мечъ и билъ ее мечомъ по бѣлой груди, а затѣмъ и уѣхалъ изъ царства Поморскаго. Проснулась дѣвка, смотритъ: съ нея точно еловая кора спала, а на столѣ лежитъ денегъ пятьсотъ рублей; и стала она красавицей: такой на свѣтѣ не видано, на бѣломъ не слыхано. На тыя деньги начала она торговать и нажила безсметну золоту казну, строила кораблики черленые, накладала товары драгоцѣнные и поѣхала по славну по синю морю. Приѣхала она ко городу великому на святыхъ горахъ и стала продавать товары драгоцѣннѣе. Слухъ про ея красоту пошелъ по всему городу и по всему царству. Пришелъ и Святогорь-богатырь посмотрѣть на красавицу; полюбилась она ему. Сталъ онъ ю святать за себя, и она пошла за него замужъ. Какъ поженился на ней и легли спать, увидѣлъ онъ рубчикъ на ея бѣлой груди и спрашивалъ жену: что у тебя за рубецъ на бѣлой груди? Отвѣчала ему жена: въ наше царство Поморское приѣзжалъ не вѣмъ человекъ, оставилъ въ нашей избу денегъ пятьсотъ рублей, а я спала крѣпкимъ сномъ. Какъ проснулась, у меня рубецъ на бѣлой груди и точно еловая кора спала съ бѣла тѣла, а до той поры-времени я лежала во гноищѣ цѣло тридцать лѣтъ. Тутъ Святогорь-богатырь дозналъ, что отъ судьбины своей нигуда не уѣдешь“. Въ виду смѣшенія въ нашихъ былинахъ личностей Святогора и Самсона, и послѣдному богатырю приписываетъ одна побывальщина женитьбу въ Поморскомъ царствѣ на дочери Луки Калѣки, которая тридцать лѣтъ лежала на гноищѣ“ (Рыбниковъ III, 3).

Разсматривая записанную Рыбниковымъ побывальщину, мы замѣчаемъ, что она сохраняетъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ еще яркіе слѣды своего предшествующаго состоянія, то-есть, былины. Таковы: Сиверныя горы, Святныя горы, Поморское царство и друг. Но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется, что эта былина еще раньше, прежде чѣмъ сложилась въ былинный размѣръ, была сказкой, только случайно прикрѣпившеюся къ личности Святогора или Самсона. Притомъ нельзя не замѣтить, что эта сказка, перейди въ былинную форму, утратила значительную долю логичности и осмысленности въ деталяхъ, именно вслѣдствіе того, что въ нее вторгнулись некстати reminiscences изъ другихъ былинъ, связанныхъ съ именемъ Святогора и Самсона. Къ такимъ былиннымъ отголоскамъ, внесшимъ въ сказку запутанность и неосмысленность, нужно отнести, наприимѣръ, кузнеца, кушащаго два

тонкіе волосы, о которыхъ далѣе въ побывальщинѣ нѣтъ никакого упоминанія ¹⁾), и Святыя горы, находящіяся въ связи съ именемъ богатыря Святогора. Станнымъ и не мотивированнымъ представляется также оставленіе Святогоромъ 500 рублей у дѣвушки, которую онъ убиваетъ, между тѣмъ какъ тотъ же мотивъ является вполне умѣстнымъ въ татарской сказкѣ, такъ какъ мѣшокъ съ деньгами, оставленный царевичемъ, долженъ служить вознагражденіемъ родителямъ дѣвушки, оказавшимъ царевичу гостепримство, за которое онъ отплатилъ имъ убійствомъ ихъ больной дочери. Вѣроятно, въ какомъ-нибудь другомъ изводѣ русской побывальщины была подробность болѣе близкая къ татарской сказкѣ, то-есть, упоминались родители Святогоровой суженой; по крайней мѣрѣ въ побывальщинѣ о женитьбѣ Самсона упоминается отецъ больной дѣвушки какой-то Лука Калѣка, который, вѣроятно, по логикѣ сказки (въ какомъ-нибудь изводѣ) получалъ деньги, оставленные богатыремъ и послужившія затѣмъ къ обогащенію исцѣленной дочери.

Наши изслѣдователи былинѣ указали въ нѣкоторыхъ сказкахъ мотивы и отдѣльныя черты, напоминающія побывальщину о женитьбѣ Святогора ²⁾). Изъ указанныхъ ими сказокъ только одна дѣйствительно напоминаетъ побывальщину. Это пермская сказка о невѣстѣ-горбуньѣ, напечатанная въ Пермскомъ Сборникѣ ³⁾). Но эта сказка значительно подновлена въ подробностяхъ и, какъ уже сказалъ г. Ждановъ, въ ней умалчивается о многомъ такомъ, о чемъ разсказываетъ побывальщина: поѣздка куда-то далеко, сонъ суженой,

¹⁾ Эти два волоса, вѣроятно, реминисценція тѣхъ золотыхъ волосъ, отъ которыхъ зависѣла сила Самсона.

²⁾ См. *Ор. Миллеръ*. Илья Муромецъ, 239, примѣч. 146. *И. Ждановъ*. Литературной исторіи русской былевой поэзіи, стр. 140 и слѣд.

³⁾ Искалъ одинъ человекъ себя невѣсту. Пришелъ разъ въ церковь. Старикъ одинъ говоритъ ему: чего ты ищешь?—Невѣсту. Взялъ его за руку, подвелъ къ нишшии и указалъ на горбатую нишшю: „вотъ твоя, говоритъ, судьба: не обойдешь, не объѣдешь“... Постой же, думаетъ мужикъ, я засѣку нишшю. Нишша эта жила въ богадѣльнѣ; вотъ, онъ ночью пріѣхалъ туда, выдвинулъ горбуню, хватилъ ее тесакомъ и самъ ушелъ скоро. Думать дорогой: засѣкъ теперь нишшу, вотъ и судьба моя!“ Однако горбуня отъ удара тесака не умерла, а стала красивой дѣвкой и поступила въ кухарки къ одному оенцеру. Назначенный ей судьбою женихъ встрѣтился съ нею и присватался. Она согласилась. Когда молодые пошли въ бавю, мужъ увидѣлъ у нея рубцы, разспросилъ ее и узналъ, что она именно та самая, которую онъ покушался убить. См. *Пермскій Сборникъ*, кн. II, отд. 2, стр. 166.

деньги, оставляемые богатырем¹⁾). Притомъ, вмѣсто одной встрѣчи, въ сказкѣ упоминаются двѣ встрѣчи юноши съ суженой: въ церкви и въ богадѣльнѣ. Такимъ образомъ пермскую сказку нельзя и сравнивать съ кавказскою по отношенію близости той и другой къ побывальщинѣ о женитьбѣ Святогора-Самсона. Кавказская сказка содержитъ всѣ главныя и существенныя черты побывальщины и притомъ съ болѣе осмысленною мотивировкой.

Къ какому же заключенію можно прійти, сравнивая нашу побывальщину съ кавказскою сказкой? Мы склонны думать, что та и другая восходятъ къ одному оригиналу, который возникъ во всякомъ случаѣ не въ Россіи, а зашелъ въ нее съ востока, вѣроятно, путемъ Кавказа. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ такой же примѣръ вторженія восточной сказки въ русскую былинку и приуроченія сказочнаго мотива къ имени русскаго богатыря, какой уже давно указанъ въ другомъ разказѣ о томъ же Святогорѣ и его невѣрной женѣ, которую онъ носитъ въ хрустальномъ ларцѣ²⁾). Любопытно, что именно на старшаго богатыря, Святогора наложены сказочныя восточныя осадки въ такомъ количествѣ. Позволимъ себѣ по поводу этого сопоставленія побывальщины съ кавказскою сказкой высказать убѣжденіе, что болѣе подробное изученіе кавказскихъ народныхъ сказаній должно уяснить вліяніе послѣднихъ на русскія, восходящее къ весьма отдаленнымъ временамъ. Уже теперь указаны нѣкоторыя черты сходства между кавказскими нартскими сказаніями и русскими богатырскими. Но такія черты могутъ быть обнаружены въ значительно большемъ количествѣ, и мы предоставляемъ себѣ въ специальномъ изслѣдованіи вернуться къ этому вопросу, съ цѣлію доказать, что Кавказъ воспринималъ въ значительномъ количествѣ восточныя (особенно персидскія) эпическія мотивы, перерабатывалъ ихъ и отпускалъ на сѣверо-западъ въ южно-русскія степи.

Поразительную близость къ русской сказкѣ „Царевичъ-козленочекъ“ представляетъ кавказская „О двухъ сиротахъ“ (№ 5). Братъ съ сестрой, оставшись сиротами, пошли бродить куда глаза глядятъ. Брата томитъ жажда, онъ увидѣлъ лужу съ водой и хочетъ напиться. Сестра (Вибли-джанъ) предупреждаетъ его: „Не пей, Аскеръ-джанъ,

¹⁾ *Ждановъ*, оп. с., 143.

²⁾ См. *Op. Миллеръ*. Илья Муромецъ, стр. 166, примѣч. 5. *Вс. Миллеръ*. Отчетъ Московскаго университета за 1875 г. *А. Н. Веселовскій*. Филологич. записки 1876 г., вып. 6. *Rimbaud*. La Russie épique, pp. 49—50.

здѣсь слѣдъ копытъ лошади: выищешь, обратишься въ лошадь⁴. То же повторяется у лужъ со слѣдами коровьихъ и оленьихъ копытъ. Наконецъ, братъ не выдержалъ, напился воды изъ четвертой лужи и обратился въ красиваго джейрана. Затѣмъ, такъ же какъ и въ русской сказкѣ, на дѣвушкѣ женится царь и она подвергается преслѣдованію черной служанки (въ русской сказкѣ колдуньи), которая привязываетъ ей къ шеѣ тяжелый камень и топить ее въ морѣ, а сама принимаетъ ея видъ и становится царицей. Затѣмъ колдунья хочетъ извести и джейрана, притворяется больной и требуетъ отъ царя, чтобы онъ накормилъ ее для излѣченія мясомъ джейрана. Джейранъ, догадываясь объ ожидающей его участи, бѣжитъ къ морю и кричитъ: „Библи-джанъ, Библи-Джанъ! наточили ножи, нагрѣли воду, меня хотятъ зарѣзать“¹⁾. Сестра изъ-подъ воды говоритъ ему: „Библи да будетъ твоей жертвою, Аскеръ-джанъ! Рыба меня проглотила, тяжелый камень обрѣзалъ мнѣ шею, царскій же младенецъ бѣлый какъ вата, покоится въ моихъ объятіяхъ“²⁾. Царь подслушиваетъ разговоръ брата и сестры, закидываетъ сѣти и достаетъ изъ моря свою настоящую жену живую. Затѣмъ черную служанку привязываетъ къ хвосту дикой лошади.

Сравнивая кавказскую сказку съ нашею и нѣмецкою (Brüderchen und Schwesterchen) у Гримма (Kinder und Hausmäschen, ч. I, № 11), мы замѣчаемъ, что послѣдняя значительно расходитъ въ деталяхъ съ обѣими. Въ нѣмецкой злою силою является мачиха, проклинающая источники, вслѣдствіе чего пасынокъ и обращается въ серну, и выдающая свою дочь за падчерицу, которую мачиха не утопляетъ въ морѣ, а запираетъ въ баню, вслѣдствіе чего вторая половина сказки получаетъ другой видъ. Вообще близость разсмотрѣнной татарской сказки къ русской такова, что и здѣсь „кавказскій путь“ перехода восточныхъ сказокъ на Русь представляется намъ возможнымъ, и мы полагаемъ, что специальное изслѣдованіе кавказскихъ сказокъ, которыхъ теперь издано уже значительное количество, въ связи съ русскими должно привести къ интереснымъ результатамъ.

¹⁾ Въ нашей сказкѣ козленокъ поетъ: „Аленушка, сестрица моя! Вызывай, выплывай на бережокъ. Огни горятъ горячіе, котлы кипятъ кипучіе, ножи точатъ булатные, хотятъ меня зарѣзать“.

²⁾ Въ нашей сказкѣ сестра говоритъ: „Иванушка-братецъ! Тамъ же камень на дну тянется, люта змѣя сердце высосала!“

Не имѣя возможности остановиться на трехъ остальныхъ этнографическихъ статьяхъ этого выпуска ¹⁾, отмѣтимъ, что новинку въ „Сборникѣ“ представляетъ Приложение, весьма желательное для лингвистовъ и, по словамъ завѣдующаго этимъ отдѣломъ, г. Завадскаго, имѣющее являться и при дальнѣйшихъ выпускахъ. „Въ приложеніи къ „Сборнику“, говоритъ г. Завадскій, — „предположено издавать на туземныхъ языкахъ словесныя произведенія народовъ, живущихъ на Кавказѣ“, при чемъ предлагается нѣсколько совѣтовъ относительно правильной научной передачи звуковъ записываемыхъ туземныхъ текстовъ. Согласно съ этимъ въ VI-мъ выпускѣ мы находимъ абхазскую азбуку барона Услара съ объясненіемъ произношенія буквъ и одну абхазскую сказку, записанную этою азбукой и сопровождаемую двумя переводами—дословнымъ и литературнымъ. Далѣе слѣдуетъ удинская азбука и сказка о Рустамѣ, записанная на ней природнымъ удипомъ изъ Варташепа, учителемъ Миханломъ Вежановымъ. Конечно, дословные переводы даютъ лингвисту нѣкоторую возможность составить себѣ понятіе о синтаксическомъ строѣ языка, но цѣль грамматическаго изученія достигалась бы удобнѣе, еслибы, сверхъ того, текстъ сопровождался разборомъ каждаго слова съ морфологической стороны. Примѣромъ такого разбора могли бы служить изданные г. Загурскимъ курдскіе тексты. Въ заключеніе замѣтимъ, что удинская сказка о Рустамѣ сама по себѣ полна интереса, такъ какъ свидѣтельствуетъ о необыкновенной живучести иранскихъ сказаній на Кавказѣ, на которую намъ уже приходилось указывать.

Всев. Шиллеръ.

---

¹⁾ Священника *Т. Стефанова*: Обряды и обычаи, соблюдаемые жителями города Ейска, Кубанской области, при рожденіи человека, бракосочетаніи и погребеніи умершихъ; *Гассанъ-бекъ-Бачирова*: Нѣкоторыя характерныя черты жителей селенія Герай-бой-Ахмоды Елисаветпольскаго уѣзда, и г. *Григорій Горбунова*: Загадки и сказки, записанныя въ селѣ Кызгулакѣ, Новогригорьевскаго уѣзда Ставропольской губерніи.

Мочульский В. Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. Варшава. 1887.

Названное изслѣдованіе, вышедшее отдѣльнымъ изданіемъ въ самомъ концѣ прошлаго года, печаталось сперва на страницахъ Русскаго Филологическаго Вѣстника (см. томы XVI, XVII и XVIII). Оно состоитъ изъ предисловія, введенія, четырехъ главъ, приложений и дополненій.

Въ введеніи авторъ останавливаетъ вниманіе читателя на тѣхъ направленіяхъ, которыя сказались въ научныхъ изслѣдованіяхъ даннаго вопроса. Первое направленіе, главными представителями котораго считаются Надеждинъ, Аванасевъ, П. А. Безсоновъ, отчасти Шениретъ, Ф. И. Вуслаемъ и О. Ф. Миллеръ, онъ называетъ идеальнымъ, „опредѣляя его не по существу, а по тѣмъ патристическимъ стремленіямъ, какими проникнуты относящіяся сюда работы“. Оно стремится расширить область умственнаго достоянія русскаго народа, возвысить родную старину, отпося черты разсматриваемаго памятника къ прастаринѣ арійской. Второе, срединное направленіе занимается вопросомъ о книжномъ вліяніи и о книжныхъ наслоеніяхъ на исконно-древней основѣ стиха о Голубиной книгѣ. Въ такомъ направленіи изслѣдовали данный стихъ гг. Тихонравовъ, Пыпинъ, Вуслаевъ, Ягичъ, Срезневскій, Котларевскій и Порфирьевъ. Наконецъ третье и послѣднее направленіе, по словамъ г. Мочульскаго, „смѣло можно назвать реальнымъ“, какъ по его отношенію къ разработкѣ народныхъ памятниковъ, такъ и по нѣкоторой противоположности первому направленію. Оно характеризуется объективнымъ отношеніемъ къ дѣлу, выражающимся въ холодномъ анализѣ фактовъ. Сюда относятся труды А. Н. Веселовскаго, А. И. Кирпичникова, Билярскаго. „Въ заключеніе этого краткаго очерка“, говоритъ г. Мочульскій, — „долгомъ считаю предупредить читателя, что, держась въ своемъ изслѣдованіи стиха о Голубиной книгѣ строго реального направленія, я позволю себѣ также приводить аналогіи изъ области народныхъ представленій“.

Прежде, чѣмъ коснуться разсмотрѣнія книжныхъ источниковъ стиха о Голубиной книгѣ, авторъ дѣлаетъ „предварительные выводы о составѣ стиха и предположенія о его редакціяхъ“. Касательно состава стиха авторъ приходитъ къ выводу, что въ немъ различаются части — существенныя, встрѣчающіяся во всѣхъ почти спискахъ, и несущественныя, встрѣчающіяся только въ нѣкоторыхъ

спискахъ. Къ несущественнымъ онъ относитъ эпическое вступленіе, отсутствующее въ трехъ спискахъ и варьирующееся на разные лады въ другихъ, и сонъ о дровѣ; къ существеннымъ же — заключительную часть вступленія (обрисовку Голубиной книги и лицъ, собравшихся около нея), вопросы по космогоніи, о созданіи человѣка и касть, о первенствѣ и старѣйшинствѣ предметовъ въ мірѣ и сонъ о правдѣ и кривдѣ. Переходя затѣмъ къ вопросу о редакціяхъ стиха, авторъ сознается, что тутъ возможны только гадательныя предположенія. Предположительно онъ находитъ три редакціи: 1) простѣйшую съ космогоніей безъ созданія человѣка и касть, безъ сна о Правдѣ и Кривдѣ, болѣею частью и безъ эпической обстановки, съ однимъ Давидомъ, а иногда и вопрошающимъ Владиміромъ; 2) вторую редакцію болѣе сложную: тутъ уже полная космогонія съ созданіемъ человѣка, сонъ о Правдѣ и Кривдѣ, болѣе сложная эпическая обстановка съ замѣной иногда Владиміра Володомъ; 3) третью редакцію — самую сложную, которая заключаетъ въ себѣ космогонію безъ созданія человѣка, но съ упоминаніемъ о созданіи касть, сонъ о Правдѣ и Кривдѣ и сонъ о дровѣ, еще болѣе сложную эпическую обстановку съ обозначеніемъ мѣста событія и упоминаніемъ нѣсколькихъ лицъ, собравшихся къ мѣсту событія. Кромѣ этихъ трехъ редакцій, авторъ считаетъ возможнымъ признать еще четвертую—смѣшанную.

Въ первой главѣ рѣшается вопросъ о книжныхъ источникахъ стиха о Голубиной книгѣ. Не высказывая своего взгляда, г. Мочульскій разбираетъ предварительно основныя взгляды, существующіе по этому вопросу въ нашей ученой литературѣ. Гг. Кирпичниковъ, Порфирьевъ и особенно Вуслаевъ считаютъ источникомъ стиха „Бесѣду трехъ святителей“. Останавливаясь, главнымъ образомъ, на трудахъ г. Вуслаева, авторъ находитъ, что онъ объяснилъ весьма немногое въ стихѣ о Голубиной книгѣ „Бесѣдой“, но указалъ помимо нея и другіе источники—народныя представленія и фзіологи. „Къ сожалѣнію“, говоритъ г. Мочульскій,—„Вуслаевъ не анализировалъ самой „Бесѣды“ и ограничился въ данномъ случаѣ лишь общими замѣчаніями и тѣми аналогичными мотивами, которые сами, такъ сказать, бросаются въ глаза“. А при такихъ условіяхъ возможенъ произволъ, при которомъ всякій новый памятникъ съ аналогичнымъ мотивомъ можетъ считаться новымъ источникомъ. Такъ, г. Пыпинъ находитъ источники стиха въ азбуковникахъ, въ безыменныхъ сборникахъ и апокрифическомъ „Свѣтѣ божественныхъ книгъ“. При этомъ авторъ справедливо замѣчаетъ, что для опредѣленія влія-

ніа одного памятника на другой мало указать на аналогичные мотивы, но необходимо еще указать на самую возможность этого вліянія, установить тѣсное внутреннее соотношеніе памятниковъ между собою.

Послѣднее слово науки въ вопросѣ о книжныхъ источникахъ стиха о Голубиной книгѣ представляетъ взглядъ, высказанный гг. Тихонравовымъ, Ягичемъ и особенно акад. Веселовскимъ. По этому взгляду, источникъ стиха находится въ апокрифическихъ Вопросахъ Іоанна Богослова Господу на горѣ Фаворской (Откровеніе Іоанна). Но слѣдя за содержаніемъ этого апокрифа съ содержаніемъ стиха, г. Мочульскій находитъ между ними весьма мало общаго. Единственный аналогичный мотивъ въ этихъ произведеніяхъ—грандіозная книга—иначе обрисовывается въ апокрифѣ и иначе въ стихѣ о Голубиной книгѣ: въ послѣднемъ она меньше объемомъ, потому что содержаніе ея значительно меньше содержанія книги апокрифическаго апокалипсиса. Эта послѣдняя есть книга конечныхъ судебъ міра, заключающая въ себѣ грѣхи людскіе, и потому является при концѣ міра и, соответственно безконечности грѣховъ человѣческихъ, имѣетъ безконечный размѣръ. Голубиная же книга повѣствуетъ о началѣ міра, излагаетъ исторію человѣчества и только отчасти касается будущаго. Имѣя ограниченный матеріалъ, она имѣетъ и меньшіе размѣры.

Такъ какъ г. Веселовскій идетъ еще дальше и утверждаетъ, что Голубинный стихъ опредѣляется составомъ главной учительной книги дуалистической ереси—„Liber S. Johannis“ или „Secretum“, то г. Мочульскій и ее подвергаетъ подробному разсмотрѣнію. Онъ утверждаетъ, во первыхъ, что между „Secretum“ и „Вопросами“ какъ въ формальномъ отношеніи, такъ и по существу замѣтна большая разница, а во вторыхъ, находитъ не совсѣмъ вѣрнымъ взглядъ г. Веселовскаго на книгу „Liber S. Johannis“, считающаго ее богомилскою редакціей апокрифическаго апокалипсиса Іоанна. По мнѣнію г. Мочульскаго, „Liber S. Johannis“ состоитъ изъ двухъ книгъ: 1) Отреченной книги Бытія и 2) Апокрифическаго апокалипсиса Іоанна, припоровленнаго къ міровоззрѣнію богомиловъ. Объ отношеніи же „Secretum“ къ стиху о Голубиной книгѣ онъ говоритъ, что оно опредѣляется тѣмъ апокрифическимъ матеріаломъ, который даетъ книга Іоанна, а не еретическими принципами. Свой взглядъ на источники и происхожденіе стиха о Голубиной книгѣ авторъ формулируетъ такъ: „Источникомъ стиха о Голубиной книгѣ, дающимъ объясненіе, какъ формальному составу стиха, такъ и ключъ къ матеріальному его содер-

жанію, служатъ, по моему мнѣнію, апокрифическая „Бесѣда трехъ святителей“. Имѣющіеся у меня подъ руками списки этой „Бесѣды“ даютъ полную возможность выяснитъ отношеніе апокрифической „Бесѣды“ къ стиху о Голубиной книгѣ и даютъ право установить между ними близкую генетическую связь. Но это количество списковъ сравнительно со всѣми имѣющимися списками „Бесѣды“ въ разныхъ книгохранилищахъ не даетъ еще права произнести рѣшительное слово о происхожденіи самой „Бесѣды“, а потому въ данномъ вопросѣ я ограничусь пока одними лишь предположеніями“.

Извѣстные г. Мочульскому 25 списковъ „Бесѣды“ онъ дѣлитъ на три редакціи. Разсмотрѣвъ относимые имъ къ первой редакціи списки, онъ дѣлаетъ такой выводъ: „Представляя въ начальномъ своемъ видѣ діалогъ, а не бесѣду трехъ святителей, эта первичная редакція „Бесѣды“ по своему содержанію заключаетъ апокрифическое толкованіе Св. Писанія, начинаясь именпо толкованіемъ Евангелія и въ частности—воплощеніемъ Сына Божія. Впослѣдствіи къ этому апокрифическому толкованію Евангелія стали прибавлять и толкованіе книгъ Ветхаго Заветъа и первоначально, какъ видимъ изъ первой редакціи „Бесѣды“, толкованіе именно книги Бытія“.

Списки второй редакціи, по мнѣнію г. Мочульского, рѣзко отличаются отъ списковъ первой и въ внѣшнемъ отношеніи (они носятъ названіе „Бесѣды трехъ святителей“, а не діалога), и по содержанію (больше фактовъ и больше апокрифическаго матеріала). „Присматриваясь къ матеріальному составу списковъ этой редакціи“, говоритъ онъ,— „легко въ данномъ случаѣ различить слѣдующія составныя ея части: 1) апокрифическое толкованіе книги Бытія; 2) отчасти толкованіе Псалтыри и книгъ премудростей Соломона и Иисуса сына Сирахова; 3) Толкованіе Евангелія; 4) Апостола и 6) Апокалипсиса Іоанна... Изъ апокрифовъ, вошедшихъ въ ея составъ и замѣтно отпечатлѣвшихся въ ней свои слѣды, можно пока отмѣтить слѣдующіе: 1) апокрифическую книгу Бытія (въ узкомъ смыслѣ — зачатія неба и земли); 2) Книгу Адама; 3) апокрифъ „Отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ“; 4) апокрифическія сказанія о Моисеѣ; 5) апокрифическія сказанія о Давидѣ и премудрости Соломона; 6) одно изъ апокрифическихъ Евангелій; 7) апокрифическія сказанія о Крестномъ дрѣвѣ, и наконецъ, 8) апокрифическій апокалипсисъ Іоанна“.

Всѣ списки третьей редакціи, хотя и не въ одинаковой степени, носятъ на себѣ, по мнѣнію автора, слѣды еретичества.

Начиная со второй главы, г. Мочульскій указываетъ на ближайшія

отношенія и внутреннюю генетическую связь „Бесѣды трехъ святителей“ и стиха о Голубиной книгѣ. Онъ беретъ отдѣльные вопросы изъ стиха и рассматриваетъ ихъ отношеніе къ тѣмъ составнымъ частямъ сложной апокрифической „Бесѣды“, которыя указалъ раньше. Такъ, для космогоническихъ вопросовъ стиха о Голубиной книгѣ, касающихся созданія міра, человѣка и кастъ, онъ указываетъ источникъ въ предположенной апокрифической книгѣ бытія и въ апокрифѣ „отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ“. То же онъ дѣлаетъ въ 3-й главѣ съ вопросомъ о старѣйшинствѣ и первенствѣ предметовъ. Четвертая глава занята разсмотрѣніемъ сна о Правдѣ и Кривдѣ и сна о дровѣхъ.

Въ приложеніяхъ напечатаны: № 1-й—Списокъ Бесѣды изъ славянской рукописи Московской синод. библіотеки (№ 330—682, XVI вѣка), относимый Мочульскимъ къ первой редакціи; № 2-й—А) текстъ изъ рукописнаго сборника XVIII вѣка, вывезеннаго В. И. Григоровичемъ изъ Чебоксаръ и хранящагося въ библіотекѣ Новороссійскаго университета, названный авторомъ „Отреченной книгой Бытія“, Б) „Вопросы и Отвѣты“, считаемыя имъ самымъ полнымъ спискомъ „Бесѣды трехъ Святителей“ и относимыя ко второй редакціи.

Таково содержаніе труда г. Мочульскаго.

Хотя авторъ въ предисловіи весьма неопредѣленно говоритъ о цѣли и задачѣ своего изслѣдованія, тѣмъ не менѣе онъ ясно видны изъ подробно изложеннаго нами содержанія меньшей части его труда. И цѣль, и задача новаго сочиненія въ области стиха о Голубиной книгѣ указывались предшествующими изслѣдованіями и состояли въ томъ, чтобы болѣе научнымъ образомъ опредѣлить книжные источники этого загадочнаго и интереснаго стиха. Г. Мочульскій и старается сдѣлать это въ своемъ изслѣдованіи.

Какъ мы видѣли, онъ не указываетъ на новый источникъ стиха о Голубиной книгѣ, а держится на этотъ счетъ взгляда гг. Кирпичникова, Порфирьева и Буслаева, считающихъ таковымъ „Бесѣду трехъ Святителей“. Чтобы сдѣлать свою работу дѣйствительно полезною, чтобы „поспособствовать и съ своей стороны рѣшенію основныхъ вопросовъ загадочнаго стиха“, ему нужно было сдѣлать то, чего не сдѣлалъ г. Буслаевъ. Иначе сказать, онъ долженъ былъ подвергнуть самому тщательному анализу содержаніе „Бесѣды“, опредѣлить составъ ея и происхожденіе, а затѣмъ уже указать отношенія ея къ стиху о Голубиной книгѣ. Дѣлаетъ ли это въ своемъ изслѣдованіи г. Мочульскій? Нѣтъ, онъ только обѣщаетъ не въ далекомъ будущемъ посвя-

тить „Бесѣдѣ“ особое специальное сочиненіе, въ которомъ надѣется сказать свое слово о составѣ и происхожденіи ея, а пока находить возможнымъ ограничиться на этотъ счетъ одними предположеніями.

Одинъ мотивъ, которымъ руководствовался при этомъ г. Мочульскій, мы видѣли выше, когда была приведена выдержка изъ его труда, гдѣ онъ высказываетъ свой взглядъ на источники и происхожденіе стиха о Голубиной книгѣ. Другой же—тотъ, что подробное изслѣдованіе о „Бесѣдѣ“ было бы, „при всей своей полезности для существа дѣла, только лишнимъ баластомъ въ его трудѣ, и безъ того весьма сложномъ по многимъ вопросамъ, затрогиваемымъ самимъ стихомъ“.

Разсмотримъ, на сколько основательны оба мотива. Результатомъ разбора перваго мотива долженъ быть отвѣтъ на вопросъ: достаточно ли дѣлаемыхъ г. Мочульскимъ на основаніи имѣющихся у него подъ руками 25 списковъ „Бесѣды“ предположеній о происхожденіи и составѣ ея для объясненія отношеній ея къ стиху о Голубиной книгѣ? Этотъ вопросъ мы раздѣлимъ на двѣ части: въ первой рассмотримъ основательность взгляда г. Мочульскаго на „Бесѣду“, во второй же—укажемъ, все ли объяснилъ онъ въ стихѣ предположеннымъ составомъ „Бесѣды“.

Уже одно то обстоятельство, что автору въ вопросѣ о происхожденіи и составѣ „Бесѣды“, по его собственнымъ словамъ, пришлось „пока ограничиться одними лишь предположеніями“, лишаетъ его изслѣдованіе научнаго значенія, тѣмъ болѣе, что эти предположенія не особенно основательны. Подводя итогъ своимъ предположеніямъ о составѣ и происхожденіи „Бесѣды“, г. Мочульскій приходитъ къ тому выводу, что она есть сложная апокрифическая книга, родъ апокрифической Библии; въ образованіи ея онъ усматриваетъ постепенность: начиналась сперва она толкованіемъ новозавѣтныхъ событій, а затѣмъ прибавились и событія ветхозавѣтныя. „Постепеннымъ образованіемъ“ говорятъ онъ,—и развитіемъ апокрифической „Бесѣды“... и объясняется, по моему мнѣнію, та запутанность, которая нерѣдко замѣчается по спискамъ... въ смѣшеніи вопросовъ новозавѣтної исторіи съ вопросами исторіи Ветхаго Завета“. Такой взглядъ на „Бесѣду“ мы считаемъ совершенно неосновательнымъ. Само поверхностное знакомство съ нѣсколькими списками „Бесѣды“ (включая сюда и напечатанные г. Мочульскимъ въ приложеніяхъ) неизбежно приводитъ къ тому заключенію, что сущность „Бесѣды“ состоитъ въ изложеніи ветхозавѣтныхъ событій, изъ новозавѣтныхъ же упоминается, главнымъ образомъ, воплощеніе Сына Божія. Все это весьма просто объясняется

при томъ взглядѣ, какой, по нашему мнѣнію, должно установить на „Бесѣду“. Какъ сочиненіе, излагающее происхожденіе и судьбы міра и человѣчества въ любимой народомъ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, „Бесѣда“ непременно должна была коснуться воплощенія Сына Божія и тѣхъ новозавѣтныхъ событій, которыя имѣютъ отношеніе и тѣсную связь съ искупленіемъ. Что это такъ, читатель можетъ наглядно убѣдиться, прочитавъ и напечатанный г. Мочульскимъ (подъ № 2-мъ Приложеній) списокъ „Бесѣды“, относимый имъ ко второй редакціи и считаемый самымъ полнымъ. Всѣ предложенныя здѣсь вопросы изъ новозавѣтной исторіи касаются тѣхъ моментовъ изъ жизни Христа, которые тѣсно связаны съ искупленіемъ. Лучше всего эти моменты указали въ вопросѣ: „что есть еже .Г. ми трясется и зыблетца земля а .Д.го не можетъ на себѣ понести. Ѡ. трети зыблетсл. есть ржѣтвомъ хртвымъ. распятнемъ. і воскреснемъ. а .Д.го. не можетъ на себѣ понести. втораго пришествия хртвова“¹⁾. Нашу мысль подтверждаетъ и численное отношеніе вопросовъ изъ Новаго Завѣта и Ветхаго въ томъ же спискѣ „Бесѣды“: изъ общаго числа вопросовъ 98-ми только 20 относятся къ событіямъ новозавѣтнымъ. Кромѣ того, нашъ взглядъ на „Бесѣду“ дѣлаетъ ее дѣйствительно близкою къ стиху о Голубиной книгѣ, который также излагаетъ судьбы міра и человѣчества и только отчасти касается будущаго, то-есть, искупленія.

Вообще намъ кажется, что г. Мочульскій увлекся „Бесѣдой“ и ставитъ ее слишкомъ высоко. Къ такимъ увлеченіямъ мы склонны отнестись утвержденіе его, что „Преніе Панагіота съ Азимитомъ черпало свой матеріалъ изъ апокрифической „Бесѣды“. Такое утвержденіе согласно со взглядомъ г. Мочульскаго на составъ „Бесѣды“ вообще. Мы видѣли, что послѣдняя у него выходитъ весьма

¹⁾ Текстъ привожу по оставшемуся неизвѣстнымъ г. Мочульскому списку „Бесѣды“, напечатанному Ѡ. И. Вулаевымъ въ „Приложеніяхъ“ къ рѣчи „О народной поэзи въ древне-русской литературѣ“ (Рѣчи и отчетъ Импер. Моск. Университета 12-го января 1859 г.). Та же рѣчь безъ приложеній напечатана въ т. II его Историч. очерковъ. Взявъ этотъ списокъ Бесѣды г. Вулаевымъ изъ Цвѣтника 1665 года. Г. Тихонравовъ въ своихъ „Памятникахъ отеч. русской литературы“, т. II, стр. 433—438, напечаталъ только часть названнаго г. Вулаевымъ, именно 120—129 лл. Цвѣтника, что и указалъ г. Мочульскій Въ спискѣ Григоровича, напечатанномъ въ приложеніяхъ къ сочиненію г. Мочульскаго тотъ же вопросъ выраженъ ясно: Ѡ. Что есть треи земля колеблетса. От. Рожетвом, крещенем и распятнем Христовымъ, а человекъ того не можетъ полати втораго расиятия господия.

сложнымъ по своему составу произведеніемъ, хотя онъ и не говоритъ еще послѣдняго слова въ этомъ отношеніи: быть можетъ, въ общепланномъ спеціальному изслѣдованію о „Бесѣдѣ“ окажется еще болѣе сложный составъ. Не споримъ, что „Бесѣда“ по составу весьма сложное сочиненіе, но мы хотимъ указать, что и здѣсь г. Мочульскій не избѣгъ увлеченія. Останавливаемъ вниманіе читателя на предполагаемой имъ апокрифической „Книгѣ Бытія“, которая, по его мнѣнію, вошла въ числѣ другихъ апокрифовъ въ составъ „Бесѣды“.

На свой вопросъ о существованіи апокрифической книги бытія г. Мочульскій отвѣчаетъ: „Такая книга, песомнѣнно, существовала, какъ можно судить объ этомъ, изъ Книги бытія небеси и земли, легкой въ основаніе Палея сокращенной—исторической, а также изъ разсмотрѣнія Палея толковой, гдѣ въ отдѣлѣ творенія міра и человѣка замѣчается довольно много апокрифической примѣси“. Не отрицая возможности существованія апокрифической книги бытія въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ г. Мочульскій, мы удивляемся такому отвѣту. Въ лучшихъ спискахъ названіе „Книга бытія небеси и земли“ усваивается Палею краткой или исторической. Въ основаніе ея, какъ доказано гг. Поповымъ (въ предисловіи къ изданію Палея краткой, Читенія Москов. Общ. Истор. и Др. 1881 г., кн. I) и Ждановымъ (Палея, Кіев. универ. извѣстія 1881 г. № 10), легли книги библейскія, апокрифы и другія произведенія (например, канонъ великій Андрея Критскаго). Слѣдовательно, фразу г. Мочульскаго—„изъ „Книги бытія небеси и земли“, легкой въ основаніе Палея сокращенной—исторической“—нужно считать крайне странною. Кромѣ того, вилетепные въ разказъ о твореніи міра и человѣка апокрифы какъ въ Палею исторической, такъ и въ толковой, благодаря трудамъ г. Успенскаго (Толковая Палея) и другихъ ученыхъ, основательно объяснены, и показанъ ихъ источникъ. Никому изъ этихъ ученыхъ не приходила мысль видѣть скрытою въ этихъ апокрифахъ „Книгу бытія“, отличную отъ „Книги бытія небеси и земли“ (части ея, равной „Книгѣ бытія“ г. Мочульскаго). Далѣе. Намекъ на отдѣльное существованіе апокрифической „Книги бытія“ онъ видитъ въ апокрифѣ „о всей твари“. Не знаемъ, что въ этомъ апокрифѣ наводитъ его на такое предположеніе. Намъ кажется, что апокрифъ „о всей твари“ представляетъ не что иное, какъ отрывокъ (варіацію) изъ Палея Толковой, при чемъ удержанъ и полемическій характеръ этой послѣдней. Укажемъ хоть на такое мѣсто апокрифа: „И глѣбъ (гъ) яко дша члкъ“

Ў стго дѣха ѣгъ. не бѣди тако. но разѣмѣимъ. яко право вдохнѣ въ адамъ дшѣ но не приложися стѣй дѣхъ въ дшѣ" (Памят. отр. р. л. Тихонравова, т. II, стр. 347); сравн. съ этимъ Успенскаго „Толковая Палея“ стр. 43. Наконецъ, г. Мочульскаго окончательно утверждаетъ въ мысли объ отдѣльномъ существованіи апокрифической „Книги бытія“ „Слово сказаніе отъ бытія“, напечатанное Новаковичемъ въ VI книгѣ Starine и стоящее передъ апокрифической „Бесѣдой“, носящемъ названіе: „Вопросы и ответъ великаго Василія, Григорія и богослова Іоана Златоустаго о васакѣ“. Мы считаемъ и данное основаніе непрочнымъ, какъ основанное на маломъ количествѣ фактовъ, могущее встрѣтить себѣ противное. Въ матеріалахъ по древней литературѣ, собранныхъ въ Бѣлградской народной библиотекѣ профессоромъ Нѣжинскаго историко-филологическаго института М. И. Соколовымъ, мы читали найденное имъ въ одной рукописи XVI вѣка, на л. 171, „Сказаніе Ѡ бытіа“, изложенное въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ (діалогъ). Полное заглавіе его: „Сказаніе Ѡ бытіа глы хве“. Начинается такъ: „Въспрѣ. Рѣчи ми ги. что прьво изыде изъ ѣсть твоей. (Ѣ)вѣ. рѣ Слоб... Въ дальнѣйшемъ оно по содержанію сходно почти дословно съ напечатаннымъ Новаковичемъ въ VI книгѣ „Starine“ спискомъ „Бесѣды“, со включеніемъ сюда и стоящаго передъ „Бесѣдой“ „Слова сказанія отъ бытія“. Разница только въ количествѣ вопросовъ: изданная Новаковичемъ „Бесѣда“ включаетъ въ себѣ больше вопросовъ и отвѣтовъ. На основаніи указаннаго нами неизвѣстнаго доселѣ „Сказанія отъ бытія“ можно заключить, что сочиненіе съ названіемъ въ родѣ „Слово сказанное отъ бытія“ или просто „Сказанное отъ бытія“ есть та же „Бесѣда“ и не предполагаетъ непременно выдѣленія апокрифическаго матеріала изъ „Бесѣды“ въ отдѣльную апокрифическую „Книгу бытія“.

Не подтверждаетъ мысли г. Мочульскаго и напечатанное имъ (Приложеніе № 2-й) „Сказаніе трудолюбивыхъ мужей и бѣлюбивыхъ списано изъ божественныхъ книгъ василія великаго, григорія богослова, іоанна дамаскина“... и считаемое за отреченную „Книгу бытія“, потому что по содержанію своему значительно превышаетъ объемъ предполагаемой апокрифической „Книги бытія“. Тутъ изложена не только исторія творенія міра и человѣка, но грѣхъ паденія Адама и Евы, убійство Канномъ Авеля, смерть Адама, мученія его и избавленіе родившимся Спасителемъ. Словомъ, тутъ мы находимъ не трактатъ о зачатіи неба, земли и человѣка, а въ сжатомъ видѣ изложеніе судьбы человѣчества до искупленія его включительно.

На основаніи указаннаго мы, не отрицая возможности существованія апокрифической „Книги бытія“ въ томъ случаѣ, какъ понимаетъ ее г. Мочульскій, не считаемъ предположенія его на этотъ счетъ достаточно обоснованными и своевременными. Да и самъ г. Мочульскій въ данномъ случаѣ путается: предполагаемая имъ апокрифическая „Книга бытія“ то входитъ въ составъ „Бесѣды“, то „выродилась“ изъ нея.

Въ заключеніе сдѣлаемъ нѣсколько своихъ замѣчаній на „Бесѣду“. Выше было приведено заглавіе списка „Бесѣды“, напечатаннаго Новаковичемъ въ VI книгѣ *Starine* (стр. 47—55). Выраженіе заглавія: „вопросы и ответь... о васаконь“ наводитъ на мысль, что „Бесѣда“ представляетъ собою разнообразное по содержанию и изложенное въ столь любимой формѣ загадки сочиненіе. Въ этомъ сборномъ сочиненіи налагались разнообразныя, интересныя для христіанъ преданія о миротвореніи, судьбѣ перваго человѣка и т. д. Такимъ именно характеромъ „Бесѣды“ проще всего, по нашему мнѣнію, объясняется бессистемность ея въ тѣхъ спискахъ, гдѣ вопросы изъ исторіи Ветхаго Завета перемѣшаны съ вопросами о событіяхъ новозавѣтныхъ. Смотря такъ на „Бесѣду“, мы считаемъ вопросъ о составѣ ея весьма интереснымъ. Намъ кажется, что при рѣшеніи этого вопроса слѣдуетъ остановиться на выясненіи отношеній „Бесѣды“ къ Палеѣ исторической и толковой.

Нѣкоторые ученые уже указали на сходство нѣкоторыхъ загадокъ Палеи съ загадками „Бесѣды“. Такъ, г. Ждановъ указалъ на сходство въ обоихъ сочиненіяхъ загадокъ о потопѣ и Ноевомъ ковчегѣ и голубѣ, принесшемъ вѣтку Ною (Палея, К. Унив. Изв. 1881 г. № 10, 312 стр., пр. 12). Можно указать еще нѣсколько сходныхъ мѣстъ:

„... и посла аггела взать на востоце азъ, на западе добро, на оузѣ мыслити, на сивере ерь, и нарече имя Адамъ“. Палея русской редакціи, Ждановъ, *ibid.* 319 стр.

В. Како начался адамъ.

С. Пѣла гдѣ бѣ аггела своего и взя „А“ на востоцѣ, а „Д“ на западе, а „М“ на юзѣ, а „Б“ на сѣверѣ, то есть адамъ“. Приложенія къ сочиненію Мочульскаго № 2-й Б. т. 18, стр. 178.

„(Въпросъ)(Кои)связи диявола?
(Отв.) Рече: свети Марина.
Starine кн. VI, стр. 52.

Тоже самое съ замѣной св. Марини мученицей Варварой въ Толковой Палеѣ. Успенскій, стр. 47.

Кромѣ того, и въ Палей, и въ „Бесѣдѣ“ встрѣчается толкованіе евангельскихъ текстовъ.

Надѣмся, что болѣе внимательное сравненіе Палей и различныхъ списковъ „Бесѣды“ укажетъ болѣе тѣсную связь между этими памятниками. Вообще привлечь Палею не безполезно будетъ и для стиха о Голубиной книгѣ, такъ какъ гг. Вуслаевъ (Историч. Очерки I, 440—441) и Ждановъ (Палей, К. Унив. Изв. № 9, 258 и № 10, стр. 318) признаютъ возможность вліянія Палей Толковой и краткой на народную словесность.

Напрасно, по нашему мнѣнію, г. Мочульскій при вопросѣ о составѣ „Бесѣды“ не обратилъ вниманія на апокрифъ о Енохѣ¹⁾. Между ними и „Бесѣдой“ есть несомнѣнная связь. Укажемъ сходныя мѣста:

Апокрифъ о Енохѣ:

Мѣсто праведниковъ—рай описывается такъ:

„И все дѣрво благосвѣтѣ но, и все плодъ зрелъ, все брашно... вседыханно, и четыре рѣкы мотекѹшти тихимъ шѣстви-емъ“ (Starine, кн. XVI, стр. 71).

„И видѣхъ тѣ семь чинъ аггелъ... ты же аггелы надъ врѣмени и лѣты, и аггелы иже на рѣкахъ и на муры, и аггелы иже надъ плодѣ и травою... аггелы и люди всѣхъ“... (ibid. стр. 73).

Бесѣда:

„А изъ рая идуть четыре рѣкы“ Тихонравовъ, Памятники стр. р литер., II, 438; Вуслаевъ, Приложенія къ рѣчи О нар. слов. стр. 3.

... „Соѹ же дѣи слоужебни на слоѹбоу посылаѣми аггели шблакѣ аггели мракѣ. аггели градѣ. аггели людѣ. аггели змиѣ и лѣтоу и веспѣ и шсени“... (Мочульскій, Прилож. № 1-й, 18 т. стр. 172).

Переходимъ теперь ко второй части нашей задачи. Все ли въ стихѣ о Голубиной книгѣ объяснилъ г. Мочульскій предположеннымъ составомъ „Бесѣды“? Далеко не все. Въ разныхъ мѣстахъ своего изслѣдованія онъ называетъ другія сочиненія, которыя не включены имъ въ составъ „Бесѣды“. Такъ, онъ допускаетъ вліяніе „Вопросовъ Іоанна Богослова Господу на горѣ Фаворской“ на обрисовку Голубиной книги. Въ вопросѣ объ озерѣ къ стиху о Голубиной книгѣ близко стоитъ по названію озера „Бесѣда Іерусалим-

¹⁾ Г. Мочульскій упоминаетъ объ этомъ апокрифѣ только въ дополненіяхъ и по другому поводу.

скал". Выше были приведены слова г. Мочульскаго о Палеѣ, какъ источникѣ стиха въ вопросѣ о китахъ; другой разъ на Палею ссылается онъ при вопросѣ о дровѣ. Разбирая вопросъ о птицѣ, г. Мочульскій говоритъ: „изъ физиологовъ черпали многіе апокрифы, къ числу которыхъ принадлежитъ также и „Бесѣда трехъ святителей“. На Физиологъ же ссылается онъ въ вопросахъ о звѣрѣ. Нѣкоторымъ чертамъ стиха о Голубиной книгѣ авторъ находитъ источникъ въ Азбуковникѣ. Затѣмъ, онъ указываетъ какъ на источникъ на Сказаніе объ индѣйскомъ царствѣ. Наконецъ, новые источники называетъ г. Мочульскій въ вопросѣ о травѣ, въ снѣ о Правдѣ и Кривдѣ.

Такимъ образомъ, мы нисколько не убѣдились въ томъ, что источникомъ стиха о Голубиной книгѣ, дающимъ объясненіе какъ формальному составу стиха, такъ и ключъ къ матеріальному его содержанию, служитъ апокрифическая „Бесѣда трехъ святителей“. Поэтому упрекъ, сдѣланный со стороны г. Мочульскаго тѣмъ ученымъ, которые хотя и безъ вѣскихъ основаній, предполагали нѣсколько книжныхъ источниковъ стиха о Голубиной книгѣ, нужно считать неосновательнымъ.

Намъ кажется, г. Мочульскій скорѣе подошелъ бы къ истинѣ въ вопросѣ объ источникахъ стиха, еслибы памятовалъ, что народъ, создавшій въ числѣ другихъ иѣсенъ и духовные стихи, любитъ въ своихъ произведеніяхъ вмѣщать все свое словесное добро, полученное по преданію отъ предковъ и приобрѣтенное путемъ чтенія. Быть можетъ, тогда онъ проще рѣшилъ бы данный вопросъ и ближе къ истинѣ, указавъ нѣсколько книжныхъ источниковъ стиха о Голубиной книгѣ.

Итакъ, мы вполне согласны съ авторомъ, что вопросу о книжныхъ источникахъ интереснаго стиха о Голубиной книгѣ надо дать болѣе научное обоснованіе, и его изслѣдованіе въ этомъ случаѣ могло быть весьма полезнымъ и плодотворнымъ, еслибъ онъ научно доказалъ справедливость своего основнаго положенія, что „Бесѣда“ дѣйствительно такой сложный памятникъ, что имъ можно объяснить и формальный составъ и матеріальное содержаніе стиха о Голубиной книгѣ. Но онъ отложилъ научное обоснованіе своего положенія до другаго раза; въ настоящемъ же изслѣдованіи онъ ограничился только сомнительными предположеніями, а это даетъ намъ право считать вопросъ о книжныхъ источникахъ стиха по прежнему не выясненнымъ и требующимъ новаго изслѣдованія.

С. Брагловскій.

А. Лазаревскаго. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ I. Полкъ Стародубовскій (выпускъ 1-й). К. 1888.

А. М. Лазаревскій принадлежитъ къ числу полезнѣйшихъ дѣятелей по разработкѣ исторіи Малороссіи: онъ выпустилъ цѣлый рядъ трудовъ, которые доставили ему почетную извѣстность среди специалистовъ-ислѣдователей русской старины. Первый его ученый трудъ — „Источники малороссійской исторіи“ — былъ уже солиднымъ вкладомъ въ сокровищницу русской исторіи и обнаружилъ въ немъ стремленіе и любовь къ библиографическимъ розысканіямъ. Затѣмъ, въ Запискахъ Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета онъ помѣстилъ цѣлый рядъ изслѣдованій и матеріаловъ по мѣстной исторіи; чтобъ оцѣнить значеніе ихъ, достаточно вспомнить, что здѣсь были напечатаны его статьи: „Малороссійскіе посполитые крестьяне“ и „Старинные дворянскіе роды Черниговской губерніи“; послѣднюю работу онъ продолжалъ впоследствии на страницахъ Русскаго Архива и Кіевской Старины подъ инымъ болѣе широкимъ заглавіемъ (Люди старой Малороссіи). Его исторія крестьянскаго сословія въ лѣвобережной Малороссіи (съ 1648 по 1783 г.) представляетъ выдающееся явленіе въ областной исторической литературѣ, какъ по новизнѣ матеріаловъ (извлеченныхъ изъ мѣстныхъ архивовъ), такъ и по тщательной группировкѣ ихъ. Выводъ, къ которому пришелъ авторъ, долженъ былъ показаться неожиданнымъ для многихъ. На основаніи документальныхъ данныхъ здѣсь доказывалось, что закрѣпощеніе крестьянъ въ Малороссіи не было вызвано извѣстнымъ указомъ Екатерины II (1783 г.), а подготовлялось исподволь постепенно самою казацкою старшиною, все болѣе и болѣе увеличивавшею повинности посполитыхъ. Дальнѣйшее развитіе той же мысли мы находимъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ жизни старинныхъ малороссійскихъ фамилій, составленнымъ г. Лазаревскимъ; въ нихъ яркими чертами изображается исторія типическихъ представителей этихъ родовъ, ихъ страсть къ наживѣ на счетъ своихъ подданныхъ, злоупотребленія въ дѣлѣ управленія и т. п.; здѣсь г. Лазаревскій обнаружилъ изумительную начитанность въ старой малороссійской генеалогіи; въ другихъ статьяхъ (о сотникахъ и о духовенствѣ) онъ пытается вмѣсто отдѣльныхъ біографій представить общія характеристики жизни цѣлыхъ общественныхъ группъ; все это упрочило за нимъ извѣстность основательнаго изслѣдователя внутренней соціально-экономической жизни въ гетманщинѣ XVII и

XVIII вв. Таково направленіе ученыхъ работъ А. М. Лазаревскаго; его пессимизмъ и стремленіе изучать внутреннюю жизнь были какъ бы естественною реакціей противъ оптимизма и увлеченій вѣшними событиями со стороны прежнихъ малороссійскихъ историковъ; такого увлеченія, какъ извѣстно, не избѣжалъ и талантливѣйшій представитель южно-русской исторической школы—Костомаровъ ¹⁾). Впрочемъ, и одинъ изъ старыхъ малороссійскихъ историковъ—М. А. Максимовичъ—отвелъ въ своихъ изслѣдованіяхъ видное мѣсто вопросамъ, которые впоследствии выдвинулъ г. Лазаревскій: его изслѣдованія о полкахъ въ Гетманщинѣ и о Бубновской сотнѣ должны были оказать нѣкоторое вліяніе на г. Лазаревскаго, когда онъ писалъ свои „Села Коноптоскаго уѣзда“ и „Описаніе старой Малороссіи“. Важное значеніе трудовъ г. Лазаревскаго опредѣляется новизной ихъ содержанія, а эта послѣдняя въ свою очередь зависитъ отъ новизны источниковъ. Онъ открылъ и собралъ множество архивныхъ матеріаловъ по исторіи лѣвобережной Украйны и этимъ оказалъ большую услугу наукъ. Всѣ его изслѣдованія основаны почти исключительно на не изданныхъ документахъ, извлеченныхъ изъ архивовъ Черниговскаго губернскаго правленія, казенной палаты, дворянскаго депутатскаго собранія и полученныхъ отъ частныхъ лицъ. Кромѣ того, ему принадлежитъ честь открытія знаменитой Румянцовской описи Малороссіи и изданія въ свѣтъ половины ея краткаго обзорѣнія; онъ же нашелъ и напечаталъ часть „Описанія Черниговскаго намѣстничества“, составленнаго Д. Пащенкою. Нужно замѣтить, что всѣ эти документы были разсыяны въ архивахъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ, и судьба ихъ была по истинѣ печальна: многіе присваивали ихъ себѣ съ корыстными цѣлями, другіе брали съ благими намѣреніями — спасти отъ уничтоженія и воспользоваться для своихъ ученыхъ работъ; и г. Лазаревскій въ это время собралъ для себя значительное количество архивныхъ матеріаловъ и тѣмъ положилъ начало своей рукописной библіотекѣ. Въ то время какъ документы, относившіеся къ правобережной Малороссіи (Кіевской, Подольской и Волинской губерній) были собраны въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ и выходили въ свѣтъ въ образцовыхъ изданіяхъ Кіевской археографической комиссіи, сопровождаемые цѣнными изслѣдованіями гг. Иванишева, Антоновича, Новицкаго и др., архивъ мало-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи интересно сравнить его монографію о Полуботкѣ съ таковою же монографіей г. Лазаревскаго.

россійской коллегіи въ Черниговѣ постепенно уменьшался въ своемъ объемѣ; о приведеніи его въ порядокъ и объ изданіи никто не заботился. Такое положеніе дѣла должно было, естественно, отразиться и на характерѣ ученой дѣятельности г. Лазаревскаго, стоявшаго непосредственно у этихъ матеріаловъ: не имѣя возможности издавать архивныхъ матеріаловъ, онъ долженъ былъ вводить ихъ въ слишкомъ большомъ количествѣ въ текстъ своихъ изслѣдованій, и благодаря этому, многія его работы представляютъ нѣчто среднее между изслѣдованіемъ и сборникомъ матеріаловъ; въ особенности это нужно сказать о его работахъ по исторіи заселенія края („Села Конотопскаго уѣзда“ и др.); такимъ же характеромъ, какъ увидимъ далѣе, отличается до нѣкоторой степени и настоящее его сочиненіе. Вотъ почему нельзя не пожелать, чтобы поскорѣе осуществилось желаніе директора археологическаго института И. Е. Андреевскаго объ устройствѣ въ Харьковѣ при университетѣ центрального историческаго архива ¹⁾. Здѣсь мы кореннымъ образомъ расходимся съ г. Лазаревскимъ, который не одобряетъ состоявшейся семь лѣтъ тому назадъ передачи архива малороссійской коллегіи въ Харьковъ. „Мы не знаемъ, кто рѣшилъ вопросъ о передачѣ означеннаго архива изъ Чернигова въ Харьковъ, но находимъ рѣшеніе это неудачнымъ. Черниговскій архивъ нужно было сохранить отъ гибели, но для этого слѣдовало его передать въ Кіевъ или Москву, такъ какъ въ этихъ двухъ центрахъ хранятся уже и теперь масса архивнаго матеріала для изученія исторіи южной Руси; здѣсь Черниговскій архивъ не заглохъ бы въ забвеніи, какъ можетъ онъ заглохнуть въ Харьковѣ, не имѣя съ послѣднимъ никакой внутренней связи“ (стр. V). Мы думаемъ, напротивъ, что присоединеніе помыхъ малороссійскихъ дѣлъ къ громадному количеству хранящихся уже въ Кіевѣ или Москвѣ едва ли могло послужить къ ихъ пользѣ. Въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ въ настоящее время хранятся, какъ извѣстно, болѣе 5,000 актовыхъ книгъ и нѣсколько сотъ тысячъ отдѣльныхъ документовъ. Естественное дѣло, что Кіевскій архивъ главное вниманіе и заботу долженъ обращать (и обращаетъ) на болѣе древніе документы, прямо относящіеся къ территоріи юго-западнаго края (то-есть, Кіевской, Подольской и Волынской губерній), и дѣйствительно, вся дѣятельность архивныхъ чиновниковъ съ возникновенія

¹⁾ См. рѣчь И. Е. Андреевскаго на актѣ въ институтѣ въ *Русск. Старина* на 1888 годъ.

архива до настоящаго времени сводится къ описанію актовыхъ книгъ. Но дѣло это движается очень медленно: въ годъ можетъ быть описано никакъ не болѣе 5 актовыхъ книгъ, слѣдовательно, для описанія однихъ актовыхъ книгъ потребуется, по такому расчету, ровно 1000 лѣтъ. Могутъ возразить, что если измѣнить систему описанія, то дѣло пойдетъ гораздо скорѣе; соглашаюсь и съ этимъ, но все-таки и тогда очередь до разборки архива малороссійской коллегіи дошла бы очень не скоро, а пользоваться имъ безъ всякихъ описей и реестровъ было бы просто не возможно. То же самое нужно сказать и относительно Москвы: тамъ хранится такая масса документовъ (и притомъ очень древнихъ и цѣнныхъ), что архивъ малороссійской коллегіи, можно сказать, не прибавилъ бы къ нимъ ничего существенно новаго и важнаго. Притомъ въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, куда естественнѣе всего было бы присоединить архивъ малороссійской коллегіи, еще болѣе дѣль, чѣмъ въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ, и когда бы его разобрали—сказать не легко. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время мы не имѣемъ даже удовлетворительныхъ реестровъ къ книгамъ и столбцамъ малороссійскаго приказа (въ архивѣ министерства юстиціи); что же касается тѣхъ, напримѣръ, дѣлъ, которыя присланы въ архивъ министерства юстиціи сравнительно недавно изъ всѣхъ губерній Европейской и Азіатской Россіи, въ томъ числѣ и изъ Черниговской, Полтавской, Воронежской, Курской и Харьковской губерній, то ихъ такое множество, что быстро разобрать при всемъ желаніи архивной администраціи, было бы совершенно не возможно. Представимъ и еще одинъ примѣръ. Въ Румянцовскій музей въ Москвѣ давно уже, какъ извѣстно, поступили бумаги малороссійскаго историка Маркевича, но онѣ еще не описаны (мы знаемъ только краткое описаніе небольшой части этихъ документовъ, составленное Е. В. Барсовымъ); вѣроятно, по этой причинѣ ими не пользовались для своихъ работъ изслѣдователи малорусской старины. Между тѣмъ архивъ малороссійской коллегіи, перевезенный всего семь лѣтъ тому назадъ въ Харьковъ, въ настоящее время почти весь уже разобранъ (болѣе 20,000 номеровъ), каталогизированъ и сложенъ на полки; мало того, не смотря на отсутствіе матеріальныхъ средствъ, персонала служащихъ, удовлетворительнаго помѣщенія (нѣтъ отдѣльной комнаты для занятій), уже теперь въ немъ работало не мало лицъ.

Нѣкоторое понятіе о богатомъ содержаніи этого архива даютъ печатныя статьи г-г. Рагозина, Ефименка и моя. Если Харьковскій

архивъ получить правильное устройство, то найдутся въ университетскомъ городѣ силы и для его подробнаго описанія, и для изданія его матеріаловъ, и для ихъ ученой обработки. Но мы отвлеклись нѣсколько въ сторону изъ желанія дать общую характеристику ученой дѣятельности этого выдающагося провинціального историка.

Въ настоящее время г. Лазаревскій поставилъ себѣ чрезвычайно широкую, можно сказать грандіозную задачу—дать подробное фактическое описаніе старой Малороссіи, Гетманщины, иначе лѣвобережной Украины, со времени присоединенія ея къ Россіи до введенія общерусскихъ формъ управленія (съ 1654 до 1782 г.). Малороссія дѣлилась въ то время на десять полковъ, и вотъ г. Лазаревскій намѣренъ дать намъ историческое описаніе каждаго полка въ отдѣльности. Планъ для всѣхъ этихъ описаній таковъ: сначала помѣщается историческій очеркъ мѣстности, занятой даннымъ полкомъ, затѣмъ перечисляется въ хронологическомъ порядкѣ вся полковая старшина отъ полковника до хорунжихъ включительно и сообщаются о ней біографическія данныя, потомъ идетъ описаніе сотенъ, изъ которыхъ состоялъ полкъ; описываются не только сотенные города, но и селенія. Такова громадная задача, поставленная себѣ нашимъ авторомъ. Было бы въ высшей степени желательно, чтобъ задуманный г. Лазаревскимъ трудъ былъ доведенъ до конца; такая книга могла бы дать богатые матеріалы для изученія внутренняго быта Малороссіи, который въ написанныхъ доселѣ исторіяхъ заслоняется пересказомъ внѣшнихъ событій. Предшествующая научная дѣятельность г. Лазаревскаго, его громадная начитанность въ источникахъ позволяетъ намъ питать увѣренность въ томъ, что онъ можетъ выполнить свою задачу; скажемъ болѣе: изъ всѣхъ современныхъ изслѣдователей малорусской старины онъ скорѣе всѣхъ въ состояніи дать намъ историко-географическое описаніе лѣвобережной Украины. Кромѣ личной подготовки, важное значеніе имѣютъ также источники, которыми располагаетъ г. Лазаревскій. Источники эти двоякаго рода: печатные и рукописные; печатныхъ матеріаловъ для внутренней исторіи Гетманщины XVII и XVIII вв. вообще недостаточно. Изданные археографическою комиссіей акты и грамоты имѣютъ интересъ преимущественно для политической исторіи; ко внутреннему же быту относятся только документы, напечатанные гг. Судіенкомъ, Андриевскимъ, Лучицкимъ и самимъ Лазаревскимъ; казацкія лѣтописи даютъ намъ главнымъ образомъ факты для внѣшней исторіи, сказаній же иностранцевъ и особенно мемуаровъ очень мало. Въ то время какъ изслѣдователь рус-

ской государственной и народной жизни располагает множеством интересных записок о XVIII в., занимающийся малорусскою стариною должен пробавляться все тѣми же записками Я. Марковича, да недавно только отпечатаннымъ (подъ редакціей г. Лазаревскаго) въ Кіевской Старинѣ дневникомъ Хапенка. Архивные матеріалы, такимъ образомъ, оказываются необходимыми. Г. Лазаревскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи громаднѣйшій архивный матеріалъ, на который и указываетъ въ предисловіи; въ 60-хъ годахъ, въ бытность свою въ Черниговѣ, онъ пользовался архивомъ Малороссійской коллегіи. Въ его распоряженіи, кромѣ того, имѣются: такъ-называемое генеральное слѣдствіе о маенностяхъ, заключающее въ себѣ богатѣйшія данныя для исторіи земледѣлія, сказки, доставленныя старожилами равныхъ селеній о времени ихъ основанія и владѣльцевъ, съ приложеніемъ всѣхъ оказавшихся въ наличности письменныхъ документовъ; ревизская книга Стародубскаго полка 1723 г.; описаніе Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества 1781 г.; земельные акты черниговскихъ монастырей; дѣло о стародубскомъ магистратѣ; описаніе Топальской и Чолховской волостей и, наконецъ, многіе семейные архивы (Сулимъ Скорупъ, Миялашевскихъ и др.). Изъ пособій слѣдуетъ отмѣтить „Описаніе Черниговской епархіи“ пр. Филарета, въ которомъ читатель найдетъ не одну исторію епархіи, но и много данныхъ, относящихся къ исторіи заселенія Черниговщины. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что для послѣдующихъ выпусковъ своего труда г. Лазаревскій воспользуется еще и другими рукописными матеріалами. Положеніе его будетъ нѣсколько затруднительно только тогда, когда ему придется описывать тѣ полки, для которыхъ не сохранилось генеральной описи маенностей (напримѣръ, Миргородскій). Впрочемъ этотъ недостатокъ можетъ быть восполненъ документами архива малороссійской коллегіи, находящагося теперь въ Харьковѣ; въ немъ и теперь еще можно найти множество чрезвычайно цѣнныхъ матеріаловъ для такого труда, каково описаніе старой Малоросіи; здѣсь первоначально хранилось и генеральное слѣдствіе о маенностяхъ, часть его находится тутъ и теперь; кромѣ того, есть очень подробныя и обстоятельныя описанія гетманскихъ маенностей, перепись имѣній, пожалованныхъ Румянцову и другимъ вельможамъ Екатерининскаго времени, множество компутовъ и ревизскихъ книгъ разныхъ полковъ за разные годы, содержащихъ въ себѣ статистическія данныя о числѣ жителей разныхъ сословій съ подраздѣленіемъ ихъ на группы по имущественному положенію, свѣдѣнія о раскольническихъ селеніяхъ и т. д. На-

стоящее понятіе о богатствѣ матеріаловъ въ Харьковскомъ архивѣ для описанія старой Малороссіи можетъ дать рукописный каталогъ архива, заключающій въ себѣ болѣе 22000 номеровъ дѣлъ.

Какое же содержаніе настоящей книги, 1-го выпуска 1-го тома труда, задуманнаго г. Лазаревскимъ? Здѣсь мы имѣемъ историко-географическое описаніе большей половины Стародубскаго полка, именно 6 сотенъ его (изъ 9)—полковой Стародубской, Шентаковской, Бакланской, Новгородъ-Сѣверской, Погарской и Почепской (описаніе этой послѣдней впрочемъ еще не окончено). Описаніе начинается краткимъ историческимъ очеркомъ мѣстности Стародубскаго полка до половины XVII в. Извѣстно, что мѣстность эта, составлявшая часть древней Сѣверской земли, съ XIV вѣка находилась частью подъ властью Литвы и Польши, частью подъ властью Москвы. Было бы крайне интересно опредѣлить относительное значеніе въ исторіи заселенія мѣстности какъ прежняго стариннаго сѣверскаго населенія, которое, несомнѣнно, не было окончательно изгнано грозой татарскаго нашествія, такъ и новыхъ выходцевъ колонистовъ изъ Польши и Великой Россіи ¹⁾. Къ сожалѣнію, скудость источниковъ не дала возможности изслѣдователю отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ недавнее время исчезли фамильныя бумаги Пясочинскаго, на основаніи которыхъ, по словамъ польскаго историка Бартошевича, можно было бы написать чрезвычайно любопытную исторію колонизаціи Сѣверщины. Мы съ своей стороны добавимъ, что важныя матеріалы для рѣшенія этого вопроса хранятся въ Литовской метрицѣ и въ третьемъ отдѣленіи Московскаго архива министерства юстиціи. Впрочемъ и у г. Лазаревскаго мы находимъ одинъ любопытный актъ, грамоту одного изъ крупнѣйшихъ державцевъ Сѣверщины Абрамовича 1650 г., изъ которой уясняются отношенія къ южнорусскимъ православнымъ крестьянамъ польскихъ пановъ въ эпоху Хмельницщины; нельзя не пожалѣть только о томъ, что въ этомъ очеркѣ почтенный изслѣдователь ничего не говоритъ о значеніи монастырей въ дѣлѣ заселенія края до появленія Хмельницкаго; по всей вѣроятности, это сдѣлано

---

¹⁾ Удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса представляетъ интересъ не только для историковъ, но и для филологовъ; еще недавно одинъ изъ молодыхъ изслѣдователей, стяжавшій себѣ почетную извѣстность своими трудами по исторіи русскаго языка, въ своей докторской диссертаціи утверждалъ, что древнее населеніе Сѣверщины исчезло послѣ татарскаго погрома и замѣнилось великорусскимъ.

въ виду того, что не мало данныхъ объ этомъ собрано уже въ трудѣ пр. Филарета.

Вслѣдъ за этимъ общимъ очеркомъ идетъ перечень, въ хронологическомъ порядкѣ, всей полковой старшины (полковниковъ, обозныхъ, судей, писарей, есауловъ, хорунжихъ), съ краткими біографическими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ. Біографіи эти, конечно, не всѣ въ одинаковой степени любопытны; о нѣкоторыхъ лицахъ сообщаются краткія свѣдѣнія, напоминающія собою формулярные списки; но есть и такія біографіи, которыя представляютъ глубокой интересъ въ историко-бытовомъ отношеніи; большая часть этихъ мѣстныхъ дѣятелей выступаетъ передъ нами съ отрицательными нравственными чертами. Стремленіе къ увеличенію своего матеріальнаго благосостоянія на счетъ подчиненнаго населенія, постоянныя насилія и грабежи, полное господство узкихъ эгоистическихъ интересовъ и отсутствіе сознанія объ идеѣ общественнаго блага, слабое развитіе политическаго сознанія — вотъ постоянныя черты въ жизни казацкой старшины XVII и особенно XVIII в., когда политическіе интересы совершенно почти ступевались, военныя бури утихли и все вниманіе обратилось на матеріальные интересы. Вотъ передъ нами выступаетъ дѣятель XVII в., эпохи Руины, полковникъ Петръ Рославецъ; энергичная натура, безпокойный характеръ увлекаютъ его на борьбу съ сильною гетманскою властью и онъ предлагаетъ Москвѣ проектъ освобожденія Стародубовскаго полка изъ-подъ гетманскаго регимента и непосредственнаго подчиненія его центральной власти; но Самойловичъ въ это время еще пользовался довѣріемъ, и Рославецъ былъ выданъ ему на судъ; вотъ другая совершенно безцвѣтная личность Семена Самойловича, который назначается Стародубовскимъ полковникомъ не по выбору полчанъ и не за заслуги войску, а только потому, что онъ былъ сыномъ гетмана; но интересно, что назначеніе это встрѣчаетъ въ обществѣ нѣкоторый протестъ, въ особенности въ Запорожьѣ; вотъ полковникъ Жоровка, назначенный на этотъ урядъ въ слабое гетманство Скоропадскаго самимъ Петромъ Великимъ и прославившійся своею особенною стяжательностью и притѣсненіями; вотъ назначенные центральнымъ правительствомъ полковники изъ великороссіянъ Пашковъ и Дуровъ, которые, не смотря на полученную ими строгую инструкцію, притѣсняли населеніе не хуже малороссіянъ, „а суда надъ ними нельзя учинить для того, что они изъ русскихъ полковниковъ“; чрезвычайно интереснымъ представляется исторія наслѣдства полковника Журмана, въ которой рельефно выступаетъ

передъ нами запутанность малороссійскаго гражданскаго процесса. Рядомъ со всѣми этими отрицательными чертами мы находимъ только одну положительную, именно стремленіе малороссійской старшини XVIII в. къ образованію. Г. Лазаревскій разказываетъ впрочемъ біографію только одного изъ такихъ образованныхъ малороссіантъ— извѣстнаго Н. Ханенка, который слушалъ лекціи сначала въ Кіевской, а потомъ во Львовской академіи, а сына своего отправилъ въ одинъ изъ нѣмецкихъ университетовъ; для этого сына онъ составилъ инструкцію, которая свидѣтельствуетъ о высокомъ уровнѣ его собственнаго образованія. Такимъ образомъ, въ настоящей книгѣ, какъ и въ спеціальныхъ очеркахъ, посвященныхъ людямъ старой Малороссіи, эти послѣдніе выступаютъ передъ нами почти исключительно съ отрицательными нравственными свойствами; героевъ здѣсь не оказывается: все это стажатели, обидчики и т. п.; въ этомъ выводѣ почтеннаго изслѣдователя много горькой истины; онъ не сгущаетъ тенденціозно красокъ (въ чемъ его заподозривали нѣкоторые), но едва ли правы будутъ, по нашему мнѣнію, также и тѣ, которые увидятъ въ очеркахъ г. Лазаревскаго полное всестороннее воспроизведеніе жизни южно-русскаго дворянства XVII и XVIII вв.; здѣсь рельефно представлены только отрицательныя черты, и это объясняется, какъ намъ кажется, свойствомъ источниковъ, которыми пользуется авторъ, нѣкоторою ихъ односторонностію; это почти исключительные официальные документы (тяжебныя дѣла, жалобы, купчія и т. п.), частныхъ же матеріаловъ (мемуаровъ, писемъ и т. д.) почти вовсе нѣтъ; не удивительно поэтому, что мы не видимъ у г. Лазаревскаго болѣе или менѣе обстоятельнаго воспроизведенія общественной, будничной жизни старинныхъ малороссійскихъ пановъ съ ея радостями и печалами, темными и свѣтлыми сторонами; вѣдь приходилось и имъ ходить въ отдаленные походы, на линейныя работы къ Ладожскому каналу, въ Оренбургскія степи и т. п.; нападали и на ихъ маестности татары и уводили въ плѣнъ жителей; были и среди старшинъ такіе, которые показывали большую храбрость въ мелкой, но ожесточенной борьбѣ съ крымцами; были и такіе, которые работали надъ составленіемъ законодательства для своего края или надъ сочиненіемъ „кроничевъ“ и цѣлыхъ лѣтописей, правда, что найти управу тогда на богатаго и сильнаго было мудрено; но самъ г. Лазаревскій приводитъ одинъ примѣръ строгаго приговора за причиненныя населенію обиды (надъ полковникомъ Жоравкой); мы прибавимъ къ этому, что въ архивѣ малороссійской коллегіи хранятся

штрафныя книги, изъ коихъ видно, что старшина далеко не всегда оставалась безнаказанною, и что ей иногда приходилось переносить суровыя наказанія.

За біографіями дѣятелей полковаго управленія слѣдуетъ географическій очеркъ Стародубовскаго полка и описаніе г. Стародуба съ его магистратомъ. Въ географическомъ очеркѣ Стародубовщины приводятся краткія, но любопытныя свѣдѣнія о почвенныхъ условіяхъ мѣстности и о вліяніи ихъ на заселеніе края и занятія жителей. Мѣстность эта была покрыта густыми непроходимыми лѣсами, благодаря которымъ жители главное вниманіе должны были обратить на лѣсное пчеловодство (бортничество), будницкій, гутницкій и рудницкій промыслы (въ будахъ выдѣлывался потанъ, въ гутахъ—стекло, въ рудняхъ—желѣзо); почва была не особенно плодородная, и земледѣліе здѣсь главнымъ образомъ происходило на такъ-называемыхъ лядахъ, то-есть, на расчищенныхъ изъ-подъ лѣса участкахъ; больше всего засѣвалось пеньки; особеннаго промышленнаго развитія достигли раскольничьи великорусскія слободы. Исторія города Стародуба представляетъ интересъ главнымъ образомъ по той борьбѣ, которая въ теченіе цѣлаго столѣтія происходила между магистратомъ и мѣстными полковниками. Магдебургское право, по мнѣнію г. Лазаревскаго, было введено въ Стародубъ уже при русскомъ управленіи. Мы съ этимъ не можемъ согласиться: неужели отсутствіе свѣдѣній о стародубовскихъ войтахъ до 1656 г. даетъ намъ право думать (какъ это дѣлаетъ г. Лазаревскій), что грамота 1620 г., которая представляла Стародубу магдебургское право, осталась мертвою буквой? Въ архивѣ малороссійской коллегіи, на сколько мы помнимъ, имѣются въ копіяхъ грамоты Польскихъ королей на магдебургское право. Городъ Стародубъ имѣлъ также важное торговое значеніе, о которомъ свидѣтельствуетъ опись его 1781 г., приводимая г. Лазаревскимъ.

За біографіями полковыхъ урядниковъ и описаніемъ полковаго города идутъ біографіи сотенныхъ урядниковъ и описанія сотенъ. Среди дѣятелей сотеннаго управленія выдѣляется личность сотника-священника Лисовскаго, удивительнаго похожденія котораго могли бы показаться легендарными, если бы небыли засвидѣтельствованы документальными данными. Начавъ свою карьеру воровствомъ (похитилъ у своего хозяина, принявшаго его къ себѣ за сына, 50 талерей), Лисовскій женился на одной дѣвицѣ, похитивъ ее изъ дома родительскаго, потомъ оставилъ ее и пошелъ въ украинскіе города, гдѣ занималъ духовныя и свѣтскія должности (діакона и писаря),

женился на другой и получилъ санъ священника, а потомъ „за вѣрность царю и измѣну Мазепину“ былъ назначенъ протопопомъ въ Гадячъ. Въ Гадячѣ онъ сталъ дѣлать страшныя насилія священникамъ и обывателямъ, говоря при этомъ: „Я съ вами буду поступать, какъ захочу, ибо на то поставленъ!“ „При семъ же похваляется“, писали въ своей жалобѣ священники, — „же не ради протопопства одного тутъ посланъ, а не ради всѣхъ управленій и постерегана и преслѣдованія змѣни, самъ архіерей и гетманъ именуючися“. Измѣна Мазепы и смутное состояніе края давали возможность, очевидно, подобнымъ людямъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Въ отвѣтъ на жалобу гадяцкаго полковника онъ подалъ доносъ, что тотъ не былъ на царскомъ молебнѣ и не распорядился въ тотъ день стрѣлять изъ пушекъ. Гадяцкій полковникъ тогда возбудилъ вопросъ о двоеженствѣ Лисовскаго, и онъ по указу царя, подарившаго ему при этомъ саблю, на удивленіе всей Малороссіи былъ назначенъ сотникомъ въ Новгородъ-Сѣверскъ. Переимѣнивъ рясу на саблю, онъ не измѣнилъ своего поведенія. Гетманъ Скоропадскій никакъ не могъ укротить его: наряженной для слѣдствія надъ нимъ комиссіи онъ отвѣчалъ, что гетманъ не можетъ его судить. Только тогда, когда явилась его первая жена (которую онъ самъ вызвалъ для сожительства) и снова былъ поднятъ вопросъ о его двоеженствѣ, гетману и всей Малороссіи удалось освободиться отъ этого „искоренителя измѣны“.

Въ описаніи сотенъ сообщаются историческія данныя о сотенныхъ городахъ и всѣхъ селеніяхъ (о времени возникновенія селенія, о его владѣльцахъ и о числѣ крестьянъ и казаковъ въ немъ въ 1723 и 1781 г.). Описанія сотенныхъ городовъ вообще очень кратки, исключая Почепа; здѣсь въ высшей степени интересны и поучительны подробности объ отмежеваніи Почеповской волости, отданной князю А. Д. Меншикову не только съ крестьянами, но и со всѣми казаками, что находилось въ непримиримомъ противорѣчій со всѣмъ складомъ народныхъ понятій; межеваніе это, которое велось съ страшными насиліями и попраніемъ всякой справедливости и законовъ, ярко рисуетъ памъ и силу гордаго (временщика (кн. Меншикова), и слабость гетманской власти (Скоропадскаго), и призрачность мѣстной малороссійской автономіи. Къ сожалѣнію, г. Лазаревскій ничего не сообщаетъ о томъ, какъ Меншиковъ приводилъ въ подданство почеповскихъ казаковъ, потому что объ этомъ будто бы не сохранилось документовъ; на самомъ дѣлѣ документы объ этомъ дѣлѣ сохранились и находятся въ настоящее время въ архивѣ ма-

лороссійской коллегіи въ Харьковѣ. Описанія Новгородъ-Сѣверска и Погара слишкомъ кратки, и на основаніи ихъ трудно себѣ составить понятіе о бытѣ городского населенія того времени, о его интересахъ и т. п.; объясняется это скудостью печатныхъ и архивныхъ матеріаловъ; мы даже не знаемъ положительнымъ образомъ, какіе малороссійскіе города и когда получили внутреннее самоуправленіе по магдебургскому праву; г. Лазаревскій утверждаетъ, напримѣръ, что Новгородъ-Сѣверскъ получилъ магдебургское право только при русскомъ управленіи, между тѣмъ какъ новгородъ-сѣверскіе мѣщане въ XVIII вѣкѣ утверждали противное, и мы склонны вѣрить имъ.

Въ многочисленныхъ описаніяхъ селеній рясѣяно не мало мелкихъ, но любопытныхъ свѣдѣній по исторіи заселенія края и его землевладѣнія; тутъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ и разрѣшительные листы на устройство слободъ, и исторію основанія небольшихъ монастырей, хуторовъ, раскольничьихъ, владѣльческихъ, монастырскихъ и казацкихъ селъ, данныя для характеристики мѣстнаго землевладѣнія (впрочемъ, къ сожалѣнію, почти исключительно крупнаго), и торговли (интересенъ разказъ о мѣловой торговлѣ крестьянъ с. Лязуновки, подтверждающій свѣдѣнія путешественника, академика В. Зуева); любопытны извѣстія объ обращеніи гуть, будь и селищъ въ хутора и слободы; заслуживаютъ также вниманія данныя и соображенія о времени основанія селеній, хотя здѣсь мы можемъ сдѣлать г. Лазаревскому такой упрекъ, какой онъ дѣлаетъ пр. Филарету: иногда время основанія селенія точно указывается имъ безъ достаточныхъ основаній; вотъ тому два примѣра: с. Бучки, говоритъ г. Лазаревскій,—при р. Ворѣ, судя по названію (бучки — ульи) поселены не ранѣе первой половины XVII вѣка. Почему же они не могли быть поселены въ XVI, или во второй половинѣ XVII, или въ XVII в.? „С. Машевъ, при р. Одрѣ. Судя по мѣстонахожденію (на старинной торговой дорогѣ, соединявшей до начала XVII вѣка степную Малороссію съ Бѣлоруссіей и Смоленскомъ), поселеніе Машева можетъ быть отнесено къ XV вѣку“. Почему же не къ XVI или не къ XVII вѣку? Едва-ли можно придавать такое значеніе мѣстоположенію селенія, какое придаетъ ему г. Лазаревскій. „Излюбленнымъ мѣстомъ для поселенія въ древней Южной Руси“, говоритъ онъ,—„былъ гористый полуостровъ, образуемый слияніемъ двухъ рѣчекъ. Всѣ поселенія, существующія въ описываемой мѣстности на такихъ природою защищаемыхъ мѣстахъ, несомнѣнно должны быть отнесены къ древнѣйшимъ поселеніямъ, хотя лѣтописи о нихъ и не упоминаютъ. Для

примѣра указываемъ два села около Погора—Городище и Кистеръ^а. И что же? Приведенные примѣры не убѣдительно, такъ какъ глубокая древность этихъ двухъ селъ не доказывается никакими фактическими данными; чтобы оправдать свое обобщеніе, г. Лазаревскій долженъ былъ доказать, что извѣстные намъ по лѣтописямъ древнерусскіе города и селенія постоянно расположены были именно на такихъ мѣстахъ; но и тогда возможны были бы случаи находенія здѣсь и болѣе новыхъ поселковъ, потому что и болѣе поздніе поселенцы (XVI—XVII вв.) нуждались въ укрѣпленныхъ самою природою пунктахъ.

Такое богатое содержаніе книги г. Лазаревского. Здѣсь читатель найдетъ множество матеріаловъ для характеристики колонизаціи, землевладѣнія, управленія края и отчасти сословныхъ отношеній; матеріалъ сгруппированъ по той схемѣ, которая находится въ связи съ административнымъ дѣленіемъ старой Малороссіи; сочиненіе это представляетъ изъ себя историко-статистическое описаніе Гетманщины; авторъ достигъ своей цѣли, которую онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Въ такомъ видѣ мы желаемъ представить описаніе всѣхъ десяти полковъ, составлявшихъ Малороссію лѣваго берега Днѣпра, полагая, что наша книга дастъ нѣкоторые матеріалы для изученія народной жизни, которая въ написанныхъ до настоящаго времени исторіяхъ Малороссіи такъ сильно заслонена пересказомъ событій вмѣшней исторіи^а. Книга эта не представляетъ изслѣдованія въ строгомъ смыслѣ этого слова; мы находимъ здѣсь большею частью первоначальную, такъ сказать, сводку сырого матеріала, изъ котораго въ большинствѣ случаевъ не сдѣлано выводовъ; но матеріалъ этотъ подобранъ и сгруппированъ такъ искусно, что у читателя сами собою складываются многія обобщенія. Пожелаемъ же неутомимому изыскателю скорѣйшаго продолженія труда, который подаетъ столько надеждъ и такъ блистательно началъ; пусть поскорѣе онъ выпускаетъ второй выпускъ I-го тома: этому порадуются всѣ занимающіеся русскою исторіей и въ особенности любители южно-русской старины.

Д. Багалъй.

Бъ вопросу о сеймикахъ въ Юго-Западной Россіи.

Н. В. Стороженко. Западно-русскіе провинціальныя сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе по архивному матеріалу. Кіевъ. 1888.

Вопросъ о значеніи провинціальныхъ сеймиковъ въ государственной жизни Польско-Литовскаго государства, не смотря на свой весьма видный интересъ, не привлекалъ до послѣдняго времени серьезнаго вниманія изслѣдователей. Правда, еще въ 1838 г. Бентковский посвятилъ особое изслѣдованіе вопросу „De comitiarum in Polonia sub regibus stirpis Jagellonicae habitarum vicissitudinibus“; но, какъ давно указано проф. Каро и Бобржинскимъ, трудъ этотъ мало уясняетъ существо дѣла. Авторъ оного почти ни на волосъ не подвинулся далѣе Длугоша (J. Caro. Geschichte Polens, B. III, Bellage III).

Труды гг. М. Бобржинскаго „Sejmiki polskie za Olbrachta i Alexandra“ (Athenaeum, 1877 г.) и Яроховскаго (Athenaeum, 1884 г., III) коснулись небольшихъ и раздѣленныхъ вѣками періодовъ въ жизни сеймиковъ, первый — начала XIV, второй — начала XVIII столѣтія. Почтенный трудъ А. И. Павинскаго „Правленіе сеймиковъ въ Польшѣ“ (Rządy sejmikowie w Polsce) появился, сравнительно, весьма недавно и, во всякомъ случаѣ, позже книги г. Стороженка. Такимъ образомъ — хотя и существуетъ нѣсколько монографій по исторіи сеймиковъ въ Польшѣ, тѣмъ не менѣе спеціальнаго изслѣдованія о западно-русскихъ сеймикахъ до появленія книги г. Стороженки не было, да и теперь, пока, нѣтъ. Не смотря на скромные размѣры и на спеціальную задачу, трудъ этотъ имѣетъ въ виду „посильно изобразить исторію, организацію и кругъ дѣятельности сеймика во всей его полнотѣ“ (2).

Такимъ образомъ западно-русскіе сеймики второй половины XVII вѣка должны, по мысли автора, явиться лишь эпизодомъ на болѣе широкомъ фонѣ исторіи провинціальныхъ сеймиковъ вообще. Сообразно этой цѣли, авторъ представляетъ въ своемъ трудѣ: I. Исторію и организацію сеймиковъ (3—23); II. Способы защиты южно-русскихъ воеводствъ (24—52); III. Отношеніе сеймиковъ къ вопросамъ общегосударственнымъ (53—78); IV. Отношеніе сеймиковъ къ вопросамъ экономическимъ (79 — 100); V. Отношеніе сеймиковъ къ вопросамъ религіознымъ (101 — 120); VI. Отношеніе сеймиковъ къ вопросамъ сословнымъ (121—137). Заключение даетъ, въ-кратцѣ, общіе выводы и ставитъ нѣкоторые идеалы.

Привѣтствуя самымъ сердечнымъ образомъ намѣреніе автора коснуться мало изслѣдованнаго и въ высшей степени интереснаго вопроса о сеймикахъ, которые, „сосредоточивши въ своихъ рукахъ всѣ функціи областного самоуправленія“, „продержались болѣе двухъ вѣковъ и кончили свое существованіе вмѣстѣ съ Рѣчью Посполитою, будучи одной изъ важныхъ причинъ ея гибели“, мы попытаемся коснуться въ настоящей критической замѣткѣ лишь исходныхъ положеній автора, оставляя для критики подробностей лишь весьма незначительное мѣсто. Съ этой послѣдней стороны мы коснемся лишь одной главы изслѣдованія.

Трудности, лежащія въ настоящее время на дорогѣ изслѣдователя большинства вопросовъ по исторіи Литовской Руси вообще и, въ частности, избраннаго авторомъ вопроса о сеймикахъ, разпобразнаго свойства, но, конечно, на первомъ планѣ стоитъ отсутствіе матеріаловъ или, по крайней мѣрѣ, значительная ихъ неполнота. Поэтому-то авторъ поступилъ совершенно правильно, исполнивъ для своего изслѣдованія продолжительную и сопряженную со многими трудностями работу собранія матеріала въ цѣломъ рядѣ актовъ книгъ Кіевскаго центрального архива.

Собранные авторомъ матеріалы составили объемистый томъ (около 40 печатныхъ листовъ), изданный Кіевскою комиссіей для разбора древнихъ актовъ подъ заглавіемъ: „Акты для исторіи провинціальныхъ сеймиковъ Юго-Западнаго края во второй половинѣ XVII вѣка“, иначе: (Архивъ Юго-Западной Россіи, часть II, томъ II). Кіевъ. 1888.

Всякій, кому извѣстны трудности архивныхъ работъ, отдастъ безъ сомнѣнія, должную дань трудолюбію и настойчивости автора, хотя, быть можетъ, не согласится съ нѣкоторыми его приѣмами. По нашему мнѣнію, нельзя оправдать въ изданіяхъ комиссіи такого сокращенія документовъ, какое мы встрѣчаемъ въ только-что названномъ томѣ, напримѣръ, въ №№ XXXIV, XLIII, XLVII, XLII, L, LIII и т. д. Сокращенія эти на столько увлекаютъ редактора, что отъ нѣкоторыхъ протоколовъ остаются лишь слабыя воспоминанія, напримѣръ, протоколъ черниговскаго сеймика отъ 1678 г. (мѣсяца?), № LXX, сводится къ 6 строчкамъ текста; протоколъ брацлавскаго сеймика (?) отъ 30-го января 1670, № XLIX, въ 4½ строчкамъ, а протоколъ брацлавскаго сеймика (?) отъ 3-го декабря 1680 г., № LXXIII — всего къ двумъ строкамъ. Но этого мало. Въ № LXI подлинный текстъ совершенно исчезаетъ, и вмѣсто него мы встрѣчаемъ изложеніе одного пункта сеймиковаго постановленія, сдѣлан-

ное редакторомъ по русски, то-есть, вмѣсто документа встрѣчаемъ регесту.

Мы ничего, въ принципѣ, не имѣемъ противъ печатанія регестъ, но думаемъ, что у насъ это дѣло слѣдуетъ пока предоставить частнымъ изданіямъ, такъ какъ коммиссія едва ли должны руководиться при печатаніи актовъ соображеніями денежной экономіи. Къ тому же, для регестъ появляется надобность только тогда, когда извѣстный матеріалъ на столько великъ, что въ немъ трудно ориентироваться, а не въ томъ случаѣ, когда обнародываются матеріалы впервые и по совершенно не изслѣдованному вопросу.

Помимо этихъ соображеній, мы выступаемъ противъ сокращеннаго изданія документовъ еще и на томъ основаніи, что документъ, изданный съ сокращеніями, не даетъ цѣльнаго понятія о своемъ существѣ; такой документъ не документъ, а отрывокъ. Но этого мало. Для издателя, имѣющаго въ виду свой особый предметъ изслѣдованія, всѣ документы представляются подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Важны, значителны лишь тѣ, которые говорятъ что-либо для интересующей автора цѣли. Но интересы собирателя-изслѣдователя никогда не могутъ коснуться всѣхъ интересовъ, затрогиваемыхъ печатаемымъ актомъ. Для десятка лицъ одинъ и тотъ же документъ можетъ представиться интереснымъ съ десяти различныхъ сторонъ. Для одного—документъ можетъ быть интересенъ тѣмъ, что въ немъ встрѣчается неизвѣстная доселѣ вѣтвь какого-либо рода, для другаго—потому, что устанавливается фактъ занятія даннымъ лицомъ въ данное время той или другой должности, для третьяго—потому, что констатируется принадлежность лицъ къ тому или иному вѣроисповѣданію, для четвертаго—опредѣляется дата и т. д., и т. д.—Какое же представленіе можно получить о сеймикомомъ постановленіи, объ интересахъ, которые здѣсь были затронуты, о вопросахъ, которые были поставлены и разрѣшены и т. д. когда, вмѣсто протокола засѣданія, имѣется на лицо одинъ только параграфъ, выбранный—притомъ, по соображеніямъ издателя!

Нельзя также не пожалѣть, что издатель не раздѣлилъ изданныхъ имъ протоколовъ на параграфы, соотвѣтственно сдѣланнымъ имъ же русскимъ заголовкамъ. При отсутствіи такого дѣленія, приходится вновь перечитывать каждый протоколъ, такъ какъ угадать, къ какому именно мѣсту относится тотъ или другой пунктъ заголовка, конечно, очень трудно.

Наконецъ, желательно было бы, чтобы самыя заголовки, изла-

гающіе содержаніе сеймиковыхъ постановленій, составлены были точнѣе и соотвѣтственнѣе содержанію документовъ.

Вопервыхъ, сеймиковыя постановленія воеводствъ волынскаго, кievскаго, брацлавскаго и т. д. называются издателемъ постановленіями, инструкціями дворянъ волынскихъ, кievскихъ, брацлавскихъ и т. д. Едва ли такое заглавіе вѣрно. Постановленія и инструкціи давались не дворянами, собранными гдѣ-нибудь и какъ-нибудь, а воеводскимъ сеймикомъ, какъ опредѣленнымъ органомъ государственной власти, функционирующимъ въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ, сообразно опредѣленіямъ закона или же незапамятнаго обычая.

Это общее замѣчаніе мы должны дополнить еще другимъ: сеймиковыя протоколы, называются обыкновенно „лявдумъ“, „инструкція“; они „ухвалены“, то-есть, постановлены такимъ или инымъ сеймикомъ, слѣдовательно и содержаніе этихъ постановленій складывается изъ ряда предписаній, наставленій, опредѣленій и т. д. повелительнаго характера, поэтому-то и содержаніе такихъ постановленій должно быть изложено въ видѣ краткихъ сентенцій, а не въ повѣствовательной формѣ, какъ, напримѣръ, въ №№ IV, VI b, VII, VIII, XI, XIV, XXVI.

Мы должны, впрочемъ, оговориться, что указанный недостатокъ встрѣчается, главнымъ образомъ, въ началѣ книги, въ большинствѣ же случаевъ содержаніе протоколовъ передано въ надлежащей формѣ.

Нельзя, однако, не замѣтить, при этомъ, что содержаніе отдельныхъ постановленій передано не всегда точно и съ надлежащею полнотою; такъ, возьмемъ, напримѣръ, № I; что можно вывести изъ слѣдующаго заголовка: „Отмѣна постановленія отъ 9-го декабря 1654 г. и подтвержденіе другаго постановленія того же года“!

Или, № VI b говоритъ „О наборѣ пропорціонально имуществу каждаго дворянина, въ виду снисхожденія, оказаннаго старымъ и больнымъ въ отбываніи воинской повинности“. Между тѣмъ соотвѣтственное мѣсто въ протоколѣ гласитъ слѣдующее: „Въ виду значительнаго уменьшенія количества людей для обороны Рѣчи Посполитой, происходящаго отъ того, что люди старые и больные и иные, уволенные по закону отъ военной службы, ставятъ отряды, не соотвѣтствующіе количеству и качеству ихъ имѣній: опредѣляется настоящимъ публичнымъ постановленіемъ, чтобы таковыя особы являлись лично передъ нашимъ полковникомъ для опредѣленія, согласно постановленію о томъ луцкаго сеймика, сколько всадниковъ обязанъ поставить каждый изъ нихъ“. Далѣе идетъ постановленіе о томъ, чтобы паны и осѣдая шляхта ставили по одному вооруженному всад-

нику съ 15 димовъ и т. д. Въ № X встрѣчаемъ пунктъ „объ изысканіи средствъ для уплаты жалованья войску“, между тѣмъ въ протоколѣ говорится: „А такъ какъ давнишнія недомки и новыя подати должны были быть обращаемы на платежъ (войску), то господа послы пусть спросятъ, куда дѣвались эти подати. Что же касается введенія новоявленного акциза на шляхетскія имѣнія, въ противность правамъ и привилегіямъ шляхты, то господа послы не должны давать своего согласія на такую убыточную шляхетскимъ имѣніямъ подать; что же касается податей съ королевскихъ и духовныхъ имѣній, то эти подати пусть будутъ собираемы въ воеводствахъ собственными сборщиками и обращаемы, безъ передачи денегъ въ государственную казну, на уплату солдатамъ!“

Оставляя въ сторонѣ значительное количество такихъ же, или подобныхъ несоотвѣтствій, позволимъ себѣ привести еще одинъ образецъ: Въ заголовкѣ протокола отъ 14-го января 1681 г., № LXXV, говорится между прочимъ „о недовольствіи лицамъ не шляхетскаго происхожденія, подстрекающимъ народъ къ своевольствамъ, выбираться (!) въ какія-либо гражданскія (?) или земскія должности“. Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ протокола мы, однако, читаемъ слѣдующее: „Для охраненія свободы... не безразлично, чтобы публичные акты не попадали въ распоряженіе плебеевъ, поэтому пусть господа послы наши усиленно настаиваютъ, чтобы плебеямъ было запрещено закономъ быть писцами и письмоводителями какъ въ городскихъ, такъ и въ земскихъ судахъ; чтобы плебеи не смѣли занимать подобныхъ должностей и въ силу занятія оныхъ присвоивать себѣ шляхетскій титулъ,—подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи имущества. Въ виду же того, что подобной своевольной черни даются, съ огромной опасностью для отечества, поощренія къ свободѣ, пусть (послы) настаиваютъ, чтобы эта чернь со всѣми своими льготами была бы уничтожена сеймовнымъ опредѣленіемъ (*lege publica*)“.

Итакъ, авторъ приготовилъ для выполненія избранной имъ задачи необходимые архивные матеріалы. Свой трудъ онъ также называетъ изслѣдованіемъ по архивному матеріалу. Привѣтствуемъ отъ души эти стремленія автора.

Нельзя не признать, что для насъ еще весьма отдаленно то время, когда изслѣдователю можно будетъ, не рискуя повторить зады, опираться на одни печатные источники. Къ сожалѣнію, нашъ авторъ понимаеъ изслѣдованіе по архивному матеріалу слишкомъ одностороннею частью ослѣхъ, отд. 2.

ронне. Издашиные имъ памятники кажутся ему совершенно достаточными для отвѣта на всѣ вопросы, намѣченные въ его изслѣдованіи. Въ книгѣ г. Стороженки мы не встрѣчаемъ ссылокъ на какіе-либо иные документы, касающіеся сеймиковъ, не говоримъ, польскихъ или же литовскихъ, по даже и южно-русскихъ. Между тѣмъ, для выполненія задачи автора „изобразить исторію, организацію и кругъ дѣятельности сеймика во всей его полнотѣ“ ему не лишне было бы познакомиться,—не говоримъ со всѣми отдѣльными актами о сеймикахъ, разбросанными въ различныхъ изданіяхъ, въ родѣ, напримѣръ, Археографическаго Сборника, Историко-Юридическихъ матеріаловъ и т. п., но хотя бы съ нѣкоторыми изъ томовъ, изданныхъ Виленскою Археографическою Комиссіею, хотя бы, напримѣръ, со II и IV томами, въ которыхъ авторъ могъ бы встрѣтить обширный матеріалъ, касающійся исторіи сеймиковъ въ Литвѣ въ XVII в.

Около 100 №№, касающихся исторіи сеймиковъ въ сосѣдней съ южною Россіей странѣ, частью которой южная Россія была въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ, несомнѣнно составляютъ цѣнный матеріалъ для историка сеймиковъ. Но у нашего автора мы не встрѣчаемъ объ этихъ актахъ ни слова! Этого мало. Изданный авторомъ томъ составляетъ продолженіе труда проф. Иваннишева, издавшаго сеймиковыя постановленія южно-русскихъ воеводствъ, за время отъ Люблинской униі до 1654 г. Казалось бы, что эти матеріалы ужь никакъ нельзя обойти молчаніемъ, — но у нашего автора и о нихъ ни слова? Если автору казалось, что матеріалы, изданные пр. Иваннишевымъ, не полны, то необходимо было объ этомъ упомянуть, восполнить, по возможности, пробѣлы и воспользоваться тѣмъ, что есть. Ничего этого не сдѣлано. Такъ, что если относительно другихъ изданій мы можемъ предположить, что они просто неизвѣстны автору, то относительно забвенія матеріаловъ своего предшественника, мы можемъ сдѣлать лишь одно предположеніе, что авторъ, преодолевъ одну изъ трудностей, бывшихъ у него на дорогѣ, то-есть, собравъ нужные матеріалы, не успѣлъ справиться съ другою, и болѣе важною, а именно, не успѣлъ достаточно ориентироваться среди тѣхъ многообразныхъ явленій, отраженіемъ которыхъ служатъ архивные акты.

Историческое изслѣдованіе не можетъ быть только простымъ изложеніемъ неизвѣстныхъ дотоле фактовъ. Подобнаго рода трудъ будетъ историческимъ повѣствованіемъ, лѣтописнымъ разказомъ, изложеніемъ матеріала въ популярной формѣ и т. д., — всѣмъ, тѣмъ

угодно, только не изслѣдованіемъ. Изслѣдованіе предполагаетъ опредѣленную цѣль, задачу, для разрѣшенія которой и прилагается со стороны автора рядъ извѣстныхъ мѣръ; избранный предметъ обслѣдуется съ различныхъ сторонъ, авторъ стремится поставить его въ извѣстное соотношеніе съ другими, сосуществующими или же предшествующими и послѣдующими фактами, старается найти основаніе, причину его бытія, небытія или же инобытія. Задача историка и состоитъ въ томъ, чтобы открыть въ пѣмыхъ актахъ живыхъ свидѣтелей прошлаго, указать реальныя силы, создавшія извѣстныя явленія, опредѣлить ихъ относительное значеніе, ростъ, взаимодѣйствіе и т. д. Поэтому къ изслѣдованію по архивному матеріалу слѣдуетъ приступать не иначе, какъ съ извѣстнаго рода сложившимися взглядами на существо общественныхъ явленій; нужно имѣть опредѣленное представленіе о томъ: что и какъ изслѣдовать. Въ противномъ случаѣ изслѣдованія не будетъ. Съ другой стороны. Ни одно изъ общественныхъ явленій не существуетъ отрознено отъ другихъ, всякое стоитъ въ той или другой связи съ опредѣленнымъ строемъ государственной или общественной жизни. Поэтому - то, какъ бы ни было мало изслѣдовано, само по себѣ, то или другое данное общественное отношеніе, знакомство съ тѣми условіями, среди которыхъ оно возникло, составляетъ совершенно необходимое предположеніе для успѣшнаго отвѣта на спеціальную тему изслѣдователя.

Всякому лицу, приступающему къ выясненію какого-либо историческаго явленія, не слѣдуетъ забывать, что, помимо условій даннаго времени и даннаго мѣста, существуютъ общія условія, опредѣляющія историческія явленія. Каждая страна, въ каждое данное время представляетъ совокупность группъ, различающихся другъ отъ друга различными условіями: одни группы будутъ обладателями труда, другіе — капитала. Капиталъ можетъ быть поземельнымъ, денежнымъ, торгово-промышленнымъ; трудъ, сообразно съ природою капитала, будетъ земледѣльческимъ, ремесленнымъ, фабричнымъ и т. д. Сообразно способу владѣнія капиталомъ и отношенію между нимъ и трудомъ получаются разнообразныя виды собственности, различіе въ распредѣленіи капитала, разнообразныя отношенія между капиталистами и рабочими и т. д. Самыя формы государственной власти, какъ указано было еще Аристотелемъ, стоятъ въ тѣсной и непремѣнной связи съ этими отношеніями общественныхъ классовъ. Въ каждомъ конкретномъ случаѣ должны быть приняты во вниманіе этнографическій составъ населенія, его религіозныя вѣрованія, степень культуры, поло-

женіе даннаго государства среди другихъ государствъ, его географическія условія, способъ его образованія, преобладаніе въ немъ тѣхъ или другихъ общественныхъ элементовъ и т. д. Мы не хотимъ сказать, конечно, что всѣ эти вопросы должны быть затрогиваемы въ монографіи, но знакомство съ ними составляетъ необходимое предположеніе успѣшности всякаго историческаго труда. Рядъ изслѣдованій пр. В. В. Антоновича и В. Р. Владимірскаго-Вуданова, на которыхъ авторъ ссылается, могли бы для него послужить готовымъ образцомъ той широкой постановки вопросовъ, какая нужна для всякаго историческаго изслѣдованія.

Въ свою очередь общія сочиненія по исторіи Россіи и Польши могли бы дать автору ту основу, съ которой надлежало бы начать свое изслѣдованіе. Въ трудахъ Соловьева, Иловайскаго, Ярошевича, Каро, Шуйскаго, Бобржинскаго и др. нашлись бы цѣнныя указанія на общія всѣмъ славянамъ, и въ частности русскимъ и полякамъ, особенности исторической и общественной жизни; равнымъ образомъ и особенности литовской національности и ея общественнаго уклада стали бы для автора болѣе опредѣленными.

Въ указанныхъ же сочиненіяхъ польскихъ историковъ можно было бы найти, въ особенности у Бобржинскаго, не мало свѣдѣній по исторіи сеймиковъ, а равно оцѣнку причинъ, вызвавшихъ эти учрежденія, и той роли, которую сеймики играли въ жизни Польско-Литовскаго государства.

Будучи проводниками идей и интересовъ мелкой шляхты, сеймики возникаютъ далеко не въ силу желанія того или иного короля, а являются результатомъ опредѣленной комбинаціи общественныхъ силъ. Поэтому-то, не коснувшись исторіи этихъ силъ, не возможно понять и исторіи сеймиковъ. Властную попытку начертить это соотношеніе представилъ М. Бобржинскій въ указанной выше монографіи, общіе же результаты своихъ изслѣдованій по этому вопросу онъ помѣстилъ въ своемъ извѣстномъ учебникѣ. Не менѣе любопытны замѣчанія по этому вопросу и другаго польскаго историка І. Шуйскаго въ его обширномъ и, въ особенности, краткомъ (болѣе позднемъ) курсѣ польской исторіи.

Между тѣмъ нашъ авторъ для изложенія исторіи польскихъ сеймиковъ не находитъ ничего лучшаго, какъ сочиненіе Готфрида Ленгниха, „*Jus publicum regni Polontac*“ (1746 г.), ссылаясь, правда, здѣсь же на хроникъ Я. Длугоша, А. Бѣльскаго и С. Сарницкаго (3). Плодомъ такого отношенія къ литературѣ вопроса представляется

крайняя неудовлетворительность всей первой главы, и въ особенности исторіи польскихъ сеймиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время въ литературѣ установилось, почти внѣ всякаго спора, воззрѣніе, что сеймики возникли какъ институтъ, воплотившій реальнымъ образомъ интересы мелкой шляхты, какъ органъ объединившій требованія мелкаго землевладѣнія въ противовѣсъ магнатамъ, представителямъ крупной поземельной собственности.

Появленіе сеймиковъ есть результатъ долговременной глухой борьбы мелкопомѣстнаго шляхетскаго демоса съ родовитыми и сановными магнатами; появленіе сеймиковъ свидѣтельствовало о томъ, что государственная власть изъ тѣснаго олигархическаго кружка переходитъ въ руки обширнаго класса мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, такъ какъ старинный принципъ шляхетскаго равенства получалъ несомнѣнное приложеніе на дѣлѣ: на сеймикѣ, въ многочисленной толпѣ мелкой шляхты, теряются голоса воеводъ, каштеляновъ и т. д., когда представительница землевладѣльческаго принципа, мелкая шляхта, вотируя налоги и являясь на посполитое рушеніе, начинаетъ сознавать себя силою, съ которою должны считаться магнаты.

Всѣмъ сеймикамъ, по всему королевству, предлагаются на разрѣшеніе одни и тѣ же вопросы. Единодушные отвѣты на нихъ, выраженные въ депутатскихъ инструкціяхъ, составляютъ такого рода внушающую силу, что бороться съ нею не можетъ быть и въ мысли магнатовъ. Сеймики объединяютъ, славчиваютъ, организуютъ мелкую шляхту въ одно цѣлое, въ грозную своимъ единствомъ силу. Если не *de jure*, то *de facto*, задолго до прекращенія Ягеллоновской династіи, пародомъ въ политическомъ смыслѣ этого слова, гражданами, обладающими гражданскими и политическими правами, ставятся всѣ шляхтичи, и только шляхтичи, на всемъ пространствѣ Польскаго королевства.

Принципиальное различіе между крупною и мелкою шляхтою, стиравшееся въ теченіи вѣковъ, почти совершенно исчезаетъ съ Людовика Венгерскаго. Поэтому Ягеллоны, а въ особенности Казимиръ и его преемники, лишь дали внѣшнюю форму, освятили своею санкціею то, что было давно создано самою жизнью. И въ Польшѣ, подобно тому, какъ, столѣтіе спустя, въ Литвѣ, матеріалъ для сеймиковъ былъ на лицо: королямъ приходилось дать ему лишь подходящую форму.

„Не поддѣжить сомнѣнію“, говорятъ извѣстный польскій историкъ І. Шуйскій, — „что король былъ доволенъ народнымъ движеніемъ

(требованіемъ мелкой шляхты въ Цереквицѣ въ 1454 г.); что, быть можетъ, и самъ придалъ оному смѣлости черезъ своихъ ближайшихъ сановниковъ, для того, чтобы найдти въ немъ естественнаго содѣльника противъ малопольской олигархіи“. „Привилегіей въ Опокахъ“, говоритъ г. Шуйскій немного далѣе, — „опредѣлено, что впредь сеймовныя постановленія и объявленіе войны должны быть поставлены въ зависимость отъ согласія провинціальныхъ шляхетскихъ сеймиковъ. Такимъ образомъ коронная рада разгромлена и парализована, а король, освобожденный изъ ея тисковъ, получалъ широкую и независимую опору въ постановленіяхъ нѣсколькихъ собраній, рѣшающихъ вопросы о войнѣ и назначеніи податей“¹⁾).

Нѣсколько иначе, но безъ различія по существу, смотритъ на появленіе сеймиковъ другой извѣстный историкъ М. Бобржинскій²⁾: „И король нуждался въ сильной опорѣ противъ магнатовъ и не безъ основанія искалъ ее въ шляхтѣ. Во второй половинѣ XV вѣка мы видимъ оригинальное явленіе: Король и магнаты, другъ передъ другомъ стараются склонить сеймики въ свою пользу... Магнаты просьбами и угрозами вліяютъ на сеймики и систематически волнуютъ ихъ, но Казимиръ Ягеллонъ имѣетъ противъ этого отличное средство: онъ является самъ на сеймикъ, посѣщаетъ одинъ за другимъ всѣ сеймики, и гдѣ только явится среди шляхты, всѣ интриги магнатовъ распадаются въ одно мгновеніе: шляхта чувствуетъ въ королѣ своего заступника, вѣрить ему, полагается на него и всего чаще подчиняется его волѣ“. Въ виду неудобства путешествій по сеймикамъ, король ввелъ новый обычай, то-есть, генеральные сеймики. „Пробовалъ, наконецъ, Казимиръ Ягеллонъ приглашать этихъ шляхетскихъ пословъ съ генеральныхъ сеймиковъ на одно мѣсто къ себѣ, обыкновенно въ Піотрковъ, и тамъ приводить ихъ къ соглашенію. Такимъ образомъ явилась посольская изба, которая, вмѣстѣ съ королемъ и его старою радю изъ сановитыхъ чиновниковъ, названною теперь сенатомъ, составила генеральный сеймъ королевства... Такимъ образомъ является на арену политической жизни, вступая въ политическую жизнь и созрѣваетъ новый факторъ—шляхта, которая въ тѣсномъ союзѣ съ королемъ сокрушаетъ въ концѣ средне-

¹⁾ *I. Szujski*. *Historji Polskiej* „*trzesciowie opowiedzianej krieg dwienascie*. Wrsz. 1880, стр. 123.

²⁾ *M. Bobrzynski*. *Dziatej Polski w zagysie*. Третье изданіе 1887. Варшава, стр. 342, 343.

вѣковую организацію государства и общества и открываетъ новую эпоху въ исторіи Польши“.

Вотъ какое значеніе имѣло появленіе сеймиковъ, по мнѣнію наиболѣе выдающихся современныхъ историковъ, вотъ какого рода силы лежали въ основѣ законодательныхъ актовъ Казимира Ягеллона!

Г. Стороженко, къ сожалѣнію, оставляетъ въ сторонѣ современныхъ писателей и предпочитаетъ имъ извѣстнаго уже намъ Ленгника, автора усерднаго, аккуратнаго и добросовѣстнаго, но писавшаго въ то время, когда объ исторіографіи не существовало никакихъ представленій. Поэтому исторіи польскихъ сеймиковъ у г. Стороженка нѣтъ, такъ какъ двѣ странички, посвященныя этому вопросу и почти дословно заимствованныя у Ленгника (Книга III, разд. 3-й, § 3), едва-ли могутъ быть названы исторіей сеймиковъ, даже въ самомъ снисходительномъ смыслѣ. Причиной появленія сеймиковъ г. Стороженко, согласно съ Ленгникомъ, считаетъ то обстоятельство, что „Ягеллу хотѣлось выкупить у ордена меченосцевъ землю Добрыинскую... а потому онъ назначилъ 11 ноября 1404 года генеральный сеймъ въ Корчинѣ, а предварительно сеймики по повѣтамъ, съ цѣлью обсужденія предполагавшагося поземельнаго налога“. Равнымъ образомъ, причину появленія генеральнаго сейма и въ его составѣ, „Посольской изби“, то-есть, призваніе мелкой шляхты къ участию въ законодательствѣ, авторъ нашъ видитъ въ томъ, что Казиміръ Ягеллонъ, „желая настоять на своемъ“, когда, собранные имъ въ 1468 году, сеймы малополянъ и великополянъ не согласились утвердить чрезвычайныхъ налоговъ, „назначилъ генеральный сеймъ въ Петровѣ и выразилъ желаніе, чтобы на этотъ сеймъ прибыли нарочито выбранные на повѣтовыхъ сеймикахъ послы, по два отъ каждого воеводства и земли, съ уполномочіемъ согласиться на возвышеніе разнаго рода податей“.

Какое значеніе для государственной и общественной жизни Польши имѣли сеймики, каково было ихъ отношеніе къ мѣстнымъ интересамъ и мѣстному управленію и т. д., мы ничего не узнаемъ изъ книги г. Стороженка. Изъ кого складывались сеймики въ Польшѣ, каковъ былъ составъ сеймовъ до 1468 года, и т. д., мы также не узнаемъ.

Остается, поэтому, неяснымъ, для чего понадобилась автору и вся исторія польскихъ сеймиковъ. Никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что были сеймики, мы не получаемъ. Не отѣненъ и сословный ха-

раक्टरъ сеймовъ „что составляетъ“, по мнѣнію автора, „отличительную черту польскихъ представительныхъ учреждений съ XI вѣка (?) (7).

Покончивъ съ исторіей польскихъ сеймовъ и сеймиковъ, авторъ переходитъ къ исторіи тѣхъ мѣстныхъ организмовъ, которые существовали въ Юго-Западной Руси до Люблинской уніи.

Основная мысль автора въ этой части труда заключается въ томъ, что сеймики въ Юго-Западномъ краѣ въ томъ видѣ, какъ они являются на основаніи Виленской привилегіи 1565 года (и опредѣленія Второго Литовскаго Статута, скажемъ мы отъ себя), не имѣли никакихъ корней въ мѣстныхъ отношеніяхъ, а являются учрежденіемъ чуждымъ народному духу, навязаннымъ извнѣ. При этомъ авторъ, признавая въ сеймикахъ только органъ мѣстнаго самоуправленія (въ одномъ мѣстѣ даже „представительнаго (?) самоуправления)“ видитъ въ измѣненіи формы этого самоуправленія по польскому образцу такое зло, что готовъ даже предположить, что „еслибы самоуправленіе въ Юго-Западной Руси сохранило свой... всесословный національно-русскій характеръ, то, быть можетъ, оно удержало бы западно-русскихъ дворянъ отъ національнаго и религіознаго отступничества на пользу (?) роднаго края, до такой степени способствовало бы правильному (?) гражданскому развитію населенія Юго-Западной Руси въ полномъ его составѣ (!), что послѣднее могло бы вступить въ успѣшную борьбу мирнымъ путемъ (!?) съ разнузданною польскою шляхтою (!!), реформировало бы государственный строй Рѣчи Посполитой, оказавши поддержку нѣкоторымъ благимъ намѣреніямъ Польскихъ королей, и такимъ образомъ спасло бы Рѣчь Посполитую отъ гибели и способствовало бы ея сближенію съ единоплеменною Россією и другими славянскими народностями“ (!!!) (139—140). Хорошіе воздушные замки, не осуществившіеся лишь отъ неудачной организаціи мѣстнаго самоуправления! Впрочемъ и самъ авторъ считаетъ приведенную выше картину лишь „предположеніемъ“, которое позволительно допустить „въ интересахъ выясненія истины и дальнѣйшихъ судебъ западно-русской народности (?)“ (139).

Предположенія эти основываются, однако, по мнѣнію автора, на томъ глубокомъ различіи, которое существовало въ національныхъ особенностяхъ Юго-Западной Руси и Польши, о которыхъ упомянуто выше.

Выясненію этихъ особенностей и характеристикъ учреждений, служившихъ отраженіемъ оригинальныхъ общественныхъ отношеній Юго-Западной Руси авторъ посвящаетъ, сравнительно, болѣе мѣста.

Въ оцѣнкѣ этихъ взглядовъ автора мы и перейдемъ.

Мы не будемъ входить въ полемику по поводу въ высшей степени спорнаго предположенія автора, будто „вѣче“, потерявъ, благодаря монгольскому завоеванію, значеніе политическаго органа, „съ административно-хозяйственными функціями (?), не только не прекратило своего существованія, но даже продолжало развиваться во всей Россіи въ продолженіи всего донетровскаго періода“ (4).

Что понимаетъ авторъ подъ именемъ вѣча съ хозяйственно-административными функціями, для насъ, признаться, совершенно не ясно. Подъ именемъ вѣча разумѣлся до настоящаго времени одинъ изъ факторовъ государственной власти, „вѣчу не быть“, значило, по старинной терминологіи — не быть земскому государству. Разъ вѣче теряло политическое значеніе, оно обращалось въ сходку, собраніе количныхъ людей, міръ и т. п.

Общественными организмами, существовавшими въ Юго-Западной Россіи до Люблинской уніи, были, по словамъ автора „народныя собранія, являвшіяся органами общинъ и бывшія осколками древняго вѣчеваго быта“... они „долгое время (?) иначе и не назывались, какъ вѣчами. Впослѣдствіи (въ XVI вѣкѣ) подобныя собранія стали называться конами, кунами, громадами. Функціи собранія, по преимуществу, были судебныя“. Въ составъ этихъ собраній „входили только одни домохозяева, имѣвшіе постоянную осѣдлость въ общинѣ. Выдающуюся роль на собраніяхъ играли старцы“.... „Дѣла рѣшались единогласно“.

Для изображенія этихъ общинныхъ собраній авторъ пользовался трудами г. Латкина: Земскіе соборы древней Руси. С.-Пб. 1883, и пр. Иванішева: О древнихъ сельскихъ общинахъ древней Россіи. Кіевъ. 1876.

Но г. Латкинъ не писалъ самостоятельныхъ изслѣдованій о древнихъ сельскихъ общинахъ, а пользовался, для нѣкоторыхъ частей своего труда, книгою г. Иванішева, такъ что первоисточникомъ является все-таки трудъ проф. Иванішева. Посмотримъ, поэтому, такими ли представляются общинныя собранія въ трудѣ проф. Иванішева, какими изобразилъ ихъ нашъ авторъ.

Г. Стороженко видитъ въ конныхъ собраніяхъ прямыхъ преемниковъ стариннаго вѣча. Членами вѣча, какъ извѣстно, считались всѣ самостоятельные домохозяева данной волости, будь то: князіе мужи земскіе бояре или же просто „людіе“. Сообразно съ этимъ, и у г. Стороженка членами конныхъ собраній считаются всѣ домохозяева данной,

мѣстности. Такому копному собранію противопоставляются, далѣе, „болѣе крупныя собранія, на которыя съѣзжались обыватели цѣлой земли, области“, духовныя, князи и панове, и бояре, и земляне, и вся шляхта“. Различіе между этими двумя родами собраній было, такимъ образомъ, не по составу, а лишь территориальное: сельскими общинными собраніями были копы, областными — сеймы. — Лишь въ „эпоху Люблинской уніи“... говоритъ авторъ „на ряду съ народными собраніями появились собранія со специфически польскимъ характеромъ—сословныя (1, срв. также 7, 138, 140).

Посмотримъ, дѣйствительно ли таково было соотношеніе между этими двумя родами собраній. Но прежде коснемся состава копныхъ собраній.

Въ сочиненіи проф. Иванишева мы видимъ слѣдующее ихъ опредѣленіе: „Сельская община состояла изъ всѣхъ лицъ простаго состоянія, имѣвшихъ осѣдлость въ ея округѣ. Сюда относились: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе и церковныя, сельчане или свободные поселяне, мѣщане, не пользовавшіеся магдебургскимъ правомъ, и сверхъ того, безземельные шляхтичи, владѣвшіе участками королевскихъ земель“. „Не всѣ лица, принадлежавшія къ сельской общинѣ, составляли народное собраніе, а только домохозяева, подъ условіемъ отбыванія опредѣленныхъ повинностей“ (235—236). „Главная цѣль соединенія селеній въ общины состояла въ томъ, чтобы предупредить нарушение законовъ, открывать и преслѣдовать преступниковъ, судить и наказывать ихъ, наконецъ, присуждать и доставлять обиженному вознагражденіе“ (236). „Каждая сельская община имѣла свои народныя собранія для совѣщаній и для рѣшенія дѣлъ, подлежащихъ ея вѣдомству. Такое народное собраніе называлось копа. Совѣщаніе народнаго собранія называлось вѣчемъ“ (238). „Помѣщики и ихъ управители не участвовали ни въ совѣщаніяхъ копы, ни въ постановленіи судебныхъ приговоровъ“ (239). „Вѣдомству копы подлежали всѣ лица простаго сословія. Помѣщики имѣли право, по добровольному согласію, предоставлять копѣ рѣшенія споровъ, между ними возникавшихъ“ (249). „Приговоръ постановлялся общимъ голосомъ сходатаевъ“... „Не извѣстно, какъ поступала копа, въ случаѣ разногласія, возникавшаго между сходатаями“ (249).

Не трудно кажется видѣть, что, по мнѣнію пр. Иванишева копныя собранія были уже собраніями сословными, или, по

крайности, собраніями лицъ извѣстнаго общественнаго класса, то-есть, людей тяглыхъ, или же несшихъ съ ними наравнѣ тяглыя повинности.

Далѣе. Функціи копныхъ собраній обнимаютъ различные предметы вѣдомства, способъ постановленія рѣшеній точно не опредѣленъ, вѣчемъ называется не собраніе, а совѣщаніе собранія и т. д.

Такимъ образомъ оказывается, что тотъ авторъ, на котораго ссылается г. Староженко, иного мнѣнія о копныхъ собраніяхъ: о всесословности у него нѣтъ и рѣчи. Копы тогда рѣшали споры между помѣщиками, когда тѣ сами обращались съ такою просьбою къ копамъ, въ общемъ же порядкѣ помѣщики не подлежали юрисдикціи копныхъ судовъ и не входили ех officio въ составъ копныхъ сходатаевъ. Итакъ, утвержденіе г. Староженка о всесословности копныхъ собраній мы въ правѣ счтать не доказаннымъ. Обратимся къ упомянутымъ выше областнымъ сеймамъ, которые, по словамъ автора, точно также были всесословными. „На ряду съ копами въ самомъ началѣ XVI вѣка, въ Литовско-Русскомъ государствѣ существовали уже и болѣе крупныя собранія, на которыя съѣзжались обыватели цѣлой земли, области— „духовные, князи и панове, и бояре, и земяне, и вси шляхта“ (5)... „Въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ XVI в. до введенія Люблинской уніи существовали копы, областныя и вальныя сеймы“ (6). Сказавъ затѣмъ объ организаціи сеймиковъ, или „сеймовъ повѣтовыхъ“, согласно привилегіи 1565 г., декабря 30-го, авторъ замѣчаетъ: „Существенная разница въ организаціи литовско-русскихъ сеймовъ до и послѣ Люблинской уніи та, что послѣ уніи они стали носить сословный характеръ“.

Изъ только-что приведенныхъ выдержекъ, какъ кажется, несомнѣнно вытекаетъ, что до Люблинской уніи, по мнѣнію автора, существовало три рода всесословныхъ собраній: копы, областныя сеймы и вальныя сеймы. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія о всесословности вальныхъ сеймовъ авторъ ничего не приводитъ, поэтому мы и не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ.

Относительно же всесословности областныхъ сеймовъ онъ ссылается на документы; поэтому мы посмотримъ, подтверждаются ли воззрѣнія автора этими документами. Для доказательства своихъ утвержденій авторъ ссылается на грамоты великихъ князей Литовскихъ, Александра и Сигизмунда II Казимировичей: Волынской, Вѣльской (!) и Кіевской землямъ (5—6). Однако, уже изъ чтенія первыхъ

строкъ этихъ грамотъ возникаетъ сомнѣніе въ томъ, что областныя сеймы были всесловными.

По словамъ самого автора, опирающимся на введеніе этихъ грамотъ, на областныя сеймы съѣзжались: „духовные, князи, и панове, и бояре, и земляне, и вся шляхта“. Спрашивается: кто же изъ перечисленныхъ разрядовъ лицъ можетъ быть признанъ представителемъ нешляхетскаго сословія, кто изъ нихъ выражаетъ желанія мѣстичей или же „людей волостныхъ“? Такими представителями могутъ быть или духовные, или же бояре, такъ какъ всѣ иные несомнѣнно принадлежатъ къ шляхтѣ. Если духовныя лица должны быть посчитаны за представителей низшихъ классовъ населенія, то естественно, что грамоты великихъ князей должны обращаться къ низшему духовенству, такъ какъ ряды высшей духовной іерархіи пополнялись преимущественно изъ членовъ шляхетскаго сословія, таковы, напримѣръ, были въ началѣ XVI в. митрополитъ Кіевскій Іосифъ Солтанъ, епископъ Владимірскій Феодосій и т. д. — Посмотримъ, однако, о какихъ духовныхъ идетъ рѣчь. Въ грамотѣ Александра Ягеллона жителямъ Волынской земли отъ 15-го февраля 1501 г., говорится: „Были намъ челомъ духовные: владыка Володимерскій и владыка Луцкій“, и только. О какихъ-либо иныхъ духовныхъ лицахъ нѣтъ въ грамотѣ и рѣчи. — Каково бы ни было происхожденіе обомъ владыкъ, едва ли кто-нибудь возьмется утверждать, что они обращались къ великому князю съ ходатайствомъ о подтвержденіи и охраненіи не интересовъ своихъ каедръ и подчиненнаго имъ духовенства, а съ предстательствомъ за интересы мѣщанъ или сельскихъ жителей. По крайней мѣрѣ, въ указанныхъ грамотахъ нѣтъ на это ни малѣйшаго намека. Поэтому „духовные“ не могутъ быть причислены къ представителямъ мѣщанъ или крестьянъ.

Остаются бояре. Надо полагать, что въ нихъ-то авторъ и склоненъ видѣть представителей низшихъ классовъ населенія, призванныхъ участвовать въ засѣданіяхъ областныхъ сеймовъ: „Боярами въ великомъ княжествѣ Литовствомъ“ говоритъ онъ, —, назывались самое мелкіе поземельные собственники: они владѣли меньше, чѣмъ службою, то-есть, участкомъ земли меньше 200 десятинъ“... „Эти бояре раздѣлялись на двѣ категоріи: одни владѣли большими участками земли и назывались панцирными боярами, или ордынскими слугами, другіе владѣли меньшими участками и назывались путными боярами или замковыми слугами“ (5, второе прим.).

Посмотримъ, таковы ли тѣ бояре, о которыхъ идетъ рѣчь въ гра-

мотѣ жителямъ Кіевской земли, отъ 1507 г., на которую ссылается авторъ.

Открывается грамота такъ: „Били намъ челомъ слуги наши“, говоритъ король Сигизмундъ I, „князи и панове и бояре и земляне и вся шляхта Кіевская“. Уже изъ мѣста, которое занимаютъ въ этомъ вступленіи бояре, возможно предположить, что они считаются высшимъ классомъ среди остальной шляхты, что по отношенію къ нимъ грамота держится старинной русской терминологіи, бояринъ есть бблшій, вацій, лучший человекъ. Это предположеніе подтверждается и дальнѣйшимъ текстомъ грамоты, гдѣ слово бояринъ постоянно встрѣчается ђ-бокъ съ терминами князь и панъ; о боярахъ повсюду въ грамотѣ говорится, какъ о лицахъ, владѣющихъ населенными имѣніями, селами; король обязывается назначать бояръ въ посольствахъ къ ордѣ не иначе, какъ особыми, на каждый данный случай писанными, личными порученіями; бояре засѣдаютъ на воеводскомъ судѣ въ Кіевѣ рядомъ съ кіевскими князьями. Едва ли, послѣ всего сказаннаго, можно приравнять этихъ бояръ 1507 года къ путнымъ боярамъ или ордынскимъ слугамъ, о которыхъ говоритъ авторъ; бояре, упомянутые въ кіевской привилегіи 1507 г., скорѣе всего походятъ на тѣхъ, о которыхъ говорится въ грамотѣ Сигизмунда I отъ 16-го февраля 1529 г. (А. З. Росс., т. II, № 161, пр. 2): „Хто зъ бояръ нашихъ будетъ у себе мѣти людей своихъ 80 службъ, тотъ маєтъ къ службѣ земской ѣхати самъ-десять съ добрыми молодцы конно и збройно“. Такимъ образомъ и бояре не могутъ считаться представителями низшихъ слоевъ населенія.

Но далѣе, еслибы мы и согласились съ авторомъ, что подъ именемъ бояръ слѣдуетъ разумѣть мелкихъ землевладѣльцевъ, располагавшихъ не болѣе 200 десятинъ земли, и что упомянутая грамота говоритъ именно о такихъ боярахъ, все-таки отъ участія въ сеймѣ этихъ мелкихъ собственниковъ до всеословности провинціальныхъ сеймовъ еще весьма далеко.

Ни одна изъ приведенныхъ авторомъ грамотъ не обращается ни къ мѣщанамъ, ни къ волостнымъ людямъ. Волостные люди упоминаются во всѣхъ этихъ грамотахъ не иначе, какъ въ зависимости или отъ великаго князя, или же отъ церкви, князей, пановъ, бояръ. Мѣщане же кіевскіе, луцкіе, владимирскіе стоятъ совершенно особнякомъ: они ходатайствуютъ о грамотахъ, получаютъ королевскія повелѣнія, платятъ серебщизну, пользуются опредѣленными правами и преимуществами совершенно самостоятельно, — и въ то же время

мы не видимъ нигдѣ, чтобы эти мѣщане входили въ составъ какого-либо провинціального сейма Кіевской, Волынской или же Бѣльской земли.

Такимъ образомъ всѣ факты, приведенные авторомъ въ подтвержденіе исторіи о всесословности южно-русскихъ сеймовъ оказываются малоказательными; хотя предположеніе автора о существованіи провинціальныхъ сеймовъ—совершенно правильно. Отъ одного изъ такихъ сеймовъ даже сохранилось постановленіе. Но изъ него, равно какъ изъ всѣхъ данныхъ автора, мы должны придти какъ разъ къ противоположному заключенію, то-есть, что провинціальные сеймы Юго-Западной Россіи задолго до Люблинской уніи имѣли сословный отбѣнокъ, такъ какъ участіе въ нихъ принимали представители только шляхетскаго сословія и притомъ лишь наиболѣе важные и знатные: грамота отъ 1527 года, на которую ссылается нашъ авторъ, служить тому отличнѣйшимъ подтвержденіемъ: она адресована къ папамъ радамъ Волынской земли.

Состава вальныхъ сеймовъ авторъ не касается, хотя нѣкоторыя данныя для того находятся въ актахъ Западной и Южной Россіи. Эти акты говорятъ однако внѣ всякаго сомнѣнія, что за двадцать лѣтъ до Люблинской уніи вальные сеймы были уже сословнымъ учрежденіемъ: такъ, въ 1547 году, въ январѣ, Сигизмундъ Августъ даетъ отвѣтъ „всѣмъ князю и панятомъ, и всему рыцарству на тни рѣчи, которыи они на письмѣ Королю, его милости, на томъ теперешнемъ вальномъ сеймѣ Виленскомъ подали“.

Такимъ образомъ въ Юго-Западной Россіи всѣ общественныя собранія носили сословный характеръ задолго до Люблинской уніи; кони были собраніями тяглыхъ людей, мѣщане магдебургскихъ городовъ собирались для разрѣшенія своихъ дѣлъ въ каждомъ городѣ отдѣльно: „войтъ со всею радю и посполство“ (ср. *ibid.*, № 71 и цѣлый рядъ грамотъ на магдебургское право), татары имѣли свои особня собранія (срав. приложеніе къ изслѣдованію Мухлинскаго: *Wskazanie sprawy o tatarach litewskich*), евреи—свои (какъ видно, на примѣръ, изъ ходатайствъ евреевъ о подтвержденіи ихъ привилегій, начиная съ 1507 года).

Эти отношенія были естественны для старинныхъ русскихъ областей: Кіева и Волыни, такъ какъ здѣсь различіе между классами, на примѣръ, княжами мужами и смердами довольно рѣзко проведено уже въ періодъ Русской Правды.

Но Литва въ началѣ XVI столѣтія далеко еще не была госу-

дарством съ однообразнымъ внутреннимъ устройствомъ и съ однообразнымъ общественнымъ складомъ. Каждая земля жила по своимъ стариннымъ обычаямъ, охраняя ревниво унаследованныя особенности: Польскія понятія и польскіе идеалы еще слишкомъ слабы въ восточныхъ территорияхъ великаго княжества.

Еслибы г. Стороженко внимательнѣе просмотрѣлъ первый томъ „Актвъ Западной Россіи“, то въ немъ онъ могъ бы встрѣтить документы, которые не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что если не во всей Литвѣ, то въ тѣхъ ея областяхъ, гдѣ вѣчева я жизнь была наиболѣе крѣпкою, въ началѣ еще XVI столѣтія землю называютъ далеко не одно только „рыцарство, шляхта“, какъ въ собственной Литвѣ или же въ Юго-Западной Россіи¹⁾. Въ этихъ областяхъ существуютъ еще собранія въ старѣйшихъ городахъ, весьма близкія къ древне-русскому вѣчу, хотя уже (въ концѣ XV в.) называются не вѣчами а „сѣемами“.

Собранія эти не могутъ изгонять и призывать князей, но функции ихъ весьма разнообразны; „сѣемы“ выражаютъ собою ничѣмъ еще не нарушенное единство земли, общность города и волости; нѣтъ еще ни шляхетскаго равенства всѣхъ землевладѣльцевъ, нѣтъ магдебургскаго права, нѣтъ еще мысли, что „простому человѣку дѣдичины нѣтъ“: и земля, и денежный капиталъ равноправны, поэтому и собранія названныхъ земель отличаются рѣзко по своему составу отъ собраній южно-русскихъ, гдѣ крупное землевладѣніе давно стало краеугольнымъ камнемъ всѣхъ общественныхъ отношений: Въ 1456 г. (Ав. З. Р., т. I, № 60) Казимиръ Ягеллонъ повелѣваетъ жителямъ Полоцкой земли, чтобы „бояре и мѣщане и дворяне городские и все посполство . . . дѣла бы наши городскіи вси згодно посполу справляли, по давному, а сымались бы вси посполу на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ тымъ сымивались здавна, а безъ бояръ мѣщаномъ и дворяномъ городовымъ и черни соймовъ не на добѣ чинити“. Подобное же участіе всего населенія въ разрѣшеніи наиболѣе важныхъ вопросовъ земской жизни мы видимъ и въ другихъ сѣверовосточныхъ русскихъ земляхъ, такъ, напримѣръ, въ 1503 г. бьютъ челомъ королю Алексаидру о подтвержденіи правъ Витебской земли „князи и бояре, и слуги Витебскіе, и войтъ, и мѣщане мѣста Витебскаго, и вся земля Витебская“ (ibid., № 204), а перваго марта 1505 г. о подтвержденіи привилегіи

¹⁾ Напримѣръ, М. Л. Суд. Д. III, 1. 165 (1522 г.): „Рада в. княжества около того намовила зъ землею, то-есть, рыцарствомъ в. княжества Литовскаго“.

Смоленской земли ходатайствуютъ: „владика Смоленскій Іосифъ и окольничіе смоленскіе и вси князи и панове, и бояре, и мѣщане (здѣсь магдебургскаго права не было) и чорные люди и все посполство мѣста и земли Смоленской“.

Такимъ образомъ, не смотря на вѣковое существованіе центрального литовскаго правительства, весьма рѣзкія особенности земель сохранились въ значительной степени не тронутыми еще въ началѣ XVI в. Необходимо около 70 лѣтъ, чтобы эти особенности земель ступшевались, необходимо, чтобы подъ вліяніемъ польскихъ образцовъ сложились въ значительной части Литвы совершенно одинаковые идеалы для того, чтобы возможно было введеніе тѣхъ сословныхъ учрежденій, которыхъ наиболѣе яркимъ представителемъ были сеймики.

Великіе князья литовскіе, вѣрные традиціямъ Витовта, въ теченіи вѣковъ медленно, съ большою осторожностію, подходятъ къ поставленному имъ идеалу государственнаго единства. Подтверждая права отдѣльныхъ земель, на основаніи стариннаго принципа: „мы старины не рухаемъ, а новины никому не вводимъ“, великіе князья съ начала XVI в., рядомъ съ подтвержденіями правъ, вводятъ уже и оговорки; такъ, напримѣръ, Александръ Ягеллонъ, подтверждая въ 1501 г. грамоту Волынской землѣ, заключаетъ оную слѣдующею клявулою: „А то имъ маемъ всѣмъ держати тые члонки, ... до тыхъ часовъ, пока права статуты всей земли отчизнѣ нашей великому князеству Литовскому вставиимъ“.— Рѣшительнымъ шагомъ къ объединенію различныхъ земель великаго княжества былъ первый литовскій статутъ 1529 г. Второй же статутъ, 1566 г., въ значительной степени обусловилъ успѣхъ люблинской уніи, такъ какъ къ объединенію правъ и управленія оуъ присоединилъ рядъ положеній, выработанныхъ на почвѣ шляхетскаго равноправія и польскихъ представленій о государственной власти.

Не смотря, однако, на эти усилія законодателей и на преобладающее среди шляхты стремленіе къ идеаламъ польскаго равенства, многія изъ стародавнихъ особенностей различныхъ земель переживаютъ не только Люблинскую унію, но удерживаются вплоть до кончины Рѣчи Посполитой.

Не говоря о томъ, что реальная Люблинская уніа оставила неприкосновеннымъ все матеріальное и формальное право, которое она застала въ Литвѣ, Литва въ 1588 г. издала для себя новый кодексъ, третій литовскій статутъ, который, хотя и проникнутъ польскими тенденціями, но составляетъ тѣмъ не менѣе весьма ха-

ракторный сборникъ законовъ, во многомъ отличный отъ польскихъ источниковъ права. Но этого мало; не смотря на единство права для всего государства, многія изъ старинныхъ земель сохранили свои привычныя льготы въ совершенно неприкосновенномъ видѣ, такъ, напримѣръ: Жомоить осталась при старинномъ правѣ выбора старость, Полоцкъ и Витебскъ при правѣ выбора воеводъ; воеводы въ Литвѣ сохранили юрисдикцію наравнѣ со старостами и т. п.

Поэтому, касаясь роли какого-либо новаго учрежденія, появившагося въ Литвѣ по польскому образцу, какимъ несомнѣнно были сеймики, необходимо принять во вниманіе только-что указанныя особенности литовскаго государственнаго строя; не слѣдуетъ забывать, что Литва не только въ началѣ XVI в., но и гораздо позже, не была государствомъ, одиообразно организованнымъ, чуждымъ мѣстныхъ отличій и особенностей.

Г. Стороженко держится однако противоположной точки зрѣнія. По его мнѣнію, подобно тому, какъ во всей Литвѣ до Люблинской уніи существовалъ принципъ всеобщаго участія въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ мѣстныхъ вопросовъ, такъ точно и административная власть, въ тѣсномъ смыслѣ слова, былъ организована единообразно во всей Литвѣ еще со временъ Витовта. Вада въ сеймикахъ учрежденія, „сосредоточившія въ своихъ рукахъ всѣ функціи областнаго самоуправленія“ (1), авторъ естественно долженъ былъ придти къ мысли начертить картину областнаго управленія въ Литовско-русскихъ земляхъ для того, чтобы читатель могъ себѣ „яснѣе представить кругъ дѣятельности повѣтовыхъ и воеводскихъ сеймаковъ“ (7) „До Витовта областное управленіе соответствовало русской удѣльной системѣ“... „При Витовтѣ происходитъ измѣненіи — онъ стремится замѣнить старыи удѣльный порядокъ строго организованной монархіей, вслѣдствіе чего старается смѣщать удѣльныхъ князей и ихъ удѣлы преобразовываетъ въ намѣстничества, зависѣвшія отъ самого великаго князя. Единицей такого новаго устройства былъ повѣтъ — самая крупная единица, въ родѣ нашей губерніи. Центромъ каждаго повѣта былъ замокъ, имѣвшій значеніе не только укрѣпленія, но и главнаго административнаго центра. Замокъ отдавался въ управленіе намѣстнику. Атрибуты власти намѣстниковъ состояли въ томъ, что они вполнѣ (?) замѣняли власть великихъ князей“ (8). „Послѣ уніи (1569 г.) все областное управленіе на всемъ пространствѣ литовско-русскихъ земель было реформировано по польскому образцу: административная единица сдѣлалась крупной ссѣлк, отд. 2.

нѣ: вмѣсто повѣта — воеводство, состоявшее изъ двухъ, трехъ повѣтовъ, во главѣ котораго стоялъ воевода, не имѣвшій „строго опредѣленныхъ функцій (?)“⁴. „Функціи прежняго намѣстника, котораго нѣкоторымъ образомъ замѣнилъ воевода, перешли къ другимъ чиновникамъ. Завѣдываніе крѣпостями было возложено на каштеляновъ“... „Воеводы и каштеляны, будучи лишь титулярными правителями областей, на самомъ дѣлѣ были членами сената. Цѣлое государство жило болѣе двухъ столѣтій безъ всякой исполнительной административной власти: государь издавалъ различные указы, но слѣдить за ихъ исполненіемъ некому было и исполнялъ ихъ кто хотѣлъ (9—10)“.

Подобно тому, какъ рѣше авторъ ссылался на пр. Иванищева, теперь, для характеристики внутреннего устройства Литвы, онъ ссылается на литографированные записки по исторіи Литовской Руси пр. В. Б. Антоновича.

Сравнивая, однако, текстъ автора съ тѣмъ рѣдкимъ изданіемъ, на которое онъ ссылается, мы видимъ и здѣсь весьма существенную разницу. Дѣйствительно, проф. Антоновичъ приписываетъ Витовту стремленіе замѣнить старый удѣльный порядокъ централизованною монархіею (248), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣчаетъ, что „Витовту не удалось окончательно уничтожить всѣхъ крупныхъ ленниковъ,—нѣкоторые крупные лены остались и просуществовали до самого конца существованія великаго княжества Литовскаго“ (134). Такая оговорка совершенно измѣняетъ дѣло. Если существовали крупные ленники, а число ихъ въ началѣ еще XVI вѣка было довольно значительно¹⁾, то говорить о полномъ торжествѣ централи-

¹⁾ Такъ въ 1528 г. мы встрѣчаемъ болѣе сотни лицъ княжескаго и не княжескаго происхожденія („пановъ, паней вдовъ и панятъ“), которые совершенно подходятъ подъ то понятіе ленниковъ, которое принимаетъ проф. Антоновичъ. Рядомъ съ княземъ *Юріемъ Олельковичемъ Случкимъ*, который ставитъ со своихъ лѣтвѣй 433 вооруженныхъ всадника, слѣдовательно обладаетъ недвижною мостью съ населеніемъ около 40,000 человекъ, мы можемъ поставить, хотя и не князя, но лицо по имени древней фамиліи, по слову виленскаго Кашовца, который ставитъ 466 всадниковъ, слѣдовательно имѣетъ 42,500 крестьянъ. Для истинной оцѣнки этихъ цифръ слѣдуетъ припомнить, что все населеніе Литвы въ это время, по нашему исчисленію, простиралось всего до 1.500,000 человекъ, то-есть, ки. Случкій и Кашовецъ владѣли $\frac{1}{15}$ всѣхъ населенныхъ земель въ Литвѣ. Эта, на первый взглядъ, совершенно невѣроятная цифра, получаетъ косвенное подтвержденіе въ данныхъ о населеніи Польши въ XVI столѣтіи, обнаруженныхъ пр. Павинскимъ въ его извѣстныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ: *Polska XVI w.*

заціи и представлять Литву задолго до Люблинской уніи, какъ государство, единообразно устроенное въ административномъ отношеніи, едва ли основательно.

Но согласимся съ авторомъ, что Литва была устроена именно такъ, какъ онъ изображаетъ, и что Люблинская уніа оставила страну безъ всякой исполнительной власти. Въ такомъ случаѣ, если сеймики сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ всѣ функціи областного самоуправления, мы въ правѣ ожидать, да и самъ авторъ это обѣщаетъ (7), что въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ выяснено, въ чемъ и какъ замѣнили сеймики прежнихъ великокняжескихъ намѣстниковъ. Однако дальнѣйшее изложеніе оставляетъ читателя на этотъ счетъ въ совершенной неизвѣстности. Казалось бы, что всего естественнѣе было бы, говори о дѣятельности сеймиковъ, указать на тѣ функціи, которыя перешли въ руки сеймиковъ отъ стараго мѣстнаго управленія, но авторъ изображаетъ не только крайне смутно самую дѣятельность сеймиковъ, но не выясняетъ и нѣкоторыхъ весьма важныхъ вопросовъ сеймиковой организаціи. Такъ, напримѣръ, сославшись на грамоту 1565 г. объ учрежденіи сеймиковъ, авторъ совершенно забываетъ, что въ этой грамотѣ дѣло идетъ о повѣтовыхъ сеймикахъ, („въ повѣтѣхъ, то-есть, гдѣ колыбекъ враны судовые засажоны“). Въ собранныхъ имъ актахъ являются постоянно воеводскіе сеймики. Волинское воеводство, какъ говоритъ самъ авторъ, состояло изъ трехъ повѣтовъ: Луцкаго, Владиміро-волинскаго (sic!) и Кременецкаго; значительную часть документовъ авторъ заимствовалъ изъ владимірскихъ гродскихъ книгъ. Почему же мы не встрѣчаемъ протоколовъ повѣтовыхъ сеймиковъ? Если сеймики эти отжили свой вѣкъ, то необходимо было указать на этотъ фактъ и объяснить причины; если же нѣтъ, то объяснить, почему авторъ говоритъ объ однихъ только воеводскихъ сеймикахъ? Если же собранія шляхты по повѣтамъ въ XVII вѣкѣ не могутъ быть названы сеймиками, то почему?

Вмѣсто изслѣдованія всѣхъ этихъ вопросовъ, авторъ ограничивается мимолетными противорѣчивыми замѣчаніями: Такъ въ одномъ мѣстѣ (6) онъ говоритъ: „Были ли (въ Литвѣ) и повѣтовья (,) или (,) вполнѣдствіи (,) воеводскія собранія, извѣстныя въ

---

pod względem geograficzno-statystycznym: *Wielko polska*, 1883“, стр. 117: Все населеніе *В. Польши* въ половинѣ XVI вѣка равнялось 825,000 душъ! То-есть, вмѣстѣ съ Малою Польшею населеніе всего королевства лишь весьма незначительно превосходило населеніе Литвы.

Польшѣ подъ названіемъ сеймиковъ, это вопросъ"; въ другомъ (7) тѣ и другіе отождествляются; въ третьемъ (10) просто говорится: „Иногда, для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, дворяне собирались и по повѣтамъ“, наконецъ, въ четвертомъ (1) о воеводскихъ сеймикахъ говорится, какъ о единственныхъ „областныхъ представительныхъ (?) учрежденіяхъ“.

Между тѣмъ въ изданныхъ авторомъ документахъ имѣется постановление владиміро-волинскихъ дворянъ отъ 28-го декабря 1655 г. Постановление это называется „лявдумъ презъ нихъ милость пановъ обывателей повѣту володымерского згодне постановленое“; далѣе мы узнаемъ, что авторы „лявдума“ тѣ же самые обыватели, какіе обыкновенно созываются на воеводскій сеймикъ, съ тою разницею, что здѣсь чиновники и обыватели называются обывателями не воеводства, а повѣта. Собраніе это созвано универсаломъ волинскаго каштеляна, постановляетъ оно о созывѣ посполитаго рушенія.

Спрашивается: что же это за повѣтовое собраніе, почему оно могло быть собрано, и какую юридическую силу могли имѣть его постановленія?

Еще менѣе удовлетворительно изображенъ кругъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію сеймиковъ: Мы нигдѣ не видимъ ни малѣйшей попытки автора изслѣдовать, что принадлежало сеймику, какъ законосовѣщательному органу и что, какъ органу административному. Вмѣсто выясненія этого различія, авторъ предпочитаетъ исчисленіе разнообразныхъ дѣлъ, которыми занимался сеймикъ (16—21).

Нельзя сказать, чтобъ и здѣсь авторъ былъ точнѣе: Вмѣсто того, чтобы выдѣлить законосовѣщательную дѣятельность, результатомъ которой являлись инструкціи посламъ на сеймъ, отъ административной дѣятельности сеймика, авторъ создаетъ рядъ сеймиковъ, неизвѣстныхъ совершенно польскому публичному праву и не имѣющихъ никакой опоры въ актахъ, изданныхъ самимъ же авторомъ. Таковы сеймики: военные, финансовыя и судебныя.

Польское публичное право знало сеймики повѣтовые, генеральныя, предсеймовыя, депутатскіе, каптуровыя и т. п., но не знало ни военныхъ, ни финансовыхъ, ни судебныхъ.

Въ изданныхъ авторомъ документахъ мы встрѣчаемъ всѣ названные выше виды сеймиковъ по нѣскольку разъ, и ни одного разу, ни одного сеймика съ наименованіями, которыя даетъ имъ авторъ.

Мало того, во всемъ изданномъ имъ томѣ нѣтъ ни одного сеймиковаго постановленія, которое касалось бы только судебныхъ дѣлъ. Встрѣчающіяся въ актахъ постановленія о выборѣ судей въ скарбовые и иные суды (№ XIV и др.) всегда составляютъ лишь небольшую долю изъ сеймиковыхъ постановленій по различнымъ вопросамъ. Точно также постановленія сеймиковъ по дѣламъ военнымъ, какъ, напримѣръ, созваніе посполитаго рупенія, приведеніе въ исправность укрѣпленій и т. под., и по дѣламъ финансовымъ, какъ установленіе мѣстныхъ налоговъ, раскладка общегосударственныхъ, принятіе понудительныхъ мѣръ къ исправному внесу податей и т. д., сплошь и рядомъ встрѣчаются съ постановленіями самаго разнообразнаго содержанія (№№ VIII, IX, XX, XLVIII, LXXIV, LXXVI и т. д.).

Отсылая интересующихся этимъ вопросомъ къ указаннымъ нами №№ актовъ, мы на выдержку позволимъ себѣ привести содержаніе сеймиковаго постановленія волынской шляхты отъ 3-го декабря 1680 г.: Опредѣляя для уплаты войскамъ двойное поголовное и тройное подымное, отдавая на откупъ чоповое, требуя, чтобы шляхтичи, арендаторы мельницъ и корчемъ платили съ нихъ наравнѣ съ нешляхтою и т. д., сеймикъ уговариваетъ (*uprosiislymy*) Ан. Мянчинскаго, старосту Луцкаго, Кременецкаго и т. д., позаботиться о томъ, чтобы ближайшая сессія градскаго суда непременно состоялась. Опредѣляя, далѣе, чтобы сборщики податей оказывали погорѣльцамъ законныя льготы, сеймикъ, въ виду непосредственнаго донесенія ему о пожарѣ въ Клевани, самъ освобождаетъ погорѣльцевъ отъ податей. Вслѣдъ затѣмъ, въ вознагражденіе полезной дѣятельности бывшаго откупщика чоповаго сбора, сеймикъ назначаетъ ему награду; поручаетъ, далѣе, своему маршалку написать письмо къ воеводѣ сѣрадскому, чтобы онъ не отягощалъ самовольными поборами проѣзжающую черезъ его имѣніе шляхту и т. д.

Наконецъ сеймиковое постановленіе оканчивается распоряженіемъ, чтобы христіанская прислуга, живущая у евреевъ, обязана была къ уплатѣ четвернаго поголовнаго, такъ какъ для шляхты обидно, что женская и мужская прислуга предпочитаетъ, соблазняясь бѣльшимъ жалованьемъ, служить евреямъ, а не христіанамъ. Позволимъ себѣ спросить автора, къ какого рода сеймикамъ слѣдуетъ отнести только что указанный сеймикъ?

Замѣтимъ, наконецъ, что всѣ постановленія сеймиковъ носятъ

одно и то же названіе „лявдумъ, постановенъе“, безъ всякаго различія по содержанію дѣлъ.

Поэтому и терминологія автора, раздѣленіе сеймиковъ, по содержанію постановленій, на: военные, финансовыя и судебныя, не имѣетъ надлежащаго основанія.

Между тѣмъ, терминологія самыхъ актовъ наводила автора на совершенно правильное и вытекающее изъ существа дѣла, опредѣленіе двойственной дѣятельности сеймиковъ: Въ то время, какъ одни изъ постановленій носятъ названіе „лявдумъ“ и состоятъ, главнымъ образомъ, изъ постановленій, имѣющихъ обязательную силу для всѣхъ обывателей даннаго воеводства, другія называются „инструкція“ и содержатъ въ себѣ порученія сеймика своимъ посламъ на вальный сеймъ. Здѣсь, рядомъ съ чисто мѣстными вуждами и ходатайствами, сеймики выражаютъ свои воззрѣнія на высшія государственныя интересы, свои политическія идеалы и т. п.

Составъ сеймика въ томъ и другомъ случаѣ былъ одинаковымъ, и обыватели, созванные на сеймикъ, окончивъ съ инструкціей посламъ, дѣлали на этомъ же сеймикѣ цѣлый рядъ распоряженій по своимъ мѣстнымъ дѣламъ: Такъ, напримѣръ, 16-го декабря 1682 года, кievская шляхта заявляетъ: „Съѣхавшись на предсеймовый сеймикъ (№ LXXXIX) и отправивши пословъ на сеймъ, людей почтенныхъ, заслуженныхъ передъ Рѣчью Посполитою и хорошо известныхъ, и разсуждая о различныхъ матеріахъ, нужныхъ нашему воеводству и выраженныхъ въ нашей инструкціи, признали мы единодушно весьма необходимымъ постановить на томъ же сеймикѣ слѣдующій „лявдумъ“,—и затѣмъ идетъ цѣлый рядъ постановленій по различнымъ мѣстнымъ дѣламъ.

По словамъ автора, сеймики съ одной стороны, сосредоточивали „въ своихъ рукахъ всѣ функціи областного самоуправленія“, и были „единственнымъ областнымъ представительнымъ учрежденіемъ, въ которомъ отражались во всей полнотѣ мѣстныя особенности каждой данной области“ (1—2, 20—21), съ другой, „помимо обсужденія мѣстныхъ пуждъ на сеймикахъ часто разсматривались (?) вопросы общаго государственнаго характера“. „При такой широкой компетенціи (?) сеймиковъ, понятно, что въ ихъ дѣятельности отражалась почти вся внутренняя жизнь государства“ (21).

Принимая во вниманіе такой взглядъ автора и его обѣщаніе изобразить дѣятельность сеймика во всей его полнотѣ, слѣдовало бы ожидать, что въ главахъ, посвященныхъ спеціально дѣятельности сей-

миковъ по вопросамъ политики и управленія, мы и встрѣтимъ выполнение этихъ обѣщаній; но къ сожалѣнію, и спеціальныя главы отличаются такимъ смутнымъ изложеніемъ, что изъ нихъ не только нельзя получить представленія о возникновеніи и развитіи какой-либо изъ сторонъ сеймиковой дѣятельности, но даже составить точное понятіе о дѣятельности сеймика хотя бы во второй половинѣ XVII вѣка.

Не имѣя возможности входить въ критику всѣхъ главъ, мы остановимся на первой спеціальной главѣ „Способы защиты Южно-русскихъ воеводствъ“ (II, 24—52), полагая, что отѣнка одной главы достаточна для представленія о томъ, какъ обработаны и остальные главы.

Существенные недостатки этой и остальныхъ главъ вытекаютъ, по нашему мнѣнію, изъ тѣхъ же причинъ, которыми обусловлены недостатки общаго очерка. Авторъ, не раздѣливъ обязательныхъ постановленій сеймиковъ по мѣстнымъ дѣламъ отъ инструкцій депутатамъ на генеральный сеймъ, не въ состояніи точно опредѣлить, что такое дѣйствительно существовало и что было только желательнымъ для шляхты. Отсутствие яснаго различія въ дѣятельности сеймика, обыкновенной и чрезвычайной, ведетъ также къ цѣлому ряду недоразумѣній.

Заботы южно-русской шляхты о защитѣ русскихъ воеводствъ имѣли, по мнѣнію автора, особенный отгѣнокъ. „Русскія (что подъ этимъ разумѣть?) воеводства тяготѣли другъ къ другу вслѣдствіе административной принадлежности къ одной провинціи — Малопольшѣ“, (24) „естественнымъ послѣдствіемъ“ чего было то, „что дворяне этихъ воеводствъ сообща заботились объ изысканіи мѣръ къ защитѣ отечества, устраивая съ этою цѣлью сѣзды депутатовъ отъ каждаго воеводства“ (25). Такимъ образомъ у насъ, на основаніи словъ автора, какъ бы имѣется не только военный сеймикъ, но еще какой-то особенный сѣздъ депутатовъ всѣхъ русскихъ воеводствъ. Замѣтимъ пока одну неточность: подъ русскимъ воеводствомъ въ Польшѣ разумѣлись земли: Львовская, Перемышльская, Саноцкая, Галицкая и Хельмская. У автора же рѣчь идетъ не о нихъ, а о южно-русскихъ воеводствахъ. Конечно, это мелочь, но вѣдь результатомъ такого пренебреженія къ терминологіи является неправильное представленіе о составѣ этихъ сѣздовъ. Если мы, однако, обратимся къ актамъ, на которые ссылается авторъ, то увидимъ, во первыхъ, что депутаты южно-русскихъ воеводствъ никакихъ сѣздовъ не устраивали, такъ какъ и по закону не имѣли на то права, во вторыхъ, случай

собранія всѣхъ малопольскихъ депутатовъ въ Люблинѣ объясняется особыми обстоятельствами: онъ созванъ королемъ для принятія чрезвычайныхъ мѣръ въ виду военныхъ обстоятельствъ. Сверхъ того, изъ несовсѣмъ ясныхъ словъ постановленія обывателей Кіевскаго воеводства все-таки видно, что этогь, какъ они называютъ, конгрессъ (congress posłow wszykich małopolskich) есть не что иное, какъ генеральный сеймикъ депутатовъ всѣхъ малопольскихъ воеводствъ, созванный королемъ на основаніи существующаго права ¹⁾.

Приведенный только что актъ есть наиболѣе сильное подтвержденіе мысли автора о существованіи какихъ-то сѣздовъ депутатовъ отъ каждаго изъ вѣжно-русскихъ воеводствъ, такъ какъ остальные акты, приводимые имъ, не даютъ о такихъ сѣздахъ ни малѣйшаго намека.

Въ 1655 году кіевскіе дворяне хлопотали объ учрежденіи военнаго совѣта, состоящаго изъ присяжныхъ депутатовъ, на половину изъ сенаторовъ, на половину изъ рядовой шляхты (авторъ почему-то называетъ *ordo equester* — военными), при чемъ половина всего совѣта ²⁾ состояла бы изъ обывателей украинскихъ воеводствъ (№ III). Едва ли въ этомъ постановленіи можно увидѣть какое-либо доказательство существованія сѣздовъ депутатовъ украинскихъ воеводствъ.

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р., часть II, т. II, № IV. Представляемъ соответствующія мѣста въ русскомъ переводѣ: „Мы сановники, чиновники и рыцарство Кіевскаго воеводства, хотя и не оповѣщенные отъ его королевской милости универсаломъ, но сообразуясь во всемъ съ универсалами и оповѣщеніями, обращенными его королевскою милостью къ Люблинскому воеводству, въ которыхъ назначенъ на 9-й день августа настоящаго года сеймикъ... и мы съѣхались на тотъ же девятый день во Владиміръ, городъ, назначенный нашему воеводству для сеймиковъ и выборовъ депутатовъ... Въ виду же того, что въ Люблинѣ на 15-ое августа назначенъ сѣздъ всѣхъ малопольскихъ пословъ, то и мы выбрали и упросили на тотъ же срокъ въ Люблинъ нашихъ пословъ... которыхъ даемъ полную власть и право согласно съ иными воеводствами, собранными на тотъ же срокъ въ Люблинъ, постановить обо всемъ, что было бы полезно и согласно съ достоинствомъ короля и всего государства и въ частности нашего воеводства“.

²⁾ „...„Желаетъ также воеводство наше, чтобъ былъ сформированъ военный совѣтъ изъ присяжныхъ депутатовъ какъ изъ сената, такъ изъ рыцарскаго чина; рѣшенія пусть будутъ постановляемы большинствомъ голосовъ, а половина совѣта состоятъ изъ обывателей украинскихъ воеводствъ; вознагражденіе же гг. депутатамъ пусть будетъ изъ государственнаго казначейства“.

Вотъ постановленіе, у автора же мы находимъ: „Кіевскіе дворяне хлопотали объ учрежденіи военнаго совѣта съ тѣмъ, чтобы половина (?) депутатовъ въ немъ была изъ сенаторовъ и всенныхъ (*sic!*), а половина изъ представителей (?) украинскихъ воеводствъ“ (!).

Еще менѣе такихъ данныхъ представляютъ постановленія кievской шляхты отъ 13-го сентября 1655 года и брацлавской—отъ 1665 года (№№ V и XXVIII), на которыя ссылается авторъ (25—26). Въ первомъ изъ нихъ кievская шляхта, собравшись на депутатскій сеймикъ во Владиміръ Волинскомъ, заявляетъ, что она, „не имѣя, кромѣ Господа Бога, иного прибѣжища, кромѣ братской любви, собравшись въ одномъ мѣстѣ, постановляетъ, по совѣту съ гетманомъ короннымъ и гг. братьями своими изъ воеводствъ Русскаго, Белъскаго и Волинскаго, назначенными для защиты этихъ земель его королевскою милостью, 1) выбрать своимъ вождемъ великаго полководца Георгія на Горошкахъ Немирича, 2) собраться подъ Дубно на 29-е сентября для пописи“. Что такое были за братья изъ воеводствъ Русскаго и т. д., о которыхъ говорится въ актѣ, сказать въ точности трудно, вѣроятно, это были посполитыя рушенія названныхъ воеводствъ, но во всякомъ случаѣ ни о какомъ съѣздѣ депутатовъ изъ текста акта заключить никакъ нельзя. Во второмъ документѣ брацлавская шляхта поручаетъ своимъ посламъ на вальный сеймъ совѣщаться съ послами воеводствъ Кіевскаго, Волинскаго и Черниговскаго для огражденія интересовъ государства и своего воеводства.

Изъ всего сказаннаго, кажется, несомнѣннымъ, что для обсужденія мѣръ къ защитѣ украинскихъ воеводствъ шляхта не прибѣгала ни къ какимъ инымъ совѣщаніямъ, кромѣ указанныхъ въ законѣ, и собиралась на совмѣстные съѣзды не, по своему усмотрѣнію, а по приглашенію короля.

Средствами для защиты южно-русскихъ воеводствъ шляхта считала созывъ посполитаго рушенія, содержаніе регулярнаго войска, укрѣпленіе замковъ.

Сообразно съ этимъ авторъ излагаетъ какъ инструкція, данныя депутатомъ на вальные сеймы, такъ и постановленія сеймиковъ о созывѣ посполитаго рушенія, снабженіи войскъ провіантомъ, ремонтѣ крѣпостей, въ виду близкой опасности и т. п.

Мы не будемъ останавливаться на исторіи посполитаго рушенія, заимствованной авторомъ частью у В. В. Антоновича, частью у Ленгниха. Замѣтимъ только, что воззрѣнія людей XVII вѣка на значеніе посполитаго рушенія переданы авторомъ не совсѣмъ точно: „Самой существенной мѣрой для защиты Речи Посполитой во второй половинѣ XVII вѣка и короли, и западно-русское дворянство считали созывъ посполитаго рушенія. Король Лѣв Собѣскій заявлялъ въ 1695 году..., что посполитое рѣшеніе есть лучшій способъ защиты

отечества⁴. Волынскіе дворяне высказали въ 1659 году мнѣніе, что посполитое рѣшеніе можетъ вполне замѣнять регулярныя войска⁵... Такъ говоритъ авторъ (27). Между тѣмъ король Янъ Собѣсскій говоритъ нѣчто иное (№ СІ): „Мы видимъ, что въ рукахъ нашихъ только два средства: или сеймъ, или же посполитое рушеніе. Если долженъ состояться сеймъ, то необходимо обезпеченіе, что оны не будетъ сорванъ,—если же посполитое рушеніе, то опасаемся, чтобы не возникло новыхъ трудностей для удовлетворенія (наемнаго войска *zolnierza*)⁶. Едва ли отсюда можно вывести, что Янъ Собѣсскій считаетъ посполитое рушеніе лучшимъ способомъ защиты отечества.—Также индифферентно отзываются и волынскіе дворяне. „А такъ какъ податные доходы Рѣчи Посполитой⁷ говорится въ актѣ № XII, „весьма уменьшились, то и войско должно быть уменьшено, а это уменьшеніе восполнено, по примѣру нашихъ предковъ, посполитымъ рушеніемъ⁸. Такимъ образомъ и здѣсь говорится о посполитомъ рушеніи, какъ о необходимости; созывается оно лишь въ виду уменьшенія государственныхъ доходовъ.

Изложивъ исторію земскаго ополченія въ Литвѣ, авторъ обѣщаетъ познакомить читателя съ тѣми измѣненіями, которыя потерпѣла военная организація послѣ Люблинской уніи подъ польскимъ вліяніемъ (29); но обѣщанія своего не исполняетъ. Свѣдѣнія о посполитомъ рушеніи въ XVII вѣкѣ, сообщаемыя изъ Ленгниха и собранныхъ авторомъ актовъ, ничего ни прибавляютъ къ тому, что извѣстно о военномъ устройствѣ задолго до Люблинской уніи. Обязанность отбыванія военной службы шляхтичемъ съ взрослыми сыновьями, повѣтовыми урядниками, мѣщанами, владѣвшими земскими имѣніями и т. д. существовала въ Литвѣ издавна. Личное освобожденіе престарѣлыхъ и больныхъ, равно какъ обязательное личное участіе убогой шляхты и т. д. все это встрѣчается уже въ началѣ XVI вѣка (ср. Ак. З. Р., т. II, № 152, отъ 1528 г. № 161 отъ 1529 г., а также Лит. Статутъ 1529 г., Разд. II, № 152 „О оборонѣ земской).—Мы не будемъ входить въ подробное указаніе массы неточностей, допущенныхъ авторомъ при изображеніи подробностей устройства посполитаго рушенія, замѣтимъ только, что выставленные авторомъ общіе принципы, по которымъ строилось посполитое рушеніе (39), не подтверждаются актами: Документъ 1655 г. (№ V) ничего не говоритъ о количествѣ вооруженныхъ лицъ, которыхъ шляхты обязана ставить со своихъ имѣній, а предписываетъ лишь шляхтѣ явиться лично. Въ 1657 году сеймикъ опредѣляетъ поставку съ 15 осѣдлыхъ крестьянъ одного

вооруженнаго (№ VII), а въ 1658 году — одного съ 20 дымовъ. Такимъ образомъ и послѣ Люблинской уніи практикуются тѣ же начала, что и въ Литвѣ, то-есть, степень участія шляхты въ отбываніи военной повинности опредѣляется различно, по условіямъ времени и мѣста. Принципъ шляхетскаго равноправія ничѣмъ не нарушается въ послѣдствіи рушеніи, такъ какъ, въ противность мнѣнію автора, ни въ № VI а, ни въ № IX, мы не нашли подтвержденія тому, будто бы магнаты обязаны были ставить одного всадника съ 15 дымовъ, тогда какъ рядовая шляхта обязана была ставить одного только съ 20 дымовъ. №№ III и VI б ничего ни говорятъ объ обязанности владѣльцевъ духовныхъ имѣній вооружать седьмого изъ своихъ осѣдлыхъ крестьянъ, такъ какъ въ названныхъ актахъ, въ III, дается инструкція посламъ, чтобы они хлопотали о наложеніи обязанности на духовныхъ лицъ и города ставить пѣхоту согласно опредѣленію о посполитомъ рушеніи, а въ VI актѣ, объ этихъ лицахъ ничего не говорится. Равнымъ образомъ, ни въ одномъ изъ приведенныхъ авторомъ актовъ не говорится о повозкахъ, которыя должны были ставить города, а равно и о замѣнѣ для нихъ и поссессоровъ духовныхъ имѣній натуральной военной повинности уплатою двойнаго подымнаго и т. д.

Оставивъ въ сторонѣ исторію регулярныхъ войскъ въ Польшѣ, какъ мало прибавляющую что-либо къ тому, что было извѣстно ранѣе, остановимся на разрѣшеніи авторомъ любопытнаго вопроса о причинахъ безуспѣшности мѣръ, которыя принимала шляхта для подчиненія наемныхъ солдатъ дисциплинѣ. Главную вину въ распущенности жолнеровъ дворяне совершенно справедливо слагали на самихъ начальниковъ, такъ какъ послѣдніе часто сами подавали дурной примѣръ своимъ подчиненнымъ“ говоритъ авторъ на стр. 44. „Главной и вполнѣ законной причиной распущенности жолнеровъ“, поправляетъ онъ себя на стр. 45,— „было то, что они не получали ни средствъ къ содержанію, ни жалованья“. Хотя, такимъ образомъ, имѣются двѣ главныхъ причины, мы думаемъ что, лица знакомыя съ исторіею военного искусства, могли бы найти еще и главнѣйшія причины, въ родѣ, на примѣръ, тѣхъ, которыя указаны еще въ XV вѣкѣ знаменитымъ Макіавели (въ его извѣстномъ „Князѣ“, и еще болѣе въ „Разсужденіи о военномъ искусствѣ“) и примѣнены на дѣлѣ королемъ Густавомъ Адольфомъ.

Чтобы покончить съ этою главою, остановимся еще на одномъ

предметъ хлопотъ западно-русскаго дворянства, именно на укрѣпленіи замковъ (47—50).

„Судя по описаніямъ черкаскаго, каневского, кіевскаго, луцкаго, черныбыльскаго, виницкаго, остерскаго и мозырскаго замковъ отъ 1552 г., житомирскаго отъ 1545 и 1552 г., и по люстраціямъ старость Кіевскаго воеводства отъ 1616 г., остерскаго староства отъ 1628 г.“, говоритъ авторъ,—„объ укрѣпленіяхъ замковъ заботились всѣ обыватели: князья, земляне, бояре, мѣщане и крестьяне, впрочемъ, съ конца XVI и въ началѣ XVII вѣка, въ укрѣпленіи замковъ стало принимать участіе и высшее правительство“. Посмотримъ, такъ ли было въ дѣйствительности. Раскроемъ люстраціи, на которыя ссылается авторъ, и начнемъ съ черкаскаго замка: „Замокъ черкасскій“, говорится здѣсь подъ 1552 г.,—„отъ трехъ годовъ людьми добродеревцы то-есть, волощаны поднепрскими верховыми, справою державци Могилевскаго, негдѣ Федора Баки, рублены“: то-есть, замокъ построенъ крестьянами изъ собственныхъ королевскихъ волостей. Провіантъ въ Черкасы доставляется изъ королевской же волости ¹⁾, Бобруйска, порохъ, свинець и т. д. изъ королевской казны. Ремонтировать замокъ обязаны бояре и мѣщане.

Съ небольшими отклоненіями, объясняемыми мѣстными условіями, мы видимъ повсюду одинъ и тотъ же принципъ: строятъ замокъ, снабжаетъ его артиллерійскими снарядами и провіантомъ для гарнизона великій князь, ремонтируютъ замокъ тѣ землевладѣльцы, которые обязаны къ этому издална, такъ какъ въ замкѣ находятъ оборону отъ непріятеля. Землевладѣльцы могутъ быть лицами различныхъ классовъ: князьями, боярами, земьянами, мѣщанами, а до Люблинской уніи, волостъ, волощане. Поэтому-то и разнообразны классы, участвующіе въ исправленіи и содержаніи замка.

Таковы данныя люстрацій XVI вѣка. Ясно, что высшая правительственная власть стала принимать участіе въ укрѣпленіи замковъ не съ конца XVI в., а несравненно ранѣе.

Къ люстраціямъ 1616 г. мы обращать не будемъ, такъ какъ въ нихъ ничего ровно не говорится о замкахъ и о повинностяхъ по содержанію и укрѣпленію ихъ, люстрація же остерскаго старосты отъ 1628 г. ничего не прибавляетъ къ приведеннымъ выше фактамъ: Замокъ до Люблинской уніи былъ построенъ на счетъ короля, послѣ

¹⁾ Еще яснѣе это начало въ люстраціи житомирскаго замка отъ 1545 г.: „Тотъ замокъ Житомиръ заробенъ есть князми скарбу господарскаго“.

уни—на счетъ государства, ремонтируютъ его бояре и мѣщане, „потому что всѣ одинаково пользуются землями того староства“.

Таково содержаніе этой первой специальной главы.

Мы постарались изложить все существенное, на чемъ можетъ остановиться вниманіе читателя. Надѣмся, что насъ нельзя упрекнуть въ упущеніи чего бы то ни было существеннаго, такъ какъ едва ли таковымъ можетъ быть признано изложеніе „хлопотъ“ солдата въ „правѣ“ шляхты различныхъ воеводствъ совершенно неопредѣленнаго содержанія (26), или описаніе обмундировки гайдуковъ, или конныхъ жолнеровъ (36), или описаніе неистовствъ жолнеровъ (42—43), или же рядъ выписокъ изъ мѣстной излюбленнаго авторомъ К. Бѣневскаго (27, 33, 34, 36—37, 40, 41, 45, 46, 48, 49).

Естественно, что мы считали излишнимъ приводить воззрѣнія на посполитое рушеніе или же на наемныя войска проф. Антоновича, или же Ленгника, на которыя ссылается авторъ.

Резюмируя результаты этой специальной главы, мы приходимъ къ заключенію, что и здѣсь успѣху дѣла вредятъ тѣ же самыя недостатки, которые мы видѣли выше: отсутствіе общихъ взглядовъ, недостатокъ въ надлежащемъ раздѣленіи матеріала, неточная формулировка положеній и не всегда точныя ссылки на источники.

Получить какое-либо опредѣленное заключеніе о роли сеймика въ организаціи военнаго дѣла въ мѣстности, составить ясное представленіе о томъ военномъ устройствѣ, которое казалось для шляхты наилучшимъ, мы, на основаніи труда автора, никакъ не можемъ.

Не имѣя возможности и не считая нужнымъ входить въ разсмотрѣніе остальныхъ главъ, ограничимся замѣчаніемъ, что и въ нихъ авторъ, на ряду съ авторитетными именами, какъ, на примѣръ, проф. Павинскаго, ссылается на сочиненія съ довольно фантастическою подкладкою, какъ, на примѣръ, Мацѣйовскаго (88), или же на памфлеты Бѣневскаго (56, 123—125), приводитъ цѣликомъ тексты присягъ (86—89, 94 (двѣ разомъ), пространныя выдержки изъ вступленій къ универсаламъ, на примѣръ, королей Михаила Вишневецкаго и Яна Собѣсскаго (54—55). „Главною бѣдой“ (бѣдствій государства) считаетъ въ одномъ мѣствѣ „распущенность и безпорядочность“, царившія на сеймахъ (56), „главной причиною“ (продолжительности сеймовъ?) безпорядка, постоянно происходившіе на сеймовыхъ засѣданіяхъ, при обсужденіи частныхъ дѣлъ (58), однако, далѣе оказывается что не одни частныя дѣла бывали причиною безпорядковъ на сеймахъ; и при обсужденіи общественныхъ вопросовъ происходили часто

крупныя столкновенія (59). На стр. 66 мы узнаемъ, что „дворяне“ замѣтили, что „надѣленіе титулами могло повести къ уничтоженію правъ дворянства и даже самой Рѣчи Посполитой—новопозалованные польскіе князья и графы стали признавать цесаря на нѣмецкій манеръ своимъ сюзереномъ и онъ могъ сдѣлаться фактическимъ правителемъ Рѣчи Посполитой (1).

Особенно неудачно на нашъ взглядъ обработана глава IV, озаглавленная „Отношеніе сеймиковъ къ вопросамъ экономическимъ“, между тѣмъ какъ вся она цѣликомъ посвящена вопросамъ государственнаго хозяйства Рѣчи Посполитой и мѣстнымъ финансовымъ операціямъ южнорусскихъ воеводствъ.

Не смотря на всѣ указанные недостатки, мы полагаемъ, что трудъ г. Стороженки не бесполезенъ, такъ какъ: попервыхъ, представляетъ, хотя и неудачную, но весьма симпатичную попытку разрѣшенія мало-изслѣдованнаго и весьма труднаго вопроса; вторыхъ, большое количество поставленныхъ и не вполне разрѣшенныхъ вопросовъ побудить другихъ изслѣдователей, а можетъ быть, и самого автора, произвести внимательный пересмотръ всего уже обнародованнаго матеріала о сеймикахъ и попытаться найти болѣе удовлетворительное разрѣшеніе намѣченнымъ вопросамъ.

Сравнивая трудъ автора со введеніемъ, приложеннымъ къ изданнымъ имъ актамъ, мы видимъ, какъ трудъ надъ разобраннымъ нами сочиненіемъ послужилъ на пользу самому автору. Введеніе это, представляющее изложеліе возрѣвній западнорусскаго дворянства по вопросамъ религіознымъ и сословнымъ, и написанное послѣ изслѣдованіе о сеймикахъ, отличается гораздо большею опредѣленностью и точностью. Одну изъ причинъ этого факта мы должны видѣть, кромѣ болѣе полнаго усвоенія изданнаго матеріала, въ томъ обстоятельствѣ, что здѣсь автору приходилось имѣть дѣло съ одною только стороною сеймиковой дѣятельности. Введеніе къ актамъ излагаетъ возрѣвнія западнорусскаго дворянства, выраженныя, главнымъ образомъ, въ инструкціяхъ посламъ, оставляя въ сторонѣ дѣятельность сеймиковъ по мѣстному самоуправленію. Такимъ образомъ, невольное раздѣленіе двухъ, существенно различныхъ сторонъ дѣятельности сеймиковъ сейчасъ же дало самыя благопріятныя результаты.

Собравъ значительный и неизвѣстный матеріалъ, авторъ естественно увлекся желаніемъ его утилизировать и приступилъ къ работѣ, не предполагая, какого рода трудности она представляетъ какъ по своему существу, такъ и въ частности, потому что для удовлетворительнаго

выполненія ея недостаточно знакомства во всѣхъ мелочахъ съ государственнымъ устройствомъ и управленіемъ одной только Литвы, или же Польши, а непременно съ тѣмъ и другимъ; да сверхъ того, необходимо предварительно разрѣшеніе ряда вопросовъ о томъ, что изъ литовскаго устройства и управления было отиѣнено въ Югозападной Россіи Люблинской уніей, и что осталось неприкосновеннымъ.

Если мы припомнимъ отсутствіе работъ по литовскому и польскому государственному праву, стоящихъ на высотѣ современныхъ требованій, то станетъ понятно, какія трудности возникали для автора на каждомъ шагѣ.

Несомнѣнно, что авторъ обладаетъ настойчивостью, что доказывается изданными имъ актами, несомнѣнно, что у него есть умѣнье выбрать интересную и весьма серьезную тему,—будемъ надѣяться, что бѣлая привычка къ работѣ надъ архивнымъ матеріаломъ, болѣе широкая постановка вопросовъ, знакомство съ разнообразными взглядами на избранный предметъ, выработка болѣе опредѣленной терминологіи и болѣе точнаго языка дадутъ возможность автору подарить литературѣ рядъ цѣнныхъ произведеній; въ чемъ, судя по началу, мы не имѣемъ причинъ сомнѣваться: „Не ошибается лишь тотъ, кто ни на что не отваживается!“.

С. Бершадскій.

K. Woźniowski. Solidy Bolesława z napisem sławiańskim. Studium numizmatyczne. Kiew. 1887.

Занимающимся нумизматикой извѣстно небольшое количество монетъ византійскаго типа съ надписью кириллицей „Болеславъ“. Выѣшній видъ этихъ монетъ слѣдующій: на одной сторонѣ изображена полная фигура въ плащѣ, застегнутомъ на одномъ плечѣ, на головѣ шапка или шпакъ, по бокамъ надпись кириллицей Болеславъ. На оборотной сторонѣ патриаршіи крестъ. Подобнаго типа монетъ пока извѣстно всего шесть (да и то подлинность нѣкоторыхъ экземпляровъ сомнительна). Русскіе нумизматы обратили очень мало вниманія на эти монеты; польскіе (Стрончинскій, Лелевель) приписали ихъ одному изъ Болеславовъ польскихъ (Храброму или Смѣлому); но такъ какъ всѣ другія польскія монеты временъ Болеславовъ совершенно иного типа и съ латинскою надписью, то польскіе нумизматы сдѣлали предположеніе, что одинъ изъ Болеславовъ могъ чеканить монету византійскаго типа съ славянскою надписью для завоеванія

будто бы ими Русь. Мнѣніе это падаетъ само собою, коль скоро константировано, что походы обоихъ Болеславовъ на Русь не имѣли цѣли завоевательной, а были только дружественною помощью родственными Русскимъ князьямъ. Но за всѣмъ тѣмъ монеты эти представляютъ пока нумизматическую загадку. Г. Болсуновскій взялся еще разъ за пересмотръ вопроса о происхожденіи этихъ монетъ, но рѣшилъ его, по нашему мнѣнію, совершенно невѣрно. Отрицая принадлежность ихъ обоимъ польскимъ Болеславамъ, онъ разыскиваетъ Русскихъ князей, носившихъ имя Болеслава, и останавливается на галицко-русскомъ князѣ Болеславѣ Тройденовичѣ, занявшемъ галицко-володимірскій столъ по прекращеніи династіи Романовичей. Гипотезу г. Болсуновскаго, не поддѣрживаемую ровно никакими доказательствами, очень легко опровергнуть. Плохо ознакомившись съ исторіей Болеслава Тройденовича, авторъ не знаетъ, что Болеславъ и Юрій II—одно и то же лицо. Ставъ галицко-русскимъ княземъ, мазовецкій Болеславъ принялъ православіе и имя Юрія и во всѣхъ извѣстныхъ намъ грамотахъ (послѣдняя 1339 года, за годъ до его смерти) называетъ себя Georgius (Юрій). Слѣдовательно, еслибы мы имѣли монеты этого князя, то на нихъ была бы надпись или Юрій или Georgius (и польскія лѣтописи называютъ его Georgius). Вся ошибка и прежнихъ польскихъ нумизматовъ, и г. Болсуновскаго состоитъ въ томъ, что они при опредѣленіи происхожденія этихъ монетъ не хотятъ выходить за предѣлы Польши или южной Руси.

При опредѣленіи происхожденія монетъ весьма важную роль играютъ сонайденыя монеты и другіе предметы. Мѣсто находки клада имѣетъ въ этомъ отношеніи мало значенія, такъ какъ путемъ торговли монета разносилась чуть не по всѣмъ областямъ тогда извѣстнаго міра. Такъ, на примѣръ, монеты Владиміра были найдены далеко за предѣлами Руси (въ Мекленбургѣ). Въ Польшѣ попадаются кувчинскія монеты и пр. Въ данномъ случаѣ мы знаемъ подробности находенія только трехъ экземпляровъ: одинъ найденъ въ Пинчовѣ, два—въ Борнгольмѣ. Въ первомъ кладѣ, кромѣ монеты Болеслава, находился цѣлый рядъ другихъ монетъ—англо-саксонскихъ, чешскихъ и мадьярскихъ; всѣ эти монеты относятся ко времени съ конца X вѣка по вторую половину XI. Это единственныя твердыя данныя, которыхъ можно держаться при опредѣленіи происхожденія и загадочной монеты Болеслава (подробностей находенія прочихъ экземпляровъ мы не знаемъ). Такимъ образомъ Болеслава, чеканившаго данную монету, нужно искать въ числѣ

князей того же періода. Переносить разбираемыя монеты въ XIV вѣкъ нѣтъ ровно никакихъ основаній, да и самый типъ ихъ соответствуетъ монетамъ именно указаннаго періода. Относить эти монеты къ Болеславамъ польскимъ, какъ мы видѣли, нѣтъ никакого повода; но въ указанномъ періодѣ были еще чешскіе князья, носившіе имя Болеслава. Позволимъ себѣ высказать гипотезу, что разбираемыя монеты относятся именно къ одному изъ чешскихъ Болеславовъ. Византійскій типъ этихъ монетъ точно также свидѣтельствуетъ въ пользу этого происхожденія, такъ какъ вліяніе Византіи на древнюю Чехію не подлежитъ сомнѣнію. Предоставляемъ специалистамъ по нумизматикѣ провѣрить наше предположеніе.

М. Липиниченко.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Великая княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь императора Павла I, герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская. 1788—1818. Биографическій очеркъ съ приложеніемъ портрета и автографа. Составилъ *И. Н. Божеряновъ* С.-Пб.—Письма великой княгини Екатерины Павловны. Читано въ засѣданіи Тверской ученой архивной комиссіи 13-го апрѣля 1888 г. членомъ комиссіи *Е. А. Пушкинымъ*. Тверь.—Появленіе этихъ брошюръ объясняется тѣмъ, что въ настоящемъ году исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія любимой сестры императора Александра I, великой княгини Екатерины Павловны. Жизнь этой замѣчательной женщины заслуживаетъ обстоятельнаго разказа, и надобно пожалѣть, что г. Божеряновъ могъ воспользоваться для своего очерка только печатными источниками; впрочемъ, онъ довольно внимательно собралъ всѣ доступныя ему извѣстія, и если разказъ его не отличается живостью, то это объясняется не недостаткомъ усердія съ его стороны, а развѣ недостаткомъ таланта. Проще и менѣе притязательна задача, которую поставилъ себѣ г. Пушкинъ: онъ ограничился изданіемъ писемъ великой княгини къ Н. М. Карамзину и кн. В. П. Оболенскому и характеристикой ея на основаніи этихъ документовъ. Подлинники этихъ писемъ хранятся въ Тверскомъ историческомъ музеѣ, который и принялъ на себя изданіе брошюры г. Пушкина. Самые письма уже были напечатаны прежде, но перепечатка ихъ въ отдѣльномъ сборникѣ во всякомъ случаѣ не лишняя, а введеніе къ нимъ, написанное г. Пушкинымъ, весьма удачно очерчиваетъ замѣчательную личность великой княгини.

Сергій Влокуровъ. Адамъ Олеарій о греко-латинской школѣ Арсенія Грека въ Москвѣ въ XVII в. М.—Обстоятельное изслѣдованіе, въ которомъ авторъ весьма убѣдительными доводами доказываетъ, что въ бытность Олеарія въ Россіи (1634—1643 гг.) еще не существовало въ Москвѣ никакой греко-латинской школы, и что она была основана не ранѣе 1653 г., уже при патріархѣ Никонѣ;

недоразумѣніе же, заставлявшее относить извѣстіе Олеарія къ 1630-мъ годамъ объясняется тѣмъ, что его считали современнымъ пребыванію этого путешественника въ Москвѣ, тогда какъ оно появилось только во второмъ изданіи его сочиненія, вышедшемъ въ свѣтъ только въ 1656 году.

С. А. Блокуровъ. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ. М. — Г. Блокуровъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ печаталъ на страницахъ Читеній Московскаго Общества исторіи и древностей различные документы по церковной и гражданской исторіи XVII и частью XVIII вв., извлеченные преимущественно изъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Отдѣльные оттиски этихъ изданій и составили настоящій сборникъ. Важнѣйшіе документы, въ немъ помѣщенные, суть слѣдующіе: 1) Библіотека и архивъ Соловецкаго монастыря послѣ осады (1676 г.)—по современнымъ описаніямъ; 2) „Дѣла святѣйшаго Никона патріарха, паче же рещи чудеса врачевная“, рѣдко встрѣчающееся въ рукописяхъ приложеніе къ извѣстному сочиненію Шумерина; 3) Дѣла о лицахъ, говорившихъ непристойныя слова; 4) Посольство дьяка Феофота Елчина и священника Павла Захарева въ Дадіанскую землю (1639 — 1640 гг.); 5) Московскій печатный дворъ въ 1649 году—по современной описи; 6) Подметныя письма Голосова, Посошкова и др. (1700—1705 гг.); кромѣ того, въ сборникъ включены рядъ мелкихъ документовъ разнообразнаго содержанія.

А. Оксеновъ. Саянское царство до эпохи Ермака. Томскъ.—Новый трудъ того же автора, о другой работѣ котораго, касательно древней сибирской торговли, было недавно сообщено въ Журн. Мин. Нар. Пр. Настоящее изслѣдованіе содержитъ въ себѣ три главы: I) Князья сибирскихъ татаръ; II) Ханы сибирскихъ татаръ; III) Этнографическій составъ и политическій строй позднѣйшаго Сибирскаго царства. Главное достоинство этой статьи составляетъ внимательная оцѣнка историческихъ извѣстій русскихъ сибирскихъ лѣтописей, которыя, какъ извѣстно, до сихъ поръ весьма мало подвергались точной исторической критикѣ.

И. О. Морозовъ. Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII столѣтій. С.-Пб.—Отдѣльное изданіе труда, который печатался на страницахъ Ж. Мин. Нар. Пр. въ текущемъ году. Идя по слѣдамъ Н. С. Тихонравова и Алексѣя Н. Веселовскаго, авторъ разработалъ начальную исторію русскаго театра. Тщательное обзорнѣе его репертуара и сравненіе переводныхъ пьесъ его съ ихъ оригиналами составляетъ существенную заслугу автора и даетъ его труду значеніе въ нашей ученой литературѣ.

Василій Петровъ. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ВЪ ГОРОДѢ НАРВѢ. Нарва. — Первые свѣдѣнія о существованіи учебныхъ заведеній въ г. Нарвѣ восходятъ къ періоду шведскаго владычества въ XVII в.: въ то время тамъ было двѣ школы—шведская и нѣмецкая, но въ нихъ имѣлись и русскіе учителя. Первое русское училище возникло тамъ въ 1785 г. Но долгое время смѣшанный составъ населенія, въ которомъ были и русскіе, и нѣмцы, и эсты, подавалъ поводъ къ борьбѣ національныхъ элементовъ, и только въ новѣйшее время народное образованіе получило въ г. Нарвѣ русскій характеръ. Брошюра г. Петрова изображаетъ разные моменты этой борьбы, останавливаясь болѣе подробно на событіяхъ новѣйшаго времени. Надобно пожалѣть, что авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи довольно скудную запасъ матеріаловъ; но во всякомъ случаѣ брошюра его составляетъ трудъ очень полезный.

А. А. Тимошъ. Юридическіе обычаи села Никола-Первозъ, Сулостской волости, Ростовскаго уезда. Ярославль. — Обстоятельный этюдъ, составленный примѣнительно къ программамъ для изученія обычнаго права, изданнымъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ.

Баронъ *П. К. Усларъ.* Этнографія Кавказа. Языковеденіе. II. Чеченскій языкъ. Съ приложеніемъ: 1) писемъ П. К. Услара и статей его: а) Кое-что о словесныхъ произведеніяхъ горцевъ, б) Объ исследованіи кавказскихъ языковъ и в) Нѣчто объ азбукахъ кавказскихъ горцевъ; 2) сочиненія А. Шифнера: *Tschetschenische Studien* въ переводѣ съ нѣмецкаго языка, и 3) Чеченскихъ пословидъ и разказовъ о Насръ-Эддинѣ изъ букваря И. Бартоломея. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Тифлисъ.

Das Dorpatеr Gymnasium in gesundheitlicher Beziehung. Ein Beitrag zur Schulhygiene für Lehrer, Eltern und Aerzte. Von D-r Christian Strömberg. Mit Tabellen, Plänen und Curven. Dorpat.

БЕРЛИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ 1873 ГОДА И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАВНАГО НѢМЕЦКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПО ЖЕНСКОМУ ШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ 1872 ПО 1886 ГОДЪ.

Вопросъ о женскомъ школьномъ образованіи нѣкоторые не безъ основанія относятъ къ труднѣйшимъ проблемамъ настоящаго времени. Относительно задачи и цѣли такъ-называемаго высшаго (по нашему—средняго) образованія официальные нѣмецкіе педагоги и правительства держатся извѣстнаго опредѣленнаго направленія. Но эта сторона вопроса, хотя и главная, гораздо легче могла быть усвоена, чѣмъ другая—организация учебныхъ заведеній во всѣхъ подробностяхъ, на основаніи выработанныхъ понятій о задачахъ и цѣли женскаго воспитанія и обученія. Нѣмецкая философія, педагогическіе писатели и поэты конца XVIII и начала XIX столѣтій дружно воспитывали нѣмецкое общество въ извѣстномъ идеальномъ направленіи относительно назначенія женщины; кромѣ того, Германія въ этомъ отношеніи широко пользовалась опытами Франціи, Англіи и Швейцаріи. Но когда дѣло дошло до черной работы, то-есть, до выбора учебнаго матеріала по каждому предмету и методовъ преподаванія примѣнительно къ воспитательному вліянію обученія и къ особенностямъ природы женщины и ея назначенію, то оказалось, что это дѣло, безъ котораго самое правильное понятіе о задачѣ и цѣли образованія не имѣетъ значенія, представляетъ непреодолимыя трудности, если не желаютъ ограничиться шаблоннымъ сокращеніемъ матеріала назначеннаго для мужскихъ гимназій.

Нѣтъ слова, что на эту сторону женскихъ училищъ въ Германіи и прежде обращали вниманіе, но указанія по этому предмету были случайны, отрывочны. Даже въ „Исторіи педагогики“ К. Раумера

часть обих, отд. 3. 1.

которой отдѣлъ „Die Erziehung der Mädchen“ до сихъ поръ многими признается авторитетомъ въ дѣлѣ женскаго воспитанія и обученія, сдѣланы очень важныя, но только общія указанія относительно выбора учебнаго матеріала. Поэтому занятія Берлинской конференціи и главнаго нѣмецкаго педагогическаго общества получаютъ особенное значеніе. По словамъ протокола педагогическаго собранія въ Наумбургѣ (1884 г.) ¹⁾, педагогическое общество не можетъ, конечно, похвалиться, что оно вполне достигло намѣченной цѣли; но оно убѣждено, что по крайней мѣрѣ найдетъ путь, слѣдуя которому нѣмецкая Töchterschule или, какъ ее теперь называютъ, höhere Mädchenschule, можетъ дѣйствительно сдѣлаться настоящимъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ. Съ этой точки зрѣнія ознакомленіе съ трудами Берлинской конференціи и собраній главнаго педагогическаго общества представляетъ интересъ не только для академическаго изученія нѣмецкихъ женскихъ училищъ.

Названіе „die höhere Töchterschule“ заимствовано во второй половинѣ прошлаго столѣтія (1774 г.) изъ Цюриха. Въ прошломъ столѣтіи открыто въ Германіи подъ этимъ именемъ нѣсколько женскихъ училищъ: въ Бреславлѣ, Кюстрицѣ, Дессау, Франкфуртѣ на Майнѣ, Ганноверѣ, Любекѣ и др. Первая Töchterschule въ Берлинѣ открыта профессоромъ Гартунгомъ въ 1787 г. Но первымъ въ полномъ смыслѣ нѣмецкимъ женскимъ училищемъ считается училище въ Дессау, организованное въ 1786 году по плану Вазедова ²⁾. Другіе, впрочемъ, считаютъ прототипомъ нынѣшнихъ высшихъ женскихъ училищъ основанный въ 1803 году въ Штутгартѣ магистромъ Тафингеромъ извѣстный Lehr- und Bildungsanstalt für Töchter gebildeter Stände ³⁾.

Но какъ эти, такъ и другія открытыя въ то время женскія училища были частныя учрежденія, и каждое отличалось особенностями обусловливаемыми или воззрѣніями содержателей или взглядами извѣстныхъ слоевъ общества на качество женскаго образованія. Эпоху въ исторіи высшихъ женскихъ училищъ считаютъ наполеоновскія войны, заставившія германскія правительства и народы, особенно

¹⁾ *Zeitschrift für weibl. Bildung.* 1885 г., стр. 57.

²⁾ Вазедовъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ изъ исторіи воспитанія Philantropinum предполагалъ устроить въ Дессау женское училище и назвать его въ честь императрицы Екатерины II Katharineum. Dr. *Wickenhagen.* Die Herzogliche Autointenschule zu Dessau 1887 г.

³⁾ *Anfänge und Fortschritte des höh. Mädchenschulwesens zu Stuttgart.* V. *Schorstein.* 1874.

Пруссію, принять энергическія мѣры къ обновленію всѣхъ частей государственнаго организма. Между прочимъ, было обращено вниманіе на то, что прочность государственнаго организма въ нѣкоторой степени зависитъ отъ прочности семьи, и что такое или другое духовное настроеніе матери семейства ложится въ основаніе міросозерцанія дѣтей; поэтому не могло остаться безъ вниманія и женское образованіе, тѣмъ болѣе, что въ это время былъ издавъ законъ объ обязательномъ обученіи.

Поводомъ къ устройству правительственныхъ и городскихъ высшихъ женскихъ училищъ въ Пруссіи послужила смерть королевы Луизы 19-го іюля 1810 года. Эта смерть произвела потрясающее впечатлѣніе на всѣ слои прусскаго народа, и въ Берлинѣ составилъ фереинъ патриотовъ, задавшійся мыслью воздвигнуть какой-нибудь необыкновенный памятникъ усопшей королевѣ; но не нашелъ ничего соответственнаго, какъ учрежденіе, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ городахъ, женскихъ училищъ съ названіемъ „Luisenthum“, и 23-го декабря 1810 года представилъ министру исповѣданій и просвѣщенія составленный имъ „Plan zu dem preussischen Denkmal für die verewigte Königin Luise v. Preussen durch weibliche Erziehungsanstalten“. Этотъ планъ переданъ былъ департаментомъ народнаго просвѣщенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которое препроводило его для исполненія въ городскія управленія Берлина, Кенигсберга и Бреславля.

Такимъ образомъ возникли въ 1811 году въ упомянутыхъ городахъ городскія высшія женскія училища, послужившія толчкомъ къ открытію подобныхъ училищъ во многихъ большихъ и малыхъ нѣмецкихъ городахъ.

Въ планѣ Луизинскихъ училищъ обращено особенное вниманіе на то, чтобы обученіе и воспитаніе въ нихъ велось примѣнительно къ особенностямъ женскаго сердца, потому что въ этихъ заведеніяхъ должны быть воспитываемы будущія матери и воспитательницы. Эти учебныя заведенія должны представлять большія семейства, въ которыхъ на этомъ основаніи признается благотворнымъ и мужское вліяніе, подобное вліянію отца въ частномъ семействѣ ¹⁾).

Юбилейныя записки нѣкоторыхъ высшихъ женскихъ училищъ свидѣтельствуютъ, что духъ и направленіе Луизентума не остались

¹⁾ Этотъ замѣчательный въ исторіи нѣмецкаго женскаго воспитанія памятникъ, составлявшій большую радость, напечатанъ въ *Zeitschrift für weibliche Bildung* 1884 г., стр. 413, и въ приложеніи къ отчету Кенигсбергскаго высшаго женскаго училища Ostern 1887 г.

безъ вліянія на другія училища, даже внѣ предѣловъ Прусскаго королевства. 17-го августа 1818 года, вмѣсто училища магистра Тафингера, въ Штутгартѣ былъ основанъ королевою Вюртембергскою, великою княгиней Екатериною Павловною Katharinenstift. Послѣ освященія училища, королева, растроганная, при видѣ собравшихся 200 дѣвочекъ, принятыхъ въ училище, обратилась къ ихъ матерямъ съ слѣдующими словами, которыя до сихъ поръ считаются девизомъ училища: „Наша жизнь имѣетъ серьезную сторону. Для этой-то стороны жизни человекъ долженъ приготовиться посредствомъ воспитанія и обученія. Облагороженный образованіемъ характеръ составляетъ наилучшее приобрѣтеніе для жизни мужчины и женщины. Царственная сила должна быть единственнымъ могуществомъ женщины. Жизнь ея состоитъ въ постоянномъ Schaffen und Ordnen, въ самозабвеніи и самоподчиненіи: въ этомъ заключается значеніе и достоинство жизни женщины; поэтому съ малыхъ лѣтъ слѣдуетъ приучать дѣвушекъ къ жизни въ духѣ этихъ добродѣтелей“¹⁾.

Luisenstift и Katharinenstift были заведенія закрытыя; послѣднее совершенно напоминаетъ наши институты; а потому они могли оказывать вліяніе на городскія женскія училища только своимъ направленіемъ. Поэтому правительства открыли впослѣдствіи другаго типа училища, которыя могли бы служить образцомъ для городскихъ училищъ не только по направленію, но и по организаціи, напримѣръ, королевскія Elisabethschule (1827 г.) и Augustaschule съ учительскою семинаріей (1832 г.) въ Берлинѣ. Такимъ образомъ обозначилось направленіе правительства и благомыслящей части нѣмецкаго общества въ дѣлѣ женскаго воспитанія и обученія. По честь обстоятельнаго разъясненія этого дѣла въ такомъ направленіи, начало которому сдѣлано Раумеромъ, по свидѣтельству протоколовъ Берлинской конференціи, принадлежитъ Фласгару, прекрасныя статьи котораго помѣщены въ педагогической энциклопедіи Шмида (Mädchenerziehung, Mädchenschule и др.)²⁾.

Были и другія направленія, особенно пачинала съ шестидесятныхъ годовъ, имѣвшія не меньше послѣдователей, которыя поэтому не могли не отразиться на тогдашнихъ женскихъ училищахъ. Одни, по теоріи Д. С. Милля, желали полнаго равенства обонхъ половъ, а

¹⁾ Denkschrift zu der 50-Jährigen Jubelfeier des Katharinenstiftes 17 Aug. 1868 von Rektor Wolff.—Eine Schulfestrede von Dr. Heller, *Zeitschrift für weibl. Bildung* 1886, стр. 605.

²⁾ Protocolle. Berlin. 1873 г., стр. 44.

потому проектировали такое образованіе для женщинъ, которое открывало бы имъ путь ко всякаго рода общественной и частной дѣятельности наравнѣ съ мужчинами. Другіе, разграничивая сферы дѣятельности мужчины и женщины, указывали на необходимость одинаковаго общаго образованія, различнаго только въ методѣ преподаванія (Зибель ¹⁾, миссъ Арчеръ) ²⁾. Третьи, принимая во вниманіе, что женщина, какъ бы ни было высоко ея образованіе, всегда должна оставаться женщиною, то-есть, должна владѣть способностью исполнять малыя и практическія обязанности жизни, были и теперь остаются того мнѣнія, что общее образованіе, основанное преимущественно на нравственно-эстетическихъ началахъ („*ogtaentalsciences*“ Спенсера), отодвигающее на задній планъ „*useful sciences*“, вредно,—отрицали пользу общаго гуманитарнаго образованія для дѣвушекъ (Luise Buchner) ³⁾ и требовали для нихъ только всѣхъ видовъ профессиональнаго образованія, не исключая и медицины (Варховъ) ⁴⁾.

Что касается высшаго образованія, то одни выражали мнѣніе, что самый лучшій университетъ для дѣвушекъ—семья, самый лучшій профессоръ—мать (Зибель); другіе, какъ *der allgemeine deutsche Frauenverein*, выставляли настоятельную необходимость женскихъ академій (*akademische Hochschulen*) ⁵⁾. Саксонскій *Frauenverein* составилъ капиталъ (55000 марокъ) для стипендій молодымъ дѣвушкамъ, готовящимся къ испытанію зрѣлости и поступающимъ въ заграничныя университеты.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что мнѣнія эти могли оказывать вліяніе на ходъ и направленіе воспитанія и обученія въ нѣкоторыхъ городскихъ и во многихъ частныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Не находясь подъ непосредственнымъ правительственнымъ контролемъ, эти учебныя заведенія были легко доступны всякому вліянію, въ особенности если оно было соединено съ матеріальными выгодами. Инспектора народныхъ училищъ, подъ наблюденіемъ которыхъ находились городскія и частныя женскія училища, избравшіеся перѣдко изъ лицъ, или вовсе не получившихъ академическаго образованія или изъ теологовъ, относились къ этимъ заведеніямъ только формально,

¹⁾ Ueber die Emancipation der Frauen. Bonn. 1870, стр. 19.

²⁾ Начальница Victoria-Lyceum въ Берлинѣ.

³⁾ Ueber weibliche Berufsarten. 1870.

⁴⁾ Ueber die Erziehung des Weibes für seinen Beruf. 1865.

⁵⁾ Der Frauentag zu Düsseldorf.

не сообщая о нихъ высшему начальству никакихъ, даже статистическихъ, свѣдѣній. Отъ этого произошло, что воспитаніе въ частныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, по словамъ д-ра Веймера (*Wider das Pensionat* 1873 г.), „*der eigentliche Krebschaden der Mädchenbildung unserer Zeit zu sein scheint*“.

Послѣ 1870 года, вмѣстѣ съ политическимъ объединеніемъ Германіи, возникло стремленіе, между прочимъ, и къ объединенію женскаго образованія какъ относительно задачи и цѣли, такъ и организаціи женскихъ училищъ. Для этого необходимо было, чтобы всѣ начальствующіе и преподающіе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи прониклись однимъ духомъ и усвоили себѣ одно направленіе, что предполагалось возможнымъ при существованіи обще-германскаго педагогическаго общества. По мысли бывшаго прусскаго министра народнаго просвѣщенія Фалька, нѣкоторые директора рѣшились возстановить возникшій было въ концѣ 40-хъ годовъ, но очень скоро прекратившій свое существованіе, ферейнтъ начальствующихъ и преподающихъ въ рейнско-вестфальскихъ женскихъ училищахъ, распространивъ его на всю Германію. Мысль объ образованіи обще-германскаго педагогическаго общества сочувственно встрѣчена была большинствомъ начальствующихъ и учащихся въ женскихъ училищахъ; по словамъ д-ра Крейенберга, всѣ ожидали 19-го сентября 1872 г. (дня, назначеннаго для педагогическаго собранія въ Веймарѣ) какъ зари новой жизни. Правда, въ первый день собранія всѣ были до такой степени разочарованы, что многіе думали возвращаться домой, не ожидая ничего хорошаго отъ этого собранія. Сто-шестьдесятъ собравшихся въ Веймарѣ педагоговъ обнаружили относительно предмета своихъ занятій такое непримиримое разнообразіе мнѣній и желаній, что, по словамъ того же директора, ¹⁾ присутствовавшего на этомъ собраніи, эти спеціальныя дѣятели на одномъ и томъ же поприщѣ своими сужденіями напоминали вавилонское столпотвореніе, такъ какъ многіе рѣшительно не понимали другъ друга, и только благодаря энергіи и такту рейнскихъ директоровъ Бухнера и Шорнштейна и дрезденскаго Вьетора, сумѣвшихъ обстоятельно редактировать тезисы и отдѣлить школьное женское воспитаніе и обученіе отъ такъ называемаго женскаго вопроса, обсужденіе приняло академическій характеръ.

Послѣ бурныхъ преній большинствомъ приняты слѣдующіе тезисы:

¹⁾ *Kreyenberg. Die höhere Töchterschule. 1874, стр. 23.*

1) Высшее женское училище имѣеть цѣлю доставить возможность подростающему женскому поколѣнію получать такое общее образованіе, какое доставляютъ общеобразовательныя мужскія учебныя заведенія мальчикамъ и юношамъ; но женскія училища должны быть организованы не по образцу мужскихъ, а своеобразно, принимая во вниманіе особенности физической и духовной природы женщины и ея назначеніе. Высшія женскія училища, подобно такимъ же мужскимъ учебнымъ заведеніямъ, не должны имѣть характера профессиональныхъ школъ (Fachschule).

2) Высшее женское училище должно стремиться къ гармоническому образованію ума, сердца и воли въ религіозномъ направленіи на реально-эстетическомъ основаніи.

3) Необходимо, чтобы каждая ученица начинала ученіе въ высшемъ женскомъ училищѣ не моложе шести и окончила десятилѣтній курсъ не моложе 16-лѣтняго возраста. Высшее женское училище раздѣляется на три отдѣленія (Hauptstufen), элементарное (3 года), среднее (3 года) и высшее (4 года), и на 10 или по крайней мѣрѣ на 7 классовъ. Въ послѣднемъ случаѣ безъ элементарнаго отдѣленія.

4) Учебный персоналъ долженъ состоять изъ научно-образованнаго директора, научно образованныхъ учителей, опытныхъ начальныхъ учителей и выдержавшихъ испытаніе учительницъ.

5) Какъ правительственныя, такъ и городскія высшія женскія училища должны находиться подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ правительства и должны быть подчинены тѣмъ же правительственнымъ учрежденіямъ, въ завѣдываніи которыхъ находятся гимназіи и реальныя училища. На этомъ основаніи всѣ служащіе въ высшихъ женскихъ училищахъ должны пользоваться тѣми же правами, которыя предоставлены служащимъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

6) Желательно, чтобы для всѣхъ высшихъ женскихъ училищъ былъ обязательенъ одинъ общій утвержденный правительствомъ учебный и организаціонный планъ.

7) Училища, не соотвѣтствующія требованіямъ этого плана, не должны имѣть права называться высшими женскими училищами.

8) Среднія женскія училища по курсу стоятъ между элементарными и высшими женскими училищами. Какъ продолженіе среднихъ училищъ могутъ быть устриваемы ремесленныя училища (gewerbliche Fortbildungsschulen).

9) Правительства должны озаботиться открытіемъ семинарій для приготовленія учительницъ. Семинаріи эти соединяются съ высшими

женскими училищами. Испытаніе воспитанницъ учительскихъ семинарій для полученія аттестата, дающаго право преподавать въ училищахъ, производится въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ комиссара, назначаемаго провинціальною училищною коллегіей. Въ особенной инструкціи должны быть изданы требованія, общія для всѣхъ нѣмецкихъ государствъ, и однообразная форма аттестата. Получившія аттестаты могутъ преподавать въ начальныхъ училищахъ и элементарномъ отдѣленіи высшаго женскаго училища. Желательно, чтобы для приготовленія преподавательницъ высшихъ женскихъ и начальныхъ училищъ были заведены особенныя семинаріи.

Постановленія Веймарскаго собранія были представлены на благоусмотрѣніе всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ вмѣстѣ съ петиціей: разрѣшить учрежденіе постоянного общегерманскаго педагогическаго общества, имѣющаго цѣлью исключительно изысканіе мѣръ къ улучшенію учебно-воспитательнаго дѣла женскихъ училищъ. Нѣмецкія правительства не только разрѣшили учрежденіе общества, но приняли его подъ свое покровительство и утвердили статутъ, составленный собраніемъ въ Ганноверѣ въ 1873 году ¹⁾.

Главное нѣмецкое педагогическое общество (Hauptverein) раздѣляется на провинціальныя (die Zweigvereine). Такія государства, какъ Вюртембергъ, Саксонія, Баденъ, Мекленбургъ и др., составляютъ отдѣльные фереины; меньшія государства, какъ Ангальтъ, примыкаютъ или къ прусскимъ провинціямъ, или къ ближайшимъ большимъ государствамъ. Каждый членъ провинціальнаго общества состоитъ въ то же время и членомъ главнаго общества. Какъ въ главное, такъ и въ провинціальныя общества допускаются и педагоги (Laien), сочувствующіе школьному женскому образованію. Провинціальныя общества занимаются въ ежегодныхъ собраніяхъ исключительно дѣлами, касающимися женскихъ училищъ, въ особенности тѣми, которыя имъ назначить главное общество; равнымъ образомъ, обсужденіемъ вопросовъ и предложеній, которые они сами найдутъ нужнымъ сообщить главному обществу. Для руководства занятій и для сношеній съ главнымъ обществомъ провинціальныя общества избираютъ каждое предсѣдателя и, сверхъ того, члена въ комиссію главнаго общества.

Главное общество ежегодно (а съ 1876 года каждые два года) имѣетъ общее собраніе. Подготовка матеріала для обсужденія въ

¹⁾ Statut für den deutschen Verein von Dirigenten und Ehrenden höherer Mädchen Schulen. *Zeitschrift für weibl. Bildung* 1873, стр. 525—527.

общемъ собраніи и вообще дѣлопроизводство возложено на большую (weitere) и меньшую (engere) комиссіи. Большая комиссія состоитъ изъ избранныхъ членовъ, по одному изъ каждаго провинціального общества. Сюда входятъ три учительницы, назначаемыя общимъ собраніемъ (Hauptversammlung). Главное общество имѣетъ право назначать въ эту комиссію (weitere) еще нѣсколькихъ членовъ. Засѣданія членовъ бѣльшей комиссіи предшествуютъ общему собранію и происходятъ въ мѣстахъ, назначенныхъ для этого послѣдняго, и они изъ своей среды избираютъ пять членовъ меньшей (engere) комиссіи.

Предметы обсужденія на общихъ собраніяхъ слѣдующіе: 1) отчетъ меньшей комиссіи о ея занятіяхъ и отчеты о дѣятельности провинціальныхъ собраній; 2) отчетъ о состояніи денежныя суммъ, образовавшихся изъ ежегодныхъ членскихъ взносов (3 марки); 3) рефераты на ученныя и педагогическія темы; 4) выборъ мѣста для слѣдующаго общаго собранія.

Рефераты, предназначаемыя для обсужденія въ общемъ собраніи, должны быть заблаговременно представляемы въ меньшую комиссію и не позже шести недѣль до общаго собранія должны быть сообщены всѣмъ его членамъ.

Общему собранію предшествуетъ засѣданіе бѣльшей и меньшей комиссій, для предварительныхъ совѣщаній, при чемъ къ программу занятій общаго собранія вносятся добавленія, если таковыя послѣдуютъ со стороны провинціальныхъ собраній или отдѣльныхъ членовъ.

Послѣ общаго собранія большая комиссія утверждаетъ протоколъ общаго собранія и избираетъ членовъ меньшей комиссіи, которымъ и передаетъ всѣ дѣла.

Съ сентября 1872 года общихъ собраній главнаго педагогическаго общества было 10: въ Веймарѣ (1872 г.), Ганноверѣ (1873 г.), Карлсруэ (1874 г.), Дрезденѣ (1875 г.), Кельнѣ (1876 г.), Франкфуртѣ-на-Одерѣ (1878 г.), Брауншвейгѣ (1880 г.), Штутгартѣ (1882 г.), Наумбургѣ (1884 г.) и Берлинѣ (1886 г.).

Прусскій министръ народнаго просвѣщенія Фалькъ, которому собственно принадлежитъ инициатива образованія этого общества, поручилъ особой комиссіи разсмотрѣть постановленія Веймарскаго собранія и составленную ею программу, состоящую изъ 4-хъ отдѣловъ, раздѣленныхъ на 26 вопросовъ, обнимающихъ всѣ подробности женскихъ учебныхъ заведеній, большею частью на основаніи веймарскихъ резолюцій, предложилъ на обсужденіе конференціи въ Берлинѣ.

Берлинская конференція (18-го—23-го августа 1873 г.), состоявшая, подъ предсѣдательствомъ директора министерства народнаго просвѣщенія Грейфа, пзъ членовъ совѣта министра Ветцольда, Шнейдера и Вейнерта, нѣсколькихъ извѣстныхъ по своей педагогической дѣятельности директоровъ женскихъ училищъ и трехъ содержательницъ (Schulvorsteherinnen) частныхъ женскихъ училищъ, занималась, согласно предложенію министра, обсужденіемъ каждаго вопроса министерской программы въ слѣдующемъ порядкѣ: I) организація, задача и цѣль среднихъ и высшихъ женскихъ училищъ; II) учебныя заведенія для дальнѣйшаго образованія дѣвушекъ (Fortbildungs-Anstalten); III) учебныя заведенія для приготовленія учительницъ; IV) испытанія учительницъ.

Предсѣдатель директоръ Грейфъ, открывая конференцію, между прочимъ, заявилъ, что она имѣетъ совѣщательный характеръ, что обсужденіе не должно выходить изъ предѣловъ, обозначенныхъ вопросами, и онъ надѣется, что по всѣмъ вопросамъ будетъ достигнуто полное единогласіе и будетъ сохраненъ академическій характеръ обсужденія.

I. Относительно организаціи задачи и цѣли женскихъ училищъ конференція приняла постановленія по этому предмету Веймарскаго собранія. Необходимость раздѣленія женскихъ училищъ на высшія и среднія обусловлена тѣмъ, что въ общественныя женскія учебныя заведенія поступаютъ дѣти изъ различныхъ слоевъ общества, представляющихъ различныя требованія относительно образованія дочерей, сообразно съ предполагаемыми условіями ихъ будущей жизни и дѣятельности и съ возможными сроками пребыванія ихъ въ училищѣ. Принимая это во вниманіе, установлено виѣшнее и внутреннее различіе между средними и высшими женскими училищами. Виѣшнее различіе должно заключаться въ продолжительности курса (въ высшихъ 10, въ среднихъ 8 лѣтъ), меньшемъ числѣ классовъ (въ высшемъ 10, а безъ элементарнаго отдѣленія 7, въ среднемъ 8, безъ элементарнаго 5 классовъ) и предметовъ обученія (въ среднихъ одинъ иностранный языкъ). Внутреннее различіе заключается въ томъ, что въ высшемъ училищѣ на первомъ планѣ эстетическая и нравственная сторона обученія и формальное образованіе, которое достигается преимущественно при помощи иностранныхъ языковъ; тогда какъ центръ тяжести обученія въ среднихъ училищахъ долженъ заключаться въ реаліяхъ, хотя такъ называемые этические предметы должны занимать и въ этихъ училищахъ надлежащее мѣсто.

Какъ тѣ, такъ и другія училища должны имѣть цѣлью воспитать дѣвушку для дома и сообщить ей такое настроеніе, что только въ семейной средѣ она можетъ быть участницей въ высшихъ благахъ жизни и исключительно здѣсь содѣйствовать рѣшенію національныхъ задачъ (an der Lösung der Aufgaben der Nation mitarbeiten könne).

Сообразно съ этою конференціей, одобрены слѣдующія указанія относительно предметовъ обученія въ высшихъ и среднихъ училищахъ:

1. Въ высшихъ училищахъ:

а) Преподаваніе закона Божія должно имѣть ту самую цѣль, что въ среднихъ мужскихъ училищахъ. При этомъ должно быть обращено особенное вниманіе на нравственную сторону я, кромѣ того, изложеніе должно быть нѣсколько пространнѣе.

б) Преподаваніе отечественнаго языка должно имѣть цѣлью приготовить учащихся къ правильному, связному, устному и письменному изложенію мыслей о предметахъ, не выходящихъ изъ круга вѣдѣнія учащихся; сообщить имъ знаніе грамматики, отечественнаго языка и ознакомить съ главными эпохами исторіи отечественной литературы, преимущественно со времени Лютера, и съ важнѣйшими произведеніями отечественной литературы, соответствующими степени образованія ученицъ.

в) Знаніе этимологіи и синтаксиса французскаго и англійскаго языковъ; умѣнье вполнѣ правильно писать на этихъ языкахъ письма и небольшія сочиненія о предметахъ извѣстныхъ ученицамъ, правильно говорить на этихъ языкахъ и свободно читать французскія книги. Ознакомленіе съ важнѣйшими произведеніями англійской національной литературы и классическаго періода французской литературы.

г) Главнѣйшіе факты изъ всеобщей исторіи; изъ древней исторіи преимущественно исторія Греціи и Рима; болѣе обстоятельное изложеніе отечественной исторіи въ связи съ исторіей сосѣднихъ государствъ. Во всѣхъ отдѣлахъ исторіи должно быть обращено вниманіе на культурно-историческіе моменты.

д) Поверхностное ознакомленіе съ политической и физической географіей всѣхъ частей свѣта; болѣе подробное изложеніе географіи европейскихъ государствъ, преимущественно Германіи.

е) Ариметика. Знаніе системы монетъ, мѣръ и вѣсовъ; цѣлыя числа, простыя и десятичныя дроби; умѣнье самостоятельно, пра-

вильно и быстро рѣшать задачи; бѣглость въ умственномъ счисленіи; свѣдѣнія изъ геометріи.

ж) Естественная исторія (*Naturbeschreibung*). Знакомство съ тремя царствами природы; при этомъ должно быть обращено особенное вниманіе на отечественную флору и фауну, на полезныя и вредныя растенія. Нѣкоторыя свѣдѣнія касательно образованія и строенія земного шара.

Было заявлено, чтобы въ учебномъ планѣ помѣщено было „ознакомленіе съ устройствомъ человѣческаго организма“. Заявленіе это было поддержано тѣмъ соображеніемъ, что предметъ этотъ можетъ быть преподаваемъ дѣвушкамъ безъ всякихъ затрудненій, и что знаніе устройства глаза, уха и различныхъ жизненныхъ отправленій и т. п. дѣвушкамъ также необходимо.

Противъ этого было замѣчено, что ученіе о строеніи и жизненныхъ отправленіяхъ человѣческаго тѣла упоминается въ другихъ наукахъ: объ ухѣ и глазѣ въ физикѣ (акустика, оптика); другихъ сторонъ касаются, напримѣръ, на вступительномъ урокѣ къ гимнастическимъ упражненіямъ; поэтому нѣтъ надобности назначать на этотъ предметъ особыхъ уроковъ, тѣмъ болѣе что какой-нибудь неопытный учитель можетъ дать поводъ къ разнымъ непредвидѣннымъ непріятнымъ случайностямъ.

з) Физика и химія (*Naturlehre*). Общія свѣдѣнія объ электричествѣ, магнетизмѣ и явленіяхъ механическихъ; равнымъ образомъ о свѣтѣ, звукѣ и теплотѣ; преимущественно знакомство съ тѣми физическими законами, которые имѣютъ примѣненіе въ обихованной жизни и промышленности. Знакомство съ тѣми элементами химіи, которые могутъ имѣть примѣненіе къ домашней жизни.

Было сдѣлано возраженіе относительно обязательнаго обученія обоимъ иностраннымъ языкамъ и техническимъ предметамъ.

Касательно обученія иностраннымъ языкамъ (французскому и англійскому) постановлено считать оба языка обязательными, потому что въ тѣхъ училищахъ, въ которыхъ до сихъ поръ одинъ языкъ считается обязательнымъ, число не обучающихся другому самое незначительное. Такъ, напримѣръ, въ берлинской *Victoriaschule*, въ которой необязателенъ англійскій языкъ, въ 1873 г. изъ 279 ученицъ только 7 не обучались этому языку. Мнѣніе, что англійскій языкъ труднѣе французскаго, и что между этими языками не можетъ быть такого отношенія, какое существуетъ въ мужскихъ гимназіяхъ между латинскимъ и греческимъ языками, было опровергнуто и вмѣстѣ съ

тѣмъ доказано, что англійская литература представляетъ ученицамъ гораздо болѣе подходящихъ для чтенія произведеній. Кроме того, въ принципѣ признана педагогическая несостоятельность вообще обязательныхъ предметовъ въ училищѣ. Едва ли возможно предложить ученицамъ или большинству родителей рѣшеніе вопроса относительно пользы или бесполезности какого-нибудь предмета обученія. Если же какая-нибудь ученица не въ состояніи изучать всѣхъ предметовъ курса, на примѣръ, двухъ иностранныхъ языкомъ, въ такомъ случаѣ она можетъ поступить въ среднее училище (Mittelschule). Поэтому признаны обязательными и техническіе предметы: черченіе, рисованіе, пѣніе, гимнастика и рукодѣліе. Допущена возможность освобожденія отъ занятій этими предметами только по опредѣленію педагогической конференціи, основанному на свидѣтельствѣ врача.

II. Въ среднихъ училищахъ.

а) Преподаваніе закона Божіа въ общемъ должно быть то же самое, что и въ среднихъ мужскихъ училищахъ. Разница между ними заключается въ методѣ и въ выборѣ учебнаго матеріала, изложеніе котораго должно быть наглядно.

б) Приученіе правильно говорить на отечественномъ языкѣ, писать письма, составлять легкія дѣловыя сочиненія и т. п.; увѣренность въ орфографіи и знакомство съ главными правилами грамматики. Ознакомленіе съ главнѣйшими видами прозы и поэзіи связано съ изученіемъ образцовъ нѣмецкой литературы; сюда же относится и ознакомленіе съ біографіями выдающихся поэтовъ послѣ реформации.

в) Французскій или англійскій языкъ. Правильное произношеніе; увѣренность въ орфографіи и знаніе главнѣйшихъ правилъ грамматики; чтеніе легкиихъ прозаическихъ писателей на французскомъ языкѣ, умѣнье написать легкое дѣловое письмо и передавать устно по французски легкія произведенія нѣмецкой словесности.

г) Исторія. Знакомство съ жизнеописаніями выдающихся личностей и съ важнѣйшими фактами изъ всеобщей исторіи; болѣе обстоятельное ознакомленіе съ отечественной, преимущественно новѣйшей, исторіей.

д) По географіи, ариметикѣ и естественной исторіи тѣ же требованія, что и въ высшихъ женскихъ училищахъ.

е) Физика и химія. Основныя свѣдѣнія изъ физики и элементы химіи. Особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на тѣ химическія явле-

нія, которыя имѣють примѣненіе въ домашнемъ быту, промышленности и ремеслахъ.

ж) Обязательное обученіе техническимъ, предметамъ, преподаваемымъ въ техническихъ женскихъ училищахъ.

При обсужденіи вопроса о методѣ преподаванія, съ одной стороны было высказано мнѣніе, что въ высшемъ женскомъ училищѣ долженъ имѣть мѣсто научный (*wissenschaftliche*) методъ, потому что не возможно требовать, на примѣръ, отъ преподаванія исторіи дѣйствительнаго нравственнаго вліянія, если преподаваніе этого предмета не заключаетъ въ себѣ элементовъ, которые придаютъ ему научный характеръ. Равнымъ образомъ преподаваніе иностранныхъ языковъ только въ такомъ случаѣ можетъ имѣть воспитательную силу, если въ преподаваніи грамматики будетъ заключаться школа практической логики и если, при чтеніи литературныхъ произведеній, будетъ обращено вниманіе на ознакомленіе учащихся не только съ содержаніемъ этихъ произведеній, но позаботятся ввести ихъ въ пониманіе идеи изучаемаго произведенія. Съ другой стороны, принимая во вниманіе мнѣніе послѣдователей Раумера, изложенныя въ статьяхъ Флагсгара (въ Энциклопедіи Шмида), было сдѣлано возраженіе, что научное, строго отвлеченное (*streng gedankenmässige*) изложеніе учебнаго матеріала не соответствуетъ женской природѣ, что поэтому наука не должна имѣть мѣста въ женскомъ обученіи, что его успѣхи могутъ быть достигнуты только при помощи элементарнаго метода, тѣмъ болѣе, что большинство учителей и всѣ учительницы, какъ обучавшіеся въ семинаріяхъ, сами не получили научнаго образованія. Очевидно, разногласіе въ данномъ случаѣ произошло отъ смѣшенія научнаго (*wissenschaftliche*) и ученаго (*gelehrte*); образованія. Объ ученномъ образованіи, само собою разумѣется, не можетъ быть рѣчи; но болѣе обширный въ количественномъ отношеніи учебный матеріалъ естественно повлечетъ за собою иную форму связнаго его изложенія. Нельзя довольствоваться въ высшихъ училищахъ, при преподаваніи, на примѣръ, историческихъ наукъ, ни такъ называемыми біографическими очерками, ни концентрическимъ ихъ распространеніемъ; но слѣдуетъ дать связное представленіе о данномъ народѣ или эпохѣ, и это будетъ научное изложеніе. Конечно, ученицамъ не придется самимъ рыться въ источникахъ для составленія самостоятельнаго мнѣнія объ историческихъ фактахъ, — это дѣло ученыхъ школѣ.

По этому предмету конференціей постановлено слѣдующее рѣше-

ніе: „Преподаваніе предметовъ въ высшихъ женскихъ училищахъ, сравнительно съ средними, должно быть не только обширнѣе въ количественномъ отношеніи, но должно отличаться бѣльшею основательностью и бѣльше научнымъ способомъ изложенія“.

При обсужденіи вопроса объ отношеніи между воспитаніемъ и обученіемъ въ женскомъ училищѣ произошло существенное разногласіе между членами конференціи. Что обученіе должно имѣть воспитательный характеръ, съ этимъ всѣ были согласны; но одни полагали, что правильно веденное обученіе само по себѣ оказываетъ воспитательное вліяніе, что воспитательная сила заключается, съ одной стороны, въ предметахъ обученія, а съ другой—въ усиліи учащихся надѣ преодолѣніемъ трудностей усвоенія; другіе, на оборотъ, были того мнѣнія, что обученіе въ женскихъ училищахъ не должно имѣть того значенія, какое ему по праву принадлежитъ въ мужскихъ гимназіяхъ; учебный матеріалъ долженъ служить здѣсь только средствомъ для воспитательныхъ цѣлей, и преподаватели, въ этическомъ интересѣ, должны позаботиться дать ему особенную цѣлесообразную форму. Исходя изъ этой точки зрѣнія, нѣкоторые члены конференціи предложили дать преимущество учительницамъ въ женскихъ училищахъ и имъ же поручать управленіе этими училищами. Послѣ нѣсколькихъ довольно рѣзкихъ возраженій pro и contra, дальнѣйшее обсужденіе этого вопроса, какъ непредвидѣннаго программой конференціи, было приостановлено предсѣдателемъ, и конференція постановила слѣдующую резолюцію: „желательно, чтобы учебный персоналъ высшихъ женскихъ училищъ состоялъ изъ академически образованныхъ учителей и получившихъ семинарское образованіе учителей и учительницъ. При этомъ принято за правило, чтобы управленіе заведеніемъ и преподаваніе въ старшихъ классахъ закона Божія, этическихъ предметовъ и иностранныхъ языковъ, если послѣдніе не преподаются учительницами, поручались академически образованнымъ учителямъ, выдержавшимъ испытаніе für das höhere Lehramt. Управленіе училищемъ можетъ быть поручаемо учителямъ и не получившимъ академическаго образованія, но выдержавшимъ испытаніе pro gestogati. „Учительницы имѣютъ право на управленіе учебнымъ заведеніемъ и на преподаваніе въ немъ, если выдержать соответственное испытаніе“.

Въ связи съ вопросомъ объ отношеніи между воспитаніемъ и обученіемъ, предложенъ былъ на обсужденіе вопросъ объ индивидуализированіи въ надлежащей мѣрѣ ученицъ.

Съ точки зрѣнія воспитанія посредствомъ обученія естественно придано было особенное значеніе индивидуализированію, чтобы, по возможности, на каждую ученицу было обращено особенное вниманіе, потому что каждая отдѣльная ученица ставитъ училищу особенную задачу. Съ другой стороны, не только была оспариваема необходимость такой чрезвычайно трудной и едва ли удобоисполнимой педагогической мѣры, но видѣли въ этомъ даже опасность или заниматься мелочами (*sich in eine Spielerei zu verirren*) или же дать еще болѣе пищи и безъ того въ сильной степени присущему женской натурѣ субъективизму. При этомъ прибавлено, что благотворное вліяніе обученія на внутреннюю жизнь учащихся зависитъ отъ того, въ какой степени интересъ учителя сообщается учащимся. Одинъ изъ прежнихъ товарищей Дистервега замѣтилъ, что на его урокахъ всѣ ученики думали только о томъ, что онъ говоритъ. Дѣйствительно, интересъ, который сообщается учащимся, во время хорошаго класснаго обученія, можетъ пострадать, если будетъ обращено слишкомъ большое вниманіе на индивидуализированіе. Возраженія эти не повліяли на рѣшеніе конференціи, которая осталась при томъ мнѣніи, что „индивидуализированіе существенно необходимо въ дѣлѣ воспитанія и обученія дѣвушекъ“.

Нельзя не пожалѣть, что вопросъ этотъ остался недостаточно выясненнымъ конференціей. Не подлежитъ сомнѣнію, что всякое училище безъ воспитанія, а женское безъ индивидуализирующаго направленія воспитательной дѣятельности не могутъ выолплнить своей задачи; но въ то же время нельзя не согласиться, что придавать слишкомъ много значенія индивидуальности въ дѣлѣ школьнаго воспитанія и обученія значитъ почти признать несостоятельность класснаго воспитанія и обученія и необходимость прибѣгнуть къ раздѣленію ученицъ для воспитанія и обученія на кружки, состоящіе изъ пяти дѣвочекъ и имѣющіе каждый свою воспитательницу и отдѣльное помѣщеніе, какъ это заведено въ *Enisonstift* въ Порлингѣ съ 1811 года. Иначе индивидуализированіе и классъ для обыкновенныхъ педагоговъ-практиковъ представляются положеніями, взаимно уничтожающими другъ друга. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли можетъ училище, не упраздняя себя, отказаться отъ одинаковаго для всѣхъ учащихся соотвѣтственнаго классу выбора учебнаго матеріала, воспитательнаго вліянія, выражающагося, какъ въ преподаваніи, такъ и въ школьныхъ обычаяхъ и порядкахъ всендневной жизни и отъ одинаково обязательныхъ для всѣхъ учащихся дисциплинарныхъ пра-

вилъ. Но, съ другой стороны, было бы педагогическимъ абсурдомъ подводить во всѣхъ отношеніяхъ подъ одну мѣрку дѣтей съ самыми разнообразными наклонностями, привычками, дарованіями и вообще нравственными качествами, обусловливаемыми какъ социальнымъ положеніемъ ихъ родителей, такъ и образомъ ихъ мыслей, складомъ ихъ семейной среды, въ особенности качествами матери семейства, частныхъ отношеній и т. п. Не новость, что для одного ребенка достаточно слова, даже одного взгляда воспитателя, тогда какъ для вразумленія другаго оказываются недѣйствительными всѣ мѣры, имѣющіяся въ распоряженіи училищнаго начальства.

Какъ на якорь спасенія въ этомъ отношеніи, указываютъ обыкновенно на связь школы съ семьей; но прусскій министръ народнаго просвѣщенія Госслеръ справедливо сказалъ въ педагогическомъ собраніи 5-го октября 1886 года, что школа есть воспитательница и семейства и онъ не думаетъ, что семья подаетъ руку школѣ. Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что школа не должна безусловно рассчитывать ни на какое виѣшнее содѣйствіе, а въ самой себѣ искать средствъ для своей дѣятельности, и чтобы она не рассчитывала очень даже на самыхъ, по видимому, вѣрныхъ союзниковъ, имѣющихъ общій съ нею интересъ, то-есть, родителей.

По нашему мнѣнію, рассматривая индивидуализированіе только какъ средство возможнаго объединенія учащихся въ духѣ и направленіи школы въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, не только возможно, но и должно всѣми силами стремиться къ достиженію соединенія его съ класснымъ обученіемъ и воспитаніемъ, какъ самаго дѣйствительнаго средства для исполненія задачъ училища; но для этого требуются преподаватели, которые умѣли бы вести свое преподаваніе такъ, чтобы быть полезными для всѣхъ, не занимаясь никѣмъ въ особенности и не игнорируя никого. Но принимая во вниманіе дѣйствительность, поневолѣ приходится вспомнить слова Песталоцци, что „нельзя и думать объ успѣхѣ въ дѣлѣ образованія, пока не будутъ отысканы такія формы обученія, которыя сдѣлали бы его простымъ механическимъ орудіемъ метода, обязаннаго результатами единственно своимъ приѣмамъ, а не искусству учителя“. Начальныя школы не нуждаются въ индивидуализированіи: деревенскія дѣти всѣ болѣе или менѣе похожи другъ на друга; но въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно въ женскихъ дѣйствительно очень многія ученицы представляютъ собою каждая, отдѣльную задачу для училища. Во всякомъ случаѣ, по нашему

миѣнію, этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ относительно практическаго примѣненія, слѣдуетъ считать открытымъ.

Вслѣдствіе обширности матеріала, представляемаго протоколами Берлинской конференціи, мы привели здѣсь только нѣкоторыя извлеченія изъ нихъ, касающіяся учебно-воспитательной части въ высшихъ женскихъ училищахъ.

II. Учебныя заведенія для дальнѣйшаго образованія дѣвушекъ (Fortbildungs-Anstalten), по рѣшенію Берлинской конференціи, должны быть двухъ родовъ: одни имѣютъ цѣлю расширеніе и большую основательность (Vertiefung) образованія дѣвушекъ, другія — приготовленіе ихъ къ практической дѣятельности. Первыя имѣютъ въ виду преимущественно ученицъ высшихъ женскихъ училищъ, другія ученицъ среднихъ училищъ.

Необходимость учебныхъ заведеній для продолженія общаго образованія признана на томъ основаніи, что они, могутъ быть полезны въ учебномъ и нравственно-облагораживающемъ отношеніи. Училище, которое можетъ вести только классное обученіе, а потому не имѣющее возможности обращать должнаго вниманія на каждую ученицу ¹⁾, ведетъ цѣлый классъ къ указанной ему цѣли; но постоянно встрѣчаются ученицы, которыя отстаютъ отъ уровня класса, и чѣмъ болѣе вниманія будетъ обращено на такихъ ученицъ, тѣмъ менѣе будетъ въ состояніи училище дать должное образованіе ученицамъ, которыя обладаютъ болѣе богатыми дарованіями. Въ этомъ случаѣ могутъ оказать содѣйствіе дополнительные классы. Кромѣ того, въ каждомъ предметѣ есть очень много важныхъ статей, для усвоенія которыхъ пятнадцатилѣтняя дѣвушка еще недостаточно зрѣла, а для послѣдующихъ самостоятельныхъ занятій недостаточно подготовлена; поэтому учрежденіе классовъ для продолженія общаго образованія ученицъ высшихъ женскихъ училищъ призвано конференціей въ высшей степени желательнымъ. При томъ постановлено, чтобы въ учебномъ планѣ этихъ классовъ было отведено почетное мѣсто нравственнымъ предметамъ и чтобы въ такъ называемыхъ реаліяхъ обращено было особенное вниманіе на нравственныя стороны.

Открытіе этихъ классовъ конференція предоставила частной инициативѣ, а выборъ учебнаго матеріала и вообще ихъ организацію —

¹⁾ Здѣсь конференція какъ будто признаетъ неисполнимымъ свое постановленіе по вопросу объ индивидуализированіи.

иѣстнымъ педагогическимъ конференціямъ. На этомъ основаніи въ настоящее время при нѣкоторыхъ, правда, очень немногихъ высшихъ женскихъ училищахъ существуютъ Fortbildungsklassen, иначе называемые Selekt, въ которыхъ продолжаютъ образованіе ученицы, окончившія полный курсъ училища, но не желающія посвятить себя учительской дѣятельности.

Предметы обученія въ дополнительныхъ классахъ слѣдующіе: отечественная литература, исторія, исторія искусствъ, географія, французскій и англійскій языки и черченіе. Въ нѣкоторыхъ училищахъ прибавлены естественныя науки. Всѣхъ учебныхъ часовъ не болѣе 15 въ недѣлю; остальное время посвящается домашнему чтенію и письменнымъ упражненіямъ. Характеръ преподаванія, по моему мнѣнію, тотъ же, что и въ старшихъ классахъ высшаго женскаго училища. Въ большинствѣ высшихъ женскихъ училищъ, при которыхъ находятся учительскія семинаріи, дополнительные классы превращены въ младшее отдѣленіе (Unterklasse) семинаріи. Во всякомъ случаѣ, Fortbildungsklassen—очень полезныя учрежденія, тѣмъ болѣе что даютъ возможность молодымъ дѣвушкамъ продолжать школьныя занятія до 17-ти—18-ти-лѣтняго возраста.

Потребность въ профессиональныхъ училищахъ никѣмъ не оспаривалась въ конференціи, потому что снабдить молодую городскую дѣвушку познаніями, могущими впоследствии избавить ее если не отъ тяжелаго труда, то отъ нужды, всѣми признано дѣломъ перво-степенной важности не только въ социальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Училища эти должны имѣть надлежащую организацію; но предметы обученія должны быть необязательны, съ одной стороны потому, что многія дѣвушки, до поступленія въ училище, могли ознакомиться достаточно съ нѣкоторыми изъ этихъ предметовъ; съ другой стороны непродолжительность курса требуетъ, для надлежащаго успѣха, особеннаго сосредоточенія на какомъ-либо одномъ предметѣ. Предметы обученія слѣдующіе: 1) отечественный языкъ, 2) новыя языки; 3) черченіе и рисованіе (gewerbliches Zeichnen); 4) ариметика, бухгалтерія, коммерческіе предметы; 5) женскія рукодѣлья (шитье, вязаніе, кройка). Курсъ ученія однолѣтній. При выборѣ учителей и учительницъ, по рѣшенію конференціи, слѣдуетъ давать преимущество выдержавшимъ испытаніе на учительское званіе передъ техниками ¹⁾.

¹⁾ Въ настоящее время допущены въ Германіи слѣдующія профессиональныя женскія Fortbildungsanstalten: 1) училища для обученія обыкновеннымъ и худо-

III. Для приготовленія учительницъ конференція признала необходимымъ учрежденіе учительскихъ семинарій для начальныхъ учительницъ и для учительницъ среднихъ и высшихъ женскихъ училищъ, но, по экономическимъ соображеніямъ, допущена возможность совмѣстнаго обученія тѣхъ и другихъ въ одной и той же семинаріи съ условіемъ, чтобы для начальныхъ учительницъ были необязательны иностранные языки и, кромѣ того, свѣдѣнія въ отечественномъ языкѣ, литературѣ и исторіи сообщались имъ въ нѣсколько болѣе ограниченномъ объемѣ, чѣмъ кандидаткамъ на званіе учительницъ среднихъ и особенно высшихъ училищъ.

Учебный планъ для учительскихъ семинарій признанъ цѣлесообразнымъ тотъ же самый, который назначенъ для высшихъ женскихъ училищъ. Семинарія, по мнѣнію конференціи, не должна давать новыхъ свѣдѣній, но должна привести въ порядокъ, пополнить и провести въ сознаніе учащихся свѣдѣнія, приобретенныя въ высшемъ женскомъ училищѣ, и указать способы преподаванія курса училища. Диктовка уроковъ и записываніе со словъ учителя во время преподаванія строго запрещаются. Дозволяется ученицамъ имѣть по каждому предмету краткій учебникъ (Leitfaden). Нормальнымъ курсомъ учительскихъ семинарій признанъ трехлѣтній; но, по мѣстнымъ условіямъ, допущена возможность и двухлѣтнаго курса, подъ условіемъ одинаковыхъ требованій для тѣхъ и другихъ на испытаніяхъ. Для поступленія въ семинарію требуется выдержать приемное испытаніе въ объемѣ курса того учебного заведенія, въ которомъ кандидатки намѣрены быть учительницами. Окончившія курсъ высшаго женскаго училища и получившія удовлетворительное свидѣтельство отъ педагогическаго совѣта ученицы могутъ быть принимаемы въ семинарію безъ испытанія.

Занятія въ семинаріи раздѣляются на теоретическія и практическія; послѣднія начинаются въ 2-мъ полугодіи втораго курса, но преимущественно ведутся ученицами третьяго курса въ элементарныхъ и среднихъ классахъ высшаго женскаго училища. Для этого и по экономическимъ соображеніямъ семинарія отърываются преимущест-

---

жественнымъ ремесламъ, 2) коммерческимъ наукамъ и бухгалтеріи, 3) технической подготовкѣ для ухода за больными (въ этомъ отношеніи замѣчательныя заведенія, устроенныя Альбертъ-еерейномъ и Алиса-еерейномъ въ Дармштадтѣ), и наконецъ, 4) дѣвцы свободно могутъ заниматься въ академіяхъ художествъ и консерваторіяхъ.

венно при этих училищах, но не имѣютъ съ ними послѣдними органической связи, за исключеніемъ общаго директора и академически образованныхъ учителей.

Такъ какъ для руководства рекомендованъ порядокъ практическихъ занятій, принятый въ Берлинской королевской учительской семинаріи, то мы считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь.

Практическія упражненія воспитанницъ семинаріи въ преподаваніи во второмъ полугодіи средняго класса ведутся въ связи съ уроками методики и имѣютъ предметомъ обученіе чтенію, письму и началамъ ариметики. Съ этою цѣлью, по мѣрѣ надобности, присутствуютъ въ семинарскомъ классѣ нѣсколько ученицъ младшаго класса элементарнаго отдѣленія училища, чтобы учитель имѣлъ возможность на дѣлѣ показать сообщаемыя имъ теоретическія свѣдѣнія и здѣсь же видѣть, на сколько они усвоены семинаристами, которыя обязаны вслѣдъ за тѣмъ дома, по мѣрѣ возможности, письменно приготовить въ томъ же родѣ урокъ и въ назначенное время дать его въ младшемъ классѣ въ присутствіи учителя и семинаристокъ. Чтобы всѣ семинаристки готовились къ уроку, не объявляется заблаговременно, кто изъ нихъ долженъ преподавать въ назначенное время. По окончаніи урока, происходитъ бесѣда по поводу даннаго урока между семинаристами, подъ руководствомъ учителя. Изъ двухъ часовъ, назначенныхъ на практическія упражненія, одинъ посвящается наставленіямъ, необходимымъ при обученіи чтенію и письму и пробнымъ урокамъ по ариметикѣ. Упражненіямъ въ преподаваніи чтенія и письма предшествуетъ теоретическое ознакомленіе съ ученіемъ о звукахъ, ихъ видахъ и начертаніи, равно какъ знакомство съ употребляемымъ въ элементарномъ отдѣленіи училища букваремъ. При этомъ сначала производится упражненіе семинаристокъ съ семинаристами и послѣ каждого такого урока слѣдуетъ образцовый урокъ учителя о томъ же; потомъ слѣдуютъ упражненія семинаристокъ съ ученицами младшаго отдѣленія училища. Предметомъ дальнѣйшихъ упражненій въ низшихъ классахъ служитъ чтеніе, письмо, разказъ прочитаннаго, орфографія и первыя начала грамматики. Пробныя уроки по ариметикѣ въ элементарныхъ классахъ училища находятся въ такой связи съ преподаваніемъ этого предмета въ семинарскомъ классѣ, что здѣсь семинаристки получаютъ необходимыя теоретическія свѣдѣнія. Другой часъ, назначенный для практическихъ упражненій въ преподаваніи, примыкаетъ къ урокамъ специальной методики. Предметомъ упражненій служитъ обученіе Закону Божію, а изъ отечественнаго языка нагляд-

ному обученію, разказу, переложенію, орфографіи и грамматикѣ въ элементарныхъ и среднихъ классахъ.

Такимъ образомъ подготовленные ученицы приступаютъ на 4-мъ и 5-мъ семестрахъ къ правильнымъ занятіямъ въ четырехъ младшихъ классахъ училища. Для этого назначено 5 часовъ въ недѣлю. Большая часть уроковъ въ этихъ классахъ по отечественному языку, чистописанію, арифметикѣ и французскому языку находится въ рукахъ семинаристокъ. Крімъ того, онѣ помогаютъ при урокахъ гимнастики въ среднихъ классахъ и при обученіи руководѣльямъ во всѣхъ классахъ училища.

Для упражненія семинаристокъ въ преподаваніи, каждый изъ четырехъ младшихъ классовъ раздѣляется на два отдѣленія и всѣ 8 отдѣленій помѣщаются въ особыхъ комнатахъ. Въ каждое отдѣленіе назначается по двѣ семинаристки, изъ которыхъ одна преподаетъ, а другая только слушаетъ, а въ случаяхъ отсутствія первой, заступаетъ ея мѣсто. По окончаніи четверти года, слушающія и преподающія мѣняются ролями. На пятомъ семестрѣ всѣ семинаристки получаютъ каждая новое отдѣленіе, новый предметъ и новую слушательницу, которая заступаетъ ея мѣсто по окончаніи четверти года. Такимъ образомъ каждая семинаристка, въ теченіе учебнаго курса имѣетъ возможность практиковаться въ двухъ классахъ въ преподаваніи трехъ и даже четырехъ предметовъ. Занимаясь приблизительно около 30 недѣль въ году, семинаристки приобретаютъ нѣкоторый навыкъ въ преподаваніи.

Для облегченія преподаванія, семинаристкамъ даются учебные планы, снабженные самыми обстоятельными указаніями какъ относительно общаго хода преподаванія cadaго предмета, такъ и относительно частныхъ касательно распредѣленія учебнаго матеріала и способа его преподаванія. Учебный матеріалъ распредѣленъ не только по недѣлямъ, но и по урокамъ. Каждая семинаристка должна имѣть постоянно въ рукахъ относящійся къ ея уроку отдѣлъ учебныхъ плановъ, при чемъ руководство и наблюденіе за преподаваніемъ семинаристокъ возложено на нѣсколькихъ самыхъ опытныхъ въ своемъ дѣлѣ преподавателей и преподавательницъ, которые какъ можно чаще обязаны присутствовать на урокахъ руководимыхъ ими семинаристокъ, просматриваютъ приготовленные ими письменные уроки, возможно часто, по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, бесѣдуютъ съ ними по поводу уроковъ и исправленій письменныхъ упражненій и вообще способа преподаванія даннаго предмета.

Въ концѣ каждой четверти, при смѣнѣ семинаристокъ, директоръ училища, въ присутствіи учителей-руководителей, производитъ краткіе экзамены, на которыхъ семинаристки отвѣчаютъ на предложенные имъ вопросы изъ ихъ школьныхъ занятій по учебной и воспитательной части, при чемъ онѣ показываютъ ему письменныя работы дѣтей. Независимо отъ этого, семинаристкамъ дается возможность, для ознакомленія съ ходомъ преподаванія въ старшихъ классахъ училища, присутствовать на урокахъ и въ этихъ классахъ.

На шестомъ семестрѣ семинаристки не ведутъ правильныхъ занятій въ училищѣ, потому что въ это полугодіе онѣ главнымъ образомъ приготавливаются къ выпускному экзамену. Но все така имъ назначены 2 часа въ недѣлю для бѣльшаго навыка въ практическомъ преподаваніи не только въ младшихъ, но въ среднихъ и даже въ старшихъ классахъ училища.

Образцовые уроки учителей и пробныя уроки семинаристокъ въ этомъ полугодіи имѣютъ цѣлю ознакомить послѣднихъ съ ходомъ обученія въ училищѣ во всемъ его объемѣ и разнообразіи, при чемъ при изложеніи учебнаго матеріала на урокахъ, онѣ пользуются извѣстною свободой относительно даннаго имъ учебнаго плана.

Задачи и письменная подготовка семинаристокъ къ пробнымъ урокамъ должны быть въ томъ родѣ, какъ это требуется при испытаніяхъ въ практическомъ преподаваніи. Равнымъ образомъ обращается вниманіе на то, чтобы семинаристки, кромѣ употребляемаго въ училищѣ букваря, ознакомились еще съ чисто синтетическимъ букваремъ и теоретически усвоили главныя правила обученія чтенію и письму. Къ концу семестра практическія упражненія прекращаются, и назначенныя на нихъ часы посвящаются на повтореніе необходимаго для испытанія.

IV. Испытанія на званіе учительницъ раздѣляются на теоретическія (письменныя и устныя) и практическія.

Письменному испытанію по нѣмецкому языку подвергаются всѣ кандидатки, а по французскому и англійскому языкамъ только ищущія званія учительницъ въ среднихъ и высшихъ женскихъ училищахъ. На письменномъ испытаніи по отечественному языку кандидатки въ теченіе семи часовъ должны приготовить сочиненіе на заданную тему. По иностраннымъ языкамъ переводъ съ отечественнаго на иностранный языкъ при помощи лексикона.

.. На устномъ испытаніи кандидатки должны обнаружить слѣдующія познанія:

1) Въ законѣ Божіемъ: знаніе Св. Писанія, священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта и ознакомленіе съ главными фактами церковной исторіи. Кандидатка должна умѣть свободно излагать событія изъ Священной исторіи примѣнительно къ библейскому способу изложенія и объяснять ихъ религіозное и нравственное содержаніе. Она должна знать катехизисъ своей церкви, умѣть объяснять слова и выраженія при помощи библейскихъ текстовъ, разказовъ, церковныхъ пѣснопѣній и стиховъ и нѣсколько (20) такихъ пѣснопѣній знать наизусть.

2) Въ отечественномъ языкѣ: правильность и изящество въ связномъ устномъ и письменномъ изложеніи; знакомство съ исторіей литературы и съ дѣтскою литературой, болѣе обстоятельное знаніе главныхъ произведеній поэзіи, различныхъ формъ рѣчи, родовъ и видовъ поэзіи и стихосложенія; знакомство съ способами обученія чтенію и съ важнѣйшими правилами методики обученія отечественному языку.

3) Въ иностранныхъ языкахъ: правильное произношеніе; знаніе грамматики и безошибочное примѣненіе ея; умѣнье безъ приготовленія переводить изучаемыхъ въ высшемъ женскомъ училищѣ авторовъ и правильно излагать устно и письменно на этихъ языкахъ. Общія свѣдѣнія изъ исторіи литературы.

4) Въ исторіи: знаніе всеобщей, но болѣе основательное знаніе отечественной исторіи, нѣкоторыя свѣдѣнія о методѣ преподаванія этого предмета.

5) Общія свѣдѣнія изъ математической и политической географіи всѣхъ частей свѣта; болѣе основательное знаніе географіи Европы; знакомство съ наиболѣе употребляемыми учебными пособиями: атласами, глобусами, теллуріями и т. п. и умѣнье примѣнять ихъ при обученіи.

6) Въ ариметикѣ: бѣглость въ письменномъ и устномъ счисленіи съ цѣлыми числами, простыми десятичными дробями, знаніе *der Bürgerlichen Rechnungsarten* и свѣдѣнія изъ геометріи, знаніе метода преподаванія и умѣнье примѣнять его на практикѣ.

7) Въ естественной исторіи: знаніе всѣхъ трехъ царствъ природы. Изъ ботаники знакомство съ главными типами и семействами, съ культурными и ядовитыми растеніями, особенно съ отечественными. Изъ минералогіи нѣкоторыя познанія относительно образованія и строенія земного шара. Кромѣ того, кандидатка должна знать нѣсколько учебныхъ пособій, употребляемыхъ при преподаваніи.

8) Общее знакомство съ физикой и съ элементами химіи, пріобрѣтенное посредствомъ опытовъ.

9) Въ педагогикѣ: исторія педагогикки; знакомство съ содержаніемъ наиболѣе важныхъ педагогическихъ сочиненій и біографіями тѣхъ личностей, которыя имѣли наибольшее вліяніе на прогрессъ учебно-воспитательнаго дѣла въ послѣдніе три вѣка. Главнѣйшія основанія педагогикки и дидактики и основныя положенія психологіи ¹⁾).

Къ испытанію на званіе содержательницы женскаго училища (Schulvorsteherin) допускаются учительницы, выдержавшія испытаніе на званіе учительницъ высшихъ женскихъ училищъ и по крайней мѣрѣ пять лѣтъ занимавшіяся преподаваніемъ въ этихъ училищахъ. Предварительно кандидатка должна представить составленное ею въ теченіе восьми недѣль сочиненіе на тему изъ педагогикки или дидактики или заимствованную изъ школьной практикки, при чемъ должна представить удостовѣреніе въ томъ, что пользовалась только указанными ею въ сочиненіи пособіями. На устномъ испытаніи она должна обнаружить познанія въ исторіи воспитанія, дидактикѣ и педагогикѣ въ связи съ психологіей, преимущественно въ спеціальной методикѣ, школьной практикѣ; знакомство съ учебными пособіями, сочиненіями для народнаго и дѣтскаго чтенія. Если же аттестатъ, полученный экзаменующею послѣ перваго испытанія на званіе учительницы, свидѣтельствуетъ о пробѣлахъ въ положительныхъ свѣдѣніяхъ изъ другихъ предметовъ, то она должна подвергнуться испытанію изъ этихъ предметовъ.

Вообще испытаніе кандидатокъ на званіе Schulvorsteherin изъ одного или нѣкоторыхъ предметовъ курса учительскихъ семинарій предоставляется испытательной комиссіи, состоящей, подъ предсѣдательствомъ комиссара провинціальной школьной коллегіи, изъ трехъ или пяти членовъ, избираемыхъ оберъ-президентомъ провинціи, преимущественно изъ шульратовъ, директоровъ, учителей и учительницъ высшихъ женскихъ училищъ, не занимающихся частными уроками.

¹⁾ Вѣроятно, здѣсь имѣлись въ виду городскія учительскія семинаріи, которыя могутъ быть и двухклассныя, и въ которыхъ допускается совмѣстное обученіе кандидатокъ на званіе учительницъ высшихъ женскихъ училищъ съ кандидатками на званіе начальницъ учительницъ, потому что учебный планъ Берлинской королевской женской семинаріи предъявляетъ гораздо большія и болѣе отдѣльныя требованія по всемъ предметамъ курса.

Постановленія Берлинской конференціи по предмету испытаній на званіе учительницъ и управляющихъ училищами (Schulvorsteherin) почти безъ измѣненій вошли въ Prüfungs-Ordnung für Lehrerinnen und Schulvorsteherinnen, изданный прусскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 24-го апрѣля 1873 года и, по конвенціи съ Пруссіей, принятый почти всѣми нѣмецкими государствами, какъ minimum свѣдѣній, требуемыхъ на испытаніяхъ. Такимъ образомъ на Берлинской конференціи установлены слѣдующіе виды женскихъ учебныхъ заведеній:

1) Высшее женское училище (höhere Mädchenschule), соответствующее нашимъ женскимъ гимназіямъ, и какъ завершеніе его классы для продолженія общаго образованія, называемые Fortbildungsklassen или Selekt.

2) Среднее училище (Mittelschule).

3) Промышленное или ремесленное училище (gewerbliche Fortbildungsschule).

4) Учительскія семинаріи для приготовленія учительницъ начальныхъ, среднихъ и высшихъ женскихъ училищъ.

Для всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній Берлинская конференція сдѣлала общія указанія относительно задачъ и цѣлей какъ вообще всего хода учебно-воспитательнаго дѣла, такъ и cadaго предмета преподаванія. Указанія эти сходны съ резолюціями веймарскаго педагогическаго собранія. Разработка подробностей по всѣмъ частямъ учебно-воспитательнаго дѣла предоставлена послѣдующимъ педагогическимъ собраніямъ, на которыя возложено также рѣшеніе вопросовъ, оставленныхъ конференціей открытыми.

При этомъ конференціею обращено вниманіе, чтобы какъ педагогическіе совѣты училищъ, такъ обще-германскія и провинціальныя педагогическія общества (Vereine) всегда имѣли въ виду не столько желательное, сколько достижимое; потому что слишкомъ высокія требованія могутъ дать основательный поводъ къ подозрѣнію въ поверхностности (nicht das Wünschenswerthe, sondern das Erreichbare muss bei der Festsetzung der Unterrichtsziele die Norm sein. Zu hoch gestellte Ziele erwecken den Verdacht der Oberflächlichkeit) ¹⁾.

Постановленія Берлинской конференціи сообщены были прусскимъ

¹⁾ Protocolle über die im August 1873 im Königl. Preussischen Unterrichtsministerium gepflogenen das mittlere und höhere Mädchenschulwesen betreffenden Verhandlungen. Berlin. 1873.

министерствомъ народнаго просвѣщенія для свѣдѣнія всѣмъ въмецкимъ правительствомъ и для руководства, но не для исполненія, всѣмъ городскимъ управленіямъ и завѣдывающимъ частными женскими училищами въ Пруссіи.

Вскорѣ послѣ этого состоявшееся второе обще-германское педагогическое собраніе въ Ганноверѣ 28-го—29-го сентября 1873 года, по выслушаніи постановленій берлинской конференціи, опредѣлило поручить провинціальнымъ педагогическимъ собраніямъ составленіе: а) подробныхъ учебныхъ плановъ для высшихъ женскихъ училищъ, на основаніи берлинскихъ постановленій, при чемъ руководствомъ могутъ служить прекрасно составленные учебные планы берлинской королевской *Augusta-schule* и эльберфельдскаго городского высшаго женскаго училища; б) примѣрной организаціи классовъ для продолженія общаго образованія и самостоятельныхъ учебныхъ заведеній профессиональнаго характера (*gewerbliche Fortbildungsschulen*).

На этомъ же собраніи составленъ статутъ главнаго педагогическаго общества ¹⁾.

М. Стефановичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ *Zweite Hauptversammlung von Dirigenten und Lehrenden an höheren Mädchenschulen Deutschlands, Zeitschrift für weibliche Bildung 1873. 483.*

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ВЪ 1885 ГОДУ.

Императорская Публичная Библиотека въ 1885 году понесла утрату въ лицѣ своего почетнаго члена Е. Е. Беркгольца; онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ завѣдывалъ въ Библиотеку отдѣленіемъ иноязычныхъ писателей о Россіи, своими трудами много содѣйствовалъ къ ея пополненію и приведенію въ порядокъ и по выходѣ въ отставку продолжалъ съ живымъ интересомъ слѣдить за ея обогащеніемъ.

Въ теченіе 1885 года Библиотека продолжала обогащаться какъ произведеніями печати, такъ и рукописями. Въ видѣ цѣлыхъ коллекцій въ нее поступили:

1) Бумаги извѣстнаго военнаго историка, генералъ-лейтенанта А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Самую большую и интересную часть въ этомъ собраніи составляютъ журналы или записки Михайловскаго-Данилевскаго. Какъ извѣстно, авторъ ихъ былъ во время Отечественной войны 1812 года и заграничнаго похода 1813 года довѣреннымъ адъютантомъ князя Кутузова-Смоленскаго; по кончинѣ фельдмаршала, въ теченіе похода 1813—1814 гг., состоялъ при начальникѣ главнаго штаба, князѣ П. М. Волконскомъ, а позже былъ въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ императора Александра I на Вѣнскій и Ахенскій конгрессы; черезъ руки Михайловскаго-Данилевскаго проходили многія важныя донесенія и бумаги; онъ удостоивался исполнять за это время личныя порученія императора Александра, который впоследствии назначилъ его своимъ флигель-адъютантомъ; наконецъ, во время Турецкой компаніи 1829 года Михайловская часть сслих, отд. 4.

скій-Данилевскій исправлялъ нѣкоторое время должность дежурнаго генерала второй арміи, что поставило его въ близкія отношенія къ графу Дибичу. Отсюда становится понятнымъ, что журналы, веденыя покойнымъ военнымъ историкомъ, имѣютъ извѣстное историческое значеніе. Купленные Библиотекою журналы, въ числѣ 28 томовъ, обнимаютъ пространство времени съ 1809 по 1826 годъ (включительно), затѣмъ годъ 1829 и начало 1830. За нѣкоторые годы журналы сохранились въ ихъ первоначальномъ, черновомъ видѣ; но впоследствии авторъ обработывалъ ихъ иногда по нѣскольку разъ и давалъ имъ болѣе литературную форму и болѣе связное изложеніе. Часть такихъ обработанныхъ журналовъ писана собственноручно Михайловскимъ-Данилевскимъ, а именно: 1) Путешествіе по Италіи въ 1809 году; 2) Журналъ 1826 года и 3) Журналъ 1829 года. Всѣ остальные журналы весьма тщательно переписаны писцомъ и содержатъ въ себѣ лишь немного собственно-ручныхъ поправокъ, измѣненій и дополненій автора. Кромѣ Путешествія по Италіи въ 1809 году, въ этомъ отдѣлѣ заключаются журналы за 1811—1825 годы. Кромѣ того, въ составъ настоящаго собранія входятъ: а) Журналъ военныхъ дѣйствій союзныхъ армій съ 1-го сентября 1813 по 22-е генваря 1814 года, б) Біографія князя Кутузова-Смоленскаго и в) часть переписки разныхъ лицъ съ Михайловскимъ-Данилевскимъ за 1814, 1818 и 1829—1833 годы (болѣе 500 писемъ).

2) Бумаги по вопросу объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, оставшіяся послѣ сенатора Бориса Николаевича Хвостова и переданныя въ Библиотеку по волѣ покойнаго, его наслѣдниками. Во время освобожденія крестьянъ В. Н. Хвостовъ находился, въ качествѣ завѣдывающаго дѣлами, при предсѣдателѣ редакціонныхъ комиссій для составленія положеній о крестьянахъ, графѣ В. Н. Панинѣ. Собраніе это, состоящее изъ восьми большихъ томовъ, содержитъ въ себѣ весьма богатые матеріалы для исторіи крестьянскаго вопроса.

3) Собраніе писемъ и музыкальныхъ автографовъ М. И. Глинки, принесенное Библиотекѣ въ даръ В. П. Энгельгардтомъ въ дополненіе къ другой такой же коллекціи, пожертвованной имъ Библиотекѣ еще въ 1867 году.

4) Собраніе писемъ разныхъ лицъ къ генералу-отъ-инфантеріи М. М. Философову, бывшему при императорѣ Павлѣ Смоленскимъ военнымъ губернаторомъ, а при императорѣ Александрѣ I, съ 1808

года, членомъ государственнаго совѣта. Собраніе это, принесенное въ даръ Библиотекѣ статскимъ совѣтникомъ И. И. Василевымъ, состоитъ изъ 63 писемъ, относящихся къ 1795—1811 гг. и принадлежащихъ 31 лицу.

5) Продолженіе приносимой въ даръ Библиотекѣ почетнымъ членомъ ея И. Е. Бецкимъ богатой литературно-художественной коллекціи, которой жертвователъ далъ названіе „Флорентинской Елки“. Въ теченіе 1885 года поступило вновь 50 томовъ этого собранія, которое значительно обогащаетъ Библиотеку, какъ новыми произведеніями италіанской ученой литературы, такъ и изображеніями и снимками съ различныхъ художественныхъ произведеній, которыми столь богата Италія.

6) Спеціальный отдѣлъ сочиненій о Святой землѣ, образованный, при историческомъ отдѣленіи Библиотеки, продолжалъ въ 1885 году пополняться, какъ недостававшими въ немъ старинными сочиненіями, такъ и всѣми значительными явленіями европейской литературы по этому предмету.

7) Особый отдѣлъ „Noctiana“, входящій въ составъ филологическаго отдѣленія Библиотеки, умножился въ 1885 году болѣе чѣмъ сотнею различныхъ, до сихъ поръ не имѣвшихся въ этой любопытной коллекціи, изданій сочиненій Горація, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводахъ на различные языки. Всѣхъ переводовъ, находящихся въ отдѣлѣ „Noctiana“, имѣлось къ концу 1885 года 342, въ томъ числѣ 118 на нѣмецкій языкъ, 92 на французскій, 40 на италіанскій, 36 на англійскій, 17 на польскій, 11 на голландскій, 11 на испанскій и португальскій, 8 на шведскій и датскій, 4 на мадьярскій, 3 на чешскій и 2 на греческій.

8) Правительство Сѣверо-Американскихъ штатовъ принесло въ даръ собраніе своихъ официальныхъ изданій, состоящее изъ отчетовъ, докладовъ и протоколовъ о дѣятельности конгресса, сената и палаты депутатовъ въ 1884 году; коллекція эта содержитъ въ себѣ 66 томовъ.

8) Продолженіе приносимой въ даръ англійскимъ правительствомъ коллекціи патентовъ и привилегій на техническія изобрѣтенія, выдаваемыхъ въ Лондонѣ, въ количествѣ 298 томовъ.

10) Продолженіе присылаемой германскимъ правительствомъ въ даръ Библиотекѣ коллекціи выдаваемыхъ имъ патентовъ и привилегій на разные изобрѣтенія, въ количествѣ 3,836 томовъ.

11) Отъ международныхъ комиссій по обмѣну изданій амери-

канской, бельгійской, италянкой и французской продолжали поступать сочиненія самаго разнообразнаго содержанія.

Отдѣльныя приобрѣтенія Библіотеки относятся къ отдѣленіямъ печатныхъ книгъ и къ отдѣленію рукописей.

По закону Библіотека продолжала получать всѣ выходящія въ имперіи книги, брошюры, повременныя изданія, ноты, географическія карты, гравюры и пр. изъ тѣхъ же источниковъ, изъ какихъ она получала ихъ въ предшествовавшіе годы, то-есть, изъ цензурныхъ комитетовъ, отъ разныхъ лицъ и вѣдомствъ, которымъ поручена цензура изданій, или которымъ предоставлено право печатать ихъ подъ своею отвѣтственностью, и наконецъ, отъ цензурнаго вѣдомства великаго княжества Финляндскаго.

Изъ числа приношеній со стороны разныхъ учреждений и частныхъ лицъ значительнѣйшія по числу томовъ были: отъ правительствующаго сената (276 тт.), отъ А. Н. Неустроева (194 тт.), отъ В. И. Саятова (191 тт.), отъ американской комиссіи по обмѣну изданій (189 тт.), отъ почетнаго члена Библіотеки И. Д. Деянова (119 тт.), отъ Фрейбургскаго университета 112 тт.), отъ италянкой комиссіи по обмѣну изданій (84 тт.), отъ Іенскаго университета (80 тт.) и отъ французской комиссіи по обмѣну изданій (75 тт.).

Его Императорское Величество благоволилъ передать въ Библіотеку роскошное изданіе: *Il Tesoro di san Marco in Venezia illustrato da Antonio Pasini canonico della Marciana. Venezia. MDCCCLXXXV. f°.* Великолѣпно переплетенный экземпляръ, съ особымъ нарочно для него отпечатаннымъ посвященіемъ Государю Императору отъ издателя Фердинанда Онганія. Экземпляръ этотъ выставленъ въ витринѣ, гдѣ собраны образцы различныхъ переплетовъ.

Въ числѣ печатныхъ книгъ, принесенныхъ въ даръ Библіотекѣ частными лицами, а равно въ числѣ изданій, приобретенныхъ покупкой, также находится не мало замѣчательныхъ по рѣдкости, по важности содержанія или по цѣнности.

Рукописное отдѣленіе Библіотеки также обогатилось значительными отдѣльными приобрѣтеніями.

По Высочайшему повелѣнію переданы въ Библіотеку три пергаменные грузинскія рукописи, которыя были поднесены Его Императорскому Величеству. Рукописи эти слѣдующія: а) Евангеліе и Апостолъ, расположенные въ порядкѣ церковныхъ чтеній и писанные не ранѣе XIII вѣка, въ 4-ку; б) Четвероевангеліе въ листъ, писанное, вѣроятно, въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка, и в) Че-

твероеваженіе, писанное въ 16-ю долю листа, въ XVI или XVII вѣкѣ. Вторая и третья рукописи украшены нѣсколькими миниатюрами.

Изъ министерства народнаго просвѣщенія передапы въ Библиотеку доставленныя въ это министерство изъ г. Ялты Г. Н. Виноградовымъ: а) четырнадцать собственноручныхъ писемъ и записокъ Кіевскаго митрополита Филарета (Амфитеатрова) къ Калужскому епископу Николаю (Соколову) 1837—1851 гг., и б) черновой (собственноручный) отпущекъ письма епископа Калужскаго Николая къ митрополиту Кіевскому Филарету, отъ 28-го мая 1849 года.

Въ числѣ отдѣльныхъ рукописей, приписанныхъ въ даръ Библиотекѣ или купленныхъ ею, наиболѣе замѣчательны: листокъ изъ древняго (XII в.) Синайскаго требника, писаннаго глаголицей; Евангеліе недѣльное, писанное въ XIV в., въ листъ; Четвероевангеліе того же вѣка и также на пергаментѣ; свитокъ съ краткими русскими лѣтописными замѣтками о событіяхъ XIII—XVII вѣковъ; нѣсколько рукописей, содержащихъ въ себѣ раскольничьи сочиненія; синодики Николаевскаго Коряженскаго монастыря и Сольвычегодской Успенской церкви; сборники указовъ и документовъ, относящихся до Пугачевского бунта; повѣсть о городѣ Елабугѣ; „Разныя стиходѣйствія“, сборникъ сатирическихъ и другихъ стихотвореній XVIII в.; риторика XVII в.; „Современникъ или записки для потомства“, рукопись извѣстнаго мемуариста А. Т. Болотова, 1795 г.; „Книга разнымъ образцамъ матеріалъ, имѣющимся при камеръ-цалмейстерской должности въ валовой казенной“, съ образчиками парчевыхъ, штофныхъ и шелковыхъ матерія, конца XVIII в.; автографы гр. А. А. Безбородка, В. П. Васильева, М. И. Драгомирова, Ф. М. Достоевскаго, К. Д. Кавелина, Е. Б. Кульманъ, М. П. Мусоргскаго, И. Г. Наумовича, А. С. Пушкина, Н. А. Римскаго-Корсакова, И. С. Тургенева и многихъ другихъ лицъ. Автографъ А. С. Пушкина, тщательно имъ писанный, съ незначительными измѣненіями и позднѣйшими поправками его же руки, содержитъ въ себѣ четвертую и пятую главы „Евгенія Онегина“ въ видѣ переплетенной тетради въ 8-ку; въ началѣ рукописи помѣщенъ гравированный П. И. Уткинымъ портретъ Пушкина и еще вплетены 2 листа; на одномъ изъ нихъ рукою П. А. Плетнева написано извѣстное посвященіе ему Пушкина при IV-й и V-й главахъ „Евгенія Онегина“ (Не мысли гордый свѣтъ забавить), а на другомъ—слѣдующее собственноручное стихотвореніе Плетнева, изъ котораго видно, что настоящая рукопись „Евгенія Онегина“ принадлежала Плетневу и была имъ кому-то подарена.

Я чувствую, неравнодушно
 Завѣтный даръ мой примешь ты:
 Здѣсь, вдохновенію послушной,
 Бросая жаркія черты,
 Передъ богинею воздушной
 Поэтъ осуществлялъ мечты.
 И ты святнѣй вдохновенья
 Причастна огненной душой:
 Пусть долго, долго предъ тобой
 Живны носятся видѣнья,
 И время хладною рукой
 Не умертвить воображенья!

II.

1-го севр. 1829.

С.-Пб.

Вообще въ теченіе 1885 года въ Библиотеку поступило:

а) печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листовъ 22,602 сочиненія въ 25,913 томахъ; въ томъ числѣ:

отъ Государя Императора.	1 соч. въ	1 т.
по закону цензурнымъ вѣдомствомъ доставлено, въ двухъ экземплярахъ	11,945 " "	13,009 "
по распоряженіямъ разныхъ учреждений	1,265 " "	1,512 "
частныхъ приношеній отъ 210 лицъ и учреждений въ Россіи и за границей	6,105 " "	6,835 "
куплено самою Библиотечкой	3,286 " "	4,556 "
б) рукописей и автографовъ	883; въ томъ числѣ:	
по Высочайшему повелѣнію		3
частныхъ приношеній		286
куплено самою Библиотечкой		597
в) эстамповъ и фотографій (въ томъ числѣ частныхъ приношеній 7)		1,171
г) картъ и плановъ (въ томъ числѣ частныхъ приношеній 2).		234
д) нотъ (въ томъ числѣ частное приношеніе 1)		665

Въ 1885 году находящееся въ Библиотекѣ собраніе портретовъ, писанныхъ масляными красками, обогатилось двумя цѣнными приобрѣтеніями. Дѣйствительный тайный совѣтникъ А. А. Половцовъ, имѣя въ виду, что въ Библиотеку поступило значительное количество книгъ и рукописей, оставшихся послѣ смерти графа П. К. Сухтелена, скончавшагося въ Стокгольмѣ 1-го января 1886 года, принесъ въ даръ нашему книгохранилищу поясной портретъ этого почтеннаго

собирателя, писанный въ 1820 году извѣстнымъ англійскимъ живописцемъ Дж. Дау. Самою Библиотекой приобрѣтенъ портретъ извѣстнаго писателя, долго въ ней служившаго библиотечаремъ, Н. И. Гнѣдича, приписываемый кисти О. А. Кипренскаго. Оба эти портрета помѣщены въ залѣ императора Александра I.

Размѣщеніе и каталогизація вновь поступившихъ въ Библиотеку рукописей, книгъ, эстамповъ, нотъ и пр. производились въ теченіе 1885 года безостановочно по установленному порядку.

Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ были продолжаемы каталогизація и размѣщеніе книгъ, уже находившихся въ Библиотекѣ, но еще не вполне описанныхъ. Такъ, въ богословскомъ отдѣленіи каталогизовано до 2000 сочиненій; въ отдѣленіи иностранной словесности были вписаны въ каталогъ преимущественно старія сочиненія на французскомъ языкѣ, а также на латинскомъ, написанныя въ XVI—XVII вѣкахъ, и кромѣ того, былъ продолжаемъ разборъ мелкихъ брошюръ и отдѣльныхъ листовъ на разныхъ языкахъ, при чемъ изъ нѣсколькихъ тысячъ такихъ брошюръ и листовъ выдѣлены тѣ, которые не относятся къ изящной словесности; они переданы въ соответствующія отдѣленія, а брошюры и отдѣльные листы, содержащія въ себѣ произведенія изящной словесности, распределены по языкамъ; въ отдѣленіи филологіи значительное увеличеніе коллекціи „Ногатіана“, сосредоточило работы библиотечаря именно на этомъ собраніи. Библиотечаремъ А. Я. Гаркави, по примѣру прежнихъ лѣтъ, былъ продолжаемъ разборъ еврейскихъ рукописей втораго собранія Фарковича, при чемъ рассмотрѣны многія связки небольшихъ отрывковъ и отдѣльныхъ листовъ изъ еврейско-арабскихъ рукописей. При этомъ разборѣ найдены отрывки изъ разныхъ еврейско-арабскихъ сочиненій древнѣйшаго времени, которыя были либо совсѣмъ неизвѣстны, либо же считались потерянными и извѣстны были лишь по названію.

Пользованіе Библиотекой въ 1885 году представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Выдано билетовъ для занятій въ Библиотекѣ 11,953 (въ 1884 г. 12,329), въ томъ числѣ особамъ женскаго пола 1,843 (въ 1884 г. 2,047). Читателей было въ общей читальной залѣ 107,289 (въ 1884 г. 113,562).

Вытребовано книгъ изъ отдѣленій: старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ 129 томовъ (въ 1884 г. 98 томовъ); на русскомъ языкѣ 37,048 томовъ (въ 1884 г. 31,794 тома) и на

иностранныхъ языкахъ 12,344 тома (въ 1884 г. 13,883 тома), изъ библіотеки при читальной залѣ 151,466 томовъ (въ 1884 г. 159,008 томовъ), въ томъ числѣ на русскомъ языкѣ 137,467 томовъ (въ 1884 г. 142,812 томовъ) и на иностранныхъ языкахъ 13,999 томовъ (въ 1884 г. 16,196 томовъ).

Общее число взятыхъ посѣтителами для чтенія книгъ, какъ выданныхъ изъ отдѣленій, такъ и находящихся въ библіотекѣ при читальной залѣ, было 270,947 томовъ (въ 1884 г. 268,573 тома), временныхъ изданій 92,147 нумеровъ (въ 1884 г. 46,476 нумеровъ) а всего 363,084 тома и номера (въ 1884 году 315,049 томовъ и нумеровъ).

Въ теченіе 1885 года было отказано въ отдѣленіяхъ по 11,593 требованіямъ (въ 1884 г. по 11,576 требованіямъ), въ томъ числѣ: въ отдѣленіи старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ и книгъ на славянскихъ языкахъ, печатанныхъ кириллицей и гражданскимъ шрифтомъ по 66 требованіямъ (въ 1884 г. по 36 требованіямъ), въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 7,219 требованіямъ (въ 1884 г. по 7,153 требованіямъ), въ иностранныхъ отдѣленіяхъ по 4,308 требованіямъ (въ 1884 г. по 4,405 требованіямъ), изъ библіотеки при читальной залѣ по 21,193 требованію (въ 1884 году по 11,145 требованіямъ); въ томъ числѣ по 16,638 требованіямъ временныхъ изданій (въ 1884 г. по 5,570 требованіямъ) и изъ нихъ по 14,637 требованіямъ русскихъ (въ 1884 г. по 4,434 требованіямъ) и по 2,001 требованію иностранныхъ (въ 1884 г. по 1,136 требованіямъ) періодическихъ изданій.

Изъ отдѣленій было отказано: за непмѣлемъ сочиненій въ Библіотекѣ и за неполученіемъ книгъ въ моментъ ихъ требованія изъ цензурныхъ установленій по 3,971 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 1,368 требованіямъ (въ 1884 г. по 3,913 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 1.119 требованіямъ); по случаю требованія одной и той же книги по 1,102 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 892 требованіямъ (въ 1884 г. по 930 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 714 требованіямъ); за выдачею требуемыхъ сочиненій въ чтеніе другимъ посѣтителямъ по 3,084 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 2,370 требованіямъ (въ 1884 г. по 3,511 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 3.011 требованіямъ); за отдачею книгъ въ переплетъ по 627 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи рус-

скихъ книгъ по 465 требованіямъ (въ 1884 году по 621 требованію, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 462 требованіямъ); по случаю требованія книгъ запрещенныхъ и особенно рѣдкихъ по 320 требованіямъ (въ 1884 г. по 108 требованіямъ); за неполученіемъ сочиненій ожидаемыхъ и заказанныхъ по 149 требованіямъ (въ 1884 г. по 213 требованіямъ); по разнымъ причинамъ (напримѣръ, требованіе сочиненій, никогда не появлявшихся въ печати, романовъ, не выдаваемыхъ въ чтеніе по уставу Библиотеки, требованія неопредѣленныя, неточныя, неразборчивыя, за нахожденіемъ въ библиотекѣ при читальной залѣ, и т. д.) по 2,274 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 1,967 требованіямъ (въ 1884 году по 2,144 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 1,776 требованіямъ).

Въ теченіе 1885 года получило разрѣшеніе заниматься въ отдѣленіи рукописей 81 лицо, и было вытребовано въ чтеніе 614 рукописей (въ 1884 году 85 лицамъ было выдано въ чтеніе 693 рукописи). Въ отдѣленіи старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ было допущено къ занятіямъ 17 лицъ, вслѣдствіе требованія ими рѣдкихъ изданій, не выдаваемыхъ въ читальную залу: имъ было выдано въ чтеніе 193 тома (въ 1884 году 21 лицу выдано было 131 томъ).

Съ Высочайшаго разрѣшенія были высланы изъ Библиотеки рукописи въ С.-Петербургскій университетъ для занятій профессора К. Г. Залемана, въ университетъ св. Владиміра для занятій профессора А. И. Соболевскаго, въ Императорскую Вѣнскую библиотеку для профессора д-ра Шенкля и въ Парижскую Національную библиотеку для г. Филиппа Лозена.

Обозрѣвали Библиотеку въ 1885 году 3,911 человекъ (въ 1884 г.— 3,721 человекъ).

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АЛФАВИТЪ ДЛЯ ЛИТОВСКО-ЖМУДСКИХЪ КНИГЪ.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ подавленія въ 1864 году вооруженнаго польскаго востанія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, до главнаго начальства этого края уже стали доходить опредѣленныя свѣдѣнія о томъ, что латино-польская пропаганда здѣсь не прекратилась, и что успѣшному развитію ея, между прочимъ, въ средѣ литовско-жмудскаго населенія, много содѣйствовало распространеніе книгъ на жмудскомъ языкѣ, напечатанныхъ латино-польскими буквами. Въ виду такихъ обстоятельствъ и того соображенія, что русская гражданская азбука лучше, нежели латино-польская, удовлетворяетъ фонетическимъ требованіямъ литовскихъ нарѣчій, бывшій главный начальникъ края М. П. Муравьевъ просилъ въ 1864 году попечителя Виленскаго учебнаго округа напечатать, въ видѣ опыта, русскими буквами азбуку и календарь для литовскаго и жмудскаго населенія края. Препроводивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ Виленскій цензурный комитетъ экземпляръ отпечатанной русскимъ шрифтомъ литовской азбуки, М. П. Муравьевъ предложилъ комитету не пропускать на будущее время для печатанія ни одного литовскаго букваря, писаннаго польскими буквами, и разрѣшать печатаніе такихъ букварей въ томъ только случаѣ, если они будутъ переписаны по данному образцу русскими буквами.

Въ сентябрѣ 1865 года преемникъ генерала-адъютанта Муравьева, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, подтвердилъ Виленскому цензурному комитету означенное распоряженіе и просилъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Корнилова, озаботиться изданіемъ возможно большаго числа учебниковъ и книгъ для

народнаго чтенія на литовскомъ и жмудскомъ нарѣчіяхъ русскими буквами, такъ какъ до этого времени напечатаны были въ Вильнѣ, по распоряженію генерала Муравьева, на счетъ суммъ, находившихся въ его вѣдѣніи, и присланы въ управленіе Виленскаго учебнаго округа для разсылки по народнымъ училищамъ только четыре книжки, а именно: 1) Литовско-жмудскій букварь (въ количествѣ 7 тысячъ экземпляровъ), 2) Жмудскій букварь (10 тысячъ экземпляровъ), 3) Жмудско-русскій букварь по методѣ Золотова (4 тысячи экземпляровъ) и 4) Латшскій букварь (5 тысячъ экземпляровъ).

Въ томъ же 1865 году генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ предложилъ шести начальникамъ губерній, входившихъ въ то время въ составъ Виленскаго генералъ-губернаторства, воспретить содержателямъ типографій, литографій и тому подобныхъ заведеній изготовлять какія бы то ни было изданія на литовскомъ и жмудскомъ нарѣчіяхъ латинско-польскими буквами и принять всѣ мѣры къ запрещенію ввоза, продажи и распространенія такихъ изданій. Распоряженіе это, повлекшее за собою изыатіе изъ обращенія всѣхъ разрѣшенныхъ ранѣ цензурою литовско-жмудскихъ изданій, напечатанныхъ латинско-польскимъ шрифтомъ, было подтверждено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и предложено къ руководству, какъ всѣмъ вообще начальникамъ губерній, такъ и цензурному вѣдомству.

Въ 1866 году, по случаю возникшаго вопроса о снабженіи литовскими учебными книгами народныхъ училищъ Августовской и сосѣднихъ губерній и о печатаніи вообще пособій для изученія литовскаго языка, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы всѣ казенныя изданія на литовскихъ нарѣчіяхъ печатались непременно русскими буквами, и чтобы печатаніе на казенный счетъ полныхъ литовскихъ сочиненій латинскимъ шрифтомъ не было допускаемо. Этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ руководствовалась и Академія Наукъ до 22-го апрѣля 1880 года, когда г. министромъ внутреннихъ дѣлъ было исходатайствовано Высочайшее соизволеніе на предоставленіе Академіи права печатать ученые труды по литовскому языку общеупотребительнымъ учено-латинскимъ алфавитомъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы подобныя изданія не были распространяемы въ массѣ литовскаго населенія Сѣверо-Западнаго и Привислянскаго краевъ. Приведеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ санкціонированы были распоряженія генералъ-адъютантовъ Муравьева и фонъ-Кауфмана, не потерявшія силы для Сѣверо-Западнаго края и до настоящаго времени.

Съ послѣдовавшимъ воспрещеніемъ употребленія латинско-польскаго

алфавита при печатаніи изданій на литовскомъ, жмудскомъ и латышскомъ нарѣчіяхъ, всѣ заботы по снабженію народныхъ школъ учебниками и по изданію книгъ для народнаго чтенія, напечатанныхъ русскимъ шрифтомъ, какъ замѣчено выше, возложены были на управленіе Виленскаго учебнаго округа, и послѣднее, какъ сейчасъ увидимъ, не ослабляло своей дѣятельности въ этомъ направленіи даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства видимо тому не благопріятствовали. Чтобы не повторяться, сдѣлаемъ тутъ же обзоръ дѣятельности учебнаго округа по изданію и распространенію литовско-жмудскихъ изданій, печатанныхъ русскимъ алфавитомъ.

Получивъ для означенной цѣли одновременно 7 тысячъ рублей изъ суммъ, находившихся въ распоряженіи генералъ-губернатора, управленіе округа проектировало на первый разъ издать пять книгъ на жмудскомъ нарѣчій русскимъ шрифтомъ: 1) Старый золотой алфавитъ, 2) Кантычки или собраніе кантовъ, духовныхъ пѣсень, 3) Евангеліе, 4) Краткій катихизисъ и 5) Священную исторію,—каждую книгу въ 10 тысячахъ экземпляровъ. Но при осуществленіи проекта оказалось возможнымъ издать только первыя четыре книги въ указанномъ количествѣ экземпляровъ каждую.

При преемникахъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана не было отпускаемо денежныхъ средствъ на литовско-жмудскія изданія; но учебный округъ, сознавая безусловную важность изданія и распространенія литовско-жмудскихъ книгъ русскимъ алфавитомъ, всѣми возможными отъ него способами неуклонно шелъ къ достиженію этой цѣли. Такъ, въ 1867 году напечатаны были на счетъ кредита на увеличеніе числа народныхъ училищъ въ краѣ: 1) Жмудско-литовскій букварь въ количествѣ 5 тысячъ экземпляровъ и 2) Молитвенникъ для жмудиновъ и литвиновъ въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ. Въ 1868 году напечатано руководство къ изученію русско-литовской грамоты и счисленія въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ частію на счетъ суммъ округа, частію комиссіонеромъ округа, книгопродавцомъ Сыркинымъ, на его собственный счетъ. Съ 1865 по 1872 годъ включительно издавался ежегодно на счетъ суммъ на народное образованіе жмудско-русскій календарь, который выходилъ въ 1865 и 1866 годахъ въ количествѣ 3 тысячъ экземпляровъ, а въ послѣдующіе годы до 1872—въ количествѣ 5 тысячъ экземпляровъ; съ 1866 до 1875 года включительно издавался на счетъ того же источника латышско-русскій мѣсяцесловъ въ количествѣ 500 экземпляровъ ежегодно. Съ 1876 года, вмѣсто латышскаго календаря, на

тѣ же сумми разрѣшено было министерствомъ народнаго просвѣщенія управленію округа издать для разсылки по народнымъ училищамъ Витебской губерніи книжку подъ названіемъ „Русская грамота для латышей“, въ количествѣ 1200 экземпляровъ. Нѣсколько раньше, по распоряженію управленія Виленскаго учебнаго округа и съ одобренія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, приступлено было къ печатанію книжки „Русская грамота для литовцевъ“. Книжка эта въ 1875 году напечатана была въ количествѣ 10 тысячъ, экземпляровъ; къ 1878 году она разошлась, почему въ этомъ году выпущена была вторымъ изданіемъ въ томъ же количествѣ экземпляровъ, а въ 1882 году уже послѣдовало третье ея изданіе опять въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ. Въ 1879 году на средства Виленскаго учебнаго округа было выписано, за неимѣніемъ собственнаго изданія, изъ Варшавскаго учебнаго округа 100 экземпляровъ литовско-русскаго букваря для удовлетворенія запросовъ на этотъ букварь. Всего съ 1864 по 1883 г. латышско-литовско-жмудскихъ книгъ, преимущественно учебнаго содержанія и для школьнаго употребленія, было напечатано русскимъ шрифтомъ и разослано по народнымъ училищамъ до 155 тысячъ экземпляровъ. Для 19-лѣтняго періода времени такое число экземпляровъ можно признать вполне достаточнымъ, тѣмъ болѣе, что, во первыхъ, прямою задачей учебнаго округа было, естественно, изданіе книгъ главнымъ образомъ учебнаго содержанія, и во вторыхъ, денежныхъ средствъ, которыми можно было бы свободно пользоваться для цѣлей изданія, въ распоряженіи учебнаго округа не имѣлось.

Такимъ образомъ издательская дѣятельность управленія Виленскаго учебнаго округа шла объ руку съ общими мѣропріятіями высшей администраціи Сѣверо-Западнаго края, клонившимися къ постепенному, но радикальному освобожденію литовцевъ и жмудиновъ отъ польскаго вліянія. Распространеніе русской грамоты среди этихъ племенъ представляло собою могучее и вѣрное средство къ сближенію ихъ съ русскими, но оно, къ сожалѣнію, на первыхъ же порахъ встрѣтило серьезную задержку въ тѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ вообще приходилось приводить въ исполненіе распоряженіе генералъ-адъютанта Муравьева.

Въ 1865 году жмудины и литовцы, имѣя домашнимъ языкомъ языкъ своихъ предковъ, знали только одну грамоту польскую. Русскій языкъ извѣстенъ былъ лишь отдѣльнымъ единицамъ изъ литовцевъ и жмудиновъ, терпящимся въ массѣ незнакомыхъ съ этимъ

языкомъ, и потому русской рѣчи тогда не было почти совсѣмъ слышно въ селеніяхъ на всемъ пространствѣ русской Литвы и Жмуди. Такимъ образомъ, издавая книги, нужно было одновременно создавать и читателей для нихъ. Конечно, при нормальномъ положеніи дѣлъ, быть можетъ, и въ средѣ взрослыхъ литовцевъ и жмудиновъ нашлись бы люди, которые усвоили бы себѣ русскій алфавитъ, и тогда вновь изданныя книги, напечатанныя русскимъ шрифтомъ, стали бы мало по малу расходиться; тѣмъ легче могло бы ознакомиться съ этими книгами и научиться ихъ читать молодое поколѣніе. Но мѣропріятіе генераль-адъютанта Муравьева нашло себѣ жестокихъ противниковъ въ лицѣ римско-католическаго духовенства, которое, опасаясь за успѣхъ колонизаціи Литвы и Жмуди, не замедлило пустить въ ходъ всѣ бывшія въ его распоряженіи средства для того, чтобы лишить силы означенное мѣропріятіе и подорвать его значеніе.

Вскорѣ послѣ обнародованія распоряженія генераль-адъютанта Муравьева, начинается систематически развиваться контрабандный ввозъ изъ-за границы изданій на литовскомъ и жмудскомъ нарѣчіяхъ латино-польскимъ шрифтомъ, достигшій впоследствии весьма значительныхъ размѣровъ. По имѣющимся несомнѣннымъ свѣдѣніямъ, упомянутый ввозъ былъ организованъ главнымъ образомъ бывшимъ епископомъ Волончевскимъ и совершался при самомъ дѣятельномъ участіи ксендзовъ, между которыми выдающуюся роль въ этомъ дѣлѣ играли Врондзо, Стронигъ, Томалионскій, Эйгутовичъ, Бутвидъ, Рачковскій, Дембскій и др. Ближайшимъ помощникомъ Волончевскаго въ дѣлѣ преступной организаціи были тильзитскій деканъ Заберманъ, основавшій въ Тильзитѣ свою типографію для печатанія литовскихъ и жмудскихъ изданій польскими буквами, и полякъ Касперовичъ. По показанію ксендза Врондзо, которому было хорошо извѣстно дѣло книгопечатанія въ типографіи Забермана, изъ нея, въ сравнительно непродолжительное время, было вынуждено до 19-ти тысячъ экземпляровъ. Въ одномъ 1868 году Заберманъ, по порученію Волончевскаго, напечаталъ 5 тысячъ экземпляровъ жмудскихъ брошюръ и книгъ, которыя тогда же были всѣ распроданы; бойкимъ мѣстомъ сбыта этихъ изданій служили костелы, построенные въ концѣ 1867 и 1868 годовъ на самой границѣ Ковенской губерніи. Упомянутыя выше изданія не только продавались народу, собиравшемуся въ костелы въ воскресные и праздничные дни, но и щедро раздавались даромъ; виѣстѣ съ тѣмъ они переправлялись контра-

банднымъ путемъ и въ предѣлы имперіи, иногда въ повозкахъ съ двойнымъ дномъ, и тамъ распространялись при содѣйствіи тѣхъ же ксендзовъ. Но для вожаковъ этого дѣла было недостаточно распространять изданія на литовскомъ и жмудскомъ нарѣчіяхъ, печатанныя латино-польскимъ шрифтомъ, и такимъ образомъ дѣлать излишними правительственныя изданія. Въ той же типографіи Забермана было напечатано нѣсколько тысячъ брошюръ возмутительнаго содержанія, направленныхъ къ тому, чтобъ унизить русское правительство въ глазахъ народа и представить его гонителемъ римско-католической вѣры. Нѣкоторыя изъ такихъ брошюръ вышли изъ-подъ пера самого епископа Волончевскаго. Въ средствахъ для печатанія подобныхъ изданій недостатка не было. Волончевскій посылалъ Заберману для этой цѣли деньги, нерѣдко за одинъ разъ по тысячѣ рублей.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ кипѣла книгопечатная работа въ типографіи Забермана, полякъ Касперовичъ въ Лейпцигѣ, въ типографіи Брокгауза, завѣдывалъ печатаніемъ книжекъ на жмудскомъ языкѣ, предназначавшихся къ отсылкѣ въ Сѣверо-Западный край, и напечатанныя между прочимъ возмутительнаго содержанія брошюры пересылалъ въ городъ Мемель для распространенія ихъ оттуда по Ковенской губерніи чрезъ посредство услужливыхъ ксендзовъ, дѣйствовавшихъ подъ непосредственнымъ руководствомъ Волончевскаго. Одни изъ этихъ ксендзовъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, переходили границу и проносили съ собою возмутительныя брошюры; другіе одѣвались становыми приставами, разъѣзжали по болѣе люднымъ мѣстамъ, раздавали народу брошюры и книги и въ то же время не безъ успѣха привлекали къ соучастію въ ихъ распространеніи многихъ крестьянъ и мѣщанъ.

Здѣсь нельзя пройти молчаніемъ того, что католическому духовенству и внутри имперіи удавалось по временамъ добиваться печатанія дорогихъ для его цѣлей изданій, и прецеденты къ такого рода домогательствамъ съ его стороны были создаваемы неустойчивостью административныхъ мѣропріятій ближайшихъ преемниковъ генераль-адъютантовъ Муравьева и фонъ-Кауфмана по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ.

Выше было замѣчено, что распоряженіе генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана, коимъ подтверждалось Виленскому цензурному комитету распоряженіе М. Н. Муравьева о воспрещеніи печатанія литовскихъ букварей польскими буквами, повлекло за собою изытіе изъ обра-

ненія всѣхъ разрѣшенныхъ цензурою литовскихъ и жмудскихъ изданій, напечатанныхъ латинскимъ шрифтомъ. Распоряженіе это вызвало множество жалобъ со стороны типографчиковъ и книгопродавцевъ. Генераль-адъютантъ Потаповъ, рассмотрѣвъ эти жалобы, нашель, что хотя вызваннаго военнымъ положеніемъ распоряженія генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана онъ и могъ бы отиѣнять собственною властію, но въ виду того, что въ связи съ вопросомъ объ изытіи изъ обращенія упомянутыхъ изданій подлежалъ разрѣшенію и вопросъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ Виленскаго цензурнаго комитета и отдѣльныхъ цензоровъ, призналъ необходимымъ просить министра внутреннихъ дѣлъ подвергнуть все дѣло рассмотрѣнію въ главномъ управленіи по дѣламъ печати. Результатомъ такой постановки вопроса было состоявшееся, согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, утвержденному министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1870 году, опредѣленіе: 1) воспретить безусловно печатаніе въ край и не возвращать уже отобраннаго жмудскія книги, относящіяся до народнаго образованія, то-есть, буквари, учебныя руководства, сочиненія историческаго и повѣствовательнаго содержанія, и 2) возвратитъ книгопродавцамъ, дозволивъ имъ пустить въ продажу, пропущенныя цензурою молитвенники и книги религіознаго и ученаго содержанія на означенныхъ языкахъ. Послѣднимъ пунктомъ приведеннаго постановленія, какъ и слѣдовало ожидать, въслѣдствіи данъ былъ поводъ къ тайнымъ новымъ изданіямъ напечатанныхъ латино-польскимъ шрифтомъ и дозволенныхъ къ продажѣ книгъ съ подложнымъ лишь обозначеніемъ года изданія. Далѣе, въ теченіе времени съ 1870 по 1882 годъ по разнымъ причинамъ было выпущено, въ видѣ исключеній, съ разрѣшенія комитетовъ Петербургскаго и Варшавскаго, до 15 изданій на латинскомъ и жмудскомъ нарѣчіяхъ, отпечатанныхъ латинскимъ шрифтомъ. Въ этотъ промежутокъ времени, между прочими изданіями, разрѣшенъ былъ петербургскою цензурою къ печатанію молитвенникъ на жмудскомъ нарѣчій польскимъ алфавитомъ. Молитвенникъ этотъ въ рукописи былъ одобренъ митрополитомъ Фіалковскимъ въ 1878 году и напечатанъ въ Вильнѣ въ типографіи Осипа Завадскаго. Само собою разумѣется, что одобреніе молитвенника высшимъ лицомъ римско-католической іерархіи въ предѣлахъ имперіи и напечатаніе его съ дозволенія русской цензуры давало ему въ глазахъ жмудиновъ преимущество предъ однородными правительственными изданіями, не

имѣвшими такого одобренія, и при поддержкѣ ксендзовъ обезпечило за нимъ быстрое распространеніе среди литовцевъ и жмудиновъ.

Понятно, что при изложенныхъ обстоятельствахъ распоряженіе генералъ-адъютанта Муравьева на первыхъ порахъ не имѣло того успѣха, котораго въ правѣ были ожидать отъ него всѣ, кому дороги интересы русскаго дѣла въ Сѣверо-Западной Россіи вообще и на литовской окраинѣ въ частности. Тѣмъ не менѣе сѣмя, брошенное М. Н. Муравьевымъ на почву сближенія литовцевъ съ русскими, не заглохло: русская школа возростила это сѣмя, и оно принесло свой плодъ. По прекращеніи польскаго мятежа обѣ гимназіи Ковенской губерніи—Ковенская и Шавельская, въ которыхъ учащіеся изъ дѣтей крестьянъ-жмудиновъ всегда составляли значительный контингентъ, принимаютъ характеръ чисто русскихъ учебныхъ заведеній. Съ того же времени въ мѣстностяхъ Сѣверо-Западнаго края, населенныхъ литовцами и жмудинами, возникаетъ рядъ низшихъ сельскихъ школъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается и количество учащихся въ этихъ школахъ пропорціонально возрастаетъ. Съ самаго начала открытія народныхъ училищъ въ названныхъ мѣстностяхъ входятъ въ употребленіе при преподаваніи литовской грамоты и закона Божія литовскіе и жмудскіе буквари, катехизисы и молитвенники, напечатанные исключительно русскимъ гражданскимъ шрифтомъ, при чемъ усвоеніе дѣтьми литвино-жмудиновъ, какъ этого шрифта, такъ равнымъ образомъ и русской грамоты, идетъ успѣшно, не представляя для учащихся никакого затрудненія. Въ 1872 году въ городѣ Поневежѣ, Ковенской губерніи, основывается учительская семинарія для приготовленія учителей въ народныя школы Ковенской губерніи, а затѣмъ, ровно черезъ десять лѣтъ,—реальное училище. Въ учительской семинаріи, годъ спустя послѣ ея основанія, съ Высочайшаго соизволенія производится обязательное обученіе воспитанниковъ литовско-жмудскому языку. Результаты дѣятельности этого учебнаго заведенія выразились подготовленіемъ до настоящаго времени болѣе 100 народныхъ учителей, хорошо изучившихъ грамматическія правила жмудско-литовскаго языка и примѣняющихъ на дѣлѣ свои познанія въ народныхъ школахъ по литовскимъ букварямъ гражданской русской печати.

Что въ упомянутыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ усвоеніе русскаго языка учащимися литвино-жмудинами идетъ вполне успѣшно, объ этомъ свидѣтельствуетъ значительный процентъ крестьянскихъ

дѣтей, ежегодно переходящихъ изъ класса въ классъ и оканчивающихъ полный курсъ ученія. Но и въ низшихъ училищахъ, въ томъ числѣ и въ народныхъ школахъ, обученіе, въ объемѣ, установленномъ программой этихъ школъ, идетъ не менѣе успѣшно. Какіе результаты по обученію русскому языку достигаются народными училищами, расположенными въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ литовско-жмудскимъ населеніемъ, лучше всего показывается числомъ крестьянскихъ мальчиковъ, ежегодно выдерживающихъ испытаніе на пріобрѣтеніе льготы по отбыванію воинской повинности. Документальныя данныя свидѣтельствуютъ, что являющіяся въ качествѣ соискателей льготныхъ правъ дѣти литвино-жмудиновъ выходятъ изъ училищъ съ вполне достаточными начальными познаніями въ русскомъ языкѣ: научаются читать по русски бѣгло и довольно правильно, пересказывать содержаніе читаннаго толково и писать подъ диктовку не безграмотно. Такихъ дѣтей бываетъ ежегодно въ народныхъ училищахъ Ковенской губерніи до 700 человекъ и въ училищахъ губерніи Виленской до 160. Въ одномъ Поневежскомъ уѣздѣ, Ковенской губерніи, число крестьянскихъ дѣтей, получившихъ свидѣтельства на льготу по воинской повинности по успѣшномъ окончаніи курса въ школахъ, въ періодъ времени отъ 1875 года по 1883, было 1091; значитъ, среднимъ числомъ на каждый годъ приходится болѣе 120 человекъ. По всему вообще Виленскому учебному округу въ народныхъ училищахъ обучается ежегодно литвиновъ среднимъ числомъ не менѣе 10 тысячъ; всѣ они на столько основываются съ русскимъ языкомъ, что по выходѣ изъ училищъ могутъ свободно говорить на немъ, читать и по возможности грамотно писать. На пріемныхъ испытаніяхъ при поступленіи въ Шавельскую гимназію, въ которой особенно значителенъ процентъ учащихся сельскихъ сословій, мальчики-жмудины, предварительно прошедшіе народную школу, обнаруживаютъ по русскому языку знанія, совершенно достаточныя для приготовительнаго, перваго, а нѣкоторые даже и для втораго класса. То же явленіе замѣчается и въ Ковенской гимназіи. Свѣдѣнія о результатахъ пріемныхъ испытаній въ Поневежскомъ реальномъ училищѣ показываютъ, что послѣ дѣтей лицъ духовнаго происхожденія, чиновниковъ и почетныхъ гражданъ, высшій процентъ обнаруживающихъ удовлетворительныя знанія на пріемныхъ испытаніяхъ (58%) приходится на долю крестьянскихъ дѣтей, въ большинствѣ получающихъ подготовку въ народныхъ училищахъ. Общее, наиболѣе благоприятное впечатлѣніе производятъ экзамены по русскому языку, на которыхъ

дѣти, въ особенности крестьянъ-литвиновъ, оказываютъ вполне достаточное умѣнье писать, читать раздѣльно и твердо, прочитанное понимать и передавать правильно; кромѣ того, большинство изъ поступающихъ въ I-й классъ обладаетъ сравнительно достаточными свѣдѣніями изъ русской грамматики.

Чѣмъ больше увеличивается въ массѣ народонаселенія число прошедшихъ полный учебный курсъ въ русской школѣ, тѣмъ болѣе должно распространяться знаніе русскаго языка въ средѣ народнои. И по отношенію къ литовцамъ и жмудинамъ Сѣверо-Западнаго края это—фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Имѣющіяся достовѣрные данныя свидѣтельствуютъ, что въ Ковенской губерніи, гдѣ литовско-жмудскій элементъ преобладаетъ въ составѣ народонаселенія, многіе даже изъ стариковъ-жмудиновъ могутъ свободно понимать русскую рѣчь, могутъ также и сами удобопонятно объясняться по русски; о молодыхъ же людяхъ это и подавно сказать можно: благодаря имъ, во многихъ литовско-жмудскихъ семьяхъ въ послѣднее время становится почти обыкновеннымъ явленіе, что несовершеннолѣтніе члены ихъ до поступленія въ народныя училища уже дома приобрѣтаютъ нѣкоторое знакомство съ русскою рѣчью. Къ сказанному нельзя не прибавить, что ученики литовскихъ народныхъ училищъ, по окончаніи курса отбывающе воинскую повинность, пишутъ своимъ роднымъ литовскія письма русскими буквами. У насъ имѣется нѣсколько такихъ писемъ, относящихся къ разнымъ годамъ, и всѣ они писаны свободно, привычною рукою.

Таковы результаты, достигнутые на литовской окраинѣ русскою школою, которая съ самаго начала своего возникновенія медленными, но твердыми и рѣшительными шагами шла по пути сближенія литовцевъ и жмудиновъ съ русскимъ населеніемъ Сѣверо-Западнаго края, съ достоинствомъ и честію преодолевая по мѣрѣ силъ своихъ всѣ встрѣчающіяся ей на этомъ пути преграды. Благодаря благотворному вѣдѣйствію школы, племенная рознь между литвино-жмудинами и русскими постепенно начинаетъ сглаживаться. Если и теперь среди литвиновъ можно встрѣтить не мало людей, которые пришли къ убѣжденію, что литовецъ не полякъ, то съ теченіемъ времени число такихъ людей должно увеличиваться все болѣе и болѣе. Не удивительно поэтому, что ревнители польщины, которымъ всего болѣе желалось бы держать литвиновъ въ полномъ отчужденіи отъ всего русскаго, заставить ихъ видѣть въ русскихъ тѣхъ же враговъ, какими они кажутся полякамъ, издавна смотрѣли

на русскую правительственную школу въ литовскихъ мѣстностяхъ, какъ на ненавистное для нихъ насажденіе и старались во что бы то ни стало парализовать ея дѣятельность. Враждебные русской школѣ происки со стороны мнимыхъ ревнителей блага литовцевъ, во главѣ которыхъ, разумѣется, всегда стояло римско-католическое духовенство, проявлялись прежде всего въ борьбѣ противъ поступленія дѣтей литвиновъ и жмудиновъ въ школу. Не особенно много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ Ковенской губерніи были раскидываемы брошюры возмутительнаго содержанія, заключавшія въ себѣ множество нападокъ на правительственную русскую школу за употребленіе въ ней русскаго языка и вообще за ея русское направленіе. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ брошюръ высказывалось, что русская школа пропагандируетъ между литовцами православіе и такимъ образомъ въ корнѣ подрываетъ авторитетъ вѣры католической; литвины поэтому приглашались, во избѣжаніе религіозно-нравственной порчи молодаго поколѣнія, остерегаться отдавать своихъ дѣтей въ эту школу и всячески уклоняться отъ общенія со схизматиками. Но бороться съ русскою школою въ этомъ направленіи врагамъ ея оказалось не подъ силу: отказать отъ этой школы, пренебречь ею значило бы для литвина причинить невознаградимый ущербъ своимъ жизненнымъ своимъ интересамъ. И вотъ въ результатъ безуспѣшности этой борьбы является попытка насильно навязать школѣ, чрезъ посредство ксендзовъ-законоучителей, буквари, напечатанные латинопольскими буквами. Рукополагая ксендза, будущаго законоучителя народной школы, епископъ Волончевскій почти всегда вручалъ ему свои производенія, при чемъ дѣлалъ такое паставапіе: „Ты назначенъ въ училище, гдѣ обучаютъ по букварямъ, печатаннымъ русскими буквами; вотъ тебѣ буквари, напечатанные и жмудскими буквами: раздай и распродай ихъ дѣтямъ, чтобы они не забыли тѣхъ буквъ, которыми были печатаны книги отцовъ ихъ, по которымъ они читали и молились“. И ксендзы, разумѣется, неукоснительно слѣдовали внушеніямъ своего епископа. Есть основаніе предпологать, что не одинъ Волончевскій дѣйствовалъ такимъ образомъ. Но и эта попытка повредить русской школѣ не имѣла успѣха. Поборникамъ польщизны не оставалось больше ничего, какъ напрячь всѣ усилія къ возможно большому ослабленію значенія школы въ глазахъ литовцевъ путемъ прегражденія печатаннымъ русскими буквами книгамъ доступа въ среду народа. Они рассуждали такъ: стоитъ только уничтожить книги, печатанныя русскимъ шрифтомъ, замѣнивъ ихъ

книгами польской печати, и связь школы съ жизнью порвется: прошедшіе народную школу должны будутъ или переучиваться, или осудить себя на то, чтобы ничего не читать, такъ какъ въ школѣ они изучали лишь русскій шрифтъ; въ томъ и другомъ случаѣ русская школа съ ея направленіемъ должна будетъ потерять всякое значеніе въ глазахъ литовцевъ, и послѣднимъ придется лишь жалѣть о времени пребыванія въ этой школѣ, какъ о потраченномъ совершенно напрасно.

Все сказанное необходимо имѣть въ виду для установленія правильной точки зрѣнія на глѣный рядъ ходатайствъ предъ правительствомъ о замѣнѣ въ литовско-жмудскихъ изданіяхъ русскаго шрифта обязательнаго со времени извѣстнаго распоряженія генералъ-адъютанта Муравьева, шрифтомъ латино-польскимъ. Упомянутыя ходатайства были возбуждаемы, какъ римско-католическимъ духовенствомъ, такъ и нѣкоторыми изъ молодыхъ образованныхъ литовцевъ, очевидно, оподличившимися.

Въ 1879 году кандидатъ математическихъ наукъ, бывшій воспитанникъ Шавельской гимназіи, Вилейшисъ, вошелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи разъ навсегда установить для печатанія книгъ на литовскомъ языкѣ особый алфавитъ. Главныя положенія, которыми мотивировалъ свое ходатайство г. Вилейшисъ, слѣдующія:

1) Временное запрещеніе издавать книги литовско-латино-польскимъ шрифтомъ, устраняя изъ среды литовцевъ обращеніе книгъ подцензурнаго содержанія, имѣетъ прямымъ слѣдствіемъ: а) распространеніе между литовцами безцензурныхъ книгъ, и б) сбытъ польскихъ букварей для литовцевъ.

По поводу этого мотива въ свое время было высказано, что литовскія изданія, напечатанныя латино-польскимъ алфавитомъ, могли бы имѣть обращеніе развѣ только въ средѣ тѣхъ литвиновъ и жмудиновъ, которые не получили образованія въ правительственныхъ народныхъ школахъ Сѣверо-Западнаго края, потому что молодое поколѣніе крестьянъ Литвы не станетъ ихъ читать, какъ писанныхъ непонятнымъ ему латино-польскимъ алфавитомъ. Что же касается распространенія среди литовцевъ безцензурныхъ книгъ и сбыта польскихъ букварей въ русской Литвѣ, производившагося съ восточной прусской границы, то причина этого явленія кроется не въ запрещенія печатать литовскія книги латино-польскимъ шрифтомъ, а въ стремленіи польской эмиграціи чрезъ особыхъ промышленниковъ-

спекулянтовъ парализовать плодотворные результаты русской народной школы на Литвѣ.

2) Особый шрифтъ для литовцевъ выработанъ, по словамъ г. Вилейшиса, такими лингвистами, какъ профессоръ Шлейхеръ, Нессельманъ, Куршати, Гейтлоръ и др. Предлагая этотъ шрифтъ, какъ весьма пригодный для литовско-жмудскихъ изданій, г. Вилейшисъ въ одномъ мѣстѣ: своей заниски категорически признаеть его не имѣющимъ ничего общаго съ латинно-польскимъ, а въ другомъ—говорить, что шрифтъ, употребляемый названными выше учеными для литовскаго языка, есть латинскій, съ присовокупленіемъ только слѣдующихъ буквъ, необходимыхъ для литовскаго языка: é, ê, â, ę, í, ı, ž и ų.

Въ этихъ замѣчаніяхъ есть нѣкоторое противорѣчіе, лишшающее всякой убѣдительности объясненія г. Вилейшиса объ отличіи проектированнаго имъ особаго шрифта отъ латинно-польскаго. Далѣе, ссылаясь на научный авторитетъ Шлейхера, г. Вилейшисъ самъ колеблетъ свои доводы о непригодности будто бы русскаго шрифта для выраженія звуковъ литовской рѣчи. Когда въ шестидесятыхъ годахъ Императорская Академія Наукъ поручила Шлейхеру представить очеркъ формъ славянско-литовской вѣтви языковъ того времени, когда между обоими нарѣчіями еще не существовало раздѣленія, то знаменитый лингвистъ давалъ печатать свои подготовительныя по изслѣдованію означеннаго вопроса работы на русскомъ языкѣ въ Запискахъ Академіи (такъва, наприимѣръ, статья о томѣ на и (y) въ индо-европейскихъ языкахъ) и находилъ русскую гражданскую печать удобною для выраженія даже историческихъ формъ древне-литовскаго языка. Не говоритъ ли этотъ фактъ въ пользу несомнѣнной возможности пользоваться русскимъ шрифтомъ для литовскихъ книгъ, не прибѣгая къ изобрѣтенію „особаго алфавита“?

Проба, сдѣланная г. Вилейшисомъ, какъ говорится, на-авось, оказалась неудачною; но съ нея дѣло только началось. Въ 1882 году управляющій Тельшевскою римско-католическою епархіей Бересневичъ, ссылаясь на тяжелое положеніе крестьянъ литовцевъ и жмудиновъ, не умѣющихъ читать книги, напечатанныя русскими буквами, обратился въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ объ отміѣнѣ распоряженія 1865 года касательно запрещенія печатать книги на литовскомъ и жмудскомъ нарѣчіяхъ латинскимъ шрифтомъ. Неумѣстность этого ходатайства была сама собою очевидна. Епископу Бе-

респевичу, безъ сомнѣнія, была извѣстна дѣятельность Волончевческаго, благодаря которому Литва и Жмудь были наводнены заграничными изданіями, и слѣдовательно, недостатка въ книгахъ, особенно религіознаго содержанія, печатанныхъ латино-польскимъ шрифтомъ, на всемъ пространствѣ Тельшевской епархіи вовсе не ощущалось. Затѣмъ хорошо зналъ епископъ Бересневичъ также о состоявшемся еще въ 1870 году, въ видѣ изытія, разрѣшеніи возвратити книгопродавцамъ и пустити въ продажу отобранныя у нихъ нѣсколько раньше изданія религіознаго содержанія латинской печати. Не безызвѣстно, наконецъ, было ему и то, что въ 1879 году, какъ замѣчено выше, съ дозволенія цензуры изданъ былъ въ Петербургѣ молитвенникъ на литовскомъ языкѣ польскими буквами. Правъ ли былъ, послѣ всего этого, Бересневичъ, указывая въ своемъ ходатайствѣ на тяжкое положеніе литовцовъ и жмудиновъ, по умѣищихъ читать по русски?

Посмотримъ на дѣло съ другой стороны. Къ 1882 году исполнилось почти 18 лѣтъ со времени открытія народныхъ училищъ на литовской окраинѣ Россіи и употребленія въ нихъ для учащихся литовцевъ книгъ, напечатанныхъ русскимъ алфавитомъ. Въ этотъ періодъ времени число литовцевъ и жмудиновъ, прошедшихъ русскую народную школу, простиралось по крайней мѣрѣ до 150 — 160 тысячъ, хорошо усвоившихъ русскую азбуку, обучившихся русской грамотѣ и въ достаточной степени овладѣвшихъ русскою разговорною рѣчью. Что касается въ частности 1882 года, то въ этомъ году въ училищахъ Ковенской губерніи, въ предѣлахъ епархіи Бересневича, состояло учащихся чистыхъ литвиновъ и жмудиновъ 8,500 человекъ; въ качествѣ пособій при преподаваніи въ названныхъ училищахъ служили слѣдующія изданія русской печати: 1) букварь подъ названіемъ „Русская грамота для литовцевъ“; 2) „Сокращенный катехизисъ“, изданный по Высочайшему повелѣнію для обучающихся въ школахъ римско-католическаго юношества въ 1865 году; 3) жмудскій молитвенникъ „Древній золотой алтарь“, или собраніе различныхъ молитвъ и пѣснопѣній, изданный въ Вильнѣ, въ 1866 году. Первые двѣ книжки съ успѣхомъ употреблялись въ качествѣ необходимыхъ руководствъ при первоначальномъ ознакомленіи дѣтей съ русскою грамотой и при преподаваніи имъ закона Божія въ младшемъ отдѣленіи каждой сельской школы. Что же касается молитвенника „Золотой алтарь“, то таковой вовсе не употреблялся только вслѣдствіе противодѣйствія его употребленію со стороны ксендзовъ-законо-

учителей, не потому, однакожь, что онъ напечатанъ русскимъ шрифтомъ, а потому что, по мнѣнію ксендзовъ, молитвенникъ этотъ представляетъ собою неточный переводъ съ польскаго языка, не согласный съ толкованіями римско-католической церкви. Въ училищахъ Виленской губерніи, расположенныхъ въ мѣстностяхъ съ литовскимъ населеніемъ (большая часть Виленскаго уѣзда, уѣздъ Трокскій, большая часть Свенцянскаго и часть Лидскаго), съ числомъ учащихся литвиновъ до 1,250 человекъ, въ употребленіи букварей, катехизисовъ и молитвенниковъ на литовскомъ нарѣчій, печатанныхъ русскими буквами, даже особенной надобности не было, такъ какъ преподаваніе производилось прямо на русскомъ языкѣ, при чемъ тѣ изъ дѣтей, которыя не понимали этого языка при поступленіи въ школу (а такихъ дѣтей было вообще немного), получали на первыхъ порахъ, согласно инструкціи для начальныхъ народныхъ училищъ, объясненія на родномъ ихъ нарѣчій: до такой степени были значительны успѣхи молодыхъ литвиновъ въ дѣлѣ освоенія съ русскимъ шрифтомъ и русскою грамотой.

Такимъ образомъ, сѣтованія епископа Бересневича на тяжкое будто бы положеніе литовцевъ, чужды ли не лишенныхъ даже возможности молиться Богу изъ-за того же русскаго алфавита, были совершенно напрасны. Ходатайство, какъ и слѣдовало ожидать, не увѣчалось успѣхомъ.

Въ 1883 году въ главное управленіе по дѣламъ печати представлены были въ рукописяхъ на разсмотрѣніе для дозволенія къ изданію 1) „Литовскій букварь на жмудскомъ языкѣ, содержащій образцы для упражненія въ чтеніи“ и 2) „Литовская азбука съ объясненіемъ литовскаго правописанія“. Первая книжка составлена была г. Мигловаромъ, а вторая—г. Милевскимъ. Обѣ онѣ хотя и написаны были русскимъ шрифтомъ, но съ отступленіями, которыя, по мнѣнію авторовъ, были необходимы для выраженія нѣкоторыхъ звуковъ литовскаго языка.

На первый взглядъ могло казаться, что послѣ неудавшихся ходатайствъ г. Вилейшиса и епископа Бересневича, гг. Мигловаръ и Милевскій, примѣняя русскій шрифтъ въ своихъ литовскихъ книжкахъ, готовы были пойти на встрѣчу желаніямъ правительства отстоять за этимъ шрифтомъ законно принадлежащія ему права гражданства въ литовской письменности; но ближайшее разсмотрѣніе ихъ рукописей дало твердое основаніе для совершенно обратнаго вывода: на самомъ дѣлѣ оказалось, что въ обѣихъ рукописяхъ русскій шрифтъ

Примѣненъ былъ совсѣмъ неудачно. Это сдѣлано видимо намѣренно. Такъ, напримѣръ, г. Мигловаръ въ своемъ букварѣ вмѣсто звука *y* рекомендуетъ употреблять ижицу, вмѣсто *u* — *i* и вмѣсто *я, ъ, е, ю* — *ia, ie, io, iu* и *iv*, между тѣмъ какъ такая замѣна вовсе не представляется необходимою, потому что произношеніе перечисленныхъ звуковъ на жмудскомъ языкѣ ничѣмъ не разнится отъ русскаго; самъ г. Мигловаръ признаетъ это во II отдѣлѣ своего букваря подъ заглавіемъ „изложено правописанія“ и въ IV отдѣлѣ — „ручѣ къ отцамъ и учителямъ“. Далѣе, въ томъ же букварѣ изъяты почему-то изъ употребленія: *z*, и *z*, которые въ жмудскомъ языкѣ необходимы на столько же, на сколько и въ русскомъ.

Въ „Литовской азбулкѣ“ г. Милевскаго къ числу чуждыхъ литовскому произношенію буквъ отнесены: *ц, ъ, ь, ш, ѣ, э, ю, я, е, в*. Если двѣ послѣднія буквы и излишни для литовскаго языка, то нельзя того же сказать объ остальныхъ; почему вмѣсто двухъ буквъ *сч* или *шч* не писать одной — *щ*? Почему для произношенія звуковъ *я, е* и *ю* необходимо замѣнять одну букву двумя (*ia, ie* и т. д.)?

Гг. Мигловаръ и Милевскій, очевидно, разчитывали, добившись разрѣшенія на печатаніе своихъ рукописей, дать въ руки такихъ же, какъ и сами они, присяжныхъ противниковъ русскаго алфавита надежное оружіе для борьбы съ тѣми, которыя имѣютъ научныя основанія отдавать этому алфавиту по степени пригодности его для выраженія звуковъ литовской рѣчи несомнѣнныя преимущества предъ алфавитомъ латино-польскимъ; отступленія отъ русскаго алфавита, какъ у г. Мигловара, такъ и у г. Милевскаго, прямо направлены были къ тому, чтобы затруднить для литовцевъ чтеніе книгъ и такимъ образомъ фактически доказать якобы несостоятельность этого алфавита для литовско-жмудскихъ изданій и необходимость перейти къ шрифту латино-польскому. Этотъ разчетъ не удался; его поняли сразу, и предпріятію гг. Мигловара и Милевскаго не было дано дальнѣйшаго хода.

Не достигнувъ желанной цѣли путемъ ходатайства предъ правительствомъ, сторонники латино-польскаго шрифта обратились къ печатному слову. Въ 1884 году въ нѣкоторыхъ органахъ русской періодической печати стали появляться безъ подписи корреспонденціи, вышедшія изъ-подъ пера молодыхъ образованныхъ литовцевъ, составлявшихъ, надо полагать, отборныя силы въ ряду союзниковъ чисто польской партіи. Основныя положенія, отъ которыхъ отправлялись авторы этихъ корреспонденцій, въ сжатомъ видѣ могутъ быть

формулированы слѣдующимъ образомъ: Чтобы оградить литовцевъ отъ дальнѣйшаго ополяченія, необходимо пробудить въ нихъ прежде всего національное самосознаніе, а этого можно достигнуть только путемъ серьезнаго образованія и развитіемъ любви къ народному языку и къ прошлому. Болѣе образованные изъ литовцевъ уже теперь сознаютъ, что между ихъ интересами и интересами поляковъ въ Литвѣ нѣтъ ничего общаго, и что время, когда каждый образованный литовецъ долженъ былъ считать себя полякомъ, миновало. Для того, чтобы такое сознаніе, сдѣлалось достояніемъ массы, необходима народная печать, которой не существуетъ и существовать при русскомъ алфавитѣ не можетъ. При обязательности этого алфавита для литовско-жмудской письменности не только не можетъ быть рѣчи о литовской газетѣ для развитія массы, но не возможно даже изданіе популярныхъ книгъ по сельскому хозяйству и т. п., что гибельнымъ образомъ отражается на умственномъ и нравственномъ состояніи литовско-жмудскаго населенія. И такъ, огражденіе литовцевъ отъ дальнѣйшаго ополяченія, пробужденіе въ нихъ національнаго самосознанія, развитіе любви къ народному языку и къ прошлому—вотъ цѣль, къ которой направлялись стремленія неизвѣстныхъ защитниковъ литовскихъ интересовъ; серьезное образованіе массы, котораго предполагалось достигнуть изданіемъ специально литовской газеты, но непременно латино-польскимъ шрифтомъ—вотъ средства для осуществленія цѣли.

Противъ изданія литовской газеты анти-польскаго направленія, конечно, польза было бы и теперь нельзя сказать ничего; имѣть газету, которая способствовала бы развитію и укрупленію въ литовцахъ правильнаго взгляда на литовско-польскія отношенія, разъясняя, что католицизмъ и полонизмъ—понятія различныя, было бы весьма полезно; но искренность патріотическихъ стремленій вовсе неизвѣстныхъ лицъ, добивавшихся изданія газеты въ 1884 году, возбуждала основательное сомнѣніе, находившее для себя крѣпкую поддержку въ видимой неприязни этихъ лицъ къ русскому шрифту. По ихъ мнѣнію, благотворное вліяніе газеты на литовско-жмудское населеніе было мыслимо лишь при условіи примѣненія къ ней только шрифта латино-польскаго. Почему же русскій шрифтъ не годился для этой цѣли? Въ отвѣтъ на это литовскіе сторонники латино-польскаго шрифта ссылались на консерватизмъ массы, привыкшей къ латино-польскому шрифту, по традиціямъ питающей къ нему непоколебимое расположеніе, съ одной стороны, и на противодѣйствіе римско-като-

лическаго духовенства, оказывающаго на литовскую массу подавляющее влияние—съ другой.

Первая ссылка вызвала въ свое время замѣчаніе, что примѣненіе русскаго шрифта къ какимъ бы то ни было литовскимъ изданіямъ, а слѣдовательно, и къ газетѣ, отнюдь не имѣло бы характера нововведенія, насильственно навязаннаго литовцамъ. Въ 1884 году число литвиновъ и жмудиновъ, хорошо знакомыхъ съ русскимъ шрифтомъ, было уже близко къ двумъ-стамъ тысячамъ, которые никакъ не отличались консерватизмомъ въ смыслѣ, указанномъ неизвѣстными литовцами. Что же касается противодѣйствія римско-католическаго духовенства, то его, дѣйствительно, отрицать нельзя; но если этому противодѣйствію нужно было придавать рѣшающее значеніе въ вопросѣ о шрифтѣ для литовской газеты, то о немъ, конечно, не позабыли бы и при выборѣ направленія, котораго должна была бы держаться эта газета, въ случаѣ разрѣшенія ея изданія; для обеспеченія успѣшнаго распространенія, а слѣдовательно, и самого существованія газеты ей несомнѣнно предстояла бы роль органа римско-католическаго духовенства, а при этомъ условіи способствовать развитію національнаго самосознанія литовцевъ, она, разумѣется, не могла бы вовсе.

Въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ по поводу шрифта тѣ же корреспонденты также стояли неподвижно на точкѣ зрѣнія латино-польской партіи. Они указывали между прочимъ на то, что многіе изъ прошедшихъ начальную русскую школу, по окончаніи въ ней курса, быстро забываютъ русскую азбуку и сами дома учатся литовскому языку по букварямъ, напечатаннымъ латинскимъ шрифтомъ. Но гдѣ же источникъ этого явленія? Кто, кромѣ завзятыхъ ревнителей колонизаціи Литвы и Жмуди, скажетъ, что такого рода явленіе, замѣчаемое и въ настоящее время, хотя и не въ столь сильной степени, какъ прежде, не искусственно, что оно не создано именно представителями римско-католической церкви въ Россіи? Русская школа не насилуетъ совѣсти своихъ малолѣтнихъ учениковъ-католиковъ: и по выходѣ изъ школы они остаются тѣми же правовѣриыми католиками, какими вступили въ нее. Но, какъ католики, они должны подчиняться волѣ и распоряженіямъ своихъ духовныхъ пастырей, должны молиться по тѣмъ книгамъ, на которыя имъ указываютъ ксендзы; а ксендзы, какъ давно извѣстно, подъ разными предлогами избѣгаютъ книгъ, напечатанныхъ русскими буквами, и настойчиво рекомендуютъ своимъ пасомымъ изданія латино-польской печати. И

вотъ именно въ силу того, что іерархія католической церкви въ Россіи не желаетъ согласовать своихъ дѣйствій съ дѣйствіями правительства, и приходится религіознымъ молодымъ жмудинамъ, прошедшимъ русскую народную школу, учиться по-неволѣ польскому языку.

Указывали также на то, что изданныя русскимъ правительствомъ книги на литовскомъ и жмудскомъ нарѣчіяхъ русскимъ шрифтомъ не находятъ сбыта. Относительно книгъ религіознаго содержанія это указаніе вѣрно: на распространеніе этого рода книгъ, дѣйствительно, и разчитывать трудно до тѣхъ поръ, пока высшій іерархъ римско-католической церкви не дастъ своего свидѣтельства, что въ этихъ книгахъ не замѣчается ничего противнаго римско-католической вѣрѣ. Что же касается другихъ изданій, то распространеніе ихъ шло довольно успѣшно. Это особенно нужно сказать о „Русской грамотѣ для литовцевъ“, которая, какъ замѣчено выше, выдержала не одно изданіе и поступала въ обращеніе не черезъ школы только, а иногда закупалась въ Вильнѣ и коробейниками: фактъ, говорящій не въ пользу основательности нападокъ на русскій шрифтъ.

Не колеблясь можно сказать, что авторы упомянутыхъ въ чте корреспонденцій сами находились подъ подавляющимъ вліяніемъ латино-польскаго духовенства. Иначе трудно объяснить себѣ, почему ограниченная по своей численности группа молодежи, ничѣмъ не заявившая себя ни въ наукѣ, ни въ литературѣ, къ тому же окружавшая себя какою-то таинственностію, вдругъ заговорила о необходимости возрожденія и утвержденія въ литовско-жмудскомъ населеніи національнаго самосознанія при непремѣнномъ условіи изгнанія русскаго алфавита изъ литовскихъ и жмудскихъ изданій, заговорила почти въ одно время съ тѣмъ, какъ противъ этого алфавита рѣшительно и открыто ополчалось католическое духовенство, въ лицѣ представителя своего, епископа Бересневича.

Вышесказанныя въ печати посягательства молодыхъ литовскихъ лжепатріотовъ на остающееся въ силѣ и до настоящаго времени извѣстное распоряженіе генералъ-адъютанта Муравьева, конечно, не имѣли серьезныхъ послѣдствій, въ смыслѣ какой-либо перемѣны во взглядѣ правительства относительно шрифта для литовско-жмудскихъ книгъ; тѣмъ не менѣе они вызвали формально поставленный правительственною властію въ томъ же 1884 году общій вопросъ о результатахъ предпринятаго съ 1864 года примѣненія русскаго алфавита къ литовско-жмудской письменности и объ основаніяхъ, на ко-

торыхъ могло бы быть продолжаемо печатаніе этимъ алфавитомъ литовскихъ книгъ. Первая часть вопроса рѣшалась сама собою безъ всякихъ затрудненій: съ 1864 по 1884 годъ въ дѣлѣ введенія русскаго шрифта въ употребленіе въ средѣ литовско-жмудскаго населенія достигнуты были несомнѣнные успѣхи; представленный нами въ своемъ мѣстѣ послѣдовательный обзоръ данныхъ по означенному предмету даетъ достаточное тому доказательство. Устраненіе мѣры, отъ которой правительство ожидало значительной пользы, и которая на самомъ дѣлѣ такую пользу и принесла, было признано не желательнымъ; такъ какъ уступки противникамъ и колебанія въ этомъ отношеніи угрожали бы потрясеніемъ всей системы русскаго образованія въ Литвѣ, давно уже и прочно установленной.

Въ такомъ именно смыслѣ и данъ былъ отвѣтъ на первую часть вышеупомянутаго вопроса со стороны учебнаго вѣдомства, которое своими трудами и заботами и. точнѣе продолжительнаго времени настойчиво и успѣшно распространяя на литовской окраинѣ русское образованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ подготавливало и почву для безповоротнаго рѣшенія вопроса объ алфавитѣ для литовско-жмудской письменности въ пользу русскаго шрифта, и для котораго, слѣдовательно, такое или иное рѣшеніе этого вопроса не безразлично.

Относительно условій успѣшнаго продолженія печатанія литовско-жмудскихъ книгъ русскими буквами были высказаны вѣскія соображенія, осуществленіе которыхъ, въ высшей степени желательное и въ интересахъ дѣла необходимое, превышаетъ единичныя усилія учебнаго округа, какъ бы велики они ни были. Вотъ эти соображенія:

1) Благовиднымъ предлогомъ, подъ которымъ ксендзы отказываются содѣйствовать распространенію изданныхъ русскимъ правительствомъ книгъ религіознаго содержанія, служитъ то, что книги эти не чужды ошибокъ и неточностей въ переводѣ. Это указаніе нужно принять въ разчетъ: быть можетъ, въ изданныхъ въ 1866 и 1867 годахъ книгахъ, какъ въ дѣлѣ тогда совершенно новомъ, и есть какія-либо несправности въ редакціонномъ отношеніи. Поэтому полезно было бы подвергнуть изданія въ упомянутыхъ годахъ книги религіознаго содержанія тщательному пересмотру. Въ средѣ нашихъ русскихъ ученыхъ есть люди, которые могли бы дать компетентное по этому предмету мнѣніе и указаніе. А для того, чтобы лишить ксендзовъ возможности ссылаться на несовершенства новыхъ изданій и оказывать противодѣйствіе распространенію ихъ среди литовско-жмудскаго населенія, необходимо истребовать одобреніе этихъ из-

даній въ религіозномъ отношеніи со стороны высшей власти римско-католической церкви въ Россіи. Никакихъ законныхъ основаній уклониться отъ исполненія этого требованія римско-католическій митрополитъ не имѣетъ и не можетъ имѣть, такъ какъ книги, о которыхъ идетъ рѣчь, ни въ чемъ не будутъ отличаться отъ оригиналовъ.

2) Не слѣдуетъ ограничиваться изданіемъ книгъ религіознаго и специально учебнаго содержанія; нужно позаботиться и о томъ, чтобы дать народу, знакомому съ русскимъ алфавитомъ, матеріалъ для полезнаго, поучительнаго чтенія; нужно поэтому, чтобы издаваемые были книги и брошюры, въ которыхъ излагались бы полезныя для народа свѣдѣнія. Въ этихъ видахъ могли бы быть переведены: а) книжки и брошюры, указанныя, на примѣръ, для занятій при воскресныхъ и праздничныхъ чтеніяхъ въ сельскихъ школахъ Виленской губерніи; б) наиболее пригодныя для литовцевъ книги, изданныя въ С.-Петербургѣ для чтенія въ аудиторіяхъ Соляного городка, и въ Москвѣ комиссіей по устройству народныхъ чтеній, избранныя изъ изданій комитетовъ грамотности С.-Петербургскаго и Московскаго.

3) Самъ собою возникающій вопросъ о томъ, кому можетъ быть порученъ трудъ перевода вышеозначенныхъ книгъ и брошюръ, легко разрѣшается, если припомнить, что изъ Поневежской учительской семинаріи выпущено уже болѣе 100 молодыхъ людей, знающихъ жмудское нарѣчіе. Въ числѣ этихъ молодыхъ людей есть такіе, которые въ сознаніи важности подобныхъ переводовъ сами добровольно приняли бы на себя подобную работу. Но высшее редакціонное наблюденіе за изданіемъ такихъ переводовъ, конечно, слѣдовало бы поручить лицу университетскаго образованія, основательно знакомому съ литовско-жмудскими нарѣчіями.

4) На изданіе вышеуказанныхъ переводовъ необходимо исходатайствовать особый кредитъ. Въ распоряженіи Виленскаго учебнаго округа, за исключеніемъ одновременно отпущенныхъ въ 1865 году 7 тысячъ рублей, никогда не было подобнаго кредита, и если учебный округъ въ виду важности распространенія среди литовско-жмудскаго населенія книгъ, печатанныхъ русскимъ шрифтомъ, не прекращалъ до нѣкоторой степени издательской дѣятельности, то онъ самъ же долженъ былъ изыскать и необходимыя для нея средства.

5) вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо настоять, чтобы распоряженіе генералъ-адъютанта Муравьева было обязательно не для одной только Виленской цензуры, но и для всего цензурнаго вѣдомства; въ про-

тивномъ случаѣ то, что не разрѣшается къ печатанію цензурой Виленскою, можетъ быть разрѣшено цензурой, напримѣръ, Петербургскою.

б) Необходимо, наконецъ, чтобы подлежація власти приняли энергическія мѣры если не къ совершенному уничтоженію, то по крайней мѣрѣ къ уменьшенію контрабанднаго ввоза книгъ и изданій на литовскомъ и жмудскомъ нарѣчіяхъ латинскими буквами, а равно и къ изыатію изъ народнаго обращенія такихъ книгъ и изданій, которыя попали и къ народу незаконнымъ путемъ.

Принятіе энергическихъ мѣръ къ возможно скорѣйшему осуществленію вышеприведенныхъ соображеній устранило бы возможность дальнѣйшаго противодѣйствія ксендзовъ распространенію русскаго алфавита среди литовско-жмудскаго племени и положило бы предѣлъ правдивымъ домогательствамъ въ пользу возвращенія къ латинско-польскому шрифту при печатаніи литовскихъ и жмудскихъ книгъ.

Между тѣмъ въ недавнее время, магистръ русской словосности, членъ-сотрудникъ Русскаго Географическаго Общества, Э. А. Вольтеръ, родомъ латышъ, совершившій рядъ этнографическихъ поѣздокъ по Литвѣ и Жмуди, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1887 года предложилъ этнографическому отдѣленію Русскаго Географическаго Общества печатать собранныя имъ литовскія пѣсни латинскимъ алфавитомъ. Такое предложеніе тѣмъ болѣе удивительно, что г. Вольтеръ, по видимому, признаетъ благомъ для литвиновъ тѣсную связь ихъ съ Россіей. Не дагѣ, какъ глѣтомъ 1887 года онъ печатно высказывался, что „пора вѣзаться за воспитаніе литовцевъ въ духѣ сближенія ихъ съ русскимъ народомъ, русскою литературой, русскою исторіей и вообще съ русскимъ обществомъ“, что „литовцы по отношенію къ славянамъ близкіе родственники, двоюродные братья,“, что „славяно-русская азбука, безъ сомнѣнія, весьма удобна для передачи большинства литовскихъ и латышскихъ звуковъ“, что для успѣшнаго обученія литовцевъ „славяно-русской азбукѣ, примѣняемой къ литовскому языку, необходимо было бы въ народной школѣ обучать народъ на литовскомъ языкѣ и по русско-литовскимъ книгамъ“. Въ статьѣ своей: „Объ изученіи литовскаго языка и племени“ г. Вольтеръ, ссылаясь на сочиненіе В. В. Антоновича ¹⁾, между прочимъ говоритъ: „Безъ сомнѣнія, судьба литовскаго племени издавна связана съ судьбами Русской земли. Она связана такъ тѣсно,

¹⁾ Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго въ половинѣ XV столѣтія. Кіевъ. 1878.

что исторія Русской земли не можетъ быть разсказана безъ исторіи Литвы. Памятники литовской литературы, сборники законовъ, литовскія лѣтописи и акты литовскихъ судовъ написаны на русскомъ языкѣ“ и т. д. Въ той же статьѣ содержитсяъ указаніе, что профессора Московскаго университета Ф. О. Фортунатовъ и Вс. О. Миллеръ „напечатали 100 листовъ литовскихъ пѣсенъ русскимъ шрифтомъ и съ прибавленіемъ русскаго перевода, какъ результатъ поездки, совершенной ими въ 1871 году въ Лядвиновскую гмину, Кальварійскаго уѣзда, Сувалкской губерніи“. Указывая на это, г. Вольтеръ выражаетъ сожалѣніе, что названный сборникъ „скоро сдѣлался библиографическою рѣдкостью, такъ что въ настоящее время литовскія народныя пѣсни съ русскимъ переводомъ русскому читателю доступны только въ небольшой книжкѣ покойнаго И. Юшкевича, издавшой Императорскою Академіею Наукъ въ 1867 году“.

Г. Вольтеру, какъ извѣстно, возражалъ профессоръ С.-Петербургской духовной академіи М. О. Кояловичъ, помѣстившій вслѣдъ затѣмъ въ Церковномъ Вѣстникѣ статью подъ заглавіемъ: „Судьбы русскаго просвѣщенія и русской религіозной жизни на окраинахъ Россіи“. Выразивъ удивленіе по поводу неожиданнаго предложенія г. Вольтера и замѣтивъ вскользь, что предложеніе это поддерживалъ членъ-сотрудникъ Географическаго Общества Ю. П. Кузнецовъ, родомъ также изъ латышей, предложившій въ свою очередь печатать всякія литовскія книги латино-польскимъ шрифтомъ, издавать имъ даже литовскую газету, конечно, во имя истинныхъ интересовъ литвиновъ и для ихъ сближенія съ Россіей, М. О. Кояловичъ говоритъ: „Вся эта система, при самыхъ лучшихъ намереніяхъ ея изобрѣтателей, вѣрнѣе всего вредила бы Литвѣ и Россіи. Братся за такую систему — значило бы дѣйствовать противъ враговъ ихъ же оружіемъ; но при этомъ сейчасъ же возникаетъ вопросъ: умѣли ли и надежны ли тѣ руки, которыя будутъ дѣйствовать этимъ оружіемъ на защиту литвиновъ? Сомнѣніе на этотъ счетъ встанетъ сейчасъ же во всей силѣ, какъ только мы вспомнимъ, что тутъ главными дѣятелями были бы собственно не молодые ревнители блага литовцевъ, каковы вѣкоторые литвины, получившіе хорошее русское образованіе, въ числѣ которыхъ, полагаемъ, стоятъ и гг. Вольтеръ и Кузнецовъ, а латинскіе ксендзы въ литовскихъ областяхъ, ксендзы, которые теперь направлены противъ русской азбуки и среди которыхъ истинные литвины всегда могутъ быть снесены съ лица литовскихъ областей при нинѣшней власти нашихъ латин-

скихъ епископовъ... Молодые литвины хотять сразу поставить дѣло и научно, и широко,—создать для литвиновъ фонетическую азбуку, то-есть, такую, которая бы точно передавала оттѣнки избраннаго ими для литовскаго литературнаго языка литовскаго нарѣчія и, разумѣется, берутъ для этого одно изъ такихъ литовскихъ нарѣчій, которое больше разработано поляками и за которое теперь сильно берутся и нѣмцы, именно чаце всего тельшевское, а это значить дѣлать насиліе надъ другими литовскими нарѣчіями, особенно обидное для восточныхъ литвиновъ и весьма странное съ русской точки зрѣнія. У всѣхъ литвиновъ есть въ ихъ нарѣчіяхъ не мало слѣдовъ ихъ вѣковой связи съ славянскимъ языкомъ, а у восточныхъ литвиновъ даже произношеніе литовскихъ словъ въ значительной степени подчинилось законамъ рѣчи ихъ ближайшихъ и самыхъ дружественныхъ сосѣдей—бѣлоруссовъ. Поужоли можно разумно рвать у литвиновъ эти вѣковѣчныя связи съ русскимъ языкомъ въ борьбѣ съ поляками и нѣмцами, предпринимаемой во имя сближенія литвиновъ съ русскими, имѣя притомъ подъ руками уже довольно привычную литвицамъ богатую и гибкую русскую азбуку, которая можетъ быть приложена и уже прилагается къ литовскому языку безъ всякаго искусственнаго преобладанія одного литовскаго нарѣчія надъ другимъ, то-есть, безъ существеннаго насилія надъ ними и безъ скоро-спѣлаго рѣшенія вопроса о будущемъ литературномъ литовскомъ языкѣ?.. Принимаясь, на зациту литовцевъ, воовать съ поляками и нѣмцами ихъ же оружіемъ, мы воевали бы съ ними съ весьма сомнительнымъ успѣхомъ, и навѣрное поражали бы этимъ оружіемъ своихъ, потому уже, что заставили бы громадную массу литвиновъ бросать русскую азбуку и приниматься за польскую, что, дѣйстви-тельно, не могло бы не отозваться дурно на всей системѣ русскаго образованія и не только въ чисто литовскихъ областяхъ, но и во всей западной Россіи“.

Само собою разумѣется, что при вопросѣ объ изданіи литовско-жмудскихъ книгъ тою или другою азбукой весьма важно знать о количествѣ литовцевъ, знающихъ русскую азбуку. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ оказывается, что въ народныхъ сельскихъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа, за все время ихъ существованія, обучены русской азбукѣ приблизительно до 204 тысячъ литовцевъ и жмудиновъ. По статистическимъ даннымъ послѣдняго времени, въ народныхъ училищахъ Ковенской губерніи число учениковъ-жмудиновъ по отношенію къ общему числу учащихся дѣтей сельскаго сосло-

вія составляетъ почти 80%; то же отношеніе въ уѣздахъ Виленской губерніи, населенныхъ коренными литовцами, опредѣляется 31%. Если къ нимъ прибавить литвиновъ и жудиновъ городскихъ училищъ Сѣверо-Западнаго края, низшихъ и среднихъ, и разнаго рода училищъ Варшавскаго учебнаго округа, и притомъ принять во вниманіе успѣшныя результаты по части освоенія съ русскою азбукою, достигаемыя полковыми школами по отношенію къ литвинамъ-солдатамъ, то общее число всѣхъ литовцевъ и жудиновъ, обученныхъ русской азбукѣ до настоящаго времени, безъ преувеличенія можно опредѣлить болѣе чѣмъ въ 300 тысячъ. Правда, есть большое число литвиновъ, знающихъ только польскую азбуку. Это—литвины стараго поколѣнія, и если при изданіи литовскихъ книгъ или газетъ руководствоваться коммерческими соображеніями, то конечно, эти книги и газеты нужно издавать по польски; коммерческій расчетъ оправдается несравненно, потому что знающихъ польскую азбуку не только большинство, но и большинство, очень состоятельное въ матеріальномъ отношеніи, почти все хозяева, тогда какъ обученные русской азбукѣ—молодое, не обезпеченное и часто весьма бѣдное поколѣніе. Но русскіе люди, искренно ревнующіе о благѣ литвиновъ, должны стать на сторону этого молодаго поколѣнія: въ него положено много русскаго труда и въ немъ — близкая намъ будущность Литвы.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1887 ГОДУ.

Полное число штатныхъ преподавателей въ С.-Петербургскомъ университетѣ къ концу 1887 года было слѣдующее: по историко-филологическому факультету—ординарныхъ профессоровъ 9, экстраординарныхъ 4; лекторовъ новыхъ иностранныхъ языковъ 3, итого 19; по физико-математическому—ординарныхъ профессоровъ 13, экстраординарныхъ 5, итого 18; по юридическому—ординарныхъ профессоровъ 7, экстраординарныхъ 4, итого 11; по факультету восточныхъ языковъ—ординарныхъ профессоровъ 4, экстраординарныхъ 3, лекторовъ восточныхъ языковъ 4, итого 11. Сверхъ того, для всѣхъ факультетовъ по штату положенъ профессоръ православнаго богословія. Общее число штатныхъ преподавателей было: 1 профессоръ богословія, 33 ординарныхъ профессора, 16 экстраординарныхъ, 3 лектора новыхъ языковъ и 4 лектора восточныхъ языковъ, всего 57. Независимо отъ сего, при университетѣ состояли отчисленные отъ штатныхъ ординарные профессора: по физико-математическому факультету—5, по юридическому—2, по факультету восточныхъ языковъ—3 и одинъ экстраординарный профессоръ по физико-математическому факультету, всего 11. Приватъ-доцентовъ состояло: на историко-филологическомъ факультетѣ—16, на физико-математическомъ—24, на юридическомъ—7, на факультетѣ восточныхъ языковъ—6, всего 54. Такимъ образомъ общее число преподавателей всѣхъ разрядовъ къ концу 1887 года было 122 лица.

Изъ числа штатныхъ преподавателей не имѣютъ требуемой университетскимъ уставомъ ученой степени доктора 7 лицъ, именно: на историко-филологическомъ факультетѣ—1, на физико-математиче-

скомъ — 1, на юридическомъ — 4, на факультетѣ восточныхъ языковъ — 1. Кромѣ того, на физико-математическомъ факультетѣ состоитъ экстраординарный профессоръ, имѣющій степень доктора медицины Бернскаго университета.

Въ теченіе года факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій 17, физико-математическій 21, факультетъ восточныхъ языковъ 13. Относительно распредѣленія предметовъ и порядка преподаванія никакихъ новыхъ распоряженій не послѣдовало. Для усиленія учебной дѣятельности слушателей университетскихъ лекцій служили практическія ихъ занятія подъ руководствомъ профессоровъ и преподавателей, сущность которыхъ состояла въ слѣдующемъ. Въ историко-филологическомъ факультетѣ: а) по латинскому языку и римской литературѣ: у профессора Помяловскаго — чтеніе, переводъ и объясненіе избранныхъ латинскихъ надписей, по сборнику Видльманса „*exempla inscriptionum latinaarum*“, и письменныя упражненія въ латинской рѣчи; у профессора Эблинскаго — толкованія первой книги Лукреція, 6-й и 9-й книгъ Энеиды Вергилія, 10-й книги *Institutiones* Квинтиліана; у приватъ-доцента Шебора — разборъ, толкованіе и переводъ стихотвореній Катутла и рѣчей въ сочиненіяхъ Саллюстія; б) по греческому языку и литературѣ: у профессора Ернштедта — переводы на греческій языкъ съ латинскаго (*Dialogus de oratoribus*, Квинтиліанъ, Brutus Цицерона и Корнелій Непотъ) и разборъ избранныхъ отрывковъ изъ греческихъ эгегикъ и Ксенофонта (*Hellenica*); у профессора Никитина — разборъ „Электры“ Софокла и переводы съ латинскаго на греческій; у приватъ-доцента Латышева — разборы Фукидида, Плутарха біографіяThemistocle и Лукіана Самосатскаго „Тимонъ“ и переводы съ латинскаго и русскаго языковъ на греческій. Кромѣ того, подъ руководствомъ профессора Соколова на дому у него студенты старшихъ семестровъ занимались чтеніемъ греческихъ надписей, а подъ руководствомъ профессора Карѣева — разборомъ сочиненій Монтескьѣ, Руссо, Конэ и другихъ писателей XVIII вѣка. Въ физико-математическомъ факультетѣ: а) По сравнительной анатоміи и физиологіи, подъ руководствомъ профессора и при помощи лаборанта, занятія происходили два раза въ недѣлю и одио время три раза. Два студента послѣднихъ семестровъ продолжали свою работу надъ Бартолиновыми тѣльцами, а одинъ изъ нихъ — и надъ селезенкою рыбъ подъ руководствомъ лаборанта, два окончившіе курсъ и пять студентовъ V и VII семестровъ производили спеціальныя изслѣдованія

по мышечной и нервной физиологіи. б) По зоологіи и сравнительной анатоміи; 8 студентовъ V и VIII семестровъ, подъ руководствомъ профессора и двухъ хранителей, занимались въ зоотомическомъ кабинетѣ; два студента V семестра занимались: одинъ—изготовленіемъ препаратовъ по анатоміи *Lumbricus* и *Myzostomum*, другой—по эмбриологіи позвоночныхъ; студентъ VIII семестра Вагнеръ въ первомъ полугодіи изучалъ организацию *Vermipsylla* (и *Aphaniptera* вообще), во второмъ—обработывалъ гидроидовъ, собранныхъ имъ на Гѣломъ морѣ, и закончилъ обработку *Monobrachium parasiticum*; по первой работѣ сдѣланы были имъ два сообщенія въ энтомологическомъ обществѣ; одинъ студентъ VIII семестра изучалъ строеніе нервной системы *Polychaeta*, другой IV семестра—строеніе вѣшнихъ половыхъ придатковъ у *Hymenoptera*; консерваторъ Шалфейсъ изучалъ исторію эмбриональнаго развитія *Limax agrestis*, и о результатахъ сообщилъ въ обществѣ естествоиспытателей, и занимался обработкою собраннаго имъ во время командировки на Соловецкіе острова матеріала по анатоміи и гистологіи слизней; кандидатъ Фаусекъ занимался изученіемъ гистологіи кишечнаго канала наѣкомыхъ и изученіемъ эмбриологіи фалангидъ; кандидатъ Хворостанскій занимался изслѣдованіемъ строенія половыхъ органовъ пиявокъ, опредѣлилъ коллекцію *Gerphuga* Коротнева (съ Зондскихъ острововъ). Подъ руководствомъ приватъ-доцента Лесгафта происходили практическія занятія по анатоміи человѣка и нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ; въ этихъ занятіяхъ принимали участіе 28 студентовъ; каждый изъ нихъ получилъ отъ 4 до 10 препаратовъ; препарировали суставы, мышцы, внутренности, а также сосуды и нервы конечностей (съ налитыми сосудами); кромѣ того, происходили демонстраціи и занятія надъ куриными зародышами, а двое изъ студентовъ принимали участіе при опытахъ надъ вліаніемъ цвѣтовъ на ростъ и развитіе животныхъ. Прозекторомъ Фортунатовымъ, со студентами I и II семестровъ, велись практическія занятія по анатоміи человѣка, состоявшія въ изученіи на препаратахъ органовъ человѣческаго тѣла и въ разъясненіи всего того, что, по наблюденію преподавателя, неясно студентамъ и что не могло быть показано всѣмъ во время чтенія лекцій; кромѣ того, со студентами старшихъ семестровъ велись занятія по препаровкѣ труповъ; занимались 26 студентовъ. в) По химіи, подъ руководствомъ профессора Коновалова и при участіи лаборантовъ, происходили занятія со студентами качественными и количественными анализами и электролизами. Въ спеціальному отдѣленіи орга-

вической химіи происходили практическія занятія со студентами VII и VIII семестровъ естественнаго разряда; произведены слѣдующія работы: изслѣдованіе дѣйствія воды на уксусный ангидридъ, изслѣдованіе смѣшанныхъ ангидридовъ кислотъ, изслѣдованіе марциловаго алкоголя, изученіе дѣйствія амміака на производныя карбазола, изготовленіе эфировъ двуатомныхъ феноловъ, изученіе превращенія хлоргидрина гликозъ, изслѣдованіе амидыфталевой кислоты, изученіе взаимныхъ превращеній производныхъ стильбена и изостильбена. г) По физикѣ, подъ руководствомъ двухъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ, сверхъ обязательныхъ работъ въ физической лабораторіи, два студента VI семестра произвели изслѣдованіе надъ вліяніемъ температуры на гальваническое сопротивленіе проволокъ изъ палладія и его сплавовъ съ серебромъ, золотомъ и платиною; другіе два студента того же семестра устроили воздушный калориметръ и произвели съ нимъ цѣлый рядъ тщательныхъ опытовъ. Подъ руководствомъ приватъ-доцента Боргмана происходили практическія занятія по физикѣ съ студентами V и VI семестровъ математическаго отдѣленія; главное назначеніе этихъ занятій, бывшихъ по вечерамъ,—дать возможность студентамъ усвоить себѣ главнѣйшіе методы измѣренія электрическихъ величинъ въ абсолютныхъ единицахъ. д) По минералогіи одни изъ студентовъ занимались знакомствомъ съ кристаллическими формами, другіе—съ паяльною трубкою, третьи—съ кристаллооптикой, четвертые—съ химическимъ анализомъ минераловъ и породъ. Два окончившихъ курсъ изслѣдовали составъ и происхожденіе лессовъ Нижегородской губерніи; два студента опредѣляли составъ нижегородскихъ паносовъ; другіе два студента занимались изученіемъ генезисовъ и преобразованій силикатовъ, а оставленный при университетѣ кандидатъ изучалъ происхожденіе и составъ русскихъ подзоловъ. е) По агрономіи произведены были слѣдующія работы: одинъ кандидатъ занимался опытами съ различными удобрениями и обработкой почвы и представилъ спеціальныи докладъ по отдѣлу земледобрильныхъ туковъ; одинъ изъ окончившихъ курсъ работалъ надъ изслѣдованіемъ вопроса о вліяніи разрыхленія и уплотненія на влагоемкость и водоудерживательную способность почвъ; два студента VII семестра занимались анализомъ торфовъ Петербургской губерніи; два студента занимались: одинъ—опредѣленіемъ крахмала въ заводскихъ и кормовыхъ сортахъ картофеля, выращенныхъ въ университетскомъ ботаническомъ саду, другой—механическимъ анализомъ фосфорнокислыхъ удобрений. ж) Занятія по физи-

ческой географіи и метеорологіи состояли въ ознакомленіи студентовъ съ метеорологическими инструментами и способами наблюденія. На юридическомъ факультетѣ практическія занятія велись со студентами VII семестра по разнымъ вопросамъ гражданскаго права и по уголовному судопроизводству. На факультетѣ восточныхъ языковъ, студенты, являясь на лекціи, должны предварительно подготовиться надлежащимъ образомъ, то-есть, разобрать и уяснить себѣ, при помощи словарей и грамматикъ, на сколько это возможно, текстъ переводимаго на лекціи автора, безъ чего профессорская лекція не будетъ имѣть надлежащаго значенія; студентамъ весьма часто приходится переписывать восточные тексты для перевода ихъ на лекціяхъ; для постоянныхъ же практическихъ занятій при факультетѣ состоятъ четыре лектора. Четыре студента IV семестра занимались составленіемъ указателя къ посмертному труду покойнаго профессора Гиргаса, то-есть, къ изданію арабскаго текста исторіи Динавари.

На соисканіе наградъ медалями факультетами предложены были слѣдующія темы: историко-филологическимъ факультетомъ— „Осада и взятія Константинополя турками“, „Воинская повинность и судебное устройство Франкскаго государства по капитуляріямъ Карла Великаго“, „А. С. Пушкинъ“, „Отношенія къ Пушкину какъ современной ему, такъ и позднѣйшей критики, до самаго времени открытія ему памятника въ Москвѣ“, „Сводъ палеографическихъ наблюдений важнѣйшихъ данныхъ языка (въ отношеніи грамматическомъ и словарномъ) и историко-литературныхъ выводовъ изъ замѣчавій изъ трудовъ Горскаго и Невоструева и Срезневскаго“ и „Капитуляріи Карла Великаго“; физико-математическимъ— „Объ относительномъ движеніи твердаго тѣла, подверженнаго даннымъ силамъ по отношенію къ неизмѣняемой средѣ, движущейся даннымъ образомъ“, „Отношеніе электропроводности къ химическому составу и свойствамъ растворовъ“ и „Опредѣленіе орбиты спутника Сиріуса“; юридическимъ— „Разборъ юридическихъ препятствій относительно права занятія торговымъ промысломъ“, „О преторскомъ эдиктѣ“, „Исторія и система преторскаго эдикта“, „О постановкѣ вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ“, и „О компетенціи земскихъ учреждений“; факультетомъ восточныхъ языковъ— „Указать присутствіе нарѣчій въ языкѣ лунной“ и „Историко-литературный обзоръ грузинскихъ повѣстей, написанныхъ въ прозѣ въ XI и XII вѣкахъ“. За представленныя на эти темы сочиненія удостоены: золотыхъ медалей—11 (историко-филологическаго факультета 5, физико-математическаго 1, юридическаго

4, факультета восточныхъ языковъ 1); серебряныхъ—9 (ист.-филол. 2, физ.-матем. 2, фак. вост. яз. 3); почетныхъ отзываетъ—2 студента физико-математическаго факультета, а одинъ студентъ того же факультета удостоенъ преміи въ 110 руб. въ память перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей.

На основаніи дѣйствующихъ постановленій совѣтомъ университета утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора, магистры: В. Латышевъ—греческой словесности, Н. Введенскій и А. Тихомировъ—зоологіи, П. Георгіевскій—политической экономіи, В. Латкинъ—государственного права и В. Смирновъ—турецко-татарской словесности; б) въ степени магистра, кандидаты: И. Сазоновичъ—русской словесности, А. Томсонъ—сравнительнаго языковѣдѣнія, Н. Новосадскій—греческой словесности, А. Никольскій—зоологіи, В. Храповицкій—ботаники, В. Амалицкій—минералогіи и геогнозіи, А. Ивановскій—китайской словесности; в) въ степени кандидата утверждено 239 лицъ, именно: по историко-филологическому факультету 34, по физико-математическому 118 (по математическому отдѣленію 77, по естественному 41), по юридическому 81, по факультету восточныхъ языковъ 6; г) въ званіи дѣйствительнаго студента—102 лица, въ томъ числѣ: на историко-филологическомъ факультетѣ 16, на физико-математическомъ—15 (по математическому отдѣленію 6, по естественному отдѣленію 9), на юридическомъ—64, на факультетѣ восточныхъ языковъ—7.

Для приготовленія къ профессорскому званію находилось въ командировкѣ за границею 11 лицъ, именно: 2 по философіи, 2 по всеобщей исторіи, 2 по исторіи западно-европейскихъ литературъ, и по одному—классической филологіи, сравнительному языковѣдѣнію, ботаникѣ, государственному праву, санскритской словесности. Изъ числа сихъ лицъ 5 уже возвратились изъ-за границы. Съ тою же цѣлью приготовленія къ профессурѣ оставлены были при университетѣ 27 лицъ, изъ нихъ при историко-филологическомъ факультетѣ 11, при физико-математическомъ 15, при юридическомъ 8, при факультетѣ восточныхъ языковъ 3. Изъ числа этихъ 27 лицъ 17 пользовались стипендіями изъ штатныхъ суммъ и частнаго пожертвованія, а остальные стипендій не получали. Кромѣ того прикомандированы были къ университету одинъ магистръ и три кандидата съ стипендіями изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, и одинъ кандидатъ, пользовавшійся стипендіей С.-Петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ.

Къ 1-му января 1887 года въ С.-Петербургскомъ университетѣ

входило 2.525 студентовъ и 102 стороннихъ слушателя; въ теченіе года вновь принято 299 (изъ гимназій 238, изъ другихъ учебныхъ заведеній 38, изъ другихъ университетовъ 22 и бывшихъ студентовъ С.-Петербургскаго университета 6); въ теченіе года вышло 771 (по окончаніи курса 455, до окончанія курса 316); затѣмъ къ 1-му января 1888 года оставалось на лицо 2.053 студентовъ, то-есть, на 472 менше противъ предыдущаго; стороннихъ слушателей—70. Состоявшіе къ началу 1888 года студенты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ—на историко-филологическомъ факультетѣ 184 (8,96%), на физико-математическомъ 777 (37,84%), на юридическомъ 1.010 (49,2%), на факультетѣ восточныхъ языковъ 82 (4%); б) по вѣроисповѣданіямъ—православныхъ 1.376, армяно-грегоріанъ 222, католиковъ 238, лютеранъ 160, реформатовъ 22, евреевъ 214, магометанъ 8, единовѣрцевъ 12, англиканскаго исповѣданія 1; в) по сословіямъ: синовей дворянъ и чиновниковъ 1.183, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи 226, духовнаго званія 141, мѣщанъ, купцовъ 2-й гильдіи и ремесленниковъ 391, крестьянъ 66, казачьяго сословія 28, иностранныхъ подданныхъ 18; г) по учебнымъ округамъ, въ районѣ которыхъ находится учебныя заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго учебнаго округа 863, Московскаго 156, Дерптскаго 123, Кіевскаго 95, Казанскаго 52, Харьковскаго 79, Виленскаго 256, Одесскаго 64, Оренбургскаго 98, Варшавскаго 143, Кавказскаго 90, Сибирскаго 34.—Изъ общаго числа студентовъ, въ теченіе года воспользовались стипендіями 371 лицо, всего на сумму 93.770 руб. 53 коп., въ составъ которой вошли: 65.015 руб. 85 к.—изъ государственнаго казначейства, 16.195 руб. 33 к.—отъ разныхъ вѣдомствъ и учреждений и 12.559 руб. 35 к.—изъ пожертвованныхъ капиталовъ; размѣръ стипендій составлялъ отъ 50 до 420 руб. включительно. Единовременныя пособія выданы были 217 студентамъ, всего 5.363 руб. 10 к. Отъ платы за слушаніе лекцій освобождено 172 студентовъ. Такимъ образомъ всѣми способами вспомошествованія воспользовались 1.300 студентовъ на общую сумму 99.133 руб. 63 коп.

Денежныя средства С.-Петербургскаго университета пахотились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныя суммы—отъ 1886 года оставалось 34,559 р. 20 к., на содержаніе университета въ 1887 году ассигновано по государственному бюджету 444,359 р. 35 к., въ теченіе года израсходовано 439,138 р. 58 к., затѣмъ къ концу 1887 года имѣлось остаткомъ 39,779 р. 97 к.; б) сборъ за слушаніе лекцій: къ 1-му января 1887 года имѣлось (наличными и въ бума-

гахъ) 59,833 р. 24 к., въ теченіе года поступило 28,876 р. 90 к., израсходовано 35,692 р. 98 к., къ 1888 году имѣлось 53,017 р. 16 к.; в) пожертвованій разныхъ лицъ: отъ 1886 года оставалось 428,111 р. 84 к., въ 1887 года поступило 30,075 р. 24 к., израсходовано 15,821 р. 95 к., къ 1-му января 1888 года въ остаткѣ было 442,365 руб. 11 $\frac{1}{4}$ к. Главнѣйшіе расходы изъ спеціальныхъ средствъ университета были слѣдующіе: на выдачу содержанія консерваторамъ и лаборантамъ 13,080 р., на напечатаніе сочиненій 5,364 р., на командировки профессоровъ и преподавателей 4,200 р., на выдачу пособій служащимъ 4,152 р., на наемъ пѣвчихъ, на музыкальныя упражненія студентовъ и на выдачу развѣдныхъ денегъ служащимъ 2,484 р., на выдачу пособій и вознагражденія за особые труды профессорамъ и преподавателямъ 2,335 р.

Составъ и дѣятельность въ 1887 году существующихъ при С.-Петербургскомъ университетѣ ученыхъ обществъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Общество естествоиспытателей, учрежденное въ 1868 году. Засѣданій было по отдѣленіямъ: ботаническому 8, зоологическому 8 геологическому 6. Научныхъ сообщеній сдѣлано: въ первомъ 21, во второмъ 21, въ отдѣленіи минералогіи и геологіи 22 и два реферата. Общихъ собраній было 4; на нихъ, кромѣ заслушанія текущихъ дѣлъ Общества, заслушаны слѣдующія сообщенія: Н. Андрусова—„О происхожденіи фауны Сарматскаго яруса“ и „О результатахъ геологическаго изслѣдованія Усть-урта“; В. В. Докучаева—„О новѣйшихъ работахъ по русскому чернозему“; А. И. Воейкова—„О преподаваніи географіи въ университетахъ“. Въ 1887 году Обществомъ снаряжены были слѣдующія экскурсіи: а) отъ отдѣленія зоологіи—почетный членъ общества Н. П. Вагнеръ и гг. Шимкевичъ, Полежаевъ, Шалфеевъ и Книповичъ были командированы на Соловецкіе острова, при чемъ часть средствъ на эту экскурсію получена изъ суммъ центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія; С. Н. Герценштейнъ—на Мурманскій берегъ, Варнаховскій—въ Нижегородскую губернію. б) Отъ отдѣленія минералогіи и геологіи—П. А. Земляченскій—въ рудный районъ Рязанской, Владимірской и Нижегородской губерній, В. К. Полъновъ—на берега р. Юга, П. Н. Венюковъ—въ окрестности г. Дубно, Н. И. Андрусовъ—на Усть-урты и Мангышлакъ; эта экспедиція была совершена съ цѣлью пополненія геологическихъ данныхъ, собранныхъ Арадо-Каспійской экспедиціей. в) Отъ отдѣленія ботаники экскурсировалъ въ Витебской губерніи А. А. Антоновъ; Г. И. Танфильевъ изучалъ болота Петербургской губерніи; В. И.

Половцевъ производилъ ботаническія изслѣдованія на табачныхъ плантаціяхъ въ Полтавской и Черняговской губерніяхъ. Наконецъ, по порученію состоящаго при Обществѣ Крымскаго комитета, совершилъ, на средства мѣстнаго земства, геологическую экскурсію въ Крымъ К. К. фонъ-Фохтъ, который и изслѣдовалъ уѣзды: Евпаторійскій, Перекопскій и части Симферопольскаго и Феодосійскаго. Такимъ образомъ и въ 1887 году, подобно предшествовавшимъ годамъ, число экскурсантовъ, работавшихъ по порученію Общества, достигало, можно сказать, весьма и весьма почтенной цифры. Въ 1867 году вышелъ въ свѣтъ XVII томъ (выпускъ II) Трудовъ Общества, въ которомъ, кромѣ протоколовъ, помѣщены: обширная работа П. Н. Венюкова: „Фауна Девонской системы сѣверо-западной и центральной Россіи“ и статьи В. Михайлова: „къ вопросу о крови у высшихъ безпозвоночныхъ животныхъ“. Сверхъ того, печатался и XVIII томъ Трудовъ, въ который войдутъ: 3-й выпускъ „Монографіи Мизидъ“ г. Чернявскаго, статья Варпаховскаго и Герценштейна „О рыбахъ Амура“ и проч.

Русское физико-химическое Общество. Состоитъ изъ двухъ отдѣленій: физики и химіи. Въ мартѣ 1887 года Государю Императору благоугодно было пожертвовать физическому отдѣленію 5,000 руб. для организаціи астро-химическихъ и метеорологическихъ наблюдений во время солнечнаго затмѣнія 7-го—19-го августа. Для той же цѣли Э. И. Базилевскій передалъ обществу 1.000 руб., столько же было ассигновано и самимъ отдѣленіемъ. Подготовка къ вышеупомянутымъ наблюдениямъ и разработка полученныхъ результатовъ и составляли главный предметъ занятій отдѣленій въ теченіе года. Матеріала, касающагося солнечнаго затмѣнія, накопилось столько, что особая комиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ профессора Н. Г. Егорова, до сихъ поръ еще не могла окончить его разработки. Научныхъ сообщений въ 9-ти засѣданіяхъ физическаго отдѣленія было слѣдано 44; изслѣдованій по физикѣ напечатано въ Журналѣ русскаго физико-химическаго общества 25; рефераты этихъ работъ помѣщались кромѣ того, во французскихъ и нѣмецкихъ журналахъ. Въ отдѣленіи химіи было научныхъ сообщеній слѣдано 111 въ 9 очередныхъ засѣданіяхъ Общества. Одно изъ общихъ собраній Общества, происходившее при многолюдномъ стеченіи публики, въ актовомъ залѣ университета, было посвящено памяти покойнаго А. М. Бутлерова. Общество издало XIX томъ своего журнала, по прежней программѣ: физическая часть изданія—подъ редакціей И. И. Борзмана, химическая—подъ редакціей Н. А. Меншуткина. Химическая часть, кромѣ мно-

гочисленныхъ рефератовъ по всѣмъ частямъ химіи, заключаетъ въ себѣ 82 оригинальныхъ изслѣдованія. Сношенія съ учеными обществами, какъ русскими, такъ и иностранными, состояли въ обмѣнѣ изданіями, корреспонденціями и рефератами. Въ библіотекѣ Общества имѣется 56 названій журналовъ въ количествѣ 1,961 тома, и отдѣльныхъ книгъ и брошюръ 593 названія.

Юридическое общество. Состоитъ изъ трехъ отдѣленій: гражданскаго, уголовного и административнаго. Гражданское отдѣленіе имѣло семь засѣданій, изъ которыхъ три первыхъ были посвящены преніямъ по докладамъ дѣйствительныхъ членовъ Демчинскаго, Осецкаго и Гордона— „Объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ“. Въ слѣдующихъ затѣмъ засѣданіяхъ происходили пренія по докладамъ дѣйствительныхъ членовъ: Мыша— „О правѣ наслѣдованія въ имуществѣ, оставшемся послѣ иностранцевъ въ Россіи“ и Яроцкаго— „Отвѣтственность предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими“. Доклады эти были напечатаны и разосланы членамъ Общества. Редакціонный комитетъ гражданскаго отдѣленія имѣлъ три засѣданія, посвященные разсмотрѣнію вносимыхъ въ отдѣленіе докладовъ. Уголовное отдѣленіе имѣло 4 засѣданія; въ нихъ происходили доклады и пренія по рефератамъ дѣйствительныхъ членовъ общества: Фукса— „Уголовно-судебная экспертиза на предварительномъ слѣдствіи и судѣ“ и Случевского— „О частномъ обвиненіи“. Сверхъ того, редакціонный комитетъ, въ усиленномъ составѣ, въ собраніяхъ по воскреснымъ днямъ, въ зданіи кодификаціоннаго отдѣла, занимался разсмотрѣніемъ проекта особенной части уголовного уложенія: „О посягательствахъ имущественныхъ“. Занятія эти происходили въ томъ же порядкѣ, въ какомъ разсматривался въ предыдущемъ году отдѣлъ проекта о преступныхъ дѣяніяхъ противъ личности. Замѣчанія редакціоннаго комитета печатаются и будутъ изданы въ 1888 году. Въ административномъ отдѣленіи слушались два доклада дѣйствительныхъ членовъ: К. К. Арсенъева— „О сословности въ мѣстномъ управленіи и самоуправленіи“ и князя Д. Н. Цертелева— „Объ отчетности и отвѣтственности лицъ, служащихъ по земскимъ учрежденіямъ“. Совѣтъ Юридическаго Общества имѣлъ пять засѣданій, посвященныхъ разсмотрѣнію предложеній кандидатовъ въ члены Общества, утвержденію расходовъ и обсужденію другихъ дѣлъ. Общихъ собраній членовъ въ теченіе года было два, одно обыкновенное и одно годовое: на послѣднемъ выслушана рѣчь члена Общества Н. Д. Сергѣевского: „О ссылкѣ въ древней Россіи“.

ПИФАГОРЪ И ИНДІЙЦЫ.

Исслѣдованіе о происхожденіи пифагорейскаго ученія. А

Среди весьма различныхъ, перѣдко противорѣчивыхъ извѣстій, мифическихъ или полумифическихъ разказовъ, въ тѣ вѣка, когда греческая мысль выступала съ первыми серьезными попытками объяснить происхожденіе міра, выдается маститый образъ Пифагора, основателя школы, которая соединяла въ себѣ глубоко-нравственную правду, стремленіе къ достойному, строго упорядоченному образу жизни съ своеобразнымъ объясненіемъ міровой системы и цѣлымъ рядомъ странныхъ воззрѣній на міръ и на жизнь. Чѣмъ дальше мы стараемся проникнуть въ глубь вѣковъ, тѣмъ скуднѣе становятся источники, доставляющіе намъ извѣстія о жизни и ученіи этого замѣчательнаго человѣка; позднѣйшіе же вѣка, напротивъ, даютъ намъ подробнѣйшія детали, въ которыхъ немало чудеснаго и невѣроятнаго. Это обстоятельство составляетъ достаточную причину къ тому, чтобы относиться съ величайшею осторожностью, чтобы строго отличать давно и прочно удостовѣренное отъ того вымысла, который передаютъ намъ какой-нибудь Ямблѣихъ или Аполлоній Тіанскій или же другіе подобные имъ писатели, сознательные или бессознательные авторы сказокъ. Критика новѣйшаго времени—надо ей отдать справедливость—хорошо исполнила свою задачу ¹⁾: изъ всего того, чтó прежде думали и разказывали про Пифагора, она оставила только немногое, какъ удостовѣренное прочными свидѣтельствами. Но хотя бы и много новаго вошло въ позднѣйшее время въ эту систему или развилось въ ней,

---

¹⁾ Я говорю прежде всего объ Эдуардѣ Целлерѣ и его знаменитомъ произведеніи: *Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung*. Th. I, 4 Aufl., p. 254 sqq.

хотя бы и много старались окружать жизнь и дѣятельность этого удивительнаго человѣка ореоломъ мистическихъ прикрасъ,—все-таки нельзя сомнѣваться въ томъ, что главными воззрѣніями и основапіями своими пиеагорейская система обязана самому основателю школы, а также и въ томъ, что сообщается о его жизни; по крайней мѣрѣ нѣкоторыя главныя черты могутъ предъявить притязаніе на историческую достовѣрность.

Мы можемъ принять исторически констатированнымъ, что Пиеагоръ жилъ въ VI столѣтіи до Р. Х., родомъ былъ изъ Самоса, а затѣмъ переселился въ Кротонъ въ Нижней Италіи, гдѣ собралъ около себя сильно сплоченный кругъ приверженцевъ и учениковъ, и что, наконецъ, онъ умеръ около 500 года.

Въ позднѣйшіе вѣка мы встрѣчаемся съ разказами о далекихъ путешествіяхъ, которыя будто бы совершилъ Пиеагоръ по разнымъ странамъ, чтобы познакомиться съ мудростью другихъ народовъ; по этимъ разказамъ, онъ посѣтилъ египтянъ, финикіянъ, халдеевъ, персидскихъ маговъ, индійцевъ, арабовъ, евреевъ, даже еракійцевъ и галльскихъ друидовъ; но ни объ одномъ изъ этихъ путешествій, даже о поѣздкѣ въ египтянамъ, не имѣется древнихъ и вполне достовѣрныхъ свидѣтельствъ (ср. Zeller, Philosophie der Griechen, Th. I, 4-те Aufl., p. 274 sq.). Не смотря на то, я склоненъ настаивать на томъ, что эти разказы, столь часто повторяемые, не совсѣмъ лишены основанія: это основаніе могло заключаться или въ смутномъ преданіи объ извѣстныхъ страствованіяхъ Пиеагора по чужимъ краямъ, или хотя бы въ впечатлѣніи чего-то вполне иностраннаго, не греческаго, которое производили и должны были производить на жителей Греціи и Италіи многія изъ важнѣйшихъ пиеагорейскихъ мыслей; впечатлѣніе это невольно наталкивало на предположеніе, что Пиеагоръ усвоилъ себѣ эти мысли на чужбинѣ. Съ этимъ предположеніемъ согласуется и важное мнѣніе Гераклита: отзываясь о Пиеагорѣ неблагоприятно, даже весьма пренебрежительно, онъ тѣмъ не менѣе называетъ его человѣкомъ, отличавшимся болѣе другихъ стремленіемъ приобретать познанія; не считая его мало-мальски самостоятельнымъ или выдающимся мыслителемъ, а напротивъ, прямо говоря о Пиеагоровой *καχοτεχνίη*, онъ однако указываетъ на его *ιστορίη* и *κολομαθηή*, какъ на характерныя явленія ¹⁾. Допустимъ, что это еще не сви-

¹⁾ Fr. 22 у Diog. VIII, 6: Πωθαγόρης Μνησάρχου ιστορίην ἤσκησεν ἀνθρώπων μάλιστα πάντων, καὶ ἐκλεξάμενος ταύτας τὰς συγγραφὰς ἐποίησεν ἑωυτοῦ σοφίην, κολομαθηήν, καχοτεχνίην. Ср. Деллеръ, I, 4-е изд., стр. 283, 443, 459.

дѣтельствуеть о какихъ-либо путешествіяхъ Пифагора; но все-таки это ясно опредѣлившееся стремленіе усвоить себѣ мудрость другихъ какъ нельзя лучше согласовалось бы съ представленіемъ о Пифагорѣ, съ любознательностью посѣщающемъ чужія страны. Во всякомъ случаѣ мы должны признать, что только тогда можно съ достовѣрностью утверждать о такихъ путешествіяхъ, если въ пользу этого говорить внутренняя вѣроятность въ ученіяхъ Пифагора, если эти ученія сами по себѣ ясно указываютъ на чужеземную область, какъ на мѣсто ихъ возникновенія.

Вотъ эта-то область до сихъ поръ и не найдена.

Можетъ ли въ наше время найти себѣ какихъ-нибудь сторонниковъ мнѣніе Гладша ¹⁾, будто пифагорейское міросозерцаніе беретъ свое начало изъ Китая, обязапо своимъ происхожденіемъ китайскимъ идеямъ, — я не знаю, но позволю себѣ сомнѣваться въ этомъ. Съ бѣльшимъ основаніемъ можно было бы указать, вѣрнѣе съ Рѣтомъ ²⁾, на Египетъ. Но и это мнѣніе стоитъ на шаткой почвѣ. Попытка Целлера доказать, что воззрѣнія Пифагора на міръ и жизнь возникали на исполнѣ греческой почвѣ, „вполнѣ уразумѣть ихъ изъ самобытности и культурнаго состоянія греческаго народа въ VI столѣтіи“ ³⁾, попытка эта, при такомъ положеніи вопроса, должна казаться вполнѣ основательною. Удалась ли ему эта попытка—это, конечно, другой вопросъ, на который я, съ своей стороны, не могу отвѣтить утвердительно.

Попытаемся изслѣдовать въ отдѣльности ученія и мнѣнія Пифагора и разборомъ ихъ освѣтить вопросъ о ихъ вѣроятномъ источникѣ.

I.

Ученіе о переселеніи душъ.

„Ни одно изъ пифагорейскихъ ученій не пользуется большею извѣстностью и ни одно не приписывается съ большею увѣренностью родоначальнику пифагорейской школы, чѣмъ ученіе о переселеніи душъ.“

¹⁾ *Gladisch*, Einleitung in das Verständniss der Weltgeschichte. 1841. 1844. Die Religion und die Philosophie in ihrer weltgeschichtlichen Entwicklung. 1852. и др. ср. *Целлеръ*, стр. 27 и слѣд.

²⁾ *Rößl*, Geschichte uns. abendländ. Philos. I, 74 flg., 228 flg., 459 flg. Ср. *Целлеръ*, тамъ же. Также *Chaignet*, Pythagore, I, 43 et suiv. II, 353. Къ этому ср. *Целлеръ*, стр. 278, примѣч. 1-е.

³⁾ *Целлеръ*, ч. I, 4-е изд., стр. 448.

Еще Ксенофанъ, затѣмъ Іо изъ Хіоса касаются его, Филолай преподаетъ его, Аристотель называетъ его пифагорейскою басней, а Платонъ составилъ свои мнѣніе о загробной жизни несомнѣнно по образцу пифагорейскихъ представлений¹⁾. Поэтому понятно, что мы начинаемъ съ разсмотрѣнія именно этого ученія.

Вѣра въ переселеніе нашихъ душъ черезъ многія земныя тѣла неразрывно связана съ личностью Пифагора. Онъ несомнѣнно провозгласилъ эту вѣру, и притомъ не какъ второстепенную, оригинальную идею или предположеніе; напротивъ, отношеніе его къ ней было, по видимому, вполне серьезное; этою вѣрой онъ былъ проникнутъ весь; усердно и съ успѣхомъ старался онъ передать своимъ ученикамъ это убѣжденіе. Но откуда у него явилась эта вѣра? Вѣдь немногимъ можетъ показаться вѣроятнымъ, чтобы онъ одинъ, помимо другихъ мыслителей, пришелъ къ этой идеѣ, которая является такою чуждою въ греческомъ культурномъ мірѣ, чтобы онъ самъ въ себѣ развилъ изъ нея силу религіознаго убѣжденія.

Целлеръ считаетъ вѣроятнымъ, что ученіе о переселеніи душъ имѣло въ Греціи приверженцевъ еще до Пифагора; но это предположеніе кажется мнѣ мало обоснованнымъ. Что еще Ферекидъ, котораго называютъ учителемъ Пифагора, училъ о переселеніи душъ,—это какъ признаетъ самъ Целлеръ, „не доказано свидѣтельствомъ Цицерона и другими позднѣйшими свидѣтельствами, такъ какъ объ этомъ умалчиваютъ древнѣйшіе писатели“ (ср. Целлеръ, I, 4-е изд., стр. 55); но Целлеръ, конечно, заходитъ уже слишкомъ далеко, утверждая, что Ферекиду „косвенно приписывается до Пифагора догматъ о переселеніи душъ всѣми, которые называютъ его учителемъ этого философа“ (стр. 57). Это не можетъ быть допущено, такъ какъ вѣдь любознательному Пифагору не было надобности поучаться только у Ферекиды; напротивъ того, все говоритъ въ пользу того, что онъ усвоилъ себѣ мудрость не одного человѣка, пока собственнымъ мышленіемъ и вѣрой не достигъ прочнаго результата. У такихъ позднихъ писателей, какъ Цицеронъ и другіе, дѣйствительно легко могло явиться предположеніе, что еще и Ферекидъ, какъ учитель Пифагора, вѣровалъ въ переселеніе душъ.

¹⁾ Приведенныя слова сказаны Целлеромъ въ началѣ отдѣла „о религіозныхъ и этическихъ ученіяхъ пифагорейцевъ“ (стр. 418). Онъ же прямо называетъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 301) ученіе о переселеніи душъ „единственнымъ ученіемъ, которое съ полною достоверностью можетъ быть приписано самому Пифагору“.

Целлеръ указываетъ (стр. 53, 57), наконецъ, на орфическія и вакхическія мистеріи, въ которыхъ, по его мнѣнію, быть можетъ, еще до Пифагора, заключалось ученіе о переселеніи душъ; но тутъ мы имѣемъ дѣло съ весьма темнымъ вопросомъ, и приведенныя доказательства (стр. 56 и 57) мало убѣдительны.

Филолай для подтвержденія положенія, что душа ради наказанія связана съ тѣломъ и какъ бы похоронена въ немъ, прямо ссылается на „древнихъ теологовъ и прорицателей“ (стр. 56); но подъ послѣдними могутъ подразумѣваться также и мудрецы Востока, египтяне, индійцы и др.; это положеніе свидѣтельствуетъ главнымъ образомъ лишь о томъ, что мы уже высказали выше, именно, что не самъ Пифагоръ создалъ идею о переселеніи душъ. Платонъ выводитъ „это же самое положеніе изъ мистерій, притомъ изъ орфическихъ“ (стр. 56); но и это еще не убѣдительно: вѣдь очень можетъ быть, что это ученіе Пифагора и пифагорейцевъ вошло въ орфическія мистеріи; самъ же Целлеръ (стр. 57) допускаетъ, что пифагореизмъ „рано вошелъ въ связь съ орфическими культами“ ¹⁾. Наконецъ, хотя Пиндаръ и знаетъ о переселеніи душъ и представляетъ эту мысль нѣсколько видоизмѣненною, но ему не было надобности заимствовать это ученіе изъ вакхической и орфической религіи въ Фивахъ, какъ думаетъ Целлеръ (стр. 57). Пиндаръ, родившійся въ 521 г. до Р. Х., достигъ возраста возмужалости только къ тому времени, когда насталъ конецъ жизни и дѣятельности Пифагора. Если Гераклитъ говоритъ объ ученіяхъ Пифагора, какъ о чемъ-то общезвѣстномъ въ Іоніи (Целлеръ, стр. 283), то вѣдь очень возможно, что извѣстія о нихъ дошли въ то время и до Фивъ ²⁾. Очень обстоятельными эти извѣстія могли и не быть; напротивъ того, судя по тѣмъ приемамъ, по той свободѣ, съ которою Пиндаръ ³⁾

¹⁾ См. тамъ же примѣчаніе 1-е объ орфическихъ письменахъ, подтасованныхъ, какъ говорятъ, пифагорейцами.

²⁾ Если самъ Гераклитъ, какъ говоритъ Целлеръ (стр. 56),—явно предполагаетъ ученіе о переселеніи душъ, то это менѣе всего можетъ насъ удивить послѣ вышесказаннаго.

³⁾ „У Пиндара есть представленіе, что отдѣльнымъ любимцамъ боговъ дозволяется возвращеніе къ земной жизни, и что тѣ, которые трижды вели незапятнанную жизнь, будутъ переведены на острова блаженныхъ, въ царство Кроноса“. Такое изложеніе „представляетъ намъ во всякомъ случаѣ измѣненіе ученія о переселеніи душъ: въ то время, какъ возвращеніе къ тѣлесной жизни всегда рассматривается какъ кара и средство исправленія, у Пиндара оно является какъ преимущество, достигающееся въ удачѣ только лучшимъ людямъ и даю-

воспроизводитъ эту идею, мы можемъ скорѣе предполагать у него лишь общее, поверхностное знаніе ея.

Итакъ, мы должны признать отнюдь не доказаннымъ, что ученіе о переселеніи душъ было извѣстно въ Греціи еще до Пифагора, или что оно имѣло какихъ-нибудь сторонниковъ. Пифагоръ же несомнѣнно училъ о переселеніи душъ. Вотъ почему, пока не приведены другія доказательства, намъ надо считать его первымъ, провозгласившимъ это ученіе въ Греціи и Италіи ¹⁾.

Странное ученіе о переселеніи души черезъ цѣлый рядъ земныхъ тѣлъ является въ греко-италійскомъ мірѣ чѣмъ-то новымъ, совершенно чуждымъ; объяснить, хотя бы мало-мальски удовлетворительно, его возникновеніе изъ культурнаго состоянія, изъ мыслительнаго кругозора грековъ до Пифагора не возможно. Мы не имѣемъ, на сколько до сихъ поръ извѣстно, ни одного предположенія, которое могло бы сдѣлать вѣроятнымъ такое возникновеніе этого вѣрованія ²⁾. Поэтому очень естественно и вполне понятно, что изслѣдователи, начиная съ Геродота, предполагающаго у египтянъ появленіе этого ученія, до новѣйшаго времени искали происхожденіе вѣры въ переселеніе душъ у другихъ народовъ, прежде всего у восточныхъ. Даже Целлеръ говоритъ (стр. 58): „Возможно, что Геродотъ вообще былъ правъ, и что вѣра въ переселеніе душъ дѣйствительно перешла изъ Египта въ Грецію либо непосредственно, либо при помощи посредниковъ, которыхъ, правда, нѣтъ возможности ближе опредѣлить“ ³⁾... „Но можно было бы предположить, что эта вѣра, родство которой съ индійскими и египетскими ученіями дѣй-

---

щее имъ случай искать, вмѣсто меньшаго блаженства въ Гадесѣ, вышшаго— на островахъ блаженныхъ“ (Целлеръ, стр. 56 и 57). Это не что иное, какъ извѣщеніе на вполне греческій ладъ мысли, носящей у Пифагора совершенно индійскій характеръ.

¹⁾ Нѣкоторые изъ древнихъ, впрочемъ, прямо называютъ Пифагора первымъ учившимъ о переселеніи душъ. Diog. L. VIII, 14: πρῶτον τοῦτον (Πυθαγόραν) ἀκοφῆσαι τὴν ψυχὴν κύκλον ἀνάγκης ἀμείβουσαν ἄλλοτε ἄλλοις ἐνδαίεσθαι ζῆσις. Ср. IV, 95 (ср. *Исторія* изданіе Геродота, примѣчаніе къ II, 123).

²⁾ Не будь этого, я не отрицаю бы безусловно возможности, что ученіе это могло развиваться самостоятельно у грековъ и, стало-быть, вполне независимо у разныхъ народовъ. Но надо же все-таки сперва указать на историческую вѣроятность (Целлеръ, стр. 58 и 59).

³⁾ Целлеръ думаетъ, что время этого перехода могло относиться къ VII столѣтію до Р. Х. Что мы не можемъ считать это вѣроятнымъ,—это вполне вытекаетъ изъ вышесказаннаго.

ствительно указывает на ея восточное происхождение, явилась въ Грецію въѣсть съ греческимъ народомъ еще въ доисторическую его эпоху, что сначала она была ограничена болѣе тѣснымъ кругомъ и только впоследствии достигла большаго значенія и распространенія; въ пользу этого объясненія можно было бы доказать, что подобныя представленія находились, какъ увѣрають, и у такихъ народовъ, у которыхъ нельзя предполагать египетскихъ вліяній¹⁾. Но эта послѣдняя гипотеза все-таки стоитъ на весьма шаткой почвѣ. Древнѣйшій періодъ греческой культуры ничего не знаетъ о вѣрѣ въ переселеніе душъ, равно какъ и древнѣйшіе памятники индійской литературы, гимны Ригведы, въ культурно-историческомъ отношеніи столь обильные и полные, не знаютъ о переселеніи душъ. Вѣра въ переселеніе душъ у гетовъ и у другихъ еракійцевъ¹⁾ весьма сомнительна или, лучше сказать, нисколько не доказана; на ней а равно и на томъ, что сообщаютъ Цезарь и Діодоръ о вѣрѣ въ переселеніе душъ у галловъ²⁾, не можетъ быть построена гипотеза, долженствующая имѣть столь важное значеніе. Но намъ важно то, что и Целлеръ, какъ доказываютъ вышеприведенныя слова, считаетъ восточное происхожденіе этого ученія вѣроятнымъ.

Страна, на которую съ древнѣйшихъ поръ, начиная съ Геродота и до новѣйшаго времени, привыкли смотрѣть какъ на родину, на мѣсто возникновенія греческой вѣры въ переселеніе душъ, есть, какъ извѣстно, Египетъ. То важное мѣсто, въ которомъ отецъ исторіи называетъ египтянъ первыми, учившими о безсмертіи души и о переселеніи душъ, находится у Геродота II, 123: πρῶτοι δὲ καὶ τόνδε τὸν λόγον Αἰγύπτιοί εἰσι οἱ εἰπόντες, ὡς ἀνθρώπου ψυχὴ ἀθάνατος ἐστὶ, τοῦ σώματος δὲ καταφθίνοντος ἐς ἄλλο ζῆλον αἰεὶ γινόμενον ἐσθύεται, ἐπεὶ δὲ πάντα περιέλθῃ τὰ χερσὶα καὶ τὰ θαλάσσια καὶ τὰ πετεινά, αὐτὶς ἐς ἀνθρώπου σῶμα γινόμενον ἐσθύνει, τὴν περιήλυσιν δὲ αὐτῇ γίνασθαι ἐν τρισχιλίοισι ἔτεσι. τούτῳ τῷ λόγῳ εἰσι οἱ Ἑλλήνων ἐχρήσαντο, οἱ μὲν πρότερον οἱ δὲ ὕστερον, ὡς ἰδίῳ ἑωυτῶν ἔοντι. τῶν ἐγὼ εἰδὼς τὰ οὐνόματα οὐ γράφω (египтянами высказана впервые и та мысль, что душа человека бессмертна и что она, когда тѣло погибаетъ, всегда переходитъ въ другое живое существо, при этомъ возникающее; когда она перебивала уже во всѣхъ животныхъ, населяющихъ сушу и море, и въ

¹⁾ Ср. къ этому Целлеръ, стр. 58, прим. 1.

²⁾ Ср. Целлеръ, тамъ же, стр. 58, 59, прим. Ср. также ниже стр. 9, примѣчаніе 1-е.

птицахъ, то снова входятъ въ тѣло человѣка, тутъ же рождающа гося; это странствованіе души совершается въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ. Нѣкоторые эллины также пользовались этою идеей, какъ прежде, такъ и впоследствии, какъ будто это была ихъ собственная идея. Я знаю ихъ имена, но не называю ихъ).

Изъ этого мѣста ясно вытекаетъ, что Геродотъ приписываетъ египтянамъ вѣру въ переселеніе душъ, и что онъ держится того мнѣнія, будто нѣкоторые греки заимствовали ее отсюда. Подъ этими эллинами, именъ которыхъ онъ не называетъ, вѣроятно, разумѣются въ числѣ первыхъ Пифагоръ и Эмпедоклъ, а также орфики. Но что ученіе о переселеніи душъ ведетъ свое начало изъ Египта, въ этомъ является, какъ справедливо замѣчаетъ Целлеръ (стр. 36 и 37), очевидно лишь собственное предположеніе Геродота. Мало того: слова *ὅς τις ἰδίῳ ἑσώτῳ εἶναι* вполне выясняютъ, что эллинскіе приверженцы метемпсихозы ничего не говорили о египетскомъ происхожденіи своего ученія, а напротивъ того, провозглашали его какъ свое собственное. Допустимъ даже случай, что египтяне утверждали передъ Геродотомъ что-нибудь подобное,—что впрочемъ нисколько еще не вытекаетъ изъ вышеприведеннаго мѣста,—но и это не слѣдуетъ считать указаніемъ, такъ какъ извѣстно, что египтяне вообще морочили грековъ подобными притязаніямъ.

Какъ же должно вообще относиться къ этой вѣрѣ въ переселеніе душъ, приписываемой египтянамъ? Съ легкой руки Геродота, предположеніе о ея существованіи оставалось и до нашего времени не повѣреннымъ. Лишь въ новое время, благодаря быстрому и успѣшному развитію египтологіи въ XIX вѣкѣ, мы имѣемъ возможность навести справки у самихъ египтянъ, по ихъ памятникамъ, папирусамъ и папирусамъ. Тутъ-то и обнаруживается поразительный результатъ: какъ ни много говорятъ египетскіе памятники о смерти, они не представляютъ ни одного яснаго свидѣтельства о томъ, что египтяне вѣрили въ переселеніе душъ.

Первый, у кого я встрѣтилъ ясное и рѣшительное утвержденіе, что у египтянъ вовсе не было идеи о переселеніи душъ, — французскій ученый Танпери (Tanperu). Въ своемъ трактатѣ „*Thalès et ses emprunts à l'Égypte*“¹⁾ (стр. 318) онъ говоритъ: „*la métempsychose*

¹⁾ *Revue philosophique*, dirigée par Th. Ribot. Cinquième année (Janvier à Juin 1880). Paris. 1880. См. также рецензію *Teichmüller's* въ *Gött. Gel. Anz.* 1880, Stück 34, p. 1069, 1070. Впрочемъ ср. также ниже (стр. 10, прим.) отамъ *Maepero* въ 1872 г.

n'est en rien une idée égyptienne" ¹⁾). Это категорическое утверждение побудило меня, такъ какъ я самъ не знакомъ съ египтологіей, посоветоваться на счетъ этого пункта съ нѣкоторыми знатоками этой науки. Въ отвѣтъ я получилъ единогласно выраженное мнѣніе, что египетскіе памятники въ самомъ дѣлѣ не даютъ доказательства о вѣрованіи египтянъ въ переселеніе душъ.

Какъ же можемъ мы представить себѣ, что народъ, у котораго представленія о смерти играли такую выдающуюся роль, у котораго такъ много памятниковъ посвящено именно этому предмету, вѣрилъ въ метемпсихозу, если эти памятники не представляютъ тому сколько-нибудь яснаго свидѣтельства? Должно было бы, напротивъ, ожидать встрѣтиться въ памятникахъ на каждомъ шагѣ съ такими свидѣтельствами, а между тѣмъ ихъ нѣтъ.

Впрочемъ; египтологія съ достаточною рѣшительностью до сихъ поръ еще не возражала на свидѣтельство Геродота. Опираясь на это предположеніе, въ теченіе многихъ столѣтій прочно укоренившаяся, старались находить то тамъ, то сямъ въ египетскихъ памятникахъ что-нибудь о метемпсихозѣ; но свободному отъ предубѣжденій изслѣдователю это едва ли можетъ казаться убѣдительнымъ.

Превосходный знатокъ египтологіи, Людвигъ Штернъ, посвятилъ переселенію душъ у египтянъ особую статью, представляющую не мало интереснаго ²⁾). Онъ обсуждаетъ и выясняетъ въ ней преимущественно два древніе египетскіе памятника, въ которыхъ, по его мнѣнію, обнаруживается вѣра египтянъ въ переселеніе душъ. По моему мнѣнію, разсмотрѣніе этихъ памятниковъ показываетъ, напротивъ, какъ мало основательнаго можетъ быть высказано въ пользу вѣры въ переселеніе душъ у египтянъ.

Первый изъ этихъ памятниковъ—папирусъ d'Orbiney. Онъ былъ написанъ для фараона, не хотѣвшаго отпустить сыновъ Израиля. Онъ

¹⁾ За то Танири указываетъ на вѣру въ переселеніе душъ, приписываемую гетамъ и киммерійцамъ: но мы въ этомъ не можемъ за нимъ послѣдовать (ср. выше стр. 7; Целлеръ, стр. 58, прим. 1-е). Танири говоритъ въ вышеназванномъ трудѣ (стр. 318, прим. 2-е): „Si l'on veut attribuer une origine barbare au dogme pythagoricien, il faut la chercher au nord de la Thrace, chez les Gètes (en retournant les dires d'Hérodote sur Zamolxis qui est un dieu solaire), ou chez les Cimmériens (la transmigration des âmes étant un dogme constant de la religion des Kimris)“.

²⁾ Ueber die Seelenwanderung der Aegypter въ *Ausland* 1870, № 26, стр. 608—611.

содержитъ въ себѣ обнародованную въ Германіи профессоромъ Бругшемъ сказку „о двухъ братьяхъ“, которую однако Штернъ (стр. 607) предлагаетъ озаглавить „переселеніе души Батау“¹⁾.

Содержаніе этой необыкновенно фантастической сказки заключается въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ: Были два брата Анепу и Батау. Жена Анепу пыталась соблазнить Батау, но безуспѣшно. Разгнѣванная женщина клеветаетъ на него передъ Анепу; тотъ преслѣдуетъ Батау, но затѣмъ убѣждается въ его невинности. Батау говоритъ брату, что хочетъ идти въ „долину кедровъ“; сердце свое хочетъ положить на верхушку кедроваго дерева. Если срубить кедръ, онъ долженъ умереть. Онъ дѣйствительно отправляется туда и кладетъ сердце свое на верхушку кедра. Тамъ живетъ онъ счастливо съ женщиной изумительной красоты. Расположеніемъ этой женщины фараонъ овладѣваетъ посредствомъ богатыхъ подарковъ. Измѣнница, сдѣлавшись царицей, приказываетъ срубить кедръ въ долину; Батау умираетъ. Анепу ищетъ четыре года сердце брата, находитъ его наконецъ въ бобѣ и вновь оживляетъ трупъ Батау. Тутъ Батау превращается въ вола, котораго Анепу приводитъ въ Египетъ, гдѣ онъ дѣлается предметомъ почитанія. Когда волъ открываетъ царицѣ, кто онъ, то послѣдняя добивается того, чтобъ умертвить его, но двѣ капли крови падаютъ на землю, и на этомъ мѣстѣ вырастаютъ два персиковыя дерева, въ которыя вселяется душа Батау. И изъ нихъ доносится до совѣсти злой женщины: „Я—Батау, я еще живъ!“ Она приказываетъ срубить деревья; приказаніе это исполняютъ въ ея же присутствіи, и вотъ щепка отъ дерева влетаетъ ей въ ротъ. Она становится беременною и родитъ сына, который впоследствии дѣлается египетскимъ царемъ. Передъ кончиной онъ разказываетъ приключенія своей жизни, и затѣмъ душа его возносится къ небсамъ²⁾.

Это дѣйствительно весьма замѣчательная древняя сказка, полная чудесныхъ превращеній, но вѣры въ метемпсихозу я не могу въ ней

¹⁾ Тейхмюллеръ также говоритъ въ вышеозначенномъ журналѣ (стр. 1069), что „древній египетскій мнѣзь объ Анепу и Батау есть разказъ о переселеніи души со сказочнымъ характеромъ“.

²⁾ Ср. Штернъ, вышеназв. ст., стр. 607 и 608. Лучшій переводъ этой сказки, какъ мнѣ обязательно сообщилъ д-ръ О. Леммъ, переводъ *Maspero*, въ *Revue archéol.* 1878, tome 37; см. также *Maspero*, *Les contes populaires de l'Égypte ancienne traités et commentés.* Paris. 1882. Ср. также *Husson*, *La chaîne traditionnelle, contes et légendes au point de vue mythique.* Paris. 1874, p. 78—102.

открыть. Въ такомъ случаѣ метемпсихозой нужно было бы признать и сказки о томъ, какъ Дафна, убѣгая отъ Аполлона, превратилась въ лавровое дерево, какъ Зевсъ, чтобы похитить Европу, становится волкомъ, или какъ Протей стремительно принимаетъ одинъ образъ за другимъ, и т. п. Это сказочныя превращенія, а не переселеніе душъ.

Второй, приведенный Штерномъ, памятникъ—это сохранившееся также на папирусѣ такъ-называемое „Schai en sinsin“, переведенное Бругшемъ именно какъ книга метемпсихозы. Штернъ указываетъ, что для обозначенія слова sinsin употребляется изображеніе паруса, который, по его мнѣнію, вѣроятно, означаетъ дыханіе жизни; поэтому Штернъ переводитъ Schai en sinsin—„книга жизни“. „Это“, говоритъ онъ въ вышеназванномъ трудѣ (стр. 608),—„небольшая книга умершихъ, по содержанію и по назначенію совсѣмъ въ духѣ большой книги, отчасти даже съ заимствованіями изъ послѣдней; она дается умершимъ „въ видѣ паспорта“, какъ однажды отлично выразился Лепсіусъ. „Пантеизмъ—основаніе, на которомъ построенъ лабиринтъ египетской теологіи; пантеизмъ—господствующая, основная идея книги мертвыхъ. Умершій—это Озирисъ, и, какъ таковой, онъ самъ объявляетъ себя единымъ, высшимъ и вѣчнымъ богомъ. Прежде всѣхъ временъ, какъ богъ первичной матеріи, называется онъ Тумъ (скрытый); онъ же, какъ богъ солнца Ра, царитъ надъ приведеннымъ въ порядокъ свѣтовымъ міромъ; онъ проявляетъ себя самого во всѣхъ богахъ и людяхъ праведной жизни, какъ въ своихъ членахъ. Каждый его членъ—не что иное, какъ другое имя для него же самого; этотъ членъ (богъ или праведный человѣкъ) „въ концѣ земнаго своего поприща отрѣшается, подобно солнцу по вечерамъ, отъ своей видимой формы и возвращается къ нему, къ первичному духу, присущему всѣмъ формамъ“. Этими словами профессоръ Лепсіусъ („Древнѣйшіе тексты книги мертвыхъ“, стр. 53) опредѣляетъ основныя воззрѣнія египетской религіи¹⁾.

Во всемъ Schai en sinsin, 14 отдѣловъ котораго Штернъ сообщаетъ въ переводѣ, я нигдѣ не нахожу указаній на вѣру въ переселеніе душъ. Въ основаніи всей этой книги лежитъ фантастически-пантеистическое воззрѣніе; нѣсколько фразъ—ихъ очень мало—можно было бы пожалуй попытаться истолковать въ смыслѣ метемпсихозы; но безпристрастный изслѣдователь едва ли пойметъ ихъ въ такомъ смыслѣ. Весьма мѣтко самъ Штернъ (стр. 609) опре-

¹⁾ Штернъ, стр. 608.

дѣляетъ характеръ Schai en sinsin: „Книга трактуетъ о душѣ, которая, оправданная и очищенная отъ всей грязи земной жизни, достигаетъ вѣчнаго блаженства—близости боговъ, въ коей пребываетъ на вѣки; эта душа еще можетъ принимать формы, но она не связана съ низшими тѣлами животныхъ, а выбираетъ образы по своей волѣ. Это книга духовнаго возрожденія, книга вѣчной жизни“.

Не могу лучше охарактеризовать господствующее и проведенное черезъ всю книгу представленіе, какъ словомъ „фантастически-пантеистическое“. Умершій отождествляется съ самимъ богомъ Озирисомъ, именемъ котораго его и называютъ. Въ различныхъ вариантахъ повторяется постоянно мысль, что душа умершаго вступаетъ въ загробную жизнь, чтобы тамъ ей обоготворенной вѣчно жить въ блаженномъ единеніи съ богами. Такъ, читаемъ мы, напримѣръ, слѣдующее:

§ 3. „О Озирисъ Гарзіезисъ! Ты вступаешь въ царство мертвыхъ въ великой чистотѣ, тебя очищали объ богыни истины въ большомъ чертогѣ, ты подвергся освѣтленію въ чертогѣ, Себя очистилъ твое тѣло въ чертогѣ праведныхъ. Ты видишь, какъ Ра къ вечеру соединяется съ Атумомъ; Амонъ находится у тебя, доставляетъ дыханіе, Фта создаетъ твои члены, и ты вступаешь на солнечную гору съ Ра; твою душу воспринимаетъ въ баркѣ Ра вмѣстѣ съ Озирисомъ; твоя душа обоготворена въ домѣ Себа; такъ ты блаженствуешь во вѣки вѣковъ“.

§ 6. „Горъ, мститель своего отца, защищаетъ твое тѣло, онъ обоготворяетъ твою душу у всѣхъ боговъ, душа Ра оживляетъ твою душу, душа Шу проникаетъ въ ноздри твоего носа“.

§ 8. „О Озирисъ Гарзіезисъ! Къ тебѣ приходятъ боги юга и сѣвера; ты будешь жить въ плоти, пока не протекутъ міриады лѣтъ; душа твоя живетъ, ты служишь Озирису, ты дышишь въ Розетѣ, тебя охраняетъ и покрываетъ владыка преисподней вмѣстѣ въ великимъ богомъ, тѣло твое живетъ въ Деду-Нефурѣ, душа твоя живетъ ежедневно на небѣ“.

§ 10. „О Озирисъ Гарзіезисъ! Твоя душа живетъ книгой жизни, ты совершенствуешься книгой жизни, ты вступаешь въ царство мертвыхъ; тамъ для тебя пѣтъ прагонъ, ты какъ божественная душа въ Бузирисѣ, сердце твое безъ боязни, и очи твои открыты ежедневно“.

§ 11. „Боги въ домѣ подземнаго Озириса говорятъ: „Да откроются Озирису Гарзіезису ворота царства мертвыхъ; воспринятая и въ Гадесѣ, да живетъ его душа вѣчно! Да построятъ онъ себѣ ворота въ

Гадесѣ, да восхвалить онъ свою личность, свою могилу, да восприметъ онъ для себя книгу жизни и да будетъ онъ дышать!" и т. д.

Наконецъ въ заключеніе всего: „Для него изготовленъ этотъ свертокъ: „Книга жизни съ душами боговъ во вѣки вѣковъ“.

Рядомъ съ этимъ мы находимъ слѣдующія тирады:

§ 5. „Ты обновляешь свой образъ на землѣ для жизни, ты обоготворенъ съ душами боговъ, твое сердце есть сердце Ра, твои члены суть члены великаго Г'ора, ты живешь во вѣки вѣковъ“.

Или: § 6. „Ты ежедневно выходишь на землю, книга жизни—твоей талисманъ; этимъ ты дышешь, твои очи видятъ лучи солнечнаго диска, слова истины передъ Озирисомъ принадлежать тебѣ, акты оправданія на твоихъ устахъ“ и т. д.

Или: § 7. „О Озирисъ Гарзіезисъ! Душа твоя дышетъ на каждомъ мѣстѣ, которое ты избираешь. Ты на сѣдалищѣ подземнаго Озириса“ и т. д.

Или наконецъ: § 14. „Да живетъ онъ, да живетъ его душа, воспринятая въ каждомъ мѣстѣ, которое она изберетъ. Да приметъ онъ свою книгу жизни, да будетъ онъ дышать съ этою своею душою въ царствѣ мертвыхъ и облекаться во всѣ формы, такъ какъ онъ подалъ свое сердце въ Аментесу. Да будетъ приходитъ душа его на всякое мѣсто по собственной своей волѣ, оживотворенная на землѣ во вѣки вѣковъ!“

Но можно ли изъ этихъ фразъ заключить о вѣрѣ въ метемпсихозу? Можно ли думать, что душа покойника блуждаетъ по другимъ земнымъ тѣламъ, душа, о которой говорится (§ 8): „она живетъ ежедневно на небѣ“? Если въ § 5 сказано: „Ты обновляешь свой образъ на землѣ для жизни“, то тутъ же сказано далѣе: „ты обоготворенъ съ душами боговъ, твое сердце есть сердце Ра“ и т. д.

Представленіе о дальнѣйшей жизни души въ Schai en sinsin, по моему мнѣнію, совѣтъ несовмѣстимо съ вѣрой въ странствованіе индивидуальной души по другимъ земнымъ существамъ, но все это объясняется съ фантастически-пантеистической точки зрѣнія. Душа на вѣки вѣчны соединяется съ богомъ жизни, постоянно обновляющейся, съ Озирисомъ, съ душами боговъ; исходя изъ этого воззрѣнія, можно затѣмъ сказать, что душа живетъ на небѣ и на землѣ въ каждомъ мѣстѣ, выбираемомъ ею, во всѣхъ желаемыхъ формахъ. Вѣра въ переселеніе душъ не содержится въ этомъ представленіи ¹⁾.

¹⁾ Читателей, которые обвинили бы меня въ томъ, что я пропустилъ или не досмотрѣлъ въ некоторыхъ, можетъ быть, рѣшающихъ мѣста въ Schai en s

Наконецъ, тотъ благочестивый страхъ, съ которымъ египтяне обращались съ тѣлами умершихъ, приготовленіе мумій и связанное съ нимъ представленіе о томъ, что тѣло должно быть сохраняемо, чтобы душа вновь могла соединиться съ нимъ,—все это, какъ мнѣ

прошу просмотрѣть всю книгу въ переводѣ Штерна (*Amiland*, 1870, № 26, p. 609 и слѣд.). Этими они составятъ себѣ правильное и цѣлостное впечатлѣніе, а также будутъ въ состояніи изслѣдовать и частности. Послѣ обработки настоящаго сочиненія получилъ я отъ д-ра О. Лемма письмо съ отзывомъ его о вышеназванномъ вопросѣ. Позволю себѣ привести этотъ отзывъ: „Въ переселеніе душъ въ смыслѣ пифагорейскомъ, какъ оно описано у Овидія (*Metam.* XV), египтяне рѣшительно не вѣрили. Мнѣніе, что древніе египтяне вѣрили въ переселеніе душъ, скорѣе возникло по недоразумѣнію, вслѣдствіе смѣшенія съ другимъ древне-египетскимъ ученіемъ. По Книгѣ мертвыхъ (гл. 76—88), умершій могъ принимать разныя формы, притомъ „какія онъ хотѣлъ“; онъ могъ принять образъ золотого перепелитника, священнаго перепелитника, цвѣтка лотоса, феникса, цапли, ласточки, змѣи, крокодила и др., но это нисколько не значить, что душа умершаго переходила въ тѣла этихъ животныхъ. Привожу объясненіе Масперо (*Revue critique* — 30 Nov. 1872, page 340): „L'assomption de ces formes ne marque nullement le passage de l'âme humaine dans un corps de bête. Chacune des figures que revêtait l'Esprit était une des figures symboliques de la Divinité, l'entrée de l'âme dans ces figures ne marquait donc en fait que l'assimilation de l'âme humaine au type divin qu'elle représentait. Les étrangers et même les rédacteurs des livres hermétiques s'y laissent tromper“. Ср. *Husson*, *La chaîne traditionnelle, contes et légendes au point de vue mythique*. Paris. 1874, p. 97, и *Бруншъ*, Главы о превращеніяхъ въ Книгѣ мертвыхъ 76—88 въ *Zeitschrift für Aegypt. Sprache und Alterthumskunde*, Jahrg. 1867, стр. 21 и слѣд. „Если въ сказкѣ о двухъ братьяхъ младшій братъ принимаетъ форму яла, то это значить, что онъ становится Озирисомъ“.—Затѣмъ д-ръ Лемма обязательно сообщилъ мнѣ слѣдующее мѣсто изъ сочиненія *Le Page Renouf*: Лекція о происхожденіи и развитіи религіи древнихъ египтянъ (*Leipzig*, 1880, стр. 170 и слѣд.): „Превращеніе“. „Счастливымъ покойникъ нисколько не связанъ съ этимъ мѣстомъ (то-есть, съ полемъ Аарру), а равно и съ человѣческимъ образомъ или земнымъ образомъ жизни, такъ какъ онъ можетъ бродить по всей вселенной въ какой угодно формѣ. Это неоднократно узнаемъ мы изъ Книги мертвыхъ; двѣнадцать главъ состоятъ изъ формулъ, посредствомъ которыхъ совершались известныя превращенія. Какъ мы узнаемъ, могли быть принимаемы формы горлицы, змѣи Сата, птицы, называемой Бенну, о которой часто думаютъ (по моему мнѣнію, безъ основанія), что она послала поводъ къ исторіи Феникса; затѣмъ формы крокодила Себека, бога Пта, золотого сокола, перваго изъ главныхъ боговъ, души, цвѣтка лотоса и цапли. Бруншъ нашелъ памятникъ, по которому эти превращенія соответствуютъ двѣнадцати часамъ дня, слѣдующимъ одинъ за другимъ. Но нѣтъ указаній на то, когда это соответствіе впервые было придумано, а также и на то, что оно когда-либо имѣло общее распространеніе. Превращенія, о которыхъ трактуется въ

кажется, никакъ не согласуется съ вѣрой въ переселеніе душъ въ томъ видѣ, какъ ее излагали Пифагоръ и другіе греки. Если душа совершала странствованіе по разнымъ человѣческимъ тѣламъ, то къ которому изъ нихъ она должна въ концѣ концовъ возвратиться, съ которымъ должна согласиться? Не попадаетъ ли она такимъ образомъ въ весьма странную диллему? Пифагоръ думалъ, что онъ еще прежде жилъ въ другихъ человѣческихъ существахъ, что онъ во время Гомеровской войны былъ Панаонидомъ Емфорбомъ, затѣмъ Пирандромъ и т. д.; онъ утверждалъ, что помнить это, подобно тому, какъ Будда помнить свои прежнія человѣческія существованія. Съ египетской точки зрѣнія, подобное представленіе было бы невозможнымъ ¹⁾.

главъ, однако далеко еще не обнимаютъ всѣхъ превращеній, которыми считались возможными; напротивъ, желанія умершихъ въ этомъ отношеніи не ставилось предѣловъ. Связаніе относящихся сюда египетскихъ понятій съ понятіями пифагорейцевъ или индусовъ часто приводило къ недоразумѣніямъ. Правда, пифагорейцы вѣрили въ переселеніе душъ, и легенда разказываетъ, что ихъ учитель, во время своего пребыванія на Востоку, былъ посвященъ египетскими жрецами въ ихъ мистеріи. Владѣніе этого разказа, недостаточно обоснованнаго, въ которые ученые, даже и тѣ изъ нихъ, которые могли бы это лучше знать,—приписали пифагорейское ученіе о судьбахъ человѣческой души египтянамъ; передъ судомъ же критики объ системы ни въ историческомъ, ни въ теоретическомъ отношеніи не имѣютъ между собою ничего общаго. Въ пифагорейской системѣ нѣтъ ничего, что было бы чуждо уже раньше сложившемуся египетскому образу мыслей; слѣдовательно, она несколько не нуждается въ объясненіи посредствомъ иноземнаго вліянія. Переселеніе душъ у Пифагора основывается главнымъ образомъ на идеѣ объ искупленіи и очищеніи. Люди—училъ онъ—должны подъ различными видами искупить въ новой земной жизни свою вину, которую они совершили въ прежнее свое бытіе. Но ни въ одномъ изъ до сихъ поръ найденныхъ египетскихъ текстовъ нѣтъ и намёка на такую вѣру. Превращеніи послѣ смерти зависятъ, какъ опредѣленно сказано, только отъ воли покойника или его генія⁴.

¹⁾ Позволю себѣ для выясненія означеннаго представленія египтянъ сообщить здѣсь одно мѣсто изъ Вругшна, на которое опять обращаетъ мое вниманіе д-ръ Леммъ (*Brugsch. Die ägyptische Gräberwelt, Лейпцигъ. 1868, стр. 8 слѣд.*): „Самое тщательное сохраненіе тѣла послѣ смерти соблюдалось въ виду его разрушенія какъ внутреннимъ процессомъ разложенія, такъ и снаружи посредствомъ случайности или насилія. Это было, по древне-египетскому ученію, главнымъ условіемъ скораго освобожденія души и выѣзда съ тѣмъ назначеннаго въ опредѣленное время соединенія ея съ первичнымъ источникомъ свѣта и добра, такъ какъ и то и другое представлялось неразрывнымъ. Въ теченіе большаго цикла солнечныхъ лѣтъ, душа, по египетскому представленію, была въ нѣкото-

Послѣ всего сказаннаго выше, я думаю, что мы имѣемъ право совершенно отрицать существованіе вѣры въ переселеніе душъ у египтянъ до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ доказано изъ египетскихъ памятниковъ вполне неопровержимымъ образомъ ¹⁾.

Но если египтяне не вѣрили въ метемпсихозу, то чтò же могло побудить Геродота приписать имъ эту вѣру и прямо указать на нихъ, какъ на творцовъ этой идеи? Геродотъ сдѣлалъ въ этомъ случаѣ роковую ошибку, которой суждено было передаваться преимущественно въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій. Я думаю, что и это можетъ быть объяснено. Геродоту была извѣстна вѣра въ безсмертіе и переселеніе души у разныхъ грековъ. Познакомившись затѣмъ съ египетскими представленіями, какія содержатся, наиримѣръ, въ *Schai en sinsin*, онъ, не будучи философомъ и имѣя притомъ наклонность греческія ученія выводить изъ египетскихъ, могъ находить въ фантастически-пантеистическихъ идеяхъ египтянъ сходство съ ученіями грековъ, словомъ, могъ считать Египетъ отечествомъ этихъ идей. Возможно, что и египетскіе жрецы поддерживали въ помѣ это заблужденіе. Во всякомъ случаѣ, если и нельзя сдѣлать въ этомъ большаго упрека Геродоту, то намъ уже вовсе не слѣдуетъ поддерживать его заблужденіе; напротивъ того, мы должны строго отличать пифагорейское ученіе о переселеніи душъ отъ фантастически-пантеистическаго міровоззрѣнія египтянъ.

Если же изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что ученіе Пифагора о переселеніи душъ не могло выйдти изъ Египта, то какая же страна была родиной этого ученія?

Для отвѣта на такой вопросъ неотразимая сила доводовъ указываетъ намъ только одно строго опредѣленное направленіе. Единственный народъ, о которомъ мы съ увѣренностью можемъ утверждать, что онъ до Пифагора вѣрилъ въ переселеніе душъ и училъ о немъ,—это

ромъ смыслъ еще связана съ тѣломъ. Впрочемъ она по желанію могла его и оставлять на время и показываться передъ земными людьми во всякомъ мѣстѣ въ различномъ образѣ, притомъ она облакалась въ тѣ формы, которыя различались, смотря по часамъ, и были подробно предписаны въ ригведѣхъ и текстахъ. Въ этомъ-то и заключается единственная причина тщательнаго бальзамированія покойника и почти невозможнаго труда, съ которымъ скрывали мѣста умершихъ²⁾.

¹⁾ Не хочу оспаривать, что изъ фантастически-пантеистическаго міровоззрѣнія могло развиться ученіе о переселеніи душъ. Возникновеніе этого ученія и у индійцевъ тѣсно связано съ пантеистическими идеями. Но что такое развитіе действительно имѣло мѣсто въ Египтѣ, — это еще требуетъ доказательства; въ противномъ же случаѣ мы не можемъ этого принять.

индiйцы. Отъ нихъ, и притомъ исключительно отъ нихъ, могло достаться Пифагору это ученіе ¹⁾.

Мы знаемъ навѣрное, что индiйцы въ VI вѣкѣ до Р. Х. вѣрвали въ переселеніе душъ. Мало того: знаемъ, что именно въ этомъ столѣтiи идея эта была сильнѣйшимъ двигателемъ среди индiйскаго народа, его мыслителей, жрецовъ и аскетовъ, что тогда народъ индiйскій былъ такъ глубоко проникнутъ и возбужденъ ею, какъ нѣ въ какое другое время ни до, ни послѣ того; безъ сомнѣнія, ни у какого другаго народа это явленіе не имѣло мѣста хотя бы приблизительно въ такой степени. Это было время, произведшее буддизмъ, исключительною цѣлью котораго должно считать освобожденіе отъ періодическаго повторенiя рожденiй, отъ странствованiя души все по новымъ существамъ. Будда не первый былъ такъ сильно проникнутъ этою идеей. Напротивъ того, какъ намъ прекрасно выяснено особенно доводами Ольденберга ²⁾, одновременно съ Вуддой, равно какъ уже и въ непосредственно предшествующій ему періодъ, по странѣ бродили всевозможные аскеты, монахи, странствующие проповѣдники, нищенствующие духовные и спорщики-теософы. Отчасти въ одиночку, отчасти уже образовавъ настоящiе ордена или конгрегаціи, они всѣ искали спасенiя, или думали, что уже обрѣли его. Но что здѣсь разумѣется подъ спасенiемъ? Это опять-таки не что иное, какъ освобожденіе отъ цикла повторяющихся новыхъ воплощенiй, отъ постоянно обновляющагося рожденiя и смерти, избавленіе отъ оковъ переселенiя души. Какъ скоро душа на столько усовершенствована и очищена, что ей нечего бояться дальнѣйшаго рожденiя послѣ смерти, тогда она спасена! Какимъ ужаснымъ и подавляющимъ образомъ еще въ VII, а затѣмъ еще болѣе въ VI сто-

¹⁾ О вѣрѣ въ переселеніе душъ, приписываемой гетамъ, ср. выше. Не съ большою основательностью можемъ мы также строить что-нибудь прочное на томъ, что Цезарь, В. Gall. VI, 14, и Діодоръ V, 28, утверждаютъ о галльскомъ вѣрованiи въ переселеніе душъ. Въ пользу неясности пониманiя весьма краснорѣчиво говоритъ слѣдующая фраза у Діодора: ἐπισχέει γὰρ παρ' αὐτοῖς ὁ Πυθαγόρου λόγος, ὅτι τὰς ψυχὰς τῶν ἀνθρώπων ἀθανάτους εἶναι συμβέβηκε καὶ δι' ἐτῶν ἑρισμένων πάλιν βροῦν, εἰς ἕτερον σῶμα τῆς ψυχῆς ἐισδουμένης; поэтому, продолжаетъ онъ, многіе при похоронахъ кладутъ на костеръ письма къ своимъ роднымъ (*Целлеръ*, Филос. грек., стр. 59, прим.). Но какой смыслъ могло бы это имѣть, еслибы они действительно вѣрили въ переселеніе душъ? И вотъ говорятъ же, что вѣра въ переселеніе душъ составляетъ также причину и эту *явленiя*.

²⁾ *Oldenberg. Buddha.* Berlin, 1881. См. особенно стр. 62 и слѣд.

лѣтѣи до Р. Х. должна была дѣйствовать на умъ и чувство индійскаго народа эта мысль о неотразимомъ и необходимомъ странствованіи души! Какъ глубоко этотъ народъ долженъ былъ быть проникнутъ такою идеей, какъ сильно долженъ былъ вѣрить въ нее! Вѣдь всѣ помислы, всѣ влеченія того времени, духовная борьба бѣжавшихъ отъ мірской суеты монаховъ и аскетовъ, все это стремилось къ одной цѣли, къ освобожденію отъ продолженія жизни посредствомъ новаго рожденія.

Въ этотъ-то индійскій міръ вступилъ изъ чужихъ краевъ человѣкъ съ серьезнымъ и глубокимъ дарованіемъ, размышлявшій надъ мировыми и жизненными задачами. Онъ видѣлъ, какъ великій, даровитый народъ, стоящій не на низкой ступени культуры, непоколебимо вѣрилъ въ необходимость странствованія души по многимъ тѣламъ и существамъ и въ томительномъ ожиданіи искалъ избавленія отъ этой ужасающей необходимости; понятно, что это его глубоко поразило и потрясло. Понятно, что такой человѣкъ, будучи вообще склоненъ присвоивать себѣ чужія и чуждыя ему мысли, самъ проникся тѣмъ великимъ духовнымъ вѣяніемъ, которое двигало этотъ народъ; понятно, что, вдумываясь въ эти фантастическія представленія, онъ наконецъ самъ воплилъ ихъ себѣ усвоилъ.

Этотъ психическій процессъ не трудно понять; притомъ онъ весьма разнится отъ предположенія, будто подобный человѣкъ могъ почерпнуть такое необыкновенно фантастическое вѣрованіе изъ весьма мало схожихъ философскихъ разсужденій другого народа или же изъ нѣкоторыхъ суевѣрныхъ понятій необразованныхъ племенъ, достовѣрными свѣдѣніями о которыхъ къ тому же мы не можемъ похвастаться. Послѣ вышеприведенныхъ объясненій объ извѣстіяхъ о жизни Пифагора, не желая особенно напирать, я все-таки считаю нелишнимъ упомянуть, что преданіе указываетъ на то, что этотъ мудрецъ посѣтилъ и Индію и усвоилъ себѣ тамъ мудрость брахмановъ¹⁾. Такимъ образомъ предположеніе, что Пифагоръ учился у индійцевъ, во всякомъ случаѣ не стоитъ въ противорѣчій съ преданіемъ.

¹⁾ Слѣдующее мѣсто заимствую изъ *Целлера*, Филос. грек., стр. 276, прим. 2 Clem. Strom. 1, 304, В: ἀρχαίονα τε πρὸς τοῦτοις Γαλατῶν καὶ Βραχμάνων τὸν Πυθαγόραν βόβηται (именно Александръ Полигисторъ въ своемъ сочиненіи о пифагорейскихъ символахъ); ему слѣдуетъ Евсевій (pr. ev. X, 4, 10. Apul. Floril. II, 15): отъ посѣщенныхъ имъ брахмановъ онъ узналъ, quae mentium documenta corporumque exercitamenta, quot partes animi, quot vices vitae, quae Diis manibus pro merito sui cuique tormenta vel praemia. (Особенно последнее указаніе согласно съ вышеприведеннымъ нашимъ предположеніемъ). Philostr. V. Apoll. VIII, 7, 44: Мудрость Пифагора беретъ свое начало отъ египетскихъ гимнетовъ и индійскихъ мудрецовъ.

Здѣсь не мѣсто входить въ болѣе близкое разсмотрѣніе вопроса (который самъ по себѣ, конечно, очень интересенъ) о возникновеніи и развитіи вѣры въ переселеніе душъ въ Индіи. Обсужденіе этого вопроса могло бы стать предметомъ особой монографіи, задачей которой, и весьма благодарною, было бы выяснить въ частности еще не одинъ темный пунктъ. Удовольствуемся тѣмъ, что вкратцѣ намѣтимъ, какъ эта вѣра, которой еще не знаютъ ведійскія *Samhitā*, самостоятельно вырастаетъ въ Индіи, при чемъ мы вовсе не можемъ замѣтить какого-либо чужеземнаго вліянія.

Ученіе о переселеніи душъ развивается въ связи съ ученіемъ о Всеединомъ; корни этого ученія слѣдуетъ искать еще въ Ригведѣ, въ томъ возрѣніи на боговъ, которое Максъ-Мюллеръ назвалъ „гепотеистическимъ“ или „катенотеистическимъ“.—Если и тамъ (въ Ригведѣ) различные божественные образы переходятъ одинъ въ другой, сливаются, даже наконецъ отождествляются, и рождается уже вопросъ объ единомъ, лежащемъ въ основаніе всему, то въ слѣдующій періодъ *Yajurveda* и *Brahmana*, на ряду съ необыкновенною символическою въ жертвоприношеніяхъ, постоянное отождествленіе не только разныхъ боговъ, но и всевозможныхъ существъ, предметовъ и понятій, принимаетъ почти лихорадочный характеръ. Частности въ жизни являются все маловажныя, равнодушіе къ нимъ растетъ все болѣе; беспорядочная фантазія не перестаетъ опрокидывать верхъ дномъ всѣхъ и вся; образы, создаваемые ею, все болѣе и болѣе отрѣшены отъ дѣйствительности; представленія, угрожающія тѣмъ, чьи жертвоприношенія не принимаютъ настоящаго вида, становятся все болѣе устрашающими. Въ это мрачное, тяжелое и грустное время брахмановъ впервые выступаетъ мысль о неоднократной смерти; мысль, что боги смерти, не удовлетворенные уничтоженіемъ нашего тѣла, преслѣдуютъ затѣмъ и душу, которая и въ новыхъ существахъ постоянно становится добычей смерти¹⁾. Тутъ-то впервые является мысль о возвращеніи къ бытію (*ripag bhū*), о возрожденіи; но мысль эта,—что весьма характерно,—вызвана этимъ ужаснымъ представленіемъ о повторяющейся необходимости смерти²⁾.

¹⁾ Вопросъ о томъ, участвовали ли нѣкоторые суевѣрные представленія первобытныхъ обитателей Индіи въ образованіи этой идеи,—достоверно рѣшить нельзя, но само по себѣ такое явленіе кажется возможнымъ.

²⁾ Эта мысль впервые правильно освѣщена *Ольденбергомъ* (Будда, стр. 45 и слѣд.). Тамъ же приведены и характерныя мѣста изъ брахмановъ.

Съ другой стороны, въ переходящей смѣнѣ явленій былъ открытъ какъ неподвижный полюсъ, какъ зерно, какъ исходная и конечная точка всего существующаго, — Атманъ-Брахманъ, присущій всему, святая мировая душа. Въ ней одной только миръ и упокоеніе; что отлично отъ нея по существу, то исполнено страданій. Чтобы ее искать и познавать, брахманы со скорбью отказываются отъ стремленія къ земнымъ благамъ и отправляются страствовать нищими. Глубокая тоска, томительное безпокойство наполняютъ всѣ умы; но за то въ восхищеніе приходитъ тотъ, кто, какъ онъ думаетъ, правильно позналъ высшее и святѣйшее существо, Атманъ. Вполнѣ узнать его, Всеединаго, въ его сущности, слиться съ нимъ посредствомъ смерти, — этой цѣли могъ достигъ лишь самый совершенный человѣкъ. Что станетъ съ огромною массою прочихъ людей? Должны ли они подлежать мукамъ ада? Нѣтъ, тутъ должны имѣть мѣсто посредствующія степени, и вотъ являются различныя существа въ томъ мірѣ, гдѣ все постоянно становится добычей смерти. Чувство справедливости, подобное создавшему у католиковъ чистилище, вызвало это вѣрованіе, поставивъ его, какъ дополненіе, между адомъ и небомъ. Все болѣе становится оно на первый планъ, все глубже и интенсивнѣе становится ощущеніе того, что вся жизнь есть страданіе, бѣжать отъ котораго составляетъ нашу цѣль. Первые люди, бродившіе аскетами и монахами, стремились къ познанію Атмана, его сущности, домогались соединенія съ нимъ. Но съ теченіемъ времени вопросъ этотъ искажается и наконецъ принимаетъ одну только слѣдующую форму: какъ освободиться отъ оковъ переселенія души? Это освобожденіе сдѣлалось предметомъ тоскливаго исканія еще во время, предшествовавшее появленію Будды. Съ свойственнымъ особенно индѣйцу непремѣннымъ желаніемъ все систематизировать эта мысль становилась предметомъ все болѣе и болѣе послѣдовательнаго изслѣдованія и развитія. Вѣра въ переселеніе душъ совершенно слилась съ моральною системою и должна была служить для нея опорой. Этою вѣрой можно было объяснить кажущуюся несправедливость въ жизни отдѣльныхъ индивидуумовъ. Они во время прежнихъ своихъ существованій или согрѣшили, или сотворили добро, — и сообразно этому получали свое возмездіе. Съ другой стороны, вѣрованіе это очень хорошо согласовалось съ возникавшимъ мало-по-малу кастовымъ духомъ, все систематичнѣе развивавшимся. Впрочемъ этотъ вопросъ отклоняетъ насъ уже слишкомъ далеко отъ нашего предмета. Для насъ собственно имѣетъ рѣшающее значеніе констатировать слѣдующее:

въ VI столѣтїи до Р. Хр. въ Индіи происходило броженіе умовъ, вызванное однимъ вопросомъ, одною тоскою по освобожденію отъ оковъ переселенія душъ, освобожденію, котораго добивались разные мудрецы и учителя различнымъ образомъ.

Какъ на нѣчто замѣчательное а желалъ бы наконецъ указать и на то, что мы нигдѣ не встрѣчаемся у индїйцевъ съ противорѣчіемъ, съ оспариваніемъ ученія о переселеніи душъ. Имѣеть ли мѣсто странствованіе души,—объ этомъ нигдѣ не спрашивается, а всегда предлагается лишь вопросъ: какъ можно избѣжать его? Вѣра въ переселеніе душъ—общая, непоколебимая. Это говоритъ въ пользу естественнаго, законнаго развитія изъ данныхъ, представляемыхъ древнѣйшею индїйскою культурой ¹⁾. Индїйскій скептицизмъ нрѣдко выступаетъ съ достаточною таки смѣлостью, онъ дерзаетъ колебать самое высокое, самое святое, только не вѣру въ переселеніе душъ, на сколько я знаю. Эта вѣра считается попыткою въ нѣкоторой степени сама собою съ того времени, какъ мы вообще встрѣчаемся съ нею.

Итакъ, послѣ этого отступленія, — обойдти которое было бы неудобно,—возвратимся опять къ Пифагору и спросимъ: на сколько согласно его ученіе, его собственное представленіе о переселеніи душъ и о значеніи этого переселенія съ индїйскимъ ученіемъ? Исслѣдуя этотъ вопросъ, мы находимъ замѣчательное согласіе въ обоихъ ученіяхъ.

Именно представленіе пифагорейцевъ о томъ, что душа ради наказанія связана съ тѣломъ (Целлеръ, стр. 418, 419) и похоронена въ немъ, что тѣло — не что иное, какъ темница, въ которую душа заключена божествомъ, вполне согласно съ индїйскимъ образомъ мыслей. Душѣ лишь тогда удается освободиться изъ заключенія въ тѣлесномъ мірѣ и вести блаженную жизнь въ высшемъ мірѣ, „когда она окажется способною и достойною этого счастья. Въ противномъ случаѣ она должна ожидать отчасти покаянія въ тѣлесной жизни, отчасти наказаній тартара“ (Целлеръ, стр. 419). Съ этимъ представленіемъ согласны уже древнѣйшія свидѣтельства; мы находимъ его вѣтъмъ у Платона. Эмпедоклъ также „подтвер-

¹⁾ Тутъ можно было бы предполагать, что эти представленія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стояли близко къ вѣрѣ первобытныхъ обитателей Индіи съ ихъ культомъ духовъ или даже испытали на себѣ ея вліяніе. Въ противномъ случаѣ, трудно понять тсгь фактъ, что весь народъ могъ вполне усвоить эти идеи и такъ непоколебимо примкнуть къ этой вѣрѣ.

ждаетъ, что душа за прежнія провинности заключается въ тѣло; а послѣ смерти, смотря по своему достоинству, она или попадаетъ въ космосъ, или въ тартаръ, или же назначается къ новому странствованію по тѣламъ людей или животныхъ" (Целлеръ, стр. 419 и 420). Это же представленіе усвоено и позднѣйшими писателями, слѣдовательно, мы можемъ разсматривать его какъ имѣющее мѣсто у всѣхъ пифагорейцевъ.

Такимъ же образомъ и у индѣйцевъ души, смотря по достоинству ихъ дѣяній, или нисходятъ въ адъ, или странствуютъ далѣе по тѣлесному міру, или же, наконецъ, достигаютъ высшей, небесной жизни, между прочимъ, блаженнаго существованія на лунѣ.

Мѣстопребываніемъ блаженныхъ пифагорейцы также представляли себѣ луну, впрочемъ также и солнце ¹⁾; но все-таки, кажется, главнымъ образомъ разумѣется луна, такъ какъ на ней предполагались „преимущественно растенія и живыя существа, гораздо большей величины и красоты, чѣмъ земныя“ (ср. Целлеръ, тамъ же, стр. 395).

Въ связи съ этимъ надо привести еще извѣстное убѣжденіе пифагорейцевъ, упоминаемое еще у Аристотеля, что солнечные атомы составляютъ души (разумѣется, только души благочестивыхъ и добрыхъ людей ²⁾; ср. Целлеръ, стр. 386, 387, 413, 421). Съ этимъ я желалъ бы сопоставить индѣйскую мысль, находящуюся еще въ Śatapatra-Brahmana, именно, что солнечные лучи — это добрые и набожные люди, то-есть, конечно ихъ души ³⁾.

¹⁾ Ср. приписанное у Ямблиха (V. P. 82) Пифагору мистическое ученіе: τί ἐστιν αἱ μακάρων ψῆσαι; ἥλιος, σελήνη (Целлеръ, стр. 395, примѣчаніе 3).

²⁾ Несовершенные и злые люди были, какъ извѣстно, принуждены частью далѣе странствовать по тѣлесному міру, частью спускаться въ тартаръ.

³⁾ Śat. Br. 1, 9, 3, 10. Послѣ приведеннаго здѣсь изреченія объ извѣстномъ шагѣ, сдѣланномъ Вишну на небѣ (divi viśvān vyākransta cet.), далѣе читаемъ: evaṃ jīṣān lokān samāgruṣāthāishā gatir eśā pratishṭhā ya eśā tapati tasya ye gaṣṭayān te sukrio 'tha yat paraṃ bhāḥ prajāpatiṃ vā sa svargo vā lokāḥ. „За этими высокими мірами слѣдуетъ этотъ путь, это жилище: лучи палящаго (то-есть, солнца)—это праведные; свѣтъ, проникающій еще далѣе, это Праджapati или небесный міръ“. Въ связи съ этимъ я не желалъ бы умолчать о другомъ прекрасномъ мѣстѣ изъ древнѣйшей брахманской литературы; впрочемъ, на сколько знаю, оно не сопрягается непосредственно съ пифагорейскою идеей: это именно мѣсто, гдѣ созвздія обозначаются какъ души благочестивыхъ. Я говорю о Māitr. S. 1, 8, 6 tad iṣānā vāi sukro 'nuṃ lokān nakṣanti; te vā eṣe yaṃ anekhatrāni; yad āhur jyotir avāpādi tārakāvāpādīti, te vā eṣe 'vadyanto. „Набожные жертвователи вступаютъ въ тотъ міръ; они-то въ самомъ дѣлѣ—созвздія; если такимъ образомъ говорить: свѣтъ (блескъ) упалъ, звѣздочка упала! это они, которые падаютъ“.

Наконецъ, не могу не упомянуть и о томъ, что Пифагоръ, подобно Буддѣ, утверждалъ, что помнить о своихъ прежнихъ существованіяхъ. Не всякому смертному это было суждено; въ обоихъ случаяхъ это было преимуществомъ святаго учителя и основателя ордена. Извѣстно, какую роль играютъ въ буддѣйской литературѣ Жатаки, разказы Будды о его прежнихъ существованіяхъ. Возможно, что и другіе основатели орденовъ до него предъявляли притязанія на это преимущество. О Пифагорѣ разказываютъ, что Гермесъ, силою котораго онъ былъ въ одно изъ прежнихъ своихъ бытій, „надѣлилъ его даромъ сохранять во время смѣняющихся состояній жизни память о всемъ своемъ прошедшемъ“ (Целлеръ, стр. 286). Такимъ образомъ, онъ утверждалъ, что былъ прежде Евфорбомъ, Пирадромъ и т. д.

Подводя итоги сказанному, нельзя отрицать, что все представленіе о переселеніи душъ, объ его характерѣ и нравственномъ значеніи, даже въ подробностяхъ, замѣчательнымъ образомъ согласуется у Пифагора съ индѣйскими представленіями. Слѣдовательно, предположеніе, которое мы выше принуждены были сдѣлать о томъ, что къ Пифагору его ученіе перешло отъ индѣйцевъ, пріобрѣтаетъ немалую долю вѣроятности.

II.

Пифагорейскія запрещенія.

Пифагоръ ввелъ въ основанномъ имъ орднѣ извѣстныхъ постановленій и правила воздержанія, которыми жизнь его приверженцевъ, помогавшихъ высшей ступени нравственнаго образа жизни, должна была отличаться отъ жизни прочихъ людей. Между этими постановленіями по особому своему значенію выдается запрещеніе употреблять въ пищу мясо и бобы. Позднѣйшіе писатели приписываютъ пифагорейцамъ высшаго разряда „полное воздержаніе отъ кровавыхъ жертвъ и мясной пищи, бобовъ и нѣкоторыхъ другихъ средствъ пропитанія“ (Целлеръ, стр. 290). Что эти запрещенія ими опять-таки приписываются самому Пифагору, объ этомъ едва ли стоитъ упоминать. Но Целлеръ ясно показалъ, что эти запрещенія въ такой послѣдовательности наврядъ ли исходятъ отъ самого Пифагора. Древніе писатели ¹⁾ прямо отрицаютъ, что Пифагоръ воз-

¹⁾ Арестоксенъ у Athen. X, 418 и слѣд. Diog. VIII, 20. Gell. IV, 11; также Плутархъ у Gell. I. с. Ср. Diog. VIII, 19 изъ Аристотели.

держивался отъ мяса; онъ не ѣлъ только мяса плуговаго вола и козла. Другіе авторы ¹⁾ говорятъ о пиеагорейцахъ только, что они совершенно воздерживаются отъ рыбы и ѣдятъ мало мяса, главнымъ образомъ мясо отъ животныхъ, принесенныхъ въ жертву²⁾. Затѣмъ Плутархъ (Нума, 8) говоритъ о пиеагорейскихъ жертвоприношеніяхъ только, что они по большей части не были кровавыми (Целлеръ, стр. 292, прим. 1-е). Приписываетъ ли Теофрастъ пиеагорейцамъ воздержаніе отъ мясной пищи, должно быть признано по меньшей мѣрѣ не доказаннымъ, такъ какъ относящееся сюда мѣсто ³⁾, вѣроятно, не принадлежитъ ему. Но и въ этомъ мѣстѣ говорится, что они „по крайней мѣрѣ отвѣдывали мяса отъ жертвъ, такъ что у нихъ все-таки бывали жертвоприношенія животныхъ“ (Целлеръ, тамъ же). Наконецъ, какъ извѣстно, самому Пиеагору приписывается приношеніе въ жертву вола, по поводу Пиеагоровой теоремы и другихъ открытій въ области математики ⁴⁾.

Итакъ, хотя изъ этихъ разказовъ, часто противорѣчивыхъ въ своихъ подробностяхъ, мы и не можемъ заключить съ полною достовѣрностію, о чемъ училъ и что установилъ самъ Пиеагоръ, все-таки можемъ принять за достовѣрное, что по отношенію къ мясной пищѣ онъ налагалъ на себя и на своихъ приверженцевъ разныя ограниченія; въ особенности вѣроятно, что, онъ запретилъ ѣсть мясо быка и козла. Затѣмъ, приношенія въ жертву животныхъ, хотя можетъ быть и не часто, но все-таки совершались имъ и его приверженцами; наконецъ, по всей вѣроятности, принесенное въ жертву мясо было дозволено употреблять въ пищу.

Извѣстно, что именно это стремленіе ограниченія, подѣ часть, устраненія мясной пищи, очень характерно и для индійцевъ. Но о дѣйствительномъ устраненіи ея и у нихъ не можетъ быть рѣчи. Даже въ гораздо позднѣйшія времена, отъ которыхъ беретъ свое начало книга законовъ Ману ⁴⁾, это устраненіе не было достигнуто; да можетъ быть, не существовало даже и серьезныхъ стремленій къ тому. Правда, законы Ману ставятъ въ великую заслугу воздержаніе отъ мяса; но все-таки та же книга законовъ приводитъ дѣлній

¹⁾ Plut. qu. conv. VIII, 8, 1. 3 и Athen. VII, 308, с. Ср. Целлеръ, стр. 292, прим. 1.

²⁾ Porph. De abstin. II, 28. Ср. Целлеръ, стр. 292, прим. 1-е.

³⁾ Целлеръ, стр. 292, прим. 1-е.

⁴⁾ Книга законовъ Ману появилась по крайней мѣрѣ нѣсколькими вѣками позже Вудды и Пиеагора.

перечень животныхъ, мясо которыхъ дозволяется ѣсть. Прежде всего по этой же книгѣ вполне разрѣшено принимать въ пищу мясо, принесенное въ жертву. Въ болѣе древнее время, о которомъ собственно у насъ идетъ рѣчь, навѣрное дозволеннаго было гораздо больше; по всей вѣроятности, тогда имѣли мѣсто лишь отдѣльныя ограниченія по отношенію къ мясной пищѣ.

Древнѣйшія заповѣди, возбранявшія мясную пищу, относятся къ извѣстнымъ постамъ при жертвоприношеніяхъ, требовавшихъ отъ жертвователя особеннаго очищенія. Время процвѣтанія жертвъ простирается отъ X до VIII и VII столѣтій до Р. Х. Между тѣмъ развивались пантеистическія идеи и съ ними нравственное предписаніе, что въ каждомъ существѣ мы должны видѣть себя самихъ¹⁾; развивалась идея о переселеніи душъ и то полное міровой скорби пессимистическое настроеніе, вызвавшее къ жизни монашество, возникшее еще до Будды. Въ это время, должно быть, и возникла мысль о томъ, что грѣшно убивать живыя существа и питаться ихъ мясомъ. Между заповѣдями, предписываемыми буддизмомъ въ VI столѣтіи до Р. Х., находимъ мы, какъ первую и наивысшую, заповѣдь: не убивать ни одного живого существа²⁾. Врахманы въ этомъ пунктѣ не пошли такъ далеко, но и касательно буддистовъ едва ли можно утверждать о послѣдовательномъ ихъ воздержаніи отъ мясной пищи. Разказываетъ же легенда даже о самомъ свѣтлѣйшемъ и совершеннѣйшемъ Буддѣ, что онъ незадолго до своей кончины съѣлъ блюдо изъ свинины, что и было причиной его болѣзни³⁾.

Итакъ, во время Пиеагора въ разныхъ кружкахъ индійскихъ религіозныхъ ревнителей было болѣе или менѣе сильно развито стремленіе воздерживаться отъ мяснаго, при чемъ стремленіе это не соблюдалось послѣдовательно. Животное, которое съ древнѣйшихъ поръ считалось индійцами святымъ, это былъ быкъ; убіеніе и еще болѣе употребленіе его въ пищу преслѣдуется брахманами какъ одинъ изъ ужаснѣйшихъ грѣховъ. Этотъ пунктъ соблюдался ими со строжайшею послѣдовательностью. Поэтому запрещеніе Пиеагора

¹⁾ Ср. въ 40-й книгѣ блага Яджурведа (Yajurvedi-Samhitā), извѣстной также подъ заглавіемъ 'Iṣoraniśad, стихъ 6-й. „Если видѣть всѣ существа въ себѣ и себя самого во всѣхъ существахъ, то нѣтъ мѣста неопредѣленности (сомнѣнію)“.

²⁾ См. Ольденбергъ, Будда, стр. 296.

³⁾ Ольденбергъ, Будда, стр. 204.

ѣсть именно мясо быка можно съ этимъ сопоставить ¹⁾). Для жертвоприношеній брахманъ могъ закалывать извѣстныхъ животныхъ, и между ними прежде всего слѣдуетъ назвать воловъ и коровъ; это опять-таки согласно съ разказами о приношеніи въ жертву животныхъ и между прочимъ воловъ у Пифагора и пифагорейцевъ.

Наконецъ, что касается до разрѣшенія ѣсть мясо принесенныхъ въ жертву животныхъ, то и въ этомъ мы найдемъ согласіе съ брахманскими обычаями; еще законы Ману прямо указываютъ на обычай съѣдать мясо при жертвоприношеніяхъ, какъ на „божественный обычай“, тогда какъ въ другихъ случаяхъ законы эти возбраняютъ мясную пищу ²⁾).

Слѣдуетъ кажется, признать, что по отношенію къ запрещенію мясной пищи и къ приношенію въ жертву животныхъ Пифагоръ, стоялъ по существу дѣла на той же точкѣ зрѣнія, которую усвоило себѣ большинство индійцевъ въ VII и VI столѣтіяхъ до Р. Х. Эту точку зрѣнія мы во всякомъ случаѣ находимъ у духовныхъ и религиозныхъ руководителей этого народа.

Чрезвычайно странное, но видимо, ничѣмъ не мотивированное постановленіе Пифагора состоитъ, какъ извѣстно, въ воспрещеніи ѣсть бобы, *fabā Pythagorae cognata* Горація. Я думаю, что мы можемъ съ достовѣрностью приписать это запрещеніе самому Пифагору. Въ древности о немъ нерѣдко упоминается (см. Целлеръ, стр. 291, прим. 1-е); да едва ли было бы и мыслимо, чтобы такая ничѣмъ не мотивированная странность, падъ которою такъ много издѣвались, возникла лишь въ позднѣйшее время: она могла быть поддерживаема только авторитетомъ самого учителя. Поэтому, какъ мнѣ кажется, мы не можемъ придавать большаго значенія увѣренію Аристоксена у Геллія, что Пифагоръ и не думалъ запрещать

¹⁾ Можно также и запрещеніе ѣсть козлятину объяснять съ индійской точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что козель значить *zak. ajā; ajā* (отъ корня *jan* — рождать съ *a privativum*), значить также „нерожденный, вѣчный“, названіе для первичнаго, не созданнаго божественнаго существа (Ср. Петерб. словарь *ajā* 1 и 2). Такимъ образомъ можно, пожалуй, объяснить воспрещеніе ѣсть козлятину тѣмъ обстоятельствомъ, что имя козла вѣсть съ тѣмъ обозначаетъ „нерожденный, вѣчный“. Ср. впрочемъ также Араст. Ср. 9, 3, 6 *ajasya tu tato nācnyāt*— „но послѣ этого ему не слѣдуетъ ѣсть мясо козла“; правда, это относится лишь къ определенному времени для жертвоприношеній; но во всякомъ случаѣ это заслуживаетъ вниманія.

²⁾ Ср. *Mān. Dharm. 5, 31 yajñāya jagdhir māmeasyety esha dalvo vidhiḥ smtraḥ || atō 'nyathā pravṛtṭis tu rākṣaṣo vidhir ucyate ||*.

бобовъ, а напротивъ рекомендовалъ преимущественно эти овощи. Особенно, я думаю, потому не должны мы придавать ему значенія, что, какъ весьма остроумно замѣчаетъ Целлеръ, это опроверженіе Аристоксена заставляетъ предполагать, что еще тогда запрещеніе бобовъ приписывалось Пифагору; конечно, запрещеніе это могли и не признавать тѣ пифагорейцы, преданію которыхъ слѣдовалъ Аристоксенъ ¹⁾.

Весьма замѣчательно то обстоятельство, что въ древнѣйшихъ индійскихъ ритуальныхъ текстахъ мы находимъ это же самое запрещеніе. По моему мнѣнію, мы должны придать этому весьма важное значеніе. Запрещеніе это является не общимъ жизненнымъ правиломъ, но все-таки запрещеніемъ на то время, когда приносящій жертву старается въ благочестивомъ воздержаніи достойнымъ образомъ подготовиться къ жертвоприношенію. Это запрещеніе мотивируется тѣмъ, что бобы нечисты, недостойны и непригодны для жертвы.

Въ *Māitrayani Samhitā*, древнѣйшемъ *Yajurveda* послѣ *Kāthakam*, относящемся приблизительно къ X столѣтію до Р. X., мы находимъ для приносящихъ жертву слѣдующее предписаніе: „не должно ѣсть бобы; бобы нечисты для жертвоприношенія“ (то-есть, недостойны или несвященны) ²⁾.

Въ такомъ же смыслѣ говорится въ *Kāthakam*, приблизительно такомъ же древнемъ *Yajurveda*: „Онъ не долженъ ѣсть бобовъ“ ³⁾.

¹⁾ *Целлеръ*, стр. 292, прим. 1-е. О причинѣ запрещенія бобовъ пифагорейцы, говорятъ, упорно умалчивали. См. *Целлеръ*, стр. 291, прим. 1-е. Разказъ, по которому Пифагоръ былъ убитъ во время бѣгства, не рѣшившись ѣхать черезъ поле, засѣянное бобами, можно считать нелѣпою басней (стр. 291, прим. 1-е). Все-таки видно, какъ много думали и толковали надъ этимъ страннымъ запрещеніемъ.

²⁾ *Māitr. S. I, 4, 10* въ такъ называемомъ *Yajamānabrāhmaṇa*: на *māshānām aṣṇiyād; aujñiyā vai māshā!* Предписаніе относится вѣроятно лишь къ определенному времени жертвоприношенія, но все-таки оно на лицо, и запрещеніе подтверждается съ достаточною ясностью. Относительно эпитета *aujñiyā*, приданнаго бобамъ, замѣчу: *aujñā* значитъ „поклоненіе богамъ, жертвоприношеніе“. Отсюда производное *aujñīya* — достойный для жертвоприношенія, святой; а съ поставленнымъ впереди а *privativum aujñīya* — недостойный, нечистый для жертвоприношенія, запятанный, несвятой. *Māsha* значитъ бобъ, въ единственномъ числѣ — растеніе, во множ. — зерна. Въ позднѣйшемъ употребленіи подъ этимъ разумѣется — по Петербургскому словарю — *Phaseolus radiatus Roxb.* „стручковый плодъ лучшаго достоинства съ маленькими зернами съ черными и сѣрыми пятнышками“.

³⁾ *Kāth. 32, 7* на *māshānām aṣṇiyāt.*

держатъ себя особенно чисто и достойно. По крайней мѣрѣ, при такомъ предположеніи лучше всего можетъ объясниться вышеприведенное противорѣчіе Аристоксена и вытекающее изъ него разногласіе въ пиеагорейскомъ преданіи ¹⁾).

Если сопоставить этотъ пунктъ съ частнымъ запрещеніемъ мясной пищи и съ ученіемъ о переселеніи душъ, то едва ли можно сомнѣваться, на какой сторонѣ здѣсь находится вѣроятность ²⁾).

Слѣдуетъ, наконецъ, привести еще одно своеобразное запрещеніе Пиеагора, замѣчательно согласное съ однимъ мѣстомъ въ Ветх. Захв. Я говорю о пиеагорейскомъ изреченіи: πρὸς ἡλίον τετραμμένον

¹⁾ Весьма возможно, что Пиеагоръ воспрещалъ употребленіе бобовъ въ пищу на извѣстные періоды времени, можетъ быть, на время подготовленія къ жертвоприношенію; но вообще онъ могъ даже одобрять бобы, какъ прекрасныя овощи. Отсюда легко могло впоследствии времени возникнуть вышеупомянутое разногласіе.

²⁾ Здѣсь нельзя обойти молчаніемъ, что Геродотъ (II, 37) приписываетъ египтянамъ воздержаніе отъ бобовъ, и притомъ въ весьма рѣшительной формѣ: κραιμὸς δὲ οὔτε τι μάλα σκεῖροιαι Αἰγύπτιοι ἐν τῇ χώρῃ, τοὺς τε γενομένους οὔτε τρώουσι οὔτε ἔφροντας πατέοντα· οἱ δὲ δὴ ἱρέες οὐδὲ ἄρῆοντες ἀνέχονται, νομίζοντες οὐ χαθάρων εἶναι μὴ βότρυον. Правильно ли это сообщеніе Геродота, или же оно на столько же неосновательно, какъ и его смѣлое утвержденіе о переселеніи душъ у египтянъ,—это можно съ достовѣрностью рѣшить только на основаніи египетскихъ источниковъ. Но до сихъ поръ еще не приведены убѣдительныя египетскія свидѣтельства относительно этого пункта. Попытка Штерна (вышеназв. сочин., стр. 607) сопоставить этимологически коптское аго (бобъ) съ названіемъ египетскаго элизіума Апиго (или безъ носоваго звука—Аго), не говоря уже о ея ненадежности, не въ силахъ подтвердить это указаніе Геродота. Согласно предположенію Штерна, бобъ носилъ названіе элизіума и *потому* не могъ быть принимаемъ въ пищу; но какъ же согласуется это съ увѣреніемъ Геродота, что египтяне объявили бобы нечистыми, а жрецы даже *не могли смотреть на него*? Разказъ объ Анепу и Батау, по которому старшій братъ находить сердце младшаго въ бобу, также не можетъ служить доказательствомъ, хотя это дѣйствительно замѣчательно. Съ представленіемъ Геродота и эта черта отнюдь не можетъ согласоваться. И здѣсь мы должны ожидать дѣйствительнаго выясненія другихъ египетскихъ свидѣтельствъ, если оно вообще когда-либо можетъ быть дано.

Планий, Н. N., XVIII, 30, говоритъ, что Пиеагоръ запретилъ ѣсть бобы такъ какъ въ нихъ находится души умершихъ. Это объясненіе, могущее только вызвать смѣхъ, очевидно, составляетъ лишь попытку какъ-нибудь обосновать странное запрещеніе бобовъ, при чемъ все равно, принадлежитъ ли попытка эта Плянью или кому-нибудь другому. Было бы черезъ-чуръ смѣло привести эту замѣтку въ связь съ вышеупомянутыми мѣстами изъ сказки объ Анепу и Батау.

μή ὀρθοῦν, которое уже, много лѣтъ назадъ, сопоставлено въ Петербургскомъ словарѣ (см. сл. *pratuais*) съ однимъ стихомъ изъ *Atharvaveda*; въ этомъ стихѣ именно это же самое дѣйствіе признается непристойнымъ и предосудительнымъ ¹⁾. Въ связи съ предыдущимъ можемъ мы повторить вопросъ: должно ли и это совпаденіе быть случайнымъ?

III.

Пифагорова теорема и ирраціональныя величины.

Высокое научное значеніе Пифагора относится главнымъ образомъ къ области математики ²⁾. Правда, мы не можемъ опредѣлить съ полною точностью, что вообще было открыто пифагорейскою школою и что составляло ея ученіе, и отличить это отъ тѣхъ знаній, до которыхъ дошелъ самъ Пифагоръ, или о которыхъ онъ, по крайней мѣрѣ, впервые училъ, которыя впервые провозгласилъ въ греко-италійскомъ мірѣ. Тѣмъ не менше остается цѣлый рядъ высокосаменательныхъ открытій, съ достовѣрностью приписываемыхъ самому Пифагору и неразрывно связанныхъ съ его именемъ. Между ними первое мѣсто принадлежитъ извѣстной теоремѣ, названной по имени Пифагора, и составленному съ помощью ея понятію объ ирраціональныхъ величинахъ.

„Любители изысканій въ древней исторіи“, говоритъ Прокль, — „приписывали эту теорему Пифагору“. Въ древнемъ спискѣ математиковъ прямо говорится, что Пифагоръ открылъ теорію ирраціональныхъ величинъ, при чемъ теорема о квадратахъ трехъ сторонъ прямоугольнаго треугольника необходимо должна была быть ему предварительно извѣстна (ср. Канторъ, Лекціи по исторіи математики, ч. I, стр. 129 и 130). Далѣе Пифагору приписывается столь вѣскимъ авторитетомъ; какъ древній списокъ математиковъ, ученіе

¹⁾ Стихъ этотъ слѣдующій (A. V. 13, 1, 56): *yaḥ sa gām padā sphurati pratuai yāguai sa meḥati || tasya vṛṣeṣmi te mḍam na chāyām karavo 'ragam ||*

²⁾ Въ древнемъ спискѣ математиковъ читаемъ: „Послѣ нихъ Пифагоръ превратилъ занятіе этою отраслю наукъ въ дѣйствительную науку, разсматривая ея основаніе съ высшей точки зрѣнія и изслѣдуя ея теоремы на болѣе отвлеченной отъ матеріальныхъ условій и болѣе интеллектуальной почвѣ. Онъ же придумалъ теорію ирраціональныхъ величинъ и конструцію космическихъ тѣлъ“. Ср. *Moritz Cantor, Vorlesungen über Geschichte der Mathematik, Bd. I, Leipzig. 1880, p. 121.*

о строеніи космическихъ тѣлъ, то-есть, правильныхъ многогранниковъ. Затѣмъ вполне достовѣрно (вмѣстѣ съ другими сообщаетъ объ этомъ Аристоксенъ), что онъ особенно заявилъ себя въ ученіи о теоріи чиселъ, въ ученіи о числахъ, въ музыкѣ и въ арифметическомъ отдѣлѣ геометріи¹⁾ (см. Канторъ, стр. 130).

Остановимся прежде всего на такъ-называемой Пифагоровой теоремѣ.

„Мы уже высказались“, говоритъ Канторъ, стр. 152 и слѣд., —, что рассматриваемъ самого Пифагора, какъ изобрѣтателя теоремы о прямоугольномъ треугольникѣ. Между тѣмъ изложенное въ „Началахъ“ Евклида доказательство этой теоремы, по ясно выраженному свидѣтельству Прокла, принадлежитъ самому Евклиду. Это доказательство, еще и понынѣ самое извѣстное: на сторонахъ треугольника строятся квадраты, изъ вершины прямого угла прямоугольнаго треугольника опускается перпендикуляръ на гипотенузу и продолжается до пересѣченія квадрата со стороной гипотенузы; этимъ перпендикуляромъ квадратъ гипотенузы разсѣкается на два прямоугольника; площадь каждаго изъ нихъ равна площади ближайшаго къ нему квадрата. Мы знаемъ, что Плутарху извѣстна теорема о прямоугольномъ треугольникѣ, какъ принадлежащая Пифагору (стр. 145). Арифметикъ Аполлодотъ, или Аполлодоръ, какъ называетъ его Діогенъ изъ Лаэрти, разказываетъ въ стихахъ о томъ, какъ Пифагоръ принесъ въ жертву быка, когда открылъ теорему о квадратахъ гипотенузы и катетовъ. Многие писатели въ своихъ сообщеніяхъ относительно теоремы въ существенномъ отношеніи высказываются точнѣе: они связываютъ съ именемъ Пифагора прямоугольный треугольникъ, длины сторонъ котораго равны 3, 4, 5 единицамъ мѣръ. Въ этомъ отношеніи яснѣе всего указанія Витрувія; въ его „Архитектурѣ“, изданной въ 14 г. послѣ Р. Х., прямо сообщается, что Пифагоръ училъ строить прямой уголъ съ помощью трехъ линейныхъ мѣръ, выраженныхъ числами 3, 4, 5; онъ же нашелъ, что квадраты 3 и 4, вмѣстѣ взятые, равны квадрату 5¹⁾. Мы встрѣтились уже у Плутарха съ разборомъ этого треугольника²⁾ (стр. 134); этотъ же треугольникъ играетъ роль и въ „Государствѣ“ Платона. Обращаясь къ позднѣйшимъ временамъ съ тою цѣлью, чтобы показать, что и съ теченіемъ времени сохранялась традиція о треугольникѣ подобной

¹⁾ Vitruvius, IX, 2.

²⁾ Plutarchus, de Iside et Osiride, 56.

мѣры, мы назовемъ одного глоссатора, жившаго въ началѣ XII в., отъ котораго мы имѣемъ послѣднее свидѣтельство: говоря о Пифагоровомъ треугольникѣ, онъ разумѣетъ подъ этимъ названіемъ треугольникъ со сторонами 3, 4, 5¹⁾.

Мы думаемъ, что истина, лежащая въ основаніи этого преданія состоитъ въ томъ, что Пифагоръ по треугольнику со сторонами 3, 4, 5 дошелъ до своей теоремы. „Едва ли названная по имени Пифагора геометрическая теорема навела его на арифметическія его теоремы; на оборотъ, примѣры квадратовъ двухъ чиселъ, сумма которыхъ опять составляетъ квадратъ, вѣроятно, обратили его вниманіе на соотношеніе между квадратами сторонъ прямоугольнаго треугольника“²⁾. Такъ выразился еще въ 1833 г. нѣмецкій ученый, который, надо думать, впервые усвоилъ себѣ этотъ, какъ намъ кажется, вѣрный взглядъ на ходъ развитія этой теоремы. Пифагоръ, говоритъ мы, замѣтилъ, что $9+16=25$ (стр. 144). Когда онъ сдѣлалъ это во всякомъ случаѣ интересное замѣчаніе, онъ уже зналъ, изъ какого бы то ни было источника, фактъ, даваемый опытомъ: что прямой уголъ можетъ быть построенъ, если мы возьмемъ числовыя величины 3, 4, 5 для обѣихъ сторонъ угла и для разстоянія ихъ конечныхъ точекъ. Мы указали (стр. 56) на то, что эта истина была извѣстна египтянамъ (стр. 92), и, можетъ быть, вавилонянамъ и, навѣрное, китайцамъ. Одинъ китайскій писатель сказалъ: „Если разложить прямой уголъ на его составныя части, то линія, соединяющая концы точки его сторонъ, равна 5, принимая за основаніе 3, а за высоту 4“. Геометрическая и арифметическая истины соединились въ сознаніи Пифагора въ одну общую теорему. Естественно было желаніе изслѣдовать, не представляютъ ли и въ другихъ прямоугольныхъ треугольникахъ длины сторонъ, возведенныя въ квадраты, одинаковое отношеніе. Самымъ простымъ являлось предположеніе о равнобедренномъ прямоугольномъ треугольникѣ, въ которомъ высота и основаніе равны единицѣ мѣры длины. Гипотенуза измѣрилась; она была больше одной, меньше двухъ единицъ мѣры. Самыя разнообразныя приспособленія дѣлались къ этому построенію; одно числовое значеніе за другимъ принимались для рав-

¹⁾ *Kantorp*, Die römischen Agrimensoren und ihre Stellung in der Geschichte der Feldmesskunst. Leipzig. 1875. S. 156 и Note 288.

²⁾ Такъ говорятъ Юл. Фр. Вуръ еще въ 1833 г. (*Jahn's Jahrbücher*, X, 62).

ныхъ катетовъ, чтобы получить число для гипотенузы; но все было тщетно. Вѣроятно, получались числа, близко подходившія къ искомой величинѣ гипотенузы, которыя мы, по нынѣшнему, назвали бы приблизительными величинами $\sqrt{2}$; но было бы смѣлымъ шагомъ по безплодности сдѣланныхъ попытокъ заключить о тщетности вообще всѣхъ попытокъ; этотъ-то шагъ и совершилъ Пифагоръ¹⁾.

Онъ нашелъ, что гипотенуза равнобедреннаго, прямоугольнаго треугольника даже съ соизмѣряемыми катетами, сама несоизмѣряема; что она никакимъ числомъ ¹⁾ не можетъ быть опредѣлена и выражена. Онъ открылъ понятіе ирраціональности, чему древній „списокъ математиковъ“ справедливо придаетъ такое важное значеніе. Онъ открылъ его именно по гипотенузѣ равнобедреннаго прямоугольнаго треугольника, что можно съ вѣроятностью заключить изъ многихъ обстоятельствъ²⁾.

Далѣе Капторъ въ вышепознанномъ трудѣ (стр. 156 и 157) разсуждаетъ о томъ, какъ могли пифагорейцы доказать эту теорему: „Мы выше говорили, что пользующеся нынѣ наибольшею распространенностью доказательство Пифагоровой теоремы принадлежитъ Евклиду. Приведенное въ самой пифагорейской школѣ доказательство, надо думать, было различно отъ этого. Могло быть, что оно, соотвѣтственно своей древности, различало много частныхъ случаевъ и именно вслѣдствіе этой детальной разработки было исключено совершенно; мы можемъ вывести это заключеніе изъ того, что Прокль ни слова не упоминаетъ о ходѣ аргументаціи въ до-Евклидовскомъ доказательствѣ. Если въ этомъ доказательствѣ различались частные случаи, то является вѣроятнымъ, что доказательство исходило изъ равнобедреннаго прямоугольнаго треугольника и имѣло основаніемъ разсѣченіе квадрата его діагоналями; по крайней мѣрѣ въ Платоновомъ „Менонѣ“ сохранилось это доказательство такого частнаго случая. Какъ поступали далѣе для полнаго доказательства общей теоремы, объ этомъ не имѣется никакихъ свѣдѣній. Различныя попытки вновь представить ихъ, какъ ни остроумны нѣкоторыя изъ нихъ, всѣ болѣе или менѣе лишены прочнаго основанія“.

Спрашивается: что сохранилось намъ изъ индійской геометріи? Прежде всего надо замѣтить, что большая часть занимающихся этимъ предметомъ сочиненій принадлежитъ позднему, послѣ-христіанскому періоду. Исключеніе изъ нихъ составляютъ только такъ-на-

¹⁾ Греческія названія рациональной и ирраціональной величинъ — $\rho\eta\tau\acute{o}\nu$ и $\acute{\alpha}\lambda\omicron\gamma\omicron\nu$.

зывается *Ṣulvasūtra* ¹⁾), относящаяся во всякомъ случаѣ къ глубокой древности. *Ṣulvasūtra* составляютъ особныя главы такъ-называемыхъ *Ṣrāuta* или *Kalpasūtra*, задача которыхъ представить нагляднымъ образомъ ритуальныя жертвоприношенія. Эти *Ṣrāutasūtra* принадлежатъ еще ведійской литературѣ и примыкаютъ непосредственно къ брахманамъ, въ которыхъ изложеніе ритуала было испещрено всевозможными объясненіями, соображеніями, легендами и т. п. Этимъ характеромъ брахмановъ, надо думать, вызывалась потребность въ сочиненіяхъ, которыя безъ всякихъ уклоновъ въ сторону налагали бы исключительно ритуальныя. Вотъ этотъ пробѣлъ и восполнили *Ṣrāutasūtra*. У насъ сохранился цѣлый рядъ такихъ *Ṣrāutasūtra*, представляющихъ именно ритуальныя книги разныхъ ведійскихъ школъ. Онѣ по содержанию существеннымъ образомъ согласны одна съ другою, но въ подробностяхъ, особенно въ формѣ, въ выраженіи, представляютъ разнаго рода отступленія. Особенное впечатлѣніе старинныя произвело на меня такъ-называемое *Mānava-Ṣrāutasūtra* ²⁾, ритуальная книга школы *Mātṛāyamiya*, *Samhitā* которой мы выше привели по поводу запрещенія бобовъ; это та же школа, изъ которой появилась знаменитая книга законовъ Ману. По языку, слогу и тону *Mānava-Ṣrāutasūtra* едва различается отъ брахмановъ, такъ что мы должны отнести это произведеніе еще къ брахманскому періоду, притомъ къ болѣе поздней порѣ этого періода, то-есть, примѣрно къ VIII столѣтію до Р. X. ³⁾). Другія *Ṣrāutasūtra* болѣе или менѣе отличаются,

¹⁾ Отъ *ṣulva* или *ṣulba*—веревка или канатъ; следовательно *ṣulvasūtra* собственно значить „правила плетенія веревкой“. Мы далѣе увидимъ, какую роль играло въ нихъ вымѣриваніе веревкой или канатомъ.

²⁾ Я познакомился съ этимъ памятникомъ въ двухъ рукописяхъ Мюнхенской государственной бібліотеки (коллекція Гауга).

³⁾ Въ пользу этого опредѣленія я замѣчу слѣдующее. Послѣдній періодъ времени Ведовъ, непосредственно предшествующій буддизму, есть періодъ Аравьяка и древнѣйшихъ Упанишадъ; въ это время господствовала надъ умами мысль объ Атманѣ-Брахманѣ, идолъ о неседимомъ; тогда же образовалось ученіе о переселеніи душъ и вѣра въ личнаго бога Брахмана. Было бы слишкомъ мало—отводить на этотъ періодъ культурнаго развитія одно лишь столѣтіе. Это было бы въ V стол. до Р. X, ибо уже въ VI столѣтіи появляется буддизмъ. Но времени Аравьяка и Упанишадъ предшествовалъ знаменательный періодъ, въ которомъ развилась дошедшая до огромныхъ размѣровъ литература брахмановъ; въ этотъ періодъ я включаю VIII и IX стол. до Р. X., тогда какъ возникновеніе *Samhitā Yajurved'a* отношу къ X стол. Эти опредѣленія лишь приблизительныя, но встаетъ и долженъ сказать въ ихъ пользу, что они во всякомъ случаѣ не восходятъ слишкомъ въ глубь вѣковъ, а напротивъ, памятники, о

какъ отъ *Mānava-Śrāutasūtra*, такъ и между собою. Характерно то, что по способу выраженія каждая *Sūtra* тѣмъ ' короче, точнѣе и формальнѣе, чѣмъ позднѣе время, отъ котораго она беретъ начало, тогда какъ, напримѣръ, *Mānava-Śrāutasūtra* еще во многихъ случаяхъ представляетъ нестѣсняемую сжатыми формами рѣчь брахмановъ.

Въ этихъ *Śrāutasūtra*, изъ коихъ древнѣйшія такимъ образомъ могли быть составлены приблизительно въ VIII столѣтіи до Р. Х., мы находимъ опредѣленные главы ¹⁾, въ которыхъ даются правила для точнаго измѣренія мѣста, отводимаго для жертвоприношеній, личныхъ алтарей и т. п. Вотъ это-то и есть упомянутыя ранѣе *Śulvasūtra*, своеобразному характеру которыхъ придано весьма мѣткое опредѣленіе „геометрически-теологическихъ“ (Канторъ, стр. 540).

Надо особенно обратить вниманіе на то, что ни одному изъ составителей этихъ *Śulvasūtra* не можетъ быть приписана честь открытія содержащихся въ ней геометрическихъ правилъ и теоремъ: ни *Bāudhāyana*, ни *Apastamba*, ни *Kātyāyana*, которыхъ называютъ авторами *Bāudhāyana-Śrāutasūtra*, *Apast. Śr.* и *Kāty. Śr.*; то же самое относится и къ *Mānava*, котораго хотѣли было принять за автора *Mānava-Śrāutasūtra*, а также, слѣдовательно и содержащагося въ немъ *Śulvasūtra*. Содержаніе всѣхъ этихъ книгъ, напротивъ, въ существенномъ отношеніи одно и то же; онѣ передаютъ лишь нормы брахмановъ по измѣренію мѣста для жертвоприношеній, алтарей и проч., нормы, имѣющія общее примѣненіе. Такимъ образомъ здѣсь сообщается древняя жреческая мудрость, геометрически-теологическая наука брахмановъ, въ области которой мы не можемъ назвать ни одного автора, не можемъ достоверно опредѣлить, къ какому древнему періоду слѣдуетъ отнести ея открытіе. Но мы можемъ сказать, что эти построенія, эти правила, по всей вѣроятности, постоянно выполнялись и примѣнялись во времена, предшествовавшія составленію *Śrāutasūtra*, въ тѣ вѣка, когда процвѣтали жертвоприношенія и наука о нихъ, то-есть, надо полагать, отъ X до VIII столѣтія до Р. Х. ²⁾. Въ это время, должно

которыхъ идетъ рѣчь, скорѣе отнесены этими опредѣленіями ко времени сравнительно позднему.

¹⁾ Я обращаю еще особенное вниманіе на то, что *Śulvasūtra* является въ *Mānava-Śrāutasūtra* отнюдь не какъ одно изъ прибавленій или дополненій (*Pañcīśikṣā*), а какъ самостоятельная глава (гл. 10-я). Ср. мое изданіе *Māitrāyaṇī Samhitā*, ч. I, введеніе, стр. XLII.

²⁾ Въ *Yajurved'ākh*, возникновеніе которыхъ мы относимъ къ X столѣтію, постоянно упоминается объ алтаряхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь; правда, этимъ не дается абсолютной гарантіи въ томъ, что они строились совершенно такимъ же образомъ, какъ впоследствии; но все-таки это вѣроятно.

быть, мало по малу стали устанавливаться соотвѣтствующія правила, данныя въ *Sulvasûtra*, какъ нерушимо твердыя нормы, которыхъ и въ послѣдствіи времени держались съ упорствомъ. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ весьма древнею геометрическою наукой брахмановъ.

Sulvasûtra въ недавнее время превосходно разработаны индологомъ Г. Тибо ¹⁾. Затѣмъ ихъ содержаніе прекрасно и весьма ясно изложено по существу и сравнено съ греческими изслѣдованіями Канторомъ въ его „Лекціяхъ по исторіи математики“. Это изложеніе я намѣренъ представить въ нижеслѣдующихъ главныхъ чертахъ.

„Въ задачахъ, относящихся къ воздвиженію алтарей“, говоритъ Канторъ (стр. 541 и слѣд.),—„дѣло идетъ прежде всего о постановкѣ и точномъ построеніи алтарей подъ прямымъ угломъ. Линія, идущая отъ востока къ западу, которую нужно при этомъ отграничить, носитъ имя *ргасі*. Коль скоро найдена *ргасі*, строятся прямые углы, при томъ съ помощью веревки. Пусть будетъ длина этого разстоянія между западною и восточною точкой равна 36 *рада*. На ея обѣихъ конечныхъ точкахъ вбивается въ землю по одному колу. Къ этимъ кольямъ прикрѣпляются концы веревки, длиною въ 54 *рада*, а на веревкѣ, на разстояніи 15 *рада* отъ одного конца, предварительно завязывается узелъ. Если затѣмъ натянуть веревку по землѣ, придерживая узелъ, то на концѣ *ргасі* появляется прямой уголъ. Понятно, что способъ рѣшенія вѣренъ и основанъ на прямоугольномъ треугольникѣ со сторонами 15, 36, 39, или, если выразить въ меньшихъ числахъ, 5, 12, 13. Понятно также, что этотъ способъ рѣшенія основанъ на знакомствѣ съ Пифагоровою теоремою; тутъ примѣняется натягиваніе веревки такимъ же образомъ, какъ дѣлалъ то Геронъ, а также, какъ, вѣроятно, дѣлали древне-египетскіе гарпедонапты при рѣшеніи такихъ же задачъ ²⁾. Представляется выборъ изъ нѣсколькихъ предположеній; можно думать, что способъ рѣшенія, по которому отграничивается линія отъ востока къ западу, и строится на полѣ прямой уголъ, что этотъ способъ проникъ въ западную страну отъ индійцевъ или же былъ перенесенъ изъ Александріи въ Индію; можно также, пока все болѣе и болѣе не накопятся сходства въ геометрическихъ способахъ рѣшенія и понятіяхъ, придти къ мысли о двухъ открытіяхъ, независимыхъ одно отъ другаго“.

¹⁾ The *Sulvasûtra's* by G. Thibaut. Reprinted from the *Journal Asiatic Society of Bengal*, Part I for 1875. Calcutta 1875.

²⁾ Это только предположеніе, высказываемое Канторомъ на стр. 56.

На ряду съ правильною ориентировкой и остроугольнымъ построениемъ угловъ алтаря, имѣеть самое важное значеніе его форма и размѣръ площади. Три главные жертвенника, предназначенные къ сожиганію жертвы, безъ которыхъ уже не обходилось въ древнѣйшее время ни одно большое жервоприношеніе, это—алтарь такъ-называемаго огня *Ahavanīya* (то-есть, жертвеннаго *κατ'ἑτοχῆν*), алтарь *Gāgharata* или домашняго огня и алтарь *Dakshina* или южнаго огня. Первый изъ нихъ (*Ahav.*) долженъ имѣть четырехугольную форму, второй (*Gāgh.*)—круглую, а третій (*Daksh.*)—полукруглую; но при этомъ площади всѣхъ трехъ алтарей должны быть равны. Посреди этихъ трехъ алтарей находится такъ-называемое *vedi* или жертвенное ложе или скамья, по обозначенію Петербурскаго Словаря, слегка вырытое и покрытое подстилкой мѣсто, замѣняющее алтарь¹⁾. Кроме того, при особенныхъ жертвоприношеніяхъ, особенно при такъ-называемыхъ *Agniciti* или кладкѣ алтаря для сожженія жертвъ, строятся алтари весьма своеобразной, отчасти очень сложной формы; эти алтари складываются изъ массы различныхъ кирпичей, которые всѣ имѣють свои названія и свое особое значеніе. Мы далѣе снова возвратимся къ нимъ. Теперь обратимся опять къ изложенію Кантора.

При образованіи формы алтарей получаютъ силу „два математическіе закона²⁾, при чемъ каждый изъ нихъ влечетъ за собою появленіе особой группы задачъ“.

„Если увеличивать размѣры алтаря извѣстной формы, то форма его должна оставаться одною и тою же во всѣхъ своихъ отношеніяхъ. Слѣдовательно, во первыхъ, надо умѣть построить геометрическую фигуру, подобную данной и находящуюся къ ней въ данномъ отношеніи частей. Далѣе, площадь поверхности алтаря нормальной величины остается всегда одною и тою же, независимо отъ его формы. Итакъ, во вторыхъ, надо умѣть превратить геометрическую фигуру въ другую, площадь которой была бы равна площади первой фигуры“.

При этомъ ясно выступаетъ самый важный для насъ выводъ: брахманы ведійскаго періода знали Пиеагорову теорему

¹⁾ Можно представить себѣ вышесказанное нагляднымъ образомъ по помѣщенію у Гилебрандта въ его „*Das altindische Neu- und Vollmondsopfer*“ (Вена. 1880, стр. 191) изображенію мѣста для жертвоприношеній въ древней Индіи. Только тамъ не вполне вѣрнымъ вышло изображеніе алтаря *Dakshina*, какъ Гилебрандтъ самъ замѣчаетъ о томъ (стр. 196).

²⁾ *Thibaut*, р. 5. *Канторъ*, стр. 542.

и излагали ее не по Евклидову способу, а по тому способу, которымъ, согласно предыдущему представленію Кантора, вѣроятно, самъ Пифагоръ объяснялъ эту теорему. Это фактъ, имѣющій весьма высокое и рѣшающее значеніе для разбираемаго нами вопроса.

Я опять приведу дословно мѣсто изъ Кантора, который при этомъ постоянно опирается на Тибо (стр. 543 и слѣд.):

„Для геометрическаго извлеченія квадратнаго корня Bâudhâyana даетъ слѣдующія правила ¹⁾: веревка, натянутая поперекъ черезъ равносторонній прямоугольникъ, образуетъ квадратъ съ двойною площадью. Веревка, натянутая поперекъ черезъ продолговатый прямоугольникъ, образуетъ обѣ площади, которыя получаютъ при натягиваніи веревокъ вдоль по большей и по меньшей сторонѣ. Этотъ второй случай можно узнать по прямоугольникамъ, длины сторонъ которыхъ равны 3 и 4, 12 и 5, 15 и 8, 7 и 24, 12 и 35, 15 и 36 единицамъ мѣры“.

„Это очевидно не что иное“, продолжаетъ Канторъ, — „какъ Пифагорова теорема, объясненная на числовыхъ примѣрахъ. Послѣдній изъ названныхъ прямоугольныхъ треугольниковъ, съ катетами 15 и 36, уже прежде разъ упомянуть съ меньшими числами 12 и 5; очевидно, Bâudhâyana при этомъ не сознавалъ за собою этого повторенія; это представляетъ свидѣтельство тому, что онъ не обладалъ полнымъ знаніемъ предмета, который онъ излагалъ; напротивъ, онъ, по крайней мѣрѣ отчасти, излагалъ то, что досталось ему по преданію, чего онъ однако самъ не понималъ. Пифагорова же теорема излагается не какъ истина, вполне обобщенная, а съ подраздѣленіемъ на два случая, смотря по тому, равной ли длины оба катета, или нѣтъ. Вѣроятно, Пифагоръ, доказывая свою теорему, поступалъ такимъ же образомъ (стр. 157). Далѣе, у Bâudhâyana въ Пифагоровой теоремѣ является не треугольникъ, а прямоугольники, пересѣченные діагональю. Именно то же самое мы должны были сообщить о Геронѣ, который и въ геометріи, и въ геодезій переходить къ прямоугольному треугольнику отъ квадрата и прямоугольника и въ обоихъ четырехугольникахъ изслѣдуетъ діагональ. Неужели и эти совпаденія должны быть случайными?“

Вопросъ этотъ вполне уместенъ, и упомянутые факты имѣютъ громадное значеніе. Между тѣмъ мы находимъ еще больше важныхъ

¹⁾ Тибо, стр. 7, 8, 9.

и замѣчательныхъ указаній. Предоставляемъ далѣе слово Кантору, который продолжаетъ (стр. 544):

„Примѣненіе этихъ теоремъ въ Śulvasūtra двоякое, соотвѣтственно двойственному характеру задачъ, представляющихся при построеніи алтаря. Можетъ представиться необходимость измѣнить разстояніе, такъ что его квадратъ увеличится въ отношеніи 1: n; можно также превратить одну фигуру въ другую равнобѣдную. Опредѣленіе стороны квадрата, въ 2, 3, 10, 40 разъ большаго, чѣмъ данный, происходитъ посредствомъ постепеннаго, повторяющагося примѣненія Пифагоровой теоремы; при этомъ начинаютъ съ равнобѣдреннаго прямоугольника, гипотенуза треугольника принимается всегда за одинъ изъ катетовъ слѣдующаго треугольника, другой катетъ котораго равенъ катету сперва рассмотрѣннаго треугольника. Тутъ являются наименованія $\sqrt{2}$, $\sqrt{3}$ и такъ далѣе, образовавша посредствомъ составленія именъ числительныхъ (съ объясненнымъ нами ранѣе (стр. 527) словомъ kaḡana) ¹⁾; такимъ образомъ dvikaḡani= $\sqrt{2}$, trikaḡani= $\sqrt{3}$, daṣakaḡani= $\sqrt{10}$, satvārim ṣatkaḡani= $\sqrt{40}$ и такъ далѣе“.

Это опять-таки имѣетъ величайшій интересъ, такъ какъ для насъ ясно выступаетъ въ Śulvasūtra понятіе объ ирраціональныхъ величинахъ, открытіе которыхъ греки также приписываютъ Пифагору.

Интересно далѣе построеніе у Bāudhāyana квадрата, площадь котораго равна площади прямоугольника ²⁾, „такъ какъ при этомъ построеніи Bāudhāyana пользуется лишь Пифагоровою теоремою и отказывается отъ примѣненія вспомогательнаго способа, предложеннаго въ 14-ой теоремѣ II книги „Началъ“ Евклидовыхъ, то-есть, отъ проведенія перпендикуляра изъ точки окружности круга на его діаметръ“ ³⁾.

Итакъ, мы опять-таки видимъ, какую выдающуюся роль играетъ и здѣсь именно Пифагорова теорема. Замѣтимъ къ тому же, что при этомъ методѣ встрѣчается и превращеніе прямоугольника въ гномонъ (Канторъ, стр. 545).

Наконецъ, требованіе, чтобы площадь круглаго алтаря равнялась площади четырехугольнаго, вызываетъ обсужденіе задачи квадратуры

¹⁾ Тибо, стр. 16.

²⁾ Тибо, стр. 19.

³⁾ Ср. Канторъ, стр. 544 и 545.

круга или, какъ Канторъ здѣсь говоритъ, циркулятуры квадрата; при этомъ также обнаруживаются самыя интересныя вычисления.

Въ концѣ своего изложенія Канторъ говоритъ: „Такимъ образомъ, при разсмотрѣннн *Śulvasūtra*, все больше и больше представилось намъ точекъ соприкосновенія между индійскою и александрійскою геометріей. И примѣненіе натянутой веревки при практическихъ операціяхъ землеѣровъ, и пользованіе Пифагоровою теоремою, а именно исходя изъ понятія о прямоугольничѣ, и фигура гномона и главннмъ образомъ нѣкоторыя приблизительныя величины, какъ $\sqrt{2} = \frac{17}{24}$, $\sqrt{3} = \frac{26}{15}$, $\pi = 3$, — все это ставитъ взаимную связь обонхъ методовъ, при помощи которнхъ развивалась геометрія, выше простой возможности“¹⁾.

Канторъ, имѣя лишь очень недостаточныя свѣдѣнія о времени *Śulvasūtra*, думаетъ, что „александрійская геометрія проникла въ Индію въ періодъ болѣе поздній, чѣмъ за 100 г. до Р. Х.“ (стр. 548; ср. также стр. 540). Но, по представленннмъ нами выше хронологическимъ соображеніямъ, это абсолютно не возможно. Мы не можемъ ставить эту ошибку ни въ малѣйшій упрекъ заслуженному изслѣдователю²⁾, но должны самымъ рѣшительнымъ образомъ предотвратить признаніе правъ гражданства за нею. На позднѣйшей индійской геометріи, отъ которой у насъ имѣются памятники приблизительно лишь съ IV столѣтія послѣ Р. Х., отразилось несомнѣнно въ наиболѣе значительной степени вліяніе греческой науки: произведенія индійскихъ астрономовъ и математиковъ, начиная съ того времени, обнаруживаютъ это самымъ яснымъ образомъ уже усвоеніемъ цѣлаго ряда греческихъ терминовъ. Но, по нашему мнѣнію, не можетъ быть рѣчи о томъ, что, какъ предполагаетъ Канторъ (стр. 549), Геронъ Александрійскій имѣлъ вліяніе на ведійскія *Śulvasūtra*. *Śulvasūtra* и позднѣйшая индійская геометрія должны быть различаемы самымъ строгимъ образомъ. Ихъ раздѣляетъ періодъ болѣе чѣмъ въ тысячу лѣтъ!

Подводя итоги полученнымъ результатамъ, уже не будемъ колебаться нъ томъ, какое заключеніе мы должны вывести.

Древняя жреческая геометрія индійцевъ знала Пифагорову теорему; мало того: послѣдняя играла въ ея вычисленіяхъ даже главную роль;

¹⁾ Канторъ, стр. 548.

²⁾ Упрекъ этотъ падаетъ скорѣе на иждологовъ, недостаточно выискивающихъ этотъ пунктъ.

съ ея помощью индѣйцы отчасти дѣлають построенія, которыя греки открываютъ совершенно инымъ путемъ; съ ея помощью они затѣмъ находятъ также и ирраціональныя величины. Именно оба эти открытія введены были Пифагоромъ въ греко-италійскій міръ, усвоившій ихъ; они принадлежатъ ему, по мнѣнію грековъ. Мало того! И способъ, которымъ Пифагоръ доказывалъ свою теорему, былъ, по всея вѣроятности, тотъ же самый, который мы находимъ въ ведійскихъ *Śulvasūtra* ¹⁾.

Мы могли бы сказать по разсмотрѣніи *Śulvasūtra*: Если Пифагоръ дѣйствительно былъ въ Индіи и былъ посвященъ въ жреческую мудрость брахмановъ, — что мы выше выставили, какъ нѣчто вѣроятное, — то въ этомъ случаѣ онъ могъ внести въ Грецію изъ геометрической науки именно эти теоремы, а что это дѣйствительно такъ было, объ этомъ исторія повѣствуетъ намъ уже въ теченіе не одного тысячелѣтія!

Въ какомъ совершенно иномъ свѣтѣ являютъ такимъ образомъ начала греческой геометріи, какъ понятнымъ становится то, что до сихъ поръ только едва было доступно объясненію! Безъ посредниковъ является вдругъ Пифагоръ со своею теоремою и своими ирраціональными величинами въ греко-италійскій міръ! Какое иное совершенно представленіе получаемъ мы, когда примемъ въ разчетъ, что онъ перенесъ эти умственные приобрѣтенія на греческую почву, извлеки ихъ изъ далекаго культурнаго міра! И какъ понятно, что именно индѣйцы могли достигъ этихъ познаній!

Кто знакомъ съ тою эпохою исторіи индѣйской культуры, которая простирается отъ X до VIII столѣтія до Р. X., тотъ, и собственно одинъ только тотъ, въ состояніи исполнѣ понять, какую роль въ духовной жизни индѣйцевъ играли въ то время жертвоприношенія съ ихъ безчисленными деталями. Всѣ помыслы высоко одареннаго народа направлены въ эти вѣка на жертвоприношеніе, его приготовленіе и совершеніе. Объемистая литература, свидѣтельствующая о тѣхъ временахъ, сплошь и рядомъ трактуеть о жертвоприношеніяхъ. Жертвоприношенію во всѣхъ его частностяхъ придаеться наивысшее значеніе, сила принуждать боговъ и міры, господствовать надъ природою и людьми. Удивительная, сверхъестественная сила присуца ему, и даже космогонія связана съ жертвоприношеніями: изъ нихъ возникли

¹⁾ Я обращаю особенное вниманіе на то, что Канторъ приходитъ къ этому выводу, не предусматривая того случая, что Пифагоръ могъ имѣть свое доказательство отъ индѣйцевъ.

всѣ міры и существа, всѣ боги и люди, животныя и растенія. Правда, индѣйцы доходятъ здѣсь въ концѣ концовъ до величайшихъ абсурдовъ, и здравый смыслъ никогда не помирится съ подобными умо-врѣніями, но все-таки можно узнать, какое значеніе имѣетъ для нашего вопроса именно это направленіе индѣйской мысли; вѣдь, значеніе это испо вытекаетъ изъ безпредѣльно высокаго, уже не знающаго мѣры, значенія, которое придаютъ индѣйцы жертвоприношенію. Церемоніаль жертвоприношеній, какъ намъ уже показываютъ Уаѳугведы (въ X столѣтіи), чрезвычайно сложны: малѣйшая мелочь окружена ореоломъ важности, который намъ перѣдко кажется доходящимъ до смѣшнаго. Приготовленія къ жертвоприношенію, приведеніе въ порядокъ для него мѣста различной посуды и утвари, все играетъ при этомъ выдающуюся роль и само по себѣ уже обременено подавляющею массою церемоніальныхъ подробностей и часто занимаетъ много времени. При этомъ, конечно, постройка алтарей имѣетъ высшее значеніе. Каждая линія, каждая точка, отношеніе каждой формы имѣло здѣсь рѣшающее значеніе и, по индѣйскому вѣрованію того времени, могло быть благодатнымъ или пагубнымъ, смотря по тому, какъ оно было выполнено. Форма и объемъ алтарей, ихъ отношеніе между собою и къ составнымъ своимъ частямъ, связь ихъ съ самыми различными отвлеченными понятіями, ихъ болѣе глубокое и символическое значеніе и правильный способъ ихъ постройки причемъ имѣли въ виду не только умиловитивъ, но и понудить боговъ, все это было предметомъ безпрерывныхъ умствованій цѣлыхъ поколѣній весьма даровитаго народа, склоннаго отъ природы къ умозрительному, отвлеченному мышленію и особенно также къ занятіямъ математикой. Намъ будетъ вполне понятно, что такой напряженный духовный трудъ многихъ поколѣній, устремленный все на одни и тѣ же пункты, могъ увѣнчаться такими познаніями по геометрическимъ вопросамъ, при этомъ возникавшимъ, о какихъ мы выше распространились. Напротивъ, намъ всегда должно остаться непонятнымъ, какимъ образомъ одинъ человекъ, какой бы онъ ни былъ гений, что относительно Пифагора еще подлежитъ сомнѣнію ¹⁾, могъ вдругъ придти къ этимъ мыслямъ.

Мы, слѣдовательно, не преминемъ высказать убѣжденіе, что Пифагоръ, познакомившись съ мудростью брахмановъ, съ ученіемъ о переселеніи душъ, съ запрещеніемъ мяса и бобовъ, усвоилъ себѣ

¹⁾ Ср. отзывъ Гераклита о немъ.

изъ священной ведійской геометріи жертвоприношеній тѣ теоремы, которая по справедливости сдѣлала его знаменитымъ въ исторіи математики ¹⁾).

О приписываемомъ ему открытіи пяти космическихъ тѣлъ могу высказать предположеніе лишь въ слѣдующей главѣ, въ связи съ ученіемъ о пяти элементахъ.

Затѣмъ естественно возникаетъ вопросъ, не ввелъ ли Пифагоръ и арифметическихъ знаній въ Грецію изъ Индіи. Мы знаемъ, какую роль играютъ именно числа въ системѣ Пифагора, какъ онъ постоянно производитъ съ ними операціи, какое высшее мистическое и символическое значеніе они имѣютъ для него. Но и въ научномъ отношеніи онъ имѣетъ большое значеніе въ ученіи теоріи чиселъ. Еще Аристоксенъ видѣлъ именно въ арифметикѣ самую существенную заслугу Пифагора ²⁾, а Канторъ, говоря объ относящихся къ этому предмету заслугахъ Пифагора, приходитъ къ слѣдующему выводу: „Такія арифметическія знанія заставляютъ предполагать долго продолжавшееся предварительное развитіе“ (стр. 141; ср. еще стр. 158).

Между тѣмъ извѣстно, что индійцы обладали геніальными способностями именно къ арифметикѣ. Грековъ Канторъ называетъ народомъ по преимуществу геометрическимъ, тогда какъ объ индійцахъ онъ говоритъ, что „пасть должна удивлять ихъ особенная способность къ счету... Сообразно съ этимъ у нихъ-то, по всей вѣроятности, надо искать родину изумительнаго развитія арифметики... Алгебра развилась у индійцевъ „до такой высоты, какой она никогда не могла достигъ въ Греціи“ (Канторъ, стр. 511). Индійцамъ челоуѣчество обязано системой цифръ, которые мы называемъ арабскими, по которымъ сами арабы, съ справедливымъ чувствомъ благодарности къ своимъ учителямъ, называли индійскими знаками. Искусство счета происходитъ изъ Индіи. Было бы излишнимъ ближе объяснять, какое значеніе имѣютъ эти умственные успѣхи для всей культуры.

Но въ какомъ состояніи находились успѣхи индійцевъ въ ариф-

¹⁾ При этомъ случаѣ я хочу замѣтить, и это, мнѣ кажется, не лишено значенія,—что, какъ вытекаетъ изъ изложенія Кантора, не можетъ быть доказано знакомство съ Пифагоровою теоремою и съ понятіемъ объ ирраціональныхъ величинахъ ни вавилонянъ, ни египтянъ. Даже построеніе прямого угла посредствомъ треугольника со сторонами 3, 4, 5 приписывается этимъ народамъ лишь весьма гадательнымъ образомъ (ср. Канторъ, стр. 56 и 92).

²⁾ См. Канторъ, стр. 133.

метикѣ во время Пифагора и раньше? Для рѣшенія этого вопроса у насъ, къ сожалѣнію, не имѣется никакихъ указаній, на которыхъ можно было бы съ увѣренностью остановиться. До насъ не дошло никакихъ письменныхъ свѣдѣній этого рода. Арифметикѣ не посчастливилось, какъ геометріи, стать въ тѣсную связь съ жертвоприношеніями и съ божественнымъ культомъ. Отъ ведійскаго періода индійской исторіи, предшествовавшаго Буддѣ, у насъ сохранились лишь письменные памятники, имѣющіе отношеніе къ религіозной жизни. Конечно, судя по той весьма высокой ступени, которой тогда уже достигла вообще вся индійская культура, надо считать весьма вѣроятнымъ, что народъ, столь несомнѣнно одаренный способностями именно къ арифметикѣ, уже тогда и въ развитіи арифметическихъ знаній достигъ извѣстной высоты, но утверждать объ этомъ что-либо съ увѣренностью мы не можемъ.

Но если отсутствіе историческихъ свѣдѣтельствъ затрудняетъ насъ при рѣшеніи этого вопроса, то по крайней мѣрѣ преданіе заслуживаетъ нашего вниманія. Я опять уступаю слово часто уже приведенному авторитету въ области математики: „Если уже само по себѣ вѣроятно предположеніе о томъ, что начало счисления въ дѣльныхъ числахъ восходитъ къ глубокой старинѣ, то, съ другой стороны, согласно и съ самимъ преданіемъ, говорящимъ при томъ о счисленіи очень большихъ чиселъ, это счисленіе надо отнести къ юношескому возрасту реформатора индійской религіи Lalitavistara, время составленія которой правда вовсе неизвѣстно, занимается юностью Бодисатви. Этотъ послѣдній проситъ у Dardarāni руки ея дочери Gorā, но получаетъ согласіе лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы подвергнуться испытанію въ самыхъ важныхъ искусствахъ. Письмо, кулачный бой, стрѣльба изъ лука, прыганіе, искусство плаванія, бѣгъ въ запуски, но болѣе всего искусство счета составляютъ предметъ этого испытанія, которое юноша выдерживаетъ блистательно. Въ арифметикѣ онъ оказывается даже искуснѣе, тѣмъ мудрый Arjuna, и даетъ числовыя названія до tallakshana, то-есть, 1 съ 53 нулями. Но это у него только одна система, и ее превышаютъ еще пять или шесть системъ, наименованія которыхъ онъ также называетъ. Затѣмъ его спрашиваютъ: можетъ ли онъ вычислить количество первоначальныхъ элементарныхъ частицъ, совокупность которыхъ составляетъ длину одного Yojana? Онъ вычисляетъ это количество при помощи слѣдующихъ числовыхъ отношеній. 7 элементарныхъ частицъ составляютъ одну весьма мелкую пи-

линку, 7 такихъ пылинокъ опять составляютъ мелкую пылинку, изъ конихъ 7 образуютъ пылинку, которая можетъ быть поднята вѣтромъ, изъ послѣднихъ 7 образуютъ пылинку отъ заячьяго слѣда, 7 изъ нихъ—пылинку отъ слѣда барана, 7 такихъ пылинокъ—пылинку отъ слѣда, оставленнаго ногой вола, изъ нихъ 7 пылинокъ идутъ на маковое сѣмя; 7 маковыхъ сѣмянъ равны горчичному сѣмени, 7 горчичныхъ сѣмянъ—одному ячменному зерну, а 7 ячменныхъ зеренъ образуютъ перстный суставъ; 12 такихъ суставовъ составляютъ пядь, 2 пяди равны одному локтю, 4 локтя—одной дугѣ, а 1000 дугъ составляетъ крѣса, изъ которыхъ, наконецъ, 4 идутъ на одинъ Уојапа. Такимъ образомъ Уојапа состоитъ, по современному способу изображенія, изъ $7^{10} \cdot 32 \cdot 12000$ элементарныхъ частицъ, то-есть, изъ 108.470.495.616.000 такихъ частицъ. Если данное въ Lalitavistara число и разнится отъ этого правильнаго, то удалось доказать ¹⁾ иѣроятность возникновенія неправильнаго числа изъ правильнаго; имѣются и достаточныя указанія на средство этой задачи по своему содержанію съ вычисленіями Архимеда надъ количествомъ песчинокъ²⁾.

Послѣ вышесказаннаго мы вообще должны считать вполне иѣроятнымъ, что индѣйцы въ VI столѣтіи до Р. Х. достигли уже немалыхъ успѣховъ въ арифметикѣ. Въ такомъ случаѣ оказывается возможнымъ, что Пифагоръ усвоилъ себѣ отъ нихъ и познанія въ арифметикѣ. Но достовѣрное положеніе здѣсь не можетъ имѣть мѣста, а мы желаемъ ограничиться только такими положеніями, въ пользу которыхъ можно привести вѣскія доказательства ³⁾.

IV.

Ученіе о пяти стихіяхъ.

Въ школѣ Пифагора мы встрѣчаемся съ ученіемъ, что весь матеріальный міръ состоитъ изъ пяти стихій. Это ученіе находится еще у Филолая, о которомъ имѣются ясныя свидѣтельства, что это былъ первый пифагореецъ, обнародовавшій философское произведеніе; до него не было извѣстно о пифагорейскихъ сочиненіяхъ. Пифагоръ самъ, говорятъ, ничего не написалъ, равно какъ и Гиппизъ (Цел-

¹⁾ Benke (Woercke) въ *Journal Asiatique* за 1803 г., стр. 260—266.

²⁾ Впрочемъ ср. еще ниже изложеніе философа Sankhya и числовой мистики и символикъ.

леръ, стр. 260). У Филолая мы находимъ пять стихій въ своеобразномъ отношеніи къ пяти правильнымъ тѣламъ, открытіе которыхъ, какъ мы раньше замѣтили, приписывалось Пифагору. „Изъ пяти правильныхъ тѣлъ онъ (то-есть, Филолай) приурочилъ къ землѣ кубъ, къ огню—тетраедръ, къ воздуху—октаедръ, къ водѣ—икосаедръ, къ пятой стихіи, обнимающей всѣ прочія,—додекаедръ ¹⁾, то-есть, онъ предполагалъ, что самыя малыя составныя части этихъ различныхъ веществъ имѣютъ означенныя формы“ ²⁾. Пятая стихія, обнимающая всѣ прочія, есть эфиръ.

Предположеніе объ этихъ пяти стихіяхъ не принадлежитъ одному Филолаю. Это было бы на первый же взглядъ совсѣмъ невѣроятно, и эта невозможность вполне достаточно подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, „что между учениками Платона всѣ тѣ, которые тѣснѣе примыкали къ пифагореизму, на сколько мы имѣемъ о нихъ свѣдѣнія въ этомъ отношеніи,—прибавляли къ четыремъ стихіямъ пятую—эфиръ.“ (Целлеръ, стр. 377, примѣч.; ср. и стр. 265, прим.). Эта стихія встрѣчается „именно, кромѣ Эпиноиды, также у Спевсиппа и Ксенократа, и у Платона даже въ позднѣйшіе годы его жизни“ ³⁾ (стр. 265 прим.).

Послѣ вышесказаннаго мы должны, какъ я думаю, считать вполне вѣроятнымъ, что ученіе о пяти стихіяхъ, имѣющее значеніе—на сколько мы можемъ прослѣдить его зачатки—еще въ древне-пифагорейской школѣ, принадлежитъ самому Пифагору. О немъ вѣдь су-

¹⁾ Целлеръ, стр. 376. Я припомню также мѣсто, къ которому относится эта ссылка по Целлеру, тамъ же примѣч. 3-е: В. Stob. 1, 10 (*Böckh* въ *Philol.* 160): καὶ τὰ ἐν τῇ σφαίρᾳ σώματα (пять правильныхъ тѣлъ) πάντε ἐστί τὰ ἐν τῇ σφαίρᾳ (тѣла въ мірѣ, Геренъ и Мейнеке хотѣли выбросить эти слова) πῦρ ὕδωρ καὶ γῆ καὶ ἀήρ καὶ ὁ τῶν σφαιρῶν δόξας πέμπτον (такъ читаются въ соф. А.; Вѣкъ и др. читаютъ ἄ τ. σφ. δόξας, Мейнеке ἄ τ. σφ. κυχλάς, Шаршвидтъ *Fragment. d. Philol.*, стр. 50 ὁ τ. σφ. δόξος, или же ἄ ..... ὀλόξας, Геренъ τ. σφ. δόξος, что должно обозначать эфиръ, какъ слухъ, приводящую въ движеніе мировой шаръ, можетъ быть, надо читать ὁ τ. σφ. κύκλος, или τὸ τ. σφ. ὄξας). *Plut. Plac. II, 6, 5* (Stob. 1, 450. *Galen. c. 11*): Πυθαγόρας πάντε σχημάτων ὄντων στερεῶν ἅπερ καλεῖται καὶ μαθηματικά, ἐκ μὲν τοῦ κύβου φησὶ γεγονέναι τὴν γῆν, ἐκ δὲ τῆς πυραμίδος τὸ πῦρ, ἐκ δὲ τοῦ ἑξαέδρου τὸν ἀέρα, ἐκ δὲ τοῦ εἰκοσαέδρου τὸ ὕδωρ, ἐκ δὲ τοῦ δωδεκαέδρου τὴν τοῦ παντός σφαίραν. Мое предположеніе относительно страннаго слова δόξας см. ниже.

²⁾ Что это представленіе правильно, доказываетъ Целлеръ, стр. 376, прим. 4-е.

³⁾ Целлеръ справедливо возражаетъ (стр. 264 и 265, прим.) Шаршвидту, который не признаетъ, что теорія о пяти стихіяхъ принадлежитъ древнимъ пифагорейцамъ, и держится того мнѣнія, что Аристотель впервые прибавилъ къ четыремъ стихіямъ Эмисдокла эфиръ, какъ пятую.

цествуетъ ясно выраженное свидѣтельство, что онъ открылъ пять правильныхъ тѣлъ, которыя поставлены здѣсь въ столь важное отношеніе къ пяти стихіямъ. Такимъ образомъ мнѣ кажется не лишеннымъ вѣроятія, что Плутархъ по существу дѣла былъ правъ, когда говорилъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ (стр. 46, прим.), что, по Пифагору, земля возникла изъ куба, огонь изъ пирамиды, воздухъ изъ октаедра, вода изъ икосаедра, а пятая стихія изъ додекаедра. Целлеръ, правда, другаго мнѣнія. Онъ говоритъ, что по историческимъ свидѣтельствамъ, какъ мы ихъ должны понимать, не возможно рѣшить вопросъ, „принадлежитъ ли объясненіе Филолая о возникновеніи стихій уже его предшественникамъ“. Не можетъ быть рѣшенъ и находящійся въ связи съ предыдущимъ вопросъ о томъ, „перешла ли теорія о четырехъ стихіяхъ отъ пифагорейцевъ къ Эмпедоклу съ устраненіемъ пятой стихіи или же, на оборотъ, отъ Эмпедокла къ пифагорейцамъ съ прибавленіемъ ея“ ¹⁾. „Другія соображенія говорятъ въ пользу втораго изъ этихъ предположеній. Во первыхъ, теорія Филолая составляетъ предполагать о слишкомъ высокой ступени развитія геометрической науки, чтобы считать ее очень древнею; во вторыхъ, мы впоследствии увидимъ, что Эмпедоклъ первый установилъ болѣе строгое понятіе о стихіяхъ и сталъ утверждать, что число ихъ четыре. Поэтому построеніе это должно быть, вѣроятно, приписано Филолаю.“

Противъ этой аргументаціи я прежде всего долженъ замѣтить слѣдующее. Предполагаемая высокая ступень развитія геометрической науки, то-есть, знакомство съ пятью правильными тѣлами, приписывалось древними писателями прямо уже Пифагору; Канторъ, въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи математики“ также принимаетъ это за фактъ, особенно опираясь на древній списокъ математиковъ (стр. 147). Если и допустить, что Эмпедоклъ во всякомъ случаѣ строже установилъ понятіе о стихіяхъ, чего впрочемъ я не могу прослѣдить, — этимъ все-таки не исключается то, что говорилось о стихіяхъ и прежде; мы нисколько не желаемъ оспаривать, что Эмпедоклъ впервые сталъ утверждать, что стихій четыре; дѣло въ томъ, что, согласно мнѣнію Целлера, Эмпедоклъ могъ устранить пятую стихію пифагорейцевъ, эфиръ, столь отчужденный отъ чувственнаго міра.

Эмпедоклъ примыкаетъ, „при образѣ жизни и теологіи пифаго-

¹⁾ Эмпедоклъ былъ, по предположенію Целлера, на нѣсколько десятилѣтій старше Филолая. См. *Целлеръ*, стр. 265, прим.

рейской, какъ философъ, къ Пармениду“; „именно этимъ онъ является связи съ пифагорейскою школою и становится родоначальникомъ своеобразной теоріи“ (Целлеръ, стр. 444). Изъ школы Пифагора онъ удержалъ вѣру въ переселеніе душъ, запрещеніе мяса и бобовъ (Целлеръ, стр. 729, 731 и слѣд.). При этомъ отношеніи становится вообще болѣе вѣроятнымъ, что онъ сохранилъ что-нибудь изъ пифагорейскихъ ученій, нежели то, что пифагорейцы научились чему-нибудь отъ него. Къ этому еще присоединяется тотъ фактъ, что всѣ тѣ ученики Платона, которые возвращались къ пифагореизму, учили объ эфирѣ какъ о пятой стихіи. Этотъ фактъ, я думаю, прямо наводитъ на слѣдующіе выводы: ученіе о пяти стихіяхъ—земля, огонь, вода, воздухъ и эфиръ — преподавалось въ пифагорейской школѣ повсемѣстно еще въ древнѣйшее время; такимъ образомъ оно, по всей вѣроятности, восходитъ къ самому Пифагору.

Съ этимъ результатомъ поразительнымъ образомъ совпадаетъ слѣдующій фактъ: теорія о пяти стихіяхъ—земля, огонь, вода, воздухъ и эфиръ—не ограничена у индійцевъ тѣснымъ кругомъ извѣстной школы, а пользуется у нихъ всеобщимъ распространеніемъ.

Представленіе о пяти стихіяхъ у индійцевъ такое ходячее, что у нихъ вошло въ привычку говорить объ умершемъ: „Онъ вошелъ въ ра̄ṅsatvam“ (пять стихій: ра̄ṅsatvam gataḥ, ра̄ṅsatvam āpanaḥ, ра̄ṅsatvam upavedivān; ра̄ṅsatvam yaṁāu, ра̄ṅsatvam gataḥ, pṛāra ра̄ṅsatam и тому под.), то-есть, его тѣло разложилось на пять стихій. Въ самыхъ лучшихъ поэтическихъ произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, въ Рамаянѣ, мы неоднократно встрѣчаемъ выраженія: ра̄ṅsatvam gataḥ, ра̄ṅsatvam upavedivān, то-есть, „онъ вошелъ въ ра̄ṅsatvam“. Последнее прямо переводится въ словаряхъ черезъ „разложеніе на пять стихій, смерть“ (ср., напримѣръ, Петербургскій словарь).

До какой степени должна была войти во всеобщее обращеніе теорія о пяти стихіяхъ, если было возможно возникновеніе подобныхъ оборотовъ, какъ въ обыденномъ, такъ и въ поэтическомъ языкѣ!

Еще Максъ Мюллеръ замѣтилъ въ своихъ „Beiträge zur Kenntniss der indischen Philosophie“, что теорія о пяти стихіяхъ встрѣчается еще въ Брахманахъ, хотя и съ оговоркой, что лишь философія систематически развила эту идею¹⁾. Мы можемъ предположить съ увѣренностью, что въ предшествующей буддизму и, по древнему

¹⁾ Zeitschr. d. d. Morg. Ges., Bd. VI, стр. 19, прим. 4-е.

ноября 1767, ум. 12-го сентября 1829) и княжны Елены Ивановны Долгоруковой († 1850); родилась 19-го іюля 1795 г., ум. 26-го іюля 1863 г., въ г. Твери; съ 6-го мая 1859 г. — почетный членъ Московскаго Общества любителей російской словесности. — 1) Пѣснь о колоколѣ, твореніе Шиллера, перев. съ нѣмецкаго. М. 1832.

Рец. а) Молва 1832 г., № 56; б) Сѣв. Пчела 1852 г., № 278; в) Литер. приб. въ Русск. Инвалиду 1832 г., № 76 (статья фонъ-деръ-Вока); г) Московск. Телеграфъ 1832 г., ч. 45.

2) Военная пѣснь въ Валленштейновомъ лагерѣ, въ Библиотекѣ для Чтенія 1835 г., т. 2, отд. 1; 3) Органъ, стихотвореніе, въ Современникѣ 1837 г., т. 7; 4) Антики въ Парижѣ, стихотвореніе, въ Сборникѣ на 1838 г. С.-Пб. 1838, 8°. (Сборникъ былъ изданъ въ память открытія типографіи Воейкова); 5) Идеалы (изъ Шиллера), въ Одесскомъ Альманахѣ. Одесса. 1839, 16°; 6) Рыцари святаго Іоанпа (изъ Шиллера), Кіевлянинъ на 1840 годъ; 7) Жизнь Пресвятыи Дѣвы Богородицы, изъ книги Чети-Миней. М. 1840, 8°; 2-е изд. М. 1842, 16°; 3-е изд. М. 1844, 18°; 4-е изд. М. 1850, 12°; 5-е изд. М. 1857, 8°; 6-е изд. Тверь. 1861, 8°; 7-е изд. М. 1869, 8°; 8-е изд. М. 1879, 8°; 9-е изд. М. 1886, 8°.

Рец. а) Моск. Вѣдомости 1841 г., № 13 (ст. кн. Шаликова); б) Библиотека для Чтенія 1841 г., т. 49; в) Москвитининъ 1841 г., ч. 1, № 2; г) Отеч. Записки 1850 г., т. 71. отд. 6.

8) Къ вылетѣвшей птичкѣ, стихотвореніе, въ Маякѣ 1840, ч. 14; 9) Пѣвцы прежняго времени (изъ Шиллера), въ Одесскомъ Альманахѣ на 1840 г.; 10) Моя тоска, въ Маякѣ 1842 г., т. 2; 11) Совѣтъ, въ Маякѣ 1843 г., т. 9; 12) Предчувствіе, стихотвореніе, въ Современникѣ 1843 г., ч. 31; 13) Доброхотная копейка для бѣдныхъ; этотъ проектъ извѣстнаго впоследствии товарищества писанъ въ 1845 году, но появился въ печати послѣ ея кончины (въ книгѣ: О жизни и кончинѣ А. П. Глинка. С.-Пб. 1863, 8°). Въ свое время было переведено на французскій языкъ П. Я. Чаадаевымъ для напечатанія въ заграничныхъ газетахъ; 14) Домашняя знакомая, рассказъ, въ Москвитининѣ 1850 г., т. I, смѣсь; 15) Рукописное „Посланіе Я. И. Ростовцеву“ въ стихахъ (1850-хъ годовъ); упоминается въ книгѣ о ея жизни; 16) Мои воспоминанія о незабвенной Ек. Влад. Новосильцевой, урожд. гр. Орловой. М. 1850, 8° (изъ Москвитинина); 17) Только три недѣли, повѣсть, въ Раутѣ, Сункова, 1851 г.; 18) Къ **, стихотв., *ibid.*; 19) Какія могутъ быть намъ чудеса, *ibid.*; 20) Благодарность, стихотв., *ibid.*; 21) Пыры и трапезы, стихотв., *ibid.*, 1852; 22) Осен-

нее чувство, стихотв., *ibid.*; 23) Гибель отъ пустого чванства. М. 1852, 8°; изд. 2-е М. 1879, 12°.

Рец. а) Отеч. Записки 1852 г., т. 81, отд. 6, с. 100, и т. 83, отд. 6, с. 33; б) Современникъ 1853 г., т. 39, № 6, отд. 4, с. 52—54; в) Сѣверн. Пчела 1853 г., № 106.

24) Сраженіе съ дракономъ (изъ Шиллера), въ Москвитянинъ 1852 г., т. 3; 25) Голосъ души, стихотв., въ Сѣверн. Пчелѣ 1854 г., № 81; 26) Касатка, стихотвор., въ Раутѣ, 1854; 27) Размышленія и чувства герцогини де-Дюра, перев. съ франц. С.-Пб. 1856; 16°; 28) Леонидъ Степановичъ и Людмила Сергѣевна, повѣсть. С.-Пб. 1856, 12°.

Рец. а) Русск. Инвалидъ 1856 г., № 91; б) Современникъ 1856 г., т. 56.

29) Графиня Полина, повѣсть. С.-Пб. 1856, 12°; 30) Катя, повѣсть. С.-Пб. 1858, 24°; 31) Наташѣ, стихотв., въ Сборникѣ статей въ память А. Θ. Смирдина, т. I. С.-Пб. 1858; 32) Стихотворенія Шиллера; вмѣстѣ съ нѣмецк. заглавіемъ, съ прибавкою: *Zum Dichters 100-jährigem Geburtsfeste*. С.-Пб. 1859, 8°. Нѣкоторыя стихотворенія изъ этой книги вошли въ изданіе Гербеля: Шиллеръ, въ переводѣ русскихъ поэтовъ; 33) Житіе великомученицы Анастасіи, проименованной узорѣшительницею. М. 1863, 12°. М. 1887, 8°; 34) Борьба души съ собою, стихотвореніе, въ Странникѣ 1864 г., мартъ, отд. 2; 35) Отголосокъ души, стихотвореніе въ Странникѣ 1864 г., февраль, отд. 1; 36) Помѣшала прозу и стихи въ Звѣздочкѣ, Ишимовой; 37) Повѣсть — и 38) Большой романъ, оставшіеся послѣ нея въ рукописи (о чемъ упоминаетъ именованная брошюра о ея жизни и кончинѣ) 39) Задумевныя думы (не для продажи). М. 1869, 8°.

О поф: а) Московск. Вѣдомости 1863 г., № 198; б) О жизни и кончинѣ Авдотьи Павловны Глижи. С.-Пб. 1863, 8°; в) письмо къ ней и ея мужу поэта А. Кольцова, въ Сборникѣ статей въ память А. Θ. Смирдина, т. I. С.-Пб. 1858; г) объ отношеніяхъ къ Жуковскому, въ Мелочахъ изъ запаса моей памяти, М. А. Дмитриева. М. 1869, стр. 193; д) Толль, Настольный Словарь, 1,675, и Дополн., стр. 262; е) Щербина: Словникъ русской литературы (въ Полн. собр. его сочиненій. С.-Пб. 1875 г.; и) Книжки. Вѣстникъ 1863 г., № 18; ж) Иллюстр. Газета 1863 г., № 12 и 192; з) Геннадіи, Словарь, 1,219; и) 6 писемъ ея къ П. М. Кошину, въ Императ. Публ. Библіотекѣ (см. Отчетъ за 1870 г., стр. 169) п) автобіографическая ея записка хранится тамъ же (см. Отчетъ за 1871 г., стр. 59); о) письмо къ ней и ея мужу графини Растопчиной, въ Москвитянинѣ 1861 г., № 11.

Глобина, Елизавета Н.—1) Ульяна (очерки изъ жизни женщины), въ стихахъ. С.-Пб. 1868, 16°, изданіе Д. И. Глобина.

Рец. Отеч. Записки 1868 г., № 11, отд. 2.

2) Рѣшительный шагъ, стихотвореніе, посвященное доктору меди-

цины Цюрихскаго университета Надеждѣ Сусловой, въ журналѣ Дѣло 1868 г., № 1.

Г—не, П.—Разговоры о религии, относительно Бога и Его свойствъ. Перевела съ нѣмецк. П. Г...ке. С.-Пб. 1840, 8°.

Рец. Отеч. Записки 1840 г., № 11, отд. VI.

Гогоцкая, Авдотья Ивановна, супруга д. ст. сов. Сильвестра Сильвестровича Гогоцкаго, профессора университета св. Владиміра.— Издавала въ 1874—1876 гг., въ Кіевѣ, газету Кіевскій Телеграфъ принявъ ее отъ прежней издательницы, вдовы поручика, Надежды фонъ-Юнкъ (Указат. по дѣламъ печати 1874 г., стр. 217).

Голебовская, Марія. — Бесѣды стараго солдата и его жены съ крестьянами, крестьянками и ихъ дѣтьми. Удостоено отъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ малой золотой медали. С.-Пб. 1850, 8°.

Рец.—Отеч. Записки 1850 г., т. 73, отд. 6.

Голицына, княгиня Анна Θεодоровна, рожд. Боборыкина, род. 1807 † 1835 г., супруга д. ст. сов. и камергера князя Николая Николаевича Голицына, завѣдывавшаго одно время Московскою цензурою.—Описание мистическихъ явленій и откровеній; литографированная (какъ мы слышали) рукопись 1830-хъ годовъ (см. Лонгиновъ, въ Русск. Архивъ 1865 г., № 12, столб. 1527).

Голицына, княгиня Варвара Васильевна, рожд. Энгельгардтъ (дочь Василя Андреевича и Марѣи Александровны, рожд. Потемкиной), родная племянница князя Таврическаго; род. 12-го марта 1757 г., † 2-го мая 1815 г., въ м. Вѣлой - Церкви; съ 5-го іюля 1780 г. въ супружествѣ за генераломъ отъ инфантеріи княземъ Сергіемъ Θεодоровичемъ Голицынымъ (род. 20-го августа 1748 г., † 20-го января 1810 г., въ г. Тарнополь, въ Галиціи). Оба скорожены въ с. Зубриловѣ, Балашовскаго уѣзда, Саратовской губ. — Заблужденія отъ любви, или письма отъ Фанеліи къ Мильфорту. Тамбовъ. 1790, 2 ч., 8°. Не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, предшествовавшимъ ему, переводомъ, подъ заглавіемъ: Заблужденіе любви или письма Фанеліи и Мильфорта. М. 1788, 8°, 2 ч., а также съ драмою въ 5-ти дѣйствіяхъ: Фанелія или заблужденіе отъ любви, переводъ съ французскаго Ф. К. С.-Пб. 1785, 8°. Оригиналъ: *Les égarements de l'amour*, пр. М-те*** (то-есть, В. Imbert).

О ней: а) М. Н. Лонгиновъ. Библиографическія Записки, въ Современникѣ 1856 г., іюнь, отд. 5, стр. 163; б) послѣднія строфы оды Державина: Осень во время осады Очакова (Соч., изд. Грота, т. 1, стр. 223; т. 3, стр. 733) обращены къ ней; в) много свѣдѣній о ней и ея эксцентричности въ Воспоминаніяхъ

Вигеля; г) Макаровъ, въ Дамск. Журналъ 1830 г., ч. 29, № 13; д) ея переписка съ Державиннымъ въ VI томѣ сочиненій; е) Я. К. Гротъ. Литературная жизнь Крылова, въ Сборникъ статей, читанныхъ во II отд. Имп. Акад. Наукъ т. 6; ж) надпись Державина къ ея портрету, переводъ съ французскаго (Соч. Державина, 3, 230); з) Молва 1857 г., стр. 354 и 403; и) Русск. Архивъ 1865 г. № 9; i) Мордовцевъ. Русскія женщины второй половины XVIII в. С.-Пб. 1874, стр. 182—183; к) Русск. Архивъ 1870 г., № 2, стр. 375; л) *ibid.* 1865 г., № 4, стр. 404—405; м) *ibid.* 1876 г., № 6, стр. 130—132, 141, 156; н) въ статьѣ Я. К. Грота, о матеріалахъ для изданія Державина, въ Запискахъ Имп. Акад. Наукъ, т. II, кн. 1, стр. 30; о) Русск. Архивъ 1867 г., с. 590 и 672; п) *ibid.* 1869 г., ст. 1853; р) Русск. Архивъ 1876 г., № 1, с. 128 (заявленіе П. Безсонова); с) переписка съ Потемкинскимъ, въ Русск. Старинѣ 1875 г., № 3 (требующая еще, кажется, подтвержденія ея документальности); т) отношенія къ семейству К. Θ. Рыгѣва, въ Сочин. и перепискѣ К. Θ. Рыгѣва, изд. Ефремовымъ. С.-Пб. 1870, стр. 262—263; у) Сѣверная Пчела 1847 г., № 147; ф) Castéra: Histoire de Catherine II, vol. 2, pg. 378 и 301—132; х) о ея портретѣ, сдѣланномъ Лампи: А. Wassiltschikoff. Liste alphabétique de portraits russes. St. Pbg. 1875, 1, 185; ц) Геннады, Словарь, 1, 234.

Голицына, княжна Евдокія Θεодоровна, въ замужествѣ Болтина; см. Болтина, Е. Θ.

Голицына, княгиня Екатерина Михайловна; см. Бобринцева-Пушкина, Е. М.

Голицына, княжна Екатерина Михайловна, род. 1763 г., сестра д. т. с. 1-го класса, князя Сергія Михайловича Голицына. По нашимъ предположеніямъ, ея перу принадлежитъ статья: „Наказанная наглость“, анекдотъ, переводъ, въ изданіи Новикова: Покоящійся Трудолюбець 1785 г., ч. 4, стр. 210—213. Въ то время, русскія знатныя дамы занимались литературными оцѣтами и печатали ихъ въ журналахъ съ неполною подписью; журналы заискивали эту честь.

Статья подписана: „княжна Екатерина Г.“

О ней: а) Пеустровъ, стр. 357; б) въ брошюрѣ Л. Майкова: Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики (С.-Пб. 1876, стр. 39) ошибочно приписано княжѣ Грузинской (равно какъ и переводы ея сестеръ; см. ниже).

Голицына, княжна Елена Михайловна, сестра князя Сергія Михайловича Голицына († 1859 г.). — По нашимъ предположеніямъ, ея перу принадлежитъ статья: „Король, судящій какъ отецъ“, переводъ, въ изданіи Новикова: Покоящійся Трудолюбець 1785 г., ч. 4, стр. 214—215. Статья подписана: „княжна Елена Г.“

Голицына, княгиня Софья Алексѣевна, р. Корсакова, † 1858 г.; по матери — правнучка духовника Петра Великаго, протоіерея Тимофея Васильевича Надаржинскаго (въ инокахъ Товіи) и наслѣдница

его значительнаго состоянія; была въ супружествѣ за д. с. с. и камергеромъ, Харьковскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, княземъ Васи́лемъ Петровичемъ Голицынымъ (род. 12-го ноября 1800 † 1862 г.). Занималась литературою и живописью; основала и вмѣстѣ съ И. Е. Бецкимъ была издательницею альманаха Молодикъ, издававшася въ 1843 и 1844 гг., въ пользу Харьковского дѣтскаго пріюта, въ Харьковѣ и Петербургѣ. Покровительствовала писателю-лицу М. С. Жуковой (см. это имя), посвятившей ей свои: „Вечера на Карповкѣ“.

О ея роскошномъ петербургскомъ домѣ, на Владимирской, въ Иллюстраціи 1870 г., 21-го ноября. Въ Молодикѣ за 1844 годъ ей принадлежатъ двѣ прекрасныя картинки, изображающія малороссинокъ въ ихъ національныхъ костюмахъ; къ нимъ написаны пьесы Е. П. Гребенкою.

Голицына, княгиня Софья Петровна, рожд. Балкъ-Полева (дочь послѣдняго въ родѣ, тайп. сов. Петра Θεодоровича († 23-го іюля 1849 г.) и Варвары Николаевны, рожд. Салтыковой († 1841 г.), род. 1804 г. † 1888 г., въ Парижѣ; въ первомъ бракѣ (съ 1824 г.), за сенаторомъ, генераломъ отъ инфантеріи, княземъ Андреемъ Михайловичемъ Голицынымъ (род. 6-го января 1792 г., † въ Парижѣ 18-го мая 1862 г.); во второмъ бракѣ, за графомъ Беннингеръ д'Эрисвилемъ.— Посланіе къ князю П. И. Шаликову, который отвѣчалъ ей, въ Собраніи новыхъ русск. стихотвореній. С.-Пб. 1824, ч. 1.

а) Ея писалъ стихотвореніе Языковъ, въ Москвитянинѣ 1845 г., № 2; въ изданіи его стихотвореній. С.-Пб. 1858, ч. II, стр. 246; б) о ней упоминается въ статьѣ Я. К. Грота: Нѣсколько замѣтокъ на письма митр. Евгенія къ Македону и Н. И. Зиновьева къ его сыну (Русск. Архивъ 1870 г., № 7).

Голицына, княжна Татьяна Михайловна (род. 30-го сентября 1769 г., † 1840 г.); сестра князя Сергія Михайловича; за генералъ-поручикомъ, княземъ Иваномъ Ивановичемъ Прозоровскимъ.— По нашимъ предположеніямъ, ея перу принадлежитъ статья: „Рудольфъ“, переводъ, въ изданіи Новикова: Покоящійся Трудолюбець 1785 г., ч. 4, стр. 213—214. Статья подписана: „княжна Т. Г.“.

Головина, Вѣра Петровна, р. Мѣщанинова, супруга Московскаго уѣзднаго предводителя дворянства, Николая Тимоѣевича: — 1) Романсъ, въ Раутѣ, 1851 г.; 2) Неразлучные, тамъ-же; 3) Кантата, въ два голоса, съ хоромъ. М. 1851, 8^о; 4) Отзвѣвъ русскаго сердца, въ Моск. Вѣдомостяхъ 1854 г., № 20; есть оттиски; 5) Весенняя русская пѣсня къ солнышку. М. 1854, 8^о; 6) Достопамятине для Россіи годы, въ Вѣд. Моск. Гор. Полиціи 1854 г., № 65; есть оттиски; 7) Чуд-

ное спасеніе Соловецкой обители, четыре стихотворенія, *ibid.*, № 208;
8) Прощальная пѣснь императору Николаю Павловичу. М. 1855.

О ней: М. Н. Лонгиновъ, въ Р. Архивѣ 1865 г., № 12, стр. 1512.

Голохвастова, Ольга А. — 1) За себя и за многихъ, повѣсть въ 2-хъ частяхъ. М. 1869, 8°.

Рец. *Соврем.* Лѣтопись 1870 г., № 4.

2) Чья правда, драма въ 5 д. (Бесѣда 1871 г., № 4); 3) Двѣ невѣсты, историч. драма въ 5-ти д. М. 1877, 8°; 4) Лихому — ликое, драма въ 5 д. М. 1881, 4°; 5) Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ, шутка въ двухъ дѣйствіяхъ. М. 1881, 4°.

Голубова.—Замѣтка женщины (на статью К. Чибисова въ *Одесск. Вѣстникѣ* 1859 г., № 79), въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* 1859 г., № 85.

Гольдштейнъ, Паталя Дмитріевна, супруга издателя Воронежскаго Телеграфа, купца Владимира Гольдштейна († 1873 г.). — По смерти мужа, съ 1873 г., издавала Воронежскій Телеграфъ, перешедшій въ ея собственность по праву наслѣдства (Указ. по дѣл. печати 1873 г., стр. 252).

Гончарова, Екатерина Дмитріевна (род. 30-го іюля 1841 г.), дочь Дмитрія Николаевича (племянница супруги А. С. Пушкина).—

1) Диссертация на степень доктора медицины, защищенная ею публично въ Царяжѣ, 10-го іюля 1877 г.; 2) Лѣченіе искривленій матки, въ *Врачебн. Вѣдомостяхъ* 1878 г., № 211.

О ней: а) *Моск. Вѣдомости* 1877 г., № 168; б) *Голосъ* 1877 г., № 149.

Гончарова, Ольга Львовна, р. Чебышева, сестра извѣстнаго математика. — Тысяча восемьсотъ двѣнадцатый годъ. М. 1867. Изд. Общ. распространенія полезн. книгъ.

Рец.—Руководство для сельск. пастырѣй 1868 г., № 44.

Городецкая, А. И., директриса Варшавскаго женскаго училища.—

1) Образованная хозяйка и домоправительница или практика домашняго хозяйства. М. 1875, 8°, 6 частей; 2) Русскія и славянскія буквы и монограммы для вышиванія. М. 1887, 8°.

Гославская, рожд. Шигаева.—1) Быть и слѣть, оригина. комедія, представленная въ 1863 году (А. И. Вольфъ. Хроника Петерб. театровъ, ч. III. С.-Иб. 1884); 2) Старая пѣсня, ориг. комедія, представленная въ 1879 году (*ibid.*).

Готовцева, Анна Ивановна, въ замужествѣ Корнилова, тетка писательницы Юліи Валеріановны Жадовской.—1) Одиночество (изъ Ламартина), въ *Сынѣ Отечества* 1826 г., ч. 106, № 5; 2) Къ NN, нарисовавшей букетъ, въ *Моск. Телеграфѣ* 1826 г., ч. 3, № 11; 3) Къ Н...., въ альманахѣ Измайлова: Литературный Музеумъ на 1827 г.

Рец.—въ Дамск. Журналѣ 1829 г., ч. 18.

4) Къ Юрію Никитичу Бартеневу, стихотвореніе, въ Сѣверн. Цвѣтахъ на 1829 г.; 5) А. С. Пушкину, *ibid.*; 6) Къ артисту Гюломи, въ альманахѣ: Подарокъ бѣднымъ на новый 1834 годъ. Одесса. 1834; 7) Къ Перу, въ Галатеѣ 1839 г., ч. 4.

О ней: а) Отвѣтъ ей Пушкина: „И недоувѣрчиво, и жадно“, въ Сѣверн. Цвѣтахъ на 1829 г., стр. 182 (въ изданіи его сочиненій подъ ред. П. О. Морозова, т. II, стр. 55); б) кн. Ваземскаго, въ Сѣв. Цвѣтахъ на 1829 г. (Полн. собр. соч., т. IV, стр. 53); в) его же, письмо въ прозѣ (1830 г.) въ Полн. собр. сочиненій, т. II, стр. 139—144; г) Лыжкова. Стихотворенія, изд. 1858 г., I, стр. 141; д) Р. Архивъ 1879 г., кн. 2, стр. 480.

Готовцева, Марія Ивановна, тетка Ю. В. Жадовской.—1) „Какъ поздней осенью послѣдніе цвѣты“, стих., въ альбомѣ М. А. Максимовича (Кіевская Старина 1882 г., т. I, стр. 158).—2) Житъе-бытье на Корегѣ, записки Гульнипской, Авдотьи Степановны (Р. Вѣстникъ 1857 г., т. VII, кн. 1). Ошибочно приписывается Ю. В. Жадовской (см. Истор. Вѣстникъ 1887 г., т. XXX, стр. 402).

Готовцева, Наталія.—„Лучъ ясный играетъ на свѣтлыхъ водахъ“, стих., въ Кіевской Старинѣ 1882 г., т. I, стр. 158. Оба стихотворенія сестеръ Готовцевыхъ относятся къ 1825 году.

Гр.—Наталія, подпись Н. П. Гротъ (см. это имя).

Гратинская, Анна.—Повѣсти для дѣтей, съ литогр. картинками. М. 1868.

Гратинская, Р.—Капитанъ Марріотъ, въ Дѣтскомъ Читеніи 1876 г., № 12.

Гренова, Елизавета Николаевна.—Перевела, въ 1860-хъ годахъ, комедію Сарду „Фернанда“, игранную на московской сценѣ подъ заглавіемъ: Мечь женщины.

Гренкевичъ, А. И., дѣвица.—Осьмистишіе, сочиненное ею для праздника 26-го августа 1825 г., въ селѣ Городнѣ, въ честь статсъ-дамы, княгини Натальи Петровны Голицыной.

См. статью К.: Праздникъ въ селѣ Городнѣ, 26-го августа 1825 г., въ Сынѣ Отечества 1825 г., ч. 104.

Грень, Софья, супруга писателя Александра Евгеневича Грень.—

1) Моей малюткѣ, книга въ пользу воспитанія дѣтей, сочиненіе Александра Грена; издала Софья Грень. С.-Пб. 1835, 16^о; изд. 2-е, исправленное. С.-Пб. 1837, 12^о.

Рец. Вибліот. для Читенія 1836 г., т. 14.

2) Подарокъ нашимъ дѣтамъ, изд. А. и С. Грень. С.-Пб. 1840, 32^о; на стр. 7—27: Черты изъ жизни Н. М. Карамзина, соч. А. Грена;

3) Разскащикъ, книга въ пользу воспитанія трехъ малютокъ, дочерей

нашихъ, соч. А. и С. Гренъ. С.-Пб. 1842, 16°, съ вынѣткою. Посвящено ихъ сѣятельствамъ, графу Д. Н. и графинѣ А. С. Шереметевымъ, за благовольтельное вниманіе къ нашимъ дѣтямъ.

Рец.: а) Отеч. Записки, ч. 20, отд. 6, стр. 77; б) Литерат. Газета 1842 г., № 16.

Письмо къ ней Жуковскаго, въ его Сочиненіяхъ, изд. 1878 г., т. 6, стр. 548.
Гречищева, Наталья Михайловна. — 1) Лучшій способъ мыть бѣлье и бумажныя ткани, въ журналѣ Русская Хозяйка 1861 г. № 11; 2) Постоянная сотрудница этого журнала.

Гречъ, Евгенія Ивановна, рожд. Швидковская, инспектриса училища глухо-нѣмыхъ, вторая жена Н. И. Греча, † 31-го марта 1885 г. (Новое Время, № 3266).—Статьи ея печатались въ Сѣверной Пчелѣ, подъ псевдонимомъ „Серафима“, Сѣверной Почтѣ и въ Сынѣ Отечества.

Гринбергъ фонъ-, Изабелла Львовна, въ замужествѣ Ласкосъ (см. это имя).

Гронская, Ю. Е.—А. Грубе: Чтеніе для всѣхъ взрослыхъ. Душевная жизнь животныхъ. Пенза. 1877, 12°.

Гротъ, Наталья Петровна, р. Семенова; род. 2-го ноября 1828 г., дочь Петра Николаевича Семенова (ум. 1832 г.), автора „Митюхи Валдайскаго“, напечатаннаго въ Библиографич. Запискахъ 1861 г., №№ 5 и 6 (тамъ же, въ № 15-мъ, — статья о немъ Я. К. Грота); внучатная племянница А. П. Буниной (по своей бабушкѣ), воспитанница Екатерининскаго института, откуда выпущена, въ 1844 году, съ шифромъ. Съ 1850 г. въ замужествѣ за академикомъ, т. с. Я. К. Гротомъ. Подписывала свои произведенія большею частью Р. Ж., Русская Женищина, П. Г., Наталья Гр. и рѣдко—полнымъ именемъ.—1) Впѣшность въ жизни и воспитаніи, въ Журн. для Воспитаній 1858 г., № 5; 2) Значеніе матери въ юношескомъ воспитаніи, *ibidem*, 1859 г., № 3, съ подписью имени и фамиліи; 3) О трудѣ наставницъ, переводъ съ англійскаго сочиненія Miss Brewster: *The Work*, въ Журн. для Воспитанія 1858 г., № 1; 4) Елена Николаевна Стахова (разборъ повѣсти Тургенева: „Наганунѣ“), съ подписью: Р. Ж., въ газетѣ Наше Время 1860 г., № 13 (Возраженіе Е. Туръ, въ Моск. Вѣдомостяхъ 1860 г., № 85); 5) Отвѣтъ г-жѣ Евгеніи Туръ, въ газетѣ Наше Время 1860 г., № 18 (раньше было и возраженіе Н. Ф. Павлова, въ письмѣ изъ Петербурга, *ibid.*, № 17); 6) Современный англійскій романъ, въ газетѣ Наше Время 1861 г., №№ 23 и 24; 7) Переводъ физической географіи Вюлле (Vuillet), въ Лучахъ, изд. Ишимовой; 8) Замятка по поводу

художественной выставки, въ Современн. Лѣтописи 1863 г., №№ 38 и 41 (О картинѣ Н. Н. Ге: „Тайная Вечера“); 9) Сиротка, въ Семейныхъ Вечерахъ 1864 г., № 3; 10) Рождественскій чулокъ (американскій расказъ, переводъ), въ Семейныхъ Вечерахъ 1864 г., № 7 (для младшаго возраста); 11) Прогулка за ягодами и грибами, *ibid.* 1864 г., № 10; 12) Крестьянинъ и его дочка, *ibid.* (для старшаго возраста), 1864 г., № 3; 13) Канатные плясуны, переводъ, *ibid.* (для старшаго возраста) 1864 г., № 7; 14) Петербургскія удобства и уличныя явленія, въ Современн. Лѣтописи 1864 г., № 4; 15) Наша дѣтская литература, въ Соврем. Лѣтописи 1864 г., № 13 и 15; 16) По поводу заявленій о новомъ Обществѣ поощренія женскаго труда, въ Моск. Вѣдомостяхъ 1864 г., № 219; 17) О женскомъ семейномъ трудѣ, въ Соврем. Лѣтописи 1865 г., № 5; 18) „Отрѣзанный ломоть“ на петербургской сценѣ, въ Соврем. Лѣтописи 1865 г., № 41; 19) По поводу открытія публичнаго сада на Румянцевской площади (адресъ дѣтей учредителю сада, Соловьену), въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1866 г., № 273; 20) О чтеніи Майкова на Карамзинскомъ вечерѣ, въ 1866 году, въ Соврем. Лѣтописи 1867 г.; 21) Объ учебномъ курсѣ нашихъ гимназій, въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1867 г., № 2; 22) Плоды благотворительности (брошюра, издаваемая съ благотворительною цѣлью въ пользу пріюта). С.-Пб. 1869; 23) Два маленькіе посылыщика (брошюра, издаваемая съ благотворительною цѣлью). С.-Пб. 1869, 8°; 24) Отвѣтъ Беллюстину, по поводу замѣтки о народной нравственности, въ Зарѣ 1871 г., № 1; 25) О воинской повинности въ отношеніи къ высшему образованію, въ Вѣсѣдѣ 1871 г., № 1; 26) О гимнастикѣ, въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1871 г. № 316; 27) Смагчающія обстоятельства (переводъ съ французскаго), въ Моск. Вѣдомостяхъ 1872 г., № 317; 28) О письменныхъ работахъ, даваемыхъ воспитанницамъ на домъ, въ Педаг. Листкѣ С.-Пб. женскихъ гимназій 1872 г., № 3; 29) О важности гимнастики, переводъ нѣмецкой статьи Дидриха, въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1873 г., № 277; 30) Богъ въ природѣ, первоначальное чтеніе. С.-Пб, 1875, 8°; три изданія. Въ переводѣ книжки участвовала и старшая дочь ея, Марія Як. Гротъ (род. 1858 г. октябри 12-го, скопч. 1872 г. ноября 16-го); 4-е изд. С.-Пб. 1881, 8°; 6-е изд. С.-Пб. 1887, 8°; 31) Свобода въ жизни и государствѣ, этюдъ по Чаннингу. Въ пользу вдовъ и сиротъ убитыхъ воиновъ. С.-Пб. 1878.

Рец.—а) Указ. по дѣл. печати 1878 г., № 6, стр. 173; б) Сѣверн. Вѣстникъ 1878 г., № 86 (ст. „Англійскій моральстъ предъ русскою публикою“).

32) Женское учебное дѣло въ Швеціи и у насъ, въ Гражданинѣ 1875 г., №№ 17 и 18. Есть отд. оттиски.

О ней: Моск. Вѣдомости 1865 г., № 3.

Гротъ, Роза Карловна, дочь Карла Ефимовича Грота (скончался 1816 г.) и сестра академика Я. К. Грота; род. въ С.-Пб. 3-го февраля 1811 года, скончалась 19-го ноября 1874 года въ Гельсингфорсѣ. Писала подъ псевдонимомъ: Апполонская, Р. К.—1) Знакомство Вашингтона Ирвинга съ Вальтеръ-Скоттомъ, переводъ съ англійскаго, въ Современникѣ 1839 г., № 3; 2) Морская лова въ Миланѣ, въ 1630 году, рассказъ, переводъ съ италіанскаго, въ Современникѣ 1841 г., № 4; 3) Семейство, или домашнія радости и

Рец. а) Библ. для Чтенія 1844 г., т. 63, отд. 6; б) Литерат. Газета 1844 г., № 4; в) Москвитянинъ 1844 г., ч. 2, № 3 (ст. Я. Грота); г) Отеч. Записки 1844 г., № 1, т. 32, отд. 6; д) Современникъ 1844 г., т. 33, № 1. Первоначально, въ Современникѣ 1842 г., № 4; 1843 г., №№ 1—12.

огорченія, романъ Фредерика Бремеръ, переводъ съ шведскаго. С.-Пб. 1842, 8°; 4) Нѣсколько извѣстій о Фредерикѣ Бремеръ: а) переводъ съ нисма къ Брокгаузу; б) переводъ отрывка изъ путешествія графини Иды Ганъ-Ганъ, о свиданіи съ Фредерикою Бремеръ, въ Современникѣ 1843 г., № 12, (безъ подписи, но обозначено въ Указателѣ къ Современнику съ 1836 г. по 1845 г., сост. Я. К. Гротомъ, стр. 59; 5) Импровизаторъ, или молодость и мечты италіанскаго поэта, перев. съ шведскаго. С.-Пб. 1844.

Рец. а) Библиот. для Чтенія 1845 г., т. 68, отд. 6; б) Отеч. Записки 1845 г., т. 38, № 1, отд. 6; в) Современникъ 1845 г., т. 37; г) Финскій Вѣстникъ 1845 г., т. 2, отд. 5; д) Русск. Шивалидъ 1845 г., № 14. Первоначально, въ Современникѣ 1844 г., №№ 1—8, 10, 11 и 12.

б) Участь и гибель римской фамиліи Чепчи, переводъ изъ шведскаго писателя Никандера, въ Современникѣ 1845 г., № 7; 7) Непризванный кладъ, рассказъ Никандера, въ Современникѣ 1845 г., № 8; 8) Бронзовый вепрь, разказъ Андерсена, въ Современникѣ 1845 г., № 12.

Гудвиловичъ, Е. К. — Издавала въ Москвѣ Журналъ иностранныхъ переводныхъ романовъ съ октября 1877 г. по 1880 г. включительно. Журналъ прекратился на десятой книжкѣ.

Грузинская, княжна.—Волшебный замокъ, оригинальный водевиль, представленный въ 1852 году (А. И. Вольфъ. Хроника Петербургскихъ театровъ, ч. III).

Гусева, П. Е.—На Рогачевкѣ, сельская драма. Москва. 1875, 8°.

Гутмансталь, Марія Егоровна.—Поединокъ и кончина Пушкина

на италянскои сценѣ, драма, соч. Коссы (краткое извѣстiе объ ея представленiи), въ Русскомъ Архивѣ 1874 г., т. 1, стр. 01096.

Г—я, А.—Поздравительные стихи, посвященные моимъ милымъ ученицамъ. Изданiе книгопродавца Леукина. Москва 1866, 18°.

Д—, дѣвица.—О жизни и произведенiяхъ сира Вальтеръ-Скотта, соч. Каннингама, переводъ. С.-Пб. 1835, 12°.

О ней: Соч. Вѣлинскаго, I, 454—461.

Д. Марья.—Дамскiй туалетъ, содержащiй въ себѣ разныя воды, умыванiя и притирапiя для красоты лица и рукъ, порошки для чищенiя зубовъ, и проч., съ французскаго, 3 ч. Москва. 1791—1792, 8°.

Д., Софья.—1) Четвертое апрѣля, день памяти св. преподобнаго отца нашего Юсифа Пѣслописца. Посвящено Осипу Ивановичу Коммисарову. Составлено изъ Четiй-Миней. С.-Пб. 1866, 8°; 2) Три дара, сказка. С.-Пб. 1878, 8°.

Д. А. А. В. А.—подпись А. А. Волковой (смотри это имя).

Да—на, Г. Р.—Объ одеждѣ, въ отношенiи къ правамъ и цивилизацiи. С.-Пб. 1878, 8°.

Д—а, С.—Лисенковы, очерки, въ Московск. Вѣдомостяхъ 1860 г., № 24.

Даневская, Софiя Христiановна, урожденная Экебладъ, супруга статсъ-секретаря П. Н. Даневскаго, мать профессора Харьковскаго университета.—1) Открытiе Америки, историческiй разказъ для дѣтей, передѣланный съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1861, съ чертеж. и картою, 8°; изд. 2-е, съ портр. Колумба и 2 карт. С.-Пб. 1876, 8°;

Рец. С.-Пб. Вѣдомости 1861 г., № 21.

2) Открытiе и завоеванiе Мексики, историческiй разказъ для дѣтей, съ картиною Мексики и двумя рисунками. С.-Пб. 1862, 16°; изд. 2-е. С.-Пб. 1876, 8°.

Данилова, Екатерина.—Цыгане, пер. съ французскаго, Эркмана Шатриана, въ Переводахъ лучшихъ иностр. писателей 1871 г., мартъ.

Данненбергъ, писала подъ псевдонимомъ Ида Вергевъ.—1) На жизнь и на смерть, повѣсть, въ Русск. Вѣстникѣ 1858 г., № 21; 2) Фальшивый аккордъ, повѣсть въ Русск. Вѣстникѣ 1860 г., № 13.

Дараганъ, Анна Михайловна, рожд. Балугьяпская, дочь статсъ-секретаря Михаила Андреевича (р. 1769 г. † 1847 г.), супруга генерала-лейтенанта Петра Михайловича Дарагана, р. 23-го февраля 1806 г. † 11-го марта 1877 г., въ Вильнѣ.—1) Елка. Подарокъ на Рождество. Азбука съ примѣрами постепеннаго чтенiя. С.-Пб. 1845, 8°; изд. 10-е. С.-Пб. 1874, 8°.

Рец. а) Ф. Толля, въ книгѣ: Наша дѣтская литература. С.-Пб. 1862; б) Отеч. Записки 1847 г., т. 50, № 2, отд. 6; в) Иллюстрація 1847 г., № 28; г) Съверн. Пчела 1852 г., № 261; д) Црк. по упр. кавк. учебнымъ округомъ 1870 г., № 6 (въ статьѣ Грушевскаго: Обзоръ русск. азбукъ).

2) Чтеніе для дѣтей въ Священной Исторіи. С.-Пб. 1848, 8°; 3) Введеніе въ чтеніе изъ Священной Исторіи, Русск. Педагогич. Вѣстникъ 1857 г., ч. I, № 2; 4) Естественная исторія животныхъ. С.-Пб. 1849.

Рец. Современникъ 1849 г., т. 14.

5) Руководство къ дѣтскимъ садамъ, по методѣ Ф. Фребеля С.-Пб. 1862, 4°.

Рец. Журн. для воспитанія 1862 г., № 3 (ст. А. Чумикова).

6) Метода Фребеля. Игры и занятія, развивающія духовныя и физическія силы дѣтей, отъ 4 до 10 лѣтъ. Составлено по руководству „Дѣтскихъ Садовъ“, съ приложеніемъ 77 таблицъ рисунковъ и нотъ для пѣнія. Безъ года.

О ней: а) Соч. Бѣлинскаго, X, 382; б) Съв. Пчела 1862 г., № 193.

Даргомыжская, Марія Борисовна, рожденная княжна Козловская, дочь князя Бориса Петровича (1754—1809) и княгини Анны Петровны, рожд. Бологовской (1762—1811), сестра извѣстнаго посланника въ Штутгартъ, князя Петра Борисовича († 1840), мать композитора А. С. Даргомыжскаго (р. 1813 г., ум. 1869 г.);—1) На день рожденія моея дочери, проза, въ Благонамѣренномъ 1821 г., ч. 17 2) Пѣсня, *ibidem*; 3) Любовь и дружба, стихотвореніе, въ Собр. нов. русск. стихотвореній, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1823 по 1825 г. С.-Пб. 1826, ч. 2, стр. 233; 4) И. В. О., стихотвореніе, *ibid.*, ч. I, стр. 270; 5) Крестнику Аполлону, стих., въ Календарѣ Музъ, на 1827 г.

Рец. Дамск. Журналъ 1827 г., ч. 17.

6) Людмилѣ, при подаркѣ куклы, въ Новой Дѣтской Библиотекѣ, изд. Б. Θεодоровымъ. С.-Пб. 1827, ч. 2; 7) Подарокъ моея дочери, дѣтскій альманахъ. С.-Пб. 1827, 16°. Посвящено е. и. в. всемилостивѣйшей государынѣ императрицѣ Александрѣ Θεодоровнѣ, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

Рец. Съв. Пчела 1828 г., № 30.

8) Колыбельная пѣсенка моея внучкѣ; посвящаетъ своей дочери, Людмилѣ Сергѣевнѣ Прокоповичъ-Антонской, Марья Даргомыжская, музыка А. Д. 1831 г.; безъ мѣста печати; 9) Стихотворенія, въ Памятникѣ отечественныхъ музъ 1828 г. и въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1835 г.

Датурова, Елена.—Летучіе листочки или тайныя записки свѣтскихъ дамъ, въ Вѣстникѣ Европы 1814 г., ч. 76, № 15, стр. 171—188.

Дашкова, княгиня, Екатерина Романовна, рожденная графиня Воронцова (дочь генерал-аншефа графа Романа Илларионовича (род. 17-го июля 1707 г., † 30-го ноября 1783 г.) и графини Марьи Ивановны, рожд. Сурминой, дочери сибирскаго богача (род. 17-го июня 1718 г., † 19-го апрѣля 1745 г.); родилась въ С.-Пб. 17-го марта 1743 г.; съ февраля 1759 г., за бригадиромъ княземъ Михаиломъ-Кондратомъ Ивановичемъ Дашковымъ (род. 3-го марта 1736 г., † 17-го августа 1764 г.), † 4-го января 1810 г., въ Москвѣ; скоронена въ имѣніи своемъ, селѣ Троицкомъ, Калужской губерніи. „Россійскаго Императорскаго двора статсъ-дама (22-го сентября 1762 г.), святая великомученицы Екатерины кавалеръ (29-го июня 1762 г.), Императорской Академіи Наукъ директоръ (съ лѣта 1783 по 1796 г.), Россійской Императорской Академіи президентъ (21-го октября 1783 по 1796 г.), Римско-императорско-Эрлангенской, королевскихъ Стокгольмской и Дублинской академій, обществъ Берлинскаго испытателей природы, философическаго въ Филадельфіи, Целльскаго земледѣльческаго, С.-Петербургскаго эконоическаго и Московскаго университета членъ“.—1) Написъ въ стихахъ къ портрету императрицы Екатерины, въ Собесѣдникѣ любителей русскаго слова 1783 г., ч. I. Надпись сочинена въ 1759—1761 г. (см. A. Walschikoff: *Liste alphabétique de portraits russes*. S.-Pbg. 1875, t. 1, pg. 131); 2) Переводъ нѣкоторыхъ примѣчаній изъ Опыта о эпическомъ стихотворствѣ (Вольтера), въ журналѣ: Невинное Упражненіе 1763 г., стр. 13, 51, 99 и 143. Въ 1781 г. (С.-Пб., 12^о), вышло олобою книгою: Опытъ о эпическихъ стихотвореніяхъ Вольтера.

а) Русскій Міръ 1878 г., № 146; б) Сочиненія Карамзина. С.-Пб. 1835, т. 8, стр. 153; в) Матеріалы, Ефремова. С.-Пб. 1867, стр. 142 (*Nachricht von einigen russischen Schriftstellern*), и стр. 31 (Опытъ Истор. Словаря, Новикова).

з) Замѣчанія на книгу Рюльера о воцареніи Екатерины Второй, въ Архивѣ кн. Воронцова, т. VII, стр. 653—655 (оригиналъ, на французскомъ языкѣ), и въ Русск. Архивѣ 1877 г., № 7, стр. 260 (русскій переводъ). Въроятно, писано около 1770 года, хотя книга Рюльера появилась только въ 1797 г., но писалась она до 1770 года и была извѣстна кн. Дашковой въ рукописи; 4) Письмо къ другу, въ Опытахъ Трудовъ Вольт. Росс. Собранія 1774 г., ч. 1, стр. 78; 5) Опытъ о торгѣ, г. Гюма, *ibid.*, стр. 87; 6) Отрывки изъ путешествія до Европѣ, *ibid.*, ч. 6; 7) Переводъ изъ англійскаго журнала *The Observer*: „О путкѣ“, *ibid.*, ч. 2, стр. 145—152; 8) Путешествіе одной россійской знатной госпожи по нѣкоторымъ англійскимъ провинціямъ,

письмо къ другу С. Т., *ibid.*, ч. 2, стр. 105—144; 9) Рѣчь объ обязанностяхъ, которыя имѣютъ ученые общества присоединять къ физическимъ наблюденіямъ и нравственнымъ, говоренная по случаю 50-лѣтняго юбилея Академіи. С.-Пб. 1776, 4^о; 10) Участвовала въ Трутнѣ. Новикова (1769—1770), по соображеніямъ М. Н. Лонгинова (Новиковъ и московскіе мартинисты, стр. 25); 11) Письмо, въ Новыхъ Ежемѣсячн. Сочиненіяхъ 1789 г., ч. XXXIV, стр. 42 (Неустроевъ, стр. 411; выше, стр. 403, онъ объясняетъ, что кн. Дашкова (до 1794 г.) „напечатала нѣсколько своихъ собственныхъ сочиненій“, но въ перечнѣ содержанія (стр. 405—426) показываетъ только вышеприведенное письмо); 12) Рѣчь, говоренная при открытіи Россійской Академіи, 1783 г., октября 21. С.-Пб. 1783, 4^о (осмѣяна Л. А. Нарышкинымъ; см. Соч. Державина, изд. Грота, 3, 625); 13) Основала, въ 1783 году, журналъ Собесѣдникъ Любителей Русскаго Слова, прекратившійся въ 1784 году, на 16-мъ томѣ.

О немъ: 1) Гротъ, въ Современникѣ 1845 г., №№ 11 и 12; 2) статья Лайбона (Добролюбова), въ Современникѣ 1856 г., №№ 8 и 9, т. 58 и 59, стр. 33—84 и 23—66 (Добролюбовъ: Сочиненія. С.-Пб. 1862, т. 1, стр. 1—96. 3) Разборъ статей Добролюбова, А. Д. Галахова, въ Отеч. Запискахъ 1856 г., № 10, стр. 43—85 (въ статьѣ: „Были и небылицы“, соч. Екатерины Второй). Литературная критика на статью Галахова, въ Современникѣ 1856 г., № 11, стр. 169—176 (Замѣтки о журналахъ). Отвѣтъ А. Д. Галахова въ Отеч. Запискахъ 1856 г., № 12, стр. 132—139 (Литературныя и журнальныя замѣтки: Неудачная апологія въ Современникѣ). Рецензія на статью Добролюбова, въ Сынѣ Отечества 1856 г., № 30; 4) Неустроевъ, стр. 344—345.

14) Посланіе къ слову Такъ, въ Собесѣдникѣ любителей русскаго слова, ч. I; 15) Тонсіоковъ, или человекъ безхарактерный, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. С.-Пб. 1786, 12^о (перепечатано въ 19-мъ томѣ Россійскаго Театра, изданію котораго она содѣйствовала); играна въ Эрмитажѣ, въ августѣ 1786 г. (см. письмо Грибовскаго къ Державину, въ Сочин. Державина, изд. Грота, 5, 553; Лѣтоп. р. театра П. Арапова. С.-Пб. 1861, стр. 132—133; письмо митрополита Евгенія къ гр. Д. Н. Хвостову, въ Сборникѣ статей, читанныхъ въ отдѣл. русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. 5, вып. 1, стр. 137 и 139). Комедія эта написана на Л. А. Нарышкина (см. Дмитріева, Мелочи изъ запаса моей памяти, стр. 242; Геннади, Словарь 1, 281; его же: Списокъ русск. анов. книгъ, стр. 43); 16) Статьи въ Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ 1786—1796 г., изданіи, ея основанномъ; 17) Записки, показывающія сравнительное состояніе Академіи въ послѣднія 10 лѣтъ, съ 1783—1793 г. (Кат. Трощинскаго, № 4349); 18) Свадьба Фабіана или алчность къ богатству наказанная, драма;

продолженіе драмы Коцебу: „Вѣдвость и благородство души“ (написано въ 2^{1/2} часа), 1799 года. Рукопись; 19) Статьи въ Другѣ Просвѣщенія 1804—1806 г.; между прочимъ: Размышленія благороднаго земледѣльца, присланныя изъ Тамбова (1805 г., февраль), съ болѣе чѣмъ сотнею грубыхъ опечатокъ (см. письмо митр. Евгенія къ гр. Д. И. Хвостову, въ Сборникѣ статей, читанныхъ въ отдѣл. русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. 5, в. 1, стр. 114); 20) Автобіографія (краткая), въ Опытѣ словаря русск. писателей, печатавшемся митр. Евгеніемъ въ Другѣ Просвѣщенія 1806 г., № 3, стр. 268—273, съ отмѣткою: „Сія статья прислана для помѣщенія, такъ какъ есть“; 21) Обработала буквы Ц, Ш и Щ для Словаря Академіи Россійской, по азбучному порядку расположеннаго. С.-Пб. 1806—1822; 22) Записки, первоначально написанныя на англійскомъ языкѣ: *Memoirs of the princess Daschkow, lady of honour to Catherine II of all the Russian, written by herself, comprining letters of the Empress and other correspondance; edited from the originals, by Mrs. W. Bradford. London. 1840, 2 vol. 8°.* Отрывки, переведенныя Калайдовичемъ, были напечатаны въ Москвитянинѣ 1842 г., №№ 1 и 2 и Я. К. Гротомъ, въ Современникѣ 1845 г., № 1, стр. 5—32. Второе англійское изданіе, Trübner et Cie. London. 1858. Нѣмецкое изданіе: *Memoiren der Fürstin Daschkow, nebst Einleitung, von Alex. Herzen, vol. 1—2. Hamburg. 1857, 8°.* Французскій переводъ: *Mémoires de la p^{sse} Daschkow, dame d'honneur de Catherine II, etc. écrits par elle même, etc. trad. par Alfred des Essarts. Paris. 1859, 4 vol. petit 8°* (въ 9-мъ томѣ *Bibliothèque russe et polonaise. Paris. 1858—1859*).

Ред. Solté, въ *La Presse* 1859, 22 août. Русскій переводъ, съ предисловіемъ А. И. Герцена. Лондонъ. 1859. Разборъ ихъ у Пекарскаго: Русскіе мемуары XVIII вѣка, въ Современникѣ 1855 г., № 4, стр. 53—90. Извлеченіе, а частью и переводъ въ Сочиненіяхъ Д. И. Иловайскаго. М. 1884. Первоначально въ Отеч. Запискахъ 1859 г., № 9 и 12. Поправка къ статьѣ, *ibid.*, 1860 г., № 2. Отрывки мемуаровъ въ переводѣ Д. Л. Михайловскаго (со спискомъ всего ея напечатаннаго и характеристикю В. И. Семеновскаго), въ Русск. Старинѣ 1874 г., № 3, стр. 407—430, и другой отрывокъ, *ibid.* 1873 г., № 11; послѣднее, лучшее изданіе: *Mon histoire*, 2 части, въ Архивѣ кн. Воронцова, кн. 21.

23) Плугъ и соха, писанное степнымъ дворяниномъ. М. 1806, 12°. Сочиненіе это приписывалось митр. Евгеніемъ кн. Дашковой. Теперь принято считать это сочиненіемъ гр. Ѳ. В. Ростопчина (Дмитріевъ, Мелочи, стр. 239; Гейнади, Словарь 1, 280—281; его же: Русск. книжн. рѣдкости, стр. 146—147 и Списокъ р. ан. книгъ, стр. 311—312); 24) Ей приписывали также часть сочиненія „*Antidoie*“ (St.-Pbg. 1770) или участіе въ немъ, напримѣръ Barbier: *Dictionnaire*

des ouvrages anonymes. Paris. 1882, 2 ed. 1, 67, № 924 (см. Сборникъ Русскаго Историч. Общества, т. 17, стр. 260) и Quérard: *Supplémentes littéraires*.

О ней: 1) Georgi: Versuch einer Beschreibung des russisch kaiserlichen Residenz-Stadt St. Petersbourg, стр. 300 и 524; 2) Essai sur la littérature russe. Livourne, 1771 и перепечатка. St.-Pbg. 1851 (изъ Revue Etrangère, изд. С. Д. Полторацкаго); нѣмецкiй подлинникъ: Nachricht von einigen russischen Schriftstellern, nebst einem kurzen Berichte vom russischen Theater. Leipzig, 1768 (въ Neue Bibliothek etc. von Weiss, t. 7, 188—200 и 382—388); русскiй переводъ Михайлова въ Библиогр. Запискахъ 1861 г., т. 3, № 20, стр. 609—633, и въ Матерiалахъ, П. А. Ефремова. С.-Пб. 1867, стр. 129—144 (тамъ же, стр. 145—160 французскiй и нѣмецкiй переводы); 3) Журналъ путешествiя Никиты Акиф. Демидова въ 1771—1773 году. М. 1786, стр. 11; 4) Словарь Новикова. С.-Пб. 1772; перепечатано въ Матерiалахъ, Ефремова, стр. 31; 5) упоминается въ числѣ писателей у Bernouilli: *Reisen, etc.* Leipzig. 1780, t. 5, S. 124; 6) переписка и отношенiя къ Державину, начиная съ 1780 года, въ Сочин. Державина, изд. Грота, ч. 1; 7) Leclerc: *Histoire de la Russie moderne.* Paris. 1783; 1, 85—86; 8) отзывъ о ней О. П. Козодавлева, въ Сочин. Державина, 5, 640; 9) Державинъ посвятилъ ей (подъ литерою Н) оду на смерть графини Румянцевой (Сочин. Державина, 1, стр. 214—221); 10) о переправкѣ ея сочиненiй императрицы, приславшихся для Собесѣдника, *ibid.*, 3, 625; 11) стихи въ день ея тезоименитства, въ Новостяхъ русск. литературы 1802 г., ч. 4, стр. 398—399; 12) некрологъ ея, въ Вѣстн. Европы 1810 г., ч. 49, № 2, стр. 145—151, и № 6, стр. 229; 13) упомянута Мюллеромъ, какъ femme savante, въ его *Tableau de Pétersbourg, trad. par C. Léger.* Paris et Mayence. 1814, pg. 139; 14) упомянута, какъ замѣчательная женщина, въ Кабинетѣ Аспазiа. С.-Пб. 1815; 15) о посѣщенiи ея Варшавской обсерваторiи, въ Вѣстникъ Европы 1819 г., № 7, стр. 70—71; 16) Русск. Вѣстникъ 1820 г., кн. 5; 17) биографическiй очеркъ, *ibid.* 1823 г., ч. 1, стр. 147; 18) Сѣв. Пчела 1828 г., № 10 и 11; 19) Макароль, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 29, стр. 35—36 и ч. 31, стр. 195—201; 20) Ваптынь-Кампскiй: Словарь достопамятныхъ людей русскои земли. М. 1836, ч. 2; 21) статья о ней М. П. Сорокина, въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, Плюшара. С.-Пб. 1838, т. 15; 22) то же, въ Словарѣ русскихъ писателей митр. Евгенiа, изд. Снегирева (М. 1838) и Погодина (М. 1845); 23) Вилевичъ: Русскiя писательницы, въ Москов. Город. Листкѣ 1847 г., №№ 78—80, 108, 109, 113 и 114; 24) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенiя 1847 г., № 10; 25) о пожертвованiяхъ ея для библиотеки Моск. университета, въ Моск. Вѣдомостяхъ 1858 г., № 66, въ ст. Геннади: „Московская Университетская Библиотека“; 26) Д. И. Иловайскiй: Кн. Дашкова, директоръ Академiи Наукъ, изъ собственныхъ ея воспоминанiй, въ Моск. Вѣдомостяхъ 1859 г., № 52; 26) его-же: Замѣтка, *ibid.* 1859 г., № 15; 27) Дополнительная замѣтка, *ibid.*, № 20; 28) Отеч. Записки 1860 г., № 2-й; 29) объ участiи ея въ дѣлѣ Радищевъ, въ статьѣ князя Н. Н. Голицына: Современныя извѣстiя о Радищевѣ, въ Библиограф. Запискахъ 1859 г., № 23 (есть и особые оттиски); 30) А. Н. Аванасьевъ: Литературныя труды великой Е. Р. Дашковой въ Отеч. Запискахъ 1860 г., № 8;

31) письмо ея къ Н. П. Николону, въ альманахѣ Русская Правда, на 1860 г. стр. 72—73; 32) Фирсовъ: Княгиня Е. Р. Дашкова, урожденная графиня Воронцова, въ Разсвѣтѣ 1860 г., №№ 2, 3 и 4; 33) Русск. Слово 1861 г., № 4: Изъ записокъ С. Н. Глинки; 34) статья о ней въ Энциклопед. Словарѣ, Краевскаго; 35) письма къ Екатеринѣ II, въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. Россійскихъ 1862 г., № 1, стр. 171; 36) Галаховъ. Исторія Русск. Словесности; 37) Толль: Настольн. Словарь, ч. 1, и первое Дополненіе, стр. 311; 38) краткая біографія въ собраніи біографій неизвѣстнаго составителя, печатавшихся въ 1864 г., въ С.-Пб., въ типографіи А. П. Чернякова; 39) Черты изъ жизни кн. Е. Р. Дашковой, въ Русск. Архивѣ 1864 г., выпускъ 5 и 6; 40) біографія, въ изданіи Вольфа: Русскіе люди. С.-Пб. 1868, т. 1, стр. 93—104; 41) Директоръ Академіи Наукъ, кн. Е. Р. Дашкова, статья въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. 1867 г., кн. 1; 42) отношенія къ Дидро, въ Осьмнадцатомъ Вѣкѣ, изд. П. Баргенова, ч. 2; 43) письма ея къ миссъ Вильмотъ, въ Матеріалахъ для исторіи Россіи, извлеченныхъ изъ рукописей британскаго музея, въ Лондонѣ, П. И. Сторуженка, съ предисловіемъ О. М. Водинскаго, въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. Россійскихъ 1870 г., № 3, стр. XI и 1—14; 44) П. Ф. Коробановъ. Статсъ-дамы и фрейлины высочайшаго двора, въ Р. Старинѣ 1870 г., ноябрь, стр. 494—495; 45) письма ея къ брату, гр. А. Р. Воронцову, въ Архивѣ князя Воронцова, т. 5; 46) Сухомлиновъ. Ист. Росс. Академіи, ч. 1, стр. 20, 364 и слѣд. 47) Мордовцевъ. Русскія женщины второй половины XVIII в. С.-Пб. 1874; 48) портретъ ея приложенъ къ Дамскому Журналу 1826 г., ч. 13, № 1; 49) другой портретъ, представляющій ее около 1806 г. въ мужскомъ костюмѣ, въ издѣіи, изданъ Мюнстеромъ, въ его „Портретной галлерей“, въ 1859 году. Оригиналъ очень рѣдокъ, и къ нему Державинъ сочинилъ двѣ надписи, одну высокопарную, а другую, насмѣшливую, Сочин. Державина, 3, 350; 50) портретъ, изданный Г. П. Геннади (фотографіи) въ его изданіи: „Русскіе портреты изъ собранія Г. П. Геннади“, вып. 1. М. 1866; 51) ея же портретъ приложенъ къ изданію Вольфа: „Русскіе люди“; 52) объ ея портретахъ на стали см. у Ровинскаго: Словарь русск. гравир. портретовъ С.-Пб. 1872; 53) А. Васильчиковъ: Liste alphabétique des portraits russes. St.-Pbg. 1875, 1, 281—286 и 2, 337; 54) къ № 1 Русской Старины 1877 года приложенъ портретъ ея 1767 года, снятый гелиографическимъ способомъ г. Скамовя; 55) она выведена императрицею Екатериною въ комедіи ея: „За мухой съ обухомъ“; 56) объ отношеніяхъ ея къ Л. А. Нарышкину, у Забѣлина: Кунцово и Сѣтувскій станъ. М. 1873, стр. 203—204; 57) Taigni: Catherine II et la princesse Daschkoff. Paris. 1860; 58) снимокъ съ ея почерка въ приложеніяхъ къ Исторіи русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ, соч. П. Н. Полового, изд. 3-е. С.-Пб. 1877; 59) посланіе ей М. В. Сушковой (см. Сушкова, М. В.); 60) Черты изъ жизни княгини Е. Р. Дашковой, въ Русск. Архивѣ 1864 г., стр. 571—582; 61) записка кн. Дашковой къ графу А. А. Безбородкѣ, *ibid.* 1872 г., стр. 1182 г.; 62) письмо княгини Дашковой къ П. С. Потемкину, 1786 г., *ibid.* 1875 г., т. I, стр. 195; 63) письмо къ графу Н. П. Шереметеву, *ibid.* 1873 г., стр. 1908; 64) письмо изъ ссылки къ императору Павлу (1797 г.), *ibid.* 1871 г., стр. 1486; 65) о покровительствѣ ея И. Ф. Богдановичу, въ статьѣ о послѣднемъ Карамзина (Сочин. Карамзина. С.-Пб. 1835, ч. 8, стр. 153); 66) дѣло о трагедіи „Вадимъ“, въ статьѣ Лоуни-

нова, въ Русск. Вѣстникѣ 1860 г., № 4; 67) Геннадіи, Словарь, 1, 280—281; 68) Замичателные случаи и черты изъ жизни княгини Дашковой, въ журналѣ Часть Досуга 1861 г., № 1, стр. 10—34; 69) Семейные Вечера 1865 г., № 4; 70) Читенія въ Общ. Ист. и Др. Россійскяхъ 1867 г., кн. I (академическія дѣла); 71) Русск. Старина 1875 г., т. 7, стр. 808; 72) Записки Массона; 73) Сегюра; 74) Державина; 75) Стоюнинъ. Труды Вольнаго Россійскаго Собранія, въ Ж. Мин. Нар. Просвѣщенія 1864 г., № 10—11; 76) Пекарскій. Матеріалы для исторіи журн. и литер. дѣятельности Екатерины II. С.-Пб. 1863; 77) два письма къ Екатеринѣ II, въ Чтен. Общ. Ист. и Дрени. 1862, ч. I, смѣсь, стр. 171; 78) Diderot: Oeuvres, ed. 1821, 3, 93, 105 (переведено съ англійскаго изданія ея Записокъ, т. 2 стр. 177—192); 79) содѣйствовала изданію Кошелька Новикова (см. Лонгинова: Новиковъ и московскіе мартинисты, стр. 31 и Сборн. студ. Имп. С.-Пб. Университета. С.-Пб. 1958, вып. I, стр. 322); 80) ея письма къ графамъ Румянцевымъ, въ Имп. Публ. Библіотекѣ (см. Отчетъ за 1876 г., стр. 173); 81) объ участіи въ изданіи Кошелька, у Неустроева, стр. 206; 82) Я. К. Гротъ: Сотрудничество Екатерины II въ Собесѣдникѣ кн. Дашковой. С.-Пб. 1877; 83) Руссовъ, стр. 12—14; 84) отношенія къ англійскому историку Робертсону въ Русской Старинѣ 1878 г., № 11, стр. 436; 85) стихотвореніе ей Княгини въ Смирн. изданіи его сочиненій, II, 500; 86) Къ характеристикѣ кн. Е. Р. Дашковой, въ Древн. и Нов. Россіи 1878 г., № 5; 87) о пребываніи ея въ Парижѣ и Берлинѣ въ 1782 году, изъ записокъ акад. Тьebo, въ Русск. Старинѣ 1878 г., № 11, стр. 478—482; 88) А. Т. Волотовъ. Памятникъ претекшихъ временъ. М. 1875; 89) Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. V (на стр. 255—письмо кн. Дашковой къ Д. И. Фонъ-Визигу), VIII, IX; 90) князь А. В. Лобановъ. Еще о запискахъ кн. Дашковой (Р. Архивъ 1881 г., кн. I, стр. 366—379; 91) Къ биографіи кн. Е. Р. Дашковой (Истор. Вѣстникъ 1882 г., т. IX, стр. 668—675); 92) Изъ письма кн. Е. Р. Дашковой къ графу Герману Кейзерлингу о восшествіи на престолъ Екатерины Великой (Р. Архивъ 1887 г., кн. III, стр. 185—191); 93) Е. С. Шумигорскій. Очерки изъ русской исторіи. I. Императрица-публицистъ. С.-Пб. 1887; 94) Княгиня Е. Р. Дашкова. Исслѣдованіе А. А. Суворина, ч. I. С.-Пб. 1888, 8°.

Д—ва, Елизавета.—Шекрологъ д-ра О. П. Гааза, въ Моск. Вѣдомостяхъ 1853 г., № 101.

Д—ва, З.—Рецензія на „Вешнія воды“, Тургенева, въ Камско-Волжской газетѣ 1872 г., № 6.

Д—ва, П.—Изъ провинціи: Кое-что о жепскомъ трудѣ, въ газетѣ День 1864 г., № 43.

Двуманина, М. М.—Мои сыновья, соч. Виктора Гюго. Одесса. 1874, 8°.

Дебагорій - Мокрѣвичъ, Надежда.—Фонъ - Гогенштейны. (Два поколѣнія), Фр. Шпильгагена, пер. съ нѣм. С.-Пб. 1873, 8°.

Дебольская, Е.—Основанія логики, проф. Девонса, въ журналѣ Семья и Школа 1878 г., кн. 2, № 4.

Дедюлина, Е. А.—Возмущенія моря или періодичность всемір-

нихъ. потоповъ, соч. Адемара; переводъ подъ редакціею профессора Хлѣбникова. С.-Пб. 1871.

Деламаръ, Екатерина Егоровна, рожд. Валлеріанъ, дочь вице-президента Медико-хирургической академіи, Егора Карловича Валлеріана, вдова поручика. Открытіе острова Мадеры, соч. А. Лафонтена, перев. съ нѣм. С.-Пб. 1815, 8°; посвящено вдовствующей генераль-лейтенантшѣ, Елисаветѣ Павловнѣ фонъ-Гандвигъ. Въ томъ же году, книга вышла подъ другимъ заглавіемъ: Пенинная и вѣрная любовь по смерти Анюты.

О ней: а) Руссовъ, стр. 14; б) Геннади, Словарь, 1, 285.

Делессаль (Дельсаль), Елизавета Ноевна, рожд. Сосье.— Эмиль или о воспитаніи, соч. Ж. Ж. Руссо, перев. съ франц. М. 1807, 12°, 4 части; посвящено Екатеринѣ Петровнѣ Брусиловой.

О ней: а) Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 32, стр. 119; б) Геннади, Словарь, 1, 288.

Демидова, Александра Николаевна, рожд. Муравьева, дочь отъ 2-го брака Николая Николаевича Муравьева (Карскаго), супруга полковника Михаила Петровича Демидова (род. 1824 г., † въ августѣ 1868 г.), во 2-мъ бракѣ за Соколовымъ. Издала книгу отца своего: Война за Кавказомъ, въ 1855 году. С.-Пб. 1876, 2 тома, съ портретомъ, атласомъ и гравюрами.

Демидова, Елизавета Петровна, дочь тайнаго совѣтника Петра Григорьевича и Екатерины Алексѣевны, рожд. Жеребцовой (род. 1749 г. † 7-го августа 1810 г.), внучатная племянница Прокофія Акифьевича Демидова (1710—1788).—1) Духовныя оды и пѣсни господина К. Ф. Геллерта; переведены въ прозѣ въ некоторую благородною дѣвицею. С.-Пб. 1782, 8°. По семейнымъ преданіямъ, это переводъ Е. П. Демидовой (Геннади: Списокъ русск. анонимн. книгъ); 2) Время не праздно проведенное въ чтеніи, или полезныя повѣствованія разныхъ писателей, собранныя дѣвицею Елисаветою Демидовою. С.-Пб. 1787, 8°. Посвящено: Дражайшимъ родителямъ, государю батюшкѣ Петру Григорьевичу и государынѣ матушкѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Демидовымъ.

О ней: а) Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 29, № 10; б) Геннади, Словарь, 1, 288; в) К. Головщиковъ. Родъ дворянъ Демидовыхъ. Ярославль. 1881, стр. 153—159.

Деревицкая, Анастасія Васильевна, род. 10-го іюня 1818 г., † 8-го ноября 1861 г., въ Петербургѣ. Даты сообщены П. Н. Петровымъ;—1) Живая кукла, или подарокъ на новый годъ, нравственная повѣсть для дѣтей; изданіе Вольфа. С.-Пб. 1857, 16°.

Рец. а) Въ Сынѣ Отечества 1858 г., № 7; б) Журн. для воспитанія 1858 г., т. 3.
2) Древняя всеобщая исторія въ разсказахъ для дѣтей. С.-Пб. 1857—1858, 12°. Три части.

Рец. а) Въ Сынѣ Отечества 1858 г., т. 21; б) въ Современникѣ 1858 г., т. 69, отд. 2.

3) Разказы изъ средней исторіи для дѣтей. С.-Пб. 1859, 12°.

Державина, Екатерина Яковлевна, рожд. Бастидопъ; съ 18-го апрѣля 1778 года, первая супруга поэта, род. 8-го ноября 1760 г., † 15-го юля 1794 г., дочь португальца, камердинера Петра III.—

1) Писала небольшія стихотворенія; намекъ на нихъ въ письмѣ къ ней княжны Е. С. Урусовой (Соч. Державина, изд. Я. К. Грота, т. 5, стр. 517; т. 1, 58); 2) Участвовала въ изданіи стихотвореній своего мужа (ib. 1, XIII; 6, 694).

а) О ней: Мелочи изъ запаса моеѣ памяти, М. А. Дмитриева, стр. 34 и 38; б) надпись къ ея портрету, княжны Е. С. Урусовой, въ Памятникѣ Отечественныхъ Музъ 1827 г., стр. 104; в) то же, Е. В. Херасковой, *ibid.*, стр. 103; г) подробныя біографическія свѣдѣнія въ Сочин. Державина, т. I—VI; д) о ея гравиров. двухъ портретахъ, у Васильчикова: *Liste alphabétique de portraits russes*. St.-Pbg. 1875; I, стр. 290—291; е) Митроп. Евгений собираетъ о ней свѣдѣнія для своего Словаря русскихъ писателей (см. Сборн. статей, читанн. въ Отдѣлен. русск. языка и словеси. Имп. Академіи Наукъ, т. 5, вып. 1, стр. 264 и Другъ Просвѣщенія 1806 г., № 3, стр. 286); е) стихи на смерть ея И. И. Дмитриева; ж) В. В. Каппста (въ Собраніи ихъ сочиненій); з) Руссовъ, стр. 14.

Дерначева, Лидія. Прощальная пѣснь. Кіевъ. 1857, 4°.

Дерлій, Прасковья Карловна. 1) Повѣсть изъ російской исторіи, въ Сѣверн. Меркуріи 1809 г., ч. 2; 2) Стихи книгинѣ Екатериинѣ К..., *ibid.* 1809 г., № 2.

Дестунисъ, Надежда Александровна, рожд. Крылова, род. 2-го ноября 1827 г., въ Новгородской губерніи, † 1-го мая 1866 г.;—1) Деревня, разказы для юношества о сельской природѣ и сельскомъ бытѣ. С.-Пб. 1859, 8°.

Рец. а) Ф. Толя, въ книгѣ: Наша дѣтская литература. С.-Пб. 1862; б) Воспитаніе 1859 г., № 7; в) Русское Слово 1860, № 6; г) Современникъ 1859 г., № 7; д) Журн. Мин. Народ. Просвѣщенія 1860 г., № 1, отд. 6; е) С.-Пб. Вѣдомости 1859 г., № 110.

2) Чему мы, женщины, учились?—въ Русск. Бесѣдѣ 1859 г., № 3, перепечатано въ Журн. для воспитанія 1859 г., № 8. Отвѣтъ на это, К. Бурнашевой: Мы сами, женщины, виноваты, въ Воспитаніи 1859 г., № 11; 3) Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ для юношества. С.-Пб. 1861 (съ подписью Крылова); 4) Какъ учить простой народъ, въ газетѣ День 1864 г., № 22; 5) Руководство для

паставницъ (указано въ некрологѣ ои, въ академ. Мѣсяцесловѣ на 1867 г.), въ рукописи; 6) Курсъ ботаники, по Ле-Мау (ibid.), въ рукописи; 7) Сказки и рассказы для дѣтей. С.-Пб. 1882, 8°.

О ней: а) Некрологъ, въ акад. Мѣсяцесловѣ на 1867 г., стр. 98; б) Геннади, Словарь, 1, 297; в) С.-Пб. Вѣдомости 1866 г., № 166 (ст. А. Ярославцева); г) Толь, Дополн. къ Паст. Словарѣ, вып. I; д) Некрологъ, въ Иллюстр. Газетѣ 1866 г., № 27; е) Русск. Энцикл. Словарь, И. Н. Березина, т. 1.

Дестунисъ, Софья. — 1) Петербургскіе Робинзоны, рассказы для дѣтей, съ карт. С.-Пб. 1874, 8°, изд. Вольфа; 2) Три задачи жизни. Рассказы для дѣтей старшаго возраста, съ 18 рис. С.-Пб. 1874, изд. Вольфа, 8°; 3) Богъ въ помощь, иллюстрир. сказки въ стихахъ. С.-Пб. 1875, 8°; 4) Чародѣй-пустодѣй. Сказка для дѣтей, въ стихахъ. С.-Пб. 1878, 4°; 5) Дѣтя — что ягоды, книжка для малолѣтокъ. С.-Пб. 1883, 8°; 6) Житія святыхъ, составлены по Четь-минеямъ и другимъ книгамъ. Съ изображеніемъ святыхъ и праздниковъ, академика Ѳ. Г. Солнцева. Январь—декабрь. Изд. И. Л. Тузова. С.-Пб. 1886, 8°; 7) Житіе св. Давида, Богоотца, пророка и царя Иудейскаго. Изд. И. Л. Тузова. С.-Пб. 1887, 8°; 8) Житіе св. отца нашего Николая, архіепископа Мирлицкаго. Составлено по новѣйшимъ источникамъ. Изд. И. Л. Тузова. С.-Пб. 1887, 8°.

Дмитр —, Елисавета. — Мечтательницъ, стих., въ Раутѣ, Н. В. Сушкова, 1852 г.

Дмитріева, Н. — На перепутьи, романъ, въ Вѣстникѣ Европы 1873 г., №№ 1—4.

Рец. а) Голосъ 1873 г., № 25 и 32; б) Русскій Міръ 1873 г., № 25, 46 и 101 (въ „Очеркахъ текущей литературы“, г. А. О.); в) Моск. Вѣдомости 1873 г., № 105, ст. Посторонняго; г) Новости 1873 г., № 75 и 103; д) Сынъ Отечества 1873 г., № 87; е) Новое Время 1873 г., № 23 (ст. А. С.).

Дмитріева, Ольга. — Нѣсколько словъ о современномъ романѣ въ Европѣ, въ Литерат. Библиотекѣ 1867 г., № 22.

Дмитріева, Софья — подпись Носовичъ, Софьи (см. это имя).

Д—на, Л. — Свитезянка, баллада Мицкевича, переводъ съ польскаго, прозою (имѣсть съ М. А. Вестужевымъ), въ альманахѣ послѣдняго: Сиріусъ 1826.

Добродолина, А. — Мать семейства, поучающая дѣтей своихъ евангельскимъ истинамъ и благоправію, съ 12 литогр. раскр. картинками. С.-Пб. 1852, 16°.

Рец. въ книгѣ Толя: Наша дѣтская литература. С.-Пб. 1862.

Долгина, С. — Фиктивный бракъ. Оригинальный романъ. Изд. ред. Журн. русск. и иностр. ром. и путешествій. С.-Пб. 1876, 8°.

Долгорукова, княжна Н. — Переводъ комедіи Ж. Санда: Маркизъ де-Вильмаръ, въ журналѣ Русская Сцена 1864 г., № 9.

Долгорукова, княжна Елизавета Михайловна, въ замужествѣ Селецкая (см. это имя).

Долгорукова, княгиня Наталья Борисовна, съ 1757 года схи-монахиня Нектарія, рожд. графиня Шереметева, род. 17-го января 1714 г., † 3-го іюля 1771 г., въ Кіевѣ. Схоронена въ Киевопечерской лаврѣ. Дочь боярина и фельдмаршала графа Бориса Петровича (1652—1719) и второй его супруги Анны Петровны Нарышкиной, рожд. Салтыковой (1677—1728); съ 1729 г. супруга оберъ-камергера князя Ивана Алексѣевича Долгорукова (род. 1708), казненнаго 26-го октября 1739 года въ Новгородѣ. — „Записки“ ея, писанныя (въ-роятно диктованныя) въ 1770 году, за годъ до смерти. Изданы: а) отрывокъ, въ Другѣ Юношества 1810 г., № 1; б) въ книгѣ князя П. В. Долгорукова: Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ. С.-Пб. 1840; в) въ полнѣйшей редакціи и съ подлинной рукописи напеча-таны въ Р. Архивѣ 1867 г., № 1, съ предисловіемъ П. И. Барте-нева и отдѣльно: Памятныя записки княгини Натальи Борисовны Дол-горуковой. М. 1867, безъ писемъ ея и статьи кн. И. М. Долгорукова. г) въ французскомъ переводѣ, кн. П. В. Долгорукова, въ книгѣ его, Mémoires du p-ce Pierre Dolgoroukow. Bruxelles. 1867, tr. 1-е, pg. 338—358.

О ней: а) Mémoires du p-ce P. Dolgoroukow. Bruxelles. 1867, 1, p. 334—335 et 337; б) James Arthur Heard, knight of the order of S-t Stanislaw: The life and times of Nathalia Borisowna, princess Dolgoroukw. London. 1857, 12°; в) Л. Г. Е—въ, статья въ Отеч. Запискахъ 1858 г., № 1; г) Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. 12, № 21: О добродѣтельной княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгоруковой; д) поэма И. Н. Козлова: Наталья Борисовна Долгорукая. С.-Пб. 1828, 12°; е) П. Р. Фурманъ: Наталья Борисовна Долгорукая, повѣсть для дѣвницъ. С.-Пб. 1857.; изд. 2-е. С.-Пб. 1872; польскій переводъ въ Tygodnik mód 1870 г., № 21, 28, 25—44); ж) народная пѣснь, сложившаяся о ней и біографическія свѣдѣнія въ изданіи П. Безсопова: Восемнадцатый вѣкъ въ русск. историч. пѣсняхъ послѣ Петра Великаго. М. 1872. з) Балтынь-Ка-менскій: Словарь достопамя. людей. М. 1836, ч. 2. и) Мордовцевъ: Русскія жен-щины XVIII в. С.-Пб. 1875; і) Княгиня Н. Б. Долгорукая, біографическій очеркъ, составленный на основаніи „Записокъ“ самой героини разсказа, А. Но-виковъ, въ Виленскомъ Вѣстникѣ 1870 г., №№ 31—35; к) Кн. Н. Б. Долго-рукая, ст. В. Острогорскаго, въ Дѣтск. Чтеніи 1870 г., № 3; л) Княгиня На-талья Долгорукова, П. Покровскаго, въ журналѣ Дѣло и Отдыхъ, № 11; м) Че-лобитная кн. Н. Б. Долгоруковой, въ Р. Архивѣ 1869 г., стр. 77; н) Поправка и объясненіе (о потомствѣ кн. Н. Б. Долгоруковой), *ibid.*, 1867 г., стр. 1167; о) Шутархъ прекраснаго пола. М. 1819 ч. 6 и 7, стр. 95—128; п) въ автс-

біографія кн. И. М. Долгорукова, въ Москвитянинѣ 1844 г., № 11; р) Пекарскій: Русскіе мемуары, въ Современникѣ 1855 г., № 4, стр. 67 и слѣд.; с) кн. И. М. Долгорукій. Славны бубны за горами или путешествіе мое коекуда 1810 г., въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. 1869 г., кн. 2 и 3, и въ отдѣльномъ оттискѣ: М. 1870; т Геннади, Словарь, 1, 316; у) описаніе двухъ ея портретовъ, у Васильчикова: Liste alphabétique de portraits russes, 1, 312—313; ф) Д. А. Корсаковъ. Княгиня Н. В. Долгорукая, въ Истор. Вѣстникѣ 1886 г., т. XXIII, стр. 263—282.

Долинская, псевдонимъ Л. Я. Черкасовой (см. это имя).

Долинская, М. — Стихотворенія, въ журналѣ Звѣздочка 1854 г., № 1 и 4.

Дол...ва, М. — Институтки (записки), въ Эпохѣ 1864 г., № 10.

Долороза, псевдонимъ. гр. Е. П. Растопчиной.

Домогачная, Анна.— Душа, стихотв., въ Библ. для Чтенія 1843 г., № 3, отд. 1, стр. 6.

Дондукова-Норсанова, княжна М. М. — Записки о нравственномъ элементѣ въ воспитаніи, въ журналѣ Учитель 1864 г., стр. 248 и 285

Дондукова-Норсанова, княжна Ольга Михайловна, дочь тайн сов. князя Михаила Александровича и княгини Маріи Никитишны, рожд. кн. Дондуковой. — Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ Петрѣ Великомъ (1698—1715 гг.), сочиненіе капитана Джона Перри; переводъ съ англійскаго, съ предисловіемъ и подъ ред. М. И. Семевского. М. 1871; 8°, изданіе Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ (первоначально было помѣщено въ Читеніяхъ Общества).

Доппельмейеръ, Юлія Васильевна, рожд. Вердеревская, во 2-мъ бракѣ Оаворова; род. 18-го іюля 1848 г., дочь Василія Евграфовича Вердеревскаго.— 1) Ткачъ и паукъ, переводъ, Дѣло 1867 г., № 11; 2) Ньюкастльскіе углекопы (изъ Барбье), въ Женск. Вѣстникѣ. 1868 г., № 1; 3) Ирландія (изъ Барбье), Дѣло 1868 г., № 6; 4) Эпиграфъ къ поэмѣ „Лазарь“ (изъ Барбье), *ibidem*; 5) Данте (изъ Барбье), *ibid.*, № 12; 6) Мѣдная лира (изъ Барбье), Отеч. Записки 1868 г., № 12; 7) Джинъ, стансы на мотивы Гогарта и Барбье, Дѣло 1869 г., № 1; 8) По поводу бала въ ратушѣ (изъ Виктора, Гюго), Дѣло 1870 г., № 4; 9) Темза (изъ Барбье), въ Вѣсти. Европы 1870 г., октябрь; 10) На смерть Пизакане и его сподвижниковъ, въ Отеч. Запискахъ 1871 г., № 2, переводъ съ италіанскаго; 11) Къ Ирландіи, стихотвореніе Т. Мура, въ Отеч. Запискахъ 1871 г., № 12; 12) Ты бібліотеку поджегъ? — стихи В. Гюго, Отеч. Запискахъ 1873 г., № 4; 13) Изъ Томаса Мура, стих., въ Складчинѣ. С.-Пб. 1874.

Драшусова, Елизавета Алексѣевна, рожд. Ашанина, супруга известнаго астронома, въ 1-мъ бракѣ за писателемъ Вильгельмомъ Ивановичемъ Карлгофомъ (род. 1796 † 1841), умерла 25-го августа 1884 г. въ своемъ имѣніи Панкинѣ, Пронскаго уѣзда Рязанской губерніи.— 1) Крыловъ, въ Звѣздочкѣ 1844 г., ч. IX, стр. 34 — 60 (См. соч. и переписка П. А. Плетнева, т. II, С.-Пб. 1885, стр. 4 и слѣд.); 2) Арзамасъ, *ibid.* 1846 г.; 3) О благотворительныхъ и учебныхъ учрежденіяхъ дамскаго попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ, въ Раутѣ 1854 г.; 4) Новый нѣмецкій театр; ч. I: а) Ложь и правда; б) Невѣста изъ столицы. С.-Пб. 1838, 8° (см. Геннадіи: Списокъ р. анон. книгъ, стр. 24); 5) Жизнь прожить—не поле перейти, записки неизвѣстной (Русск. Вѣстникъ 1881 г., № 9—11; 1882 г., № 5; 1883 г., № 6; 1884 г., № 5). Это—автобіографія и матеріалы для біографіи В. И. Карлгофа.

О ней: а) Я. К. Гротъ: Дополнительныя извѣстія о Крыловѣ, въ Сборн. статей, читанныхъ во 2-мъ Отд. Имп. Акад. Наукъ, т. 6, с. 30; б) Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, выш. IV. С.-Пб. 1888 г.; г) Моск. Вѣдомости 1884 г., №№ 240, 241, 256.

Д—ская, Д.—Гимнъ: Настало торжество природы, въ Моск. Журналѣ 1792 г., ч. 6, стр. 235.

Дубровина.—Женщина безъ знаній, какъ тѣло безъ души. Естественныя науки въ примѣненіи къ обыденной жизни, Карла Руссъ. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1866, 8°. Изданіе книгопродавца Леукина.

Дубровина, Е. О.—Сфянксъ, романъ (Дѣло 1877 г., №№ 10—12).

Дунгернъ, Юлія.—1) Розовый лепестокъ, турецкая сказка, переданная дѣтямъ. С.-Пб. 1873, 12°; 2) Золотой городъ, индѣйская сказка, переданная дѣтямъ. С.-Пб. 1873, 8°.

Дурова, Надежда Андреевна, р. въ 1790 г., въ Херсонѣ, † 23-го марта 1866 г., въ Елабугѣ. Въ 1808 г. (17-го сентября), вступила волонтеромъ (подъ именемъ Александра Андреевича Александрова) въ военную службу, откуда уволена, въ 1817 г., съ чиномъ штабъ-ротмистра и георгіевскимъ крестомъ. Писала подъ псевдонимомъ Александра Андреевича Александрова и Дѣвицы-Кавалериста.—1) Записки (отрывокъ), въ Современникѣ 1836 г., ч. 2; 2) Кавалеристъ-дѣвица, происшествіе въ Россіи. С.-Пб. 1836 8°.

Рец. а) Р. Инвалидъ 1836 г., № 274; б) Современникъ 1836 г., т. 4.

3) Записки Александрова, добавленіе къ Дѣвицы-Кавалеристу. М. 1839, 8°.

Рец. а) Библ. для Чтенія 1839 г., т. 33, отд. 6; б) Литер. приб. къ Р. Инвалиду 1839 г., т. 1, № 11; в) Моск. Наблюдатель 1839 г., ч. 2, отд. 4, стр. 70—86; г) Сынъ Отечества 1839 г., т. 8, отд. 4; д) Сѣв. Пчела 1839 г., № 64.

4) Елена, Т—ская красавица, въ Библиот. для Чтенія 1837 г., т. 23, кн. 1; 5) Графъ Маврицкій, въ Библ. для Чтенія, т. 27, кн. 1; 6) Годъ жизни въ Петербургѣ, или невыгоды третьяго посѣщенія. С.-Пб. 1838, 12°.

Рец. а) Смыль Отечества 1838 г., т. 6, отд. 4; б) Сѣв. Пчела 1838 г., № 255 (ст. О. Булгарина); в) Библ. для Чтенія, т. 31, отд. 6; г) Соч. и переписка П. А. Плетнева, т. II, С.-Пб. 1887, стр. 267—268.

7) Гудышки, романъ, соч. Александра. С.-Пб. 1839, 12^а, 4 ч. Посвящено княгинѣ Татьянѣ Васильевнѣ Юсуповой.

Рец. а) Литер. приб. къ Р. Инвалиду 1839 г., т. 2, № 4; б) Сѣв. Пчела 1839 г., № 174; в) Библ. для Чтенія 1839 г., т. 35, отд. 6.

8) Сѣрный ключъ, черемисская повѣсть, въ сборникѣ: Сто русскихъ литераторовъ. С.-Пб. 1839, т. 1; 9) Повѣсти и рассказы, въ 4 ч. С.-Пб. 1839, 16°.

Рец. Литер. приб. къ Р. Инвалиду 1839 г., т. 2, № 19.

10) Кладъ. С.-Пб. 1840, 16°.

Рец. а) Библ. для Чтенія 1840 г., т. 42, отд. 6; б) Смыль Отечества 1840 г., т. 5, отд. 6; в) Отеч. Записки 1840 г., № 11, отд. 6.

11) Ярчукъ, собака—духовидецъ. С.-Пб. 1840.

Рец. а) Библ. для Чтенія 1840 г., т. 42, отд. 6, стр. 24—27; б) Маякъ 1840 г., ч. 12, т. 4, стр. 199.

12) Уголь. С.-Пб. 1840, 12°.

Рец. Библ. для Чтенія 1840 г., т. 42, отд. 6, стр. 24—28.

13) Павильонъ, повѣсть, въ Отечествен. Запискахъ 1839 г., № 2.

О ней: а) Некрологъ, въ академич. Мѣсяцесловѣ на 1867 г., стр. 98; б) некрологъ, въ газетѣ Вѣсть 1866 г., № 35; в) биографическая замѣтка Е. Меньцова, въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1861 г., № 3; г) Библиогр. Записки 1859 г., № 5, стр. 133; д) Дѣвица-воишь, стихи въ честь ея, Александра Гиббова, въ Маякъ 1840 г., ч. 8, стр. 27—28; е) Къ биографіи дѣвицы-кавалериста: переписка о вступленіи ея въ военную службу, въ Голосѣ 1863 г., № 346; ж) Портреты ея приложены къ роману Гудышки и 1-му тому сборника: Сто русскихъ литераторовъ з) Справочн. Энциклоп. Лексиконъ, т. 4, п) Настольн. Словарь, Толя, т. 2, і) некрологъ, въ Иллюстр. Газетѣ 1866 г., т. 17, № 18, стр. 287; к) Н. А. Дурова, биографическій очеркъ, въ Вятск. губ. вѣдомостяхъ 1836 г., № 18; л) некрологъ въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1866 г., № 125; м) Мордовцевъ: Русскія женщины девятнадцатаго вѣка. С.-Пб. 1874 п) Воспоминанія Т. II. Пассекъ, т. II, стр. 333; о) новое свидѣніе о кавалеристъ-дѣвицѣ, въ Р. Архивѣ 1872 г., ст. 2043; п) письма А. С. Пушкина въ кавалеристъ-дѣвицѣ Н. А. Дуровой, съ послѣсловіемъ барона О. А. Бюлера, въ Р. Архивѣ 1872 г., стр. 199; р) Соч. А. С. Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, т. V, 297, 348; VII, 401, 408; с) Геннаді: Словарь, I, 325; г) Соч. Вѣлинскаго, III, 76; IV, 128; у) Библиот. для Чтенія 1840 г., т. 42, отд. VI, стр. 24 — 27; ф) Изъ записной книжки Н. В. (Кіевская Старина 1886 г., т. XIV, стр. 398—402); х) Истор. Вѣстникъ 1888 г., № 2, стр. 414; ц) В. Байдаровъ. Кавалеристъ-дѣвица Александровъ-Дурова. С.-Пб. 1887.

Д—цная, дѣвица—псевдонимъ не писательницы, а писателя, г. Всеволода Костомарова (указано въ Книжн. Вѣстникѣ 1865 г., № 20, стр. 379).

Дѣвица-Навалеристъ. Одинъ изъ псевдонимовъ Н. А. Дуровой (см. это имя).

Дюваръ, Анастасія Ивановна, † 28-го октября 1864 года (дата сообщена П. П. Петровымъ).—1) Нѣсколько словъ о значеніи естественныхъ наукъ и преподаваніи ихъ, Русск. Педагогич. Вѣстникъ 1860 г., № 11 и 1861 г., № 1 (см. Русск. Рѣчь 1861 г., стр. 192—193); 2) Весѣды о природѣ, въ Вибл. для дѣтск. чтенія, изд. Александра Григоровича. С.-Пб. 1861, стр. 5—15 (прилож. къ Русск. Педагогич. Вѣстнику 1861 г., февраль); 3) Нѣмецкая азбука, руководство къ первоначальному изученію нѣмецкаго языка. С.-Пб. 1863, 16°.

Е—ва.—По поводу нашихъ браковъ, въ Библиот. для Чтенія 1862 г., № 9.

Е—ва, Н.—Влюбленному въ рыжіе локоны, стихотв., Молва 1832 г., № 6, стр. 21. Отвѣтъ ей, въ Молвѣ 1833 г., № 124, стр. 493, стихотвореніе Д. Озпобишина.

Евгенія Туръ, извѣстный псевдонимъ графини Е. В. Салиасъ—Турнемиръ (см. это имя).

Евреинова, А. М., докторъ правъ Лейпцигскаго университета; 1) Диссертация на ученую степень (въроятно на нѣмецкомъ языкѣ), 1877 г.; 2) Рефератъ по древнему юго-славянскому праву, читанный въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ, въ 1878 г. (см. Гражданинъ 1878 г., № 13, стр. 262); 3) Показана сотрудницею ученаго журнала Критическое Обзорѣніе, объявленнаго къ выходу на 1879 годъ, въ Москвѣ.

Евреинова, Лидія.—1) Юные путешественники по Нилу, сочин. Анны Бэуманъ, пер. съ англ., съ карт. С.-Пб. 1873, 8°; 2) Успѣхъ въ жизни, соч. Матью Вильгельмъ, пер. съ англ. С.-Пб. 1874, 8°; 3) Генрихъ Гяткотъ изъ Генуали, пер. съ англ., соч. Ант. Троллопа. С.-Пб. 1875, 8°; 4) Подарокъ дѣтямъ на елку. Смѣшное и полезное, съ карт., пер. съ англійскаго. С.-Пб. 1875, 4°; 5) Собака Киперъ отыскиваетъ своего хозяина. Разсказъ. Ларчикъ, волшебная сказка, пер. съ англ. С.-Пб. 1876 (1875), 8°.

Европеусъ, Э. (вмѣстѣ съ Е. Цѣвиной).—Железные дороги, пароходы, телеграфы, и проч., разсказы для дѣтей, пер. съ англ., съ 13 рис. С.-Пб. 1864, 16°.

Рец. а) Современникъ 1865 г., № 1; б) Русскій Иваландъ 1865 г., № 12.

Екатерина Вторая, Алексѣевна, императрица Всероссийская, род. 21-го апрѣля 1729 г., въ Штеттинѣ, принцесса Ангальтъ-Цербстская, до присоединенія къ православію — Софія-Августа-Фредерика, муропомазана въ Москвѣ 28-го іюня 1744 г. Обручена наследнику престола 29-го іюня 1744 г., вступила съ нимъ въ бракъ 21-го августа 1745 г., провозглашена императрицею 28-го іюня 1762 г.; „порфирородная вдова“ съ 6-го іюля 1762 г.; † 6-го ноября 1796 года, въ четвертъ, въ С.-Петербургѣ, погребена 18-го декабря того же года, въ Петропавловскомъ соборѣ.

А. Сочиненія историческія, автобіографическія и замѣтки.

1) Записки касательно российской исторіи, въ Собесѣдн. Любит. Русск. Слова 1783—1784 г. Особо изданы: С.-Пб. 1787—1793 г., 5 ч., 8°. Второе изданіе, С.-Пб. 1801, 8°, 6 частей. Есть еще особое изданіе: Выпись хронологическая изъ Русской исторіи, безъ мѣста печати и года. Записки эти, вѣроятно, принадлежатъ не исключительно перу императрицы, но составлены болѣе по ея повелѣнію (Соч. Державина, 4, 36). Нѣмецкіе переводы: а) Bibliothek der Grossfürsten Alexander und Constantin; второе заглавіе: Aufsätze betreffend die Russische Geschichte Erzählungen und Gespräche, von J. K. M d. K. v. R., vol. 1—9. Berlin und Stettin. 1784—1788, 8°; б) Aufsätze, etc. Ein Anhang zum St.-Petersburgischen Journal, 1784. S.-Pbg. 1785, 8°; в) Idem., vol. 1—9, ibid. 1786—1788, 8°; д) Idem, aus dem russischen übersetzt von C. G. Arndt (часто переводившаго произведенія императрицы на нѣмецкій языкъ), vol. 1—2. Riga, 1787, 8°; е) Idem, Aufsätze etc., aus dem russischen übersetzt, vol. 5. S.-Pbg. 1794, 8°.

О пяти: а) въ Gemälde v. S.-Petersburg 1784, 2, 188; б) Русск. Вѣстникъ 1817 г., № 13—14, стр. 41—47: Мысли при обзорѣнн „Записокъ касательно Росс. исторіи и представленій историческыхъ“, соч. Екатерины II; в) объ историческихъ трудахъ ея въ статьѣ Добролюбова, Современникъ 1856 г., № 7.

2) La secret de la société anti—absurde dévoilé, par quelqu' un qui n' en est pas. Cologne, 1779. Русскій переводъ (вѣроятно—Храповицкаго): Тайна противонадѣльнаго общества, открытая непричастнымъ оному, пер. съ французскаго. С.-Пб. 1759, 16°. По мнѣнію С. Д. Полторацкаго, напечатана въ 1780 г.

См. Р. Вѣстникъ 1860 г., т. XXV, кн. 2, стр. 637 и С. Н. Шубинскаго. Историческіе очерки и рассказы. С.-Пб. 1869, стр. 211.

3) „Записки“, писанныя на французскомъ языкѣ: а) Mémoires de l'Impératrice Catherine, écrits par elle même et précédés d'une

préface par A. Herzen. Londres. 1859, 8°; б) Idem, éd. revue et augmentée de huit lettres de Pierre III et d'une lettre de Catherine II au comte Poniatowsky. Londres. 1859, 8°; в) русскій переводъ: Записки императрицы Екатерины II, изд. Искандеромъ, пер. съ франц. Лондонъ. 1859, 8°; г) нѣмецкіе переводы: Memoiren... von ihr selbst geschrieben, nebst einer Vorrede von A. Herzen; autorisirte deutsche Übersetzung. Hannover. 1859, 8°; д) idem, 2 Auflage. Hannover. 1863, 8°; е) idem, Berlin. 1864, 8°; ж) шведскіе переводы: Memoirer surevne af hende selv. Udgivne af Alex. Herzen. Over satte efter den franske originals, andet oplag af Ferd. C. Sørensen. Kjøbenhavn. 1859, 8°; з) Memoirer, surifna af henne self, jemte ett företat af A. Herzen, 2 ч. Upsala. 1859, 12°.

О нихъ: а) The autobiography of Catherine II, въ National Review 1859 (Januarh); б) въ Desiderata Имп. Публ. В-ки, 1859 г., стр. 6; значится еще одно шведское изданіе: Memoirer overs af Fr. Sjögren. Kjöbenhavn. 1860.

4) Автобиографическая памятная замѣтка императрицы Екатерины II, 1763 г. (сообщ. А. Θ. Бычковымъ), въ Р. Архивѣ 1870 г., № 6; 5) Собственноручныя письма, замѣтки и наброски мыслей, въ Русск. Архивѣ 1866 г., ст. 55; 6) Историческія и біографическія ея замѣтки, въ Р. Архивѣ 1878 г., № 7; 7) Статьи, писанныя ею и хранящіяся въ Государств. Архивѣ, въ Запискахъ Акад. Наукъ 1863 г., т. III, кн. 2, приложение, № 6, стр. 40; 8) Собственноручная записка, найденная въ бумагахъ князя Везбородко, въ Библ. Запискахъ 1858 г., ст. 539; 9) Замѣтка о мѣстѣ своего погребенія, въ Р. Архивѣ 1871 г., ст. 150; 10) Двѣ замѣтки (о предсмертныхъ мысляхъ императрицы Елисаветы и о желаніи австрійскаго двора женить в. к. Константина Павловича на своей прицессѣ), въ Русск. Архивѣ 1863 г., № 7; 11) Замѣтка великой княгини Екатерины Алексѣевны (до 1761 г.), на французскомъ языкѣ (съ примѣчаніями редактора), въ Библиограф. Запискахъ 1861 г., № 17, ст. 511—515; 12) Записка о дѣтствѣ в. к. Александра Павловича, составленная для Густава III, въ Русск. Архивѣ 1871 г., ст. 1519; 13) Замѣтка (о графѣ Лаишероуѣ), въ Р. Архивѣ 1869 г., ст. 206; 14) Замѣтка объ образѣ правленія, въ Р. Вестнѣ 1860 г., т. 2, ст. 258; 15) Записки о мѣрахъ къ возстановленію во Франціи королевскаго правительства, 1792 года, въ Русск. Архивѣ 1866 г., ст. 399 (на франц. языкѣ); 16) Questions et réponses (ок. 1774—1783 гг.), напечатано П. К. Цебальскимъ въ статьѣ его: „Екатерина II, какъ писательница“, въ Зарѣ, 1870 г., № 6; 17) Общества пезнающихъ, ежедневныя записки, въ Собес. Люб. Русск. Слова 1783 г., ч. 8, стр. 39—62 (вошло въ составъ „Былей и небы-

лицъ“); по миѣннѣ Д. Ѳ. Кобеко (Библиогр. Записки 1861 г., ст. 108)— произведеніе Екатерины и Л. А. Нарышкина; 18) „Рецептъ отъ таракановъ“, собственноручная замѣтка (fol.), ок. 1790 г., сохранявшаяся послѣ кн. Потемкина въ семействѣ его племянницы, княгини Юсуповой (видѣнная нами у сына ея отъ 1-го брака, дѣйств. тайн. сов. Александра Михайловича Потемкина † 1872); 19) Объявленіе, написанное императрицею для Эрмитажа (ок. 1780 г.?), въ Библиогр. Запискахъ 1859 г., № 20, ст. 662; 20) Замѣтка Екатерины II по поводу какой-то статьи въ одной изъ иностранныхъ газетъ 1791 г. въ Русск. Вестнѣхъ 1860 г., № 2; 21) Description d'une mascarade, donnée à St.-Petersbourg au Palais d'Hiver, lors du séjour de prince Henry de Prusse (S.-Pbg. 1786), 8°; 22) Миѣнія Екатерины II о французской революціи и о мапуфактурахъ, въ Русскомъ Архивѣ 1865 г., № 10—11; 23) Собственноручная замѣтка на докладѣ князя Потемкина, въ Русскомъ Архивѣ 1876 г., ч. I, стр. 70; 24) Житіе преподобнаго Сергія Радонежскаго. Съ предисловіемъ П. И. Бартенева и съ приложеніемъ отрывка изъ житія святителя Алексія, митрополита Московскаго (Памятники древней письменности LXXIX). С.-Пб. 1887. 8°. Объ этомъ изданіи см. Русск. Старину 1888 г., № 3.

Б. Законодательные труды.

25) „Наказъ“. Писанъ въ 1764 — 1766 гг. Неизвѣстна съ точностью первоначальная редакція его (во всякомъ случаѣ гораздо обширнѣе обнародованной и официальной, такъ какъ онъ значительно сокращенъ близкими къ императрицѣ совѣтниками), а также на какомъ именно языкѣ онъ первоначально былъ писанъ. Первоначально приложенъ былъ къ манифесту 14-го декабря 1766 г., объ учрежденіи Коммисіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія. Официальный подлинникъ, большею частью собственноручный, хранится въ серебряномъ ковчегѣ въ залѣ Общаго Собранія Правительствующаго Сената въ С.-Петербургѣ (подробно описанъ Д. В. Полюновымъ: Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта новаго уложенія. С.-Пб. 1869, ч. I, стр. 40 — 43 и 49).— Первое изданіе: Наказъ Коммисіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія. М. 1767 (два изданія); 3-е изд. С.-Пб. 1768; 4-е изд. С.-Пб. 1870; 5-е изд. С.-Пб. 1771; 6-е изд. С.-Пб. 1776; 7-е изд. М. 1796; 8-е изд. М. 1800; 9-е изд. С.-Пб. 1820. Переводы:

а) на французскомъ языкѣ: а) Instructions pour la Commission chargée de dresser le projet d'un nouveau Code de loix. Traduit de

l'allemand. S.-Petersbourg. 1769, 8°. b) Instructions adressées par s. m. l'impératrice de toutes les Russies à la Commission établie pour travailler à l'exécution du projet d'un nouveau Code de loix. Traduit de l'allemand. S.-Petersbourg. 1769, 8° c) То же, nouvelle édition. Lausanne. 1769, 8°. d) Code de Catherine. Instructions adressées par s. m. l'impératrice de toutes les Russies à la Commission établie pour travailler à l'exécution d'un projet d'un nouveau Code de loix. Traduit de l'allemand. Iverdun. 1769, 12°. Въ экземпляръ, находящемся въ моей библиотекѣ, съ вкладными листами, выведены параллельныя мѣста изъ сочиненія Беккарія: Des délits et des peines. e) То же, Amsterdam. 1771, 8° f) Réglements de s. m. imp. Catherine II, pour l'administration des gouvernements de l'empire de Russie, traduit d'après l'original allemand. Liège. 1777, 4° g). То же traduit d'après l'original russe. St. Pétersbourg. 1778, 4°; h) Apophtegmes russes, ou choix des maximes tirées de l'Instruction pour la formation du Code de Catherine II. S.-Pbg. 1781, fol.

б) на нѣмецкомъ: h) Instruction für die zur Verfertigung des Entwurfs zu einem neuen Gesetzbuch verordnete Commission. Moskau. 1767, 4°, на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ; первый, по времени, переводъ на иностранномъ языкѣ i) То же, Riga und Mittau. 1768, 8°. j) То же, Riga und Mittau. 1769, 8°.

в) на англійскомъ: k) The grand Instructions to the commissioners appointed to frame a new Code of laws. Translated from the original in the russian language, by Mich. Tatischeff. London. 1768, 4°.

г) на голландскомъ: l) Instructien gegeven door Katharina de II. Dieneudo tot conc Handleiding voor de Kommissie, om te arbeiden aan een nieuw Wet-Boek, tn' t Nederduitsch vertaald, door I. van Woensel. Amsterdam. 1769, 8° m) Berigtschrift van Catharina de Twee, de ter nerwaardiging van een ontwerp voor een nieuw Russiesch Wetboek; vertaald door I. G. van Oldenbarnevelt. Delft. 1794, 8°.

д) на итальянскомъ: n) Istruzione alla deputazione sopra il plano di un nuovo Codice di legge. Trasportata dall originale. Pisà. 1796, fol. o) То же, Firenze. 1769, 8° p) То же, s. l. 1790, 8°.

ж) на польскомъ: q) Ordynacya Samowładnej Katarzyny II, Imperatorowej dana, Kommissyi dla ułożenia projektunowéy praw ustawy, teraz zaś w nowum na polski język przelōżeniu, teyże Monarchini przez jednego z wiernych Jey poddanych offiarowana. Warszawa. 1780, 8°.

з) на греческомъ и (русскомъ). r) Εισήγησις Αικατερίνας Β' προς

την ἐπιταχθεῖσαν ἀπιτροπῖαν ἐπὶ τῇ ἐκθέσει τοῦ προβλήματος, ἐνὸς νεαροῦ νομικοῦ κώδικος. Μεταφρασθεῖσα ὑπὸ Εὐγενίου Βουλγάρως Πετροπολῆς. 1770, 8^ο.

и) на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. s) *Instructio coetui, convocato ad conficiendam ideam novi legum codicis, quem ex rossica in latinam linguam convertit Greg. Kozitzki. Petropolis. 1770, 4°*; объ этомъ изданіи см. въ Библиогр. Запискахъ 1861 г., ст. 365—366.

аа) Гр. М. А. Корфъ. Объ изданіяхъ „Наказа“ на иностранныхъ языкахъ, въ „Библиографическихъ отрывкахъ“, Отечеств. Записки 1851 г., т. 96 октябрь; бб) Masson. *Mémoires secrets. Paris. 1802, t. 1*). вв) Дѣтския царствования Екатерины II, Шторха; переводъ съ нѣмецкаго, Г. А. Глинка; ч. 1-я. С.-Пб. 1801; гг) *Annalen der Regierung Katharina der Zweiten. Leipzig. 1798*; dd) *Correspondenza di lettere tra Caterina II e il signore de Voltaire; aggiuntavi... il Saggio sopra la legislazione, oppure l'istrazione per formare un nuovo Codice de leggi. Lugano. 1790*; ес) П. К. Щербальскій. Екатерина II, какъ писательница, въ Зарѣ 1869 г., № 3; жж) *Supplément littéraires dévoilées, Quégar'd'a*; зз) объ изданіяхъ и переводахъ „Наказа“, въ Санктпетербургскихъ Учебныхъ Вѣдомостяхъ, издававшихся П. И. Новиковымъ, въ 1777 году; ии) Лонгиновъ. Новиковъ и московскіе мартинисты. М. 1869, стр. 20; ii) На какомъ языкѣ писанъ „Наказъ“ имп. Екатерины II? ст. М. А. Дмитриева, въ Библиогр. Запискахъ 1859 г., № 4 и Моск. Вѣдомости 1859 г., № 62; кк) Изложеніе началъ уголовного права, по Наказу имп. Екатерины II. Пробная лекція, читанная въ Киевскомъ университетѣ, для полученія званія приватъ-доцента, А. Кнстяковскаго, въ Киевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1864 г., № 10; лл) Наказъ имп. Екатерины о сочиненіи проекта новаго уложенія, Г. Елисеѣва, въ Отеч. Запискахъ 1863 г., № 1; мм) М. Н. Карамзинъ. Истор. похвальное слово Екатерины II. М. 1802; нн) Матеріалы для исторіи Комиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія, въ Русск. Вѣстникѣ 1861 г., № 12.

26) Апофегматъ (россійской), или выпись изъ Наказа, даннаго Комиссіи о составленіи проекта новаго Уложенія, съ приложеніемъ россійской скорописной азбуки. С.-Пб. 1778, 4°. Геннади (Словарь, 1,40); Вакмейстеръ (Russ. Bibl. 5, 326 и 6, 296) указываютъ два изданія въ томъ же году. У Сопикова, № 2004, вѣроятно, ошибочно указано изданіе 1774 г. 27) Наставленія кн. Александру Вяземскому (при запитіи имъ должности генераль-прокурора), въ Библиот. для Чтенія 1859 г., № 11, стр. 1—4. 28) Резолюція на дѣлѣ о казни Аргемія Петровича Волынскаго (1766 г.), въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. Россійскихъ 1858 г., кн. 4, смѣсь; 29) Рѣчь, говоренная ею къ Св. Синоду по случаю отчужденія церковныхъ имуществъ въ Россіи, въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. Россійскихъ 1862 г., № 2, стр. 187—188; 30) Выписки о государствен-

ныхъ учрежденіяхъ, сдѣланныя имп. Екатериною II, съ 1762 по 1769 г. включительно, въ Сборн. Русск. Истор. Общества, т. 2, стр. 275—283.

В. Сочиненія педагогическія и филологическія.

30) Были и небылицы. С.-Пб. 1783.—Позднѣйшее изданіе: Были и небылицы и гражданское начальное ученіе, изд. С. Н. Глинки, съ его предисловіемъ. М. 1832, 8°.

а) Исторія русской словесности, Галяхова; б) Телескопъ 1831 г., ч. 6, отд. 7, стр. 557—558. в) Овъ. Пчела 1852 г., № 29; г) Моск. Телеграфъ 1832 г., ч. 43, стр. 104 — 112; д) Отеч. Записки 1856 г., т. 108, № 10, отд. 2, стр. 43—85, статья Галяхова; е) возраженіе на статью Галяхова, Лайбова (Добролюбова), въ Современникѣ 1856 г., т. 60, № 11, смѣсь; перепеч. въ Соч. Добролюбова, I, 96—103; ж) отвѣтъ Галяхова: „Неудачная апологія“, въ Отеч. Запискахъ 1856 г., т. 109, № 12, отд. 3, стр. 132—139; з) Сочин. Державина, изд. Грота, I, 170—177, 250.

31) Гражданское начальное ученіе I. Росс. азбука. II. Сказка о царевичѣ Хлорѣ. III. Разговоры и рассказы. IV. Записки первой частн. V. Продолженіе начальнаго ученія. VI Сказка о царевичѣ Феѳеѣ. VII. Выборныя росс. пословицы. С.-Пб. 1781 — 1783, 8°; 32) Обидагъ, восточная повѣсть, переведенная Семеномъ Ивановичемъ Великимъ. С.-Пб. 1786, 8° (см. И. И. Ханенко: О нѣмецк. сочиненіи Екатерины II, въ Русск. Архивѣ 1871 г., ст. 1272; Н. И. Гречъ. Записки о моей жизни. С.-Пб. 1896 г., стр. 86 — 87); 33) Сказка о царевичѣ Феѳеѣ. С.-Пб. 1782. Нѣмецкій переводъ: *Das Märchen vom Zarowitsch Fewel, von J. M. d. K. a. R. Berlin und Stettin.* 1784, 8; 34) Сказка о царевичѣ Хлорѣ. С.-Пб. 1782. Французскіе переводы: *Le Tzarewitz Chlore, conte moral, de main Impériale et de maitresse.* Berlin. 1782, 12°; другое изданіе, Berlin et Lausanne. 1782, 8°. Нѣмецкій переводъ: *Das Märchen vom Zarewitsch Chlor, von J. K. M. d. K. a. R. Berlin und Stettin.* 1782, 8° (см. Сочин. Державина, I, 129; 3, 600); 35) Бабушкина азбука, 1784 г., приложение къ „Инструкціи впазю Н. И. Салтыкову“ (см. § 40); частью напечатана въ Исторіи царствованія Александра I, М. Богдановича. С.-Пб. 1869, т. 1 (приложеніе къ „Введенію“, стр. 4 и слѣд.); 36) Правила учащемуся, въ Москвитинѣхъ 1842 года, № 1, стр. 92 — 93; перепечатаны въ Воскресн. Чтенія 1865 г., № 7; 37) Замятка (на экземплярѣ Фенелонова Телемака), въ Р. Архивѣ 1863 г., ст. 938; 38) О видахъ добра, замятка, писанная для графа А. С. Строгонова, въ Р. Архивѣ 1864 г., ст. 587; 39) Инструкція, какъ обращаться съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ, въ Р. Архивѣ

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ПЯТЬДЕСЯТЬ-ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (16-го іюля 1888 года). О принятіи капитала, пожертвованнаго вдовою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Надеждою Мошнниною . . .	16
2. (16-го іюля 1898 года). О подчиненіи женскихъ училищъ Дерптскаго учебнаго округа, имѣющихъ не менѣе 4-хъ классовъ, непосредственному вѣдѣнію попечителя округа	—

Высочайшая грамота.

Нашему тайному совѣтнику ординарному академику Императорской Академіи Наукъ и заслуженному профессору Фёдору Буслаеву . . .	16
---	----

Высочайшія награды	17
-------------------------------------	-----------

Высочайшій приказъ.

(18-го августа 1888 года)	17
-------------------------------------	----

Министерскія распоряженія.

1. (23-го іюля 1888 года). Правила о капиталѣ, пожертвованномъ потомственной почетною гражданкою Марією Фёдоровною Морозовою Императорскому Московскому техническому училищу	3
--	---

2. (25-го іюля 1888 года). Положеніе о преміи имени статскаго совѣтника Давида Гавриловича Кананова при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ за лучшее сочиненіе по армянскому языку . . .	4
3. (26-го іюля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени полковника Михаила Петровича Самойлова при Пермской мужской гимназій . . .	5
4. (28-го іюля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени дворянки Маріи Павловны Макиной при Бюстромской мужской гимназій . . .	6
5. (3-го августа 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Владимира Пятры при Ростовской на Дону мужской гимназій	7
6. (3-го августа 1888 года). Положеніе о стипендіи имени князя Владимира Андреевича Долгорукова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	8
7. (10-го августа 1888 года). Положеніе о стипендіи имени С. М. Соловьена при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	—
8. (24-го августа 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Людвига Эммануиловича Нобели при Вакинскомъ реальномъ училищѣ	18
9. (25-го августа 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Людвига Эммануиловича Нобели при С.-Петербургскомъ 1-мъ реальномъ училищѣ	19
10. (14-го сентября 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Ивана п Варвары Погонать при Таганрогской Маріинской женской гимназій	20
11. (16-го сентября 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Тверскаго губернатора тайнаго совѣтника Аванасія Николаевича Сомова при Тверской Маріинской женской гимназій	21
12. (17-го сентября 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Императрицы Екатерины II при Тульской мужской гимназій	22
13. (21-го сентября 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Валентина Валентиновича Гловачевскаго	23
14. (23-го сентября 1888 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителейъ учебныхъ округовъ по вопросу о пеннѣ въ 10% въ пользу инвалиднаго капитала изъ спеціальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія	24

ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(21-го августа 1888 года)	26
-------------------------------------	----

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Родная рѣчь. Составилъ В. Соколовъ“	9
О книгѣ: „Братіиі учебникъ ботаники. И. П. Бородинъ“	—
О книгѣ: „Nouvelle Chrestomatie française, extraits des meilleurs écrivains en prose et en vers des trois derniers siècles, par Alfred Anspach“	10
О книгѣ: „Manuel de littérature française, par E. Fondet de Montussaint“	—

О книгѣ: „ <i>Juvenalis saturae cum lectionum varietate, commentariis, prooemiis et indice absoluto edidit Darius Naguowski</i> “	10
О книгѣ: „Основанія метрики у древнихъ грековъ и римлянъ. <i>Я. Дежисова</i> “	—
О книгѣ: „ <i>Г. Веркляунгъ</i> . Пособіе къ чтенію и изученію Фэдра“	—
О книгѣ: „Геометрическія задачи. Составили <i>Д. Гуса</i> и <i>А. Му-ролицевъ</i> “	—
О книгѣ: „Всѣды по земледѣлію. <i>В. Ф. Котельникова</i> “	—
О книгѣ: „Учебникъ географіи. Составилъ <i>А. Я. Гердъ</i> . Чч. II—III“	11
О книгѣ: „Иллюстрированная учебная географическая хрестоматія. Составилъ <i>Воронцовъ</i> . Ч. II“	—
О книгѣ: „Сераписъ. Романъ <i>Георга Эберса</i> . Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе редакціи журнала „Наблюдатель“	—
О книгѣ: „Дѣтскія сказки. Разказъ <i>В. П. Аснариуса</i> “	—
О книгѣ: „Учебникъ всеобщей географіи. Составилъ <i>А. Воронцовъ</i> “	—
О книгахъ, составленныхъ <i>В. К. Андриевичемъ</i> : 1) „Историческій очеркъ Сибири“; 2) „Краткій очеркъ исторіи Забайкалья отъ древнѣйшихъ временъ до 1762 г.“	—
О книгѣ: „Материалы для статистики Болгаріи, Фракіи и Македоніи. Составилъ <i>В. Теплоухъ</i> “	—
О брошюрѣ <i>И. А. Чапловича</i> : „О разведеніи хмѣля по проволочной системѣ. Изданіе редакціи журнала „Русскій Начальный Учитель“	84
О книгѣ: „Учебный атласъ древней исторіи“ . Составилъ <i>Н. Поддубный</i> “	35
О книгѣ: „Избранное чтеніе для юношества. Составилъ <i>Левъ Поливановъ</i> “	—
О книгѣ: „ <i>Э. Ваховъ</i> . Сборникъ статей для перевода съ греческаго на русскій и съ русскаго на греческій. Переводъ съ нѣмецкаго <i>Н. Счастливцева</i> “	—
О книгѣ: „Библіотека греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. <i>Кебетъ</i> . Перевелъ <i>В. Алексеевъ</i> “	—

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ для солдатъ и народа: „О подвигахъ русскихъ моряковъ. Разказъ IV. Петропавловскій бой и Камчатская эскадра адмирала Завойко“	12
О книгѣ: „Ов. равноапостольный князь Владимиръ и крещеніе Руси. Составилъ <i>В. Д. Сиповскій</i> “	—
О книгахъ, составленныхъ <i>Ө. Ө. Пуцковичемъ</i> : „Жизнь Господа Иисуса Христа, Спасителя міра“ и 13 брошюръ: 1) „Сотвореніе міра и всемірный потопъ“, 2) „Праотцы-патріархи: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ“, 3) „Іосифъ. Прекрасный“, 4) „Пророкъ Моисей“, 5) „Самсонъ Сильный“, 6) „Соломонъ Мудрый“, 7) „Іудеи“, 8) „Руевъ“, 9) „Іовъ многострада-льный“, 10) „Иисусъ Навинъ“, 11) „Товитъ“, 12) „Есэиръ“, 13) „Святые пророки: Ілія, Елисей, Іона“	35

О книгахъ, изданныхъ учрежденною по Высочайшему повелѣнію министромъ народнаго просвѣщенія комиссіей народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ: 1) „Владимиръ Мономахъ, великій князь Кіевскій, и его завѣщаніе. *И. П. Хрушова*“, 2) „Нашествіе татаръ и князь Михаилъ Тверской“, 3) „Святый благовѣрный великій князь Александръ Невскій. *И. П. Хрушова*“, 4) „Покореніе царства Казанскаго. *В. Лапина*“, 5) Разказы о севастопольцахъ. *А. И. Султанова*“, 6) „А. В. Больдовъ и его пѣсни“, 7) „Отшельникъ. Стихотвореніе *Б. Алмазова*“, 8) „Русскія владѣнія въ средней Азій. *Ю. Колодримова*“. 9) „Ураль. Его природа, обитатели и промышленность *А. Н. Осляникова*“, 10) „О каменномъ углѣ. *И. П. Жиготоскою*“, 11) „Восѣда о флотѣ. *Д. Шимарева*“, 12) „Конецъ Иголкинъ и его подвигъ“, 18) „Мореходъ Никитинъ“ 36

Офіціальныя извѣщенія . . . . . 12 и 36

Открытіе училищъ 37

Объявленія 38

Программы исчитанія въ комиссіи историко-филологической 1

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Н. И. Карѣевъ. „Паденіе Польши“ въ исторической литературѣ (*продолженіе*) 1

Н. П. Некрасовъ. Бъ вопросу о значеніи А. С. Пушкина въ исторіи русскаго литературнаго языка 10

В. Г. Васильевскій. Обзорніе трудовъ по византійской исторіи (*продолженіе*) 98

Ө. И. Успенскій. Наблюденія по сельско-хозяйственной исторіи Византии 229

П. А. Астафьевъ. Опытъ исторіи Библии въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и правами (*продолженіе*) 249

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

О. Ө. Миллеръ. Капитальный трудъ по древне-русской литературѣ 174

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Графъ Федоръ Петровичъ Литке. *В. Изобразова*. С.-Пб. 1888 201

Ө. Г. Мищенко. Сибирскія древности. *А. Лапко-Данилевскаго*. С.-Пб. 1887. 211

И. А. Линниченко. *Г. Семюгов*. Историко-критическія изслѣдованія о новгородскихъ лѣтописяхъ и о русской исторіи В. Н. Татищева. М. 1887. 221

А. И. Соболевскій. Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. *П. В. Владимірова*. С.-Пб. 1888 221

В. Ө. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. В. VI. Тифлисъ. 1880. 332

С. Н. Вранловскій. <i>Мочульскій, В.</i> Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книгѣ. Варшава. 1887	344
Д. И. Вагалъй. <i>Ал. Лазаревскій.</i> Описание старой Малороссіи. К. 1888	356
С. А. Вершадскій. Къ вопросу о сеймикахъ въ Юго-Западной Россіи	369
И. А. Линиченко. <i>Водеповошки, Solidy Bolesława z parizem sławiańskim.</i> Киевъ. 1887	403
Книжныя новости	225 и 406

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

М. Л. Стефановичъ. Берлинская конференція 1873 года и дѣятельность главнаго нѣмецкаго педагогическаго общества по женскому шведскому образованію съ 1872 по 1886 годъ.	17
Наша учебная литература (разборъ 10 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Императорское Общество исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ въ 1887 году	1
Императорская Публичная Библіотека въ 1885 году	23
Къ вопросу объ алфавитѣ для литовско-жмудскихъ книгъ	32
Наши учебныя заведенія: Московскій университетъ въ 1887 году	10
С.-Петербургскій университетъ въ 1887 году	57

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

А. А. Фетъ. Элегія Секста Проперція, кн. IV.	163
И. И. Холоднѣвъ. Къ надписи Сципіона Барбата	221
Л. Ю. Шредеръ. Пчелоторъ и индійцы	1

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Князь Н. Н. Голицынъ. Библиографическій словарь русскихъ писательницъ (<i>продолженіе</i>).	65
---	----

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1-го ОКТЯБРЯ вышла и разослана подписчикамъ X-я книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Графъ Готлобъ-Нуртъ-Генрихъ Тотлебенъ въ 1715—1763 гг. Матеріалы для біографіи. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. — II. Записки Павла Васильевича Чичагова, адмирала и перваго морскаго министра. Гл. XIV. Сообщ. Л. М. Чичаговъ. — III. Повѣсть о самомъ себѣ. Посмертныя записки и дневникъ академ. и проф. Александра Васильевича Никитенко. — IV. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Тверской губернии, 1827 г. Сообщ. В. Колосовъ. — V. Воспоминанія царскосельскаго лицеиста 1832—1838 гг. Сообщ. А. Н. Яхонтовъ. — VI. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма къ Гоголю Смирновой, 1844—1851 гг. Сообщ. В. И. Шенрокъ. — VII. Къ литературной и общественной исторіи 1820—1830 гг. Сообщ. В. Я. Якушкинъ. — VIII. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1801—1873 гг. — IX. Студенческія волненія въ Москвѣ 1861 г. Изъ воспоминаній П. Д. Шостакова. — X. Русскіе въ Румыніи и на Дунаѣ въ 1853 и 1854 гг. Исслѣдов. А. Н. Петрова. — XI. Матеріалы, замѣтки и стихи.: Гр. Сказронскій. — Барклая-де-Толли. — Зданіе главнаго штаба. — В. А. Жуковскій. — Н. А. Некрасовъ. — XII. Библиографическій списокъ.

Приложеніе: Портретъ Готлобъ-Нуртъ-Генриха Тотлебена, рисов. художникъ И. И. Матюшинъ.

Открыта подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1889 г.

Двадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛИНГА, на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора. Въ Москвѣ подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: А. Л. Васильева (Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова), Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха) и Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжн. магазинѣ А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.).

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

Продается у г. Цинзерлинга новая книга: «Альбомъ М. И. Семевскаго, книга автобіографическихъ замѣтокъ 850 современныхъ дѣятелей». Цѣна ДВА руб. съ доставкой. Доходъ отъ этой книги въ пользу бѣдныхъ учащихся въ С.-Пб. городскихъ училищахъ.

Изд.-ред. Мих. Ив. Семевскій.

ИЗДАНИЯ ХУДОЖНИКА АГАФОНА НИКИТИЧА АВНАТОВОА.

(Адресъ: Гончарная улица, д. 8, кв. 13).

Портретъ Государя Императора Александра III, 15 в.×17 в., исполненный олеографіей, ц. 10 руб. съ перес. (овальный).

Тотъ же портретъ, наклеенный на холстъ, съ подрамникомъ и подправленный отъ руки масляными красками, 25 руб. Укладка въ ящики и пересылка по своей цѣнѣ на счетъ заказчика.

Примѣчаніе. Къ этимъ портретамъ золотыя рамы съ короной и украшениями 25 р. и дороже.

Литографированный портретъ въ Бозѣ почившаго Государя Александра II, цѣна 5 р. съ перес.

Тотъ же портретъ, писанный по литографіи масляными красками, цѣна отъ 25 руб.

Упаковка и пересылка по стоимости.

Литографированные портреты: Министра народнаго просвѣщенія И. Д. Делянова. 10×11 вершковъ, ц. 5 руб. съ пересылкой; наклеенные на холстъ на подрамникѣ, писанные масляными красками ц. по 35 р. Къ нимъ золотыя рамы разныхъ цѣнъ.

Принимаются заказы на работы того же художника: Портреты Государя Императора, грудные и во весь ростъ, писанные масляными красками; ц. отъ 300 руб., смотря по величинѣ и работѣ, а также на портреты и другихъ членовъ Царской фамилии.

Портретъ И. Д. Делянова, писанный масляными красками, грудной овальный, 17×15 вершковъ, ц. 100 р., въ золотой рамѣ 130 руб. Пересылка и упаковка по стоимости.

Заказы принимаются у Г. Авнатомова. (С.-Петербургъ, Гончарная ул., д. № 8, кв. 13.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогическія и научныя, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

Preservation photocopying and binding

by

**Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts**

1994

